

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт всеобщей истории Российской академии наук**

На правах рукописи

Ковалев Михаил Владимирович

**РОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ В
СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ 1920-1970-Х ГОДОВ**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени доктора
исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Мирзеханов Велихан Салманханович

Москва, 2024

Оглавление

Введение	4
Глава 1. «Русская акция» чехословацкого правительства и научная жизнь Зарубежной России	80
§ 1. Формирование и развитие российского научного центра в межвоенной Чехословакии	80
§ 2. Российские ученые-эмигранты и чехословацкая высшая школа	134
§ 3. Российские ученые и чехословацкая научно-исследовательская инфраструктура	182
Глава 2. Российские ученые-эмигранты в Чехословакии и славянский мир	234
§ 1. Изучение славянского мира в творчестве российских ученых-эмигрантов	234
§ 2. Съезды Союза русских академических организаций за границей в интерьере славянской науки	281
Глава 3. Институциональные структуры и коммуникативные практики российской эмиграции	332
§ 1. Русский заграничный исторический архив и его интеллектуальные сети	332
§ 2. К истории попыток российско-чехословацкого научного сближения: Русский институт в Праге	402
§ 3. Между Прагой и Бирмингемом: Экономический кабинет С.Н. Прокоповича и Бюро исследований экономического положения России	444
Глава 4. Семинарий (Институт) имени Н.П. Кондакова и мировая наука	468

§ 1. Семинарий (Институт) имени Н.П. Кондакова: наука в вихре политических потрясений	
§ 2. К истории взаимоотношений с советской наукой: кондаковцы и Саратовский университет	528
§ 3. Семинарий (Институт) имени Н.П. Кондакова и его венгерские коллеги	549
§ 4. Заграничные командировки кондаковцев	575
§ 5. Русский египтянин Г.И. Лукьянов и кондаковцы	607
Глава 5. Российские ученые-эмигранты в пространстве социалистической науки (вторая половина 1940-х – 1970-е гг.)	632
§ 1. Из белогвардейцев в коммунисты: ихтиолог Борис Сергеевич Костомаров	632
§ 2. Профессор Антоний Васильевич Флоровский и советские коллеги	670
Заключение	736
Список использованных источников и литературы	740

Введение

В истории российской послереволюционной научной эмиграции Чехословакия сыграла особую и ни с чем не сравнимую роль. Благодаря программе «Русская акция» (*Ruská pomosná akce*), инициированной летом 1921 г. властями республики, тысячи беженцев получили необходимую материальную поддержку. Причем главный упор был сделан на помощь студентам и ученым, которые обрели шанс продолжить работу или учебу за границей. Широкий патронаж со стороны официальных властей и отдельных меценатов предопределил превращение Праги в «русский Оксфорд», складывание там разветвленной эмигрантской интеллектуальной инфраструктуры. В то же время эмигрантское присутствие было заметно не только в столице, но и в регионах. Многие ученые-эмигранты нашли новый дом в Брно, Братиславе, Пльзене и других городах. Таким образом, в Чехословакии сложилось устойчивое эмигрантское научное сообщество. На разных временных отрезках там жили и работали геологи Н.И. и Д.Н. Андрусовы, почвоведы П.В. Отоцкий и Б.Н. Одинцов, экономисты С.Н. Прокопович и П.Б. Струве, историки А.А. Кизеветтер и А.В. Флоровский, историки искусства Н.П. Кондаков и Н.Л. Окунев, философы Н.О. Лосский и Б.В. Яковенко, инженеры А.С. Ломшаков и Г.Г. Кривошеин, биологи М.М. Новиков и В.С. Ильин, лингвисты Л.В. Копецкий и А.В. Исаченко, литературоведы Е.А. Ляцкий и С.Г. Вилинский, социологи П.А. Сорокин и Г.Д. Гурвич, правоведы Д.Д. Гримм и П.И. Новгородцев, экономисты С.Н. Прокопович и А.М. Байков, и многие другие. Принято считать, что эмигрантское научное сообщество в Чехословакии просуществовало до Второй мировой войны. Если смотреть на него только с институциональной точки зрения, то с приведенным утверждением можно согласиться. Но если расширить исследовательский ракурс и посмотреть на историю научной эмиграции сквозь призму судеб конкретных ученых и их творческой деятельности, то хронологические границы раздвинутся вплоть до 1970-

х гг. Именно тогда в социалистической Чехословакии завершатся жизненные пути последних русских ученых, полвека назад волею судеб оказавшихся в молодой славянской республике.

Точные данные о численности русских эмигрантов в Чехословакии в межвоенные годы отсутствуют. Приводимые в научной литературе цифры часто сильно отличаются друг от друга. И дело здесь не только в разных методиках подсчета, но в том, что полные сводные данные о беженцах из России вообще вряд ли существуют. Чешские исследователи попытались определить численность эмигрантов, опираясь на официальные статистические данные. По подсчетам С. Тейхмановой в 1923 г. в стране проживало 23.000 беженцев¹. Максимальной численности русская диаспора достигла к середине 1920-х гг., когда она составляла около 25 тыс. чел.² Впоследствии количество русских в республике начало стремительно сокращаться. В 1926 г. их было уже 17.000 чел., а к 1939 г. – всего 8.000 чел.³

Еще сложнее точно определить количество российских ученых. В.П. Борисов, В.А. Волков и М.В. Куликова выявили 127 персоналий⁴. Цифру эту нельзя признать исчерпывающей. Судя по опубликованным документам, в высших школах одной лишь Праги в 1923 г. работало 100 русских и 17 украинских профессоров⁵. Л.П. Лаптева писала о при-

¹ *Tejchmanová S. Politická činnost ruské a ujrainské emigrace v Československu v letech 1920–1939 // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 1). Praha, 1993. S. 3.*

² *Бубеникова М. Бубеникова М. Проект помощи Чехословацкой республики эмигрантам из Советской России – «Русская акция» // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 3). Praha, 1995. S. 14; Sládek Z. České prostředí a ruská emigrace // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939. Praha, 1999. S. 14. В то же время кажется сильно завышенной цифра российских исследователей. По их мнению, к 1920 г. в Чехословакии проживало 10 тыс. эмигрантов, к середине 1921 г. – 15 тыс., в 1923 г. – 35–50 тыс., в 1925 г. – 30 тыс. (См.: Население России в XX веке. М., 2000. Т. 1. С. 141).*

³ *Tejchmanová S. Politická činnost ruské a ujrainské emigrace v Československu. S. 3.*

⁴ *Борисов В.П., Волков В.А., Куликова М.В. Формирование научного центра российской эмиграции в Чехословакии // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Т. 1. С. 355.*

⁵ *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939) / Sest. Z. Sládek, L. Běloševská. Praha, 1998. S. 38. Однако под словом «профессор» здесь, очевидно, понимался вообще всякий преподаватель, а не только носитель этого звания.*

мерно 300 русских ученых, работавших в Праге в межвоенный период⁶. В этом случае цифра кажется явно завышенной и вообще не совсем понятно, на чем основанной. И. Савицкий, опираясь на данные чешских архивов, в том числе полицейские отчеты, определял максимальную численность русских ученых в Чехословакии примерно в 150 человек⁷.

Трудность подсчетов точного числа русских ученых-эмигрантов и в межвоенной Чехословакии, и в социалистической, объясняется несколько факторами. Численность выходцев из России не была постоянной, она менялась год от года, причем в сторону снижения. Возникает больший вопрос: кого вообще считать русским ученым-эмигрантом?

В современной чешской историографии, и несколько реже в словацкой, применительно к эмигрантам часто используют приставку «из бывшей Российской империи». Делается это для того, чтобы как-то объединить в одну большую социальную группу русских, украинцев, белорусов, армян, калмыков и др. Правда, затем зачастую все равно проводится этническая дифференциация, причем порой совершенно непонятная. Так, в украинцы записывают геолога Н.И. Андрусова⁸. Видимо, потому что в 1861 г. он родился в Одессе. В межвоенной Чехословакии в самом деле сложилась мощная украинская диаспора, которая, наряду с русской создала свою разветвленную сеть научных и культурных учреждений. В реальности же в пестром сообществе эмигрировавших российских ученых этнические, религиозные, культурные, лингвистические идентичности не совпадали. Они не были четко и строго артикулированы, как это было принято в чехословацкой среде⁹. Потому, например, среди украинцев нашлось немало тех,

⁶ Лантева Л.П. Русская академическая эмиграция в Чехословакии в 20–30-х годах XX века // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. М., 1996.. С. 147.

⁷ Савицкий И.П. Специфика Праги как духовного центра эмиграции // *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939*. Praha, 1999. С. 85.

⁸ Franc M. a kol. *Habitus českých vědců 1918–1968: příklad dvou generací*. Praha: Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky, 2021. S. 219.

⁹ Сложные нелинейные конструкторы идентичности – распространенное явление и отнюдь не уникальное, особенно когда речь идет о регионах, исторически находящихся на перекрестках разных культурных традиций и влияний. См. об этом исследования

кто, не порывая со своей культурой, взаимодействовал с русской диаспорой, и мало соприкасался или совсем не соприкасался с диаспорой украинской, не разделяя ее политических ориентиров. Среди них – галичанин-руссофил профессор Д.Н. Вергун. К числу русских ученых относил себя экономист армянин В.Ф. Тотомианц. Историк Е.Ф. Шмурло, правовед С.В. Завадский и почвовед П.В. Отоцкий имели польско-литовские корни, но также идентифицировали себя как русские исследователи. Назовем в этом же ряду еврея социолога Г.Д. Гурвича, швейцарца инженера К.Г. Шиндлера, немца архитектора В.А. Брандта. Показателен пример правоведа Д.Д. Гримма, русского немца, лютеранина, говорившего с близкими дома на родном немецком языке, но считавшим себя русским профессором. Когда в конце 1920-х гг. он переехал из Чехословакии в Эстонию и принял эстонское гражданство, он продолжал ассоциировать себя с русской культурой и даже представлял в парламенте страны русское национальное меньшинство. Таким образом, едва ли не главным критерием для отнесения к числу русских ученых оказывалось следование единому культурному коду, чувство сопричастности к русской культуре, творцами которой выступали представители самых разных народов, населявших Российскую империю. Именно этот критерий применяется в настоящем исследовании при использовании терминов «русский ученый», «русский эмигрант», «русская наука».

Данное уточнение особенно важно, если обратиться к еще одному уровню идентификации – сугубо юридическому, связанному с наличием или отсутствием того или иного гражданства. Покинувшие Родину ученые оказались в статусе граждан несуществующего государства – Российской им-

В.С. Мирзеханова: *Мирзеханов В.С.* Мерцания идентичности // Индивидуальное и коллективное в истории. Саратов: Издательство СГУ, 2004. С. 52–59; *Он же.* Горизонты идентичности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 9 (63). URL: <https://history.jes.su/s207987840002037-9-1/>; *Он же.* Цивилизация и исключенные: идеи и практики дифференциации в колониях в период Интербеллума // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 9 (119). URL: <https://history.jes.su/s207987840022994-2-1/>

перии. Для урегулирования их правового статуса были введены так называемые Нансеновские паспорта, которыми некоторые пользовались на протяжении всей жизни, не желая принимать чужого подданства. Однако среди беженцев было немало тех, кто решился взять чехословацкий паспорт. Как правило, это были представители молодого поколения, кто не надеялся на возвращение на Родину и стремился строить ученую карьеру за рубежом. Получение иностранного паспорта юридически вычеркивало их из числа эмигрантов. Но при этом они почти всегда оставались в культурной орбите Русского мира. После Второй мировой войны появились и иные примеры – ученые русского происхождения, принявшие советское гражданство, но при этом оставшиеся жить и работать в Чехословакии. Если подходить к вопросу чисто юридически, то, например, профессора А.В. Флоровского после 1946 г. нужно причислять к советским историкам. Сам же он всегда называл себя именно русским ученым.

Если вольно использовать терминологию Бенедикта Андерсона, то Западную Россию можно назвать «воображаемым сообществом»¹⁰. Она не имела своих границ, ибо эмигранты были рассеяны по всем странам и континентам. Состав ее населения был необычайно пестрым и социально (от неграмотных казаков до академиков), и политически (от социалистов до фашистов). В то же время она обладала мощными элементами единства, такими как русский язык, общее прошлое, религия, вера в особую культурно-историческую миссию.

В 1990-х гг. наблюдался огромный всплеск интереса к истории российской эмиграции как в самой России, так и за границей. Это вызвало появление широкого круга научных работ. Но эмигрантская тема отнюдь не была исчерпана. Она по-прежнему сохраняет научную значимость и общественный интерес. Такая ситуация объясняется наличием большого поля неизученных вопросов и спорных проблем. Долгое время основное внима-

¹⁰ *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. N. Y., 1991.*

ние исследователей, как российских, так и зарубежных, было сосредоточено на истории политической мысли эмиграции и ее культурном наследии. Несколько меньшее внимание уделялось научной жизни. Специалисты, как правило, констатировали огромный вклад, который внесла эмиграция в мировую науку и сожалели, что свои открытия они сделали вне Родины. Но за этой картиной посмертного триумфа нельзя было увидеть главного – самого эмигрантского научного сообщества, самих ученых-изгнанников, а тем более их истории на фоне международных интеллектуальных взаимодействий. Отчасти эта задача решалась в работах, посвященных отдельным выдающимся ученым-эмигрантам. Однако обобщающей картины развития научной мысли в эмигрантской среде, тем более в контексте развития мировой науки и международных интеллектуальных коммуникаций не появилось.

Петербургская исследовательница О.Р. Демидова обоснованно подчеркивает, что вместе с расширением знаний о Зарубежной России в современной российской науке укоренился ряд мифологем. Одна из них заключается в том, что отрицание прежних идеологических стереотипов привело к формированию новых, произошло «резкое перемещение от абсолютного минуса в восприятии к абсолютному плюсу». С другой стороны, укоренились мифологические представления, родившиеся еще в 1920–1930-е гг. в эмигрантской среде. В результате сложилась «культурная легенда» о русской эмиграции, которая сводит все многообразие феномена к некоей стремящейся к единообразию упрощенной формуле¹¹. Образы эмиграции и эмигрантов эстетизируются и героизируются. Изгнание рассматривается как подвиг во имя русской культуры. Такой подход упрощает понимание феномена Зарубежной России, он вытесняет все остальные смыслы и в значительной степени заслоняет и искажает «бытийственный аспект исто-

¹¹ Демидова О.Р. *Метаморфозы в изгнании: литературный быт русского зарубежья*. СПб., 2003. С. 7–8.

рии диаспоры как жизни внутри свершившейся катастрофы»¹². По этой причине внутренняя жизнь эмигрантского сообщества нередко заслоняет в исследованиях внешнюю, международную, сторону.

Российская научная эмиграция представляет собой чрезвычайно интересный и, по сути, безграничный объект для изучения. Несмотря на значительный интерес исследователей к ней, мы легко увидим в ее истории немало белых пятен и малоизученных тем. К их числу вполне можно отнести вопрос об интеллектуальных коммуникациях. Поскольку наука всегда выступает как пространство взаимодействия, то из этого вытекает важность изучения ее коммуникативного аспекта.

Научные коммуникации могут иметь различные проявления, отражая в себе особенности межличностного и группового взаимодействия отдельных ученых и научных школ, научных организаций. Как подчеркивал Питер Бёрк, изгнанникам удается выжить в чужой среде, сочетать различные культурные элементы и в конечном итоге обретать новые идеи¹³. Конечно, с этим утверждением можно и нужно спорить, учитывая уникальность различных исторических примеров. В то же время нельзя не согласиться с мыслью, что эмигрант так или иначе втягивается в новые коммуникативные поля. Таким образом, и российская научная эмиграция в Чехословакии неминуемо оказалась втянута в систему научных взаимодействий, которые при этом не ограничивались пространством этой славянской страны. Зарубежная Россия не была закрыта от внешних взаимодействий. Российские ученые, оказавшиеся на чужбине, были участниками многослойных интеллектуальных взаимодействий мирового масштаба. Интербеллум был сложным и противоречивым периодом в истории международных научных связей, когда национальные и интернациональные тенденции находились в состоянии острой конкуренции. Во многом это было наследие Первой ми-

¹² Там же. С. 8.

¹³ См.: *Burke P.* Exiles and Expatriates in the History of Knowledge, 1500–2000. Waltham, MA, 2017.

ровой войны¹⁴. Однако за неопределенностью и нестабильностью 1920–1930-х гг. последовала катастрофа Второй мировой войны, а после нее – драма войны Холодной. Ученые разных стран мира вновь были вынуждены реагировать на эти внешние обстоятельства и переживать очередные трансформации.

Научная актуальность исследования связана с формированием и развитием новых междисциплинарных парадигм. Происходящий поворот от традиционных исследований, нацеленных на систематизацию и классификацию «учений» и «идей», к реконструкции конкретно-исторического контекста развития мысли повышает интерес к изучению конкретных жизненных стратегий ученых, в том числе их коммуникативных практик. Возникает потребность обрисовать многомерный, социально и антропологически нагруженный образ интеллектуальной деятельности. Комплексное изучение транснациональных взаимодействий между разными странами сквозь призму интеллектуальных трансферов в границах долгого времени встречаются нечасто.

В последнее время в науковедческой литературе все чаще пытаются осмыслить сложные способы циркуляции знаний между различными частями света в условиях глубоких исторических трансформаций (мировые войны, революции, социально-экономические кризисы и др.). Наряду с этим новейшие историографические тенденции показывают интерес к вопросам трансляции знаний и идей в Центральной и Восточной Европе. Взаимодействие между русскими учеными-эмигрантами и их зарубежными, в том числе чехословацкими, коллегами является прекрасным примером для тщательного изучения разнообразных транснациональных каналов обмена знаниями. Причем речь идет не только о сугубо интеллектуальных взаимодействиях, но о множественных практиках взаимодействий.

Историография проблемы. Истории российской научной эмиграции посвящено огромное число работ, настолько большое, что эта тема могла

¹⁴ Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки, 1912–1923. СПб., 2021.

бы стать предметом отдельного диссертационного исследования. Устойчивый интерес можно объяснить многими причинами, в том числе осознанием уникальности феномена российского научного Зарубежья в ретроспективе XX в. Широкий круг исследовательской литературы сложился и вокруг российской научной эмиграции в Чехословакии.

Первые работы о российском научном сообществе в этой стране появились еще в 1920–1930-е гг. и принадлежали перу самих эмигрантов. Краткие, но при этом очень емкие, обзоры эмигрантской научной литературы и основных направлений исследований были написаны историками А.В. Флоровским¹⁵, А.А. Кизеветтером¹⁶, И.И. Гапановичем¹⁷, зоологом М.М. Новиковым¹⁸, медиком Ф.Ф. Никишиным¹⁹, механиком и теплотехником Г.Н. Пио-Ульским²⁰. Достоинством названных работ является попытка вписать эмигрантскую науку в общемировой контекст и одновременно показать ее связь с российскими интеллектуальными традициями. В то же время нельзя не признать, что эти публикации носят описательный и

¹⁵ Флоровский А.В. Русские историки-эмигранты в Праге // Русские в Праге: 1918–1928 гг. Прага, 1928. С.262–268; *Он же*. Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930) // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. София, 1931. Ч. 1. С. 467–484; *Florovskij A.V.* La littérature historique russe émigration. Compte-rendu 1921–1926. // Bulletin d'Information des Sciences Historiques en Europe Orientale. Varsovie, 1928. Т. I/1/2. P. 81–121; *Eadem*. La littérature historique russe émigration. Compte-rendu 1927–1929 // Bulletin d'Information des Sciences Historiques en Europe Orientale. Varsovie, 1930. Т. III/1/2. P. 25–79.

¹⁶ Кизеветтер А.А. История русская и всеобщая // Русская зарубежная книга. Ч. 1. Прага, 1924. С. 66–94; *Kizevetter A.* Histoire de Russie: Travaux des savants russes émigrés (1918–1928) // Revue Historique. Paris, 1930. Т. 143. № 1. P. 160–183.

¹⁷ *Gapanovich J.J.* Russian Historiography outside Russia: An Introduction to the Study. Peiping: Fada Printing and Publishing Co, 1935. 188 p.

¹⁸ Новиков М.М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Прага, 1935; *Novikov M.M.* Organizační činnost ruských učenců v ČSR // Записки Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета. Прага, 1938. Т. VIII (XIII). № 51. S. 47–52. См. русский перевод последней статьи, сопровождаемый научными комментариями, в приложении к публикации: *Ковалев М.В.* М.М. Новиков об эмигрантской научной жизни в Чехословакии // Архив истории науки и техники. Вып. VI (XV). М., 2018. С. 418–436.

¹⁹ *Nikišim F.F.* 15 let vědecké činnosti ruských učenců v ČSR // Записки Русского научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете. 1938. Т. VIII (XIII). № 52. С. 53–54.

²⁰ *Пио-Ульский Г.Н.* Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939.

библиографический характер. В защиту авторов следует сказать, что сами они прекрасно понимали и подчеркивали трудность аналитического осмысления еще не завершенных процессов, ведь научная работа русских ученых за рубежом являлась для них не историческим феноменом, а частью их собственных биографий, переживаемых здесь и сейчас.

Попытки рефлексии собственного прошлого предпринимались русскими эмигрантами в 1950–1970-е гг. Это отразилось не только в написании мемуаров, о которых будет специально сказано в обзоре источников, но также в идее проекта «Золотой книги эмиграции», оставшегося, к сожалению, не реализованным²¹, в деятельности жившего в Болгарии библиографа князя Андрея Павловича Мещерского (1915–1992), который собирал сведения о творческом наследии эмиграции²². В 1971–1973 гг. вышли две части труда «Зарубежная Россия» Петра Евграфовича Ковалевского (1901–1978), в которых делалась попытка обобщить вклад российской эмиграции в мировую науку и культуру²³. Это издание справочного, а не аналитического характера, но оно имеет не только мемориальную, но и практическую значимость. Чехословакии вполне естественно отведено в нем важное место.

В советской историографии о российской послереволюционной научной эмиграции долгое время можно было писать лишь в обличительном

²¹ Ульянкина Т.И. Об истории издания «Золотой книги российской эмиграции» // Издательское дело русского зарубежья (XIX–XX вв.). М.: Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, 2017. С. 329–340; Она же. Трансатлантический диалог участников проекта «Золотая книга русской эмиграции» – представителей рода Толстых // Вопросы истории естествознания и техники 2021. Т. 42. № 3 С. 443–465; Она же. История завершающего этапа передачи материалов «Золотой книги русской эмиграции» из Парижа в Нью-Йорк (1969–1971) // Вопросы истории естествознания и техники. 2023. Т. 44. №1. С. 37–55.

²² См.: Галчева Т.Н., Ковалев М.В. «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А.П. Мещерского с А.В. Флоровским (1956–1967) // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. С. 84–99

²³ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Paris: Librairie des cinq continents, 1971. 347 с.; Он же. Зарубежная Россия: Дополнительный выпуск. Paris: Librairie des cinq continents, 1973. 147 с.

ключе²⁴. Причем степень обличительности не была постоянной и имела свою зависимость от внутри- и внешнеполитического фона. Так, начало Холодной войны совпало с агрессивной кампанией против Г.В. Вернадского, развернутой в советской научной периодике²⁵.

Первые попытки обращения к творческому наследию российской эмиграции были предприняты на волне хрущевской Оттепели. Тогда же в СССР были опубликованы первые мемуары эмигрантов. В 1961 г. Бернгард Борисович Кафенгауз (1894–1969) подготовил обзор документов из личного архива Е.Ф. Шмурло, который после Второй мировой войны в составе коллекции Русского заграничного исторического архива был вывезен в СССР²⁶. При этом он, вполне естественно, не затрагивал политических сюжетов из биографии фондообразователя, лишь упомянув, что тот умер в 1934 г. в Праге. В 1960-х гг. появились работы Людмилы Павловны Лаптевой (1926–2016) о В.А. Францеве²⁷. Это были первые в СССР исследования о жизни и творчестве ученого-эмигранта. Однако общую историографическую ситуацию по-прежнему определяли тенденциозные рабо-

²⁴ См. типичный пример подобной работы: *Луцпол И.К.* Об отношении советских ученых к ученым эмиграции // *Научный работник.* 1928. № 12. С. 13–22.

²⁵ *Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. С. 3–5, 104–105.

²⁶ *Кафенгауз Б.Б.* Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России // *Международные связи России до XVII в.* М., 1961. С. 533–540.

²⁷ *Лаптева Л.П.* В.А. Францев. По материалам его литературного наследия // *Sborník Národního muzea v Praze. Řada C. Literární historie.* 1965. Roč. 10. Č. 1. S. 1–30; *Она же.* В.А. Францев как историк славянства // *Славянская историография.* М., 1966. С. 204–246; *Она же.* В.А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii.* 1966. Roč. 35. Č. 1. S. 79–95. Уже в 1990–2000-е гг. Л.П. Лаптева опубликовала немало ценных работ о русской эмиграции: *Лаптева Л.П.* Русский историк-эмигрант А.В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // *Вестник МГУ. Сер. 8. История.* 1994. № 1. С. 55–63; *Она же.* Русская академическая эмиграция в Чехословакии в 20–30-х годах XX века. С. 146–162; *Она же.* Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – первой четверти XX в. По данным переписки ученых // *Новая и новейшая история.* 2016. № 1. С. 68–93; *Она же.* Владимир Андреевич Францев (1867–1942) – русский исследователь межславянских научных связей в XIX веке // *Новая и новейшая история.* 2016. № 3. С. 146–165 и др.

ты Владимира Васильевича Комина (1920–1997), Сергея Алексеевича Федюкина (1921–1987) и др.²⁸

Отход от прежних оценок русской эмиграции наметился в исследованиях Леонида Константиновича Шкаренкова (1921–1999). На протяжении 1980-х гг. его книга «Агония белой эмиграции» выдержала три издания, каждый раз заметно дополняясь и постепенно высвобождаясь от идеологических догм²⁹. Л.К. Шкаренков увлекся эмигрантской темой еще в 1960-е гг., когда работал сотрудником редакции журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге, и имел возможность заниматься в чехословацких архивах и библиотеках³⁰. Он был одним из первых историков, кто получил широкий доступ к коллекциям Русского заграничного исторического архива, хранившимся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Конечно, его книга носит отпечаток времени и не лишена идеологических штампов, но она до сих пор не потеряла своего научного значения.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. интерес к истории русской эмиграции усилился. Появилось множество разных по своему качеству исследований. В 1992 г. посмертно издана неоконченная монография Владимира Терентьевича Пашуто (1918–1983) «Русские историки-эмигранты в Европе», которую он писал на протяжении 1960–1970-х гг. Одна из ее глав посвящена «русской Праге»³¹. В.Т. Пашуто был и остается одним из тех немногих ученых, попытавшихся комплексно исследовать историографическое

²⁸ См.: *Комин В.В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; *Он же.* Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; *Он же.* Белая эмиграция и вторая мировая война. Калинин, 1979; *Федюкин С.А.* Борьба Коммунистической партии с буржуазной идеологией в первые годы НЭПа. М., 1977; *Он же.* Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу. М., 1977; *Он же.* Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции. М., 1984.

²⁹ См.: *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1981. 1-е изд., 1986. 2-е изд., 1987. 3-е изд.

³⁰ *Игрицкий Ю.И.* Леонид Константинович Шкаренков // ФБОН-ИНИОН. Воспоминания и портреты. Вып. 1. М.: ИНИОН, 2011. С. 192–194.

³¹ *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 32–78.

наследие русской эмиграции. Этому способствовал факт его знакомств – личных или по переписке – с русскими учеными, жившим и работавшими за границей. По многим критериям его книга остается полезной и сегодня³². Однако при современном уровне развития исторического познания ее нельзя воспринимать некритически. В.Т. Пашуто оставался человеком своего времени. Он не смог освободиться от «разоблачительного подхода», но одновременно признавал значение эмигрантского научного наследия³³.

В 1985 г. появилась монография Ирины Леонидовны Кызласовой о научном наследии Н.П. Кондакова. В ней впервые подробно, насколько позволяли на тот момент выявленные источники, была обрисована последний этап жизни выдающегося ученого – его жизнь в эмиграции в Болгарии и Чехословакии³⁴. И.Л. Кызласова стала ведущим специалистом по кондаковской проблематике, без ее исследований уже невозможно представить изучение российской научной эмиграции в Чехословакии³⁵. Появление работ И.Л. Кызласовой совпало с началом коренной переоценки истории российской эмиграции в отечественной историографии. Рубеж 1980–1990-х гг. был отмечен взрывным интересом к этой теме, появлением множества научно-популярных и академических работ, и одновременно – институционализацией эмигрантоведческих исследований. Начался процесс духовного возвращения эмигрантского наследия на Родину. Закономерно, что в 1990 г. вышло сразу две книги о выдающемся геологе Н.И. Андрусове, окончившем свою жизнь в эмиграции в Праге. Автор первой – Ольгерд

³² По словам Н.Н. Болховитинова книга В.Т. Пашуто «сохранила познавательную ценность для всех, кто занимается русской эмиграцией» (*Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты* (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. С. 6), и с такой оценкой нельзя не согласиться.

³³ *Цетилова В.И.* Историческая наука русского зарубежья в оценке современных исследователей // Известия Уральского государственного университета. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2003. Вып. 14. № 27. С. 154.

³⁴ *Кызласова И.Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России: (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). М., 1985.

³⁵ *Кызласова И.Л.* Академик Н.П. Кондаков: традиция и научный поиск // *Byzantinoslavica*. 1985. Т. 46. № 2. S. 168–182; *Она же.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. По материалам архивов. М., 2000; *Она же.* Академик Н.П. Кондаков: поиски и свершения. СПб., 2019.

Леонардович Эйно́р³⁶, второй – Валентин Иванович Оноприенко³⁷. В.И. Оноприенко стал главным специалистом в изучении андрусовского научного наследия, а упомянутая книга была переиздана в дополненной редакции³⁸.

Особое место занимают работы Елены Владимировны Чиняевой, которая в 1990 г. защитила в Московском государственном университете кандидатскую диссертацию о Т. Масарике³⁹, затем уехала для продолжения образования в Великобританию, где занялась изучением российской эмиграции в Чехословакии. Впоследствии Е.В. Чиняева вернулась в Россию, где стала работать в сфере журналистики. В 1990-е гг. она опубликовала ряд ценных работ⁴⁰. В своих исследованиях Е.В. Чиняева в числе первых обратила внимание на необходимость изучения русской диаспоры в контексте чехословацкой истории. Поэтому она отвела столь много места исследованию непростых контактов русских эмигрантов с чехословацким обществом, политической борьбе в Чехословакии вокруг «русского вопроса», проблемам межкультурного диалога.

В 1990-е гг. проблемам науки Зарубежной России, в том числе в Чехословакии, были посвящены работы Маргариты Георгиевны Вандалков-

³⁶ *Эйно́р О.Л.* Николай Иванович Андрусов. Киев, 1990.

³⁷ *Оноприенко В.И.* Николай Иванович Андрусов, 1861–1924. М., 1990.

³⁸ *Оноприенко В.И.* Николай Андрусов: сдвиг истории и излом судьбы // Российские ученые и инженеры в эмиграции / Под ред. *В.П. Борисова*. М., 1993. С. 83–92; *Он же*. Академик Н.И. Андрусов и его семья в эмиграции (Париж, Прага, Братислава): от ностальгии к адаптации // Нансеновские чтения – 2019 / Науч. ред. *В.Ю. Черняев*. СПб., 2020. С. 365–378; *Он же*. Николай Иванович Андрусов, 1861–1924. Изд. 2-е, доп., перераб. Киев, 2013.

³⁹ *Чиняева Е.В.* Программа и общественно-политическая деятельность Т.Г. Масарика и Чешской народной партии (реалистов) 1900–1914 гг. Дис. ... канд. истор. наук. М., 1990.

⁴⁰ *Chinyaeva E.* Ruská emigrace v Československu: vývoj ruské pomocné akce // *Slovanský přehled*. 1993. Roč. 79. Č. 1. S. 14–24; *Eadem*. Russian émigrés and Czechoslovak society: uneasy relations // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945* (Sborník studií – 2). Praha, 1994. S. 46–64; *Eadem*. Russian emigration: in search for identity. (The example of the Russian émigré community in Czechoslovakia) // *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами*. Praha, 1995. Т. 1. Р. 54–65; *Eadem*. *Russians outside Russia: the Émigré Community in Czechoslovakia, 1918–1938*. München, 2001.

ской⁴¹, Юрия Николаевича Емельянова⁴², Марины Анатольевны Шпаковской⁴³, Александра Васильевича Антощенко⁴⁴, Николая Николаевича Болховитинова⁴⁵, Веры Ивановны Цепиловой⁴⁶ и многих других. Именно в 1990-е гг. началось систематическое изучение творческого наследия и научных биографий не только ученых-гуманитариев, но и представителей иных областей знаний.

Важное значение имеют исследования Марины Юрьевны Сорокиной, которая не только обратилась к биографиям отдельных русских ученых, связанных с Чехословакией, но осветила сюжеты, связанные с положением эмиграции в европейском интеллектуальном пространстве, инициировала создание важных биографических сборников⁴⁷. Социальная история эмигрантской науки нашла отражение в трудах омского историка Валентины Юрьевны Волошиной. В частности, ею впервые в отечественной историографии были изучены такие важные сюжеты, как роль семьи в адаптации

⁴¹ *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милуков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; *Она же.* Историческая наука российской эмиграции в Европе в 20–30-е гг.: (Основные центры, направления, проблемы) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. М., 1994. Т. 1. С. 71–79; *Она же.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997 и др.

⁴² *Емельянов Ю.Н.* С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998; *Он же.* Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М., 2008.

⁴³ *Шпаковская М.А.* А.А. Кизеветтер в российской историографии М., 2003.

⁴⁴ *Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003.

⁴⁵ *Болховитинов Н.Н.* Теория евразийства и многотомная история России Г.В. Вернадского // *Scripta Gregoriana: Сборник в честь 70-летия академика Г.М. Бонгард-Левина.* М., 2003. С. 374–383.

⁴⁶ *Цепилова В.И.* Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург, 2005.

⁴⁷ *Сорокина М.Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001. С. 330–347; *Она же.* Прага в судьбе семьи Вернадских // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii.* 2011. Roč. 80. Č. 2–3. S. 223–232; *Она же.* Славист Петр Богатырев (1893–1971): между Россией и Чехословакией // Культурный слой: Материалы международной научно-практической конференции «П Зверевские чтения – культурный слой города: исторический, археологический, этнографический аспекты». Воронеж, 2021. С. 77–83; *Она же.* Петр Богатырев и brave солдат Швейк: эпизоды нелитературной биографии // Право на имя. Биографика XX века: Десять чтений памяти Вениамина Иофе, 20–22 апреля 2021. Сборник докладов. СПб., 2022. С. 111–119; *Сорокина М.Ю., Стоюхина Н.Ю.* К биографии историка Николая Петровича Толля (1894–1985): новые архивные данные // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М., 2014. С. 209–220

за рубежом, динамики социальных статусов и пр.⁴⁸ Ей же поставлены важные вопросы о коммуникативных площадках и коммуникативных полях российской научной эмиграции⁴⁹. В.Ю. Волошина в творческом сотрудничестве с Валентиной Павловной Корзун, Викторией Сергеевной Груздинской и Дмитрием Михайловичем Колеватовым подготовила ценные исследования, важные для осмысления научных коммуникаций российской эмиграции как с учеными из зарубежных стран, так и с коллегами из Советской России⁵⁰.

Работы профессора Брянского государственного университета Сергея Ивановича Михальченко и членов его научной группы связаны с двумя важными направлениями: анализом историко-правовой мысли среди русских ученых-эмигрантов в Чехословакии, а также с исследованием неопубликованного мемуарного и эпистолярного наследия эмигрантов. С.И. Михальченко проделана колоссальная работа по введению в научный

⁴⁸ *Волошина В.Ю.* «Мы с тобой одной крови»: межличностные взаимоотношения как фактор психологической адаптации ученых в эмиграции // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2005. Вып. 1. С. 259–272; *Она же.* Историк Борис Алексеевич Евреинов и его семья в эмиграции // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2007. Вып. 3. С. 244–258; *Она же.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «социальной истории». Омск, 2010; *Она же.* Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М., 2013.

⁴⁹ *Волошин В.Ю.* Институциональное пространство научных коммуникаций историков Русского Зарубежья в 1920–1930-е гг. // Всеобщая история и историческая наука в XX–начале XXI века: Материалы II Международной научно-образовательной конференции. Т. 1. Казань, 2020. С. 104–108; *Она же.* Коммуникативное поле эмигрантского научного сообщества историков в 1920–1930-е гг. // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания: сборник статей и сообщений / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань, 2021. С. 270–275; *Она же.* Съезды русских академических организаций за границей о проблемах сохранения исторической памяти российской диаспоры // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 2 (100). URL: <https://history.jes.su/s207987840014158-2-1/>

⁵⁰ *Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П.* Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е годы). Омск, 2021; *Корзун В.П., Волошина В.Ю.* Советские и эмигрантские историки в оценке П.Н. Милюкова (1920 – 1940-е гг.): особенности корпоративной памяти // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2020. Т. 7. № 1 (25). С. 81–89; *Волошина В.Ю., Корзун В.П.* Шесть на пять: советские и эмигрантские историки на VII Международном конгрессе исторических наук // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2023. № 1 (33). С. 139–155.

оборот новых источников из зарубежных архивов, прежде всего из Словении и Чехии⁵¹.

Значительная работа в изучении российской эмиграции в Чехословацкой республике, начиная с 1990-х гг., ведется сотрудниками Института славяноведения и балканистики РАН. Существенный вклад в изучение культурной и научной жизни русских ученых в Чехословакии внес Леонид Сергеевич Кишкин⁵². В середине 1990-х гг. появились обобщающие труды Елены Павловны Серапионовой по истории русской диаспоры в Чехословакии⁵³. Впоследствии она продолжила свои исследования и сегодня по праву является лидером в изучении истории российской эмиграции в Че-

⁵¹ Михальченко С.В. Фонд Русского юридического факультета в Праге в Государственном архиве Российской Федерации // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 185–196; Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Академическая жизнь Русского Зарубежья по мемуарам и переписке эмиграции. М., 2018; Михальченко С.И., Ткаченко Е.В., Устинова Ю.Н. История русского права в высших учебных заведениях эмиграции в Праге и Берлине в 1920-е гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 4 (54). С. 88–94; Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Письма М.В. Шахматова М. Мурко (из собрания Литературного архива Музея чешской литературы) // Studia internationalia: Западный регион России в международных отношениях X–XX вв. Материалы X международной научной конференции. Брянск, 2022. С. 208–213; Михальченко С.И., Пчеленок А.В. Письма А.В. Соловьева А.В. Флоровскому (из собрания Архива Российской академии наук) // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2022. Т. 9. № 4 (36). С. 241–255; Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Подготовка кадров по истории русского права в Русском Зарубежье (1920–1930-е годы): Харбин и Прага // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 4. С. 62–72; Михальченко С.И. Материалы русских профессоров-правоведов 1920 – 1940-х гг. в Историческом архиве Субботицы // Пічэтаўскія чытанні – 2023: інстытуцыянальныя змены ў гуманітарнай сферы як адлюстраванне палітычных і эканамічных працэсаў. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю аднаўлення работы БДУ на станцыі Сходня і 145-годдзю з дня нараджэння У.І. Пічэты. Мінск, 2023. С. 21–25; Михальченко С.И., Ткаченко Е.В., Устинова Ю.Н. Историки права Русского Зарубежья 1920 – 1930-х годов // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 2. С. 430–448 и др.

⁵² Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920 – 1930-е годы) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 17–26; Он же. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4. С. 3–10; Он же. Русская эмиграция в Праге: празднование «Дня русской культуры» // Славяноведение. 2000. № 4. С. 33–38 и др.

⁵³ Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995; Она же. Российские эмигранты в Чехословакии в межвоенные годы // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 124–133.

хословакии⁵⁴. В частности, на основе впервые введенных в научный оборот материалов ей удалось рассмотреть роль К. Крамаржа в поддержке российских беженцев. Важнейшие исследования по истории российской гуманитарной науки в Чехословакии и связанных с ней славянских странах принадлежат Марине Юрьевне Досталь, Елене Петровне Аксеновой, Виктору Ивановичу Косику, Андрею Николаевичу Горяинову, Леониду Ефремовичу Горизонтову, Михаилу Андреевичу Робинсону⁵⁵. Книга М.А. Робинсона «Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов)» является, пожалуй, первой комплекс-

⁵⁴ *Сератионова Е.П.* Пражский Земгор и его деятельность // Записки Русской академической группы в США. New York, 2001. Т. XXXI. С. 186–195; *Она же.* Т. Г. Масарик, К. П. Крамарж и русская эмиграция // Славяноведение. 2003. № 4. С. 60–66; *Она же.* Отношения Пражского и Парижского Земско-городских комитетов // *Cahiers du Monde Russe.* 2005. Vol. 46. № 4. Р. 797–816; *Она же.* Правовое положение русских беженцев в Чехословакии // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 140–152; *Она же.* Русские в Чехословакии в 1920–1930-е гг. (Проблема сохранения национальной идентичности) // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы вторая половина XIX – первая половина XX в. М., 2009. С. 188–207; *Она же.* Бюллетени Пражского Земгора как источник о жизни русской эмиграции в ЧСР на рубеже 1920–1930-х гг. // Периодическая печать российской эмиграции, 1920–2000. Сборник статей. М., 2009. С. 182–193; *Она же.* Русские в Чехословакии в 1920–1930-е гг. (Проблема сохранения национальной идентичности) // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М., 2009. С. 188–206 и мн. др.

⁵⁵ *Досталь М.Ю.* Печатные источники для изучения славистики русского зарубежья (Чехословацкий славистический центр) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX в. М., 1992. С. 38–52; *Робинсон М.А., Досталь М.Ю.* Переписка Р. О. Якобсона и П.Г. Богатырева // Славяноведение. 1994. № 4. С. 69–91; *Досталь М.Ю.* П.Г. Богатырев в Чехословакии в 1920–1930-е годы // Там же. 1998. № 4. С. 31–42; *Аксенова Е.П.* Записка А.В. Флоровского 1938 г. «Славянскому институту в Праге» // Славяноведение. 2002. № 4. С. 65–67; *Аксенова Е.П., Горяинов А.Н.* Русская научная эмиграция 1920–1930-х годов: по переписке М.Г. Попруженко и А.В. Флоровского // Славяноведение. 1999. № 4. С. 3–15; *Горяинов А.Н.* В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. 320 с.; *Горизонтов Л.Е.* Евразийство, 1921–1931 гг.: взгляд изнутри // Славяноведение. 1992. № 4. С. 86–105; *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде: 1920–1950-е годы. М., 2006. Ч. 1; *Он же.* Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М., 2008; *Робинсон М.А.* Первый Международный съезд славистов: несбывшиеся надежды, обмен мнениями ведущих русских славистов до и после съезда // Письменность, литература, фольклор славянских народов и история славистики. XV Международный съезд славистов (Минск, август 2013 г.). Доклады российской делегации. М., 2013. С. 589–607 и др.

ной попыткой изучения научных коммуникаций отечественных славяноведов, представлявших две России – Советскую и Зарубежную⁵⁶.

Еще одним важнейшим центром исследования российской научной эмиграции стал Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН. Необходимо особо отметить исследования Татьяны Ивановны Ульянкиной, которая невероятно много сделала для изучения биографии зоолога М.М. Новикова, а также его интеллектуального окружения⁵⁷. Ей же принадлежит уникальная работа о судьбах российской эмиграции в Европе после Второй мировой войны⁵⁸. Историк астрономии Константин Владимирович Иванов впервые ввел в научный оборот мемуары именитого русского астронома В.В. Стратонова, изучил его жизнь и деятельность в годы эмиграции в Чехословакии⁵⁹. Вектор исследований сотрудников Института был в большей степени ориентирован на страны Западной Европы и Северную Америку. При этом им удалось хорошо пока-

⁵⁶ Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917–начало 1930-х годов). М., 2004.

⁵⁷ Ульянкина Т.И. К биографии ректора Московского университета профессора М.М. Новикова: события 1917–1922 гг. // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 1. С. 65–84; Она же. Михаил Михайлович Новиков, 1876–1964. М., 2015; Она же. Российские ученые-эмигранты в Швейцарии: участие в праздновании 400-летнего юбилея Лозаннского университета и Дней русской культуры (Швейцария, 4–8 июня 1937 г.) // XXVII Годичная научная международная конференция Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М., 2021. С. 57–64 и др.

⁵⁸ Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса...»: судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010.

⁵⁹ Иванов К.В. Воспоминания В.В. Стратонова: конфабуляции, искажения и диспозитивы // История науки: источники, памятники, наследие: третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 150-летию со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945). Материалы международной научной конференции. М., 2019. С. 394–398; Он же. Воспоминания русско-чешского астронома В.В. Стратонова // История науки и техники. Музейное дело. Вып. 12: Периодическая таблица технологий: человеческий фактор. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 162–163; Он же. Астроном Всеволод Викторович Стратонов (1869 – 1938). Причины и последствия эмиграции // XXVII Годичная научная международная конференция Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М., 2021. С. 209–212.

зять транснациональность интеллектуальных обменов и место в них российских ученых-эмигрантов⁶⁰.

При рассмотрении современной историографии российской научной эмиграции, нельзя не заметить, что выстраивается она по преимуществу вокруг знаковых фигур. При этом обобщающих и комплексных трудов явно недостаточно. Это хорошо прослеживается и на уровне диссертационных исследований, посвященных какому-либо видному эмигрантскому ученому. Так появились работы о В.А. Мякотине, Г.В. Вернадском, С.Г. Пушкареве, Н.П. Кондакове, Е.Ф. Шмурло, П.Н. Милюкове⁶¹. Научная ценность современных диссертаций неравнозначна. Среди них имеются как глубокие исследования (такие, к примеру, как диссертация Н.Е. Соничевой о Г.В. Вернадском или Я.В. Боже о Е.Ф. Шмурло), так и поверхностные компиляции. Особняком стоит историография евразийства, о котором на сегодняшний день написано чрезвычайно много, но часто

⁶⁰ Российские ученые и инженеры в эмиграции / Под ред. В.П. Борисова. М.: ПО «Перспектива», 1993; *Борисов В.П.* Карьера Джорджа Кистяковского в Гарварде, Лос-Аламосе и Белом Доме // *Российская научная эмиграция. Двадцать портретов* / Под ред. Г.М. Бонгарда-Левина и В.Е. Захарова. М., 2001. 165–175; *Он же.* Достижения и злоключения «русского американца» Владимира Зворыкина. 2013. Т. 83. № 2. С. 143–156; *Михеев В.Р.* Русская авиационная эмиграция в Америке // *Вопросы истории.* 1997. № 5. С. 134–138; *Фандо Р.А.* Народные университеты – культурно-образовательные центры русской эмиграции «первой волны» // *Преподаватель XXI век.* 2019. № 3. Ч. 1. С. 32–45; *Он же.* Российская научная эмиграция первой волны в Соединенных Штатах Америки // *Всеобщая история.* 2019. № 3. С. 32–45; *Он же.* Забытые имена русской эмиграции. Ефим Михайлович Чепурковский (1871–1950) // *История науки и техники.* 2020. № 1. С. 18–27; *Он же.* Советское-французские научные связи (1920 – 1930-е гг.). М., 2023. С. 163–176 и др.

⁶¹ *Соничева Н.Е.* Становление и развитие исторической концепции Г.В. Вернадского. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Иогансон Е.Н.* В.А. Мякотин: историк и политик. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Александров С.А.* Общественно-политическая деятельность П.Н. Милюкова в эмиграции (20-е годы). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; *Винокурова Н.А.* Н.П. Кондаков: жизнь и судьба российского ученого. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; *Бондарь А.Ю.* Общественно-политические взгляды и деятельность Г.В. Вернадского. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Семякина О.Н.* История России в творчестве С.Г. Пушкарева. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Шпаковская М.А.* А.А. Кизеветтер в российской историографии. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2003; *Боже Я.В.* Жизнь и научная деятельность Е.Ф. Шмурло. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004 и др.

очень пристрастно⁶². Заметим, что все названные диссертации посвящены фигурам историков-эмигрантов. Работ же о представителях иных областей знаний крайне мало⁶³.

В.И. Цепилова, анализируя судьбы историков-эмигрантов, отмечала, что современная историографическая ситуация характеризуется разрывом между конкретно-историческими исследованиями жизни эмигрантского научного сообщества и историографическим осмыслением его наследия. Практически не исследованной остается внутренняя жизнь эмигрантских научных сообществ и локальных центров исторической науки. Исследователи мало обращают внимания на взаимоотношения эмигрантов с их зарубежными коллегами и то влияние, которое они оказали на развитие исторических исследований в разных странах⁶⁴. Все эти выводы относятся и к представителям других наук – естественных, точных, технических, медицинских.

В начале 1990-х гг. историки еще были сильно ограничены в источниковой базе, но стремились максимально глубоко работать с имеющимися документами. Постепенно для них открывалась возможность познакомиться с зарубежными архивами. Однако ей воспользовались не в полной мере, главным образом в силу скудости финансовых ресурсов. Другой чертой современной историографии, как это ни парадоксально, является малое внимание к работам зарубежных коллег. Некоторые авторы вообще склон-

⁶² При этом, несомненно, выделяются высоким исследовательским уровнем работы немецко-американского историка Мартина Байссвенгера, долгие годы работающего в России: *Байссвенгер М. Петр Николаевич Савицкий (1895–1968): Библиография опубликованных работ.* Прага, 2009; *Он же.* Евразийство и чехословацкая научная общественность, 1920-е–1950-е гг. // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii.* 2011. Roč. 80. Č. 2–3. S. 136–146; *Он же.* Как Прага стала «евразийской» столицей: (О роли «Русской акции» в истории евразийского движения) // *Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие.* / Сост. *Л. Бабка, И. Золотарев.* Прага, 2012. С. 117–124; *Он же.* Н.В. Вернадская-Толль и становление «научного» евразийства (конец 1920-х гг.) // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына,* 2013. М., 2013. С. 173–176 и др.

⁶³ *Шебырова Л.Г.* Сергей Иванович Метальников и его вклад в становление и развитие иммунологии. Дис. ... канд. биол. наук. М., 2020.

⁶⁴ См.: *Цепилова В.И.* Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии. С. 85.

ны называть зарубежную историографию спекулятивной, перенося на нее определенные идеологические и политические штампы⁶⁵. Огромный массив зарубежной литературы не анализируется⁶⁶. В лучшем случае российские авторы переписывают названия работ своих иностранных коллег и вставляют их в историографическую часть своих исследований⁶⁷. Причем делают они это весьма небрежно. Например Ю.Н. Емельянов в своей книге об исторической периодике русской эмиграции приводит факт сотрудничества НКВД с чехословацкой разведкой, передававшей в СССР сведения об эмигрантах⁶⁸. Свое утверждение он подкрепляет ссылкой на известный

⁶⁵ В кандидатской диссертации И.А. Дмитриевой, посвященной русской литературной эмиграции в славянских странах, одно из обоснований актуальности изучаемой темы выглядит следующим образом: «Именно сейчас, когда наша страна оказывается во все большей международной изоляции и менее защищенной от постоянного противника на международной арене – США, мы нуждаемся в наших славянских братьях» (*Дмитриева И.А. Русская литературная диаспора в славянских странах (Чехословакии, Югославии, Болгарии) в 20–30 годы XX века. Автореф. дис... канд. ист. наук. Владимир, 2005. С. 3*). Трудно сказать, знают ли упомянутые братья об острой нужде в них, но можно все же утверждать, что подобное обоснование актуальности темы малоубедительно.

⁶⁶ Для примера, в главе про русских ученых-эмигрантов, написанной для известного обобщающего труда «Русские без Отечества», чешская и словацкая историография полностью игнорируется (*Алексеева Е.В., Герасимова Н.П., Евсеева Е.Н., Можяева Л.А. Профессора и студенты // Русские без Отечества: очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х гг. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2015. С. 198–286*). Эта же глава пестрит многочисленными ошибками, вершина которых – «Массарик».

⁶⁷ В современной англо-американской историографии российской эмиграции наблюдается аналогичная ситуация. Там нередко упорно не замечают российских исследований, словно их не было и нет. Чешская и словацкая историография, напротив, отличается стремлением максимально учесть, что делается по истории российской научной эмиграции в разных странах мира.

⁶⁸ См.: *Емельянов Ю.Н. Историческая периодика русской эмиграции. С. 17*. В целом эту работу отличает высокая степень научной небрежности. Более того, неубедительной кажется сама тема исследования. Автор так и не объяснил, что попадает, в его понимании, под термин «историческая периодика». Так, он причисляет к ней «Научные труды Русского народного университета в Праге», «Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете», «Ученые записки Русской учебной коллегии», «Записки Русского научного института в Белграде». Однако эти журналы были многопрофильными, т.е. наряду со статьями по истории в них печатались исследования по математике, физике, философии, экономике, зоологии и т.д. «Записки Русского научного института в Белграде», к примеру, чередовали гуманитарные и естественнонаучные выпуски. Если же автор взялся рассматривать научно-исторические темы во всей эмигрантской периодике, то сразу бросается в глаза отсутствие в его книге парижских «Современных записок», харбинского «Вестника Маньчжурии» и многих других изданий, регулярно печатавших на своих страницах исторические исследования. Более того, сам автор, кажется, не отдает себе отчет в том, что же является перио-

сборник документов, увидевший свет в Праге в 1998 г.⁶⁹ Однако при проверке оказывается, что на указанной Ю.Н. Емельяновым странице 283 в чешском издании находится ... именной указатель. Откуда были взяты сведения о сотрудничестве двух разведок по эмигрантскому вопросу, так и осталось загадкой. Или другой пример: явно наспех подготовленная в Воронеже диссертация Е.Ю. Протасовой об изучении русской эмиграции в Чехословакии в современной отечественной историографии. Автор, видимо, настолько увлеклась предметом своего исследования, что стала путать русских и чешских авторов. В результате в ряды «отечественных исследователей» оказались зачислены Я. Рыхлик, З. Сладек, Я. Шетржилова и др. Причем это лишь самый малый, самый незначительный недостаток работы, отмеченной, ко всему прочему, печатью плагиата и упреками остальным коллегам в «субъективной, однобокой оценке», отсутствии «серьезного объективного анализа» и других «грехах»⁷⁰.

Публикации о российской научной эмиграции, выходявшие в странах Центральной и Восточной Европы в межвоенный период, носили в своем большинстве обзорный характер. Как правило, они были связаны с мемориальным или юбилейным контекстом, были посвящены конкретным российским ученым, оказавшимся за границей⁷¹. После Второй мировой вой-

дикой. Обратимся к известному учебнику: «Периодическая печать – вид исторических источников, представленный долговременными изданиями периодического характера...» (Источниковедение: Теория. История. Метод: учебное пособие для гуманитарных специальностей. М., 2000. С. 452). Для эмигрантских изданий периодичность как раз была большим вопросом. Так, Русское историческое общество в Праге выпустило всего три тома своих «Записок» – в 1927, 1931 и 1937 гг. Как видим, назвать это издание *долговременным* и *периодичным* не представляется возможным. И, кстати, автор почему-то обходит стороной аналогичное издание – «Записки Русского исторического общества в Америке», издававшиеся с 1938 г., и имевшие хоть какую-то периодичность.

⁶⁹ *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939)*. Praha, 1998.

⁷⁰ *Протасова Е.Ю.* Русская эмиграция в Чехословакии в 1920–1930-х гг. в оценках современной российской историографии. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 2012. С. 12, 15, 23 и др.

⁷¹ См. например: *Chytil K.* Professor Dr. Nikodym Pavlovič Kondakov // *Almanach České akademie věd a umění*. Praha, 1926. Roč. XXXVI. S. 89–105.

ны, когда к власти в Чехословакии пришли коммунисты, о систематическом исследовании русской эмиграции не могло быть и речи, особенно после подавления «Пражской весны». Показательно, что когда в 1969 г. в Праге возникло первое сообщество по изучению культурного наследия русской эмиграции в Чехословакии, в которое вошли профессор З. Матхаузер, М. Арнаутова, М. Ботура, Х. Врбова и В. Морковин, то его деятельность почти мгновенно была пресечена по политическим мотивам⁷². Тем не менее, эмигрантская тематика не заглохла полностью. В 1972 г. увидел свет информативный справочник по истории чехословацкой славистики⁷³. В нем были опубликованы статьи о русских ученых, работавших в Чехословакии, с краткими биографическими данными и перечнем основных работ. Причем одним из авторов статей был русский историк-эмигрант А.В. Флоровский. Составители справочника рассматривали наследие русских ученых как неотъемлемую часть чехословацкой науки. В 1977 г. появилась монография Теодора Силлабы (Theodor Syllaba; 1925–2002), в центре которой – фигура крупнейшего слависта академика В.А. Францева⁷⁴. Отметим, что в научной периодике социалистической Чехословакии печатались статьи и заметки, приуроченные к юбилеям ученых российского происхождения, работавших в стране. Это же относится к некрологам⁷⁵. Ценность этих публикаций, помимо обобщения биографических данных,

⁷² См.: *Běloševská L.* Slovanský ústav a ruská emigrace // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. 1999. Roč. 68. Č. 3–4. S. 470.

⁷³ *Česko-slovenské práce o jazyce dějinách a kultuře slovanských národů od roku 1760*. Praha, 1972.

⁷⁴ *Syllaba T.* V.A. Francev. Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledom jeho činnosti. Praha, 1977.

⁷⁵ *Mahel' M.* K päťdesiatke Prof. Dr. Dimitrija Andrusova // *Práce Štátneho geologického ústavu*. Bratislava, 1948. Sv. 17. S. 3–10; *Podhradský J.* Prof. Dr. Boris Kostomarov šedesátnikom // *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae*. Řada A. 1957. Č. 3. S. 375–378; *A.D. P.A. Ostrouchov zemřel* // *Slovanský přehled*. 1965. Roč. 51. Č. 2. S. 128; *Hochman L.* K sedmdesátym narodeninám Prof. Ing. Borise Kostomarova // *Acta Universitatis Agriculturae. Facultas Agronomica*. 1967. Roč. XV. Č. 2. S. 185–188; *Zástěrová B.* Za prof. V.A. Florovským // *Československý časopis historický*. 1968. Roč. 66. Č. 4. S. 639–640; *Švankmajer M.* Prof. dr. A.V. Florovskij (1884–1968) // *Slovanský přehled*. 1968. Roč. 54. Č. 4. S. 323 и др.

заключается в попытках представить место того или иного ученого в чехословацкой науке.

Обратим внимание на тот факт, что в социалистических странах Европы изучение наследия российской эмиграции хотя и было сковано различными ограничениями, но не было полностью запрещено. В этой связи упомянем работы болгарских исследователей, которые важны для тематики настоящей диссертации. Они были посвящены истории российско-болгарских научных связей, но в них был задан сильный международный вектор. Это давало возможность вписать изучаемые двусторонние научные коммуникации в широкое европейское интеллектуальное окружение. Не потеряла своей научной значимости книга археолога Живки Выжаровой (Живка Николова Въжарова; 1916–1991) «Русские ученые и болгарские древности»⁷⁶, в которой приводились имена ученых-эмигрантов (Н.П. Кондаков, А.Н. Грабар, М.И. Ростовцев и др.), на основе сохранившейся в архивах переписки обрисовывались их контакты с зарубежными коллегами.

Новый этап в развитии чехословацкой историографии наступил в конце 1980-х гг., когда проблематика российской эмиграции стала полноправной частью научного дискурса. В 1991 г. в Славянской библиотеке была организована первая тематическая выставка «Эмиграция из СССР в межвоенной Чехословакии»⁷⁷. В 1992 г. в Брно была издана обобщающая монография о русской эмиграции в Европе, значительное место в которой было уделено и пражскому центру⁷⁸. В составе Славянского института в Праге специальный исследовательский отдел по изучению эмиграции, который добился значительных научных успехов. В числе ведущих специалистов –

⁷⁶ *Въжарова Ж.* Руските учени и българските старини. София, 1960.

⁷⁷ *Vacek J.* Emigrace ze SSSR v meziválečném Československu: katalog výstavy z fondů Slovanské knihovny. Praha, 1991.

⁷⁸ *Putna M., Zdražilová M.* Rusko mimo Rusko: dějiny a kultura ruské emigrace 1917–1991. Brno: Petrov, 1993. Sv. 1., 1994. Sv. 2.

профессор Зденек Сладек (Zdeněk Sládek; 1926–2003)⁷⁹. Он еще в 1960-е гг. заинтересовался историей чехословацких легионеров и «Русской акцией», но в период Нормализации был вынужден надолго прервать свои штудии⁸⁰.

Важнейшими вехами чешской историографии 1990-х гг. стали выход в свет тематического номера журнала «Slovanský přehled»⁸¹, публикация четырехтомного сборника статей «Русская и украинская эмиграция в Чехословакии в 1918–1945 гг.» (1993–1995)⁸², материалов международной конференции «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами» (1995)⁸³, а также тематических сборников статей и документов⁸⁴, немалое место в которых уделено эмигрантской науке.

Большое место отводилось подготовке справочных изданий. В 1993–1995 гг. сотрудники Славянской библиотеки издали трехтомный справочник «Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в

⁷⁹ Sládek Z. Ruská emigrace v Československu // *Slovanský přehled*. 1993. Roč. 79. Č. 1. S. 1–13; *Eadem*. O ruské pomocné akci tentokrát polemicky // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945* (Sborník studií – 3). Praha, 1995. S. 20–25; *Eadem*. Slovanství a rusofilství v politice první republiky // *K úloze Slovanů v historii a současnosti: kolokvium u příležitosti 150. výročí Slovanického sjezdu v Praze: Emauzy – klášter na Slovanech* 29. května 1998, Praha. Praha: Česká koordinační rada Společnosti přátel národů východu, 1998. S. 48–52; *Eadem*. České prostředí a ruská emigrace. S. 7–46; *Сладек З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // *Советское славяноведение*. 1991. № 6. 24–36; *Он же*. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «Русской акции» // *Славяноведение*. 1993. № 4. С. 28–38; *Он же*. Крамарж, Масарик, Бенеш и Россия: согласие, противоречия, конфликты // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике*. 2002/2001. Т. V–VI. С. 39–54 и др.

⁸⁰ Sládek Z. O studiu československo-sovětských vztahů v meziválečném období // *Československý časopis historický*. 1965. Roč. 63. Č. 1. S. 99–109; *Eadem*. Karel Kramář a Rusko v roce 1919 // *Slovanské historické studie*. Sv. 9. Praha, 1972. S. 145–197.

⁸¹ *Slovanský přehled*. 1993. Roč. 79. Č. 1.

⁸² *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945*. Praha, 1993. Sv. 1; 1994. Sv. 2; 1995. Sv. 3; 1996. Sv. 4.

⁸³ *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов*. Прага, 1995. Т. 1–2.

⁸⁴ *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939)*. Praha, 1998; *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939*. Praha, 1999;

Чехословакии в 1918–1945 гг.»⁸⁵, который по сей день является важнейшим путеводителем по миру эмигрантской науки. В числе важнейших работ 1990-х гг. – «Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике»⁸⁶, которая дает наглядное представление о кипучей интеллектуальной жизни межвоенного периода.

Важнейшими историографическими вехами 1990-х гг. стали исследования Светланы Тейхмановой⁸⁷, Вацлава Вебера⁸⁸, Ивана Савицкого⁸⁹, Анастасии Копрживовой⁹⁰, Любови Белошевской⁹¹, Милуши Бубениковой⁹²,

⁸⁵ *Řeháková M., Vacek J., Rachůnková Z.* Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945. Praha, 1996. Sv. 1–3.

⁸⁶ *Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice.* Praha, 2000. T. I: 1919–1929; 2001. T. II: 1930–1939.

⁸⁷ *Tejchmanová S.* Rusko v Československu: (Bílá emigrace v ČSR 1917–1939.). Praha – Jinočany, 1993; *Eadem.* Politická činnost ruské a ujrainské emigrace v Československu v letech 1920–1939 // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945* (Sborník studií – 1). Praha, 1993. S. 3–19; *Eadem.* Ekonomický kabinet S.N. Prokopoviče v Praze // *Slovanský přehled.* 1993. Roč. 79. Č. 1. S. 55–62; *Eadem.* Ruská lidová (svobodná) univerzita v Praze // *Slovanský přehled.* 1994. Roč. 80. Č. 2. S. 147–153.

⁸⁸ *Veber V.* Strana eserů v moderních ruských dějinách a v Praze // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945* (Sborník studií – 1). Praha, 1993. S. 20–31; *Eadem.* Dny ruské kultury // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945* (Sborník studií – 2). Praha, 1994. S. 90–93 и др.

⁸⁹ *Savický I.* Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914–1938. Praha, 1999; *Савицкий И.П.* Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919–1939 гг. // *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований.* Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, 1995. Т. 1. С. 46–53; *Он же.* «Русский Оксфорд» в Праге 1919–1928 гг. // *Записки Русской академической группы в США.* Нью-Йорк, 2001/2002. Т. XXXI. С. 87–137; *Он же.* Прага и Зарубежная Россия: Очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг. Praha, 2002 и др.

⁹⁰ *Koprřivová A.* Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952). Praha, 2001; *Копрживова А.* Русский заграничный исторический архив // *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований.* Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, Т. 1. С. 66–69; *Она же.* Крамарж и «Братство для погребения православных русских граждан и для охраны и содержания в порядке их могил в Чехословакии» // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике.* 2002/2001. Т. V–VI. С. 71–84; *Она же.* Российские эмигранты во Вшенорах – Мокропсах – Черношицах (двадцатые годы 20-го века) // *Дни Марины Цветаевой – Вшеноры* 2000. Прага, 2002. С. 5–28.

⁹¹ *Běloševská L.* Op. cit. S. 467–470; *Белошевская Л.* Перевод в системе межкультурных связей русской эмиграции в Чехословакии в 20–30е годы // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii.* 1993. Roč. 62. Č. 4. S. 507–518; *Она же.* Молодая эмигрантская лите-

Иржи Вацек⁹³ и др. Особенностью работ этого периода было повышенное внимание к проблеме «Русской акции», роли чехословацких политиков, особенно Т. Масарика и К. Крамаржа, в процессе выработки этой гуманитарной программы, жизни и деятельности русских писателей и журналистов в Чехословакии, истории архивного и библиотечного дела. Появлялись также важные работы по истории академической эмиграции, в которых поднимались вопросы ее взаимодействий с чехословацкой наукой⁹⁴. Что касается международных научных коммуникаций русской эмиграции, то в этом направлении большой интерес представляют работы византиниста Веры Гроховой (Věra Hrochová; 1933–1996) об Институте имени Н.П. Кондакова⁹⁵. Правда можно заметить некоторую историографическую диспропорцию: одни научные институты специально и детально изучались, другие оставались в тени; очень много внимания уделялось представителям гуманитарной интеллигенции, особенно литературоведу А.Л. Бему, но при этом совсем не обращалось внимания на интеллигенцию техническую.

В 2000–2020-е гг., несмотря на общие перемены научной и политической конъюнктуры, и на уход из жизни многих видных специалистов, в

ратура Праги (Объединение «Скит»: творческое лицо) // *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939*. Praha, 1999. С. 164–203.

⁹² Бубеникова М. Проект помощи Чехословацкой республики эмигрантам из Советской России – «Русская акция». С. 14–19; *Она же*. Чешско-русская еднота в собраниях пражских архивов // *Russia in Czech Hitorigraphy: Studies published by the Prague Group of Russian history specialists*. Praha, 2002. С. 375–396 и др.

⁹³ Vacek J. *Knihy a knihovny, archívy a muzea ruské emigrace v Praze* // *Slovanský přehled*. 1993. Roč. 79. Č. 3. S. 63–74; *Eadem*. *Rok 1926 v historii SSSR a v životě emigrant* // *Střední a východní Evropa v krizi 20. století: k 70. narozeninám Zdeňka Sládka*. Praha: Karolinum, 1998. S. 69–76.

⁹⁴ Šimeček Z. *Ruští a ukrajinští slavisté v meziválečném Československu* // *Slovansky přehled*. 1993. Roč. 79. Č. 1. S. 25–37; *Goněc V*. *Ruská filosofická emigrace v Československu* // *Slovansky přehled*. 1993. Roč. 79. Č. 1. S. 38–44; *Pickova D*. *Antonij Vasiljevič Florovskij, historik-emigrant* // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 1)*. Praha, 1993. S. 63–67; *Vacek J*. *Interakce ruské a ukrajinské emigrace s českou a slovenskou vědou a kulturou v letech 1919–1945* // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 2)*. Praha, 1994. S. 1–40.

⁹⁵ *Hrochová V*. *Činnost Institutu N.P. Kondakova v Praze a jeho mezinárodní význam* // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 3)*. Praha, 1995. S. 32–41.

чешской историографии сохранился значительный интерес к эмигрантской тематике. В эту проблематику пришли совершенно новые исследователи (Лукаш Бабка⁹⁶, Яромир Мах⁹⁷, Гануш Никл⁹⁸, Йозеф Шаур⁹⁹ и др.), не связанные с исследовательскими контекстами 1990-х гг. Они начали разрабатывать новые темы, или же переосмыслять в свете новых источников и новых подходов прежние сюжеты. Вышедший в Праге в 2021 г. сборник статей молодых исследователей, недавних выпускников Карлова университета, хорошо показывает, что интерес к эмигрантской теме сохраняется, причем и в направлении изучения ученых и ученой культуры¹⁰⁰.

Продолжали развиваться прежние тематические направления¹⁰¹. Большое внимание уделялось деятельности академика Н.П. Кондакова и круга

⁹⁶ *Babka L.* Jan Slavík a osudy Ruského zahraničního historického archive // *Život plný střetů: Dílo a odkaz historika Jana Slavíka (1885–1978) / Sest. L. Babka a P. Roubal.* Praha: Pavel Mervart – Národní knihovna ČR – Slovanská knihovna, 2009. S. 225–246; *Коншишова А., Бабка Л.* Русская эмиграция в Праге (1918–1945): путеводитель. Прага, 2022. 208 с.

⁹⁷ *Mach J.* Ruské kulturní a historické muzeum v Praze // *Z dějin visegrádského prostoru: Richardu Pražákovi k pětasedmdesátinám.* Brno: Masarykova univerzita v Brně, 2006. S. 209–223; *Eadem.* Aleksandr Aleksandrovič Kizevetter a jeho pražské období // *Slovanské historické studie.* Sv. 31. Praha, 2006. S. 49–99; *Eadem.* Komentář a dokumenty k dějinám Ruské vědecké společnosti badatelské při Ruské svobodné univerzitě v Praze // *Slovanský přehled.* 2008. Roč. 94. Č. 4. S. 589–602.

⁹⁸ *Nykl H.* Russian Émigré Philosopher Andrei Pavlov and His Concept of T. G. Masaryk // *Slovanský přehled.* 2020. Roč. 106. Č. 3. S. 587–607; *Eadem.* Odras filosofické tvorby T.G. Masaryka u ruských exilových filosofů v meziválečném Československu: (věnováno 70. výročí úmrtí prvního československého prezidenta) // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii.* 2018. Roč. 87. Č. 1–3. S. 263–280; *Nykl G.* Русская философия в чешской научной среде — точки соприкосновения и расхождения // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii.* 2011. Roč. 80. Č. 2–3. S. 186–197; *Он же.* Иван Бырдин – русский философ? // *На рубеже культур: русская эмиграция в межвоенной Чехословакии: Памяти Марины Юрьевны Досталь (1947–2011): Сборник статей.* М., 2012. С. 171–178.

⁹⁹ *Šaur J.* A.V. Florovskij (1884–1968) // *Slovanský přehled.* 2005. Roč. 91. Č. 1. S. 131–146; *Eadem.* Antonij Vasiljevič Florovskij a jeho pojetí česko-ruských kulturních vztahů 10.–18. Století // *Historie 2004: celostátní studentská vědecká conference.* Brno, 2005. S. 154–171.

¹⁰⁰ *Instituce a osobnosti ruské meziválečné emigrace v Československu / Vyr. H. Nykl.* Praha, 2021.

¹⁰¹ *Вавржинек В.* Участие российских византинистов и славистов в сборнике «Byzantinoposlavica» в межвоенный период // *Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии.* М., 2008. С. 90–95; *Zelenka M.* Die russische Emigration im Kontext der tschechischen Literaturwissenschaft der Zwischenkriegszeit Jevgenij Ljackij kontra Roman Jakobson // *Wissenschaft im Exil. Die Tschechoslowakei als Kreuzweg 1918–1989 / Hrsg. A. Kostlán, A. Velková.* Praha, 2004. S. 262–288; *Hašková D.* Ruská emigrantská kultura a

его учеников и последователей. Серьезным вкладом в это направление стали исследования научной сотрудницы Славянского института Юлии Янчарковой (Julie Jančárková; род. 1970), посвященные истории Семинария (Института) имени Н.П. Кондакова, а также двум видным русским ученым – Г.А. Острогорскому и Н.Л. Окуневу¹⁰². В Брно под руководством чешско-швейцарского историка искусства Ивана Фолетти (Ivan Foletti; род. 1980) сформировался международный исследовательский коллектив, который продолжает разработку кондаковского творческого наследия¹⁰³. По-прежнему ведется изучение научной и педагогической деятельности литературоведов-эмигрантов, как, например это делает профессор Масарикова университета Иво Поспишил (Ivo Pospíšil; род. 1952)¹⁰⁴.

humanitní vědy v meziválečném Československu: oblasti odborné vzájemné spolupráce // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. 2010. Roč. 79. Č. 2. S. 266–268.

¹⁰² Янчаркова Ю. Русская научная традиция в Праге: борьба за самосохранение // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. 2006. Roč. 75. Č. 2. S. 123–135; Она же. Николай Львович Окунев: Архив и Галерея славянского искусства // *Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии*. М., 2008. С. 140–147; Она же. Историк искусства Николай Львович Окунев (1885–1949): жизненный путь и научное наследие. Frankfurt am Main, 2012; Она же. Г.А. Острогорский и Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге // *Byzantinoslavica*. 2012. Roč. 70. Č. 1–2. S. 53–75; Янчаркова Ю., Гаген С. К вопросу о научном методе Н.П. Кондакова // *Byzantinoslavica*. 2020. Roč. 78. Č. 1–2. S. 301–308 и др.

¹⁰³ Foletti I. Nikodim Kondakov et Prague: Comment l'émigration change l'histoire (de l'art) // *Opuscula historiae artium*. Brno, 2014. Vol. 63. № 1–2. P. 2–11; Eadem. Nikodim Kondakov, Russia and Czechoslovakia. *Byzantine Studies, the Link between East and West*. Online. In. *From Kondakov to Hans Belting Library: Emigration and Byzantium – Bridges between Worlds* / Ed. by I. Foletti, F. Lovino, V. Tvrzníková. Roma, 2018. P. 18–37; Eadem. Russian Inputs in Czechoslovakia: When Art History meets History. *The Institutum Kondakovianum during the Nazi Occupation // Inventing Medieval Czechoslovakia 1918–1968: Between Slavs, Germans, and Totalitarian Regimes* / Ed. by I. Foletti and A. Palladino. Roma, 2019. P. 63–92; Eadem. After Kondakov: the Heritage of Russian Emigration in the Czech Lands // *Convivium: Exchanges and Interactions in the Arts of Medieval Europe, Byzantium, and the Mediterranean*. 2020. Vol. 7. № 1. P. 10–29; Foletti I., Palladino A. Nomadic arts in emigration: Russian diaspora, Czechoslovakia, and the broken dream of a borderless Europe (1918–45) // *Journal of Art Historiography*. 2021. Vol. 25. № 2. P. 1–13; Lovino F. Seminarium Kondakovianum/Byzantinoslavica: A Comparison // *From Nikodim Kondakov to the Hans Belting Library: Byzantine Studies as a Bridge Between the Worlds* / Eds. I. Foletti, F. Lovino, V. Tvrzníková. Brno – Roma, 2018. P. 38–55; Eadem. Constructing the Past through the Present: The Eurasian View of Byzantium in the Pages of Seminarium Kondakovianum // *Trends and Turning Points: Constructing the Late Antique and Byzantine World* / Ed. by M. Kinloch and A. MacFarlane. Leiden – Boston, 2019. P. 14–28.

¹⁰⁴ Поспишил И. Научная судьба Сергея Вилинского: самореализация ученого-эмигранта в чужой среде // *Питання літературознавства*. Чернівці, 2015. Вип. 92. С. 35–

Чешскими исследователями была продолжена традиция издания коллективных трудов¹⁰⁵, документальных сборников¹⁰⁶ и справочных изданий. Среди последних особо отметим подготовленный на высоком уровне и весьма исчерпывающий справочник¹⁰⁷, в котором представлены биографии многих ученых, работавших в Чехословакии.

Происходило расширение исследовательских полей. В этой связи отметим новаторские работы научной сотрудницы Славянского института Даны Гашковой (Dana Hašková; род. 1965) о представителях российской научно-технической интеллигенции в межвоенной, а затем в социалистической Чехословакии, основанные на прежде неизвестных архивных материалах¹⁰⁸, исследования Томаша Германна (Tomáš Hermann; род. 1974) о работавшем в Праге и Братиславе профессоре-зоологе М.М. Новикове¹⁰⁹,

46; *Он же*. Брненская судьба Романа Якобсона в призме *vota separata* // Питання літературознавства. Чернівці, 2016. Вип. 94. С. 68–81; *Pospíšil I.* Rodina Vilinských v Československu: Valerij Vilinskij k některým jevům české literatury // *Slavica litteraria*. 2017. Roč. 20. Č. 2. S. 39–47; *Eadem*. Ruský emigrant se dívá na meziválečné Československo a česko-slovenský vztah // *Český a slovenský kulturní a politický prostor (vzájemnost – nevzájemnost, vstřícnost – rezistence, ústup – expanze)* / Vyp. I. *Pospíšil*; výk. red. *L. Paučová*. Brno, 2017. S. 151–161.

¹⁰⁵ Zkušenost exilu: Osudy exulantů z území bývalého Ruskeho imperia v meziválečném Československu / Sest. *J. Hauser*. Praha, 2017; Příběhy exilu: Osudy exulantů z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu / Sest. *J. Hauser* a *V. Velemanova*. Praha, 2018; Z historie exilu: Emigrace z území bývalého Ruskeho imperia v meziválečném Československu / Sest. *M. Kuthanová*. Praha, 2019.

¹⁰⁶ Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общ. ред. *Л. Белошевской*. Praha, 2011.

¹⁰⁷ *Гашкова Д., Копришова А., Белошевская Л., Янчаркова Ю., Гаген С.* Представители эмиграции с территории бывшей Российской Империи в Чехословакии (1918–1945). Прага, 2021.

¹⁰⁸ *Haškova D.* Emigrantská technická intelligence v Československu // *Příběhy exilu: Osudy exulantů z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu*. Praha: Památník národního písemnictví, 2018. S. 180–191; *Eadem*. Akce Konstruktor: ruský šéfkonstruktor ČKD Alexej Surin // *Ne-svoboda, despotie a totalitarismus v kultuře a kulturních dějinách*. Praha, 2021. S. 443–464.

¹⁰⁹ *Hermann T., Kleisner K.* Biolog Michail M. Novikov (1876–1965): kapitola z dějin ruské vědy v emigraci // *Český časopis historický*. 2005. Roč. 103. Č. 2. S. 313–353; *Eadem*. The Five «Homes» of Zoologist Mikhail M. Novikov (1876–1965). Analogy and Adaptation in One's Life and as a Principle of Biological Investigation // *Jahrbuch für Europäische Wissenschaftskultur*. 2005. № 1. S. 87–130; *Eadem*. Der russische Zoologe Michail Michailovitsch Novikov (1876–1965) als Emigrant und theoretischer Biologe // *Wissenschaft im Exil. Die Tschechoslowakei als Kreuzweg 1918–1989* / Hrsg. *A. Kostlán, A. Velková*. Praha, 2004. S. 222–241.

статьи заведующей Архивом Менделова университета Алены Миковцовой (Alena Mikovcová; род. 1954) о русских и украинских студентах и преподавателях в Высшей сельскохозяйственной школе в Брно¹¹⁰. Важно отметить, что чешские специалисты не ограничиваются хронологическими рамками 1920–1930-х гг. и предпринимают усилия по изучению жизни и деятельности русских эмигрантов в годы Второй мировой войны и уже в социалистической Чехословакии.

Живой интерес к судьбам российской эмиграции, в том числе научной, проявляется в словацкой историографии. Словацкие историки, как и их чешские коллеги, подготовили важные тематические сборники, раскрывающие различные стороны русского эмигрантского присутствия¹¹¹. Хронологически они охватывают, в основном, межвоенный период. Значительное место в словацкой историографии занимают труды доцента Прешовского университета Любицы Гарбулёвой (Ľubica Harbuľová, род. 1962), которая сумела осветить разные стороны социальной и интеллектуальной истории эмиграции, включая ее вклад в словацкую науку и культуру¹¹². В исследованиях братиславского профессора Мирослава Даниша (Miroslav Daniš; род. 1960) рассмотрены различные аспекты работы в Университете Я.А. Коменского видного историка Е.Ю. Перфецкого¹¹³. Нельзя не отме-

¹¹⁰ Mikovcová A. Russische und ukrainische Wissenschaft an der Hochschule für Landwirtschaft in Brünn // Wissenschaft im Exil. Die Tschechoslowakei als Kreuzweg 1918–1989 / Hrsg. A. Kostlán, A. Velková. Praha, 2004. S. 180–221.

¹¹¹ Ruská a ukrajinská emigrácia na Východnom Slovensku v rokoch 1919–1945 / Eds. Ľ. Harbuľová, M. Ňachajová, Ľ. Babotová. Prešov, 2006.

¹¹² Harbuľová Ľ. Ruské spolky na Slovensku v medzivojnovom období // Slovanský prehľad. 1993. Roč. 79. Č. 2. S. 160–169; Eadem. Pobyt ruských študentov na slovenských stredných a vysokých školách // Slovanské historické studie. 1998. Roč. 24. S. 103–116; Ruskí slavisti-emigranti a medzivojnové Slovensko // Slovanské štúdie. 1998. Č. 1. S. 44–50; Eadem. Ruská emigrácia a Slovensko: (pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939). Prešov, 2001; Eadem. Osobnosti ruskej emigrantskej komunity v medzivojnových Košiciach // Annales historici Presovienses. 2007. T. 7. S. 265–271; Гарбульова Л. Русские ученые в Словакии: интеракция словацкой и русской науки в 1920–1945 годы // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 64–73.

¹¹³ Daniš M. Evgenij Julianovič Perfeckij a jeho podiel na rozvoji slovenskej historickej vedy // Acta Historica Posoniensia. 2015. T. XXIX: N.O. Losskij a podiel ruskej inteligencie v emigrácii na rozvoji slovenskej vedy. S. 20–28; Даниш М. Научная и педагогическая деятель-

тить небольшую по объему, но важную по содержанию книгу о русско-словацком геологе Д.Н. Андрусове¹¹⁴, которая была написана его внучкой. В ней представлен наиболее подробный на сегодняшний день очерк жизни и творчества выдающегося ученого, правда, к сожалению, период его жизни в социалистической Чехословакии обрисован схематично. Достоинством словацких исследований является опора на уникальные архивные материалы, акцент на региональные особенности, которые отличались от богемских и моравских.

Итак, чешская и словацкая историографии и по количеству работ, и по охвату исследовательских проблем, и по широте использования архивных источников вполне оправданно занимают ведущие позиции в изучении российской научной эмиграции¹¹⁵. Причем, как уже было сказано, в последнее время наметилась тенденция исследовать не только межвоенный, но и послевоенный период.

Проблемы истории российской научной эмиграции активно изучаются помимо уже упомянутых Чехии и Словакии и в других славянских странах. Важнейшее значение имеют работы болгарских историков, поскольку они затрагивают не только собственно русско-болгарские сюжеты, но ставят вопрос об эмиграции в общевосточном и общеславянском контекстах. Отметим важные для настоящего исследования работы профессора Исторического института Болгарской академии наук Пенки Пейковской (Пенка Иванова Пейковска; род. 1960) о контактах болгарских и венгерских исто-

ность профессора Перфецкого в Словакии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История. Т. 67. № 3. С. 961–982.

¹¹⁴ *Andrusovová-Vlčeková G. Išiel som touto cestou... Dimitrij Andrusov – životopisná črta. Bratislava, 1997.*

¹¹⁵ См.: *Сератионова Е.П.* Российская эмиграция «первой волны» в чешской и словацкой историографии // История российского зарубежья: Проблемы историографии (конец XIX – XX в.). М., 2004. С. 210–228; *Harbul'ová L.* Politická emigrácia z Ruska v medzivojnovom Československu ako predmet výskumu časkej a slovenskej historiografie (1990–2020) // Aktuální otázky výskumu dějin a kultury východní Evropy. Praha, 2023. S. 115–143.

риков и археологов¹¹⁶. В эти контакты вплетались и русские эмигранты, в том числе жившие в Чехословакии. И не случайно, что перу П. Пейковской принадлежат также новаторские социально-демографические исследования о русских на Балканах. Еще в 1990-х гг. проблемы научных коммуникаций в русской эмигрантской среде поднимались в исследованиях Марии Велевой и Александра Лунина¹¹⁷. Затем, уже в 2000–2010-е гг. к эмигрантской теме обратились Цветана Кёсева, Ганка Рупчева, Румяна Михнева, Никола Казанский, Сергей Рожков, Галина Петкова, Платон Чумаченко, Таня Галчева и многие другие¹¹⁸. Болгарские историки подготовили множество квалифицированных исследований, которые обязательно надо учитывать при изучении и русской эмигрантской науки, и эмиграции вообще. Применительно к теме диссертационного исследования эти работы важны тем, что в них поднимаются вопросы о связях между русскими диаспорами в Чехословакии и Болгарии, о контактах между русскими и болгарскими учеными, об организации в Софии в 1930 г. всеэмигрантского научного съезда, о личных коммуникациях между учеными эмигрантами, например между семьей Флоровских и П.М. Бицилли. Последний назван не случайно, он – один из главных героев болгарских исследований. Его научно-педагогическая деятельность в Софии была вплетена в систему контактов с другими эмигрантскими центрами.

¹¹⁶ *Пейковска П.* Българо-унгарски научни взаимоотношения (XIX – средата на XX век). София, 2005.

¹¹⁷ *Лулин А.* Руската емиграция в България през 20-те години // *Годишник на Софийския университет Св. Климент Охридски*. София, 1992. Т. 84–85. С. 211–232; *Велева М.* Руската университетска емиграция в България // *Дарителите Евлогий и Христо Георгиеви*. София: Лик, 1998. С. 235–260; *Она же.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София, 2004.

¹¹⁸ *Кёсева Ц.* България и руската емиграция: 1920–1950-е годы. М., 2008; *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* Понемногу приспособяюся к «независящим обстоятельствам» П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София, 2015; *Михнева Р., Грозев К., Рупчева Г.* «Малката Русия» на жълтите павета. София, 2016; *Петкова Г.* «Да се даде ръководеща нишка...»: история на руската литература от проф. П. Бицилли в три книги: (България, 1931–1934 г.). София, 2017; *Геологи российского зарубежья: судьбы и вклад в мировую науку научно-энциклопедический сборник по истории геологии / Ред.-сост. П. Чумаченко, О. Дитл.* София:, 2014. 477 с. и др.

В странах бывшей Югославии также наблюдается большой интерес к истории российской научной эмиграции. Ведущие позиции здесь занимают сербские исследователи. Прорывной характер носили труды Мирослава Йовановича (Мирослав Јовановић; 1962–2014), который изучал российскую эмиграцию на фоне сложных социальных, политических, экономических и культурных процессах на Балканах¹¹⁹. В настоящее время историей российской научной эмиграции активно занимается сербский историк Милана Живанович (Milana Živanović; род. 1991)¹²⁰. Отдельные аспекты сербских работ полезны для понимания механизмом научных коммуникаций между русским Белградом и русской Прагой, при оценке связей русских ученых с сербской наукой, например Н.Л. Окунева¹²¹.

Польские историки занимаются проблематикой научной эмиграции менее других коллег из славянских стран, тем не менее, там появилось несколько исследований о евразийстве и евразийцах¹²². Особо отметим работы профессора Терезы Оболевич (Teresa Obolevitch; род. 1974), профессора Папского университета им. Иоанна Павла II в Кракове, об истории россий-

¹¹⁹ *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; *Јованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005.

¹²⁰ *Живанович М.* Ботаника и политика: избрание и исключение из состава Сербской академии наук П.И. Чернявского // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2022. № 1. С. 139–176; *Она же.* Награждения представителей русского зарубежья орденами социалистической Югославии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2023. № 1. С. 177–193; *Она же.* От Гражданской войны – к науке: русские эмигранты – сотрудники институтов Сербской академии наук / Сербской академии наук и искусств (1946–1976) // Гражданская война в памяти русского зарубежья. К 100-летию Дальневосточного исхода и завершения вооруженного противоборства 1917–1922 гг. М., 2023. С. 235–251.

¹²¹ *Ђорђевић И.* Значај Н.Л. Окуњева за српску историју уметности // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд: Филолошки ф-т, Катедра за славистику, 1994. Т. 1. С. 213–219.

¹²² *Bäcker R.* Międzywojenny eurazjatyzm: Od intelektualnej kontrakulturacji do totalitaryzmu? Łódź, 2000; *Eadem.* Między rewolucyjnym konserwatyzmem a totalitaryzmem. Dylematy oceny międzywojennego eurazjatyizmu // *Emigracja rosyjska: Losy i idee / Pod red. nauk. R. Bäckera i Z. Karpusa.* Łódź, 2002. S. 50–80; *Bäcker R., Rak J.* Explaining the Stances of the Interwar Eurasians towards Bolshevism // *Новое прошлое / The New Past.* 2022. № 2. P. 77–93; *Paradowski R.* Metodologiczne i metafizyczne problemy eurazjatyckiej kulturologii // *Emigracja rosyjska: Losy i idee / Pod red. nauk. R. Bäckera i Z. Karpusa.* Łódź, 2002. S. 47–58.

ской философской эмиграции¹²³. Ряд ценных исследований подготовлен украинскими исследователями, особенно доцентом Валерием Валерьевичем Левченко (Валерій Валерійович Левченко; род. 1971), в центре внимания которого – судьбы одесских ученых, оказавшихся в эмиграции, в том числе в Чехословакии¹²⁴. Ценные исследования о контактах А.В. Флоровского с европейскими историками подготовил киевский историк Анатолий Святославович Мирончук (Анатолій Святославич Мирончук)¹²⁵.

К истории российской эмиграции обращалось немало западных исследователей¹²⁶. Еще в межвоенный период сразу в нескольких странах появились первые исследования об этом историческом феномене. Упомянем книги немца Ганса фон Римши (Hans von Rimscha; 1899–1987)¹²⁷, француза

¹²³ *Obolevitch T.* Mikołaj Łoscki: powrót do Polski Polskie badania ilozooi rosyjskiej. Przewodnik po literaturze. Część druga / Pod red. nauk. L. Kiejzika i J. Uglika. Warsaw, 2012. P. 247–257; *Оболевич Т.* Участие русских философов во Втором польском философском конгрессе в 1927 г. // *Философский журнал.* 2015. Т. 8. № 2. С. 128–145; *Она же.* Семен Франк, Лев Карсавин и евразийцы. М.: Модест Колеров, 2020; *Она же.* Семен Франк в европейской и эмигрантской культуре. Зелена Гура. 2023.

¹²⁴ *Левченко В.В.* Судьбы ученых Одессы на рубеже эпох (1917–1922) // *Проблемы славяноведения.* Брянск, 2009. Вып. 11. С. 134–146; *Он же.* Одесские ученые в условиях русской эмиграции первой волны: пути, адаптация, судьбы // *Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова.* М., 2014. С. 139–156; *Он же.* В пучине первой волны российской эмиграции: судьбы одесских ученых-историков и последствия для исторической науки // *Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы / Отв. ред. П.А. Трибунский.* М., 2016. С. 160–171; *Он же.* Генерации одесских ученых-историков (1920–1941 гг.): идентификация, состав, особенности // *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки.* 2020. Т. 162. № 1. С. 133–145.

¹²⁵ *Мирончук А.* Законодавча комісія 1767–1768 рр. в листах Г. Закке до А. Флоровського (із зібрання Архіву РАН) // *Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики.* 2015. № 26–27. С. 285–303; *Он же.* «Як учений – я завжди був, є і буду прихильником живої і активної дослідницької та видавничої роботи». А.В. Флоровський в славистичному житті російської наукової еміграції 1920–1930-х років // *Наукові праці Національної бібліотеки імені В.І. Вернадського.* 2019. Вип. 52 (10). С. 250–269.

¹²⁶ Термин этот во многом условный. В данном случае под западной историографией понимается в первую очередь англо-американская, немецкая и французская исследовательская литература.

¹²⁷ *Rimscha H. von.* Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917–1921. Jena, 1924.; *Eadem.* Russland jenseits der Grenzen 1924–1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena, 1927.

Шарля Ледре (Charles Ledré; 1895–1979)¹²⁸, американца Уильяма Хантингтона (William Chapin Huntington; 1884–1958)¹²⁹. Обращение к эмигрантской тематике для многих из них было связано с личными обстоятельствами: Г. фон Римша родился и вырос в Риге, когда она была частью Российской империи, У. Хантингтон был в 1916–1918 гг. атташе по торговле посольства США в Петрограде. Несмотря на неподдельный интерес и искреннее сочувствие к русским беженцам, названные исследования носили все же научно-популярный характер; о судьбах интеллектуалов в них упоминалось кратко.

Интерес зарубежных исследователей к истории российской научной эмиграции, в том числе в Чехословакии, начал постепенно набирать обороты после Второй мировой войны. Появляются первые, пусть пока небольшие по объему, специальные статьи¹³⁰. Такое внимание во многом генерировалось самими эмигрантами из России, некоторые из которых заняли видные места в зарубежной русистике и славистике. Так профессор Марк Раев (Marc Raeff; 1923–2008), родившийся в Москве, посоветовал своему молодому канадскому ученику Энтони Лоуренсу Гамильтону Райнлендеру (Anthony Laurens Hamilton Rhineland; род. 1940) обратиться к изучению истории Семинария (Института) имени Н.П. Кондакова в Праге. Архивные источники по теме были в то время еще недоступны, и автору приходилось по крупицам собирать информацию, в том числе посредством устных интервью с Г.В. Вернадским, Н.Е. Андреевым, Л.Ф. Магеровским. В результате была написана статья, которая стала первым крупным исследованием

¹²⁸ *Ledré C.* Les émigrés russes en France: ce qu'ils sont, ce qu'ils font, ce qu'ils pensent. Paris, 1930.

¹²⁹ *Huntington W.C.* The Homesick Million: Russia-out-of-Russia. Boston, 1933.

¹³⁰ *Fischer G.* The Russian Archive in Prague // *The American Slavic and East European Review*. 1949. Vol. 8. № 4. P. 289–295; *Riha T.* Russian Émigré Scholars in Prague after World War I // *The Slavic and East European Journal*. 1958. Vol. 2. № 1. P. 22–26.

об уникальной научной организации¹³¹. Это исследование не потеряло своей значимости и сегодня.

Однако работы по истории российской эмигрантской науки, а равно и по истории культуры, долгое время оставались немногочисленными¹³². Исследователи делали упор в первую очередь на общественно-политические сюжеты, хотя и в некотором смысле связанные с историей научного знания¹³³. Именно в этом ключе лежали работы 1960–1980-х гг. о евразийстве – одном из самых известных интеллектуальных явлений, связанных с межвоенной русской эмиграцией в Чехословакии. Так в 1961 г. в Мюнхене была издана книга Отто Бёсса (Otto Böss; 1929–1994), ставшая первым монографическим исследованием о евразийцах¹³⁴. Профессор Калифорнийского университета в Беркли Николай Валентинович Рязановский (1923–2011), родившийся в Харбине в семье известного историка права, опубликовал несколько ценных статей о возникновении евразийства, вписав его в контекст российской интеллектуальной истории¹³⁵. В полемике с евразийской историографией были написаны работы медиевиста Чарльза Гальперина об одном из главных столпов этой историографии – Г.В. Вернадском¹³⁶.

¹³¹ *Rhineland L.H.* Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // *Canadian Slavonic Papers*. 1974. Vol. 16. № 3. P. 331–352.

¹³² Назовем один из лучших историографических примеров того времени: *Williams R.C.* Culture in Exile: Russian Emigrés in Germany, 1881–1941. Ithaca, N.Y., 1972.

¹³³ Здесь можно упомянуть о написанной Ричардом Пайпсом (Richard Edgar Pipes; 1923–2018) двухтомной биографии П.Б. Струве, который, как известно, был не только политиком, но и ученым, и биография которого в межвоенный период оказалась связана с Чехословакией. См. русское издание второго тома, который как раз посвящен эмигрантскому периоду: *Пайпс Р.* Струве: правый либерал 1905–1944. М., 2001.

¹³⁴ *Böss O.* Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961.

¹³⁵ *Riasanovsky N.* Prince N.S. Trubetskoy's «Europe and Mankind» // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1964. Bd. 12. № 2. S. 207–220; *Eadem.* The Emergence of Eurasianism // *California Slavic Studies*. 1967. Vol. 4. P. 39–72 (русский перевод – *Рязановский Н.* Возникновение евразийства // *Звезда*. 1995. № 10. С. 29–44); *Он же.* Азия глазами русских // *В раздумьях о России (XIX век)*. М., 1996. С. 387–416.

¹³⁶ *Halperin C.* George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // *Slavic Review*. 1982. Vol. 41. № 3. P. 477–493; *Eadem.* Russia and the steppe: George Vernadsky and Eurasianism // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1985. Bd. 36. P. 55–194.

Взрыв интереса к теме произошел на рубеже 1980–1990-х гг. Большим вкладом в американскую историографию стали труды профессора М. Раева¹³⁷. Особо стоит отметить его монографию по истории культуры русской эмиграции, вышедшую в 1990 г., а в 1994 г. изданную в русском переводе¹³⁸. Достоинством книги является детальная прорисовка жизни научного сообщества, изображение деятельности эмигрантов на фоне эпохи. Но она не лишена и серьезных недостатков. Помимо ряда фактических ошибок для нее характерен явный недостаток конкретных примеров. Не следует, однако, забывать, что М. Раев писал свою книгу, опираясь на ограниченный круг источников. Он был полностью лишен доступа к эмигрантским коллекциям в российских архивах. Впоследствии историк признал допущенные им ошибки и неточности, переосмыслил некоторые прежние взгляды. Но подготовить нового издания своей книги он не успел. М. Раев, без сомнения, заложил основы плодотворного направления в изучении культурного наследия российской эмиграции, которое нашло множество сторонников и последователей по всему миру.

Важнейшей вехой в изучении русской эмиграции в Чехословакии стало появление в 2004 г. совместной книги доцента Оксфордского университета Екатерина Андреевой и ее чешского коллеги Ивана Савицкого, ставшая первой обобщающей работой по истории «русской Праги»¹³⁹. Примечательно, что написана она детьми двух известных историков-эмигрантов — П.Н. Савицкого и Н.Е. Андреева.

Во Франции проблемами российской научной и культурной эмиграции в 1990-е гг. занимались Даниэль Бон-Грей (Danièle Beaune-Gray) и Елене

¹³⁷ Раев М. В помощь исследованию Зарубежной России // Новый журнал. Нью-Йорк, 1995. Кн. 196. С. 348–358; Raeff M. Introduction // Les historiens de l'émigration russe. Paris, 2003. P. 7–17; Eadem. Recent Perspectives on the History of the Russian Emigration (1920–1940) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. № 2. P. 319–334 и др.

¹³⁸ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994.

¹³⁹ Andreyev C., Savický I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven – L., 2004.

Менегальдо (Hélène Menegaldo; род. 1945)¹⁴⁰. Специально проблематика российской эмиграции в Чехословакии ими не рассматривалась, однако их исследования важны для понимания места российской интеллектуальной эмиграции в общеевропейском контексте. Можно также отметить книгу Марлен Ларюэль (Marlène Laruelle; род. 1972) о евразийстве¹⁴¹. Уже в 2000-е гг. появились исследования Катрин Гусефф (Catherine Gousseff; род. 1961), которые продолжали линию изучения эмиграции в общеевропейском контексте¹⁴². Конкретное внимание к российской эмиграции в Чехословакии нашло выражение в статьях научной сотрудницы парижского Института славяноведения Стефани Сирак (Stéphanie Cirac), которые посвящены русским литературоведам в Чехословакии, особенно А.Л. Бему¹⁴³.

Среди немецких авторов первенство в области изучения истории русской эмиграции принадлежит профессору Карлу Шлөгелю (Karl Schlögel; род. 1948), автору исследований о русском Берлине на перекрестке разных культур. И хотя в его исследованиях чехословацкий фактор не выделяется особо, они полезны для понимания научных коммуникаций между интеллектуалами-эмигрантами и их немецкими коллегами, например профессором О. Хэтчем¹⁴⁴. Также следует упомянуть монографию немецко-австрийской исследовательницы Анне Хульч (Anne Hultsch) о В.С. Вилинском¹⁴⁵. Хотя герой книги был журналистом и общественным активистом, а не ученым, это исследование важно в силу биографического

¹⁴⁰ *Beaune-Gray D.* G.P. Fedotov, ce qui demeure... (Reflexions sur la revolution russe). Aix-en-Provence, 1990; *Менегальдо Е.* Русские в Париже, 1919–1939. М., 2007.

¹⁴¹ *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. М., 2004.

¹⁴² *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). М., 2014.

¹⁴³ *Cirac S.* Al'fred Ljudvigovič Bem (1886–1945): la géographie intime d'un exil // *Slavica Occitania*. 2013. Vol. 37. P. 261–278; *Eadem.* Les savoirs en réseaux: Al'fred L. Bem et les cercles européens de la slavistique: les traversées d'un émigré russe en Europe centrale // *Les Cahiers Sirice*. 2018. Vol. 21. № 2. P. 25–45; *Eadem.* L'exil russe et la slavistique tchécoslovaque // *Revue des études slaves*. 2023. Vol. XCIV. № 1–2. P. 201–213.

¹⁴⁴ *Шлөгель К.* Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945). М., 2004.

¹⁴⁵ *Hultsch A.* Ein Russe in der Tschechoslowakei: Leben und Werk des Publizisten Valerij S. Vilinskij (1901–1955). Köln – Weimar, 2011.

факта: он был сыном крупного литературоведа профессора С.Г. Вилинского, работавшего в Чехословакии.

Таким образом, современная историографическая ситуация отмечена несомненным глубоким интересом к российской научной эмиграции в Чехословакии. Между тем, несмотря на богатый имеющийся задел, имеются многочисленные тематические пробелы, отсутствуют обобщающие исследования по целому ряду важных сюжетов. Но и дальнейшее осмысление отдельных случаев позволит не просто расширить картину знаний о российской научной эмиграции, но даст возможность посмотреть на ее историю под иным углом, в ином ракурсе.

Таким образом, **объектом исследования** выступает локальный научный центр российской эмиграции, сложившийся в Чехословакии, составными частями которого являются научные институты и конкретные ученые.

Предметом исследования служат коммуникативные практики и интеллектуальные взаимодействия русских ученых-эмигрантов, проявившиеся на разных уровнях: внутри эмигрантского сообщества, в рамках чехословацкой науки и науки славянских стран, а также на уровне мировой науки в целом.

Цель исследования состоит в том, чтобы изучить российское научное сообщество в Чехословакии в системе международных интеллектуальных коммуникаций в хронологических рамках 1920–1970-х гг.

Для реализации поставленной цели обозначены следующие **задачи**:

- показать влияние «Русской акции» чехословацкого правительства на формирование российского научного центра в Чехословакии, оценить первоначальные задачи, ход реализации и итоги этой программы в контексте развития научного знания;

- проанализировать взаимодействие российских и чехословацких ученых в рамках работы различных чехословацких институций: высших школ и научно-исследовательских институтов, осмыслить практики включения и исключения в местную интеллектуальную среду;

- выявить примеры попыток российско-чехословацкого интеллектуального сближения на примере работы конкретных эмигрантских институций;
- обрисовать место конкретных эмигрантских институций в выстраивании сети международных контактов, в том числе в ходе реализации совместных научных проектов;
- рассмотреть практики российских ученых-эмигрантов по изучению Чехословакии и иных славянских стран;
- выявить примеры презентаций результатов исследований на международных научных мероприятиях;
- комплексно изучить систему международных связей эмигрантской организации (на пример Археологического института имени Н.П. Кондакова);
- продемонстрировать модели интеграции российских ученых в научную жизнь послевоенной Чехословакии и других социалистических стран.

Хронологические рамки исследования укладываются в примерно полувековой период от зарождения независимой Чехословакии в 1918 г. и появления там первых ученых-эмигрантов из России до 1970-х гг., когда последние представители научной эмиграции уйдут из жизни. Верхняя граница определяется также первыми попытками академического изучения феномена российской научной эмиграции в Чехословакии, которые как раз были предприняты на рубеже 1960–1970-х гг.

Методология исследования. Исследовательская стратегия диссертации предполагает тщательную разработку методологических приемов современной истории, социологии, философии, науковедения, позволяющих проводить антропологически ориентированные исследования истории науки, культуры и литературы в зеркале общественных трансформаций, создавать комплексную картину их развития в «пространстве внимания» (согласно терминологии Р. Коллинза), которое обозначает совокупность интеллектуальных событий, попадающих в поле зрения индивида. Методологически работа опирается на достижения различных сфер гуманитарного

знания и носит междисциплинарной характер. Вместо того, чтобы предоставлять сугубо описательную и фактографическую информацию об истории международных контактов российских ученых-эмигрантов, будет предпринята попытка исследовать исторический и социальный контекст, в котором происходили культурные взаимодействия.

Наработки в области социальной истории науки¹⁴⁶ дают возможность рассмотреть научную деятельность как практику, связанную с широким социальным, политическим и культурным контекстом, отличающуюся определенными внутренними ценностями. Развитие этих направлений связано с именами видных ученых – Бруно Латтура, Дэвида Блура, Стивена Шейпина и др. Социальная история науки изменила привычные акценты исследователей. Прежде в истории науки видели лишь эволюцию идей и работу выдающихся ученых. Она сводилась к изучению крупных прорывов и достижений, а в индивидуальном плане – к жизнеописанию выдающихся ученых. Такой подход нередко приводил к абстрагированию от культурной среды, которая этих ученых породила. Социальная история и антропология науки как раз позволила разрешить эти трудности, они сделали проницаемыми границы между внутренними и внешними условиями развития знания¹⁴⁷. Внимание современных исследователей обратилось к изучению патронажа науки, лабораторных практик, неформальных научных структур, взаимоотношений внутри научного сообщества, механизмов интеллектуальной мотивации и др. Иначе говоря, на первый план вышло изучение «стиля жизни» ученых или форм «регулирования жизни»¹⁴⁸. Это дало воз-

¹⁴⁶ Александров Д.А., Кременцов Н.Л. Путеводитель по неизведанной земле: предварительный очерк социальной истории советской науки // Вопросы истории естествознания и техники, 1989. № 4. С. 67–80; Пестр Д. Социальная и культурологическая история науки: новые определения, новые объекты, новые практики // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 42–55; № 4. С.40–59; Михель Д.В. История науки: Учебное пособие. Саратов, 2009; Он же. Социальная история науки по Стивену Шейпину // Цивилизация и человек. Саратов, 2011. № 3. С. 107–112.

¹⁴⁷ Хагнер М. История науки // Наука и научность в исторической перспективе. СПб., 2007. С. 25.

¹⁴⁸ Rabinow P. Making PCR: A Story of Biotechnology. Chicago, 1996. P. 2.

возможность представить науку как «совокупность форм повседневной жизни, которой живут люди, именующие себя учеными»¹⁴⁹. В этой связи научная деятельность рассматривается как одно из проявлений социальной активности, которую можно понять только в контексте социально-политической среды. Социолог науки Филипп Китчер, оценивая перспективы развития представляемого им научного направления, обозначил несколько важных исследовательских проблем. К ним он отнес изучение социального и этнического облика научного сообщества, карьерные пути ученых, проблемы престижа и влияния в науке, соотношения научной кооперации с конкуренцией и соперничеством и т.д.¹⁵⁰

Важнейшее значение для изучения международных научных связей и интеллектуальных коммуникаций вообще имеют разработки в сфере транснациональной и перекрестной истории (Юрген Остерхаммель, Уильям МакНилл, и др.). Так сторонники транснациональной истории полагают, что следует изучать не только межгосударственные отношения, но также разнообразные явления и процессы, которые имеют надгосударственную природу и собственную сферу бытия: взаимодействие между интеллектуалами различных стран, циркуляция идей и смыслов, деятельность мультинациональных компаний, роль ассоциаций и международных организаций разного статуса, трансмиссии и рецепции знаний/навыков, работа благотворительных организаций и прочее. Глобальность транснациональной истории проявляется в стремлении освободиться от перегородок, установленных государственными границами для того, чтобы показать все то, что связывает народы и культуры (взаимодействия, влияния, трансферы, родство) с тем, чтобы лучше понять способы интеракций локального, регионального и глобального. В основе перекрестной истории лежит идея пересечения (*idée d'intersection*), в принципе исключающая осмысление еди-

¹⁴⁹ Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 5.

¹⁵⁰ См.: Kitcher P. Reviving the Sociology of Science // Philosophy of Sciences. 2000. Vol. 67. P. 33–44.

ничных целостностей и предполагающая активное взаимодействие, что означает многомерность и сложность исследовательских конфигураций. Новейшие историографические тенденции предполагают, что вместо узкого акцента на межгосударственных отношениях более полная картина взаимодействий возникнет, если попытаться взглянуть на надгосударственные процессы: взаимодействие между интеллектуалами разных стран, трансфер идей, деятельность транснациональных компаний, роль ассоциаций и международных организаций, распространение и получение знаний, деятельность благотворительных организаций и т.д. Такой подход рисует многомерную картину связей между различными народами и культурами и помогает нам лучше понять местные, региональные и глобальные каналы взаимодействия, выходящие за рамки отношений на уровне государств. Другими словами, концепция перекрестной истории сосредоточена на взаимосвязанности обществ, и ее фокус переключается с аналогичными теоретическими темами, такими как концепция «переплетенная история» (*entangled history*) и «связанная история» (*connected history*)¹⁵¹.

Большое влияние на концепцию диссертационного исследования оказали исследовательские подходы, сформулированные представителями интеллектуальной истории (Артур Лавджой, Доминик Ла Капра, Лорина Петровна Репина и др.). Это направление рассматривает историю идей на фоне специфических условий интеллектуальной деятельности. Поэтому всякое научное произведение не должно быть изолировано от его историко-культурного контекста. Интеллектуальная история включает в себя не только историю достижений человеческого интеллекта, но и историю самой этой деятельности в ее процессуальной незавершенности, и культурную среду, задающую ей свои условия и предпосылки, и биографии самих творцов, и их межличностные связи, и историю распространения и вос-

¹⁵¹ *Werner M., Zimmermann B.* Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. P. 30–50; *Douki C., Minard P.* Global History, Connected Histories: A Shift of Historiographical Scale? // *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine*. 2007. Vol. 5. № 54. P. 7–21

приятия новых идей и знаний¹⁵². Это отразилось и на изучении истории науки в рамках концепции интеллектуальной истории. Она превращается не в описание развития научных знаний как таковых, но в изучение деятельности ученых по производству этих знаний. Как заметила Л.П. Репина, «новая историография науки рассматривает ее ... как одну из форм общественной деятельности и часть культуры, которая не может исследоваться в изоляции от социального, политического и других аспектов интеллектуальной истории»¹⁵³. К этому направлению логически примыкает «новый историзм» – междисциплинарное направление, изучающее взаимосвязь литературы, культуры, этнографических и историко-научных проблем (Стивен Гринбланн, Кэтрин Галлахер, Луис Монтроз, Джеймс Клиффорд, Дэвид Кайзер, Ричард Гальперн). В рамках него наука рассматривается как важнейшая часть культуры, важнейшая сторона человеческой деятельности, запечатленная в нарративах.

Анализ данных реализован не только с конкретно-исторических позиций, но и на основе их культурной значимости. Интерпретация источников рассматривается, прежде всего, как интерпретация культурной традиции. В соответствии с такими теоретическими установками в круг задач исследования вошло соотнесение различных типов социального и духовного опытов в процессе научного диалога, опыт адаптации к новым историческим реалиям и переживания исторических травм, систему межличностных связей, ментальные установки, практики дружбы и сотрудничества.

Взаимопроникновение и взаимообогащение методов и понятий культурно-интеллектуальной и социальной истории, социологии науки и социологии культуры дает возможность преодолеть как традиционную описательность, так и ограниченность аналитического инструментария, и сформировать качественную методологическую базу для комплексного изучения из-

¹⁵² См.: Репина Л.П. От истории идей к интеллектуальной истории // XX век: Методологические проблемы исторического познания. М., 2001. Ч. 2. С. 95.

¹⁵³ Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2000. Кн. 2. С. 12–13.

менений в сфере интеллектуальной культуры, внутренних связей, содержания межкультурных коммуникаций и взаимовлияния интеллектуальных традиций в их историческом развитии, для анализа механизмов и форм распространения научных идей в разные периоды, в разных странах и социумах.

Таким образом, используемые в диссертации методологические подходы дали возможность проанализировать особенности развития локального эмигрантского научного сообщества в Чехословакии на фоне изменяющихся политических контекстов и общественных трансформаций, и одновременно вписать это сообщество в широкое коммуникативное поле мировой науки.

Источниковая база исследования. Развитость эмигрантской интеллектуальной инфраструктуры в Чехословакии, концентрация там большого числа покинувших Родину ученых и их активная научно-исследовательская работа предопределили складывание большого корпуса архивных документов. Поскольку работа посвящена международным интеллектуальным коммуникациям, то разработка темы потребовала обращения к архивам разных стран с целью собирания сложной документальной мозаики. В процессе работы были выявлены и проанализированы источники в архивах России, Чехии, Словакии, Венгрии, Сербии, Болгарии, Германии, Эстонии, Финляндии, Дании, Великобритании, Франции, Бельгии, США, Португалии.

Крупнейшим российским собранием документов по истории научной эмиграции обладает Государственный архив Российской Федерации. Его основу, как известно, составили уникальные материалы Русского заграничного исторического архива, оказавшегося после Второй мировой войны в СССР. В работе над диссертацией были использованы документы из личных фондов русских ученых и эмигрантских научных организаций. К первой группе относятся личные фонды Е.Ф. Шмурло (Ф. 5965), С.Г. Пушкарева (Ф.5891), П.Н. Савицкого (Ф. 5783), А.Ф. Изюмова

(Ф. 5962), А.Н. Фатеева (Ф. 6427), Е.Д. Кусковой (Ф. 5865), ко второй группе – фонды Русского юридического факультета (Ф. 5765), Учебной коллегии при Комитете по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой республике (Ф. 5776). Эти материалы важны в первую очередь для понимания институционализации русской науки за рубежом и отношений внутри эмигрантского научного сообщества.

Среди других московских архивов, которые обладают материалами по теме диссертации, следует назвать Российский государственный архив литературы и искусства. Были использованы материалы из фонда Русского культурно-исторического музея в Праге (Ф. 1355), Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии (Ф. 1568), Берлинского комитета помощи русским литераторам и ученым (Ф. 1570), литератора В.Ф. Булгакова (Ф. 2226), общественного деятеля Дионео (И.В. Шкловского) (Ф. 1390). В основном, это документы, касающиеся культурно-просветительской деятельности русских ученых, их социального положения и жизни в новых культурных условиях.

Особое значение имеет собрание Архива Российской академии наук. В нем хранится обширный личный фонд профессора А.В. Флоровского (Ф. 1609), содержащий неисчерпаемый материал по истории русской научной эмиграции. После смерти историка в 1968 г. его вдова частично передала личные документы его советскому коллеге В.Т. Пашуто, который и перевез их в Москву. При этом архивы ученого оказался разделен между Прагой и Москвой¹⁵⁴. Среди бумаг А.В. Флоровского большую ценность представляет его обширная переписка с историками-эмигрантами и иностранными коллегами, документы о работе в чехословацких и русских учебных и научных заведениях, черновики и рукописи работ. Отдельные

¹⁵⁴ См. подробнее: *Ковалев М.В.* Личный фонд А. В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // *Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия.* М., 2013. С. 131–138; *Kovalev M.V., Afiani V.Yu.* Archivní dědictví Antonije Florovského: o historii formování a perspektivách studia // *Slovanský přehled.* 2019. Roč. 105. Č. 1. S. 97–104.

документы по истории российской научной эмиграции и истории международных научных связей, использованные в работе, были выявлены в фондах историка В.П. Волгина (Ф. 514), геологов Н.И. Андрусова (Ф. 567) и А.В. Пейве (Ф. 2006), биологов М.С. Гилярова (Ф. 1944) и К.И. Скрябина (Ф. 1659), в фондах Секретариата Президиума Российской академии наук (Ф. 2) и Главного управления внешних связей АН СССР (Ф. 579). Как правило, это научная корреспонденция, отчеты о заграничных командировках, дневники. Важность этих материалов состоит в первую очередь в том, что они позволяют посмотреть в динамике на взаимодействия советских ученых с их коллегами из числа русских эмигрантов.

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки были изучены документы из личного фонда А.А. Кизеветтера и семьи Кудрявцевых (Ф. 566). Среди них следует назвать черновики неопубликованных работ историка, тексты его публичных выступлений, письма к родственникам и коллегами. В Отделе рукописей Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей РФ были исследованы документы из фонда сенатора, профессора-правоведа С.В. Завадского (Ф. 34), связанные с его работой в Чехословакии.

Исследования в архивах Санкт-Петербурга также дали интересные результаты. Они особенно важны в контексте двух сюжетов: предреволюционного этапа жизни и деятельности некоторых ученых, а также их последующих контактов с друзьями и коллегами, оставшимися в Советской России. Так были использованы материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга были, отражающие развитие научных карьер теплотехника А.С. Ломшакова (Ф. 492) и физико-химика А.И. Глазунова (Ф. 478). Среди материалов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки особую важность представляли письма русских и чешских ученых к историку С.Ф. Платонову (Ф. 585). Отдельные документы по теме диссертации найдены и в других личных фондах, например в фонде литературоведа В.В. Буша (Ф. 117).

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН были изучены материалы переписки геолога Н.И. Андрусова (Ф. 567), историка Ф.И. Успенского (Ф. 116), литературоведа П.Н. Беркова (Ф. 1047), документы о зарубежных командировках Почвенного института (Ф. 80). В Рукописном Отделе Института русской литературы РАН выявлены материалы переписки А.В. Флоровского с литературоведом В.И. Малышевым (Ф. 494), в Архиве Государственного Эрмитажа – документы о международных связях 1920-х гг. (Ф. 1), в Центральном государственном архиве научно-технической документации Санкт-Петербурга – о контактах геолога Д.Н. Андрусова с советскими учеными (Ф. Р-302). В основном все эти материалы касаются взаимодействий между учеными двух России – Зарубежной и Советской. Отдельные тематические документы о таких связях выявлены в Государственном архиве Саратовской области (Ф. 407) и Государственном архиве новейшей истории Саратовской области (Ф. 6261).

Колоссальные материалы по истории российской научной эмиграции хранятся в архивах Чешской республики. В числе главных задач диссертационного исследования – выявление этих материалов, их аналитическое изучение и введение в научный оборот. Во-первых, уже сама выработка программы помощи русским эмигрантам и ее реализация строго документировались чехословацкими ведомствами, например республиканскими министерствами. Эмигранты держали перед ними отчетность: посылали подтверждения о расходовании средств, сметы, благодарственные письма, записки о проделанной научной работе. Во-вторых, по мере интеграции отдельных эмигрантов в чехословацкую интеллектуальную среду и включения их в работу местных учебных и научных организаций, формировался особый корпус документов (личные дела, учетные карточки, отчеты, автобиографии, рекомендации) в архивах высших школ (Карлов университет, Масариков университет, Чешское высшее техническое училище), научных институтов, производственных объединений и предприятий. В-третьих, некоторые ученые-эмигранты, целенаправленно передавали свои

документы в местные архивные собрания. Как правило, речь идет о тех, кто остался после Второй мировой войны в Чехословакии (А.В. Флоровский, П.Н. Савицкий, М.А. Андреева).

В 1990-е гг., несмотря на материальные потрясения, постигшие отечественную науку, начинается постепенное изучение российскими учеными зарубежных архивных коллекций. Увы, чешским архивам в этом процессе было уделено не слишком большое внимание. И.В. Сабенникова и В.Л. Гентшке, анализируя использование отечественными авторами материалов зарубежных архивов, пришли к выводу, что доля обращения к чешским собраниям составляет 4,5% от общего числа исследований, пропуская далеко вперед США (31,2%). И даже если брать в расчет только европейские страны, то внимание к чешским архивам опять заметно меньше (8,3%), чем к французским (13,5%), немецким (12,2%), британским (10,3%)¹⁵⁵. Эти подсчеты, правда, анализируют все работы, основанные на анализе зарубежной архивной Россике, а не только исследования про научную эмиграцию 1920–1930-х гг. Тем не менее, тенденция вполне очевидна. И все же не будем ее абсолютизировать. Отечественные специалисты осознают важность и значимость чешских архивов для изучения российской академической диаспоры, свидетельством чему являются прекрасные исследования В.Ю. Волошиной, В.П. Корзун, И.Л. Кызласовой, С.С. Левашко, С.И. Михальченко, Е.П. Серапионовой, Т.И. Ульянкиной и др. Некоторые архивные собрания, как, например фонд Археологического института имени Н.П. Кондакова в Отделе документов Института истории искусств Академии наук Чешской республики, были весьма неплохо изучены отечественными специалистами (Е.Ю. Басаргина, И.Л. Кызласова, В.А. Росов, И.В. Тункина).

В 1990-х гг. чешскими специалистами были сделаны первые комплексные попытки научного описания эмигрантских архивных материалов. В

¹⁵⁵ Сабенникова И.В., Гентшке В.А. Зарубежная архивная Россика: география размещения, выявление, публикация источников. М., 2014. С. 275–276.

1995 г. архивисты Вацлав Поданы (*Václav Podaný*; род. 1949), и Гана Барвикова (*Hana Barvíková*; род. 1946) подготовили специальный путеводитель по документальным собраниям республики, содержащим эмигрантские материалы, вышедший одновременно на двух языках¹⁵⁶. В поле их зрения попали как пражские, так и некоторые региональные архивы – в Пльзене, Чешской Липе, Опаве, Литомышле. Они подчеркивали, что после вывоза документов РЗИА в СССР возникла насущная потребность понять, какие эмигрантские материалы остались в Чехословакии, что из них сегодня доступно для исследования. Архивисты целенаправленно выбрали только фонды эмигрантского происхождения, исключив из своего перечня собственно чехословацкую документацию. И, конечно, это была лишь первая попытка обзора. В. Поданы и Г. Барвикова видели в своей работе лишь первый этап, за которым должно последовать составление подробного научно-справочного аппарата. Их задачей было наметить пути дальнейших более глубоких, специализированных исследований.

В 1999 г. В. Поданы и Г. Барвикова подготовили объемный межархивный путеводитель под заглавием «Эмиграция из России в межвоенной Чехословакии: Источники в чешских, моравских и силезских архивах»¹⁵⁷. Это был крупнейший шаг вперед на пути познания архивного наследия эмиграции. Упор в нем был сделан уже не столько на собственно эмигрантские фонды, сколько на отражение русской тематики в чешских архивных документах. Если в путеводителе 1995 г. были представлены материалы из 16 архивов, в том числе из двухчастных, то новая книга вобрала в себя данные из 83 архивов, по большей части – из региональных. Вместе с тем, некоторые архивы, упомянутые в книге 1995 г., в новое издание по неяс-

¹⁵⁶ *Ruská a ukrajinská emigrace v Československé republice 1918–1938: přehled archivních fondů a sbírek uložených v České republice / Sest. V. Podaný, H. Barvíková a kol. Praha, 1995; Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике 1918–1938: Путеводитель по архивным фондам и собраниям в Чешской Республике / Отв. ред. В. Поданы и Г. Барвикова. Прага, 1995.*

¹⁵⁷ *Emigrace z Ruska v meziválečném Československu: prameny v českých, moravských a slezských archivech / Sest. V. Podaný a H. Barvíková. Praha, 2000.*

ным причинам не попали (Литературный архив Музея национальной литературы, Отдел документации Института истории искусств Чешской академии наук). Очевидно желание составителей максимально полно представить эмиграцию в зеркале чехословацких документов, потому в путеводителе так обильно упоминаются полицейские отчеты о поведении русских, материалы чехословацких министерств, дипломатические донесения. В этом тоже заключалась авторская задумка: продемонстрировать возможности изучения различных форм русско-чехословацких коммуникаций, особенно в сфере науки и культуры. По сей день это издание остается самым полным и всеобъемлющим путеводителем по эмигрантской теме в чешских архивах. Составители не без иронии именовали свой путеводитель «телефонной книгой со всеми его достоинствами и недостатками»¹⁵⁸. Попутно заметим, что для чешской архивной культуры, в отличие от российской, было характерно научное издание описей фондов¹⁵⁹. Эта практика не всеобъемлющая, но весьма распространенная, причем в архивах разного уровня. Таким образом, уже имеется обширный научно-справочный аппарат, который значительно облегчает работу с документами по истории российской научной эмиграции. Он продолжает совершенствоваться, и в этом помогают информационные технологии. Архивы размещают оцифрованные описи фондов на своих сайтах, участвуют в создании объединенных информационных систем.

Обратимся к обзору архивных материалов, использованных для подготовки настоящей работы. В Национальном архиве (Národní archiv České republiky) особый интерес представлял фонд № 908 «Министерство иностранных дел – Русская акция». Его документы позволили детально про-

¹⁵⁸ Ibid. S. 20.

¹⁵⁹ См., например: *Kopecká L., Dandová M. Nikodim Pavlovič Kondakov. Praha, 1995; Kopecká L. Archeologický institut N.P. Kondakova 1925–1952: inventář fondu. Praha, 1999; Vinařová M. Jevgenij Alexandrovič Ljackij. Praha, 1976; Zahradníková M. Vladimír Andrejevič Francev. Praha, 1995; Zahradníková M. Konstantin Aleksandrovič Čcheidze, Sergej Jakovlevič Savinov, Michail Aleksandrovič Sukennikov, Aleksandr Aleksejevič Umancev, Valerij Sergejevič Vilinskij, Konstantin Konstantinovič Viskovatj. Praha, 1993.*

следить ход подготовки и реализации гуманитарной программы, объемы помощи, оказывавшейся русским эмигрантам, документы по конкретным научным организациям (Русская академическая группа, Совет русских профессоров, Союз Русских академических организаций, РЗИА). Эти сведения логически дополнили материалы фонда № 820 «Русские и украинские эмигрантские общества и организации в Чехословакии» (Ruské a ukrajinské emigrantské spolky a organizace v ČSR). В нем представлены материалы различных обществ, в том числе научных. Но едва ли не самым информативным с точки зрения истории науки и техники следует признать фонд № 746 «Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов в Чехословакии». Поскольку Комитет решал множество задач в рамках помощи студентам, постановки обучения, популяризации научных знаний, подбора научно-педагогических кадров, то документы о его деятельности являются бесценными свидетельствами бурной интеллектуальной жизни русской диаспоры. Но, главное, они позволяют реконструировать как внутреннюю, так и внешнюю жизнь научного сообщества. Деятельность эмигрантов находилась под наблюдением полиции, а потому исключительную ценность представляют бумаги из фондов полицейского управления в Праге (Policejní ředitelství Praha). Чрезвычайно важна полицейская картотека, в которой имеются дела на всех приехавших в страну иностранцев. Зачастую она позволяла уточнить биографические данные, даты приезда в Чехословакию или отъезда из нее, гражданский и семейный статус, увидеть фотографию нужной персоны. Например, благодаря этой картотеке исследователям удалось реконструировать обстоятельства жизни в Праге русского почвоведца П.В. Отоцкого.

В Архиве столичного города Праги (Archiv hlavního města Prahy) находится несколько фондов эмигрантского происхождения, напрямую связанных с историей науки. К ним относится неразобранный фонд № 754 «Союза русских академических организаций за границей» (Svaz ruských akademických organizací v zahraničí). Он не велик по объему, занимает лишь

одну архивную коробку, но ценен по содержанию. В нем представлены регистрационные карты членов Союза, в которых содержатся основные данные об их деятельности, списки членов Союза, сведения о Русских академических группах в разных странах (Эстония, Германия, Югославия, Чехословакия, Бельгия, Франция, Италия, Польша, Великобритания), автобиографические материалы многих русских ученых, официальная переписка. Материалы этого фонда вносят существенный вклад в изучение социального облика российского научного сообщества за рубежом. Другим важным собранием является фонд № 750 «Русский свободный университет в Праге» (*Ruská svobodná universita v Praze*). Он включает в себя протоколы заседаний органов управления университетом, бухгалтерские документы, научные отчеты, объявления и повестки о мероприятиях, программы лекционных курсов, семинаров, научных кружков, деловую корреспонденцию ректоров университета, печатные труды сотрудников. Среди прочих материалов в нем следует назвать документы Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете, Русского культурно-исторического музея, Русского исторического общества, Философского общества. Документы фонда № 4 «Магистрат столичного города Праги» (*Magistrát hlavního města Prahy I*) дали возможность проследить участие пражских властей в оказании помощи ученым-эмигрантам, в том числе в организации международных научных мероприятий.

Материалы Архива Канцелярии Президента Республики (*Archiv Kanceláře prezidenta republiky*) отразили многочисленные свидетельства контактов чехословацких властей с эмиграцией. Видный политический и общественный деятель Пржемысл Шамал (*Přemysl Šámal*; 1867–1941), возглавлявший Канцелярию с момента ее создания в 1919 г. и до декабря 1938 г., был в числе активных сторонников всеобъемлющей поддержки русских беженцев. Именно через него шли их многочисленные письма и обращения на имя президента. Заслуживают внимания многочисленные обращения русских ученых к чехословацким властям, связанные, как пра-

вило, с решением материальных вопросов и просьбами о поддержки научных исследований или печатании работ. Можно привести в пример материалы о патронаже над Археологическим институтом имени Н.П. Кондакова, финансировании исследований фольклориста П.Г. Богатырева, поддержке издательской деятельности Русского исторического общества. Материалы архива рассказывают о встречах президентов Т. Масарика и Э. Бенеша с эмигрантами, которые довольно подробно документировались. В них находим имена В.А. Францева, М.М. Новикова, Н.О. Лосского, С.П. Мельгунова, А.С. Ломшакова.

Архив Министерства иностранных дел (*Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky*), расположившийся неподалеку от Пражского Града в старинном Чернинском дворце, также представлял значительный интерес. Невзирая на то, что основной комплекс документов по «Русской акции» хранится ныне в Национальном архиве, в Архиве МИД по-прежнему остается немало важных документов, характеризующих отношение чехословацких политических кругов к русским ученым. В фонде II-й секции (политической) (№ 28; II. sekce – politická) имеются материалы о РЗИА, Археологическом институте имени Н.П. Кондакова, Русском институте, поддержке русских профессоров.

Большой исследовательский потенциал имели архивы высших учебных заведений Чешской республики. В Архиве Чешского высшего технического училища (*Archiv Českého vysokého učení technického v Praze*) в фонде «Ректорат» изучены личные дела русских студентов и преподавателей (А.П. Фан-дер-Флит, А.С. Ломшаков). Отличительной чертой этого собрания является то, что в нем сохранились докторские диссертации, защищенные в стенах Политехникума русскими эмигрантами. В архиве также хранятся изданные учебные программы курсов, которые помогли реконструировать педагогическую деятельность русских ученых.

Личные дела русских преподавателей выявлены в Институте истории Карлова университета и Архиве Карлова университета (*Ústav dějin Univer-*

zity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy). Они сгруппированы по факультетскому принципу: природоведческий факультет (геолог Д.Н. Андрусов, математик Е.Л. Буницкий, астроном В.В. Стратонов, ботаник В.С. Ильин, зоолог М.М. Новиков), философский (философ Н.О. Лосский, историки А.В. Флоровский и А.А. Кизеветтер, искусствовед Н.Л. Окунев), медицинский (хирург Ф.Ф. Никишин), юридический. Изучение материалов факультетских Советов профессоров и Академического сената позволило понять механизмы избрания русских ученых на должности в университет, процесс обсуждения кандидатур.

В Брно в Архиве Масарикова университета (Archiv Masarykovy univerzity v Brně) в факультетских фондах просмотрены личные дела работавших там русских ученых, например ботаника Г.И. Ширяева, литературоведа С.Г. Вилинского, юриста М.А. Циммермана. Имеется в архиве и переписка, характеризующая русско-чешские интеллектуальные контакты, например в фонде диалектолога Франтишека Травничека (Trávníček František; 1888–1961). Также в Брно, в Архиве Менделова университета (Archiv Mendelovy univerzity v Brně), основанного в 1919 г. как Высшая земледельческая школа, проработаны личные дела русских студентов, многие из которых впоследствии стали заметными учеными, оставившими след в чехословацкой и европейской науке, например, ихтиолог Б.С. Костомаров и генетик К.И. Мостовой.

Важнейшее значение имела работа с рукописным собранием Славянской библиотеки в Праге (Slovanská knihovna v Praze), где были проработаны личные фонды русских ученых, а также эмигрантских организаций. Самым крупным является фонд А.В. Флоровского. Применительно к теме диссертационного исследования, интерес представляла международная переписка ученого, материалы о его работе в чехословацких и эмигрантских организациях, отчеты о научной работе, рукописи неопубликованных трудов, автобиографические документы. Хронологически они охватывают весь эмигрантский период жизни ученого, и особенно период 1950–1960-е гг., та-

ким образом, значительно дополняя материалы московской коллекции А.В. Флоровского в Архиве РАН. Динамика переписки наглядно демонстрирует интеграцию А.В. Флоровского в мировое научное сообщество. Также сохранились многочисленные свидетельства об активных связях А.В. Флоровского с советскими коллегами после Второй мировой войны. В фонде А.В. Флоровского сосредоточены материалы различных эмигрантских организаций, в работе которых он принимал участие, а именно – Русского исторического общества, РЗИА, Археологического института имени Н.П. Кондакова. Достойны внимания материалы из небольшого по объему фонда византистки М.А. Андреевой, отражающие развитие ее ученой карьеры в чехословацком окружении. Отдельные материалы выявлены в фонде евразийского лидера П.Н. Савицкого. В фонде лингвиста Н.Н. Дурново просмотрены материалы его научной переписки 1920-х гг., отражающей связи с коллегами в СССР в ту пору, когда он жил и работал в Чехословакии. В фонде РЗИА была проработана переписка с платными и добровольными корреспондентами по вопросам приобретения фондов.

В Архиве Национального музея (*Archiv Národního muzea*) находится объемный фонд чехословацкого политика Карела Крамаржа (№ 228), который оказывал эмиграции всемерную поддержку. Были изучены письма к нему от русских ученых, раскрывающие особенности патронажа русской научной жизни за рубежом.

В Литературном архиве Музея национальной литературы (*Literární archiv Památníku národního písemnictví*) упор был сделан на личные фонды русских и чехословацких ученых. В фондах академиков В.А. Францева (№ 327) и Н.П. Кондрова (№ 830) изучена обширная переписка ученых с коллегами и деятелями культуры, материалы о служебной деятельности.

В Земском архиве в Опаве (*Zemský archiv v Opavě*) находится фонд Высшей горной школы (*Vysoká škola báňská*), с которой тесно сотрудничали ученые-эмигранты – А.И. Глазунов и А.Н. Митинский. Были проанализированы их личные дела, а также неопубликованные материалы

А.Н. Митинского. Они являются важнейшим источником по истории российской модернизации начала XX в., науки и техники, социального вопроса, особенности трансфера знаний и технологий.

В Государственном областном архива в Пльзене (филиал в Непомук), Непомук (Státní oblastní archiv v Plzni, pracoviště Klášter), хранятся документы промышленных предприятий, среди которых особое место принадлежит огромному по объему фонду Объединения «Шкода» (Archív společnosti Škoda). Там имеются материалы о служебной деятельности известного ученого-теплотехника А.С. Ломшакова.

Говоря о ведомственных архивах, нельзя обойти вниманием документальные собрания Академии наук Чешской республики. В Отделе документации Института истории искусств Академии наук Чешской республики (Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace), хранится фонд Археологического института имени Н.П. Кондакова (Archeologický institut N.P. Kondakova). Объем фонда велик – 63 коробки, а хронологические рамки охватывают весь период существования этой уникальной научной организации (с 1925 по 1952 гг.). Среди материалов особый интерес для настоящего исследования представляла международная переписка кондаковцев – с иностранными и советскими учеными, с коллегами-эмигрантами из других стран. Институт был едва ли не самой интернациональной по характеру работы эмигрантской научной организацией. Он поддерживал партнерские отношения с учеными разных стран.

Едва ли не самые обширные материалы по истории российской научной эмиграции выявлены в собрании Масарикова института и Архива Чешской академии наук (Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky). Он ведет начало с 1953 г., когда был образован Архив Чехословацкой академии наук. Тогда в его состав, помимо документации самой академии, были включены материалы нескольких научных обществ (Королевское чешское научное общество, Масарикова академия труда и др.) и личные фонды видных ученых. С начала 1993 г. архив стал именоваться «Архивом Акаде-

мии наук Чешской Республики». В 2005 г. для него было построено новое здание на окраине Праги. На следующий год, в связи с реорганизационными процессами в научной сфере, он был объединен с Масариковым институтом.

По предварительным подсчетам, материалы о российской научной эмиграции содержатся примерно в 50 различных фондах архива. В фондах научных организаций и обществ, таких как Чешская академия наук и искусств, Чешское королевское научное общество, Масарикова академия труда, имеются документы об избрании и членстве в них русских ученых. Особый интерес представляет фонд Славянского института. В нем содержится информация об участии русских ученых в деятельности этой научной организации, в том числе о поддержке издательских проектов, чтении публичных лекций и др. Здесь же имеются материалы о сотрудничестве с Археологическим институтом имени Н.П. Кондакова, Экономическим кабинетом С.Н. Прокоповича, РЗИА.

Нельзя обойти стороной личные архивные фонды чехословацких ученых, в которых имеются многочисленные свидетельства о контактах с русскими коллегами. В первую очередь речь идет о переписке как личного, так и сугубо делового характера. Упомянем здесь проработанные фонды историков Я. Бидло и К. Крофты, литературоведа И. Горака, ботаника Б. Немеца, геолога Р. Кеттнера, гидролога Я. Сметану, механика З. Бажанта, правоведа К. Кадлеца и др. Документы академического архива показывают наличие широких и разнообразных контактов между русскими учеными и чехословацким окружением. К примеру, российско-чехословацкие коммуникации в сфере естественных и технических наук относятся пока к категории малоизученных. Тем важнее было обращение к материалам данного архива, который российские исследователи до сих пор обходят своим вниманием.

Если продолжать линию зарубежных академических архивов, то большим исследовательским потенциалом обладает Архив Словацкой акаде-

мии наук в Братиславе (Archív Slovenskej akadémie vied) и особенно хранящийся там личный фонд геолога, академика Д.Н. Андрусова. Хотя его материалы охватывают, в основном, послевоенный период, они важны для понимания механизмов интеграции русского ученого в местную и европейскую науку. Материалы этого фонда прежде не использовались отечественными исследователями¹⁶⁰. Восполнить некоторые пробелы позволило обращение к документам Архива Университета Я.А. Коменского (Archív Univerzity Komenského v Bratislave), в котором хранится личное дело Д.Н. Андрусова и других русских ученых.

В Венгрии были выявлены материалы в Отделе рукописей и редких книги Библиотеки Венгерской академии наук (Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye) и в Архиве Национального музея в Будапеште (Magyar Nemzeti Múzeum irattára). Речь идет о переписке венгерских ученых (Н. Феттих, Д. Моравчик, И. Лукинич) с русскими учеными-эмигрантами из Чехословакии.

В Сербии проработаны материалы в фонде агронома А.И. Стебута в Историческом архиве Белграда (Историјски архив Београда), из фондов лингвиста А. Белича и историка С. Станоевича в Архиве Сербской академии наук и искусств (Архив Српске академије наука и уметности.). Это опять же переписка с русскими учеными. В Архиве Югославии (Архив Југославије) в фонде министерства просвещения изучены материалы о патронаже властей королевства над Институтом имени Н.П. Кондакова в конце 1930-х – начале 1940-х гг.

В Болгарии в Государственном архиве Софии (Държавен архив) выявлены материалы о проведении в 1930 г. в болгарской столице съезда Союза

¹⁶⁰ Ковалев М.В. Краткий обзор материалов личного фонда Д.Н. Андрусова в Архиве Словацкой академии наук в Братиславе // Материалы II Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 300-летию Российской академии наук (26 февраля – 1 марта 2024 г.) / Под ред. Р.А. Фандо. М., 2024. С. 406–408.

русских академических организаций за границей. В Научном архиве Болгарской академии наук (Научен архив на Българска академия на науките) изучен обширный пласт переписки болгарских ученых с коллегами из числа русских эмигрантов.

В Хельсинки в Отделе рукописей Национальной библиотеки Финляндии (Kansalliskirjasto, Käsikirjoituskoelma.) исследованы материалы личного фонда археолога А.М. Тальгрена, которые способствуют пониманию коммуникативных практик европейских археологов в межвоенный период.

С подобными сюжетами связаны материалы корреспонденции британского археолога сэра Э.Х. Миннза в собрании специальных коллекций Библиотеки Кембриджского университета (Cambridge University Library, Special Collections). Если продолжать линию британских архивов, то для раскрытия темы диссертации были изучены документы из личного фонда сэра Б. Пэйрса в собрании Школы славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа Лондона (University College London, School of Slavonic and East European Studies, Library's Archive Collections), из фонда Британского совета в Национальном архиве (The National Archives, Kew), из личного фонда Э. Карра в собрании специальных коллекций библиотеки Университета Бирмингема (University of Birmingham, Cadbury Research Library, Special Collections). Все они касались международных связей РЗИА. В фонде А.В. Тырковой-Вильямс в рукописном собрании Британской библиотеки (British Library, Special Collections) изучены письма к ней русских ученых с просьбой о поддержке. Особое значение имело обращение к рукописным коллекциям Бодлеанской библиотеки Оксфордского университета (University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections). Материалы личного фонда С.А. Коновалова помогли реконструировать научные контакты между «русской Прагой» и Великобританией. В Русском архиве Университета Лидса (Leeds Russian Archive) были проработаны материалы Пражского Земгора, а также документы из лично-

го фонда Л.Ф. Зурова об исследованиях Института имени Н.П. Кондакова в Эстонии.

В Эстонии были проведены исследования в Национальном архиве в Тарту (Rahvusarhiiv Tartus), выявлены важные биографические материалы о Е.Ф. Шмурло и Д.Д. Гримме, о контактах эмигрантов с эстонской наукой в межвоенный период.

Из архивов США (Гуверовский архив войны, революции и мира – Hoover Institution Library and Archives; Бахметевский архив Колумбийского университета – Columbia University, The Rare Book and Manuscript Library, Bakhtmeteff Archive) изучены материалы личной и деловой переписки русских ученых-эмигрантов (Г.В. Вернадский, П.Б. Струве, С.Г. Пушкарев и др.)

Материалы, связанные с проблематикой диссертации, также выявлены и изучены в Архиве Королевского музея армии и военной истории в Брюсселе (Musée Royal de l'Armée et de l'Histoire Militaire), в Собрании рукописей Библиотеки Института Франции в Париже (Manuscrits de la Bibliothèque de l'Institut de France) и в собрании Библиотеки, архива, музея современных миров в Нантере (La contemporaine (Bibliothèque, archives, musée des mondes contemporains)), в Архиве Лиссабонского университета (Arquivos da Universidade de Lisboa), в Федеральном архиве Германии в Кобленце (Bundesarchiv, Koblenz), в Отделе рукописей Датской королевской библиотеки в Орхусе (Det Kongelige Bibliotek – Aarhus. Håndskriftsamlingen). Во всех случаях речь идет об отдельных документах, связанных с частными сюжетами (помощь русским ученым, судьбы архивов, научные консультации и обмен информацией). Однако все они чрезвычайно важны для понимания феномена интеллектуальных трансферов.

Таким образом, архивные изыскания позволили создать прочную эмпирическую базу диссертационного исследования. Именно архивные документы послужили важнейшими источниками. Большая часть была впервые введена в научный оборот.

В диссертационном исследовании также использован обширный корпус опубликованных источников, который условно можно разделить на несколько групп. К первой следует отнести опубликованные документы личного происхождения: частную и деловую переписку, автобиографии, мемуары, дневниковые записи. Они дают возможность проникнуть во внутренний мир исследователя, понять его мировоззрение и мотивы научного творчества. Личная переписка может восприниматься как диалог двух лиц, находящихся в дружеских отношениях, объединенных общими интересами. Однако при работе с этим видом источников необходимо учесть ряд особенностей. По замечанию современных исследователей эпистолярного наследия, информация, содержащаяся в частных письмах, изначально субъективно окрашена, но «эта субъективность многослойна, полифонична, что затрудняет прочтение подобного рода текстов, и одновременно расширяет возможные исследовательские стратегии получения информации»¹⁶¹. Субъективность оценок часто и представляет особый интерес, поскольку она позволяет проследить характер межличностных отношений ученых. Деловая переписка дает возможность охарактеризовать деятельность научного сообщества, степень и уровень личностных и групповых научных контактов.

Еще в 1960-е гг. большой корпус эпистолярных источников по истории российской научной эмиграции был опубликован болгарскими исследователями¹⁶². Речь идет прежде всего об ученых, связанных с Болгарией, но широта обсуждаемых в корреспонденции тем и сюжетов важна для понимания интеллектуальных коммуникаций между учеными разных европейских стран. В 1990-е гг. в России была опубликована переписка

¹⁶¹ Корзун В.П., Свешников А.В., Мамонтова М.А. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX – XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков). Омск, 2003. С. 9.

¹⁶² Въжарова Ж. Указ. соч.; Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи / Съст. Л. Костадинова, В. Флорова, Б. Димитрова. София: Издателство на Българската академия на науките, 1968. 407 с.

А.В. Флоровского с А.Л. Погодиным¹⁶³, В.А. Францева с В.С. Иконниковым и А.В. Флоровским¹⁶⁴, Н.П. Кондакова с М.И. Ростовцевым, П.С. Уваровой, А.Н. Грабарем¹⁶⁵, А.А. Кизеветтера с В.А. Маклаковым¹⁶⁶, П.Н. Савицкого с Ф.И. Успенским¹⁶⁷ и др. В 2000-х гг. изучением эпистолярного наследия российской научной эмиграции и публикацией ранее неизвестных эпистолярных источников успешно занимается С.И. Михальченко. Опубликованная переписка в основном связана с именами ученых-историков и, несколько реже, филологов. На этом фоне выделяются публикации переписки психиатра Н.Е. Осипова с З. Фрейдом¹⁶⁸, зоолога М.М. Новикова с коллегами¹⁶⁹. Что же касается публикаций чехословацких эпистолярных источников, то особое место занимает переписка Т. Масарика с российскими корреспондентами, в том числе с учеными (Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, А.Л. Погодин, П.Г. Богатырев, В.А. Францев, А.С. Ломшаков и др.)¹⁷⁰

Важнейшее место среди источников личного происхождения занимает мемуарно-автобиографическая литература. Интеллектуальная среда Зарубежной России породила чрезвычайно широкий пласт источников подобного рода. С точки зрения А.Г. Тартаковского, мемуаристика является «одним из средств духовной преемственности поколений и одним из показателей уровня цивилизованности общества, его сознательного отношения

¹⁶³ Аксенова Е.П. К истории русской научной эмиграции в Югославии (Письма А.Л. Погодина А.В. Флоровскому) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 78–83.

¹⁶⁴ Досталь М.Ю. Из переписки В.А. Францева (Письмо В.А. Францева В.С. Иконникову, письма А.В. Флоровского В.А. Францеву) // Славяноведение. 1994. № 4. С. 102–107.

¹⁶⁵ Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. С. 78–166, 184–247 и др.

¹⁶⁶ Будницкий О.В., Эммонс Т. «Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное»: Переписка В.А. Маклакова и А.А. Кизеветтера // Источник. 1996. № 2. С. 4–24.

¹⁶⁷ Робинсон М.А. Письмо П.Н. Савицкого Ф.И. Успенскому // Славяноведение. 1992. № 4. С. 83–85.

¹⁶⁸ Фрейд З., Осипов Н.Е. Переписка 1921–1929. Ижевск, 2011.

¹⁶⁹ Ульянкина Т.И. Михаил Михайлович Новиков. С. 340–460.

¹⁷⁰ Korespondence T.G. Masaryk – Slované. Rusové a Ukrajinci. 2. svazek. Praha, 2016.

к своему прошлому, а следовательно, и к своему бытию вообще»¹⁷¹. Написание мемуаров было одной из форм сохранения исторической памяти. Именно поэтому почти все воспоминания ученых-эмигрантов были проникнуты ностальгической нотой. Не надо, однако, понимать под ностальгией сусально-лубочную картину дореволюционной России, тем более что немалое число интеллектуалов-эмигрантов были если даже не политическими оппозиционерами, то относились критически ко многим российским реалиям. Так или иначе, но многие мемуарные тексты, созданные учеными-эмигрантами в 1920–1930-е гг., хронологически ограничивались дореволюционным периодом, описания эмигрантского бытия в них отсутствовали. К таковым источникам относятся опубликованные еще в межвоенный период мемуары историков Н.П. Кондакова¹⁷² и А.А. Кизеветтера¹⁷³, геолога Н.И. Андрусова¹⁷⁴, инженера А.И. Фенина¹⁷⁵. С одной стороны, налицо было желание интеллектуалов понять корни произошедшей исторической катастрофы, но, с другой стороны, воспоминания о недавних событиях травмировали душу и поэтому о них желали забыть. Свою книгу воспоминаний «На рубеже двух столетий» А.А. Кизеветтер заканчивал рассказом о том, как летом 1914 г. на даче близ Можайска он встретил известия о начале Первой мировой войны: «Но для описания того, что пришлось пережить за время войны и революции, потребовалась бы книга много больше той, которую я решаюсь предложить теперь вниманию читателей. Да и трудно было бы писать сейчас такую книгу. Тяжело беречь незакрывшиеся раны»¹⁷⁶.

Основная масса мемуарно-автобиографической литературы появилась после Второй мировой войны, когда у представителей русской эмиграции

¹⁷¹ *Тартаковский А.Г.* Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 35.

¹⁷² *Кондаков Н.П.* Воспоминания и думы. Прага, 1927.

¹⁷³ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. Прага, 1929.

¹⁷⁴ *Андрусов Н.И.* Воспоминания, 1871–1890. Париж, 1925.

¹⁷⁵ *Фенин А.И.* Воспоминания инженера. (1883–1906 гг.): к истории общественного и хозяйственного развития России. Прага: Русский институт в Праге, 1938.

¹⁷⁶ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. С. 523–524.

возникла потребность осмыслить пережитые ими в 1920–1940-е гг. события. В 1952 г. зоолог М.М. Новиков опубликовал в США книгу воспоминаний «От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике», в которой большое внимание отведено периоду работы в Праге и Братиславе¹⁷⁷. В ней он подробно осветил процесс превращения Праги в интеллектуальную столицу Зарубежной России, деятельность эмигрантских организаций в Чехословакии, коснулся взаимоотношений русских, чешских и словацких ученых, рассказал о конфликтах в академической среде.

Особняком стоят написанные в 1960-е гг. воспоминания журналиста и архивиста Д.И. Мейснера, который в 1920–1930-е гг. жил и работал в Чехословакии¹⁷⁸. После Второй мировой войны он поддался просоветским симпатиям, взял советский паспорт, но остался жить в Праге. Д.И. Мейснер попытался переосмыслить весь свой предшествующий жизненный опыт, и эта переоценка нашла отражение в его воспоминаниях. Тем не менее, его книга не была памфлетом против русской эмиграции и ее ценностей. Несмотря на общую критику политических идей Зарубежной России, ее культурное и научное наследие оценивалось автором высоко. Вполне объективно описаны и видные эмигрантские деятели – П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, П.И. Новгородцев, М.И. Цветаева, С.Н. Прокопович и др. Следует принять во внимание, что книга была подготовлена к печати на волне хрущевской Оттепели. Эту особенность отмечали зарубежные рецензенты книги¹⁷⁹. По сей день мемуары

¹⁷⁷ Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. В 1956 г. он также подготовил специальный очерк воспоминаний о русской Праге: Новиков М.М. Русские эмигранты в Праге // Новый журнал. 1957. Кн. 49. С. 243–256.

¹⁷⁸ Мейснер Д.И. Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966.

¹⁷⁹ Б.С. Пушкарев считал книгу Д.И. Мейснера ответом на колоссальный интерес к судьбам русской эмиграции, который проявляли интеллектуалы в СССР: «Книга читается легко и не разочарует чуткого читателя, который сумеет различить, когда автор пишет прямо, а когда он насилует себя, кривит душой, оправдывается или сложными маневрами пролазит через решетки цензуры и партийного заказа» (Пушкарев Б.С. Записки эмигранта в советском издательстве [1967] // Пушкарев Б.С. Россия и опыт Запада: Избранные статьи 1955–1995. М., 1995. С. 248).

Д.И. Мейснера остаются одним из ценнейших источников по истории русской эмиграции.

Почти одновременно с книгой Д.И. Мейснера были опубликованы, но уже за рубежом, воспоминания видного русского философа профессора Н.О. Лосского, высланного в 1922 г. из Советской России, и в 1920–1930-х гг. работавшего в Чехословакии¹⁸⁰. Он подробно рассказал об организации русской научной жизни за рубежом, о контактах с представителями чехословацких интеллектуальных кругов, о трудностях адаптации эмигрантов к новому культурному окружению. Интересно, что семейную мемуарную традицию продолжил и сын философа – известный историк и искусствовед Б.Н. Лосский. В 1994 г. в альманахе «Минувшее» были напечатаны его обширные воспоминания «В русской Праге»¹⁸¹. В них автор сосредоточил основное внимание на повседневной жизни русских изгнанников, на ее бытовых аспектах.

К числу наиболее информативных источников относятся мемуары историка и литературоведа Н.Е. Андреева¹⁸². В 1927–1945 гг. он жил в Праге и был одним из самых активных участников русской научной и культурной жизни. После Второй мировой войны он был арестован СМЕРШем по обвинению в сотрудничестве с нацистами. В 1947 г. все подозрения с Н.Е. Андреева были сняты, он был выпущен из заключения, правда без права возврата в Прагу. В 1947–1948 гг. он работал в Берлине, а затем переехал в Великобританию, где и прожил до конца своей жизни. Н.Е. Андреев начал работу над своими мемуарами в 1978 г. После неудачной глазной операции он почти лишился зрения и поэтому был вынужден записывать свои воспоминания на магнитофон. Процесс их расшифровки начался уже после смерти Н.Е. Андреева, и занял несколько лет. В 1996 г.

¹⁸⁰ Лосский Н.О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968.

¹⁸¹ Лосский Б.Н. В русской Праге (1922–1927) // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 7–79.

¹⁸² Андреев Н.Е. То, что вспоминается: Из семейной хроники Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). Таллинн, 1996. Т. 1–2.

стараниями Е.Н. Андреевой, дочери историка, эти воспоминания были изданы в Таллинне в двух томах, в 2006 г. переизданы в Санкт-Петербурге. Впоследствии появилась их публикация в Праге в переводе на чешский язык. Мемуары Н.Е. Андреева привлекают внимание своей огромной информативностью. Найдется немного сторон научной и культурной жизни русской диаспоры, которые бы историк обошел молчанием. Примечателен в его воспоминаниях бытийственный аспект, а именно повышенное внимание к повседневной жизни эмиграции, ее взаимоотношениям с чехословацким окружением. Они важны для изучения истории Института имени Н.П. Кондакова.

В начале 1980-х гг. старший коллега Н.Е. Андреева С.Г. Пушкарев опубликовал в эмигрантских газетах и журналах ряд автобиографических очерков¹⁸³. Он жил в Чехословакии с ноября 1921 г. по июль 1945 г. и на его глазах прошло становление, расцвет и угасание «русской Праги». В 1999 г. усилиями сына ученого, Б.С. Пушкарева, эти воспоминания были объединены в одну книгу и изданы в Москве¹⁸⁴. Отличительной чертой воспоминаний С.Г. Пушкарева является их фрагментарность и лаконичность. В отличие от других авторов, он никогда не ставил перед собой цели представить законченный мемуарный текст. С.Г. Пушкарев писал только о том, что особо волновало его в данный моменты, что было остро прочувствовано им. Поэтому он представил читателю только отдельные эпизоды своей эмигрантской жизни.

В 2000-х гг. по сохранившимся в архивах рукописям были опубликованы мемуары журналиста и общественного деятеля Н.А. Цурикова¹⁸⁵, историка А.В. Флоровского¹⁸⁶, астронома В.В. Стратонова¹⁸⁷ и правоведов

¹⁸³ Новое русское слово. Нью-Йорк. 1980. 20, 27 сентября; 4, 11, 14, 18, 21 и 28 октября; 1, 8, 15, 22 и 29 ноября; 13 декабря. См. также: Новый журнал. Нью-Йорк, 1980. № 139, 140; 1982. № 147, 149; 1983. № 151.

¹⁸⁴ Пушкарев С.Г. Воспоминания историка: 1905–1945 / Под ред. Б.С. Пушкарева, 1999.

¹⁸⁵ Цуриков Н.А. Прошлое. М., 2006.

¹⁸⁶ Автобиография А.В. Флоровского // Флоровский А.В. Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: из архивного наследия / Под ред. В.Ю. Афиани;

Д.Д. Гримма¹⁸⁸ и Е.В. Спекторского¹⁸⁹. Последние особенно интересны для изучения российской научной эмиграции, поскольку содержат многочисленные подробные зарисовки жизни эмигрантов в Чехословакии на Балканах, личных, порой непростых, взаимоотношений, международных научных контактов. При этом остаются неопубликованными многие мемуарные тексты, хранящиеся в архивах России и зарубежных стран (В.В. Саханев, А.Н. Митинский, П.В. Отоцкий, В.Ф. Булгаков и др.).

Среди прочего комплекса мемуарной литературы следует назвать воспоминания историка В.В. Саханева¹⁹⁰; Т.А. Бем-Рейзер, дочери известного литературоведа А.Л. Бема¹⁹¹; архитектора и общественного деятеля Б.С. Пушкарева, сына историка С.Г. Пушкарева¹⁹²; социолога П.А. Сорокина¹⁹³, Г.В. Вернадского¹⁹⁴; правоведа Н.Н. Алексеева¹⁹⁵ и др. В 2003 г. был издан сборник воспоминаний деятелей русской науки и культуры XVIII–XX вв. о Праге, в котором представлены и мемуары эмигрантов¹⁹⁶. В Праге начато издание серии мемуаров и дневников русских эмигрантов, в которой уже опубликованы важные для изучения научной эмиграции дневниковые заметки Н.П. Кондакова и расшифровка магнитофон-

вступ. ст. *М.В. Ковалева*, сост., подг. к публ. и коммент. *В.Ю. Афиани, М.В. Ковалева, Е.В. Косыревой, Т.Н. Лаптевой*. СПб., 2020. С. 435–479.

¹⁸⁷ *Стратонов В.В.* По волнам жизни / Подг. текста *В.Л. Гениса* и *К.В. Иванова*; предисловие *К.В. Иванова*; комм. *В.Л. Гениса* при участии *К.В. Иванова*. М., 2019. Т. 1–2.

¹⁸⁸ *Гримм Д.Д.* Воспоминания: из жизни Государственного совета 1907–1917 гг.: / Подг. текста и коммент. *А.В. Воронежцева, М.В. Ковалева, В.С. Мирзеханова, Т.К. Шор*; вступ. ст. *М.В. Ковалева, Т.К. Шор*. СПб., 2017.

¹⁸⁹ *Спекторский Е.В.* Воспоминания / Вступ. ст. *С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко*; подгот. текста, коммент. *С.И. Михальченко*; коммент. *П.А. Трибунского*. Рязань, 2020.

¹⁹⁰ *Саханев В.В.* Последние дни жизни Е.Ф. Шмурло // *Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг.* М. – СПб., 2005. Вып. 2. С. 280–303.

¹⁹¹ *Бем-Рейзер Т.А.* Украденное счастье // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 2008. Кн. 251. С. 241–290.

¹⁹² *Пушкарев Б.С.* Долгая дорога в Россию // *Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания*. М., 2006. С. 356–390.

¹⁹³ *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992.

¹⁹⁴ *Вернадский Г.В.* Прага / Подг. к публ., вступ. ст. и комм. *А.В. Антощенко* и *С.В. Пономарева* // *Диалог со временем*. 2017. Вып. 60. С. 355–364.

¹⁹⁵ *Алексеев Н.Н.* Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 205–224.

¹⁹⁶ *Прага: русский взгляд: Век восемнадцатый – век двадцать первый* / Сост. и авт. комм. *Н.Л. Глазкова*. М., 2003.

ной записи мемуаров Е.А. Максимович, дочери историка А.А. Кизеветтера¹⁹⁷.

Несомненный интерес представляют мемуары советских ученых, в которых нашли отражения их контакты с русскими эмигрантами после Второй мировой войны, например встречи геолога В.Е. Хаина с Д.Н. Андрусовым¹⁹⁸, общение А.А. Зимина с А.В. Флоровским¹⁹⁹.

К сожалению, представители чехословацких интеллектуальных кругов практически не оставили упоминаний о русских в своих мемуарах. В 1949 г. видный словенский филолог Матия Мурко, почти всю жизнь проживший в Праге, опубликовал воспоминания, в которых дал краткие характеристики русских историков и литературоведов: В.А. Францева, Р.О. Якобсона, Е.А. Ляцкого, Н.Л. Окунева²⁰⁰. В 1960 г. чешский журналист Франтишек Кубка представил воспоминания о русских и советских деятелях культуры, с которыми ему довелось встречаться и общаться²⁰¹. Они представляют собой небольшие, но в то же время яркие очерки о М.И. Цветаевой, Ф.И. Шаляпине, И. Северяnine и др. В 2002 г. в Праге посмертно были опубликованы воспоминания выдающегося ботаника академика Богумила Немеца, в которых он описывал свои контакты с русскими коллегами и русской культурной среде вообще²⁰². Недавно вышло исправленное издание этих мемуаров²⁰³. Упоминания о русских ученых-эмигрантах встречаются также в мемуарах энтомолога Далибора Повольного²⁰⁴ и историка Милана Мышки²⁰⁵. Помимо того, рассказы о встречах с

¹⁹⁷ Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1. С. 251–316, 393–424.

¹⁹⁸ Хаин В.Е. Дни моей жизни: воспоминания геолога. М., 2009.

¹⁹⁹ Зимин А.А. Храм науки (Размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 35–384.

²⁰⁰ Murko M. Paměti. Praha, 1949.

²⁰¹ Kubka F. Hlasy od východu: setkání s mými ruskými a sovětskými současníky. Praha, 1960.

²⁰² Němec B. Vzpomínky. Praha, 2002.

²⁰³ Němec B. Vzpomínky. Praha, 2021

²⁰⁴ Povolný D. Čurající Mikuláš a jiné para-normální historiky. Brno, 2000.

²⁰⁵ Myška M. Vzpomínání, aneb, «Tri dni ma naháňali, ešte ma nedostali...» Ostrava, 2018.

русскими учеными-эмигрантами зафиксированы и в мемуарах ученых других стран, например, в книге американского археолога Кларка Хопкинса²⁰⁶. К большому сожалению, ни британские, ни французские, ни немецкие, ни сербские, ни болгарские ученые, из числа тех, с кем активно взаимодействовали русские ученые-эмигранты, не оставили мемуаров. Своеобразным исключением является книга о болгарском историке Василе Златарском, написанная его дочерью на стыке двух жанров – семейной хроники и научного исследования²⁰⁷. В этой работе содержатся многократные упоминания о контактах болгарского ученого с российскими коллегами.

Нельзя обойти вниманием публиковавшуюся делопроизводственную документацию, которая представлена отчетами эмигрантских высших учебных заведений и научных организаций: Русского заграничного исторического архива, Русского исторического общества, Русского народного университета, Русского юридического факультета, Семинария (Института) имени Н.П. Кондакова и т.д. Эти документы позволяют восстановить процесс организации научной и педагогической работы русских ученых, проанализировать их социальное положение, карьерные пути, международные контакты. Особое внимание следует обратить на чехословацкую делопроизводственную документацию. Например, на протяжении 1920–1940-х гг. в «Ежегоднике Славянского института в Праге» печатались краткие, но притом содержательные отчеты о работе Русского заграничного исторического архива, Археологического института имени Н.П. Кондакова, Славянской библиотеки, а также отчеты русских ученых о научных командировках.

Поскольку диссертация посвящена ученым, то одними из самых важных источников являются их научные и научно-популярные работы. В данном случае речь идет о многочисленных статьях и монографиях, публиковавшихся как в Чехословакии, так и за ее пределами. Изучение научных сочи-

²⁰⁶ Hopkins C. The Discovery of Dura-Europos. New Haven – London, 1979.

²⁰⁷ Златарска-Тодорова К. Баща ми Васил Златарски. София, 1975.

нений позволяет понять эволюцию исследовательских тематик, степень погруженности в мировую научную мысль и пр.

Огромное значение имеют газеты. Эмигрантские издания, такие как берлинская газета «Руль», рижская «Сегодня», парижские «Последние новости» и «Возрождение», пражские «Огни» и «Славянская заря» и др. регулярно информировали читателей о научной жизни Зарубежной России. Подобные источники активно используются современными исследователями. Вместе с тем до сих пор мало введены в научный оборот иностранные газеты. Поэтому в настоящей работе будут рассмотрены чешские, словацкие, венгерские, австрийские, румынские, сербские издания. В газетах печаталась оперативная информация о научных мероприятиях, исследовательских проектах, отклики на научные труды русских ученых. Информация из иностранных газет позволяет не просто получить конкретные данные о событиях эмигрантской научной жизни, но дает возможность понять механизмы конструирования образов эмиграции и эмигрантской науки за рубежом.

Таким образом, использованный круг разнообразных источников в полной мере позволяет решить поставленные в диссертации исследовательские задачи.

Новизна исследования состоит в изучении роли и места русских ученых-эмигрантов в системе международных научных контактов. Имеющиеся работы, как правило, сосредоточены на конкретных персонах и оценке их вклада в отечественную и мировую науку. Потому новизна исследования связана с постановкой целого ряда новых исследовательских задач.

Важнейшим показателем новизны является использование огромной эмпирической базы на разных языках, введение в научный оборот новых документов из архивов разных стран. Все это позволяет расширить географические горизонты истории интеллектуальных взаимодействий.

Научные коммуникации российской научной эмиграции будут впервые изучены посредством сравнительного анализа как официальных, так и неофициальных каналов обмена знаниями.

Теоретическую значимость исследования составляет предложенная в диссертационном исследовании многоуровневая модель рассмотрения интеллектуального присутствия русских ученых-эмигрантов в системе международных научных связей.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Русская акция» Чехословацкого правительства, представляя собой финансовую поддержку российских ученых, преследовала цель сохранения научного потенциала бывшей Российской Империи. «Русская акция» напрямую зависела от внешнеполитической конъюнктуры. В 1920-е гг. казалось, что советская власть вскоре падет и эмигранты смогут вернуться на родину. Поэтому программа была рассчитана на непродолжительный срок и не включала реальные инструменты для ассимиляции русских в чехословацком обществе. Многие из эмигрантов и не стремились интегрироваться в национальное ученое сообщество Чехословакии.

2. Проблема интеграции российских ученых обострялась по мере таяния надежд на возвращение на родину. Затянувшееся пребывание на чужбине заставляло русских исследователей разных направлений развивать более тесные контакты с ними и активнее интегрироваться в местную научную среду, включая высшую школу. Чехословацкая высшая школа оказалась важной площадкой для интеллектуального взаимодействия между эмигрантами и местными учеными. Важно иметь в виду, что у чехословацкой высшей школы просто отсутствовала потребность в большом количестве иностранных специалистов, тем более в тех областях, где могли успешно работать местные научно-педагогические кадры, тесно связанные с местным культурным контекстом и практическими потребностями государства. Вместе с тем несмотря на очевидные противоречия между рус-

скими учеными и чехословацкими коллегами, с обеих сторон бытовали позитивные образы двух наук.

3. Чехословацкие научно-исследовательские объединения сыграли важную роль в поддержке российской научной эмиграции. Это проявилось и в финансировании текущих исследований, и в интеграции в чехословацкую и европейскую науку. Российские ученые сталкивались с языковой проблемой. Публикация исследований на чешском или словацком языке помогала вхождению в местную среду, особенно если эти исследования были приурочены к решению актуальных для республики проблем. Известности на международной арене способствовало участие русских ученых в крупных интернациональных конференциях, конгрессах и форумах. Чехословацкие власти по возможности были заинтересованы в поддержке подобных форм презентации знаний и открытий, поскольку русские ученые, если проанализировать сохранившиеся программы съездов, почти всегда представляли там именно чехословацкие, а не эмигрантские учреждения.

4. Повседневная жизнь эмиграции не была замкнута границами диаспоры, она тесно соприкасалась с местным культурным окружением. Отношения между русскими учеными и их чехословацкими коллегами складывались не всегда гладко. Здесь играли свою роль и научная конкуренция, и простое непонимание, вызванное устойчивыми этнокультурными стереотипами, и ментальные различия. Психологическая и социальная готовность к столь значительным жизненным переменам была крайне низкой. Система ценностей русских эмигрантов была ориентирована на код дореволюционной культуры. Следование ему проявлялось не только в интеллектуальной работе, но и на уровне организации повседневной жизни. Эмигрантское бытие было неразрывно связано с мифом о потерянном Доме.

5. Пребывание в Чехословакии отразилось на тематике исследований многих российских ученых-эмигрантов. Славянский вектор в их исследованиях был чрезвычайно силен. Это способствовала и общая внешняя обстановка, и потребность приспособиться к новым условиям работы, выра-

ботать новые исследовательские стратегии, которые будут востребованы за рубежом. По сути, перед представителями социально-гуманитарных и естественных наук встали схожие вызовы. Русские ученые стремились актуализировать славянскую тематику в самом широком смысле слова и, вполне естественно, подчеркнуть важность изучения приютившей их Чехословакии и, шире, всего славянского мира.

6. Некоторым русским научным учреждениям удалось сформировать собственные международные интеллектуальные сети. Причем они касались не только собирания информации, как в случае с РЗИА, но и трансляции знания, как в случае с Институтом имени Н.П. Кондакова или Экономическим кабинетом С.Н. Прокоповича. В то же время не все проекты российско-чешского научного сближения оказались успешными, в частности, к таковым относится Русский институт в Праге.

7. Русская научная диаспора в Чехословакии продемонстрировала многообразие форм коммуникативных практик с местным окружением, с учеными славянского мира, с европейскими и американскими коллегами, и, конечно, с оставшимися в Советской России учеными. Жизнь на чужбине породила разные модели поведения ученых, которые зависели как от их статуса в эмиграции, так и от желания интегрироваться в местную научную среду.

Структура исследования включает в себя введение, пять глав, заключение, список использованных источников и литературы, список сокращений.

Глава 1. «Русская акция» чехословацкого правительства и научная жизнь Зарубежной России

§ 1. Формирование и развитие российского научного центра в межвоенной Чехословакии в контексте «Русской акции»

Развитие российско-чешских и российско-словацких научных связей имеет давнюю историю. Российское интеллектуальное присутствие в регионе имело свою историческую динамику, свою особую связь с внутренними процессами, как, например, с феноменом национального возрождения в XIX в. Рецепции русской культуры реализовывались зачастую непрямой, в крайних формах, от энтузиазма до критики и даже сопротивления. Содержание менялось в зависимости от политического контекста, но именно в XX в. они приобрели новое измерение, напрямую связанное с пережитыми глубокими историческими трансформациями.

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война раскололи российское общество, привели к эмиграции сотен тысяч человек и возникновению уникального исторического феномена – Зарубежной России. Поражают не только масштабы эмиграции, но в первую очередь то сколь значительные потери понесло интеллектуальное сообщество. По предварительным подсчетам современных исследователей Россию покинуло около четверти ученого и профессорско-преподавательского корпуса²⁰⁸. Эти события трагическим образом сказались на судьбе научных школ, институций, отдельных ученых. Российские ученые стали свидетелями колоссальных социальных, политических, экономических и культурных сдвигов. На глазах интеллектуалов рушился прежний мир, изменялись общественные отношения, возникала новая иерархия ценностей. Изгнание заставило их по-иному организовывать свою жизнь и работу в новом социальном и культурном пространстве.

²⁰⁸ Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 533.

Участие чехов и словаков в судьбах российской послереволюционной эмиграции было предопределено ходом Первой мировой войны, в период которой на территории России был сформирован воинский корпус из бывших военнослужащих австро-венгерской армии. Корпус этот, как известно, оставил заметный след в истории Гражданской войны в России после того, как его затянувшаяся переброска во Владивосток для последующей эвакуации во Францию переросла в восстание. Возвращение легионеров на Родину, разразившаяся в России Гражданская война, победа большевиков, эвакуация российских граждан сплелись в один сложный клубок противоречий, который непременно нужно было распутать.

28 октября 1918 г. была официально провозглашена Чехословацкая республика. Для молодого государства, поначалу не имевшего даже полноценного административного аппарата, «русский вопрос» оказался в ряду наиболее значимых. Причем он не фокусировался исключительно вокруг судеб легионеров, оказавшихся в далекой чужой стране, но разрастался до споров о будущем этой страны и о ее взаимоотношениях с Чехословакией, Европой и миром. В политических кругах республики разразилась острая дискуссия по «русскому вопросу»²⁰⁹. Одну из сторон представлял Карел Крамарж (Karel Kramář; 1860–1937), первый премьер-министр Чехословакии, известный своей русофильской позицией. Он настаивал на всесторонней поддержке Белого движения, «ибо любовь к России соединялась у него

²⁰⁹ Описание этой дискуссии выходит за рамки настоящего исследования. О разных подходах к решению «русского вопроса» в чехословацких политических кругах см. подробнее: *Сератионова Е.П.* Т.Г. Масарик, К. Крамарж и русская эмиграция // *Славяноведение*. 2003. № 4. С. 60–66; *Она же.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. С. 380–418; *Сладек З.* Крамарж, Масарик, Бенеш и Россия: согласие, противоречия, конфликты // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике*. 2001/2002. Т. V–VI. С. 39–54; *Пржихода М.* Славянская политика Карела Крамаржа // *Inventing Slavia/Изобретение Славии: Сборник материалов заседания, организованного Славянской библиотекой (Прага, 12 ноября 2004 г.)*. Прага, 2005. С. 74–75; *Vlček R.* Rusko v politických koncepcích T.G. Masaryka a K. Kramáře (80. léta 19. století – 1918/19) // *České země a moderní dějiny Evropy: Studie k dějinám 19. a 20. století*. Praha, 2010. S. 59–74 и др.

с ненавистью и непримиримым отношением к большевикам»²¹⁰. Иную позицию высказали Томаш Гарриг Масарик (Tomáš Garrigue Masaryk; 1850–1937) и Эдвард Бенеш (Edvard Beneš; 1884–1948). Они отрицательно относились к участию чехословаков в интервенции и выступали решительно против создания на своей территории вооруженных русских формирований²¹¹. Причем концепция Т. Масарика логично вырастала как из практики его еще дореволюционных контактов с российскими общественными, научными и культурными деятелями, так и из личного опыта изучения России²¹². В своей известной статье 1920 г. «Советская Россия и мы» Президент республики красноречиво обозначил свою позицию: «Я убежден, система Ленина и его практика неверны, они не годятся не только для нас и для Западной Европы, не подходят они и для самой России. <...> Конечно, Россия и русские сами должны сделать из этого выводы. Следует принимать во внимание, что научная критика системы Ленина и оценка его практики не являются проповедью интервенции и политики вмешательства. С самого начала я предписывал чешским легионам в России придерживаться политики невмешательства и нейтралитета. Этого же правила придерживается правительство республики в своей международной политике»²¹³. Подход Т. Масарика в конечном итоге одержал победу.

²¹⁰ *Серационова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. С. 380.

²¹¹ *Савицкий И.* Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919–1939 гг. С. 47; *Он же.* Прага и Зарубежная Россия. С. 100–103.

²¹² См. некоторые российские исследования: *Ведерников М.В.* Место России во внешнеполитической концепции Т.Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. 2015. № 6. С. 122–130; *Задорожнюк Э.Г.* «Россия и Европа» Т.Г. Масарика: новые подходы к старой идее европейского единения // Т.Г. Масарик и Россия: Развернутые тезисы докладов международной научной конференции. СПб., 1997. СПб., 1997. С. 27–35; *Она же.* Томаш Гарриг Масарик о старой и новой России в труде «Мировая революция» (к 170-летию со дня рождения политика // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 182–203; *Инов И.В., Порочкина И.М.* Петроградский этап в борьбе Томаша Гаррига Масарика за создание самостоятельной Чехословацкой республики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2004. № 3–4. С. 99–113.

²¹³ *Масарик Т.* Советская Россия и мы // Т.Г. Масарик: философия – социология – политика. М., 2003. С. 526–527.

Уже в конце 1919 г. в Чехословакии появились беженцы из России. Тогда же возникли первые объединения, чья деятельность была направлена на помощь беженцам. Важнейшая из них – Чешско-русская еднота, обеспечивавшая помощь в культурной адаптации, и, что важно, широко пропагандировавшая важность такой помощи²¹⁴. Первая волна массового въезда пришлась на 1920–1921 гг. Большая часть русских прибыла из окрестностей Константинополя, где в то время сконцентрировалось около 200 тыс. бывших военнослужащих и гражданских лиц, эвакуированных из Новороссии и Крыма²¹⁵. Ряд видных русских общественных деятелей и военных обратился к чехословацкому правительству с просьбой оказать помощь беженцам и принять часть из них в Чехословакии. В ответ на это прошение летом 1921 г. была выработана уникальная в своем роде гуманитарная программа – «Русская акция» («Ruská pomosná akce»), главной целью которой стало оказание всесторонней помощи нуждающимся русским в Чехословакии и частично за ее пределами. Фактически она начала осуществляться с 3 августа 1921 г., когда Министерство иностранных дел телеграфировало чехословацким дипломатам в Константинополе, чтобы они начали подготовку переезда 800 представителей русской учащейся молодежи в Чехословакию²¹⁶.

Как верно отметил Сергей Магид, началу оказания помощи эмигрантам предшествовало решение Т. Масарика откликнуться на призыв Максима Горького оказать помощь голодающим в Советской России. Отдыхавший на Капри президент телеграфировал в Прагу 28 июля 1921 г., что такая поддержка является государственным делом. Немедленно был создан Межминистерский комитет, который занялся отправкой нуждающимся ле-

²¹⁴ Бубеникова М. Чешско-русская еднота в собраниях пражских архивов // *Russia in Czech Hitorigraphy: Studies published by the Prague Group of Russian history specialists*. Praha, 2002. С. 375–396; Сератионова Е.П. Чешско-русская Еднота // *Славяноведение*. 2012. № 4. С. 32–42.

²¹⁵ Сератионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике. С. 19; Она же. Российские эмигранты в Чехословакии в межвоенные годы. С. 125.

²¹⁶ Магид С. Т.Г. Масарик и предыстория Русской акции помощи // *Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие*. Прага, 2012. С. 55.

карств и продуктов²¹⁷. Нельзя не сказать еще об одной важной инициативе. В небольшой мемуарной заметке, написанной уже после Второй мировой войны, и пока не опубликованной, чехословацкий ученый и дипломат Иржи Горак (Jiří Horák; 1884–1975) вспоминал, как осенью 1921 г. Т. Масарик пригласил его в свою резиденцию в Ланах, чтобы обсудить положение ученых в Советской России²¹⁸. Президент поручил И. Гораку отправиться в Петроград во главе делегации Чехословацкого Красного Креста, чтобы не только передать помощь, но и на месте проанализировать ситуацию в научном сообществе. В сборе средств, помимо самого президента и его семьи, участвовали городские власти Праги, корпорация «Батя», Живностенский банк. И. Горак вспоминал, что в итоге получилось около 4 млн. чехословацких крон, на которые были закуплены ткани, иголки и нитки, пуговицы, теплая одежда. Все это надлежало доставить до наступления холодов. В октябре И. Горак прибыл в Хельсинки, где встретился с находившимся там М. Горьким. В финскую столицу же вернулся из командировки неперменный секретарь Российской академии наук Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934). Он лично сопровождал чехословаков в Петроград, куда в целости и сохранности, несмотря на многочисленные трудности и препятствия, были доставлены академические пайки. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга сохранилась документация о распределении чехословацких подарков, как, например, предварительный список на выдачу обуви²¹⁹. Там же – прошение этнографа Владимира Германовича Богораз-Тана (1865–1936) выделить ему обувь раньше положенного срока, поскольку она нужна для поездки в Москву, или доверенность историка Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) на имя дочери Ната-

²¹⁷ Там же. С. 54.

²¹⁸ Cesta do Ruska r. 1921 // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České Republiky. Fond 306: Horák Jiří. Kart. 4. Inv. č. 61.

²¹⁹ Список кандидатов, декабрь 1921 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 2995. Оп. 1. Д. 195. Л. 47.

льи, чтобы она получила за него пакет с чехословацкими вещами²²⁰. И. Горак писал, что когда после Второй мировой войны он стал послом Чехословакии в Москве²²¹, то к нему обращались с глубокой благодарностью некоторые ученые старшего поколения, которые хорошо помнили те подарки²²². Данный пример приведен не случайно, а чтобы показать изначальное стремление чехословацких властей поддержать российских ученых. Думается, что в этом шаге, помимо идейных и политических устремлений, было и чувство корпоративного единства. Т. Масарик, как ученый, как профессор, хорошо знавший лично многих российских коллег, не мог не понимать их трагического положения.

Желание помочь ученым в Советской России и одновременно их коллегам, вынужденным покинуть Отечество, в то время, действительно, охватило европейское научное сообщество. Отголоски широкой общественной кампании находим в самых разных европейских архивах, даже в далеком Лиссабоне. Мысль о важности поддержки российских ученых хорошо отражает письмо Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев Фритьофа Нансена (Fridtjof Wedel-Jarlsberg Nansen; 1861–1930) ректору Лиссабонского университета: «Вы знаете, какую услугу оказали российские университеты естественным и гуманитарным наукам. Вы знаете, как важно для будущего России и Европы в целом, чтобы ее профессора находились в таком материальном положении, которое позволит им посвятить себя научной работе»²²³. Хотя многие европейские организации и частные

²²⁰ Доверенность от имени С.Ф. Платонова, 14 декабря 1921 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 2995. Оп. 1. Д. 199. Л. 478; Заявление, 8 декабря 1921 г. // Там же. Л. 777.

²²¹ И. Горак исполнял обязанности чехословацкого посла в Москве в 1945–1948 гг., много сделав для наведения культурных мостов в очень сложный период международных отношений. См.: *Rychlík J., Rychlíková M. Jiří Horák jako diplomat // Slavista Jiří Horák v kontexte literatury a folklóru. Brno – Bratislava, 2012. Sv. 1. S. 93–112.*

²²² *Cesta do Ruska r. 1921 // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České Republiky. Fond 306: Horák Jiří. Kart. 4. Inv. č. 61.*

²²³ *Lettre de F. Nansen au recteur de l'Université de Lisbonne Pedro José da Cunha, 15 Mai 1922 // Arquivos da Universidade de Lisboa. PT/ULISBOA/UL/3-3.3/3.3.1/0068980*

лица приложили большие усилия для поддержки российской науки, именно со стороны Чехословакии эта помощь стала системной и масштабной.

В конце 1921 г. Э. Бенеш представил концепцию «Русской акции» на заседании комитета по иностранным делам Национального собрания. Согласно ей Чехословакия брала под опеку детей, женщин и инвалидов, а также земледельцев, студентов и ученых²²⁴. Оказание финансовой помощи осуществлялось по линии министерства иностранных дел, министерства образования и народного просвещения, министерства земледелия и Канцелярии Президента республики. Расходы впечатляли: в 1921 г. – 10.367.479 чехословацких крон, в 1922 г. – 49.704.491, в 1923 г. – 65.871.212, в 1924 г. – 99.775.428, в 1925 г. – 72.934.702, в 1926 г. – 71.010.294²²⁵. По мнению Елены Чиняевой, с 1921 по 1937 гг. объем помощи в рамках «Русской акции» составил более 561 млн. чехословацких крон²²⁶. По подсчетам современных чешских исследователей это составляло 5% бюджета страны в 1919–1938 гг.²²⁷ Однако точные размеры понесенных затрат остаются невыясненными, вопрос о них относится к числу дискуссионных²²⁸. Во всяком случае, попытки ответа на него лежат за рамками настоящего исследования.

Поначалу мало кто в Чехословакии верил, что большевики смогут долго удержаться у власти, а, значит, возвращение России на путь демократического развития неизбежно. Или же большевистский режим будет вынужден эволюционировать в сторону демократизации и политического плюрализма. Тогда эмигранты получат возможность вернуться на Родину и принять активнейшее участие в новом государственном строительстве. Только новая демократическая Россия сможет поддерживать Чехословакию, гаранти-

²²⁴ Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии. С. 25.

²²⁵ Sedláček J. Vávra J. Pro zemi milovanou: z bojů o československo-sovětské přátelství. Praha, 1960. S. 311.

²²⁶ Chinyaeva E. Ruská emigrace v Československu: vývoj ruské pomocné akce. S. 22.

²²⁷ Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 9.

²²⁸ См.: Veber V. Emigrace z Ruska a 30 léta // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 3). Praha, 1995. S. 8.

ровать ей внешнюю безопасность, и в то же время может стать ее важнейшим экономическим партнером.

Чехословацкое правительство пыталось создать «свою» русскую эмиграцию. Оно не просто ограничивало въезд в страну для определенных категорий беженцев, но приглашало желательных для себя лиц. К таковым относились, главным образом, представители русской демократической интеллигенции²²⁹. Обратимся к справке Объединения земских и городских деятелей за границей (Земгора), датированной октябром 1921 г.: «В настоящее время создалась такая конъюнктура, при которой Чехословакия решилась, очевидно, широко открыть гостеприимство русским беженцам. Однако чехословацкое правительство становится не только на гуманитарную точку зрения, оно – и это естественно – одновременно имеет в виду и определенные политические перспективы, на тот момент, когда в восстановленной России примут участие некоторые группы антибольшевистской эмиграции. Поэтому они решили помогать не всем беженцам вообще, а определенным группам ее, могущим впоследствии выполнить задачу связи будущей России с Чешской культурой и промышленностью. Такими группами из них избрали учащихся, детей и молодежь, профессоров и ученых, земледельцев»²³⁰. Стремясь ограничить прибытие неблагожелательных лиц, министерство иностранных дел в июле 1922 г. издало циркуляр № 18354/21, жестко регулирующий въезд на территорию республики²³¹.

Т. Масарик выступал против превращения Чехословакии в центр политической жизни эмиграции, а Праги – в «русский Кобленц». Въезд на ее территорию как крайне правым, так и крайне левым был запрещен. Неже-

²²⁹ *Сератионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике. С. 26; *Лантева Л.П.* Русская академическая эмиграция в Чехословакии в 20–30-х годах XX века. С. 154; *Савицкий И.* Прага и Зарубежная Россия. С. 100; *Он же.* Специфика Праги как духовного центра эмиграции. С. 48; *Он же.* «Русский Оксфорд» в Праге 1919–1928 гг. С. 89; *Бубеникова М.* Проект помощи Чехословацкой республике эмигрантам из Советской России – «Русская акция». С. 14.

²³⁰ Справка Земгора, 23 октября 1921 г. // The Leeds Russian Archive, University of Leeds. ZEMGOR Archive. Box 110 (1).

²³¹ *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice.* S. 11.

лательными персонами были и военнослужащие, которые могли выступить как организованная политическая сила²³². Официальную позицию правительства выразил Э. Бенеш, который на заседании парламентской комиссии по иностранным делам 6 февраля 1924 г. специально коснулся «русского вопроса». Он отрицал обвинения левых сил в поддержке контрреволюции: «Мы не разрешаем эмиграции никаких конспиративных политических или военных действий, а просто даем возможность русским эмигрантам жить и работать, дабы они могли вернуться на Родину, когда там создадутся нормальные европейские условия, отличающиеся определенным объемом личной свободы»²³³.

В результате политическая активность русской эмиграции в Чехословакии была сравнительно низкой, по сравнению с Францией или Германией. Историк Сергей Германович Пушкарев (1888–1984), характеризуя жизнь соотечественников в Праге, заметил: «Мы занимали нишу между белградскими монархистами и парижскими республиканцами и не участвовали в их горячих, но бесплодных спорах на тему: что лучше – республика или монархия?»²³⁴. Однако на ранних этапах развития «Русской акции» чехословацкие правительственные круги делали ставку на эсеров. Многие видные представители этой партии обосновались в Чехословакии уже в 1920 г. Там начал издаваться журнал «Воля России», ставший официальным орга-

²³² Опасения Т. Масарика имели основание. Так в Болгарии к 1922 г. скопилось около 36 тыс. военнослужащих армии П.Н. Врангеля, что более чем в 5 раз превышало численность собственно болгарских вооруженных сил и полиции. Остатки русской армии сделались серьезной политической силой, настроенной против правящего Болгарского земледельческого народного союза. См.: *Гришина Р.П.* Советские спецслужбы и несостоявшийся переворот. Болгария, сентябрь 1922 года // *Славяноведение.* 2002. № 5. С. 15–21.

²³³ Бенеш о России // *Огни.* Прага, 1924. 11 февраля. № 6.

²³⁴ *Пушкарев С.Г.* Воспоминания историка. 1905–1945. С. 89. См. также замечание Н.Е. Андреева: «В Праге были оттенки всех партий, какие только можно было найти в русской эмиграции, и все спазмы русской политической жизни за границей находили там отклик» (*Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Т. 2. С. 14).

ном партии²³⁵. В ноябре 1923 г. в Прагу переехал и лидер эсеров Виктор Михайлович Чернов (1873–1952)²³⁶

Иван Савицкий обратил внимание на желание чехословацкого правительства изменить имидж своей страны в глазах русской общественности, который был сильно подпорчен в годы Гражданской войны. Если в 1918 г. белые приветствовали легионеров, как союзников, то годом позже они уже переименовали «чехо-словаки» в «чехо-собаки»²³⁷. Эмиграция испытала «разочарование в “народе”, который восставал против большевиков, но отнюдь не намерен был поддерживать белых, и когда вопрос ставился или-или: или большевики, или белые, то скорее поддерживал большевиков»²³⁸.

Несмотря на названные политические причины, нельзя полностью сбрасывать со счетов гуманистического фактора при поддержке русских беженцев, объясняемого давними симпатиями чехов и словаков к России. В поздравительном письме I Съезду русских ученых, проходившему в Праге в октябре 1921 г., Э. Бенеш писал: «Наше родство по крови и языку давало нам издавна возможность следить за развитием русской науки, нашими выдающимися деятелями она всегда была надлежащим образом оцениваема и была источником, из которого черпала и наша наука»²³⁹. Показательно утверждение австрийской газеты «Der Wiener Tag», что Чехословакия, оказывая помощь беженцам, следовала начертанным еще Я.А. Коменским идеям гуманистической взаимности и просвещения²⁴⁰. Тем не менее удивляют высказывания некоторых современных исследователей, будто Т. Масарик своей политикой поддерживал «утопию панславизма» и видел в

²³⁵ См.: *Сладек З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии. С. 24; *Veber V.* Strana eserů v moderních ruských dějinách a v Praze // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 1)*. Praha, 1993. S. 24–28; *Sládek Z.* České prostředí a ruská emigrace. S. 10–11.

²³⁶ *Аврус А.И., Голосеева А.А., Новиков А.П.* Виктор Чернов: судьба русского социалиста М., 2015. С. 244–246.

²³⁷ *Савицкий И.П.* Специфика Праги как духовного центра эмиграции. С. 51.

²³⁸ *Савицкий И.П.* «Русский Оксфорд в Праге» 1919–1928 гг. С. 95.

²³⁹ *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice.* S. 46.

²⁴⁰ *Russische Emigranten in der Tschechoslowakei // Der Wiener Tag.* 1934. 19 August. Jahr. XIII. № 4020. S. 6.

ней продолжение интеллектуальной традиции Ф. Палацкого²⁴¹. Идеи чехословацкого президента можно трактовать по-разному, но вот панславистом он никогда не был, и вообще относился к этому идейному конструкту остро критически.

Основная поддержка по линии «Русской акции» оказывалась не политическим, а научным и культурным деятелям. Такой подход предопределил превращение Праги в «русский Оксфорд»²⁴². Сам Т. Масарик искренне верил, что сохранение интеллектуального потенциала эмиграции сможет в будущем помочь подлинному приобщению России к европейским ценностям, прерванного революцией. По его мнению, в задачу чехословацких властей входило «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил» русской эмиграции²⁴³. Т. Масарик критически относился к современной России, но высоко ценил ее культурный потенциал. В России он был склонен видеть «гаранта независимого существования Чехословакии»²⁴⁴. Интересна и важная для понимания феномена «Русской акции» ремарка С. Магида, что Т. Масарик всегда «оставался человеком девятнадцатого века с его верой в научное разрешение всех проблем». Он «разделял все идеалы и заблуждения предвоенной эпохи, полагая, что технический прогресс несет с собой и прогресс культурный, и что прогресс культурный неизбежно сделает человека более человечным»²⁴⁵.

В марте 1921 г. создано Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике («Пражский Земгор»), которое стало посредником между правительством республики и эмиграцией в деле оказания ей помощи. При поддержке Земгора в первой половине 1920-х гг. возникла развитая сеть эмигрантских организаций, оказывавших социаль-

²⁴¹ *Dmitrieva M. Towards a Transnational History of Russian Culture: The N.P. Kondakov Institute in Prague // Transcending the Borders of Countries, Languages, and Disciplines in Russian Émigré Culture / Ed. by C. Flamm. Cambridge, 2018. P. 194–195.*

²⁴² См.: *Savický I. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. S. 180–181.*

²⁴³ Цит. по: *Sládek Z. Ruská emigrace v Československu. S. 3.*

²⁴⁴ *Савицкий И.П. Специфика Праги как духовного центра эмиграции. S. 49.*

²⁴⁵ *Магид С. Указ. соч. С. 55.*

ную, юридическую, медицинскую помощь своим соотечественникам. В то же время работу Земгора контролировали представители партии эсеров, которые все время пытались вмешиваться в научную и культурную жизнь, что вызывало протесты со стороны либерально настроенной части эмиграции. Е.П. Серапионова обоснованно полагает, что деятели пражского Земгора вошли в земские и городские органы в основном после Февральской революции и, следовательно, не принимали никакого участия в активной деятельности Земгора в годы Первой мировой войны. Поэтому политические оппоненты критиковали их за узурпацию самого названия этой организации и за засилье эсеров в составе руководства²⁴⁶. В глазах профессуры сотрудничество с эсерами часто считалось предосудительным. В эмигрантской среде нередки были острые конфликты между представителями ученых кругов и эсерами²⁴⁷. Заметим, что это было не только идейное противостояние, но и конкуренция за контроль над финансовыми потоками, за распределение средств, получаемых от чехословацкого правительства. Однако история подобных споров и дискуссий не входит в задачи настоящего исследования.

²⁴⁶ *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. С. 423. Например по состоянию на 1 апреля 1927 г. в Земгоре состояло 74 члена, из которых 32 были эсерами, 19 казаками, 3 членами «Крестьянской России», 20 членами прочих политических партий или беспартийными (Sjednocení ruských činitelů městských a venkovských samospráv «ZEMGOR» // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 347: Kamil Krofta. Kart. 18. Inv. č. 572). Эсеры, например, пытались вмешиваться в кадровые вопросы при назначении профессоров, а иногда и в образовательный процесс. В то же время они стремились подчеркивать свою общественную значимость. Они убеждали эмиграцию в том, что только их партия, в отличие от либералов, смогла получать деньги из чехословацкого бюджета, что она сумела достичь реальных дел, открывая школы, больницы, библиотеки для эмигрантов

²⁴⁷ Примечателен случай профессора П.И. Новгородцева. Он не избегал сотрудничества с эсерами и принял от них предложение возглавить лекционную комиссию Земгора. Это вызвало большое недовольство. Н.П. Кондаков отказался сесть с ним за один стол, а другие русские перестали подавать ему руку. П.И. Новгородцев был единственным председателем Русской академической группы, не переизбранным на второй срок (*Савицкий И.П.* Специфика Праги как духовного центра эмиграции. S. 68; *Он же.* «Русский Оксфорд в Праге». С. 109–109)

Патронаж науки обеспечил развитие русской интеллектуальной жизни в Праге²⁴⁸. Помощь эмигрантам оказывало чехословацкое правительство, международные организации (Лига Наций, Красный Крест) и меценаты. Существенную поддержку осуществляла семья американских миллионеров Крейнов. Ее глава, Чарльз Крейн (Charles Richard Crane; 1858–1939), был страстным поклонником всего славянского. Еще в начале XX в. он познакомился с Т. Масариком, П.Н. Милюковым, М.М. Ковалевским, организовал публичные лекции славянских интеллектуалов в городах США²⁴⁹. Его сын, Ричард Теллер Крейн (Richard Teller Crane II; 1882–1938), в 1919 г. стал первым американским послом в Чехословакии. При поддержке семьи Крейнов в Праге в ноябре 1924 г. была создана культурно-просветительская организация «Русский очаг» во главе с графиней Софьей Владимировной Паниной (1871–1956)²⁵⁰. Крейны оказывали немалое содействие русским ученым. Они финансировали выход научных изданий и выплачивали именные стипендии молодым русским историкам-эмигрантам, передали в пожизненное пользование академику Никодиму Павловичу Кондакову (1844–1925) квартиру в Шенборнском дворце на Малой Стране²⁵¹. Младший сын главы семейства, Джон Оливер Крейн (John Oliver Crane; 1899–1982), посещал лекции академика Н.П. Кондакова, был знаком с его учениками и коллегами.

²⁴⁸ Д.А. Александров определил «патронаж» как «оказание поддержки в обмен на те или иные “дары”». Причем эти «дары» носят, преимущественно, нематериальный, символический характер. Поддерживая науку, патрон получает повышение социального статуса, а «материальные выгоды, если и следуют за этим, то обычно много позже и непосредственно от клиента». См.: Александров Д.А. Указ. соч. С. 9–10.

²⁴⁹ Бон Т. Русская историческая наука (1880 г.–1905 г.): Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005. С. 94.

²⁵⁰ Чеботарева Т. «На чужом пиру незваные гости»: из истории «Русского очага» в Праге // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие. Прага, 2012. С. 125–132.

²⁵¹ Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920–1930-е годы). С. 19–20; Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. С. 61; Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи». С. 338–339; Копецкая Л.Л. Н. П. Кондаков и чешская среда // Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2003. С. 195.

Среди видных чешских деятелей наибольшую поддержку русским оказывали Карел и Надежда Крамаржи, история взаимоотношений которых с русской эмиграцией прекрасно освещена в работах Е.П. Серапионовой²⁵². Симпатии К. Крамаржа к русской эмиграции были легко объяснимы всей его политической деятельностью, его русофильской позицией. «Без России никогда бы не было нашей свободы», – повторял К. Крамарж²⁵³. Но в его симпатии, как верно заметила чешская исследовательница Яна Шетржилова, было также проявление чувств и повышенной эмоциональности. К. Крамарж не мог в силу своего милосердного характера относиться к русским беженцам как нейтральный наблюдатель²⁵⁴. Особо значимой была заслуга Крамаржей в поддержке русской учащейся молодежи. К. Крамарж патронировал Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов и пытался всячески противостоять сокращению его финансовой поддержки. Н.Н. Крамарж руководила Комитетом помощи русским студентам. Она лично «ходила разбирать в огромном количестве закупленные одежду и обувь; в архиве ее мужа сохранились длинные списки учета нижнего и верхнего белья, размеров одежды и обуви отдельных студентов»²⁵⁵. Вилла Крамаржей в Праге превратилась в место паломничества русских эмигрантов. Н.Н. Крамарж создала своего рода «русский салон», гостями которого были дворяне, ученые, литераторы, военные, в основном консервативных политических взглядов²⁵⁶. Воспоминания о таких приемах, не обходившихся зачастую без курьезов, сохранил Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973): «Сначала все приглашались за стол в

²⁵² См.: *Серапионова Е.П.* Семья Крамаржей. Русская супруга первого премьера Чехословакии // *Родина*. 2001. № 1. С. 134–139; *Она же*. Покровительница русской эмиграции // *Русское слово*. Прага, 2003. № 5. С. 16–17; *Она же*. Карел Крамарж и Россия. С. 419–463.

²⁵³ *Puškarov S. Dr. Kramář a Rusko* // *Karel Kramář a Slovanstvo*. Praha, 1937. S. 46.

²⁵⁴ *Шетржилова Я.* Карел Крамарж – отец русской эмиграции // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике*. 2001/2002. Т. V–VI. С. 55.

²⁵⁵ Там же. С. 62.

²⁵⁶ *Копрживова А.* Крамарж и «Братство для погребения православных русских граждан». С. 73.

большую столовую (там ставились какие-то закуски и подавалось вино. Лакей все время подливал вино. Раз лакей вызвал Крамаржа в коридор и что-то ему там сказал – “Неужели уже всё выпили?” Тут рядом стоял подвыпивший уже историк сербского религиозного искусства Окунев (подвыпивший) и сказал с удовольствием: “Выпили-с!”. Крамарж велел принести еще»²⁵⁷.

Необходимо отдать должное профессору Алексею Степановичу Ломшакову (1860–1970), знаменитому специалисту в области теплотехники, который ратовал за превращение Чехословакии в культурный, научный и образовательный центр Зарубежной России²⁵⁸. Он был крупным ученым, пользовавшимся большим авторитетом и доверием самого Т. Масарика. Он был чужд политиканства, никогда не переносил свои политические взгляды в сферу работы, поэтом требовал аполитичности и от студентов. Неудивительно, что он стал врагом в глазах эсеров. А.С. Ломшаков требовал «настойчивой, усидчивой работы, ему претила разболтанность значительной части русской гуманитарной интеллигенции, а эсеров он воспринимал, как подавляющее большинство русской эмиграции, как квинтэссенцию этой разболтанности, неспособности к действию»²⁵⁹.

В 1921 г. был создан Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов в Чехословакии. При нем был образован Совет русских профессоров, в задачу которого входило приглашение в страну русских преподавателей для продолжения научно-педагогической работы. В декабре 1921 г. была создана Русская учебная коллегия. Если Комитет должен был оказывать материальную помощь студентам и молодым ученым, то Коллегия – помощь академическую. Он «контролировала достижения русских студентов и обсуждала также вопросы, касающиеся пребывания русских ученых и студентов в Чехословацкой республике»²⁶⁰. В ее состав

²⁵⁷ Вернадский Г.В. Прага. С. 363.

²⁵⁸ См.: Речь профессора А.С. Ломшакова // Младорусь. Прага, 1922. Кн. 1. С. 93–98.

²⁵⁹ Савицкий И.П. «Русский Оксфорд в Праге». С. 107.

²⁶⁰ Novikov M. Organisační činnost ruských učenců v ČSR. S. 51.

вошло 64 человека, 20 из которых были лицами, оставленными для подготовки к профессорскому званию²⁶¹. Таким образом, с самого начала «Русской акции» начинающие ученые привлекались к активной общественной и научной работе. Коллегия выполняла одновременно функции научно-исследовательской организации, которая в 1924 г. начала издавать свои «Записки» по трем сериям (гуманитарные естественные, математические и технические науки)²⁶².

Путь российских ученых и студентов в Чехословакию, как правило, лежал через Турцию, Грецию, Болгарию и Югославию (Королевство сербов, хорватов и словенцев). В Константинополе была организована проверочная комиссия, в состав которой вошли русские профессора и аспиранты. Они должны были проверять знания претендентов на получение стипендий чешского правительства. Прошедшие проверку, формировались в группы по 100 человек и отправлялись в Прагу за казенный счет в сопровождении одного из аспирантов²⁶³. Вероятно, что первая группа русских студентов прибыла в Прагу из Константинополя 25 октября 1921 г., а вслед за ней потянулись и другие²⁶⁴.

Вряд ли возможно установить точное время и обстоятельства прибытия в Чехословакию каждого из русских ученых, но можно определить основные пути и маршруты. Одни эвакуировались из России вместе с остатками белых армий, в рядах которых некоторые из них сражались с большевиками (Н.М. Беляев, Б.А. Евреинов, С.Г. Пушкарев, Б.С. Костомаров), другие целенаправленно и обдуманно выехали из Советской России, пока это еще было возможно (Н.Н. Ястребов, С.В. Завадский), третьи не вернулись из зарубежных командировок (Д.Н. Вергун, А.Л. Петров, Е.Н. Клетнова,

²⁶¹ Обзор Академической жизни в Праге // Младорусь. Прага, 1922. Кн. 1. С. 91; Вместо предисловия // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. 1924. Т. 1. Вып. 1. Философские знания. С. 7–9.

²⁶² Вместо предисловия // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. 1924. Т. 1. Вып. 1. Философские знания. С. 9.

²⁶³ *Пушкарев С.Г.* Воспоминания историка. С. 86.

²⁶⁴ Обзор Академической жизни в Праге. С. 89.

В.А. Францев, П.В. Отоцкий), а кто-то был насильно выслан из страны новой властью (А.А. Кизеветтер, М.М. Новиков, А.В. Флоровский, Н.О. Лосский, В.А. Мякотин, А.Ф. Изюмов, В.В. Стратонов).

Правда немногие из них изначально ставили своей целью обосноваться именно в Праге или в Чехословакии вообще. Как правило, речь идет о тех ученых, чьи исследования были связаны с чешской или словацкой историей и культурой. Летом 1919 г. профессор-славист Николай Владимирович Ястребов (1869–1923) выехал вместе с семьей из Петрограда в Прагу, надеясь найти там стабильную работу. Это решение не выглядит неожиданным, ибо Н.В. Ястребов был крупнейшим историком-богемистом. В пути он серьезно заболел и поэтому прибыл в чехословацкую столицу в 1920 г. Свое долгое путешествие он обрисовал в письме к А.А. Шахматову 22 мая 1920 г., которое Л.П. Лаптева обнаружила в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Н.В. Ястребов писал своему другу, что он и его семья были вынуждены находиться в маленьком поселке Глубокое на польской границе с 21 августа 1919 г. по 15 февраля 1920 г. Историк перенес тяжелейшую форму тифа, его дочь и жена переболели скарлатиной. Кроме того, семью Ястребовых обворовали: «Мы истратили половину своих денег за 6 месяцев жизни в Глубоком... От Глубокого до Праги ехали около трех недель с остановками в Вильне. Отчасти из-за состояния здоровья, отчасти из-за транспортных затруднений... Одним словом, приехали в Прагу почти без средств, без обуви, белья и одежды»²⁶⁵. Были, разумеется, и исключения из правил. Так профессор Томского университета этнограф Александр Дмитриевич Григорьев (1874–1940), который никогда не был связан с богемистикой или словакистикой, стремился выехать именно в Чехословакию. Он так объяснял мотивы своих намерений пражскому фольклористу и литературоведу Иржи Поливке (Jiří Polívka; 1858–1933): «Когда

²⁶⁵ *Лаптева Л.П.* Русский историк-славист Николай Владимирович Ястребов и его деятельность в эмиграции // *Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии.* М., 2008. С. 153.

после ухода чехов из Сибири выяснилось, что в России при коммунистах жить совершенно нельзя, я решил выбраться из России в Чехию, наводя справки о Чехии и доставая чешские газеты у чешского представителя в Томске»²⁶⁶.

Если судить по сохранившейся переписке 1918–1922 гг., то большинство покинувших Россию ученых все же надеялись обосноваться в Западной Европе. Осенью 1921 г. ботаник Василий Сергеевич Ильин (1882–1957), памятуя о давнем знакомстве, обратился за помощью к жившей в Лондоне Ариадне Владимировне Тырковой-Вильямс (1869–1962). В письме, которое сохранилось в личном фонде известной общественной деятельности в рукописном собрании Британской библиотеки, В.С. Ильин просил помочь ему с переездом в Великобританию и заверял, что готов быть даже черно-рабочим, лишь бы не профессором при большевиках. Интересны в этом письме детали, которые важны для понимания обстоятельств отъезда из России и условий нахождения за рубежом. Приведем здесь характерную цитату: «Теперь я нахожусь в Польше, куда с огромным трудом убежал от большевиков. <...> Польша теперь не принимает русских эмигрантов и меня пропустили на границе, лишь приняв во внимание мои ученые заслуги, но с тем условием, чтобы я проследовал дальше за границу. Теперь всех русских эмигрантов, прибывших в Польшу после 1-го июля, выселяют назад или в то государство, которое согласится дать им визу; я же перешел границу лишь в сентябре месяце. Вернуться вновь к большевикам для меня абсолютно невыносимо, помимо всех иных причин, побудивших меня вообще уйти из Совдепии, возвращение для меня будет связано с самой жестокой расправой, так как у меня отношения с большевиками натянулись до крайности, особенно во время моего пребывания на административных должностях в Университете и на Опытной сел[ьско]хоз[яйственной] стан-

²⁶⁶ Цит. по: Соучкова М. Научная жизнь Александра Дмитриевича Григорьева в Чехословакии: из Прешова в Прагу // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 211.

ции в Екатеринославе»²⁶⁷. Неизвестно, какой ответ В.С. Ильин получил из Лондона, но точно известно, что в Великобританию он не попал, а уже осенью 1921 г. очутился в Праге.

В Польше оказался правовед, бывший сенатор, а при Временном правительстве – товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии, Сергей Владиславович Завадский (1871–1935)²⁶⁸. Он приехал в Краков после поражения гетмана П.П. Скоропадского, в правительстве которого занимал пост товарища министра юстиции. Там в апреле 1922 г. его застало приглашение из Праги: «Учебная коллегия при Комитете обеспечения образования русских студентов в Чехословакии настоящим имеет честь сообщить Вам, что Вы избраны на вольную профессорскую вакансию. Доводя до Вашего сведения о вышеизложенном, Учебная коллегия обращается к Вам с просьбой прибыть в Прагу не позднее 1 мая текущего гола. Неприбытие к означенному сроку будет считаться равносильным отказу Вашему от сделанного Вам предложения»²⁶⁹. С.В. Завадский не думал отказываться, и вскоре приехал в Чехословакию.

И все же, русские ученые в своем большинстве попадали в Чехословацкую республику не через Польшу. Как правило, путь пролегал через беженские скитания в Константинополе и безрадостное прозябание в болгарской и югославской провинции. Обратимся к показательному случаю профессора Юрьевского университета Ивана Ивановича Лаппо (1869–1944), крупного исследователя Великого княжества Литовского. Его биография в период с 1917 по 1921 гг. хорошо отражает перипетии, с которыми приходилось сталкиваться ученым-эмигрантам.

²⁶⁷ Письмо В.С. Ильина к А.В. Тырковой-Вильямс, осень 1921 г. // British Library. Turkova-Williams Collection. Add Ms 54466.

²⁶⁸ *Варфоломеев Ю.В.* Политико-правовая ответственность высших должностных лиц государства при смене власти: (На примере деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12. № 2. С. 99–104.

²⁶⁹ Письмо В.Д. Варенова к С.В. Завадскому, 19 апреля 1922 г. // Отдел рукописей Центральной библиотеки Союза театральных деятелей. Ф. 34. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

Октябрьские события в Петрограде 1917 г. он наблюдал собственными глазами, поскольку был командирован в столицу по распоряжению комиссии по научному описанию архива бывшего министерства народного просвещения²⁷⁰. Вернувшись в Юрьев, он писал оттуда С.Ф. Платонову в начале января 1918 г.: «Знаю, что теперь в П[етрогра]де отчаянно скверно. Неважно становится и у нас, хотя в первое время по приезде можно было в Юрьеве даже отдыхать об обстановки жути в “колыбели великой русской революции”, как любят выражаться “товарищи”»²⁷¹. Развал российской армии вкупе с неспособностью новых властей держать оборону привел к масштабному наступлению Германии и ее союзников в феврале–марте 1918 г. 24 февраля в Юрьев вошли немецкие войска. Уже 7 марта оккупационные власти объявили о закрытии русского университета²⁷². По договоренности между большевиками и немцами его было решено вывезти в Воронеж. Грядущий отъезд И.И. Лаппо и другие представители профессуры ожидали с нетерпением, опасаясь, что немцы оставят их в заложниках в обмен на библиотеку и университетское имущество, уже вывезенное к тому времени в Россию. Предметом политического торга быть не хотелось, потому даже долгая дорога из Прибалтики в товарных вагонах воспринималась как облегчение. «Восемь дней пути, кажется, были лучшим временем для меня за все последние месяцы», – напишет И.И. Лаппо С.Ф. Платонову об отъезде из Юрьева, состоявшемся 17 июля 1918 г.²⁷³

Несмотря на переживаемые в Воронеже трудности и неопределенность положения, И.И. Лаппо не прерывал работы. Его знания и квалификация оказались востребованы в период создания сети Главархива. Весной 1919 г.

²⁷⁰ Копия письма ректору Юрьевского университета от Комиссариата по просвещению, отдела высших учебных заведений от 20 декабря 1917 г., № 10371 // *Rahvusarhiiv Tartus*. ЕАА. 402.3.938.18–18р.

²⁷¹ Письмо И.И. Лаппо к С.Ф. Платонову от 6 января 1918 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3344. Л. 33 об.

²⁷² *Тамул С.* Тарту и его университеты (1905–1918 годы) // *Университет и город в России (начало XX века)*. М., 2009. С. 671–672.

²⁷³ Письмо И.И. Лаппо к С.Ф. Платонову, 28 сентября (11 октября) 1918 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3344. Л. 37.

он был назначен его уполномоченным в Воронежской губернии, а затем, после создания Губархива 6 (19) апреля, стал его заведующим²⁷⁴. В сентябре 1919 г. войска белых начали наступление на Воронеж, и 17 (30) сентября в город вошел корпус А.Г. Шкуро. Продержались белые недолго. Уже 11 октября под напором красных они вынуждены были отступить²⁷⁵. Именно в этот короткий период И.И. Лаппо принял решение уехать. Насчет даты его отъезда существуют разночтения. В университетской справке, составленной 11 ноября 1919 г., говорится, что профессор 1 (14) октября официально уведомил ректора о своем отъезде в Ростов-на-Дону и Харьков по болезни и домашним обстоятельствам сроком на две недели²⁷⁶. Воронежский историк и краевед, директор университетской библиотеки Сергей Николаевич Введенский (1867–1940) рассказывал в письме к С.Ф. Платонову, что И.И. Лаппо покинул город 18 сентября 1919 г., после чего ему пришлось взять на себя профессорские курсы по русской истории, не считая других предметов²⁷⁷. Своим поступком он предвосхитил последующее решение 12 других профессоров, покинувших Воронеж вместе с отступающими белыми²⁷⁸. С собой историк смог взять лишь самые важные рукописи – часть личного архива и библиотеку пришлось оставить. Бесследно исчезнувшего профессора усиленно искали – в Ростове-на-Дону, затем в Новочеркасске. Но поиски результатов не давали; о судьбе И.И. Лаппо ничего не было известно. Обрывочные сведения говорили, что его нет в живых. Потому в мае 1920 г. на заседании Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете коллеги специально

²⁷⁴ *Мякишев В.П.* И.И. Лаппо – ученый с живым чувством исторической действительности и // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 1. С. 166.

²⁷⁵ *Цветков В.Ж.* Генерал-лейтенант А.Г. Шкуро // Белое движение. Исторические портреты. М., 2006. С. 263–266.

²⁷⁶ *Мякишев В.П.* Указ. соч. С. 167.

²⁷⁷ Письмо С.Н. Введенского к С.Ф. Платонову, 15 августа 1922 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2474. Л. 1.

²⁷⁸ *Мякишев В.П.* Указ. соч. С. 168–169.

почтили его память²⁷⁹. К счастью, И.И. Лаппо и члены его семьи были живы. После недолгого пребывания в Харькове они устремились на юг, вслед отступавшей белой армии. Конечной точкой скитаний по России стал Новороссийск. Отсюда семье Лаппо в конце марта 1920 г. предстояло эвакуироваться на английском корабле за границу и навсегда покинуть Родину.

Вместе с сотнями других беженцев И.И. Лаппо оказался на греческом острове Лемнос, «стал гостем английского короля», – как говорили в то время. За этим ироничным высказыванием в реальности таилась большая жизненная драма. Остров, который контролировали британские военные, стремительно превратился в бесконечный беженский лагерь с ужасающими условиями. Один из современников красочно описал злключения: «Остров – необитаемый с каменистой почвой и без пресной воды; домов нет, вместо них имеются шалаши, покрытые брезентом и притом промокаемые, где люди спят вповалку ногами вместе, а головы врозь. Пища небогата – 1/8 фунта хлеба в сутки и консервы. Режим – тюремный. Чтобы покинуть Лемнос, нужно чтобы кто-нибудь из власти имущих подал бы в английскую миссию заявление и взял на иждивение какое-либо лицо. Всплеск инфекционных заболеваний. Дети умирают от скарлатины и кори»²⁸⁰. Для И.И. Лаппо и его семьи пребывание на острове превратилось в тяжелейшее испытание. Он молил своих коллег «извлечь его из этого проклятого места, где люди бедствуют, как они бедствуют везде, где их опекают ... союзники»²⁸¹. И.И. Лаппо отчаянно писал разным коллегам. В мае 1920 г. он обратился в Прагу к известному чешскому правоведа Карелу Кадлецу (Karel Kadlec; 1865–1928), с которым успел познакомиться по переписке перед самым началом Первой мировой войны. Историк осведомлялся у коллеги возможностью переезда в «Угорскую Русь», как называл

²⁷⁹ Протокол заседания Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете // Государственный архив Саратовской области. Ф. 407. Оп. 2. Д. 350. Л. 15 об.

²⁸⁰ *Иваненко А.* Правда о Лемносе // Славянская заря. Прага, 1920. № 166. 6 июля.

²⁸¹ *Погодин А.Л.* Русская наука за границей // Славянская заря. Прага, 1920. № 159. 25 июня.

он в письме самый восточный регион тогдашней Чехословакии. О такой возможности И.И. Лаппо услышал еще на Дону, считая автором этой идеи К. Крамаржа, который приезжал для поддержки белого движения. Теперь же профессор осведомлялся у коллеги условиями работы в крае и попутно рассказывал о своих мытарствах: «Позвольте напомнить Вам о себе отсюда, где, вероятно, и Вы никогда не ожидали видеть меня живущим, и я сам не думал иметь пребывания. Но события в России перевернули всю обстановку жизни русских людей, любящих свою Родину, и мы уже перестали удивляться неожиданностям, которые им приходится переживать. <...> Под Советскою властью ужиться не мог: для ученого нет жизни без свободы мысли и свободы научного исследования, а их нет там. Я уже не говорю об ужасах террора и невежестве власти. <...> Теперь еще не решил, что буду делать дальше. Если в России прекратится Советская власть, долг каждого русского немедленно вернуться на Родину для работы там. Если же положение не изменится, надо ехать для работы в братскую славянскую страну. Я думаю в таком случае направиться в Сербию»²⁸². Именно этот вариант в итоге был избран. Летом 1920 г. семья Лаппо перебралась на югославянскую землю, обосновавшись в небольшом городке Парачин. В Сербии условий для ее продолжения практически не было. Потому он стал искать альтернативные варианты для переезда. 30 июля 1920 г. И.И. Лаппо написал в Софию болгарскому историку Василиу Златарскому (Васил Николов Златарски; 1866–1935), которого знал по временам юности. Оба на рубеже 1880–1890-х гг. учились сначала в 1-й Санкт-Петербургской гимназии, а затем – на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. И.И. Лаппо осведомлялся о научной жизни в Болгарии: сможет ли он найти там достаточную библиотеку, радушное отношение к русскому ученому и, главное, соответствующую его специаль-

²⁸² Письмо И.И. Лаппо к К. Кадлецу, 14/27 мая 1920 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České Republiky. Fond 321: Kadlec Karel. Kart. 3. Inv. č. 193.

ности работу²⁸³. Неизвестно, что ответил ему В. Златарский, но факт остается фактом: в Болгарию И.И. Лаппо не переехал. Работу в гимназии он считал вынужденной, но подходил к ней крайне ответственно. Своей задачей он считал налаживание полноценного учебного процесса, после чего можно было бы вернуться к исследовательским занятиям. В письме к сербскому коллеге Александру Беличу (Александар Белић; 1976–1970) он признается: «Лично меня выпавшая на мою долю обязанность хлопотать о возобновлении занятий Гимназии в новом месте жительства русских беженцев тяготила и тяготит страшно, ибо я не предприниматель по своим склонностям и способностям. Я научный работник, только силою вещей вынужденный взяться за это дело, как русский человек, болея душой за русских детей, жалких и несчастных, но являющихся будущими поколениями моей Родины и работниками Новой России и Славянства»²⁸⁴. Открытие гимназии затягивалось, несмотря на поддержку специальной Державной комиссии. В ноябре 1920 г. И.И. Лаппо было поручено изучить возможности переноса гимназии в город Ниш, которая пришлась ему по душе. Но в самом конце декабря Державная комиссия предложила рассмотреть варианты размещения ее также в Лесковаце и Крагуеваце. В эмигрантской среде также не было единства относительно места расположения гимназии. И.И. Лаппо остро переживал свою неспособность сдвинуть дело с мертвой точки и потому в конце января 1921 г. обратился к А. Беличу с просьбой освободить его от обязанностей директора и передать полномочия более деятельному человеку²⁸⁵. Условий для научной работы у него по-прежнему не было. В послании к К. Кадлецу в начале января 1921 г. И.И. Лаппо жаловался на невозможность исследовательских занятий в маленьком городе,

²⁸³ Письмо И.И. Лаппо к В. Златарскому от 30 июля 1920 г. // Научен архив на Българска академия на науките. Ф. 9к. Оп. 1. А.е. 1613. Л. 1–2.

²⁸⁴ Письмо И.И. Лаппо к А. Беличу, 21 января/3 февраля 1921 г. // Архив Српске академије наука и уметности. Заоставштина Александра Белића. 14386-III-327.

²⁸⁵ Там же.

без библиотеки и без возможности напечатать написанное²⁸⁶. В сентябре 1921 г. в Парачин посредством газет и слухов дошли воодушевляющие вести из Праги: чехословацкое правительство затеяло широкую программу помощи русским эмигрантам. И.И. Лаппо незамедлительно написал К. Кадлецу, желая узнать у того детали: «Газеты говорят, что русским студентам будет предоставлено и русское преподавание. В числе научных дисциплин, которые они будут изучать, конечно, не может быть забыта и история России. Сколько мне известно, я являюсь в русской эмиграции единственным профессором университета, имеющего степень доктора русской истории и старейшим представителем этой кафедры. Я был бы рад отдать мои силы делу преподавания моей науки в Чехии и очень прошу Вашего содействия для этого. Преподавание в Праге было бы для меня не только исполнением моего долга перед несчастною русскою молодежью. Оно открыло бы мне возможность и для продолжения моих научных занятий, невозможность которых в Сербии заставляет меня так страдать. Прага так богата научными пособиями по моей специальности; Сербия их, наоборот, не имеет совершенно»²⁸⁷. И.И. Лаппо до этого обращался к профессору Н.В. Ястребову, уже находившему в тот момент в Праге, но ответа не получил. Потому он решил связаться с благорасположенным к нему чешским коллегой и предложить свои услуги напрямую. Он подчеркивал, что помимо курсов по истории России читал также лекции по истории русского права, русской церкви, а также специальные курсы по историографии, архивоведению, истории Литвы и Польши. Трудно сказать, сыграл ли К. Кадлец какую-то роль, но удача на этот раз улыбнулась историку. Он был приглашен на профессорскую вакансию. В декабре 1921 г. И.И. Лаппо вместе с женой и сыном прибыл на поезде на пражский Вильсоновский

²⁸⁶ Письмо И.И. Лаппо к К. Кадлецу, 4/17 января 1921 года // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České Republiky. Fond 321: Kadlec Karel. Kart. 3. Inv. č. 193.

²⁸⁷ Письмо И.И. Лаппо к К. Кадлецу, 14 сентября 1921 г. // Ibid.

вокзал и, таким образом, оказался среди первых ученых-эмигрантов, приступивших к работе в Чехословакии.

Иной вариант представляет биография почвовед и гидрогеолог Павла Владимировича Отоцкого (1866–1954), одного из учеников великого В.В. Докучаева и основателя первого в мире специального журнала – «Почвоведение». В 1918 г. П.В. Отоцкий приступил к работе в почвенном отделе Комиссии по изучению естественных производительных сил России, созданном в мае того же года под председательством Ф.Ю. Левинсона-Лессинга. В начале июля 1918 г. руководство организации, опираясь на большой международный авторитет ученого, приняло решение направить его в командировку в Швецию, Норвегию, Данию, Швейцарию для изучения опыта картографирования почв, покупки новой литературы и музейных образцов²⁸⁸. Летом 1918 г. П.В. Отоцкий вместе с женой Еленой Павловной (урожденной Этре) и дочерью Еленой выехал в Стокгольм. Хотя в Скандинавии имя ученого было хорошо известно, и хотя он быстро наладил контакты со Шведской геологической службой, его материальное положение было затруднительным. Биографы П.В. Отоцкого установили, что в июне 1920 г. он ходатайствовал перед Народным комиссариатом просвещения о публикации новой части капитального труда о грунтовых водах и предлагал наладить работу по изданию в Швеции «Почвоведения» в качестве международного журнала²⁸⁹. 3 марта 1921 г. в Петрограде было решено продлить командировку П.В. Отоцкого и дополнительно поручить ему сбор карт сельскохозяйственного районирования. Предполагалось, что Народный комиссариат иностранных дел через свое представительство в

²⁸⁸ Справки № 473/6, 474/7, 475/5, 476/9, 4 июля 1918 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 80. Оп. 1. Д. 44. Л. 87–90; Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): сборник документов. Л., 1968. С. 187.

²⁸⁹ Федотова А.А., Хакарайнен Ю.-П., Хальберг Л. К биографии Павла Владимировича Отоцкого (по материалам Праги и Стокгольма) // Материалы по изучению русских почв. СПб., 2014. Вып. 8 (35). С. 110–111.

Стокгольме окажет ученому финансовую помощь²⁹⁰. Но положение ученого все равно было крайне неопределенным, к тому же 12 августа 1922 г. истек срок действия его паспорта, выданного еще Временным правительством 12 августа 1917 г. Перспектив для работы в Скандинавии не было. А.А. Федотова, Ю.-П. Хакарайнен и Л. Хальберг предполагают, что П.В. Отоцкий покинул Швецию и выехал в Германию²⁹¹. Имя ученого мы встречаем среди участников совещания берлинской группы Конституционно-демократической партии 14 ноября 1921 г.²⁹² В феврале 1922 г. в жизни П.В. Отоцкого произошел крутой поворот – он получил приглашение для работы в Праге и незамедлительно принял его. Таким образом, путь П.В. Отоцкого в Чехословакию – это путь ученого, официально уехавшего из Советской России в заграничную командировку, сохранявшего долгое время контакты с властями²⁹³, но впоследствии принявшего решение не возвращаться назад.

Еще один яркий пример ученого, не вернувшегося из заграничной командировки и осевшего в Чехословакии, дает биография члена-корреспондента Санкт-Петербургской Императорской академии наук Евгения Францевича Шмурло (1853/1854–1934), ведущего специалиста по истории российско-итальянских связей и по истории Петровской эпохи. С 1903 г. он находился на должности ученого корреспондента Академии наук в Риме. После революции финансирование его деятельности прекратилось.

²⁹⁰ Матинян Н.Н., Колодка В.П. Отоцкий Павел Владимирович // Почвоведение в Санкт-Петербурге. XIX–XXI вв. Биографические очерки. СПб., 2013. С. 238.

²⁹¹ Федотова А.А., Хакарайнен Ю.-П., Хальберг Л. Указ. соч. С. 111.

²⁹² Протоколы центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии / Ред. Д.Б. Павлов, Н.И. Канищева. М., 1997. Т. 5. С. 413.

²⁹³ Примечательно, например, что в Стокгольме он дважды обращался к советскому полпреду Вацлаву Вацлавовичу Воровскому (1871–1923): «И оба раза я забывал, что передо мной “большевик”, политический противник – столько было в нем душевной деликатности, такта, широкой терпимости к убеждениям и доброты. За все время пребывания моего в Стокгольме я не слышал ни одного даже намека на личную непорядочность или неточность Воровского». В глазах ученого это был едва ли не «единственно порядочный» большевик, к тому же внешне очень похожий на него («мой двойник») (*Отоцкий П.В.* Памяти В.В. Воровского // Руль. Берлин, 1923. 17 (4) мая. № 747. С. 3).

Но Е.Ф. Шмурло еще несколько лет продолжал работу, практически на собственные сбережения, вынужденно отказывая себе во всем²⁹⁴. В апреле 1924 г. Е.Ф. Шмурло узнал об исключении из нового штатного расписания Академии наук должности ученого корреспондента в Риме²⁹⁵. В ту пору Железный занавес еще не окончательно опустился, и поэтому сохранялась возможность общения между Россией советской и Россией зарубежной. Академия наук на протяжении нескольких лет пыталась возобновить официальные контакты с Е.Ф. Шмурло. Этому во многом способствовал С.Ф. Платонов, продолжавший переписываться с ним. Сергей Федорович предлагал своему коллеге возобновить работу ученого корреспондента в официальном статусе, обратившись к представителям СССР в Риме и ознакомив их с положением дел. Евгений Францевич, однако, с этим не согласился и настаивал, чтобы Академия делегировала ему полномочия для переговоров с советскими представителями в Италии: «...я, конечно, сочту долгом исполнить это предписание, но являться в посольство по собственной инициативе мне, в моем положении, когда даже от самой Академии я до сих пор не могу добиться ответа: что я для нее: уч[еный] корр[еспонден]т, продолжающий нести свои обязанности или только “бывший”? – в таком положении, говорю я, являться в посольство мне не приходится»²⁹⁶. Тогда инициативу взял в свои руки сам С.Ф. Платонов: 30 сентября 1925 г. он попросил советские власти разрешить Академии наук восстановить официальные контакты с ученым корреспондентом Е.Ф. Шмурло. Однако 31 декабря того же года Сергей Федорович получил отказ за подписью заместителя народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова, подчеркнувшего, что, вследствие занятой Шмурло позиции в отношении советской власти, «НКВД не находит возможным всту-

²⁹⁴ Известно, что он даже вынужден был питаться в благотворительных столовых. См.: *Беляев С.А.* Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества) // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 155.

²⁹⁵ Письмо Е.Ф. Шмурло к С.Ф. Платонову, 4 апреля 1924 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4662. Л. 29.

²⁹⁶ Там же. Л. 29 об.–30.

пать с ним в непосредственные деловые сношения»²⁹⁷. Окончательный разрыв с Родиной стал для Евгения Францевича неизбежным. Е.Ф. Шмурло решил воспользоваться помощью чехословацкого правительства и перебраться в Прагу. Свою уникальную библиотеку, состоявшую из 8.000 томов, он продал чехословацкому министерству иностранных дел. Ему же завещал после своей смерти и архив, собранный во время пребывания в Италии²⁹⁸. В декабре 1924 г. он приехал в Прагу из Италии. Итальянские исследователи Стефано Гардзонио и Бьянка Сульпассо в качестве веского мотива для отъезда Е.Ф. Шмурло называют приход к власти фашистов во главе с Б. Муссолини²⁹⁹.

Многие русские рассчитывали найти в Чехословакии не только материальную поддержку, но продолжить научную работу в Праге, которая издавна была важным культурным центром славянского мира. В этом отношении и Белград, и София считались провинциальными³⁰⁰. Экономист Николай Павлович Макаров (1886–1980) писал своему коллеге агроному и селекционеру Александру Ивановичу Стебуту (1877–1952) в ноябре 1922 г.: «Мне думается, что средневековая Прага не хуже Вашего Белграда Гоголевских времен, хотя Гоголевских элементов много и в этой стране»³⁰¹.

²⁹⁷ Письмо М.М. Литвинова к С.Ф. Платонову, 31 декабря 1925 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3410. Л. 1.

²⁹⁸ Саханев В.В. Евгений Францевич Шмурло: Биографический очерк // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская – Нарва, 1937. Кн. 3. С. 58.

²⁹⁹ Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии. Исследования и материалы. Кн. 1. М., 2011. С. 32, 115.

³⁰⁰ Жизнь русских эмигрантов в Болгарии, а особенно интеллектуалов, осложнялась как общим экономическим положением страны, вследствие выплат тяжелых репараций, так и отсутствием необходимых условий для научной работы. Поддержка эмигрантов в Болгарии была делом частных лиц (в том числе самого царя Бориса III), но не объектом государственной политики. В Югославии условия материальные условия были лучше. Государство брало на себя затраты по оказанию помощи русским. Но возможности для научной работы также были затруднены, в частности отсутствием нужных изданий в библиотеках. См.: Иванович М. Чехословакия и Югославия на карте Зарубежной России (в перв. пол. 20-х гг. XX в.) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Т. 2. С. 675–684; Он же. Русская эмиграция на Балканах. С. 327–334.

³⁰¹ Письмо Н.П. Макарова к А.И. Стебуту, 22 ноября 1922 г. // Исторически архив Београда. Фонд 2149: Александр Стебут. ИАБ-2419-Кл 4.1. Нужно отметить, что

Поэтому немало ученых стремилось переселиться с Балкан в Чехословакию. Одним из них был историк искусства и археолог Николай Львович Окунев (1885–1949). До революции он изучал памятники древнерусского искусства в Новгороде и Пскове, вместе с Н.Я. Марром раскапывал древнюю армянскую столицу Ани, занимал должность ученого секретаря Русского археологического института в Константинополе. В годы Гражданской войны Н.Л. Окунев был Начальником части по делам искусства и древностей Управления народного просвещения при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России. Вместе с Белой армией он эвакуировался из России в 1920 г. и поселился в Македонии, где в мае 1920 г. стал профессором археологии в Скопье³⁰². Но положение его как в плане материальном, так и в плане научном оставляло желать лучшего. В письме к Д.В. Айналову Н.Л. Окунев жаловался на трудность своей жизни в Македонии и почти полную невозможность плодотворной исследовательской работы³⁰³. В начале 1922 г. ученый был приглашен в Прагу, но решил сначала завершить учебный год в Скопье. Правда вскоре он разочаровался в своих намерениях. 22 марта 1922 г. Н.Л. Окунев обращался к Н.В. Ястребову: «В настоящее время выяснилось, что положение мое (как и прочих моих коллег) в материальном отношении настолько ухудшается от введения новых условий оплаты русского профессорского труда в сербских университетах, что я охотно бы немедленно после получения от Вас известий о приеме меня в число преподавателей в Русской Учебн[ой] Кол[легии] в Праге оставил здешний университет и отправился бы в Прагу»³⁰⁴. Н.Л. Окунев сумел приехать в Чехословакию только в начале 1923 г.

Н.П. Макаров уехал из Советской России в 1919 г. в США, затем в 1922 г. оттуда переехал в Европу. В 1924 г. он вернулся в СССР, где в 1930-е гг. подвергся репрессиям.

³⁰² Curriculum vitae Николая Львовича Окунева // Národní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Kart. 16. Inv. č. 125.

³⁰³ См.: Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. С. 159–160.

³⁰⁴ Письмо Н.Л. Окунева Н.В. Ястребову, 22 марта 1922 г. // Národní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Kart. 16. Inv. č. 125.

Но приехать смогли не все. Главным препятствием было ограниченное количество стипендий и пособий, выделяемых чехословацкими властями. Так вслед за своим учителем Н.П. Кондаковым в 1922 г. безуспешно пытался перебраться в Прагу из Софии молодой историк искусства Андрей Николаевич Грабар (1896–1990), впоследствии знаменитый ученый. Н.П. Кондаков, несмотря на свой авторитет, не имел возможности помочь ему³⁰⁵. А.Н. Грабар вынужден был покинуть Болгарию и переселиться в 1923 г. во Францию, с которой будет связана вся его последующая жизнь.

Число русских ученых в эмиграции значительно пополнилось после решения советского правительства о высылке из СССР в 1922 г. оппозиционно настроенных представителей интеллигенции. Среди высланных были представители разных научных дисциплин, впоследствии оказавшиеся в Чехословакии: историк Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933), зоолог Михаил Михайлович Новиков (1876–1965), астроном Всеволод Викторович Стратонов (1869–1938), философ Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) и др. Об истории «философских пароходов» и обстоятельствах высылки представителей научной и творческой интеллигенции из Советской России уже написано очень много, что освобождает от необходимости пересказывать уже известные события³⁰⁶. Обратим лишь внимание на тот факт, что далеко не все их пассажиры отметились открытой оппозиционностью к большевикам, и, вероятно, сами поначалу не помышляли об отъезде за границу.

³⁰⁵ *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. С. 156–157; *Смирнова Э.С.* От киевских храмов к искусству Византии: Андрей Николаевич Грабар // *Российская научная эмиграция: Двадцать портретов.* М., 2001. С. 351.

³⁰⁶ См.: *Главацкий М.Е.* «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. Екатеринбург, 2002; *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом-осенью 1922 г. // *Вопросы философии.* 2003. № 7. С. 113–137; *Макаров В.Г.* Историко-философский анализ внутриполитической борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России. М., 2010; *Chamberlain L.* Lenin's private war: the voyage of the philosophy steamer and the exile of the intelligentsia. N. Y., 2007.

Показателен случай одесского профессора Антония Васильевича Флоровского (1884–1968). В годы Гражданской войны он, судя по сохранившимся источникам, вел себя довольно аполитично, не примыкая ни к одной из противоборствующих сторон, отдавал все силы науке и преподаванию. В 1920 г. Новороссийский университет был реорганизован. На его основе были созданы специализированные высшие учебные заведения, в том числе Археологический институт, в котором А.В. Флоровский начал заведовать кафедрой исторической географии. Его начальником стал присланный из Петрограда молодой ученый Юлиан Григорьевич Оксман (1894–1970), впоследствии выдающийся историк и литературовед³⁰⁷. Между ними сложились добрые отношения, которые подкреплялись еще и совместной работой в Одесском губернском архивном управлении. С марта по декабрь 1921 г. А.В. Флоровский занимал пост директора Одесской городской библиотеки, а 10 февраля 1922 г. на объединенном заседании Губернского управления профессионального образования (Губпрофобр) и пленума научного бюро Высшей школы был избран директором главной библиотеки Высшей школы (бывшей библиотеки Новороссийского университета)³⁰⁸. У профессора было много творческих планов, но все они были враз перечеркнуты арестом 19 августа 1922 г. Согласно приказу № 74 Одесского Губпрофобра от 1 сентября 1922 г., А.В. Флоровский вместе с другими 10 преподавателями высших школ подлежал увольнению и высылке за границу³⁰⁹.

³⁰⁷ См.: *Парсамов В.С.* Ю.Г. Оксман и революция // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 5 (26). С. 92–108; *Фролов М.В.* «Дух бодр и охота к работе прежняя...»: Из переписки Ю.Г. Оксмана и А.В. Флоровского (1962–1968) // *Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева*. М., 2019. С. 617–652.

³⁰⁸ *Галяс В.* Русский историк-славист А.В. Флоровский // *Дерибасовская – Ришельевская: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах*. Кн. 15. Одесса, 2003. С. 17.

³⁰⁹ Там же. С. 18. См. также: В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы. Сборник документов и материалов / Под ред. *М.Е. Главацко*. М., 2008. С. 158–174; *Левченко В.В.* История «философского па-

Правда, еще в январе 1920 г. родители историка, брат Георгий и сестра Клавдия, а также дядя М.Г. Попруженко решили покинуть Советскую Россию. Это было непростое решение: Флоровские ехали, что называется, в никуда. Драматичность ситуации особенно явственно проступает в свете их дальнейших судеб. Так, для медиевистки Клавдии Васильевны Флоровской (1883–1965), перовой женщины – приват-доцента Новороссийского университета, эмиграция обернется прекращением едва начавшейся научной карьеры³¹⁰. А.В. Флоровский и другой его брат, Василий, об эмиграции поначалу не помышляли. Посему попадание в списки на принудительную высылку стало для Антония Васильевича большой неожиданностью. Он и его супруга взяли с собой только самые необходимые вещи, в том числе некоторые рукописи, были посажены на пароход и отправлены в Турцию. Так историк оказался в Константинополе, наполненном русскими беженцами еще с момента осенней Крымской эвакуации 1920 г. Антоний Васильевич осведомился о возможности переезда в Германию у своих немецких коллег: археолога Эрнста Романовича фон Штерна (Ernst von Stern; 1859–1924), некогда работавшего в Одессе, и боннского профессора Леопольда Карла Гётца (Leopold Karl Goetz; 1868–1931), работу которого о «Русской Правде» он некогда высоко оценил³¹¹. Обратился он и к осевшим в Великобритании одесским знакомым, инженеру Михаилу Васильевичу Брайкевичу (1873–1940) и экономисту Ю.А. Павловскому, и в Прагу – к брату Георгию и к академику Н.П. Кондакову. В письме к своему коллеге Г.В. Вернадскому А.В. Флоровский жаловался на тяготы нынешнего положения, признавался в нежелании заниматься уличной торговлей и службой

рохода» из Одессы: события, факты, люди // Соловьевские исследования. 2013. № 2 (38). С. 94–106.

³¹⁰ Левченко В.В. Из истории высшей школы Одессы: первая женщина приват-доцент – Клавдия Васильевна Флоровская (1883–1965) // Проблемы славяноведения: Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2012. С. 161–174; Галчева Т.Н., Голубович И.В. Указ. соч. С. 35–38.

³¹¹ Флоровский А.В. Новый взгляд на происхождение «Русской Правды» // Известия Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете. 1912. Т. I. Вып. 4. С. 97–122.

в ресторанах подобно многим соотечественникам³¹². Но помочь с работой никто не смог.

В конце сентября 1922 г. А.В. Флоровский решил направиться в Софию, где осели его родители и сестра. В болгарской столице он перебивался случайными заработками. Его обращение в министерство народного просвещения с выражением готовности работать учебно-научной или архивно-библиотечной сфере было отвергнуто, несмотря на покровительство крупных болгарских историков – В. Златарского и Стефана Бобчева (Стефан Савов Бобчев; 1853–1940). Проблеск надежды появился в конце 1922 г., когда А.В. Флоровский наконец получил приглашение из Чехословакии и в начале 1923 г. переехал из Софии в Прагу³¹³.

Таким образом, можно засвидетельствовать, что пути переезда русских ученых-эмигрантов в Чехословакию были различными и часто не соответствовали первоначальным ожиданиям. Тот же А.В. Флоровский в письме к брату Георгию 6 ноября 1922 г. признавался, что мечтает о Лондоне³¹⁴. Но какими бы ни были мотив русских ученых, факт остается фактом: примерно к 1922–1923 гг. в Чехословакии оказались десятки русских ученых, представителей различных областей знаний. В этот же период активно формировались институциональные структуры российской науки за рубежом. За короткое время в Праге возникла сеть русских высших школ (Русский народный университет, Русский юридический факультет, Русский педагогический институт имени Я.А. Коменского, Русское высшее училище техников путей сообщения, Институт высших коммерческих знаний, Русский институт сельскохозяйственной кооперации) и научно-исследовательских организаций (Русский институт в Праге, Институт изу-

³¹² Письмо А.В. Флоровского к Г.В. Вернадскому, 25 сентября 1922 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University. George Vernadsky Papers. Box. 32. Florovskii, A. V.

³¹³ Автобиография А.В. Флоровского. С. 462.

³¹⁴ «Поздравляю с прибытием в “свободную Европу” ...»: переписка Антония и Георгия Флоровских. 1922–1924 гг. // *Флоровский А.В.* Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: из архивного наследия. СПб., 2020. С. 495.

чения России, Семинарий имени Н.П. Кондакова), библиотек и архивов (Русский заграничный исторический архив, Библиотека Земгора). К этому же можно прибавить различные общества, которые создавались не только в столице (Русское историческое общество, Философское общество, Общество по изучению Ф.М. Достоевского), но и в провинции (Общество русских химиков в Брно).

Прибывавшие в Чехословакию ученые получали индивидуальные стипендии от чехословацкого правительства. Сумма пособий и зарплат для русских ученых 1920-х гг. варьировалась в зависимости от места работы, занимаемой должности и т.д. Для этого все ученые делились на три группы. К первой группе относились штатные профессора российских высших учебных заведений, имевших научную известность и преподавательский опыт. Ко второй группе принадлежали экстраординарные профессора и приват-доценты. Третья группа включала молодых ученых, вынужденных прервать научную карьеру из-за революции, Гражданской войны и эмиграции, а также лица, готовящиеся к получению ученой степени³¹⁵. В самом начале «Русской акции», согласно финансовой отчетности за декабрь 1923 г., ученые, отнесенные к первой категории, получали ежемесячно 2.100 чехословацких крон, ко второй категории – 1.500 чехословацких крон, к третьей – 1.100 чехословацких крон. Помимо того, предполагались выплаты на жену и мать. Для первой категории – 300, для второй – 250, для третьей – 150. По каждой категории назначалась выплата в 150 чехословацких крон на ребенка³¹⁶. Итак, в самом начале 1920-х гг. отдельные ученые

³¹⁵ См.: Русские в Праге. 1918–1928 гг. Прага, 1928. С. 78–79. Существовала еще и четвертая группа, к которой относили студентов.

³¹⁶ Ведомости на выдачу жалования профессорам и преподавателям, др. денежные документы // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 127. Л. 14–14 об., 15, 17–17 об., 18.

получали относительно неплохие пособия. Для сравнения, прожиточный минимум в 1923 г. составлял 1.000 чехословацких крон в месяц³¹⁷.

Стипендии чехословацкого правительства помогли многим русским ученым продолжить свои исследования. Примем во внимание один интересный факт, который нередко ускользает от внимания специалистов: получение жалования по линии «Русской акции» отнюдь не накладывало на ученого педагогических обязанностей ни в эмигрантских, ни в чехословацких высших школах. Да, преподавание сулило дополнительный заработок, но, некоторые ученые обходились без него. Свобода действий и (относительная) свобода распределения средств на первых этапах «Русской акции» поражала эмигрантов. Приведем цитату из справки Земгора, датированной концом 1921 г., и сохранившейся в Русском архиве в Лидсе: «Чехословацкое правительство дает сто стипендий (2400, 1600 и 1200 крон в месяц; крона – одна седьмая французского франка), почти без обязательств (*подчеркнуто мной – М.К.*), если не считать обязанности подготовки, если потребуется, русских студентов. Полное самоуправление, поддержка в издании научных трудов и т.д. Полная возможность заниматься в лабораториях, кабинетах, библиотеках. По-видимому, вопрос помощи ученым и профессорам разрешен радикально и так, как и мечтать нельзя было (*подчеркнуто в оригинале – М.К.*)»³¹⁸.

Итак, работа со студентами была, по сути, лишь рекомендацией. Пусть важной, но рекомендацией. Среди тех ученых, кто не оказался связан педагогическими обязанностями, был Е.Ф. Шмурло. Хотя он активно участвовал в работе Русского заграничного исторического архива, был основателем в 1925 г. Русского исторического общества, все же основные его усилия были направлены на завершение ранее начатых проектов. А проекты

³¹⁷ Пара ботинок стоила 80–180 крон, костюм – 200–800, пальто – 250–700, рубашка – 35–100, проезд в трамвае – 1–3. См.: *Chinyaeva E. Russian émigrés and Czechoslovak society: uneasy relations. S. 49.*

³¹⁸ Справка Земгора, 23 октября 1921 г. // The Leeds Russian Archive, University of Leeds. ZEMGOR Archive. Box 110 (1).

эти, без сомнения, были грандиозными. Во-первых, он завершил фундаментальную работу о дипломатических и политических контактах России и Святого Престола в XVII в.³¹⁹, которое сразу привлекла внимание европейского ученого сообщества³²⁰. Во-вторых, в 1929 г. историк блестяще завершил серию своих трудов по историографии Петра Великого монографией «Вольтер и его книга о Петре Великом»³²¹. Она была издана при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Чехословакии. Обширные авторские познания и глубина раскрытия темы были соединены с блестящим литературным изложением. В этой работе мы находим самую полную для того времени историю создания труда Вольтера о Петре I. При этом вольтеровская «История Российской империи» была подвергнута острому критическому анализу, который выдает в авторе монографии одного из крупнейших знатоков не только истории петровского времени, но и всего XVIII в.³²² Труд Е.Ф. Шмурло получил благожелательные отклики среди современников³²³. Не забывали о нем и следующие поколения исследователей творчества Вольтера, написавших немало работ на смежные темы. Книга по сей день не потеряла своей научной значимости и недавно была переиздана³²⁴. Так что с точки зрения долгоиграющего эффекта, вложения чехословацкого правительства не прошли зря.

³¹⁹ Шмурло Е.Ф. Римская Курия на русском православном Востоке в 1609–1654 гг. Прага, 1928.

³²⁰ См., например, отклик на нее крупного румынского историка Силвиу Драгомира: *Dragomir S. Descoperirea profesorului Şmurlo // Universul. Bucureşti, 1932. № 74. 16 Martie. P. 1–2.*

³²¹ Шмурло Е.Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929.

³²² См. подробнее: Ковалев М.В., Мезин С.А. Евгений Францевич Шмурло и изучение Петровской эпохи // Шмурло Е.Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. СПб., 2021. С. 3–36; Мезин С.А., Ковалев М.В. Вольтер – историк России // Вольтер. История Российской империи при Петре Великом. СПб., 2022. С. 79–80.

³²³ *Историк [= Флоровский А.В.] История книги Вольтера о Петре Великом // Россия и славянство. 1929. 7 декабря; Hajek Z. Kritické dílo o Voltairovi jako historiku // Lidové Noviny. Brno, 1929. 12. března; Мясотин В.А. Вольтер, как историк Петра Великого // Последние новости. 1930. 9 января; Eck A. Šmurlo (E.). Voltaire et son oeuvre «Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand» // Revue belge de philologie et d'histoire. 1932. T. 11. Fasc. 1–2. P. 193–196.*

³²⁴ Шмурло Е.Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. СПб., 2021.

Социальную картину положения русской диаспоры в Чехословакии обрисовывают результаты статистического исследования, проведенного 5 декабря 1923 г. профессором Русского юридического факультета П.П. Георгиевским среди русских студентов. В его опросе приняло участие 3.469 человек, из которых 2.740 обучались в Праге, 604 – в Брно, 89 – в Пржибрами и 36 – в Братиславе. Мужчины составили 85,5% (2967 человек) опрошенных, а женщины – 14,5% (502). Большинство учащихся принадлежало к возрастной группе 25 – 30 лет (45,6%). Затем следовала группа 20 – 25-летних (31,2%) и, наконец, группа 30–35-летних (15,2%). На лиц старше 35 лет приходилось 4,8%, на лиц младше 20 лет – 3,2%. Оставим в стороне все иные социальные показатели, а сосредоточим внимание на материальном положении русских студентов, которое небезынтересно сравнить с положением их профессоров. Анализируя полученные данные, П.П. Георгиевский сетовал: «Обращаясь к рассмотрению средств к существованию русской учащейся молодежи, приходится констатировать, что она существует, главным образом, благодаря поддержке Чехословацкого Правительства». 74,1% учащихся находились на полном иждивении у властей, 16,7% – на частичном. Пособия от родных имело лишь 0,7% учащихся. Месячный прожиточный минимум большинство учащихся определило в размере от 500 до 700 чехословацких крон (62%). До 800 крон желало бы 17%, до 900 – 7%, выше 900 крон – 5%, а ниже 500 крон – 5,6%. Однако многие респонденты указали прожиточный минимум без учета стоимости одежды и проезда в общественном транспорте³²⁵. Например, студентка Карлова университета Мария Александровна Андреева (1900–1945?) в 1922–1926 гг. получала стипендию в размере 350–525 чехословацких крон ежемесячно³²⁶. Понятно, что учиться и заниматься наукой,

³²⁵ *Георгиевский П.* Перепись 5 декабря 1923 г. русских студентов, учащихся в Чехословацкой республике. 24 марта 1924 г. // *Archiv hlavního města Prahy. F. Svaz ruských akademických organizací v zahraničí. Krab. 1.*

³²⁶ *Curriculum vitae M.A. Andrejevovoj* // *Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 258: Jaroslav Bidlo. Kart. 3. Inv. č. 37.*

к чему у М.А. Андреевой была склонность, было крайне сложно. Тем не менее, она впоследствии стала доктором философии Карлова университета (1926), приват-доцентом (1928) и магистром всеобщей истории (1930)³²⁷.

Конечно, на фоне русского студенчества положение профессуры выглядело весьма привлекательным. И тем не менее необходимо признать, что и ее материальное положение оставалось нестабильным. Оно полностью зависело от финансовых возможностей властей. Поэтому вполне закономерно, что впоследствии сумма выплат русским ученым начала резко сокращаться. К тому же весьма тяжелым было положение молодых и начинающих ученых, многие из которых имели семьи. Поэтому если не бедность, то материальная необеспеченность была главным бичом для российской интеллектуальной элиты. Лишь немногие лица, как, например, Н.П. Кондаков и Владимир Андреевич Францев (1867–1942), могли похвастаться стабильно высоким уровнем доходов. Оба они были относительно состоятельными по чехословацким меркам людьми. По воспоминаниям современников, при всякой присылке счетов из налоговых органов В.А. Францев возмущался и неизменно повторял: «Видимо, чехословацкое правительство решило на полученные с меня налоги содержать свою республику!»³²⁸ В то же время и его положение не было столь безоблачным. В письме к профессору Михаилу Несторовичу Сперанскому (1863–1938) 5 августа 1922 г. он жаловался на нехватку средств и дороговизну: «Здесь в системе вознаграждения – нивелизация, уравнение интеллектуальных работников с низшими служащими. Пожарный или кондуктор пражского трамвая имеют гораздо больше, чем ординарный университетский профессор»³²⁹. В.А. Францев был вынужден материально помогать своей матери,

³²⁷ Curriculum vitae // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. M.A. Andrejevova. T-AND-1.

³²⁸ Андреев Н.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 328.

³²⁹ См.: Лантева Л.П. Русский славист В.А. Францев и обстоятельства его эмиграции из России (по материалам неопубликованной переписки) // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 1997. № 2. С. 61.

жившей в Варшаве, и своему старшему брату, бывшему директору гимназии.

Поэтому русские интеллектуалы вынуждены прибегать к дополнительным заработкам, насколько это было возможным. Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951) упоминал, что жена профессора Аркадия Николаевича Фатеева (1872–1952) для пополнения семейного бюджета продавала пирожки собственного изготовления³³⁰. И все равно жизнь и научная работа полностью зависели от щедрости чехословацкого правительства и меценатов. В Российском государственном архиве литературы и искусств сохранилась папка писем археолога Екатерины Николаевны Клетновой (1869–1938), содержащая ее просьбы в адрес Союза русских писателей и журналистов о получении ежемесячной материальной помощи в размере 800 чехословацких крон. Е.Н. Клетнова в июне 1924 г. приехала в командировку в Чехословакию, но обратно в СССР не вернулась. До революции она была известна не только как исследовательница Гнёздовских курганов, но и как литературный переводчик. Поэтому, оказавшись за рубежом, она продолжала жить на гонорары за свои литературные труды. Однако летом 1926 г. после изменений в советском законодательстве она лишилась возможности получать гонорары за оперные и драматические переводы, на которые она существовала ранее. В связи с этим она просила Союз выдать ей ссуду в размере 850 чехословацких крон³³¹. Размер ежемесячной стипендии, которую она начала получать от чехословацкого правительства в 1926 г., составлял 800 чехословацких крон в 1926–1928 гг. и 600 – с 1928 по 1930 гг.³³² Е.Н. Клетновой приходилось подрабатывать няней в семье профессора Александра Петровича Калитинского (1879–1946) и актрисы Московского художественного театра Марии Николаевны Германовой (1883–

³³⁰ Спекторский Е.В. Воспоминания. С. 384.

³³¹ Прощение Е.Н. Клетновой // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.

³³² Список Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии. 1-й список (писатели). Составлен 15 мая 1930 г. // Národní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 15.

1940), заниматься воспитанием их сына и даже продавать свои вышивки³³³. Однако, судя по ее письмам, это не приносило стабильного дохода. В письме от 28 декабря 1930 г. она выражала опасения урезанием финансовой помощи: «Очень тревожусь попасть в “сокращенцы”, особенно в этом году, когда на выставке моих вышивок продано всего лишь на 44 кроны, а у меня на материал затрачено свыше 100 крон!»³³⁴ Тяжелое материальное положение заставляло ее распродавать свои книги. В марте 1933 г. она обратилась с письмом к секретарю Археологического института имени Н.П. Кондакова Дмитрию Александровичу Расовскому (1902–1941) с просьбой приобрести или помочь продать за 8 рублей «Готский сборник», изданный Государственной академией истории материальной культуры. Вышивки по-прежнему не приносили ей стабильного дохода. Она писала, что остро нуждается в 40–50 чехословацких кронах до конца марта 1933 г.³³⁵

Те же просьбы отражены в письмах историка Бориса Алексеевича Евреинова (1888–1933). 31 мая 1923 г. он просил у Союза русских писателей и журналистов выдать ему ссуду в размере 700 чехословацких крон и обещал погасить ее «в течение года по возвращении в Россию»³³⁶. У Б.А. Евреинова была семья, состоящая из жены и троих детей. Некоторое время он работал в благотворительной организации YMCA-Press, но после ликвидации ее представительства в Праге остался без работы. В конце августа он вновь просил у Союза ссуду в 1.000 чехословацких крон³³⁷.

³³³ Янчаркова Ю. «Теперь же уходя в небытие...»: Письма А.П. Калитинского и М.Н. Германовой, сотрудникам Археологического института им. Н.П. Кондакова, княгине Н.Г. Яшвилль, Д.А. Расовскому, Н.П. Толлю // *Rossica* 2007: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2007. С. 161.

³³⁴ Прошение Б.А. Евреинова // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 83. Л. 15–16.

³³⁵ Письмо Е.Н. Клетновой Д.А. Расовскому, 26 марта 1933 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV.*

³³⁶ Прошение Б.А. Евреинова // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 67. Л. 2.

³³⁷ Прошение Б.А. Евреинова // Там же. Л. 3.

Как видим, жизнь и научная деятельность русских ученых в Чехословакии зависела от финансовой поддержки со стороны правительства, которая с середины 1920-х гг. начала постепенно сокращаться. Нестабильность материального и социального положения вызывала текучесть ученых кадров. Помимо того, для ряда русских ученых Прага, а уже тем более Брно или Братислава, продолжали восприниматься как культурная провинция Европы. Их влекло на Запад, где, как думалось многим, открывались большие возможности для научной работы. В числе первых русских ученых, покинувших Чехословакию, был социолог Питирим Александрович Сорокин (1889–1968). Он был выслан из Советской России 23 сентября 1922 г., на поезде выехал в Ригу, а затем в Берлин. Там он получил личное приглашение от Т. Масарика, которого хорошо знал³³⁸, приехать в Чехословакию. Казалось бы, положению ученого в Чехословакии ничего не угрожало. Ему покровительствовал лично президент, который предлагал П.А. Сорокину читать лекции в Карловом университете. Его жена, Елена, ученый-цитолог, получила возможность проводить исследования в Лаборатории профессора Б. Немеца. У него сложились хорошие личные отношения с крупнейшим чехословацким социологом того времени профессором Арноштом Иноценцем Блахой (Inocenc Arnošt Bláha; 1879–1960). Благодаря стипендии чехословацкого правительства, П.А. Сорокин смог сосредоточиться на научной работе и подготовить основу книги «Социология революции», которая вскоре принесет ему международную известность³³⁹. Подобные возможности открывались далеко не перед всеми эмигрантами даже на первых порах «Русской акции». Однако П.А. Сорокин пробыл в Чехословакии всего около 9 месяцев и предпочел уехать в США, получив приглашение оттуда.

³³⁸ Т. Масарик и П.А. Сорокин познакомились в России в 1917 г. В мемуарах русского ученого так описаны впечатления от общения с чешским коллегой: «Разговаривать с этим рациональным, интеллигентным, серьезным и широкомыслящим человеком было одно удовольствие. Мы обсуждали чешскую проблему, о которой мне доводилось писать. Без сомнения, с такими руководителями, как Масарик, Чехословакия завоеует свою независимость» (*Сорокин П.А.* Указ. соч. С. 90).

³³⁹ *Сорокин П.А.* Указ. соч. С. 145–148.

Ричард Пайпс описывал ситуацию, когда «академическую безмятежность» П.Б. Струве в апреле 1925 г. нарушило приглашение из Парижа «возглавить новую русскую газету “патриотического” направления, которая, как задумывалось, сможет конкурировать с милюковскими “Последними новостями”»³⁴⁰. Ради этой перспективы П.Б. Струве был готов распрощаться с русской Прагой и отвергнуть поступившее тогда же предложение о профессуре в Софии. А.А. Кизеветтер, который в 1925 г. по-прежнему верил в падение большевиков, решению П.Б. Струве опечалился: «Очень огорчен Вашим исчезновением из Праги. Без Вас Прага для меня потускнела и посерела»³⁴¹.

Если для П.Б. Струве причина отъезда была все же в большей степени политическая, нежели научная, то для его коллеги по Русскому юридическому факультету – профессора-правоведа Давида Давидовича Гримма (1864–1941) – наоборот. В 1920 г. Д.Д. Гримм находился в Хельсинки, где энергично включился в антибольшевистскую борьбу. Тогда ему пришлось неожиданное приглашение из Эстонии. Благодаря хлопотам профессора-юриста Игоря Матвеевича Тютрюмова (1855–1943), 14 апреля 1920 г. ученый совет избрал его ординарным профессором римского права Тартуского университета, а 1 июня 1920 г. министр народного просвещения Эстонской республики утвердил его в этой должности³⁴². Новость для ученого оказалась совершенно неожиданной. В тот момент он еще надеялся на свержение большевиков и принимал кипучее участие в общественной деятельности. Поэтому от любезного приглашения пришлось отказаться: «...я никогда не изъявлял согласия на избрание меня профессором Дерптского университета (подчеркнуто в оригинале. – М.К.), <...> я лишен возможности принять названную должность <...>. Принося университету благодар-

³⁴⁰ Пайпс Р. Указ. соч. С. 462–463.

³⁴¹ Письмо А.А. Кизеветтера к П.Б. Струве, 28 мая 1925 г. // Hoover Institution Library and Archives. Petr V. Struve Papers. Box 7. Folder 53.

³⁴² Письмо ректора Тартуского университета к профессору Д.Д. Гримму, 8 июля 1920 г. // Rahvusrhiiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.3a,4.

ность за оказанную мне честь, могу лишь выразить сожаление по поводу прошедшего недоразумения, к которому я не подавал повода»³⁴³. Теперь же, семь лет спустя, Д.Д. Grimm вернулся к эстонскому предложению. Если в 1920 г. он предпочел политику науке и преподаванию, то в 1927 г., предвидя закат «русской Праги» как идейного проекта, жадно ухватился за возможность стабильной научно-педагогической работы. В начале 1927 г. Д.Д. Grimm согласился занять вакантную кафедру римского права на юридическом факультете Тартуского университета. «...Я с благодарностью принимаю избрание меня ординарным профессором на вакантную кафедру системы римского права в Дерптском университете», – писал он в Эстонию 29 января 1927 г.³⁴⁴ 15 марта 1927 г. Совет университета избрал Д.Д. Grimma ординарным профессором, а 28 марта министр просвещения утвердил его в должности с разрешением в течение 5 лет вести занятия на немецком и русском языках, поскольку профессор совершенно не владел эстонским³⁴⁵. В начале сентября 1927 г. Д.Д. Grimm вместе с семьей прибыл в Тарту. Новая среда тепло приняла ученого. Он начал читать лекции по римскому договорному праву и вести практические занятия по системе римского права. В Эстонии Д.Д. Grimm пользовался большим авторитетом, он стал одной из ключевых фигур в истории русского интеллектуального присутствия в этой прибалтийской стране. Д.Д. Grimm был в числе тех иностранных специалистов, которые оказали серьезное воздействие на развитие правовой науки в межвоенной Эстонии³⁴⁶. Причем ему предстоя-

³⁴³ Письмо Д.Д. Grimma в правление Тартуского университета, 23 июля 1920 г. // *Rahvusarhiiv Tartus*. ЕАА. 2100.2.150.6.

³⁴⁴ Письмо Д.Д. Grimma декану юридического факультета Тартуского университета, 4 февраля 1927 г. // *Rahvusarhiiv Tartus*. ЕАА. 2100.2.150.12.

³⁴⁵ Копия письма ректора университета Д.Д. Grimmu, б.д. // *Rahvusarhiiv Tartus*. ЕАА. 2100.2.150.19 р.

³⁴⁶ *Шор Т.К.* Русские юристы в Тартуском университете (1919–1940) // *Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее*. Таллин, 2000. С. 185–186; *Järveld P.* Eesti õigusteaduse ja õigushariduse ajalugu. Tallinn, 2015.

ло принять активное участие и в политической жизни страны – в составлении новой конституции и в работе Национального собрания³⁴⁷.

Уезжали не только в различные европейские государства или в США. В реальности большие возможности порой открывали экзотические страны и регионы, где остро ощущалась потребность в научных кадрах, и где можно было относительно беспрепятственно построить научную карьеру. Энтомолог Александр Алексеевич Оглоблин (1891–1967), участник пражского Зоологического семинара профессора М.М. Новикова, хоть и окончил Карлов университет и даже получил место работы в Национальном музее в Праге, был явно неудовлетворен своим материальным положением. В январе 1928 г. он вместе с семьей уехал в Аргентину, воспользовавшись приглашением министерства сельского хозяйства. В Южной Америке он построит успешную карьеру, став влиятельным ученым, профессором Университета Буэнос-Айреса³⁴⁸. Из Чехословакии в Аргентину уехал и другой русский биолог, выпускник Карлова университета, Константин Иванович Гаврилов (1908–1982). Правда он перебрался за океан в 1938 г., не столько в поисках материального благополучия, сколько спасаясь от неминуемой войны³⁴⁹.

Во всяком случае, с конца 1920-х гг. начался процесс отъездов русских ученых из Чехословакии. А.А. Кизеветтер сообщал П.Б. Струве: «Русская профессорская колония здесь тает. Емельянов, Лепешкин, Вернадский уже в Америке. Grimm в Юрьеве, на днях провожаем Спекторского в Белград.

³⁴⁷ См. подробнее: *Ковалев М.В., Шор Т.К.* Давид Давидович Гримм в Эстонии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2018. Т. 17. № 1. С. 61–70; *Ковалев М.В.* Профессор Д.Д. Гримм и конституционный процесс в межвоенной Эстонии // Россия и современный мир. 2019. № 4. С. 202–222.

³⁴⁸ *Мартинес А., Федотова А.А.* Александр Оглоблин, русский акридолог в Аргентине // Природа. 2015. № 12. С. 60–70.

³⁴⁹ *Righi G.* Konstantin Gavrilo (27.7.1908–25.11.1982) // Revista Brasileira de Zoologia. 1983. Vol. 2. № 3. P. 181–186; Российские ученые в Южной Америке: Письма зоолога К.И. Гаврилова историку Н.Е. Андрееву (1948–1980) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2011. М., 2012. С.608–652.

Мякотин, вероятно, скоро уедет в Софию. Мне некуда ехать, и что будет впереди – не знаю»³⁵⁰.

В чем заключалась причина отъездов российских ученых из Чехословакии, где, казалось, были созданы исключительные условия для эмигрантов? Иван Савицкий видел ее не просто в постепенном сокращении финансовой поддержки, но и в том, что работа в Чехословакии ограничивала возможности вхождения в мировое научное сообщество³⁵¹. Дело здесь, думается, совсем не в провинциализме, на который необоснованно жаловалось немало русских, привыкших на Родине к кипучей интеллектуальной работе и вообще большому жизненному размаху. В основе «Русской акции» лежало представление о недолговечности большевистского режима или по крайней мере его неминуемой эволюции. Эмигранты должны вернуться домой, а потому для них нет никакой необходимости глубоко интегрироваться в чехословацкую или мировую науку. Вернемся опять к мнению И. Савицкого, который очень точно обрисовал программу русского академического центра в межвоенное республике: «Она требовала отказа одновременно и от чисто эмигрантских, и от иммигрантских установок. Она требовала, чтобы профессор и студенты вели себя в совершенно ненормальных условиях совершенно нормально: профессора – как в заграничной научной командировке, студенты – как заканчивающие образование за границей»³⁵². «Русская Прага» и «русская Чехословакия» вообще создавалась не для мировой науки. Как говорил профессор П.И. Новгородцев при открытии Русского юридического факультета, это была «ставка на Россию»³⁵³. Надежды Т. Масарика и чаяния русских беженцев, таким образом, смыкались, хотя и проистекали из разных источников. В 1950-е гг. Валентин Федорович Булгаков (1886–1966), общественный деятель и по-

³⁵⁰ Письмо А.А. Кизеветтера к П.Б. Струве, 29 сентября 1927 г. // Hoover Institution Library and Archives. Petr V. Struve Papers. Box 7. Folder 53.

³⁵¹ Савицкий И.П. Специфика Праги как духовного центра русской эмиграции. С. 86, 90.

³⁵² Там же. С. 68.

³⁵³ Там же. С. 75.

следний секретарь Л.Н. Толстого, описывал в своих воспоминаниях новогодний вечер 1923 г., устроенный Союзом русских писателей и журналистов в одном из пражских ресторанов: «Перед наступлением 12 часов ночи С.В. Завадский произнес с обычным искусством и с казавшимся искренним, не наигранным подъемом, небольшую речь, в которой, между прочим, выразил уверенность, что “в наступающем Новом году мы вернемся на родину”... Все это выглядело довольно торжественно и, казалось, полно было для собравшихся особого внутреннего значения. И какую же зловещую тень накидывает теперь на это новогоднее торжество мысль о том, что ни в 1924-м, ни в 1925-м, ни в 1935-м и ни в 1945-м годах большинство из тех, кто находился на тогда в зале на острове Жофине, включая и красноречивого оратора, не дождалось исполнения своих надежд и Родины не увидело!»³⁵⁴ Таким образом, по мере таяния надежд на возвращение домой рушилась прежняя программа действий, казавшаяся абсолютно верной, точной и логичной. Прежде начертанный путь оказался тупиковым. Потому перед немалым числом русских ученых вставал вопрос о способах глубокой интеграции в зарубежную науку. Ситуация осложнялась характерным для эмигрантов чувством растерянности, потерей прежнего социального статуса и т.д. Следует согласиться с В.Ю. Волошиной, что снижение социального статуса порождало у русских ученых «потерю ценностных ориентаций, преобладание пессимистических настроений во взглядах на настоящее и будущее, даже “раздвоение личности”», под которым она понимает «разрыв между реальным положением человека в социальной структуре страны пребывания и представлениями, как своими, так и ближайшего окружения, о месте данного человека среди других людей»³⁵⁵.

Отъезд из Чехословакии того или иного русского ученого отнюдь не означал разрыва с ее интеллектуальной средой и с недавними коллегами.

³⁵⁴ Булгаков В.Ф. «Как прожита жизнь». Воспоминания // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 62. Л. 143.

³⁵⁵ Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». С. 28.

Прежние связи обретали новое измерение. Оказавшиеся в других странах русские ученые продолжали переписку со своими недавними коллегами (как с русскими, так и с чехами и словаками). Они информировали их о своей жизни в новых местах, делились научной информацией. Для русских ученых, остававшихся в Чехословакии, контакты с уехавшими в другие страны коллегами были важны не только по причине дружеской душевной привязанности. Наличие зарубежных связей в случае необходимости могло помочь в получении новой работы и переезде в другую страну, в лучшие и более стабильные условия. В особенности это касалось заокеанских связей – с коллегами, уехавшими в США. В этом была своя закономерность, поскольку Соединенные Штаты, несмотря на потрясения Великой депрессии, оценивались как более перспективное место работы. В тому же американский трудовой рынок был объективно больше европейского, в целом, и чехословацкого, в частности. Хотя в письмах уехавших в США русских ученых к своим оставшимся в Европе друзьям и коллегам очень часто звучала критика заокеанской жизни, они все равно, в целом, выражали довольство своим положением. Тем более, что по мере нарастания кризиса Европы в 1930-е гг. США все больше воспринимались как островок стабильности и безопасности.

Выше уже говорилось о П.А. Сорокине, который в числе первых русских ученых уехал из Чехословакии в США. Сохранившиеся архивные материалы свидетельствуют о том, что он не просто сохранял контакты с недавними коллегами, но старался вовлекать их в заокеанские научные проекты, которые способствовали накоплению не только символического капитала. В 1930 г. он попросил Г.В. Вернадского посоветовать кого-то из русских историков в Чехословакии, кто мог бы написать обзоры для трехтомного «Сборника материалов по крестьянской социологии». Тот порекомендовал своего друга С.Г. Пушкарева, который как раз специализировался на истории русского крестьянства и земельных отношений. 2 февраля 1930 г. П.А. Сорокин написал в Прагу и предложил

С.Г. Пушкареву подготовить очерк о политической организации и движении русского крестьянства с 1905 г. по настоящее время. Это должен быть именно очерк, который дал бы представление о политических партиях и движениях, отстаивавших интересы земледельцев, их основных целях, программах и результатах деятельности, об основных этапах, причинах и характере крестьянских движений. Предвидя, что подобная тематика может быть превратно воспринята, П.А. Сорокин предупредил, что статья «должна быть свободна от пропаганды и должна иметь насколько возможно объективный и научный характер»³⁵⁶. Написать надо было быстро, к 1 апреля, но за гонорар: 60 центов за страницу, если текст будет на русском языке, и 1 доллар, если на английском³⁵⁷. С.Г. Пушкареву предложение польстило, и уже вскоре он подготовил статью³⁵⁸, которую заказчик высоко оценил³⁵⁹. Известно также, что в 1936 г. П.А. Сорокин помог переехать в США социологу Николаю Сергеевичу Тимашеву (1886–1970), который в 1923–1928 гг. жил в Чехословакии, работая на Русском юридическом факультете и в Русском народном университете³⁶⁰.

Чрезвычайно важной в налаживании международных интеллектуальных мостов представляется роль уехавшего в 1927 г. в США Г.В. Вернадского. С институциональной точки зрения, особо сильной была его привязанность к Семинарию (Институту) имени Н.П. Кондакова (см. подробнее Главу 4). Он пытался найти для него финансовую поддержку, привлечь новых авторов для кондаковских изданий, прорекламирровать их за океаном. Отношения с коллегами сохраняли и русские ученые, уехавшие из Чехословакии в другие европейские страны. Венедикт Александрович Мя-

³⁵⁶ Письмо П.А. Сорокина к С.Г. Пушкареву, 2 февраля 1930 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 213. Л. 1.

³⁵⁷ Там же. Л. 1 об.

³⁵⁸ *Pushkarev S.G. The Political Movements and Political Organization of the Russian Peasantry in the Twentieth Century // A systematic source book in rural sociology / Ed. by P.A. Sorokin, C.C. Zimmerman, C.J. Galpin. Minneapolis, 1931. Vol. II. P. 618–633.*

³⁵⁹ Письмо П.А. Сорокина к С.Г. Пушкареву, 8 апреля 1930 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 213. Л. 2.

³⁶⁰ *Мережко А. Социология права Н.С. Тимашева. Одесса, 2012. С. 13, 33–37.*

котин (1867–1937), получивший в 1928 г. работу в Софийском университете, не просто продолжал поддерживать дистанционные контакты, но по возможности регулярно приезжал в Чехословакию. Во время одного из таких приездов, он скоропостижно скончался в Праге 5 октября 1937 г.

В то же время известны примеры практически полного разрыва с Чехословакией после отъезда оттуда. Таковым был случай социолога Георгия Давидовича Гурвича (1894–1965), который в 1922–1925 гг. был преподавателем Русского юридического факультета. Затем он принял решение уехать во Францию, с которой будет связана его последующая жизнь, и где он станет одним из ведущих социологов³⁶¹. Судя по всему, все контакты с Чехословакией он прервал. Правда, его отъезд оказался сопряжен со скандалом при защите магистерской диссертации об И.Г. Фихте, описанным в мемуарах Е.В. Спекторского³⁶². Еще один ученый, связанный с Русским юридическим факультетом, Михаил Евгеньевич Фридиев (1895–1974), также предпочел французскую столицу чехословацкой. Он уехал в Париж, где защитил в Сорбонне в 1931 г. диссертацию «Происхождение идеи референдума в Конституции 1793 года». Связи с «русской Прагой», да и вообще с эмигрантской средой, он практически оборвал³⁶³.

Гуманитарная программа чехословацкого правительства была изначально запланирована на непродолжительный срок. Когда оно убедилось, что власть большевиков не только не рухнула, но и укрепилась, и что возвращение эмигрантов в Россию в обозримом будущем не предвидится, помощь им была сокращена. Кроме того, в конце 1920-х гг. во всем мире стал ощущаться надвигающийся экономический кризис. Небольшое славянское

³⁶¹ *Дойков Ю.В.* Георгий Гурвич – социолог-эмигрант первой волны // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 142–148; *Антонов М.В.* Социология права Георгия Давидовича Гурвича // Правоведение. 2003. № 2. С. 218–234; *Антонов М.В., Поляков А.В.* Г.Д. Гурвич и русская постклассическая правовая мысль конца XIX–начала XX века // Правоведение. 2005. № 4. С. 131–137.

³⁶² *Спекторский Е.В.* Воспоминания. С. 387–388.

³⁶³ *Алексеев Н.Н.* Указ. соч. С. 222.

государство просто не могло в этих условиях изыскивать средства на продолжение акции.

Жизнь в Чехословакии становилась труднее, материальное положение ученых ухудшалось, а вместе с тем сокращались возможности для научной работы и печатания своих трудов. Русские ученые регулярно просили в письмах чехословацкие власти о предоставлении им специальной материальной помощи³⁶⁴. Многие пытались сделать это за счет своих связей с чехословацкими научными и политическими деятелями, стараясь заручиться их рекомендациями. В архиве чешского историка Я. Бидло сохранились письма к нему русской византистки М.А. Андреевой. Она сообщала ему 23 марта 1931 г. о резком ухудшении своего материального положения вследствие того, что в последнее время находилась вне социальных категорий эмигрантов и получала стипендию в размере 525 чехословацких крон. В марте 1931 г. ее стипендия была сокращена до 450 крон, а сама М.А. Андреева была причислена к IV категории несмотря на то, что звание приват-доцента и магистра давало ей право претендовать сразу на I категорию. С горечью она писала Я. Бидло: «Понимая невозможность зачисления в I-ую категорию ввиду всеобщего сокращения, я прошу оставить мне прежнее содержание 525 Кš. в месяц, оставив вне категорий. Если же меня хотят включить в постоянные категории, то поместить хотя бы в III-ию, получающую 800 крон в месяц. В этой категории находятся все приват-доценты моего факультета – не магистры. Находясь в IV-ой категории, я буду получать меньше прожиточного минимума и меньше того, что я получила, будучи студенткой. Между тем расходы мои увеличились, т.к. я неизбежно должна поддерживать связь со своими коллегами, пересылая свои оттиски, взамен которых я получаю их, кроме того, я уже не пользуюсь студенческими льготами при поездках. Кроме того, если я сейчас и смогу еще кое как приработать к 450, чтобы прожить (на 450 прожить невозможно, в особенности, если легкие не в порядке), то при следующем сокраще-

³⁶⁴ Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 54, 56.

нии моя стипендия уже станет настолько незначительной, что мне придется бросить занятия и искать постоянной работы не по специальности... Я осмеливаюсь просить не лишать меня раньше их возможности продолжать занятия. Т[ак] к[ак] я попала в такое положение только потому, что они кончили университет в России, и поэтому раньше меня были оставлены для приготовления к профессорскому званию, мне же пришлось докторироваться в Праге, и я не попала в категории, кончив позднее их»³⁶⁵. Опасения М.А. Андреевой были не напрасны. Ибо IV-ая категория подвергалась наибольшим сокращениям со стороны властей. В 1931 г. размер стипендии по ней был сокращен на 100 чехословацких крон, так же, как и по III-й категории. Но обладатели III-ей категории изначально получали 900 чехословацких крон, а IV-ой – 550. Профессор Я. Бидло благоволил к М.А. Андреевой, поэтому она и попросила его ходатайствовать о предоставлении ей стипендии перед советником политического департамента МИД Чехословакии З. Завазалом или через посредничество директора Славянского института М. Вейнгарта попросить о ней напрямую заместителя министра иностранных дел К. Крофту³⁶⁶.

В 1930-х гг. помощь русским ученым-эмигрантам продолжала оказываться только в индивидуальном порядке и часто носила эпизодический характер. Власти продолжали оказывать лишь небольшую индивидуальную помощь. Сам Т. Масарик, даже после своего ухода с поста президента, оказывал материальную поддержку русским из личных средств. Опубликованные чешскими историками документы показывают размеры индивидуальных выплат. Осуществлялись они, как правило, из специального фонда Президента или министерства иностранных дел. Летом 1932 г. благодаря

³⁶⁵ Письмо М.А. Андреевой к Я. Бидло, 23 марта 1931 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 258: Jaroslav Bidlo. Kart. 3. Inv. č. 37.

³⁶⁶ Там же.

ходатайствам А.С. Ломшакова индивидуальные пособия в порядке исключения были выплачены нескольким десяткам русских ученых³⁶⁷.

Несмотря на подобные разовые акции, налицо было резкое сокращение пособий. «Золотые годы» Чехословацкой республики ушли в прошлое. Ее экономика пребывала в состоянии кризиса, а политические изменения 1930-х гг., осложнили положение русской диаспоры. Ее численность стремительно сокращалась. Многие русские предпочитали покинуть Чехословакию. Зденек Сладек, а за ним и Вацлав Вебер, опираясь на статистические данные, отраженные в «Ежегодниках Чехословацкой республики», определили численность эмигрантов в 1932 г. в 10.500 человек. К 1938 г. их численность уже не превышала 8 тыс.³⁶⁸

Ликвидация «Русской акции» заставляла министерство иностранных дел резко сокращать расходы на помощь эмигрантам. Милуша Бубеникова выделила несколько основных причин прекращения этой поддержки. Во-первых, «Русская акция» была изначально рассчитана на короткий срок, ибо основана она была на вере в недолговечность большевистской власти. Во-вторых, к концу 1920-х гг. значительно сократился количественный состав эмиграции, многие ее представители покинули Чехословакию. В-третьих, разгорался мировой экономический кризис, который вынуждал сокращать все статьи бюджетных расходов. И, в-четвертых, изменялась картина международных отношений. Советская Россия была реальностью, с которой необходимо было считаться, особенно перед лицом нацистской угрозы. А поддержка Чехословакией эмигрантов встречала недовольство со стороны СССР³⁶⁹. Со стороны отдельных чехов и словаков то и дело слышались упреки в адрес правительства за финансирование русских. Эта критика усилилась в 1930-е гг., когда началось сближение Чехословакии и

³⁶⁷ Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 178–179.

³⁶⁸ *Veber V.* Emigrace z Ruska a 30 léta. S. 7–8.

³⁶⁹ *Бубеникова М.* Проект помощи Чехословацкой республики эмигрантам из Советской России – «Русская акция». S. 18.

СССР, и особенно после подписания 16 мая 1935 г. договора о взаимопомощи³⁷⁰. Укрепление советско-чехословацких отношений негативно сказывалось на эмиграции. В официальном обращении министерства иностранных дел Чехословакии Совету министров от 24 мая 1935 г. говорилось о нежелательных последствиях, к которым могло привести участие чехословацких государственных деятелей и членов их семей в мероприятиях, организованных эмигрантами³⁷¹. 3 июня 1935 г. то же министерство распространило записку, в которой указывалось, что «в связи с подписанием договора о взаимопомощи с СССР, было бы нехорошо, если наши официальные лица и их жены будут участвовать в мероприятиях, организованных русской эмиграцией»³⁷². После обсуждений этого вопроса 19 июля 1935 г. во все чехословацкие министерства была направлена докладная записка, предписывающая официальным лицам не принимать никакого участия в эмигрантских акциях³⁷³.

Рост просоветских симпатий в чехословацком обществе встречал со стороны эмигрантов, по меньшей мере, разочарование. В их глазах эти настроения порой приобретали абсурдные формы. Н.Е. Андреев стал свидетелем того, как в 1938 г. чехи называли И.В. Сталина «самым великим славянином, который когда-либо существовал»³⁷⁴. Эти политические изменения негативным образом отразились на научной карьере самого историка. В 1934 г. профессора В.А. Францев, Е.А. Ляцкий и И. Горак предложили кандидатуру Н.Е. Андреева для избрания доцентом Карлова университета. В.А. Францев намеревался уйти в отставку и хотел подготовить для

³⁷⁰ См.: Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. М., 2005. Кн. 1. С. 167.

³⁷¹ Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 140. В качестве примера таких мероприятий указывались традиционный русский рождественский вечер, организованный Галлиполийским землячеством 11 января 1935 г., лекции А.И. Деникина в декабре 1934 г., концерт-бал Русского союза инвалидов и Русского союза участников Великой войны 7 декабря 1934 г. и даже выступление С.В. Рахманинова в Праге 19 февраля 1935 г.

³⁷² Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 141.

³⁷³ Ibid.

³⁷⁴ Андреев Н.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 336.

себя преемника. Молодой ученый с радостью принял это предложение и начал готовить большое исследование о протопопе Аввакуме и русской иконографии XVII в. Однако вскоре Н.Е. Андреев был вынужден снять свою кандидатуру. Произошло это под давлением министерства иностранных дел, которое «высказало мысль, что нельзя назначать преемником Францева русского эмигранта, а нужно взять советского или чисто чешского ученого, чтобы не было нареканий со стороны советских, что философский факультет обслуживается главным образом эмигрантскими силами»³⁷⁵. В результате ни советского, ни чешского кандидата найти не удалось, и предлагаемая Н.Е. Андрееву должность была вообще ликвидирована.

Конец «Русской акции» был изначально предreshен: она не была рассчитана на ассимиляцию русских в чехословацком обществе. Все они, и студенты, получившие образование в республике, и их преподаватели, должны были вернуться в Россию. Чехословацкий рынок труда просто не смог вместить всех русских эмигрантов³⁷⁶. По меткому выражению И. Савицкого: «“Русская акция” была совместной, чехословацко-русской “ставкой на Россию”, которая оказалась битой». Прага вынуждена была превратиться «из одной из эмигрантских “столиц” в иммигрантскую, по преимуществу, провинцию» и перейти «из категории “Париж” в категорию “Лион”»³⁷⁷.

§ 2. Российские ученые-эмигранты и чехословацкая высшая школа

К моменту начала «Русской акции», чешские и словацкие ученые имели большой и многогранный опыт взаимодействия с российской наукой. Многие из них хорошо знали русский язык, до революции посещали Россию, обзавелись многочисленными знакомствами в ученой среде, познакоми-

³⁷⁵ Там же. С. 331–332.

³⁷⁶ Савицкий И. Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919–1939 гг. С. 49.

³⁷⁷ Савицкий И. Прага и Зарубежная Россия. С. 139.

лись с исследованиями коллег. Одни из них сделались горячими русофилами (химик Богуслав Браунер), другие, напротив, критически осмыслили российскую действительность (историк Ярослав Бидло). Несмотря на существование различных стереотипов восприятия России в чешском и словацком обществе, в межвоенный период бытовал позитивный образ российской науки и культуры. Причем для симпатий и уважения вовсе не обязательно было ощущать себя панславистом или политическим русофилом. По меткому выражению В.И. Косика, «феномен русофильства и русофобства (любви и ненависти) органичны для всего славянства, ищущего и находящего свои пути по обретению себя в будущем», причем «русофильство всегда связано больше с культурой, а русофобство – с политикой»³⁷⁸. Хотя «Русская акция», как было показано в предыдущем параграфе, делала ставку на развитие русской высшей школы за рубежом, эмиграция не могла полностью изолироваться от чехословацкой высшей школы. Возникла сложная и многомерная система интеллектуальных коммуникаций, которая нуждается в специальном рассмотрении. Всякий эмигрант вынужден существовать в чужом культурном пространстве, подчиняясь его правилам и законам. Это касается и ежедневных контактов с представителями чехословацкого общества, и профессиональных коммуникаций.

Обретение независимости Чехословакией в 1918 г. и начало активного государственного строительства немедленно отразилось на научной и культурной сфере. В центре интеллектуальной жизни оказался Карлов университет в Праге (*Univerzita Karlova v Praze*). Как отмечено в историографии, не так много учреждений было столь глубоко и прочно связано с историческими судьбами чешской нации и государства, как Карлов университет. Это был поистине важнейший культурный и духовный символ. После 28 октября 1918 г. на Карлов университет возлагалась особая миссия по

³⁷⁸ Косик В.И. О феноменах русофильства и русофобства в Болгарии // Славянский мир в третьем тысячелетии: Россия и славянские народы во времени и пространстве. М., 2009. С. 96.

подготовке национальной интеллигенции и участию в государственном строительстве. Но у него была и международная миссия. Университет включился в интернациональные интеллектуальные обмены. Туда приезжали с лекциями ведущие мировые ученые, там проходили крупные международные научные мероприятия. Как писал Ян Гавранек, на студенческих скамьях рядом с чехами и словаками оказались представители других славянских народов: болгары, сербы, словенцы, хорваты. Вскоре к ним присоединились белорусы, русские и украинцы, а некоторые ученые представители этих народов получили работу в университете³⁷⁹.

Образование независимой Чехословакии привело к стремительной перестройке научно-образовательной инфраструктуры, причем этот процесс охватил всю страну. В 1918 г. в Брно была создана Высшая ветеринарная школа (*Vysoká škola zvěrolékařská*), а в следующем году открылись Масариков университет (*Masarykova univerzita*) и Высшая сельскохозяйственная школа (*Vysoká škola zemědělská v Brně*). В том же 1919 г. в Братиславе начал работу Университет Я.А. Коменского (*Univerzita Komenského v Bratislavě*). Процесс создания и развития высших школ продолжался буквально до Второй мировой войны. Так в Кошице 25 июня 1937 г. была открыта Государственная высшая техническая школа имени М.Р. Штефаника (*Štátna vysoká škola technická Dr. Milana Rastislava Štefánika*).

Помимо чешских и словацких высших школ в межвоенной Чехословакии работали также немецкие высшие школы, например, Немецкий Карлов университет, Высшие немецкие технические школы в Праге и Брно. Работа этих учреждений протекала обособленно от чешских и словацких. Пересечения были единичными и служили исключениями из правил. Примечательно, что многих русских эмигрантов удивляла острота чешско-немецкого антагонизма. Психиатр Н.Е. Осипов в письме к З. Фрейду в мае 1921 г. с грустью сообщал, что его жизнь на чужбине отягощает «нацио-

³⁷⁹ *Havránek J. Univerzita Karlova, rozmach a perzekuce 1918–1945 // Dějiny Univerzity Karlovy. Sv. IV: 1918–1990 / Red. svazku J. Havránek a Z. Poustka. Praha, 1998. S. 19.*

нальная ненависть, одинаково выраженная и у немцев, и у чехов с обеих сторон»: «Как истинный москвич я никогда не знал национальной ненависти»³⁸⁰.

Образовательное пространство Чехословакии было полиэтничным, и потому, с точки зрения, существовавшей практики, создание русских и украинских эмигрантских учебных заведений в полной мере вписывалось в чехословацкие межвоенные реалии. Программа «Русской акции» изначально не была ориентирована на интеграцию ученых-эмигрантов в местное, а тем более – в международное, научное сообщество. По мере же затухания государственной программы помощи и таяния надежд на возвращение домой, вопрос о включенности в зарубежное научно-образовательное пространство вставал все более остро.

Современная историография породила немало ни на чем не основанных мифов относительно работы русских ученых в чехословацких высших школах. Порой кажется, что некоторые авторы руководствовались простым по логике доводом: раз тот или иной русский ученый, особенно увенчанный академическими лаврами, жил в Чехословакии, то он непременно преподавал, одаряя местных студентов новыми уникальными знаниями. Так М.Г. Вандалковская полагала, что в основу «Курса русской истории» Е.Ф. Шмурло легли его лекции, читанные студентам Карлова университета³⁸¹. Но в главной чехословацкой высшей школе этот историк никогда не преподавал, ни ординарным, ни экстраординарным профессором не избирался³⁸². В профессора Карлова университета посмертно записали истори-

³⁸⁰ Фрейд З., Осипов Н.Е. Указ. соч. С. 22.

³⁸¹ Вандалковская М.Г. Российские историки-эмигранты в межвоенной Чехословакии // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 10

³⁸² Педагогическая работа Е.Ф. Шмурло завершилась 16 октября 1903 г., когда он прочел последние лекции студентам Юрьевского университета (Письмо Е.Ф. Шмурло в Историко-филологический факультет Императорского Юрьевского университета, 16 октября 1903 г. // Rahvusarhiiv Tartus. ЕАА. 402.3.1902.47). Причина была в том, что 21 сентября 1903 г. Е.Ф. Шмурло был назначен ученым корреспондентом Императорской академии наук в Риме и вскоре должен был выехать в долгосрочную командировку в Италию (Послужной список ординарного профессора Е.Ф. Шмурло // Rahvusarhiiv Tartus. ЕАА. 402.3.1901.144p–145p).

ка И.И. Лаппо³⁸³ и экономиста И.В. Емельянова³⁸⁴. Историка С.Г. Пушкарева вообще отправили работать в братиславский Университет Я.А. Коменского³⁸⁵, хотя биография ученого никогда не была связана со Словакией.

Разумеется, никто не свободен от ошибок. В случае с чехословацкими высшими школами на помощь исследователю приходят университетские архивы, очень полно сохранившие личные дела сотрудников, а также протоколы заседаний профессорских советов, которые утверждали на должности преподавателей. Более того, многие высшие школы публиковали штатные расписания и учебные программы, которые также позволяют реконструировать круг преподавателей. Например, историк архитектуры Светлана Сергеевна Лешошкова, проанализировав подобные источники, опровергла мнение, будто архитектор Владимир Александрович Брандт (1874–1944) был профессором Чешского высшего технического училища³⁸⁶.

Отдельные русские ученые получали специальные приглашения для приезда в республику, и, соответственно, для работы в чехословацких высших школах. Причем первые опыты таких приглашений относятся уже к 1919 г., то есть еще до завершения Гражданской войны в России, массового приезда эмигрантов в Чехословакию и до начала «Русской акции». Примеры эти единичны, и связаны с крупными учеными, давно вовлеченными в чешскую и словацкую научную среду. К таковым относился В.А. Францев, выдающийся славист, пользовавшийся огромным авторитетом в чешских научных кругах. 27 ноября 1919 г. профессорский совет фи-

³⁸³ Петухов С. Русские профессора Пражского Карлова университета // Дом в изгнании: очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945 / Ред. М. Добушева и В. Крымова. Прага, 2008. С. 145–146.

³⁸⁴ Соболев А.В. Кооперативные организации как экономические модели в теоретической разработке И.В. Емельянова // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2014. № 5. С. 8.

³⁸⁵ Яковлева Т.В. «Староста» русских историков // Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. СПб., 2002.

³⁸⁶ Лешошкова С.С., Ковалев М.В. Русская акция помощи и архитектор Владимир Александрович Брандт в Чехословакии (1922–1944) // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие. Прага, 2012. С. 328.

лософского факультета Карлова университета единогласно проголосовал за то, чтобы он был приглашен в Прагу в качестве ординарного профессора славянской филологии³⁸⁷. В отзыве о его работах, подготовленном для избрания, говорилось: «Францев доказывает своими трудами, что он является одним из самых крупных специалистов и знатоков чешской и русской литературы, но и вдохновенным приверженцем славянской взаимности, которая находит понимание в культурных устремлениях чешского народа... Свою привязанность к чешскому народу Францев проявлял и после войны в России, когда всемерно поддерживал чешских военнопленных и страстно работал на чешские интересы»³⁸⁸. Русский ученый в совершенстве владел чешским, причем так, что сами чехи удивлялись: говорит таким изысканным языком, «каким они уже давно говорить не умеют»³⁸⁹.

Л.П. Лаптева отмечала, что в 1920 г. профессор Я. Бидло протестовал против назначения русского гуситолога Н.В. Ястребова ординарным профессором Карлова университета. Официальная версия, заключалось в том, что Н.В. Ястребов с чешской точки зрения не был славистом, ибо он изучал чешскую историю, которая являлась для чехов отечественной историей. Эта версия кажется Л.П. Лаптевой надуманной, поскольку Я. Бидло не мог не знать о Николае Владимировиче как о слависте широчайшего исследовательского диапазона. Он был автором трудов не только по чешской, но и по польской, болгарской, сербской истории. Исходя из этого, Л.П. Лаптева сделала вывод, что позиция Я. Бидло, написавшего критический отзыв о

³⁸⁷ Návrh // Archiv Kanceláře Presidenta republiky. D 13718/38; Profesorský sbore česke fakulty filosofické, 24. listopadu 1919 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970). Kart. 19. Inv. č. 214.

³⁸⁸ Ibid. Уважительное отношение чешских ученых к В.А. Францеву находило отражение во множестве источников. В своих воспоминаниях Матия Мурко (Matija Murko; 1861–1952), известный словенский филолог, работавший в Праге, писал: «Из русских добровольно приехал в Прагу профессор В.А. Францев, которого приняли из-за его великих заслуг в области чешско-русских научных связей и ради его трудов по истории славянской филологии, завершившихся отличным пражским изданием переписки Шафарика с русскими учеными» (*Murko M. Op. cit. S. 171*).

³⁸⁹ Андреев Н.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 326.

работах Н.В. Ястребова, объяснялось нежеланием иметь конкурента в лице русского исследователя³⁹⁰. С мнением Л.П. Лаптевой трудно согласиться однозначно, ибо вряд ли такой авторитетный и влиятельный человек, каким был профессор Я. Бидло, мог опасаться конкуренции со стороны русского эмигранта. Думается, что реальной причиной было критическое отношение чешского историка к славянофильским концепциям коллеги. Более того, Н.В. Ястребов имел влиятельного покровителя в чехословацкой среде – историка Камила Крофту (Kamil Krofta; 1876–1945), который высоко ценил труды русского историка, особенно исследование о Петре Хельчицком³⁹¹. К. Крофта был не просто авторитетным и высококвалифицированным ученым, профессором Карлова университета, но и крупным дипломатом. В марте 1920 г. он стал послом при Святом Престоле. Затем, в январе 1922 г. – послом в Вене, а с 1925 по 1927 гг. – в Берлине. В 1927 г. К. Крофта был назначен заместителем министра иностранных дел и занимал этот пост до июня 1936 г., будучи при этом вовлечен в дела русской эмиграции. И хотя эти высокие посты К. Крофта занял уже после истории с профессорством Н.В. Ястребова, в 1919–1920 гг. он уже играл заметную роль в политической жизни Первой республики и пользовался большим общественным влиянием, что позволяло влиять на судьбу российского коллеги. Л.П. Лаптева указывала на возможный факт существования переписки К. Крофты и Н.В. Ястребова и сетовала, что писем пока обнаружить не удалось³⁹². Двусторонняя переписка, видимо, действительно не сохранилась, как и личный архив Н.В. Ястребова, а вот его письма к К. Крофте удалось обнаружить в личном фонде чешского историка в Масариковом институте и Архиве Академии наук Чешской республики. Сохранившиеся

³⁹⁰ *Лаптева Л.П.* Русский историк-славист Николай Владимирович Ястребов и его деятельность в эмиграции. С. 154.

³⁹¹ *Лаптева Л.П.* Николай Владимирович Ястребов (1869–1923) как исследователь истории Чехии // История и историк: историографический вестник. 2005 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2006. С. 219, 230–231.

³⁹² Там же. С. 239.

письма охватывают период с 1902 по 1909 гг. и рисуют тесные интеллектуальные контакты двух ученых³⁹³.

Однако у всего этого была своя предыстория, которую сама Л.П. Лаптева частично обрисовала в своих публикациях, но, на наш взгляд, истолковала превратно. На основе материалов пражских архивов, она установила, что чехословацкое правительство изначально приглашало Н.В. Ястребова занять пост ординарного профессора по кафедре истории Восточной и Юго-Восточной Европы. Но только не в Праге, а в Брно, в недавно созданном Масариковом университете³⁹⁴. Л.П. Лаптева полагала, что это приглашение было формальным, ибо на все прошения Николая Владимировича о предоставлении жилья чехословацкая сторона отвечала отказом, и вообще он был предоставлен сам себе. И, самое главное, Л.П. Лаптева писала, что профессор Ястребов не хотел ехать работать в Брно и участвовать в создании нового университета. В ответ на высказанное предложение он отвечал, что лишится в Брно возможности эффективной работы, поскольку все нужные ему библиотеки и архивы находятся в Праге, и, главное, он хочет «остаться русским человеком и ученым», хочет «развивать русско-чешскую культурную и политическую взаимность с помощью русской университетской кафедры, русского печатного слова». В Брно же маленькая русская колония, а потому он будет оторван там от родной культурной среды³⁹⁵. Л.П. Лаптева описывает эту историю с нескрываемым сочувствием. Мол, власти республики «не торопились проявлять “национальную благодарность” за помощь чехам в их предшествующей борьбе: для них Ястребов был обыкновенным беженцем, эмигрантом из

³⁹³ По неизвестной причине более поздние письма Н.В. Ястребова не сохранились. Ранние письма показывают глубокий интерес русского ученого к оценке его творчества в чешской среде. В 1902 г. он писал К. Крофте: «Будьте добры сообщить, что у Вас говорят и пишут (хорошо бы и вырезки из печатного) о моих писаниях» (Письмо Н.В. Ястребова к К. Крофте, 11/24 октября 1902 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 347: Kamil Krofta. Kart. 2. Inv. č. 116).

³⁹⁴ *Лаптева Л.П.* Русский историк-славист Николай Владимирович Ястребов и его деятельность в эмиграции. С. 153.

³⁹⁵ Там же. С. 154.

России, каких в Чехословакии тех лет обреталось достаточно много»³⁹⁶. При всем человеческом сочувствии к Н.В. Ястребову, его семье и его несомненным научным заслугам, нельзя забывать, что далеко не всегда ученый-эмигрант определяет и вообще может определять правила игры в новой стране. Как бы не были благородны душевные порывы уважаемого профессора, у чехословацких властей были свои потребности, и они имели полное моральное и юридическое право формулировать свой собственный социальный заказ. В данном случае – создание и развитие нового университета. Об этом прямо говорится в сохранившихся кадровых документах. Так в справке о Н.В. Ястребове, составленной Я. Бидло, В. Новотным и Й. Пекаржем, прямо говорится, что 27 февраля 1919 г. было одобрено предложение министерства образования и народного просвещения пригласить русского ученого на кафедру славянской истории в Брно. В ней констатировалось отсутствие в Масариковом университете нужного специалиста, в то время как в Карловом университете в то же самое время уже было два профессора по всеобщей истории – Йозеф Шуста (Josef Šusta; 1874–1945) и Я. Бидло³⁹⁷.

Если взглянуть на описанную историю с этого ракурса, то пример Н.В. Ястребова как раз демонстрирует весьма распространенную для русской эмигрантской среды проблему – невозможность принять и признать новые обстоятельства и при этом упорное и твердое желание диктовать свои условия. К счастью для Н.В. Ястребова и многих других русских ученых, в Чехословакии их пожелания все же довольно часто слышали³⁹⁸. В конечном итоге, Н.В. Ястребов все же был избран профессором Карлова университета, ему дали квартиру в Праге и назначили солидное жалование.

³⁹⁶ Там же.

³⁹⁷ Zpráva komise o jmenování profesora Nik. Vlad. Jastrebova, v Praze dne 22. dubna 1920 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970). Kart. 28. Inv. č. 341.

³⁹⁸ Прямо противоположная ситуация существовала в западных странах. Так великому антиковеду М.И. Ростовцеву в первое время работы в США пришлось преподавать историю современной России, а не только милую его сердцу историю Древнего мира.

Исторический семинар философского факультета Карлова университета под руководством профессора Вацлава Новотного (Václav Novotný; 1869–1932) был разделен на две части, чтобы назначить Н.В. Ястребова профессором. В летнем семестре 1921 г. он читал историю болгарского народа, в зимнем семестре 1922/1923 гг. – лекции по истории России для чехословацких студентов, и лекции по истории Чехии для русских студентов. Помимо того, он вел семинарские занятия по проблематике Законника Стефана Душана. Его учебная нагрузка должна была составлять 5 часов в неделю, но по состоянию здоровья профессора была снижена до 3 часов. В начале 1923 г. Н.В. Ястребов подал заявление на отпуск, желая поехать поправить здоровье на Адриатическое море, но 20 мая внезапно скончался на 54 году жизни³⁹⁹.

Итак, пример Н.В. Ястребова наглядно показывает, что чехословацкие высшие школы преследовали в первую очередь свои практические цели, рассматривая кандидатуры русских ученых на замещение профессорских вакансий. При этом очевидно, что на первых этапах, от 1918 г. до середины 1920-х гг. важнейшее значение имела известность русского ученого в чехословацких научных кругах и наличие своего рода гарантов. Таковыми были известные и авторитетные профессора, которые, как правило, были связаны с Россией и русской наукой давними связями.

Фигура Богумила Немеца (Bohumil Němec; 1873–1966) занимает важное место в контексте российско-чешских научных связей. Это был крупный ученый-ботаник, специалист в области физиологии растений и экспериментальной цитологии. Научную известность ему принесли исследования фитогормонов (вырабатываемые растениями низкомолекулярные соединения, которые выполняют регуляторные функции), статолитов (органеллы в

³⁹⁹ Лантева Л.П. Русский историк-славист Николай Владимирович Ястребов и его деятельность в эмиграции. С. 155. Надежде Ястребовой (1873–1952), как вдове ординарного профессора Карлова университета, 23 июня 1923 г. была назначена ежегодная пенсия в размере 19.104 чехословацкие кроны (Opis. Zemská správa politická v Praze, 22. června 1923 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970). Kart. 28. Inv. č. 341).

нижней части растительной клетки, которые регулируют рост корня относительно вертикальной оси) и их роли в геотропизме, феномена полиплоидии (кратное увеличение числа хромосом) в ядрах растительных клеток. Б. Немец всегда следил за исследованиями российских биологов, и на протяжении долгой жизни находился в тесных контактах с ними. В 1912 г. он побывал в России, посетил Одессу, Киев, Москву, встречался с Сергеем Гавриловичем Навашиным (1857–1930) и Андреем Афанасьевичем Сапегиным (1883–1946)⁴⁰⁰. Но Б. Немец был не только ученым, блестящим организатором науки, но и авторитетным политиком, членом Национально-демократической партии, членом Сената и даже кандидатом в президенты республики в 1935 г. Исследователями замечено, что хотя Б. Немец был чешским националистом, пусть и умеренным, хотя он открыто проявлял свои славянские чувства по отношению к русским и украинским коллегам, печатать свои исследования он все же старался на немецком языке, что, конечно, отражало роль немецкого ученого сообщества в развитии мировой науки того времени⁴⁰¹.

Профессор Б. Немец приложил огромные усилия для оказания помощи российским биологам-эмигрантам. Причем он старался привлечь некоторых из них в свою исследовательскую группу, обеспечить доступ в лаборатории, например В.С. Ильина, Владимира Васильевича Лепешкина (1876–1956), Петра Филипповича Миловидова (1896–1974). К нему обращались за поддержкой в трудных жизненных ситуациях. Так В.С. Ильин 9 сентября 1933 г. с отчаянием писал, что министерство иностранных дел сократило его стипендию с 650 до 500 чехословацких крон. Он просил Б. Немца переговорить с заместителем министра иностранных дел профессором К. Крофтой о сохранении выплат в прежнем объеме⁴⁰². Б. Немец находился

⁴⁰⁰ *Němec B. Vzpomínky. Praha, 2020. S. 262–268.*

⁴⁰¹ *Janko J. Vědecké dílo Bohumila Němce // Němec B. Vzpomínky. Praha: Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky, 2020. S. 61.*

⁴⁰² Письмо В.С. Ильина к Б. Немцу, 9 сентября 1933 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 374: Bohumil Němec. Kart. 15. Inv. č. 450.

в добрых и близких отношениях с М.М. Новиковым, поддерживал его инициативы. Благодаря этой поддержке русский профессор смог организовать работу своего Зоологического семинара. Кроме того, Б. Немец помогал работе Русского народного университета, возглавляемого М.М. Новиковым, и вошел в состав Куратория – органа управления университетом, созданным после его реформы и принятия нового Устава 18 ноября 1925 г.⁴⁰³ В своих мемуарах чешский ученый высоко отзывался об исследованиях русского коллеги: «Новиков в это время занимался вопросом об аналогиях в морфологии животных и опубликовал об этом специальную, очень интересную книгу»⁴⁰⁴.

Еще одним покровителем русской эмиграции в Карловом университете был профессор-правовед Карел Кадлец (Karel Kadlec; 1865–1928). Как и Б. Немец, еще до революции он посещал Россию. Например, был почетным гостем на открытии Саратовского университета в 1909 г.⁴⁰⁵ Он лично или по переписке познакомился с И.И. Лаппо⁴⁰⁶, В.А. Францевым⁴⁰⁷, А.А. Кизеветтером⁴⁰⁸, А.В. Флоровским⁴⁰⁹. Все они оказались после революции 1917 г. в Праге. В весеннем семестре 1927 г. К. Кадлец способствовал приглашению Е.В. Спекторского для прочтения курса лекций по исто-

⁴⁰³ Русский народный университет в Праге: Отчет о деятельности за 1925–1926 учебный год. Прага, б.г. С. 19.

⁴⁰⁴ *Němec B. Vzpomínky*. Praha, 2020. S. 168–169.

⁴⁰⁵ Письмо Совета Императорского Саратовского университета Академическому сенату Королевского чешского Карло-Фердинандова университета в Праге, 18 ноября 1909 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 321: Karel Kadlec. Kart. 7. Inv. č. 509; Приглашение Саратовского городского головы профессору К. Кадлецу, 1909 г. // Ibid. См. также: *Соломонов В.А.* Императорский Николаевский Саратовский университет: история открытия и становления (1909–1917). Саратов, 1999.

⁴⁰⁶ Письмо И.И. Лаппо к К. Кадлецу, 4 июля 1914 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 321: Karel Kadlec. Kart. 3. Inv. č. 193.

⁴⁰⁷ Письма В.А. Францева к К. Кадлецу, 8 апреля 1899 г. – 18 сентября 1912 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 321: Karel Kadlec. Kart. 2. Inv. č. 90.

⁴⁰⁸ Письмо А.А. Кизеветтера к К. Кадлецу, 14 ноября 1903 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 321: Karel Kadlec. Kart. 3. Inv. č. 168.

⁴⁰⁹ Письмо А.В. Флоровского к К. Кадлецу, 24 апреля 1914 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 321: Karel Kadlec. Kart. 2. Inv. č. 86; Автобиография А.В. Флоровского. С. 448.

рии политических учений на юридическом факультете Карлова университета⁴¹⁰. Он же приглашал русских ученых-эмигрантов печататься в издаваемом им журнале «Sborník věd právních a státních». Среди тех, кто воспользовался этой возможностью – С.Г. Пушкарев, Г.В. Вернадский, М.В. Шахматов, И.И. Лаппо и др.

Если профессор Б. Немец покровительствовал Русскому народному университету, то К. Кадлец – Русскому юридическому факультету. С осени 1924 г., он читал там курс истории славянского права для студентов 3-го курса и руководил подготовкой магистрантов в области славянского права⁴¹¹. Г.В. Вернадский в мемуарных заметках вспоминал, что К. Кадлец помогал русским ученым с доступом к научной литературе, разрешая пользоваться библиотекой возглавляемого им семинара. Он же писал, что профессор нередко приглашал его в поездки, например, в замок Карлштейн. Г.В. Вернадский именовал К. Кадлеца «выдающимся ученым и замечательным благородной души человеком – одним из крупных чешских ученых, не измелъчавших под австрийским влиянием»⁴¹².

Важным для русской научной эмиграции патроном был профессор Любор Нидерле (Lubor Niederle; 1865–1944), ведущий специалист в области славянской археологии, бывавший до революции в России и знавший многих российских коллег⁴¹³. В 1926 г. на заседании Русского исторического общества Г.В. Вернадский сделал доклад в честь 60-летия чешского ученого, в котором воздал должное его трудам, отличающихся «строгим методом, точностью наблюдения, огромным знанием литературы», и отметил его связь с Павлом Йозефом Шафариком⁴¹⁴. В 1924 г. в Праге был издан

⁴¹⁰ Спекторский Е.В. Воспоминания. С. 430.

⁴¹¹ Отчет о состоянии и деятельности Русского Юридического факультета в Праге за 1926–1927 учебный год. Прага, 1927. С. 42.

⁴¹² Вернадский Г.В. Прага. С. 362.

⁴¹³ Петрухин В.Я. Любор Нидерле. К 150-летию со дня рождения // Славяноведение. 2015. № 2. С. 94–95.

⁴¹⁴ Вернадский Г.В. Л.Г. Нидерле // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 313–314.

русский перевод книги Л. Нидерле «Быт и культура древних славян», предисловие к которому написал академик Н.П. Кондаков⁴¹⁵. Упоминание выдающегося историка искусства в связи с Л. Нидерле закономерно. Последний сыграл важную роль в приглашении Н.П. Кондакова в Прагу, кандидатуру которого на профессорскую вакансию, причем с правом преподавания на русском языке, 7 июля 1921 г. единогласно поддержал Профессорский совет философского факультета Карлова университета. Помимо уже упоминавшихся ранее археолога Л. Нидерле и историка Я. Бидло в числе горячих сторонников этого решения был искусствовед Карел Хитил (Karel Chytil; 1857–1934). В обосновании избрания Н.П. Кондакова профессором на 1921/1922 учебный год отмечалось, что русский ученый произвел настоящую революцию в византиноведении, доказав, что византийское искусство не было мертворожденным и сугубо подражательным, которое после краткого подъема стремительно угасло. Н.П. Кондаков одним из первых изучал историю балканского искусства, а его исследования снискали ему по-настоящему мировую известность и признание. В записке констатировалось, что приглашение ученого для чтения лекций в Прагу вызовет интерес не только у студентов, но и у коллег-ученых⁴¹⁶.

В Чехословакию русский ученый смог приехать только в конце марта 1922 г. Н.П. Кондакову было назначено ежемесячное жалование в размере 3.300 чехословацких крон, выделено 30.000 крон для издания его монументального труда по истории русской иконописи⁴¹⁷. Он должен был получать гонорары за индивидуальные занятия с дочерью президента Алисой Масариковой (Alice Masaryková; 1879–1966). Во многом благодаря столь благоприятным условиям Н.П. Кондаков решил покинуть Болгарию, хотя в этой стране его научные исследования находили гораздо большее обще-

⁴¹⁵ Нидерле Л. Быт и культура древних славян / Предисл. Н.П. Кондакова. Прага, 1924.

⁴¹⁶ Zpráva v příčině prof. Nikodima Pavloviče Kondakova ku přednášení na zdejší fakultě na r. 1921/22 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970). Kart. 32 Inv. č. 387).

⁴¹⁷ Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 50.

ственное понимание, чем в Чехословакии, и интерес к ним среди коллег-историков и студентов был, несомненно, более высок⁴¹⁸.

Право читать лекции на русском языке было дано Н.П. Кондакову не только в силу глубокого уважения к нему. В Карловом университете лекции читались на разных языках, а студенты могли свободно выбирать интересные их предметы. Это давало возможность преподавателям-эмигрантам проводить занятия по-русски. Однако, как показывает практика, местные студенты редко посещали их. Н.П. Кондаков, читавший курс лекций «О роли восточноевропейских славянских и кочевых народностей в истории общеевропейской культуры», в ноябре 1923 г. был вынужден давать дополнительные лекции по-французски специально для чехословацких студентов, не понимавших русского языка⁴¹⁹. Русские студенты, наоборот, стремились посещать лекции и семинары только на родном языке. Как заметил И. Савицкий, для чешских студентов невозможность слушать лекции академика была неприятностью, но не более. Для русских, обучавшихся в чехословацких высших школах, непонимание преподавателей было сродни катастрофе⁴²⁰.

Преподавание Н.П. Кондакова в Карловом университете оказалось недолгим. 17 февраля 1925 г. русский ученый скончался. Тем не менее, его короткая преподавательская деятельность не прошла даром. Как известно, группа его учеников и последователей сформировала после смерти учителя Семинарий, которому суждено было стать одним из знаменитейших эмигрантских детищ и обрести поистине международное значение (см. подробнее Главу 4 диссертации). После смерти Н.П. Кондакова руководство

⁴¹⁸ *Въжарова Ж.* Руските учени и българските старини. София, 1960. С. 367–370; *Копецка Л.* Н.П. Кондаков и чешская среда // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Т. 2. С. 637–642; *Манолов Х.* Русская эмиграция в Чехии и ее болгарские рефлексии (Никодим Павлович Кондаков в Болгарии) // Там же. С. 660–674.

⁴¹⁹ *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. С. 57, 59.

⁴²⁰ *Савицкий И.П.* Специфика Праги как духовного центра эмиграции. S. 71; *Он же.* «Русский Оксфорд» в Праге 1919–1928 гг. С. 112.

философского факультета, желая продолжать научное направление покойного академика, пригласило к преподаванию Н.Л. Окунева. Авторами этой идеи, согласно документам, выступили упоминавшиеся профессора К. Хитил, Л. Нидерле, М. Мурко, которые 25 апреля 1925 г. обратились с ней к Профессорскому совету факультета⁴²¹. Поддержку их инициативе оказал историк искусства Войтех Бирнбаум (Vojtěch Birnbaum; 1877–1934) и археолог Хинек Високи (Hynek Vysoký; 1860–1935). Совет единогласно одобрил решение 18 июня 1925 г. и обратился за поддержкой в министерство образования и народного просвещения⁴²². В лестной характеристике об Н.Л. Окуневе говорилось как о крупном ученом, имевшим большой исследовательский опыт и высокую международную репутацию. Совет предполагал, что он сможет читать лекции по истории византийского и восточнославянского искусства по 2–3 часа в неделю в должности экстраординарного профессора⁴²³. 17 декабря 1925 г. назначение было утверждено министерством, а 5 января 1926 г. Н.Л. Окунев приступил к работе. Юлия Янчаркова показала, что его научно-преподавательская деятельность имела большой успех. В 1929 г. заведующий кафедрой истории искусств В. Бирнбаум обратился в министерство образования и народного просвещения с просьбой о создании семинара византийского и восточнославянского искусства. Он обращал внимание, что Прага превратилась в международный центр славяно-византийских исследований, и что это направление необходимо развивать. 18 октября того же года прошение было удовлетворено, а Н.Л. Окунев назначен главой нового семинара⁴²⁴.

Работа в Карловом университете не только приносила заработок, обеспечивала статус в чехословацком, а часто и в международном, научном со-

⁴²¹ Dopis děkanství Filosofické fakulty Univerzity Karlovy panu univ. profesorovi, 30. května 1925 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970). Kart. 46. Inv. č. 546.

⁴²² Ministerstvu školství..., 25. června 1925 // Ibid.

⁴²³ Pověření Prof. Nikolaje Okuněva..., 10. června 1925 // Ibid.

⁴²⁴ Янчаркова Ю. Историк искусства Николай Львович Окунев (1885–1949): Жизненный путь и научное наследие. Frankfurt am Main, 2012. С. 52–53.

обществе, но также давала возможность проведения научных исследований. Это выражалось в доступе к лабораториям, музейным коллекциям и библиотекам. Огромную важность имели и исследовательские командировки. Тот же Н.Л. Окунев, благодаря поддержке университета, имел возможность проводить полевые исследования в Югославии, изучая памятники сербского религиозного искусства. Так в мае 1926 г., уже в самом начале работы русского ученого на философском факультете, Профессорский совет поддержал его желание изучить сербские и болгарские памятники. Причем в обращении в министерство образования и народного просвещения республики указывалось, что речь идет о вопросе международного престижа: «Для Карлова университета было бы честью, если бы один из его профессоров занялся систематическим исследованием и научной обработкой этих почти неизвестных памятников»⁴²⁵. Из личного дела Н.Л. Окунева узнаем, что 27 марта 1928 г. Профессорский совет поддержал его заявление о командировке в Югославию и Италию⁴²⁶. Министерство проект командировки одобрило, выделив на нее 3.000 чехословацких крон (правда в официальном письме упоминается только Югославия)⁴²⁷.

Схожий пример дает биография психиатра и невролога Федора Николаевича Досужкова (1899–1982), ассистента медицинского факультета. Летом 1928 г. он был командирован на два месяца в Эстонию, в Тарту на стажировку в клинику нервных болезней профессора Людвиг Мартыновича Пуусеппа (Ludvig Puusepp; 1875–1942). На эту поездку министерство образования и народного просвещения выделило специальную стипендию в

⁴²⁵ Dopis děkanství Filosofické fakulty Univerzity Karlovy Ministerstvu školství a národní osvěty, 21. května 1926 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970). Kart. 46. Inv. č. 546.

⁴²⁶ Dopis děkanství Filosofické fakulty Univerzity Karlovy Ministerstvu školství a národní osvěty, 27. března 1928 // Ibid.

⁴²⁷ Dopis Ministerství školství a národní osvěty děkanstvu Filosofické fakulty Univerzity Karlovy, 7. července 1928 // Ibid.

размере 3.500 чехословацких крон⁴²⁸. Л.М. Пуусепп был выпускником Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге и учеником В.М. Бехтерева. Вместе с ним они создали в 1908 г. первую в мире специализированную нейрохирургическую клинику. Еще до революции 1917 г. исследования Л.М. Пуусеппа получили широчайшее признание в мире. В 1920 г. он как этнический эстонец уехал на историческую родину, где взялся за развитие неврологии и нейрохирургии в Тартуском университете. В 1924 г. Л.М. Пуусепп посетил Чехословакию, где прочел курс лекций, имевших грандиозный успех. Он писал жене, что декан медицинского факультета Карлова университета Эмануэль Форманек (Emanuel Formánek; 1869–1929) приветствовал его и сказал, что все врачи рады приветствовать великого ученого, и рады у него учиться⁴²⁹. На волне успеха было решено послать в Тарту на стажировку к Л.М. Пуусеппа молодого врача, специализирующегося в области неврологии. Этим стажером и стал несколько лет спустя Ф.Н. Досужков.

Летом 1929 г. Ф.Н. Досужков был направлен в Париж в Госпиталь Святой Анны на стажировку к известным психиатрам Анри Клоду (Henri Claude; 1869–1945) и Эдуарду Тулузу (Édouard Toulouse; 1865–1947)⁴³⁰. Летом 1931 г. он снова поехал во Францию для исследовательской работы в Париж, в клинике профессора-оториноларинголога Фернана Лёметра (Fernand Jules Maurice Lemaître; 1880–1958)⁴³¹. Тогда же он посетил Страсбург, где стажировался у профессора-невролога Жана Барре (Jean Alexandre Barré; 1880–1967), известного тем, что в годы Первой мировой вместе войны с коллегами впервые описал острое аутоиммунное воспалительное за-

⁴²⁸ Dopis Ministerstva školství a národní osvěty děkanovi Lékařské fakulty Univerzity Karlovy, 17. července 1928 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Lékařské fakulty Univerzity Karlovy (1883–1953). Kart. 11. Inv. č. 232.

⁴²⁹ Письмо Л. Пуусеппа к жене М. Кочубей-Пуусепп, 20 мая 1924 г. // Rahvusarhiiv Tartus. ЕАА. 5243.1.33.55–56.

⁴³⁰ Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 63.

⁴³¹ Ibid.

болевание периферической нервной системы, получившее затем наименование «синдром Гийена-Барре».

Эти стажировки позволили Ф.Н. Досужкову не просто повысить свой профессиональный уровень, познакомившись с новейшими медицинскими разработками, но и войти в европейское научное сообщество, обзавестись широким кругом знакомств. В межвоенный период он стал неперенным участником крупных научных конференций по проблемам неврологии, представляя на них Карлов университет. Упомянем участие в 1930 г. в работе IV Конгресса французских отоневро-офтальмологов с докладом «Об особенном синдроме содружественного отклонения глаз и отсутствия установочных рефлексов при эпидемическом энцефалите», в 1931 г. – в V Конгрессе французских отоневро-офтальмологов с докладом «О рефлекторной возбудимости аппарата преддверия у энцефалитиков с контрактурой головы» и в I Международном неврологическом конгрессе в Берне с докладом «Об аппарате преддверия и мышечном напряжении», в 1933 г. – в XIV Съезде польских врачей и естествоиспытателей в Познани с докладом «О клиническо-анатомическом изучении руброталамического синдрома». Обратим внимание, что Бернский конгресс 1931г. имел огромное значение для институционализации неврологии как особой и самостоятельной научной дисциплины не только в европейском, но и в мировом масштабе⁴³². Показательно также, что помимо участия в чехословацких научных объединениях, Ф.Н. Досужков становится членом Эстонского неврологического общества (1928) и членом-учредителем Всеславянского общества неврологов и психиатров в Варшаве (1933)⁴³³.

Еще один показательный пример. Ученик именитого чешского геолога Радима Кетнера (Radim Kettner; 1891–1967), Дмитрий Николае-

⁴³² *Louis E.D.* The conceptualization and organization of the first International Neurological Congress (1931): the coming of age of neurology // *Brain: A Journal of Neurology*. 2010. Vol. 133. № 7. P. 2160–2166; *Kesselring J.* Early globalization of neurology – The First International Congress of Neurology 1931 in Bern, Switzerland // *Clinical and Translational Neuroscience*. 2020. Vol. 4. № 2. P. 1–5.

⁴³³ *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice*. S. 63–64.

вич Андрусов (1897–1976), смог проводить геологические исследования в Словакии, выезжать для научных консультаций и работы с коллекциями в зарубежные страны. Изучение тектоники Западных Карпат побудило его предпринять командировки за границу для сравнительно-геологических исследований (в 1927 г. – в Румынию, в 1930 г. – во Французские и Швейцарские Альпы, в 1932 г. – в Румынию и др.)⁴³⁴. В 1933 г. обработка палеонтологического материала потребовала от Д.Н. Андрусова совершить несколько учебных поездок в крупные зарубежные научные центры (Париж, Гренобль, Лозанну, Мюнхен и особенно Вену). Делясь впечатлениями о поездке с Р. Кеттнером, он рассказывал в письмах об изучении коллекции аммонитов в Гренобле, о встрече в Лозанне с М. Люжоном, о знакомстве в Мюнхене с коллекцией окаменелостей немецкого геолога Людвиг Нохенеггера (Ludwig Hohenegger; 1807–1864), о посещениях парижского Музея естественной истории и лекций в Сорбонне⁴³⁵.

И все же получить материальную поддержку для исследований или презентации их результатов на крупных международных научных мероприятиях удавалось не всегда. Опять же примем во внимание, что главным распорядителем средств был не сам Карлов университет, а министерство образования и народного просвещения республики. Так 8 июня 1938 г. оно рассмотрело просьбу профессора А.В. Флоровского выделить ему средства на поездку в Цюрих для участия в VIII международном конгрессе исторических наук и в прошении отказало⁴³⁶.

Русские ученые-эмигранты в своих мемуарах не раз жаловались на божьих конкурентов со стороны чехословацких коллег и разницу менталите-

⁴³⁴ *Mahel' M.* Op. cit. S. 7; Druhý kongres Karpatskej geologickej asociácie v roku 1927 v Rumunsku // Archív Slovenskej akadémie vied. Fond «Dimitrij Andrusov». Škat. 11. Inv. č. 97.

⁴³⁵ Письмо Д.Н. Андрусова к Р. Кеттнеру, 17 ноября 1933 г. // Masarykův ústav a Archív Akademie věd České republiky. Fond 327: Radim Kettner. Sign. II. Kart. 4. Inv. č. 69; Письмо Д.Н. Андрусова к Р. Кеттнеру, 8 декабря 1933 г. // Ibid; Письмо Д.Н. Андрусова к Р. Кеттнеру, 18 декабря 1933 г. // Ibid.

⁴³⁶ Dopis Děkanství Filosofické fakulty Univerzity Karlovy A.V. Florovskému, 28. června 1938 // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228. Л. 16.

тов, которые мешали не просто взаимопониманию, но построению карьеры. По словам М.М. Новикова, среди представителей местной научной элиты проявилась «боязнь конкуренции со стороны блестящей плеяды русских ученых, собравшихся в Праге»⁴³⁷. Философ Н.О. Лосский вспоминал, что «при замещении кафедры всегда было бы отдано предпочтение весьма малоодаренному чеху даже и перед самым талантливым, приобретшим уже известность русским, за исключением тех случаев, когда по какой-либо специальности чехов совсем не было»⁴³⁸. Он связывал это с «крайним национализмом чехов», и с тем, что политические круги Чехословакии критически воспринимали дореволюционную Россию, а ее культуру считали «грубо реакционной»⁴³⁹. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов эти факторы, ибо во все времена наука являлась не только полем сотрудничества, но и конкуренции. Однако трудности с получением работы и дальнейшего карьерного роста в Карловом университете порой имели весьма прозаические причины. Одна из таковых – наличие или отсутствие чехословацкого гражданства. Анализ биографий русских ученых показывает, что его обретение было способно быстро перевести построение ученой карьеры на новый уровень. Так 3 октября 1929 г. Земское управление в Праге (*Zemský úrad v Praze*) предоставило Д.Н. Андрусову и его жене гражданство Чехословацкой республики. Это позволило Дмитрию Николаевичу устроиться на работу ассистентом профессора Р. Кеттнера в Геолого-палеонтологическом институте факультета естественных наук Карлова университета. Ранее он был лишен возможности получения постоянной должности как эмигрант с Нансеновским паспортом⁴⁴⁰. Получение чехо-

⁴³⁷ Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. С. 334.

⁴³⁸ Лосский Н.О. Воспоминания. С. 229.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ *Andrusovová-Vlčeková G. Išiel som touto cestou. S. 79.* Материалы личного дела Д.Н. Андрусова свидетельствуют, что 24 июня 1929 г. Профессорский совет естественного факультета Карлова университета утвердил его назначение ассистентом с 1 октября (*Dopis Zemského úradu v Praze Dmitriji Andrusovovi, 12. února 1930 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Přírodovědecké fakulty Univer-*

словацкого подданства автоматически вычеркивало ученого из числа эмигрантов. Разумеется, не культурно, лингвистически, духовно, но юридически. Такой человек сразу лишался поддержки в рамках программы «Русской акции».

Существовала еще одна трудность – ограниченность штатных единиц. Введение или упразднение преподавательских должностей осуществлялось под строгим контролем не ректората, а министерства образования и народного просвещения со всеми вытекающими отсюда последствиями, главным из которых было свойственное всем министерствам во все времена желание экономии средств. В особенности это касалось назначения профессоров. Число потенциальных вакансий в Карловом университете, таким образом, оказывалось ограниченным. Выше уже приводился пример Н.В. Ястребова, который не хотел ехать на работу в Брно и желал назначения непременно в столицу. Известны и иные примеры. Я. Бидло летом 1928 г. поставил вопрос об устройстве А.А. Кизеветтера профессором в Брно или Братиславу. Русский историк был тронут этим предложением и поблагодарил в письме своего коллегу, правда сообщив, что предложение стало для него полной неожиданностью, и что он должен его обдумать⁴⁴¹. Однако внезапно открылась возможность назначить А.А. Кизеветтера профессором Карлова университета. Ровно через год, летом 1929 г. русский историк в письме снова благодарил Я. Бидло, в этот раз уже за готовность помочь в продлении работы: «Работать в Карловом университете считаю за большую для себя честь и с глубокой благодарностью принимаю Ваше предложение»⁴⁴². В итоге в октябре 1929 г. контракт А.А. Кизеветтера, опять же не без вмешательства Я. Бидло, был продлен сразу на три года⁴⁴³. Зачастую получить работу можно было лишь при освобождении препода-

zity Karlovy 1921–1953 (1960). Kart. 4. Inv. č. 27). В дальнейшем это назначение регулярно продлевалось.

⁴⁴¹ Письмо А.А. Кизеветтера к Я. Бидло, 11 июня 1928 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 258: Jaroslav Bidlo. Kart. 5. Inv. č. 321.

⁴⁴² Письмо А.А. Кизеветтера к Я. Бидло, 6 июня 1929 г. // Ibid.

⁴⁴³ Письмо А.А. Кизеветтера к Я. Бидло, 30 октября 1929 г. // Ibid.

вательской должности – в случае выхода на пенсию, увольнения или, как бы цинично не звучало, смерти. Так произошло с историком А.В. Флоровским, который после смерти А.А. Кизеветтера в марте 1933 г. и освобождения профессуры по русской истории, получил приглашение читать вместо него курс лекций. Министерство образования и народного просвещения Чехословакии 3 октября 1933 г. на основании решения Профессорского совета от 23 марта 1933 г. допустило его к чтению лекций с начала летнего семестра 1933 г. и до конца 1935/1936 учебного года: по 3 часа в неделю с оплатой 800 чехословацких крон за неделю занятий⁴⁴⁴. Думается, это стало возможным не только в силу высокого научного авторитета, но и потому, что русский историк смог пробить серьезный бюрократический барьер. В апреле 1932 г. министерство образования и народного просвещения республики дало согласие на присвоение ему степени доктора философии Карлова университета при условии, что он представит свою магистерскую работу, либо некоторые прежние исследования в доказательство профессиональной квалификации и выдержит экзамен по философии. А.В. Флоровский принял это предложение и представил в качестве квалификационной работы свою одесскую книгу «Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг.»⁴⁴⁵. Вероятно также, что за приглашением А.В. Флоровского стояли двое влиятельных чешских историков – многократно упоминавшийся Я. Бидло, а также Й. Шуста. Во всяком случае, именно они ходатайствовали о регулярных продлениях контрактов русского ученого⁴⁴⁶.

⁴⁴⁴ Dopis Děkanství Filosofické fakulty Univerzity Karlovy A.V. Florovskému, 15. února 1934 // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228. Л. 12; Návrh, aby Dr. Ant. Florovskij byl jmenován smluvním profesorem, 19. března 1936 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970). Kart. 18. Inv. č. 206.

⁴⁴⁵ Dopis Děkanství Filosofické fakulty Univerzity Karlovy A.V. Florovskému, 12. dubna 1932 // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228. Л. 5; Dopis Děkanství Filosofické fakulty Univerzity Karlovy A.V. Florovskému, 30. května 1932 // Там же. Л. 7.

⁴⁴⁶ См., например: Děkanství filosofické fakulty University Karlovy – Ministerstvu školství a osvěty v Praze, 25. března 1936 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970). Kart. 18. Inv. č. 206.

Хотя работа в Карловом университете считалась престижной, внештатное положение было нестабильным в материальном отношении. На это сам историк жаловался 20 апреля 1937 г. в письме к В.А. Францеву и сетовал, что министерство образования и народного просвещения не видит возможности назначить его ординарным профессором, но предлагает вместо этого должность ординарного лектора, переводя на нее оклад, ранее планировавшийся для украинского историка Д.И. Дорошенко. В этом случае заработная плата А.В. Флоровского выросла бы на 100–150 чехословацких крон по сравнению с прежними 400 кронами, но учебная нагрузка увеличилась бы вдвое. В то же самое время историк получал пособие от Красного Креста в размере 850 чехословацких крон, т. е. почти в два раза выше, чем жалование в университете. С горечью он писал своему коллеге: «Лучше быть пенсионером у Красного Креста и получать на бедность, чем унижать свое достоинство и терять независимость»⁴⁴⁷. С просьбой о заступничестве он обратился к Я. Бидло: «Я не берусь быть собственным судьей, но все же по моей академической квалификации, по профессорскому стажу и по научной работе и трудоспособности, я имею основание претендовать на большее, нежели лектора, и рассчитывать на приближение меня хотя бы к проф[ессору] Н.Л. Окуневу, который не имеет ни русской, ни чешской ученой степени и в России мог быть и был только доцентом»⁴⁴⁸. Но ни В.А. Францев, ни Я. Бидло помочь коллеге не могли. Этот пример наглядно демонстрирует зыбкость положения ученого-эмигранта в чужой стране. Справедливости ради заметим, что получение профессуры в Карловом университете традиционно было (и остается) задачей предельно трудной даже для самих чехов. Не помогло А.В. Флоровскому даже получение докторской степени по русской истории, поскольку еще 3 января 1936 г. на

⁴⁴⁷ *Досталь М.Ю.* Из переписки В.А. Францева. (Письмо В.А. Францева В.С. Иконникову, письма А.В. Флоровского В.А. Францеву) // *Славяноведение*. 1994. № 4. С. 106.

⁴⁴⁸ Письмо А.В. Флоровского к Я. Бидло, 20 апреля 1937 г. // *Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky*. Fond 258: Jaroslav Bidlo. Kart. 3. Inv. č. 162.

публичном заседании Русской академической группы он защитил диссертацию «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)»⁴⁴⁹.

Несмотря на то и дело возникавшие трудности, научный авторитет А.В. Флоровского в чехословацких научных кругах был высок. Показательно, что он был единственным русским историком, приглашенным профессором Йозефом Шустой для участия в написании многотомной «Истории человечества от древности до наших дней» наряду с видными чехословацкими учеными: Бедржихом Грозным, Ярославом Бидло, Отакаром Одложиликом, Бедржихом Мендлом⁴⁵⁰. Для VI тома (1939 г.) А.В. Флоровский подготовил обширные главы по истории России в эпоху Петра Великого и его преемников, а также об участии России в решении польского и восточного вопросов во второй половине XVIII в.⁴⁵¹

Заметим опять же – и А.А. Кизеветтер, и А.В. Флоровский были не ординарными, а договорными, то есть сверхштатными профессорами. Практически все русские ученые без чехословацкого гражданства могли рассчитывать только на такие должности. Тонкость была в том, что и эти должности были связаны с реализацией программы «Русской акции». В чем заключалась связка? В том, что эмигранты получали специальные стипендии по линии министерства иностранных дел. Их могли приглашать на временные контракты для чтения лекций в Карлов университет, которые оплачивались уже из средств министерства образования и народного просвещения. Постепенное свертывание «Русской акции» остро ставило вопрос о будущем русских ученых.

⁴⁴⁹ Удостоверение, 4 января 1936 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 165. Л. 1–2.

⁴⁵⁰ Письмо Й. Шусты к А.В. Флоровскому, 7 декабря 1939 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 495. Л. 1–2. О проекте Й. Шусты см. подробнее: *Blüml J. Šustovy dějiny lidstva // Věda v Českých zemích za druhé světové války. Praha, 1998. S. 271–278.*

⁴⁵¹ *Florovskij A.V. Rusko Petra Velikého a jeho nejbližších nástupců // Dějiny lidstva od pravěku k dnešku. Díl. VI. Praha, 1939. S. 207–246; Eadem. Rusko, Polsko a východní otázka v 2. polovině 18. věku // Ibid. S. 419–464*

17 октября 1931 г. на естественнонаучном факультете Карлова университета была создана специальная комиссия Профессорского совета, чтобы решить вопрос о дальнейшей работе М.М. Новикова, который читал лекции как приглашенный договорной профессор. В решении комиссии русский ученый характеризовался как специалист мирового уровня, который, к тому же, «снискал большие заслуги в области славянской взаимности, выступая как ревностный пропагандист создания единой славянской научной организации»⁴⁵². Коллеги отмечали его большие научно-организационные заслуги в Чехословакии, в частности – создание Русского народного университета, руководство Зоологическим семинаром, работу в качестве приглашенного профессора Карлова университета. Они предлагали помочь ему, дав возможность стать договорным профессором сравнительной морфологии и гистологии⁴⁵³. Такое прошение было в итоге удовлетворено, но окончательно вопрос не сняло, а лишь отложило.

В феврале–марте 1932 г. ботаник Б. Немец инициировал письма биологов и физиков Карлова университета в Министерство образования и народного просвещения о судьбе русских ученых-эмигрантов. В письме 29 февраля констатировалось, что помощь им долгое время оказывалась на основе уверенности в изменении политических реалий в России. Теперь же общая ситуация изменилась настолько, что нет сомнений в прочности советского режима. Это лишило эмигрантов надежд вернуться домой, их работа в Чехословакии перестала носить временный характер. Поэтапное сокращение помощи в рамках «Русской акции» поставило под угрозу работу русских ученых, для которых Чехословакия стала новой родиной. Авторы письма указывали, что по предварительной договоренности с заместителем министра было принято решение принять на постоянную работу зоолога М.М. Новикова и ботаника В.С. Ильина. Оба в совершенстве владеют чеш-

⁴⁵² Profesorskému sboru přírodovědecké fakulty University Karlovy v Praze, 17. října 1931 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Přírodovědecké fakulty Univerzity Karlovy 1921–1953 (1960). Kart. 13. Inv. č. 101.

⁴⁵³ Ibid.

ским языком и прекрасно интегрированы в местную среду⁴⁵⁴. В письме 2 марта к ним добавилось имя физика Александра Александровича Эйхенвальда (1863–1944), который в 1920-х гг. некоторое время работал в Праге, а затем уехал в Италию. Авторы письма предлагали привлечь его к работе в университете⁴⁵⁵, что, впрочем, не удалось.

Профессорскому совету приходилось всякий раз испрашивать министерство о выделении преподавательских единиц и соответствующего жалования для русских ученых. Так в декабре 1934 г. естественнонаучный факультет сумел добиться продления работы М.М. Новикова как договорного профессора, а одновременно и математика Евгения Леонидовича Буницкого (1874–1952). В.С. Ильин же смог получить лишь должность договорного лектора методики изучения физиологии растений⁴⁵⁶. То есть статус ученого всегда оставался неопределенным. Для примера – в мае 1935 г. контракт Е.Л. Буницкого был продлен не как договорного профессора, а как договорного лектора в области интегрирования дифференциальных уравнений с учетом теоретической физики⁴⁵⁷. Таким образом, для большинства русских ученых на всем протяжении межвоенного периода работа в Карловом университете была сопряжена со множеством трудностей различного рода.

Несколько проще было представителям технических наук, которые включились в работу Чешского высшего технического училища в Праге (České vysoké učení technické v Praze). Оно вело свою историю с 1707 г. и являлось одним из старейших высших учебных заведений технического профиля в мире. Пражская техническая школа имела высокую репутацию в

⁴⁵⁴ Dopis profesorů biologie a fyziky ministerstvu školství a národní osvěty, 29. února 1932 // Ibid.

⁴⁵⁵ Dopis profesorů biologie a fyziky ministerstvu školství a národní osvěty, 2. března 1932 // Ibid.

⁴⁵⁶ Návrh na převzetí ruských učenců M.M. Novikova, E. Bunického a V.S. Iljina do služeb Ministerstva školství, 19. prosince 1934 // Ibid.

⁴⁵⁷ Dopis Zemského úřadu v Praze Děkanství Přírodovědecké fakulty Univerzity Karlovy ze dne 8. června 1935 // Ibid; Prof. E. Bunický, smluvní lector Karlovy university..., 13. září 1935 // Ibid. Kart. 5. Inv. č. 36.

Австро-Венгерской империи. Ее выпускники были востребованы и за пределами страны, например в Германии или России. После обретения чехословацкой независимости в 1918 г. на Чешское высшее техническое училище возлагались не меньшие обязанности, чем на Карлов университет. Развитие страны требовало хорошо подготовленных инженерных кадров. Причем, надо отметить, в Чешском высшем техническом училище велась подготовка не только инженеров в узком смысле этого слова, но также химиков, специалистов в области сельского и лесного хозяйства, в сфере торговли и экономики. Организационно это был своего рода конгломерат весьма независимых и самостоятельных школ (факультетов).

Слово «инженер» изначально обозначало профессию, а не звание. В Первой республике оно стало именно званием (Ing.), присуждаемым только выпускникам технических специальностей, которых, таким образом, уравнивали с выпускниками университетов⁴⁵⁸. В 1920–1939 гг. Чешское высшее техническое училище в Праге окончило 11.000 студентов. В своем большинстве это были чехи, словаки и немцы. Правда в 1920-е гг., и несколько меньше в 1930-е гг. немало граждан Югославии и Болгарии поступали в чехословацкие технические высшие школы, в том числе в пражскую. Изначально велико оказалось число русских и украинских студентов и преподавателей. Их было настолько много, что уже в мае 1921 г. они смогли создать свою ассоциацию – Общество русских инженеров и техников в Чехословацкой республике⁴⁵⁹. В 1923 г. Общество русских инженеров и техников стало автономной частью Союза чехословацких инженеров и архитекторов⁴⁶⁰.

В историографии отмечено, что представители технического знания горячо поддерживали создание Чехословацкой республики, надеясь воплотить в жизнь крупные технократические задачи, как, например, создание

⁴⁵⁸ Pokorný J. *Čeští inženýři 1867–1939 // Profesionalizace akademických povolání v českých zemích v 19. a první polovině 20. století.* Praha, 1996. S. 117.

⁴⁵⁹ Ibid. S. 114.

⁴⁶⁰ Haškova D. *Emigrantská technická intelligence v Československu.* S. 180.

дорожной сети в Словакии, усовершенствование добычи полезных ископаемых, развитие Дуная как транспортной магистрали. Успешное решение крупных задач способствовало консолидации республики, и заслуги в этих процессах инженеров не подлежат сомнению. Приведем конкретный пример.

Важным направлением экономического развития межвоенной Чехословакии стала электрификация, которая мыслилась как важнейшее условие повышения эффективности и интенсивности труда. Она требовала внушительных инвестиций, которые относительно медленно окупались, но в то же время служила залогом всесторонней модернизации. Установлено, что расходы министерства общественных работ на электрификацию в 1920–1935 гг. составляли 489,5 млн. чехословацких крон, что являлось колоссальной суммой⁴⁶¹. К 1938 г. было достигнуто потребление электроэнергии в 280 кВтч на душу населения. В Чехии электричество было доступно 80% муниципалитетов, в которых проживало около 90% всего населения, в Словакии – 40% муниципалитетов с 60% населения⁴⁶². Проведение электрификации при этом было связано с решением ряда научно-технических задач, связанных с передачей тока высокого напряжения на большие расстояния. Подобные задачи требовали участия специалистов, а, значит, подготовки высококвалифицированных кадров в высших школах. Важно также отметить, что в инженерных кадрах было заинтересовано не только государство, но и крупные предприниматели. Это обеспечивало покровительство высших технических школ и давало их выпускникам широкие возможности трудоустройства. В то же самое время именно представители технического сообщества более всего испытали на себе последствия мирового экономического кризиса на рубеже 1920–1930-х гг., когда работу поте-

⁴⁶¹ Mýtus a realita hospodářské vyspělosti Československa mezi světovými válkami / Příp. kol. autorů za red. E. Kubů a J. Pátka. Praha, 2000. S. 101–102.

⁴⁶² Efmertová M. K vývoji české elektrotechniky od druhé poloviny 19. století do roku 1945. Praha, 1997. S. 72.

ряло 3000 чехословацких инженеров, то есть примерно более 10% от общего числа⁴⁶³.

Если подытоживать вышесказанное, то можно сделать ясный вывод о заинтересованности технических школ в привлечении новых студентов и новых преподавательских кадров. Этому способствовали, среди прочего, русофильские взгляды ряда влиятельных чехословацких профессоров. Уместно привести обширные, но очень показательные слова крупного словацкого ученого Михала Урзини (Michal Ursíny; 1865–1933), профессора строительной механики и ректора Чешской высшей технической школы в Брно в 1924–1925 гг. Обращаясь к русским студентам-эмигрантам в марте 1925 г., он рассказывал: «Я стал русофилом уже с тех времен, когда вообще начал национально и политически мыслить. Мои земляки Колар и Шафарик направили меня к панславизму, а неоценимый поэт наш Гурбан Вайанский привил мне русофильство. И это было естественно... В те времена, в последние десятилетия минувшего века, у угнетенного словенского народа была лишь одна надежда, лишь одна звезда, на которую он обращал со слезами свои очи: то был – великий русский народ. Тысячи и тысячи моих земляков странствовали, торгуя в разнос по широкой Руси; а когда они возвращались, они рассказывали нам, младшим, о добром русском народе, о необъятных краях великого государства русского, о его сказочном богатстве. И даже суровая мадьярская школа не могла искоренить мои словенские и славянские чувства, мое русофильство. Минули десятки лет, и встретились мы с Вами здесь, в нашей Высшей Школе. Положение стало иным; Вам необходима помощь, Ваш до у Вас выгорел. Что ж я могу сделать, кроме того, как помочь Вам и словом, и делом. Ведь теперь Вы мне стали вдвое дороже; пора Ваших испытаний все же минет. Вы возвратитесь

⁴⁶³ *Pokorný J.* Op. cit. S. 120.

в дорогу родину и, конечно, удвойте там свои силы, дабы Россия процветала, а народ ее был счастлив»⁴⁶⁴.

В Чешском высшем техническом училище русским преподавателям и студентам благоволил профессор Зденек Бажант (*Zdeněk Bažant*; 1879–1954), крупный специалист в области строительной механики, один из ключевых представителей чехословацкой технической науки и технического образования. Он был известен не только как теоретик, но и как практик – при его участии создавалась металлическая конструкция крыши Виноградского рынка, второй пролет Чехува моста в Праге, стальная конструкция Стройницкого павильона в Пражском выставочном центре, виадук узкоколейной железной дороги через реку Инн в Тироле и др.⁴⁶⁵ Его работы получили признание не только на Родине, и за рубежом, что подтверждалось публикациями на английском и немецком языках, членством в зарубежных научных обществах и академиях. Хотя З. Бажант был горячим чешским патриотом, техническая наука выступала для него как пространство интернациональных взаимодействий. Он внимательно следил за развитием технических знаний в России, о чем хорошо свидетельствует сохранившаяся в архиве рукопись его специальной статьи⁴⁶⁶, а также подготовленная на ее основе журнальная публикация 1920 г.⁴⁶⁷ Берясь за написание обзора, З. Бажант отмечал, что русская техническая литература не слишком известна в современной Чехословакии, и что это является огромным упущением, ибо она содержит множество оригинальных идей и решений. Своей статьей чешский ученый стремился привлечь внимание к работкам русских ученых, особенно в области мостостроения и строительной механики. В поле его внимания труды Феликса Степановича Ясинского

⁴⁶⁴ *Урзуни М.* Мои молодые русские друзья! // Сборник Общества русских химиков в Брно. Вып. 1 / Под ред. *И.А. Пастака, А.А. Касилова, Г.В. Шапошникова.* Брно, 1925. С. 7–8.

⁴⁶⁵ *Hruban K.* Akademik Zdeněk Bažant // *Acta Polytechnica.* 1969. Т. VI. № 1. S. 120.

⁴⁶⁶ *Bažant Z.* O ruské literature technické // *Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky.* Fond 257: Zdeněk Bažant. Kart. 18. Inv. č. 267.

⁴⁶⁷ *Bažant Z.* O ruské literature technické // *Nové Atheneum.* 1920. Č. 3. S. 188–197.

(1856–1899), Степана Прокофьевича Тимошенко (1878–1972), Евгения Оскаровича Патона (1870–1953), Григория Григорьевича Кривошеина (1868–1945), Александра Петровича Фан-дер-Флита (1870–1941) и др. Знакомство иностранного читателя с русской технической литературой и ее познание, заключал З. Бажант, «может действительно способствовать прогрессу технических наук»⁴⁶⁸.

Закономерно, что профессор З. Бажант стал покровительствовать русским эмигрантам и налаживать их взаимодействие с Чешским высшим техническим училищем, тем более что для этого у него был не только авторитет и влияние, но и административный ресурс: в 1923–1924 гг. он исполнял обязанности ректора⁴⁶⁹. Закономерно и то, что двое ученых, творчества которых он касался в статье 1920 г. были приглашены читать лекции в Чешское высшее техническое училище. Однако и здесь существовали ограничения, диктуемые законодательными условиями работы иностранцев. Потому, например, А.П. Фан-дер-Флит, который до революции был профессором (с 1908 г. – экстраординарный, с 1909 г. – ординарный) и ректором Санкт-Петербургского императорского лесного института (1911–1917), в Чешском высшем техническом училище в 1921/1922 учебном году занял должность договорного доцента в Высшей школе машиностроения и электротехники (*Vysoká škola strojího a elektrotechnického inženýrství*). Лишь в 1929 г. он получил должность договорного профессора этой школы⁴⁷⁰. В личном деле А.П. Фан-дер-Флита в Архиве Чешского высшего технического училища сохранился черновик примечательного отзыва Профессорского совета о его научной деятельности. В нем говорилось, что русский ученый внес огромный вклад в развитие чехословацкой школы и государства, разрабатывая те научные области, в которых не хватало спе-

⁴⁶⁸ *Bažant Z.* O ruské literaturě technické. S. 197.

⁴⁶⁹ Помимо того, в 1917–1918 гг. и в 1930–1931 гг. З. Бажант был деканом Высшей школы гражданского строительства.

⁴⁷⁰ Curriculum vitae Prof. Dra. Alexandra P. Van-der-Vlieta // Archiv Českého vysokého učení technického v Praze. Fond «Rektorát Českého vysokého učení technického (1920–1950)». Osobní spisy přednášejících. Aleksandr Petrovič Van-der-Vliet. Fol. 23.

циалистов, и которые чрезвычайно важны для республики. К таковым областям в первую очередь относится аэродинамика. По этой причине еще в июне 1929 г. Высшая школа машиностроения и электротехники составило обоснование создания специальной профессуры по аэродинамике и основам авиации, которая предназначалась бы для А.П. Фан-дер-Флита. Просьба была отклонена, поскольку из-за начавшегося экономического кризиса денег на эту инициативу не нашлось⁴⁷¹. Таким образом, интересы ученой корпорации и конкретных ее представителей вступали в противоречие с внешними условиями.

А.П. Фан-дер-Флиту пришлось столкнуться еще с рядом бюрократических формальностей. Чтобы упрочить свое положение, в январе 1934 г. он сдал специальный экзамен (ригорозум) и представил работу для получения степени доктора технических наук «Эффект веса измерительных приборов при измерении напряжений в скрещенных проволочных стержнях»⁴⁷². В ее основу легли исследования, которые А.П. Фан-дер-Флит проводил в лабораториях Военного исследовательского авиационного института (*Vojenský letecký ústav studijní*). Одним из 5 членов специальной профессорской комиссии по рассмотрению диссертации был все тот же З. Бажант⁴⁷³. Он озвучил лестный отзыв о текущих исследованиях А.П. Фан-дер-Флита, и, видимо осознавая формальность процедуры, подробно обрисовал научную деятельность соискателя и ее результаты, начиная с 1901 г. Чешский ученый подчеркивал, что «доказательством способности к самостоятельной

⁴⁷¹ Черновик отзыва о научной деятельности А.П. Фан-дер-Флита // Archiv Českého vysokého učení technického v Praze. Fond «Rektorát Českého vysokého učení technického (1920–1950)». Strojní a elektrotechnické inženýrství. Van-der-Vliet A.P.

⁴⁷² *Van der Vliet A.P.* Vliv váhy měřicích přístrojů při měření namáhání ve zkřížených drátových příčkách // Časopis československých inženýrů – Technický obzor. 1933. Roč. 41. Č. 16. S. 229–255. Это была сокращенная версия исследования, подготовленная под журнальный формат.

⁴⁷³ Výpis z řádu rektorátu České vysoké školy technické č. 4641/33, 4. ledna 1934 // Archiv Českého vysokého učení technického v Praze. Fond «Rektorát Českého vysokého učení technického (1920–1950)». Osobní spisy přednášejících. Aleksandr Petrovič Van-der-Vliet. Fol. 23; Zápis o rigorous k dosažení doktorátu věd technických, 26. ledna 1934 // Archiv Českého vysokého učení technického v Praze. Fond «Rektorát Českého vysokého učení technického (1920–1950)». Strojní a elektrotechnické inženýrství. Van-der-Vliet A.P.

научной работе, являющейся условием получения степени доктора технических наук, и превосходно представленным, является не только настоящая диссертационная работа, но и вся жизнедеятельность соискателя»⁴⁷⁴. Это доказывает, что А.П. Фан-дер-Флит как ученый широкого профиля, чьи разработки в области механики находили применение в разных отраслях: от лесозаготовок до строительства летательных аппаратов, – сумел завоевать высокий авторитет в чехословацких научно-технических кругах. Этому способствовал тот факт, что почти все свои главные исследования 1920–1930-х гг. он публиковал именно на чешском языке.

Еще одним крупным ученым, принятым на работу в Чешское высшее техническое училище, был знаменитый теплотехник А.С. Ломшаков, бывший профессор Санкт-Петербургского Императорского Политехнического института. Еще до революции он прославился как выдающийся ученый-инженер, специалист в области разработки паровых котлов. На рубеже XIX – XX вв. он создал прибор для автоматического питания колосниковой решетки и бездымного сжигания различных сортов топлива в топках паровых котлов и металлургических печей. Это новаторское изобретение сразу нашло широкое признание. Оно было установлено на промышленных предприятиях Санкт-Петербурга, Луганска, Елизаветграда и с успехом представлено на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.⁴⁷⁵

1 сентября 1923 г. он был назначен контрактным профессором Высшей школы машиностроения и электротехники. Подчеркнем, что ко времени приглашения на преподавательскую работу А.С. Ломшаков уже был востребован чехословацкими организациями. С 8 декабря 1920 г. он был зачислен техническим консультантом в промышленное объединение «Шко-

⁴⁷⁴ Posudek disertační práce prof. Alexandra P. Van-der-Vlieta // Archiv Českého vysokého učení technického v Praze. Fond «Rektorát Českého vysokého učení technického (1920–1950)». Strojní a elektrotechnické inženýrství. Van-der-Vliet A.P.

⁴⁷⁵ Письмо А.С. Ломшакова Г.Ф. Делпу, 4 апреля 1900 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 492. Оп. 2. Д. 6819. Л. 2 – 2об.

да»⁴⁷⁶. Там он наладил производство механических ступенчатых топок с автоматическим передвижением топлива по решетке. Так уже в 1922–1927 гг. было произведено и установлено 56 таких топок⁴⁷⁷. Они были широко востребованы на электростанциях и промышленных предприятиях. Продукция пользовалась спросом не только в Чехословакии, но и поставлялась за рубеж – в Болгарию, Италию, Югославию⁴⁷⁸. Известно даже, что в 1938 г. завод «Шкода» поставил оборудование в Индию⁴⁷⁹.

Таким образом, А.С. Ломшаков в чехословацкий период жизни не только сохранил, но и упрочил прежнюю научную репутацию. Это был ученый поистине европейского масштаба, чьи исследования были востребованы. Показательно, что имя А.С. Ломшакова продолжало звучать в СССР. Так в 1927 г. в Ленинграде была напечатана его книга «Испытание паровых котлов»⁴⁸⁰. Это было переиздание книги 1913 г., которая, в свою очередь, являла собой переработку труда 1897 г. В предисловии к третьему изданию говорилось, что книга А.С. Ломшакова совершенно необходима для организации практических испытаний паровых котлов и для текущего контроля работы котельных установок. Особую ценность представляла методология измерений и испытаний, которая сохранила свою актуальность даже невзирая на появление новейших измерительных приборов⁴⁸¹.

Руководство Высшего технического училища в полной мере ценило научные и преподавательские таланты А.С. Ломшакова. В поздравлении по случаю его 60-летия в марте 1930 г. ректор желал русскому ученому сохра-

⁴⁷⁶ Aktová noticka, 11. dubna 1930 // Státní oblastní archiv v Plzni, Klášter u Nepomuku. Archiv «Škoda». Osobní spis profesora A. Lomšakova; Osobní výkaz: Akciová společnost dříve Škodovy závody v Plzni // Ibid. Хотя с 1 января 1932 г. А.С. Ломшаков официально вышел на пенсию, он продолжал работать техническим консультантом.

⁴⁷⁷ Механические ступенчатые топки «Шкода» // Státní oblastní archiv v Plzni, Klášter u Nepomuku. Archiv «Škoda». GR 539. Prop 20/3с. 2588

⁴⁷⁸ *Haškova D.* Emigrantská technická intelligence v Československu. S. 181.

⁴⁷⁹ Механические ступенчатые топки «Шкода» // Státní oblastní archive v Plzni, Klášter u Nepomuku. Archiv Škoda. GR 539. Prop 20/3с. 2588

⁴⁸⁰ *Ломшаков А.С.* Испытание паровых котлов. Л., 1927.

⁴⁸¹ *Шретер В.* Предисловие к третьему изданию // *Ломшаков А.С.* Испытание паровых котлов. Л., 1927. С. I–III.

нять бодрость на благо технической науки, которая нуждается в таких умелых и неутомимых работниках⁴⁸². Хотя А.С. Ломшаков являлся контрактным профессором, ректорат Чешского высшего технического училища ходатайствовал о назначении ему пенсии в мае 1935 г.⁴⁸³

Среди прямых учеников А.С. Ломшакова в Чешском высшем техническом училище находим как минимум одного выходца из России – Дмитрия Александровича Астрова (1900–1968). 15 июня 1937 г. он защитил диссертацию на степень доктора технических наук по теме «Измерение коэффициентов теплоотдачи на внутренней стенке испарительной трубы при вращающемся потоке воды»⁴⁸⁴. В основу ее были положены исследования, которые он проводил на заводе «Шкода» в Пльзене⁴⁸⁵.

И А.С. Ломшаков, и А.П. Фан-дер-Флит проработали в Чешском высшем техническом училище весь межвоенный период, вплоть до трагических событий 1938–1939 гг. Причем А.С. Ломшаков на своем личном опыте ощутил их начало. Вскоре после подписания Мюнхенских соглашений и отторжения чехословацких территорий, он возвращался в Прагу из командировки в Любляну. 19 октября 1938 г. А.С. Ломшаков был задержан гестапо в Каплицах, близ города Чешски Крумлов. До 22 октября он находился в застенках в Чешски Крумлове, оттуда был вывезен в Линц. Тревогу забила родня. Зять А.С. Ломшакова обратился за помощью к руководству Чешского высшего технического училища, тем более что и там потеряли ученого, который не явился на заявленные лекции. Ректор профессор Войтех Кайслер (Vojtěch Kaisler; 1870–1943) немедленно написал в чехословацкое

⁴⁸² Rekt. Českého vysokého učení technického v Praze – Panu A.Š. Lomšakovu, 06.03.1930 // Archiv Českého vysokého učení technického v Praze. Fond «Rektorát Českého vysokého učení technického (1920–1950)». Osobní spisy přednášejících. Aleksej Stěpanovič Lomšakov.

⁴⁸³ Zemský úřad v Praze – Rektorátu Českého vysokého učení technického v Praze, 6.05.1935 // Ibid.

⁴⁸⁴ Zápis o přísné zkoušce k dosažení doktorátu věd technických, 15. června 1937 // Archiv Českého vysokého učení technického v Praze. Fond «Rektorát Českého vysokého učení technického (1920–1950)». Strojní a elektrotechnické inženýrství. Astrov Dimitrij.

⁴⁸⁵ Posudek o disertační práci p. ing. Dimitrije Astrova, věnované měření součinitelů výstupu tepla na vnitřní stěně odparovací trubky při rotačním proudění vody, 1. června 1937 // Ibid.

посольство в Берлине, чтобы оно связалось с властями Рейха и способствовало освобождению именитого профессора⁴⁸⁶. Следом было направлено и письмо в министерство иностранных дел Чехословакии⁴⁸⁷. В конце концов, профессор был освобожден и вернулся в Прагу. Однако из сохранившихся документов не ясны детали этого освобождения. Судя по сохранившимся документам, 27 января 1939 г. министерство образования и народного просвещения продлило трудовые отношения с А.С. Ломшаковым до 30 апреля 1939 г.⁴⁸⁸ Иных указаний в его личном деле не имеется. Вероятно, что его педагогическая карьера окончательно прервалась после оккупации Чехословакии немцами. В ноябре 1939 г. они закрыли все чехословацкие высшие школы. Причем Чешское высшее техническое училище подверглось погрому: немецкие солдаты уничтожали лабораторное оборудование и коллекции (погибла, например, коллекция почвенных профилей из России), сжигали книги, а профессорскими мантиями чистили сапоги⁴⁸⁹. 8 октября 1941 г. был арестован многолетний покровитель русских эмигрантов профессор З. Бажант, которого вместе со многими другими активными деятелями Сокольского движения отправили в концлагерь в Терезине. Лишь чудом он избежал отправки в Освенцим, а затем, 16 марта 1942 г., был освобожден⁴⁹⁰. Но военные страницы – это уже иная история, выходящая за рамки настоящего параграфа.

Чешское высшее техническое училище стало *alma mater* для большого числа студентов из России, которые получили хорошее образование и благодаря этому смогли найти работу. В конце 1927 г. была даже образована Корпорация русских инженеров, техников и электриков, выпускников

⁴⁸⁶ Rektorát Českého vysokého učení technického v Praze – Vyslanectví československé republiky v Berlíně, 11.11.1938 // Archiv Českého vysokého učení technického v Praze. Fond «Rektorát Českého vysokého učení technického (1920–1950)». Osobní spisy přednášejících. Aleksej Stěpanovič Lomšakov.

⁴⁸⁷ Rektorát Českého vysokého učení technického v Praze – Ministerstvu zahraničních věcí, 14.11.1938 // Ibid.

⁴⁸⁸ Ministerstvo školství a národní osvěty – Panu A.Š. Lomšakovu, 27.01.1939 // Ibid.

⁴⁸⁹ České vysoké učení technické v Praze. 1938–1945. Praha, 1948. S. 9, 15.

⁴⁹⁰ Hruban K. Akademik Zdeněk Bažant // Acta Polytechnica. 1969. T. VI. № 1. S. 121.

Чешского технического университета в Праге, целью которой было поддерживать контакты даже после окончания учебы, помогать друг другу, организовывать профессиональные лекции. Она насчитывала около 70 членов и была распущена в июне 1939 г.⁴⁹¹ Особо отметим, что некоторые представители молодежи защитили докторские диссертации, внесли свой вклад в чехословацкую и европейскую техническую науку. Если проанализировать защищенные диссертации, которые в своем большинстве сохранились в Архиве Чешского высшего технического училища, то можно заметить их высокую практическую ориентированность. Разумеется, техническое знание во многом и носит прикладной характер. Но в данном случае важно учитывать, что в большинстве работ решались конкретные, важные для Чехословакии, научно-технические проблемы. Это само по себе определяло высокую степень интеграции в местную среду.

Например, большое внимание в межвоенной Чехословакии уделялось развитию медицинской инфраструктуры, причем речь шла не только о подготовке врачей, но о разработках медицинского оборудования, и, что особо важно, проектировании и строительстве больниц. Так в конце 1920-х гг. в Богемии начал воплощаться трехступенчатый план развития больничной сети. Он предполагал создание центральных многопрофильных больниц в крупных городах, таких как Пльзень, Уста-над-Лабем, Градец Кралове, Пардубице и др. Вокруг них должны были группироваться более мелкие медицинские учреждения, оказывавшие общую медицинскую помощь. Замыкали структуру мелкие фельдшерские пункты и дезинфекционные станции. Несколько позже план стал воплощаться в Моравии, Словакии и в Подкарпатской Руси⁴⁹². В контекст подобных начинаний в полной мере вписывалась диссертационная работа инженера-проектировщика и архитектора Владимира Николаевича Уклеина (1898–1986) «Воздух и свет в

⁴⁹¹ *Haškova D.* Emigrantská technická intelligence v Československu. S. 180.

⁴⁹² *Masová B.* Věda a nemocniční praxe v předmnichovském Československu // Studie a články k dějinám vědy a vědeckých institucí. Praha, 2002. S. 124.

больнице». Она была посвящена проектированию клиник для больных туберкулезом, которых, как хорошо известно, в ту пору было много. В.Н. Уклеин попытался рассмотреть разные концепции проектирования и создания подобных строений. Уместно привести показательную и красноречивую цитату из авторского заключения, которая концентрирует в себе не только его собственные научно-технические подходы, но и обрисовывает ситуацию, в которой приходилось жить и работать. В.Н. Уклеин писал: «Медицинские учреждения – это подразделения, которые настолько сложны, что не допускают бессмысленного шаблонного решения. Однако в профессиональной литературе мы встречаем предвзятое продвижение тех или иных строительных идей и в прямом смысле фанатичные попытки реализовать их в любом случае и любой ценой. Такие пропагандисты забывают, что в мире все относительно и что хорошо в одном конкретном случае, может быть плохо в другом. Следуя этому фундаментальному мнению, автор ограничивается простым анализом каждого из возможных решений и избегает любого обобщения их светлых и темных сторон.

Даже в обсуждении собственных мыслей и некоторых собственных диспозиционных и конструктивных тем автор старался сохранять максимальную объективность. Эти строки написаны во время жесточайшего экономического кризиса, когда бережливость перестала быть лишь красивой добродетелью и все больше становится железной необходимостью. Поэтому при оценке отдельных решений всегда учитывалась их экономическая сторона, т.е. размер как инвестиционных, так и эксплуатационных затрат.

Сегодняшний экономический кризис не позволяет нам строить больницы в том количестве, которое соответствует нынешним потребностям. Врачи учреждений практически повсеместно борются с постоянной нехваткой больничных коек. Следует опасаться, что к концу сегодняшней экономической депрессии нехватка коек станет почти катастрофической. Поэтому с наступлением улучшения в экономике, государство, районы и муниципалитеты будут вынуждены стремиться к безудержному строительству больниц.

Это обязательно к использованию! Сегодняшний временный застой требует тщательного изучения различных проблем в строительстве больниц и определения руководящих принципов и программы до, надеюсь, вскоре лучших времена. В конце концов, экономические трудности, пожалуй, имеют одну положительную сторону: они заставляют вас считать, они учат вас различать термины “хочу” и “могу” превращают расточителей в людей, рассчитывающих на емкость собственного кармана. Воспользовавшись этой светлой стороной сегодняшней депрессии и подготовившись к последующей деятельности, мы будем способствовать успешному развитию и безопасности здоровья всей чехословацкой нации»⁴⁹³.

Наряду с В.Н. Уклеиным можно назвать имена и других русских инженеров-строителей и архитекторов, бывших выпускниками Чешского высшего технического училища. Среди них – Леонид Сергеевич Лада-Якушевич (1898–1981) и Николай Павлович Пашковский (1897–1970). Как отмечено исследователями, их профессиональное развитие проходило под воздействием бурных процессов в чехословацкой архитектуре. Они испытали сильное влияние архитектурного авангарда и идей функционализма⁴⁹⁴. Таким образом, формирование молодых специалистов происходило на перекрестке разных идей и традиций, в процессе интеллектуальных обменов.

Если устройство на работу в Праге было сопряжено с целым рядом трудностей и бюрократических проволочек, то в провинции это было сделать легче (но все же не легко!). Причина была прозаичной – стремительное развитие научно-образовательной инфраструктуры требовало кадров.

⁴⁹³ *Uklein V. Vzduch a světlo v nemocnici. Praha, 1932 // Archiv Českého vysokého učení technického v Praze. Fond «Rektorát Českého vysokého učení technického (1920–1950)».* Architektura a pozemní stavitelství. Uklein Vladimír.

⁴⁹⁴ *Левашко С.С.* Новое поколение русских зодчих в Праге – выпускников ЧВТУ 1920-х годов и их наставник – архитектор В.А. Брандт // Наука, образование и экспериментальное проектирование: Материалы международной научно-практической конференции. М., 2012. С. 86–91; *Левашко С.С., Янчаркова Ю.* В центре Европы в период между Первой и Второй мировыми войнами: архитекторы-эмигранты из бывшей Российской империи в Чехословакии // Борис Иофан. Пути архитектуры 1920–1940-х годов. К 130-летию архитектора. 2023. М., 2023. С. 320–331.

Потому у тех русских ученых, кто не смог обрести преподавательскую должность в Праге, было гораздо больше шансов на ее получение в Брно или Братиславе.

Так уехавший из Праги в Брно в 1929 г. Михаил Артурович Циммерман (1885–1935)⁴⁹⁵, специализировавшийся в области международного права, быстро добился заметного положения в чехословацкой интеллектуальной среде. Ему помог выбор исследовательского направления – изучение современных политических процессов. Эти направления он начал развивать еще в Праге, в период работы в Русском народном университете. Под руководством М.А. Циммермана действовал кружок по изучению международных отношений современных государств. Он привлек к работе многих студентов, которые сделали серию докладов об актуальных политических и геополитических проблемах – экспансии России в Персии, Афганистане и Маньчжурии, взаимоотношениях России с США, Литвой, Монголией, Эстонией, Арменией, борьбе за Ближний Восток и др.⁴⁹⁶

В современной чешской историографии приход М.А. Циммермана на работу в Масариков университет оценивается как поворотный момент в преподавании международно-правовых дисциплин⁴⁹⁷. В своих работах он стремился осмыслить феномен Лиги Наций, оценить ее возможности как регулирующего механизма в международных отношениях. Его интересовала также проблема нового типа международных договоров и будущее различных международных институций. В числе первых представителей европейской науки своего времени он проводил сравнительные исследования

⁴⁹⁵ М.А. Циммерман был избран профессором решением Профессорского совета юридического факультета 8 марта 1929 г., а утвержден в должности указом президента республики 23 октября 1929 г. с ежегодным окладом 47.100 чехословацких крон (Dopis ministerstva školství a národní osvěty M.A. Zimmermannovi, 29. listopadu 1929 // Archiv Masarykovy univerzity. Fond A5: Právnická fakulta. Inv. č. 251/4701; Žádost pí Zimmermannové o pensí z milost, č.j. 1160/XVI-35 // Ibid).

⁴⁹⁶ Русский народный университет в Праге: Отчет о деятельности за 1925–1926 учебный год. С. 21–22; Русский народный университет в Праге: Отчет о деятельности за 1926–1927 учебный год. Прага, б.г. С. 22–24.

⁴⁹⁷ Rozehnalová N., Sedláková Salibová K. Mezinárodní právo soukromé – včera, dnes a zítra // Časopis pro právní vědu a praxi. 2019. T. XXVII. S. 158.

двух систем международных отношений – Венской и Версальской. Это были поистине прорывные исследовательские направления, потому работы М.А. Циммермана быстро заметили. В 1933 г. он побывал в Голландии по приглашению Гаагской академии международного права.

Авторитет русского профессора в чехословацкой среде закреплялся его регулярными публикациями в журнале «*Zahraníční politika*», который читали не только в ученой, но и в политической среде. Регулярные обзоры М.А. Циммермана на страницах этого издания были посвящены действительно актуальным и злободневным вопросам, как, например, размышления о настоящем и будущем европейской интеграции, о будущем колониализма, о контроле за вооружениями. Также добавим, что предисловие к книге М.А. Циммермана о миротворчестве в прошлом, настоящем и будущем написал министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш⁴⁹⁸. Трудно сказать, как развивалась бы дальше карьера М.А. Циммермана в глобальном интеллектуальном пространстве, если бы не его преждевременная смерть 28 мая 1935 г. от приступа аппендицита. Парижская газета «Возрождение» в некрологе сообщала: «Его большие работы по международному праву (вопрос о признании Лиги Наций, международные трибуналы и т.п.) выдвинули его на одно из первых мест среди представителей этой науки»⁴⁹⁹.

Словацкая столица – Братислава – поначалу была для ученых-эмигрантов лишь транзитным городом. Однако вскоре некоторые из них осознали несомненные плюсы возможности работы в новом, недавно созданном Университете Я.А. Коменского. Несмотря на поначалу ограниченные возможности для проведения исследовательской работы, конкуренция там была гораздо ниже, чем в главном университете страны, а жизнь в Бра-

⁴⁹⁸ *Zimmermann M.A. Společnost národů: idea míru a právní organisace lidstva v minulosti, přítomnosti i budoucnosti / S předmluvou E. Beneše. Praha, 1931.*

⁴⁹⁹ *В[аршавский] С. Кончина проф. М.А. Циммермана // Возрождение. Париж, 1935. № 3651. 2 июня. С. 4.*

тиславе оказалась дешевле, чем в Праге. Более того, там оказалось проще решить злободневный квартирный вопрос.

Первым русским ученым, кто приступил к работе в Университете Я.А. Коменского в Братиславе был славист Евгений Юлианович Перфецкий (1888–1947). Как установил словацкий историк Мирослав Даниш, за приглашением ученого стояли пражский профессор-археолог Л. Нидерле и венский славист Ватрослав Ягич (Vatroslav Jagić; 1838–1923), тем более что Е.Ю. Перфецкий уже неоднократно бывал в Словакии в 1912–1914 гг.⁵⁰⁰ М. Даниш на основе архивных документов реконструировал карьерный путь ученого в Братиславе: в декабре 1921 г. он стал ассистентом исторического семинара на философском факультете, с февраля 1922 г. начал читать лекции, особенно по истории Подкарпатской Руси, с 9 августа 1922 г. получил назначение договорным доцентом, а в следующем году начал читать лекции по истории России. Экстраординарным профессором он был назначен приказом от 28 февраля 1935 г., а ординарным – 31 июля 1939 г.⁵⁰¹ Карьере Е.Ю. Перфецкого покровительствовал профессор Милан Годжа (Milan Hodža; 1878–1944), который был также влиятельный и сильным политиком, премьер-министром Чехословакии в 1935–1938 гг. Широкую европейскую известность получили сравнительные исследования Е.Ю. Перфецкого о славянском летописании: русском, чешском, польском⁵⁰². Они способствовали налаживанию его личных и деловых контактов со славистами разных стран, например со знаменитым норвежским ученым Олафом Броком (Olaf Broch; 1867–1961)⁵⁰³.

Среди других русских ученых, выстроивших прочные связи в словацкой среде, следует назвать слависта Валериана Александровича Погорелова

⁵⁰⁰ Даниш М. Научная и педагогическая деятельность профессора Перфецкого в Словакии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 3. С. 964.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Вовина-Лебедева В.Г. Е.Ю. Перфецкий – исследователь летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. 2010. Т. 31. С. 436–455.

⁵⁰³ Даниш М. Указ. соч. С. 968–969.

(1872–1955) и Петра Григорьевича Богатырева (1893–1971), хотя последний все же не являлся юридически эмигрантом. Любица Гарбулёва показала большую вовлеченность В.А. Погорелова в словацкую среду, его тесные контакты с Матицей словацкой. Он знакомил словацких коллег с достижениями российского литературоведения и лингвистики⁵⁰⁴.

После образования в 1937 г. Государственной высшей технической школы в Кошицах в Словакию из Праги переехал геолог Д.Н. Андрусов⁵⁰⁵. В 1939 г. учебное заведение будет переведено в Братиславу. Вся последующая жизнь и карьера Д.Н. Андрусова будет связана со Словакией. После создания независимой Словакии в 1939 г., туда на работу в Университет Я.А. Коменского из Праги переедут М.М. Новиков и Н.О. Лосский.

В межвоенной Чехословакии существовало еще одно крупное и авторитетное высшее учебное заведение, в судьбе которого эмигрантский след оказался велик. Речь идет о Высшей горной школе (*Vysoká škola báňská*) в Пршибраме, основанной в 1849 г. Наряду с Высшей сельскохозяйственной школой в Брно, она приняла множество студентов-эмигрантов из бывшей Российской империи, чьи имена во множестве находим в списках слушателей⁵⁰⁶. Она же была единственным высшим учебным заведением, главой которого стал выходец из русской эмигрантской среды – профессор Александр Ильич Глазунов (1888–1951), занимавший пост ректора в 1935–1936 гг.

А.И. Глазунов получил два разноплановых образования: в 1906 г. окончил Императорское коммерческое училище, причем с золотой медалью, затем поступил в Политехнический институт, который окончил в 1912 г. со

⁵⁰⁴ *Harbul'ová L.* Az orosz politikai emigránsok életkörülményei és tevékenysége Szlovákiában (1920–1945) // *Az Osztrák–Magyar Monarchia és a történelmi Magyarország összeomlása 1918-ban: Konfliktusok és megoldási kísérletek / Szerk. R. Barta, R. Kerepeszki, Z.Á. Pintér.* Debrecen: Kapitális Kft., 2019. 63. old.

⁵⁰⁵ *Harbul'ová L.* Osobnosti ruskej emigrantskej komunity v medzivojnových Košiciach // *Annales historici Presovienses.* Prešov: Universum, 2007. Sv. 7. S. 269–270.

⁵⁰⁶ *Seznam posluchačů báňské akademie od. r. 1904 // Zemský archiv v Opavě. Fond «Vysoká škola báňská». Inv. č.143.*

званием инженера-металлурга и электрохимика⁵⁰⁷. В 1915 г. он был оставлен для подготовки к профессорскому званию под руководством академика Николая Семеновича Курнакова (1860–1941), но ученую карьеру прервала Первая мировая война. В 1918–1920 гг. А.И. Глазунов преподавал в Таврическом университете, затем – в 1920 г. в Народном университете в Батуми, в период английской оккупации. В 1921 г. он эмигрировал в Константинополь и вскоре оказался в Праге⁵⁰⁸. В июне 1922 г. он выдержал докторский экзамен и защитил диссертацию «Электропроводность и твердость сплавов цинка и кадмия», в основу которой были положены еще петроградские исследования в исследовательской группе Н.С. Курнакова⁵⁰⁹.

Согласно приказу министерства образования и народного просвещения от 3 октября 1924 г.⁵¹⁰, А.И. Глазунов был приглашен на работу в Высшую горную школу доцентом на 1924/1925 учебный год. Он читал курсы по общей металлургии, металлографии, электрометаллургии⁵¹¹. С 1 января 1925 г. приказом министерства он был утвержден экстраординарным профессором металлографии, электрометаллургии, физической химии и металлургического производства⁵¹². Вскоре он создал в Высшей горной школе институт теоретической металлургии. Его исследования сделались объектом научной популяризации в чехословацком обществе. Так в предназначенном для широких читательских кругов иллюстрированном еженедельнике «Pestrý Týden» в августе 1929 г. были напечатаны фотоснимки структуры строения сплавов и металлов из глазуновской лаборатории. Как писа-

⁵⁰⁷ Аттестат, 25 мая 1906 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 478. Оп. 1. Д. 488. Л. 4; Прошение, 3 июня 1906 г. // Там же. Л. 1.

⁵⁰⁸ Curriculum vitae // Archiv Českého vysokého učení technického v Praze. Fond «Rektorát Českého vysokého učení technického (1920–1950)». Chemicko-technologické inženýrství. Glazunov Aleksandr Iljič.

⁵⁰⁹ Zápis o rigorous k dosažení doktorátu věd technických, června 1922 // Archiv Českého vysokého učení technického v Praze. Fond «Rektorát Českého vysokého učení technického (1920–1950)». Chemicko-technologické inženýrství. Glazunov Aleksandr Iljič.

⁵¹⁰ Osobní kniha // Zemský archiv v Opavě. Fond «Vysoká škola báňská». Inv. č.192.

⁵¹¹ A. Glazunov – Honorovaný docent // Zemský archiv v Opavě. Fond «Vysoká škola báňská». Inv. č.191.

⁵¹² Z ministerstva školství a národní osvěty // Úřední List Republiky Československé. 1925. 7. května. Č. 103. S. 1.

ли журналисты, эти фотографии призваны показать, что чудным и замысловатым строением обладают не только живые существа, но и безжизненная материя. Работы А.И. Глазунова показывают, что металлы и сплавы интересны не только с научно-практической, но и с эстетической стороны⁵¹³.

А.И. Глазунов быстро продвинулся по службе и 14 мая 1931 г. стал ординарным профессором⁵¹⁴, а впоследствии, как уже было сказано, занял пост ректора. Именно в период работы в Пршибраме А.И. Глазунов разработал так называемый электрографический метод. Это было, действительно, крупное достижение. Современный немецкий физик Фриц Шольц отмечает, что А.И. Глазунову удалось создать особый метод электрохимической визуализации металлических поверхностей, сплавов и руд, которые обладают электрической проводимостью. Он значительно опередил научный уровень своего времени, например более поздние разработки в области сканирующей электрохимической микроскопии и в области локального электрохимического анализа⁵¹⁵. Свои разработки А.И. Глазунов как представитель чехословацкой науки представлял на международных конгрессах и конференциях в Страсбурге (1928), Барселоне (1929), Лондоне (1935), Вене (1937). За исследованиями А.И. Глазунова следили в соседних странах, например в Венгрии⁵¹⁶. Известно о приобретении там в августе 1929 г. лицензии на использование запатентованной А.И. Глазуновым технологии удаления последних следов кислорода из сплавов железа⁵¹⁷. Он оказался в числе тех русских ученых, кто смог воспитать ряд чехословацких учеников. Среди его главнейших последователей называют Рудольфа Йирковско-

⁵¹³ Nejen drobní živočichové a rostliny, také hmoty neústrojné, zvláště kovy a slitiny mají podivuhodnou stavbu svých těl // Pestrý Týden: obrazový časopis. 1929. 3. srpna. Roč. IV. Č. 31. S. 19.

⁵¹⁴ Osobní kniha // Zemský archiv v Opavě. Fond «Vysoká škola báňská». Inv. č.192.

⁵¹⁵ Scholz F. Glazunov's electrography – the first electrochemical imaging and the first solid-state electroanalysis // Journal of Solid State Electrochemistry. 2021. Vol. 25. № 12. P. 2709.

⁵¹⁶ Legújabb vívmányok a vegyészeti ipar terén // Vegyi Ipar és Kereskedelem. 1930. 29. Évf. 20. Szám. 6. old.

⁵¹⁷ Magyar szabadalmak a bányászat, akohászat és rokon szakok köréből // Bányászati és Kohászati Lapok. 1932. 65. Évf. 5. Szám. 115. old.

го (Rudolf Jirkovský; 1902–1989), который впоследствии стал профессором и проректором⁵¹⁸.

Ординарным профессором Высшей горной школы смог стать еще один русский ученый – Александр Николаевич Митинский (1875–1953). Он был избран на должность решением Профессорского совета от 18 апреля 1923 г., но министерский приказ о его утверждении вышел лишь 12 марта 1924 г.⁵¹⁹ До революции он был профессором столичного Горного института, крупным теоретиком в области промышленного развития страны. К сожалению, в отличие от А.И. Глазунова, о его международных научных контактах в чехословацкий период жизни почти ничего не известно.

Чехословацкая высшая школа оказалась важной площадкой для интеллектуального взаимодействия между эмигрантами и местными учеными. Затянувшееся пребывание на чужбине заставляло русских исследователей разных направлений развивать более тесные контакты с ними и активнее интегрироваться в местную научную среду, включая высшую школу. У представителей технических наук это получалось гораздо лучше, чем у гуманитариев, и даже отчасти лучше, чем у естествоиспытателей. Одни ученые, подобно геологу Д.Н. Андрусову, физико-химику А.И. Глазунову, слаviste В.А. Францеву, успешно справились с вызовами, другие же – нет. Важнейшим фактором для получения постоянного места работы было обретение чехословацкого гражданства. Но, как показывает практика, на это решались не все, в основном – молодые ученые. Например, экономист С.Н. Прокопович отказался в 1934 г. отказаться от поста в экономическом отделе министерства иностранных дел, ибо это потребовало бы от него принятие чехословацкого гражданства⁵²⁰. Некоторые из русских интеллектуалов, правда не связанные с преподаванием, жили в Чехословакии с со-

⁵¹⁸ Scholz F. Op. cit. P. 2710.

⁵¹⁹ Osobní kniha // Zemský archiv v Opavě. Fond «Vysoká škola báňská». Inv. č.192.

⁵²⁰ Sládek Z. O ruské pomocné akci tentokrát polemicky // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 3). Praha, 1995. S. 22; Mach J. The Russian People's/Free University in Prague 1923 – 1945 // Prague Perspectives (I): The History of East Central Europe and Russia. Prague, 2004. P. 376.

ветскими паспортами, т.е. с теми документами, с которыми они когда-то покинули Родину. Речь идет, в частности, об историке-архивисте А.Ф. Изюмове и журналисте и общественном деятеле В.Ф. Булгакове. Последнему, кстати, в 1930-е гг. советовал сохранять советский паспорт чехословацкий посланник в Москве доктор Й. Гирса: «После нашего разговора, хорошо обдумав, я пришел к убеждению, что мой совет Вам оставаться и в дальнейшем при советском паспорте правильный, и для Вас гораздо лучше быть подданным существующего государства, чем иметь какие-то неопределенные, временные документы, которые в конце концов должны быть ликвидированы»⁵²¹. В то же время наличие советского гражданства не мешало устроиться на работу в высшие школы Н.Н. Дурново, П.Г. Богатыреву и Р.О. Якобсону. Но во всех трех случаях речь шла о Масариковом университете в Брно.

В целом, несмотря на вполне очевидные противоречия между русскими учеными и чехословацкими коллегами, с обеих сторон бытовали позитивные образы двух наук. Эти образы широко транслировались в периодической печати. Так профессор И.И. Лапшин, живо интересовавшийся философией науки, посвятил одну из своих научно-популярных статей знаменитому востоковеду Бедржиху Грозному. Он служил для него ярким примером «высокоодаренного ученого», умевшего путем творческой работы мысли делать «гениальные догадки»⁵²².

Претензии русских на боязнь конкуренции со стороны местных ученых не всегда можно считать справедливыми. Важно иметь в виду, что у чехословацкой высшей школы просто отсутствовала потребность в большом количестве иностранных специалистов, тем более в тех областях, где могли успешно работать местные научно-педагогические кадры, тесно связанные с местным культурным контекстом и практическими потребностями госу-

⁵²¹ Письмо Й. Гирсы В.Ф. Булгакову // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 598. Л. 5–5а

⁵²² *Лапшин И.И.* Из истории чешской науки: Творческая догадка Бедржиха Грозного // Центральная Европа. 1937. № 5. С. 297.

дарства. В конечно счете, чехословацкая образовательная среда впитывала русских ученых гораздо хуже болгарской или югославской.

§ 3. Российские ученые и чехословацкая научно-исследовательская инфраструктура

Одновременно с развитием высших школ, в межвоенной Чехословакии создавалась сеть государственных научно-исследовательских институтов, которые должны были заниматься решением конкретных, как правило прикладных, проблем. История взаимодействий с ними русских эмигрантов почти не становилась предметом специального рассмотрения.

В 1919 г. в Праге возникло сразу несколько научно-исследовательских организаций. Был создан Государственный геологический институт (Státní geologický ústav Republiky Československé), на который были возложены первоочередные задачи по составлению геологических карт, оценке минеральных и водных ресурсов. Государственный радиологический институт (Státní radiologický ústav) должен был заниматься изучением радиации и ее применения в медицине и промышленности⁵²³. Также следует назвать Чехословацкий государственный метеорологический институт (Československý státní ústav meteorologický) и Чехословацкий государственный гидрологический институт (Československý státní ústav hydrologický). Одновременно с институциями естественнонаучного и технического профиля, создавались организации социально-гуманитарной направленности. На первый взгляд, не все они имели прикладное значение, как, например, созданный в 1919 г. Государственный институт народной песни (Státní ústav pro lidovou píseň), призванный изучать фольклорные традиции народов республики. Однако их деятельность в полной мере соотносилась с идеями чехословакизма, призванными обосновать существование единой полити-

⁵²³ Lorencová A. Historie Státního radiologického ústavu od jeho založení v roce 1919 do roku 1959 // Státní radiologický ústav v Praze: Historie a transformace / Usp. I. Lorencová a L. Žilka. Praha, 2022. S. 7–8.

ческой нации, состоящую из двух равных этнических компонентов. Работа Государственного археологического института (Státní archeologický ústav), открытого в 1919 г., и Чехословацкого историко-издательского института (Československý státní historický ústav vydavatelský), созданного в 1921 г., была направлена на изучение исторических памятников, издание источников, в основном средневековых, и, по сути, на формирование особых «мест памяти». Создание Чехословацкого исторического института в Риме (Československý ústav historický v Římě) в 1923 г. было направлено не только на выявление и изучение документов в итальянских, прежде всего – в ватиканских, архивах, но должно было подчеркнуть международный статус чехословацкой науки. Важные идейные задачи возлагались на Восточный институт (Orientální ústav) и Славянский институт (Slovanský ústav), решение о создании которых было принято в 1922 г. Первый был ориентирован на изучение стран Востока и налаживание с ними научных, культурных и торгово-экономических связей. Он был детищем всемирно известного арабиста, профессора Алоиса Мусила (Alois Musil; 1868–1944), который в 1920 г. предложил конкретную программу развития восточных исследований. Т. Масарик поддержал эту идею⁵²⁴. Второй институт был призван комплексно изучать славянский мир во всем его многообразии. Интересно и показательно, что в процессе создания отраслевых научно-исследовательских институтов, подчиненных разным ведомствам и выполнявшим конкретные государственные задачи, чехословацкие власти наблюдали за схожими процессами в СССР⁵²⁵.

⁵²⁴ *Kořenský J. Vzácní hosté a vážení členové! // Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. II. Sekce (politická). III. Řada. Kart. 246a.*

⁵²⁵ Так в Архиве МИД Чешской республики сохранились донесения дипломатов о создании в Москве Научно-исследовательского института потребления, обмена и распределения, Научно-исследовательского холодильного института при Народном комиссариате торговли, Государственного центрального института физической культуры и др. (Zastupitelství Republiky Česko Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. II. Sekce (politická). III. Řada. Kart. 246a; Zastupitelství Republiky Československé pro SSSR v Moskvě – Ministerstvu zahraničních věcí, čís.1.333/30-VIII, 21.7.1930 // Ibid; Presidium Ministerstva veřejného zdravotnictví a tělesné výchovy Československé republiky – Ministerstvu zahraničních věcí, čís. 3615, 22.9. 1926 // Ibid; Zastupitelství Republiky

В республике продолжали работу научные институты, возникшие еще задолго до чехословацкой независимости. Старейшим объединением было Чешское королевское научное общество (*Královská česká společnost nauk*)⁵²⁶. Оно вело начало с 1769 г., когда в Праге возникло Ученое общество (*Společnost učená*). В 1784 г. оно было преобразовано в Чешское научное общество, получило в свое пользование помещения в Клементинуме и обрело четкую структуру. В 1790 г. с согласия Леопольда II к названию общества добавлена приставка «Королевское». Его деятельность была связана с именами главнейших представителей национального возрождения – Йозефа Добровского, Павла Йозефа Шафарика, Франтишека Палацкого. Общество продолжило работу под историческим названием и после октября 1918 г., размещаясь в величественном здании Национального музея на Вацлавской площади. Помимо действительных членов, число которых к началу XX в. было определено в 30 человек, и которые избирались только из пражан, в Общество могли входить экстраординарные и иногородние члены, а также члены-корреспонденты. Их число не ограничивалось, и среди них могли быть иностранные ученые. Так к 1938 г. в Чешском королевском научном обществе состоял 151 экстраординарный член, 105 иногородних и 107 членов-корреспондентов⁵²⁷. В их числе находим несколько ученых-эмигрантов, избранных в межвоенный период: зоолога М.М. Новикова, геолога Д.Н. Андрусова и физико-химика А.И. Глазунова. При этом членом Чешского королевского научного общества был славист В.А. Францев, но он был избран в его ряды еще до революции⁵²⁸.

Československé pro SSSR v Moskvě – Ministerstvu zahraničních věcí, čís.525/res. hol./, 28.4.1926 // Ibid.

⁵²⁶ См. краткий исторический очерк: *Pokorná M. Královská česká společnost nauk – její místo ve státě, v národě a ve veřejnosti // Učená společnost České republiky 1994–2004 / Usp. F. Šmahel. Praha, 2004. S. 41–51.*

⁵²⁷ *Beran J. Inventář archivního fondu Královské české společnosti nauk. Praha, 1983. S. 2–3.*

⁵²⁸ В 1901 г. он был избран членом-корреспондентом, в 1913 г. – иностранным членом (*Profesorský sbore česke fakulty filosofické, 24. listopadu 1919 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970). Kart. 19. Inv. č. 214.*)

В рекомендации Д.Н. Андрусову к избранию экстраординарным членом говорилось об исключительной важности его геологических исследований в чехословацких Карпатах. Отмечалось, что они основаны на синтезе различных подходов, на «проверенных методах французской и швейцарской школ», которые в то время считались наиболее авторитетными в сфере изучения горных массивов. Все это позволило Д.Н. Андрусову решить на высоком уровне сложные палеогеографические и тектонические проблемы Карпат. В заключении, подписанном такими научными авторитетами, как геолог Франтишек Славик, ботаник Богумил Немец, зоолог Михаил Михайлович Новиков, говорилось: «Сегодня Дмитрий Андрусов – один из лучших специалистов по Карпатам и один из исследователей, которые в последнее время привлекли большое внимание к исследованию Чехословацких Карпат. Работы Андрусова очень известны и высоко ценятся за рубежом»⁵²⁹. В январе 1937 г. Д.Н. Андрусов отправил в Прагу из Словакии благодарственное письмо: «Позвольте мне выразить самую искреннюю благодарность за редкую честь, оказанную мне избранием экстраординарным членом Королевского Чешского научного общества. Я очень ценю это и сделаю все возможное, чтобы своей научной деятельностью всегда показывать себя достойным этой чести. Я всегда буду работать для процветания данного научного общества»⁵³⁰.

Сохранилась и рекомендация А.И. Глазунову для избрания членом-корреспондентом Чешского королевского научного общества, данная в декабре 1936 г. чехословацким химиком, будущим Нобелевским лауреатом Ярославом Гейровским (Jaroslav Heyrovský; 1890–1967)⁵³¹. В ней отмеча-

⁵²⁹ Dr. Dimitrij Andrusov // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 16: Královská česká společnost nauk. Kart. 14. Inv. č. 43.

⁵³⁰ Dopis od D.N. Andrusova České královské společnosti nauk, 25. ledna 1937 // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 16: Královská česká společnost nauk. Kart. 14. Inv. č. 43.

⁵³¹ Научным контактам Я. Гейровского с выходцами из Российской империи посвящена недавняя статья: Kotov V., Laurinavichyute V., Kazyrevič A. Natives of the Russian Empire in the laboratory of Jaroslav Heyrovský // ChemTexts. 2022. Vol. 8. № 21. DOI: 10.1007/s40828-022-00171-4

лись многочисленные заслуги ученого, отмечалось, что его исследования обрели известность на международном уровне. Я. Гейровский подчеркивал, что «в области электрохимии профессор Глазунов разработал метод, позволяющий наблюдать ход кристаллизации катодного осадка при электролизе, и установил влияние факторов электролиза на основные факторы, контролирующие эту кристаллизацию». В числе главных заслуг русского ученого перед мировой наукой, по мнению его чехословацкого коллеги – открытие так называемого электрографического метода⁵³². Несомненный авторитет А.И. Глазунова вкупе с благожелательными рекомендациями предопределил его избрание. 23 января 1937 г. он направил письмо в Чешское королевское научное общество, в котором выражал благодарность за высокую честь стать членом-корреспондентом почтенной организации⁵³³.

Избрание членами Чешского королевского научного общества было знаком признания открытий ученых, причем сделанных именно в Чехословакии. Правда в случае с А.И. Глазуновым это было скорее очередное подтверждение ученых заслуг, поскольку к моменту избрания членом-корреспондентом он уже был членом французского Общества промышленной химии (*Société de Chimie Industrielle*), британского Института железа и стали (*The Iron and Steel Institute*), Американского общества металлов (*The American Society for Metals*), британского Общества Фарадея (*Faraday Society*). На собрании последнего в Лондоне в марте 1935 г. он прочел лекцию о строении металлических покрытий⁵³⁴. Избрание Д.Н. Андрусова подчеркивало важность его исследований для Чехословакии, особенно в свете того факта, что в некоторых направлениях он был первопроходцем (см. подробнее о его исследованиях главу 3, параграф 1). Справедливости ради скажем, что практического значения для их исследовательской работы не имело.

⁵³² Návrh, aby Dr. Alexander Ijič Glazunov... // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 16: Královská česká společnost nauk. Kart. 16. Inv. č. 43.

⁵³³ Dopis profesora A.I. Glazunova České královské společnosti nauk, 29. ledna 1937 // Ibid.

⁵³⁴ Návrh, 9. prosince 1936 // Ibid.

Еще одной важным научным обществом с долгой историей была Чешская академия наук и искусств. Создание собственной академии наук было желанной целью чешской интеллигенции XIX в., одной из важнейших составляющих программы национального возрождения⁵³⁵. Например, в 1860-е гг. важность открытия внеуниверситетского научного учреждения горячо пропагандировал знаменитый физиолог Ян Евангелиста Пуркине (Jan Evangelista Purkyně; 1787–1869). Однако для воплощения этой мечты в жизнь потребовались долгие годы упорных устремлений, ведь Чешские земли находились во власти Габсбургов, и подобные проекты утверждались не столько в Праге, сколько в Вене. Потому создание национальной академии оказалось в неразрывной связи с внутривосточными процессами в империи. 9 октября 1888 г. Чешским земским сеймом было принято решение об открытии Академии, но лишь 23 января 1890 г. император Франц Иосиф одобрил это начинание и утвердил Устав научного объединения. Чешская академия наук, словесности и искусств императора Франца Иосифа (именно так звучало ее первоначальное название – *Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění*) официально открыла свою работу 18 мая 1891 г. Она состояла из четырех отделений (классов). Интересы первого фокусировались в сфере философских и исторических наук, второго – в области естествознания, третьего – в области филологии, работа же четвертого была связана с изобразительным искусством, музыкой и художественной литературой. В состав Академии входили действительные члены, экстраординарные члены, иностранные члены, а до 1923 г. еще и члены-корреспонденты. Академия развернула широкую публикаторскую деятельность. В период с 1891 по 1952 гг. она регулярно посылала труды своих членов в более чем 300 учреждений в 40 странах мира⁵³⁶. Она

⁵³⁵ Štrbáňová S. Patriotism, Nationalism and Internationalism in Czech Science: Chemists in the Czech National Revival // *The Nationalization of Scientific Knowledge in the Habsburg Empire (1848–1918)* / Ed. by M.G. Ash, J. Surman. Basingstoke, 2012. P. 138–156.

⁵³⁶ Pokorná M. Zahraniční kontakty České akademie věd a umění // *Česká akademie věd a umění. 1891–1991*. Praha, 1993. S. 68.

также руководила научными комиссиями, как, например, Лексикографической и диалектологической, на которую была возложена подготовка словаря чешского языка⁵³⁷. Помимо издательской работы Академия занималась распределением научных стипендий и финансированием отдельных конкретных исследований, включая оплату экспедиций, исследовательских поездок в иностранные архивы и библиотеки. На Академию же были возложены функции представительства чешской науки на международной арене. Тем не менее, Чешская академия наук и искусств долгое время не имела регулярных институциональных контактов с иностранными академиями (что, правда, не исключало контактов с отдельными иностранными учеными, о чем будет сказано дальше). Лишь в 1910–1911 гг. академии наук в Петербурге, Праге, Софии, Белграде, Загребе и Кракове начали обсуждение проекта о создании Союза славянских академий. Эти попытки в итоге были оборваны Первой мировой войной⁵³⁸.

Вскоре после провозглашения независимой Чехословакии, 10 ноября 1918 г. Академия была переименована в Чешскую академию наук и искусств. В 1919 г. она стала участницей Международного академического союза. В 1928 г. из естественнонаучного отделения были выделены физико-математическое, химико-минералогическо-геологическое, биологическое, медицинское и техническое. Хотя в годы Первой республики научное объединение пережило серьезные трансформации, оно продолжало оставаться своего рода клубом ученых и деятелей культуры, что, впрочем, было характерно для большинства академий того времени. Первые научные институты в составе Чешской академии наук и искусств возникнут лишь после Второй мировой войны.

Поскольку Устав 1890 г. провозглашал важность развития международных связей чешской науки, это предопределило создание системы членства

⁵³⁷ Archiv Československé akademie věd: průvodce po archivních fondech. Praha, 1962; S. 29–30; Hoffmannová J. Institucionální zázemí humanitních a sociálních věd v českých zemích v letech 1848–1952. Praha, 2009. S. 167.

⁵³⁸ Pokorná M. Zahraniční kontakty České akademie věd a umění. S. 71

иностранных ученых и деятелей культуры. Они избирались по представлению кого-либо из действительных членов Чешской академии, но инициатива могла исходить и от зарубежных институций. Число иностранных членов ограничивалось 20 в каждом отделении (классе). Избрание должно было утверждаться императором, а после создания независимой Чехословакии – правительством республики. Было подсчитано, что за время существования Академии в ее ряды было избрано 202 иностранца, однако кандидатуры 37 из них не были утверждены. Наибольшее число избраний пришлось на 1948 г., когда отмечалось 600-летие Карлова университета (тогда было избрано сразу 34 иностранца). Большинство иностранных граждан были представителями Франции (33), вслед за ней шли Российская империя/ СССР и Югославия с равным числом представителей (27). Большая часть иностранцев была избрана по Первому отделению (историко-философскому), в то время как Второе отделение (естественнонаучное) имело наименьшее число таких членов⁵³⁹.

Первым российским ученым, ставшим иностранным членом Чешской академии наук и искусств, был знаменитый химик Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907). Его избрание в 1892 г. было связано не просто с высоким авторитетом первооткрывателя Периодического закона химических элементов, но и с популярностью в чешской научной среде. Д.И. Менделеев однозначно представлялся в ней как славянский гений. Учеными было отмечено, что такое восприятие во многом генерировалось чешско-немецким интеллектуальным антагонизмом той поры. В 1880–1890-е гг. многие чешские химики стремились переориентироваться в рабочих контактах на славянских коллег. Славянская наука должна была заменить прежние связи с немецкой наукой. Еще в 1880 г. Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров и Н.А. Меншуткин первыми среди иностранцев были из-

⁵³⁹ *Beran J.* Foreign Relation of the Royal Bohemian Society of Science and the Czech Academy of Science and Arts from 1851 to 1914 // *Acta historiae rerum naturalium necnon technicarum.* 1977. T. VII. P. 49–86; *Pokorná M.* Zahraniční kontakty České akademie věd a umění. S. 70.

браны почетными членами Чешского химического общества (Česká společnost chemická)⁵⁴⁰.

Популярности Д.И. Менделеева, а равно и пропаганде его идей в Европе, способствовал его друг и коллега чешский химик Богуслав Браунер (Bohuslav Brauner; 1855–1935). Именно он в 1877 г. познакомил чешскую общественность с открытием русского ученого, написав о нем статью в журнале «Химические страницы» (Listy Chemické)⁵⁴¹. С 1881 г. начались эпистолярные контакты между двумя химиками⁵⁴². Осенью 1883 г. они лично познакомились в Петербурге. Впоследствии Браунер и Менделеев еще дважды встретятся лично (в Праге в марте 1900 г. и в Петербурге зимой 1901 г.)⁵⁴³. Б. Браунер на протяжении всей жизни будет хранителем и пропагандистом менделеевского наследия, видя в нем важнейшую составляющую славянской науки: «“Культурный» Запад был вынужден отбросить недоверие к русскому гению и признать его первым химиком современности, основоположником современной неорганической химии»⁵⁴⁴. В феврале 1934 г. вместе с русскими учеными-эмигрантами Б. Браунер выступил на памятном вечере в честь Д.И. Менделеева, который был организован в Праге Чешской академией наук и искусств совместно с Научно-исследовательским объединением при Русском свободном университете⁵⁴⁵.

Подобные примеры личных взаимоотношений ученых свидетельствуют не только о высоком авторитете русской науки, но одновременно о русофильских ориентирах значительной части чешского общества в то время. В

⁵⁴⁰ Štrbáňová S. Nationalism and the Process of Reception and Appropriation of the Periodic System in Europe and the Czech Lands // Early Responses to the Periodic System / Ed. by M. Kaji, H. Kragh, G. Palló. Oxford, 2015. P. 139–140.

⁵⁴¹ Ibid. P. 131.

⁵⁴² Dopisy Dimitrije I. Mendělejeva českému chemiku Bohuslavu Braunerovi. Praha, 1952; Ondráčková B. Poslední dopis D.I. Mendělejeva Bohuslavu Braunerovi // Dějiny věd a techniky. 1974. T. 7. S. 172–175. См. также: Кедров Б.М., Ченцова Т.Н. Браунер – сподвижник Менделеева. М., 1955.

⁵⁴³ Štrbáňová S. Op. cit. P. 127; Jindra J. Velcí chemici – Mendělejev a Brauner // Česko-Ruské vztahy v 19. a 20. století. Praha, 2011. S. 407.

⁵⁴⁴ Brauner B. Dimitrij Ivanovič Mendělejev // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 1: Česká akademie věd a umění. Kart. 212. Inv. č. 259.

⁵⁴⁵ Pozvánka na vzpomínkový večer 7. února 1934 // Ibid.

этой связи закономерным выглядит избрание в 1904 г. в иностранные члены Чешской академии Александра Николаевича Пыпина (1833–1904), выдающегося литературоведа, историка, этнографа и горячего поборника славянского культурного сближения⁵⁴⁶, и В.А. Францева, одной из ключевых фигур в истории российско-чешского научного диалога, в 1905 г.⁵⁴⁷

В 1920–1930-е гг. Чешская академия наук и искусств активно взаимодействовала с беженцами из бывшей Российской империи. Так в Праге оказались уже упомянутый В.А. Францев и Н.П. Кондаков, который был избран иностранным членом академии в 1899 г.⁵⁴⁸ Вполне закономерно в списке иностранных членов межвоенного времени находим имена выдающихся эмигрантских деятелей культуры – композитора Игоря Федоровича Стравинского (1882–1971) и писателя Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865–1941). И.Ф. Стравинский гастролировал в Праге в ноябре 1924 г. и в феврале 1930 г., и оба раза его принимали с необычайным энтузиазмом. В 1930 г. с композитором встречался президент Т. Масарик⁵⁴⁹. Музыка И.Ф. Стравинского часто звучала в межвоенной Чехословакии, на пражских подмостках ставились его оперы и балеты. Д.С. Мережковского знакомство с Т. Масариком связывало еще с дореволюционных времен. Живя в эмиграции, писатель получал материальную поддержку от правительства республики, о чем свидетельствуют его благодарственные письма к президенту⁵⁵⁰. Книги Д.С. Мережковского переводились на чешский язык и пользовались большой популярностью.

⁵⁴⁶ См. подробнее: *Аксенова Е.П.* А.Н. Пыпин о славянстве. М., 2006.

⁵⁴⁷ Письмо А.Н. Пыпина, 17 января 1904 г. // *Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 1: Česká akademie věd a umění. Kart. 213. Inv. č. 259*; Письмо В.А. Францева, 25 июня 1905 г. // *Ibid. Kart. 211. Inv. č. 259*

⁵⁴⁸ Письмо Н.П. Кондакова в Чешскую Императорскую Франца Иосифа Академию Наук, 8 августа 1899 г. // *Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 1: Česká akademie věd a umění. Kart. 211. Inv. č. 259.*

⁵⁴⁹ *Инов И.* Литературно-театральная, концертная деятельность беженцев-россиян в Чехословакии (20–40е годы XX века). Прага, 2003. Ч. 2. С. 76–77.

⁵⁵⁰ *Korespondence. T.G. Masaryk – Slované. Sv. 2: Rusové a Ukrajinci. Praha, 2016. S. 320–321, 474–475, 478, 506, 513–514, 542, 544, 572.*

В 1930-е гг. иностранным членом был избран выдающийся антиковед, академик Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952), эмигрировавший из России в 1918 г. Однако по неясной до конца причине процесс выдвижения, избрания и согласования его кандидатуры занял два года. Имя М.И. Ростовцева было неразрывно связано с межвоенной Чехословакией благодаря его деловым связям с Археологическим институтом имени Н.П. Кондакова. Среди непосредственно чешских контактов необходимо назвать историка и филолога-классика Йозефа Добиаша (Josef Dobiáš; 1888–1972). Пока неясно, встречались ли ученые лично. Однако доподлинно известно, что в 1930 г. Й. Добиаш послал М.И. Ростовцеву свою фундаментальную работу о римлянах в Сирии⁵⁵¹, и что эта книга получила очень высокую оценку со стороны русского историка⁵⁵².

Патронаж чехословацкого правительства над русской эмиграцией выходил далеко за пределы славянской республики. Равно и Чешская академия наук и искусств стремилась поддержать русских ученых и деятелей культуры в разных странах мира. Например, в 1920-е гг. она оказывала помощь Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер (Франция)⁵⁵³. При помощи Академии ряд русских ученых-эмигрантов получил возможность публикации своих исследований, а также организации научных командировок.

Особое место среди всех научно-исследовательских организаций заняла Масарикова академия труда (Masarykova akademie práce), открытая в 1920 г.⁵⁵⁴ Ее создатели, руководствуясь технократическими идеями, стре-

⁵⁵¹ Dobiáš J. Dějiny Římské provincie Syrské. Praha, 1924.

⁵⁵² Dopis J. Dobiáše M.I. Rostovtsevovi // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 277: Dobiáš Josef. Kart. 10. Koresp. Rostovtzeff M.

⁵⁵³ См. подробнее: Ульянкина Т.И. Русская акция помощи и судьба Русской зоологической станции имени профессора А.А. Коротнева в Вильфранш-сюр-Мер (1921–1935) // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие. Прага, 2012. С. 151–162; Она же. Михаил Михайлович Новиков. М., 2015. С. 215–235.

⁵⁵⁴ О ее деятельности см. подробнее: Těšínská E. Vznik Masarykovy akademie práce: technokratické tendence a účast přírodovědců / Usp. J. Janko a E. Těšínská. Technokracie v českých zemích (1900–1950). Praha, 1999. S. 103–134; Těšínská E., Schwippel J. Jindřich.

мились наладить экспертную работу в научно-технической области для поддержки разных отраслей экономики. Развитие страны требовало научного подхода, междисциплинарных подходов, связи фундаментальных и прикладных исследований. Создание Академии исполняло давние чаяния чешских инженеров, которые ранее выступали за создание технического отделения при Чешкой академии наук и искусств. Потребности молодого государства и желания инженерного сообщества соединились⁵⁵⁵. Работа Масариковой академии труда распределялась между шестью отделами: естественно-медицинским, сельскохозяйственным и лесным, гражданского строительства, машиностроения и электротехники, химико-технологическим, народнохозяйственным и социальным⁵⁵⁶. Помимо того, создавались профильные институты – Психотехнический, Промышленно-технической экономики, Городского строительства и др. Если искать некий отечественный аналог, то ближе всего к ней по целям и задачам стоит Комиссия по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС), начавшая работу в 1915 г. под руководством В.И. Вернадского.

Масарикова академия труда была заинтересована в получении новейшей научно-технической информации, в том числе одновременно из среды русской научной эмиграции и из Советской России. Но совместить эти интересы оказалось непросто, что наглядно проявилось в процессе организации в Праге выставки научной литературы. 1 июня 1923 г. в Праге был учрежден Комитет русской книги, который поставил первоочередной задачей проведение выставки русских зарубежных изданий. Из документов следует, что по единогласному решению подготовительного комитета выставки было решено включить в нее и книги, изданные в Советской России. Однако, поскольку книгоиздание там монополизировано государством, эмигран-

Masarykova akademie práce // *Bohemia docta: k historickým kořenům vědy v českých zemích.* / Usp. A. Mišková, M. Franc, A. Kostlán. Praha, 2010. S. 286–331.

⁵⁵⁵ Pokorný J. *Čeští inženýři 1867–1939 // Profesionalizace akademických povolání v českých zemích v 19. a první polovině 20. století.* Praha, 1996. S. 120.

⁵⁵⁶ Tolman B. *Masarykova akademie práce, její vznik, účel, vývoj a organisace.* Praha, 1924. S. 8.

там пришлось бы вступать в контакт с властями, которые они не признают. Невозможность прямого общения вырисовывалась уже из того факта, что «Прага сегодня официально признана духовным центром русской эмиграции»⁵⁵⁷. Масарикова академия была готова взять на себя роль посредника, поскольку она «является чисто научным учреждением и признана таковой во всем мире», и поскольку любая политическая пропаганда в ее работе исключена. Важность знакомства с советской научной литературой объяснялась уже тем фактом, что в Советской России выходит очень много значимых исследований об открытии новых месторождений, например о залежах железной руды под Курском или золота на Алтае⁵⁵⁸.

Комитет русской книги рассчитывал на помощь Масариковой академии труда, подчеркивая намерение презентовать на планируемом мероприятии именно научную и учебную, а не политическую литературу. При этом гарантировалось, что советские издательства смогут представить свои книги на равных. Председатель Центральной книжной палаты в Москве Н.Ф. Яницкий поддержал идею о проведении совместной выставки. Вскоре, однако, выяснилось, что Торгпредство СССР в Праге сочло предложения эмигрантского Комитета неприемлемыми. В результате в 1924 г. в чехословацкой столице прошло два отдельных мероприятия – Выставка советской книги (16–22 марта) и Выставка русской книги (июнь)⁵⁵⁹.

Несмотря на неудачу, Масарикова академия труда продолжала сотрудничать с эмигрантскими учеными, разумеется, на сугубо неполитической основе. В июле 1925 г. несколько русских ученых-эмигрантов были избраны ее членами: А.И. Глазунов, А.С. Ломшаков, Г.Г. Кривошеин⁵⁶⁰. Все они

⁵⁵⁷ Dopis prezidia Masarykovy akademie práce, 20. června 1923 // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 19: Masarykova akademie práce. Kart. 201. Inv. č. 600.

⁵⁵⁸ Ibid.

⁵⁵⁹ *Кратц Г.* Зарубежная русская книга на книжных выставках в Советской России (1921–1923) – Советская на выставках в странах Русского зарубежья (1924–1928) // Toronto Slavic Quarterly. 2010. Vol. 34. P. 70–71; *Страка Й.* Выставка советской книги в Праге в марте 1924 года // Книга. Исследования и материалы. Т. 3. М., 1960. С. 462–464.

⁵⁶⁰ Dopis zástupce ředitele V. Fialy generálnímu tajemníkovi profesoru B. Tolmanovi, 10. července 1925 // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 19:

на тот момент уже были профессорами чехословацких учебных заведений: первый – в Высшей горной школе в Пржибраме, второй и третий – в Чешском высшем техническом училище. Все трое были международно признанными экспертами в своих областях: А.И. Глазунов – в физикохимии, А.С. Ломшаков – в теплотехнике, Г.Г. Кривошеин – в строительной инженерии⁵⁶¹. Что касается Г.Г. Кривошеина, то он начал сотрудничать с Академией еще в 1923 г. Так 5 марта 1923 г. он прочел там лекцию о водных ресурсах России, состоянии и перспективах гидроэнергетики. Крайне примечателен финал его выступления, наполненный верой в скорое возрождение России и крепкое двустороннее сотрудничество: «В этом великом восстановлении России вы, чехи, наши друзья, могли бы помочь своей богато развитой промышленностью и своими техническими силами. В России не так-то просто будет восстановить машиностроительные заводы, в то время как Ваша промышленность в этом отношении находится в полном расцвете, и особенно на высоком уровне находится изготовление турбин и больших генераторов. Целью моего доклада было привлечь ваше внимание к этому виду промышленности (гидроэнергетике – *М.К.*), в котором Чехословакия нашла бы большой рынок и смогла бы конкурировать с государствами, пытающимися подчинить себе Россию. Мы, русские, как ваши гос-

Masarykova akademie práce. Kart. 24. Inv. č. 317. Членом Масариковой академии труда также стал украинский геолог Александр Николаевич Орлов (1899–1948).

⁵⁶¹ Хотя Г.Г. Кривошеин сотрудничал с Академией еще с 1923 г. Так 5 марта 1923 г. он прочел там лекцию о водных ресурсах России, состоянии и перспективах гидроэнергетики. Крайне примечателен финал его выступления, наполненный верой в скорое возрождение России и крепкое двустороннее сотрудничество: «В этом великом восстановлении России вы, чехи, наши друзья, могли бы помочь своей богато развитой промышленностью и своими техническими силами. В России не так-то просто будет восстановить машиностроительные заводы, в то время как Ваша промышленность в этом отношении находится в полном расцвете, и особенно на высоком уровне находится изготовление турбин и больших генераторов. Целью моего доклада было привлечь ваше внимание к этому виду промышленности (гидроэнергетике – *М.К.*), в котором Чехословакия нашла бы большой рынок и смогла бы конкурировать с государствами, пытающимися подчинить себе Россию. Мы, русские, как ваши гости в Чехии, взываем к вам: “При восстановлении России, добро пожаловать к нам!”» (*Krivošeín G.G. Vodní síly v Rusku. Praha: Masarykova Akademie práce, 1923. S. 14.*)

ти в Чехии, взываем к вам: “При восстановлении России, добро пожаловать к нам!”»⁵⁶².

Чешскими исследователями установлено, что несколько эмигрантов получили премии от Масариковой академии труда за свои исследования и разработки. В их числе – Александр Михайлович Миркович (1880–1938), участвовавший в реконструкции пражского железнодорожного узла, и работавший в Брно агроном Владимир Вильгельмович Альмендингер (1895–1974)⁵⁶³.

Вернемся к созданию новой научно-исследовательской инфраструктуры. Широта поставленных задач, вполне естественно, требовала решения кадрового вопроса. Республика нуждалась в квалифицированных специалистах. Из архивных материалов известно об участии некоторых русских ученых-эмигрантов в деятельности новых институций. Однако кажется, что до середины 1920-х гг. подобных примеров было немного. Связано это было с несколькими причинами. С сугубо юридической точки зрения, подавляющее большинство беженцев не были чехословацкими гражданами, не стремились к его получению, надеясь на скорое возвращение домой. Отсутствие же паспорта ограничивало возможности занятия постоянных должностей в местных организациях. Потому нередко русские ученые выступали как внештатные приглашенные эксперты. Таковым был почвовед и гидрогеолог П.В. Отоцкий.

В Масариковом институте и Архиве Академии наук Чешской Республике сохранилась записка чешскому гидрологу Яну Сметане (Jan Smetana, 1883–1962), составленная русским профессором П.И. Новгородцевым 5 марта 1923 г., в которой тот сообщал, что П.В. Отоцкий в данный момент проживает в Праге в отеле «Беранек»⁵⁶⁴. Я. Сметана был прекрасно осве-

⁵⁶² *Krivošein G.G. Vodní síly v Rusku. Praha, 1923. S. 14.*

⁵⁶³ *Гашкова Д., Копришова А., Белошевская Л., Янчаркова Ю., Гаген С. Указ. соч. С. 32, 302.*

⁵⁶⁴ Письмо П.И. Новгородцева к Я. Сметане, 5 марта 1923 г. // *Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 420: Jan Smetana. Signatura II b – 1. Kart. 4.*

домлен о работах российских коллег, включая П.В. Отоцкого. Последний сотрудничал с возглавляемым Я. Сметаной Государственным гидрологическим институтом (*Státní ústav hydrologický*), основанным 19 декабря 1919 г., работу которого курировал лично президент Т. Масарик. Республика нуждалась в научных экспертах, которые занимались бы проблемами рационального водопользования, проектированием и обслуживанием гидротехнических сооружений, оценкой качества водных ресурсов, экспериментами в области механики грунтов в связи с воздействием воды и др. Институт также методически курировал работу региональных гидрографических в Праге, Брно, Опаве, Братиславе и Ужгороде⁵⁶⁵.

В этом контексте исследования П.В. Отоцкого, которые он начал еще до революции, оказывались чрезвычайно востребованными и нужными. Именно при поддержке института в 1926 г. издан важный труд ученого – монография «Режим грунтовых вод и его зависимость от атмосферных факторов»⁵⁶⁶. Примечательно, что книга открыла серию тематических изданий института. В кратком предисловии к ней Я. Сметана отметил, что публикацией фундаментального труда П.В. Отоцкого его институт не только очерчивает свою научную программу, но также выражает уважение и симпатию к делу жизни выдающегося славянского ученого⁵⁶⁷. 9 ноября 1927 г. П.В. Отоцкий посетил Канцелярию Президента Чехословацкой республики и попросил передать изданную книгу в дар Масарику «вместе с выражением глубокого почтения»⁵⁶⁸.

На этой работе следует остановиться особо, ибо она осталась почти незамеченной на родине автора. П.В. Отоцкий в предисловии сообщал, что

⁵⁶⁵ *Výzkumný ústav vodohospodářský T.G. Masaryka, veřejná výzkumná instituce. 90 let: 1919–2009 / Odp. red. J. Smrťák. Praha, 2009. S. 4–6.* В 1930 г. Государственный гидрологический институт будет объединен с Государственным гидротехническим институтом и получит название – Государственный исследовательский гидрологический и гидротехнический институт имени Т.Г. Масарика (*Státní výzkumné ústavy hydrologický a hydrotechnický T.G. Masaryka*).

⁵⁶⁶ *Otockij P.V. Režim podzemních vod a jeho závislost od vzdušných činitelů. Praha, 1926.*

⁵⁶⁷ *Ibid. S. 7.*

⁵⁶⁸ *Záznam ze dne 9. listopadu 1927 // Archiv Kanceláře Presidenta republiky. D 5854/27.*

книга была в значительной степени написана уже в годы эмиграции, но являлась при этом естественным продолжением фундаментального научного труда «Грунтовые воды», две части которого вышли еще до революции⁵⁶⁹. Отоцкий сожалел, что нелегкие условия эмигрантской жизни не слишком благоприятствовали научной работе и не могли не отразиться на точности, проработанности и полноте книги. Для него оказались недоступными не только многие необходимые материалы, особенно русские, но даже собственные ранние работы⁵⁷⁰. П.В. Отоцкий признавал, что завершать работу ему пришлось в отрыве от какой-либо лаборатории и без необходимого оборудования. Но особенно он сожалел о том, что третья часть его научного труда печатается не по-русски: «Во всем этом есть много лично грустного. Но я все же рад напечататься на языке братского народа, который к тому же для нас, русских научных работников, совершил незабываемое дело: собрал научные силы, распыленные по Европе и Африке, предоставил им у себя убежище и возможность продолжить работу. Я хочу использовать возможность, чтобы сказать этому братскому народу сердечное русское “спасибо”»⁵⁷¹.

Нельзя не заметить эклектичности композиции книги. Ее жанр можно определить как серию очерков. Впрочем, на это была объективная причина, которую объяснил сам автор – тяжелые условия работы на чужбине и оторванность от прежней научной среды. П.В. Отоцкий пытался обобщить итоги исследований, проведенных накануне и в годы Первой мировой войны, например результаты опытов по изучению давления воздуха в почве, поставленных на Воронежской опытной станции в октябре 1915 – июле 1916 г. Свои собственные наблюдения он соотнес с выводами профессора Геннадия Андреевича Любославского (1860–1915), к которому на протяжении всей жизни относился с огромным почтением. Этот ученый умер, не

⁵⁶⁹ *Отоцкий П.В.* Грунтовые воды их происхождение, жизнь и распределение. Грунтовые воды и леса, преимущественно на равнинах средних широт. Ч. 1–2. СПб., 1905.

⁵⁷⁰ *Otockij P.V.* Režim podzemních vod. S. 14.

⁵⁷¹ *Ibid.* S. 9.

успев завершить начатых работ. Но его ученики – Л.Ф. Рудовиц (1879–1966) и В.Н. Оболенский (1877–1942) – познакомили Отоцкого с рукописями учителя: «Этот материал, весьма ценный для науки вообще, оказался для меня необычайно ценным и важным с той позиции, что он подтверждал главные мои выводы, хотя наши исследования шли разными путями»⁵⁷².

П.В. Отоцкий предполагал обработать материал, завершить работу Г.А. Любославского и опубликовать ее. Однако революция сорвала его планы: П.В. Отоцкий оказался вдалеке от Родины, а все рукописи погибли в годы лихолетья. К счастью, ученый сохранил все цифровые выкладки и диаграммы, увезя их с собой за границу. Это позволило восстановить в некотором виде первоначальный текст, пусть даже в конспективной и краткой форме. В силу этих обстоятельств автор понимал несовершенство своего труда и предлагал рассматривать его всего лишь как первый шаг на очень длинном пути исследований. Он твердо верил, что после издания книги появится цикл более глубоких работ, выполненных с применением более совершенных технических средств.

В монографии освещены проблемы влияния температуры почвы на грунтовые воды, вопросы о влажности почвы, причинах колебания уровня грунтовых вод в разные сезоны, воздействия атмосферных осадков на почву и грунтовые воды и пр. П.В. Отоцкий уточнял, что в своей работе делал упор на изучение грунтовых вод в равнинных областях умеренных широт. Соответственно свои выводы он соотносил именно с этим регионом. В своей книге П.В. Отоцкий доказывал отсутствие прямой зависимости между влажностью почвы и изменением уровня грунтовых вод, но одновременно отметил связь между этим явлением и температурой почвы, атмосферным давлением, осадками и испарением. Проводя эксперименты по скважинам, он установил, что при увеличении температуры почвы уровень воды в них всегда поднимался. Атмосферное давление он признавал одним

⁵⁷² Ibid. S. 13.

из важных физико-географических компонентов, влиявших на изменение уровня грунтовых вод. При возрастании давления, уровень воды в колодцах падал, поток воды в родниках уменьшался, и наоборот. Однако П.В. Отоцкий признавал, что влияние атмосферного давления легко нивелируется другими факторами, такими как температура, осадки, механическое воздействие и т.д.

П.В. Отоцкий, как и прежде, выступал критиком теории инфильтрации. Движение грунтовых вод, по его мнению, не вызвано поступлением атмосферных осадков в водоносные горизонты. Основываясь на собственных лизиметрических наблюдениях, он пришел к выводу, что инфильтрация осадков на значительной глубине имеет место лишь в исключительных случаях и только в определенных местах. П.В. Отоцкий признавал необходимым дальнейшее изучение грунтовых вод на основе совершенствования исследовательских методик и применения нового оборудования. Он говорил о том, что наукой еще не изучены в полной мере воздействие на них космических, биологических и сейсмических факторов. В заключении работы выражалась надежда на то, что судьба даст автору возможность завершить исследования о процессах конденсации, а также механическом и сейсмическом воздействии на грунтовые воды, и подготовить следующий том монографии.

Публикация книги на чешском языке ввела Павла Владимировича в ученые круги республики. В 1920–1930-х гг. он неоднократно представлял Чехословакию на международных научных мероприятиях. В июле 1919 г. в Брюсселе был основан Международный геодезический и геофизический союз (*Union géodésique et géophysique internationale*), а в мае 1922 г. в Риме состоялось первое заседание его генеральной ассамблеи (*Conseil international de recherches*). Тогда же было высказано предложение о создании внутри союза специальных отделений, в том числе отделения гидрологических наук (ныне – Международная ассоциация гидрологических наук). Эта идея получила свое окончательное оформление на генеральной ассамблее в

Мадриде в октябре 1924 г.⁵⁷³ Членами отделения было предложено стать научным организациям, занимающимся вопросами гидрологии, а также отдельным ученым. Первыми откликнулись ученые из Испании, Египта, Франции, Италии, Польши, Швеции, Швейцарии и Чехословакии, затем – Бельгии, Канады, Мексики. Отоцкий стал членом отделения и в этом качестве принимал участие в собрании исполнительного комитета (*Comité executive de la Section*) в Женеве в апреле 1927 г., созванного для подготовки заседания III генеральной ассамблеи союза в Праге в сентябре 1927 г. В ходе встречи был решен ряд организационных вопросов, среди них – утверждение шести научных секций, одна из которых должна быть посвящена изучению грунтовых вод. Ее председателем стал французский гидрогеолог Эдуард Имбо (*Charles Édouard Augustin Imbeaux*, 1861–1943), а П.В. Отоцкий был избран секретарем⁵⁷⁴. Заседания отделения состоялись в Праге 1–7 сентября 1927 г. В качестве достижения чехословацкой гидрологии был презентован труд П.В. Отоцкого, которого на заседаниях называли «ведущим специалистом в области грунтовых вод»: «Посвятив практически всю свою жизнь изучению гидрологии, господин Отоцкий вывел оригинальные концепции в отношении некоторых проблем гидрогеологии»⁵⁷⁵. Сам ученый прочел доклад о причинах наводнений в равнинных странах, в частности, в Бельгии, который вызвал большой интерес и был предложен руководству отделения для публикации в «Бюллетене»⁵⁷⁶.

Пока не удалось установить, принимал ли Павел Владимирович непосредственное участие в создании Международного общества почвоведения (*International Union of Soil Sciences*), начало работы которому положено на подготовительном совещании в Риме в мае 1924 г.⁵⁷⁷ Однако доподлинно

⁵⁷³ Réunion plénière de la Section (Prague, Septembre 1927). Venezia, 1928. P. 7.

⁵⁷⁴ Réunion de Comité executive de la Section (Génève 1927): Notes et communications. Venezia, 1927. P. 5–7, 31; Réunion plénière de la Section (Prague, Septembre 1927). P. 14.

⁵⁷⁵ Réunion plénière de la Section (Prague, Septembre 1927). P. 28.

⁵⁷⁶ Ibid. P. 38.

⁵⁷⁷ *Baren H., van, Hartemink A.E., Tinker P.B.* 75 years The International Society of Soil Science // *Geoderma*. 2000. Vol. 96. № 1–2. P. 3–5.

известно о его выступлении на заседаниях шестой комиссии общества в голландском Гронингене 18–23 июля 1932 г. Участие в нем П.В. Отоцкого было закономерным, ибо одним из главных вопросов научной встречи стало обсуждение влияния атмосферных факторов на почвы, воздействия грунтовых вод на почвы и др. Таким образом, обсуждались те сюжеты, которые интересовали П.В. Отоцкого и в которых он считался признанным специалистом. Крупнейший голландский гидрогеолог Ян Верслюс (Jan Versluys; 1880–1935)⁵⁷⁸ выступавший ведущим секции «Почвы и воды», сделал исторический обзор изучения вопроса о происхождении грунтовых вод, начиная с французского естествоиспытателя XVI в. Бернара Палисси (Bernard Palissy, 1510–1589) и до современности, сосредоточив свое внимание на полемике приверженцев теорий инфильтрации и конденсации. Сам он в большей степени склонялся к сторонникам последней, а потому особо отмечал вклад П.В. Отоцкого⁵⁷⁹. Русский профессор был польщен таким отношением к нему со стороны коллег, а потому заметил: «Я очень рад, что выводы из моих исследований почти такие же, как и у моих младших коллег (за исключением роли температуры)»⁵⁸⁰. Значительная часть участников собрания поддержала выводы П.В. Отоцкого о влиянии давления воздуха в почве на уровень грунтовых вод и величину стока, хотя и не обошлось без критики, в частности, со стороны немецкого гидрогеолога Вернера Кёне (Werner Koehne; 1881–1963)⁵⁸¹. Интересно, что в этой же конференции участвовали ученые из СССР – одесский профессор Н.Н. Куртяков, один из основоположников советского мелиоративного почвоведения Л.П. Розов, С.В. Астапов из Всесоюзного научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации в Москве.

⁵⁷⁸ History of Hydrogeology / Ed. by E. Howden, J. Mather. New York, 2013. P. 164.

⁵⁷⁹ Transactions of the Sixth Commission of the International Society of Soil Science: Comptes rendus de la sixième commission de l'Association internationale de la science du sol: Verhandlungen der sechsten Kommission der Internationalen bodenkundlichen Gesellschaft / Ed. by O. Fauser. Groningen: International Society of Soil Science, 1933. Vol. B. P. 134, 136, 138.

⁵⁸⁰ Ibid. P. 139.

⁵⁸¹ Ibid. P. 153, 157–158.

Русской молодежи и ученым средних лет было гораздо проще, чем представителям старшего поколения русских ученых, интегрироваться в систему чехословацких научно-исследовательских институтов. Причин было несколько: они получали образование или завершали его в чехословацких высших учебных заведениях, защищали там диссертации, что уже предопределяло интеллектуальную интеграцию, и, что особо важно, стремились к получению чехословацкого гражданства. Так выпускник сельскохозяйственного и лесного отделения Чешского высшего технического училища в Праге Владимир Петрович Клонов (1890/1892?–1945), защитивший диссертацию по экономике сельского хозяйства⁵⁸², работал в Государственном исследовательском сельскохозяйственном институте (*Státní výzkumný ústav zemědělský*). Также он сотрудничал с Сельскохозяйственным учетно-управленческим институтом (*Zemědělský ústav účetnicko-spravovnědný*)⁵⁸³, активно публикуя в его журнале «*Zemědělský archiv*» исследования по экономике животноводства, ценообразованию на сельскохозяйственную продукцию, оценке рентабельности сельского хозяйства⁵⁸⁴. Исследования В.П. Клонова получили известность в Центральной и Восточной Европе. Известно, что в 1934 г. по заказу Польского института сельскохозяйственной экономики и счетоводства он готовил статью о народнохозяйственном значении животноводства, в основу которой легли результаты его «разработки корреляционным методом счетоводственных и бюджетных данных Польши, Чехословакии и Дании»⁵⁸⁵.

⁵⁸² 524. Klonov Vladimír // *Archiv Českého vysokého učení technického v Praze. Sbirka «Matrika doktorů Českého vysokého učení technického v Praze»*.

⁵⁸³ Этот институт возник в 1919 г. на основе реорганизованного Института сельскохозяйственного учета (*Ústav pro zemědělské účetnictví*), который вел свою работу с 1912 г. См.: *Honcová J. Výzkumný ústav zemědělské ekonomiky v letech 1951–1968 // Paginae historiae: sborník Národního archivu. Sv. 16. Praha, 2008. S. 279.*

⁵⁸⁴ См. библиографию его основных работ: *Řeháková M., Vacek J., Rachůnková Z. Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945. Praha, 1996. Sv. 1. S. 320–322.*

⁵⁸⁵ Письмо В.П. Клонова к Е.Д. Кусковой, 7 августа 1934 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 221. Л. 1.

Тем не менее, формы сотрудничества В.П. Клонова с указанными чехословацкими институциями еще предстоит выяснить: был ли он штатным сотрудником, и, если да, то где именно, получал ли он сдельную заработную плату и т.д. Известные на сегодняшний день документы не дают возможности ответить на эти вопросы. Увы, это типичная и частая история. Профессиональные траектории русских ученых-эмигрантов в чехословацких научно-исследовательских институциях трудно проследить ввиду дефицита архивных источников. По всей видимости, кадровое делопроизводство в них было налажено хуже, чем в высших школах. Это обстоятельство предопределило скудость основных источников. Тем не менее, архивные источники позволяют во всей полноте реконструировать одну из таких карьер, которая оказалась вписана одновременно в русский, чехословацкий и международный контекст. Речь идет об ихтиологе Борисе Сергеевиче Костомарове.

Ихтиолог Б.С. Костомаров еще в годы учебы в Высшей сельскохозяйственной школе в Брно вошел в круг молодых чехословацких ученых, своих ровесников, с которыми сблизился на почве общих исследовательских интересов. Таковым был Ян Подградский (Jan Podhradský; 1897–1969), ветеринар, орнитолог, зоотехник, окончивший Высшую сельскохозяйственную школу в Брно в 1922 г., и защитивший в 1924 г. в числе первых выпускников диссертацию на степень доктора технических наук (*doktor technických věd*). В сферу его интересов входили вопросы генетики, физиологии и питания сельскохозяйственных животных, а также лечение и профилактика авитаминозов и эндокринных болезней⁵⁸⁶. Вместе с Б.С. Костомаровым они выполнили исследования о влиянии голодания на рост молоди карпа⁵⁸⁷. Другим близким коллегой стал Ярослав Кржиженец-

⁵⁸⁶ Špaček F. Profesor Podhradský sedmedesátníkem // Acta Universitatis Agriculturae. Facultas Agronomica. 1967. Roč. XV. №. 4. S. 581–586.

⁵⁸⁷ Podhradský J., Kostomarov B. Vliv hladovění na vzrůst kapřího plůdku // Věstník Československé akademie zemědělské. 1925. Roč. 1. Č. 9–10. S. 310–315; Podhradský J.,

кий (Jaroslav Kříženecký; 1896–1964), тоже выпускник Высшей сельскохозяйственной школы в Брно. Охват его исследовательских интересов был широк: от генетики и евгеники, до истории и философии науки, от энтомологии до животноводства. В 1922 г. он был назначен главой Отделения биологии размножения Земского научного зоотехнического института в Брно (Sekcí pro plemenářskou biologii Zemského výzkumného ústavu zootechnického v Brně). Я. Кржиженецкий быстро завоевал себе репутацию одного из ведущих специалистов в сфере прикладной генетики. Этот интерес был во многом сгенерирован его учителем профессором Владиславом Ружичкой (Vladislav Růžička; 1870–1934). Учение В. Ружички, в основе которого лежал антименделизм, оказывало заметное воздействие на чехословацкую биологическую науку. В то же время классическая генетика, одним из главных сторонников которой был Артур Брожек (Artur Brožek; 1882–1934), критиковалась⁵⁸⁸. В 1923 г. В. Ружичка опубликовал огромную работу «Биологические основы евгеники»⁵⁸⁹. Хотя она была посвящена памяти Г. Менделя, в ней давалась острая критика учения брненского аббата. Результаты его экспериментов В. Ружичка называл сугубо статистическими, на дающими понимания сложных механизмов наследственности. В. Ружичка стремился перестроить генетику в духе механики развития Вильгельма Ру (Wilhelm Roux; 1850–1924). Он ввел понятие прогенического строения, которое отражало «прочную и неизменную основу переменных генов, подвергаемых воздействию внешней среды»⁵⁹⁰. В. Ружичка не принимал хромосомную теорию наследования и отказывался от преформизма менделистской генетики. Наследственность в его понимании являлась свойством всей живой материи, а не отдельных клеточных структур.

Kostomarov B. Das Wachstum der Fische beim absoluten Hungern // Wilhelm Roux Archiv für Entwicklungsmechanik der Organismen. 1925. Bd. 105. H. 3. S. 587–609.

⁵⁸⁸ Šimůnek M. Eugenics, Social Genetics and Racial Hygiene: Plans for the Scientific Regulation of Human Heredity in the Czech Lands, 1900–1925 // Blood and Homeland: Eugenics and Racial Nationalism in Central and Southeast Europe, 1900–1940. Budapest, 2007. P. 145–166.

⁵⁸⁹ Růžička V. Biologické základy eugeniky. Praha, 1923.

⁵⁹⁰ Janko J. Vědy o životě v Českých zemích, 1750–1950. Praha, 1997. S. 421.

Она присуща цитоплазме в целом, из которой в процессе эволюции сформировались гены, изменяющиеся в течение жизни организма под влиянием внешних факторов. Идеи В. Ружички в этом отношении во многом походили на построения Т.Д. Лысенко в советской биологии. Как отмечают современные исследователи, интерпретации В. Ружички «были во многих отношениях неясными и противоречивыми, и поэтому его теория была в основном отвергнута биологами»⁵⁹¹.

Под влиянием В. Ружички Я. Кржиженецкий занялся евгеникой. Он исходил из того, что в теории Г. Менделя наследственные признаки передавались из поколения в поколение. Но понятие наследственности как простого сохранения этих признаков казалось ему неполным. Он настаивал, что нужно представить ген с точки зрения его физиологически-развивающего действия или механики развития⁵⁹². Я. Кржиженецкий пытался объяснить механизмы наследования приобретенных качеств под воздействием внешней среды. Во второй половине 1920-х гг. он много занимался вопросами разведения домашних животных и вопросам прикладной генетики. Практические работы в этом направлении привели его к постепенному отказу от учения В. Ружички в пользу классического менделистского учения

Таким образом, 1920-е гг. были и для Я. Кржиженецкого, и для его близкого научного окружения, в которое входил и Б.С. Костомаров, временем научного поиска. Причем этот поиск был сопряжен с огромным вниманием за развитием генетических исследований в Советской России. Известно, например, письмо Я. Кржиженецкого к Николаю Константиновичу Кольцову (1872–1940), одному из классиков отечественной экспериментальной биологии. Письмо было написано в июне 1923 г. В ту пору Н.К. Кольцов работал над проблемой молекулярного строения и матричной репродукции хромосом, и его исследования оказали решающее воздействие на методо-

⁵⁹¹ Ibid. S. 421–422.

⁵⁹² Orel V. Jaroslav Kříženecký (1896–1964), Tragic Victim of Lysenkoism in Czechoslovakia // Quarterly Review of Biology. 1992. Vol. 67. № 4. P. 489.

логию генетического анализа⁵⁹³. Поводом для обращения стал выход в свет первого номера журнала «Успехи экспериментальной биологии», который попал в Брно. Я. Кржиженецкий заинтересовался этим изданием, равно как и общим ходом развития исследовательского направления в СССР: «К нам вообще доходят только отрывки той большой научной работы, которая сейчас делается в России. В то же время для нас было бы более чем ценно иметь, как периодическую, так и другую новую русскую научную литературу. Нас более всего интересуют вопросы, связанные с биологией, и я беру на себя смелость обратиться к Вам с большой просьбой выслать для нашей Секции вышедшую литературу и научные труды по биологии, в широком смысле этого слова, а также не откажите сообщить адреса тех ученых, с которыми мы могли бы обмениваться трудами. Питаем надежду, что Вы не откажите в нашей общей просьбе»⁵⁹⁴. В приложении к письму Я. Кржиженецкий отправил Н.К. Кольцову некоторые свои труды. Б.С. Костомаров также следил за развитием науки в Советской России. В своих работах он знакомил чехословацкого читателя с развитием ихтиологии и рыбного хозяйства на Родине, как, например, в случае со статьей о промысле сельди в дельте Волги⁵⁹⁵.

С 1923 г. Б.С. Костомаров работал в научном отделе у Я. Кржиженецкого. Полученный опыт оказал решающее воздействие на его дальнейшую исследовательскую и издательскую деятельность. Вместе с Ю. Кржиженецким он изучал фотохимическую активность растительных и животных жиров⁵⁹⁶ и начал собирать материал для своей докторской диссертации. После завершения учебы Б.С. Костомаров 1 сентября 1926 г. по-

⁵⁹³ *Инге-Вечтомов С.Г.* Матричный принцип как парадигма современной генетики // Генетика. 2013. Т. 49. № 1. С. 9.

⁵⁹⁴ Письмо Я. Кржиженецкого к Н.К. Кольцову, 20 июня 1923 г. // Архив РАН. Ф. 450. Оп. 3. Д. 73. Л. 1–1 об.

⁵⁹⁵ *Kostomarov B.* Sled' a jeho průmysl v deltě Volhy // Československý rybář. 1926. Roč. VI. Č. 3. S. 46–48. Č. 4. S. 57–59.

⁵⁹⁶ *Kříženecký J., Kostomarov B., Šrogl A.* Přirozená a ultrafialovými paprsky indukovaná fotochemická aktivita rostlinných a živočišných tuků // Věstník Československé akademie zemědělské. 1926. Roč. II. Č. 5–6.

ступил на работу ассистентом в Государственную рыболовную школу в Воднянах (Státní rybářské škole ve Vodňanech) в Южной Богемии, но продолжал поддерживать интенсивные контакты со своей alma mater в Брно. Школа была основана в 1920 г. и была тесно связана с Центральным союзом рыбного хозяйства (Ústřední jednota rybářská). Курс обучения первоначально был рассчитан 2 года. Директором школы стал энтомолог и ихтиолог профессор Вацлав Йозеф Штепан (Václav Josef Štěpán; 1873–1941)⁵⁹⁷. Работая в Воднянах, в 1927 г. Б.С. Костомаров защитил докторскую диссертацию «Вклад в вопрос, способны ли рыбы использовать питательные вещества, растворенные в воде» и после сдачи профессорских экзаменов с 1 сентября 1928 г. был назначен профессором. Он деятельно включился в учебный процесс, подготовил несколько учебников и учебных пособий, посвященных введению в рыбное хозяйство, биохимии и общему описанию животного мира⁵⁹⁸. Эти пособия значительно улучшили результаты педагогической работы в школе⁵⁹⁹.

Злопыхатели связывали его успехи с личностным фактором. Б.С. Костомарову покровительствовал Эдуард Райх (Eduard Reich; 1885–1943), видный чехословацкий аграрный деятель и политик. В 1919 г. он возглавил Отдел сельскохозяйственного образования в Министерстве сельского хозяйства. Ему было поручено развивать систему специального образования и профессиональных объединений. Он стоял у истоков создания в 1924 г. Чехословацкой сельскохозяйственной академии (Československá akademie zemědělská) и стал ее первым генеральным секретарем. Э. Райх был тесно связан с влиятельной политической силой – Республиканской партией земледельческого и мелкокрестьянского населения (Republikánská

⁵⁹⁷ Dyk V., Štědroňský E. 100 let od narození V.J. Štěpána // Vesmír: časopis pro šíření vědy přírodní, země- a národopisné. 1973. Č. 52; Dyk V., Štědroňský E. 50.výročí V.J. Štěpána // Vodňanské noviny. 1990. Č. 10. S. 6.

⁵⁹⁸ Kostomarov B. Úvod do studia rybářství. Praha, 1930; Eadem. Biochemie (biochimie rostlin a půdy, výživa zvířat, odpadní vody, rozbor vod a půdy dna rybníčního). Praha, 1930; Eadem. Živočichopis. Praha, 1930.

⁵⁹⁹ Hochman L. Op. cit. S. 186.

strana zemědělského a malorolnického lidu). Он всемерно поддерживал политику ее председателя Антонина Швеглы (Antonín Švehla; 1873–1933), занимавшего в 1922–1929 гг. пост премьер-министра страны⁶⁰⁰. В личном деле Б.С. Костомарова сохранился своего рода донос, датированный 11 июля 1950 г. Карандашная подпись автора совершенно не читается, и потому трудно понять повод и контекст написания. В этом документе говорится, что Б.С. Костомаров был назначен на работу в Государственную рыболовную школу в Воднянах, не имея чехословацкого гражданства, исключительно по указанию Э. Райха. Причиной было намерение Б.С. Костомарова взять в жены его родственницу Йозефу Рихтрову (Josefa Richtrová; 1901– после 1974). Их свадьба состоялась 19 июля 1926 г.⁶⁰¹ Автор «доноса» указывал, что «уже тогда было известно, что Костомаров совершает это ради карьеры». Его характеризовали как карьериста: «Всем своим складом он был мещанином, поскольку знал, что при породнении с семьей Райх, он приобретет знакомства и потому будет легче продвигаться»⁶⁰². Насколько справедливо это мнение, судить трудно. Но факт состоит в том, что вскоре после женитьбы и начала работы в Воднянах, Б.С. Костомаров получил чехословацкое гражданство. Историк Алена Миковцова, не делая оценок личностных отношений, замечает, что «брачная политика» позволила ученому резко продвигаться вперед. Э. Райх и его связи в Аграрной партии обеспечили Б.С. Костомарову получение стабильной работы, заграничные стажировки и чехословацкий паспорт⁶⁰³. Вероятно, именно с подачи Э. Райха Б.С. Костомарова привлекли к участию в анкетном экспертном

⁶⁰⁰ Kubačák A. Ministerstvo zemědělství v letech 1918–1948: osudy úřadu a jeho ministrů. Praha, 2005. S. 86–88.

⁶⁰¹ Doplnovací dotazník zaměstnance vysoké školy zemědělské v Brně, 3.04.1961 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

⁶⁰² Boris Kostomarov – byl přijat do služeb zemědělského školství..., 11.07.1950, Praha // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

⁶⁰³ Mikovcová A. Russische und ukrainische Wissenschaftler an der Hochschule für Landwirtschaft in Brünn // Wissenschaft im Exil: Die Tschechoslowakei als Kreuzweg 1918–1989. Praha, 2004. S. 196.

опросе о состоянии и перспективах развития рыбоводства и рыболовства, который 14 мая 1929 г. был организован Чехословацкой сельскохозяйственной академией в связи с подготовкой нового закона о рыбной ловле.

Все эксперты признавали важность рыбоводства с точки зрения развития национальной экономики, поскольку оно позволяло заметно увеличить объем производимой пищевой продукции. Отмечалось, что в нынешнюю эпоху рыбоводство смело конкурирует с производством мяса в расчете продуктивности с одного гектара. Однако достичь заметных успехов возможно было лишь при интенсивном и рациональном управлении водными ресурсами. Отсюда вытекала важность развития гидробиологических исследований, включая необходимость глубокого анализа вопросов о естественном и искусственном питании рыб, способах усваивания и переваривания, обмене веществ, механизмах регуляции и циркуляции питательных веществ в водоемах. Интенсификация рыбного хозяйства позволила бы увеличить продуктивность производства в среднем объеме 100 кг с 1 га против 75 кг с 1 га в довоенный период⁶⁰⁴. Экспертные заключения, сделанные 11 ведущими специалистами республики, были напечатаны в специальном тематическом сборнике, издаваемом Чехословацкой сельскохозяйственной академией⁶⁰⁵.

Положение Б.С. Костомарова выгодно отличалось от положения многих его соотечественников. Историк и архивист А. Миковцова установила, что Высшая сельскохозяйственная школа в Брно в межвоенный период дала высшее образование 325 русским и украинским эмигрантам, из которых 16 защитили докторские диссертации. Изначальная концепция «Русской акции» чехословацкого правительства предполагала, что эмигранты должны будут вернуться на Родину после падения советской власти В данном кон-

⁶⁰⁴ Souhrn výsledků ankety Československé Akademie Zemědělské o otázkách rybářských // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Jednotlivé osobnosti. Dr. Boris Kostomarov. K. 39 – 1929.

⁶⁰⁵ Československé rybářství: soubor referátů na vědecké a odborné anketě o otázkách rybářských, pořádané Československou Akademií Zemědělskou dne 14. května 1929 v Praze. Praha, 1929.

кретном случае выпускникам отводилась особая роль в реформировании сельского хозяйства пост-большевистской России. Однако эту роль им сыграть не удалось. Пребывание на чужбине растянулось до бесконечности. Вместе с тем эмигрантам было крайне трудно интегрироваться в трудовой рынок Чехословакии. Законодательство того времени строго отстаивало интересы национальных кадров. Лицам без чехословацкого гражданства сделать карьеру было почти невозможно. Как отметила А. Миковцова, для многих ученых-эмигрантов, как, например, для ботаника Василия Сергеевича Ильина (1882–1957), путь к профессуре в Брно оказался закрыт. Но даже у тех, кому посчастливилось получить профессорскую должность, как в случае с агрономом Владимиром Николаевичем Штейном (1874–1935), работа была сопряжена со множеством ограничений. Как правило, эмигранты могли претендовать лишь на короткие трудовые контракты, причем на должности лаборантов, демонстраторов, ассистентов; 17 из них работали непосредственно в Высшей сельскохозяйственной школе, а еще 27 – в связанных с ней исследовательских институтах. В этих сдерживающих обстоятельствах русским приходилось рассчитывать на благосклонность конкретных персон. Так поддержка со стороны профессора общей и сельскохозяйственной зоологии Эмиля Байера (Emil Bayer; 1875–1947), директора Зоологического института Высшей сельскохозяйственной школы, позволяла развивать эмигрантам профессиональные навыки. Именно по инициативе этого профессора русским студентам был обеспечен свободный доступ для исследований на биологической станции в Леднице⁶⁰⁶. Б.С. Костомарову повезло едва ли не более других. Он рано интегрировался в чехословацкую среду, что заложило прочный фундамент для его карьеры.

⁶⁰⁶ *Mikovcová A. Podíl Vysoké školy zemědělské v Brně na rozvoji zemědělského pokroku v meziválečném Československu // Zemědělské školství, výzkum a osvěta jako předpoklad hospodářského a sociálního rozvoje venkova v 19. a 20. století. Uherské Hradiště, 2004. S. 102.*

Развитие исследований Б.С. Костомарова было связано с работой Рыбно-гидробиологической станции (Rybářsko-hydrobiologické stanice) на территории бывшего имения графа Гарраха в Велке Мезиржичи (Velké Meziříčí). Создание этой станции вписывалось в контекст стремительного развития научной инфраструктуры в межвоенной Чехословакии. В 1921 г. в Праге был создан Научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и гидробиологии (Výzkumný ústav rybářský a hydrobiologický), который поддерживал идею развития ихтиологических станций. В течение короткого времени в стране сформировалась сеть специальных институций, большинство из которых в конечном итоге были субсидированы государством⁶⁰⁷. Например, подобное профильное научное учреждение было открыто в 1925 г. в Лнарже (Lnáře) во главе с гидробиологом Карелом Шаферна (Karel Schäferna; 1884–1950)⁶⁰⁸.

Граф Франтишек Мария Гаррах (František Maria Harrach; 1870–1937) был представителем влиятельного австрийского дворянского рода чешского происхождения, возвысившегося еще в XVII в. во времена Фердинанда II. Ему принадлежали два обширных поместья Велке Мезиржичи и Яновице у Рымаржова (Janovice u Rýmařova). Граф прославился как ученый с широким кругом интересов, создавшим в своих владениях образцовые хозяйства. Он также был известен как путешественник по Азии и Африке, меценат и коллекционер. Ф. Гаррах был адъютантом наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда, и именно он одолжил ему в злополучное сараевское лето 1914 г. свой автомобиль. Несмотря на то, что Ф. Гаррах происходил из имперской аристократии, он поддержал Первую республику, где оказались востребованы его навыки эффективного управленца.

⁶⁰⁷ *Vyskočil A. Prvorepublikové hydrobiologické stanice aneb Počátky vědeckého výzkumu ryb na Moravě // Vodohospodářské technicko-ekonomické informace. 2019. Roč. 61. Č. 5. S. 6–11.*

⁶⁰⁸ *Janko J. Vědy o životě v Českých zemích, 1750–1950. S. 356.*

Начало исследовательской работе станции было положено 5 июня 1926 г., когда были проведены первые эксперименты по изучению влияния пространства на рост мальков карпа, а также воздействия на них таких факторов, как содержание кислорода в воде, ее жесткость и температура, естественная кормовая база и прибрежная флора. Велке Мезиржичи были идеальным местом для гидробиологических и ихтиологических исследований. В поместье имелось 58 прудов различного размера с общей площадью затопления 265 га. Пруды имели разные характеристики: одни были окружены лесами, закрывавшими их от ветров, и питаемые холодными лесными родниками, другие находились на открытой, незащищенной местности, они также варьировались по площади и высоте над уровнем моря. Это разнообразие придавало особую важность станции, поскольку позволяло изучать водные ресурсы и рост рыб в различных гидробиологических условиях. Первоначально было отобрано 14 больших и малых прудов, разделенных на группы в зависимости от их характеристик⁶⁰⁹.

Научный коллектив станции составило четверо молодых ученых, двое из которых были русскими: Я. Кржиженецкий (директор), Б.С. Костомаров (заместитель директора), доктор Василий Петрович Черняев (1895–1954)⁶¹⁰ и доктор Вилем Новак (Vilém Nowak; 1903–?). В первые годы работы техническое оснащение было не самым совершенным, что не позволяло проводить весь комплекс исследований. Но постепенно положение улучшилось и к концу 1920-х гг. станция заработала в полную силу. После завершения реконструкции она была официально открыта 16 июня 1930 г. На официальной церемонии граф Ф. Гаррах сердечно благодарил своих соратников – Я. Кржиженецкого, Б.С. Костомарова и В.П. Черняева и подчеркивал, что только благодаря их усилиям и стараниям был воплощен в жизнь

⁶⁰⁹ Rybářsko-hydrrobiologická stanice Františka Harracha ve Velkém Meziříčí na Moravě. Organizace – Zařízení – Činnost – Program, 1931 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Obecní – Rusové. 1926–1927. Kart. 35.

⁶¹⁰ Уроженец Нижнего Новгорода В.П. Черняев, как и Б.С. Костомаров, был выпускником Высшей сельскохозяйственной школ в Брно.

столь крупный замысел⁶¹¹. После вступительного слова Я. Кржиженецкого и ответа Ф. Гарраха, Б.С. Костомаров произнес речь, в которой обрисовал ход работы станции и ее научные достижения. Он сделал акцент на важности станции для интеллектуальной жизни Моравии: «Станция предназначена для практиков, но, господа, никто из нас не будет спорить, что и для широкой культурной общественности, поскольку практически ориентированная наука также принадлежит к культуре. Особенно в новую эпоху видим мы, что все больше и больше прикладных наук становятся частью общей культурной жизни. Вот почему я обращаюсь к основателю нашей станции и заверяю его: своей щедростью Вы создали институцию, которая, надеюсь, не только с экономической стороны, но и с точки зрения своего общего значения в нашей научной жизни будет весьма полезной. Так вы оставили благодарную память в культурной жизни этой страны. Мы убеждены в этом, и покуда мы здесь работаем, мы также обещаем сделать все возможное, чтобы Ваши действия принесли свои плоды»⁶¹². Свои исследования станция представляла в виде серии тематических статей. Наряду с постоянными научными сотрудниками там работали волонтеры, туда же приезжали стажеры.

В 1930 г. на станции был образован консультативный совет, в который вошли видные ученые и хозяйственные администраторы: директор Зоологического института Высшей сельскохозяйственной школы в Брно, профессор Э. Байер, директор Зоологического института Немецкого университета в Праге, профессор Карл Исидор Кори (Carl Isidor Cori; 1865–1954), зоолог и энтомолог, профессор Карлова университета Юлиус Комарек (Julius Komárek; 1892–1955), гидробиолог К. Шаферна, министерский советник и директор Государственного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и гидробиологии в Праге, доктор Антонин Шонфельд

⁶¹¹ Rybářsko-hydrobiologická stanice Františka Harracha ve Velkém Meziříčí na Moravě. Organisační – Zařízení – Činnost – Program, 1931 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Obecní – Rusové. 1926–1927. Kart. 35.

⁶¹² Ibid.

(Antonín Schönfeld; 1869–1958), директор Института физиологии растений при Масариковом университете в Брно, профессор Владимир Улехла (Vladimír Úlehla; 1888–1947), управляющий поместьем Велке Мезиржичи Вацлав Шкваржил (Václav Škvařil), в качестве заместителя основателя и владельца станции, и др. Совет был призван направлять, координировать и контролировать работу станции⁶¹³.

Б.С. Костомаров был участником всех главных исследовательских работ на станции. В числе таковых были эксперименты по изучению влияния пространства на рост молоди карпа; они проводились уже в первый год работы и были завершены в 1926 г. В ходе эксперимента контролировалась кислотность воды (рН), содержание в ней кислорода, температура на разных глубинах, качественный и количественный анализ планктона, а также биометрические показатели рыб – длина и объем рыбы, живая масса, сухое вещество. В 1928 г. работа в лаборатории по техническим причинам была ограничена проведением контрольных испытаний в некоторых отобранных прудах. Уже на следующий год было разработано комплексное исследование этапов роста мальков карпа, которое, к несчастью, сорвалось из-за неблагоприятных климатических условий. В том же году проводились исследования на крупных водоемах региона, изучалось влияние изменений рН воды на рост молоди карпа, были начаты исследования естественной кормовой базы мальков. Осенью 1929 г. начались биометрические измерения карпа с целью изучения внешнего вида и его экономической ценности. Для этого был разработан специальный метод и построена шкала. Тогда же положено начало изучению биологии раков. В августе 1929 г. администрация поместья Моравец (Moravec) обратилась к станции с просьбой экстренно установить причины мора рыбы в своих прудах. Такое исследование было оперативно проведено, согласно полученным результатам, были приняты спешные меры, позволившие сохранить более 90.000 мальков. В 1930 г. станция работала над всесторонним и подробным исследованием нереста

⁶¹³ Ibid.

карпа, развитием икринок, выращиванием и питанием мальков карпа, а также продолжала работу над совершенствованием товарных и экономических показателей различных видов. Таким образом, направление работы станции было неразрывно связано с возможностями практического использования. Ставилась цель эффективного управления водоемами и увеличения производства рыбы.

С 1 по 8 августа 1927 г. по приглашению Ягеллонского университета в Кракове Б.С. Костомаров принял участие в обследовании горных речек в Татрах⁶¹⁴. В 1931 гг. Министерство сельского хозяйства Чехословакии отправило его в зарубежную командировку для изучения региональных особенностей рыбного хозяйства. С 3 мая по 30 июня 1931 г. он проводил исследования в Болгарии, с 1 июля по 30 августа того же года – в Румынии. В этих странах Б.С. Костомарову предстояло изучить особенности внутреннего и морского рыболовства, и с особым вниманием обратиться к изучению дунайского карпа. Таксономия карпа обыкновенного сложна и запутана. Считается, что европейские одомашненные карпы являются потомками дунайского карпа⁶¹⁵. В этой связи поездка в дунайские страны и возможности проведения там полевых работ сулили интересные научные результаты. Вместе с тем Б.С. Костомаров изучал популяцию осетровых рыб, а также технологические и экономические основы их промысла, включая заготовку черной икры, приготовление осетрового клея⁶¹⁶. Затем, с 1 сентября по

⁶¹⁴ Dotazník, 30.03.1973 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

⁶¹⁵ Balon E.K. About the oldest domesticates among fishes // *Journal of Fish Biology*. 2004. Vol. 65. № 1. P. 1–27; *Eadem*. The oldest domesticated fishes, and the consequences of an epigenetic dichotomy in fish culture // *Journal of Ichthyology and Aquatic Biology*. 2006. Vol. XI. № 2. P. 51–52.

⁶¹⁶ *Kostomarov B.* Die Donaustöre: Ihr Fang, die Verwertung und Zubereitung ihres Fleisches, und der schwarze Kaviar in Rumänien und Bulgarien // *Zeitschrift für Fischerei und deren Hilfswissenschaften*. 1933. Bd. XXXI. H. 1. S. 101–147; *Eadem*. Die Fischerei in Bulgarien // *Ibid.* H. 4. S. 591–617.

15 октября он находился в Польше⁶¹⁷. В Кракове он стажировался у известного ихтиолога Теодора Спичакова (Teodor Spiczakow; 1879–1946), чьи труды считались основополагающими и фундаментальными в межвоенной Польше⁶¹⁸. Профессор мог свободно говорить со своим чехословацким стажером по-русски, ведь еще несколько лет назад его величали Федором Александровичем. Как и Б.С. Костомаров, Ф.А. Спичаков был русским эмигрантом. С 1926 г. он работал на сельскохозяйственном факультете Ягеллонского университета, где ему было поручено создание кафедры ихтиологии и рыболовства. До революции Ф.А. Спичаков, выпускник Московского университета, работал на Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер. Затем некоторое время служил в Министерстве земледелия, пока в 1915 г. не был приглашен в Московский сельскохозяйственный институт, где проработал до осени 1924 г., пройдя путь от приват-доцента до профессора и заведующего кафедрой. Там студент Б.С. Костомаров слушал его лекции⁶¹⁹. В сентябре 1924 г. Ф.А. Спичаков эмигрировал из России, короткое время преподавал в Тартуском университете, пока в апреле 1925 г. не был приглашен в Краков⁶²⁰. Во время польской стажировки Б.С. Костомаров занимался проблемами размножения карпа.

Зарубежные поездки способствовали известности Б.С. Костомарова в научном мире. В начале 1930-х гг. он был членом Международной ассоциации теоретической и прикладной лимнологии (*Societas Internationalis Limnologiae Theoreticae et Applicatae*), основанной в Киле в 1922 г. немецким гидробиологом Августом Тинеманном (*August Friedrich Thienemann*;

⁶¹⁷ *Návrh na udělení titulu «Zasloužilý vysokoškolský professor»* // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331; Dotazník, 30.03.1973 // Ibid.

⁶¹⁸ *Epler P., Bartel R., Woźniewski M., Duc M., Olejarski D.* The passage of fish through the fishway at Rożnów dam in the 1997–2003 period // *Archives of Polish Fisheries*. Vol. 12. Fasc. 2. P. 177.

⁶¹⁹ *Kříženecký J.* Zřízení výzkumné rybářské stanice pro Podkarpatskou Rus // *Československý zemědělec*. 1938. Roč. XX. Č. 27 (982). S. 215.

⁶²⁰ *Starmach K.* Notatka o profesorze T. Spiczakowie Katedrze Ichtiologii i Rybactwa UJ oraz Rybackiej Stacji Doświadczałnej UJ w Mydlnikach // *Analecta: Studia i Materiały z Dziejów Nauki*. 1997. T. VI. № 2. S. 199–203.

1882–1960), членом Центрального общества аквакультуры и рыбной ловли (Société Centrale d'Aquiculture et de Pêche), созданного в Париже в 1889 г. Он входил в редакцию двух профильных периодических изданий – румынского журнала «Рыба и рыбоводство» (Pescaria si Piscicultura) и болгарского «Рыболовного обозрения» (Рибарски преглед)⁶²¹.

28 февраля 1935 г. распоряжением министерства сельского хозяйства Б.С. Костомаров, уже известный своими исследованиями, был назначен директором Государственной научно-исследовательской рыболовно-гидробиологической станции (Státní výzkumné stanice rybářské a hydrobiologické) в словацком городе Липтовски-Градок (Liptovský Hrádok)⁶²². Чехословацкий лесовод и ботаник Отакар Полак (Otakar Polák; 1907–1987) в начале 1950-х гг. вспоминал, как познакомился с Б.С. Костомаровым на этой станции в 1935 г., куда приехал в поисках специального микроскопа. Ученые сблизились и сохранили добрые отношения на годы. О. Полак уважительно называл коллегу «одержимым работником в своей области» (jej jako zaníceného pracovníka pro svůj pracovní obor)⁶²³. Б.С. Костомаров выступал не только как исследователь, но как популяризатор науки и пропагандист. В 1935 г. он обратился к читателям популярного иллюстрированного журнала «Месяц» с призывом «Ешьте нашу свежую пресноводную рыбу!»⁶²⁴

С 22 января 1936 г. Б.С. Костомарову было поручено также управление местной исследовательской станцией по пчеловодству, хотя энтомологией он никогда не занимался. Видимо, тут сказался успешный опыт админи-

⁶²¹ Výroční zpráva Státní školy rybářské ve Vodňanech za školní léta 1930–1932. Vodňany, 1932. S. 32.

⁶²² B. Kostomarov – Zemskému národnímu výboru v Brně, 11.09.1946 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Agronomická fakulta MENDELU Brno». Kart. 112. B. Kostomarov.

⁶²³ Osobní posudek na s. Borise Kostomarova, dr., ing. a prof. Vysoké školy zemědělské v Brně. Na vyzvání s. J. Viglaského podává Otakar Polák, Praha – Dejvice, Studentská 1, 9.11.1952 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

⁶²⁴ Kostomarov B. Jezte naše čerstvé sladkovodní ryby // Měsíc: ilustrovaná společenská revue. 1932. Č. 2–3. S. 12.

стративной работы. Декретом министерства сельского хозяйства от 30 мая 1938 г. его перевели в Подкарпатскую Русь, в Ужгород, где он стал главой Государственной научно-исследовательской станции по рыболовству и гидробиологии (Státní výzkumné stanice rybářské a hydrobiologické), а вдобавок, с 29 сентября 1938 г., управляющим Государственной научно-исследовательской станции по пчеловодству (Státní výzkumné stanice včelařské). Ему также было поручено руководить отделом рыболовства в Областном управлении и Ужгороде (Zemský úřad v Užhorodě)⁶²⁵. Направление Б.С. Костомарова на восток страны не было делом случая. Как уже отмечено в научной литературе, «создание Чехословацкой Республики, основанной на объединении двух весьма неоднородных частей Австро-Венгрии, вызвало значительные трудности не только в политической сфере, но и с точки зрения институциональной основы науки и образования»⁶²⁶. Научные институты были неравномерно распределены. Власти республики прилагали большие усилия для развития научной инфраструктуры в Словакии и Подкарпатской Руси. Для сферы биологических наук это было особенно важно, поскольку в Университете Я.А. Коменского в Братиславе долгие годы отсутствовал естественнонаучный факультет. Следовательно, подготовка биологов могла вестись только в Моравии или Богемии. О работе Б.С. Костомарова в этом регионе практически ничего неизвестно, возможно потому, что она оказалась весьма непродолжительной по времени. Над Европой сгустились грозные военные тучи.

Подписанное в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. Мюнхенское соглашение ознаменовало вероломное разделение Чехословакии. От нее были отторгнуты Судеты и Тешинская область. В октябре 1938 г. под давлением из Берлина правительство республики было вынуждено провозгласить автономию Словакии и Подкарпатской области, предопределив тем самым ско-

⁶²⁵ Prof. Dr. Ing. B. Kostomarov. Životopis, 3.04.1973 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

⁶²⁶ Janko J. Vědy o životě v Českých zemích, 1750–1950. S. 357.

рое политическое разделение республики. 14 марта 1939 г. парламент Словакии объявил о независимости страны, а уже на следующий день немецкие войска вторглись в чешские земли, где вскоре был образован Протекторат Богемия и Моравия. В то же время на территории Подкарпатской Руси было провозглашено создание нового государства – Карпатской Украины, которое незамедлительно было оккупировано Венгрией. Эти потрясения особенным образом отразились на судьбах ученых. И в Словакии, и в Подкарпатской Руси началось изгнание чехов из военной, административной и интеллектуальной жизни. Число государственных и общественных служащих чешского происхождения сократилось с 20.541 человека в 1938 г. до 1.911 человек в 1943 г.⁶²⁷ После того, как в 1939 г. один из лидеров словацких националистов, профессор-юрист Войтех Тука (Vojtech Tuka; 1880–1946) стал ректором Университета Я.А. Коменского в Братиславе, оттуда почти полностью была уволена чешская профессура. Для большинства изгнанных ученых едва ли не единственной дорогой стало возвращение в Чешские земли, превращенные теперь в Протекторат. Б.С. Костомаров, хоть и не был этническим чехом, но тоже оказался в числе беженцев. 1 мая 1939 г. вместе со своими коллегами он был эвакуирован из Ужгорода. Спешный отъезд стал большим потрясением для Б.С. Костомарова. Рукопись его большой работы о дунайском карпе, над которой он работал на протяжении 1930-х гг., оказалась безвозвратно утеряна⁶²⁸. Некоторое время, с 13 июня по 22 августа 1939 г., он проработал в Научно-исследовательском институте рыбного хозяйства и гидробиологии в Праге. Б.С. Костомаров получил назначение вернуться в Брно, где стал научным сотрудником в Земском научно-исследовательском институте животноводства (Zemský výzkumný ústav pro výrobu živočišnou), а с 25 сентября 1940 г. параллельно работал в Зоотехническом институте при Высшей сельскохо-

⁶²⁷ Rychlík J. *Češi a Slováci ve 20. století: spolupráce a konflikty 1914–1992*. Praha, 2012. S. 210–211.

⁶²⁸ Prof. Dr. Ing. B. Kostomarov. *Životopis*, 3.04.1973 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

зайственной школе⁶²⁹. В это время он занимался в основном проблемами генетики рыб и проводил эксперименты в прудах у города Хлумец-над-Цидлиной (Chlumec nad Cidlinou) (Hradec Králové) и в Млада Вожице (Mladá Vožice) близ города Табор (Tábor). Также он занимался изучением сточных вод в городе Простеев (Prostějov)⁶³⁰.

Известно как минимум об одном примере успешной административной карьере русского ученого в системе государственных научно-исследовательских институтов. Речь идет об уже упоминавшемся Д.Н. Андрусове, который в 1940 г. создал в Братиславе Государственный геологический институт (Štátny geologický ústav) и стал его первым директором. Однако к этому времени Словакия уже была объявлена независимым государством. К тому же Д.Н. Андрусов юридически не был эмигрантом с 1929 г., когда принял чехословацкое гражданство взамен Нансеновского паспорта.

Среди всех государственных научно-исследовательских институтов Чехословакии наибольшей включенностью в дела русской эмиграции обладал Славянский институт в Праге (Slovanský ústav). Идея его создания принадлежала Томашу Масарику и, видимо, созрела у него еще в годы Первой мировой войны. Чешский историк Йозеф Бечка отмечает, что Т. Масарик был вдохновлен опытом подобных институтов, которые возникли в других странах и служили не только научным, но и геополитическим целям: «Примером для него служил Институт Э. Дени в Париже, и тотчас после провозглашения независимости республики он задумался над тем, как создать институт, который бы мог поддерживать правительство как научно,

⁶²⁹ Osobní posudek na s. Borise Kostomarovu, dr., ing. a prof. Vysoké školy zemědělské v Brně. Na vyzvání s. J. Viglaského podává Otakar Polák, Praha – Dejvice, Studentská 1, 9.11.1952 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

⁶³⁰ Zpráva habilitační komise, 2.06.1946 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

так экономически и политически»⁶³¹. Здесь имелся в виду парижский Институт славяноведения (L'Institut d'études slaves), созданный в 1919 г. и торжественно открытый 17 октября 1923 г. в присутствии Т. Масарика и президента Франции Этьена Александра Мильерана (Étienne Alexandre Millerand; 1859–1943). Показательно, что чехословацкое правительство оказывало щедрую финансовую помощь парижскому институту.

Идея открытия в Праге Славянского института ясно вырисовывалась из послевоенного контекста, когда произошло интеллектуальное оживление славянского мира. Инициативу Т. Масарика поддержали крупнейшие чешские ученые, которые высказали мнение, что будущий институт должен заниматься комплексным изучением славянства, то есть изучать его во всем многообразии⁶³². 25 января 1922 г. был издан закон о создании Славянского института в Праге, практической целью которого должно было стать строительство и развитие научных и экономических связей со славянскими землями⁶³³. Первыми членами Славянского института объявлены 43 человека. Среди них – видные ученые: профессора Карлова университета Ярослав Бидло, Иржи Горак, Карел Кадлец, Любор Нидерле, Иржи Поливка, Ян Махал, президент Чешской академии наук и искусств Йозеф Зубатый: политики – заместитель министра иностранных дел Адольф Черный, министр иностранных дел Камил Крофта, посол в Варшаве Вацлав Гирса, посол в Вене Богдан Павлу, сенатор Йозеф Шимонек; бизнесмены – Томаш Батя, Ян Дворжачек, Евгений Кубинцкий, Ярослав Прейссе, Ян Рингхоффер и др.⁶³⁴ Однако начало работы Института затянулось из-за бюрократических

⁶³¹ *Bečka J.* Slovanický ústav v letech 1922–1963 // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. 1999. Roč. 68. Č. 3–4. S. 401.

⁶³² *Ibid.* S. 401–402.

⁶³³ *Zákon ze dne 25. ledna 1922 o zřízení Ústavu Slovanického a Orientálního* // *Ročenka Slovanického ústavu*. Sv. I za rok 1928. Praha, 1929. S. 1; *Ze zákonodárného jednání o zřízení Slovanického Ústavu* // *Ibid.* S. 3; *Niederle L.* Úkoly slovanického ústavu // *Slovanický přehled*. 1926. Roč. XVIII. S. 313–318; *Iljinskij G.* Jeden z úkolů Slovanických ústavů // *Ibid.* S. 496–501.

⁶³⁴ *Pane presidente republiky – Ministerstvo zahraničních věcí ČR, 17.XI.1927* // *Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. II. Sekce (politická). III. Řada. Kart. 246a; Řádní členové Slovanického Ústavu* // *Ibid.*

проволочек. Так долгое время продолжалась разработка Устава, который постоянно корректировали, дополняли и меняли. Наконец к 1927 г. был утвержден четвертый вариант Устава. Институт начал работу только в 1928 г.⁶³⁵

22 мая 1929 г. в составе Института была создана Византиноведческая комиссия, первым председателем которой стал Я. Бидло. Он видел в изучении византийской истории ключ к пониманию Балкан и России, стремился впервые в чешской историографии обосновать византиноведение как новую научную дисциплину⁶³⁶. Любомира Хавликова отметила изначальную особенность чешского византиноведения: оно складывалось не на основе классической филологии, как во Франции и Германии, а было связано «с палеославистическими вопросами, с историей Великой Моравии, с кирилло-мефодиевскими вопросами, с проблематикой византийско-славянских отношений, со славянской археологией, с проблематикой раннего христианского искусства и славянского права»⁶³⁷. Эта важная черта предопределила научные векторы, которым стали следовать и русские ученые, сотрудничавшие со Славянским институтом. Научная программа была закреплена основанием в 1929 г. журнала «Byzantinoslavica». Редакция поддерживала отношения с ведущими византинистами и славистами – Ш. Дилем, Д. Анастасиевичем, Б. Филовым, А. Мазоном, Г. Милле, П. Мутафчиевым, М. Фасмером, В. Златарским и др. На его страницах регулярно печатали свои работы ученые-эмигранты: М.А. Андреева, В.А. Мошин, Н.Л. Окунев, Г.А. Острогорский, А.В. Соловьев. Изначально к работе в журнале подключилось несколько русских ученых, как, например, А.П. Калитинский и Н.М. Беляев, активные члены Семинария имени Н.П. Кондакова. Правда,

⁶³⁵ *Bečka J.* Op. cit. S. 401–402.

⁶³⁶ *Havlíková L.* Česká byzantologie a Slovanský ústav // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii.* 1999. Roč. 68. Č. 3–4. S. 443.

⁶³⁷ *Ibid.* S. 442.

их сотрудничество с журналом оказалось недолгим⁶³⁸. Двое других русских ученых – Н.Л. Окунев и М.А. Андреева – напротив, заняли важное место в работе журнала. Отметим, что оба представляли Славянский институт на III Международном съезде византинистов, проходившем 12–18 октября 1931 г. в Афинах⁶³⁹.

Весной 1931 г. М.А. Андреева по рекомендации профессора Я. Бидло была избрана действительным членом Славянского института⁶⁴⁰. В 1932 г. она фактически возглавляла библиографический отдел «Byzantinoslavica», публикуя обзоры современных исследований, появлявшихся в разных странах. В наше время писание рецензий зачастую воспринимается как маргинальное занятие, которым ученые занимаются крайне неохотно. Напротив, в то время, рецензии и обзоры занимали важнейшее место в интеллектуальном ландшафте. Они не просто знакомили с конкретными открытиями, но формировали образы науки и ученых. Их читали не менее охотно, чем собственно исследовательские статьи. Работа М.А. Андреевой в журнале не обходилась без курьезов. Старшие русские коллеги, например Н.Л. Окунев, обвиняли ее в плохом литературном языке. Она парировала, угрожала перейти при написании обзоров на французский. В оправдание она говорила: «Что касается моего языка, то не отрицаю, что в нем встречаются небрежности, не могу его признать никуда негодным – это просто новая манера писания более смело и без прикрас, присущих старшим русским писателям, имевших всегда в своем распоряжении неограниченное

⁶³⁸ В случае с Н.М. Беляевым – из-за безвременной трагической смерти, в случае с А.П. Калитинским – из-за тяжелой болезни, которая выбила его из профессии.

⁶³⁹ Účast Slovanského ústavu při III. Mezinárodním sjezdu byzantologů v Athénách // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. III za rok 1930. Praha, 1931. S. 102; Zpráva Dra Nikolaje Věljaeva o cestě na III. Mezinárodní kongres byzantologů v Athénách // Ibid. S. 110–111; Отчет об израсходовании стипендии, полученных от Славянского института в Праге для поездки в Грецию с целью посещения III-го международного конгресса по византиноведению, приват-доцента М. А. Андреевой // Ibid. S. 108–109.

⁶⁴⁰ Dopis J. Bidla předsedovi Slovanského ústavu, 8. března 1931 // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 25: Slovanský ústav. Kart. 11. Inv. č. 54; Návrh na volbu dalších činných členů Slovanského ústavu // Ibid.

количество печатных листов»⁶⁴¹. В ответ на «безобразные выводы и обвинения» М.А. Андреева писала Я. Бидло, что в Праге среди русских эмигрантов «привыкла ожидать худшего»⁶⁴².

По подсчетам Любович Белошевой, всего в период с 1928 по 1938 гг. в Славянском институте работало 56 русских и украинских исследователя⁶⁴³. Это был рекорд среди всех чехословацких научных институций. Среди первых действительных членов института, избранных в 1929 г. – А.В. Флоровский, А.П. Калитинский, А.А. Кизеветтер, И.И. Лаппо, И.И. Лапшин, Е.А. Ляцкий, А.Л. Петров, Н.Л. Окунев, Е.Ф. Шмурло, В.Н. Тукалевский, Б.А. Евреинов⁶⁴⁴. Впоследствии круг этот регулярно расширялся, его дополнили С.Г. Пушкарев, М.В. Шахматов, А.Л. Бем, С.Г. Вилинский и др. Иностранцами членами Института были избраны Г.В. Вернадский, П.Н. Милуков, П.Б. Струве, Ф.В. Тарановский, Д.И. Чижевский и др.⁶⁴⁵ Международные связи института при этом не ограничивались взаимодействием с учеными из славянских стран – Польши, Югославии, Болгарии. В него включались исследователи разных стран, чьи интересы были связаны со славянской проблематикой. Например 18 июня 1929 г. членом-корреспондентом был избран датский историк и литературовед Адольф Стендер-Петерсен (Adolf Stender-Petersen; 1893–1963), родившийся в Петербурге, учившийся там на историко-филологическом факультета университета, но в 1915 г. переехавший на историческую родину в Данию⁶⁴⁶.

⁶⁴¹ Письмо М.А. Андреевой к Я. Бидло, 12 июля 1935 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 258: Jaroslav Bidlo. Kart. 3. Inv. č. 37. К слову, М.А. Андреева высказывала недовольство критикой по поводу написания слова «проект». Она настаивала, что по правилам, которым ее учили, следует писать «проэкт» и никак иначе.

⁶⁴² Там же.

⁶⁴³ *Běloševská L.* Op. cit. S. 467.

⁶⁴⁴ Návrh na volbu činných členů Slovanského ústavu // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 25: Slovanský ústav. Kart. 11. Inv. č. 54.

⁶⁴⁵ Ročenka Slovanského ústavu. Sv. X za rok 1937. Praha, 1938. S. 24–28.

⁶⁴⁶ Диплом члена-корреспондента Славянского института в Праге // Det Kongelige Bibliotek – Aarhus. Håndskriftsamlingen. Arkiv fra Ad. Stender-Petersen. Håndskrift № 1276.16.

Однако не следует думать, как это нередко случается в историографии, что Славянский институт был ориентирован лишь на представителей гуманитарных наук – историков, филологов, искусствоведов. Комплексное изучение славянского мира, которое декларировалось научной программой, института, требовало привлечения специалистов из социальных и даже естественных наук. Нашлись такие и в кругу русских эмигрантов. В 1929 г. действительными членами Института по народнохозяйственному отделу были избраны экономисты Сергей Николаевич Прокопович, Николай Сергеевич Жекулин, Вахан Фомич Тотомианц⁶⁴⁷. В июне 1934 г. экстраординарными членами (*mimořádný člen*) этого отдела стали экономисты Александр Михайлович Байков и Владимир Петрович Клонов⁶⁴⁸.

Русские ученые участвовали в работе специальных комиссий института. Так В.А. Францев был членом сразу пяти из них и являлся заместителем председателя Общества по исследованию Словакии и Подкарпатской Руси⁶⁴⁹. С этим же обществом сотрудничали В.В. Саханев, Е.Ю. Перфецкий, А.Л. Петров, Ю.А. Яворский. Продуктивность их научной работы была очень высокой, о чем свидетельствуют их многочисленные публикации.

Славянский институт покровительствовал русским научным учреждениям. 6 мая 1929 г. была создана Комиссия по Русскому научному институту (*Komise pro ruské vědecké ústavu*), председателем которой стал чешский историк К. Крофта. В ее состав вошли В.А. Францев, А.А. Кизеветтер, Я. Славик, И.И. Лапшин, Е.Ф. Шмурло, А.А. Вилков и др. Эта комиссия работала совместно с культурной комиссией Министерства иностранных

А.И. Стендер-Петерсен был хорошо известен в Чехословакии, еще в августе 1925 г. указом президента республики он был награжден Орденом Белого Льва Пятой степени (Свидетельство о награждении, 25 августа 1925 г. // *Ibid.* *Håndskrift* № 1276.168).

⁶⁴⁷ *Návrh na jmenování činných členů pro národohospodářský odbor Slovanského ústavu // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 25: Slovanský ústav. Kart. 11. Inv. č. 54.*

⁶⁴⁸ *Návrh na volbu mimořádných členů II. odboru Slovanského ústavu, 26.6.1934 // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 25: Slovanský ústav. Kart. 11. Inv. č. 54.*

⁶⁴⁹ *Běloševská L. Op. cit. S. 467.*

дел (П. Макса и З. Завазал) и Русской академической группой (М.М. Новиков, И.И. Лапшин, Е.Ф. Шмурло, А.А. Вилков)⁶⁵⁰.

Славянский институт привлекал русских историков к лекционной работе. В ноябре–декабре 1929 г. А.В. Флоровский на философском факультете Карлова университета читал курс из трех лекций под названием «Из истории славянства», посвященных восприятию Святого Вацлава и Яна Гуса в России, а также взглядам Ф.М. Достоевского на славянский вопрос. В то же время Н.Л. Окунев прочел цикл лекций «Древнерусские города и их художественное значение», в котором рассказал о памятниках Владимира и Суздаля, Новгорода и Пскова, Ярославля и Ростова, Москвы и ее окрестностей, а также Петрограда. С эпизодическими лекциями в это же время выступали Е.А. Ляцкий и М.В. Шахматов⁶⁵¹. 18 ноября 1932 г. В Младе Болеслави открыт цикл лекций Славянского института во взаимодействии с местными «Славянскими объединенными союзами». Первым прочел лекцию А.В. Флоровский на тему «Чехи и восточные славяне в их взаимоотношениях». Затем с лекциями выступили Д.И. Дорошенко⁶⁵², Н.Л. Окунев и Е.А. Ляцкий⁶⁵³. Можно привести еще немало таких примеров.

Институт выделял средства на публикацию трудов русских историков, например книг Е.А. Ляцкого, Н.Л. Окунева, А.Л. Петрова, Е.Ю. Перфецкого, Д.И. Чижевского, Е.Ф. Шмурло, Ю.А. Яворского, а также «Записок Русского исторического общества» и научных трудов Семинария/Института имени Н.П. Кондакова. До Второй мировой войны Славянский институт успел

⁶⁵⁰ *Běloševská L.* Op. cit. S. 467; *Ročenka Slovanského ústavu. Sv. II za rok 1929. Praha, 1930. S. 93; Ročenka Slovanského ústavu. Sv. IV za rok 1931. Praha, 1932. S. 9.*

⁶⁵¹ Письмо Славянского института к А.В. Флоровскому, 14 января 1930 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228. Л. 4; *Běloševská L.* Op. cit. S. 468.

⁶⁵² Историк Дмитро Иванович Дорошенко (Дорошенко Дмитро Иванович; 1882–1951), бывший член Центральной рады и министр иностранных дел Украинской державы, был в числе немногих представителей украинской научной эмиграции, кто сотрудничал с русскими коллегами.

⁶⁵³ Диплом С.Г. Пушкарева, выданный Славянским институтом, и протоколы заседаний Славянского института // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 5а. Л. 11.

издать серию словарей, среди которых был «Русско-чешский словарь» Леонтия Васильевича Копецкого (1894–1976)⁶⁵⁴.

Показательна история с изданием «Курса русской истории» Е.Ф. Шмурло, который стал многолетним итогом его научной работы и его рассуждений о русской истории. Еще в начале 1920-х гг. он опубликовал учебник по русской истории для эмигрантской молодежи и трехтомную «Историю России» на итальянском языке⁶⁵⁵. В конце 1920-х гг. Е.Ф. Шмурло начал подготовку сводного курса уже на родном языке, но не имея при этом никаких конкретных издательских перспектив. Тогда он обратился в Славянский институт, который в июне 1929 г. обсудил предложенный план издания⁶⁵⁶. Издание нашло поддержку у профессора Я. Бидло, который сумел убедить руководство института в важности такого издания, правда с условием доработки рукописи. Е.Ф. Шмурло такой вариант устраивал, он написал Я. Бидло, что польщен лестной оценкой его рукописи и его научных трудов вообще от такого знатока славянской истории⁶⁵⁷. Русский историк был согласен учесть все пожелания коллег и переработать текст, правда опасался, что не успеет завершить эту работу. Потому он предлагал издавать тома своего «Курса» постепенно, по мере завершения работы над каждым из планируемых томов. Это решение устроили обе стороны. Е.Ф. Шмурло с благодарностью писал Я. Бидло в 1933 г.: «Президиум Славянского Института официально уведомил меня о решении взять на себя издание дальнейших выпусков моего “Курса Русской Истории”. Вам, как референту-докладчику, я, конечно, более всего обязан такому благоприятному для меня постановлению. Позвольте поэтому, искренне уважаемый Профессор, выразить Вам и просить Вас принять мою

⁶⁵⁴ *Veřka J.* Op. cit. S. 404.

⁶⁵⁵ *Шмурло Е.Ф.* История России 862–1917. Мюнхен, 1922; *Šmurlo E.* Storia della Russia. Roma: Anonima Romana, 1928. Vol. 1: Dalle origini a Pietro il Grande; 1929. Vol. 2: Da Pietro il Grande a Nicola I; 1930. Vol. 3. Da Alessandro II alla Rivoluzione.

⁶⁵⁶ Письмо Е.Ф. Шмурло к Я. Бидло, 6 июля 1929 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 258: Jaroslav Bidlo. Kart. 7. Inv. č. 628.

⁶⁵⁷ Письмо Е.Ф. Шмурло к Я. Бидло, 18 августа 1929 г. // Ibid.

глубокую благодарность за оказанные Вами внимание и поддержку моей книги. С глубоким уважением преданный Вам Е. Шмурло»⁶⁵⁸. Правда опасения ученого оправдались – при жизни он так и не успел завершить проект⁶⁵⁹. Последний, третий, том по авторским черновикам подготовил к печати В.В. Саханев в 1935 г.⁶⁶⁰ Он же пытался заинтересовать Я. Бидло и Славянский институт изданием еще одной незавершенной рукописи Е.Ф. Шмурло – книги «Петр Великий: от колыбели до Великой Северной войны»⁶⁶¹. Проект этот, к сожалению, не состоялся.

Благодаря поддержке Института русские ученые имели возможность совершать научные командировки и проводить архивные и полевые исследования. Научные отчеты русских ученых о командировках, публиковавшиеся в «Ежегоднике Славянского института», дают хорошее представление о масштабе этой работы и ее научных результатах. На средства института Н.Л. Окунев совершил командировки в Париж в мае 1930 г., в Константинополь и Югославию в 1934 г., в Будапешт в сентябре 1935 г., в Югославию в 1937 г.⁶⁶², А.В. Флоровский в Варшаву и Краков в 1930 г., во Львов в сен-

⁶⁵⁸ Письмо Е.Ф. Шмурло к Я. Бидло, 18 декабря 1933 г. // Ibid.

⁶⁵⁹ Вскоре после смерти отца, его сын Сергей, работавший во Французском Судане, поблагодарил Я. Бидло: «Не откажите принять мою искреннюю признательность за то доброе отношение и то исключительное содействие, которое Вы неизменно проявляли по отношению к моему покойному отцу, профессору Е.Ф. Шмурло. Поверьте, что это Ваше отношение, о котором папа неоднократно рассказывал нам и писал в своих письмах, постоянно служило нам большим утешением в нашей разбросанной зарубежной жизни. Со слов папы, я знаю, насколько мы обязаны именно Вам, пробудившему усиленный интерес Славянского Института к делу печатания трудов покойного» (Письмо С.Е. Шмурло к Я. Бидло, 29 мая 1934 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 258: Jaroslav Bidlo. Kart. 7. Inv. č. 562).

⁶⁶⁰ Письма В.В. Саханева к Я. Бидло, 10 мая 1935 г., 1 июня 1935 г., 24 июля 1935 г., 2 августа 1935 г., 24 сентября 1935 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 258: Jaroslav Bidlo. Kart. 7. Inv. č. 546.

⁶⁶¹ В.В. Саханев сообщал Я. Бидло, что Е.Ф. Шмурло успел подготовить 22 главы книги: от женитьбы Алексея Михайловича до Азовских походов (Письмо В.В. Саханева к Я. Бидло, 24 сентября 1935 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 258: Jaroslav Bidlo. Kart. 7. Inv. č. 546).

⁶⁶² Zpráva prof. N. Okuneva o vědecké cestě do Paříže v květnu r. 1930 // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. III za rok 1930. Praha, 1931. S. 105; Zpráva prof. N.L. Okuneva o studijní cestě do Cařihradu a do Jugoslavie v roce 1934 // Ibid. Sv. VIII za rok 1935. Praha, 1936. S. 43–45; Zpráva prof. N.L. Okuneva o účasti ve schůzi redakčního komitétu Federace historických společností východoevropských // Ibid. Sv. VIII za rok 1935. Praha, 1936. S. 42–

тябре 1931 г.⁶⁶³, Д.А. Расовский в Подкарпатскую Русь летом 1931 г.⁶⁶⁴, К.К. Висковатый в Далмацию летом 1935 г.⁶⁶⁵, Б.А. Евреинов получил возможность изучить чешские провинциальные архивы в Тржебони, Чешском Крумлове и Индржиховом Градце в 1931 г.⁶⁶⁶

Пока не представляется возможным подсчитать, сколько именно ученых получали помощь от Института, и каковы были ее размеры. В то же время можно с уверенностью сказать, что помощь эта была велика, и ее получали многие русские историки. Например, благодаря помощи Института, Н.Л. Окунев смог совершить несколько экспедиций в Сербию и завершить монументальный труд по истории сербской средневековой живописи⁶⁶⁷.

Н.Л. Окунев представлял пример успешной интеграции в чешскую научную среду. Его формирование как исследователя началось еще в дореволюционной России, но большую часть своего научного наследия он создал уже в эмиграции. В 1932 г. Славянский институт принял его предложение о создании Архива славянского искусства. Его целью было собирание и научная классификация документальных и фотографических материалов, относящихся к славянскому изобразительному искусству, научных описаний памятников, их рисунков и цветных копий, биографических материалов о мастерах искусства, оригиналов их работ⁶⁶⁸. Но из-за недостат-

43; Zpráva prof. N. Okuneva o studijní cestě do Jugoslaviie o prázdninách v r. 1937 // Ibid. Sv. X za rok 1937. Praha, 1938. S. 72–73.

⁶⁶³ Zpráva prof. A. Florovského o cestě do Polska // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. III za rok 1930. Praha, 1931. S. 110; *Флоровский А.В.* Отчет о поездке во Львов для участия в собраниях Комитета по изданию «Słowníka Słowiańskich Starożytności» // Ibid. Sv. IV za rok 1931. Praha, 1932. S. 104–106

⁶⁶⁴ Отчет д-ра Д. Расовского о научной командировке в Подкарпатскую Русь летом 1931 года // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. IV za rok 1931. Praha, 1932. S. 117–118.

⁶⁶⁵ Zpráva Konstantina Viskovatého o vědeckém zájezdu do Dalmácie v létě 1935 // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. VIII za rok 1935. Praha, 1936. S. 47–48.

⁶⁶⁶ Отчет Б.А. Евреинова о научной поездке в южную Чехию в целях работы в частных архивах кн. Шварценберга и гр. Чернина в Тржебони, Чешском Крумлове и Индржиховом Градце // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. IV za rok 1931. Praha, 1932. S. 114–116.

⁶⁶⁷ См.: *Борђевић И.* Указ. соч. С. 213–219.

⁶⁶⁸ *Murko M.* Op. cit. S. 211; *Běloševská L.* Op. cit. S. 469; *Янчаркова Ю.* Славянская коллекция профессора Окунева // Родина. 2006. № 4. С. 93–95; *Она же.* Николай Львович Окунев: Архив и Галерея славянского искусства // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 140–147.

ка средств Институту пришлось ограничиться только русскими и южно-славянскими материалами. В коллекции архива были собраны поистине ценные работы видных русских художников – А.Н. Бенуа, З.Н. Серебряковой, Е.А. Лансере, Н.Н. Гончаровой, а также множество уникальных фотографий⁶⁶⁹.

Славянский институт привлекал историков-эмигрантов для участия в чешских научных проектах. В 1927 г. русские члены института, в первую очередь С.Г. Пушкарев⁶⁷⁰, были приглашены в рабочую группу известного историка права профессора К. Кадлеца, который на протяжении тридцати лет собирал термины славянского права и составлял «Историко-правовой славянский словарь» (*Historicko-právní glosář slovanský*). В 1928 г. ученый умер, не успев завершить работу⁶⁷¹. С.Г. Пушкарев познакомился с К. Кадлецом еще в начале 1920-х гг., когда заинтересовался сравнительно-историческим изучением памятников славянского права в процессе подготовки к магистерским испытаниям. Он начал посещать руководимый чешским профессором историко-юридический семинар. К. Кадлец поручил своему молодому коллеге составить предметный указатель к книге А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве» с кратким объяснением каждого термина и, по возможности, переводом на чешский язык. По итогам этой работы С. Г. Пушкарев составил и передал К. Кадлецу объемную 200-страничную тетрадь, в которой в алфавитном списке помещался словарь терминов⁶⁷². Работа эта была

⁶⁶⁹ Zpráva prof. dr. N. Okuneva o činnosti archivu slovanského umění // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. X za rok 1937. Praha, 1938. S. 46–47.

⁶⁷⁰ Дневник и записи денежных расходов // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 8. Л. 59 об. 31 мая 1932 г. Президиум Славянского института в Праге избрал С.Г. Пушкарева действительным членом. См.: Диплом С.Г. Пушкарева, выданный Славянским институтом, и протоколы заседаний Славянского института // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 5а. Л. 1.

⁶⁷¹ *Saturník T. Univ. professor JUDr. Karel Kadlec* // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. I za rok 1928. Praha, 1929. S. 54.

⁶⁷² Отчет о полугодовой работе в Праге оставленного при Университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории Сергея Германовича Пушкарева

высоко оценена чешским правоведом, и он привлек русского историка к сотрудничеству⁶⁷³.

Тогда ее было решено продолжить совместными усилиями чешских и русских ученых под покровительством Чешской академии наук и искусств и Славянского института, членами которого специально были избраны двое русских ученых – С.Г. Пушкарев и М.В. Шахматов⁶⁷⁴. С чехословацкой стороны членами коллектива стали Т. Сатурник, М. Ханка, М. Виходил. Члены рабочей группы изучали правовые памятники и выявляли историко-юридические термины, которые затем анализировали и заносили на специальные карточки. Эта работа продолжалась на протяжении 1930-х – начала 1940-х гг.⁶⁷⁵ Поначалу ее не удавалось завершить из-за экономического кризиса, а затем этому помешала война. Правда, одним из результатов ее стал опубликованный С.Г. Пушкаревым в конце 1930-х гг. очерк истории русского права⁶⁷⁶. Словарь так и не был издан⁶⁷⁷.

Если подытоживать вышесказанное, то можно прийти к выводу, что чехословацкие научно-исследовательские объединения сыграли важную роль в поддержке российской научной эмиграции. Это касалось не просто финансирования текущих исследований, но и интеграции в местную и, шире,

ва. 6 июня 1922 г. // Národní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Kart. 16. Inv. č. 125.

⁶⁷³ Письмо К. Кадлеца к С.Г. Пушкареву, 17 мая 1922 г. // Ibid.

⁶⁷⁴ 31 мая 1932 г. Президиум Славянского института в Праге избрал Пушкарева действительным членом. См.: Диплом С.Г. Пушкарева, выданный Славянским институтом, и протоколы заседаний Славянского института // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 5а. Л. 1.

⁶⁷⁵ Zpráva o Kadlcově glosáři slovanských právních starožitností // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. VIII za rok 1935. Praha, 1936. S. 175; Zpráva o práci, vykonaných na Kadlcově glosáři slovanských právních starožitností, v roce 1936 // Ibid. Sv. IX za rok 1936. Praha, 1937. S. 190 – 191; Zpráva o pracích vykonaných v roce 1938 na Kadlcově glosáři slovanských právních starožitností // Ibid. Sv. XI za rok 1938. Praha, 1939. S. 161.

⁶⁷⁶ *Пушкарев С.Г.* Очерк истории русского государственного права (верховная власть и государственное управление). Прага, б.г.

⁶⁷⁷ Очевидно, что после смерти К. Кадлеца в Чехословакии просто не нашлось ученого его масштаба, способного завершить работу. На это с опаской указал еще в 1929 г. Г.В. Вернадский в письме к С.Г. Пушкареву: «Неужели Ваша работа останется неизданной? Как жалко Кадлеца, и какая утрата его смерть!» (Письмо Г.В. Вернадского к С.Г. Пушкареву // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 167. Л. 13).

в европейскую науку. Правда, у этой интеграции тоже были свои границы, связанные, в частности, с проблемой научного языка. В особенности она затрагивала представителей естественных, точных и технических наук. Публикация исследований на чешском или словацком языке помогала вхождению в местную среду, особенно если эти исследования были приурочены к решению актуальных для республики проблем. Но в то же время это отрезало от зарубежной среды, где читающих на чешском или словацком было еще меньше, чем на русском. Отчасти лингвистическую напряженность снимали резюме на иностранных языках (в первую очередь – на немецком и французском, и реже – на английском). Однако возможность печатания пространных резюме и рефератов, как, например, в упоминавшейся книге П.В. Отоцкого про грунтовые воды, была не всегда.

Известности на международной арене способствовало участие русских ученых в крупных интернациональных конференциях, конгрессах и форумах. Чехословацкие власти по возможности были заинтересованы в поддержке подобных форм презентации знаний и открытий, поскольку русские ученые, если проанализировать сохранившиеся программы съездов, почти всегда представляли там именно чехословацкие, а не эмигрантские учреждения. Таким образом, они работали на международный авторитет чехословацкой науки, но одновременно продолжали развивать традиции науки российской.

Глава 2. Российские ученые-эмигранты в Чехословакии и славянский мир

§1. Изучение славянского мира в творчестве российских ученых-эмигрантов

Славянская проблематика в творчестве ученых-эмигрантов сразу вызывает ассоциации с общественными и гуманитарными науками. Это в полной мере объяснимо широким представительством историков, филологов, правоведов, философов, экономистов среди русских ученых в Чехословакии и глубокими традициями изучения славянства в отечественной науке. Само нахождение в Праге, где когда-то, благодаря крупнейшим представителям национального Возрождения (Йозеф Добровский, Павел Йозеф Шафарик, Франтишек Палацкий и др.), было положено начало славяноведению как специальной научной дисциплине, создавало благоприятный климат для проведения специальных исследований. Чешское и словацкое общество еще со времен национального возрождения чувствовало свою причастность к славянской общности. Это отразилось в стремлении к изучению славянских народов, причем с практической потребностью как можно больше узнать об их культуре и там самым обогатить чешскую культуру, а особенно литературу⁶⁷⁸.

Межвоенная Прага позиционировала себя как важнейший центр славянского мира. В масариковской Чехословакии с новой силой ожила кирилло-мефодиевская традиция, развивавшаяся еще со времен Позднего Средневековья и постепенно превратившись в важнейшую составляющую духовной жизни. Как отметил Г.П. Мельников, эта традиция имела особенность актуализироваться в разные исторические периоды. Ее религиозная, политическая и культурная составляющие были неразрывно связаны, но в зависимости от текущей ситуации на первый план могла выходить любая из

⁶⁷⁸ *Veřka J.* Op. cit. S. 401.

них⁶⁷⁹. В масариковской Первой республике кирилло-мефодиевская традиция сплелась с идеями чехословакизма. Наследие Великой Моравии признавалось важным для обоснования нынешнего политического единства чехов и словаков, в нем видели некий прообраз для будущего. Вместе с тем деятельность Кирилла и Мефодия рассматривали и в общеславянском контексте. Упор делался на то, что носителями памяти о ней в Центральной Европе оказались чешские монастыри⁶⁸⁰.

С одной стороны, среди русских ученых-эмигрантов было немало лиц, кто еще до революции занимался теми или иными проблемами славянского мира. В Чехословакии оказались видные и уже признанные специалисты старшего поколения – Д.Н. Вергун, Е.Ю. Перфецкий, А.Л. Петров, В.А. Францев. Ю.А. Яворский. С другой стороны, к проблеме изучения славянских стран начали обращаться те российские ученые, которые до революции подобными сюжетами на занимались. Л.П. Лаптева отмечала, что ученые, занимавшиеся до революции российской историей, оказались оторваны от архивов и библиотек, в новых условиях им приходилось переориентироваться на новые проблемы⁶⁸¹. Всё это так. Однако, как будет показано в дальнейшем, внезапно открывшимися возможностями захотели воспользоваться не все. В межвоенный период также формировался круг молодых исследователей, чьи научные карьеры формировались в иностранном интеллектуальном пространстве. В эмиграции обращение к региональным темам служило мощным и важным фактором для научной интеграции в местное пространство. Не будем забывать и о том, что после Первой мировой войны славянский мир пережил мощнейшие политические, культурные, экономические сдвиги, которые требовали своего осмысления.

⁶⁷⁹ Мельников Г.П. Кирилло-мефодиевская традиция в чешской культуре XIV–XVIII вв. // Славянский мир в третьем тысячелетии: к 1150-летию славянской письменности. Кн. 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 13.

⁶⁸⁰ Ковальская Э. Традиция национальных Святых Кирилла и Мефодия: возникновение и использование в политической пропаганде словацкого национализма // Славяноведение. 2013. № 2. С. 74.

⁶⁸¹ Лаптева Л.П. Русские историки-эмигранты в славянских странах в 20–30-е годы XX в. // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2016. Вып. 11. С. 42.

Потому представляется важным и интересным взглянуть на то, как в кругу русских ученых в Чехословакии эти направления переплетались между собой, как взаимодействовали научные традиции прошлого с новыми реалиями и вызовами современности. Не менее важно проанализировать, какие конкретно шаги по изучению приютившей их страны, а равно и других славянских государств, предпринимались со стороны русских исследователей.

Ученые-эмигранты стремились актуализировать славянскую тематику в самом широком смысле слова и, вполне естественно, подчеркнуть важность изучения приютившей их Чехословакии. Так, например, третий том «Научных трудов Русского народного университета в Праге» (1930) был полностью составлен из статей на чехословацкую тематику. Несмотря на то, что издатели журнала явно стремились придать этому номеру междисциплинарный характер, в реальности почти все статьи относились к социально-гуманитарной проблематике. Статья зоолога М.М. Новикова обрисовывала исторический путь чешского естествознания⁶⁸² и даже очерк П.Н. Савицкого о почвенной географии Чехословакии был написан в большей степени в русле социально-экономической географии, нежели физической⁶⁸³. Хронологический же охват публикаций был широк: от гуситских времен⁶⁸⁴ до масариковских⁶⁸⁵. Обратим внимание на важную особенность – хотя номер был посвящен изучению Чехословакии, чешский материал заметно превалировал над словацким. Особый акцент был сделан на

⁶⁸² *Новиков М.М.* Очерк исторического развития биологических наук в Чехословакии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 71–86. В следующем номере журнала М.М. Новиков поместит еще одну ценную статью по истории российско-чешских связей в области биологической науки: *Новиков М.М.* Взаимоотношения Я.Е. Пуркиньи с русскими // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1931. Т. 4. С. 311–319.

⁶⁸³ *Савицкий П.Н.* Очерки почвенной географии Чехословакии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 233–275.

⁶⁸⁴ *Флоровский А.В.* Ян Гус в русской оценке (Справка из истории чешско-русских отношений) // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 23–44

⁶⁸⁵ *Остроухов П.А.* Внешняя торговая политика Чехословацкой Республики // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 210–221.

истории чешской науки и культуры⁶⁸⁶. Это объясняется легко читаемым во всех текстах желанием подчеркнуть и показать различные проявления «гения чешского народа», а порой, там, где это возможно, показать связь чешской и русской культур. Итак, идея взаимодействий славянских культур стала одной из доминирующих в эмигрантских научных нарративах.

Она ярко отражалась в творчестве одного из патриархов российской науки, оказавшихся в Чехословакии – академика В.А. Францева. В пражский период жизни он сосредоточил свое внимание главным образом на изучении связей русских ученых и писателей с коллегами из славянских стран. Огромное значение В.А. Францев придавал исследованию поездок русских ученых в славянские земли, их знакомству с деятелями национального славянского возрождения. Он проследил, каким образом эти путешествия сказались на становлении отечественного славяноведения. В.А. Францева привлекло исследование контактов русских исследователей (О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, П.И. Прейс, М.П. Погодин и др.) со славянскими будителями (Я. Коллар, Л. Гай, Й. Юнгман, В. Ганка, Ф. Палацкий и др.). Он показал, сколь большое значение имели они для развития отечественной гуманитарной науки и в целом для укрепления межкультурных контактов⁶⁸⁷. В 1927–1928 гг. в Праге вышла двухтомная

⁶⁸⁶ *Лапшин И.И.* Бедржих Сметана как выразитель чешского музыкального гения // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 159–167; *Бем А.Л.* Отокар Бжезина (Выразитель гения чешского народа) // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 127–158; *Ляцкий Е.А.* Ян Неруда: Художник великих достижений на пороге новой чешской литературы // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 109–126; *Могилянский Н.М.* Чешская мысль и творчество в области антропологических наук: (А. Градичка, А. Матейка, Л. Нидерле и А. Стоцкий) // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 87–105; *Копецкий Л.В.* Чешские филологи-слависты // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 61–70; *Лосский Н.М.* Современная философия в Чехословакии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 47–60.

⁶⁸⁷ *Францев В.А.* М.Н. Погодин и Фр. Палацкий. К истории русско-чешских связей в конце XIX в. // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Кн. 1. 153–168; *Он же.* Из истории славянской литературной взаимности. Коллар и русские ученые в Загребе (1840–1841). Прага, 1929; *Он же.* Первые русские труды по изучению славянства, преимущественно южного // Прослава на освободительную войну 1877–1878. Руско-български сборникъ. София, 1929. С. 36–53.

переписка П.Й. Шафарика с русскими учеными, снабженная обширным предисловием В.А. Францева⁶⁸⁸. Как установила Л.П. Лаптева, над этим трудом ученый начал работать еще до революции в годы профессорства в Варшаве, но завершить его смог уже в чешской столице⁶⁸⁹.

Не меньшее значение имело для В.А. Францева изучение русско-славянских литературных контактов: восприятие творчества Г.Р. Державина, А.С. Хомякова, И.С. Аксакова и др. в славянской среде⁶⁹⁰. Особняком стоит монографическая статья о взглядах А.С. Пушкина на судьбы славянства, национальные движения и империю⁶⁹¹. В ней В.А. Францев дал исторический комментарий стихотворениям («Клеветникам России», «Бородинская годовщина»), написанных поэтом под впечатлением от Польского восстания 1830–1831 гг., выявил пушкинское понимание русско-польских отношений, которое еще при жизни поэта стали объектом критики как в Европе, так и в России. В.А. Францев доказывал, что А.С. Пушкин никогда не испытывал ненависти к полякам, никогда не призывал уничтожить польскую государственность, но он понимал, что борьба против России в 1830–1831 гг. велась не «за вашу и нашу свободу», а за восстановление Польши в границах 1772 г. Поэт понимал стремления поляков, но «не мог примириться с самим способом осуществления этих стремлений и с пределами чрезмерных польских притязаний»⁶⁹².

В своих исторических построениях В.А. Францев находился под влиянием романтических славянофильских представлений и во всех своих работах проводил «идею славянской взаимности». Л.П. Лаптева определила ее как мысль об исторической необходимости будущего объединения сла-

⁶⁸⁸ Korespondence Pavla Josefa Šafařika. Vzájemné dopisy P.J. Šafařika s ruskými učenci (1825–1861). Praha, 1927–1928. Č. 1–2.

⁶⁸⁹ Лаптева Л.П. В.А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов. С. 85.

⁶⁹⁰ Францев В.А. Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст. Прага, 1924.

⁶⁹¹ Францев В.А. Пушкин и польское восстание 1830–1831. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник Русского института. Прага, 1929. С. 65–208.

⁶⁹² Францев В.А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. С. 92, 95.

вянских народов в одно целое, характер которого сами сторонники этой идеи не всегда ясно осознавали⁶⁹³. Эти представления ярко проявлялись во всех работах В.А. Францева эмигрантского периода. Об этой идейной направленности творчества ученого и одновременно о взглядах части эмигрантского ученого сообщества хорошо свидетельствует письмо И.И. Лаппо 29 апреля 1937 г.: «Плоды трудов рук Ваших в области славяноведения поистине велики, и Вы с подлинным нравственным удовлетворением можете оглянуться на длинный ряд годов Вашей научной деятельности. Этого нет и не может быть у многих и очень многих из академических деятелей нашей печальной современности. Но и в другом Вы на них не похожи. В Вас ведь живет традиция “славянских кафедр”, созданных в 1835 году. А эта традиция не только научная, но и славяно-идеологическая со всею ее любовью к “славянскому народу”, как говаривали раньше <...> Вот это то старое настроение или, лучше сказать, настроенность русских ученых, обретавшихся в Праге, если не считать умершего в начале нашего пребывания в ней Н.В. Ястребова. Вы хранитель традиции “славянских кафедр” России. В этом Ваша сила. Но это же неизбежно дает Вам и много тяжелых переживаний в наши дни “реальной политики”, далекой как от идеализма и чести, так и от дальновидности»⁶⁹⁴.

Но если для В.А. Францева славянский вектор исследований был предопределен всем предшествующим научным творчеством, то иные исследователи, причем старшего поколения, стали обращаться к славянским сюжетам, особенно к чехословацким, словно в знак уважения к приютившей их стране. Попытки эти были искренними, но не всегда успешными с точки зрения научной новизны и академичности. Так в годы эмиграции чешской

⁶⁹³ *Lapťevová L.P.* V.A. Francev a jeho koncepcie rusko-české vzájemnosti // *Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et Historica*. 1964. № 3. S. 72–73; *Она же*. В.А. Францев как историк славянства. С. 207, 229–234.

⁶⁹⁴ Письмо И.И. Лаппо В.А. Францеву, 29 апреля 1937 г. // *Literární archiv Památníku národního písemnictví. Osobní fond 372: Vladimír Andrejevič Francev. Korespondence vlastní. 2/E/4*.

историей увлекся А.А. Кизеветтер⁶⁹⁵. В наибольшей мере его интересовала история национального возрождения и особенно привлекала фигура Ф. Палацкого, вклад которого в чешскую историографию он сравнил со вкладом С.М. Соловьева в историографию русскую. Труды Ф. Палацкого, по его мнению, как памятник народного духа «сохранят навсегда свою обаятельность и свое руководящее значение»⁶⁹⁶. А.А. Кизеветтер, вне всякого сомнения, был крупным историком, но он не внес нового слова в изучение чешской истории и чешско-русских связей, полностью следуя за выводами своих коллег и синтезируя их прекрасным литературным слогом. Хотя его работы проникнуты глубокой любовью и уважением к чешскому народу, вряд ли кому-то из богемистов в наше дни придет в голову цитировать их как квалифицированные научные исследования. Можно сказать, что они не выдержали испытания временем уже в момент своей публикации. Правда в защиту ученого стоит сказать, что его публикации по чешской истории все же были направлены, главным образом, для внутриэмигрантского потребления и для русскоязычной аудитории. Автор ставил перед собой в большей степени научно-просветительские и популяризаторские задачи, нежели чисто академические. Гораздо успешнее А.А. Кизеветтер оказался в деле изучения славянской идеи в России XIX в. Предметом его внимания стали взгляды декабристов⁶⁹⁷, славянофилов, Н.Я. Данилевского,

⁶⁹⁵ В рукописном собрании Российской государственной библиотеки были обнаружены его неопубликованные работы 1920-х гг., посвященные историческому пути развития чешского народа и государственности: *Кизеветтер А.А.* Очерк истории Чехии // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 566. Карт. 6. Д. 13. Л. 1–18; *Кизеветтер А.А.* Исторические судьбы чешского народа. Речь в день 10-летия Чехословацкой республики // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 566. Карт. 7. Д. 3. Л. 1–39; *Кизеветтер А.А.* Речь в день рождения Т. Масарика // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 566. Д. 8. Л. 1–12.

⁶⁹⁶ *Кизеветтер А.А.* Франтишек Палацкий // Голос минувшего на чужой стороне. Прага, 1927. № 5. С. 31–49; *Он же.* Национальное возрождение Чехии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 3–22.

⁶⁹⁷ А.А. Кизеветтер усмотрел значительное место славянского вопроса в идеологии декабристов и посвятил этому сюжету специальную статью: *Kizevetter A.* Slovanská otázka u děkabristů. Z dějin východní Evropy a slovanstva // *Z dějin východní Evropy a slovanství.* Sborník věnovaný Jaroslavu Bidlovi. Praha, 1928. S. 376–379. В этом же сборнике была

Ф.М. Достоевского, И.С. Аксакова⁶⁹⁸. В 1922 г. им была написана статья, правда, так и не увидевшая свет при жизни автора, раскрывающая взгляды русских мыслителей на славянство и ставшая своеобразным ответом тем общественно-политическим кругам Западной Европы, которые видели в панславизме орудие русской экспансии⁶⁹⁹. А.А. Кизеветтер доказывал, что никто из названных им русских мыслителей, несмотря на различия во взглядах, никогда не вынашивал планов политической гегемонии России над всеми славянскими народами и поглощения их русскими, а наоборот подчеркивали их право на историческую самобытность, пусть даже в рамках Всеславянского Союза.

Обращение к славянской проблематике было не только данью научной традиции и способом отдать дань уважения Чехословакии и другим славянским странам, принявшим русских эмигрантов. Это был надежный способ научной интеграции в новое интеллектуальное пространство, тем более что славянская тематика (или же российско-славянская тематика) оказывалась порой более востребованной, чем сугубо российские сюжеты⁷⁰⁰. Остановимся на нескольких красноречивых примерах.

опубликована статья А.В. Флоровского, логически примыкающая к работе А.А. Кизеветтера, и освещающая участие в декабристском движении В. Враницкого, чеха, переселившегося в начале XIX в. в Россию: *Florovskij A. Čech-dekabrista (Episoda z dějin rusko-českých sryků) // Z dějin východní Evropy a slovanství. Sborník věnovaný Jaroslavu Bidlovi. Praha, 1928. S. 380–389.*

⁶⁹⁸ В декабре 1928 г. А.А. Кизеветтер приезжал в Белград по приглашению Союза русских писателей и журналистов, где выступил перед сербской и русской аудиторией с докладом «Иван Аксаков и славянский вопрос» (Три предавања проф. А.А. Кизеветтера // Време. Београд, 1928. 1 децембра. Год. VIII. Бр. 2494. С. 10).

⁶⁹⁹ *Кизеветтер А.А. О славянстве // Славяноведение. 1993. № 4. С. 83–94; Досталя М.Ю. Неопубликованная статья А.А. Кизеветтера по проблемам славянской идеологии // Там же. С. 81–82.*

⁷⁰⁰ Рискну предположить, что такая востребованность объяснялась в том числе традициями развития социально-гуманитарного знания в славянских странах. Если в чехословацкой и польской межвоенной науке найдется немало примеров обращения к «чужим» сюжетам (французская литература, итальянская история, немецкая философия и пр.), то болгарская и югославская научная культура были в значительной мере ориентированы на национальные сюжеты. Это была, например, одна из причин того, что оказавшийся в Софии П.М. Бицилли, блестящий знаток итальянского Возрождения, переориентировался в своих исследованиях на другие сюжеты.

Бывший профессор Новороссийского университета Сергей Григорьевич Вилинский (1876–1950), до революции занимавшийся историей древнерусской литературы, после поступления на работу в Масариков университет в Брно сосредоточился на изучении славянских литератур. В 1933 г. он представил к защите диссертацию о творчестве болгарского поэта и драматурга Петко Тодорова (1879–1916). Это было без преувеличения новаторское исследование о современной славянской литературе, и С.Г. Вилинский имел полное право сказать: «Я написал книгу о болгарском поэте, какой нет даже у самих болгар»⁷⁰¹. Материал для этой работы он собирал во время командировок в Болгарию в 1930 и 1931 гг., которые стали возможными при финансовой поддержке чехословацкого министерства образования и народного просвещения и Славянского института в Праге⁷⁰². Показательно, что свою книгу русский ученый посвятил памяти профессора Вацлава Вондрака (Václav Vondrák; 1859–1925) – видного знатока славянских языков и литератур. Брненский славист Иво Поспишил справедливо заметил, что для С.Г. Вилинского обращение к современным славянским литературам стало одним из важных условий в развитии чехословацкой карьеры⁷⁰³.

Однако даже для тех, кто не стремился активно строить такую карьеру, но при этом был увлечен новыми идеями, пребывание в Чехословакии открывало новые возможности. Показателен пример молодого историка Б.А. Евреинова. Он обратился к изучению фондов чехословацких архивов на предмет выявления в них неизвестных материалов по истории России. Он усердно работал в Архиве Министерства внутренних дел республики, в пражском полицейском архиве и пражском городском архиве, в архиве князей Шварценбергов в Тржебони и Чешском Крумлове, в архиве графов Черниных в Индржиховом Градце. Б.А. Евреинов стал одним из первопро-

⁷⁰¹ Цит. по: *Малинова-Димитрова Л.* Поэтика драматургии Петко Ю. Тодорова в исследованиях чешских авторов XX века (Вейнгарт – Волман – Вилинский) // *Litteraria humanitas*. Т. XIV: Problému poetiky. Brno, 2006. С. 229.

⁷⁰² *Поспишил И.* Научная судьба Сергея Вилинского: самореализация ученого-эмигранта в чужой среде // *Питання літературознавства*. Чернівці, 2015. Вип. 22. С. 41.

⁷⁰³ Там же. С. 40–41.

ходцев в изучении чешской Россики. Он писал по этому поводу: «Богатство этих архивов, их исключительное значение для исследователя не только чешской истории, но и истории Центральной Европы, начиная от половины XIII века, заставляли думать, что для исследователя русской истории и истории русско-чешских культурных и политических отношений найдется в этих архивах немалое количество интересного материала»⁷⁰⁴. В этих архивах Б.А. Евреинов обнаружил уникальные документы по истории участия России в наполеоновских войнах, а также множество других материалов, касающихся русской истории XVII–XIX вв. Работа в местных архивах позволила молодому историку написать немало ценных научных работ⁷⁰⁵.

Особой задачей стал поиск материалов об эпохе царствования императора Александра I, Наполеоновских войнах и Священном союзе. В событиях того времени принимали участие представители семьи Шварценбергов, поэтому, по предположению Б.А. Евреинова, обследование архивов в Тржебони и в Чешском Крумлове мог дать много новых сведений. Б.А. Евреинов изучил так называемую летопись Леопольда Триммера – «двухтомный рукописный сборник разнообразных материалов, касающихся политической, военной и бытовой истории Европы от 1806 года до 1824 года». Эта летопись содержит сведения о России Александровского времени и ее участии в коалиции против Наполеона⁷⁰⁶.

Более богат материалами по российской истории оказался архив Шварценбергов в Чешском Крумлове. Он обратил внимание на отношения Александра I и семьи Шварценбергов. Б.А. Евреинов обнаружил в крумловском архиве письмо русского императора к князю Иосифу Шварценбергу (Joseph II. Johann Nepomuk Karl Franz de Paula Ladislaus Fürst von

⁷⁰⁴ Отчет Б.А. Евреинова о научной поездке в южную Чехию в целях работы в частных архивах кн. Шварценберга и гр. Чернина в Тржебони, Чешском Крумлове и Индржиховом Градце // *Ročenka Slovanského ústavu. Sv. IV za rok 1931. Praha, 1932. S. 114.*

⁷⁰⁵ Сын ученого вспоминал, как летом 1930 г. отец снял на лето небольшой домик у местного зажиточного крестьянина в Тржебони, чтобы иметь возможность ежедневно ходить на занятия в архив, а заодно обеспечить отдых для своей семьи (*Евреинов А.Б. Указ. соч. С. 118–119*)

⁷⁰⁶ Отчет Б.А. Евреинова о научной поездке в южную Чехию. S. 116.

Schwarzenberg; 1769–1833), письмо князя Петра Михайловича Волконского, ответные письма князя И. Шварценберга, сведения о двукратном посещении Александром I замка Шварценбергов. Б.А. Евреинов также просмотрел относящиеся к России бумаги князя Феликса Шварценберга (Felix Prinz zu Schwarzenberg; 1800–1852), видного австрийского государственного деятеля и министра иностранных дел Австрийской империи в 1848–1852 гг. Среди них – собственноручные записи князя о русской армии в 1825 г. (дислокация, командный состав, численность), а также документ на французском языке, написанный неизвестным автором, излагающий проект новой славянской политики Австрии 1849 г.

В Индржиховом Градце Б.А. Евреинов работал в архиве графа Чернина. Он изучил рукопись начала XVII в. на немецком языке «Von dem Moskowiter Fürsten Demetrio», излагающую историю Лжедмитрия I. Он также просмотрел большое количество документов о пребывании в Градецких владениях Черниных войск А.В. Суворова в начале 1800 г.⁷⁰⁷ Одной из жемчужин, с точки зрения Б.А. Евреинова, оказалось собрание корреспонденции. В нем были письма Екатерины II, Павла I, Александра I, императрицы Елизаветы Алексеевны, великого князя Константина Павловича и др., а также послания от русских государственных деятелей – князя А.М. Горчакова, графа А.А. Разумовского, князя П.М. Волконского, князя К.О. Поццо-ди-Борго, канцлера К.В. Нессельроде и др.⁷⁰⁸

Документы из Архива министерства внутренних дел в Праге позволили Б.А. Евреинову написать статью о восприятии чешским обществом войны 1877–1878 гг.⁷⁰⁹ Материалы пражского полицейского архива легли в основу статей о взглядах М.А. Бакунина на славянство и о его пребывании Чеш-

⁷⁰⁷ *Евреинов Б.А.* Русские войска на юге Чехии в 1799–1800 гг. // Центральная Европа. Прага, 1933. № 1. С. 35–39.

⁷⁰⁸ Отчет Б.А. Евреинова о научной поездке в южную Чехию в целях работы в частных архивах кн. Шварценберга и гр. Чернина в Тржебони, Чешском Крумлове и Индржиховом Градце // *Ročenka Slovanského ústavu. Sv. IV za rok 1931. Praha, 1932. S. 116.*

⁷⁰⁹ *Евреинов Б.А.* Война за освобождение балканских славян (1877–1878 гг.) и чешское общество // Труды V Съезда Русских Академических организаций за границей. София, 1931. Ч. 1. С. 353–368.

ских землях. Цикл тематических статей о знаменитом русском революционере, занимает особое место в научном творчестве историка и, безусловно, восхищает источниковедческой широтой⁷¹⁰. Б.А. Евреинов в сравнительном ключе рассмотрел взгляды на славянство М.А. Бакунина и Ф. Палацкого, показав столкновение двух противоположных идей: жажды разрушения империи и мечты о создании конституционной монархии⁷¹¹. Б.А. Евреинов на основе архивных документов проследил реакцию властей на слухи о появлении русского революционера, о распространении его воззваний среди славян, обстоятельства его ареста в мае 1849 г. в Саксонии, выдачу австрийцам, содержание в тюрьмах Праги и Оломоуца и выдачу русским властям в 1851 г.⁷¹² В Архиве министерства внутренних дел Б.А. Евреинов обнаружил полицейские протоколы, в которых были отражены материалы пристальной слежки за Ю.Ф. Самариным во время его приездов в Прагу в 1867–1868 гг.⁷¹³ Ю.Ф. Самарина, как и М.А. Бакунин, был тогда необычайно популярен в чешском обществе. На него смотрели «как на душу истинного панславизма», как «на будущего русского консула для Чехии»⁷¹⁴.

Можно лишь сожалеть, что преждевременная смерть историка, не дожившего до 45 лет, 29 октября 1933 г. положила конец этим архивным изысканиям, и что он так и не успел синтезировать результаты своих исследований в обобщающем труде. Увы, очень ограниченной оказалась и археографическая практика Б.А. Евреинова. Он смог опубликовать лишь

⁷¹⁰ Матвеев С.А. «Он не старался стричь наше историческое прошлое под гребенку предвзятых схем...»: Научное наследие Б.А. Евреинова в контексте развития российской исторической науки // Россия XXI. 2020. № 4. С. 62.

⁷¹¹ Евреинов Б.А. Бакунин и Палацкий // Центральная Европа. 1931. № 1. С. 29–37; Евреинов Б.А. Бакунин и Славянский съезд 1848 г. в Праге // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1936. Вып. 13. С. 131–160.

⁷¹² Евреинов Б.А. М.А. Бакунин и австрийские власти в 1849–1851 годах // Научные труды Русского народного университета. 1931. Т. 4. С. 118–128; Евреинов Б.А. Последний этап славянской деятельности Бакунина // Там же. 1933. Т. 5. С. 98–109.

⁷¹³ Евреинов Б.А. Ю.Ф. Самарин в Праге в 1867–1868 гг. (По материалам пражской полиции) // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Т. I. С. 333–350.

⁷¹⁴ Там же. С. 339.

записку неизвестного русского автора, написанную на французском языке и адресованную князю Ф. Шварценбергу. Ученый обнаружил ее при работе с материалами шварценбергского архива в Чешском-Крумлове. Этот документ излагал проект новой славянской политики в Австрии. Русский автор предлагал защитить славянские народы империи от пагубного германского влияния, которое приносит яд революции (1849)⁷¹⁵. Научное значение документа было отмечено современниками⁷¹⁶.

Конечно, пребывание в Чехословакии оказало влияние на творчество других -ученых историков. Но для большинства из них обращение к чешским (а еще реже – словацким) сюжетам носило эпизодический характер, несмотря на то что отдельные работы были подготовлены на высоком уровне и значительно обогатили науку. Характерен пример С.Г. Пушкарева, который во второй половине 1930-х гг. обратился к истории городского самоуправления в средневековой Чехии. Судя по записи в его дневнике, в сентябре 1937 г. он начал изучать источники и литературу по данной теме⁷¹⁷. Интерес С.Г. Пушкарева к чешской истории сформировался еще в начале 1920-х гг., когда он, будучи начинающим историком, готовился к магистерским испытаниям. Согласно его научному отчету тех лет, он много времени посвятил изучению чешского языка, а вместе с ним и чешскому прошлому. Причем большое влияние на него оказали работы крупнейшего чешского историка Йозефа Пекаржа (Josef Peřák; 1870–1937). Одновременно он посещал лекции о современной Чехословакии, которые читал на философском факультете Карлова университета его старший эмигрантский коллега профессор Н.В. Ястребов⁷¹⁸. Вместе с тем интерес к истории чеш-

⁷¹⁵ *Jevreinov B.* Ruský návrh změny slovanské politiky v Rakousko // *Slovanský přehled*. 1931. Roč. XXIII. S. 561–565.

⁷¹⁶ *Hájek Z.* *Slovanský přehled*. Roč. XXIII. (1931) // *Český časopis historický*. 1933. Roč. 39. Č. 1. S. 175–176; *Пушкарев С.Г.* Борис Алексеевич Евреинов // *Записки Русского исторического общества в Праге*. Прага Чешская – Нарва, 1937. Кн. 3. С. 300.

⁷¹⁷ *Дневник С.Г. Пушкарева* // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 8. Л. 142 об.

⁷¹⁸ Отчет о полугодовой работе в Праге оставленного при Университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории Сергея Германовича Пушкарева

ских средневековых городов генерировался интересам к судьбам средневекового русского города.

Результаты своих исследований он представил 28 декабря 1937 г. на заседании Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в докладе «Городское сословие и городской строй в Чехии в XIV–XV веках»⁷¹⁹, а затем изложил в одноименной статье⁷²⁰. Показательно, что она была опубликована на чешском языке, и это, вероятно, сразу адресовало ее именно зарубежному читателю. Статья, действительно, была замечена чешскими учеными, например, ее высоко оценил ведущий чешский урбанист профессор Бедржих Мендл⁷²¹. Работа С.Г. Пушкарева по-прежнему сохраняет большую научную значимость, ибо она освещает вопросы, мало изученные в отечественной историографии. Значение этой работы состоит в том, что российскими учеными почти не поднимались многие из проработанных С.Г. Пушкаревым вопросы, связанные, например, с административным и правовым устройством города в указанный исторический период, социальной политикой городских властей, межэтническими отношениями. Русский историк обратился к чрезвычайно важному для чешской истории периоду XIV–XV вв., попытался осмыслить воздействие гуситства на развитие городов и городской жизни. Разумеется, особое внимание было уделено Праге как самому значительному политическому, культурному и экономическому центру средневековой Чехии. Однако в

ва. 6 июня 1922 г. // Národní archiv ČR. F. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 125.

⁷¹⁹ Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. T. II. S. 456.

⁷²⁰ *Puškarev S.* Městský stav a městské zřízení v Čechách v 14 a 15 stoletích // Записки Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета. Прага, 1938. Т. VIII (XIII). № 57. С. 133–172; *Пушкарев С.Г.* Городское сословие и городской строй в Чехии в XIV–XV веках / Пер. с чешск. и комм. *А.Н. Галямичева* // Историографический сборник. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 99–144.

⁷²¹ Письмо С.Г. Пушкарева к Б. Мендлу от 14 июня 1939 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 367: Bedřich Mendl. Kart. 4. Inv. č. 257; *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса...». С. 324. О Б. Мендле как историке чешского средневекового города см.: *Галямичев А.Н.* Б. Мендл как историк раннего города // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1991. С. 102–108.

научной биографии ученого обращение к истории средневекового чешского города так и осталось лишь эпизодом. Печатью эпизодичности отмечены работы А.Н. Фатеева, П.А. Остроухова, С.Л. Волкобруна и многих других ученых.

Среди русских гуманитариев-эмигрантов в Чехословакии имеется ярчайший пример ученого, который к славянской тематике обратился впервые лишь в эмиграции, но который сделал ее главным направлением своей научной деятельности, сумел не просто синтезировать прежние достижения российской и зарубежной науки, но поистине открыть совершенно новые исследовательские сюжеты, вписать их в контекст европейской, а не только русской эмигрантской, науки. Этим ученым был А.В. Флоровский.

До революции, живя и работая в Одессе, он занимался, главным образом, российской историей XVIII в. в чехословацкой столице в начале 1920-х гг. не было должных возможностей для занятий русской историей XVIII в. В первые годы эмиграции он по инерции, опираясь на сделанные ранее черновики и выписки, продолжал писать статьи о екатерининской эпохе⁷²². Значение этих работ нельзя недооценивать, ибо в них поднимались чрезвычайно важные вопросы, малоизученные в историографии, как, например, в случае со статьей о шведском переводе «Наказа»⁷²³. В своих мемуарных заметках он признавался: «Все начатое в России было оборвано, взятое мной с собой было достаточно для статей, [но] не для сосредоточенной разработки»⁷²⁴. А потому для него было чрезвычайно важно найти такую научную тему, которая была бы связана и с прежними заняти-

⁷²² *Florovskij A.* Un légiste français au service de la tsarine Cathérine II // *Revue Historique du Droit Français et Étranger.* 1924. 4-e sér. Vol. 3. P. 515–531; *Флоровский А.В.* Академия наук и законодательная комиссия 1767–1774 гг. // *Ученые записки, основанные русской учебной коллегией в Праге.* Т. 1. Вып. 2. Прага, 1924. С. 103–176; *Он же.* К истории экономических идей в России в XVIII веке // *Научные труды Русского народного университета в Праге.* Прага, 1928. Т. 1. С. 81–93; *Он же.* Две политические доктрины («Наказ» и Дидро) // *Труды IV съезда Русских Академических организаций за границей.* Белград: Издание Русского научного института, 1929. Ч. 1. С. 113–129.

⁷²³ Флоровский А.В. Шведский перевод «Наказа» Императрицы Екатерины II // *Записки Русского исторического общества в Праге.* Прага, 1927. Кн. 1. С. 149–159.

⁷²⁴ Автобиография А.В. Флоровского. С. 464.

ями российской историей, и с зарубежным славянским миром, в котором он теперь жил и работал. Именно в эмиграции расцвел талант А.В. Флоровского как ученого-слависта.

Осенью 1922 г. в Софии, где он оказался после высылки из Одессы и константинопольских скитаний, А.В. Флоровский заинтересовался темой русско-болгарских отношений. По совету директора Национальной библиотеки, известного писателя и этнографа Стилияна Чилингирова (1881–1962) он обратил внимание на хранившийся в рукописном собрании и до того времени не описанный фонд Временного русского управления в Болгарии, существовавшего в период с апреля 1877 г. по май 1879 г. 27 октября 1922 г. он сообщил своему брату Георгию, что нашел «очень ценный архивный материал», а уже 6 ноября дополнял, что материал этот богатый, и что «можно многое сделать»⁷²⁵. Флоровский был первым ученым, кто обратился к этим документам и, главное, сделал их предварительный научный обзор. Результаты работ были отражены в небольшой статье⁷²⁶ и получили высокую оценку болгарских коллег, например именитого историка С. Бобчева. В дальнейшем интерес А.В. Флоровского к теме русско-болгарских связей генерировался 50-летним юбилеем войны за освобождение балканских славян 1877–1878 гг., а свое концентрированное выражение он нашел в докладе на V съезде Союза русских академических организаций за границей в сентябре 1930 г.⁷²⁷

⁷²⁵ «Поздравляю с прибытием в “свободную Европу” ...»: переписка Антония и Георгия Флоровских. 1922–1924 гг. С. 486, 495.

⁷²⁶ Флоровский А.В. Архив на руското гражданско управление в България през 1877–1879 г. // Юридически преглед. 1925. Кн. 2. С. 57–61.

⁷²⁷ Florovskij A.V. Ruské veřejné mínění v předvečer a za osvobozené války 1877–1878 // Rusko v boji za osvobození balkanských slovanů 1877–1878. Praha, 1927. S. 42–85; Флоровский А.В. Россия и южные славяне в царствование императора Александра I // Проглашение на освободителната война 1877–1878 г. Руско-български сборник. София, 1929. С. 54–65; Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...». Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 105; Его же. Русско-турецкая война 1877–1878 г. в исторической памяти русской эмиграции // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 115–117.

Главной темой исследований А.В. Флоровского на долгие годы стало изучение русско-чешских отношений с древнейших времен и до середины XIX в. Он сделался крупнейшим специалистом в этой области, обретя большую международную известность. По подсчетам Л.П. Лаптевой, он посвятил этой теме около 50 различных работ⁷²⁸. Наши подсчеты показывают, что таких работ было больше 60⁷²⁹. По признанию Флоровского, впервые он задумался над возможностью изучения чешско-русских связей по совету жены в начале 1923 г. В тот момент эти сюжеты не увлекли его должным образом. Он намеревался обратиться к изучению международной реакции на Польское восстание 1830–1831 гг., однако осуществление этого плана было связано с работой в иностранных архивах, затруднительной из-за отсутствия финансовых возможностей. Летом 1924 г. Флоровский вернулся к размышлениям над русско-чешской тематикой и на заседании эмигрантского клуба в пражском пригороде Збраславе сделал доклад о двусторонних связях на ранних этапах истории. Доклад имел большой успех. Осенью того же года историк продолжил эту линию в тематическом докладе на III съезде Русских академических организаций за границей.

Поначалу Флоровский интересовался в первую очередь ранним этапом русско-чешских отношений, что отвечало его давнему, пусть и эпизодическому, увлечению древнерусской историей⁷³⁰. В 1928 г. А.В. Флоровский выступил на конференции историков Восточной Европы в Варшаве с докладом об особенностях русско-чешских отношений. Теперь он почти ежегодно публиковал свои исследования по этой теме. Вершиной творчества ученого стала монография «Чехи и восточные славяне», первый том кото-

⁷²⁸ *Лаптева Л.П.* Русский историк-эмигрант А.В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей. С. 58.

⁷²⁹ Если же принимать во внимание и работы об истории российско-австрийских и российско-венгерских отношений XVIII в., в которых фигурировали чешские и словацкие сюжеты, то исследований можно насчитать гораздо больше.

⁷³⁰ См.: *Флоровский А.В.* Новый взгляд на происхождение «Русской правды» // Известия Одесского библиографического общества при Новороссийском университете. Т. 1. Вып. 4. Одесса, 1912. С. 97–122.

рой увидел свет в 1935 г. в Праге. Выход второй книги задержала Вторая мировая война, и она будет опубликована лишь в 1947 г.⁷³¹

Работа А.В. Флоровского до сих пор остается непревзойденной и по широте охвата темы, и по количеству привлеченных источников – как опубликованных, так и извлеченных из различных архивов. Она представляет собой многоцветную картину культурных, религиозных, политических, экономических отношений между русскими и чехами на протяжении веков. Флоровский выбирал отдельные сюжеты и изучал их всесторонне (торговые связи Чехии и Моравии с Восточной Европой в X–XII вв., чешские струи в истории восточнославянского литературного развития XV–XVII вв., отголоски гуситского движения в восточнославянской среде и т.д.). Поэтому каждая глава книги сама по себе является законченным исследованием. Однако не все зарубежные ученые готовы были принять глубоко позитивистскую и фактографическую схему А.В. Флоровского. Даже близкий к русской диаспоре Я. Славик высказал в печати несколько критических замечаний. Он признавала исследовательский талант А.В. Флоровского и отдавал должное его работе, ставшей результатом обстоятельного изучения исторических источников. В то же время он упрекал автора в том, «что он даже не попытался рассмотреть имеющиеся факты в более глубоком историческом контексте»⁷³². Конечно, не все рецензенты высказывали подобную критику.

⁷³¹ *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Прага, 1935. Т. I; 1947. Т. II. Показательно, что в числе первых обладателей первого тома книги А.В. Флоровского оказался К. Крамарж. В конце декабря 1935 г. русский историк подарил ему свою книгу в знак «выражения моего глубокого уважения и искренней преданности к Вам, своею жизнью и деятельностью вписавшему не одну замечательную страницу в историю чешско-русских отношений» (Письмо А.В. Флоровского к К. Крамаржу, 27 декабря 1935 г. // Archiv Národního muzea. F. Karel Kramář. Kart. 22. Inv. č. 1460).

⁷³² *Sládek Z.* Jan Slavík a jeho dějiny ruské revoluce // *Slovanský přehled*. 1990. Roč. 76. Č. 1. S. 171.

Зденек Хайек (Zdeněk Hájek; 1894–1958), видный специалист по истории чешско-польских отношений⁷³³, напротив, высоко оценил внимание А.В. Флоровского к реконструкции событийной канвы. Как он указывал в рецензии, если политические и культурные связи между русскими и чехами нашли отражение в огромном массиве источников, то этого нельзя сказать столь же определенно об экономических связях. Потому перед А.В. Флоровским стояла сложная задача тщательной реконструкции этих связей, и там самым он закладывал фундамент для будущих более специальных исследований⁷³⁴. Рецензент восхищался «точностью аналитического метода» русского историка и с огромным уважением воспринял его титаническую работу с источниками и научной литературой⁷³⁵. И, что кажется особенно важным, это определение места работы А.В. Флоровского в контексте центрально- и восточноевропейской историографии. З. Хайек сравнил его с трудами профессора Мариана Шийковского (Marian Szykowski; 1883–1952) по истории чешско-польских отношений⁷³⁶. Свою рецензию З. Хайек завершал следующим пожеланием: «Если русскому ученому удастся довести столь успешно начатые исследования до конечной цели, чего ему каждый должен пожелать от всей души, то историческая литература по взаимоотношениям славянских народов обретет работу, которая надолго останется краеугольным камнем для дальнейших исследований»⁷³⁷.

⁷³³ Vaculík J. A Historian of Czech-Polish Relations Zdeněk Hájek (1894–1958) // Czech-Polish Historical and Pedagogical Journal. 2017. Vol. 9. № 1. P. 3–6.

⁷³⁴ Hájek Z. A.V. Florovskij: Čechi i vostočnye Slavjane. Očerki po istorii češsko-russkich otnošenij (X–XVIII vv.) Tom pervyj. (Práce Slovanského ústavu v Praze, svazek XIII., nákl. Slovan, ústavu, v komisi nakladatelství «Orbis», 1935, stran XVI + 527) // Český časopis historický. 1936. Roč. 42. Č. 2. S. 366.

⁷³⁵ Ibid. S. 369.

⁷³⁶ Работавший в межвоенной Праге М. Шийковский был одним из главных поборников чешско-польского сближения. См. подробнее: Baron R. Prof. Marian Szykowski a česko-polská vzjemnost (1921–1939) // Sborník prací Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity. Řada společenských věd. 2013. Roč. 27. Č. 1. S. 79–90.

⁷³⁷ Hájek Z. Op. cit. S. 369.

Концепция А.В. Флоровского далека от славянофильских и уже тем более панславистских настроений. Он исходил из различия исторических путей, пройденных чешским и русским народами: «Первый – с самого начала своего исторического бытия поставлен был в сферу влияния западного мира, мира римской церкви и немецкой политики, второй – в область воздействия Востока и Византии»⁷³⁸. При этом Флоровский приводил многочисленные примеры культурного и политического взаимодействия двух народов. Первые контакты он относил к раннему Средневековью, когда оформились дружественные и родственные связи между княжескими домами Руси и Чехии, развивалась взаимная торговля. Уже в конце X в. на Руси появились образцы славянских книг чешско-моравского перевода, в XI в. распространяется культ чешских святых Людмилы и Вацлава, в Чехии же признается почитание святых Бориса и Глеба⁷³⁹.

Одним из первых он поднял вопрос о степени влияния гуситства на восточнославянскую среду, изучив поездку в русские земли Иеронима Пражского, посещение России в конце XV в. членом Общины чешских братьев рыцарем Марешем Каковецем, диспут о вере между Яном Рокитой и Иваном Грозным в 1570 г. и т.д. А.В. Флоровский проанализировал эволюцию взглядов русской общественно-исторической мысли на деятельность Яна Гуса и его последователей⁷⁴⁰. Он отмечал, что если в XVI–XVII вв. православная церковь видела в Яне Гусе еретика, то в XIX в. произошел перелом в восприятии его фигуры. Славянофилы выдвинули концепцию о Гусе как

⁷³⁸ Флоровский А.В. Очерк русско-чешских отношений // Славянски глас. София, 1930. Кн. 1–3. С. 1–2.

⁷³⁹ См.: Флоровский А.В. Почитание Святого Вячеслава, князя чешского на Руси // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1929. Т. 2. С. 305–325; *Он же*. Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений // *Sborník prací I. Sjezdu slovaských fililogů v Praze*, 1929. Т. I. Praha, 1932. S. 52–53; *Он же*. Карпаторусский список проложного жития Св. Вячеслава, князя Чешского // Карпаторусский сборник. Ужгород, 1930. С. 88–90; *Он же*. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений. Т. I. С. 9–264.

⁷⁴⁰ Флоровский А.В. Ян Гус в русской оценке // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 23–44; *Florovskij A.V. Jan Hus v ruském pojetí (stránka z dějin česko-ruských styků)*. Praha, 1935.

православном мученике и даже предлагали причислить его вместе с Иеронимом Пражским к лику святых. А.В. Флоровский не разделял этих романтических мифов, но при этом видел в учении Гуса «ноты славянской идеи», призванной противопоставить чешскую самобытность католическому универсализму и предвосхитившей национальное возрождение в конце XVIII в.

Как уже было сказано на примере рецензии З. Хайека, чехословацкие ученые высоко оценивали работы А.В. Флоровского по истории чешско-русских торговых связей, отмечая при этом их значение для изучения истории всей восточноевропейской и центральноевропейской торговли в Средние века и Новое время. Эти комплименты были направлены не только в сторону упомянутого первого тома «Чехов и восточных славян», но и в адрес тематических статей⁷⁴¹. Бедржих Мендл, ведущий чехословацкий специалист по социально-экономической истории, уважительно отзывался о широте и глубине источниковедческого подхода А.В. Флоровского, который сумел найти и обобщить уникальные материалы, прежде всего относящиеся к XVI–XVII вв. По словам Б. Мендла, они проливают новый свет на историю чешской экономики⁷⁴².

Перелом в культурных русско-чешских взаимоотношениях, с точки зрения А.В. Флоровского, наступил в начале XVIII в. Важной вехой стало пребывание в Чехии в 1698, 1711 и 1712 г. Петра Великого. А.В. Флоровский подготовил объемное исследование пражских легенд о русском царе, увы, оставшееся неопубликованным⁷⁴³ (как, к слову, и немало других трудов ис-

⁷⁴¹ В первую очередь имеется в виду статья: *Florovskij A. Obchodní styky Čech a Moravy s Východní Evropou v XVI. a XVII. století* // Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге. Прага, 1938. Т. VIII (XII). № 48. С. 1–14.

⁷⁴² *Mendl B. Příspěvky k dějinám vzájemných vztahů rusko-českých* // *Český časopis historický*. 1939. Roč. 45. Č. 2. S. 389–390. Увы, архивные сведения о контактах А.В. Флоровского и Б. Мендла ограничиваются лишь новогодней открыткой русского историка в адрес коллеги, датированную архивистами 1931 г. (Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 367: Bedřich Mendl. Kart. 3. Inv. č. 97).

⁷⁴³ *Флоровский А.В. Пражские легенды о Петре Великом* // *Slovanska knihovna v Praze, Trezor, A.V. Florovskij, T-FLOR. Krab. XXII*.

торика). Верхней границей своих исследований А.В. Флоровский поставил конец XVIII – начало XIX в. Лишь однажды, полемизируя с братиславским профессором Йозефом Ирасеком⁷⁴⁴, А.В. Флоровский опубликовал обзорную статью о двухсторонних связях в XIX в. Во-первых, он призывал обратить внимание на пребывание русских путешественников в Карлсбаде (Карловых Варах) и Мариенбаде (Марианских Лазнях), где они, несмотря на официальное господство немецкого языка, могли непосредственно соприкоснуться с чешской культурной средой⁷⁴⁵. Во-вторых, он отмечал, что взаимные контакты тесно развивались в научно-технической сфере: чехи участвовали в постройке первой русской железной дороги, налаживали типографское дело и т.д. В качестве вывода А.В. Флоровский писал, что «чехи в России заняли настолько органическое место в различных областях жизни – науки, промышленности, педагогики, искусства, хозяйства и т.д., что без учета чешского элемента русской жизни в XIX в. никак нельзя считать историю русско-чешских отношений разъясненной»⁷⁴⁶.

Пытаясь осмыслить разность исторических путей русских и чехов, А.В. Флоровский обратился к вопросу о соотношении византийских и латинских традиций в интеллектуальной жизни Восточной Европы⁷⁴⁷. Интерес к данной проблеме вылился в написание монументального труда о дея-

⁷⁴⁴ См. его книгу, отражающую критическую картину истории российско-чешских отношений в XIX в.: *Jirásek J. Rusko a my: studie vztahů československo-ruských od počátku 19. století do r. 1867. Díl I. Praha, 1929.*

⁷⁴⁵ Этот интерес генерировался тем, что А.В. Флоровский и его супруга, страдавшие многочисленными хроническими заболеваниями, регулярно проходили лечение на чешских курортах, среди которых они особо любили Марианские Лазни (Мариенбад). Во время отпуска они подолгу жили там и величали их «нашей летней резиденцией». (Письмо А.В. Флоровского В.И. Малышеву, 15 август 1963 г. // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 494. Оп. 2. Д. 1560. Л. 54.) В результате появилось несколько интересных исследований: *Флоровский А.В. Русские в Марианских Лазнях. Культурно-исторические справки. Прага, 1947; Его же. И.А. Гончаров в Марианских Лазнях // Прага – Москва. Прага, 1954. № 6. С. 26–31.*

⁷⁴⁶ *Флоровский А.В. Несколько фактов из истории русско-чешских отношений в XIX век // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1931. Т. 4. С. 305.*

⁷⁴⁷ *Florovskij A. Le conflit de deux traditions – la latine et la byzantine – dans la vie intellectuelle de l'Europe Orientale aux XVI–XVIII siècles // Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете. Прага, 1937. Т. V (X). № 31. С. 171–193.*

тельности чешских иезуитов в России в конце XVIII – начале XVIII в.⁷⁴⁸ В его основу легли многочисленные документы из чешских архивов, впервые введенные исследователем в научный оборот. Кроме того, А.В. Флоровский в 1936 г. совершил поездку в Рим, где имел возможность поработать в ватиканских архивах и библиотеках, в частности познакомиться с документами из фондов Общества Иисуса (Fondo Gesuitico) в Архиве пропаганды веры. Миссия иезуитов в Москве, большинство членов которой происходило из чешских земель, с некоторыми перерывами существовала с 1684 по 1719 г., во время коренных и глубоких изменений, происходивших в России.

Историк писал, что «своим церковным и учительским влиянием иезуиты воздействовали как на представителей местных католиков, так и на московское окружение различных социальных слоев и разных возрастов»⁷⁴⁹. Неслучайно иезуитская школа в Москве стала предметом внимания самого царя Петра и его близкого окружения. В их глазах она была в первую очередь источником необходимых знаний и способом получения образования для молодежи, которые были так необходимы для России. И все же влияние иезуитов на русскую жизнь конца XVII – начала XVIII в. не стоит преувеличивать, лишь некоторые представители высших слоев поддались влиянию католических миссионеров. А.В. Флоровский рассматривал католичество как культурную силу, а потому его интересовали не столько проблемы взаимоотношения двух ветвей христианства в узком смысле слова, сколько история межкультурного диалога, проблемы интеллектуальных трансферов и взаимовосприятия.

Обратим внимание на важную особенность исследовательских практик А.В. Флоровского в межвоенный период. Взявшись за изучение российско-чешских отношений, он изначально не замыкался в узких национальных

⁷⁴⁸ *Florovský A. Čeští jesuité na Rusi. Jesuite české provincie a slovanský východ. Praha, 1941.*

⁷⁴⁹ *Ibid. S. 355–356.*

культурных рамках. Это выражалось в стремлении публиковать свои работы на разных языках (русском, чешском, немецком, английском, французском), причем в самых авторитетных международных журналах – «Slavia», «Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte», «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven», «Zeitschrift für Slavische Philologie», «The Slavonic and East European Review» и др.⁷⁵⁰ Подобная публикационная практика вводила его в общеевропейское научное поле. Он также изначально стремился представлять результаты своих исследований на представительных конгрессах и конференциях, включая Международные конгрессы исторических наук, Международные конгрессы византинистов, Съезды Федерации исторических обществ Восточной Европы. В результате такой транснациональной научной ориентированности, А.В. Флоровский быстро создал разветвленную сеть деловых контактов. Так интерес к фигуре первопечатника Франциска Скорины свел его с кругом представителей белорусско-виленской славистики, например с директором Виленского белорусского историко-этнографического музея Антоном Ивановичем Луцкевичем (1884–1942). Михаил Дмитриевич Бухарин, который впервые ввел в научный оборот переписку между русским профессором из Праги и его бе-

⁷⁵⁰ В.П. Корзун и В.Ю. Волошина выявили интересный факт о попытке А.В. Флоровского в 1933 г. опубликовать статью о средневековых торговых связях Чехии и Моравии с Восточной Европой в знаменитом французском журнале «Анналы». При посредничестве медиевиста Фердинанда Лота он направил текст статьи Марку Блоку. Тот заинтересовался текстом, выразил готовность опубликовать его, но попросил внести коррективы в текст: ««Надеюсь, что Вы не обидитесь на меня за мою откровенность. Ответственные редакторы журналов по природе своей – невыносимые существа. То, о чем, в общем-то, мы просим Вас, – это соблаговолить вернуться к редакции статьи...» (Волошина В.Ю., Корзун В.П. «Ответственные редакторы журналов по природе своей – невыносимые существа»: Письмо М. Блока А.В. Флоровскому. 1933 г. // Исторический архив. 2022. № 4. С. 110). Тем не менее, статья так и не была напечатана во французском журнале. Причины этого не до конца понятны. В.Ю. Волошина и В.П. Корзун выдвигают гипотезу, что некоторые из замечаний М. Блока показались А.В. Флоровскому крайне трудными для исполнения, поскольку предполагали перестройку изложения и обращение к новым источникам (Волошина В.Ю., Корзун В.П. А.В. Флоровский и Марк Блок: штрихи к научной судьбе историка-эмигранта // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 7 (117). URL: <https://history.jes.su/s207987840022266-1-1>). Так это или нет – трудно сказать однозначно. Более-менее точных документальных свидетельств пока не обнаружено.

лорусскими коллегами из Литвы, отметил, что она ясно отражает «взаимодействие и коллегиальную помощь славистов разных стран» в условиях разобщенности и «жесткой разделенности» и одновременно демонстрирует «как политическая ситуация оказывала решающее влияние на развитие науки в Центральной и Восточной Европе»⁷⁵¹.

Обзор научного наследия А.В. Флоровского также показывает, что он не замыкался и в тематических рамках. Потому из его исследований по истории российско-чешских отношений постепенно выростали штудии о российско-австрийских, российско-немецких, российско-венгерских связях. То есть, славянское исследовательское поле разрасталось до центрально-восточноевропейского. Расширение же тематики исследований вело к развитию новых деловых контактов.

А.В. Флоровский выступал поборником комплексного изучения славянского мира с опорой на новые архивные источники и при условии сотрудничества ученых разных стран. В январе 1938 г. он представил докладную записку руководству Славянского института в Праге, в которой обосновывал необходимость создания рабочей группы по выявлению в чехословацких архивах материалов по истории славянских стран (за исключением самой Чехословакии). Он мотивировал это предложение собственным опытом, когда во время исследований в архивах Праги и Брно нашел немало материалов по польской истории. А.В. Флоровский апеллировал к тому, что о важности выявления материалов по истории славянства уже говорила на Первом съезде чехословацких историков в 1937 г. Милада Паулова, а ее поддержал профессор Йозеф Мацурек. А.В. Флоровский предполагал, что было бы уместным направить запросы во все архивы и рукописные собрания, затем привлечь членов рабочей группы для непосредственной практической работы, поскольку нужные материалы могут быть не описаны или

⁷⁵¹ Бухарин М.Д. «Да хранит Вас Господь и даст много сил для научной работы»: А.В. Флоровский и белорусская виленская славистика второй половины 1930-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. №. 1. С. 32–33.

описаны неверно. Одновременно должна вестись работа с печатными изданиями, которые также могут сориентировать в поисках славянских документальных материалов. А.В. Флоровский подытоживал: «Результатом работы Комиссии должна явиться картотека архивов ЧСР, в которой зарегистрированы были бы все славянские исторические материалы. Эта картотека могла бы явиться затем основой для соответствующей общей справочной публикации или специальных публикаций, так и (до ее полного издания) для пособия исследователям, интересующимся славянскими историческими материалами в ЧСР и чешско-славянскими отношениями»⁷⁵². Реакцию на эту записку в чехословацких научных кругах пока не удалось прояснить. Комиссия для проведения перекрестных архивных исследований, за создание которой так ратовал русский историк, так и не была создана. Впрочем, политический климат 1938 г. явно не способствовал грандиозным начинаниям⁷⁵³.

Объединение разных интеллектуальных традиций нередко давало потрясающие плоды, как это было в случае с Пражским лингвистическим кружком. Это был, пожалуй, лучший пример межславянского научного взаимодействия, причем быстро вышедшего за рамки этого самого славянского мира. Русские члены кружка, в первую очередь Роман Осипович Якобсон, перенесли на чехословацкую почву наработки формальной шко-

⁷⁵² Аксенова Е.П. Записка А.В. Флоровского 1938 г. «Славянскому институту в Праге». С. 67.

⁷⁵³ Идея А.В. Флоровского, однако, не пропала даром. Уже в 1990-е гг. был подготовлен справочник о материалах по истории России, Украины и Беларуси в чешских архивах: *Soupis pramenů k dějinám národů Ruska, Ukrajiny a Běloruska do roku 1945 z archivů České republiky. Díl I: Státní ústřední archiv / Úvodní studii napsal V. Veber; úvod napsal P. Rafaj; závěrečnou redakci soupisu provedl a rejstřík sestavil za odborné spolupráce J. Vacka a L. Babka. Praha, 2002; Soupis pramenů k dějinám národů Ruska, Ukrajiny a Běloruska do roku 1945 z archivů České republiky. Díl II: Archivy Středočeského kraje a Archiv Hlavního města Prahy / Úvod napsal P. Rafaj; závěrečnou redakci soupisu provedl a rejstřík sestavil za odborné spolupráce J. Vacka a L. Babka. Praha, 2003; Soupis pramenů k dějinám Ruska, Ukrajiny a Běloruska do roku 1945 z archivů České republiky. Díl III: Archivy Jihočeského kraje / Úvod napsal P. Rafaj; závěrečnou redakci soupisu provedla a rejstřík sestavila za odborné spolupráce J. Vacka a H. Svobodová. Praha, 2004.*

лы, а годы спустя тот же Р.О. Якобсон успешно транслировал их в американскую среду⁷⁵⁴.

Научные штудии и исследовательские практики, о которых говорилось выше, были связаны с осмыслением славянского прошлого. И все же русские ученые-эмигранты не ограничивались историческими рефлексиями. Можно найти немало попыток осмысления проблем современности, тем более что славянский мир, как и Европа вообще, в 1920–1930-е гг. переживал глубокие трансформации. Они были вызваны, в том числе, распадом европейских империй, оживлением национальных движений, ростом национализма, столкновением на постимперском пространстве разных идентичностей.

Приведем здесь яркую выдержку из письма историка И.И. Лаппо к Н.Н. Крамарж, которое он написал по следам поездки из Чехословакии в балтийские страны летом 1928 г. Описанные И.И. Лаппо тенденции показательны в контексте постимперских рефлексий русской эмиграции: «Что до меня, то я во время поездки видел много родного – и русскую упряжку, с нашею дугою, и русских мужиков, и русских купцов, и русских детей, и русские храмы, и все это богатство русской культуры, которое было нам оставлено в “лимитрофах”, и которое дало им возможность начать теперь свою государственную жизнь. Жаль, что их интеллигенция не хочет этого осознавать. Но народные массы помнят хорошо и ждут, так же и того же, его ждем и мы. В Юрьеве встретил многих, кто помнит меня и мою там работу. Кое-что было радостно, другое рождало печаль. Радостно было, например, увидеть, что дом церковно-приходской школы, на постройку которого я в свое время добыл средства, теперь поместил в себе русскую гимназию и теперь сделал возможным ее существование (правительственное здание ее было взято под гимназию эстонскую). И во многом другом видел, что работал там не впустую. Но удаление всех русских вывесок и

⁷⁵⁴ *Pospíšil I. Rodina Vilinských v Československu: Valerij Vilinskij k některým jevům české literatury. S. 40.*

надписей с улиц и тому подобные проявления боязни выявления связей с Россией! А эти связи пока крепки, несмотря ни на что. Русский язык всюду на улицах и в магазинах. Им владеют все поколения, кроме самого последнего, которое искусственно удерживают от русского языка, изгоняя его из школы»⁷⁵⁵. Как видим, впечатления ученого от края, где он некогда долгие годы жил и работал, оказались замешаны на чувстве ностальгии, но также заключают в себе боль и переживания за судьбу русской культуры и русского языка. Тревожные раздумья отражались на научном творчестве, сближали его с современными проблемами.

В 1924 г. он издал в Праге книгу «Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом», И.И. Лаппо фокусировал внимание не столько на прошлом, сколько на настоящем. Историк подчеркивал, что и русское общество, и русское правительство не интересовались должным образом историей составных частей империи. История России сводилась к истории «великороссов» и истории Московского государства, Западная Россия оставалась в тени. Степень единства населения осознавалась недостаточно⁷⁵⁶. И.И. Лаппо критиковал действия правительства, которое на протяжении десятилетий не хотело обращать должного внимания на западные губернии, между тем их особое историческое прошлое должно было бы диктовать и особый политико-административный курс в их отношении. Но этого сделано не было.

Еще большей злободневностью была пропитана изданная в 1928 г. в Ужгороде брошюра об украинском национальном движении. Украинский вопрос вообще оказался в числе самых острых для российской эмиграции⁷⁵⁷. И.И. Лаппо задавался вопросом, который дословно можно повторить и се-

⁷⁵⁵ Письмо И.И. Лаппо к Н.Н. Крамарж от 5 августа 1928 г. // Archiv Národného muzea. F. Karel Kramář. Kart. 20. Inv. č. 1147. Lappo Ivan. I. ANM 2-5-1421

⁷⁵⁶ *Лаппо И.И.* Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом. Прага, 1924. С. 11.

⁷⁵⁷ *Замойский Я.* Отношение «белой» русской эмиграции к украинским вопросам // Славяноведение. 1993. № 4. С. 39–49; *Potulnytskyi V.A* The Image of Ukraine and the Ukrainians in Russian Political Thought (1860–1945) // Acta Slavica Iaponica. 1998. № 16. P. 1 – 29.

годня: «Откуда же взялась в идеологии современного украинства страшная, непримиримая ненависть к России и русскому народу, стремление во что бы то ни стало доказать полную этнографическую особность “украинского народа” от народа русского и требования отделение его от общего с русским народом государства?»⁷⁵⁸ Истоки ее он искал в польской национальной идее, а также в последующей политике Австро-Венгрии, которая, из опаски пророссийского движения поддерживала украинский национализм. И.И. Лаппо не отказывал Украине в специфике, видя ее, например, в свободлюбии казачестве, но при этом он неизменно подчеркивал тесную и неразрывную культурную связь с Россией, которую, по его мнению, не отрицали даже такие поборники самостийности, как Н.М. Костомаров и М.П. Драгоманов. Современное украинское движение для него – не столько национальное, сколько политическое, идеологическое, активно эксплуатирующее искусственные исторические конструкции. Если посмотреть внимательно, то тематика обеих работ выростала из предшествующего научного творчества ученого, который стремился понять исторические опыты взаимоотношений различных народов и государств Восточной Европы. Так прошлое соединялось с современностью на поле горячих интеллектуальных баталий между интеллектуалами разных стран, оно становилось инструментом политической борьбы. Однако это уже особая и специальная тема, выходящая за рамки представленного исследования.

Обзор изданий межвоенной русской эмиграции, особенно 1920-х гг., свидетельствует об интересе к изучению внутренних процессов в славянских странах. Особенно это касалось аграрного развития. Причины интереса видятся закономерными. Во-первых, в Чехословакии оказалось немало представителей сельскохозяйственного кооперативного движения, получившего большой размах в дореволюционной России (профессора А.Н. Анцыферов, И.В. Емельянов, Д.Н. Иванцов, В.Ф. Тотомианц и др.).

⁷⁵⁸ *Лаппо И.И.* Происхождение украинской идеологии новейшего времени. Ужгород, 1926. С. 12.

Некоторые из них приняли участие во Всеславянском кооперативном съезде в Праге в 1921 г.⁷⁵⁹ Нельзя сбрасывать со счетов воздействия на определенные круги эмигрантской общественности идей народников и эсеров, для которых проблемы аграрного развития были в числе основополагающих. В случае с русской диаспорой в Чехословакии, где сошлись разные поколения российских социалистов, такое присутствие выглядит особенно заметным. Но даже те ученые, кто был чужд подобных политических взглядов, нередко обращались в своих интеллектуальных рефлексиях к тем же самым сюжетам, дабы попытаться понять причины российской революции. Интерес к аграрному развитию имел и внешние причины. Восточно-европейские и центральноевропейские страны, в том числе славянские, переживали период стремительной модернизации, причем она в значительной мере проявлялась именно в сфере сельского хозяйства. Огромное влияние на политическую жизнь имели партии, придерживающиеся идеологии аграризма: Болгарский земледельческий народный союз, румынская Национально-крестьянская партия, сербская Народная радикальная партия, Хорватская крестьянская республиканская партия и др. В межвоенной Чехословакии Республиканская партия земледельческого и мелкокрестьянского населения обладала была одной из самых влиятельных политических сил, а ее представители несколько раз возглавляли правительство страны. В 1921 г. возник Международное аграрное бюро («Зеленый интернационал»), а в 1928 г. в Праге состоялась его конференция, на которой были представлены 17 политических партий из Восточной и Центральной Европы. Идея общеславянской аграрной кооперации захватывала умы многих интеллектуалов⁷⁶⁰. Не обошла она стороной и русских эмигрантов в Чехословакии,

⁷⁵⁹ Ульянкина Т.И. Личный фонд профессора-экономиста А.Н. Анцыферова в архивном собрании Дома русского зарубежья имени А. Солженицына // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. Т. 33. № 2. С. 135.

⁷⁶⁰ Kubů E., Šouša J. Sen o slovanské agrární spolupráci // Agrární strany ve vládních a samosprávných strukturách mezi světovými válkami / Ed. B. Rašticová. Uherské Hradiště, 2008. S. 35–42.

которые пытались осмыслить текущие тенденции аграризма, причем нередко сквозь призму российского прошлого и настоящего.

Уместным напомнить, что одной из первых русских научно-образовательных институций в межвоенной Чехословакии стал именно Русский институт сельскохозяйственной кооперации, распахнувший двери для студентов 20 мая 1921 г. Его цель состояла в «подготовке деятелей русской земледельческой кооперации для того, быть может, недалекого будущего, когда России твердо станет на путь обновления и возрождения своего сельского хозяйства»⁷⁶¹. В «Трудах» Института находим, к примеру, статьи Д.Н. Никифорова о кооперативном движении в современной Югославии⁷⁶², Я.Д. Садовского – о земельной реформе в Чехословакии⁷⁶³.

1 апреля 1924 г. был открыт Русский научный институт сельской культуры, который, по словам исследователя крестьянской общины Карла Романовича Кочаровского, должен стать «социальной лабораторией», занимающейся изучением всего комплекса общественных наук применительно к России. Такое изучение, по его мнению, было начато земскими статистиками. Задача эмиграции – его продолжить⁷⁶⁴. В реальности помимо российского исследовательского вектора было обозначено изучение аграрных реформ в Европе⁷⁶⁵. Осенью 1924 г. Русский научный институт сельской культуры был преобразован в Институт изучения России, в Совет которого вошли К.Р. Кочаровский, С.С. Маслов, А.Н. Челинцев, А.П. Марков, С.Н. Николаев, Н.Ф. Новожилов, А.В. Пешехонов, Ф.С. Сушков, В.М. Чернов, Г.И. Шрейдер. Почти все они были не учеными, а политиками – эсерами или близкими им по взглядам. Это обстоятельство отложило

⁷⁶¹ Обзорение преподавания в Русском институте сельскохозяйственной кооперации в Праге. 1923–1924 год. Прага, 1923. С. 3.

⁷⁶² *Никифоров Д.Н.* Кооперация в Югославии // Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Прага, 1925. Кн. 3. С. 99–106.

⁷⁶³ *Садовский Я.Д.* Земельная реформа в Чехословакии // Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Прага, 1925. Кн. 3. С. 161–176.

⁷⁶⁴ Институт по изучению сельской России // Огни. 1924. 21 января. № 3.

⁷⁶⁵ *Кочаровский К.Р.* Русский научный институт сельской культуры // Записки Института изучения России. Прага, 1924. Т. 1. С. 259.

отпечаток на работу Института, придав ей налет публицистичности. Согласно § 3 Положения об Институте научная работа в нем должна осуществляться «в духе строго объективности при условии полной свободы, чуждой какой бы то ни было исключительности и односторонности»⁷⁶⁶ Но даже беглый взгляд на содержание «Записок» позволяет понять, что все работы посвящены только тем проблемам, которые волновали самих эсеров. Е.Н. Андреева и И.П. Савицкий справедливо заметили, что большая часть этих работ представляла собой эссе, посвященные актуальным проблемам современности⁷⁶⁷.

Этот налет публицистичности смогли преодолеть не все. Значительная часть публикаций о современных аграрных проблемах славянских стран и, шире, о социально-экономических вообще, была ориентирована на широкую читательскую аудиторию, причем почти всегда – на русскоязычную. Немногим удалось глубоко подойти к исследованию современных проблем славянских государств, как это сделал С.Н. Прокопович в своем труде о международной торговле подунайских государств в 1920–1935 гг., включая славянские Чехословакию, Югославию и Болгарию и неславянские Австрию, Венгрию и Румынию. Это было фундаментальное исследование в духе лучших традиций российской статистики и на основе тщательно отработанной автором методологии⁷⁶⁸. С.Н. Прокоповичу удалось выделить важнейшие тенденции развития дунайской торговли, провести анализ географического распределения товаров, вывозимых их придунайских государств, и товаров, ввозимых в них, оценить масштабы посреднической торговли западноевропейскими товарами, сравнить торговые балансы Ценность книги заключалась, среди прочего, в обширном приложении, составленном из специальных таблиц. Они наглядно отражали социально-

⁷⁶⁶ Положение об Институте изучения России // Записки Института изучения России. Прага, 1924. Т. 1. С. 261.

⁷⁶⁷ *Andreyev C., Savický I.* Op. cit. P. 108.

⁷⁶⁸ *Prokopovič S.N.* Mezinárodní obchod podunajských států po Světové válce. Praha, 1936.

демографические показатели подунайских стран, состояние финансов, объемы внешней торговли, направления экспорта товаров.

Что же касается собственно современных чехословацких сюжетов, то в этом направлении имелось немало примеров квалифицированных научных исследований. Укажем на молодого экономиста Николая Сергеевича Жекулина (1892–1933), который занимался изучением финансовой политики современной Чехословакии и тесно взаимодействовал с местными научными кругами⁷⁶⁹. Параллельно он анализировал экономическое положение славянских стран, интересовался развитием там экономической науки. Например, следил за деятельностью Эдварда Липиньского (Edward Lipiński; 1888–1896) в Польше⁷⁷⁰. Но если этот ученый за свою почти столетнюю жизнь успеет принять участие в Первой русской революции 1905–1907 гг., отсидеть за это в царской тюрьме, поучаствовать в советско-польской войне 1919–1921 гг., стать одним из ведущих экономистов межвоенной Польши, бороться в антифашистском Сопротивлении в годы Второй мировой войны, остаться жить в социалистической Польше, став сначала членом Польской объединенной рабочей партии, а затем – диссидентом и консультантом «Солидарности», то карьере Н.С. Жекулина прервет преждевременная смерть от туберкулеза в швейцарском санатории.

Выше были разобраны характерные примеры того, как русские ученые – представители социальных и гуманитарных наук – создавали новые исследовательские практики в условиях эмиграции, как изучали они славянские страны и, прежде всего, саму Чехословакию. Впрочем, научный мир русской эмиграции не ограничивался историками, филологами, правоведами и экономистами. В этой связи представляется важным взглянуть на «славян-

⁷⁶⁹ *Žekulin N.S.* Československá měna od reformy dra Rašína až do zřízení československé národní banky. Praha, 1927; *Eadem.* Ústřední cedulové banky a peněžní reforma se zřetelem na poměry v Československu. Praha, 1928; *Жекулин Н.С.* Денежное обращение Чехословакии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 222–230.

⁷⁷⁰ *Žekulin N.S.* Hospodářské instituce v Polsku // *Hospodářská politika.* 1930. Roč. IV. Č. 5. S. 13.

ский дискурс» представителей иных научных дисциплин. Не существует специфической славянской физики, химии и математики. Точные науки по своей природе интернациональны и мало привязаны к конкретному культурному контексту и территориальным границам. Иначе обстоит дело с естественными науками, в которых очень часто ярко выражен региональный фактор (например, изучение флоры Моравии, тектоники болгарских Родоп или почв Южной Сербии). Работа ученого оказывается привязана к конкретному месту полевых исследований. При этом переключение на новый объект может потребовать радикальной перестройки исследовательской методологии, совершенно иного технического оснащения.

Некоторые представители естественных наук в первые годы жизни в Чехословакии публиковали труды на основе полевых исследований, проделанных еще до эмиграции. Так работавший в Брно Григорий Иванович Ширяев (1882–1954) в 1924 г. в трудах «Моравского общества естествоиспытателей» опубликовал статью о так называемом Клюквенном болоте к югу от Харькова⁷⁷¹. Этот уникальный и несколько нетипичный для тех мест природный памятник на рубеже XIX–XX вв. стал притягивать внимание ученых для проведения флористических исследований, в особенности для изучения водной растительности (В.М. Арнольди, П.Н. Наливайко, Г.Е. Тимофеев и др.)⁷⁷². Г.И. Ширяев изучал флору болота вместе с Е.М. Лавренко весной–летом 1918 г.⁷⁷³ Но обработать должным образом собранные материалы помешала Гражданская война, служба в Белой ар-

⁷⁷¹ Širjaev G., Lavrenko E. Kljukvennoe boloto v okrestnostjach goroda Charkova // Práce Moravské přírodovědecké společnosti. 1924. T. I. № 7. S. 315–330. Статья эта примечательна еще и тем, что написана и опубликована на русском языке, но латиницей.

⁷⁷² Рокитянский А.Б., Гамуля Ю.Г. История изучения и структурный анализ высшей водной и прибрежно-водной флоры Харьковской области // Вісник Харківського університету ім. В.Н. Каразіна. Сер. Біологія. 2014. Вип. 20. № 1100. С. 359.

⁷⁷³ Хотя начало его изучения относится к более раннему периоду: Ширяев Г.И. Сфагновые торфяники ближайших окрестностей Харькова // Сборник Харьковского студенческого кружка любителей природы. 1909. Вып. 1. С. 32–33; Он же. Материалы для флоры Харьковской губернии // Труды Общества испытателей природы Харьковского университета. 1913. Т. 46. С. 41–66.

мии, исход за границу. Лишь в Чехословакии Г.И. Ширяев смог завершить ранее начатые работы.

Работать бесконечно на ранее собранном полевом материале, даже если его удалось вывезти из России, было невозможно. Отрыв от привычных мест полевых исследований, от гербариев, зоологических, палеонтологических или минералогических коллекций оказался не менее болезненным, чем отрыв от архивов и библиотек для гуманитария. Вот что писал в некрологе на смерть академика Н.И. Андрусова его ученик, палеонтолог Михаил Викентьевич Баярнуас (1882–1939): «Последние годы жизни Н[иколая] И[вановича] волею судьбы был оторван от своих работ и коллекций. Грустный и безнадежный тон, которыми проникнуты его письма, показывают, как Н[иколаю] И[вановичу] необходимы были они, м, может быть, эта безнадежность ускорила его смерть»⁷⁷⁴.

Потому ученым-естествоиспытателям также, как и их коллегам-гуманитариям, приходилось приспосабливаться к новым условиям исследовательской работы и открывать для себя новые темы и сюжеты, связанные с новыми регионами. Анализ научных биографий русских ученых-естествоиспытателей в Чехословакии показывает, что многие из них были готовы включиться в решение конкретных прикладных задач на местном полевом материале. Выпускник Санкт-Петербургского университета Владимир Алексеевич Евреинов (1887–1967), защитивший в 1923 г. диссертацию в Карловом университете⁷⁷⁵, стал работать как помолог – специалист в области изучения сортов плодовых и ягодных культур⁷⁷⁶. В то же время он интересовался вопросами акклиматизации южных растений в Чехослова-

⁷⁷⁴ Баярнуас М.В. Н.И. Андрусов // Архив РАН. Ф. 567. Оп. 2. Д. 2. Л. 2 об.

⁷⁷⁵ Гашикова Д., Копришилова А., Белошевская Л., Янчаркова Ю., Гаген С. Представители эмиграции с территории бывшей Российской Империи в Чехословакии (1918–1945). Прага: Academia, 2021. С. 165.

⁷⁷⁶ Правда основной круг его публикаций 1920-х гг. носил научно-популярный характер, причем они были ориентированы на русского читателя. См.: Řeháková M., Vacek J., Rachůnková Z. Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945. Praha, 1996. Sv. 1. S. 238–239.

кии⁷⁷⁷. Правда о крупных и прорывных результатах ничего не известно. Вероятно потому, что в 1929 г. В.А. Евреинов уехал из Чехословакии во Францию, где в дальнейшем сделал успешную карьеру в Высшей национальной агрономической школе в Тулузе, руководил питомником, в котором выращивал свыше 450 сортов персиков⁷⁷⁸. Схожая научная биография у физика и метеоролога Федора Васильевича Волошина (1880–1972), выпускника физико-математического факультета Московского университета. Оказавшись в Чехословакии в 1920 г., он обратился к метеорологическим исследованиям в Верхних Татрах, основал там, как отмечается в исследованиях⁷⁷⁹, собственную наблюдательную станцию. Известны его публикации о климатических особенностях Чехословакии, в особенности о влиянии на него солнечной активности⁷⁸⁰. В 1929 г. он уехал во Францию, где успешно продолжал ученую карьеру, сосредоточившись на физических исследованиях.

И все же старшему поколению ученых оказалось трудно переориентироваться на новые исследовательские направления, связанные с изучением флоры и фауны, геологии и географии славянских стран, поскольку это влекло радикальную перестройку предшествующих полевых практик. Так, например, неизвестно о каких-либо попытках выдающегося почвоведом и гидрогеологом П.В. Отоцкого проводить исследования на чехословацком материале, хотя за его плечами был очень успешный дореволюционный опыт

⁷⁷⁷ *Евреинов В.А.* Акклиматизация каштана в Чехословакии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1931. Т. 4. С. 362–376.

⁷⁷⁸ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. 1920–1970. Нижний Новгород, 2019. С. 137.

⁷⁷⁹ *Гашкова Д., Копришилова А., Белошевская Л., Янчаркова Ю., Гаген С.* Указ. соч. С. 110; Российское зарубежье во Франции: Биографический словарь. 1919–2000. Т. 1 / Под. общ. ред. *Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской.* М., 2008. С. 308.

⁷⁸⁰ См., например: *Vološin F.E.* Solární poměry ve Vysokých Tatrách. Praha, 1928. Эта работа была замечена известным американским метеорологом Гербертом Кимбэллом (Herbert Harvey Kimball; 1862–1944). См.: *Kimball H.H.* Measurements of solar radiation intensity and determinations of its depletion by the atmosphere // *Monthly Weather Review.* 1930. Vol. 58. № 2. P. 50.

полевых исследований во Франции⁷⁸¹ и не менее результативный послереволюционный опыт в Швеции⁷⁸². Предпринятая им в 1922 г. попытка побудить Карлов университет провести геологические исследования в Скандинавии успехом не увенчалась⁷⁸³. У самих эмигрантов денег на полевые исследования для работы за пределами Чехословакии не было. Лишь однажды, в июне 1922 г., Учебная коллегия Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой республике сумела отправить Отоцкого в заграничную командировку для проведения гидрологических исследований⁷⁸⁴.

В то же время почвовед и агрохимик Борис Николаевич Одинцов (1882–1967) хотя и сосредоточился на педагогической работе⁷⁸⁵ и популяризации науки⁷⁸⁶, делал попытки приложить свои прежние исследования к местному материалу. Так появились его работы о сельском хозяйстве Чехословакии⁷⁸⁷, о влиянии испарения на плодородие чехословацких почв⁷⁸⁸.

⁷⁸¹ В 1902 г. П.В. Отоцкий провел гидрогеологические исследования в Гасконских Ландах, которые сразу привлекли внимание европейских коллег. См.: *Henry E. Les Sols Forestiers*. Paris – Nancy, 1908. P. 319; *Басов Г.Ф.* Исследование П.В. Отоцкого на территории Ланд во Франции // Известия высших учебных заведений: Лесной журнал. 1960. № 1. С. 168.

⁷⁸² *Отоцкий П.В.* О Норденшильдовских колодцах // Почвоведение. 1924. № 1–2. С. 147–148; *Иванов И.В., Русакова Е.А., Ковалев М.В.* Павел Владимирович Отоцкий (1866–1954) – ученый и организатор в почвоведении // Почвоведение. 2019. № 1. С. 124; *Ковалев М.В.* Павел Владимирович Отоцкий в годы эмиграции (1918 – 1954) // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. Т. 40. № 1. С. 99.

⁷⁸³ *Ototzky P.* Les puits Nordenskjöld // Congrès d'Edimbourg du 14 au 26 septembre 1936: Rapports divers. Paris: L'Association, 1936. P. 262.

⁷⁸⁴ Письмо Учебной коллегии Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой республике в Земское политическое управление, 21 июня 1922 г. // Národní archiv České republiky. Fond «Policejní ředitelství Praha II – všeobecná spisovna – 1941–1950». Kart. 8190. Sign. O 498/3 Otockij Pavel.

⁷⁸⁵ *Одинцов Б.Н.* Динамическая геология и общее почвоведение: курс лекций, читанный студентам Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге в 1927–1928 году. Прага, 1928; *Он же.* Курс общего земледелия. Ч. 1: Механическая обработка почв. курс лекций, читанный студентам Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге в 1928–1929 году. Прага, 1929.

⁷⁸⁶ В серии «Современное естествознание и техника» издательства «Пламя» он выпустил книгу: *Одинцов Б.Н.* Органические вещества почвы и их влияние на ее плодородие. Прага, 1925.

⁷⁸⁷ *Одинцов Б.Н.* Сельское хозяйство Чехословакии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 195–209.

Представители молодого поколения все же, в своем большинстве, старались воспользоваться новыми возможностями. В этой связи необходимо остановиться на опыте одного из этих ученых, который сумел добиться не просто значительных успехов, но, по сути, создать себе мировое научное имя и завоевать исследовательский авторитет. Этим ученым был геолог Дмитрий Николаевич Андрусов.

Д.Н. Андрусов начал профессиональное образование в 1915 г. в Петроградском университете, но в 1916 г. он был призван армию, воевал на Юго-Западном фронте до его развала в 1917 г. Он вернулся к учебе и даже принял участие летом 1918 г. в экспедиции на Мангышлак⁷⁸⁹. В 1918–1919 гг. учился в Таврическом университете, но потом снова оставил обучение, вступив в ряды Добровольческой армии. В 1920–1922 гг. Д.Н. Андрусов учился в парижской Сорбонне. В 1922 г. вместе с родителями он приехал в Прагу, где продолжил обучение в Карловом университете, а параллельно слушал лекции в Высшей школе химико-технологической инженерии при Чешском высшем техническом училище⁷⁹⁰.

Уже в 1923–1924 г. Д.Н. Андрусов совершил первые геологические исследования в Повлтавье и сделал первые опыты геологического картирования в Среднечешском крае близ города Збируг⁷⁹¹. Эти результаты он положил в основу своей докторской диссертации, защищенной в июне 1925 г.⁷⁹²

⁷⁸⁸ *Odincov B.N.* Evaporation as agent of soil fertility // Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете. 1938. Т. VII (XII). № 47. С. 264–294; *Eadem.* Závislost sklizně na vypařování (podle dat české nížiny) // Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете. 1938. Т. VII (XII). № 62. С. 241–258.

⁷⁸⁹ Profesorskému sboru přírodovědecké fakulty Karlovy unibersity // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Přírodovědecké fakulty Univerzity Karlovy 1921–1953 (1960). Kart. 4. Inv. č. 27.

⁷⁹⁰ Krátky životopis a prehľad činnosti akademika SAV Dimitrija Andrusova od r. 1897 do r. 1969 // Archív Univerzity Komenského v Bratislave. Fond «Prírodovedecká fakulta». Osobný spis – Prof. Dimitrij Andrusov; Profesorskému sboru přírodovědecké fakulty Karlovy unibersity // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Přírodovědecké fakulty Univerzity Karlovy 1921–1953 (1960). Kart. 4. Inv. č. 27.

⁷⁹¹ *Andrusovová-Vlčeková G.* Heinrich Schliemann a jeho ruskí potomkovia // Genealogicko-heraldický hlas. 1993. Roč. III. № 1. S. 9.

⁷⁹² *Andrusovová-Vlčeková G.* Išiel som touto cestou. S. 63.

Вскоре взор молодого геолога обратился в сторону Словакии, где он впервые побывал еще в 1923 г. вместе с группой студентов под руководством профессора Р. Кеттнера⁷⁹³. С 1926 г. его исследования в Словакии сделаются регулярными и, без преувеличения, станут неотъемлемой частью всей его последующей жизни⁷⁹⁴.

Горная часть Словакии в представлении Д.Н. Андрусова являет собой один из самых интересных регионов Европы с геологической точки зрения. Она относится к зоне Альпийской складчатости, последней крупнейшей эпохи тектоногенеза. Закономерно, что ему очень помогал опыт практических исследований в Швейцарских Альпах, которые являлись своего рода модельным полигоном для европейских геологов. Именно работа с альпийскими материалами позволяла проводить квалифицированные сравнительные исследования с другими горными массивами. Кроме того, Карпаты, как и Альпы, являются своеобразным аналогом зоны, простирающейся к северу от Альпийско-Карпатской системы, т.е. области древних герцинских гор, таких как Центральный массив во Франции, Вогезы и Шварцвальд, Чешский массив, Свентокшиские горы, Подольский массив и Добруджа⁷⁹⁵. В 1927 г., воспользовавшись правительственной стипендией, Д.Н. Андрусов прошел стажировку в Лозанне у ведущего швейцарского специалиста, профессора Мориса Люжона (Maurice Lugeon; 1870–1953), постигая теорию и практику геологического картирования в Швейцарских Альпах⁷⁹⁶.

Геологическое изучение Карпат восходит еще к концу XVIII – началу XIX вв. и связано с именами австрийских естествоиспытателей Бальтазара

⁷⁹³ *Maheľ M.* Op. cit. S. 5.

⁷⁹⁴ *Andrusovová-Vlčeková G.* Heinrich Schliemanns russische Periode // Αρχαιολογία και Ερρίκος Σλήμαν. Εκατό έτη από το θάνατό του. Ανασκόπηση και προοπτικές. Μύθος – Ιστορία – Επιστήμη / Γεώργιος Στυλ. Κορρές (υπεύθυνος συνεδρίου & εκδόσεως), Νεκτάριος Καραδήμας (επιστ. επιμέλεια) και Γεωργία Φλούδα (επιστ. επιμέλεια). Αθήνα, 2012. Σ. 174.

⁷⁹⁵ *Andrusov D.* Geologie Slovenska. Praha, 1938. S. 7.

⁷⁹⁶ *Kettner R.* K šedesátinám akademika Dimitrije Andrusova // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond Radim Kettner. Sign. IIIa. Krab. 42. Inv. č. 2098a.

Аке (Balthasar Hacquet de la Motte; 1739–1815) и Керестея Андраша Ципсера (Zipser Keresztély András; 1783–1864) и особенно – с французским геологом Франсуа Сюльпис Бёданом (François Sulpice Beudant; 1787–1850)⁷⁹⁷. Новый импульс был дан созданием в Вене в 1849 г. Геологического общества (Geologische Bundesanstalt). В 1860-е гг. Францем Риттером фон Хауэром (Franz Ritter von Hauer; 1822–1899) велась работа по созданию первой геологической карты Австро-Венгерской империи, в которой были представлены и словацкие Карпаты. Особая страница в истории изучения Карпат стала деятельность словацкого геолога Диониза Штура (Dionýz Štúr; 1827–1893). К его заслугам можно отнести, в частности, именно Д. Штур первым во многом правильно выделил геологические формации Словакии, ввел стратиграфические термины, которые используются по сей день. На рубеже XIX–XX вв. высокую исследовательскую активность проявляли венгерские геологи, в особенности из Королевского геологического института (Magyar Királyi Földtani Intézet) в Будапеште. Д.Н. Андрусов, что хорошо видно из его работ, с большим вниманием относился к работам предшественников, причем не только к самым новейшим. Это позволяло ему понимать эволюцию исследовательских подходов в долгой исторической ретроспективе, выделять еще нерешенные научные проблемы, как, к слову, сложная карпатская тектоника, а одновременно пересматривать или уточнять господствовавшие ранее выводы. Так, например, он обратил внимание на ошибку Д. Штура, который при стратиграфическом описании Словакии объединил воедино пермские отложения, нижний триас, а также карпатский кейпер (верхний триас некоторых зон)⁷⁹⁸. Он внимательно анализировал полемику начала XX в. между австрийским профессором Вик-

⁷⁹⁷ Алферьев Г.П., Славин В.И. История геологического изучения западных областей Украины // Очерки по истории геологических знаний. М., 1955. Вып. 4. С. 81, 87, 89; Csiky G. History of mineral exploration in Hungary until 1945 // History of Mineral Exploration in Hungary until 1945 / Ed. by G. Csiky. Budapest, 1989. P. 41; Ровенчак І. Бальтазар Гакет як географ України // Історія української географії. Тернопіль, 2000. Вип. 2. С. 56–62; Brustur T. A bibliographical rarity – The first manual of geology in Romanian language (Cobălcescu, 1859) // Geo-Eco-Marina. 2022. Vol. 28. P. 140, и др.

⁷⁹⁸ Andrusov D. Geologie Slovenska. S. 89.

тором Улигом (Viktor Uhlig; 1857–1911) и швейцарским геоморфологом Морисом Люжоном (Maurice Lugeon; 1870–1953) об особенностях тектонического строения Карпат⁷⁹⁹.

Летом 1926 г. Д.Н. Андрусов начал исследование так называемого Пьенинского клиппового пояса – примечательной в тектоническом отношении зоны Западных Карпат, которую отличает очень сложная геологическая структура. Он представляет собой один из важнейших тектонических швов, очерчивающих границы между Внешними, Центральными и Западными Карпатами⁸⁰⁰. Во время картографических работ в бассейне реки Оравы летом 1926 г., Д.Н. Андрусов упал с крутого склона и лишь чудом сумел ухватиться за ветви дерева, что спасло ему жизнь. Но даже с травмированной рукой он продолжал исследования, делая перерыв лишь для прохождения физиопроцедур у врача⁸⁰¹. Первые результаты словацких исследований были изложены ученым на II съезде Карпатской геологической ассоциации в Румынии в сентябре 1927 г. Его исследования привлекли живое внимание иностранных коллег. К примеру, у него установились контакты с румынскими геологами Георгием Маковеем (Gheorghe Macovei; 1880–1969) и Савой Атанасиу (Sava Athanasiu; 1861–1946), с австрийскими – Францем Шаффером (Franz Xaver Schaffer; 1876–1953) и Фридрихом Траутом (Friedrich Trauth; 1883–1967)⁸⁰². Полевые работы в Словакии

⁷⁹⁹ *Andrusov D.* Geologie Slovenska. S. 94–95. М. Люжон настаивал на сложном, мантийном, строении Карпат, уделял особую важность изучению покровных структур, и показывал, в частности, что перемещение татранских покровов происходило в постпалеогеновый период. В конечном счете В. Улиг пересмотрел свои взгляды под влиянием швейцарского коллеги, но внес коррективы в некоторые его выводы. Их научная дискуссия сыграла важную роль в развитии тектонического изучения Карпат.

⁸⁰⁰ См.: *Леонов М.Г.* Пьенинский утесовый пояс: тектоническая структура и эволюция // Геодинамика и тектонофизика. 2014. Т. 5. № 3. С. 703–715.

⁸⁰¹ *Andrusovová-Vlčeková G.* Išiel som touto cestou. S. 71. В письме к Р. Кеттнеру Д.Н. Андрусов со свойственной ему самоиронией рассказывал про свое «salto mortale», про то, как ему вправляли руку, дав в качестве наркоза словацкую можжевелевую водку – боровичку. Для пушей наглядности он нарисовал себя, катящегося со склона с рюкзаком и геологическим молотком (Письмо Д.Н. Андрусова к Р. Кеттнеру, 28 июля 1926 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond Radim Kettner. Sign. II. Kart. 4. Inv. č. 69).

⁸⁰² *Andrusovová-Vlčeková G.* Išiel som touto cestou. S. 71, 75.

Д.Н. Андрусов проводил вместе с женой Валентиной. О научной увлеченности супругов свидетельствует тот факт, что их дочь Галина появилась на свет 3 августа 1928 г. фактически вовремя во время экспедиции. Летом следующего года в картографическую поездку в Ораву (Orava) Андрусовы отправились уже втроем⁸⁰³. В 1929 г. был завершен первый большой этап геологического картографирования в Западных Карпатах, который принес заслуженную известность и авторитет Д.Н. Андрусову. У него сложились крепкие отношения с чехословацкими коллегами. Хорошие результаты работ позволили созвать в Чехословакии в 1931 г. III съезд Карпатской геологической ассоциации. В январе 1932 г. Д.Н. Андрусов защитил хабиляционную работу о тектонике и палеогеографии Северо-Западных Карпат и получил звание доцента⁸⁰⁴. Д.Н. Андрусов работал в Словакии каждое лето, сделав перерыв лишь в 1933 г., чтобы поехать с семьей на Адриатическое море.

Это были без преувеличения революционные исследования, которые впервые позволили получить комплексные представления о геоморфологии Западных Карпат, впервые нарисовать стратиграфическую картину Словацко-Моравских Карпат, проанализировать интрузии магматических пород и метаморфизм в дотриасовых комплексах Словакии, рассмотреть окаменелости из карпатских триасовых отложений, показать связи между Восточными и Западными Карпатами, выделить тектонические зоны Словакии⁸⁰⁵.

⁸⁰³ *Andrusovová-Vlčeková G.* Išiel som touto cestou. S. 75, 78. Видимо, все это предопределило будущее девочки – она также стала ученым-геологом, специалистом в области минералогии. См. о ней: *Háber M.* Významné životné jubileum RNDr. Galiny Andrusovovej-Vlčekovej, CSc. // *Mineralia Slovaca*. 1998. T. 30. № 2. S. 10–11.

⁸⁰⁴ *Andrusovová-Vlčeková G.* Išiel som touto cestou. S. 82; *Kettner R.* K šedesátinám akademika Dimitrije Andrusova // *Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond Radim Kettner. Sign. IIIa. Krab. 42. Inv. č. 2098a; Profesorskému sboru přírodovědecké fakulty Karlovy unibersity // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Přírodovědecké fakulty Univerzity Karlovy 1921–1953 (1960). Kart. 4. Inv. č. 27.*

⁸⁰⁵ *Andrusov D.* O vztahu východních Karpat ke Karpatům západním // *Věstník Státního geologického ústavu Československé republiky*. 1933. Roč. IX. Č. 2. S. 157–164; *Andrusov D., Šuf J.* Stratigrafie a tektonika severního okraje Silické planiny u Drnavy na

Д.Н. Андрусову удалось пересмотреть некоторые устоявшиеся представления, как, например, на неоген Нижнеморавской низменности – важной зоны карпатской тектонической депрессии. Прежде считалось, что геологическое строение горной части Карпат значительно отличается от строения предгорных низменностей. В горной части преимущественно наблюдаются интенсивно складчатые кристаллические сланцы протозоя, мезозоя и палеогена. В то же время прикарпатские низменности сложены преимущественно более молодыми третичными толщами, залегающими горизонтально или лишь слегка складчатыми. Д.Н. Андрусов же показал, что эта разница лишь кажущаяся, поскольку под неогеном на большей или меньшей глубине находятся те же породы, что и в горной области⁸⁰⁶.

У словацких исследований Д.Н. Андрусова в 1930-е гг. была еще одна важная сторона, связанная с изучением карпатских покровных структур – так называемых шарьяжей⁸⁰⁷. В 1933–1934 гг. ученый специально изучал их в Западных Карпатах, выделив несколько так называемых субтатранских надвигов⁸⁰⁸. Эти исследования заложили прочный фундамент для ра-

Slovensku // Bratislava: časopis pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi. 1936. Roč. 10. S. 243–246; *Andrusov D.* Sur quelques fossiles triasiques des Carpathes occidentales // Věstník Královské české společnosti nauk. Třída mathematicko-přírodovědecká. Praha, 1938. Roč. 1937. № X. S. 1–20; *Eadem.* La faune du Burdigalien et de l'Helvétien de la Slovaquie occidentale // Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге. 1938. Т. VII (XII). № 44. С. 151–178, и др.

⁸⁰⁶ *Andrusov D.* Kritika rozdělení neogénu dolnomoravského úvalu // Věstník Státního geologického ústavu Československé republiky. 1932. Roč. VIII. Č. 1. S. 77–78.

⁸⁰⁷ Имеется в виду горизонтальный надвиг одной массы горных пород на другой, который приводит к перекрытию первыми вторых. Подобные надвиги могут характеризоваться значительной амплитудой перемещений. Крупные шарьяжи, как в случае с Карпатами, формировались при столкновении значительных тектонических элементов.

⁸⁰⁸ *Andrusov D.N.* Subtatranské příkrovy Západních Karpat // Carpathica. Praha, 1936. Sv. I. S. 3–33; *Eadem.* Subdivision des nappes Subtatriques sur le versant Nord de la Haute Tatra // Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге. Прага, 1936. Т. IV (IX). № 23. С. 125–134. Феноменом надвигов Д.Н. Андрусов заинтересовался еще в период учебы в Карловом университете и полевых работ в Среднечешском крае. Об этом интересе он сообщал в письме к Р. Кеттнеру (Письмо Д.Н. Андрусова к Р. Кеттнеру, 17 июля 1924 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 327: Radim Kettner. Sign. II. Kart. 4. Inv. č. 69).

бот Д.Н. Андрусова уже в послевоенный период⁸⁰⁹. В чем значение этих исследований в контексте развития геологического знания той поры? В том, что они вносили важные элементы в пользу теории мобилизизма. В ее основе лежали представления о горизонтальном перемещении значительных участков земной коры (в противовес теории фиксизма, допускавшей лишь значительные вертикальные движения литосферы).

Словацкие исследования Д.Н. Андрусова носили не только фундаментальный, но и прикладной характер. Он следовал принципу своего отца, говорившего, что «только там, где сознаётся теснейшая связь между так называемым чистым знанием и знанием прикладным, возможно блестящее и плодотворное развитие того и другого»⁸¹⁰. Уместно упомянуть гидрогеологические изыскания Д.Н. Андрусова, направленные на проработку возможности использования подземных вод для водоснабжения городов и в лечебно-рекреационном деле⁸¹¹. Это были весьма актуальные задачи, поскольку Словакия богата геотермальными водами. Кроме того, волновал Д.Н. Андрусова вопрос о поиске, разработке и использовании полезных ископаемых (нефть, уголь, торф, каменная соль, бокситы, строительный известняк и др.). Вместе с К. Зарубой он провел геологические изыскания

⁸⁰⁹ Примечательно, что в послевоенный период, когда у Д.Н. Андрусова сложится обширная сеть контактов с советскими геологами, он особенно сблизится с Александром Вольдемаровичем Пейве – одним из немногих последовательных сторонников мобилизизма в советской геологии. Д.Н. Андрусов живо интересовался работами коллеги, особенно «боевыми статьями в защиту больших надвигов» и пропагандировал их (Письмо Д.Н. Андрусова к А.В. Пейве, 12 января 1966 г. // Archív Slovenskej akadémie vied. Fond «Dimitrij Andrusov». Škat. 26. Inv. č. 605). Он старался оказывать посильную помощь А.В. Пейве, как, например, с организацией полевых исследований в Словакии летом 1964 г. (Отчет о научной командировке в Чехословакию с 1 июня по 22 июня 1964 г. // Архив РАН. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 64. Л. 1, 5–7).

⁸¹⁰ Андрусов Н.И. Воспоминания. 1871–1890. С. 185.

⁸¹¹ Именно Д.Н. Андрусов и его коллега К. Заруба составили первые гидрогеологические карты Словакии, которые, несмотря на некоторую простоту и схематизм, заложили основу будущих крупномасштабных работ. См.: Malík P., Bačová N., Bahnová N., Bajtoš P., Benková K., Bodiš D., Bottlik F., Černák R., Gregor M., Kordík J., Kováčová E., Lenhardtová E., Marcin D., Michalko J., Mikita S., Pažická A., Slaninka I., Švasta J. Základné hydrogeologické mapy Slovenskej republiky // Geologické práce. 2015. Správy 125. S. 55–56.

при проектировании железной дорогой Банска-Бистрица – Дивяки⁸¹². Последующее строительство тоннеля в полной мере подтвердило все геологические выкладки и предположения о строении местности⁸¹³. Исследования Д.Н. Андрусова вызывали интерес у региональных властей Чехословакии, о чем свидетельствует, например, письмо вице-президента Подкарпатской Руси Ярослава Мезника, который благодарил ученого за присылку его исследований⁸¹⁴.

Стремление Д.Н. Андрусова к изучению Словакии совпало с потребностями Чехословацкой республики, что обеспечивало административную поддержку проводимым исследованиям. Одновременно оно соотносилось с внутренними интересами чехословацкой геологии. Большое влияние на исследования Д.Н. Андрусова оказали профессора Радим Кеттнер (Radim Kettner; 1891–1967) и Франтишек Славик (František Slavík; 1876–1957) – ключевые фигуры межвоенной геологической науки. Вместе с тем Д.Н. Андрусов попал в круг начинающих ученых⁸¹⁵, также работавших с карпатскими материалами. Их объединили схожие научные интересы, а сотрудничество было подкреплено совместными полевыми работами, регулярным обменом мнениями, дискуссиями по важнейшим проблемам, совместными публикациями. Так взаимодействие с А. Матейкой оказалось плодотворным при обсуждении вопросов карпатской тектоники. Вместе с Д.Н. Андрусовым в 1931 г. они сформулировали модель тектонических по-

⁸¹² *Záruba-Pfefferman Q., Andrusov D. Geologické poměry území projektované dráhy Banská Bystrica – Diviaky // Zprávy železničních inženýrů. 1937. Roč. XIV. Č. 9. S. 160–163; Č. 11. S. 193–196.*

⁸¹³ *Kettner R. K šedesátinám akademika Dimitrije Andrusova // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 327: Radim Kettner. Sign. IIIa. Kart. 42. Inv. č. 2098a.*

⁸¹⁴ Письмо Я. Мезника к Д.Н. Андрусову, 27 июля 1937 г. // *Archív Slovenskej akadémie vied. Fond Dimitrij Andrusov. Škat. 28. Inv. č. 826.*

⁸¹⁵ Среди них – Яромир Коутек (Jaromír Koutek; 1902–1983), впоследствии профессор Карлова университета и основатель кафедры минеральных ресурсов, Владимир Зоубек (Vladimír Zoubek; 1903–1995), впоследствии академик ЧСАН и иностранный член АН СССР, Алоис Матейка (Alois Matějka; 1898–1978), впоследствии директор Государственного геологического института, Кvido Заруба (Quido Záruba; 1899–1993), впоследствии академик ЧСАН.

кровов Западных Карпат, которая, в целом, остается актуальной по сей день⁸¹⁶.

Результаты межвоенных исследований Д.Н. Андрусова были обобщены в книге «Геология Словакии», вышедшей в 1938 г.⁸¹⁷ Это был новаторский труд, вбиравший в себя проблемы геоморфологии, стратиграфии, исторической геологии. Но, помимо того, в межвоенные годы было опубликовано несколько десятков различных научных статей о различных аспектах словацкой геологии⁸¹⁸. До Д.Н. Андрусова никто из ученых не проводил комплексных исследований подобного масштаба. Широту взглядов и научную эрудицию Д.Н. Андрусова заслуженно ценили в научном мире. Один из его учеников, Михал Махель (Michal Maheľ; 1920–1999), впоследствии академик Словацкой академии наук, высказался следующим образом: «Палеонтологическая эрудиция позволила ему с радостью решать сложные стратиграфические задачи в сложнейших зонах Западных Карпат. <...> Его палеонтология выступает как необходимая составляющая стратиграфической геологии. И именно в стратиграфии он добился наибольших успехов. Он определил детальную стратиграфию юрских и меловых отложений Западных Карпат, позднее также триаса и отчасти третичного периода <...> После точного стратиграфического и палеонтологического изучения в упомянутой зоне становится очевидным лишь, что ученый со столь широким естественнонаучным кругозором взялся и за разгадку тектонического строения Карпат, не обойдя при этом и геоморфологические исследования. Его тектонические работы стали основополагающими для дальнейшего более детального изучения отдельных поясов. Он определил или уточнил этапы процессов горообразования в Западных Карпатах, доказал и разработал в

⁸¹⁶ Kettner R. Geologické vědy na vysokých školách pražských. Praha, 1967. S. 156; Grecula P. a kol. História geológie na Slovensku. Zväzok 2. Bratislava, 2006. S. 591–592.

⁸¹⁷ Andrusov D. Geologie Slovenska. Praha, 1938.

⁸¹⁸ Библиографию трудов Д.Н. Андрусова см.: Publikačná činnosť Prof. Dr. D. Andrusova // Práce Štátneho geologického ústavu. Bratislava, 1948. T. 17. S. 17–28; Andrusovová-Vlčeková G. Išiel som touto cestou. S. 141–150.

своих работах сложнейший процесс образования Карпат»⁸¹⁹. Отмеченная М. Махелем палеонтологическая эрудиция Д.Н. Андрусова сформировалась не без влияния его отца – одной из ключевых фигур в истории российской палеонтологии. Во время полевых работ в Словакии Д.Н. Андрусов переработал огромный массив окаменелостей, особенно аммонитов, кораллов, гиппуритов и др.⁸²⁰ Еще современники отмечали, что исследовательский успех Д.Н. Андрусова во многом оказался связан с синтезом достижений различных научных школ. Например, он активно применял наработки французских специалистов при изучении стратиграфии Карпат, а работы российских авторов – при описании палеофауны⁸²¹. Р. Кеттнер отмечал, что «синтетические исследования Д.Н. Андрусова вызвали интерес за рубежом», а его самого считал «одним из самых знаменитых европейских геологов»⁸²².

Подводя итог разбору вопроса о том, как отразилось пребывание в межвоенной Чехословакии на тематику исследований российских ученых-эмигрантов, можно сделать несколько выводов. Славянский вектор в их исследованиях был чрезвычайно силен. Это способствовала и общая внешняя обстановка, и потребность приспособиться к новым условиям работы, выработать новые исследовательские стратегии, которые будут востребованы за рубежом. По сути, перед представителями социально-гуманитарных и естественных наук встали схожие вызовы. Но смогли ли русские ученые ответить на них? Вторя чешскому литературоведу И. Поспишилу, можно с

⁸¹⁹ *Mahel' M.* Op. cit. S. 6.

⁸²⁰ В письме к Р. Кеттнеру Д.Н. Андрусов с воодушевлением рассказывал о находках остатков аммонитовой фауны близ словацкого города Зазрива и о консервации около 50 находок (Письмо Д.Н. Андрусова к Р. Кеттнеру, 11 сентября 1929 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 327: Radim Kettner. Sign. II. Kart. 4. Inv. č. 69).

⁸²¹ *Kettner R.* K šedesátinám akademika Dimitrije Andrusova // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 327: Radim Kettner. Sign. IIIa. Kart. 42. Inv. č. 2098a.

⁸²² *Návrh na volbu prof. dra Dimitrije Andrusova členem korespondentem II. sekce ČSAV* // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 327: Radim Kettner. Sign. IIIa. Kart. 42. Inv. č. 2098a; *Kettner R.* K šedesátinám akademika Dimitrije Andrusova // *Ibid.*

уверенностью сказать, что примеры успешной интеграции ученых в славянскую проблематику демонстрируют не столько закономерность, сколько «убеждают в том, насколько специфична реализация личности в иностранной среде и насколько все зависит от конкретных обстоятельств, воли случая, а также от активности самого человека и соответствующей ей мере культурной интеграции»⁸²³. Хотя эти слова были сказаны о литературоведах, они в полной мере применимы и к представителям других областей знания.

§ 2. Съезды Союза русских академических организаций за границей в интерьере славянской науки

В исследованиях по истории русской эмиграции уже неоднократно отмечалось, что первичной формой организации научной деятельности эмигрантов было создание русских академических групп в разных странах мира, которые должны были заниматься проблемами образования русской молодежи за рубежом и способствовать исследовательской работе⁸²⁴. Первые академические группы были созданы в Великобритании, Франции и Королевстве сербов, хорватов и словенцев, а впоследствии они возникли в Германии, США, Швеции, Бельгии и других странах. Возникновение таких обществ было связано с дореволюционной традицией организации и самоорганизации науки и интеллектуальной жизни вообще. В то же время жизнь на чужбине актуализировала потребность такой самоорганизации.

⁸²³ *Постишил И.* Научная судьба Сергея Вилинского: самореализация ученого-эмигранта в чужой среде. С. 43.

⁸²⁴ О деятельности отдельных русских академических групп за рубежом см: *Ульянкина Т.И.* Русские ученые-эмигранты в Великобритании (1917–1940-е гг.) // Институт истории естествознания и техники РАН. Годична научная конференция 1998. М., 1999. С.242–247; *Она же.* Русская академическая группа в США // *Русская культура XX века на Родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты.* М., 2000. Вып. 1. С. 47–54; *Цепилова В.И.* Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии. С. 59–74; *Ефременко В.В.* Русская академическая группа во Франции: процесс формирования и основные направления деятельности // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки».* 2006. № 2. 2006. С.121–125 и др.

Координации работы этих объединений требовала активной коммуникативной деятельности, выражавшейся, в частности, в проведении общеэмигрантских научных съездов. Представляется важным посмотреть на то, как эти проведение этих съездов вписывалось в практики межславянских научных коммуникаций, ибо все пять съездов, состоявшиеся в 1921–1930 гг. прошли на территории Чехословакии, Югославии и Болгарии, в их организацию и проведение оказались вовлечены не только русские эмигранты, но и местные ученые, общественные и политические деятели.

В начале 1921 г. представители академических групп в Великобритании, Франции и Германии по итогам личных встреч и консультаций приняли решение созвать делегатов от аналогичных эмигрантских организаций и образовать Комиссию для обсуждения проблем русской научной жизни за рубежом. К числу наиболее значимых вопросов было отнесено согласование основных положений уставов всех групп, координация усилий по материальной поддержке русских ученых и поиску работы для них, представительство эмигрантской науки в международных академических организациях, публикация трудов русских ученых и налаживание издательского дела⁸²⁵. Вскоре стало понятно, что практическое решение поставленных задач требует созыва съезда с широким представительством существующих академических групп, которые в тот момент возникали в разных частях света.

В начале июня 1921 г. на совещании в Париже представители Общества русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, парижской и лондонской академических групп выработали предложения по проведению съезда в августе-сентябре текущего года. Ими был образован специальный комитет в составе профессоров А.Н. Анцыферова, Ю.В. Ключникова и Н.М. Могилянского⁸²⁶. Они обязывались регулярно отчитываться о своей

⁸²⁵ Съезды русских академических организаций за границей. 1-й съезд. 10–17 октября 1921 года. 2-й съезд. 9–16 октября 1922 года. Прага, 1923. С. 4.

⁸²⁶ Как было замечено, все они – русские парижане (*Евдошенко Н.В.* Документы Русской академической группы в Париже в Национальном архиве Франции // Отечествен-

работе перед Бюро или Общим собранием Русской академической группы в Париже, взявшей на себя все главнейшие организационные функции. Большую трудность представлял поиск финансов. От идеи создать специальный фонд пришлось отказаться ввиду тяжелого материального положения эмиграции и невозможности широких пожертвований с ее стороны. Поэтому было решено искать спонсорскую поддержку на стороне, а в случае отсутствия оной предполагалось покрыть минимальные издержки за счет аванса из средств парижской академической группы. Товарищ председателя этой группы профессор Жюль Патуйе (Jules Philippe Eugène Patouillet; 1862–1942), бывший директор Французского института в Санкт-Петербурге, сумел получить от министерства иностранных дел республики 2.000 французских франков на проведение научного съезда⁸²⁷. Организационная активность русских парижан наглядно свидетельствовала об их лидирующем на тот момент положении в интеллектуальной среде Зарубежной России, о глобализме притязаний Парижа как неформальной эмигрантской столицы. Вместе с тем уже тогда начала вырисовываться перспектива постепенного смещения центра русской научной жизни за границей в другое место. Это стало очевидно уже при выборе места проведения будущего съезда.

Париж изначально был отвергнут ввиду дороговизны проезда и проживания, тем более что транспортные расходы делегатов предполагалось возложить на и без того небогатые русские академические организации. Отпали кандидатуры Висбадена и Вены. Вместе с тем было высказано мнение о разумности проведения съезда в одной из славянских стран. В итоге, выбор между Белградом, Загребом и Прагой решился в пользу последней. Вероятно, помог и случай. В июне 1921 г. в Париж с официальным визитом прибыл министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш, и организа-

ные архивы. 2020. № 5. С. 83). Но при этом они связаны с русской Прагой. Этнограф и антрополог Н.М. Могиланский в 1923 г. вообще переедет из Парижа в чехословацкую столицу.

⁸²⁷ Съезды русских академических организаций за границей. С. 6.

онный комитет съезда обратился к нему с просьбой оказать поддержку. Во время аудиенции чехословацкий политик заверил русских в своем расположении и подчеркнул, что «он не только в качестве лица, облеченного властью, но и как лицо, принадлежащее к академической среде, приветствует идею Съезда и считает его осуществление важным элементом для духовного сближения обоих славянских народов и их культур»⁸²⁸.

Получив согласие Э. Бенеша, представители академических групп в Англии, Франции и Королевстве сербов, хорватов и словенцев в июне 1921 г. образовали комиссию по созыву Первого съезда русских академических организаций за границей. Местом его проведения окончательно была определена чехословацкая столица. И хотя само пражское сообщество русских ученых в начале 1920-х гг. было еще немногочисленным, его представители живо откликнулись на инициативу коллег, как, например А.С. Ломшаков и Н.В. Ястребов⁸²⁹. Бюро Русской академической группы в Париже, по сути, делегировало им основные организационные полномочия. В начале сентября 1921 г. в Прагу для участия в подготовке съезда отправился профессор А.Н. Анцыферов. Вместе с А.С. Ломшаковым и Н.В. Ястребовым он создал новый оргкомитет, начавший работу 13 сентября. Впоследствии в него также вошли и другие видные русские ученые – переехавший из Белграда в Прагу правовед Е.В. Спекторский, славист В.А. Францев, инженер В.Д. Варенов и металлург А.И. Глазунов. В знак уважения и признательности в почетные члены оргкомитета были также включены известные чешские научные деятели.

Оргкомитет выработал принципы работы будущего съезда, в частности, определил квоты на участие – по одному делегату на каждые десять членов академической группы. 15 сентября во все русские академические группы были разосланы циркулярные письма, а также телеграфные сообщения че-

⁸²⁸ Там же.

⁸²⁹ Отчет о первом Съезде Академических организаций в Праге (10–17 октября 1921 года) и заметка о деятельности Правления Съезда (по 1 июня 1922 года) // Труды русских ученых за границей. Берлин, 1923. Т. II. С. 325.

рез чехословацкие посольства⁸³⁰. По ходатайству эмигрантов, власти республики согласились выделить на проведение съезда 75.000 крон и выдать бесплатные визы делегатам. Железные дороги дали им 50% скидку на проезд. Карлов университет безвозмездно предоставил свои аудитории для секционных заседаний. Русских участников должны были расселить в общежитии «Худобинец». Славянская сельскохозяйственная палата дала помещение для заседаний оргкомитета, печатные машинки и выделила в качестве помощника свою сотрудницу, владевшую русским языком⁸³¹.

Съезд проходил под патронажем Карлова университета в Праге, ему лично покровительствовал ректор профессор Б. Немец. Очевидно, что он использовал свой авторитет в чехословацких политических и общественных кругах, в частности свое знакомство с главой Праги доктором Карелом Баксой (Karel Vaša; 1862–1937). 3 октября 1921 г. вопрос о помощи в организации съезда был вынесен на заседание Академического сената университета, на которое были приглашены представители городских властей⁸³². От имени ректора 4 октября 1921 г. было подготовлено письмо к Городскому совету Праги с призывом поддержать работу грядущего конгресса. В нем говорилось, что съезд этот имеет «огромное значение как для углубления научной деятельности русских ученых, так и, прежде всего, для дальнейшего развития славянской культурной взаимности и для укрепления связей между русским и чехословацким научным миром»⁸³³.

Открытие съезда состоялось 10 октября 1921 г. в Общественном доме в самом центре Праги. О внимании чехословацких властей к нему можно судить хотя бы по официальным гостям – заместителю министра иностранных дел Вацлаву Гирсе, начальнику Русского отдела Министерства иностранных дел Йозефу Благошу, ректору Чешского высшего технического

⁸³⁰ Съезды русских академических организаций за границей. С. 7.

⁸³¹ Там же.

⁸³² Pozvání, dne 1. října 1921 // Archiv hlavního města Prahy. F. Magistrát hlavního města Prahy I. Sign. 15/94. Inv. č. 2285.

⁸³³ Presidu Rady hlavního města Prahy, dne 4. října 1921 // Archiv hlavního města Prahy. F. Magistrát hlavního města Prahy I. Sign. 15/94. Inv. č. 2285.

училища Эмилю Воточеку, ректору Карлова университета Б. Немецу. Последнему было поручено открыть съезд и произнести приветственную речь на русском и чешском языках. В ней именитый ботаник с радостью говорил об исполнении давней мечты чешских патриотов – о превращении Праги во всеславянский центр. В. Гирса зачитал приветствие от имени Э. Бенеша, отсылавшее слушателей к традициям чешского русофильства: «Наше родство по крови и языку давало нам издавна возможность следить за развитием русской науки, нашими выдающимися деятелями она всегда была надлежащим образом оцениваема и была источником, из которого черпала и наша наука. Сегодняшний Ваш съезд имеет для нас значение, как усиление наших взаимных культурных и научных связей к общему успеху. Для нас всех ясно, что будущность русского народа покоится в руках русской молодежи <...> Когда мы ставили себе вопрос, каким образом мы могли бы наилучше помочь русской эмиграции, то только что высказанные мысли именно и привели нас к решению призвать в наши высшие и средние учебные заведения насколько возможно большое количество русской молодежи, чтобы дать ей возможность продолжить свое учение <...> Если, таким образом, Прага становится центром русской учащейся молодежи, что вполне естественно и желательно, чтобы она стала также центром русских ученых»⁸³⁴. Работа ученых – это национальное дело, заключал В. Гирса⁸³⁵. Чехословацкие ученые и политики декларировали необходимость создания «новой России», которая после падения власти большевиков станет надежным другом и партнером Чехословакии⁸³⁶. Таким образом, в речи были обозначены контуры идеологии «Русской акции», направленной на поддержку эмигрантов. Сама же Прага заявила о себе как об интел-

⁸³⁴ Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. S. 46.

⁸³⁵ Sjazd predstaviteľov ruských aksdemických skupín // Slovenský Východ. Košice, 1921. 12. Oktobra. Roč. III. Č. 233. S. 3.

⁸³⁶ Этот настрой активно передавали различные газеты Центральной и Восточной Европы: Emigráns orosz tudósok kongresszusa // Uj Kelet. Cluj (Kolozsvár), 1921. Október 16. IV. Évf. 228. Szám. 5. old.; Sjazd predstaviteľov ruských aksdemických skupín // Slovenský Východ. Košice, 1921. 12. Oktobra. Roč. III. Č. 233. S. 3.

лектуальной столице Зарубежной России, потеснив с этого места Париж. Вторя чехословацким политикам, к традициям межславянской дружбы апеллировал и А.С. Ломшаков, назвавший Чехословакию «одним из преданных друзей, одной из верных опор» русских эмигрантов. Он сравнивал положение деятелей русской науки на чужбине с положением чехов начала XVII в., бежавших от преследований Габсбургов⁸³⁷. Это соотносилось с идеей «спасения русской культуры», которую разделяло немало европейских интеллектуалов, и о которой активно писали в газетах⁸³⁸. В.Ю. Волошина показала, что в повестку съезда был включен вопрос о пропаганде достижения русской науки и культуры за рубежом, что должно было способствовать формированию доброжелательного отношения местного населения и властей иностранных государств: «И хотя этот вопрос обсуждался не на пленарном заседании, а в комиссии под председательством С.И. Метальникова, все же можно говорить о внимании ученых к этому направлению просветительской деятельности»⁸³⁹.

Русские ученые встретили необычайно теплый прием со стороны чехов. Участники съезда вспоминали, что при входе в трамвай каждый чех старался дать совет, как проехать в том или ином направлении. Карлов университет устроил в честь русских гостей торжественный обед в Общественном доме. Большой прием организовало общество «Мещанская беседа», на котором присутствовал К. Крамарж. Магистрат Праги организовал несколько экскурсий по городу с посещением музеев. Министерство народного просвещения отвезло делегатов съезда в замок Карлштейн. Когда они ходили по его залам, то перед ними «невольнo вставали образы средневековья, рыцари, турниры, и предносилась история Европы, полная больших, красивых событий, с превратностью государств, народов, и ду-

⁸³⁷ Съезды русских академических организаций за границей. С. 14–15.

⁸³⁸ Menekült orosz tudósok kongresszusa // Ellenzék. Cluj (Kolozsvár), 1921. Október 13. XLII. Évf. 225. Szám. 2. old.

⁸³⁹ Волошина В.Ю. Съезды русских академических организаций о содержании просветительства в условиях эмиграции // Вестник Тюменского государственного университета. 2005. № 2. С. 132.

малось, что и русская современная трагедия один лишь из моментов в жизни великого народа, и что Россия воспрянет из нее с новой силой к светлому будущему»⁸⁴⁰.

Среди делегатов съезда были представители академических групп Великобритании (В.И. Исаев, В.Г. Коренчевский), Болгарии (Н.С. Трубецкой), Германии (А.И. Каминка, П.И. Новгородцев, А.С. Яценко, который, в итоге, не приехал), Латвии (Д.Н. Вергун), Польши (А.Л. Бем), Турции (А.И. Глазунов, но не смог приехать из-за железнодорожной забастовки Н.Н. Алексеев, С.К. Гогель, А.А. Копылов), Франции (П.П. Гронский, Ю.В. Ключников, С.И. Метальников, Н.М. Могилянский, А.Н. Анцыферов, Е.В. Аничков, П.Б. Струве), Королевства сербов, хорватов и словенцев (Ал.Д. Билимович, Ант.Д. Билимович, А.П. Доброклонский, Т.В. Локоть, В.Н. Сиротинин, Е.В. Спекторский, В.В. Фармаковский, М.Н. Ясинский) и Эстонии (А.Я. Поппен). Поскольку в Чехословакии к осени 1921 г. академическая группа еще не оформилась, русские ученые из этой страны принимали участие в съезде в личном качестве (А.С. Ломшаков, В.А. Францев, Н.В. Ястребов, А.Т. Васильев, А.А. Вилков, У.Д. Жиляев, Л.И. Кепинов, К.Г. Шиндлер, Ф.А. Щербина). Хотя изначально заявлялось и планировалось участие всех Русских академических групп за границей⁸⁴¹, не смогли прислать своих представителей группы из США, Финляндии, Швейцарии, Швеции и вторая академическая группа в Болгарии⁸⁴².

Работа съезда была организована в форме собраний Президиума, общих собраний и заседаний Комиссий, которые работали каждый день. Всего было образовано пять таких комиссий: по организационным вопросам (под председательством А.И. Каминки), по вопросам о положении русской научной и русских ученых за границей (П.Б. Струве), по вопросам о поло-

⁸⁴⁰ Съезды русских академических организаций за границей. С. 95–96.

⁸⁴¹ Sjazd ruských vedátorov v Prahe // Slovenský Východ. Košice, 1921. 6. Oktobra. Roč. III. Č. 228. S. 2.

⁸⁴² Съезды русских академических организаций за границей. С. 8–9.

жении науки и ученых в России (С.И. Метальников), по вопросу о положении русской учащейся молодежи за границей (Ал.Д. Билимович) и по проверке полномочий делегатов съезда (Е.В. Спекторский)⁸⁴³. В ходе заседаний были заслушаны доклады о деятельности каждой из представленных организаций. Все докладчики говорили о необходимости издания научных работ ученых-эмигрантов и о поддержке молодых кадров, в том числе путем организации стажировок в крупных научных центрах. Все они делали акцент на необходимости развития русского учебного дела за рубежом и просветительской работы, проводниками которой, в частности, должны были стать Русские народные университеты.

Но полного идейного единства делегатам достичь все же не удалось. Так острую полемику вызвал доклад Ю.В. Ключникова о помощи со стороны эмигрантов ученым в Советской России. Текст его, к сожалению, не сохранился или же его пока просто не удалось обнаружить в архивах. В отчете, изданном по итогам съезда, говорилось, что доклад профессора основывался на неприемлемой для многих точке зрения, не давал нового материала и поэтому был возвращен автору. Никаких иных примечаний в тексте не содержится. Однако можно сделать некоторые догадки, исходя из личности самого профессора. Ю.В. Ключников, как известно, был не только видным юристом-международником, но и одним из идеологов сменовеховства; уже вскоре после съезда он был приглашен в качестве эксперта в советскую делегацию на Генуэзской конференции, а затем вообще вернулся в СССР. Примиренческий с советской властью тон, вероятно, окутывал пражскую речь ученого и одновременно раздражал его коллег. Словно в резонанс ему прозвучало сообщение профессора Ф.А. Щербины, призывавшего бороться с невмешательством западных держав во внутреннюю политику большевиков. Он предлагал интеллектуально влиять на зарубежное общественное мнение, особенно на интеллектуальные круги. Эта пропаганда должна была вестись на почве науки, путем издания брошюр,

⁸⁴³ Там же. С. 10.

чтения лекций, публикации газетных статей. Ф.А. Щербина, как и многие его коллеги, верил в скорое падение большевизма, и поэтому его речь нашла живой отклик среди присутствовавших лиц⁸⁴⁴.

В день открытия съезда его делегаты обратились с приветствием к исследователям, оставшимся в Советской России, желая тем самым подчеркнуть духовную связь с ними. Издававшаяся в Вене венгерская газета «Jövő» так передавала этот посыл зарубежному читателю: «Преподаватели и ученые российских университетов, рискуя своей жизнью, сохранили священное рвение к подлинным научным исследованиям, и наступит день, когда русские сбросят большевистское иго и вернуться к порядку культурной жизни и свободе академического преподавания»⁸⁴⁵. В храме Святого Николая по всем русским ученым, погибшим в годы революции и Гражданской войны, была отслужена панихида⁸⁴⁶. Съезд просил все академические группы организовать комитеты и общества помощи ученым в Советской России. Также были приняты решения обратиться к Лиге наций и Американской администрации помощи с просьбой о предоставлении средств и кредитов для них, отправить в США делегацию во главе с А.С. Ломшаковым для пропаганды помощи русским интеллектуалам, организовать отправку в Советскую Россию журналов и книг, создав для этого сборные пункты, в частности, на Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер. Делегаты также признали необходимым составить обращение к мировому сообществу с указанием потерь, понесенных российскими научными кругами за время большевистского правления⁸⁴⁷. Участники съезда с горечью сетовали, что «никогда и ни при каком режиме, ни в другой какой-либо стране, ни в самой России, люди умственного труда вообще и академические ученые в частности не были поставлены в

⁸⁴⁴ Съезды русских академических организаций за границей. С. 56–57.

⁸⁴⁵ Az orosz tudósokprágai kongresszusa // Jövő. Bécs, 1921. Október 14. I. Évf. 199. Szám. 2. old.

⁸⁴⁶ Отчет о первом Съезде Академических организаций в Праге. С. 326.

⁸⁴⁷ Съезды русских академических организаций за границей. С. 79–80.

такое материально тяжелое и морально невыносимое положение»⁸⁴⁸. В доказательство в отчете они привели список 26 убитых большевиками ученых и 83 исследователей, умерших от голода, болезней и тяжелых бытовых условий⁸⁴⁹.

Атмосфера съезда была наполнена не просто патриотическим, но мессианским пафосом, осознанием особой роли эмиграции в сохранении отечественного научного и культурного наследия. В отчете говорилось, что съезд прошел «под чувством глубокой горечи от всей трагедии, которую переживает Россия, от гибели ее культурных ценностей, от тяжелых условий жизни представителей русской науки и русской студенческой молодежи и под чувством горячего желания сохранить разбросанные русские научные силы, создать новые в лице молодых ученых и студенческой молодежи для культурного восстановления свой дорогой Родины России – ныне поруганной, обесчещенной фанатиками и негодьями советского режима»⁸⁵⁰. Но какие практически шаги предполагалось сделать?

Профессор С.В. Маракуев призвал создать в Праге Педагогический институт, который бы готовил кадры для России и способствовал развитию образования⁸⁵¹. Он исходил из представления, что старая школа во многом исчерпала себя, что насущной потребностью является подготовка учителей, способных критически мыслить, понимать происходящие в мире социально-политические процессы. С.В. Маракуев понимал, что за рубежом невозможна массовая подготовка русских педагогов. Поэтому он предлагал сделать упор на обучении управленческого персонала для обновленной русской школы. Причем после падения большевиков, как полагал ученый, Педагогический институт нужно было бы сохранить в качестве места заграничных стажировок, тем более что он будет располагаться на родине великого педагога – Яна Амоса Коменского. Чехословакия расценивалась

⁸⁴⁸ Там же. С. 84–85.

⁸⁴⁹ Там же. С. 85–91.

⁸⁵⁰ Там же. С. 11.

⁸⁵¹ Там же. С. 57.

русскими эмигрантами как страна, где народное образование стоит на высочайшем уровне, и где существует мощная педагогическая традиция. Идея создания института нашла поддержку в чехословацких кругах, в том числе в лице К. Крамаржа, который присутствовал на докладе С.В. Маракуева и участвовал в обмене мнениями. В отчете о съезде сообщалось, что во время заседаний было также заслушано сообщение о Высших педагогических курсах в Париже, предназначенных для лиц со средним образованием и рассчитанных на два года. Однако мысли русских педагогов и ученых были теперь устремлены не столько в Париж, сколько в Прагу.

Об образовании говорил и профессор А.С. Ломшаков. Он отмечал, что одной из главных задач для эмигрантского интеллектуального сообщества должна стать забота о завершении обучения русской молодежью на чужбине. Он приветствовал действия чехословацкого правительства, выделившего в 1921 г. около 1.000 стипендий для русских студентов, и воодушевивших эмигрантские круги. Но, по словам А.С. Ломшакова, выполнение этой программы невозможно без минимального решения материальных вопросов и элементарного улучшения быта, а также без организации курсов коррекции знаний, практических занятий и подготовительных семинаров. А.С. Ломшаков призывал к международному решению проблем русских студентов, апеллируя к успешному опыту Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев и Болгарии. Он приветствовал создание сети русских учебных заведений за рубежом, например, возлагал надежды на открытие в Софии Русского университета в составе филологического и юридического факультетов⁸⁵². При этом А.С. Ломшаков настаивал на выработке квот на обучение, исходя из профиля подготовки русского студента до революции и возможностей принимающей его страны. В качестве примера он приводил Болгарию, где отсутствовали технические высшие учебные заведения, и русские студенты-инженеры были лишены возмож-

⁸⁵² Съезды русских академических организаций за границей. С. 67.

ности завершить свое образование⁸⁵³. В этих условиях на академические группы должна лечь дополнительная работа по выявлению количества студентов, нуждающихся в помощи, их профиля подготовки и уровня имеющихся знаний. Таким образом, А.С. Ломшаков сформулировал одну из главных идей съезда – необходимость объединения усилий всех академических групп для помощи русским студентам. Для этого все они должны были организовать в Союз русских академических организаций за границей. Его создание и стало главным итогом всего конгресса.

Участниками съезда был принят Устав Союза русских академических организаций за границей, впоследствии несколько дополненный в 1928 г. В нем провозглашались принципы организационного единства всех групп русских ученых, оказавшихся на чужбине. В качестве главных задач Союза признавались: координация деятельности всех эмигрантских академических организаций, установление контактов с иностранными учеными и научными институтами, выражение общих интересов русских ученых-эмигрантов перед лицом правительств и общественных организаций, помощь в организации исследований и печатании научных трудов, развитие русских учебных заведений, помощь русским студентам и ученым, в том числе оставшимся в Советской России, материальная поддержка нуждающихся исследователей и др.⁸⁵⁴ За академическими группами сохранялась полная автономия. Им было дано право объединять на местах русских ученых и координировать их работу. Принципы организации и деятельности групп должны были определяться исходя из их состава и характера задач. Членами групп могли быть преподаватели высших школ, «выдержавшие магистерский или ему соответствующий экзамен, и лица, обладающие

⁸⁵³ Там же. С. 68–69.

⁸⁵⁴ Устав Союза Русских академических организаций за границей (утвержден I-м Съездом, с изменениями, внесенными IV Съездом 20 сентября 1928 г.) // Národní archiv ČR. Fond «Ruské a ukrajinské emigrantské spolky a organizace v ČSR». Kart. 43. Inv. č. 271.

учеными степенями»⁸⁵⁵. Съезд признавал, что было бы целесообразно привлечь к деятельности групп и людей, не отвечающих этим критериям, но живо интересующихся наукой. Однако оговаривался, что их участие в работе корпоративной научной организации возможно лишь без права решающего голоса в вопросах академического характера. Эти люди могли бы состоять в группах лишь на правах членов-сотрудников⁸⁵⁶.

Главным координирующим органом Союза должен был стать Съезд академических организаций, который следовало проводить регулярно, и на который должны были выноситься для обсуждения все текущие вопросы. В перерывах между Съездами управленческие функции должны были осуществлять Совет Союза, Правление и специальные Комиссии, избираемые демократическим путем. Академические организации имели право присылать своих представителей на заседания Совета и съезды Союза. Они были обязаны предоставлять доклады о своей работе, а помимо этого делать организационные взносы в общую кассу. Поскольку не все академические организации имели возможность регулярно посылать своих членов на заседания Совета, они могли подавать «свои мотивированные мнения по возбужденным вопросам», которые затем заслушивались и обсуждались⁸⁵⁷.

Согласно принятому Уставу, Съезд избрал Правление Союза русских академических организаций за границей на ближайший год. Его председателем стал А. С. Ломшаков, товарищами председателя – В.А. Францев и А.А. Копылов, секретарем – В.Д. Варенов, казначеем – А.А. Вилков. И если начало съезда было положено русскими парижанами, то теперь их заменили русские пражане, а сама Прага была названа место постоянного

⁸⁵⁵ Съезды русских академических организаций за границей. С. 73.

⁸⁵⁶ Там же. С. 74.

⁸⁵⁷ Устав Союза Русских академических организаций за границей (утвержден I-м Съездом, с изменениями, внесенными IV Съездом 20 сентября 1928 г.) // Národní archiv ČR. Fond «Ruské a ukrajinské emigrantské spolky a organizace v ČSR». Kart. 43. Inv. č. 271. Академические организации направляли своих представителей на общие Съезды из расчета один делегат на каждые 10 членов. Организации, имевшие менее 10-и, но более 3-х членов пользовались правом посылки одного делегата (Ibid).

пребывания Правления Союза русских академических организаций за границей⁸⁵⁸. Избрание А.С. Ломшакова его главой было вполне закономерным и заслуженным. Именно он в начале 1920-х гг. выступил с инициативой превращения Чехословакии в культурный, научный и образовательный центр Зарубежной России⁸⁵⁹.

Однако достичь организационного единства русских ученых на съезде вряд ли было возможно. Наглядным свидетельством тому было существование в некоторых странах, например в Болгарии, сразу двух русских академических организаций. Кроме того, едва ли не в разгар съезда стало известно о выделении из Общества ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев отдельной, самостоятельной ученой группы. Ситуация вызвала оживление на съезде, причем большинство делегатов склонялось к мысли о необходимости сохранения научного единства: «Не вдаваясь в обсуждение причин создания второй, параллельной академической организации в Югославии, обратиться к обеим организациям от имени Съезда с предложением во имя интереса общего дела найти пути к объединению обеих организаций воедино»⁸⁶⁰. Но процесс размежевания было не остановить.

Пожалуй, одним из главных итогов съезда стало утверждение положений о присвоении ученых званий и степеней⁸⁶¹. Русским академическим группам было дано право «учреждать на основании Положений, одобренных Съездом и разрешенных Министерством народного просвещения, особые Комиссии для производства для русских подданных испытаний зрелости, государственных испытаний и экзаменов на ученые степени, а

⁸⁵⁸ Письмо в Министерство иностранных дел Чехословацкой республики, 31 октября 1921 г. // Národní archiv ČR. Fond «Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR». Inv. č. 82.

⁸⁵⁹ См.: Речь профессора А.С. Ломшакова // Младорусь. Прага, 1922. Кн. 1. С. 93–98.

⁸⁶⁰ Съезды русских академических организаций за границей. С. 75.

⁸⁶¹ Положение о производстве испытаний на степень магистра, степень доктора медицины и звание адъюнкта и о защите магистерских, докторских и адъюнктских диссертаций, утвержденный Советом Союза 26 апреля 1922 г. на основании постановления Съезда 15 октября 1921 г. // Труды русских ученых за границей. Берлин, 1923. Т. II. С. 338–340.

также для рассмотрения адъюнктских, магистерских и докторских диссертаций»⁸⁶². К магистерским испытаниям допускались выпускники русских и зарубежных университетов. Они производились в Особых комиссиях при Русской академической группе. В состав Комиссий должно было входить не менее пяти членов, из которых хотя бы четверо должны обязательно обладать ученой степенью магистра или доктора, а пятый мог не иметь степени, но должен был иметь опыт преподавания соответствующего предмета в русской высшей школе⁸⁶³.

В целом, принципы сдачи магистерских экзаменов были традиционными и соответствовали дореволюционным аналогам. Диссертации могли предоставляться на русском и иностранных языках в напечатанном виде (лишь в исключительных случаях допускались рукописные варианты). Правда против диссертаций на правах рукописи активно возражал Е.В. Аничков, который утверждал, что тем самым будет нарушен принцип публичности защиты: «Когда диссертацией признается рукописное сочинение, одобренное двумя референтами, мне представляется, что мы зашли слишком далеко. Напечатанная работа подвергается обсуждению в печати; она читается или может быть прочтена. Этим самым защита диссертации получает характер публичности <...> Я не представляю себе, чтобы можно было считать себя магистром или доктором лишь потому, что где-то лежит несколько экземпляров рукописи, которую нашла удовлетворительно написанной и разработавшей какой-либо научный вопрос кучка ученых, как бы учены они ни были»⁸⁶⁴.

⁸⁶² Устав Союза Русских академических организаций за границей (утвержден I-м Съездом, с изменениями, внесенными IV Съездом 20 сентября 1928 г.) // Národní archiv ČR. Fond «Ruské a ukrajinské emigrantské spolky a organizace v ČSR». Kart. 43. Inv. č. 271.

⁸⁶³ Положение о производстве испытаний на степень магистра, степень доктора медицины и звание адъюнкта и о защите магистерских, докторских и адъюнктских диссертаций. С. 338; Съезды русских академических организаций за границей. С. 76–77.

⁸⁶⁴ Съезды русских академических организаций за границей. С. 78.

Специальные ученые комиссии рассматривали диссертацию, одобряли ее и допускали ее к защите⁸⁶⁵. Во все русские академические группы, где были соответствующие специалисты, рассылались ее экземпляры. Защиты предполагалось приурочивать к Съездам Русских академических групп за рубежом и проводить публично. Вопрос о присвоении степени решался голосованием. Постановление Комиссии о признании успешной защиты докладывалось собранию Съезда, которое получало право Совета университета и утверждало диссертанта⁸⁶⁶. Однако на практике процедура защиты была упрощена, ибо к середине 1920-х гг. стало понятно, что созывать ежегодные съезды Союза Русских академических организаций невозможно из-за материальных трудностей.

В целом, следует отметить огромное место Первого Съезда русских академических организаций за границей в процессе институционализации эмигрантской науки. Сама его повестка наглядно очертила тот круг вопросов, с которым пришлось столкнуться русским ученым на чужбине.

Второй съезд Русских академических организаций за границей, прошедший 9–13 октября 1922 г. в Праге, продолжил решать организационные вопросы. И вновь эмигрантский научный конгресс получил значительную поддержку со стороны чехословацких властей, выделивших на его проведение 50.000 чехословацких крон, и предоставивших участникам бесплатные залы заседаний, питание и льготный проезд по железной дороге⁸⁶⁷. Карлов университет, как и в минувшем году, взял на себя покровительство над съездом, а его новый ректор профессор-правовед Цирил Горачек (Cyril Horáček; 1862–1943) принял звание Почетного председателя съезда. Именно патронаж со стороны правительства и общественных кру-

⁸⁶⁵ Профессор М.М. Новиков вспоминал, что «как к диссертации, так и к диспуту обыкновенно предъявлялись самые строгие, подчас даже придирчивые требования». Это делалось для того, чтобы избежать упреков в малоценности научных трудов эмигрантов (См.: *Новиков М.М.* Русские эмигранты в Праге. С. 246).

⁸⁶⁶ Положение о производстве испытаний на степень магистра, степень доктора медицины и звание адъюнкта и о защите магистерских, докторских и адъюнктских диссертаций. С. 339–340.

⁸⁶⁷ Съезды русских академических организаций за границей. С. 99.

гов славянской республики способствовал повторному проведению эмигрантской встречи в Праге.

В работе съезда с правом решающего голоса приняли участие представители Академической группы при I-м Армейском корпусе в Болгарии (Н.Н. Малышев и Г.И. Ширяев), Академической группы в Болгарии (И.А. Базанов и В.В. Завьялов), Академической группы в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Е.В. Аничков), Академической группы в Бельгии (Л.М. Берлин), Академической группы в Великобритании (В.Г. Коренчевский), Общества русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Ал.Д. Билимович, Ант.Д. Билимович, Н.М. Бубнов, Е.В. Спекторский, В.И. Терebinский, В.В. Фармаковский), Академической группы в Париже (А.Н. Анцыферов, А.В. Карташев, Л.И. Кепинов, Н.М. Могилянский и Д.М. Одинец), Академической группы в Польше (Д.М. Сокольников), Академической группы в Чехословакии (Г.В. Вернадский, Д.Д. Гримм, И.Д. Жуков, С.В. Завадский, В.И. Исаев, П.И. Новгородцев и А.П. Фан-дер-Флит), Академической группы в Эстонии (М.А. Курчинский). Кроме того, от лица Правления Союза русских академических организаций за границей в нем участвовали А.С. Ломшаков, В.А. Францев, А.А. Копылов, А.А. Вилков, В.Д. Варенов. Почетными членами съезда с решающим голосом стали академики Н. И. Андрусов, Н. П. Кондаков, П.Б. Струве и В.А. Францев. Всего в съезде участвовало 35 делегатов с правом решающего голоса, причем 15 из них проживали в Праге. В общем числе участники представляли более 500 членов Союза русских академических организаций за границей⁸⁶⁸. Особенностью съезда было то, что его работа широко освещалась Русским телеграфным агентством и бюро печати РУССУНИОН. Сохранившиеся в Национальном архиве Чешской республике пресс-релизы позволяют восстановить картину заседаний и их итоги. За скухими информационными

⁸⁶⁸ Там же. С. 99–100.

сообщениями скрывается важная информация, которую трудно почерпнуть из других сохранившихся источников.

На правах старейшего члена русского научного сообщества за рубежом заседания открыл академик Н.П. Кондаков⁸⁶⁹. Вслед за ним выступил А.С. Ломшаков, который выразил благодарность чехословацким властям и лично президенту Т. Масарику, премьер-министру Э. Бенешу и заместителю министра иностранных дел В. Гирсе. Слова профессора зал встретил овацией. Затем П.Б. Струве прочел доклад «Русская наука в русской культуре», посвятив его памяти выдающихся историков М.А. Дьяконова и А.С. Лаппо-Данилевского, безвременно ушедших из жизни в 1919 г. в ужасающих условиях большевистского Петрограда⁸⁷⁰. Он говорил о русской науке как о неотрывной части культуры, связанной с развитием государственной и национальной жизни, он подчеркивал ее тесную связь с властью. Это явление было порождено тем, что наука в России изначально складывалась как светская, национальная, насаждаемая сверху: «Формально, психологически и социологически, процесс развития науки в России есть процесс ее вырастания из государственной и административной функции в функцию национальную и культурную»⁸⁷¹. Очевидно, в своем докладе П.Б. Струве хотел противопоставить большевистскому культурному нигилизму примеры высокого патронажа над наукой и учеными.

На первом собрании был избран Президиум в лице председателя Е.В. Спекторского, его заместителей А.Н. Анцыферова, Д.Д. Гримма и П.И. Новгородцева, секретарей Г.В. Вернадского и В.И. Исаева. Работа съезда проходила в общих собраниях и на заседаниях специальных комиссий, избранных для обсуждения докладов и общих вопросов. Всего было создано десять таких комиссий: по проверке полномочий членов Съезда, по рассмотрению отчетов Правления и Съезда, по рассмотрению вопросов

⁸⁶⁹ Второй съезд русских ученых // Студенческие годы. 1922. № 3–4. С. 20.

⁸⁷⁰ Струве П.Б. Русская наука в русской культуре // Возрождение. Париж, 1926. 7 июня. № 370. С. 2.

⁸⁷¹ Съезды русских академических организаций за границей. С. 109.

о положении русских студентов, по вопросам о положении русских ученых за границей, по вопросу о помощи русским ученым за границей, по изданию ученых трудов и учебников, по вопросам русской средней школы за границей, по вопросу об учреждении Русского педагогического института и Курсов общественной гигиены, по рассмотрению изменений в Уставе Союза, по выработке положений о государственных испытаниях и экзаменах и защите диссертаций на ученые степени⁸⁷².

Как и на прошлогоднем съезде, большое внимание уделялось вопросам среднего и высшего образования в эмиграции. Например, этому был посвящен доклад Н.М. Могилянскогo, прочитанный 11 октября от лица французской академической группы. В нем сообщалось, что в минувшем году 17 эмигрантов преподавали русские предметы в четырех парижских и одном версальском лицее⁸⁷³. Это был большой прорыв, которого удалось добиться как раз по итогам минувшего съезда. Комиссия по улучшению быта студентов наметила ряд конкретных мер. Докладчики подчеркивали, что даже в тех странах, где русская молодежь получает правительственную помощь, ее материальное положение остается тяжелым, незавидным. «Проходя по Белграду мимо строящихся зданий, – говорил профессор Е.В. Спекторский, – я с болью в сердце видел, как со мной раскланиваются чернорабочие, которых отличают от других рабочих только интеллигентные лица, – это мои слушатели»⁸⁷⁴. Осознавая важность и сложность этого вопроса, делегаты съезда предложили создать международную организацию по оказанию помощи эмигрантскому студенчеству. В итоге съезд принял постановление о внедрении студенческой анкеты, о выработке общего плана размещения студентов в разных странах, о срочных мерах по оказанию им материальной помощи, о снабжении студентов учебными пособи-

⁸⁷² Там же. С. 101–102.

⁸⁷³ Прага, 12 октября 1922 года. Пражское отделение Русспресс. Съезд русских ученых // Národní archiv ČR. Fond «Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce». Kart. 329. Inv. č. 186.

⁸⁷⁴ Съезд русских ученых в Праге. Пятый день – доклады с мест // Národní archiv ČR. Fond «Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce». Kart. 329. Inv. č. 186.

ями, о создании международного комитета спасения русской молодежи⁸⁷⁵. Комиссия по социальной гигиене подчеркнула важность подготовки инструкторов по дезинфекции, дезинсекции, бактериологии, гигиене и санитарной технике на специальных 6-месячных курсах. Базой для таких курсов могли бы стать чехословацкие университетские лаборатории. Проблема эта для эмиграции была в числе острейших, ввиду распространения в послевоенной, беженской Европе туберкулеза, инфекционных заболеваний. Инициатива была поддержана дочерью чехословацкого президента Алисой Масариковой, которая выступила на съезде 11 октября и заверила, что будет способствовать выделению средств⁸⁷⁶.

На заключительном общем собрании был обновлен состав Правления Союза русских академических организаций за границей. А.С. Ломшаков сохранил пост председателя, а В.А. Францев и А.А. Копылов – его заместителей. Членами правления были избраны Е.В. Спекторский, Д.Д. Гримм, П.Б. Струве, П.И. Новгородцев, С.А. Острогорский. Казначеем и секретарем стали А.А. Вилков и В.И. Исаев соответственно⁸⁷⁷. Все делегаты осознавали и признавали выдающаяся роль А.С. Ломшакова не только в организации съезда, но и в научной жизни эмиграции вообще. В выступлении на закрытии съезда Е.В. Спекторский говорил, что энергия и отзывчивость профессора являются гарантией того, что работа Союза Русских академических организаций за границей, «как бы становящегося русским министерством народного просвещения за границей, находится в твердых и надежных руках»⁸⁷⁸.

В пятый, заключительный день съезда были заслушаны доклады о деятельности академических групп в разных странах Европы: Н.М. Могилянского – о Русской академической группе в Париже, Е.В. Спекторского – об Обществе русских ученых в Королевстве сербов,

⁸⁷⁵ Съезды русских академических организаций за границей. С. 113.

⁸⁷⁶ Там же. С. 102.

⁸⁷⁷ Там же.

⁸⁷⁸ Там же. С. 111.

хорватов, словенцев, Г.И. Ширяева – о Русской академической группы при I-м Армейском корпусе в Болгарии, П.И. Новгородцева – о пражской академической группе⁸⁷⁹.

В заключительный день съезда для его участников был организован вечер в обществе «Мещанская беседа». Перед гостями выступил К. Крамарж. В своей речи, проникнутой глубокой любовью к России и верой в нее, он говорил об истории чешской политической мысли и чешско-русских интеллектуальных связях. Затем слово было предоставлено русским профессорам, и перед всеми гостями выступили Е.В. Спекторский, Е.В. Аничков, Н.М. Бубнов, А.В. Карташев⁸⁸⁰.

В числе важнейших решений съезда было создание в Праге двух эмигрантских научных учреждений. Первым из них стал Русский педагогический институт имени Я.А. Коменского, о необходимости открытия которого говорил в прошлом году С.В. Маракуев. Он ставил задачей реорганизацию образования в России посредством подготовки высших педагогических кадров, поэтому в ряды его слушателей принимались только лица с законченным высшим образованием и педагогическим стажем⁸⁸¹. Уровень преподавания был превосходным. Его обеспечивали историки А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, В.А. Францев, литературовед А.Л. Бем, философы С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, И.И. Лапшин. Во главе института встал профессор С.А. Острогорский, бывший директор курсов имени П.Ф. Лесгафта в Петрограде. В институте преподавался широкий круг гуманитарных дисциплин – славяноведение (В.А. Францев), русская история (А.А. Кизеветтер), история педагогики (А.В. Флоровский)⁸⁸². Правда существует Русский педагогический институт недолго. Уже к середине

⁸⁷⁹ Съезд русских ученых в Праге. Пятый день – доклады с мест // Národní archiv ČR. Fond «Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce». Kart. 329. Inv. č. 186.

⁸⁸⁰ Вечер в «Мещанской беседе» // Národní archiv ČR. Fond «Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce». Kart. 329. Inv. č. 186.

⁸⁸¹ Русские в Праге. 1918–1928 гг. С. 89–90.

⁸⁸² Там же. С. 89; Учебный план Русского педагогического института // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 227. Л. 1–2.

1920-х гг. число школьников в эмиграции уменьшится, а, значит, сократится потребность в педагогах. Кроме того, будет постепенно угасать надежда на скорое возвращение на Родину, в обновленную Россию без большевиков. В 1925 г. состоится последний прием слушателей, а в 1926 г. Русский педагогический институт будет закрыт⁸⁸³. Вторым учреждением, созданным по итогам съезда и при активном лоббировании со стороны А.С. Ломшакова, был научно-исследовательский Русский институт в Праге. Делегаты обсудили и одобрили план его работы.

Анализируя стратегию развития эмигрантской науки, обсуждаемую на съезде, нельзя обойти стороной идею о создании русского научного журнала за границей и организации специального издательства на кооперативных началах. План этот, впрочем, из-за недостатка финансов так и остался не реализованным. Делегаты в очередной раз подтвердили необходимость активных контактов с международными научными организациями, например Международным университетом в Брюсселе, Международной конфедерацией интеллигентных тружеников и др. Союзу русских академических организаций за границей надлежало представлять интересы русской науки и ученых перед ними. Важность патронажа со стороны иностранных правительств, организаций и отдельных филантропов осознавалась всеми эмигрантами. Именно поэтому в своей заключительной речи Е.В. Спекторский благодарил чехословацкое правительство и народ республики, особенно К. Крамаржа, «в груди которого бьется сердце более русское, чем у иных русских по крови». Благодарили и югославского «короля-рыцаря» Александра I, и «Великую Северо-Американскую Республику, о которой еще Герцен писал, что именно ей суждено быть в тесной связи с Россией», и благородную светскую и духовную бельгийскую интеллигенцию с кардиналом Ж.-Д. Мерсье во главе, и «подлинных друзей России» во Франции⁸⁸⁴.

⁸⁸³ В Русском педагогическом институте // Руль. Берлин, 1924. № 1187; Русские в Праге. С. 90; *Andreyev S., Savický I.* Op. cit. P. 100.

⁸⁸⁴ Съезды русских академических организаций за границей. С. 115–116.

Важнейшим решением съезда, безусловно, стало окончательное принятие правил о присвоении ученых степеней и защите диссертаций, разработка которых началась еще в 1921 г.⁸⁸⁵

Все эти действия имели большое значение для развития русской науки в изгнании. «Своеобразное и, как казалось в прошлом году, лишь временное насаждение русской академической жизни в иностранной обстановке приобретает, как выяснилось на Съезде, более длительный и планомерный характер и, несомненно, оно на замрет даже и тогда, когда наступит желанный момент нашего возвращения в освобожденную от ига большевиков Россию,» – заявил в интервью РУССУНИОНу председатель съезда Е.В. Спекторский.

Если первый съезд Русских академических организаций за границей был посвящен общим вопросам, то второй съезд решал уже конкретные проблемы, отказавшись, по сути, от широких деклараций. Его делегаты официально признали Прагу интеллектуальным центром Зарубежной России, «Меккой для русской интеллигенции, не приемлющей большевизма»⁸⁸⁶. В отчете о съезде говорилось, что русские ученые приветствуют «древнюю чешскую столицу, Золотую Прагу, одно имя которой уже таит в себе нечто бесконечно обаятельное и чарующее для каждого сознательно мыслящего и чувствующего русского славянина»⁸⁸⁷.

В январе 1924 г. началась подготовка Третьего съезда Русских академических организаций за границей, работу которого смогли организовать только к осени⁸⁸⁸. Его заседания прошли в Праге с 25 сентября по 2 октября. И вновь русские ученые не смогли обойтись без поддержки республиканских и городских властей. В телеграмме приматору Праги доктору К. Баксе профессор А.С. Ломшаков благодарил его от имени «русских

⁸⁸⁵ Второй съезд русских ученых. С. 22.

⁸⁸⁶ Съезды русских академических организаций за границей. С. 111.

⁸⁸⁷ Там же. С. 115.

⁸⁸⁸ Третий съезд Русских академических организация за границей // Огни. Прага, 1924. 28 января. № 4.

профессоров, встретившихся в достославной славянской Праге»⁸⁸⁹. Официальное открытие съезда состоялось 25 сентября 1924 г. в актовом зале Минералогического института (Албертов, 6), который часто использовался эмигрантами для проведения своих мероприятий. Секционные заседания проходили в Зоологическом институте Карлова университета (У Карлова, 3)⁸⁹⁰.

Съезд был посвящен памяти двух скончавшихся накануне ученых – профессора П.И. Новгородцева и академика Н.И. Андрусова. Поэтому на торжественном открытии сразу после речи В.А. Францева о научных связях между Россией и зарубежным славянством, произнесенной на чешском языке, прозвучали речи в их память. На пленарном заседании был также заслушан обстоятельный доклад Г.В. Вернадского «О значении научных трудов академика Н.П. Кондакова»⁸⁹¹. Сам знаменитый ученый выступил с программным сообщением «Научная постановка изучения истории Восточной Европы». Для академика съезд стал последним в жизни научным мероприятием. Вскоре он ушел из жизни.

Характерной чертой съезда стало преобладание научной стороны над организационной. В действительности, предыдущие два съезда даже не ставили своей задачей проведение научных заседаний. Однако уже на Втором съезде представители Русской академической группы в Париже высказали предложение в будущем приурочивать к рабочим, сугубо деловым встречам исследовательские доклады, что и было воплощено в жизнь в 1924 г.⁸⁹² Таким образом, Третий съезд Союза русских академических организаций за границей стал первым, на котором работали тематические секции: юридических и экономических наук, философских и историко-

⁸⁸⁹ Telegram. Primátor měst pražských doctor Bařa. 25. září 1924 // Archiv hlavního města Prahy. F. Magistrát hlavního města Prahy I. Sign. 15/153. Inv. č. 2285.

⁸⁹⁰ Расписание занятий научных секций III-го съезда русских ученых в Праге // Archiv hlavního města Prahy. F. Magistrát hlavního města Prahy I. Sign. 15/153. Inv. č. 2285.

⁸⁹¹ Ibid; *Вернадский Г.В.* О значении научной деятельности Н.П. Кондакова. К восьмидесятилетию со дня рождения. 1844 – 1.XI – 1924. Прага, 1924.

⁸⁹² Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде (16–23 сентября 1928 года). Белград, 1929. С. 4.

филологических наук, естественных наук и медицины, чистой и прикладной математики и технических знаний. Кроме того, из первой секции были выделены экономическая и юридическая подсекции, из второй – словесная и философская, из третьей – медицинская. Современники отмечали, что важной особенностью съезда было обсуждение не только фундаментальных научных задач и их решений, но и проблем современности, в особенности связанных с Советской Россией⁸⁹³.

Можно сделать вывод, что бытующее порой в историографии представление о Третьем съезде как организационным неверно. Эта точка зрения сформировалась из-за того, что его материалы не были изданы, хотя участники намеревались опубликовать его материалы. Предполагаемое издание должно было составить 50 печатных листов, причем 40 из них будет отведено текстам докладов (максимальный объемом 10.000 знаков каждый), а 10 – прениям по ним⁸⁹⁴. Однако эта идея так и осталась неосуществленной.

Состав участников Третьего съезда был очень сильным в научном плане. На нем присутствовали историки П.М. Бицилли, Г.В. Вернадский, А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, Е.Ф. Шмурло, правоведы Н.Н. Алексеев, Е.В. Спекторский, Н.С. Тимашев, философы И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Б.В. Яковенко, биологи В.В. Лепешкин, С.И. Метальников, М.М. Новиков, математики и механики Е.Л. Буницкий, Н.Е. Подтягин, А.П. Фан-дер-Флит, инженеры А.С. Ломшаков, Г.Н. Пио-Ульский и др. Ими было сделано более 46 сообщений в секции наук юридических и экономических, 32 – в секции наук философских и историко-филологических, 57 – в секции наук естественных и медицины, 23 – в секции математики чистой и прикладной и технических знаний.

Однако приведенную в таблице статистику следует рассматривать с определенной условностью. Дело в том, что съезд отличала междисципли-

⁸⁹³ Tretí sjezd ruských učencov v Prahe // Průdy. 1924. Roč. VIII. Č. 8. S. 530.

⁸⁹⁴ Постановления съезда русских ученых // Руль. Берлин, 1924. 5 октября. № 1168.

нарность и высокая степень взаимодействия разных областей знания. По этой причине проводились объединенные заседания. Например, 29 сентября – 1 октября состоялось совместное заседание секции наук юридических и экономических и секции наук философских и историко-филологических. С докладами на них выступили видные историки А.А. Кизеветтер, В.В. Саханев, И.А. Стратонов, П.Б. Струве, Ф.В. Тарановский, М.В. Шахматов, М.Н. Ясинский. Некоторые ученые делали сразу несколько докладов в одной секции, как, например, метеоролог В.П. Полетика («Климат высот Крыма», «Пути развития русской метеорологии», «Метеорологические условия засух и голодные бедствия»), ботаник В.С. Ильин («Влияние солей на изменение осмотического давления растительной клетки», «Роль солей в усвоении углеводов растений», «Солеустойчивость растений и ее причины», «Физиологическая характеристика засухоустойчивых растений»), механик А.П. Фан-дер-Флит («Об изгибе балки с одной консолью со сжатием в пролете», «О неправильности практикуемого вычисления трения воды о поверхность судна и следствиях этой неправильности», «О формулах для вычисления прироста деревьев») и др. Секция наук философских и историко-филологических оказалась едва ли не самой представительной, что обеспечивало присутствие в рядах участников знаменитых ученых. Представленные доклады хорошо иллюстрировали круг научных интересов русских историков за рубежом. А.А. Кизеветтер описывал, сколь больший интерес аудитории вызвали выступления П.М. Бицилли об истории раннего христианства, новых направлениях в изучении Ренессанса и критике учения О. Шпенглера⁸⁹⁵. Проблемам всеобщей истории были также посвящены сообщения Н.М. Бубнова, Д.Н. Вергуна, М.Н. Ясинского. Большая же часть докладов касалась русской истории. Среди их авторов были А.В. Флоровский,

⁸⁹⁵ Кизеветтер А.А. Историческая наука на съезде в Праге // Руль. Берлин, 1924. № 1175. 14 октября. П.М. Бицилли отрицал шпенглеровское понимание культуры и цивилизации как сменяющихся друг друга стадий и доказывал тождественность этих понятий.

И.И. Лаппо, Е.Ф. Шмурло, П.Б. Струве, М.В. Шахматов,
В.Ф. Тарановский, В.В. Саханев, И.А. Стратонов, А.А. Кизеветтер,
В.А. Мякотин, А.Ф. Изюмов и Н.М. Могилянский и др.⁸⁹⁶

В целом, тематика всех выступлений на съезде хорошо обрисовывала круг вопросов, имевших для эмиграции не только научную, но и общественную значимость. Например на секции юридических и экономических наук были заслушаны доклады В.А. Косинского о пределах интенсивности капиталистического сельского хозяйства, П.И. Рудченко о современном финансовом положении ведущих государств мира, Я.Д. Садовского о земельной реформе в Чехословакии, А.Ю. Вернера о систематике рабочего законодательства, А.А. Овчинникова об инфляции в Германии и т.д. Интересно, что значительное число докладов касалось разных сторон развития Советской России, например сообщения Н.С. Тимашева о предварительных итогах изучения советского права, Н.С. Жекулина о денежной реформе в СССР в 1924 г., П.Н. Савицкого об изучении производительных сил России в 1914–1924 гг., А.Ф. Изюмова о состоянии архивов в СССР, Н.М. Могилянского о положении музеев после революции и т.д.

Другой особенностью съезда стала впервые организованная в условиях эмиграции публичная защита диссертации согласно правилам, выработанным на предыдущих двух съездах. 3 октября в Большой аудитории Минералогического института преподаватель Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге И.В. Емельянов представил работу «Кооперативные организации среди земледельцев» на соискание ученой степени магистра агрономии. Защита прошла успешно, и он был утвержден в искомой степени.

О конкретных итогах съезда судить крайне сложно ввиду незначительного числа сохранившихся источников. После его окончания новые встречи ученых-эмигрантов несколько лет не организовывались, что было связано в первую очередь с материальными трудностями. В этих условиях, как отме-

⁸⁹⁶ Там же.

тила В.И. Цепилова, основная работа легла на Правление, регулярно собиравшееся на сессии. Оно решало все главные задачи, в том числе утверждение результатов защиты диссертаций⁸⁹⁷.

Четвертый съезд Союза Русских академических организаций состоялся в 16–23 сентября 1928 г. в Белграде⁸⁹⁸. О проведении его в югославянской столице говорили еще с начала 1920-х гг., желая тем самым отдать дань уважения Королевству сербов, хорватов и словенцев за поддержку русской эмиграции. К тому же «Русская акция» чехословацкого правительства пошла на спад, и взоры эмигрантов устремились в сторону югославского короля Александра. Они надеялись увидеть в нем нового патрона и щедрого покровителя. Однако организация съезда натолкнулась на некоторые политические трудности межславянских связей, о которых мы узнаем из мемуаров Е.В. Спекторского. Он писал, что министерство иностранных дел Югославии словно намеренно задерживало визы некоторым русским ученым. В частности, возник вопрос о визе для П.Н. Милюкова. Е.В. Спекторский общал в Париж, что если кадетский лидер все же решит приехать в Белград, то организаторы съезда предпримут ходатайства о визе: «Мы только не можем гарантировать ему, что со стороны сербов не будет никаких неприятностей за его болгарофильство и неблагоприятное для Югославии отношение к македонскому вопросу. Ведь когда он последний раз был в Белграде, ему за это один серб нанес оскорбление действием»⁸⁹⁹. Так или иначе, но П.Н. Милюков на съезд не поехал.

Съезд в Белграде должен был служить символом единения сербов и русских и выражением признательности королевству. Белградская газета «Време» поместила большую статью об открытии конгресса. Она рисовала

⁸⁹⁷ Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии. С. 70–71.

⁸⁹⁸ Нужно сказать, что следом за съездом ученых в Белграде состоялся съезд русских писателей и журналистов за рубежом (25–30 сентября), на который приехало 111 делегатов и гостей пяти Союзов русских писателей и журналистов (Чурич Б. Русская эмиграция в Сербии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2014. № 26. С. 158).

⁸⁹⁹ Спекторский Е.В. Воспоминания. С. 467.

героический образ российской науки, которая дала человечеству едва ли не более других национальных наук. Значительное число русских-ученых эмигрантов напоминает о целом веке научных усилий, «которые до недавнего времени были объектом восхищения всего мира»⁹⁰⁰.

Организационные функции взяло на себя Общество русских ученых в королевстве сербов, хорватов и словенцев, которое весной 1928 г. созвало комитет по подготовке съезда. Его председателем стал профессор Е.В. Спекторский, секретарем – А.В. Соловьев, казначеем – Н.Н. Салтыков, членами – Ант.Д. Билимович, В.С. Жардецкий, С.М. Кульбакин, В.Д. Ласкарев, Г.Н. Пио-Ульский и Ф.В. Тарановский. На группу под начальством Ю.Н. Вагнера возложили обязанность по подготовке научных секций⁹⁰¹.

Если первые три съезда щедро финансировало чехословацкое правительство, то теперь его место заняли сербские деятели. Большую поддержку оказали власти и общественные круги королевства, например епископ Нишский Досифей, министр просвещения Милан Гроль, ректор Белградского университета Чедомил Митрович, глава Сербской академии наук А. Белич. Державная комиссия по оказанию помощи русским беженцам и Министерство иностранных дел оказали материальную помощь съезду. Русским делегатам, как когда-то в Чехословакии, был предоставлен льготный проезд по железным дорогам. Власти Белграда присовокупили к нему бесплатный проезд в городских трамваях. Белградский университет выделил аудитории для заседаний, а ряд столичных организаций дал русским делегатам бесплатное жилье⁹⁰². Имя лингвиста Александра Белича (Александар Белић; 1876–1960) упомянуто не случайно. Он был, без преувеличения, ключевой фигурой российско-сербского научного диалога. Этому

⁹⁰⁰ Свечано отварање Четвртог Конгреса Руских Научника у сали Новог Университета // Време. Београд, 1928. 17 септембра. Год. VIII. Бр. 2419. С. 5.

⁹⁰¹ Четврти сјезд Руских академических организација за границом у Београду. С. 4–5.

⁹⁰² Там же. С. 5.

способствовали личные обстоятельства: жизнь в России, учеба в Одессе, а затем в Москве у Ф.Ф. Фортунатова, избрание в 1910 г. членом-корреспондентом Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности, миссия в Петроград в 1915 г. в разгар Перовой мировой войны. В 1920–1930-е гг. именно А. Белич стал одним из главных и последовательных сторонников оказания всесторонней помощи русским эмигрантам в Югославии⁹⁰³.

Открытие съезда состоялось 16 сентября 1928 г. в Большой физической аудитории Белградского университета в присутствии многочисленных высокопоставленных гостей, включая министра просвещения Милана Гроля и представителя Сербской патриархии епископа Досифея. Заседание открыл ректор Чедомил Митрович (Чедомиль Митровић; 1870–1934), правовед, некогда учившийся в России. Он назвал русскую науку «одной из самых блестящих славянских репрезентаций», указал на ее тесное и плодотворное сотрудничество с сербской наукой⁹⁰⁴. Линию продолжил министр М. Гроль, который говорил о творческой силе российской науки и ее влиянии на общечеловеческий прогресс, а также как на важнейшую составляющую уникальной славянской культуры. Знаменитый лингвист Александр Белич говорил о тесной и неразрывных связях русской и сербской науки, которые настолько сильны, что являют собой «гармонию душ». О духовных связях с «Россией-матушкой» говорил епископ Досифей. Она всегда внимала проблемам сербов. Нынешняя «российская трагедия – это и наша трагедия»⁹⁰⁵. Общеславянский пафос подчеркивали приветственные послания от мини-

⁹⁰³ См.: *Шешкен А.Г.* Александр Белич и «русский Белград» // *Славянский вестник*. Вып. 2. М., 2004. С. 579–580; *Она же*. Сербско-русское научное взаимодействие в 1920–1930-е гг.: фактор русской эмиграции // *Славянский мир в настоящем и прошлом*. Памяти Владимира Павловича Гудкова: сборник статей / Под ред. *Е.И. Якушкиной*. М., 2022. С. 215; *Сорокина М.Ю.* Покровители, посредник, коллеги: Александр Белич (1876–1960) и русские ученые // *История науки и техники: источники, памятники, наследие*. Четвертые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники. Москва, 7–8 ноября 2023 г. / Сост. *И.В. Созинов*. Иваново. С. 250–252.

⁹⁰⁴ Свечано отварање Четвртог Конгреса Руских Научника у сали Новог Университета. С. 5.

⁹⁰⁵ Там же.

стерства народного просвещения Чехословакии, Национального собрания Чехословацкой республики и от Карлова университета в Праге, администрации Подкарпатской Руси. Эмигрантские официальные материалы отмечали, что в речах всех выступавших звучали следующий мотив: «Белград считает для себя великою честью, редчайшим счастьем быть местом слета русских ученых»⁹⁰⁶.

Тему славянского духовного единства подхватили белградские газеты. «Правда» писала о представителях русской науки, которые посвятили свою жизнь не только русской культуре, но культуре всего славянства⁹⁰⁷. Примечательно, что правая русская газета «Возрождение» в то же самое время благодарила правительства разных стран Западной Европы и особенно славянские страны (Югославия, Чехословакия и Болгария⁹⁰⁸) за поддержку ученых-эмигрантов. Съезд представлялся как демонстрация «живой силы русского народа»⁹⁰⁹.

По предложению Е.Л. Зубашева председателем съезда единогласно был избран бывший профессор Военно-медицинской академии в Петрограде В.Г. Коренчевский. поприветствовав участников и гостей на сербском и французском языках, он произнес речь, обращенную к интеллектуалам, оставшимся в СССР: «Ученые – мозг страны. Жутко быть мозгом страны. Для русских в страшные времена революции – это бремя непосильной тяжести... Мы раскололись на две части: большую, задавленную террором и совершенно лишенную основного элемента науки – свободы в исповедовании науки и ее идей, и другую – меньшую, эмигрантскую, более слабую, но свободную... К вам несется наша любовь, привет и преклонение перед мученическим служением родной науке. К вам, которые отказались оправдать

⁹⁰⁶ Русская академическая группа в Эстонии: очерк деятельности академической группы за десять лет (9-го декабря 1920–1930 г.). Юрьев: б.и., 1931. С. 37.

⁹⁰⁷ Завершен конгресс русских научника // Правда. Београд, 1928. 24 сентября. Год. XXIV. Бр. 259. С. 4.

⁹⁰⁸ Польша не была упомянута в этом ряду не только по идейным причинам – помощи и поддержки российской научной эмиграции она не оказывала.

⁹⁰⁹ Съезд русских ученых в Белграде // Возрождение. Париж, 1928. 18 сентября. № 1204. С. 1.

авторитетом науки и ученого то страшное и нелепое, что большевики творят в России и с Россией. Мы с вами – одно. Мы знаем, что наша любовь и привет донесутся до вас, ибо ни далеким пространством, ни тюрьмой и мучениями – ничем нельзя остановить свободы слова и духа. Дух дышит, где хочет»⁹¹⁰. В этих обстоятельствах, по словам профессора, на ученых в эмиграции ложится особое бремя по бережному сохранению научных традиций и культуры. Закономерно, что во время съезда состоялось торжественное открытие Русского научного института в Белграде под председательством Е.В. Спекторского, который должен был стать одним из ведущих эмигрантских исследовательских учреждений.

Русские ученые встретили необычайно теплый прием: многие белградские дома были украшены российскими флагами, сербы устраивали в честь русских банкеты, их принял сербский патриарх⁹¹¹. Поначалу участников съезда поселили в студенческом общежитии. Но уже на следующий день владелец одного белградского отеля пригласил безвозмездно поселиться у него из чувства уважения к русской науке семь профессоров, среди которых были и прибывшие из Праги А.А. Кизеветтер и Е.Ф. Шмурло⁹¹². Русских участников приглашали на концерты и чаепития, власти Белграда устроили для них банкет в гостинице «Сербский король», в Народном театре для них играли «Народных посланников» Бранислава Нушича, министр народного просвещения принял их в зале «Касина», в честь них дали концерт камерной музыки в зале «Эксцельсиор». В отчете о съезде оставалось лишь констатировать, что «чувствование членов съезда сербскими общественными организациями носило исключительно сердечный характер и вылилось во внушительную славянскую манифестацию»⁹¹³.

⁹¹⁰ Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде. С. 6–7.

⁹¹¹ Письмо А.А. Кизеветтера родным, 16 сентября 1928 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 566. Карт. 28. Д. 54. Л. 14–14 об.

⁹¹² Там же. Л. 13 об.

⁹¹³ Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде. С. 12.

А.А. Кизеветтер описывал, как во время экскурсии в Нови Сад ему и его коллегам оказывали прием как «путешествующим принцам», местные жители осыпали их цветами, «простые женщины, очень похожие на наших деревенских баб, жадно впивались в нас глазами»⁹¹⁴. В Нови Саде произошел курьез, когда А.А. Кизеветтер в ответ на приветствие главы города начал говорить: «Здесь Сербия, здесь солнце Сербии». Но Нови Сад находился в Воеводине, и слова русского ученого ущемляли местные патриотические чувства. Е.В. Спекторский, дабы исправить ситуацию, в своем выступлении выразил радость «от пребывания в сербских Афинах на земле Воеводины»⁹¹⁵. Он же указывал в мемуарах и на другие примеры непонимания русскими учеными местной специфики. Так еще один пражский гость – Сергей Алексеевич Острогорский (1867–1934), один из первых директоров Высших курсов П.Ф. Лесгафта – желая прославить славянское единство и своду, превозносил Сан-Стефанский мирный договор. Между тем, сербское общество относилось к нему негативно, «ибо он создавал Великую Болгарию и отдавал ей Вранье»⁹¹⁶. Тогда же В.Г. Коренчевский в своем выступлении восхвалял А. Белича, желая ему стать министром. В то время как тут же на торжествах присутствовал действующий министр М. Гроль⁹¹⁷. Все эти случаи можно считать простыми курьезами, но за ними все же стоит некоторая тенденция: несмотря на лозунги о славянском единстве, в реальности русские эмигранты плохо знали и понимали славянский мир, зачастую руководствуясь романтическими представлениями.

За ходом съезда следил и король. В ответ на приветственную благодарственную телеграмму от русских ученых он написал: «Приятно тронут приветствием съезда русских ученых. Сердечно благодарю и желаю успеха

⁹¹⁴ Письмо А.А. Кизеветтера родным, 6 сентября 1928 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 566. Карт. 28. Д. 54. Л. 17–17 об.

⁹¹⁵ Спекторский Е.В. Воспоминания. С. 471.

⁹¹⁶ Там же.

⁹¹⁷ Там же.

в полезной работе. Александр»⁹¹⁸. 22 сентября король встретился с делегацией съезда в лице В.Г. Коренчевского, С.И. Метальникова, С.В. Завадского, Е.В. Спекторского, П.А. Остроухова, А.В. Соловьева. В тот же день особой аудиенции был удостоен А.С. Ломшаков. Ряду русских ученых были присвоены сербские ордена Святого Саввы второй степени (В.Г. Коренчевский, А.С. Ломшаков, Е.Л. Зубашев, А.А. Кизеветтер, П.Б. Струве, Е.В. Спекторский) и третьей степени (В.К. Агафонов, А.Н. Анцыферов, С.В. Завадский, И.И. Лаппо, Н.О. Лосский, Е.Ф. Шмурло, С.И. Варшавский, Н.М. Могиланский)⁹¹⁹.

По подсчетам В.И. Цепиловой, на съезде было представлено 11 академических групп из 14 существовавших. Вместе с ними прибыли 10 ученых, которые не являлись официальными делегатами, но могли участвовать в научных дискуссиях. В их числе были историки Б.А. Евреинов, С.П. Мельгунов, Н.Л. Окунев, С.Г. Сватиков и др. В составе съезда были созданы научные секции: общественно-экономическая (председатель – Ал.Д. Билимович), историко-юридическая (Ф.В. Тарановский), юридическая (А.В. Маклецов), истории литературы и искусства (А.Л. Погодин), биологическая (Ю.Н. Вагнер), агрономическая (И.П. Марков), историческая (А.П. Доброклонский), филологическая (С.М. Кульбакин), физико-химическая (Н.А. Пушкин), философская (И.М. Малинин), медицинская (А.И. Игнатъев), технологическая (Г. Н. Пио-Ульский), геологическая (В.Д. Ласкарев), математическая (Н.Н. Салтыков)⁹²⁰. Русскими учеными было прочитано 158 докладов, правда некоторые из них делали по 2–3 сообщения. Среди участников было немало выдающихся представителей эмигрантской науки: В.К. Агафонов, М.В. Бернацкий, П.М. Бицилли, А.А. Кизеветтер, В.Г. Коренчевский,

⁹¹⁸ Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде. С. 8.

⁹¹⁹ Там же. С. 11; Письмо А.А. Кизеветтера родным от 6 сентября 1928 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 566. Карт. 28. Д. 54. Л. 17; Опште одељење. Одликовања Укази ... // Просветни гласник: службени орган министарства просвете. Београд, 1928. Год. XLIV. Бр. 10. С. 903–904.

⁹²⁰ Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде. С. 27.

Н.О. Лосский, С.П. Мельгунов, П.Ф. Миловидов, М.М. Новиков, Д.П. Рябушинский, П.Б. Струве, С.П. Тимошенко, А.В. Флоровский, Е.Ф. Шмурло и другие⁹²¹. Местная печать, освещавшая ход заседаний, особенно останавливалась на докладах, связанных с югославской тематикой. На титульной странице газеты «Време» 18 сентября была помещена фотография приехавшего из Праги Н.Л. Окунева, а в сопутствующей статье о съезде говорилось, что его доклад «Новые памятники византийского искусства XII века в Южной Сербии» произвел большое впечатление на публику, и что он был встречен бурными овациями⁹²².

Если же говорить о круге рассматриваемых на съезде вопросов, то следует отметить принятие новых редакций Устава Союза русских академических организаций за границей, а также Положений о приобретении ученых степеней и о государственных испытательных комиссиях. Кроме того, были утверждены ученые степени Н.И. Никифорова (магистр всеобщей истории), А.П. Маркова (магистр финансового права) и Г.И. Ширяева (магистр ботаники). Большой резонанс имело предложение А.В. Маклецова о составлении библиографии трудов русских ученых-эмигрантов. Эта идея получила одобрение и уже в 1931 г. при участии Русского научного института в Белграде был издан первый выпуск «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом», по сей день остающихся бесценным справочным пособием⁹²³. Нужно сказать, что идея собирания библиографической информации активно обсуждалась в эмигрантском сообществе. Это была не просто потребность систематизировать все написанное русскими учеными за рубежом, но и представить достижения эмигрантской науки в общемировом контексте. Это же касалось размещения обзорных

⁹²¹ Там же. С. 27–34.

⁹²² Први дан репрезентације руске науке // Време. Београд, 1928. 18 септембра. Год. VIII. Бр. 2420. С. 1.

⁹²³ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930). Вып. 1. Белград, 1931. Следующий выпуск увидит свет в 1941 г. и станет последним: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930). Вып. 2. Ч. 1. Белград, 1941.

статей о работе русских ученых в иностранной печати. В отчете Русской академической группы во Франции за 1930–1931 гг. фиксировалось, что подобные действия, «с одной стороны, ознакомят широкие круги, как русские, так и иностранные, с деятельностью русских в эмиграции в области науки и искусства, а, с другой, послужат ценным материалом для работ по истории русской эмиграции»⁹²⁴.

Административные вопросы на съезде рассматривались на специальных комиссиях: по пересмотру Устава Союза и Положений о приобретении ученых степеней и о государственных испытательных комиссиях, по рассмотрению отчета Правления Союза, по утверждению в ученых степенях, по вопросу о деловом объединении эмиграции, по студенческим делам, по вопросу о точной квалификации полноправных членов академических групп, по рассмотрению проекта положения о кассе взаимопомощи, по делам средней школы, по проверке полномочий делегатов и ревизионная комиссия.

В итоге, на заседаниях было решено немало серьезных вопросов и принято немало важных предложений. Например, съезд выразил желание об организации исследований по военным наукам на базе Русского научного института в Белграде. Было обсуждено текущее положение русских научных учреждений за рубежом. Съезд сожалел о прекращении набора студентов на Русский юридический факультет в Праге, свидетельствовавшем наглядно об угасании русского учебного дела за рубежом. Делегаты обратились к Чешской академии наук и искусств с просьбой поддержать Русскую зоологическую станцию в Вильфранш-сюр-Мер путем дальнейшей аренды рабочих мест на ней. Они желали способствовать тому, что такая же аренда практиковалась со стороны Польши, Королевства сербов, хорва-

⁹²⁴ Обзор деятельности Русской академической группы в Париже за 1930–1931 учебный год // *La contemporaine* (Bibliothèque, archives, musée des mondes contemporains). Fond Groupe Academique russe à Paris. F delta rés 863 (2).

тов и словенцев, Эстонии, Латвии и Литвы. Кроме того, русские выразили готовность обратиться с просьбой о субсидиях к американцам⁹²⁵.

Очевидно, что Четвертый съезд русских академических организаций за границей ориентировался на традиции первых трех съездов. Но думается, что делегаты все же уже осознавали невозможность решения многих проблем эмигрантской академической жизни, тем более на волне нараставшего экономического кризиса и общего сокращения русского учебного и научного дела за рубежом. Лучшим памятником съезду стало издание прочитанных докладов и сообщений, значительная часть которых по сей день сохраняет свою значимость⁹²⁶. Помимо того, съезд служил напоминанием о традициях российско-сербских интеллектуальных контактов. И, видимо, эту презентационную роль ему удалось выполнить. Правовед и бывший сенатор С.В. Завадский писал А. Беличу, вернувшись в Прагу: «Примите мою горячую благодарность за ту ласку, которую мы все встретили в родной Сербии и которою Вы согрели нас. Никогда не забуду Вашего доброго участия к русским скитальцам и, в частности, ко мне и к моей речи о Толстом»⁹²⁷. Столь же искреннюю благодарность выразил А.С. Ломшаков: «Прошло 6 недель, как я покинул гостеприимный Белград, которым я лично встретил к себе столько внимания и ласки, и в котором все мы, участники съезда, чувствовали и видели проявление со стороны благодарного народа Сербского и его Короля неподдельное чувство уважения и преданности к нашей родине – России. Это не может забыться»⁹²⁸.

Последний, Пятый съезд Русских академических организаций за границей прошел в 1930 г. в Софии. Решение о его проведении в этом городе было принято еще на белградском съезде, когда делегаты единодушно вы-

⁹²⁵ Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде. С. 18.

⁹²⁶ Труды IV Съезда Русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1–2.

⁹²⁷ Письмо С.В. Завадского А. Беличу, 9 октябрь 1928 г. // Архив Српске академије наука и уметности. Заоставштина Александра Белића. АБ-IV-629.

⁹²⁸ Письмо А.С. Ломшакова А. Беличу, 5 октябрь 1928 г. // Архив Српске академије наука и уметности. Заоставштина Александра Белића. АБ-IV-1148.

сказались за Болгарию, как «славянскую державу, наиболее из всех остальных связанную с нашей родиной посредством и религиозных, и культурных, и кровных уз»⁹²⁹. Однако такое решение, как оказалось, не учитывало сложного политического межславянского фона. О возникших организационных трудностях узнаем из мемуаров правоведа Е.В. Спекторского. Их причиной были сербско-болгарские противоречия из-за Македонского вопроса. Русские ученые в Югославии стали опасаться, что их поездка в Софию может быть негативно расценена югославскими властями, если на съезде произойдет какое-либо политическое выступление. Кроме того, югославское законодательство запрещало государственным служащим получать пособия от чужих правительств без согласования. Это был важный момент, поскольку многие русские ученые в Югославии были официально трудоустроены в местных учебных и научных учреждениях. К тому же иностранное правительство – болгарское⁹³⁰.

П.М. Бицилли сообщал из Софии, что не знает, как правильно разрешить возможные проблемы. Н.Н. Глубоковский писал, что, вероятно, был бы нежелателен приезд из Югославии А.В. Соловьева и С.М. Кульбакина, а также Н.Л. Окунева из Чехословакии ввиду их просербской позиции по Македонскому вопросу. Е.В. Спекторский запросил при посредничестве А. Белича министерство иностранных дел Югославии. Там дали понять, что ехать в Болгарию не стоит. Тогда представители обеих русских академических групп в Югославии решили направить в Прагу Ф.В. Тарановского и Е.В. Спекторского для обсуждения сложившейся коллизии. Последний затем вспоминал, что русские ученые в чехословацкой столице вообще не задумывались над сербско-болгарскими трениями, а один даже воскликнул: «Вот чудаки, им дают деньги на съезд, а они еще колеблются ехать»⁹³¹.

⁹²⁹ До Господина Кмета на Столичната Община, 23 юлий 1930 г. // Държавен архив – София (ДА-София). Ф. 1к. Оп. 2. А.е. 1019. Л. 9гр.

⁹³⁰ *Спекторский Е.В.* Воспоминания. С. 498–499.

⁹³¹ Там же. С. 498.

В конечном счете в Белграде состоялось совещание в узком кругу, на котором присутствовали П.Б. Струве, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, Г.Н. Пио-Ульский и приехавший из Праги А.С. Ломшаков. Е.В. Спекторский красочно описал атмосферу встречи: «Когда Ломшаков заговорил о съезде, Струве взбеленился. Задыхаясь, он стал кричать, назвал хамами тех, кто не едет в Софию, заявил, что он об этом скажет в министерстве и совсем уйдет из Белграда, если оно не согласится с ним. Я, в свою очередь, рассвирепел и стал уходить. Струве извинился. Но я все-таки ушел. А Тарановский и Пио-Ульский остались. Кто-то передавал болгарскому посольству все подробности наших переговоров»⁹³².

Число участников софийского съезда значительно сократилось по сравнению с предыдущими, что было вызвано в первую очередь резким ухудшением материального положения русских за рубежом на фоне разразившегося мирового экономического кризиса и сворачивания программ поддержки эмигрантов. Состав делегатов до последнего момента корректировался. Однако большинство из них все же смогло приехать. В Государственном архиве Софии сохранился список участников со следами корректировок. Согласно ему, из намеченных изначально 102 исследователей участие в съезде приняло 93 человека, причем подавляющее число было не из Болгарии⁹³³.

В болгарских архивах сохранилось немало интересных документов, рассказывающих о подготовке съезда. Она началась еще летом 1930 г., когда был образован Оргкомитет во главе с жившим в Софии бывшим протопресвитером русской армии Г.И. Шавельским. Он сразу обратился за поддержкой к болгарским властям и ученым. В письме к выдающемуся болгарскому профессору историку Василу Златарскому он писал: «Вам, как питомцу Русской высшей школы, несомненно, приятно будет встре-

⁹³² Там же. С. 499.

⁹³³ Список членов Съезда // Държавен архив – София. Ф. 1к. Оп. 2. А.е. 1019. Л. 3–6.

таться на родной земле с многими славными представителями Русской науки, а как ученому не менее приятно будет принять живое участие в научных занятиях Съезда. Организационный Комитет, свидетельствуя Вам свое совершенное почтение, позволяет себе надеяться, что Вы не откажете в своем благосклонном внимании созываемому Съезду и сделаете все возможное, чтобы этот Съезд прошел с наилучшим успехом и еще более закрепит узы, связывающие Русский и Болгарский народ, Русскую и Болгарскую культуры»⁹³⁴. Если в Югославии ключевой фигурой в развитии диалога с российской научной эмиграцией был А. Белич, то в Болгарии такой являлся историк, профессор В. Златарский. Именно он, вне всякого сомнения, сыграл огромную роль в подготовке и проведении съезда⁹³⁵. В. Златарский получил образование в России, пройдя путь от ученика Первой Санкт-Петербургской классической гимназии до выпускника историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета и члена-корреспондента Петербургской академии наук (1911). За время жизни в России В. Златарский обзавелся многочисленными контактами в научной и культурной среде, которые нередко из сугубо деловых перерастали в личные и доверительные. Интересно, что его однокашником и в гимназии, и в университете был византинист Александр Александрович Васильев (1867–1953), ставший близким другом⁹³⁶. В. Златарский на протяжении всей жизни выступал пропагандистом российской науки, со многими представителями которой поддерживал регулярные контакты. Исследователями отмечена его последовательная русофильская позиция и глу-

⁹³⁴ Письмо Г.И. Шавельского В. Златарскому, 15 июня 1930 г. // Научен архив на Българска академия на науките. Ф. 9к. Оп.1. А.е. 2893. Л. 1–1гр.

⁹³⁵ Это подтверждает, в частности, персональная благодарность болгарскому историку от имени Правления Союза Русских академических организаций за границей. В ней отмечалось, что В. Златарский смог окружить русских ученых теплотой и заботой, которыми они пользовались в течение всего съезда (Письмо А.С. Ломшакова В. Златарскому, 27 октября 1930 г. // Научен архив на Българска академия на науките. Ф. 9к. Оп. 1. А.е. 2188. Л. 1).

⁹³⁶ *Васильев А.А.* В.Н. Златарский // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1936. Т. VIII. С. 280–282.

бокая привязанность к русской культуре, особенно к музыке и театру⁹³⁷. В межвоенный период он по мере возможностей стремился покровительствовать и помогать коллегам, оказавшимся в вынужденной эмиграции.

Всем устроителям съезда было понятно, что без внешней помощи не обойтись. В июле 1930 г. Оргкомитет направил письмо кмету (мэру) Софии генерал-лейтенанту Владимиру Вазову (Владимир Минчев Вазов; 1868–1945), которого с Россией связывала учеба в Офицерской артиллерийской школе в Царском Селе. Его авторы сообщали, что среди русских эмигрантов, разнесенных по всему свету, имеется несколько сотен ученых. Все они, живя на чужбине, стремились к профессиональному объединению и в итоге договорились о создании академических групп. К 1930 г. в разных странах мира насчитывалось 15 таких групп, численность некоторых из них доходила до ста человек. Их членов объединяла «непоколебимая верность началам, на которых развивается наука во всех цивилизованных странах», и «академическим традициям»⁹³⁸. Авторы письма сообщали, что научные коммуникации между членами всех групп осуществляются на регулярных академических съездах, которые изначально хотели проводить каждые два года. Они подчеркивали, что чехословацкие и югославские власти оказали предыдущим съездам щедрую финансовую поддержку и, по сути, призывали теперь к тому же болгарскую сторону.

В сентябре 1930 г. с аналогичной просьбой к городским властям обратился Комитет русских воспитанников в Болгарии. Он был создан специально для помощи в организации съезда, и в него вошли видные болгарские ученые – историк В. Златарски, экономист Петко Христов Стоянов (1879–1973) и правовед Тодор Генов Кулев (1878–1942)⁹³⁹. Все трое некогда учились в России. В официальном письме говорились, что поддержку

⁹³⁷ Попнеделев Т. Изграждането на проф. Васил Златарски като историк и преподавател. София, 2021. С. 22–23.

⁹³⁸ До Господина Кмета на Столичната Община, 23 юлий 1930 г. // Държавен архив – София. Ф. 1к. Оп. 2. А.е. 1019. Л. 9.

⁹³⁹ Рожков С.А. Русские академические организации в Болгарии и V съезд русских ученых за рубежом // Нансеновские чтения – 2007. СПб., 2008. С. 290.

съезду уже готова оказать Болгарская академия наук и правительство страны. Авторы письма просили помочь с организацией приема высоких гостей. Они сообщали, что на банкете в честь открытия съезда выступит министр просвещения, что 20 и 21 сентября будут даны торжественные представления в Национальном театре, что 18 сентября русские станут гостями Священного Синода в Рильском монастыре. Таким образом, софийским городским властям останется для организации приема три дня – с 15 по 17 сентября. Авторы призывали дать возможность русским ученым во время их пребывания в Софии «близко, непосредственно и по-родственному соприкоснуться с гражданами и народом, увидеть, почувствовать и убедиться в искренней и широкой благодарности, искренности и родственности, которые имеют болгарские граждане и болгарский народ к России и русским»⁹⁴⁰.

В конечном счете, Постоянное присутствие при Столичном общинном совете 9 сентября 1930 г. рассмотрело все ходатайства русских. Докладчиком выступил сам софийский кмет В. Вазов, который зачитал письменные обращения эмигрантских организаций. Судя по сохранившемуся в архиве протоколу заседания, никаких возражений оказать посильную помощь не возникло. В итоге городские власти приняли решение выделить 3.000 левов на покупку ста трамвайных билетов для раздачи их делегатам съезда, организовать банкет в честь участников съезда. Контроль за исполнение поручений был возложен на помощников кмета И. Дечева и Г. Русчуклиева⁹⁴¹. Подготовка съезда, а затем и сами заседания, освещались не только болгарскими русскими эмигрантскими газетами, но печатью других славянских стран, пусть даже в виде очень кратких информа-

⁹⁴⁰ До Господин Кмета на ст. София, 5.IX.1930 // Държавен архив – София. Ф. 1к. Оп. 2. А.е. 1019. Л. 7.

⁹⁴¹ Протокол № 101, София, вторник, 9 септемврий 1930 г. // Държавен архив – София. Ф. 1к. Оп. 2. А.е. 1019. Л. 10–10гр.

ционных сообщений в несколько строк⁹⁴². В конце августа 1930 г. словацкие «Národné noviny» рассказывали о подготовке к отъезду из Чехословакии в Болгарию большой группы русских ученых. Было упомянуто о 25 ученых и названы имена теплотехника А.С. Ломшакова, правоведа С.В. Завадского, историков А.А. Кизеветтера, Е.Ф. Шмурло, И.И. Лаппо, философов Н.О. Лосского, И.И. Лапшина, С.И. Гессена, биологов М.М. Новикова и В.С. Ильина, медиков Д.П. Кишенского и Г.Я. Трошина⁹⁴³. Интересно, что информация о грядущем съезде публиковалась не только в прессе славянских государств. Румынская «Dreptatea» анонсировала торжественное открытие съезда в софийском Национальном театре, где накануне будет исполнен «Борис Годунов» М.П. Мусоргского. Особый акцент делался на прибытии большой и представительной делегации ученых-эмигрантов из Чехословакии⁹⁴⁴. Эту же информационную заметку практически без изменений вскоре перепечатали еще две румынские газеты – «Lupta» и «Adevărul»⁹⁴⁵. Венгерская газета «Magyarság» сообщала, что в Софии соберутся разбросанные по всей Европе ученые-эмигранты, чтобы «обсудить “священные” дела “настоящей” России»⁹⁴⁶.

Как и в 1928 г. в Белграде, русским ученым в Софии был оказан радушный прием, начиная с торжественной встречи делегатов на вокзале под аккомпанемент оркестра. Улицы были украшены русскими и болгарскими флагами, призванными символизировать духовное единение. Венгерский корреспондент фиксировал, что город был заполнен множеством русских – от ученых-делегатов до колоритных священников, обращавших на себя

⁹⁴² См., например: Sjazd ruských učencov-emigrantov // Slovenský Východ. Košice, 1930. 14. Augusta. Roč. XII. Č. 185. S. 2.

⁹⁴³ Sjazd ruských učencov v Sofii // Národné noviny. Turčiansky Svätý Martin, 1930. 29. August. Roč. 61. Č. 102. S. 3.

⁹⁴⁴ Congresul savanților ruși la Sofia // Dreptatea. 1930. 1 Septembrie. Anul IV. № 869. P. 2.

⁹⁴⁵ Congresul savanților ruși la Sofia // Lupta. 1930. 5 Septembrie. Anul IX. № 2647. P. 3; Congresul savanților ruși la Sofia // Adevărul. 1930. 5 Septembrie. Anul 43. № 14323. P. 3.

⁹⁴⁶ Emigráns orosz tudósokkongresszusa Szófiában // Magyarság. Budapest, 1930. 11. Évf. 214 (2874). Szám. 17. old.

внимание даже привыкших к виду православного духовенства болгар⁹⁴⁷. Русские эмигранты признавали: «Время съезда в Болгарии не только было праздником русской мысли, русской культуры, но и торжеством братского единения двух родственных славянских народов»⁹⁴⁸.

Поддержку съезду оказали болгарское правительство и городские власти Софии, Болгарская академия наук и другие общественные, политические и научные организации⁹⁴⁹. Открытие съезда состоялось 14 сентября в Национальном театре в присутствии болгарских научных и культурных деятелей. Почетный президиум съезда возглавил министр народного просвещения Александр Цолов Цанков (1879–1959), а председателем всего съезда был избран А.А. Кизветтер. В своем выступлении профессор В. Златарски, столь много сделавший для организации съезда, указывал на неразрывную связь русской и болгарской науки. Он вспоминал о болгарях, учившихся в России, и испытывавших на себе внимание, заботу и гостеприимство местного населения. Теперь же, в дни проведения съезда, болгары получили возможность выразить благодарность за то, что им дал русский, профессор, русская наука, русская культура⁹⁵⁰. От лица Болгарского исторического общества он желал всем эмигрантам, участвующим в съезде, «закончить все свои организационные начинания и свои научные занятия в полном единении и с большим успехом для процветания русской национальной науки и прославления имени великого русского народа»⁹⁵¹.

⁹⁴⁷ Ibid.

⁹⁴⁸ Русская академическая группа в Эстонии: очерк деятельности академической группы за десять лет (9-го декабря 1920 – 1930 г.). С. 38.

⁹⁴⁹ Рожков С.А. Пятый конгресс русских ученых за рубежом и его значение для единения славянского мира // Русское Зарубежье в Болгарии: история и современность. София, 2009. С. 58.

⁹⁵⁰ «Почитаемо собрание...» // Научен архив на Българска академия на науките. Ф. 9к. Оп. 2895. Л. 1 – 2

⁹⁵¹ «Членам V-го съезда русских зарубежных ученых...» // Научен архив на Българска академия на науките. Ф. 9к. Оп. 2895. Л. 3.

После торжественных речей, приветствий и поздравлений⁹⁵², в храме Александра Невского была отслужена панихида по императору Александру II, а затем были возложены цветы к его памятнику и к памятнику Святому Клименту Охридскому⁹⁵³. Особенностью съезда стало многообразие тематических научных секций: юридической; богословской; истории, литературы, искусства и филологии; исторической; военной; биологической; медицинской; математической; технической; философской; статистической и экономической⁹⁵⁴. Причем доклады делали не только русские, но и болгарские ученые, в то время как на предыдущих съездах иностранцы с научными сообщениями не выступали. Другой особенностью стало большое внимание участников к истории Болгарии и русско-болгарских отношений. Этой теме были посвящены доклады С.Г. Вилинского («Петко Тодоров как народный поэт»), В. Златарского («Болгарский историко-литературный элемент в русской летописи»), П. Мутафчиева («Русско-болгарские отношения при Святославе»), А.М. Ону («Граф Николай Павлович Игнатъев и внешняя политика России»), И. Раева («Вековые русско-болгарские языковые и литературные связи»), А.В. Флоровского («Основные формы русско-болгарских отношений в XIX веке») и др.

Румынский журналист Георге Патрициу обратился с вопросом к Е.Ф. Шмурло: как он оценивает нынешнее положение науки в СССР? Убеленный сединами ученый ответил, что ученые вольно или невольно оказались вынуждены принять опеку со стороны государства, и это способствовало прогрессу исследований, особенно прикладных, особенно в точных науках. Но, с другой стороны, резюмировал ученый, нарастает «гнет политических директив» и усиливаются репрессии. Затем, по словам румын-

⁹⁵² Профессор Любомир Георгиев Милетич (1863–1937) выступил с приветствием от лица Македонского научного института (Македонският научен институт), что испугало Е.В. Спекторского, опасавшегося реакции со стороны сербов (*Спекторский Е.В. Воспоминания*. С. 499). Однако, кажется, никакой реакции не последовало. Во всяком случае, никаких документальных свидетельств обнаружить не удал

⁹⁵³ *Рожков С.А.* Русские академические организации в Болгарии и V съезд русских ученых за рубежом. С. 291.

⁹⁵⁴ Там же. С. 292.

ского журналиста, Е.Ф. Шмурло озвучил «настоящий мартиролог русской науки»⁹⁵⁵. Он подчеркнул, что ученые мирового уровня оказываются за решеткой и упомянул имена экономистов Леонида Наумовича Юровского (1884–1938) и Николая Дмитриевича Кондратьева (1892–1938)⁹⁵⁶. Вместе с тем, есть тот, кто, по словам Е.Ф. Шмурло, поставил И.В. Сталина на место: «Павлов, знаменитый физиолог... Павлов критикует их самым резким образом. И Сталин не смеет ничего ему сделать»⁹⁵⁷.

С.А. Рожков обоснованно заметил, что конгресс русских ученых в Софии не измерялся только научными докладами, но воплощал в себе «живое взаимодействие культур, личные контакты, общение, духовное сближение и единение»⁹⁵⁸. Для русских гостей, многие из которых впервые были в Болгарии, организовали экскурсии по стране, которые должны были продемонстрировать единение болгар и русских, показать общность их исторического пути. Поэтому большое внимание уделили памятным местам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Так в Старой Загоре престарелый ветеран произнес столь трогательную речь, что П.Б. Струве и А. А. Кизеветтер расплакались⁹⁵⁹. Описывая экскурсию по Болгарии, все тот же профессор Кизеветтер писал своим родным: «Это было нечто феерическое. В каждом городе – на вокзале наш поезд встречался оркестром. Городской голова говорит речь, я отвечаю, затем длинная процессия ведет нас торжественно по городу, цветами забрасывают. Потом – банкет. И так в каждом городе»⁹⁶⁰. Схожие впечатления сложились и у биолога

⁹⁵⁵ *Patriciu G. Vufnița și soarele // Curentul. București, 1930. 9 Octombrie. Anul III. № 975. P. 1.*

⁹⁵⁶ Думается, они были названы не случайно, поскольку были арестованы летом 1930 г., и информация об аресте как раз распространилась в эмигрантской среде.

⁹⁵⁷ *Patriciu G. Op. cit. P. 1.*

⁹⁵⁸ *Рожков С.А. Пятый конгресс русских ученых за рубежом и его значение для единения славянского мира. С. 59.*

⁹⁵⁹ *Рожков С.А. «Русский академический союз» в Болгарии и V конгресс русских ученых за рубежом // Нансеновские чтения: тезисы докладов СПб., 2007. С. 66 – 67.*

⁹⁶⁰ Письмо А.А. Кизветтера родным, 26 сентября 1930 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 566. Карт. 28. Д. 54. Л. 42–43.

С.И. Метальникова: «Никак не могу остаться в отеле – все время меня приглашают в гости гостеприимные болгары»⁹⁶¹.

Все русские констатировали необычайно теплое отношение к себе и высокий уровень организации. В письме к кмету Софии от 27 октября 1930 г. председатель Правления Союза русских академических организаций за границей профессор А.С. Ломшаков подчеркивал, что всем участникам съезда запомнилась радушная встреча в Софии: «Глубокие впечатления, полученные всеми членами Съезда от этого приема, навсегда сохранятся в их памяти»⁹⁶². Ему вторило Общее собрание Русской академической группы в Чехословакии. Заслушав 25 октября 1930 г. отчеты о поездке своих делегатов на съезд в Болгарию, оно обратилось с письмом к софийским городским властям, поблагодарив «за радушный и братский прием членов Группы, который останется навсегда для них памятным, как знак тесной дружбы, связующей русский и болгарский народы»⁹⁶³.

Важность съезда трудно переоценить. В интервью одной из болгарских газет А.А. Кизеветтер заметил: «Проводя эти съезды в каждой из славянских стран, русские ученые входят в контакт со своими коллегами за рубежом, со славянской культурой, со славянскими народами. Получается одно взаимное познание, взаимное сближение, повышается наше общее славянское самочувствие. На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах»⁹⁶⁴. И все же реальность была гораздо сложнее, нежели ее видел красноречивый профессор. Показательны размышления И.И. Лаппо, высказанные им в письме к Н.Н. Крамарж после поездки на съезд в Софию в 1930 г. И.И. Лаппо отметил необычайно теплый, радушный прием со стороны

⁹⁶¹ Цит. по: *Рожков С.А.* Русские академические организации в Болгарии и V съезд русских ученых за рубежом. С. 292.

⁹⁶² Письмо А.С. Ломшакова кмету Софии, 27 октября 1930 г. // Държавен архив – София. Ф. 1к. Оп. 2. А.е. 1019. Л. 2.

⁹⁶³ Письмо кмету города Софии, 29 октября 1930 г. // Държавен архив – София. Ф. 1к. Оп. 2. А.е. 1019. Л. 1.

⁹⁶⁴ Цит. по: *Рожков С.А.* «Русский академический союз» в Болгарии и V конгресс русских ученых за рубежом. С. 66–67; *Он же.* Пятый конгресс русских ученых за рубежом и его значение для единения славянского мира. С. 59.

болгар, который глубоко тронул его, их бескорыстные деяния по сохранению памяти о героях Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Но он не мог оставить в стороне проявления национализма, а потом задавался вопросом о причинах распри между балканскими народами: «Разве ненависть к сербам не является всенародною ненавистью болгар? Разве можно считать обеспеченною верность Болгарии, как государства, после того, что было в Великую войну? Разве эта ненависть к сербам не является угрозой для целого славянства в случае нового напора на него германской стихии в соединении с превратившимися из прежних макарон в воинствующих шовинистов итальянцами? Мысли тяжелые, но от них избавиться трудно. Тяжелые, как тяжела вся наша современная действительность, с ее лживостью, поверхностностью, продажностью, нежеланием смотреть дальше сегодняшнего дня, неуважением и даже враждою к людям, ясно понимающим нависшие опасности над родным народом и требующим готовности к борьбе с ними»⁹⁶⁵. Можно, конечно, списать подобные чувства на влияние идей славянской взаимности, впитанные еще в детские и юношеские годы. Ведь сам историк вспоминал о походах вместе с отцом на открытые собрания Петербургского славянского благотворительного общества, где он видел и слышал И.С. Аксакова, М.О. Кояловича, графа Н.П. Игнатьева, о беседах с В.И. Ламанским в университетские годы⁹⁶⁶. В понимании профессора И.И. Лаппо, национализм был едва ли не самым опасным вызовом для славянского единства. Но его страх – это не просто страх отчаявшегося панслависта. Это страх человека, ставшего свидетелем глобальных исторических потрясений, которые нанесли серьезный удар по вере в обществен-

⁹⁶⁵ Письмо И.И. Лаппо к Н.Н. Крамарж от 8 октября 1930 г. // Archiv Národního muzea. F. Karel Kramář. Kart. 20. Inv. č. 1147.

⁹⁶⁶ О славянстве «русских идеалистов» он будет рассуждать несколько лет спустя в письме к В.А. Францеву, вновь возвращаясь в памяти к 1880-м годам и Санкт-Петербургскому Славянскому благотворительному обществу: «Все это врезалось в моя память, хотя я сам тогда отдался научной работе, и стоял далеко от славянской работы России» (Письмо И.И. Лаппо В.А. Францеву, 29 апреля 1937 г. // Literární archiv Památníku národního písemnictví. Fond 372: Vladimír Andrejevič Francev. Korespondence vlastní. 2/E/4.).

ную эволюцию и прогресс. Первая мировая война и крах империй породили не только перекойку границ, но и всплеск национализма, расцвет идеологии «крови и почвы», представлений об этнической исключительности, оголтелой нетерпимости. В научном плане это порождало поиск мифических корней и конструирование националистических нарративов, в том числе в славянском мире. Это вызывало острое непонимание у многих русских эмигрантов.

Тем не менее, вмешавшиеся в организацию и проведение съезда сербско-болгарские мемориальные и политические противоречия, не стоит абсолютизировать. Добрые отношения между конкретными интеллектуалами сглаживали конфликтный фон. Показательно, что во время софийского съезда И.И. Лаппо сделал сообщение о русской средней школе за рубежом, в котором попросил выразить благодарность сербскому профессору А. Беличу за поддержку русских учащихся, которая позволяет им в отрыве от Родины получать образование на родном языке. Это предложение тут же было поддержано руководством Союза русских академических организаций. Он официально поблагодарил А. Белича, а вместе с ним Югославию, ее правительство, ее народ «за сохранение русских культурных сил для национальной России, верность которой со стороны Югославии так дорога каждому русскому человеку»⁹⁶⁷.

Софийский съезд стал последним в истории Союза Русских академических организаций за границей, в последний раз были изданы объединенные труды русских ученых-эмигрантов⁹⁶⁸. После 1930 г. русские ученые-эмигранты больше никогда не собирались вместе в широком составе.

Съезды русских академических организаций за границей занимают совершенно особое место в истории Зарубежной России и ее научной куль-

⁹⁶⁷ Письмо председателя Союза русских академических организаций за границей А.С. Ломшакова А. Беличу, 17 ноября 1930 г. // Архив Српске академије наука и уметности. Заоставштина Александра Белића. АБ-IV-1813.

⁹⁶⁸ Труды V Съезда Русских академических организаций за границей. София, 1930. Ч. 1–2.

туре. Они способствовали развитию научных коммуникаций между интеллектуалами-эмигрантами, распыленными по разным странам мира, а, кроме того, упрочению их связей с учеными из славянских стран. По сути, для ученых-эмигрантов эти съезды были единственной возможностью выступить перед широкой русской ученой аудиторией, увидеть своих друзей и коллег. Практика проведения съездов хорошо отвечала динамике истории Зарубежной России. В начале 1920-х гг., когда эмиграция еще верила в скорое падение большевизма и возвращение на Родину, когда она получала финансовую помощь от иностранных держав, съезды носили широкий размах, они обсуждали не только локальные, но и глобальные вопросы, вроде перестройки школы в будущей России. Но по мере таяния надежд на возвращение домой объединительная активность падала. К концу 1920-х гг. ослабла связь с учеными, оставшимися в СССР, резко сократилась финансовая поддержка. В этих условиях эмигрантам приходилось делать выбор: либо продолжать ощущать себя изгнанником с чувством великой миссии, либо вливаться в научную среду стран, в которых они волею судеб оказались. Выбор был, пожалуй, очевиден. После софийского съезда 1930 г. русская эмиграция не предпринимала попыток созвать новый научный съезд. А вскоре сойдет на нет и деятельность русских академических групп, столь активно заявивших о себе в 1920-е гг. Конечно, практика деятельности съездов во многом исходила из идеалистических установок ученого сообщества. Тем не менее, в 1920–1930-е гг. они выполнили чрезвычайно важную объединительную и организационную функцию, способствуя развитию русской науки за границей и ее представительству на международной арене, прежде всего в славянских странах.

Глава 3. Институциональные структуры и коммуникативные практики российской эмиграции

§ 1. Русский заграничный исторический архив и его интеллектуальные сети

Не будет преувеличением сказать, что Русский заграничный исторический архив (РЗИА) оказался в числе самых известных и устойчивых детищ «Русской акции», причем обретших поистине долгоиграющую судьбу. Его документы, пусть и разрозненные по разным архивным хранилищам, остаются лучшим напоминанием о творческой активности российской межвоенной эмиграции и одновременно служат надежными и всеобъемлющими путеводителями по ее прошлому. Вместе с тем было бы несколько однобоко смотреть на РЗИА исключительно сквозь эмигрантскую оптику. Он создавался и развивался в ту эпоху, когда архивоведческая культура переживала важный поворот, когда в разных странах мира создавались тематические собрания, посвященные проблемам новейшей истории. Архивы менялись: они переставали быть только местом антикварного собирания документов о далеком и безвозвратно ушедшем прошлом. Бурлящая современность требовала формирования новых подходов к сохранению исторических источников о недавно пережитых событиях, например о Первой мировой войне. При этом требовалось не только сохранять, но и изучать, а для этого также нужны были новые идеи и подходы. Еще один важный аспект институционального характера. Создание РЗИА происходило в момент трансформации чехословацкой архивной системы. 20 ноября 1918 г. было созвано совещание архивистов в Праге, которое определило пути развития архивного дела в республике. Хотя была высказана идея о необходимости создания единого Национального архива, в реальности упор был сделан на развитие ведомственных документальных собраний, среди которых главенствующее положение занимал Архив министерства внутренних дел. Одновременно создавались отраслевые архивы (Центральный

архив кадастровых карт, Государственный сельскохозяйственный архив, Литературный архив, Архив истории промышленности, торговли и технической работы) и складывалась сеть региональных архивов (Земский архив в Брно, Краевой архив в Опаве)⁹⁶⁹. В архивное дело пришли такие высококвалифицированные специалисты, как Вацлав Войтишек (Václav Vojtíšek; 1883–1974). Таким образом, работа РЗИА протекала на фоне бурного архивного строительства в Чехословакии, за которым русские эмигранты внимательно следили.

В отечественной историографии на РЗИА обычно смотрят исключительно как на результат творческой активности российских ученых-эмигрантов, которые, сумев преодолеть политические противоречия, взялись за сохранение российского документального наследия за рубежом и невероятно преуспели в этом. Восхищения в их адрес в полной мере справедливы. Но важно иметь в виду, что РЗИА был не только русским, но и чехословацким детищем. С марта 1928 г. он вообще был передан в ведение министерства иностранных дел Чехословакии (о чем будет сказано в дальнейшем), перестав быть юридически эмигрантским объединением. Более того, вся деятельность РЗИА в межвоенный период, в том числе комплектование фондов, стала возможной исключительно благодаря чехословацкой финансовой поддержке. У российской диаспоры попросту никогда не было средств для содержания столь дорогой институции. Таким образом, в процессе создания и работы РЗИА неразрывно сплетались русские эмигрантские и чехословацкие инициативы, причем как институциональные, корпоративные, так и частные. Хотя долгие годы в числе активных сотрудников РЗИА был лишь один чех – историк Ян Славик (Jan Slavík; 1885–1978), ему принадлежала совершенно особая роль в российско-чехословацком научном диалоге. Я. Славик был в числе первых европейских ученых, профессионально занявшихся историей русской революции 1917 г. и Гражданской войны. И еще одна важная ремарка. Хотя РЗИА был результатом россий-

⁹⁶⁹ Hoffmannová J. Op. cit. S. 279–282.

ско-чехословацкого взаимодействия, его деятельность охватила, без преувеличения, все уголки земного шара. Архив обзавелся обширнейшей сетью агентов и представителей по всему миру, которые обеспечивали ему информационную поддержку, вели работу по выявлению документов и обеспечивали комплектование фондов. Деятельность архива привлекла внимание многих иностранных ученых, занимавшихся новейшей историей, способствовала интересу к изучению России за рубежом и привлекала внимание к судьбам зарубежной архивной России. Так в деятельности РЗИА сплетались национальное и интернациональное начала.

В феврале 1923 г. Пражский Земгор выделил часть средств, предоставленных министерством иностранных дел Чехословацкой республики, на создание документального собрания при своей библиотеке. Новая институция первоначально получила название «Архив русской эмиграции и архив Чехословакии». Фонды ее быстро разрастались, и уже вскоре места, выделенного Земгором, стало не хватать. К сентябрю 1923 г. стало понятно, что необходимо создать самостоятельный архив, который собирал бы документы русской эмиграции⁹⁷⁰. В сентябре 1923 г. временно управляющим архивом стал Виссарион Яковлевич Гуревич (1876–1940), эсер, адвокат, активный участник Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке⁹⁷¹. С этого момента определился круг его задач, и началась активная работа. Архив приобретал или принимал на хранение исторические материалы и документы, осуществлял научную обработку фондов, составлял научно-справочный аппарат, собирал специальную библиотеку, по мере возможности издавал научные труды, проводил исследовательскую работу, собирал сведения о материалах по истории России, находящихся в других

⁹⁷⁰ *Slovanské archivy v Praze // Ročenka Slovanského Ústavu. Sv. I za rok 1928. Praha, 1929. S. 142; Архив русской эмиграции // Огни. Прага, 1924. № 3. 21 января; Andreyev S., Savický I. Op. cit. P. 103.*

⁹⁷¹ *Звягин С.П. В.Я. Гуревич в революции и Гражданской войне в Сибири // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Материалы VIII региональной научно-практической конференции (19–20 ноября 2007 г.) / Под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск, 2007. С. 123–131.*

архивах, книгохранилищах и музеях, готовил архивных работников⁹⁷². В октябре 1923 г. архиву было выделено маленькое помещение на Венциговой улице. Это был важный шаг, ведь до этого времени все материалы хранились в офисе Земгора, где «держались в маленьком темном чулане, частью же в старом помещении библиотеки Земгора вместе с имуществом последней»⁹⁷³. В феврале 1924 г. В.Я. Гуревич докладывал на совещании по организации архива, что за первые месяцы его существования удалось бесплатно получить более 70 периодических изданий, вышедших за границей на русском, украинском и белорусском языках, начать собирание дореволюционных газет и эмигрантских политических брошюр, а также документальных материалов о Первой мировой, Гражданской войнах и послереволюционной эмиграции⁹⁷⁴.

С момента своего основания архив был ориентирован на собирание документов по новейшей истории России. Поначалу предполагалось ограничиться лишь материалами русской эмиграции, что нашло отражение в названии учреждения. Между тем, из документов Архива Министерства иностранных дел Чешской Республики становится ясно, что архивное строительство в русской эмигрантской среде было предметом дискуссий. Сохранилось письмо известного историка Сергея Петровича Мельгунова (1879–1956) к заместителю министра иностранных дел Чехословакии Вацлаву Гирсе (Václav Gírsa; 1875–1954) от 28 января 1924 г. Русский ученый делился мыслями о перспективах создания Архива войны и революции при Русском научном институте в Берлине. Он узнал, что в Праге создается Славянский институт, который, по его мнению, мог бы стать организационным центром архивного проекта. Уместно привести обширную цитату из

⁹⁷² Русские в Праге. С. 41–42; Русский заграничный исторический архив при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики в 1930 году. Прага, 1930. С. 2.

⁹⁷³ Справка об организации Р.З.И.Архиве в Праге // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 347: Kamil Krofta. Kart. 18. Inv. č. 572.

⁹⁷⁴ Деятельность Архива русской эмиграции в Праге (Из доклада заведующего В.Я. Гуревича на совещании по организации Архива) // Огни. Прага, 1924. 11 февраля. № 6.

его письма, которая красноречиво объясняет его чаяния и намерения: «Берлин, как центр такого дела, в будущем совершенно неподходящее место. В Берлине может существовать лишь отделение, собирающее материалы и разрабатывающее их в связи с деятельностью “Кабинета по изучению современной русской культуры”. Существование таких отделений представлялось мне возможным и в других местах и даже необходимым на первых порах. Но будущий центр должен быть в другом месте – логично, может быть, создавать его в Праге. Мне мыслится возможность большого европейского дела: парижский Musée de la Guerre, собравший очень интересный материал и о России, таким центром явиться, конечно, не может, а тем более русский отдел министерства иностранных дел в Соединенных Штатах, где также много уже собрано материала. Таким центром, действительно, мог бы явиться Славянский институт с большим русским отделом, отчасти посвященном эпохе войны и революции. Материалы можно собрать колоссальные. <...> Конечно, значительная часть этого материала должна в будущем пойти в Россию. Но, когда это еще будет. С другой стороны, европейское собрание всегда останется важным, как учреждение научное. И, вероятно, можно организовать собирание материала на разных основах: одни с обязательством переслать в Россию, другие оставить Славянскому институту. <...> Ваша мысль о Славянском институте заинтересовала меня как возможность создания европейского дела, а не узко русского. Пражское начинание при Земгоре, не могущее претендовать на научность, будет, конечно, делом эмиграционным, как и наш Архив при Берлинском Научном Институте. Но, может быть, очень целесообразно и своевременно поставить вопрос шире»⁹⁷⁵. В Праге широту начинания, несомненно, одобряли, но все же мыслили архивное строительство на иной основе. С.П. Мельгунову вскоре ответили, что министерство иностранных дел работает над превращением Архива русской эмиграции в «центральный за-

⁹⁷⁵ Письмо С.П. Мельгунова В. Гирсе, 28 января 1924 г. // Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. II. Sekce (politická). III. Řada. Kart. 215a.

граничный архив русского общественного движения, в котором будут отделы и войны, и революции, и эмиграции, и другие»⁹⁷⁶. В Берлине же видится желательным иметь представителя этого архива, который помогал бы с поиском и пересылкой материалов в Чехословакию. С.П. Мельгунову в случае заинтересованности участия в этом деле предлагалось связаться с Прагой. Действительно, довольно быстро стало ясно, что за рубежом оказалось множество документов по другим периодам российской истории, которые требовали разыскания и сохранения. Это расширило задачи пражского архива и привело в 1924 г. к смене его названия. С 14 августа 1924 г. он стал называться Русским заграничным историческим архивом.

В течение 1923–1924 гг. сформировалась система управления архивом. Проект Положения был вынесен на рассмотрение специальной комиссии, в которую вошли видные историки и общественные деятели. Он был одобрен и 14 августа 1924 г. вступил в силу решением Комитета Земгора, а в октябре 1924 г. был утвержден его Общим собранием. В декабре 1923 г. была подготовлена первая смета архива в размере 7.000 чехословацких крон. В феврале 1924 г. она измерялась уже в 40.000 чехословацких крон, причем заместитель министра иностранных дел В. Гирса обещал довести ее до 100.000 чехословацких крон. Уже в сентябре 1924 г. архив получил ежемесячное сметное ассигнование в 60.000 чехословацких крон, причем были предусмотрены также сверхмесячные ассигнования для приобретения особо ценных материалов⁹⁷⁷.

Организационные вопросы архивного строительства были подняты на Третьем Съезде русских академических организаций за границей осенью 1924 г. На административном заседании 2 октября 1924 г. большое оживление вызвал доклад комиссии о работе эмигрантского архива. Некоторые делегаты настаивали, чтобы архив возглавлял лишь человек, обладавший ученой степенью в исторических науках или известный своими историче-

⁹⁷⁶ Проект письма С.П. Мельгунову, 3 февраля 1924 г. // Ibid.

⁹⁷⁷ Ibid.

скими трудами. Налицо было желание противостоять Земгору, который попытался бы контролировать работу архива через своих сотрудников, не снискавших лавров на научном поприще. Предложение делегатов вызвало живой обмен мнениями, но к общему решению прийти так и не удалось. Это наглядно демонстрируют результаты голосования по вопросу о поправке. При первом голосовании она была принята большинством голосов, а при вторичном – отклонена с перевесом в один голос. В итоге съезд принял мягкую резолюцию, в которой говорилось об архиве как о самостоятельном и независимом учреждении, руководимом компетентным по своему составу органом⁹⁷⁸.

Руководящим органом стал Совет Архива, в который вошли известные ученые-историки и общественные деятели – В.Г. Архангельский, Н.И. Астров, И.М. Брушвит, В.Л. Бурцев, В.Я. Гуревич, князь П.Д. Долгоруков, А.А. Кизеветтер, Ф.С. Мансветов, П. Макса, Н.М. Михайлов, В.А. Мякотин, Я. Славик, Ф.С. Сушков, А.В. Флоровский, В.В. Чернавин, Г.И. Шрейдер. Управляющим архивом был избран В.Я. Гуревич. Секретарем был утвержден В.М. Краснов. В состав Совета архива вошли два чеха. Уже упомянутый историк Я. Славик, о деятельности которого подробно будет еще сказано, и Прокоп Макса (Prokor Macha; 1883–1961). О последнем надо сказать несколько слов, ибо его фигура была не случайной в ряду ученых и общественных деятелей. Во время Первой мировой войны он, преподаватель пражской Торговой академии, был призван в австро-венгерскую армию, отправлен на Восточный фронт, где в марте 1915 г. попал в русский плен⁹⁷⁹. Он примкнул к движению чешских и словацких добровольцев, поддержал призывы Т. Масарика, был избран в Чехословацкий национальный совет. Вернувшись на родину, обретшую независимость, он поступил на дипломатическую службу, в разные годы был

⁹⁷⁸ Постановления съезда русских ученых // Руль. Берлин, 1924. 5 октября. № 1168.

⁹⁷⁹ Васильченко М.А., Демидова Е.И. Прокоп Макса – лидер умеренного крыла Чехословацкого национального совета в России // Власть. 2023. № 6. С. 309–310.

послом в Голландии, Польше, Болгарии, и, что важно для наших сюжетов, был в числе видных покровителей русской эмиграции в чехословацких правящих кругах.

Идея создания архива нашла широкую поддержку среди эмигрантов по всему миру. Культурно-просветительский отдел Земгора разослал письма крупным общественно-политическим и научным деятелям, чтобы выяснить у них информацию о наличии исторических документов, и о возможности их получения или приобретения архивом. В своем письме один из русских изгнанников отмечал: «Архив осмыслил мое тяжелое эмигрантское прозябание»⁹⁸⁰. Миссию архива воплощали в жизнь не только его сотрудники, но и многочисленные агенты в разных концах света, которые часто ничего не получали за свой труд. Сеть представителей РЗИА начала складываться в 1924 г. и охватила немало стран и городов. Агенты архива работали во всех основных центрах русского рассеяния – Париже, Белграде, Софии, Харбине, Нью-Йорке, Константинополе, Тунисе, Бизерте, Брюсселе, Риме, Варшаве, Таллинне, Выборге, Хельсинки, Женеве, Лондоне, Каунасе, Риге, Берлине, Афинах. Причем география представительств все время расширялась. В 1930-е гг. они имелись даже в Австралии и на острове Ява. Кроме постоянных представителей к 1938 г. архив имел 1500 корреспондентов в 44 странах мира⁹⁸¹. Среди них было немало известных в эмиграции персон – А.М. Ону, А.В. Тыркова-Вильямс, И.В. Дионео (Великобритания), И.И. Серебренников (Китай), О.С. Минор, С.Г. Сватиков (Париж), А.К. Елачич (Югославия) и др. Видный эсер О.С. Минор писал из Парижа о своей работе: «Мое сотрудничество в Р.З.И. Архиве в огромной мере скрасило почти десятилетие моего второго изгнания, дав мне возможность пополнить Архив документами, книгами и другими историческими

⁹⁸⁰ Русский заграничный исторический архив при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики в 1936 году. Прага, 1936. С. 3.

⁹⁸¹ Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 22.

материалами»⁹⁸². Именно агенты архива, сформировавшие уникальную информационную сеть, делали возможным регулярное пополнение фондов. Только в 1935 г. в Европе работало 23 представителя архива, в Америке – 3, в Азии – 5, в Австралии – 1. Ими было отправлено 874 письма и 2.895 посылок с документами. Наибольшее число посылок было получено из Парижа. Напротив, из Восточной Европы поток корреспонденции был слабым, ибо Польша препятствовала пересылке русских документов⁹⁸³. За деятельностью РЗИА наблюдали в разных странах мира. Так среди бумаг Британского совета в Национальном архиве Великобритании находим небольшую справку об основных направлениях работы архива, датированную августом 1932 г., и составленную на материале русскоязычной литовской прессы⁹⁸⁴.

В октябре 1925 г. в составе архива были образованы три отдела: отдел документов (заведующий – А.Ф. Изюмов), отдел печатных изданий (заведующий – С.П. Постников), газетный подотдел, позднее преобразованный в самостоятельный отдел (заведующий – Л.Ф. Магеровский)⁹⁸⁵. Перед сотрудниками стояло немало сложных задач – разыскать русские документальные материалы, разбросанные по всему миру, вступить в контакты с их владельцами, обеспечить надежные способы пересылки документов в Прагу, побороть конкуренцию зарубежных учреждений, желающих приобрести материалы для своих архивов.

Документальный отдел распадался на несколько разделов. В разделе «А» были сосредоточены фотографии и рисунки, шаржи и карикатуры, плакаты и листовки, денежные знаки почтовые марки и т.д. Основу раздела «В» составили документы мемуарного и автобиографического характера. В раздел «С» вошли личные фонды и коллекции. Разделы «D» и «E» были

⁹⁸² Русский заграничный исторический архив ... в 1936 году. С. 10.

⁹⁸³ Zpráva o činnosti Ruského zahraničního historického archivu při Ministerstvu věci zahraničních a Ústavů přidružených za rok 1935 // Ročenka Slovanského Ústavu. Sv. VIII za rok 1935. Praha, 1936. S. 169.

⁹⁸⁴ Russian Archives Abroad // The National Archives, Kew. BW 64/9.

⁹⁸⁵ Русские в Праге. С. 42–43.

посвящены истории общественного и революционного движения от декабристов до 1917 г. В разделе «F» сохранялись документы о Февральской революции. Раздел «G» содержал материалы об Октябрьском перевороте и Гражданской войне. И, наконец, раздел «H» был посвящен документам русской эмиграции⁹⁸⁶.

Комплектованием архивных фондов занималась Ученая комиссия, в работе которой в разные годы принимали участие авторитетные историки и общественные деятели: Н.И. Астров, А.Ф. Изюмов, А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин, Я. Славик, А.В. Флоровский, Е.Ф. Шмурло, В.В. Чернавин и др.⁹⁸⁷ «Мне радостно сознавать, что в той напряженной и плодотворной работе, какую ведет Ученая Комиссия, есть и моя скромная доля участия», – писал Е.Ф. Шмурло⁹⁸⁸. Как удалось выяснить Т.Ф. Павловой, комиссия проводила очень тщательную проверку документов, остерегаясь фальшивок и документов сомнительного происхождения. Примерно 30% предлагаемых архиву бумаг браковалось⁹⁸⁹. Видным архивистом А.Ф. Изюмовым были разработаны методы и критерии оценки документов, что позволило «определять размеры премиальных вознаграждений для представителей архива и его корреспондентов, с чьей помощью документы разыскивались и поступали на хранение»⁹⁹⁰.

Поступавшие в архив документы инвентаризировались. Для коллекций документов составлялись списки и карточные каталоги. Сотрудниками архива была выработана особая форма описи – «средняя между научным описанием и расширенной инвентарной записью»⁹⁹¹. Заведующий отделом документов А.Ф. Изюмов подчеркивал, что методы дореволюционной архивной практики не всегда применимы к Заграничному историческому ар-

⁹⁸⁶ Отдел документов Русского заграничного исторического архива в Праге. Прага, 1934. С. 6.

⁹⁸⁷ *Slovanské archívy v Praze...* S. 142; *Павлова Т.Ф.* Русский заграничный исторический архив // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 20.

⁹⁸⁸ Русский заграничный исторический архив ... в 1936 году. С. 10.

⁹⁸⁹ *Павлова Т.Ф.* Русский заграничный исторический архив. С. 21.

⁹⁹⁰ *Павлова Т.Ф.* А.Ф. Изюмов и РЗИА // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 31.

⁹⁹¹ Русский заграничный исторический архив ... в 1936 году. С. 20.

хиву: «Документы большею частью поступают в разрозненном виде, причем их судьба иногда так же причудлива, как судьба их владельцев-беженцев»⁹⁹². Серьезной проблемой для архива была нехватка штатных сотрудников, которая затрудняла работу по описанию фондов. Систематизация отставала от темпов поступления новых материалов. К 1936 г. среди отдельных собраний было описано около половины, из мемуарного фонда – две трети⁹⁹³.

Архив принимал на хранение оригиналы документов или заверенные копии, мемуары, архивы отдельных лиц или организаций, иллюстративный материал. Прием документов происходил на различных условиях – секретное хранение, ограничение использования и т.д. В каждом случае заключался договор между фондообразователем и архивом⁹⁹⁴. Значительная часть документов передавалась в архив безвозмездно. Помимо того, архив приобретал исторические материалы за счет собственных средств. Для оценки документов они пересылались в Прагу, где рассматривались членами Ученой комиссии. После обсуждения назначалась цена, которая сообщалась владельцу. В случае согласия заключалась сделка, и переводились деньги. Поэтому процесс от начала переговоров до оплаты занимал много времени и носил весьма непростой характер, как и вообще весь процесс приобретения документов⁹⁹⁵.

Собирание документов по истории России за рубежом представляло сложную задачу. Руководство архива осознавало, что сосредоточить в Праге полный комплекс документов по истории XIX–XX вв. невозможно, ибо подавляющая их часть осталась в СССР. Вместе с тем отмечалось, что «так как за границей проживало много деятелей освободительного движения, спасавшихся от карательных органов императорского режима, то здесь,

⁹⁹² Отдел документов Русского заграничного исторического архива в Праге. Прага, 1932. С. 4.

⁹⁹³ Русский заграничный исторический архив ... в 1936 году. С. 21.

⁹⁹⁴ Русский заграничный исторический ... в 1930 году. Прага, 1930. С. 2.

⁹⁹⁵ Русский заграничный исторический архив ... в 1936 году. С. 8.

естественно, накопился большой запас документов, помогающих глубже проникнуть именно в историю общественного движения в России»⁹⁹⁶. Поэтому архив избрал своей важнейшей задачей собирать и сохранять документы по истории российского освободительного движения, особенно касающихся дореволюционной эмиграции, народнических и радикальных группировок, русских марксистов и др. На первый взгляд может показаться, что эти направления работы были сугубо российскими, к тому же во многом сгенерированными потребностью понять историки свершившейся революции. В реальности речь шла об очень широких сюжетах, выходящих за национальные рамки. Они были связаны с осмыслением истории общественного движения в глобальном контексте, например, с историей развития социалистических идей. Задачи были важными и новаторскими, но крайне непростыми.

Показательна история коллекции Николая Константиновича Русселя-Судзиловского (1850–1930), одного из первых русских народников. Его жизнь – словно авантюрный приключенческий роман: «хождение в народ» в Саратовском Заволжье и студенческие волнения, эмиграция из России, социалистическая пропаганда в Румынии, участие в Апрельском восстании в Болгарии в 1876 г., отъезд в США и, как своеобразная вершина карьеры борца за свободу – избрание первым президентом Сената Гавайских островов в 1901 г. Это лишь малая, хотя и яркая, часть жизненного пути неистового социалиста, которого судьба сводила с К. Марксом, Х. Ботевым, Д. Кеннаном, П.Л. Лавровым. В тот момент, когда в 1926 г. к Н.К. Русселю-Судзиловскому обратились сотрудники РЗИА с просьбой передать личные бумаги на хранение, он работал врачом в Китае. В ответ в Прагу пришло издевательское письмо: «Касательно архивов, вспоминается сцена из Самарского голода, когда статистики явились в избу переписывать крестьянский инвентарь. Сидевшая на печи беззубая старуха прошамкала: “А они-то все пишут, пишут, – Царица Небесная...” Не обижайтесь, вся эта архив-

⁹⁹⁶ Русский исторический архив. Сб. I. Прага, 1929. С. 7.

ность вызывает во мне именно эти чувства самарской старухи. Извините за мое нигилистическое отношение к обычаям и преданиям, к воспоминаниям и архивам. Нигилисты 60-х годов неизлечимы. <...> К прошлому, как к пролитому молоку, чувствуется невольное отвращение. Хлебать эту грязь – опасно»⁹⁹⁷. После смерти Н.К. Русселя-Судзиловского его собрание все же поступило в Прагу в 1933 г. Среди бумаг видного народника было немало ценнейших свидетельств о русской революционной эмиграции и прочих уникальных документов, например, письма Сунь Ятсена⁹⁹⁸. Хотя своего отношения к архивам и к исторической науке Н.К. Руссель-Судзиловский не изменил: «Кто стоит лицом к прошлому, а не к будущему – тот не революционер»⁹⁹⁹.

Его коллекция положила начало собиранию документов о русских революционерах на Дальнем Востоке. В фондах РЗИА были представлены материалы о работе среди русских военнопленных в Японии в 1904–1905 гг., архив журнала «Япония и Россия» и газеты «Воля», Клуба российских политических эмигрантов в Нагасаки 1907–1908 гг. Коллекции непрерывно пополнялись. Так архив приобрел собрание корреспонденции Дальневосточного бюро партии эсеров, включавшее документы Бронислава Осиповича Пилсудского (Bronisław Piotr Piłsudski; 1866–1918), родного брата маршала Ю. Пилсудского, активного участника подготовки убийства Александра III, арестованного в 1887 г. вместе с А.И. Ульяновым. Смертная казнь была заменена для него 15 годами каторжных работ на Сахалине. В 1897 г. он был переведен в разряд ссыльнопоселенцев с разрешением поселиться во Владивостоке. На Дальнем Востоке, Б.О. Пилсудский занялся этнографическими исследованиями и добился заметных успехов в изучении культуры, быта и языка нивхов, айнов, гиляков, ороков. Лишь в 1905 г. он

⁹⁹⁷ Письмо Н.К. Русселя-Судзиловского к В.Я. Гуревичу, 17 сентября 1926 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. Ruský zahraniční historický archiv. T-RZIA. 6-1462.*

⁹⁹⁸ Русский заграничный исторический архив ... в 1936 году. С. 13.

⁹⁹⁹ Письмо Н.К. Русселя-Судзиловского к В.Я. Гуревичу, 27 ноября 1926 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. Ruský zahraniční historický archiv. T-RZIA. 6-1462.*

смог вернуться через Японию и США на родину в Польшу¹⁰⁰⁰. Материалы Б.О. Пилсудского давали богатый материал о русской революционной эмиграции в азиатско-тихоокеанском регионе, а также об этнографии коренного населения. Большой интерес представляли письма Б.О. Пилсудского к Н.К. Русселю-Судзиловскому, поступившие в Прагу в составе архивного собрания последнего, и раскрывающие многие интересные моменты из жизни русского революционной эмиграции в Японии в 1906–1908 гг.¹⁰⁰¹

Правда переговоры о приобретении и передаче документов далеко не всегда заканчивались удачно. Едва ли не лучшим примером волокиты может служить история с попыткой покупки коллекции Г.А. Алексинского. Григорий Алексеевич Алексинский (1879–1967) принадлежал к числу интереснейших политических деятелей России начала XX в. Он был одним из самых активных членов РСДРП, депутатом II Государственной Думы. Вместе с А.А. Богдановым он стал одним из основателей группы «Вперед», объединившей лекторов и слушателей социал-демократической школы на острове Капри. В годы Первой мировой войны Г.А. Алексинский занял оборонческую позицию, критиковал большевиков и лично В.И. Ленина,

¹⁰⁰⁰ *Majewicz A.F.* The importance of the Polish contribution to the study of the Ainu and their language // *Lingua Posnaniensis*. 1979. Vol. XXII. P. 93–122; *Кадзухико Савада*. Бронислав Пилсудский в Японии // *Japanese Slavic and East European Studies*. 1994. Vol. XV. P. 107–110; *Kuczyński A.* Nowy portret Bronisława Piłsudskiego // *Zesłaniec*. 1998. № 3. P. 99–102; *Латышев В.М.* Сахалинская жизнь Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2008.

¹⁰⁰¹ См.: *Латышев В.М.* «...В случае удачи Вы были бы первым президентом Сибири» (Письма Бронислава Пилсудского Николаю Русселю (Н.К. Судзиловскому) 1906–1908 гг.) // *Известия Института наследия Бронислава Пилсудского*. Южно-Сахалинск, 1999. № 3. С. 12–17; *Пилсудский Б.О.* Письма Н. К. Судзиловскому (Русселю) (1906–1908 гг.) / Публ. *В. М. Латышева* // Там же. С. 18–34. Эти письма, раскрывающие взаимоотношения двух ярких представителей российского освободительного движения, были опубликованы директором Сахалинского областного краеведческого музея В.М. Латышевым по оригиналам, хранящимся в фонде Н.К. Русселя-Судзиловского в Государственном архиве Российской Федерации. Им же опубликованы ответные письма Н.К. Русселя-Судзиловского Б.О. Пилсудскому, находящиеся в Библиотеке Польской академии наук в Кракове. См.: *Судзиловский (Руссель) Н.К.* Письма Б.О. Пилсудскому (1906–1908 гг.) / Публ. *В.М. Латышева* // *Известия Института наследия Бронислава Пилсудского*. Южно-Сахалинск, 1999. № 3. С. 34–42.

дойдя до обвинений его в связях с немецкой разведкой¹⁰⁰². В 1918 г. ВЧК арестовало Г.А. Алексинского, но вскоре отпустила на поруки. В 1919 г. он вместе с семьей навсегда покинул Россию. В эмиграции Г.А. Алексинский занимал активную антибольшевистскую позицию. Он тесно сотрудничал с В.Л. Бурцевым и его газетой «Общее дело», был председателем Русского совета в Париже.

Из России Г.А. Алексинский вывез значительное собрание документов истории российской социал-демократии, которое тут же вызвало огромный интерес со стороны зарубежных покупателей. Вероятно, что для самого Г.А. Алексинского распродажа документов стала одним из способов заработка в непростых условиях эмигрантского бытия. В середине 1920-х гг. он начал вести переговоры с РЗИА о продаже своей документальной коллекции. Первичное изучение архивного собрания, находившегося в Париже, было поручено А.В. Флоровскому, который лично посетил видного революционера и 30 сентября 1926 г. представил отчет Совету РЗИА. А.В. Флоровский разделил коллекцию на четыре больших части: материалы о деятельности II Государственной Думы, членом которой был Г.А. Алексинский, архив социал-демократической группы «Вперед», архив школы РСДРП на острове Капри, документы о провокаторах и партийном суде над ними¹⁰⁰³.

Однако архив так и не был приобретен. Но почему же коллекция, содержащая бесценные документы по истории революционного движения в России, так и не попала в Прагу? Однозначного ответа на этот вопрос дать, видимо, уже нельзя. Можно предположить, что продавец и покупатель так и не сошлись в цене. Сам Г.А. Алексинский в 1926 г. просил за свое собрание 1.000 английских фунтов стерлингов. А.В. Флоровский эту сумму под-

¹⁰⁰² Рабинович А. Большевики приходят к власти. М., 1989. С. 44.

¹⁰⁰³ Записка А.В. Флоровского Совету Архива 30 сентября 1926 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIII.

держал и предлагал выплатить владельцу документов 50.000 чехословацких крон¹⁰⁰⁴.

Справедливости ради следует сказать, что неудачей закончились и попытки покупки архива представителями Института Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ), которые в 1935–1937 гг. вели об этом переговоры с Г.А. Алексинским. Интересно, что сам он через брата жены, жившего в Москве, впервые предложил купить свое собрание советской стороне еще в 1925 г. за 6.000 долларов США¹⁰⁰⁵. Но тогда сделка была сорвана предложением пражского архива. В 1935 г. заведующий Центральным партийным архивом ИМЭЛ Г.А. Тихомирнов обратился лично к И.В. Сталину с просьбой выкупить архив, который представлял большой интерес для истории партии, и в котором содержалось немало документов, компрометирующих видных большевиков. И.В. Сталин 15 июля 1935 г. наложил на письмо резолюцию: «Ассигновать можно, но надо знать, что именно покупаем под видом “архива”. Нельзя покупать “кота в мешке”. Пусть дадут нам список документов в архиве с кратким содержанием документов, а потом можно ассигновать 50.000 рублей»¹⁰⁰⁶. Однако четкого ответа из СССР Г.А. Алексинский не получил, и в 1936 г. он предложил Г.В. Вернадскому, жившему в США, посодействовать продаже своего собрания за океан. Дополнительно он предлагал историку поучаствовать в совместной публикации 70 неизвестных доселе писем 1906–1912 гг., которые были написаны В.И. Лениным к некоей М-ме «Х». Но Г.В. Вернадскому очевидно претил дух историка-коммерсанта, и он ответил Г.А. Алексинскому: «Быть Вашим press agent никак не могу»¹⁰⁰⁷. Очередная неудача заставила Г.А. Алексинского возобновить переговоры с советской стороной. Руковод-

¹⁰⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁰⁵ Антонова Н.С., Дроздова Н.В. Коллекция Центрального Партийного Архива // <http://www.bogdinst.ru/HTML/Bogdanov/archivecollect.htm> [Доступ 7 сентября 2010 г. 0:12].

¹⁰⁰⁶ Волкогонов Д.А. Ленин: политический портрет. Кн. II. М., 1994. С. 32.

¹⁰⁰⁷ Козляков В.Н. Обзор коллекции документов Г.В. Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // *Вернадский Г. В.* Русская историография. М., 2000. С. 396.

ство ИМЭЛ продолжало вести их в течение нескольких лет, но бывший революционер, а ныне незадачливый коммерсант, упорно отказывался снизить цену своей коллекции. В 1946 г. он написал письмо в Москву, в котором напоминал, что готов продать архив зарубежным архивам или библиотекам. В конечном счете так и случилось. Большая часть собрания была продана Бахметевскому архиву Колумбийского университета¹⁰⁰⁸, другая, совсем небольшая, часть оказалась в Гарварде¹⁰⁰⁹. Вместе с тем и в наши дни на аукционах периодически возникают материалы из личного архива Г.А. Алексинского¹⁰¹⁰.

Источники демонстрируют, что и сам архив далеко не всегда деликатно подходил к взаимоотношениям с владельцами документов. Финансовые вопросы часто становились причиной острых споров. Свидетельством этого может служить история известного архивиста и общественного деятеля Бориса Ивановича Николаевского (1887–1966), продавшего в 1927 г. РЗИА три тома обзоров важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях. В качестве оплаты архив представил ему чек. Однако чек этот не приняли ни в одном из банков Берлина, где в ту пору жил Б.И. Николаевский. Тогда он обратился в представительство американского банка, где получил ответ, что на чеке стоит специальная пометка, запрещающая выдачу денег без разрешения из Нью-Йорка. С грустью он писал своему другу А.Ф. Изюмову: «...Иметь с твоим архивом дела – хуже, чем

¹⁰⁰⁸ Columbia University, Butler Library, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Grigorii Alekseevich Aleksinskii Papers. 10 Box.

¹⁰⁰⁹ Фонд Г.А. Алексинского хранится в библиотеке Гарвардского университета. Он весьма небольшой по объему и в основном содержит материалы о Высшей социал-демократической пропагандистско-агитаторской школе для рабочих на острове Капри. См.: Houghton Library, Harvard University. Grigorii Aleksinskii Papers, 1895–1913 (Ms Russ 73).

¹⁰¹⁰ На аукционе «Hermitage Fine Art» в Монако в марте 2022 г. было выставлено письмо генерала А.П. Кутепова к Г.А. Алексинскому от 24 июля 1925 г., происходящее, согласно провенансу, из архива Г.А. Алексинского. См.: Восточно-Европейское искусство. Sunday, March 27, 2022 – 11:00 // Hermitage Fine Art [Электронный ресурс]. URL: <https://hermitagefineart.com/ru/lots/2022-march-east-european-art/418/> (дата обращения: 04.08.2024)

отбывать каторгу при царском режиме. <...> То же и с обменом: я посылаю вещи интересные, даже гектографированные издания, – мне присылают отдельные оттиски из журнала, – вещи, которые почти никакого интереса не имеют. Скажи, со всеми так поступают?»¹⁰¹¹. Несмотря на столь явные промахи и организационные недоработки, РЗИА удалось достичь солидных успехов в деле собирания документов по русской истории, особенно по истории освободительного движения в России.

Заметную роль в истории РЗИА и особенно в деле комплектования его фондов документами по истории освободительного движения сыграл Владимир Львович Бурцев (1862–1942), беспощадный гроза провокаторов, ставший в эмиграции не менее бескомпромиссным противником большевиков. В.Л. Бурцев способствовал передаче в Прагу многих документов и сам сдал в архив немало своих личных бумаг, которые уже в 1920-е гг. вызвали живой интерес у исследователей. Б.И. Николаевский писал А.Ф. Изюмову 23 июня 1926 г. о своем желании познакомиться с документами 1870–1880-х гг., особенно с материалами об Эдуарде Романовиче Циммермане (1822–1900), одном из первых русских марксистов, писавшем под псевдонимом «Гвоздев»¹⁰¹².

Документы В.Л. Бурцева, переданные им в собрание РЗИА, составили отдельный фонд. В отдельные фонды были выделены также материалы народников В.К. Дебагория-Мокриевича, З.К. Арборе-Ралли, М.Ф. Баранова (Гармидора), Е.К. Брешко-Брешковской, С.А. Иванова, Е. Е. Лазарева, эсеров А.А. Аргунова, И.М. Брушвита, А.Г. Мягкова, В.М. Чернова, кадетов М.М. Винавера, П.Н. Милюкова, И.И. Петрункевича, анархистски М.И. Гольдсмит, меньшевика К.Э. Андроникова и др.

¹⁰¹¹ Письмо Б.И. Николаевского А.Ф. Изюмову, 2 октября 1927 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.

¹⁰¹² Письмо Б.И. Николаевского А.Ф. Изюмову, 23 июня 1926 г. // Там же. Л. 9.

Особое место в собрании РЗИА заняли документы и материалы о борьбе полиции с революционным движением. Примечательна история, связанная с приобретением архива Леонида Петровича Меньшикова (1869–1932)¹⁰¹³. Судьба этого человека была полна неожиданных поворотов. В юности он стал членом народовольческого кружка, но 5 февраля 1887 г. был арестован по доносу и, будучи морально опустошен, дал признательные показания, а затем поступил на службу в охранку. Л.П. Меньшиков сделал себе карьеру, став в сентябре 1902 г. помощником начальника Московского охранного отделения, а в июне 1903 г. – старшим помощником делопроизводителя Особого отдела Департамента полиции. Но именно он в 1905 г. тайно сообщил эсерам о провокаторской деятельности Е.Ф. Азефа. В 1907 г. Л.П. Меньшиков вышел в отставку и переехал в Финляндию, куда вывез и весь свой архив. А в 1909 г. он эмигрировал во Францию, где стал сотрудничать с В.Л. Бурцевым, разоблачив немало провокаторов и подорвав работу охранки¹⁰¹⁴. Бывший сотрудник охранки Л.П. Меньшиков, превратился в грозу полицейских агентов, поставив своей новой целью борьбу с самодержавием. Вскоре после своего появления в Париже он способствовал разоблачению известной провокаторши А.Е. Серебряковой. По признанию вице-директора Департамента полиции С.Е. Виссарионова 29 октября 1911 г., «целый ряд разоблачений секретной агентуры причинил непоправимый вред..., возбудил в наличных сотрудниках недоверие к розыскным

¹⁰¹³ См.: *Кознов А.П.* *Метаморфозы политического детектива: кому служил Л. П. Меньшиков (провокатор в социал-демократическом движении)* // *Кентавр*. 1993. № 4. С. 115–128; *Бакушин А.Ю.* *Одиссея Леонида Меньшикова, или Азеф наоборот* // *Отечественная история*. 2004. № 5. С. 162–177.

¹⁰¹⁴ В 1914 г. в Париже Л.П. Меньшиков издал первый том сборника «Русский политический сыск за границей», который так и остался единственным. Л.П. Меньшиков предполагал издавать за рубежом серию материалов, разоблачающую деятельность охранного отделения. Выпущенный им сборник содержал секретные донесения П.И. Рачковского, Л.А. Ратаева и А. М. Гартинга, курировавших работу заграничной агентуры, а также материалы о деятельности охранки в Финляндии. См.: *Русский политический сыск за границей / Вступ. статья и примеч. Л.П. Меньшикова*. Ч. 1. Париж, 1914.

органам»¹⁰¹⁵. Так необычайным образом замкнулся жизненный круг Л.П. Меньшикова. К слову сказать, революционеры к нему отнеслись настороженно и в свои круги не приняли. К концу жизни Л.П. Меньшиков решил научно обобщить известные ему факты из истории охранного отделения. В результате появилась его известная книга «Охрана и революция»¹⁰¹⁶. Поначалу Л.П. Меньшиков не слишком охотно делился своими материалами. Он так и не раскрыл революционерам-эмигрантам тайн охранного отделения, неохотно называл имена провокаторов. Короче говоря, он «забыл» сделать то, что, согласно его словам, составляло цель его жизни»¹⁰¹⁷. И только в 1920-х гг. Л.П. Меньшиков поднял вопрос о продаже своих бумаг. К этому времени он закончил писание своего главного труда, да и жизнь за рубежом становилась для него материально труднее. То есть, как и в случае с Г.А. Алексинским, продажа документов стала одним из способов существования в непростых условиях эмигрантского бытия.

Архив Л.П. Меньшикова представлял огромный интерес для исследователей. Первичную его оценку провел в начале 1920-х гг. историк и общественный деятель С.Г. Сватиков. Перед А.В. Флоровским же стояла задача проанализировать научную ценность архива и выявить его стоимость в случае покупки. Недатированный отчет историка сохранился в его личном фонде в рукописном отделе Славянской библиотеке в Праге¹⁰¹⁸. А.В. Флоровский отмечал, что коллекция Л.П. Меньшикова представляет собой собрание документов по истории правительственной борьбы с революционным движением с 1880-х гг. до начала XX в. Историк верно уловил и главную задачу, которую ставил перед собой собиратель, – разоблачение конструкции политического сыска в России¹⁰¹⁹. В архивном собрании хранились подлинные документы русских учреждений розыска, печатные и

¹⁰¹⁵ Кошель П.А. История сыска в России. Кн. 1: Литература. Минск, 1996. С. 449.

¹⁰¹⁶ Меньшиков Л.П. Охрана и революция. Ч. 1. М., 1925; Ч. 2. М., 1928; Ч. 3. М., 1932.

¹⁰¹⁷ Кошель П.А. Указ. соч. С. 739.

¹⁰¹⁸ Флоровский А.В. «Архив» Л.П. Меньшикова // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIII.

¹⁰¹⁹ Там же.

механически размноженные циркуляры, отчеты, списки, доклады, прокламации. Значительную часть документальной коллекции представляли выписки и заметки самого Л.П. Меньшикова, которые он использовал для работы над уже упоминавшейся книгой «Охрана и революция». Но по наблюдению историка в этой работе был использован далеко не весь объем имеющегося материала. А это открывало перед учеными новые исследовательские пути. А.В. Флоровский понимал, что, несмотря на ценность этих записей, для самого Л.П. Меньшикова она значат гораздо больше, чем для любого другого исследователя. Но он же осознавал, что за рубежом источниковая база по истории освободительного движения и борьбы с ним царских властей крайне скудна. Поэтому исследователи будут вынуждены довольствоваться тем, что имеется в наличии: «Если бы у нас могла быть полная уверенность в сохранении в России всех тех подлинных бумаг, из которых сделаны Меньшиковым его извлечения, и если бы была твердая уверенность в незамедлительном возвращении нашем в Россию, – эта черта может быть должна была бы послужить основанием для переоценки бумаг Меньшикова, – но в настоящей обстановке едва ли можно отметить и такой материал, хотя бы и носящий характер выписок и заметок – для литературной работы»¹⁰²⁰.

А.В. Флоровский установил, что ценнейшей частью архива являются списки секретных сотрудников охраны из 2.000 карточек, которые Л.П. Меньшиков составлял на протяжении многих лет и на основе которых подготовил так называемую «Черную книгу русского освободительного движения». В нее он внес фамилии сотен тайных сотрудников и филеров, провокаторов и руководителей политического сыска. К сожалению, Л.П. Меньшиков наотрез отказался передать в Прагу саму «Черную книгу». Вместо нее он предложил уступить рукопись, содержащую подробные сведения о лицах, занесенных в списки (всего 305 листов)¹⁰²¹. История с

¹⁰²⁰ Там же.

¹⁰²¹ Там же.

приобретением архива на этом не закончилась. Долго не удавалось договориться о стоимости покупки. Л.П. Меньшиков несколько раз прерывал переговоры, будучи неудовлетворен ценой. Агент РЗИА в Париже О.С. Минор пытался любыми путями продолжить переговоры. Он написал Л.П. Меньшикову 7 августа 1926 г.: «Многоуважаемый Леонид Петрович, Архив не теряет надежды приобрести у Вас ту часть Вашего архива, о которой велись переговоры, поэтому, если Вы находите уже теперь своевременным возобновить это дело, то я бы Вас очень просил не отказать повидаться со мною и проф[ессором] Флоровским...»¹⁰²².

Какую же сумму просил Л.П. Меньшиков за свой архив изначально? Из сохранившейся деловой переписки сотрудников РЗИА становится ясным, что она составляла не меньше 1.000 долларов США, что для середины 1920-х гг. являлось внушительной суммой¹⁰²³. Пражский архив был готов заплатить лишь половину суммы – 500 долларов. В конце сентября 1926 г. Л.П. Меньшиков сообщил, что согласится на цену в 650 долларов¹⁰²⁴. О.С. Минор просил А.В. Флоровского переговорить с Л.П. Меньшиковым о снижении суммы, но тот отказывался¹⁰²⁵. В конечном счете РЗИА был вынужден согласиться. В письме к А.В. Флоровскому осенью 1926 г. О.С. Минор писал, что готов принять все документы для дальнейшего переезда их в Прагу¹⁰²⁶. Но в Чехословакию они, видимо, поступили не в полном объеме¹⁰²⁷. Зато след архива Л.П. Меньшикова обнаруживается в Международном институте социальной истории в Амстердаме. Согласно имеющейся описи, в его личном фонде находятся записные книжки и дневники, материалы о революционном движении 1886–1899 гг., машинописный текст «Черной книги русского освободительного движения», мно-

¹⁰²² Письмо О.С. Минора Л.П. Меньшикову, 7 августа 1926 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIII.

¹⁰²³ Письмо О.С. Минора А.В. Флоровскому, 20 сентября 1926 г. // Там же.

¹⁰²⁴ Там же.

¹⁰²⁵ Письмо О.С. Минора А.В. Флоровскому, 24 сентября 1926 г. // Там же.

¹⁰²⁶ Письмо О.С. Минора А.В. Флоровскому, 13 октября 1926 г. // Там же.

¹⁰²⁷ Ныне фонд Л.П. Меньшикова хранится в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 1723, 2 оп., 512 ед. хр., 1866–1932).

гочисленные рукописи и оттиски работ, библиографии о шпионах и провокаторах, газеты и газетные вырезки о полицейских агентах, письма (1925–1932) В.Л. Бурцева, В.К. Агафонова, С.Г. Сватикова, Б.И. Николаевского и др.¹⁰²⁸ Опись документов амстердамского собрания в значительной степени совпадает с данными записки А.В. Флоровского. Это дает основания утверждать, что в РЗИА была передана лишь часть архива Л.П. Меньшикова.

Большое место в собирательской деятельности РЗИА занял поиск документов российской революционной диаспоры в Лондоне. И здесь наибольший интерес представляли коллекции Н.В. Чайковского, В.И. Дионео (Шкловского) и Фонда вольной русской прессы. Одним из самых ярких приобретений стал личный архив Николая Васильевича Чайковского (1850–1926), принадлежавшего к числу виднейших русских революционеров. Ученик Д.И. Менделеева и А.М. Бутлерова в Петербургском университете он еще в юности отказался от карьеры химика и вступил на путь революционной борьбы, с которого не сворачивал на протяжении всей жизни. В годы Гражданской войны Н.В. Чайковский был одним из непримиримых противников большевиков, председателем Временного правительства Северной области в Архангельске, участником Уфимской директории и, наконец, управляющим делами Южнорусского правительства при генерале А.И. Деникине. Осенью 1920 г. Н.В. Чайковский навсегда покинул Россию, поселился во Франции, а затем в Англии, где, несмотря на преклонный возраст, не прекращал активной общественной работы вплоть до самой смерти.

¹⁰²⁸ Опись фонда Л.П. Меньшикова доступна на сайте Международного института социальной истории: Collection Summary: Leonid Petrovič Men'ščikov Papers // International Institute of Social History [Электронный ресурс]. URL: <https://search.iisg.amsterdam/Record/ARCH00877> (дата обращения: 01.08.2024). В отличие от фонда Л.П. Меньшикова в Государственном архиве Российской Федерации, амстердамские бумаги оцифрованы и доступны он-лайн для всех пользователей бесплатно.

В 1924 г. бумаги Н.В. Чайковского были предложены пражскому архиву. В Париж, где в то время хранилось это собрание, для его первичного изучения был отправлен А.В. Флоровский. В обширном личном фонде историка в рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге сохранился отчет, представленный им руководству архива 28 августа 1924 г. А.В. Флоровский разделил собрание Н.В. Чайковского на несколько частей, исходя из происхождения документов: 1) период эмиграции 1877–1902 гг.; 2) период политической деятельности Н.В. Чайковского в годы Гражданской войны 1917–1920 гг.; 3) период эмиграции 1920–1924 гг.¹⁰²⁹ Первая часть была представлена сравнительно немногочисленными бумагами, среди которых были рукописи самого Н.В. Чайковского, например его заметки о впечатлениях от Америки в 1877–1878 гг., а также более 400 писем деятелей революционного движения: П.А. Кропоткина, Ф.В. Вольховского, С.М. Степняка-Кравчинского, П.Л. Лавров, В.Л. Бурцева, Е.Е. Лазарева и др.¹⁰³⁰ Вторая часть архива содержала наибольшее количество документов, в частности материалы по истории Политического совещания в Париже, бумаги правительства А.И. Деникина и правительства Северной области, сведения о деятельности Б.В. Савинкова и о его соглашении с Ю. Пилсудским, документы по истории Омского правительства адмирала А.В. Колчака. Документы третьей части были представлены рукописями Н.В. Чайковского: набросками его воспоминаний и материалами к ним, докладами, письмами, обращениями. Здесь же были письма Е.Е. Лазарева, К.Д. Бальмонта, И.С. Шмелева, Д.С. Мережковского, В.И. Дионео (Шкловского), Н.Н. Алексеева, К.Д. Набокова и др. Всего же в архиве Н.В. Чайковского находится свыше 900 писем, свыше 5.000 листов рукопи-

¹⁰²⁹ Однако в большом по объему собрании не было документов за период с 1902/1903 гг. до 1917 г. А.В. Флоровский высказал предположение, что Н.В. Чайковский не перевез их в Париж из Лондона. Историк обратился за помощью в розыске этих бумаг к своему коллеге С.П. Мельгунову, но тот, вероятно, отыскал далеко не все.

¹⁰³⁰ Отзыв о собрании бумаг Н.В. Чайковского в Париже, составленный А.В. Флоровским в Париже 28 августа 1924 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIII.*

сей, 19 записных книжек, рукопись в 8 печатных листов и т.п. И лишь 1/5 всех этих материалов, по мысли А.В. Флоровского, не представляла большого интереса. Именно поэтому историк высоко оценил стоимость предлагаемого к покупке архива – в 25.000–28.000 чехословацких крон, но допускал, что, ввиду огромной исторической ценности, его цена может составить 30.000 чехословацких крон¹⁰³¹. Как видно, основная часть документов касалась последнего периода жизни Н.В. Чайковского, а именно времен революции, Гражданской войны и эмиграции. Что же касается дореволюционного этапа его деятельности, то здесь главный интерес представляла обширнейшая переписка с В.Л. Бурцевым, П.А. Кропоткиным, В.И. Засулич, Н.А. Морозовым, Л.А. Тихомировым, Л.Н. Толстым, И.С. Тургеневым, В.И. Фигнер, Л.Н. Гартмана, В.В. Берви-Флеровского и др., а также материалы о революционной работе, например дневники 1878–1879 гг., тексты речей о революционном движении в России в 1870-х гг., списки политзаключенных, воспоминания¹⁰³².

Коллекция журналиста и переводчика Исаака Владимировича Дионео (Шкловского) (1865–1935) поступила в РЗИА в середине 1930-х гг. Переговоры о ее передаче были начаты в 1927 г., о чем свидетельствует краткий отзыв А.С. Изгоева об этом собрании, сохранившийся в Российском государственном архиве литературы и искусства¹⁰³³. Коллекция И.В. Дионео (Шкловского) содержала его многочисленные рукописи, путевые заметки об Алжире, Тунисе, Марокко, Египте, Палестине, Корсике и др., рукописи В.В. Берви-Флеровского, Н.В. Чайковского, письма Г.А. Лопатина,

¹⁰³¹ Там же.

¹⁰³² Ныне его личный фонд хранится в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 5805. 2 оп. 653 ед. хр. 1872–1926).

¹⁰³³ В отзыве о коллекции В.И. Дионео (Шкловского) А.С. Изгоева отмечал, что несомненный интерес представляют два письма О.С. Минора об издательстве «Вперед», доклад некоего полковника К. См.: *Изгоев А.С. Отзыв о документальных материалах Дионео, сданных в РЗИА в Праге. 20.04.1927 г.* // Российский государственный архив литературы и искусств. Ф. 1390. Оп. 2. Д. 144. Л. 1. В реальности объем фонда был во много раз больше. Очевидно, что записка А.С. Изгоева была составлена лишь в частном порядке, в ответ на запрос о конкретных материалах. Ибо не оценить многообразия архивного собрания он не мог.

С.П. Мельгунова, В.А. Мякотина, П.Г. Виноградова, А.И. Гучкова, М.В. Вишняка, П.А. Кропоткина, В.Г. Короленко, А.М. Горького и др.

Замыкало группу документов о русской эмиграции в Англии собрание Фонда вольной русской прессы. Он возник в Лондоне в июне 1891 г. с целью издания и распространения в России запрещенной властями литературы. В числе сотрудников были видные революционеры Н.В. Чайковский, С.М. Степняк-Кравчинский, Л.Э. Шишко, Ф.В. Вольховский, Е.Е. Лазарев и др. Помимо издания книг и брошюр, Фонд печатал периодическое издание «Летучие листки» под редакцией С.М. Степняка-Кравчинского, а затем Ф.В. Вольховского. Архив Фонда сохранился в отличном состоянии во многом благодаря педантичности его секретаря Л.Б. Гольденберга и в этом столь полном виде и поступил на хранение в Прагу¹⁰³⁴.

Документы по истории Первой мировой войны в собрании Русского заграничного исторического архива были представлены наименее полно, т.к. большая их часть осталась в военных архивах на территории СССР. Тем не менее среди имевшихся бумаг было немало уникальных. К таковым можно отнести документы о русских частях в союзных армиях – во Франции и на Салоникском фронте, документы о закупочных операциях правительства за рубежом, например бумаги Правительственного комитета в Лондоне. Гораздо полнее были представлены документы по истории Февральской революции и Временного правительства, например Протоколы Временного комитета Государственной Думы, письма последнего министра юстиции императорского правительства Н.А. Добровольского, рукописи генерала М.В. Алексева и адмирала А.В. Колчака. Значительная часть документов касалась Гражданской войны. Полнее всего были представлены документы Южного фронта – переписка П.Н. Краснова, письма М.В. Алексева о формировании Добровольческой армии, архив А.И. Деникина, Журналы Особого совещания при командовании Вооруженными силами Юга Рос-

¹⁰³⁴ Русский заграничный исторический архив ... в 1936 году. С. 14.

сии. Большое количество документов было посвящено ходу Гражданской войны в разных регионах и сепаратизму на окраинах¹⁰³⁵.

Одновременно с пополнением отдела документов происходило комплектование архивной библиотеки книгами, журналами и газетами. Печатные издания приобретались по программе, утвержденной Ученой комиссией. Архив интересовали книги, начиная от последних десятилетий XVIII в. и до современности. Библиографическая работа велась на очень высоком уровне. Свидетельством тому были подобные карточные каталоги¹⁰³⁶. Одним из источников пополнения фондов был обмен изданиями и копиями документов. Путем обмена восстанавливались пропуски книжных и журнальных коллекций. Архив регулярно обменивался с чешским издательством «Мелантржих», Военным музеем в Париже, Институтом Восточной Европы в Берлине, Библиотекой Конгресса, Нью-Йоркской публичной библиотекой, Гуверовским институтом, библиотекой Гарвардского университета¹⁰³⁷.

Комплектование архивных фондов и приобретение документов часто вызывало острые споры и даже конфликты. Понятно, что подобные столкновения далеко не всегда порождает стремление к истине и объективности. Здесь дают о себе знать научная конкуренция, борьба за власть в науке, утверждение подлинного или мнимого авторитета любой ценой или же банальная зависть. При этом всякое научное сообщество пытается как можно быстрее забыть о такого рода столкновениях, ибо, как заметил

¹⁰³⁵ Там же. С. 15–18.

¹⁰³⁶ В 1938 г. С.П. Постников и Я. Славик издали всеохватывающую библиографию о революции и Гражданской войне на основе литературы, имеющийся в библиотеке архива (Библиографии русской революции и гражданской войны (1917–1921): Из каталога библиотеки Русского заграничного исторического архива. Прага, 1938). В книге были представлены работы, вышедшие в СССР, за рубежом и в среде эмиграции. До наших дней эта книга остается одной из самых полных библиографий по данной теме.

¹⁰³⁷ В 1936 г. был осуществлен обмен с Московским государственным литературным музеем, которому были посланы копии письма М.А. Бакунина и письма М. Горького Е.Д. Кусковой из Сорренто в январе 1929 г. В ответ в Прагу была отправлена посылка с книгами. См.: *Slovanské archivny při Ministerstvu věcí zahraničních // Ročenka Slovanského Ústavu. Sv. IX za rok 1936. Praha, 1937. S. 186.*

А.В. Свешников, «конфликты и скандалы в среде интеллектуалов традиционно вытеснялись ... из поля рефлексии научного сообщества»¹⁰³⁸. По этой же причине научные конфликты в эмигрантской среде нашли малое отражение в источниках. Об одной из таких научных ссор, разгоревшейся в 1926 г. между двумя агентами архива О.С. Минором и С.Г. Сватиковым и продолжавшейся едва ли не до середины 1930-х гг., мы можем судить лишь по обрывочным архивным сведениям.

Сергей Григорьевич Сватиков (1880–1942), выходец из семьи донского учителя, изгнанный из Петербургского университета за участие в студенческих волнениях, и завершивший свое образование в Гейдельберге, еще до революции стал известным историческим публицистом и убежденным социал-демократом. В конце мая 1917 г. С.Г. Сватиков был отправлен решением Временного правительства в Европу для ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции и проверки дипломатических служб на предмет лояльности новой власти. Но С.Г. Сватиков был не только и не столько чиновником, сколько историком, который попытался научно обобщить собранные им богатейшие материалы. В 1918 г. он опубликовал известную книгу «Русский политический сыск за границей»¹⁰³⁹.

Находясь за границей, С.Г. Сватиков имел возможность допрашивать бывших сотрудников заграничной агентуры. Среди них оказался старейший агент российской тайной полиции французский детектив Анри Бинт

¹⁰³⁸ См.: *Свешников А.В.* Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 42–72.

¹⁰³⁹ *Сватиков С.Г.* Русский политический сыск за границей (По документам Парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции). Ростов-на-Дону, 1918. Продолжением этой работы должна была стать книга «Заграничные провокаторы», но при жизни автора она не была напечатана. Ее частичная публикация была осуществлена в 1941 г. Научно-издательским отделом Главного архивного управления НКВД, которое, очевидно, желало познакомить своих сотрудников с опытом работы царской тайной полиции. См.: *Сватиков С.Г.* Заграничная агентура департамента полиции: Записки С.Г. Сватикова и документы заграничной агентуры. М., 1941.

(1874–1929), завербованный П.И. Рачковским¹⁰⁴⁰. В.Л. Бурцев описал в одной из своих книг встречу в Париже с А. Бинтом, который был приставлен для наблюдения за ним еще в 1890 г.: «В 1918 г., уже после революции, я, снова приехавши в Париж, как эмигрант, встретил Бинта. Он был не у дел, старого его начальства, кому он служил, уже не было, Рачковский давно (в 1910 г.) умер, а с большевиками никаких связей завязывать он не хотел. Ему не было уже никакого резона что-нибудь от меня скрывать и он, поэтому, охотно отвечал на мои вопросы»¹⁰⁴¹. В доверительных беседах А. Бинт поведал о том, как в начале XX в. он занимался по поручению своего куратора подготовкой пресловутых «Протоколов сионских мудрецов», одной из самых печально известных исторических фальшивок современности. В 1921 г. В.Л. Бурцев посоветовал С.Г. Сватикову выяснить у французского детектива подробности этого дела. А. Бинт охотно пошел на контакт и передал С.Г. Сватикову некоторые бумаги из своего архива¹⁰⁴².

Но А. Бинт не смог сразу разыскать в своем многочисленном собрании один важный, по его мнению, документ – список книг, заказанных ему когда-то П.И. Рачковским и купленными во Франкфурте для работы по фабрикации «Протоколов»¹⁰⁴³. Тогда он передал С.Г. Сватикову копию этого

¹⁰⁴⁰ Рууд Ч. Взаимодействие политических полиций Австро-Венгрии, Франции и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2003. № 4. С. 73.

¹⁰⁴¹ Бурцев В.Л. «Протоколы сионских мудрецов» – доказанный подлог: Рачковский сфабриковал «Протоколы сионских мудрецов», а Гитлер придал им мировую известность. Париж, 1938. С. 171.

¹⁰⁴² Копия письма В.Л. Бурцева В.Я. Гуревичу, 25 октября 1926 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIII. Еще в начале 1920-х гг. и в эмигрантской, и в зарубежной среде появились исследования, доказывавшие подложность протоколов. См.: Делевский Ю. «Протоколы сионских мудрецов»: История одного подлога / С предисловием А.В. Карташова. Берлин, 1923. В то же самое время защитник подлинности «Протоколов» пытались обвинить С.Г. Сватикова в необъективности, ибо, как считали они, сведениям А. Бинта нельзя доверять. С их точки зрения, А. Бинт был простым филером, которому П.И. Рачковский не мог доверить что-либо серьезное. В действительности, как показал еще В.Л. Бурцев, французский детектив был чрезвычайно близок к П. И. Рачковскому, который пользовался его услугами в самых важных случаях (Бурцев В.Л. Указ. соч. С. 170–171).

¹⁰⁴³ Письмо С.Г. Сватикова А.В. Флоровскому, 23 ноября 1926 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIII.

списка, но обещал впоследствии отдать и оригинал. А. Бинт щедро делился своими материалами, но долгое время категорически отказывался продавать весь архив. В конце концов, В.Л. Бурцев и С.Г. Сватиков уговорили отставного агента уступить его собрание РЗИА, но при этом они договорились, что обещанный когда-то список книг будет передан лично С.Г. Сватикову¹⁰⁴⁴. Причем они столь искусно провели переговоры, что А. Бинт в 1926 г. продал свой архив в Прагу, стоивший по разным оценкам от 5 до 15 тыс. франков, за 1.200 франков и перевез его в свою парижскую квартиру¹⁰⁴⁵. Собрание А. Бинта содержало немало важных сведений по истории борьбы полиции с революционным движением в России, включая документы о служебной деятельности А. Бинта, его переписку с П.И. Рачковским, письма и телеграммы заведующих заграничной агентурой Департамента полиции Л.А. Ратаева и А.М. Гартинга, донесения о русских политических эмигрантах во Франции, в Швейцарии, Австрии, Англии, Румынии, Дании, Германии, Италии, тексты показаний А. Бинта С. Г. Сватикову¹⁰⁴⁶.

Как ни парадоксально, именно в момент передачи документов разразился острый конфликт между двумя агентами РЗИА. В октябре 1926 г. О.С. Минор, у которого были непростые отношения со С.Г. Сватиковым, сообщил руководству архива в лице директора В.Я. Гуревича, что его коллега передал в Прагу далеко не все документы, полученные у А. Бинта. В своем обращении он желал подчеркнуть, что С.Г. Сватиков «выхватил лучшее из покупаемой коллекции», в том числе «сионский документ»¹⁰⁴⁷. В Праге решили, что С.Г. Сватиков оставил часть документов у себя и потребовали их немедленного возврата. В руках бывшего комиссара Временного

¹⁰⁴⁴ Копия письма В.Л. Бурцева В.Я. Гуревичу, 25 октября 1926 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIII.*

¹⁰⁴⁵ Письмо С.Г. Сватикова А.В. Флоровскому, 23 ноября 1926 г. // Там же.

¹⁰⁴⁶ Ныне этот фонд хранится в составе ГАРФа (Ф. 509, 1 оп., 130 ед. хр., 1874–1929). См.: Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000 гг.): Путеводитель. Т. 5. М., 2001. С. 53–54.

¹⁰⁴⁷ Письмо С.Г. Сватикова А.В. Флоровскому, 23 ноября 1926 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIII.*

правительства в самом деле оставались некоторые материалы французского агента о борьбе полиции с революционным движением, но они были получены им еще до официальной продажи архива, а, следовательно, по праву принадлежали ему.

С.Г. Сватиков парировал: О.С. Минор прекрасно знал, что он не забрал всех своих документов у А. Бинта, обещанных ему еще в 1921 г. Сам французский агент при заключении договора о купле-продаже просил внести оговорку, что некоторые из документов в его собрании, в том числе материалы о «Протоколах», принадлежат С.Г. Сватикову, и что тот может их забрать при удобном случае¹⁰⁴⁸. Вместо этого О.С. Минор «вычеркнул из проекта расписки вписанную туда по желанию Бинта оговорку о проданных третьим лицам в 1921 г. материалах (Бурцеву и Св[атико]ву). Затем внес дополнение, что продается архив, “который находится здесь, у меня в квартире”... Когда расписка была подписана, он и предъявил свои требования на мой документ...»¹⁰⁴⁹ Свою позицию О.С. Минор обосновал тем, что А. Бинт продал в Прагу все документы, относящиеся к его службе в охранке, а поскольку так называемый «сионский документ» также был связан с деятельностью полиции, то и он принадлежит не С.Г. Сватикову, а пражскому архиву¹⁰⁵⁰.

Позицию О.С. Минора поддержал директор пражского архива В.Я. Гуревич, назвавший беспочвенными и необоснованными все притязания С.Г. Сватикова. Директор писал ему 20 октября 1926 г.: «... Я считаю необходимым Вам указать, не касаясь пока вопроса о Ваших правах на этот документ, что Ваш образ действий в этом деле я продолжаю считать совершенно неправильным¹⁰⁵¹. В.Я. Гуревич отстаивал мнение, что С.Г. Сватиков должен был сообщить о приобретенных им документах еще

¹⁰⁴⁸ Там же.

¹⁰⁴⁹ Там же.

¹⁰⁵⁰ Там же.

¹⁰⁵¹ Письмо В.Я. Гуревича С.Г. Сватикову, 20 октября 1926 г. // Там же.

до официальной продажи архива А. Бинта, а поскольку он этого не сделал, то и никаких прав на отдельные документы коллекции он не имеет.

Но почему же вокруг нескольких бумаг из собрания бывшего тайного агента в Париже разгорелся столь острый конфликт? Ответ на него можно найти в одном из писем С.Г. Сватикова от 23 ноября 1926 г.: «Я готов был отдать Архиву оригинал (*Подчеркнуто в оригинале – М. К.*), но меня остановила фраза Минора: “Он нам нужен. Мы (*Подчеркнуто в оригинале – М. К.*) его опубликуем”. Вы знаете, что я ему ответил: “Позвольте. Но я не собирался публиковать его с Вами. Архив документов не публикует. Стало быть, “мы” – это Вы и кто-то еще. Благодарю покорно. Я сам его опубликую, а через Ваши руки он в Архив не пройдет”. *Sine ira*»¹⁰⁵². Таким образом, речь шла о праве публикации документа, который вполне мог стать научной сенсацией. Доказательство подложности «Протоколов сионских мудрецов» стало целью целого поколения русских интеллектуалов. Публикация документа из архива А. Бинта могла поставить последнюю точку в этом вопросе и навсегда вписать в историю имя его публикатора. Понятно, что весьма честолюбивые С.Г. Сватиков и О.С. Минор хотели быть на этом месте. Но противостояние между двумя агентами РЗИА во Франции перерос рамки личного конфликта, ибо в него оказались втянутыми и другие сотрудники архива.

Однако финал этой истории оказался поистине анекдотичным. Об этом кратко сообщил в сентябре 1934 г. Б.И. Николаевский своему другу и коллеге А.Ф. Изюмову. Он написал, что «пресловутый документ Сватикова» оказался не имеющим отношения к составлению «Протоколов сионских мудрецов», а, значит, «война его с Минором не стоила той бумаги, кот[орая] была потрачена на переписку»¹⁰⁵³. Справедливости ради следует сказать, что явная неудача с документом А. Бинта не убавила в

¹⁰⁵² Письмо С.Г. Сватикова А.В. Флоровскому, 23 ноября 1926 г. // Там же.

¹⁰⁵³ Письмо Б.И. Николаевского А.Ф. Изюмову, 14 сентября 1934 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 11. Л. 51

С.Г. Сватикове решимости бороться с антисемитизмом и доказывать подложность «Протоколов сионских мудрецов»¹⁰⁵⁴. Вместе с В.Л. Бурцевым, Б.И. Николаевским, Г.Б. Слиозбергом и П.Н. Милюковым в октябре 1934 г. он участвовал в качестве эксперта в судебном процессе в Берне, в ходе которого официально была признана подложность «Протоколов»¹⁰⁵⁵.

В процессе собирания документов по РЗИА пришлось столкнуться с серьезной конкуренцией. Руководство архива внимательно следило за собиранием архивной Россики в зарубежных странах и ревностно относилось к попыткам создания иных архивных собраний. В 1920–1930-х гг. на Западе возник живой интерес к российской истории и особенно к истории революционного движения, которое привело к гибели империи и привело к власти большевиков. Именно тогда за рубежом начинают складываться многие архивные и библиотечные собрания по российской истории. Здесь достаточно напомнить, что само чехословацкое правительство видело в РЗИА своеобразный центр по изучению русской революции.

В 1919 г. Гербертом Гувером при Стэнфордском университете был основан научно-исследовательский центр для собирания и изучения материалов по истории Первой мировой войны. Однако уже скоро тематика архивных собраний расширилась, причем особое место было отведено собиранию материалов по русской истории. И здесь нельзя не упомянуть о большой роли профессора Фрэнка Гольдера (Frank Alfred Golder; 1877–1929), урожденного одессита, оказавшегося в детстве в США, а затем ставшего одним из основателей славистических исследований в этой стране. В августе 1920 г. он был направлен в Советскую Россию как официальный представитель Стэнфордского университета, чтобы приобрести документы по истории Первой мировой войны, российской революции и Гражданской

¹⁰⁵⁴ Обобщающую статью С.Г. Сватикова на эту тему опубликовал О.В. Будницкий. См.: *Сватиков С.Г. Создание «Сионских протоколов» по данным официального следствия / Публ. О.В. Будницкого; примеч. С.М. Маркедонова // Евреи и русская революция: Материалы и исследования. М.; Иерусалим, 1999. С. 163–230.*

¹⁰⁵⁵ *Бурцев В.Л. Указ. соч. С. 158.*

войне¹⁰⁵⁶. К счастью для него и к несчастью для России большевики довольно охотно расставались с историко-культурными ценностями. Ф. Гольдер установил личные и доверительные отношения с М.Н. Покровским, и при его расположении и посредничестве добивался получения копий или оригиналов необходимых материалов¹⁰⁵⁷. С 1921 по 1923 гг. Ф. Гольдер отправил в США сотни ящиков архивных материалов, содержащих свыше 40.000 наименований¹⁰⁵⁸.

В то же самое время Ф. Гольдер контактировал и с русской эмигрантской средой. Он встречался с П.Б. Струве, П.Н. Милюковым, В.А. Маклаковым, А.Ф. Керенским и др. Однажды по пути в Европу в 1921 г. он познакомился с русским генералом и военным теоретиком Николаем Николаевичем Головиным (1875–1944), который сделался официальным агентом Гуверовского института, и для которого он приобретал документы в эмигрантской среде¹⁰⁵⁹. При его участии в США были вывезены документы пятнадцати царских дипломатических представительств, в том числе документы российского посольства в Париже, личные собрания видных эмигрантских деятелей – М.Н. Гирса, Б.В. Геруа, Н.Н. Юденича, Е.К. Миллера¹⁰⁶⁰.

Деятельность Н.Н. Головина встретила большое недовольство в Праге. В 1930 г. Н.И. Астров сделал доклад по итогам своей командировки в Париж, в котором с грустью сетовал, что «генерал Головин весьма сильно опустошил архивные фонды не только Франции, но и других стран Европы»¹⁰⁶¹. Конкуренция с Гуверовским институтом сильно беспокоила РЗИА.

¹⁰⁵⁶ War, Revolution and Peace in Russia: The Passages of Frank Colder, 1914–1927 / Ed. by T. Emmons and B. Patenaude. Stanford, 1992. P. XVII.

¹⁰⁵⁷ Ibid. XVIII–XIX.

¹⁰⁵⁸ Пивоваров Е.Г. У истоков американской архивной россики: А.В. Бабин (1866–1930) и Ф.А. Голдер (1877–1929) // Россики в США: Сб. статей. М., 2001. С. 260.

¹⁰⁵⁹ Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге и генерал Н.Н. Головин // Там же. С. 295.

¹⁰⁶⁰ См.: Даниельсон Е. Архивы русских эмигрантов в Гуверовском институте // Вестник архивиста. 2001. № 1. С. 205.

¹⁰⁶¹ Цит. по: Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге и генерал Н.Н. Головин. С. 292.

Как показала Т.Ф. Павлова, особенно сильно она проявилась в истории с продажей за океан обширного архива генерала П.Н. Врангеля, осуществленной при непосредственном участии Н.Н. Головина¹⁰⁶². Русских пражан беспокоил тот факт, что документы, оказавшиеся в Гуверовском институте, уже никогда не смогут вернуться в Россию, в то время как задача РЗИА состоит в том, чтобы сохранить архивные собрания по русской истории для их последующего возвращения на Родину. Н.Н. Головин был не только хорошим организатором, но, главное, располагал большими средствами, которые выделяли ему американцы, и за которыми сотрудникам пражского архива было не угнаться. Приведем интересный факт. Бухгалтером РЗИА долгое время работал генерал-майор Сергей Арефьевич Щепихин (1880–1948), участник Великого Сибирского Ледяного похода. Он если не бедствовал, то испытывал материальную нужду, которая побуждала его заниматься литературно-журналистским трудом (непреренно за гонорары) и, кроме того, продавать материалы собственного архива. В личном фонде британского историка сэра Бернарда Пейрса (Sir Bernard Pares; 1867–1949) в рукописном собрании Лондонской школы славянский и восточноевропейских исследований сохранились материалы переписки генерала как с самим Б. Пейрсом, так и с американским профессором Гарольдом Фишером (Harold Henry Fisher; 1890–1975), специалистом по русской истории и сотрудником Гуверовского института. Письма С.А. Щепихина показывают, что он продавал свои материалы не только в РЗИА, где работал¹⁰⁶³, но и за океан – в Гуверовский институт. Правда трудное экономическое положение США тоже вносило свои коррективы в практики покупок. Так Г. Фишер в 1933 г. не смог найти средства для приобретения рукописи С.А. Щепихина

¹⁰⁶² Там же.

¹⁰⁶³ Сегодня эти материалы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, составляя личный фонд С.А. Щепихина (Ф. Р-6605). Некоторые важные материалы оттуда опубликованы А.В. Ганиным: *Ганин А.В. Из воспоминаний С.А. Щепихина // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Документы и материалы.* М.; СПб., 2016. С. 31–53; *Щепихин С.А. Сибирский Ледяной поход. Воспоминания / Под ред. А.В. Ганина.* М., 2020.

«Уральские казаки во время Гражданской войны»¹⁰⁶⁴. Кроме того, колебания курса доллара США, отражались на сумме выплат генералу. Процитируем в этой связи письмо Г. Фишера от 12 сентября 1933 г.: «Я крайне сожалею, что колебания курса доллара до такой степени сократили сумму, полученную Вами от нас за последнюю Вашу рукопись. Мне очень бы хотелось иметь возможность вознаградить Вас за эту потерю, но надо, к сожалению, сказать, что ведь наш бюджет составлен в долларах, и что упадок доллара на иностранном рынке никак не увеличивает сумму тех же долларов, какую мы по этому бюджету располагаем. <...> Мне весьма неприятна эта необходимость казаться недостаточно щедрым в предложениях вознаграждения за материалы. Условия жизни русских эмигрантов мне известны, и я признаю, что лица, подготовляющие для нас эти материалы, должны получать соответствующее вознаграждение. В то же время, при настоящих условиях фонды нашего учреждения так ограничены, а предъявляемые к ним требования так обширны, что мне не остается ничего другого, как только взвешивать с наибольшей возможной тщательностью вопрос о каждой представляющейся покупке материалов»¹⁰⁶⁵.

Противостояние РЗИА и заокеанских конкурентов в лице Н.Н. Головина имело и политическую подоплеку. Вероятно, у генерала, который был убежденным монархистом и националистом, было огромное предубеждение к либералам и социалистам, которые контролировали РЗИА. Т.Ф. Павлова обратила внимание и на другую важную причину: в Париже опасались сближения чехословацкого правительства с СССР и вытекавших отсюда последствий для РЗИА. Н.Н. Головин, как и многие русские военные в эмиграции, считал чехословаков виновными в предательстве

¹⁰⁶⁴ Письмо Г. Фишера к С.А. Щепихину, 15 ноября 1933 г. // University College London, School of Slavonic and East European Studies, Library's Archive Collections. Sir Bernard Pares Collection. PAR/7/1/4.

¹⁰⁶⁵ Письмо Г. Фишера к С.А. Щепихину, 12 сентября 1933 г. // Там же.

А.В. Колчака и крушении Белого движения, а, значит, с большим недоверием относился к любым их начинаниям¹⁰⁶⁶

Исследования Л.И. Петрушевой подтверждают, что история РЗИА содержит примеры, когда «на выбор места хранения документов оказывали влияние политические взгляды и пристрастия фондовладельца». Настороженное отношение части эмигрантов к пражскому архиву она объяснила их общим недоверием к чехословацкому правительству из-за действий легионеров в годы Гражданской войны и «левому» составу сотрудников РЗИА¹⁰⁶⁷. Подтверждением этой точки зрения служит история вокруг бумаг графа Владимира Николаевича Коковцова и возглавляемой им Ассоциации бывших воспитанников Императорского Александровского лицея. Архив этого объединения первоначально находился в Париже, но осенью 1936 г. специальная комиссия в лице председателя Д.И. Ознобишина и секретаря Н.Н. Флиге начала поиски нового места хранения для него. Эмигрантов пугала политика Народного фронта во Франции и сближение республики с СССР. Среди многих бытовало мнение, что архив может быть конфискован и передан советской стороне. Видимо, будущее архива давно волновало и самого В.Н. Коковцова. По материалам рукописного собрания Славянской библиотеки в Праге известно, что он с 1931 г. состоял в переписке с РЗИА¹⁰⁶⁸ и пересылал в Чехословакию некоторые свои материалы. Так, в Славянской библиотеке до сих пор хранятся публикации графа 1920–1930-х гг. на французском языке со штампами РЗИА. Русские историки и архивисты проявляли большой интерес к документам графа. Например, в феврале 1934 г. А.Ф. Изюмов делал доклад о его воспоминаниях на заседании

¹⁰⁶⁶ См.: Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге и генерал Н.Н. Головин. С. 194–195.

¹⁰⁶⁷ Петрушева Л.И. Русский заграничный исторический архив и ученые-эмигранты в Чехословакии // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии: Сб. статей. М., 2008. С. 135.

¹⁰⁶⁸ Переписка опубликована: Зайцев М.В., Ковалев М.В. Государственная и общественная деятельность В.Н. Коковцова. Документальная монография. СПб., 2022. С. 368–378.

ученой комиссии РЗИА¹⁰⁶⁹. Безусловно, в Праге желали бы получить и архив самого графа, и лицейского объединения сразу. Однако, как не сильны были эти надежды и желания, в середине 1930-х гг. такая передача вряд ли могла состояться. Причина имела явный политический характер. Чехословакия, как и Франция, начала сближение с СССР и в 1935 г. подписала с ним договор о взаимопомощи. Официальное отношение к эмиграции со стороны правительственных кругов изменилось, теперь от нее явно пытались дистанцироваться. В.Н. Коковцов, и его соратники это понимали, поэтому пражский вариант не рассматривали, несмотря на несомненный авторитет РЗИА и его горячее желание получить материалы. Тогда бывшие лицеисты обратились с просьбой о передаче коллекции на временное хранение в Королевский музей армии в Брюсселе, где в то время уже находились архивы нескольких русских полковых объединений. Выбор был не случаен ввиду того, что бельгийский королевский дом покровительственно относился к русской монархической эмиграции.хлопоты увенчались успехом, и 5 апреля 1937 г. граф В.Н. Коковцов подписал совместно с главным хранителем Брюссельского музея доктором Луи Леконтом (Louis Leconte) договора о сдаче на 10-летний срок лицейских реликвий. Граф передал на хранение памятные книжки лица, собственноручный проект поздравительного адреса по случаю его 100-летия, телеграмму императрицы Марии Федоровны, копии писем дипломата Н.В. Чарыкова и другие материалы. В октябре 1937 г. он дополнительно передал два тома своих опубликованных воспоминаний с дарственной надписью, рукопись мемуаров «Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры», речь памяти импера-

¹⁰⁶⁹ Русский заграничный исторический архив в Праге – документация: каталог собранных документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / Сост. Л. Бабка, А. Копришова, Л. Петрушева. Прага, 2011. С. 143.

трицы Марии Федоровны и др. Затем последовали редкие юбилейные издания, фотографии, документы¹⁰⁷⁰.

Еще одним конкурентом пражского архива стал Международный институт социальной истории, открытый 25 ноября 1935 г. в Амстердаме усилиями голландского историка Николааса Постюмуса (Nicolaas Wilhelmus Posthumus; 1880–1960). Архив возник в непростое для всей Европы время, когда дыхание грядущей мировой войны уже отчетливо ощущалось. Его сотрудникам ценой невероятных усилий приходилось спасать документальные собрания по истории рабочего и социалистического движения от неминуемой гибели. В 1935–1940 гг. в Амстердам были вывезены из Германии документы К. Маркса и Ф. Энгельса, из Вены перед самым вступлением туда нацистов рукописи М.А. Бакунина, из Испании накануне победы франкистов материалы Национальной конфедерации труда и Федерации анархистов Иберии и т.д. Тогда же в собрание Института попали многочисленные документы российских меньшевиков, социалистов-революционеров и анархистов. Так в амстердамском собрании оказались архивные материалы эсеров Б.Н. Савинкова, В.М. Чернова, социал-демократов А.Н. Потресова, Г.В. Плеханова, Ф.И. Дана, В.С. Войтинского, П.Б. Аксельрода, народников В.Н. Смирнова и П.Л. Лаврова, а также А.И. Герцена и М.А. Бакунина. Причем большую помощь в их спасении оказал Б.И. Николаевский¹⁰⁷¹. Но надо признать, что активная работа Международного института социальной истории развивалась в тот момент, когда работа РЗИА, наоборот, переживала непростые времена. В 1938 г. МИД Чехословакии фактически перестало выделять средства для покупки документов, книг и газет¹⁰⁷².

¹⁰⁷⁰ «Музейная Комиссия при Объединении...» // Musée Royal de l'Armée et de l'Histoire Militaire. Dépôt «Lycée Alexandre». XXIV A-41 (a); Список документов // Ibid. XXIV B-50.

¹⁰⁷¹ См.: Крылов В.В. Его страстью был архивизм (о Б.И. Николаевском) // Отечественная история. 1995. № 3. С. 25–36.

¹⁰⁷² Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге. С. 27.

Не менее серьезными конкурентами у РЗИА были советские архивисты. Уже в 1920-х гг. они начали собирание документов по истории революционного движения. Работа эта проводилась под контролем Центрального партийного архива, а затем Института Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ), которые щедро финансировались из государственного бюджета. Нельзя не сказать здесь о роли Д.Б. Рязанова и Н.Е. Буренина, разыскивавших материалы по истории российского революционного движения за границей. При участии Н.Е. Буренина в 1933 г. выкуплен архив А.В. Луначарского, хранившийся в Швейцарии. Аналогичным образом были куплены и вывезены в СССР бумаги А.А. Богданова¹⁰⁷³, К. Маркса и Ф. Энгельса и др.

Интересно, что между РЗИА и советской стороной существовали научные контакты. Этому в немалой степени способствовал ведущий архивист РЗИА А.Ф. Изюмов и его друг и коллега Б.И. Николаевский¹⁰⁷⁴. Однако часть эмигрантов выступала резко против таких контактов. Примечательна их реакция на посещение архива Д.Б. Рязановым в 1930 г., о которой рассказывал в своих письмах А.Ф. Изюмов: «Вот был у нас Р[язанов]. Казалось бы, чего тут волноваться. Человек приехал узнать, что есть по определенным вопросам. Сам был очень деликатен и просил лишнего ничего не показывать. А как зашипели, как заинтриговали на другой же день все эмигрантские праведники. Меня обвинили и в том, что я показал весь архив, что был больше любезен, чем нужно, и даже обвинили в том, что если меня не было, то нога нечестивых не была бы в нашем благочестивом месте»¹⁰⁷⁵.

В 1933 г. В.Д. Бонч-Бруевич через руководителя Славянской библиотеки в Праге В.Н. Тукалевского обратился к директору РЗИА доктору Я. Славику с просьбой предоставить копии имеющихся в архиве писем Л.Н. Толстого для публикации в полном собрании сочинений. Это начина-

¹⁰⁷³ Правда, часть архива А.А. Богданова все же осталась в Италии. См.: *Стейла Д.* Архив А.А. Богданова в Риме (фонд Бассо) // *Итальянские архивы в России – российские архивы в Италии* / Ред.-сост. *Р.А. Говорухо*. М., 2013. С. 139–152.

¹⁰⁷⁴ См.: *Павлова Т.Ф.* А.Ф. Изюмов и РЗИА. С. 32–33.

¹⁰⁷⁵ Письмо А.Ф. Изюмова Б.И. Николаевскому, 14 сентября 1930 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 11. Л. 117.

ние осталось нереализованным из-за сопротивления некоторых членов Ученого совета. В.Н. Тукалевский написал об этом В.Д. Бонч-Бруевичу 8 июня 1933 г.: «Прежде всего, сообщаю Вам относительно переговоров с проф[ессором] Славиком. Письмо Ваше он получил. Но, очевидно, придется действовать еще какими-либо иными путями. Он говорит, что как научный работник сам понимает важность публикации толстовских материалов. Но ему приходится считаться с тем, что в Архиве имеется совет, состоящий из эмигрантских группировок, которые, в известной части, стоят на непримиримой точке зрения в отношении учреждений, хотя бы и культурного характера, находящихся на территории Союза. Он просит Вам сообщить, что передача для воспроизведения писем Толстого в Москву возбуждает в среде эмиграции разговоры о том, что Архив “передает документы” большевикам и в связи с этим может прекратиться дальнейшее поступление документов в Архив вследствие противодействия со стороны особенно правых элементов, которые не особенно охотно делают это и теперь, опасаясь различных возможностей»¹⁰⁷⁶.

Тем не менее контакты между РЗИА и советской стороной не прекратились полностью, ибо, несмотря на все разногласия, носили взаимовыгодный характер. В 1936 г. был осуществлен обмен с Московским государственным литературным музеем в Москве. В Москву были посланы копии письма М.А. Бакунина и письма М. Горького Е.Д. Кусковой из Сорренто в январе 1929 г. В ответ из советской столицы в Прагу была отправлена посылка с книгами¹⁰⁷⁷. Но, вполне очевидно, что эта акция была осуществлена не столько по инициативе эмигрантов, сколько по инициативе чехословацкого МИДа, в ведении которого находился архив, и которое в середине 1930-х гг. всеми силами пыталось нормализовать отношения с СССР.

¹⁰⁷⁶ «Очень хорошо, что Вы стали заниматься собиранием сведений о русских рукописях...». Из переписки В.Д. Бонч-Бруевича и В.Н. Тукалевского. 1932–1934 гг. / Вступ. статья, подг. текста к публикации и коммент. *Н.С. Зелова* // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 72–104.

¹⁰⁷⁷ *Slovanské archivů při Ministerstvu věcí zahraničních*. S. 186.

Обрисовав практики комплектования РЗИА в международном архивном контексте, обратимся к другим сторонам его деятельности. Археографическая практика первоначально не входила в круг задач, однако крупные ученые-историки (А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, Е.Ф. Шмурло и др.), принимавшие в работе архива непосредственное и деятельное участие, прекрасно осознавали важность публикации русских документальных памятников, сконцентрировавшихся в Праге. Они внимательно следили за активной публикаторской работой в Советской России, например за сборниками документов о восстании декабристов¹⁰⁷⁸. Их стремление разделял и одобрял Я. Славик. Начало публикаторской деятельности архива было официально положено в 1928 г., после того как 15 мая Совет РЗИА одобрил представление Ученой комиссии о подготовке первого сборника документов. Для этой цели была избрана комиссия в составе самого Я. Славика, а также А.А. Кизеветтера и Александра А.Ф. Изюмова¹⁰⁷⁹. Примерно тогда же было одобрено печатание под эгидой архива мемуаров А.А. Кизеветтера «На рубеже двух столетий (1881–1914)». Руководство РЗИА пыталось найти поддержку (главным образом, с финансовой стороны) для своей публикаторской деятельности и с этой целью в конце 1929 г. заключило договор со Славянским институтом в Праге¹⁰⁸⁰.

Русские ученые торопились подготовить сборник, желая приурочить его выход к 5-летию РЗИА. В результате кропотливой работы в начале 1929 г. появилась книга «Русский заграничный исторический архив». На ее обложке стоял подзаголовок «Сборник первый», дававший понять читателю, что речь идет о начале серийного издания. Действительно, предполагалось, что сборник документов и материалов, извлеченных из фондов РЗИА, и профессионально подготовленных к публикации, станет первой вехой на

¹⁰⁷⁸ *Цепилова В.И., Ковалев М.В.* «Пишу всякую всячину только для заработка». Письма А.А. Кизеветтера к В.А. Мякотину и К.Н. Гулькевичу. 1923–1932 гг. // Отечественные архивы. 2009. С. 92.

¹⁰⁷⁹ Русский заграничный исторический архив в 1928 году. Прага, 1929. С. 2.

¹⁰⁸⁰ Русский заграничный исторический архив при Министерстве иностранных дел Чехо-Словацкой Республики в 1929 году. Прага, 1930. С. 12.

пути введения в научный оборот новых уникальных источников. Но судьба распорядится так, что сборник 1929 г. станет первым и последним.

Принципы отбора документов для публикации остаются не вполне понятными. Сборник открывается избранными фрагментами из дневников и рабочих записей генерала М.В. Алексеева за 1916–1917 гг., затем следуют материалы Уфимского государственного совещания 1918 г., после них – письма М.Н. Каткова к П.А. Валуеву 1863 г., а в заключительной части приводятся письма П.А. Кропоткина к Н.В. Чайковскому конца XIX – начала XX вв. В такой композиции можно усмотреть смысловую и хронологическую эклектику. Однако, думается, что определенная логика имела тут место. Издатели сборника хотели продемонстрировать многообразие имеющихся в архиве материалов, их связь с различными периодами русской истории и различными исследовательскими сюжетами. При этом ясно видно, что эти материалы прямо или косвенно связаны с тематикой освободительного движения, что также отражало одну из идейных установок создателей РЗИА. Издатели признавали, что сделанный ими выбор документов может породить немало вопросов и вызвать несогласие. Но они были твердо уверены в одном – при публикации нельзя было выходить за хронологические рамки 1918 г., поскольку именно десятилетний срок является «вполне достаточным для спокойного отношения к публикуемым документам»¹⁰⁸¹. Таким образом, они выразили не просто принцип собственной публикаторской практики, но свое отношение к возможности изучения современной истории. На эту идейную установку стоит обратить особое внимание, ибо она будет проявлять себя в работе РЗИА на всем протяжении его существования.

Издатели следовали археографическим принципам, выработанным еще до революции. Но эмигрантские реалии внесли в них определенные коррективы. Кажется, что лаконичность вступительных статей и краткость отдельных комментариев была вызвана потребностью банальной экономии

¹⁰⁸¹ Русский заграничный исторический архив ... в 1929 году. С. 9.

на издательских расходах, тем более что подобные примеры имели место в эмигрантской научной жизни. Трудности возникли и вокруг вопроса об орфографии, который имел для эмиграции не столько практическое, сколько политическое значение. Для многих русских изгнанников признание новой орфографии означало идейное примирение с большевиками, которые провели реформу правописания. Использование дореволюционной орфографии выражало для них ориентацию на код русской культуры и неприятие советской власти. Однако немалое число эмигрантов осознавало абсурдность орфографического пуризма. После некоторых дискуссий было решено, что все вводные статьи и комментарии в сборнике будут напечатаны по новой орфографии, а вот сами документы сохраняют нормы правописания оригиналов.

В 1929 г. Б.И. Николаевский написал из Берлина А.Ф. Изюмову по поводу этого сборника: «Получился он у вас, по-моему, очень ценным. В нем нет сенсационного материала, такого, на который охотно бросается обычный читатель газет. Но ваша задача, мне кажется, и не должна сводиться к конкуренции с “Архивом” Гессена и “Белым делом”. В печати мемуаров “авантюрного” типа вам с ними соревноваться не имеет смысла. А в отношении исторической ценности данные вами материалы весьма значительны... И сборник вообще в историческую литературу войдет прочно и с хорошей репутацией»¹⁰⁸². Критике с его стороны подверглась лишь публикация писем П.А. Кропоткина, предпринятая профессором В.А. Мякотинным, вступительную статью и комментарии к которым он посчитал «дилетантскими»¹⁰⁸³. Б.И. Николаевский указал на ошибочную датировку двух из шести напечатанных писем: первое письмо он отнес не к 1885 г., а к 1895 г., второе – не к 1895 г., а к 1896 г.¹⁰⁸⁴ Впрочем, сам А.Ф. Изюмов вер-

¹⁰⁸² Письмо Б.И. Николаевского А.Ф. Изюмову, 17 марта 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 11. Л. 27.

¹⁰⁸³ Там же. Л. 27 об.

¹⁰⁸⁴ Там же. Л. 27 об.–28.

сию своего берлинского корреспондента не поддержал и встал на сторону В.А. Мякотина¹⁰⁸⁵.

Ведущий сотрудник РЗИА А.Ф. Изюмов неоднократно предлагал издавать исторический журнал, наподобие «Красного архива», в котором бы публиковались документы из пражского собрания¹⁰⁸⁶. Горячим сторонником такого издания был председатель общества профессор А.В. Флоровский, который с 1924 г. входил в состав Совета РЗИА и его Ученую комиссию¹⁰⁸⁷. По предложению А.Ф. Изюмова, такой журнал не должен был состоять сплошь из публикаций документальных памятников, но им следовало отвести важное место. Он также предлагал создать специальную рубрику «По архивам, музеям и библиотекам» и информировать в ней о поступлениях новых материалов в эмигрантские и иностранные собрания, о зарубежной архивной Россике¹⁰⁸⁸. К сожалению, межличностные конфликты внутри эмигрантского научного сообщества, а также политические потрясения в Европе в конце 1930-х гг. не дали возможности довести планы до конца. Русский исторический журнал так и не начал издаваться в Праге.

А.Ф. Изюмов, будучи профессиональным архивистом, как никто другой понимал важность археографической составляющей в деятельности РЗИА. Этому пониманию способствовал его личный успешный опыт публикаторской деятельности (до революции он издал ценные источники по истории землевладения в XVI–XVII вв.¹⁰⁸⁹ Одним из направлений его работы стало изучение собрания А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Результатом кропотливых

¹⁰⁸⁵ Письмо Б.И. Николаевского А.Ф. Изюмову, 16 февраля 1931 г. // Там же. Л. 32 – 32 об.

¹⁰⁸⁶ Павлова Т.Ф. А.Ф. Изюмов и РЗИА. С. 33.

¹⁰⁸⁷ Ковалев М.В. «Издание исторического журнала, посвященного прошлому России... является ... необходимым»: Документы Славянской библиотеки в Праге о несостоявшемся проекте российской научной эмиграции (1937-начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 85.

¹⁰⁸⁸ Дополнительная записка об издании Исторического журнала, 21 сентября 1938 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLO. Krab. XLII.

¹⁰⁸⁹ Изюмов А.Ф. Жилецкое землевладение в 1632 году. М., 1913; Изюмов А.Ф. Вкладные книги Антониево-Сийского монастыря, 1575–1694 (7084–7202) гг. М., 1917.

изысканий стала подготовленная им публикация писем В.С. Печерина, осуществленная сначала в 1933 г. в немецком журнале «*Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*», а затем в 1935 г. в расширенном виде в журнале «Путь»¹⁰⁹⁰.

Владимир Сергеевич Печерин (1807–1885) принадлежал к числу самых противоречивых фигур в истории русской общественной мысли XIX в. В 1836 г. он, молодой профессор Московского университета, разочарованный николаевской Россией и увлеченный идеями французского богослова Ламенне, навсегда покидает свою Родину, проклиная ее, и ища успокоение на Западе. Духовные искания приводят его от сен-симонизма к католицизму, от монаха ордена редемптористов до капеллана дублинской больницы. Неординарная личность В.С. Печерина еще в 1910 г. привлекла М.О. Гершензона, который посвятил ему монографию. В 1932 г. в Москве были изданы печеринские «Замогильные записки». Его биографам было известно, что в 1860–1862 гг. в душе В.С. Печерина произошел некий перелом, который заставил его бросить свой монашеский орден, возобновить переписку с А.И. Герценом и регулярно посылать пожертвования в фонд «Колокола». Но вот причины этого перелома оставались до конца не познанными и не понятыми. Ответ на этот вопрос был найден в письмах В.С. Печерина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву, которые сохранились в собрании М.П. Драгоманова и были переданы в Прагу. А.Ф. Изюмову повезло стать первым исследователем, кто обратился к ним. Его работа 1935 г. была не просто публикацией документов. Ее сопровождала большая вдумчивая статья об идейных исканиях В.С. Печерина и его отношениях с русскими революционерами. А.Ф. Изюмов установил, что перелом в душе видного русского католика был связан с восшествием на престол Александра II и большими надеждами на его царствование, а также

¹⁰⁹⁰ См.: *Изюмов А.Ф.* Духовное возвращение В.С. Печерина на родину (по его неопубликованным письмам к А.И. Герцену и Н.П. Огареву) // *Путь*. Париж, 1935. № 47. С. 28–50.

глубоким разочарованием в папской власти после посещения Рима в 1859 г.¹⁰⁹¹ Теперь мысли В.С. Печерина были направлены в Россию, о чем он написал А.И. Герцену 20 апреля 1863 г.: «Ваши сочинения обратили меня в Россию, но, признаюсь, иногда еще пробивается старое чувство, особенно глядя на настоящие события. Впрочем подождем: посмотрим, что скажет Русский народ: пора ему показать себя»¹⁰⁹². Публикация А.Ф. Изюмова является примером высококачественной археографической работы. Введенная им в научный оборот переписка В.С. Печерина с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым, несомненно, открывала новые страницы в истории русской общественной мысли и освободительного движения¹⁰⁹³. К сожалению, эта публикация так и осталась единственной в своем роде.

Но было бы неправильным полагать, что только недостаточное финансирование было препятствием на пути издания документов по истории общественной мысли XIX в., да и по истории России вообще. Истинные причины коренились еще и в жестких внутренних архивных правилах, ограничивавших возможность работы с документами. В основе работы РЗИА лежало представление об аполитичном характере его деятельности. Эсер В.В. Руднев писал, что «при разнородности русской эмиграции особенное значение приобретает правильная организации архива, обеспечивающая этому учреждению всеобщее доверие к его внепартийности»¹⁰⁹⁴. Эта пози-

¹⁰⁹¹ Изюмов А.Ф. Указ. соч. С. 32–33.

¹⁰⁹² Там же. С. 50.

¹⁰⁹³ Примечательно, но при публикации писем В.С. Печерина Андреем Александровичем Сабуровым (1902–1959) в «Литературном наследстве» не было указано, что они уже были опубликованы в 1935 г. в журнале «Путь» А.Ф. Изюмовым. Советский литературовед лишь кратко упомянул, что письма эти впервые были напечатаны в немецком журнале «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven» (*Izjumov A.F. Der Briefwechsel V.S. Pečerin's mit A.I. Herzen und N.P. Ogarev // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. 1933. В. IX. Н. IV. S. 493–517*), но имя А. Ф. Изюмова не назвал (См.: Из переписки В.С. Печерина с Герценом и Огаревым / Публ. А.А. Сабурова // Литературное наследство. Т. 62: Герцен и Огарев. II. М., 1955. С. 463). Очевидно, что отмечать заслуги ученого-эмигранта, а тем более писать о его публикации в религиозном журнале, редактируемом Н.А. Бердяевым, было невозможно. Дворянин А.А. Сабуров, живший в советских реалиях, к тому же подвергавшийся аресту в начале 1930-х гг., вынужден был быть осторожным.

¹⁰⁹⁴ Руднев В. В. Русское дело в Чехословацкой республике. Париж, 1924. С. 51.

ция нашла выражение в ограничении использования документов. Сотрудники архива учитывали их современный характер и разрешали «пользоваться лишь теми документами, которые Архивом проверены и описаны, или теми, на которых не лежит запрещение владельцев или авторов»¹⁰⁹⁵. Поэтому многие материалы не выдавались. Директор Я. Славик акцентировал внимание на том, что архив хранил множество документов в политическом отношении «не остывших», а, значит, они не могут быть выданы исследователям. Чешский историк считал основной задачей архива собирание и сохранение документов от возможной гибели. Еще не пришло время для исполнения главной миссии РЗИА – «быть сокровищницей исторических материалов, открытой для исследователей, пишущих о русской революции». Я. Славик писал, что, несмотря на разочарование исследователей, архив должен собирать и охранять документы от возможной гибели и не предпринимать ничего, что могло бы нанести ущерб их сохранности и собирательной работе. Главное, фондообразователи должны быть уверены, что их бумаги ни при каких обстоятельствах не должны стать «предметом политического злоупотребления»¹⁰⁹⁶. Когда в середине 1920-х гг. РЗИА вел переговоры о приобретении и обширного собрания Н.В. Чайковского, то архивное руководство подчеркивало, что полученные документы могут быть использованы только для изучения биографии видного революционера, и только в необходимых для этого пределах. Снятие копий с материалов фонда допускалось лишь «для составления биографий без права их использования для другой цели, отчуждения или опубликования»¹⁰⁹⁷.

Жесткие правила сильно затрудняли работу исследователей, лишая их возможности пользоваться необходимыми документами.

Б.И. Николаевский с горечью сетовал: «Относительно приезда в Прагу де-

¹⁰⁹⁵ Отдел документов Русского заграничного исторического архива в Праге. С. 4.

¹⁰⁹⁶ Славик Я. Предисловие // Библиографии русской революции и гражданской войны (1917–1921): из каталога библиотеки Русского заграничного исторического архива / Сост. С.П. Постников; Под. ред. Я. Славика. Прага, 1938. С. XII.

¹⁰⁹⁷ Письмо А.В. Флоровского к С.П. Мельгунову, 13 октября 1926 г. // British Library of Political and Economic Science, Archives Division, Melgunov Collection, Correspondence.

ло очень сомнительное. Прежде всего у меня трудно с деньгами, и собраться в поездку нелегко. Я мог бы на нее пойти, если бы был уверен, что получу возможность поработать над архивными материалами, но этого ведь нет, у меня складывается убеждение, что меня пускать к работе не хотят...»¹⁰⁹⁸ Причем вопреки официальному запрету пользоваться документами по истории революции и Гражданской войны, он распространялся и на документы более ранних эпох. Все тот же Б.И. Николаевский, получивший отказ на работу с материалами 1870–1880-х гг. сожалел: «Я не совсем понимаю, какие деловые мотивы могут быть для недопуска к работе над этим старьем»¹⁰⁹⁹. Несмотря на различные ограничения, исследователи из разных стран приезжали в Прагу, чтобы поработать с документальными или печатными материалами из фондов РЗИА. Среди таковых находим, в первую очередь, имена русских ученых-эмигрантов: П.Н. Милюкова (Франция), П.Б. Струве (Югославия), А.С. Изгоева (Латвия), М.М. Карповича, Г.В. Вернадского и М.Т. Флоринского (США), Г.П. Струве (Великобритания) и некоторых других. Впрочем, источники доносят краткие свидетельства о занятиях в архиве западных русистов – Отто Хётча и Карла Штеллина из Германии, Джорджа Фроста Кеннана из США, впоследствии знаменитого дипломата времен Холодной войны¹¹⁰⁰.

Заградительные правила при использовании документов сорвали участие архива в реализации международного проекта по изданию документов А.И. Герцена, инициатором которой выступил Б.И. Николаевский. Руководство архива оставило без ответа его предложение: «Досадно, что ваши “боны” не дали положительного ответа по вопросу об использовании материалов архива Герцена. А у меня подбирается все больше и больше других герценовских материалов. Теперь нашел несколько его писем к Луи Блану

¹⁰⁹⁸ Письмо Б.И. Николаевского А.Ф. Изюмову, 14 мая 1927 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 11. Л. 17 об.

¹⁰⁹⁹ Письмо Б.И. Николаевского А.Ф. Изюмову, 13 июня 1927 г. // Там же. Л. 18 об.

¹¹⁰⁰ *Slovanské archivy Ministerstva věcí zahraničních v letech 1932–1934. S. 397–398; Slovanské archivy při Ministerstvu věcí zahraničních. S. 187.*

и одно большое и весьма важное письмо к полякам-народникам 1867 г. Думаешь ты, что решение проф[ессора] Славика окончательное? Не полагаешь ли ты, что на него можно воздействовать через чешских социалистов? У меня имеются связи с последними, и я мог бы их мобилизовать для нужного давления»¹¹⁰¹. Но Я. Славик просьбам не внял. Проект по изданию герценовских материалов так и не состоялся.

Приведем еще один показательный пример. В феврале 1935 г. в архив обратился британский историк Эдвард Карр (Edward Hallett Carr; 1892–1982), который интересовался историей русского освободительного движения XIX в.¹¹⁰² Поводом послужили обнаруженные им неточности и намеренные умолчания М.П. Драгоманова при публикации писем М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву¹¹⁰³. Поскольку Э. Карру было известно о нахождении оригиналов этих посланий в Праге, он решил написать в РЗИА, чтобы высказать свои догадки и попросить сверить текст публикации с подлинником. А.Ф. Изюмов любезно ответил ему, будучи рад такому вниманию со стороны иностранного исследователя. Тем более, что многие предположения британского историка оказались верными. А.Ф. Изюмов помог коллеге уточнить несколько фамилий, которые были скрыты при публикации, восстановить намеренно сделанные пропуски текстов¹¹⁰⁴. Э. Карр работал над биографией М.А. Бакунина, которая была призвана стать первым жизнеописанием знаменитого анархиста в зарубеж-

¹¹⁰¹ Письмо Б.И. Николаевского А.Ф. Изюмову, 25 июля 1934 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 11. Л. 50.

¹¹⁰² Э. Карр был хорошо знаком с интеллектуальной средой Зарубежной России, особенно после работы вторым секретарем британского посольства в Латвии в 1925–1929 гг. См.: *Hughes-Warrington M. Fifty Key Thinkers on History*. L. – N.Y., 2000. P. 24; *Carr E.H. An Autobiography* // *Cox M. E.H. Carr: A Critical Appraisal*. L., 2000. P. XVI–XVII.

¹¹⁰³ Имелось в виду следующее издание: Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву / Биогр. введ. и объясн. примеч. *М.П. Драгоманова*. Женева, 1896.

¹¹⁰⁴ Письмо А.Ф. Изюмова к Э. Карру, 13 февраля 1935 г. // University of Birmingham, Cadbury Research Library, Special Collections. Papers of E.H. Carr. Box 26. Correspondence; Письмо А.Ф. Изюмова к Э. Карру, 1 марта 1935 г. // *Ibid*.

ной историографии. Вышедшая в 1937 г. книга¹¹⁰⁵ будет тепло встречена рецензентами. М.М. Карпович среди ее достоинств отметит обращение к архивным материалам из Праги¹¹⁰⁶.

Хотя А.Ф. Изюмов помог британскому ученому, взаимодействие Э. Карра с РЗИА на этом завершилось. Вне всякого сомнения, у него был интерес и к другим коллекциям, но в Праге сразу дали понять, что у сотрудничества есть свои пределы. А.Ф. Изюмов писал: «Очень сожалею, что наш Архив не мог удовлетворить Вашей просьбы о пересылке документов в Лондон. Что поделаешь – у каждого учреждения есть своя логика, а, главное, свои привычки, которые не всегда могут быть логически оправданы. Чтобы сам Архив в ближайшее время обработал документы Герцена – Огарева, то здесь больших надежд не питайте. Скоро это не будет»¹¹⁰⁷.

Несмотря на осознание многими сотрудниками РЗИА важности археографической работы, отношение к ней оставалось противоречивым. С одной стороны, в Праге сосредоточились уникальные источники по российской истории, которые следовало бы ввести в научный оборот, но, с другой стороны, практическая работа с ними была крайне затруднена в силу внутренних ограничений. Отдельные ученые, и к ним, кажется, принадлежал сам Я. Славик, опасались быть втянутыми в политические споры, а потому предпочитали крайне осторожно подходить к использованию и публикации источников по российской истории рубежа XIX–XX вв., а тем более по истории революции 1917 г., Гражданской войны и эмиграции. Успешные опыты публикации документов лежали, в основном, в русле журнальной археографии. Это объяснялось не только глубокой традицией и накопленным опытом, но и чисто практическими соображениями. В условиях по-

¹¹⁰⁵ Carr E.H. Michael Bakunin. L. – N.Y., 1937.

¹¹⁰⁶ *Karpovich M.M.* Michael Bakunin. By E.H. Carr [Studies in Modern History, General Editor. L.B. Namier]. (New York: Macmillan Company. 1937. Pp. X, 501. \$6.50) // The American Historical Review. 1939. Vol. 44. № 2. P. 380.

¹¹⁰⁷ Письмо А.Ф. Изюмова к Э. Карру, 13 февраля 1935 г. // University of Birmingham, Cadbury Research Library, Special Collections. Papers of E.H. Carr. Box 26. Correspondence.

стоянной нехватки средств крайне трудно было издавать тематические сборники документов. Именно поэтому ученым приходилось прибегать к «малым формам» – публиковать документальные памятники в журналах или в качестве приложений к монографиям и коллективным трудам. Таким образом, следует признать, что археографическая деятельность РЗИА была довольно вялой и непоследовательной и причина такого положения вещей заключалась в существовании внутренних ограничений, порожденных устойчивыми стереотипами и предубеждениями.

В начале параграфа уже было сказано, что создание РЗИА стало результатом взаимодействия русских эмигрантских и чехословацких инициатив, и что вся его деятельность напрямую зависела от финансирования правительством республики. Также уже упоминалось имя чешского историка Я. Славика, который принимал участие в работе с РЗИА почти с момента его создания. На его фигуре следует остановиться более детально, поскольку сквозь призму его взаимоотношений с РЗИА раскрываются важные аспекты функционирования архива в чехословацком административном и интеллектуальном пространстве.

Становление Я. Славика как ученого проходило в стенах Карлова университета, где он учился у видных профессоров-историков Йозефа Пекаржа, Ярослава Бидло и Ярослава Голла. Последний и стал его главным научным наставником. В студенческие годы, Я. Славик увлекся российской тематикой и начал изучать русский язык. Профессор Голл, обнаружив интерес студента, предложил ему написать работу о взаимоотношениях Габсбургов с Россией в XVI в. В итоге молодой и начинающий историк представил столь качественное исследование, что оно было незамедлительно напечатано в главном чешском историческом журнале рядом со статьями уже признанных ученых – Любора Нидерле, Камила Крофты, Йозефа Шусты¹¹⁰⁸. С этого момента начался путь Я. Славика в науку, который бу-

¹¹⁰⁸ *Slavík J. Habsburkové a Rusko v 16. století // Český časopis historický. 1906. Roč. XII. № 2. S. 169–177. № 3. S. 312–334. № 4. S. 447–467.*

дет неразрывно связан с глубоким интересом к России. Пройдет еще немало времени, и он станет едва ли не первым европейским ученым, кто сделает своей целью научное изучение русской революции и партии большевиков.

Я. Славик никогда не стоял в авангарде официальной чехословацкой науки. Более того, его отношения с коллегами нередко носили конфронтационный характер. Правда ему симпатизировал профессор К. Крофта, который помимо того, что был крупным историком, занимал высокие государственные посты, побывав даже министром иностранных дел¹¹⁰⁹. Славикку было свойственно специфическое отношение к ученой карьере: она никогда не была для него самоцелью. Его идеалом было свободное научное творчество, не подчиненное административным формальностям, а потому однажды он отозвал свое заявление на получение звания доцента и никогда после этого не пытался добиться его. Долгое время Славик находился на службе в Министерстве народного просвещения и в этом качестве преподавал в гимназии в пражском районе Винограды.

Новаторство Я. Славика как ученого заключалось в его ориентации на изучение новейшей истории, на осмысление современных процессов в широком историческом контексте. Многие его старшие коллеги были убеждены, что заниматься современностью вообще невозможно, в первую очередь из-за недоступности первоисточников. Славик же на протяжении всей жизни будет пытаться развеять эти предубеждения, скрупулезно анализируя разные документы и материалы новейшего времени и расширяя источниковую базу. Вдобавок, в ходе своих исследований он применит метод, который бы сегодня назвали включенным наблюдением. Он трижды посетит Советский Союз (в 1926, 1927 и 1932 гг.), побывав при этом не только в Москве и Ленинграде, но также в Нижнем Новгороде, Харькове и Киеве.

¹¹⁰⁹ Видимо, именно с протекции К. Крофты Я. Славик начал работу в РЗИА.

Результаты своих поездок он будет тщательно документировать, выпуская после каждой из них небольшую книгу путевых заметок¹¹¹⁰.

Смелость научных подходов и новизна исследуемых тем объяснялась в первую очередь хорошей методологической подготовкой Я. Славика. Он не был позитивистом, подобно многим историкам старшего поколения, и проявлял глубокий интерес к новым теоретическим концепциям. Так, еще в студенческие годы он с большим вниманием ознакомился с трудами Макса Вебера, Бенедетто Кроче, Вильгельма Дильтея¹¹¹¹. Не обошел он тогда стороной сочинения Карла Маркса и Фридриха Энгельса, которые впоследствии помогут ему в изучении идеологии большевизма. Потому Славик критически оценивал работы некоторых своих учителей, например Я. Бидло, твердо стоявшего на позициях фактографии, и сводившего историю славянства к истории государств, народов и культур¹¹¹².

Ян Славик был чужд безоглядного русофильства в духе консервативного политика и первого премьер-министра независимой Чехословакии К. Крамаржа, но Славик был также равноудален от левых, которые превозносили Советский Союз. Не будем забывать, что чехословацкая культура 1920–1930-х гг. испытала сильное влияние коммунистических идей. Отсюда вытекало огромное увлечение интеллектуалов русской революцией. Правда, оно носило скорее «поверхностно-эстетический характер как демонстрация своего перманентного экзистенциального бунта, тем более что правда о событиях в России была малодоступна, а сама русская революция рассматривалась в абстрактных категориях борьбы за справедливость,

¹¹¹⁰ *Slavík J.* Co jsem viděl v Sovětském Rusku. Praha, 1926; Eadem. Po druhé v sovětském Rusku. Praha, 1927; Eadem. Po třetí v Sovětském Rusku. Praha, 1932. Обзор путешествий Я. Славика в СССР см. в статье: *Bouček J.* Tři cesty Jana Slavíka do SSSR // *Slovanský přehled*. 2000. Roč. 86. № 4. S. 441–447.

¹¹¹¹ *Havelka M.* Max Weber ve sporu o smysl českých dějin aneb o Slavíkově čtení novokantovské metodologie věd o kultuře // *Život plný střetů: Dílo a odkaz historika Jana Slavíka (1885–1978)*. Praha, 2009. S. 97–108.

¹¹¹² *Сладек З.* Ян Славик и его «история русской революции» // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике*. Прага, 1996. Т. II. С. 52.

правду, гуманизм, против капиталистической и любой другой эксплуатации»¹¹¹³.

Идеалом Славика была строгая научность и попытка очистить современную историю от политических наслоений, деидеологизировать ее изучение. По справедливому замечанию исследователей, он «однозначно отвергал схематическо-идеологический подход, независимо от того, был ли он присущ политикам правой или левой ориентации, но осуждал и поверхностную фактографию»¹¹¹⁴. Конечно, Славик испытал на себе влияние еще царивших во времена его юности идей славянской взаимности и, кроме того, набравшего популярность социализма. Но эти идеи были им переосмыслены критически. Безусловным авторитетом для Славика был президент Т. Масарик. В 1919 г. как раз вышел первый том чешского издания его нашумевшего труда «Россия и Европа»¹¹¹⁵, увидевшего свет по-немецки в 1913 г. От Масарика он усвоил идею непрерывности русской истории, которая привела к осознанию, что 1917 год отнюдь не является непробиваемой стеной, разделившей разные эпохи. Для него также был важен масариковский отказ от славянофильских грез, позволивший перейти к политическому реализму. Масарик критически относился к современной России, но высоко ценил ее культурный потенциал и верил в ее возможности. Ян Славик разделял представления президента-философа об отсталости России. Однако этот тезис нельзя понимать буквально. И для Масарика, и для Славика отсталость не подразумевала неполноценности, не служила для оправдания идеи превосходства Европы. Если обратиться к воззрениям Я. Славика, то мы ясно увидим, что он говорил о социальном и экономическом запаздывании развития России. Он считал, что специфика русской истории состояла в том, что колонизация и территориальное расширение по-

¹¹¹³ Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории / Отв. ред. В.В. Марьина. М., 2005. Т. 1. С. 287.

¹¹¹⁴ Сладек З. Указ. соч. С. 53.

¹¹¹⁵ Masaryk T. Rusko a Evropa: studie o duchovních proudech v Rusku. Díl I: K ruské filosofii dějin a náboženství: sociologické skizzy. Sv. 1. Praha, 1919

требовали слишком больших сил и затрат. В стране не сложилась городская, буржуазная культура, не сформировался подлинный капитализм. Царский абсолютизм отнюдь не был причиной отсталости России; иной политический строй в имевшихся обстоятельствах просто не мог сложиться. Потому для многих прогрессивных общественных и политических деятелей России столь желанной была идея модернизации. Революция 1917 г. как раз служила для Яна Славика показательной попыткой преодоления отсталости.

В 1927 г. в Прагу вышла его книга «Смысл русской революции»¹¹¹⁶, в которой он в концентрированной форме выразил свое отношение к событиям 1917 г. в России. Они воспринимались им как одни из самых значимых социальных потрясений в мировой истории со всеми положительными и отрицательными последствиями. Революция принесла освобождение огромным народным массам, пробудила гражданское сознание, дала возможность резко подняться вверх по социальной лестнице. Эти идеи историк будет развивать во всех последующих работах.

Революцию Ян Славик расценивал как важный шаг на пути к современному государству. В чем виделась ему ликвидация отсталости? В улучшении работы общественных институтов, демократизации политической жизни, развитии гражданского сознания, подъеме производительности экономики¹¹¹⁷. Славик любил сравнивать Петра Великого с В.И. Лениным. Чехословацкий историк подчеркивал, что Россия «под красным флагом успешно покончила со Средневековьем»¹¹¹⁸. При этом он усмотрел определенное родство царизма и большевизма, которое виделось ему в широком приме-

¹¹¹⁶ *Slavík J.* Smysl ruské revoluce: úvahy a kritiky. Praha, 1927.

¹¹¹⁷ *Доспичиш Д.В.* Фигура В.И. Ленина в исследованиях Яна Славика // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2010. № 1. С. 221.

¹¹¹⁸ *Veber V.* Veber V. Ruská revoluce a Sovětské Rusko pohledem Jana Slavíka // *Život plný střetů: Dílo a odkaz historika Jana Slavíka (1885–1978)* / Sest. L. Babka a P. Roubal. Praha: Pavel Mervart – Národní knihovna ČR – Slovanská knihovna, 2009. S. 165; *Harbul'ová L.* V.I. Lenin z pohľadu Jana Slavíka // *Život plný střetů: Dílo a odkaz historika Jana Slavíka (1885–1978)*. Praha, 2009. S. 159; *Доспичиш Д.В.* Указ. соч. С. 219.

нении насильственных практик, разного рода форм подчинения человека государству. Но это родство выводилось не из властных устремлений большевиков и самого Ленина, а из уровня социальных отношений¹¹¹⁹. Тут нужно сделать важное уточнение. Ян Славик всегда обращал внимание на догматическое понимание марксизма большевиками и особенно их лидером. В понимании историка советский социализм никогда не был социализмом марксистского толка. Сталинизм означал для него возврат к царским формам деспотизма, который был лишь замаскирован под социализм. Возвышение И.В. Сталина он считал вполне закономерным явлением, вызванным постепенным отходом от идей революционности. Славик разделял троцкистскую критику советской бюрократии, но при этом ставил под сомнение способность Л.Д. Троцкого победить ее, встань он во главе государства.

Славик исходил из мысли, что природа власти определяется характером социального и культурного развития страны. Поэтому идея демократической республики, провозглашенная в феврале 1917 г., была обречена. Предреволюционная Россия воспринималась Славиком как страна контрастов. В ней была политически зрелая интеллигенция, относительно хорошо организованный сегмент рабочего класса и масса неграмотного, в своем большинстве, крестьянства. В этих условиях страна была обречена на диктатуру меньшинства, predeterminedенную неразвитостью демократических институтов. Потому большевики стали использовать царистские практики управления. При этом провозглашенное ими строительство социализма все же служило целям преодоления российской отсталости. Эти попытки Ян Славик однозначно приветствовал, видя в них путь к постепенному преобразованию страны. Правда, ему претил террор, установившийся в СССР. Но жесткость большевистского режима он опять же объяснял социальной неразвитостью. Будучи противником антидемократических методов управления, он был убежден, что нельзя отрицать явных успехов СССР, напри-

¹¹¹⁹ Сладек З. Указ. соч. С. 54.

мер, в деле ликвидации имущественного и социального неравенства, безграмотности, в росте социальной мобильности.

Славик надеялся, что советский режим постепенно будет эволюционировать в сторону демократии. Он был убежден, что каков бы ни был исход большевистского эксперимента, революция 1917 года, вызванная вполне объективными причинами, оставит позитивное влияние на Россию. Интересно, что Славик ясно видел ее благодатное воздействие и на внешний мир. Он полагал, что опыт российской революции заставит западные правительства больше внимания уделять положению беднейших слоев населения, повышать уровень благосостояния и возможностей, развивать демократические институты.

Стремление к объективному подходу в изучении русской революции встречало неодобрительное ворчание многих эмигрантов, и по этому поводу Ян Славик иронично писал: «Приверженцев Советской России явно не устраивает, что мы отстаиваем критический взгляд на современную русскую революцию. Они хотят, что мы пели о ней хвалебные оды. С другой стороны, для многих русских эмигрантов от “Славянского обозрения” (редактируемый Яном Славиком журнал – *М.К.*) веет большевизмом. Потому что мы не рассматриваем всех большевиков как негодяев и фанатичных идиотов, мы для них простаки, которые не понимают и не могут понять Россию»¹¹²⁰. И, действительно, русские эмигранты нередко обвиняли Яна Славика в просоветских симпатиях¹¹²¹.

31 марта 1928 г. было принято соглашение о передаче РЗИА Министерству иностранных дел. Л.И. Петрушева показала, что такое решение было крайне негативно встречено русскими. В.Л. Бурцев в письме к В.Я. Гуревичу писал, что «чехи сходят с ума и хотят что-то сделать несуразное с архивом», а В.Я. Гуревич, в свою очередь, призывал всех русских

¹¹²⁰ Цит. по: *Bubeníková M. Jan Slavík a ruská emigrace v Československu // Život plný střetů: Dílo a odkaz historika Jana Slavíka (1885–1978). Praha, 2009. S. 216.*

¹¹²¹ *Chinyeva E. Russians outside Russia: The Émigré Community in Czechoslovakia, 1918–1938. München, 2001. P. 238–241*

сотрудников РЗИА уволиться¹¹²². Душевный мотив понятен – они считали архив русским, были твердо убеждены, что он должен вернуться в Россию¹¹²³. Удивительно же то, что никто из русских не задумывался над очевидным фактом – вся работа велась за счет иностранного финансирования и согласно иностранному законодательству. Впрочем, распоряжаться чужими деньгами для многих легче, чем своими. Хотя решение вызвало острое недовольство в эмигрантских кругах, оно было единственным возможным в сложившихся обстоятельствах. Л.И. Петрушева справедливо отмечает, что начинался новый этап «Русской акции», связанный с резким сокращением финансирования эмиграции. В новых условиях взятие РЗИА под прямой правительственный контроль было оптимальным решением для продолжения его работы¹¹²⁴. 27 апреля 1928 г. Совет архива выработал проект нового Положения. Согласно ему руководство, надзор и контроль принадлежат Уполномоченному Министерству иностранных дел, а руководство научно-архивной деятельностью – Совету архива. В тот же день были проведены выборы председателя Совета. Им стал А.А. Кизеветтер, его заместителем – В.Г. Архангельский. В новый состав Ученой комиссии вошли В.Г. Архангельский, Н.И. Астров, А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, Е.Ф. Шмурло, Г.И. Шрейдер. Учеными экспертами стали А.Ф. Изюмов, В.А. Мякотин и В.В. Чернавин. Уполномоченным от министерства был назначен Я. Славик. 15 мая 1928 г. управляющим архивом был избран В.Г. Архангельский. Так сформировался новый состав архив-

¹¹²² *Петрушева Л.И.* Русский заграничный исторический архив и ученые-эмигранты в Чехословакии // *Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. Сборник статей / Отв. ред. М.Ю. Досталь.* М., 2008. С. 137.

¹¹²³ Так в письме князю Д.Д. Оболенскому в Ниццу руководство архива сообщало: «В случае возникновения вопроса о передаче Р.З.И. Архива в Россию, М.И.Д. осуществит эту передачу лишь при наличии прекращения власти и диктатуры коммунистической партии и при наступлении и утверждении в России режима, обеспечивающего правовой порядок, свободу личности, общественной самодеятельности и возможности для нынешней эмиграции легального возвращения в Россию» (Копия письма Правления РЗИА князю Д.Д. Оболенскому, 23 августа 1929 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor.* A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIII. D.D. Obolenskij).

¹¹²⁴ *Петрушева Л.И.* Русский заграничный исторический архив и ученые-эмигранты в Чехословакии. С. 136.

ного правления¹¹²⁵. До реформы 1928 г. активная роль принадлежала Совету, который руководил всей научно-архивной работой и контролировал расходование средств через избираемого Управляющего. Теперь Совет и Ученая комиссия превратились во вспомогательные органы. Задача Совета свелась к созданию и поддержанию авторитета архива, определению научной ценности документов, сбору материалов, выдаче заключений для исследователей¹¹²⁶.

С начала 1930-х гг. архив переживал нелегкие времена. Русская эмиграция ощутила на себе последствия мирового экономического кризиса, которые выразились в резком сокращении материальной поддержки со стороны чехословацкого правительства. Едва ли не более серьезным ударом стал уход из жизни в первой половине 1930-х гг. нескольких сотрудников архива. 9 января 1933 г. скончался председатель Совета архива и Ученой комиссии А.А. Кизеветтер. На посту главы Совета его сменил С.В. Завадский, но и он вскоре скончался (2 июля 1935 г.). В тот же период умерли Е.Ф. Шмурло, Н.И. Астров, Б.А. Евреинов, И.И. Калюжный.

В конце 1933 г. министерством иностранных дел Чехословакии был подготовлен новый архивный статут. Согласно ему вводилась должность директора, которую с 1 января 1934 г. занял Я. Славик, а его заместителем стал А.Ф. Изюмов¹¹²⁷. Назначение имело для Славика несколько практических последствий. Он мог полностью сосредоточиться на научной работе и избавило от необходимости преподавания в гимназии на Виноградах. И, главное, если бы Славик не стал директором архива, вряд ли он мог бы получить столь широкий доступ к его материалам. В конце концов, он оказался единственным чехословацким историком, кто занимался новейшей российской историей и обратился для этого к архивным фондам. Славик с энтузиазмом взялся за комплектование фондов и библиотеки. Однако обра-

¹¹²⁵ Русские в Праге. С. 43.

¹¹²⁶ Русский заграничный исторический архив при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики в 1936 году. С. 4.

¹¹²⁷ Slované archiv Ministerstva věcí zahraničních v letech 1932–1934. S. 398–399.

тим внимание на интересный факт, установленный чешским исследователем Лукашем Бабкой: подпись Я. Славика редко можно встретить в официальной документации архива 1930-х гг. И это при той неумолимой энергии, с которой он публиковал свои работы, выступал на радио. Л. Бабка рискнул предположить, что Славик-исследователь все же перевешивал Славика-директора¹¹²⁸. Обратим внимание, что Я. Славик как раз завершал работу над научной биографией В.И. Ленина.

В 1934 г. он выпустил объемную биографическую книгу о Ленине¹¹²⁹, в которой уделил много места анализу его личностных характеристик. По отзыву критика, эта книга не являлась обыкновенной биографией, но ставила своей задачей указать, «как возникло и кристаллизовалось понимание русской революции у Ленина, как Ленин создавал свою когорту революционеров-профессионалов, как при их помощи он попытался осуществить свою идею революции...»¹¹³⁰ Многие современники, оппонировавшие большевикам, пытались продемонстрировать ленинскую жажду власти, его нетерпимость к противникам, проявлявшие себя еще в детстве и юности будущего политика. Для Славика же вырисовывалась более пестрая картина. Он не пытался намеренно искать демонические черты в характере Ленина. Славик соглашался, что герой его книги, действительно, всегда проявлял упрямство и последовательность на пути к своей цели, но при этом он готов был менять свою стратегию и тактику, когда этого требовали обстоятельства. Поэтому Ленин был не кровавым маньяком, а беспринципным макиавеллистом. Славик обратил внимание на специфику ленинского понимания марксизма, воспринятого им как догма. Как и в предшествующих работах, Славик выразил в новой книге критическое отношение к большевикам, но отметил, что им удалось достичь немалых успехов в социальном и культурном развитии. Историк полагал, что «если после бурь, разруше-

¹¹²⁸ Babka L. Op. cit. S. 230.

¹¹²⁹ Slavík J. Lenin. Praha, 1934.

¹¹³⁰ Чейхан В. Чехословацкая историческая литература в 1934 году // Центральная Европа. Прага, 1935. № 4. С. 223.

ний и насильственного строительства социализма Россия будет избавлена от всего того, что делало царскую империю косной, темной и слабой, В.И. Ленин станет самой большой фигурой в русской истории»¹¹³¹. Громадность изменений вновь приводила Славика к мысли о сравнении Ленина с Петром Великим, а выдвинутая большевиками идея «догнать и перегнать» Европу рассматривалась как тождественная петровской модернизации¹¹³². В конце книги Славик назвал развитие Советской России неустойчивым и заметил, что от того, какое направление развития она выберет, «будет зависеть историческая оценка Владимира Ульянова-Ленина»¹¹³³.

В русском окружении архивных сотрудников Я. Славик бы единственным чехом. Некоторые эмигранты ворчали, что «их» архив управляется назначенным «иностранцем». Он считали собрание исключительно своим детищем и не хотели брать во внимание его юридическую подчиненность чехословацкому правительству. Л. Бабка обратил внимание на разное понимание задач архива эмигрантами и Я. Славиком. Если первые видели в нем священное хранилище русских культурных ценностей, то директор рассматривал коллекции как незаменимый источник по российской истории, как важнейший и уникальный информационный ресурс. При этом в основу своей работы Я. Славик стремился положить принципы беспристрастности и аполитичности.

Примечательно, что уже в первый год директорства Я. Славика в помещении Городской библиотеки Праги была организована большая архивная выставка, призванная продемонстрировать богатства РЗИА. В центре нее были материалы, поступившие в Чехословакию с Дальнего Востока, что уже само по себе подкупало европейского зрителя дальней географической экзотикой. Вниманию были представлены документы, фотографии, книги и газеты, связанные с российским присутствием в регионе с конца XIX в. по

¹¹³¹ *Slavík J. Lenin. S. 357.*

¹¹³² *Ibid. S. 358–359.*

¹¹³³ *Ibid. S. 359.*

настоящее время. Румынская газета «Ероса» отмечала высокую объективность экспозиции¹¹³⁴. На ней были представлены официальные документы российских правительственных кругов времен Русско-японской войны, одновременно с ними – материалы о пораженческой пропаганде русских социалистов. Изюминкой выставки стали документы и печатные издания о революции и Гражданской войне, причем отражающие разные противоборствующие стороны. В газетной заметке говорилось, что представленные экспонаты дают хорошее представление об истории Маньчжурии, о русско-китайских и русско-японских отношениях, о влиянии русской культуры на Азию. Важны они и в нынешнем международном положении – на фоне японского экспансионизма¹¹³⁵.

Взаимное непонимание между Я. Славиком и эмигрантами порой приводило к тому, что директор сталкивался с фактами саботажа своих распоряжений. 15 декабря 1934 г. Министерство иностранных дел направило в Ученый совет Русского заграничного исторического архива меморандум, в котором выражало поддержку директору в его борьбе с растущими попытками Совета добиться права отменять любое директорское решение¹¹³⁶. И все же не будем преувеличивать конфликтность ситуации. В лице рядовых сотрудников архива Я. Славик встретил прекрасных специалистов и надежных помощников. Историк всегда сочувственно относился к русской эмиграции, подчеркивая феномен экзистенциальной трагедии изгнания. В 1936 г. он полемизировал со Зденеком Неедлы, который на страницах левого журнала «Прага – Москва» утверждал, что на мероприятии в честь советских ученых и деятелей культуры ни в коем случае нельзя давать слово эмигрантам. Славик, несмотря на противоречия с отдельными эмигрантскими деятелями или несогласие с концепциями некоторых русских ученых, старался с пониманием относиться к русским изгнанникам. Он вни-

¹¹³⁴ O interesantă expoziția la Praga // Erosa. București, 1934. 13 Octombrie. № 1717. P. 3.

¹¹³⁵ Ibid.

¹¹³⁶ Babka L. Op cit. S. 231.

мательно следил за творчеством ученых-эмигрантов и регулярно публиковал рецензии, например на исследования Н.В. Ястребова, А.А. Кизеветтера, А.В. Флоровского, С.Н. Прокоповича и др. Особенно он ценил работы С.Н. Прокоповича, видя в них пример беспристрастного анализа советской действительности. Милуша Бубеникова верно заметила, что взаимоотношения Я. Славика с русской эмиграцией и с Россией в целом фокусировались в трех главных областях: его работе в Русском заграничном историческом архиве, участии в мероприятиях, организованных эмигрантскими и чехословацкими учреждениями, и публикации научных и публицистических работ на российскую тематику¹¹³⁷.

В директорство Славика архив, несмотря на финансовые трудности, расширялся. В 1934 г. в его состав на правах автономных отделений вошли Донской казачий архив¹¹³⁸, Украинский исторический кабинет и Белорусский заграничный архив. Русский заграничный исторический архив пополнился огромным количеством уникальных документов – архивом редакции сборника «Архив русской революции»; документами Уссурийской конной дивизии; личными архивами князя Н.С. Трубецкого, А.И. Деникина, А.И. Гучкова, Б.В. Савинкова, И.А. Якушева, М.С. Маргулиеса, И.В. Гессена, письмами генерала М.Д. Скобелева; документами русского посольства в Копенгагене, фотографиями штаба Юго-Западного фронта, документами Главного комитета Союза городов; документами о службе в тайном отделении полиции социалиста-революционера Хавкина; протоколами Особого совещания и журналами

¹¹³⁷ *Bubeniková M.* Op. cit. S. 211.

¹¹³⁸ Его основу составляли документы, эвакуированные зимой 1919 г. из Новочеркасска, а затем в марте 1920 г. перевезенные из Новороссийска в Константинополь. Они рассказывали об истории Войска Донского до 1917 г., о Гражданской войне на Юге России, о жизни казаков в эмиграции. В Константинополе архив разместился в летней резиденции российского посольства в Буюк-Дере, где был проведен его предварительный разбор. В 1921 г. документы были перевезены в Белград, а в начале 1925 г. – в Прагу. Там был произведен полноценный разбор документов и их научное описание. В этом была огромная заслуга заведующего архивом П.А. Скачкова, который руководил им вплоть до своей смерти в 1936 г. (*Slovanské archivy v Praze*. S. 144.)

Верховного командования; собранием А.А. Савинского, русского посланника в Софии во время мировой войны; научным архивом Е.Ф. Шмурло, материалами из русских консульских архивов в Германии и прочими¹¹³⁹.

Одними из самых ценных материалов, приобретенных архивом в 1930-е гг., стали документы, связанные с жизнью и деятельностью А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Судьба этих бумаг была похожа на приключенческую историю, в которую оказались вплетены русская, болгарская и швейцарская линии. После смерти А.И. Герцена хранителем его личного архива стал сын Александр (1839–1906), профессор физиологии, работавший во Флоренции, а затем в Лозанне, и перевезший туда бумаги отца. После смерти Н.П. Огарева в 1877 г. его документы также осели в Швейцарии, куда их вывезла из Англии дочь А.И. Герцена Наталья. Но целостность коллекции была вскоре нарушена. Наследникам П.-Ж. Прудона, Л. Блана и А. Саффи в ответ на настойчивые просьбы была возвращена переписка их революционных предков с А.И. Герценом, было утеряно собрание писем А.И. Герцену известных современников: Л. Кошута, К. Шурца, Т. Карлейля, Д. Клапки и др.

Сам А.А. Герцен считал все материалы своего отца национальным достоянием. И поэтому в середине 1890-х гг. он начал частично передавать его бумаги в Москву в Румянцевский музей. Почти все они касались литературной деятельности А.И. Герцена и не затрагивали истории освободительного движения. По-видимому, А.А. Герцен побоялся передавать такие материалы в Россию, оправданно полагая, что они будут использованы полицией. В то же самое время в начале 1880-х гг. живой интерес к герценовским материалам проявил М.П. Драгоманов, живший в ту пору в Женеве. Видный украинский историк с большим уважением относился к фигуре

¹¹³⁹ Zpráva o činnosti Ruského zahraničního historického archivu při Ministerstvu věcí zahraničních a Ústavů přidružených za rok 1935 // Ročenka Slovanského Ústavu. Sv. VIII za rok 1935. Praha, 1936. S. 167–168; Slovanské archivy při Ministerstvu věcí zahraničních // Ročenka Slovanského Ústavu. Sv. IX za rok 1936. Praha, 1937. S. 184–185; Výroční zpráva slovanských archivů Ministerstva věcí zahraničních // Ročenka Slovanského Ústavu. Sv. X za rok 1937. Praha, 1938. S. 245–247.

А.И. Герцена, несмотря на некоторые теоретические расхождения с ним. По сути, А.И. Герцен был единственным человеком в русском революционном движении, к гуманизму и либерализму которого М.П. Драгоманов относился с полным доверием¹¹⁴⁰. Он обратился к А.А. Герцену с предложением издать бумаги его отца. Эта идея нашла поддержку, и вскоре значительная часть герценовского архива была передана историку. М.П. Драгоманов поставил своей задачей публикацию эпистолярного наследия А.И. Герцена и Н.П. Огарева¹¹⁴¹. В 1881–1883 гг. он издал в жене-невском журнале «Вольное слово» письма И.С. Аксакова, Б.Н. Чичерина и подготовил к печати серию писем К.Д. Кавелина, И.С. Тургенева и М.А. Бакунина к А.И. Герцену¹¹⁴². М.П. Драгоманов скоропостижно скончался в 1895 г. в Болгарии, не успев завершить свою работу. Часть документов вернулась к А.А. Герцену и была им впоследствии передана в Румынцевский музей. Большая же часть архива оказалась в Софии в руках Л.М. Драгомановой, дочери украинского ученого, вышедшей замуж болгарина Ивана Димитрова Шишманова (1862–1928), историка и дипломата, впоследствии – болгарского посла в Киеве при гетмане П.П. Скоропадском в 1918–1919 гг. В 1932 г. Л.М. Драгоманова-Шишманова передала личные документы своего отца в Варшаву, куда, очевидно, попала и часть рукописей А.И. Герцена и Н.П. Огарева¹¹⁴³. Судьба этих бумаг неизвестна, но,

¹¹⁴⁰ См.: *Rudnytsky I. L. Dragomanov as a Political Theorist // Essays in Modern Ukrainian History. Edmonton, 1987. P. 203–253.*

¹¹⁴¹ М.П. Драгоманов писал 22 февраля 1888 г. И. Я. Франко: «Никак нельзя отложить работу над корреспонденцией старого Герцена, которую передал мне его сын. На первую долю пошли письма Огарева с 1833 до 1848, страшно интересный материал... Дни и ночи проводим мы с женой над этими письмами...» (Листування Івана Франка та Михайла Драгоманова. Львів, 2006. С. 275).

¹¹⁴² Из бумаг редакции «Колокола» // Вольное слово. 1883. № 54–56, 59–62; И.С. Тургенев и политическая агитация в России в 1862 году (Письма И.С. Тургенева к А.И. Герцену с замечаниями М.П. Драгоманова // Свободная Россия. 1889. № 3; Письма К.Д. Кавелина и И.С. Тургенева к А.И. Герцену. Женева, 1892.

¹¹⁴³ От редакции // Литературное наследство. Т. 61: Герцен и Огарев. I. М., 1953. С. 1–2.

можно предположить, что они безвозвратно погибли во время Второй мировой войны¹¹⁴⁴.

Герценовские материалы попали в поле зрения представителей РЗИА еще в конце 1920-х гг. Известно, что в ноябре 1929 г. профессор В.А. Мякотин, живший в Софии, но поддерживающий с Прагой регулярные контакты, провел обследование бумаг у Л.М. Драгомановой-Шишмановой¹¹⁴⁵. Тогда же в Чехословакию была отправлена первичная опись документов¹¹⁴⁶. Но только в конце 1932 г. его сотрудники при посредничестве В.А. Мякотина и чехословацкого посла в Болгарии П. Максы (который, как уже было показано, изначально благоволил деятельности РЗИА) приобрели у Л.М. Драгомановой-Шишмановой архив ее отца за 24.000 крон¹¹⁴⁷. Герценовская коллекция РЗИА пополнилась весной 1937 г., когда после смерти

¹¹⁴⁴ В конце 1930-х гг. Украинский научный институт в Варшаве предпринял публикацию части архива М.П. Драгоманова. Предполагалось издать несколько томов, но до начала Второй мировой войны успел выйти в свет только один из них. См.: Архів Михайла Драгоманова. Т. 1: Листування Київської старої громади з М. Драгомановим (1870 – 1895 р.р.). Варшава, 1938. Он включал в себя публикацию переписки М.П. Драгоманова с Б. В. и В. И. Антоновичами, Т.Г. Лебединцевым, О.Ф. Кистяковским, М.В. Лисенко и др. украинскими национальными деятелями. Герценовские материалы в этот том не вошли, хотя в самих письмах имя русского революционера упоминается не раз (С. 168, 268, 271, 272, 305, 383, 402). Имя А.И. Герцена многократно встречается и в недавно опубликованной переписке М.П. Драгоманова с И.Я. Франко, что еще раз свидетельствует о его внимании к личностям и идеям русского революционера (Листування Івана Франка та Михайла Драгоманова. С. 9, 17, 31, 32, 42, 275, 312, 349, 449, 508).

¹¹⁴⁵ Dopis velvyslanectví ČSR v Bulharsku Ministerstvu zahraničních věcí, 12. února 1930 // Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. II. Sekce (politická). III. Řada. Kart. 215a.

¹¹⁴⁶ Dopis velvyslanectví ČSR v Bulharsku Ministerstvu zahraničních věcí, 12. listopadu 1929 // Ibid.

¹¹⁴⁷ Однако в Прагу были переданы не все материалы. Часть из них оставалась в Софии в собрании И. Шишманова, которое после его смерти было передано на хранение в Болгарскую академию наук и долгое время оставалось научно невостребованным. Только в 1953 г. после публикации первого тома материалов А.И. Герцена и Н.П. Огарева в сборнике «Литературное наследство» (М., 1953. Т. 61) болгарский ученый П. Миятев подготовил статью с описанием герценовской коллекции. Президиум Болгарской академии наук решил подарить эти материалы СССР, и в начале 1954 г. они были перевезены в Москву.

старшей дочери А.И. Герцена – Н.А. Герцен, – хранившиеся у нее документы были переданы в Прагу¹¹⁴⁸.

Таким образом, к концу 1930-х гг. в чехословацкой столице была собрана внушительная коллекция герценовских материалов. Тем не менее, пражское собрание никогда не было всеобъемлющим. Оно включало в себя остатки личного архива самого А.И. Герцена, собранную после его смерти коллекцию писем к детям, комплекс писем 1860-х гг. А.И. Герцена к Н.П. Огареву, бумаги Н.А. Герцен, архив М.К. Рейхель, рукописи М.А. Бакунина и других лиц из окружения А.И. Герцена и Н.П. Огарева, коллекцию портретов, фотографий, семейных реликвий¹¹⁴⁹. Самой ценной частью были рукописи А.И. Герцена и огромный массив его корреспонденции, содержащий часть редакционной переписки «Колокола», письма в связи с изданием романа Н.Г. Чернышевского «Пролог», письма И.С. Тургенева, М.А. Бакунина, Л.И. Мечникова, П.Л. Лаврова, А.С. Серно-Соловьевича, Н.И. Утина, В.И. Кельсиева, Ф.И. Родичева и других видных российских и зарубежных общественных деятелей.

В начале 1939 г. РЗИА был выведен из подчинения Министерства иностранных дел и передан в распоряжение Министерства внутренних дел. Ян Славик был категорически против этого шага, что привело его к острому конфликту с доктором Ярославом Прокешом, директором Архивов МВД. В итоге Славик был отстранен от работы. Он признавался: «Отрыв от Русского заграничного исторического архива был для меня действительно огромной катастрофой. Прекрасная возможность для работы была раздавлена, а вместе с ней и шанс закончить несколько трудов, над подготовкой которых я работал, но все время откладывал. Архив дал мне возможность для подлинного исследования русской революции»¹¹⁵⁰.

¹¹⁴⁸ Výroční zpráva slovanských archivů Ministerstva věcí zahraničních // Ročenka Slovanského Ústavu. Sv. X za rok 1937. Praha, 1938. S. 245.

¹¹⁴⁹ От редакции // Литературное наследство. Т. 61: Герцен и Огарев. Ч. I. М., 1953. С. 2.

¹¹⁵⁰ Цит. по: Babka L. Op. cit. S. 237.

9 марта 1939 г. был подписан приказ об отставке Славика с поста директора, отправленного теперь на пенсию по состоянию здоровья. По договоренности с новым руководством, он должен был передать преемнику свой кабинет и ключи от архивных сейфов. В назначенный день, утром 15 марта 1939 г., Ян Славик привычным путем направился к зданию архива в Тосканском дворце. Уже перед самым зданием он лицом к лицу столкнулся с вооруженным немецким мотоциклистом, который попытался что-то спросить у него. Так историк стал свидетелем вторжения гитлеровцев в Прагу и конца независимой Чехословакии.

В годы Второй мировой войны Русский заграничный исторический архив работал под наблюдением оккупационных властей. Правда и в столь непростых условиях продолжилось собирание документов. Как правило, оно происходило за счет поступления в архив документов ликвидированных организаций и умерших эмигрантских деятелей. В июне 1941 г. был арестован и отправлен в лагерь А.Ф. Изюмов. Вместо него заведующим отделом документов был назначен доктор Вацлав Чейхан¹¹⁵¹. Фонды архива подверглись изъятиям. Например, в июне 1942 г. Донской казачий архив передан в Немецкий военный архив в Праге. Конфисковано множество документов по истории русской революции 1917 года, очевидно, в поисках компромата на руководителей СССР.

К 1946 г. в архиве работало всего шесть человек – В. Пешек, А.Ф. Изюмов, Е.Ф. Максимович, Д.И. Мейснер, М. Зайцев, И. Братякин¹¹⁵². Судьба архива оказалась печальной. До сих пор до конца непонятно, у кого именно в 1945 г. созрела идея передача архивных собраний в СССР: у чехословацких коммунистов или же у самой советской стороны. Но факт остается фактом: сразу после завершения боевых действий на территории Чехословакии началась спешная подготовка по передаче пражского архи-

¹¹⁵¹ Zpráva o činnosti Ruského historického archivu, Ukrajinského historického kabinetu a Běloruského archivu v letech 1939–1946 // Ročenka Slovanského Ústavu. Sv. XII za léta 1939–1946. Praha, 1947. S. 212.

¹¹⁵² Ibid. S. 213.

ва¹¹⁵³. Непосредственное участие в этом процессе принял З. Неедлы, ставший министром народного просвещения в послевоенном коалиционном правительстве. Одним из немногих, кто открыто выступал против такого подарка советской стороне, был бывший директор архива Я. Славик¹¹⁵⁴. Он мотивировал свою позицию тем, что Прага лишится возможностей быть центром изучения русской революции. Но голос его не был услышан. Поэтому Славик в знак протеста отказался лично участвовать в передаче документов.

Формальным поводом для передачи послужил юбилей Академии наук СССР. Причем, как выяснил чешский историк В. Быстров, в официальных документах фигурировала то 150-летняя годовщина, то 200-летняя, и, наконец, 220-летняя¹¹⁵⁵. Это свидетельствовало о том, в какой спешке решалась судьба уникальных собраний. Уже скоро под агрессивным напором прибывших в Прагу советских представителей чехословацкого правительства, включая З. Неедлы, значительно поубавилась¹¹⁵⁶. Но процесс было уже не остановить, и уже 4 сентября 1945 г. была начата официальная передача архива, завершившаяся в декабре того же года. В Праге осталось лишь книжное и газетное собрание РЗИА, переданное в начале 1948 г. Министерству просвещения Чехословакии, а затем на рубеже 1948/1949 гг. поступившее в Славянскую библиотеку, где оно хранится и поныне¹¹⁵⁷. Советская сторона первоначально заявляла, что коллекции архива будут сохранены целостными и неделимыми. Но все эти обещания уже скоро были нарушены. П.К. Гримстед установила, что документы РЗИА были распылены более чем по 30 архивным хранилищам СССР¹¹⁵⁸.

¹¹⁵³ *Быстров В.* Конец Русского заграничного исторического архива // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2001/2002. Т. XXXI. С. 269.

¹¹⁵⁴ См.: *Babka L.* Op. cit. S. 237–239.

¹¹⁵⁵ *Быстров В.* Указ. соч. С. 270–271.

¹¹⁵⁶ Там же. С. 272.

¹¹⁵⁷ *Вацек Й., Бабка Л.* Голоса изгнанников: Периодическая печать эмиграции из Советской России (1918–1945). Прага, 2009. С. 24–25; *Babka L.* Op. cit. S. 240–243.

¹¹⁵⁸ *Гримстед П.К.* «Празькі архіви» у Києві та Москві: Повоєнні розшуки і вивезення еміграційної архівної українки. Київ, 2005. С. 50.

§ 2. К истории попыток российско-чехословацкого научного сближения:

Русский институт в Праге

Деятельность большого числа эмигрантских организаций лишь фрагментарно обрисована в историографии, а нередко вообще не описана. Русскому институту в этом плане повезло, кажется, менее всех других научных и просветительских учреждений. Если о Русском юридическом факультете, Русском народном университете, Русском историческом обществе, Археологическом институте имени Н.П. Кондакова уже имеется немало квалифицированных исследований, то о нем написано крайне мало, и вдобавок к этому – неполно. На это имеются объективные причины. Русский институт в Праге не стоял в авангарде интеллектуальной и культурной жизни эмиграции, хотя и занимал в ней свою особую нишу. Целостный архив организации не сохранился, о ее деятельности рассказывают обрывочные документы, разпыленные по архивам разных стран.

В середине 1960-х гг. в числе первых исследователей о Русском институте в Праге упомянула в своей статье Л.П. Лаптева¹¹⁵⁹. В ту пору она занималась изучением биографии В.А. Францева, возглавлявшего поименованную организацию с 1924 по 1938 гг. Исследуя документы из личного архива ученого, она обнаружила среди них отдельные материалы о Русском институте. Полученные сведения были довольно скудными, но все же позволили кратко обрисовать характер работы организации¹¹⁶⁰. Примем во внимание, что специальное глубокое изучение деятельности Русского института в задачи Л.П. Лаптевой не входило. В те же 1960-е гг. судьбы русских ученых-эмигрантов заинтересовали другого советского историка – В.Т. Пашуто. Он начал собирать материал для обобщающей книги, переписывался с заграничными коллегами и выезжал для работы в иностранные

¹¹⁵⁹ *Лаптева Л.П.* В.А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов. S. 79–95.

¹¹⁶⁰ Там же. С. 84.

архивы, включая пражские. В чехословацкой столице он познакомился с некоторыми представителями русской эмиграции, в том числе с филологом и историком литературы Иваном Онуфриевичем Панасом (1890–1980), который стал для него источником информации о деятельности Русского института. В.Т. Пашуто интересовало в первую очередь историографическое наследие ученых-эмигрантов, а потому в центре его внимания оказалась не столько история научной организации, сколько ее издательская, публикаторская работа. Он подготовил очерк о «Сборниках» Русского института в Праге, который, правда, был издан уже посмертно в 1992 г.¹¹⁶¹

Парадоксально, но в 1990–2000-е гг. на волне огромного интереса к истории Зарубежной России о Русском институте по-прежнему писали довольно фрагментарно, часто просто пересказывая уже известные факты¹¹⁶². Даже в авторитетных исследованиях ему уделялось незначительное место¹¹⁶³. Никто не пытался специально раскрыть роль института в эмигрантской интеллектуальной жизни. Только в 2008 г. специальный очерк о нем подготовил Ю.Н. Емельянов¹¹⁶⁴. Правда, основное внимание автор сосредоточил на изложении содержания статей из институтского «Сборника»; об истории самой организации в работе почти ничего не сказано. Судя по научному аппарату, архивные документы для написания очерка не использовались им вовсе. Несмотря на весьма подробное и аккуратное изложение содержания научных публикаций ученых-эмигрантов, в тексте Ю.Н. Емельянова содержится несколько досадных фактических ошибок. Он, например, связывает возникновение организации с «деятельностью Славяноведческого института, руководимого П.И. Новгородцевым»¹¹⁶⁵.

¹¹⁶¹ Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 60–64.

¹¹⁶² См. например: Коробкова С.Н. Русские академические организации в Праге и отечественная наука во второй половине XIX–начале XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С. 56–57.

¹¹⁶³ Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). С. 126–127; Andreyev S., Savický I. Op. cit. P. 102–103.

¹¹⁶⁴ Емельянов Ю.Н. История в изгнании: историческая периодика русской эмиграции. С. 73–95.

¹¹⁶⁵ Там же. С. 73.

Этот тезис, вероятно, возник из-за превратного толкования слов В.Т. Пашуто, который указал на связь «Сборников Русского института в Праге» с «деятельностью славяноведческого института, работа которого неотделима от имени ... Владимира Андреевича Францева»¹¹⁶⁶. Советский историк явно имел в виду Славянский институт, созданный чехословацким правительством. Никакого же эмигрантского «Славяноведческого института» во главе с П.И. Новгородцевым в Праге не существовало. Другая ошибка Ю.Н. Емельянова состоит в том, что он отнес начало работы Русского института к 1928 г. В действительности она началась в 1922 г. И последнее. В перечне директоров организации названо имя профессора А.С. Ломшакова. Он, как мы увидим в дальнейшем, принял в создании Русского института самое активное и деятельное участие, но вот его главной никогда не был. М.Г. Вандалковская, видимо также неверно трактуя слова В.Т. Пашуто, в нескольких своих работах упоминает о «Русском научном (Славяноведческом) институте», который возглавлял В.А. Францев¹¹⁶⁷. Из контекста ее повествования становится ясно, что речь здесь явно идет о Русском институте. Только вот слово «Славяноведческий» никогда не употреблялось применительно к нему, задачи организации выходили за пределы славистических штудий. В своей статье 2008 г. М.Г. Вандалковская устраняет ошибку, убрав из названия Русского института слово «Славяноведческий», но при этом почему-то прибавив к нему «имени Я.А. Коменского»¹¹⁶⁸. Этот факт действительности не соответствует, в честь великого чешского педагога было названо другое эмигрантское учреждение – Русский педагогический институт. В фундаментальной и квалифицированной монографии В.Ю. Волошиной содержится неверное

¹¹⁶⁶ Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 60.

¹¹⁶⁷ Вандалковская М.Г. Русская эмигрантская историческая наука в Чехословакии // *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939*. Praha:, 1999. S. 99; *Она же*. Русские историки-эмигранты в Чехословакии // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. М., 2005. С. 111.

¹¹⁶⁸ Вандалковская М.Г. Российские историки-эмигранты в межвоенной Чехословакии. С. 9.

утверждение, будто Русский институт в Праге прекратил свою деятельность в 1928 г. после создания Русского научного института в Белграде¹¹⁶⁹. Это утверждение ошибочно, более того, пражский и белградский институты, несмотря на схожесть названий, ставили перед собой разные задачи и имели различную организационную структуру. Данная ошибка родилась путем некритического переноса мнения чешского историка З. Сладека¹¹⁷⁰, который в своих суждениях опирался на сомнительные сведения¹¹⁷¹. Таким образом, можно засвидетельствовать, что деятельность Русского института в Праге в современной историографии остается практически неизученной. Между тем, в межвоенный период эта организация являла собой интересную попытку российско-чехословацкого научного сближения.

Еще в 1916 г. была высказана мысль о необходимости создания в Праге русского научного представительства¹¹⁷². Определенный опыт в этом направлении уже имелся. Уместно вспомнить об успешной работе Русского археологического института в Константинополе, серьезно обогатившего мировую науку, или о деятельности ученого корреспондента Императорской академии наук в Риме. Трудно, конечно, поверить, что в разгар Первой мировой войны кого-то в России могла волновать эта проблема. Но, вполне вероятно, она совпадала с внешнеполитическими задачами властей, все еще уверенных в скорой победе. Для России было важно закрепить свое влияние в славянском мире, тем более что это соответствовало русофильскому настрою многих чехов. Как показал И.В. Лемешкин, примерно

¹¹⁶⁹ Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. С. 179.

¹¹⁷⁰ Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии. С. 28–29; *Sládek Z. Ruská emigrace v Československu*. S. 6. Справедливости ради заметим, что в более поздних работах З. Сладек исправил свою ошибку. См.: *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice*. S. 319.

¹¹⁷¹ З. Сладек в своей статье 1991 г. (*Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии*. С. 28–29) ссылается на брошюру «Россия в изгнании», вышедшую в 1936 г. в Праге под псевдонимом «Белогвардеец» (*Bělogvardějec. Rusko v exilu. Praha, 1936*). При ее детальном изучении никаких упоминаний о закрытии Русского института в Праге в 1928 г. обнаружить не удалось.

¹¹⁷² Руднев В.В. Указ. соч. С. 50.

в 1910–1911 гг. возникла идея открыть в Карловом университете кафедру русской литературы или русского языка и пригласить во главу ее профессора Варшавского университета В.А. Францева¹¹⁷³. Все эти проекты осуществить было не суждено. Русское научное присутствие в Праге станет возможным лишь в связи с «Русской акцией».

Решение о создании Русского института было принято 16 октября 1922 г. на Втором съезде Русских академических организаций за границей¹¹⁷⁴. Правовед П.И. Новгородцев в своем выступлении объяснил необходимость его открытия именно в чехословацкой столице культурной близостью славянских народов: «Мы, русские, живо чувствуем наше глубокое отличие от чехов, но в то же время мы ощущаем и какую-то родственную близость к ним, какую-то кровную связь с ними. И живя здесь, мы знаем, как любят и ценят здесь русскую музыку, русскую поэзию, русскую мысль, и как от всего сердца хотят блага и счастья России. Мы знаем, что наш голос не будет здесь гласом вопиющего в пустыне»¹¹⁷⁵. П.И. Новгородцев полагал, что в будущем подобные институты могут возникнуть и в других странах. То есть, речь шла о широкой пропаганде русской культуры в мире, а потому задачи Русского института выходили за сугубо эмигрантские границы. Цель его работы заключалась в «поддержании изучения науки, искусства, литературы, права, хозяйства, истории и природных сил России»¹¹⁷⁶.

Необходимо отдать должное профессору А.С. Ломшакову, который активно поддерживал превращение Чехословакии в культурный, научный и образовательный центр Зарубежной России и, в том числе, создание Русского института. Пражский Земгор попытался заблокировать открытие Рус-

¹¹⁷³ Лемешкин И.В. Профессора Варшавского императорского университета и Прага // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 76–77.

¹¹⁷⁴ Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...»: из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 85–92.

¹¹⁷⁵ Съезды русских академических организаций за границей. 1-й съезд. 10–17 октября 1921 года. 2-й съезд. 9–16 октября 1922 года. С. 118.

¹¹⁷⁶ Второй съезд русских ученых. С. 22.

ского института, не желая помогать детищу профессора А.С. Ломшакова. Эсеры имели хорошие отношения с министерством иностранных дел Чехословакии, дабы убедить чиновников, что сами готовы взять на себя ведущую роль в изучении России. А.С. Ломшаков, также имевший обширные связи в чехословацких научных и политических кругах, сумел получить необходимые для организации института средства из неправительственных источников. Как верно заметили Е. Андреева и И. Савицкий, чехословацкие предприниматели были заинтересованы в качественной аналитике потенциального русского рынка, ведь в ту пору еще мало кто верил в долговечность большевистского режима, а, значит, надеялся на восстановление торгово-экономических контактов с новой Россией. Создание Русского института можно расценивать как первую попытку завязать деловые отношения между эмиграцией и чехословацким окружением на неполитической, беспартийной основе¹¹⁷⁷. Кажется, что и правительственная среда осознавала важность создания аналитического и консультативного центра. Президент Т. Масарик искренне верил, что сохранение интеллектуального потенциала эмиграции сможет в будущем помочь преодолению Россией отсталости и ее подлинному приобщению к европейским ценностям, прерванного революцией. Эти задачи делали необходимым научное изучение прошлого, настоящего и будущего России. В бумагах геолога Р. Кеттнера сохранилась небольшая записка, которая ясно очерчивает все эти стратегические задачи, исходившие из представлений о неразрывной связи России и славянства. Среди них, помимо знакомства чехословацкого общества с духовной и материальной культурой русского народа, обозначены выгоды торгово-промышленного сотрудничества. Россия рассматривалась как крупнейший рынок сбыта чехословацких товаров, а Чехословакии отводилась роль экономического посредника между Россией и Западом.

¹¹⁷⁷ *Andreyev C., Savický I. Op. cit. P. 102–103.*

ной Европой¹¹⁷⁸. И все же не стоит переоценивать внимание чехословацких деятелей к Русскому институту, как прежде неоправданно делал автор этих строк, и тем более сравнивать его деятельность с работой Славянского института¹¹⁷⁹. Конечно, они были заинтересованы в качественной аналитике, но вот полностью полагаться в этом вопросе на русских эмигрантов вряд ли были готовы.

Первым директором Русского института стал профессор Павел Иванович Новгородцев (1866–1924). Его фигура стала, вероятно, компромиссной, поскольку устраивала и эсеров, и либералов, и тех, кто старался держаться вне политики. Он был крупным специалистом в области философии и права, и, что важно, имел большой опыт административной работы, успешно возглавляя до революции Московский коммерческий институт¹¹⁸⁰. 18 октября 1922 г. состоялось первое заседание правления Русского института под председательством П.И. Новгородцева. В его состав вошли Н.И. Андрусов, П.Б. Струве, Н.П. Кондаков, В.А. Францев, А.С. Ломшаков, А.А. Копылов, Н.В. Ястребов, И.Д. Жуков, К.Г. Шиндлер, В.И. Исаев. Секретарями правления стали еще мало кому известные молодые ученые Г.В. Флоровский и М.А. Циммерман¹¹⁸¹. Институт изначально задумывался как полидисциплинарная научно-просветительская организация, а потому в числе его создателей мы находим философов, искусствоведов, историков, инженеров, геологов, химиков, экономистов и др. Если Дополнительные курсы при Русской учебной коллегии были призваны восполнять пробелы в знаниях студентов-эмигрантов, то задачи Русского института мыслились

¹¹⁷⁸ Ruský institut v Praze // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. F. Radim Kettner. Sign. IV. Kart. 51. Inv. č. 2712.

¹¹⁷⁹ Ковалев М.В. Русский институт в Праге в контексте российско-чешских интеллектуальных связей 1920–1930-х годов // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие / Сост. Л. Бабка и И. Золотарев. Прага, 2012. С. 141–150; *Он же*. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 180–187.

¹¹⁸⁰ Ивлева М.И., Костин П.А. Павел Иванович Новгородцев – первый директор Московского коммерческого института // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2013. № 1 (55). С. 5–10.

¹¹⁸¹ Состав Временного Правления Русского Института // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 11.

в широком просветительском ключе. Он должен был популяризировать научные знания и особенно исследования ученых-эмигрантов как в русской, так и иностранной среде. Причем главной формой презентации становились общедоступные лекции. Эти задачи во многом сближали его со «Свободными», «Народными» университетами¹¹⁸².

Поскольку создание Русского института в Праге было неодобрительно встречено в кругу эсеров, они попытались в противовес ему развивать свою научно-просветительскую инфраструктуру. По этой причине культурно-просветительская комиссия пражского Земгора резко активизировала свою работу. Еще летом 1922 г. Земгор заявил о необходимости создания в Праге Народного университета, но тогда, по словам С. Тейхмановой, на воплощение в жизнь этого проекта не нашлось средств¹¹⁸³. И все же причина, думается, была не в деньгах. Перед эсерами встала проблема с преподавательскими кадрами, о которой красноречиво говорят автобиографические заметки видного эсера П.Д. Климущкина: «Средств тогда у Земгора было очень много и, следовательно, за этим дело не станет. Но вот с лекторским персоналом дело обстояло весьма плохо. Лекторов, благожелательно относящихся к Земгору, на содействие коих мы могли рассчитывать, безусловно, было чрезвычайно мало. Пять – шесть человек и только. Профессура, <...>, в большинстве своем относилась к Земгору сдержанно, стараясь уклониться от участия в его культурных начинаниях»¹¹⁸⁴. Создание Русского института, подконтрольного Союзу Русских академических организаций за границей, а не пражскому Земгору, побудило эсеров предпринять ответные меры. Они начали активно агитировать русских ученых подключиться к масштабной лекционной работе, имея в виду скорое со-

¹¹⁸² *Волошина В.Ю.* Статус и роль Народных университетов в Русском Зарубежье в 1920-е гг. // Омский научный вестник. 2009. № 6 (82). С. 16–19; *Фандо Р.А.* Народные университеты – культурно-образовательные центры русской эмиграции «первой волны». С. 32–45.

¹¹⁸³ *Tejchmanova S.* Ruská lidová (svobodná) univerzita v Praze. S. 147.

¹¹⁸⁴ *Климущкин П.Д.* Из истории русской общественности в Праге. 1928 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 129. Л. 36.

здание Народного университета. Приведем тут еще один отрывок из заметок П.Д. Климушкина, который обрисовывает расстановку сил в 1923 г.: «Нужно отметить, что профессорской группой еще раньше был организован так называемый “Русский Научный Институт”, но деятельность его была весьма слаба. Председателем Совета Научного Института был профессор П.И. Новгородцев. Узнав о рассылке нами приглашений профессорам, он заволновался, его, как он говорил нам, беспокоило, главным образом, то, что мы будем дублировать ту же работу, какую ведет и Научный Институт. После некоторых предварительных разговоров было условлено, что мы устроим совместное Соповещение, на котором должны присутствовать представители Земгора, Научного Института и Академической Группы. Это совещание состоялось через два дня в помещении Земгора. Центральным вопросом этого совещания стояло то, какое влияние будет иметь академическая группа в создаваемом нами аппарате для руководства лекционной деятельностью»¹¹⁸⁵. Как видно из текста, Русский институт прямо расценивался эсерами как соперник. И все же в ходе обсуждений было достигнуто соглашение, что институт и Земгор не будут дублировать работу друг друга, а действовать в согласии. На практике добиться полного единения не удастся. Русский народный университет, созданный в октябре 1923 г., станет серьезным конкурентом Русского института, и останется таковым даже после устранения пражского Земгора от управления им.

Почему П.И. Новгородцев пошел на контакт с пражским Земгором, вопреки общему настрою русской профессуры? Он был неисправимым идеалистом, верившим в возможности общественного консенсуса и взаимовыгодного сотрудничества. Но такая позиция нанесла серьезный удар по его репутации среди коллег, обвинивших профессора в соглашательстве с эсерами. Ухудшило общественное положение П.И. Новгородцева сделанное ему предложение возглавить создаваемый Земгором Народный универси-

¹¹⁸⁵ Там же. Л. 37.

тет¹¹⁸⁶. Во время одного из собраний академик Н.П. Кондаков отказался сесть с ним за один стол, другие ученые перестали подавать ему руку. Профессор стал единственным председателем Русской академической группы в Чехословакии, не переизбранным на второй срок¹¹⁸⁷.

Есть все основания полагать, что именно открытие Русского народного университета 16 октября 1923 г. вынудило руководство Русского института наконец разработать юридически четкие уставные документы своей организации. Так, 24 ноября 1923 г. появилось «Положение о Русском институте»¹¹⁸⁸. В нем говорилось: «Русский Институт в Праге учреждается Союзом Русских Академических Организаций за границей в целях утверждения и развития русской культуры вообще и, в частности, русской науки. Русский Институт в Праге имеет также своей задачей сближение России с Чехословакией и распространение сведений о России, русской культуре и результатах текущей работы русских ученых, писателей и представителей всех областей знания и искусства»¹¹⁸⁹. Дополним это утверждение еще одной цитатой, почерпнутой из институтской афиши: «Русский институт имеет целью разработку вопросов, связанных с Россией, русской жизнью, русской историей и русской культурой, как духовной, так и материальной. Русский институт стремится при помощи всестороннего изучения содействовать разрешению вопроса о путях возрождения России. Русский институт ставит своей задачей сближение русского народа с чехословацким и укрепление существующих между ними многообразных связей»¹¹⁹⁰.

К функциям Русского института было отнесено осуществление научно-исследовательской и просветительской работы. Первое направление предусматривало проведение научных мероприятий и публикацию результатов

¹¹⁸⁶ *Mach J.* The Russian People's/Free University in Prague 1923–1945. P. 372.

¹¹⁸⁷ *Савицкий И.П.* Специфика Праги как духовного центра эмиграции. S. 68; *Он же.* «Русский Оксфорд» в Праге 1919–1928 гг. С. 109–109

¹¹⁸⁸ Русские в Праге. С. 232.

¹¹⁸⁹ Положение о Русском Институте в Праге // *Literární archiv Památníku národního písemnictví.* Fond 372: Vladimír Andrejevič Francev. Doklady cizí. 2 II, 8, 4.

¹¹⁹⁰ Афиша Русского института в Праге // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 18.

исследований. Второе направление предполагало устройство популярных лекций для русской и чешской аудитории, которые могли читаться на одном из двух языков. Это разграничение деятельности предопределило создание в институте двух отделений: Ученого и Просветительного. Первоначально в состав Ученого отделения по постановлению Правления Союза академических организаций за границей должно было войти не более 4-х членов. Затем состав должен был расшириться за счет избрания действительными членами выдающихся русских ученых. Причем их число не должно было превышать 12 человек. Избрание сверх этой квоты допускалось лишь в качестве членов-корреспондентов, но тоже не более 12 человек¹¹⁹¹. В задачи отделения, помимо избрания новых членов, входило составление планов научной работы и издания трудов, организация научных слушаний, собирание библиотеки, в особенности из эмигрантских книг, присуждение премий за исследовательские работы или представление к ним и др. Немаловажно, что при отделении существовал Славянский отдел, членами которого могли стать выдающиеся исследователи, содействующие «организации общения русских ученых-славистов с учеными-славистами иных стран и развитию славяноведения»¹¹⁹². Просветительное отделение было более широким по своему составу. В него входили ученые, писатели и вообще русские интеллектуалы, живущие за границей. Причем вместе с ними могли быть избраны чешские и иные славянские деятели. Задачей отделения была организация бесплатных курсов, публичных лекций, практических занятий и семинаров для всех заинтересованных слушателей. Но тематика этих мероприятий должна была непременно быть связанной с русской историей, наукой и культурой в различных их проявлениях. В первый год работы института в составе его Просветительного отде-

¹¹⁹¹ Положение о Русском Институте в Праге, Literární archiv Památníku národního písemnictví // Literární archiv Památníku národního písemnictví. Fond 372: Vladimír Andrejevič Francev. Doklady cizí. 2 II, 8, 4.

¹¹⁹² Там же.

ления были созданы гуманитарный, промышленный и сельскохозяйственный отдел.

Русский институт никогда не имел собственного помещения, а потому все мероприятия проводились им на базе чехословацких учреждений. Например, гуманитарные доклады часто делались в Большой аудитории Славянского семинара Карлова университета (Бржегова, 5). Большую помощь русским оказывало Чешское высшее техническое училище. Его Совет постановлением от 24 октября 1922 г. разрешил использовать аудиторию № III в Химическом институте (Троянова, 13) в течение зимнего семестра для мероприятий Русского института. Лекции могли проводиться по вторникам, четвергам и субботам с 19.00. В некоторых случаях была возможность задействовать и аудиторию № II¹¹⁹³. Нередко мероприятия проходили в аудитории № IV в Главном здании Политехникума. Пользование помещениями было не безвозмездным, но суммы оплаты за каждую лекцию нельзя считать высокими: за освещение – 35 чешских крон, за износ – 5, за порядок – 10, за аренду – 20. Кроме того, предполагались гонорары вахтеру (*vrátný*), сторожу (*školník*) и ассистентам (*asistent*). Данные расходы не были фиксированными и являлись предметом конкретных договоренностей. Оплату за аудиторию следовало вносить перед каждой лекцией, на основании чего выписывалась квитанция, и лишь затем вахтер выдавал ключ¹¹⁹⁴. Поскольку промышленному отделу Русского института покровительствовали Экономический союз для Славянского Востока и Торговая палата Чехословакии, особенно ее Промышленный институт, то заседания этого подразделения было разрешено проводить в помещении самой Торговой палаты в центре Праги у Пороховой башни¹¹⁹⁵. Известно,

¹¹⁹³ Письмо декана Высшей инженерной химико-технологической школы руководству Русского института от 27 октября 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 12.

¹¹⁹⁴ Оплата аудиторий в Химическом Павильоне для лекций // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 14.

¹¹⁹⁵ Русский институт в Праге // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 16; Русский институт в Праге // Там же. Л. 18.

что 1929 г. несколько лекций Русского института было прочитано в здании Академической гимназии у Рудольфина (*Akademické gymnázium u Rudolffina*)¹¹⁹⁶.

Русский институт сотрудничал с различными эмигрантскими организациями. В первые годы его работы особенно тесными были связи с Русской учебной коллегией. Именно перед ней в ноябре 1922 г. ходатайствовали о приглашении в Прагу в качестве лекторов А.И. Стебута, Б.Е. Шацкого и А.Н. Челинцева¹¹⁹⁷. Это не удивительно, ибо именно через коллегия можно было получить необходимую профессорскую стипендию. В кооперации с Русским юридическим факультетом, Русским историческим обществом, Семинарием имени Н.П. Кондакова, Русской академической группой, Обществом русских инженеров и техников, Русским музыкальным обществом, Союзом русских писателей и журналистов проводились лекции, дискуссии и мемориальные вечера¹¹⁹⁸.

Русский институт не имел постоянного штата работников. Пока не удалось даже с точностью установить: была ли должность директора оплачиваемой, или свои обязанности он исполнял на общественных началах. Сотрудники получали сдельную оплату по числу прочитанных ими лекций или же в качестве гонораров за подготовленные статьи. Все мероприятия Русского института были бесплатными и открытыми для публики. В большинстве случаев это были лекции в объеме академического часа; они могли быть как одиночными, так и объединенными в циклы (до 7 академических часов). Учебный год в Русском институте делился на два семестра и, как

¹¹⁹⁶ Речь идет о лекциях А.В. Флоровского «К вопросу о взаимоотношениях общества и государства (два течения русской общественно-политической мысли XIX столетия)» (8 марта 1929 г.), В.Э. Брунста «Крестьянская проблема в России» (15 марта 1929 г.) и П.Н. Савицкого «Природные богатства России» (10 мая 1929 г.) (*Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice*. Т. I. S. 339, 341, 352).

¹¹⁹⁷ Протокол № 3 заседания преподавательской коллегии Курсов о русском сельском хозяйстве при Русском институте от 29 ноября 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 10.

¹¹⁹⁸ *Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace*. Т. I. S. 227, 328, 365–366; Т. II. S. 48, 111, 116, 244.

правило, продолжался с ноября текущего года по март следующего. Архивные документы дают довольно полное представление о лекциях по гуманитарному отделу в первые годы работы Русского института. В 1922–1923 учебном году по гуманитарному отделу было прочитано несколько лекционных циклов, посвященных истории экономического развития России (П.Б. Струве), русской философии (Г.В. Флоровский и П.И. Новгородцев), проблемам русской истории (А.А. Кизеветтер и Н.Н. Алексеев), русской литературе (А.В. Маклецов), русской внешней политике (Г.Н. Михайловский) и др.¹¹⁹⁹ В зимнем семестре 1923–1924 учебного года по тому же отделу были заявлены лекции В.А. Францева «Русский язык и русские наречия», Г.В. Флоровского «Религиозное сознание Достоевского», Н.О. Лосского «Русская религиозная философия», В.В. Зеньковского «Критика европейской культуры у русских писателей», С.Н. Булгакова «У стен Херсонеса», И.И. Лапшина «Русская музыка», А.А. Кизеветтера «Русский театр», П.Б. Струве «Русская наука», Г.В. Вернадского «Пушкин и декабристы», А.В. Флоровского «Из русской истории», Д.Д. Гримма «Русские конституционные учреждения» и других¹²⁰⁰. На основании сохранившихся документов можно сделать вывод, что интенсивность лекционной работы, по крайней мере в первые годы существования института, была велика. В ноябре 1923 г. было прочитано 4 лекции (лекторы – В.А. Францев и Г.В. Флоровский), в декабре 1923 г. – 5 (Г.В. Флоровский, В.А. Францев, С.Н. Булгаков), в январе 1924 г. – 8 (В.В. Зеньковский, И.И. Лапшин, А.А. Кизеветтер), в феврале 1924 г. – 13 (А.А. Кизеветтер, В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, Г.В. Вернадский, А.В. Флоровский, Д.Д. Гримм), в марте 1924 г. – 4 (А.В. Флоровский,

¹¹⁹⁹ Руднев В.В. Указ. соч. С. 50; Русский институт в Праге // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 16.

¹²⁰⁰ Руднев В.В. Указ. соч. С. 51; Лекции Русского института // Огни. Прага, 1924. № 4. 28 января. С. 4; Лекции по вопросу об экспортных возможностях России // Огни. Прага, 1924. № 6. 11 февраля. С. 3; Лекции Русского института // Огни. Прага, 1924. № 6. 11 февраля. С. 3; Soupis přednášek v Ruském institutu 1923/24 // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. IV; Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace. T. I. S. 129, 130, 131, 132.

П.Б. Струве, Д.Д. Гримм)¹²⁰¹. В рамках мероприятий по промышленному отделу в зимнем семестре 1923 г., с января по март, П.И. Новгородцев сделал вступительное слово к курсу о русской промышленности, П.Н. Савицкий прочел лекцию «Общий обзор производительных сил России», А.Н. Фенин – «Добывание угля и нефти в России», П.П. Юренев – «Русский транспорт. Его прошлое, настоящее и будущее», Ю.М. Варягин – «Текстильная промышленность в России», А.И. Данилевский – «Металлургическая промышленность в России»¹²⁰².

Легко заметить, что состав лекторов был высококвалифицированным и авторитетным. Тематика лекций отражала актуальные научные проблемы, имевшие вместе с тем обостренное общественное звучание для эмиграции. Упомянем здесь заявленные в зимнем семестре 1923 г. лекции П.И. Новгородцева «Кризис западничества» и Н.Н. Алексеева «Русская трагедия»¹²⁰³. Примером может также служить лекция П.Б. Струве «Русская наука в связи с русской культурой и государственностью», прочитанная 5 марта 1924 г.¹²⁰⁴ Он представил в ней развернутую картину основных этапов развития русской науки и попытался выявить ее связь с эволюцией общественных и политических институтов. П.Б. Струве исходил из того, что научный прогресс обусловлен «взаимодействием между социальной средой и индивидуальным творчеством, между общественной почвой и творящей личностью»¹²⁰⁵. Он сделал вывод о положительном значении тесной связи науки и государства в российской истории, несмотря на отдельные отрицательные стороны их взаимодействия. В его понимании

¹²⁰¹ Soupis přednášek v Ruském institutu 1923/24 // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOOR. Krab. IV; Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace. T. I. S. 142.

¹²⁰² Русский институт в Праге // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 16; Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace. T. I. S. 133.

¹²⁰³ Русский институт в Праге // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 16.

¹²⁰⁴ Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace. T. I. S. 140.

¹²⁰⁵ Академическая жизнь: Русская наука // Огни. Прага, 1924. № 11. 17 марта. С. 4.

наука универсальна, и в то же время она всегда носит яркий национальный отпечаток. То есть, П.Б. Струве идейно обосновывал важность сохранения российских научных традиций на чужбине и приумножение прежних внутренних успехов. Обратим внимание и на то, что в своей лекции он не пытался противопоставлять научную элиту государству, видеть в них неминуемых антагонистов. Напротив, П.Б. Струве пытался обосновать важность их уважительного и взаимовыгодного взаимодействия. Этот тезис отнюдь не кажется странным в устах известного до революции оппозиционера. Наоборот, он отражал изменения, которые произошли в сознании эмигрантов под воздействием пережитых исторических потрясений. Причем этот новый опыт находил отражение не только в докладах, посвященных современным проблемам, вроде выступления П.Б. Струве, но и в лекциях о событиях давно минувших дней. Прошлое и настоящее сплеталось, таким образом, воедино, в истории пытались найти ответы на современные вопросы. Приведем в качестве примера лекцию Г.В. Вернадского «Пушкин и декабристы», прочитанную 12 февраля 1924 г.¹²⁰⁶ Текст ее не сохранился, но о содержании красноречиво говорит небольшая редакционная заметка в популярной пражской газете «Огни», а также статья самого Г.В. Вернадского, написанная для чехословацкого журнала «Slavia» в тесной связи с прочитанным докладом. В своем выступлении историк говорил о свободомыслии и вольнодумстве А.С. Пушкина как «дани молодости и общему оппозиционному увлечению»¹²⁰⁷. Он убеждал, что после высылки из Одессы в Михайловское в 1824 г. у поэта началось охлаждение к прежним оппозиционным настроениям. В мировоззрении А.С. Пушкина произошел коренной перелом. Если в Александровскую эпоху он был «вольнодумцем, другом политики конспираторов, масоном», то с середины 1820-х гг. постепенно превращался в «консерватора, официально почти друга

¹²⁰⁶ Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace. T. I. S. 135; Лекции русского института // Огни. 1924. 11 февраля. № 6.

¹²⁰⁷ Академическая жизнь: Пушкин и декабристы // Огни. 1924. № 8. 25 февраля. С. 3.

императора Николая I, врага декабрьских идей пестелевского типа»¹²⁰⁸. Перемены в душе поэта Г.В. Вернадский связывал с переоценкой им современных событий (европейские революции 1820 г., 14 декабря 1825 г. и т.д.). Он увидел в А.С. Пушкине врага революций, а потому подчеркнул, что выступление декабристов было воспринято им как личная трагедия: «Декабрьское восстание вскрыло для Пушкина бездну под блестящим покровом внешней государственности. Оно послужило для Пушкина, как бы потайным ходом в глубины исторической жизни Русского государства»¹²⁰⁹. В данном случае речь идет даже не о пересмотре отношения к А.С. Пушкину или декабристам, а о том, что в эмигрантских кругах наметилась переоценка феномена революции. Безоглядная, неумеренная оппозиционность начинает восприниматься многими как ошибочное действие, идеалы государственности начинают выступать на первый план. Эмигранты начали искать в прошлом упущенные возможности, они пытались понять, что нужно было сделать, или чего не нужно было делать, чтобы избежать революции. Противоречивые оценки прошлого часто являлись результатом переноса на эмигрантскую почву старых идейных споров, но дискуссии эти приобрели новое звучание, наполнились новым смыслом. Переосмысление исторического опыта России было вызвано стремлением осознать переломные события российской и мировой истории. Но не следует забывать, что 1920–1930-е гг. ознаменовались в жизни Европы колоссальными идеологическими подвижками. Произошел необычайный рост национал-патриотических настроений, взрыв «иррациональных мотиваций политического мышления и поведения масс и политической элиты»¹²¹⁰. Поэтому эмигрантская среда стала благодатной почвой для зарождения и развития разнообразных политических мифов. Их базовой основой почти всегда становилась отечественная история, в которой пытались найти ответы на злободневные со-

¹²⁰⁸ *Вернадский Г.В.* «Медный всадник» в творчестве Пушкина // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. 1924. Roč. II. Č. 4. S. 646.

¹²⁰⁹ Там же. С. 649–650.

¹²¹⁰ *Шестов Н.И.* Политический миф теперь и прежде. М., 2005. С. 16.

временные вопросы. Все же, справедливости ради отметим, что большинство мероприятий Русского института носило аполитичный, сугубо академически характер, лишенных идеологических аллюзий.

Значительная часть заседаний Русского института носила мемориальный характер, причем ориентированы они были на поиск общеславянских «мест памяти». В фондах Российского государственного архива литературы и искусств сохранилось несколько афиш, извещающих о подобных мероприятиях. Например, 24 мая 1926 г. состоялось памятное собрание, приуроченное к 50-летию со дня смерти выдающегося чешского историка Франтишека Палацкого¹²¹¹. Помимо речей В.А. Францева, А.А. Кизеветтера и И.И. Лаппо оно сопровождалось выступлением хора имени А.А. Архангельского под руководством А.Г. Чеснокова, исполнившим чехословацкий национальный гимн «Kde domov můj?»¹²¹² Некоторое представление об идейной направленности мероприятия дает статья В.А. Францева, напечатанная в популярной парижской газете «Возрождение», и представляющая текст его выступления¹²¹³. Статья эта проникнута пафосом всеславянского единства и особенно русско-чешской дружбы. Ф. Палацкий и его наследие преподносятся как общеславянское «место памяти». В.А. Францев словно от лица всех эмигрантов заявляет: «Участие наше в большом всенародном чешском поминовении памяти одного из создателей нынешней Чехии есть не только выражение братских чувств Русского народа народу Чешскому, с коим издревле связуют нас узы родства и взаимного доверия, – оно есть для нас, русских, акт высокого морального значения и ценности: приобщаясь к таким национальным славянским торжествам, мы невольно глубже проникаем в историю создания новой национальной жизни наших братьев, познаем их национальные идеалы, извле-

¹²¹¹ Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace. T. I. S. 239.

¹²¹² Русский институт в Праге. Афиша // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 261. Л. 2.

¹²¹³ Францев В.А. Фр. Палацкий и русские // Возрождение. Париж, 1926. № 415. 22 июля. С. 2.

каем из их поучительные для нас уроки, укрепляем наше собственное славянское и русское самосознание, радостнее взираем на мир Божий, в котором мы в наших национальных стремлениях не одиноки, в котором имеем испытанных старых друзей, каким был для нас и великий сын и “отец” всегда нам дружественного Чешского народа»¹²¹⁴. 19 января 1929 г. состоялся вечер памяти Йозефа Добровского в ознаменование 100-летия со дня его смерти, на котором выступил В.А. Францев и специально приглашенный профессор Карлова университета М. Вейнгарт. 1 февраля был проведен вечер памяти А.С. Грибоедова, где представили доклады А.А. Кизеветтер, Е.А. Ляцкий и профессор Карлова университета Иржи Гораку. 7 декабря 1929 г. был устроен вечер в честь 125-летия со дня рождения А.С. Хомякова с выступлениями В.А. Францева, А.А. Кизеветтера и И.И. Лапшина¹²¹⁵.

30 марта 1931 г. в Русском институте прошло заседание Александра II по случаю 50-летия его кончины. Со вступительным речью выступил Е.Ф. Шмурло, а затем взяли слово А.А. Кизеветтер, рассказавший об освобождении крестьян, и С.В. Завадский с докладом о судебной реформе¹²¹⁶. Совместно с Русским музыкальным обществом 29 февраля 1932 г. был организован вечер в память 75-летия со дня смерти М.И. Глинки, на котором лекцию о жизни и творчестве великого композитора прочел крупный музыковед и философ Иван Иванович Лапшин (1870–1952), а затем состоялся концерт¹²¹⁷. 9 февраля 1934 г. в сотрудничестве с Русской академической группой и Обществом русских инженеров и техников было проведено торжественное заседание в честь 100-летия со дня рождения Д.И. Менделеева, сопровождавшийся выступлениями К.П. Федорова, В.И. Исаева,

¹²¹⁴ Там же.

¹²¹⁵ Zpráva o činnosti Ruského Institutu v Praze za r. 1929 // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 25: Slovanský ústav. Kart. 35. Inv. č. 293.

¹²¹⁶ Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace. T. II. S. 59.

¹²¹⁷ Ibid. S. 111.

В.Д. Попова и А.А. Вилкова¹²¹⁸. Таким образом, Русский институт имел непосредственную сопричастность к чествованию великих деятелей науки и культуры, в своей практической работе он отражал характерные черты мемориальной культуры русской эмиграции с ее устремленностью в прошлое, поиском в нем духовных опор, конструированием особых «мест памяти», которые могли бы внушить гордость за страну, объединить русскую диаспору за рубежом¹²¹⁹.

Неверно, однако, полагать, будто в работе Русского института участвовали исключительно ученые-гуманитарии. В числе его создателей и активных сотрудников можно назвать геолога и палеонтолога академика Н.И. Андрусова, почвовед и гидрогеолога П.В. Отоцкого, ботаника В.С. Ильина, инженера Г.Г. Кривошеина, технолога Е.Л. Зубашева. Таким образом, в первые годы своего существования Русский институт носил ярко выраженный междисциплинарный характер, и потому 18 октября 1922 г. одновременно с организационным заседанием Правления в его составе была создана комиссия для организации лекций по техническим наукам. На своем первом заседании под председательством Камилла Гавриловича Шиндлера (1869–1940), крупного специалиста в области механизации сельского хозяйства, она постановила организовать цикл лекций «О промышленных производительных силах России»¹²²⁰. Примечательно, что занятия должны были сочетаться с лекциями по экономическим вопросам. То есть, русские ученые в эмиграции продолжали развивать начатую еще до революции практику тесной и неразрывной взаимосвязи инженерных наук с науками социальными и гуманитарными, которая позволила бы постиг-

¹²¹⁸ Ibid. S. 244.

¹²¹⁹ Ковалев М.В. Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2008. Кн. 25/2. С. 270–273; *Он же*. Между политикой и идеологией: метаморфозы исторической памяти ряской эмиграции 1920–1940 годов // Россия XXI. 2012. № 3. С. 126–129.

¹²²⁰ Протокол заседания состоящей при Временном Правлении Русского института комиссии по организации лекций по техническим предметам. Прага, 14/27 октября 1922 года // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

нуть сложную систему взаимодействия общества, экономики и индустрии¹²²¹. В рамках цикла планировались следующие лекции: «Постановка проблемы изучения русских производительных сил» (П.Б. Струве), «Общий обзор естественно-промышленных ресурсов России» (П.Н. Савицкий), «Водные силы как ресурсы русской промышленности» (Г.Г. Кривошеин), «Каменноугольная и нефтяная промышленность» (А.И. Фенин), «Металлургическая промышленность» (А.И. Данилевский), «Металлообрабатывающая промышленность» (К.П. Федоров), «Производство сельскохозяйственных машин как особая отрасль промышленности» (К.Г. Шиндлер), «Паровозостроительная промышленность» (Л.Ю. Анчиц), «Производство двигателей» (С.Ф. Балдин), «Текстильная промышленность» (Ю.М. Варягин). На заседании было высказано мнение о желательности дополнить в дальнейшем этот курс лекциями о резиновой и сахарной промышленности. Однако сходу найти в Праге нужных специалистов не удалось. Протокол собрания доносит до нас имя Ивана Лаврентьевича Кондакова (1857–1931), крупного химика-органика, ученика А.М. Бутлерова, который в 1899 г. открыл каталитическую полимеризацию диметилбутадиена в синтетическое каучукоподобное вещество под воздействием света и некоторых реагентов, а также внес вклад в разработку промышленных процессов переработки нефтехимического сырья¹²²². В начале 1920-х гг. он находился в Тарту, но, по некоторым сведениям, стремился переехать в Прагу, а потому его предполагалось привлечь к преподаванию¹²²³. В Прагу И.Л. Кондаков несколько раз приезжал, но под маркой

¹²²¹ *Грэхем Л.* Призрак казенного инженера: технология и падение Советского Союза. СПб., 2000. С. 115.

¹²²² *Волков В.А., Вонский Е.В., Кузнецова Г.И.* Выдающиеся химики мира. М., 1991. С. 217; *Чалдаева Д.А., Хусаинов А.Д.* Исторические предпосылки получения, производства и использования синтетического каучука // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 8. С. 72.

¹²²³ Протокол заседания состоящей при Временном Правлении Русского института комиссии по организации лекций по техническим предметам. Прага, 14/27 октября 1922 года // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 1. Л. 2–3.

Русского института в Праге не выступал. В этом же протоколе фигурируют имена Михаила Юрьевича Цехановского (?–1929), бывшего директора Товарищества Георгиевского песочносахарного и рафинадного завода, который, как казалось, мог поделиться своим опытом крупного сахарозаводчика¹²²⁴, химика-органика Владимира Ивановича Исаева (1874–1952), которого намеревались просить прочесть лекции по химической промышленности, и физика Николая Петровича Рашевского (1899–1972)¹²²⁵. Что касается последнего персонажа, то его имя тогда было еще мало известно в научных кругах. Выпускник Киевского университета и дальний родственник В.И. Вернадского, он был в ту пору молодым и начинающим ученым; как многие сверстники, сражался в рядах Белой армии, после ее поражения был эвакуирован в Константинополь, затем оттуда перебрался в Прагу, получив там правительственную стипендию. В 1924 г. Н.П. Рашевский уехал в США, где впоследствии сделал себе головокружительную карьеру, оказавшись в числе основоположников математической биофизики и математической биологии¹²²⁶. Увы, имеющиеся документы молчат о том, удалось ли в полной мере реализовать планы по привлечению новых ученых. Достоверно известно лишь о сотрудничестве с В.И. Исаевым, да и то по организационным, а не научно-педагогическим вопросам.

В конце ноября 1922 г. была создана комиссия курсов о русском сельском хозяйстве. Ее руководителем стал уже упоминавшийся К.Г. Шиндлер, а другими участниками – известный специалист в области животноводства Виктор Эмильевич Брунст (1864–1932), ботаник Василий Сергеевич Ильин (1882–1957), математик Николай Евгеньевич Подтягин (1887–1970) и др.

¹²²⁴ Цехановский Ю.М. Исторический обзор свеклосахарной промышленности: (1800–1904). Киев, 1904.

¹²²⁵ Протокол заседания состоящей при Временном Правлении Русского института комиссии по организации лекций по техническим предметам. Прага, 14/27 октября 1922 года // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 3; *Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace*. Т. I. S. 92.

¹²²⁶ Cull P. The mathematical biophysics of Nicolas Rashevsky // *Biosystems*. Vol. 88. № 3. P. 178–184; Abraham T.A. Nicolas Rashevsky's Mathematical Biophysics // *Journal of the History of Biology*. 2004. Vol. 37. № 2. P. 333–385.

Находим в перечне членов и имя академика Николая Ивановича Андрусова (1861–1924). Одним из главных действующих лиц комиссии значился П.В. Отоцкий, которому было поручено разработать программу лекций о естественно-исторических условиях русского земледелия. Сам он предполагал прочесть 6 лекций о географии русских почв; ботаник Григорий Иванович Ширяев (1882–1954) должен был представить 8 лекций по географии растений Европейской России и Кавказа, зоолог Борис Анисимович Шкафф (1888–?) – о географии животных и животном мире России. Планировалось также дополнить общий курс лекциями Федора Ефимовича Волошина (1880–1972) о климатологии России¹²²⁷. Затем должен был идти курс Николая Павловича Макарова (1886–1980)¹²²⁸ «Организация крестьянского хозяйства и его эволюция в России», причем большое место в нем должно было быть отведено сравнительному анализу хозяйств в России и Чехословакии¹²²⁹. После обсуждений было принято решение в качестве вводного элемента программы прочесть курс известного политэкономиста Владимира Андреевича Косинского (1864–1938)¹²³⁰ «Эволюция хозяйственных форм в России с освобождения крестьян по настоящее время».

¹²²⁷ Протокол № 1 заседания Преподавательской коллегии Курсов о русском сельском хозяйстве при Русском институте от 15 ноября 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 6 – 6об.

¹²²⁸ Примечательно, что Н.П. Макаров юридически был советским гражданином, а не эмигрантом. В 1920 г. он был направлен за границу в длительную командировку для ознакомления с развитием сельского хозяйства в США и Европе. Очевидно, что в период нахождения в Праге коллеги намеревались привлечь его к сотрудничеству в качестве лектора. В тот период это было неудивительно, и примеров официальных и неофициальных контактов и даже сотрудничества между представителями России Советской и России Зарубежной найдется немало. Затея привлечь Н.П. Макарова к чтению лекций не будет реализована. В 1924 г. он вернется в СССР. В 1930 г. подвергнется репрессиям, будет сослан и вынужден работать в качестве агронома в колхозе. Лишь в конце 1940 г. вернется к преподавательской работе. См.: *Галас М.Л.* Судьба и творчество русских экономистов-аграрников и общественно-политических деятелей А.Н. Челинцева и Н.М. Макарова. М., 2007; *Савинова Т.А.* Н.П. Макаров – русский и советский экономист-аграрник // *Россия и современный мир.* 2007. № 1 (54). С. 200–207.

¹²²⁹ Протокол № 1 заседания Преподавательской коллегии Курсов о русском сельском хозяйстве при Русском институте от 15 ноября 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 6.

¹²³⁰ *Елисеева И.И., Дмитриев А.Л.* В.А. Косинский – видный отечественный статистик и экономист // *Вопросы статистики.* 2011. № 4. С. 76–81.

Вместе с тем было принято предложение Ивана Васильевича Емельянова (1880–1945) дополнить общий курс лекциями о русской сельскохозяйственной кооперации, а ему самому было поручено разработать программу таковых¹²³¹.

Уже на первых порах работы русские ученые столкнулись с определенными трудностями. Широта планов и идей не всегда соотносился с реальными возможностями. Задуманная с размахом лекционная работа могла быть осуществлена лишь при достаточном количестве преподавательских кадров. Но именно с ними возникли серьезные проблемы. Так, по промышленному отделу в зимнем семестре 1923 г., с января по март, прошли в весьма усеченном виде¹²³². На заседании преподавательской коллегии курсов о русском сельском хозяйстве 22 ноября 1922 г. В.А. Косинский заявил об отказе чтения ранее намеченных лекций ввиду загруженности другой работой. Отказался от своих обязательств и Г.И. Ширяев, прислав письменное сообщение о своем отъезде в Германию¹²³³. В этих обстоятельствах коллегия была вынуждена просить Н.П. Макарова как можно скорее приступить к чтению его курса, спешно утвердить рабочую программу В.Э. Брунста по курсу «Русская сельскохозяйственная культура», а параллельно просить В.А. Косинского и Г.И. Ширяева все же исполнить данные ими обязательства. Одновременно В.Э. Брунсту было проучено провести переговоры с А.П. Фан-дер-Флитом и попросить его прочесть 6–8 лекций о рыбоводстве в России¹²³⁴. Решить кадровую проблему предполагалось за счет приглашения специалистов из других эмигрантских центров. Например, в ноябре 1922 г. было решено предложить выступить с лекциями в

¹²³¹ Протокол № 1 заседания Преподавательской коллегии Курсов о русском сельском хозяйстве при Русском институте от 15 ноября 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 9.

¹²³² Русский институт в Праге // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 16.

¹²³³ Протокол № 2 заседания Преподавательской коллегии Курсов о русском сельском хозяйстве при Русском институте от 22 ноября 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 7, 8.

¹²³⁴ Там же.

Праге знаменитому агроному профессору А.И. Стебуту, работавшему в ту пору в Белграде¹²³⁵. Затея эта успехом не увенчалась, хотя в дальнейшей практике работы Русского института можно обнаружить некоторое число приглашенных лекторов¹²³⁶. Возникали и определенные финансовые и материальные затруднения. Например, Ф.Е. Волошин в ноябре 1922 г. подчеркивал, что готов прочесть курс лекций по климатологии России только после изготовления соответствующих учебных пособий, на которые требовалось приблизительно 1.000 чехословацких крон¹²³⁷. В.Э. Брунсту не удалось решить вопрос о печатании географических карт для занятий¹²³⁸. Подобные проблемы порождали обрывочность и незаконченность курсов, которую были вынуждены признать сами русские ученые. И потому в конце ноября 1922 г. высказывалась даже мысль использовать вместо термина «курсы» слово «лекции», «ввиду большего соответствия с действительным положением дел»¹²³⁹. В итоге было решено оставить все, как есть, имея надежду на систематизацию занятий в будущем.

Все это больно ударило по посещаемости мероприятий института. В январе 1923 г. организаторы сельскохозяйственных курсов сетовали на почти полное отсутствие слушателей, что ставило под вопрос характер дальней-

¹²³⁵ Там же. Л. 7 об., 8 об.

¹²³⁶ Например, 5 марта 1930 г. с докладом «Русская природа и русский характер» выступал приезжавший из Берлина философ И.А. Ильин, 14 ноября 1931 г. сделал сообщение находившийся в Чехословакии бельгийский профессор Анри Грегуар (*Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace*. Т. II. S. 24, 85). Русские ученые, по разным причинам покинувшие Прагу, например Е.В. Спекторский, П.Б. Струве, Р.В. Плетнев, время своих приездов в чехословацкую столицу продолжали выступать с лекциями в Русском институте (*Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace*. Т. I. S. 331, 337, 360; Т. II. S. 33, 153, 163).

¹²³⁷ Протокол № 1 заседания Преподавательской коллегии Курсов о русском сельском хозяйстве при Русском институте от 15 ноября 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 9.

¹²³⁸ Протокол № 3 заседания преподавательской коллегии Курсов о русском сельском хозяйстве при Русском институте от 29 ноября 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 10.

¹²³⁹ Там же.

шей работы¹²⁴⁰. Увы, мы не располагаем объективной статистикой посещаемости мероприятий Русского института. В небольшой заметке на страницах справочника «Русские в Праге» говорилось, что на лекциях по гуманитарному отделу присутствовало в среднем 50–80 слушателей, а некоторые из них, вроде курсов А.А. Кизеветтера о русском театре или философских бесед С.Н. Булгакова, собирали до 150 человек¹²⁴¹. Цифры впечатляют. Не стоит, правда, забывать, что они были поданы в редакцию справочника самим институтом, и что они не имеют конкретной временной привязки. А вот, что говорит один из протоколов курсов о русском сельском хозяйстве: «Слушателей нет, либо они являются в очень ограниченном количестве»¹²⁴². Конечно, речь в данном случае идет о начальном этапе работе Русского института, а именно о январе 1923 г., и есть все основания полагать, что картина впоследствии выправилась. И все же проблема низкой посещаемости имела места. Но что было ее причиной? Ведь состав лекторов был превосходным, а реклама курсов – вполне достаточной (информация широко распространялась в эмигрантских и чехословацких кругах посредством афиш, листовок, именных приглашений). Кажется, среди веских оснований можно назвать не всегда удобное расписание. Во всяком случае, прямое указание на это имеется в протоколах заседаний института («Расписание, принятое правлением Русского Института, вряд ли окажется приемлемым»)¹²⁴³. Другой серьезной ошибкой организаторов стала излишняя академичность, шедшая в разрез с идеей популяризации научных знаний. Лекции ученых в Русском институте чаще всего носили сугубо специализированный характер и потому собирали ограниченную аудиторию. Воспоминания о них сохранил историк Н.Е. Андреев. Описывая выступления

¹²⁴⁰ Протокол № 4 заседания Преподавательской коллегии Курсов о русском сельском хозяйстве при Русском институте от 17 января 1923 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 17.

¹²⁴¹ Русские в Праге. С. 232–233.

¹²⁴² Протокол № 4 заседания Преподавательской коллегии Курсов о русском сельском хозяйстве при Русском институте от 17 января 1923 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5776. Оп. 1. Д. 59. Л. 17.

¹²⁴³ Там же.

П.Б. Струве, он отмечал, что их автор был очень интересным исследователем с энциклопедическим складом ума, но читал лекции «очень сложно, так как был по преимуществу теоретик»¹²⁴⁴. П.Б. Струве полагал, что публика великолепно ориентируется в вопросах экономики, социологии, государственоведения и поэтому ничего не объяснял. Слушателями его лекций, по словам Н.Е. Андреева, обычно были русские профессора, которые задавали множество глубоких теоретических вопросов. Вдобавок, лекции в Русском институте читались на русском языке, что делало их непонятными для многих чехов¹²⁴⁵. Таким образом, в организации лекционной работы Русский институт явно проигрывал своему главному конкуренту – Русскому народному университету. Необходимо было искать пути выхода из кризиса.

23 апреля 1924 г. скончался П.И. Новгородцев. Новым главой Русского института стал В.А. Францев, чья кандидатура нашла поддержку у Правления Союза русских академических организаций за границей. И хотя он, в отличие от П.И. Новгородцева, не обладал опытом административной работы, в его пользу было множество факторов. В.А. Францев мало интересовался текущей политикой и был равноудален от кадетов и эсеров, его невозможно было упрекнуть в симпатиях или антипатиях по политическим мотивам. Учитывая остроту противостояния в эмигрантской среде, данное качество служило весомым аргументом при назначении на руководящую должность. Немаловажно и то, что В.А. Францев был выдающимся ученым. Он принадлежал к числу крупнейших славистов своего времени, с ноября 1921 г. состоял действительным членом Российской академии наук. В.А. Францев обладал высоким статусом и известностью в чехословацких

¹²⁴⁴ Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. 2. С. 13.

¹²⁴⁵ Известен, пожалуй, единичный пример проведения мероприятия не на русском языке. 14 ноября 1931 г. бельгийский византист и славист профессор Анри Грегуар выступил с докладом на французском языке «Пушкин, Лермонтов, А.[К]. Толстой, Блок, Есенин в переложении на французские рифмы» (*Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace*. Т. II. S. 85). Примеров чтения лекций на чешском языке выявить не удалось.

общественных кругах. Он прекрасно знал и любил приютившую его страну, ее историю и культуру, он виртуозно владел чешским языком. Парижская газета «Возрождение» вполне справедливо писала о В.А. Францеве в связи с его юбилеем: «Он в совершенстве изучил чешский язык и является глубоким знатоком чешской литературы. Высшие культурные круги Чехословакии относятся к русскому ученому с исключительным вниманием, и он сумел завоевать широкие симпатии чешского общества»¹²⁴⁶. Таким образом, в лице В.А. Францева Русский институт обрел крупнейшего ученого и горячего поборника укрепления русско-чешских отношений. Его влияние в местном обществе, как казалось, должно способствовать разрешению любых вопросов, главным образом, финансовых. По мере сокращения «Русской акции» и нарастания кризисных явлений в экономике, этот талант сделался особенно значимым. Именно В.А. Францеву удалось наладить печатание трудов Русского института и при этом добиться очень высокого научного уровня.

Поддержка Русского института велась по линии министерства образования и народного просвещения Чехословакии. В декабре 1927 г. В.А. Францев получил от него 5.000 чехословацких крон, которые были переведены на его личный адрес¹²⁴⁷. В декабре 1928 г. он вновь обратился за финансовой поддержкой, и вновь получил 5.000 чехословацких крон, а вдобавок к ним – 10.000 чехословацких крон на подготовку к печати сборника научных трудов¹²⁴⁸. Заметим, что эта вторая часть транша предназначалась для выплаты гонораров авторам и для предпечатной подготовки статей. Вопрос об оплате тиражирования должен был решаться уже после подготовки оригинал-макета. Забегая вперед, скажем, что эта задача будет

¹²⁴⁶ Юбилей академика В.А. Францева // Возрождение. Париж, 1927. № 678. 11 апреля. С. 1.

¹²⁴⁷ Ministerstvo školství a národní osvěty – Ruskému institutu (do rukou předsedy Prof. Dra. Vladimíra Franceva), 15.2.1928 // Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. II. Sekce (politická). III. Řada. Kart. 246a.

¹²⁴⁸ Ministerstvo školství a národní osvěty – Ruskému institutu (do rukou předsedy Prof. Dra. Vladimíra Franceva), 18.1.1929 // Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. II. Sekce (politická). III. Řada. Kart. 246a.

успешно разрешена. В январе 1929 г. в ответ на просьбу В.А. Францева были выделены 15.000 чехословацких крон на издание «Пушкинского сборника». Причем ученый предложил разослать это издание в различные организации в качестве подарка от министерства образования и народного просвещения¹²⁴⁹. В конце января 1930 г. на работу Русского института были выделены еще 4.000 чехословацких крон¹²⁵⁰. К сожалению, иные прошения о финансовой поддержке в архивах пока обнаружить не удалось. Зато в личном фонде В.А. Францева в Литературном архиве Музея национальной литературы имеются другие примечательные финансовые документы. Среди них – небольшая записка о расходе и приходе Русского института в 1932–1935 гг. Согласно ей в 1932 г. на организацию работы, включая гонорары лекторам, аренду помещений, почтовые расходы, печать объявлений и повесток и т.д., было затрачено 2.103 чехословацкие кроны 40 геллеров. В то время как поступления в кассу составили 3.082 чехословацкие кроны 45 геллеров. Доход от продажи институтских изданий составил 3.379 чехословацких крон 35 геллеров. Но сумма эта включала в себя объем продаж и за предыдущее время, поэтому невозможно сказать, сколько именно денег было выручено в 1932 г. Таким образом, за текущий год баланс организации составил 4.748 чехословацких крон 40 геллеров, что было весьма неплохо по эмигрантским меркам¹²⁵¹. И все же львиную долю бюджета института по-прежнему составляли дотации Министерства образования и народного просвещения Чехословакии. Об этом свидетельствует другой финансовый документ – «Денежный отчет Института за 1934 год». Согласно содержащимся в нем сведениям, приход составил

¹²⁴⁹ Ministerstvo školství a národní osvěty – Ruskému institute (do rukou předsedy Dr. V. Franceva, řádného profesora Karlovy university), 18.2.1929 // Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. II. Sekce (politická). III. Řada. Kart. 246a.

¹²⁵⁰ Ministerstvo školství a národní osvěty – Ruskému institute (do rukou předsedy profesora Dr. Vladimíra Franceva), 3.2.1930 // Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. II. Sekce (politická). III. Řada. Kart. 246a.

¹²⁵¹ Заметки о доходах и расходах Русского института. Черновик // Literární archiv Památníku národního písemnictví. Fond 372: Vladimír Andrejevič Francev. Doklady cizí. 2 II, 8, 4

3.338 чехословацких крон 25 геллеров. Из них 368 чехословацких крон 25 геллеров составил остаток за 1933 г., а остальная сумма – 2.970 чехословацких крон – была выделена министерством. Одновременно расходы составили всего 652 чехословацкие кроны 40 геллеров. По-прежнему сохраняла свое значение продажа научных изданий, которая составила в текущем году 530 чехословацких крон, притом, что к январю 1934 г. она принесла 3.975 чехословацких крон 15 геллеров. Таким образом, к 1 января 1935 г. на счете Русского института было 7.438 чехословацких крон 9 геллеров¹²⁵².

Именно правительственные дотации позволили должным образом поставить издательскую работу. Научные труды Русского института печатались в крупной пражской типографии «Политика», В.А. Францев лично контролировал процесс. Помогал ему в издательских делах давний коллега и знакомый Юлиан Андреевич Яворский (1873–1937)¹²⁵³. В 1929 г. увидел свет первый том «Сборника Русского института в Праге», в котором были опубликованы статьи Е.Ф. Шмурло, Е.В. Спекторского, Н.О. Лосского, Е.А. Ляцкого, А.А. Кизеветтера, И.И. Лаппо, С.И. Гессена, А.Н. Фатеева, А.В. Флоровского, Г.Д. Гурвича, И.И. Лапшина, Б.А. Евреинова, Ю.А. Яворского, П.Б. Струве, а также самого В.А. Францева. В том же году был опубликован «Пушкинский сборник», в котором приняли участие Е.Ф. Шмурло, Е.В. Спекторский, И.И. Лапшин, С.В. Завадский, П.Б. Струве, Е.А. Ляцкий, А.Л. Бем и вновь сам В.А. Францев. Через несколько лет, в 1932 г., вышел второй том «Сборника Русского института в Праге», которому суждено было стать последним. По объему и по числу привлеченных авторов (А.А. Кизеветтер, Е.Ф. Шмурло, А.В. Маклецов, Н.О. Лосский, Е.А. Ляцкий, Е.В. Спекторский, П.А. Остроухов, И.И. Лапшин) он был скромнее предыдущих изданий. Как видно, круг ав-

¹²⁵² Финансовый отчет Института за 1934 год // Literární archiv Památníku národního písemnictví. Fond 372: Vladimír Andrejevič Francev. Doklady cizí. 2 II, 8, 4

¹²⁵³ Письмо В.А. Францева к А.В. Флоровскому, 1 июля 1929 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 465. Л. 4 об.

торов оставался стабильным, он был представлен в первую очередь крупными, уже состоявшимися учеными, сделавшими себе имя еще до революции.

В своей издательской деятельности институт сталкивался с разнообразными проблемами не только финансового, но и общеорганизационного характера. В письме к А.В. Флоровскому в 1929 г. В.А. Францев сетовал, что для первого тома институтского сборника ему было подано лишь три статьи (А.Н. Фатеев, А.В. Флоровский и С.И. Гессен). Он опасался, что сборник получится «чахлым и скучным»: «Все русские начинания обыкновенно широки, но огонь в нас – соломенный, больше слов, чем дела, много энтузиазма, быстро однако спадающего на нуль! Д.Д. Grimm обещал статью и замолк. Напоминать не буду»¹²⁵⁴. Профессор Д.Д. Grimm, активно участвовавший в создании Русского института, но в конце лета 1927 г., переехавший в Тарту, свою работу так и не прислал. Постепенное угасание русской научной жизни в Праге, отъезд эмигрантов из Чехословакии подрывали работу института, они привели к сокращению числа потенциальных авторов. По мере таяния надежд на возвращение в Россию среди ученых-эмигрантов все острее ощущалась потребность интеграции в иностранную научную среду. Одним из ее непеременных условий была презентация результатов своих исследований на главных европейских языках. Публикация по-русски ограничивала круг читателей: зарубежные ученые за редким исключением русского языка не знали, а в СССР труды эмигрантов по понятным причинам оставались без объективного внимания.

Материалы сборников хорошо отражали спектр научных интересов русских ученых-эмигрантов. Даже беглый анализ публикаций показывает,

¹²⁵⁴ Письмо В.А. Францева А.В. Флоровскому, 28 апреля [1929 г.] // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 465. Л. 20. В предыдущих своих работах (*Ковалев М.В.* Русский институт в Праге в контексте российско-чешских интеллектуальных связей 1920–1930-х годов // *Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие* / Сост. Л. Бабка и И. Золотарев. Прага, 2012. С. 146; *Он же.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940-е годы). Саратов, 2012. С. 185) автор этих строк неверно установил дату послания – начало 1930-х гг. В действительности, как следует из контекста письма, оно относится к 1929 г.

сколь широки и разнообразны они были: от изучения мировоззрения Галилео Галилея в статье С.И. Гессена и Готфрида Лейбница в работе Н.О. Лосского, до выявления торговой конъюнктуры Нижегородской ярмарки в исследовании П.А. Остроухова¹²⁵⁵. В то же время на характере работ сказывался идейный мир русской эмиграции, сложившиеся на чужбине идейные конструкты и стереотипы. Отчетливее всего это видно на примере «Пушкинского сборника». Великий поэт стал для эмиграции символом русской культуры. Этот пафос хорошо отражала статья Е.В. Спекторского: «Творения Пушкина не только ценны в художественном отношении, но еще, как заметил Достоевский, содержат пророчество и указание. Посему теперь, когда мы пребываем во искушеньях долгой кары и жаждем услышать жгущий сердца пророческий глагол, мы в священной тревоге о судьбе нашего отечества естественно вопрошаем Пушкина. И вопрошаем мы его не просто как поэта, а как и учителя»¹²⁵⁶.

Несмотря на высокое качество научных публикаций, следует признать, что способствовать более глубокому познанию России чехами и словаками и расширению их представлений о ней эти работы не могли. Исследования были ориентированы не на иностранного, а на русского читателя. Кроме того, ни одна из статей не отвечала потребностям властей республики в анализе протекавших в СССР социально-экономических и политических процессов. Лишь немногие русские ученые пытались в своих работах использовать чехословацкий материал. Здесь необходимо упомянуть о статьях самого В.А. Францева и молодого историка Б.А. Евреинова¹²⁵⁷. Если

¹²⁵⁵ См.: *Гессен С.И.* Развитие физики Галилея и ее отношения к физической системе Аристотеля // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Т. 1. С. 185–204; *Лосский Н.О.* Учение Лейбница о перевоплощении как метаморфозе // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1932. Т. 2. С. 77–88; *Остроухов П.А.* Из истории государственных кредитных установлений в России: Контора Государственного коммерческого банка на Нижегородской ярмарке с 1820 по 1860 год (по архивным источникам) // Там же. С. 111–124.

¹²⁵⁶ *Спекторский Е.В.* Заветы Пушкина // Пушкинский сборник. Прага, 1929. С. 53.

¹²⁵⁷ *Францев В.А.* Пушкин и польское восстание 1830–1831. С. 65–208; *Евреинов Б.А.* Ю.Ф. Самарин в Праге в 1867–1868 г.г. (По материалам пражской полиции. С. 333–350.

первый был признанным специалистом по истории славянского национального возрождения, и продолжал начатые еще до революции исследования, то второй открыл огромный массив доселе неизвестных документов в собраниях князей Шварценбергов, графов Черниных, а также в других чешских архивах. Но это были исключения.

Закономерно вставал вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения организации, как в равной степени и других эмигрантских научных учреждений. Впервые он был поставлен уже в конце 1920-х годов. В 1929 г. при Славянском институте была образована специальная Комиссия по русским научным институтам под председательством историка и дипломата К. Крофты. Ей предстояло решить вопрос о будущем этих организаций. Первое заседание состоялось 12 ноября 1929 г. при участии В.А. Францева, А.А. Кизеветтера, О. Кржижека, К.Крофты, И.И. Лапшина, П.Максы, Л. Нидерле, М.М. Новикова, И. Поливки, Я. Славика, Е.Ф. Шмурло, А.А. Вилкова, М. Вейнгарта, З. Завазала. В самом начале совещания выступил директор Славянского института М. Вейнгарт. Он акцентировал внимание на взаимоотношениях русских учреждений с возглавляемой им организацией. Затем слово взял К. Крофта. В своей речи он отмечал, что все эмигрантские научные организации были созданы в связи с «Русской акцией». Теперь же министерство иностранных дел начало ее постепенную ликвидацию. Но попечение над русскими институтами оно все же хотело сохранить, поскольку убедилось, что это в интересах самих эмигрантов. При этом К. Крофта ясно подчеркнул, что в скором будущем им необходимо готовиться к переходу на полную автономию управления и, главное, финансирования. По его мнению, было бы нецелесообразно немедленно и механически присоединять русские организации к Славянскому институту, который имел иную исследовательскую программу. Напротив, «лучше было бы развивать свободное сотрудничество, которое подготовит более узкие отношения». Поэтому К. Крофта рекомендовал русским научным учреждениям в своей работе приблизиться к потребностям Чехословакии,

то есть русским организациям давался определенный шанс, но при этом указывалось на необходимость перестройки принципов их работы. В заключение К. Крофта еще раз заверил: «Присоединение – дело будущего»¹²⁵⁸.

В.А. Францев поддержал речь чехословацкого функционера. Для него самой мысль о двухстороннем взаимодействии являлась оправданной и желанной: «Организации русских ученых имеют свои специальные цели и свою собственную широкую программу, поэтому невозможно полное объединение. Русские общества будут развиваться в своей нынешней деятельности, но, конечно же, в согласии со Славянским институтом»¹²⁵⁹. В.А. Францев обратил особое внимание на необходимость поддержки публикаций русских ученых. Он привел пример того, как Русское историческое общество не смогло издать второй том своих «Записок», посвященный 10-летию Чехословацкой республики. К. Крофта в свою очередь заверил в готовности Славянского института поддерживать публикаторские проекты эмигрантов. Желая помочь им, И. Поливка предложил, чтобы Славянский институт выкупал часть русских публикаций для своих членов. Для В.А. Францева был также чрезвычайно важен вопрос о публичных лекциях, поскольку от них во многом зависело будущее возглавляемого им Русского института. Он представил комиссии список лекций, которые его коллеги готовы были бы прочесть. Но М. Вейнгарт предложил сделать упор в этой работе не на Русский институт, а на Русский народный университет, который как раз развернул в этом направлении активную работу. Для Русского института это был опасный сигнал. К. Крофта поддержал В.А. Францева, но предупредил, чтобы лекции не имели политической

¹²⁵⁸ Protocol o schůzi komise pro ruské vědecké ústavy, která se konala dne 12. listopadu 1929 o 4. hod. v Kaunicově paláci // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 25: Slovanský ústav. Kart. 34. Inv. č. 265.

¹²⁵⁹ Ibid.

окраски, и чтобы они были «абсолютно научными и беспристрастными»¹²⁶⁰.

Чехословацкие власти приняли решение сохранить русские научные организации. Они, разумеется, явственно понимали определенный параллелизм в деятельности эмигрантских учреждений, а также дублирование ими той работы, которую вели местные научные организации. В условиях скудных финансовых возможностей потребность в оптимизации работы ощущалась все отчетливее. В довершении всего, конец 1920-х гг. сам по себе ознаменовался глубокими потрясениями. Чехословакия начала испытывать на себе все тяготы мирового экономического кризиса. В соседней Германии возрастали крайне правые настроения. В СССР всю полноту власти окончательно сосредоточил в своих руках И.В. Сталин. События в Европе стали развиваться совсем не по тому пути, о котором думали и Т. Масарик, и русские эмигранты. Стало понятно, что Россия, о которой они мечтали, так и не состоялась, а, следовательно, растворялся предполагаемый объект изучения. Исследование СССР требовало совсем иных подходов и установок, а, зачастую, и иных специалистов. Здесь можно возразить, что подобные задачи взял на себя, например, Экономический кабинет С.Н. Прокоповича. Но в этом и кроется ответ на вопрос, почему Русский институт в Праге потерял свое прежнее значение: другие русские организации перехватили у него исследовательскую инициативу. Для них актуальность исследований стала залогом самосохранения. В то же время в рамках академических проектов по изучению России все активнее начинал работать Славянский институт, и сами русские ученые все активнее стали включаться в его работу. Сложилась ситуация, в которой Русский институт в Праге потерял значение интеллектуального моста между русскими и чехами. Упала и его роль в популяризации научных знаний, поскольку серьезную конкуренцию ему составил Русский народный университет. Его лекторы выступали не только в Праге, но и в чешской провинции, где всякий приезд русских про-

¹²⁶⁰ Ibid.

фессоров воспринимался как большое общественное событие. Сотрудники же Русского института читали лекции исключительно в Праге и почти всегда только по-русски, тем самым отрезая местную публику. Не потому ли академик В.А. Францев ревностно относился к работе Русского народного университета, видя в нем мощного соперника? Известно, что в 1931 г. он конфиденциально говорил, что это учебное заведение имеет небольшую важность для эмиграции, и что деньги, предназначенные ему, лучше было бы использовать для других целей, например, для поддержки студентов¹²⁶¹.

В октябре 1932 г. Комиссия по русским научным институтам собралась вновь. В присутствии К. Крофты, А.А. Кизеветтера, М. Мурко, Я. Славика был заслушан доклад М. Вейнгарта, представлявший собой отчет о помощи эмигрантским организациям со стороны Славянского института. В нем, в частности, сообщалось, что в 1930–1932 гг. по 10.000 чехословацких крон ежегодно выделялось Семинарию имени академика Н.П. Кондакова, Экономическому кабинету С.Н. Прокоповича было выдано 15.000 чехословацких крон, было закуплено 30 выпусков первого тома «Сборника Русского института в Праге» и «Пушкинского сборника». При этом М. Вейнгарт прямо давал понять, что Славянский институт больше не способен оказывать такую поддержку, т.к. в период кризиса его бюджет сократился с 300.000 до 110.000 чехословацких крон и будет в дальнейшем еще урезаться¹²⁶². Таким образом он отчетливо говорил о необходимости скорейшего решения вопроса о русских научных учреждениях. Историк Я. Славик пытался парировать и до последнего доказывал необходимость самостоятельности эмигрантских организаций. Но вряд ли существовала возможность уже что-либо изменить. К. Крофта сообщил, что «министерство [иностраннных дел] постепенно ликвидирует “Русскую акцию”, а вме-

¹²⁶¹ *Mach J.* The Russian People's/Free University in Prague 1923–1945. P. 386.

¹²⁶² Protocol o schůzi komise Slovanského ústavu pro ruské vědecké ústavy, která se konala v pátek dne 21. října 1932 o páté. hod. odp. v Lobkovickém paláce // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 25: Slovanský ústav. Kart. 34. Inv. č. 265.

сте с ней все русские научные институты, которые с ней связаны»¹²⁶³. Вскоре перед лицом нацистской угрозы Чехословакия начнет сближение с СССР. В этих условиях поддержка эмигрантских организаций вообще сойдет почти на нет.

Рискнем предположить, что в конкурентной борьбе с другими русскими организациями В.А. Францев допустил серьезную промашку. В период его директорства Русский институт приобрел узкий гуманитарный, сугубо академический характер. Он сделал ставку исключительно на историков, филологов, философов. Представители других научных направлений к сотрудничеству почти не привлекались. Но если обратимся к ранней истории института, то в составе его членов, помимо гуманитариев, увидим геологов, почвоведов, биологов, инженеров, математиков. На них возлагались те же задачи по пропаганде достижений русской науки, причем в силу универсальности представляемых ими исследовательских направлений, они по определению были более востребованы. Промышленный и сельскохозяйственный отделы Русского института были изначально ориентированы на сотрудничество с чехословацкими деловыми кругами. При В.А. Францеве институт из междисциплинарного превратится в монодисциплинарный, в нем осталось лишь гуманитарное отделение¹²⁶⁴. Круг его задач предельно сузился, прикладные работы были сведены на нет. Данное решение стало стратегической ошибкой. Среди лекций конца 1920–1930-х гг. мы находим лишь одну, посвященную современной проблематике (лекция «Коллективизация крестьянского хозяйства в России», прочитанная профессором

¹²⁶³ Ibid.

¹²⁶⁴ Удивительно, но в известных архивных документах не удалось найти свидетельств о ликвидации в Русском институте промышленного и сельскохозяйственного отделов. Справочник «Русские в Праге», выпущенный в 1928 г., довольно обтекаемо говорит, что «за истекшие годы» помимо организации циклов лекций по русской литературе, философии, праву, истории и искусству был создан «специальный промышленный отдел» (Русские в Праге. С. 232). Но существовал ли он еще к 1928 г., остается непонятным. Однако анализ сохранившихся объявлений о лекциях показывает, что уже с середины 1920-х гг. Русский институт проводил мероприятия исключительно гуманитарной направленности.

Д.Н. Иванцовым 6 марта 1931 г.)¹²⁶⁵ Таким образом, многие аспекты, способные привлечь внимание делового сообщества республики, были из работы института исключены. Совет К. Крофты о необходимости учитывать потребности Чехословакии услышан не был. Вполне логично, что как правительственные, так и предпринимательские круги республики постепенно потеряли интерес к институту. Вряд ли их могли заинтересовать доклады П.Б. Струве о взаимоотношениях А.С. Хомякова и О.Е. Сенковского (24 ноября 1932 г.), Р.В. Плетнева о «Недоросли» Д.И. Фонвизина (21 декабря 1932 г.), или А.Н. Фатеева о 100-летию Полного собрания законов Российской империи (16 декабря 1932 г.)¹²⁶⁶. Обратим внимание еще на одну тенденцию. Начиная с 1933 г., лекционная работа Русского института фактически останавливается. В эмигрантской и чехословацкой прессе мы перестаем встречать объявления о его мероприятиях. Лишь 9 февраля 1934 г. Русский институт совместно с Русской академической группой и Обществом русских инженеров и техников проводит торжественное заседание в честь 100-летия со дня рождения Д.И. Менделеева¹²⁶⁷. Остановка лекционной работы была вызвана не только финансовыми и организационными трудностями, но и проблемами со здоровьем у уже немолодого В.А. Францева. В его личном деле в Архиве Карлова университета имеется справка, датированная 14 ноября 1932 г. В ней говорится, что профессор страдает общим атеросклерозом, а также гипертрофией сердца и расширением аорты, и что «недавно он перенес апоплексический удар, после которого у него проявилась афазия и аграфия»¹²⁶⁸. То есть В.А. Францев на время лишился способности писать и говорить. Невзирая на то, что его состояние довольно быстро улучшилось, на полное восстановление ушло бо-

¹²⁶⁵ Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. T. II. S. 52.

¹²⁶⁶ Ibid. S. 149, 160, 163.

¹²⁶⁷ Ibid. S. 244.

¹²⁶⁸ «Pan Vladimír Andrejevič Francev...», 14.IX.1932 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970). Kart. 19. Inv. č. 214.

лее полугода. Осенью 1933 г. у профессора было диагностировано гнойное воспаление желчного пузыря и опухоль печени. После надлежащего лечения его состояние улучшилось, но в начале марта 1934 г. случился рецидив. Возникла угроза распространения воспаления по всей брюшине. Он был срочно госпитализирован во 2-ю Хирургическую клинику. После необходимых экстренных мер, позволивших избежать оперативного вмешательства, он на две недели направлен для реабилитации в популярный Подольский санаторий (Podolské sanatorium). Врачи также рекомендовали ему пройти кур лечения в Карловых Варах¹²⁶⁹. Вдобавок имеются свидетельства, что В.А. Францев на закате лет страдал астмой¹²⁷⁰. Таким образом, состояние здоровья престарелого директора вынуждало его корректировать свой рабочий график. Он просто не имел возможности с прежней силой и усердием руководить Русским институтом. 6 апреля 1937 г. В.А. Францеву исполнилось 70 лет. На основании закона № 79 от 13 февраля 1919 г. «О служебном положении преподавателей высших школ» он должен был окончательно оставить работу по достижении предельного возраста¹²⁷¹. С 30 сентября 1937 г. В.А. Францеву прекращалась выплата профессорского жалования в Карловом университете, а вместо этого назначалась пенсия в ежегодном размере 66.000 крон¹²⁷². К слову, это была весьма внушительная сумма. В.А. Францев окончательно отошел от активной научной и административной деятельности.

Прекращение поддержки эмигрантов чехословацким правительством, уход из жизни или же отъезд многих видных русских интеллектуалов привел к угасанию и оскудению эмигрантской научной жизни в Праге.

¹²⁶⁹ Lékařské vysvědčení, v Praze dne 9.IV.1934 // Ibid.

¹²⁷⁰ Письмо В.А. Францева к А.В. Флоровскому от 11 сентября 1940 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 465. Л. 14 об.

¹²⁷¹ Zákon ze dne 13. února o služebním poměru učitelů vysokoškolských // Sbírka zákonů a nařízení státu československého. Praha, 1919. Roč. 1919. Částka XVII. 22. února 1919. S. 95.

¹²⁷² Ministerstvo školství a národní osvěty – PhDr. Vladimíru A. Francevovi, řádnému profesoru slovanské filologie na filosofické fakultě Karlovy university, 25. srpna 1937 // Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970). Kart. 19. Inv. č. 214.

Обострение международной обстановки лишь усугубляло и без того трудную ситуацию. К сожалению, ни в российских, ни в зарубежных архивах пока не удалось обнаружить никаких свидетельств о последних годах работы института. В начале 1960-х гг. И.О. Панас рассказывал В.Т. Пашуто, что Русский институт в Праге прекратил свое существование в 1938 г.¹²⁷³ Эти даты обычно и указывают в качестве финальной в судьбе некогда крупной эмигрантской организации. Роковой для Чехословакии 1938 год стал, таким образом, роковым и в судьбе Русского института. Скорее всего, последней крупной акцией, связанной с его работой, стало издание в 1938 г. книги воспоминаний инженера Александра Ивановича Фенина (1865–1944)¹²⁷⁴, оказавшегося в Чехословакии в июне 1922 г. после беженских скитаний в Египте и попытки осесть в Сербии¹²⁷⁵. Она была посвящена промышленному развитию России на рубеже XIX–XX вв. Главное внимание автора было обращено к истории создания и развития тяжелой индустрии в Донбассе, непосредственным участником которой был он сам. Мемуарист признавался, что предметом его повествования являются не только воспоминания о жизни работавших с ним горнозаводских управленцев, инженеров, шахтеров, но о характерных чертах общественной и промышленной жизни Донбасса. Увы, мы не знаем, кому именно принадлежала идея издать мемуары А.И. Фенина под грифом Русского института, как удалось раздобыть необходимые средства, какова была роль В.А. Францева в этом проекте. А.И. Фенин довел повествование до революции 1905–1907 гг. Вторую часть мемуаров, охватывавшую период от 1907 г. и до эмиграции из России, он в 1938 г. только завершал, но при этом осознавал, что издать ее будет крайне трудно: «Выпуск же ее в свет остается по причинам материаль-

¹²⁷³ Пашуто В.Т. Указ соч. С. 62.

¹²⁷⁴ Фенин А.И. Воспоминания инженера: К истории общественного и хозяйственного развития России (1883–1906 гг.). Прага, 1938.

¹²⁷⁵ O průkaz totožnosti pro ruské uprchlíky žáda... // Národní archive ČR. Fond «Policejní ředitelství Praha II – všeobecná spisovna – 1941–1950». Kart. 2060. Sign. F400/3 Alexandr Fenin; Письмо А.И. Фенина к А.И. Беличу, 14 апреля 1921 г. // Архив Српске академије наука и уметности. Заоставштина Александра Белића. 14386–II–388.

ным под сомнения. Таким образом, мои воспоминания могут фактически закончиться предлагаемой книгой, совершенно замыкающей определенный период моей жизни. В силу этих причин я и позволил себе не именовать предлагаемую книгу “первой частью” моих воспоминаний»¹²⁷⁶. Горькие предчувствия автора не подвели. Вторая часть книги так и не вышла в свет¹²⁷⁷. В России по сей день воспоминания А.И. Фенина недооценены как важный источник по истории отечественной промышленности, рабочего вопроса, инженерного дела. Зато они хорошо известны за рубежом, будучи переведены на английский язык¹²⁷⁸.

Судьба Русского института в Праге во многом типична для эмигрантских организаций, которые пережили период бурного подъема, а потом незаметно сошли с исторической сцены. Амбициозность их планов и глобализм притязаний, о котором говорилось в начале статьи, находились в явном противоречии с реальными условиями, в которых приходилось существовать русской эмиграции. Создатели Русского института, несмотря на их исключительную научную квалификацию, находились в плену культурных мифов и стереотипов, лишь укрепившихся на чужбине, и шедших в разрез с политическими реалиями 1920–1930-х гг. Они позиционировали себя поборниками идеи «славянской взаимности», но в своих романтических порывах почти не обращали внимания на современное славянство. Оно жило в их умах и сердцах скорее как романтический образ. На практике Русский институт в Праге не сумел приложить достаточных усилий к эффективному научному познанию Чехословакии и одновременно к пропаганде русской науки и культуры в этой стране. Он так и остался сугубо эмигрантской организацией, деятельность которой была ориентирована не

¹²⁷⁶ *Фенин А.И.* Воспоминания инженера: К истории общественного и хозяйственного развития России (1883–1906 гг.). С. 177.

¹²⁷⁷ Вторая часть мемуаров недавно опубликовано по найденной в Праге рукописи на интернет-портале «Прожито»: *Фенин А.И.* Воспоминания инженера. II часть // Центр изучения эго-документов «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/5811> (дата обращения: 30 июля 2024 г.)

¹²⁷⁸ *Fenin A.I.* Coal and Politics in Late Imperial Russia. Dekalb, Illinois, 1990.

на внешний мир, но на «воображаемое сообщество» Зарубежной России. В таком подходе не было ничего удивительного, ведь, как заметила Г. Петкова, «вектор эмигрантской культуры первой волны [был] направлен на повышенную рефлексию по поводу природы национального и судеб собственной русскости»¹²⁷⁹. Но эта подвижническая преданность потерянной России мешала интеграции в европейскую интеллектуальную среду. Не способствовала ей и ставка, сделанная исключительно на гуманитарные знания.

Кроме того, история Русского института в Праге демонстрирует примеры внутренних взаимоотношений в эмигрантском научном сообществе, которые часто были далеки от идиллических. Эмигрантская среда стала благодатной почвой для академических конфликтов, вроде того, какой разгорелся при создании Русского института. Свою роль тут играла и замкнутость, ограниченность русского сообщества за рубежом, обострившие конкуренцию, и перенос на эмигрантскую почву старых идейных споров, уходивших корнями в дореволюционную жизнь. Руководство Русского института допустило в своей работе ряд серьезных просчетов, которые не позволили в полной мере выдержать конкуренцию с другими эмигрантскими организациями. Обратим внимание и на личностный фактор. С конца 1920-х гг. Русский институт существовал благодаря авторитету В.А. Францева и его лоббистским возможностям. Как только здоровье академика пошатнулось, и он уже не мог в полной мере исполнять свои обязанности, в работе возглавляемой им организации наступил серьезный кризис, выйти из которого ей уже не удалось. Уход директора на пенсию вообще привел к свертыванию деятельности всего Русского института. Но не будем строги к русским эмигрантам. Их труды и дни не прошли даром. Лучшим памятни-

¹²⁷⁹ *Петкова Г.* Металитературный проект П.М. Бицилли: между Салимбене и Пушкиным (Опыт реконструкции) // *Rossica 2007: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике.* Прага, 2007. С. 115

ком Русскому институту в Праге являются его научные издания, которые до сих пор не утратили своей значимости.

§ 3. Между Прагой и Бирмингемом: Экономический кабинет

С.Н. Прокоповича и Бюро исследований экономического положения России

В современной историографии уже накоплен большой пласт исследований о разных эмигрантских центрах – Париже, Берлине, Праге, Харбине, Нью-Йорке, Риге, Белграде, Софии. Но нельзя не согласиться с мнением чешского историка И. Савицкого, что еще недостаточно изучено, как соотносились они между собой, какое место занимали на ментальной карте зарубежной России¹²⁸⁰. Это касается и вопросов об интеллектуальных коммуникациях этих центров. Неофициальный, но почти никем не оспариваемый в эмигрантских кругах статус Праги как своей научной столицы даровал ей особое место на карте Зарубежной России. Может возникнуть ощущение, что коммуникации между различными центрами русского рассеяния были сугубо внутриэмигрантским делом, что контакты ограничивались рамками Зарубежной России и никогда не выходили за их пределы. Во многих случаях именно так и было, особенно если принять во внимание особые мессианские настроения эмиграции. И все же интеллектуальные коммуникации являли такую сферу взаимодействия, где полная культурная замкнутость размывалась под воздействием внешней среды.

Итак, важно понять, как взаимодействовали друг с другом разные эмигрантские организации, какое участие принимали в этом взаимодействии иностранные ученые, и как вообще зарубежная среда влияла на характер эмигрантских интеллектуальных коммуникаций. Интересный материал дает в этой связи история межвоенных взаимоотношений профессора Бирмингемского университета Сергея Александровича Коновалова (1899–1982) с его пражскими коллегами. Реконструкция этих связей стала воз-

¹²⁸⁰ Савицкий И.П. Прага и зарубежная Россия. С. 9.

можной, в первую очередь, благодаря введению в научный оборот документов из личного фонда ученого из рукописного собрания Бодлеанской библиотеки Оксфордского университета¹²⁸¹.

С.А. Коновалов родился 31 октября 1899 г. в Москве в семье крупнейшего русского предпринимателя и общественно-политического деятеля Александра Ивановича Коновалова (1875–1949). Он окончил элитный Московский Императорский лицей в память Цесаревича Николая (Катковский лицей), получив прекрасное образование, которое во многом заложило основу для будущей научной карьеры. После падения царской власти в феврале 1917 года А.И. Коновалов вошел в состав Временного правительства в качестве министра торговли и промышленности. Именно он вел заседание кабинета министров в Зимнем дворце 25 октября 1917 г. в день большевистского переворота. Новые власти арестовали его, но в начале 1918 г. выпустили на свободу. Опасаясь за жизнь жены и сына, А.И. Коновалов вывез их за границу. С.А. Коновалов был отправлен родителями в Оксфорд для получения образования, и с этого момента вся его последующая жизнь будет связана с Англией. В 1922 г. он окончил Эксетер-колледж (Exeter College) с дипломом по экономике и политическим наукам. В 1925 г. он продолжил обучение и через два года защитил диссертацию о кредитно-экономических преобразованиях в Чехословакии¹²⁸².

¹²⁸¹ О С.А. Коновалове и его архиве смотри подробнее: *Ковалев М.В.* Оксфордский архив профессора С.А. Коновалова. // Отечественные архивы. 2015. № 5. С. 58–71; *Он же.* Профессор С.А. Коновалов и советско-британские научные связи. // Русское наследие в современном мире: Вторая международная научно-практическая конференция. Сборник научных трудов. Великобритания, г. Лондон, 27 июня 2017. Лондон: Комитет «Русское наследие в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии», 2017. С. 25–37; *Он же.* Документы по истории советско-британских научных связей в архивном собрании С.А. Коновалова в Оксфорде. // Документальное наследие России: проблемы теории и практики. Москва: Архив Российской Академии наук, 2018.

¹²⁸² Konovalov, Sergey: Monetary reconstruction in Czechoslovakia and its effects on economic life. Thesis submitted for the Degree of B. Litt. Exeter College, Oxford 1925 // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box B 35.

В 1929 г. С.А. Коновалов был принят на работу в Русский департамент (Russian Department) Бирмингемского университета. Его несомненная заслуга заключалась в том, что он одним из первых в британской академической среде указал на необходимость научного подхода к происходившим в СССР социально-экономическим процессам, их аналитического изучения. В 1931 г. С.А. Коновалов добился создания при Русском департаменте университета Бюро исследований экономического положения России (Birmingham Bureau of research on Russian economic conditions). История этого Бюро дает возможность поставить целый ряд вопросов, связанных с научными коммуникациями межвоенного времени, спецификой британского взгляда на Россию, особенностями россиеведческих традиций, практик конкуренции и сотрудничества. Это было время радикальной перестройки советской экономики в ходе коллективизации и индустриализации. Очевидно, что за этими процессами внимательно следили и на Западе, и на Востоке. Необходимо было осознать последствия этих процессов как в настоящем, так и в долгосрочной перспективе. Потому начинания С.А. Коновалова получили административную и финансовую поддержку.

С.А. Коновалов наладил выпуск научных записок — «Меморандумов» (Memorandum: Bureau of research on Russian economic conditions), которые должны были знакомить британцев с положением дел в советской экономике. Помещаемые в них обзоры были ориентированы не только на ученых, но на широкие экспертные и читательские круги. «Что характеризует новую [советскую] экономическую систему? Жизнеспособна ли она? Может ли новая система дать населению больше материальных благ, чем конкурирующий капитализм? Как она повлияет на другие страны?»¹²⁸³ — такие вопросы ставил С.А. Коновалов перед читателями и ими же очерчивал научную программу Бирмингемского бюро. На рубеже 1920–1930-х гг. эти вопросы приобрели не только научную, но и общественную остроту в силу того, что разразившийся мировой экономический кризис поставил под со-

¹²⁸³ Memorandum: Bureau of research on Russian economic conditions. 1931. № 1. P. 2.

мнение эффективность нерегулируемого капитализма. Что же касается Великобритании, то начало издания «Меморандумов» (май 1931 г.) совпало с наиболее тяжелой фазой кризиса, которая характеризовалась стремительным падением стоимости фунта стерлингов, сокращением золотого запаса страны, появлением огромного дефицита платежного баланса, ростом числа безработных. Ко времени издания первого «Меморандума» в СССР подходила к концу первая пятилетка; это обстоятельство определило тему выпуска. В номере сравнивались ожидания и реальные итоги развития разных отраслей экономики к 1931 г., оценивался рост показателей промышленности, сельского хозяйства, транспорта, инвестиций, учитывалась совокупная стоимость произведенного продукта.

Несомненная заслуга С.А. Коновалова заключалась в том, что он одним из первых в британской академической среде показал необходимость научного подхода к происходившим в СССР социально-экономическим процессам и продемонстрировал возможность их аналитического изучения. С.А. Коновалов, говоря современными терминами, вынашивал идею сетевого научного проекта по изучению СССР, желая привлечь к участию в нем ученых из разных городов и стран. Причина такого подхода отчасти кроется в нехватке нужных ему специалистов и в Бирмингеме, и в Великобритании вообще, ведь изучение Советского Союза в 1930-х гг. не относилось к числу популярных научных направлений. Давала о себе знать и скудность источниковой базы – в ту пору далеко не все западные университеты, в том числе британские, обладали необходимыми книжными и документальными коллекциями, связанными с Россией и СССР. Потому к работе в бюро С.А. Коновалов привлек ряд специалистов из эмигрантской среды, среди которых были как уже известные, так и начинающие исследователи. Здесь следует упомянуть о тесных связях с Прагой, объяснявшихся не только интересом С.А. Коновалова к чехословацкой экономике, и не только тем, что чехословацкая столица превратилась в интеллектуальный центр русской

эмиграции. Именно там сосредоточились важнейшие информационные ресурсы, необходимыми для изучения СССР.

В оксфордском архиве сохранились материалы, освещающие взаимоотношения С.А. Коновалова с Екатериной Дмитриевной Кусковой (1869–1958), крупной русской общественной деятельницей, и ее супругом – выдающимся экономистом Сергеем Николаевичем Прокоповичем (1871–1955). Обстоятельства этого знакомства пока прояснить не удалось, но, вероятно, оно состоялось при участии А.И. Коновалова, который, как и С.Н. Прокопович, был министром Временного правительства. Известно письмо А.И. Коновалова к Е.Д. Кусковой, в котором он просит помочь своему сыну: «Очень прошу Вас и Сергея Николаевича [Прокоповича] поддержать Сергея в его одиночестве в Англии. ... Человек он стал сугубо разочарованный, потерявший вкус и любовь к труду, и к жизни, влачащий свое существование»¹²⁸⁴.

Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович по решению советских властей были высланы за границу летом 1922 г. Некоторое время они жили в Берлине. Именно там их усилиями был создан Экономический кабинет, призванный собирать, систематизировать и анализировать материалы о социально-экономическом развитии Советской России. В апреле 1924 г. Экономический кабинет переместил свою работу Прагу, где получил поддержку чехословацкого правительства. Он быстро завоевал большой научный и общественный авторитет, к его аналитическим заметкам проявляли интерес чехословацкие политические круги. В 1928 г. началось издание «Бюллетеня Экономического кабинета» под редакцией С.Н. Прокоповича. Е.Д. Кускова в чехословацкий период жизни активно занималась журналистикой, особенно тесно сотрудничала с милуковской газетой «Последние новости». Что важно, она энергично помогала своему супругу в организации его ис-

¹²⁸⁴ Письмо А.И. Коновалова к Е.Д. Кусковой, 6 августа 1931 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 236. Л. 36 об.

следовательской работы и фактически администрировала работу Экономического кабинета.

С.А. Коновалов с самого начала работы Бирмингемского бюро наладил деловые связи с пражским кабинетом. Подчеркнем, что история взаимоотношений двух организаций почти не освещена в научной литературе. Так, О.Н. Бачурина, упоминая о сотрудничестве С.Н. Прокоповича с виднейшими учеными-эмигрантами, нигде не назвала имени С.А. Коновалова¹²⁸⁵. Не сказал о бирмингемских контактах Кабинета и А.Б. Ручкин¹²⁸⁶. Лишь британский историк Роберт Смит кратко обрисовал взаимоотношения С.А. Коновалова с русскими коллегами из Чехословакии¹²⁸⁷. Возникает соблазн предположить, что взаимоотношения Праги и Бирмингема не требуют специального внимания. Однако имеющиеся в оксфордском архиве материалы рисуют обширную картину личных и деловых связей и дают поистине бесценный материал для дальнейших исследований. Они обрисовывают взаимоотношения двух эмигрантских центров и их лидеров, вносят новые сведения в историю научных коммуникаций русской диаспоры, позволяют понять механизмы трансфера идей и знаний, роль межличностных отношений в этом процессе.

Период конца 1920-х– начала 1930-х гг. ознаменовался для пражского кабинета организационными трудностями, вызванными сокращением помощи в рамках «Русской акции». В этих обстоятельствах сотрудничество с Бирмингемом сделалось для Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповича чрезвычайно важным. Его несомненная выгода заключалась в возможностях обмена информацией, изданиями и, что особенно важно, в публикациях на английском языке. С.А. Коновалов приглашал пражских коллег в качестве

¹²⁸⁵ Бачурина О.Н. Экономическое наследие С.Н. Прокоповича и его общественно-политическая деятельность в эмиграции. СПб, 2005. С. 41.

¹²⁸⁶ Ручкин А.Б. Российское Зарубежье 1920-х годов: проблемы адаптации ученых-эмигрантов на примере Экономического кабинета С.Н. Прокоповича. М., 1999. С. 80–81.

¹²⁸⁷ Smith R.E.F. A Novelty: Russian at Birmingham University, 1917–67. Birmingham, 1987. P. 20–21.

авторов аналитических обзоров для «Меморандумов» и изыскивал средства для выплаты им гонораров.

Нельзя не сказать, сколь большое место он отводил поддержке начинающих ученых, тех, чья карьера оказалась прервана революцией и Гражданской войной, или тех, кто свой дебют в науке сделал уже на чужбине. Среди его пражских коллег к таковым относились экономист Александр Михайлович Байков и агроном Владимир Петрович Клонов. Собственно, к молодому поколению эмигрантов принадлежал и сам С.А. Коновалов. Он возглавил Бирмингемское бюро, когда ему было 32 года. Глубокое внимание к проблемам коллег, основанное на собственном опыте, имело огромное значение в условиях постепенного свертывания правительством Чехословакии «Русской акции», повлекшего сокращение финансирования эмигрантских проектов и резкое падение уровня жизни многих представителей русской диаспоры. В.П. Клонов хорошо охарактеризовал тяжесть сложившегося положения в письме к С.А. Коновалову от 26 ноября 1933 г.: «Мы, русские, сейчас здесь живем под редким влиянием всякого рода сокращений, увольнений и всякого рода других неприятностей»¹²⁸⁸.

Между тем, нельзя идеализировать взаимоотношения С.А. Коновалова с коллегами. Наука всегда является полем споров и конфликтов, а в замкнутой русской эмигрантской среде, раздираемой политическими противоречиями, они лишь обострялись. Сохранившиеся документы личного происхождения представляют С.А. Коновалова человеком бесконфликтным, но при этом крайне обидчивым. Так у него довольно быстро разладились отношения с С.П. Тюриным, лектором Лондонской школы славянских исследований. Тот, помимо участия в составлении аналитических обзоров, должен был заниматься переводами текстов других членов Бюро с русского на английский язык. Однако качество работы не устраивало С.А. Коновалова; по поводу одного из переведенных текстов

¹²⁸⁸ Письмо В.П. Клонова к С.А. Коновалову, 26 ноября 1933 г. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 17.

С.Н. Прокоповича он выразился следующим образом: «Тюрин статью испортил ... не сравнить с оригиналом»¹²⁸⁹. Чтобы решить подобные проблемы, а также вопросы ответственности членов за издательскую работу, С.А. Коновалов в январе 1932 г. предложил разделить всех участников Бюро на просто «членов» и «ассоциированных членов», причем положение ассоциированных будет более вольным, самостоятельным. В письме в Прагу он объяснял различия в их положении: «Тогда как члены Бюро не могут не нести ответственность за мою линию (общую и редакционную), ассоциированные члены смогут и не нести этой ответственности. Или нести ее в значительно меньшей мере. В силу условий нашей работы я, например, в будущем не всегда смогу обсуждать очередной материал со всеми членами бюро, как не смогу и рассылать корректуры – и мне не хотелось бы, чтобы на этой почве могли произойти у нас обиды и недоразумения»¹²⁹⁰. С.П. Тюрин был переведен в ассоциированные члены, но этот компромисс оказался временным. Вскоре отношения снова обострились в связи с тем, что лондонский коллега нарушил достигнутые соглашения и разгласил некую информацию, которую С.А. Коновалов считал конфиденциальной. К сожалению, на основе сохранившихся источников трудно судить о ее характере. В итоге с 1934 г. С.П. Тюрин уже не принимал участия в работе Бюро и издании «Меморандумов». С проблемой перевода экономических статей с русского языка на английский сталкивался не только С.П. Тюрин, но и другие русские члены Бюро. Лингвистическая проблема оказалась для эмиграции в числе злободневных: одно дело – разговорный язык, другое – писание профессиональных текстов. Далекое не все могли справиться с этим¹²⁹¹.

¹²⁸⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 237. Л. 15.

¹²⁹⁰ Там же. Л. 73.

¹²⁹¹ Ковалев М.В. Эмиграция и лингвистическая травма: русская диаспора в Праге в 1920–1930-е гг. // *Slovanské jazyky a literatury: hledání identity. Konference mladých slavistů IV–říjen 2008. Praha, 2009. S. 273–279.*

Но дело было не только в лингвистических трудностях, а в том, что русские эмигранты недостаточно хорошо понимали английского читателя. О.А. Казнина связывает это с тем, что англичанам была совершенно непонятна чрезмерная самокритичность русских по отношению к своей истории и себе – они, напротив, привыкли гордиться своей страной и своими национальными качествами¹²⁹². Видимо С.А. Коновалов именно это имел в виду, когда описывал «особый склад русской души, которую никогда не понять англичанам»¹²⁹³. Так, статья А.М. Байкова о колхозах, написанная для 5-го номера «Меморандумов», являла собой, по словам С.А. Коновалова, пример «русского стиля» – ее композиция была совершенно «нездешняя», поскольку английская публика привыкла к четким структурам с архитектурными контурами. Сергей Александрович писал по этому поводу Е.Д. Кусковой: «Как объяснить А.М. [Байкову] что у него каша! в статье! А.М. [Байков] понять не может, зачем испортили его глубокомыслие. А глубокомыслия-то не было – была лишь запутанность и кривобокость».¹²⁹⁴ Видимо, отчаявшись доказать ему свою правоту, С.А. Коновалов просит Е.Д. Кускову привлечь А.М. Байкова к изучению английской научной литературы: «Попросите его прочесть хотя бы один репорт английский (ну хоть Саймона или Макмилана) или Маршала, или Меморандумы Калифорнийского университета, или хотя бы один из наших меморандумов!»¹²⁹⁵ С.А. Коновалов был уверен в том, что «англичане не любят смеси московского с оксфордским».

В связи с работой Бирмингемского Бюро возникает еще один интересный вопрос: что служило основой для проводимых исследований, ведь его члены были лишены возможности посещать Советскую Россию. Трудность их положения состояла в том, что им приходилось работать с крайне

¹²⁹² Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 185.

¹²⁹³ Письмо С.А. Коновалова // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 237. Л. 75.

¹²⁹⁴ Там же. Л. 87.

¹²⁹⁵ Там же. Л. 89.

ограниченной эмпирической базой, а это требовало высокой степени профессионализма и больших затрат времени и сил. Одним из основных источников служили материалы официальной советской статистики, членам Бюро приходилось «просеивать крупницы правды сквозь массив лжи»¹²⁹⁶. В поле зрения попадали официально изданные в СССР планы по развитию хозяйства, статистические сборники, речи советских деятелей, журналы и газеты, такие как «Плановое хозяйство», «За индустриализацию», «Известия», «Труд», «Правда». Программу-минимум издания бирмингемский профессор определял так: «Если мы сможем отделить зерна от плевел и поспособствовать дальнейшим исследованиям и дискуссиям – мы будем удовлетворены»¹²⁹⁷. Он отмечал, что причина крылась не только в недостатке данных, а в том, что, сравнивая две экономические системы, было бы ненаучно акцентировать внимание на «недостатках» одной, не ссылаясь на другую: «У капитализма тоже есть свое кладбище, и не так легко подсчитать его могилы»¹²⁹⁸.

Благодаря усердной работе издателя, «Меморандумы» стали приобретать известность в различных кругах английского общества. С.А. Коновалов тщательно собирал и анализировал отзывы прессы о них. В мае 1932 г. он с радостью сообщал С.Н. Прокоповичу о новых откликах журналистов: «Наконец появилась подробная заметка в Таймс, которая подтолкнет другие консервативные издания и журналы, в Бирмингем Пост как всегда присутствует подробная и обстоятельная статья, правда в Морнинг Пост и Финаншэл Ньюс – слабо, и либеральная пресса молчит»¹²⁹⁹. С.А. Коновалов настроен положительно, он считает, что «жаловаться грешно», тем более, что «новость об убийстве президента Франции Поля

¹²⁹⁶ Memorandum: Bureau of research on Russian economic conditions. 1932. № 4. P. 17.

¹²⁹⁷ Memorandum: Bureau of research on Russian economic conditions. 1931. № 1. P. 2.

¹²⁹⁸ Memorandum: Bureau of research on Russian economic conditions. 1932. № 8. P. 3.

¹²⁹⁹ Письмо С.А. Коновалова С.Н. Прокоповичу, май 1932 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 237. Л. 88.

Думера занимает половину газеты».¹³⁰⁰ После выхода 8-го «Меморандума» в январе 1933 г. он сообщил Е.Д. Кусковой, что «Обзервер» – главная лондонская газета с либеральным уклоном – поместила заметку о работе Бюро, в которой выражала сочувствие и поддержку его деятельности¹³⁰¹. Сергей Александрович воспринимал это и как свою заслугу, и как знак признания и доверия к деятельности всего Бюро. В этом же письме профессор сообщал о внимании к организации со стороны лейбористской партии: «Лейбористы выражают нам благодарность! И без всякого с моей стороны повода! И после выхода № 8 – со всеми в нем резкостями – с английской точки зрения это предел дерзания! Это большая победа!»¹³⁰². Правда, совершенно невозможно понять, какая именно группа в лейбористской партии поддерживает Бюро, а ведь к 1933 г. в ней сложилось множество различных течений. Здесь же С.А. Коновалов неожиданно добавляет, что «18 месяцев тому назад я и ставил одной из задач повлиять на либеральную и рабочую партию, но пока не надеялся на успех. Значит, если бы мы еще год просуществовали и укрепили здесь нашу деятельность, то, несомненно, мы бы завоевали все права гражданства. Принимая же во внимание отталкивание от всего иностранного, замечающееся здесь с 1931 г., полное недоверие к русским эмигрантским научным построениям, к эмиграции и пропаганде (всем надоело это здесь вконец) - даже я, пессимист, не хуже С.Н. [Прокоповича] – считаю, что успех наш громадный. И мне смешно – даже не обидно, что [русские] парижане, лондонцы и пр[очие] нас проморгали! Ну не дурачье ли! А ведь могли в свое время помочь: если бы каждый русский не замалчивал нашей работы, а говорил бы о ней – глядь, сотня подписчиков»¹³⁰³.

Неудивительно, что в английском обществе в это время наметилось некое отстранение от всего иностранного – экономический кризис определил

¹³⁰⁰ Там же. Л. 91.

¹³⁰¹ Там же. Л. 10.

¹³⁰² Там же. Л. 8.

¹³⁰³ Там же. Л. 7.

сосредоточение на внутренних проблемах. Для С.А. Коновалова же было важно получить одобрение своей работы в британских кругах, чтобы подтвердить правоту избранной научной программы. Что же касается его отношения к русской эмиграции, то здесь сложно не заметить негативный, даже слегка презрительный оттенок. В какой-то степени умеренная позиция С.А. Коновалова, а также то, что «Меморандумы» анализировали достижения экономического развития Советской России, объясняет нежелание многих русских эмигрантов способствовать их изданию.

Однако критика раздавалась не только из эмигрантского лагеря. В марте 1932 г. С.А. Коновалов приводит в письме цитату из ежемесячного английского журнала «Советская Россия сегодня», в котором Бирмингемское Бюро обвинялось в антисоветской пропаганде и в предоставлении английской прессе искаженной информации о Советском Союзе. Журнал, субсидируемый советской стороной, описывал бирмингемскую организацию так: «На данный момент Бюро специализируется на выявлении недостатков англо–советского торгового договора. Оно состоит из белых эмигрантов, одного англичанина и немца – мистера Шенкмана, который после того, как был освобожден от должности в советском институте экономических исследований, принял участие в секретном совещании консерваторов в Палате Общин»¹³⁰⁴.

Однако из имеющейся в архиве корреспонденции становится понятно, что далеко не все смотрели восторженно на сотрудничество Праги и Бирмингема, не все понимали его перспективы и возможности. В одном из писем к С.А. Коновалову, к сожалению, не датированном, А.М. Байков писал, что бирмингемские издания имеют малый отклик в Чехословакии из-за недостаточного знания местными интеллектуальными кругами английского языка¹³⁰⁵. В Англии же к деятельности Бирмингемского бюро ревностно

¹³⁰⁴ Там же. Л. 13.

¹³⁰⁵ Письмо А.М. Байкова к С.А. Коновалову, б.д. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 5.

относился сэр Бернард Пейрс, считавшийся ведущим британским специалистом по России. Он решил перетянуть С.Н. Прокоповича и Е.Д. Кускову на свою сторону, пригласив печататься на страницах издаваемого им журнала «The Slavonic and East European Review». Тем самым он отрывал бы важных для С.А. Коновалова авторов от его «Меморандумов».

По иронии судьбы Б. Пейрс некогда сыграл определенную роль в жизни С.А. Коновалова. Еще до революционных вихрей 1917 г. британец зарекомендовал себя как видный специалист по России. У него сложились тесные связи с русскими культурными, общественными и политическими деятелями. Был среди них и А.И. Коновалов – отец будущего профессора. В годы Первой мировой войны Б. Пейрса назначили референтом британского правительства, он начал работать корреспондентом «The Daily Telegraph», находясь при русской армии. О.А. Казнина выяснила, что с помощью Дж. Бьюкенена – посла Великобритании в России в годы Первой мировой войны – было получено разрешение дать в Англии университетское образование детям русских политических, общественных и культурных деятелей, «работавших в направлении, благоприятном Англии и Антанте»¹³⁰⁶. Изучая архив Б. Пейрса, она обнаружила списки претендентов на эти вакансии. Среди них сыновья А.Ф. Керенского, дочь П.Н. Милюкова, сыновья В.Д. Набокова, дочь А.И. Гучкова, сыновья П.Б. Струве, внуки Н.А. Хомякова, сыновья В.Н. Бобринского, сын академика Н.Я. Марра, сыновья К.И. Чуковского, а также сын А.И. Коновалова.

В ответ в марте 1933 года С.А. Коновалов написал Е.Д. Кусковой пространное письмо, в котором предостерегал от сотрудничества с Б. Пейрсом. Он настаивал, что в противном случае созданные русскими учеными работы будут служить «не нашим целям, а злым целям», «и не научным». Он увещевал своих пражских коллег: «Вам придется выступать

¹³⁰⁶ Казнина О.А. Указ. соч. С. 36.

с людьми, которые окрасят все в свой цвет»¹³⁰⁷. Под ними С.А. Коновалов понимал британских политиков, имевших возможность использовать работы русских экономистов в идеологических целях. С.А. Коновалов подчеркнуто демонстрировал иную линию и качестве примера приводил историю, когда лорд N запросил у него отчет о кредитоспособности СССР. Русский профессор вежливо отказал ему, сославшись на то, что информирование политиков – это «не наше дело»¹³⁰⁸.

Из письма С.А. Коновалова к Е.Д. Кусковой 1934 г. узнаем, что Б. Пейрс действительно был секретарем комитета по отбору студентов, распределял квоты, и поэтому считал, что Сергей Александрович обязан своим британским образованием именно ему: если бы не он, то русских «азиатов-эмигрантов» никогда бы не приняли в Оксфорд, не дали бы возможности вообще учиться в Англии. С.А. Коновалов такой подход воспринимал как оскорбление и абсолютную нелепость, отмечая, что «Пейрс, по-видимому, совсем рехнулся»¹³⁰⁹. Так или иначе, большинство детей русских эмигрантов, оказавшихся на учебе в Англии были сыновьями крупных общественных деятелей, успешных предпринимателей – влиятельных и обеспеченных людей, способных платить за обучение. Тем не менее, полностью отрицать участие Б. Пейрса в судьбе С.А. Коновалова, его помощь русским эмигрантам в получении образования нельзя, но не стоит и слишком переоценивать его роль.

Причины конфликта между С.А. Коноваловым и Б. Пейрсом еще нуждаются в детальной реконструкции, но все же его определенные черты можно выделить на основе имеющихся фактов. Отправной точкой конфликта стало то, что Б. Пейрс начал переманивать пражских коллег С.А. Коновалова к себе в журнал, отодвигая их от сотрудничества с бир-

¹³⁰⁷ Письмо С.А. Коновалова к Е.Д. Кусковой, март 1931 года. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 237. Л. 39.

¹³⁰⁸ Там же. Л. 40.

¹³⁰⁹ Письмо С.А. Коновалова к Е.Д. Кусковой // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 237. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 237. Л. 75.

мингемским изданием. В данной ситуации Сергея Александровича оскорбляло то, что английский коллега отбивал не просто авторов, но членов его организации: «Раз Пейрсу нужна работа членов Бюро, то вполне естественно ему обратиться за ней в Бюро, которое представляет (и до сих пор из всех сил представляло) интересы членов Бюро»¹³¹⁰. С точки зрения С.А. Коновалова, Б. Пейрс намеренно добивался ухудшения положения Бирмингемского Бюро. Особенно неприятным было то, что британский ученый узнал о существовании пражского Экономического кабинета через С.А. Коновалова, когда тот принес ему «Бюллетень» и рассказал о работе своих коллег в Чехословакии¹³¹¹.

Перерыв в издании «Меморандумов» приходится на время обострения конфликта с Б. Пейрсом (8-й номер издан в декабре 1932 г., а следующий – в ноябре 1934 г.). Одновременно он был связан с финансовыми трудностями. О.А. Казнина замечает, что в связи с этими обстоятельствами Б. Пейрс с торжеством сообщал в Прагу С.Н. Прокоповичу и Е.Д. Кусковой: «Коновалов не находит возможности продолжать Меморандумы»¹³¹². Интересно, что в это же самое время им активно писал С.А. Коновалов, в свою очередь жалуясь на Б. Пейрса.

В марте 1933 г. Сергей Александрович отправил в Прагу пространное письмо, в котором предостерегал от сотрудничества с Б. Пейрсом. Он настаивал, что в противном случае созданные русскими учеными работы будут служить «не нашим целям, а злым целям», «и не научным». Он увещевал своих пражских коллег: «Вам придется выступать с людьми, которые окрасят все в свой цвет»¹³¹³. Под ними С.А. Коновалов понимал британских политиков, имевших возможность использовать работы русских экономистов в идеологических целях. С.А. Коновалов подчеркнуто демон-

¹³¹⁰ Там же. Л. 41.

¹³¹¹ Там же. Л. 49.

¹³¹² Казнина О.А. Указ. соч. С. 181.

¹³¹³ Письмо С.А. Коновалова // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 237. Л. 39.

стрировал иную линию и качестве примера приводил историю, когда лорд Н запросил у него отчет о кредитоспособности СССР. Русский профессор вежливо отказал ему, сославшись на то, что информирование политиков – это «не наше дело»¹³¹⁴. Попутно отметим, что С.А. Коновалов в равной степени пытался дистанцироваться и от текущей эмигрантской политики.

Таким образом, С.А. Коновалов твердо стоял на позиции отстранения от политики и тем более от сотрудничества с английскими властями. Свое отношение он ярко выразил в вопросе, обращенном к Е.Д. Кусковой: «Неужели вы действительно считаете нашим делом просвещать капиталистических акул?»¹³¹⁵ Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович, между тем не считали сотрудничество с Б. Пейрсом позорным, поскольку он был хорошо известен в академических кругах. Попутно отметим, что С.А. Коновалов в равной степени пытался дистанцироваться и от текущей эмигрантской политики.

Общение С.А. Коновалова с пражскими коллегами было динамичным. Коммуникации выстраивались главным образом посредством регулярной переписки, хотя известно, что бирмингемский профессор бывал в Праге, как минимум в 1932 году. Е.Д. Кускова писала С.А. Коновалову очень часто, иногда по несколько раз в месяц, С.Н. Прокопович – гораздо реже. Однако это обстоятельство объяснялось лишь тем, что основную деловую корреспонденцию вела за него супруга. Судя по тону переписки, Е.Д. Кускова с почтением и уважением относилась к С.А. Коновалову, несмотря на тридцатилетнюю разницу в возрасте и расхождения во взглядах. Она делилась с ним мыслями не только о работе, но также о коллегах, политической ситуации и международном положении. Е.Д. Кускова подробно описывала в своих письмах жизнь русской диаспоры в Чехословакии и служила для С.А. Коновалова «окном» в мир «русской Праги». От нее он узнавал все важнейшие события, будь то драка в парламенте республики,

¹³¹⁴ Там же. Л. 40.

¹³¹⁵ Там же. Л. 51.

приезды Павла Николаевича Милюкова и Александра Федоровича Керенского, смерть и похороны Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской, тяжелая болезнь С.Н. Прокоповича. Подробности описания повседневной жизни русской диаспоры в Праге поражают ощущением безысходности, горьким осознанием отсутствия перспектив и чувством бессилия. Потеря жизненных ориентиров нередко приводила к трагическим развязкам. Осенью 1933 года Е.Д. Кускова написала С.А. Коновалову о самоубийстве профессора Василия Васильевича Водовозова, бросившегося под поезд и измятого колесами до неузнаваемости (письмо от 24 октября), а затем 16 ноября сообщила о добровольном уходе из жизни его жены, принявшей смертельную дозу веронала: «Правда, жить ей нельзя было никак: душевно — давно опустошенный и крайне озлобленный человек; материально — 450 к[рон] в месяц. Решила, что не стоит...»¹³¹⁶. Но, несмотря на эти тяжелые потрясения, Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович по-прежнему были проникнуты ощущением мессианской важности своей работы, чувством своей общественной значимости и правоты, порой противопоставляя себя остальным: «Вот [Петр Николаевич] Савицкий на свое глупое евразийство какие-то деньги достает. А мы — на безусловно умное дело достать средства не можем»¹³¹⁷.

Анализируя сохранившуюся в архиве С.А. Коновалову предвоенную переписку, отчетливо понимаешь, с каким ужасом, с какой тревогой следили русские эмигранты за нараставшим в Европе в 1930-е гг. кризисом, как пугала их перспектива новой мировой войны. В ноябре 1933 года Е.Д. Кускова рассказывала в письме, что в пражских газетах помещена информация о магазинах, в которых горожанам следует купить противогазы. Здесь же и новости о повсеместном создании подземных убежищ: «Одним словом — последний крик моды в цивилизованной Европе! Забраться под

¹³¹⁶ Письмо Е.Д. Кусковой к С.А. Коновалову, 16 ноября 1933 г. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 17.

¹³¹⁷ Письмо Е.Д. Кусковой к С.А. Коновалову, 24 октября 1933 г. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 17.

землю по возможности со всеми удобствами. Наша хозяйка предполагает провести туда воду. Неизвестно, поставит ли ванну»¹³¹⁸. Напомним, что 12 ноября 1933 г. состоялись парламентские выборы в Германии, по итогам которых нацисты получили все места в Рейхстаге, и референдум, на котором 95,1 % проголосовавших высказались за выход страны из Лиги Наций. Судя по сохранившимся письмам, Е.Д. Кускова определенные надежды возлагала на создание системы коллективной безопасности. Она внимательно следила за миссией Максима Максимовича Литвинова в Вашингтоне в ноябре 1933 года, которая привела к установлению дипломатических отношений между СССР и США. Она полагала, что имелся реальный шанс снизить напряженность в мире, и соглашалась с мнением Эдварда Бенеша, что, если в ближайшие два года международное положение не удастся стабилизировать, то начнется страшный хаос, который приведет к закату Европы¹³¹⁹. Но одновременно она опасалась, что сближение Чехословакии с СССР осложнит жизнь русской диаспоры. Ее пугал просоветский настрой отдельных местных интеллектуалов. В письме от 28 ноября 1933 г. она описывала С.А. Коновалову примечательное выступление литературоведа И. Горака: «Недавно виднейший здесь знаток русской литературы, проф[ессор] Horák, выступал с П.Н. Милюковым на прекрасном вечере памяти Тургенева. Но вот присуждена премия И.А. Бунину. Он ставит особую лекцию под заглавием “Иван Алексеевич Бунин”. Казалось бы, на именинах бить по лицу нельзя. Но профессор говорит, что премия присуждена неправильно. Что Бунин малоизвестен, что он – очеркист, бытописатель, больших полотен не создал, что он не имеет широких общественных идеалов. И резюме: эта премия принадлежит Максиму Горькому...»¹³²⁰. Вскоре опасения Е.Д. Кусковой в значительной мере подтвердятся. Чехо-

¹³¹⁸ Письмо Е.Д. Кусковой к С.А. Коновалову, 16 ноября 1933 г. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 17.

¹³¹⁹ Письмо Е.Д. Кусковой к С.А. Коновалову, 6 ноября 1933 г. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 17.

¹³²⁰ Письмо Е.Д. Кусковой к С.А. Коновалову, 28 ноября 1933 г. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 17.

словацкие власти будут вынуждены дистанцироваться от русской эмиграции, опасаясь критики советской стороны.

Роковые для Чехословакии события 1938 г. отразились на судьбе Экономического кабинета и его лидеров. Перед Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповичем встал вопрос об отъезде из Чехословакии, который требовал денег, виз и, главное, правильно выбранного направления: Беспокойством, а порой и отчаянием были пронизаны письма Е.Д. Кусковой из Праги: «Хотели прокатиться во Францию, но эта легкомысленная дама еще неизвестно куда кувыркнется. Еще хорошо – в объятия Даладье. А если к Торезу? Это – раз. А затем там будет трудно найти заработок. Правда, еще труднее его будет – при теперешних условиях – найти здесь. Но – посмотрим, какой режим даст нам новый президент (партии Крамаржа). Думаем, что до самого правого края эксцессы здесь не дойдут. А положение – всюду трудное. Вот и гадай на пальцах»¹³²¹. Но гадать не пришлось. Дальнейшее развитие событий заставило С.Н. Прокоповича и Е.Д. Кускову любыми путями выбраться из Праги. В январе 1939 г. они начали оформлять документы на выезд, однако обстоятельства вновь оказались сильнее человеческих желаний. 15 марта 1939 г. Адольф Гитлер объявил о создании протектората Богемии и Моравии. Е.Д. Кускова и ее муж по-прежнему оставались без виз и перспектив. Но и в таких тяжелых обстоятельствах двое старых русских эмигрантов не переставали думать о науке. В конце мая 1939 г. Е.Д. Кускова рассказывала С.А. Коновалову о новой книге С.Н. Прокоповича, в которой он попытался объяснить причины мирового кризиса: «Исчерпывающе разработан вопрос о колониях, о заселенности стран, о переселениях и т.д. Обо всем то, что составляет сейчас внутреннюю основу кризиса. ... А между тем достаточно внимательного вчитаться в суть работы, чтобы понять, что там даны ответы и объяснения самых

¹³²¹ Письмо Г.П. Струве к С.А. Коновалову, 28 ноября 1938 г. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 16.

важнейших углов современности»¹³²². В оксфордском архиве имеется еще одно примечательное письмо от Е.Д. Кусковой. Оно датировано 28 октября 1939 г. и послано уже из Женевы, куда она и ее муж смогли выехать ценой больших усилий. Е.Д. Кускова подробно излагает научные планы, рассказывает о работе С.Н. Прокоповича по заказу Корпорации Карнеги над книгой о советской экономике и анонсирует новые выпуски «Бюллетеня». Теперь уже на английском языке¹³²³. Несмотря на определенный оптимизм, психологическое состояние двух уже немолодых русских эмигрантов было тяжелым и подавленным. Об этом Е.Д. Кускова, не скрывая, написала С.А. Коновалову: «Но, разумеется, для всех современных переживаний мы стары. ... Сейчас все кругом так мрачно и так тяжело жить»¹³²⁴.

Е.Д. Кускова при этом не переставала жадно следить за текущей политикой, смело высказывать свое мнение и делать прогнозы. Ее и С.Н. Прокоповича интересовали взаимоотношения Германии и СССР после заключения Пакта Молотова – Риббентропа. Е.Д. Кускову пугало советско-германское сближение и особо, как следует из письма от 15 декабря 1939 г., раздел сфер влияния в Европе: «О событиях Вы все знаете. Скоро положительно будет стыдно русское имя. Большевики перещеголяли своего союзника, Гитлера. Тому все же, в случае длительной войны, могли наносить вред — и не малый — и Чехословакия, и Польша. Но чем могла угрожать маленькая, такая прекрасная Финляндия, этого не поймет никогда и никто. Куда, на кого еще бросятся эти два разбойника? Время до того ужасное, что минутами не хочется жить»¹³²⁵.

В письмах 1939 г. она обговаривала планы дальнейшего сотрудничества с С.А. Коноваловым и его Бирмингемским бюро. Правда, тон ее посланий

¹³²² Письмо Е.Д. Кусковой к С.А. Коновалову, 24 мая 1939 г. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 3.

¹³²³ Письмо Е.Д. Кусковой к С.А. Коновалову, 28 октября 1939 г. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 3.

¹³²⁴ Там же.

¹³²⁵ Письмо Е.Д. Кусковой к С.А. Коновалову, 15 декабря 1939 г. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 3.

нередко свидетельствовал о сложном, неуживчивом характере, который создавал трудности для совместной работы. Нередко она прямо поучала С.А. Коновалова, настойчиво проводила свою линию, невзирая ни на что. Следует признать, что развитию сотрудничества в это время мешали трудности почтового сообщения, ограничения валютных операций, отсутствие должного финансирования. О последней проблеме очень ясно написала Е.Д. Кускова 31 января 1940 г.: «Все-таки удивительное дело! Для профессора [Владимира Николаевича] Ипатьева с его химией американцы создали богатейшие условия для его работы. А вот экономист должен биться за каждый доллар, чтобы сделать свою нужную всем работу! И это в такую эпоху, когда экономика играет столь огромную роль во всех событиях. А мы вот не знаем: сможем продолжать эту работу или нет? Не может создать необходимых условий и Ваше бюро. Факт – удивительный и крайне, крайне печальный»¹³²⁶.

Для С.Н. Прокоповича и Е.Д. Кусковой бирмингемский коллега был важен с точки зрения продвижения Экономического института в британской среде, причем ставки на эту поддержку резко возросли после их отъезда в Швейцарию. Косвенные сведения говорят об их попытках найти работу в Великобритании. В декабре 1939 г., когда супруги уже покинули Прагу и обосновались в Женеве, Е.Д. Кускова написала С.А. Коновалову и попросила помочь с распространением нового выпуска «Бюллетеня», в том числе через известный книжный магазин Blackwell. Вместе с письмом она направила ему сразу 50 экземпляров журнала, издание которого удалось возобновить в Швейцарии. Примечательно, что речь шла о номере, посвященном взаимоотношениям Германии и СССР. Е.Д. Кускова подчеркивала, что эта тема чрезвычайно увлекает С.Н. Прокоповича, и что вышедший номер уже был распространен среди делегатов, собравшихся на сессию Лиги

¹³²⁶ Письмо Е.Д. Кусковой к С.А. Коновалову, 31 января 1940 г. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 3.

Наций¹³²⁷. Обратим внимание на тот факт, что Е.Д. Кускова порой попрекала С.А. Коновалова, считая его усилия по продвижению в Англии работ Экономического кабинета недостаточными. Так, еще весной 1939 г. рукопись книги С.Н. Прокоповича, посвященная современным экономическим проблемам и направленная в Oxford University Press, получила диаметрально противоположные отзывы. Е.Д. Кускова в письме к С.А. Коновалову выразила свое неудовольствие и косвенно обвинила в случившемся его самого: «Руки у нас нет в Ваших краях. Вы заняты своим и не очень любите язык С[ергея] Н[иколаевича]»¹³²⁸.

Однако Е.Д. Кускова совершенно не принимала во внимание трудности, возникшие перед самим С.А. Коноваловым, которые были связаны не только с происками Б. Пейрса или недопониманием коллег. В 1940 г. Бирмингемское бюро прекратило свое существование, а вместе с ним и издаваемые «Меморандумы». С одной стороны, начавшаяся Вторая мировая война привела к сокращению расходов на науку и издательскую деятельность, сужению круга сотрудников. С другой стороны, уже с конца 1930-х гг. наметилась смена исследовательских интересов С.А. Коновалова: от современной экономики он уходил в сторону изучения русской истории, литературы и искусства. Он всегда был человеком широких интересов – устраивал в Бирмингеме выставки русских художников, пытался перевести на английский язык драму А.А. Блока «Роза и крест», следил за театральными постановками и кинематографом. Но именно к концу 1930-х гг. ориентация на историко-культурные сюжеты взяла верх над социально-экономическими. Эти метаморфозы имели под собой много разных причин. И все же в числе главных следует назвать постепенную переоценку С.А. Коноваловым советского настоящего. О.А. Казнина уподобила его отношение к новой советской культуре позиции «сменовеховцев» и левых

¹³²⁷ Письмо Е.Д. Кусковой к С.А. Коновалову, 15 декабря 1939 г. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 3.

¹³²⁸ Письмо Е.Д. Кусковой к С.А. Коновалову, 24 мая 1939 года. // University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections. Prof. S. Konovalov Collection. Box A 3.

евразийцев, считавших, что истинные духовные свершения творятся на Родине, а не в зарубежье¹³²⁹. И хотя их взгляды нельзя отождествлять безоговорочно, следует признать, что С.А. Коновалов не был склонен преувеличивать историческую роль русской эмиграции и возвеличивать ее миссию. По этому поводу он писал Е.Д. Кусковой: «Эмиграция считает себя солью земли. В России плохо, но не эмиграция делает хорошо»¹³³⁰. Для Е.Д. Кусковой, с ее остро критическим взглядом на советскую действительность, такая оценка вряд ли была близка. В 1931 году С.А. Коновалов изложил свои сокровенные мысли в письме Е.Д. Кусковой: «Вы очень уверены, что моя молодость – залог возможностей и источник жизненных сил и радостей, почти что верная гарантия достижений. Но я не согласен с Вами. Эта молодость, возможно, и является главной причиной неудовлетворенности. Чувствовать, что она проходит и, вероятно, пройдет безызвестно, бесцельно, дешево, не оставит по себе следа в России — чувствовать это не радостно. Вы скажете, что мне могут многие позавидовать. Да и завидуют — правда. Нельзя жить без среды, среди чужих людей и идей. ... Подлинная жизнь все-таки только там — только там»¹³³¹. С течением времени эти раздумья лишь усиливались и закрепляли изменение картины мира.

Расхождения во взглядах отчетливо рисуют проблему «отцов» и «детей» эмиграции. С.Н. Прокопович и особенно его энергичная супруга осознавали себя наделенными бесценным социальным опытом и на этом основании считали вправе диктовать условия С.А. Коновалову, поучать его. Так, они настороженно относились к популяризации научных знаний и всецело стояли за «чистую науку». С.А. Коновалов, напротив, выступал за расширение круга читателей своих «Меморандумов», пропагандируя необходимость развития знаний об СССР, но при этом без снижения науч-

¹³²⁹ Казнина О.А. Указ. соч. С. 184.

¹³³⁰ Письмо С.А. Коновалова к Е.Д. Кусковой, б.д. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 237. Л. 83.

¹³³¹ Письмо С.А. Коновалова к Е.Д. Кусковой, б.д. // Там же. Л. 64.

ного уровня. Однако при декларируемом академизме и научной беспристрастности Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович считали возможным сотрудничество с европейскими политическими кругами, а С.А. Коновалов — нет. Поколенческие различия выражались в разном понимании феномена русской эмиграции. В то время как Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович верили в ее мессианизм, С.А. Коновалов стремился осознать переживаемые события и рефлексировал по поводу того, что стало бы с ним, если бы он не покинул Родину.

Глава 4. Семинарий (Институт) имени Н.П. Кондакова и мировая наука

§ 1. Семинарий (Институт) имени Н.П. Кондакова: наука в вихре политических потрясений

Среди всех эмигрантских научных организаций и объединений, возникших в межвоенной Чехословакии, наибольшую международную известность получил Семинарий (впоследствии – Институт) имени Н.П. Кондакова. Закономерно, что вокруг его деятельности сложилась обширная историография, которые сама по себе могла бы стать предметом специального изучения. Издания кондаковцев по-прежнему востребованы в мировой науке: их активно цитируют и анализируют. Кроме того, созданный несколько лет назад при Масариковом университете в Брно Центр раннесредневековых исследований и издаваемый им журнал «CONVIVIVUM» позиционирует себя если не прямым наследником кондаковского объединения, то уж точно декларирует идейную преемственность с ним. В чем же причина стойкости интеллектуальной традиции и востребованности давнего научного наследия? Как совсем немногочисленное объединение ученых-эмигрантов, основанное исключительно на благородном энтузиазме, превратилось в авторитетную международную научную организацию, которая по сей день служит важным ориентиром для специалистов? Как его известность распространилась далеко за пределы одной конкретной страны, и что способствовало такому успеху?

Семинарий имени Н.П. Кондакова объединил друзей, учеников и последователей этого выдающегося русского историка искусства. Он начал работу весной 1925 г., а его создание стало своего рода данью памяти академику, окончившему свои дни в Праге. Среди первых участников были М.А. Андреева, Н.М. Беляев, Г.В. Вернадский, А.П. Калитинский, Л.В. Кондрацкая, В.Н. Лосский, Д.А. Расовский, Т.Н. Родзянко, Н.П. Толль, Н.Г. Яшвилль. Большинство из них посещали лекции академика

в Карловом университете. Они же были участниками его домашнего семинара. В квартире на Малой Стране, подаренной семьей американских филантропов Крейнов, академик регулярно собирал учеников и коллег. Хозяин дома всегда собственноручно разогревал чай на «спиртовке» и подавал к столу варенье, кокосовое печенье и другие сласти¹³³². Так Н.П. Кондаков из выдающегося ученого с весьма непростым характером превращался в радушного хозяина: «В этой новой обстановке с хозяином и гости его чувствовали себя вольнее и непринужденнее, и они посещали Никодима Павловича ... часто и охотно»¹³³³.

После смерти учителя и наставника, его ученики, по их собственному признанию, поняли, «что не могут так сразу разойтись и расстаться друг с другом в дальнейшей научной работе, ибо такой разброд означал бы измену памяти Н.П. Кондакова, который объединил их в творческой научной работе»¹³³⁴. Идея не просто научного, но духовного братства закреплялась публично, окружала кондаковцем особым ореолом. Например, газета «Таллинский русский голос» величаво именовало их объединение «одним из семи чудес русской эмиграции»¹³³⁵. Она рисовала коллективный портрет верных учеников, которые на могиле учителя поклялись продолжать его дело. По словам неизвестного автора газетной заметки, Н.П. Кондаков был первым, кто убедительно показал взаимосвязь русской культуры с культурами Запада и Востока. Своими исследованиями он заставил мировую науку считаться с русской археологией. Ученики остались верны этому наследию, и своей самоотверженной работой в крайне стесненных условиях доказали это¹³³⁶. Показательно, что создание Семинария понача-

¹³³² Лосский Б.Н. Указ. соч. С. 16.

¹³³³ Францев В.А. Из воспоминаний о Н.П. Кондакове // Прага: русский взгляд: Век семнадцатый – век двадцать первый / Сост. и авт. комм. Н.Л. Глазкова. М., 2003. С. 120.

¹³³⁴ Цит. по: Беляев С.А. Из истории становления Семинария имени академика Н.П. Кондакова // Русская эмиграция в Европе (20-е – 30-е годы XX века). М., 1996. С. 4.

¹³³⁵ Seminarium Kondakovianum // Таллинский русский голос. Таллин, 1933. 23 декабря. № 59. С 4.

¹³³⁶ Там же.

лу не было облечено никакими юридическими формами. Это было вольное объединение, с негласно очерченной исследовательской программой, продолжавшее традиции российской науки, но при этом открытое внешнему миру.

Главой Семинария стал археолог Александр Петрович Калитинский (1879–1946), бывший профессор Императорского московского археологического института, ученик В.А. Городцова и Д.Н. Анучина¹³³⁷. Вместе со своей женой, знаменитой актрисой Московского художественного театра Марией Николаевной Германовой (1883–1940), он с 1919 г. находился в эмиграции. В период недолгого пребывания в Берлине он был избран преподавателем Русского научного института по курсу археологии, но к чтению лекций не приступил, получив приглашение на переезд в Прагу. Если до революции А.П. Калитинский интересовался, в основном, антропологией (эволюция неандертальцев, реконструкция лица по черепу) и первобытным искусством (наскальные изображения Олонецкой губернии), то в эмиграции он обратился к византийской археологии, в частности – к изучению фибул¹³³⁸.

В круг научных задач Семинария входило изучение древностей Византии, Ближнего Востока и России, но при этом более масштабной задачей

¹³³⁷ Хотя А.П. Калитинский до прихода в археологию окончил физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе, и хотя время его вовлечения в науку в значительной степени пришлось на время Первой мировой войны, трудно согласиться с мнением М.Ю. Сорокиной и Н.Ю. Стоюхиной, что у него не было ни публикаций, ни полевых исследований и экскурсий, и что опыт светской жизни перевешивал исследовательский (*Сорокина М.Ю., Стоюхина Н.Ю.* К биографии историка Николая Петровича Толля (1894–1985): новые архивные данные // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М., 2014. С. 210). Исследовательская практика все же была. С 1910 по 1917 гг. А.П. Калитинский совершил научные командировки для изучения музейных коллекций в Берлин, Вену, Париж, Афины и Каир (*Curriculum vitae* // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1570. Оп. 1. Д. 44. Л. 1). Кроме того, он опубликовал серию статей в журнале «Природа», см., например: *Калитинский А.П.* Ископаемый человек. I. Неандертальский человек // *Природа*. 1914. № 3. С. 311–330; *Он же.* Ископаемый человек. II. Лёссовая раса охотников // *Природа*. 1914. № 5. С. 559–572; *Он же.* О реконструкции лица по черепу // *Природа*. 1917. № 2. С. 253–259 и др.

¹³³⁸ *Curriculum vitae* // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1570. Оп. 1. Д. 44. Л. 2.

декларировалось исследование межкультурных связей народов Евразии. Нельзя не заметить глобализма научных и культурных притязаний кондаковцев, который хорошо вписывался в мессианский настрой русской эмиграции в целом. Поэтому А.П. Калитинский и мог с гордостью сообщить Юрию Николаевичу Рериху (1902–1960), что «сейчас вне России только мы поставили себе задачей уяснение истоков русской культуры, следуя “кондаковскому методу”»¹³³⁹. При этом такое «уяснение» мыслилось исключительно в контексте интернациональных научных коммуникаций. В отличие от многих эмигрантских объединений, ориентированных в первую очередь на внутренний мир Зарубежной России, пражский Семинарий изначально стремился выйти за узкие национальные границы, взяв курс на тесное и неразрывное взаимодействие с мировой наукой. В этом плане члены Семинария следовали программе своего идейного учителя. Н.П. Кондаков был в числе русских ученых-гуманитариев, обретших поистине мировую известность. Он изучал русские и византийские древности, но при этом плодотворно использовал приемы западной науки. Он был близок к русским националистам¹³⁴⁰, но при этом всегда поддерживал тесные деловые контакты с иностранными коллегами. Правда эти связи были отмечены некоторой избирательностью: так Н.П. Кондаков горячо любил Францию и французскую науку, гордо носил в петлице розетку Ордена Почетного Легиона, но терпеть не могу Германии и немцев¹³⁴¹. Балканские

¹³³⁹ Переписка Ю.Н. Рериха и А.П. Калитинского / Публ. и ком. В.А. Росова // Ариаварта. СПб., 1996. Вып. 1. С. 175.

¹³⁴⁰ В 1901 г. Н.П. Кондаков вместе с некоторыми другими крупными учеными (К.Я. Грот, Н.П. Лихачев, Н.В. Покровский, А.И. Соболевский) был в числе учредителей правомонархического «Русского собрания». Показательно, что осенью 1913 г. во время выборов новых членов Петербургской академии наук литературовед Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) не без оснований боялся, что его кандидатура будет забаллотирована ввиду еврейского происхождения. Опасался он, в частности, и Н.П. Кондакова (*Груздева Е.Н.* Избрание в ординарные академики В.Н. Перетца (реконструкция событий по архивным материалам) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 255–256). Впрочем, для В.Н. Перетца все закончилось хорошо, он был избран академиком.

¹³⁴¹ Важнейшие исследования Н.П. Кондакова были опубликованы на французском языке. Он поддерживал личные контакты со многими французскими учеными, что под-

исследования 1900 г. снискали ему большую популярность и авторитет в болгарских интеллектуальных кругах, подарили немало преданных друзей, поскольку Н.П. Кондаков продвигал идею о болгарском характере македонских древностей¹³⁴².

Создание пражского Семинария не осталось незамеченным в научном мире, в том числе в СССР. Обратим, например, внимание на сохранившееся в архиве письмо Михаила Семеновича Базыкина (1900–1930), видного московского библиофила и издателя, стараниями которого в 1925 г. была опубликована книга Виктора Никитича Лазарева (1897–1976) о Н.П. Кондакове¹³⁴³. М.С. Базыкин сообщал в Прагу, что на одном из последних заседаний Общества друзей книги товарищ председателя Павел Давыдович Эттингер (1866–1948), историк искусства (впоследствии прославившийся как крупнейший собиратель советских плакатов), сделал сообщение о создании Семинария имени Н.П. Кондакова¹³⁴⁴.

Пражское объединение русских ученых быстро обрело многочисленных международных партнеров: англичанина Эллиса Ховелла Миннза Ellis

тверждается как уже опубликованной, так и еще не опубликованной перепиской. См., например: Письма Габриэля Милле к Н.П. Кондакову / Подг. к публ., предисл. и комм. И.Л. Кызласовой // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. *И.П. Медведева*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 616–640; Письмо Н.П. Кондакова к Г. Шлюмберже, 10/22 ноября 1895 г. // *Manuscripts de la Bibliothèque de l'Institut de France. Papiers de Gustave Schlumberger*. Ms 4298. Исследователями отмечена его крайняя германофобия, контрастирующая с любовью ко всему французскому. Эти взгляды лишь укрепились в годы Первой мировой войны. Так в декабре 1914 г. Н.П. Кондаков упрекал И.И. Толстого, что его брат Д.И. Толстой, директор Эрмитажа, устроил в музее «немецкое гнездо», и что там есть всего два русских хранителя (*Тункина И.В.* Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. *И.П. Медведева*. СПб., 2004. С. 648).

¹³⁴² См.: *Смирнов А.С.* Неизвестные страницы археологических путешествий Н.П. Кондакова // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 511–526.

¹³⁴³ *Лазарев В.Н.* Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925. М., 1925.

¹³⁴⁴ Письмо М.С. Базыкина в Семинарий имени Н.П. Кондакова, 19 августа 1928 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-18. № 41. Трудно не согласиться с оценкой М.С. Базыкиным упомянутой книги: «Принимая во внимание почти индифферентное отношение к смерти Никодима Павловича советской общественности, это незначительное издание было единственной памяткой в России об ученом, своими научными работами приобретшим мировое имя».

Novell Minns; 1874–1953), финна Арне Михаэля Тальгрена (Arne Michael Tallgren; 1885–1945), француза Жозефа де Бая (Joseph de Baye; 1853–1931), болгар Васи́ла Златарского (Васил Николов Златарски; 1866–1935), Петра Мутафчиева (Петър Стоянов Мутафчиев; 1883–1943), Гаврила Кацарова (Гаврил Илиев Кацаров; 1874–1958), сербов Станое Станоевича (Станоје Станојевић; 1874–1937) и Драгутина Анастасиевича (Драгутин Анастасијевић; 1877–1950), венгров Дю́лу Моравчика (Moravcsik Gyula; 1892–1972) и Нандора Фетти́ха (Fettich Nándor; 1900–1971), румына Николае Йоргу (Nicolae Iorga; 1871–1940) и других. Большинство из этих ученых имели давние, еще дореволюционные связи с русской наукой – владели русским языком, знали лично многих видных ученых и прекрасно ориентировались в их исследованиях. Так Э.Х. Миннз, крепко связанный с Россией и именованный там «Ильей Егоровичем», выступал в числе главных интеллектуальных агентов кондаковцев на Западе¹³⁴⁵. Именно он добился выхода в свет английского издания «Русской иконы» Н.П. Кондакова в 1927 г.: «Для незабвенного Никодима Павловича я сделал, что мог, вспоминая его гостеприимство в давно минувшее время: для науки я постарался выручить из катастрофы хоть кое-что. Жалею только больше всего о том, что сам он не дожил до появления своего труда, и еще, что я не мог его выпустить полностью. Зато радуюсь, что существует такое учреждение как *Seminarium Kondakovianum*, которое увековечит его имя и его труды»¹³⁴⁶.

¹³⁴⁵ О контактах Э.Х. Миннза с российскими учеными см: *Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В.* Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза // *Парфянский выстрел* / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко. М., 2003. С. 477–544; *Кузьминых С.В., Усачук А.Н.* «Так много было о чем поговорить» (Кембриджская коллекция писем Н.Е. Макаренко Э.Х. Миннзу // *Краткие сообщения Института археологии РАН*. 2016. № 243. С. 242–256; *Детлова Е.В., Кузьминых С.В., Малов Н.М.* П.С. Рыков и П.Д. Рау в зеркале переписки с учеными Западной Европы (А.М. Тальгрэн, Г. Мергарт, Э.Х. Миннз, Т. Арне) // *Археология Восточно-Европейской степени*. Вып. 15. Саратов, 2019. С. 224–298. Следует признать, что комплексное изучение связей Э.Х. Миннза с Россией и российской наукой – задача будущего.

¹³⁴⁶ Письмо Э. Миннза к Н.Г. Яшвилу, 22 августа 1927 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-14.

Другим важнейшим интеллектуальным партнером стал финский археолог Арне Михаэль Тальгрэн (Arne Michael Tallgren; 1885–1945), всегда с почтением относившийся к России. «Русский дух – настоящее богатство для человечества», – признавался он однажды в письме к Н.П. Толлю¹³⁴⁷. Основанный финским ученым журнал «Eurasia Septentrionalis Antiqua» стал важнейшей площадкой интеллектуальных обменов между европейскими археологами. Во многом благодаря ему за рубежом узнавали новости об археологических исследованиях и открытиях в СССР. Так в четвертом томе (1929), посвященном А.А. Спицыну, были опубликованы статьи А.В. Шмидта, П.Д. Рау, М. Егорова, Б. Жукова, О. Бадера, Т.М. Минаевой, П.С. Рыкова, А.В. Збруева, Б.Н. Гракова, И. Фабрициус, Е.Г. Пчелиной, Т. Пассек, В.И. Равдоникаса и др. И под одной обложкой с ним – русские эмигранты, в том числе кондаковцы (Н.П. Толль, В.В. Саханев), а также иностранцы (сам А.М. Тальгрэн, эстонец Х. Моора, немец Г. фон Мергарт, поляк Я. Костржевский). В СССР в тот момент еще не было своего периодического археологического издания, а публикация в региональных изданиях часто оставались труднодоступными для иностранных специалистов. Указанный же выпуск давал представление о разных направлениях советской археологии и, кроме того, он же знакомил советских ученых с исследованиями зарубежных коллег, работающих в смежных областях. Н.П. Толль в рецензии на издание отмечал: «Подавляющее большинство статей дает новый, только что добытый материал, а удачное распределение их придает книге характер обзора всех новейших открытий и работ, входящих в круг интересов Eurasia Septentrionalis Antiquae. В археологической литературе России ESA IV займет весьма почетное место, равное по своему значению с отчетами прежних археологических съездов»¹³⁴⁸.

¹³⁴⁷ Письмо А.М. Тальгрена к Н.П. Толлю, 7 марта 1933 г. // Ibid. KI-16.

¹³⁴⁸ Т[олль] Н.П. Eurasia Septentrionalis Antiqua IV. Bulletin et Mémoires consacrés à l'archéologie et l'ethnographie de l'Europe orientale et de l'Asie du Nord. Rédigé par U.T. Sirelius et A.M. Tallgren. Helsinki 1929. 8°. 340 стр. // Seminarium Kondakovianum:

Значительной была поддержка со стороны научных кругов Чехословакии, в особенности от профессора Карлова университета Любора Нидерле (Lubor Niederle; 1865–1944), ведущего специалиста в области славянских древностей. Кондаковцы были многим обязаны ему, и потому Н.М. Беляев имел веские основания говорить: «Чешская мысль дала главу современной общеславянской археологической науки, связанного крепкими узами с русской научной традицией и неоднократно указывавшего с университетской кафедры на значительность русского культурного фонда. Чешское общество сумело в свое время создать тонких любителей и ценителей, печатно засвидетельствовавших и свою любовь, и свое понимание русского искусства»¹³⁴⁹. Таким образом, изначальное взаимодействие кондаковцев с ведущими зарубежными учеными предопределяло втягивание в систему международных интеллектуальных коммуникаций.

В современной историографии нередко можно найти утверждение о значительном влиянии идей евразийцев на работу Семинария (Института)¹³⁵⁰. Сторонники такого подхода своим главным аргументом считают тот факт, что кондаковцы интересовались историей кочевого мира, что им импортировали идеи синтеза культур, что они пытались осмыслить практики культурных трансферов, в особенности тех, что были связаны с миром Востока. М. Дмитриева отмечает, что именно эта научная ориентация поспособствовала огромному авторитету Семинария (Института) в мире¹³⁵¹. Признавая новаторство евразийского взгляда, она же считает его «опасным и этатистским»¹³⁵² и упрекает ряд кондаковцев, правда, не называя кон-

Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 319.

¹³⁴⁹ Беляев Н.М. Выставка русских икон // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 309.

¹³⁵⁰ *Dmitrieva M.* Op. cit. P. 180.

¹³⁵¹ *Ibid.* P. 174.

¹³⁵² Одновременно она заявляет, что кондаковцы ориентировались на уходящую научную традицию XIX в., и поддерживали контакты с аналогично настроенными иностранными учеными, вроде Йозефа Стржиговского (*Dmitrieva M.* Op. cit. P. 195). В конечном счете остается непонятным, чего же было больше в деятельности кондаковцев –

кретных имен, в «имперском евразийском мышлении, опасно близким к советскому империализму»¹³⁵³. Действительно, среди участников Семинара (Института) находим имена Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого, Н.П. Толля, которых можно назвать активными участниками движения. Симпатизировали ему Н.Г. Яшвилль и Т.Н. Родзянко. Разумно говорить скорее не о том, что идеи евразийцев оказались близки кондаковскому кругу, а о том, что научная программа Семинария (Института) нашла свой отклик у евразийцев. Она давала им основания смотреть на русскую историю вне европоцентричной перспективы. Н.П. Кондаков в своих работах, особенно в поздних, отстаивал мысль о Евразии как пространстве взаимодействий. На ее огромной территории сформировалось несколько культурных узлов и контактных зон. Таковой была Византийская империя, но таковой являлась и Россия. Византии отводилась огромная роль в культурном воздействии не только на славянский православный, но и на западноевропейский католический мир¹³⁵⁴. В то же самое время она испытывала сильнейшее воздействие со стороны евразийских кочевых культур. В посмертно изданном курсе лекций академика проводилась идея, что «древности средневековой Восточной Европы тесно связаны с древностями скифо-сарматскими, подобно тому, как древности Западной Европы с греко-римским миром, а сами скифо-сарматские древности, в свою очередь, связаны с миром древнего Востока и с тем же греко-римским миром»¹³⁵⁵. При этом на всем протя-

новаторства или традиции? Упоминание же Й. Стржиговского в качестве некоего ориентира вряд ли можно назвать удачным, учитывая критическое отношение к нему самого Н.П. Кондакова, которое он транслировал своим ученикам. Это было хорошо продемонстрировано еще в 1980-е гг. И.Л. Кызласовой. Это, впрочем, не помешало Й. Стржиговскому напечатать статью в одном из кондаковских сборников. Этот факт, на наш взгляд, хорошо свидетельствует о высокой академической культуре той поры, которой следует поучиться сегодня – личные отношения и острые научные дискуссии не переносятся в плоскость бойкотов и запретов.

¹³⁵³ *Dmitrieva M.* Op. cit. P. 195. Думается, что эта мысль является не более чем данью моде на «деколониаторскую политкорректность».

¹³⁵⁴ *Вернадский Г.В.* О значении научной деятельности Н.П. Кондакова. С. 8.

¹³⁵⁵ *Кондаков Н.П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 3. См. аналогичное высказывание П.Н. Савицкого: «Там, где движение евразийской политической объединительной традиции скрестилось с движением куль-

жении истории Семинария (Института) невозможно найти ни одного примера влияния на его работу общественно-политических установок евразийского движения. Таким образом, не следует всякий интерес к истории кочевников, к сравнительному изучению евразийских культур привязывать к какой-то особой идеологии, иначе в евразийцы автоматически следует записать целый ряд европейских партнеров кондаковцев.

Несмотря на поддержку со стороны чехословацких властей, становление Семинария проходило в непростых условиях. Достаточно сказать, что ни у кого из его создателей не было стабильного заработка, ведь их работа не предполагала выплаты систематического жалования. Существенную поддержку учреждению долгое время оказывали и меценаты. Следует отметить, что на всем протяжении своего существования Семинарий (Институт) имени Н.П. Кондакова получал многочисленные пожертвования от самых разных лиц. В середине 1920-х гг. даже советские ученые находили возможность внести свой, пусть и скромный, материальный вклад в развитии уникальной научной организации. Известно, что в 1926 г. С.А. Жебелёв послал в фонд Семинария 20 американских долларов¹³⁵⁶.

турной традиции западной части Старого Света (в виде влияний византийских и европейских) – в той среде образовался российский политико-культурный объединительный узел» (*Савицкий П.Н.* Россия – особый географический мир. Прага, 1927. С. 48). Однако сама идея о России как пересечении евразийских культур была не нова. В 1918 г. М.И. Ростовцев издал книгу «Эллинство и иранство на юге России», в которой доказывал, что южнорусские степи, раскинувшиеся от Дуная до предгорий Урала, сыграли огромную роль в культурно-историческом развитии человечества. Этот регион находился в тесных контактах с государствами Малой Азии и Закавказья. В результате взаимодействия на юге России сформировалась «смешанная богатая культура», которая «этап за этапом шла на север по великим водным путям и здесь оплодотворяла местные начатки культурной жизни» (*Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 5). Эти же мысли он повторял в эмигрантских работах: «Юг России, как я много раз старался показать, так же близок Европе, как и Азия. Культурные влияния проникали туда и с Востока, и с Запада. И только тот, кто знает и Восток, и Запад, поймет и оценит историческое наследие юга России» (*Ростовцев М.И.* Бог-всадник на Юге России, в Индо-Скифии и в Китае // *Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению*, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 146). М.И. Ростовцев был знаком с лидерами евразийства, хотя их политических взглядов никогда не разделял.

¹³⁵⁶ Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) за второй год его существования (по 17 февраля 1927 г.) // *Seminarium Kondakovianum:*

Вплоть до 1936 г. Семинарий (Институт) ежегодно получал через Канцелярию Президента республики субсидию в 10.000 чехословацких крон, которая шла на оплату аренды помещений. Кроме того, Министерство народного просвещения Чехословакии регулярно приобретало у него научные издания на сумму 3.000–5.000 крон, рассматривая эти покупки как дотацию, хотя Семинарий (Институт) вынужден был делать скидку до 40% на свою печатную продукцию¹³⁵⁷.

Кондаковцы выпускали серию сборников «*Seminarium Kondakovianum*», в которых принимали участие историки-эмигранты и ведущие иностранные специалисты. Всего увидело свет 11 сборников (1927–1940). Помимо того, издавались отдельные книги, как, например, сочинения самого Н.П. Кондакова, а также две серии научных изданий. Интересно, что выход в свет мемуаров академика, которые содержали критические зарисовки российской действительности, были неоднозначно восприняты ученым сообществом. Ф.И. Успенский, например, сожалел, что они были напечатаны, так как «очень неблагоприятно рисуют покойного»¹³⁵⁸.

Издания кондаковцев широко рассылались по зарубежным библиотекам и до определенного момента, о котором речь пойдет далее, были доступны и в СССР. Целью этой рассылки было не только знакомство ученых разных стран с исследованиями русских эмигрантов, но и книгообмен. Благодаря ему только за первые два года существования Семинарий получил 437 разных изданий. Свои работы в Прагу присылали Ш. Диль, С.А. Жебелев, В.Н. Бенешевич, Н.Н. Глубоковский, В.Ф. Минорский, Л.В. Мацулевич, А. Мазон, Г. Милле, И.Э. Грабарь, А.В. Орешников, А. Протич, А.А. Спицын, Н.П. Сычев, М.К. Тенишева, Государственная

Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 341.

¹³⁵⁷ Записка о взаимоотношениях Пражского и Белградского отделений Института имени Н.П. Кондакова / Сост. *Н.Е. Андреев* и *В.В. Чернавин*. Январь 1945 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV.

¹³⁵⁸ Письмо Ф.И. Успенского к Г.В. Вернадскому, 5 июня 1926 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-16.

академия истории материальной культуры, Смоленский государственный университет, Эрмитаж, Русский музей, Оружейная палата, Керченский музей, Центральные государственные реставрационные мастерские, Азербайджанский археологический комитет, Общество культурной связи с заграницей, Общество друзей русской книги в Париже, Болгарский археологический институт, Высший Комиссариат Французской республики в Сирии и Ливане, Национальный музей в Будапеште и др.

Издательская деятельность кондаковцев осуществлялась на основе долгосрочных кредитов со стороны фирм, печатавших работы кондаковцев и их коллег. Выделенные средства должны были погашаться по мере продажи изданий. При этом экономить приходилось на всем, даже на выплате авторских гонораров¹³⁵⁹. В апреле 1927 г. Г.В. Вернадский обратился с письмом к болгарскому историку П. Мутафчиеву относительно поддержки издательских проектов кондаковцев. Ученые встретились накануне на конгрессе в Белграде и имели возможность предварительно обсудить пути сотрудничества. Г.В. Вернадский просил коллегу ходатайствовать о материальной поддержке со стороны болгарского министерства народного просвещения проекта по превращению сборника «*Seminarium Kondakovianum*» в общеславянское периодическое издание по византиноведению. Г.В. Вернадский добавлял, что высказанная идея встретила поддержку со стороны чехословацких властей. Потому теперь русские ученые обращаются за содействием к болгарскому министерству и надеются в перспективе на благоприятное отношение со стороны Югославии и Польши¹³⁶⁰. Надежды не оправдались: ни балканских, ни тем более польских денег русские ученые в Праге не получили.

Заседания кондаковцев проходили регулярно, участие в них принимали как постоянные члены, жившие в Праге, так и приезжавшие в чехословац-

¹³⁵⁹ Записка о взаимоотношениях Пражского и Белградского отделений Института имени Н.П. Кондакова / Сост. *Н.Е. Андреев* и *В.В. Чернавин*. Январь 1945 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV.

¹³⁶⁰ Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи. С. 47.

кую столицу исследователи других стран (А.Н. Грабар, А.А. Васильев, В.А. Мошин, А. Грегуар, П. Паскаль, Э. Миннз и др.)¹³⁶¹. Во время встреч участники обсуждали широкий круг проблем истории Византии, Востока и славянства, взаимосвязи между различными культурами. Как отмечено в историографии, строгая критика и интенсивные обсуждения стали замечательным доказательством талантов и способностей членов Семинария к академическому исследованию и анализу, которым бы восхитился их великий учитель¹³⁶².

Семинарий ставил задачей привлечение молодых русских специалистов к своей работе. В 1928 г. директор А.П. Калитинский сумел добиться в Канцелярии Президента республики выделения стипендий для двух молодых русских эмигрантов, которые должны были стать стажерами Семинария. Одним из них оказался Николай Ефремович Андреев (1908–1982), который впоследствии стал крупным ученым и сыграл большую роль в жизни этой научной организации.

Тематика кондаковских изданий касалась русской и византийской иконографии, археологии, искусства Востока, истории кочевых народов Евразии. Участие в сборниках охотно принимали ведущие мировые специалисты из Болгарии, Германии, Франции, Швеции, Югославии и других стран, что свидетельствовало об огромном международном авторитете. Это внимание было во многом связано с безоговорочным уважением в научном мире, которое при жизни обрел Н.П. Кондаков, и которое теперь распространилось на его учеников и последователей. Потому ведущие византинисты того времени, вроде Шарля Диля, Йозефа Стржиговского, Франца Дёльгера, Франтишека Дворника, охотно стремились к сотрудничеству с русскими учеными в Праге¹³⁶³. А.М. Тальгрэн, получив четвертый выпуск «*Seminarium Kondakovianum*», написал Н.П. Толлю в Прагу: «Ваш журнал,

¹³⁶¹ Паушто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 33; Hrochová V. Činnost Institutu N.P. Kondakova v Praze a jeho mezinárodní význam. S. 33.

¹³⁶² Rhineland L.H. Op. cit. P. 335–336.

¹³⁶³ Lovino F. Constructing the Past through the Present. P. 26.

по-моему – и я думаю, что в этом случае могу говорить и совершенно объективно – есть самый первоклассный из всех существующих теперь археологических периодических публикаций по вопросам евразийской старины»¹³⁶⁴.

Интеллектуальные устремления кондаковцев не ограничивались исключительно западным миром. С самого начала это отражалось в их научной программе. Ф. Ловино обратил внимание, что уже в первом выпуске «*Seminarium Kondakovianum*» были опубликованы статьи широкого тематического спектра: о миниатюрах Хлудовской псалтыри, сербских православных храмах XII в., взаимоотношениях Византии с монголами, находках фибул на Юге России¹³⁶⁵. То есть под одной обложкой соединялись не просто искусствоведческие, археологические и сугубо исторические сюжеты, а византийские и евразийские. Такой подход будет практиковаться на всем протяжении существования сборника, в то время как чехословацкая «*Byzantinoslavica*» будет ориентирована исключительно на славяно-византийские проблемы, без уклона в сторону Востока¹³⁶⁶. Трудно не согласиться с мнением Ф. Ловино, что евразийская перспектива позволила кондаковцам преодолеть дихотомию между Востоком и Западом, значительно расширив исследовательские границы. Потому они стремились взглянуть на Византию посредством ее взаимоотношений с миром Востока, а это пробуждало еще более глубокий интерес к истории кочевых народов от Венгрии до Маньчжурии¹³⁶⁷.

Кондаковцы, действительно, были заинтересованы в расширении исследовательского фокуса и поиске научных партнеров на Востоке. Это стремление побуждает обратиться к харбинскому профессору Валентину Алек-

¹³⁶⁴ Письмо А.М. Тальгрена к Н.П. Толлю, 30 июня 1931 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-16.

¹³⁶⁵ *Lovino F. Constructing the Past through the Present*. P. 23–24.

¹³⁶⁶ *Ibid.* P. 25. См. также: *Lovino F. Seminarium Kondakovianum/Byzantinoslavica*. P. 38–55.

¹³⁶⁷ *Lovino F. Constructing the Past through the Present*. P. 28.

сандровичу Рязановскому (1884–1968). В июне 1931 г. к нему обратились с запросом: нет ли на Дальнем Востоке учреждений или конкретных лиц, которые занимались бы проблемами евразийских кочевников или китайской археологией. Потенциальное сотрудничество виделось русскими пражанами в первую очередь в виде присылки научных статей, заметок, а особенно рецензий на недоступные и неизвестные в Европе китайские и иные восточные издания¹³⁶⁸. Обращение к В.А. Рязановскому объяснялось недавним появлением его статьи о монгольском влиянии на русскую культуру и русское право¹³⁶⁹. Эта работа была замечена в Праге и в ней увидели прямую связь с научными интересами кондаковцев.

В.А. Рязановский вскоре ответил, и его ответ во многом отражал драматические реалии, в которых развивалась русская наука на Дальнем Востоке. Он сообщал, что после советско-китайского конфликта 1929 г. вокруг Китайско-Восточной железной дороги, все связи между Харбином и научными учреждениями Иркутска, Читы и Владивостока оказались прерваны. Более того, как писал В.А. Рязановский, в 1929 г. было закрыто Общество изучения Маньчжурского края¹³⁷⁰. Русский юридический факультет в Харбине в 1929 г. был взят под китайское управление, что, по словам ученого, несмотря на сохранение автономии, все же негативно отразилось на работе, которая заметно сократилась. Среди китайских ученых, работавших в Харбине, В.А. Рязановский не знал никого, чьи интересы совпадали бы с интересами кондаковцев. Тем не менее он обещал обратиться в редакцию

¹³⁶⁸ Письмо Семинария имени Н.П. Кондакова к В.А. Рязановскому, 9 июня 1931 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-15.

¹³⁶⁹ *Рязановский В.А.* К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // *Известия Юридического факультета. Харбин, 1931. Т. IX. С. 3–31.*

¹³⁷⁰ Политические перемены в Северо-Восточном Китае привели к тому, что Департамент народного просвещения в Харбине внезапно закрыл Общество. Вместо него был создан Харбинский научно-исследовательский институт, который, в свою очередь, претерпел организационные перемены уже в период японской оккупации. См. подробнее: *Бухерт В.Г.* К истории Харбинского научно-исследовательского института // *Восточный архив. 2019. № 2 (40). С. 100–106.*

«Вестника китайского права», издававшегося китайскими выпускниками Русского юридического факультета. В.А. Рязановский обещал прислать в Прагу ряд харбинских работ, а взамен просил несколько интересующих его изданий (работы М.И. Ростовцева, А.И. Анисимова и Н.П. Кондакова)¹³⁷¹. Этим был налажен успешный книгообмен между Прагой и Харбином. Пражан, в частности, интересовали исследования профессора Николая Евгеньевича Эсперова (1892–1945?), специализировавшегося на изучении монгольского влияния на историю Русских земель в XIII–XIV вв.¹³⁷² Обмен научными трудами, судя по сохранившимся письмам, продолжался до весны 1937 г. Прерывание его, видимо, было связано не только с трудностями Кондаковского института, но и с осложнением ситуации на Дальнем Востоке. Во всяком случае, в последнем известном письме в Прагу 5 апреля 1937 г. В.А. Рязановский признавался, что «русская культура в Харбине уступает место японской»¹³⁷³.

Тем не менее, в истории Семинария (Института) находим и японский след. В 1930 г. японский археолог Суэдзи Умехара (うめはら すえじ, Umehara Sueji; 1893–1983) из Киотского университета, один из ведущих мировых специалистов по китайской бронзе, предложил кондаковцам свою работу о Ханьской бронзе, которая была запланирована к публикации в серии «Скифика»¹³⁷⁴. Пока не удалось установить, кто именно побудил уче-

¹³⁷¹ Письмо В.А. Рязановского в Семинарий имени Н.П. Кондакова, 29 июня 1931 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-15.

¹³⁷² См. о нем: *Цетилова В.И.* Из историографического наследия российской эмиграции (1920–1939 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). С. 133–138; *Дербин Е.Н.* Проблема верховной власти в Древней Руси в трудах историков-юристов харбинского центра русской эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История. 2016. № 1. С. 18–30.

¹³⁷³ Письмо В.А. Рязановского в Археологический институт имени Н.П. Кондакова, 5 апреля 1937 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-15.

¹³⁷⁴ Письмо А.П. Калитинского к А.М. Талльгрёну, 16 июня 1930 г. // Kansalliskirjasto (Suomi), Käsikirjoituskokoelma. Coll. 230: Aarne Michaël Tallgren. № 5.

ного прислать эту работу в Прагу¹³⁷⁵, но точно установлено, что перевести ее с японского на французский язык попросили С.Г. Елисеева¹³⁷⁶. Тот вначале энергично взялся за дело, но затем вынужденно сбавил темп, поскольку получил приглашение на работу из Гарварда¹³⁷⁷. Переезд за Европу за океан и обустройство на новом месте остановили работу над переводом, и он, по-видимому, так и не был завершен. Во всяком случае, работа С. Умехары в кондаковских изданиях не появилась. Тем не менее, статья одного японского автора все же была опубликована на страницах «*Seminarium Kondakovianum*» в 1933 г.¹³⁷⁸ Этим автором был историк Каничи Асакава (あさかわ かんいち, Asakawa Kan'ichi; 1873–1948). Следует сделать оговорку: хотя ученый родился в Японии, окончил токийский Университет Васэда, в 1895 г. для продолжения образования он уехал в США, и с этой страной будет связана вся его последующая жизнь¹³⁷⁹. К. Асакава получил известность на Западе как специалист по истории японского права и как исследователь японского феодализма. Он сотрудничал со знаменитым журналом «*Анналы*» и состоял в переписке с Марком Блоком. Напечатанная в Праге статья была посвящена Минамото-но Ёритомо, основателе сёгуната Камакура и его правителе в 1192–1199 гг. К. Асакава делал попыт-

¹³⁷⁵ Доподлинно известно о русских контактах японского археолога. Так С. Умехара был хорошо знаком с С.Ф. Ольденбургом, приезжал в Ленинград в 1927, 1928 и 1930 гг. для работы с находками экспедиции П.К. Козлова в Ноин-Уле (*Юсупова Т.И. Случайности и закономерности в археологических открытиях: монголо-тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 63*). Т.И. Юсупова показала, что находки этой экспедиции привлекли внимание и ученых-эмигрантов – М.И. Ростовцева и Н.П. Толля (*Юсупова Т.И. Указ. соч. С. 62–63*). В этой же связи можно предположить наличие прямых связей между С. Умехарой и Н.П. Толлем.

¹³⁷⁶ Письмо С.Г. Елисеева к Н.П. Толлю, 13 сентября 1931 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-13.

¹³⁷⁷ Письмо Археологического института имени Н.П. Кондакова к С.Г. Елисееву, 27 октября 1932 г. // *Ibid*; Письмо С.Г. Елисеева к Н.П. Толлю, 29 декабря 1932 г. // *Ibid*.

¹³⁷⁸ *Asakawa K. The Founding of the Shogunate by Minamoto-no-Yoritomo // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1933. Т. VI. Р. 109–129.*

¹³⁷⁹ В 1937 г. К. Асакава станет первым японцем – профессором Йельского университета.

ку разобраться в социально-политической основе возникновения сёгуната, анализировал историко-правовые аспекты. При этом он проводил сравнения японских и западноевропейских средневековых реалий. К сожалению, среди материалов корреспонденции К. Асакавы в Отделе рукописей Библиотеки Йельского университета не удалось найти писем к нему из Праги. Однако в личном фонде Г.В. Вернадского в Колумбийском университете письма от К. Асакавы имеются¹³⁸⁰. Таким образом, скорее всего именно Г.В. Вернадский послужил связующим звеном между американским историком японского происхождения и Институтом имени Н.П. Кондакова.

Интерес к работам кондаковцев проявляли и другие ученые Востока. Показательны, например, обращения в Прагу турецкого историка Акдеса Нимета Курата (Akdes Nimet Kurat; 1903–1971)¹³⁸¹. В конце января 1931 г. он написал Д.А. Расовскому, что недавно с величайшим интересом познакомился с его работами о тюркских кочевниках Евразии. Сетуя, что в Стамбуле достать русские книги и журналы крайне сложно, он выражал огромную заинтересованность в получении научных публикациях кондаковцев. В особенности его интересовали исследования о печенегах¹³⁸². Д.А. Расовский незамедлительно ответил, прислав статьи М.И. Ростовцева,

1380 Asakawa, Kan-Ichi // Columbia University, The Rare Book & Manuscript Library. George Vernadsky Papers. Box. 19.

¹³⁸¹ Следует, правда, оговориться, что историк был выходцем из Российской империи. Он родился в Казанской губернии. В 1921 г. эмигрировал из Советской России, жил некоторое время в Польше. В 1924 г. переехал в Турцию, где получил образование в Стамбульском университете под руководством известного филолога, профессора Мехмета Фуата Кёпрюлю. Впоследствии Акдес Нимет, взявший турецкую фамилию – Курат, проводил исследования в Германии, Швеции, Великобритании, Австрии, Франции, стал профессором Анкарского университета. Он считается одним из зачинателей руссиеведческих исследований в Турции. См. подробнее: *Baştav Ş. Kazan Türklerinden Prof. Akdes Nimet Kurat // Türkiye Cumhuriyeti devletinin kuruluş ve gelişmesine hizmeti geçen Türk dünyası aydınları sempozyumu bildirileri: 23–26 Mayıs 1996 / Yayına hazırlayan A. Yuvalı. Kayseri: Erciyes Üniversitesi Türk Dünyası Araştırmaları Merkezi, 1996. S. 119–126; Сейт-Маметов Ш.Э. Акдес Нимет Курат – исследователь источников по истории Крымского ханства в османских архивах // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2014. Т. 27 (66). № 1. С. 67–72.*

¹³⁸² Письмо А. Нимета Курата к Д.А. Расовскому, 31 января 1934 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14.*

Л. Рашони-Надя и свои собственные¹³⁸³. А. Нимет Курат с благодарностью ответил на это послание и выразил готовность прислать в обмен нужную информацию по истории византийско-тюркских отношений, а также предлагал познакомиться со своей диссертацией о византийском историке XV в. Лаонике Халкокондиле¹³⁸⁴. Поздневизантийской историографией ученый занимался в 1928–1933 гг. во время учебы в Германии, а упомянутую диссертацию¹³⁸⁵ спешно завершал после прихода А. Гитлера к власти. Исследования А. Нимет Курата в этот период были связаны с осмыслением трансформации византийского историописания под воздействием внешних факторов. Его особенно интересовало отражение в хрониках взаимодействий с тюркскими народами. Отсюда глубокий интерес к исследованиям кондаковцев. Тем более, что, вернувшись из Германии в Стамбул в конце 1933 г., А. Нимет Курат столкнулся с довольно трудными условиями работы. В письме Д.А. Расовскому в октябре 1936 г. он писал: «Я с большим интересом слежу за Вашей научной работой и рад видеть, что Вы с большим успехом продолжаете разыскания об истории кочевых турецких народов. У нас, к сожалению, эти разыскания идут не так удачно; не имеем хороших библиотек и к тому имеются массы трудностей, которые непреодолимы»¹³⁸⁶. Кроме того, А. Нимет Курат жаловался, что ему приходится писать популярные сочинения, что есть трудности с печатанием сугубо академических работ. Потому, например, его труд о печенегах пролежал больше двух лет в рукописи, пока министерство просвещения не смогло решить вопрос о его публикации¹³⁸⁷. Серьезно ограниченный в возможностях

¹³⁸³ Черновик письма Д.А. Расовского к А. Нимету Курату, 5 февраля 1934 г. // Ibid.

¹³⁸⁴ Письмо А. Нимета Курата к Д.А. Расовскому, 15 февраля 1934 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14.

¹³⁸⁵ См.: *Nimet A. Die türkische prosographie bei Leonikas Chalcocondilas*. Hamburg, 1933.

¹³⁸⁶ Письмо А. Нимета Курата к Д.А. Расовскому, 20 октября 1936 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14.

¹³⁸⁷ Письмо А. Нимета Курата к Д.А. Расовскому, 15 апреля 1936 г. // Ibid. Имеется в виду книга: *Kurat A.N. Peçenek Tarihi*. İstanbul, 1937.

научной работы, А. Нимет Курат не предлагал своих исследований для публикации в кондаковских изданиях, но старался по возможности познакомиться пражских коллег с публикациями турецких историков, как, например, с работами профессора Ахмета Рефика Алтыная (Ahmet Refik Altınay; 1881–1937) – одной из важнейших фигур турецкой историографии того времени¹³⁸⁸.

Глубокий интерес к достижениям зарубежных ученых и включенность кондаковцев в мировую науку демонстрирует обширный по составу и объему отдел рецензий в каждом из выпусков сборников «*Seminarium Kondakovianum*». Среди публикаций встречаем отклики на работы ученых разных стран – американца Гарольда Уиллоби (Harold Willoughby; 1890–1962), англичанина Дэвида Тэлбот-Райса (David Talbot Rice; 1903–1972), испанца Хулио Мартинеса Санта-Олалья (Julio Martínez Santa-Olalla; 1905–1972), немца Курта Вайцмана (Kurt Weitzmann; 1904–1993), француза Жана Эберсоля (Jean Ebersolt; 1879–1933) и многих других. Рецензии были разными по объему: от кратких реферативных заметок до пространных аналитических обзоров. Порой они были довольно критическими, как, например, отзыв Н.Е. Андреева на книгу немецкого историка искусства Германа Вайдхааса (Hermann Weidhaas; 1903–1978) об истории русской архитектуры. Ученый ставил перед собой задачу выявить причины появления специфических архитектурных форм, и эти исследовательские поиски, по словам Н.Е. Андреева, привели «к довольно общим рассуждениям в духе евразийской доктрины, на которую автор прямо ссылается»¹³⁸⁹. Рецензент резюмировал, что хотя немецкий ученый показал хорошее знание научной литературы, хотя книга местами интересна, поставленные задачи

¹³⁸⁸ Письмо А. Нимета Курата к Д.А. Расовскому, 15 апреля 1936 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-14.

¹³⁸⁹ *А[ндреев] в Н.Е. Н. Weidhaas, Formenwandlungen in der russischen Baukunst, 1935, Akademischer Verlag, Halle, 108 S., 43 Abbildungen // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1936. Т. VIII. С. 287.*

в ней не были разрешены. Н.П. Толль критиковал немецкого археолога Ганса Цейсса (Hans Zeiss; 1895–1944) за то, что в книге о вестготских древностях в Испании тот совершенно не интересовался теми элементами, «которые были усвоены готами на их пути из Юга России»¹³⁹⁰. Д.А. Расовский упрекал румынского историка, профессора Ясского университета Георге Брэтиану (Gheorghe Brătianu; 1898–1953), за то, что в своем исследовании о генуэзской торговле на Черном море в XIII в. тот упустил ряд важных исследований российских ученых. Не устроило русского критика и то, что в книге были недостаточно систематизированы предметы торговли, не проанализирован профессиональный состав населения Каффы¹³⁹¹. Нередко появление новых научных трудов стимулировало появление больших аналитических обзоров, содержание которых выходило далеко за пределы разбора рецензируемой книги. Так было, например, в случае с откликом В.А. Мошина на книгу Юлия Давидовича Бруцкуса (1870–1951) «Письмо хазарского еврея от X века» (Берлин, 1924)¹³⁹². Некоторые выводы рецензируемого исследования В.А. Мошин использовал в доказательство ранее высказанных собственных выводов, сформулированных иначе, нежели у П.К. Коковцова, А.А. Васильева и В.Н. Пархоменко.

Некоторые публикации в сборниках имели не только академическое, но и мемориальное значение. Среди них – заметка о мемуарах Оскара Вульфа (Oskar Konstantin Wulff; 1864–1946), немецкого историка, крупнейшего

¹³⁹⁰ Т[олль] Н.П. H. Zeiss. Die Grabfunde aus dem spanischen Westgotenreich. Römisch-Germanische Kommission des Archäologischen Institut des Deutschen Reiches. Berlin – Leipzig 1934. (W. de Gruyter). In 4. 207 стр., XXXII табл. // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1936. Т. VIII. С. 287.

¹³⁹¹ Расовский Д.А. Actes des notaires génois de Péra et de Cafta de la fin du treizième siècle (1281–1290) publiés par G.I. Brătianu. Académie Roumaine. Études et recherches, II, Bucarest, 1927, стр. 375. G.I. Brătianu, Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929. стр. 359. // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 322–324.

¹³⁹² Мошин В.А. Ю.Д. Бруцкус. Письмо хазарского еврея от X века. Новые материалы по истории Южной России времен Игоря. Берлин. 1924 г. // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 324–327.

знатока искусства христианского Востока и организатора специального тематического отдела в Музее кайзера Фридриха Вильгельма¹³⁹³. Он был уроженцем Санкт-Петербурга, учился в Юрьевском университете, стажировался в Берлине и Лейпциге, а затем работал в Русском археологическом институте в Константинополе. В этом же ряду – заметки о жизни и творчестве Н.П. Кондакова¹³⁹⁴. Появление подобных статей, особенно за авторством молодых исследователей, должно было подчеркивать важность сохранения и приумножения интеллектуальных традиций, преемственность между разными научными поколениями. Особое место отводилось некрологам. Современные исследователи определяют их как «академическую практику памяти», которая «определяет ценностные координаты существования» ученого сообщества. Поминовение его членов становится важным способом выстраивания идентичности ученой корпорации¹³⁹⁵. Отклики на смерть выдающихся российских ученых (В.И. Гошкевич, А.В. Орешников, А.А. Спицын, Ф.И. Успенский, Б.В. Фармаковский и др.) в этой системе координат понятны. Что же касается некрологов зарубежным ученым, то цель их была двоякой. С одной стороны, почтить заслуги членов ученой корпорации¹³⁹⁶, с другой, продемонстрировать связь с русской наукой и по-смертно поблагодарить за это. Таковым был отклик на уход из жизни бол-

¹³⁹³ Гаккель А. О. Wulff. Lebenswege und Forschungsziele. Eine Rückschau nach Vollendung des 70. Lebensjahres, ergänzt durch kunsttheoret. Abhandlungen und ein Schriftenverzeichnis des Verfassers. Verlag R.M. Rohrer. Wien – Prag – Leipzig – Brünn 1936, стр. 229 // *Seminarium Kondakovianum*: Анналы Института имени Н.П. Кондакова. Прага, 1937. Т. IX. С. 104–105.

¹³⁹⁴ Андреев Н.Е. Н.П. Кондаков в письмах А.П. Чехова // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 271–282.

¹³⁹⁵ Еремеева С.А. Опасное дело: практика академического некролога в России в 1928 году // *Диалог со временем*. 2012. Вып. 41. С. 269–270.

¹³⁹⁶ См., например, проникновенную заметку А.Н. Грабара на смерть румынского историка архитектуры Георге Балша (Gheorghe Balș; 1868–1934) видного специалиста по румынско-молдавской церковной архитектуре. Благодаря его усилиям, отмечал русский ученый, были изданы и каталогизированы все главнейшие памятники так, что «ни одна православная страна не может похвастаться таким corpus’ом архитектурных материалов» (*Грабар А.Н. Georges Balș* // *Seminarium Kondakovianum*: Анналы Института имени Н.П. Кондакова. Прага, 1935. Т. VII. С. 263).

гарского историка В. Златарского, написанный его близким другом и однокашником А.А. Васильевым¹³⁹⁷. В этом же ряду некролог в память сербского историка С. Станоевича, почетного члена Кондаковского института с 21 февраля 1936 г.¹³⁹⁸, а до революции сотрудничавшего с Русским археологическим институтом в Константинополе и читавшем лекции в Петербургском университете¹³⁹⁹.

Благородное стремление почтить память коллеги на страницах «*Seminarium Kondakovianum*» спровоцировало грандиозный скандал поистине международного уровня – так называемое «дело Жебелёва». Здесь уже говорилось, что создание в Праге Семинария имени Н.П. Кондакова было замечено и за рубежом, и в СССР. В двух первых сборниках встречаем статьи не только эмигрантов и иностранных ученых, но и исследователей из Советской России: В.В. Бартольда, В.Н. Бенешевича, Д.В. Айналова, И.Ю. Крачковского, А.Н. Кубе, М.И. Максимовой, Л.А. Мацулевича, Н.В. Малицкого, А.В. Орешникова, А.П. Смирнов. А.А. Спицина, Н.П. Сычева, С.Н. Тройницкого, Ф.И. Успенского. В сборниках печатались информационные сообщения об исследованиях в СССР, как, например, краткий отчет об археологических исследованиях Крыма в 1923–1926 гг. (Г.А. Бонч-Осмоловский, Н.Л. Эрнст, К.Э. Гриневич, И.Н. Бороздин,

¹³⁹⁷ «В его лице сошел в могилу глубокий знаток судеб Византии на Балканском полуострове, а в моей личной жизни, мой старейший друг» (*Васильев А.А.* В.Н. Златарский // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1936. Т. VIII. С. 282).

¹³⁹⁸ Письмо Института имени Н.П. Кондакова к С. Станоевичу, 6 марта 1936 г. // Архив Српске академије наука и уметности. Заоставштина Станоје Станојевића. Ms 11370.

¹³⁹⁹ *Острогорский Г.А.* Станое Станоевич // *Seminarium Kondakovianum*: Анналы Института имени Н.П. Кондакова. Прага, 1937. Т. IX. С. 86. В письме к С. Станоевичу из Мэдисона 6 февраля 1930 г. А.А. Васильев вспоминал: «Последний раз я Вас видел в Петрограде (так?), а в 1914 г., незадолго до начала войны, в Белграде: Вы были у меня в отеле «Москва», а я потом был у Вас на Битольской улице. А помните, давно-давно то было, когда мы вместе жили в Константинополе. Теперь нет в живых ни Ф.И. Успенского, ни Б.В. Фармаковского» (Письмо А.А. Васильева к С. Станоевичу, 6 февраля 1930 г. // Архив Српске академије наука и уметности. Заоставштина Станоје Станојевића. Ms 11357).

А.С. Башкиров и др.)¹⁴⁰⁰ Такие публикации не возбранялись, но, вероятно, требовали согласования¹⁴⁰¹.

Летом 1927 г. в Праге велась подготовка очередного сборника «*Seminarium Kondakovianum*». Как писал 14 июля 1927 г. А.П. Калитинский А.М. Тальгрёну в Хельсинки, посвятить его планируется «памяти трагически погибшего» академика, археолога и историка искусства Якова Ивановича Смирнова (1869–1918), скончавшегося от истощения и болезней в Петрограде¹⁴⁰². Вышедший в октябре следующего года сборник открывался статьей Сергея Александровича Жебелёва в память об умершем друге, в которой время революции именовалось «лихолетьем»¹⁴⁰³. Эту же темпоральную линию продолжил М.И. Ростовцев, начавший свою статью следующими словами: «Сборник в память Якова Ивановича Смирнова! Больно думать, что не будь происшедшего “переворота” и всего с этим “переворотом” связанного: голода, отчаяния, разочарования в настоящем и будущем, Яков Иванович был бы еще с нами, и мы писали бы статьи в его честь, а не в память»¹⁴⁰⁴.

Очень скоро у сборника нашлись читатели в Советском Союзе, причем не только в академической среде. Тем самым был дан старт так называемому «делу Жебелёва», которое стало важной переломной точкой во взаимо-

¹⁴⁰⁰ *Маркевич А.* Археологические исследования и раскопки в Крыму в 1923–1926 годах // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 318–319.

¹⁴⁰¹ Так Алексей Петрович Смирнов (1889–1930) в заключении своей статьи благодарил Государственную академию истории материальной культуры за разрешение напечатать ее в заграничном издании (*Смирнов А.П.* Греческий деревянный резной поставец под крест из собрания Государственной академии истории материальной культуры // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 156).

¹⁴⁰² Письмо А.П. Калитинского к А.М. Тальгрёну, 14 июля 1927 г. // *Kansalliskirjasto (Suomi), Käsikirjoituskokoelma. Coll. 230: Aarne Michaël Tallgren. № 5.*

¹⁴⁰³ *Жебелёв С.А.* Яков Иванович Смирнов // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1928. Т. II. С. 1.

¹⁴⁰⁴ *Ростовцев М.И.* «Скифский» роман // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1928. Т. II. С. 135.

отношениях власти и ученого сообщества. Можно предположить, что одним из поводов внимания к нему стало августовское выступление М.И. Ростовцева на Международном конгрессе исторических наук в Осло, когда знаменитый историк публично выступил в пику советской делегации во главе с М.Н. Покровским¹⁴⁰⁵. О «деле Жебелёва» и его последствиях для отечественной науки уже написаны основательные исследования¹⁴⁰⁶. В них детально прослежено стремительное раскручивание кампании против ученых, что освобождает от необходимости повторять уже установленные и давно известные факты и дает возможность лишь кратко обрисовать канву событий.

В ноябре 1928 г. во время встречи в Москве неперменного секретаря АН СССР Сергея Федоровича Ольденбурга с управляющим делами СНК СССР Николаем Петровичем Горбуновым (1892–1938) последний внезапно поставил вопрос об исключении С.А. Жебелёва из академии за его «“антисоветские высказывания” в эмигрантском журнале»¹⁴⁰⁷. Этой историей, как показала И.В. Тункина, тут же воспользовались недруги С.А. Жебелева из числа промарксистски настроенных ленинградских ученых. Она же установила, что вскоре после конфиденциальных встреч С.Ф. Ольденбурга и С.А. Жебелёва неперменный секретарь уговорил коллегу написать покаянное письмо для прессы, отречься в нем от М.И. Ростовцева, чтобы отвести удар от АН СССР и Государственной академии истории материальной

¹⁴⁰⁵ Груздинская В.С. Исключение из состава Академии наук в зеркале документальных свидетельств (1928) // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 543.

¹⁴⁰⁶ Тункина И.В. «Дело» академика С.А. Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, Алетейя, 2000. Вып. 2. С. 116–161; Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу...» (академик С.А. Жебелев и «чистка» ГАИМК в 1930 г.) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН, 2020. Т. 10. М., 2021. С. 278–315.

¹⁴⁰⁷ Тункина И.В. «Дело» академика С.А. Жебелёва. С. 121. При этом, как установили М.Д. Бухарин и В.Г. Ананьев, С.А. Жебелёв был доволен своей пражской публикацией и рекомендовал ее своим близким коллегам, например работавшей в Тифлисе Анне Ивановне Болтуновой (Амиранашвили). См.: Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу...». С. 280.

культуры¹⁴⁰⁸. Однако погромную кампанию, громыхавшую по всей стране, уже было не остановить.

Вести о развернувшейся в СССР травле ученых, без преувеличения, взволновали мировое ученое сообщество. Э. Миннз узнал о ней из газетных сообщений и немедленно обратился за информацией в Прагу: «Пишут в Times (26.XI.28), что из-за Смирновского сборника, и особенно из-за последних строке некролога С.А. Жебелёва, его, Бартольда, Крачковского, Айналова, Кубе, Сычева, Тройницкого и других разжаловали (degrade). Очень хотелось бы знать, что это значит. Писать в Россию боюсь. Будьте добры сообщить мне, что стало известно об этом деле и что оно значит»¹⁴⁰⁹. Последующая переписка Э. Миннза с Прагой свидетельствует о его попытках оказать поддержку С.А. Жебелёву со стороны международного научного сообщества, а одновременно демонстрирует стремление проанализировать механизмы репрессий в советской науке. 4 декабря 1928 г. Э. Миннз сообщил А.П. Калитинскому, что после долгих размышлений пришел к выводу, что кампания в защиту С.А. Жебелёва среди коллег может ухудшить его положение. Поддержка со стороны «империалистической Англии» лишь даст повод советской пропаганде обвинить ученого в контрреволюционных связях. Не был он уверен и в необходимости кампании от лица «буржуазной Чехии». В то же время Э. Миннз фиксировал, что «с немцами Советы в хороших отношениях», но тут же замечал, что С.А. Жебелёв «немцев нет очень, по-видимому, любит»¹⁴¹⁰. Немецкий вариант он не сбрасывал со счетов и осведомлялся у А.П. Калитинского: возможно ли получить поддержку, например, у профессора Макса Эберта (Max Ebert; 1879–1929), видного знатока южнороссийских древностей?

¹⁴⁰⁸ Тункина И.В. «Дело» академика С.А. Жебелёва. С. 122.

¹⁴⁰⁹ Письмо Э. Миннза к А.П. Калитинскому, 27 ноября 1928 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-14.

¹⁴¹⁰ Письмо Э. Миннза к А.П. Калитинскому, 4 декабря 1928 г. // *Ibid.*

Выезд С.А. Жебелёва из СССР Э. Миннз считал нереалистичным – это надо было делать в 1918 г.

Что же касается причин травли, то Э. Миннз был склонен видеть них личную месть со стороны Н.Я. Марра. Такой вывод британский археолог сделал на основе прежних писем от С.А. Жебелёва, в которых он неоднократно критиковал Яфетическую теорию и ее сторонников: «Не знал я, читая его, какая гроза разразится над его головой. С.А. считал теорию Марра сумасшествием. <...> Я вижу все признаки личной вражды между Марром и С[ергеем] А[лександровичем] Ж[ебелевым]. Марр видел в нем самого крупного противника своей любимой теории»¹⁴¹¹. Надо сказать, что и в эмигрантских кругах формировался злобный образ Н.Я. Марра и его учения. Причем одним из каналов получения негативной информации служили письма советских ученых за границу. Перлюстрация хоть уже активно практиковалась, но еще не стала всеобъемлющей. Так, например, Г.А. Ильинский сообщал в Софию М.Г. Попруженко 5 ноября 1926 г.: «В области филологии у нас задает тон Николай Яковлевич Марр своей яфетической теорией, которая представляет собой (чтобы не сказать худшего) бред сумасшедшего. И тем не менее эта сплошная ерунда будет у нас вероятно скоро объявлена общеобязательной для всех лингвистов “православной системой языкознания”, и горе тем, которые позволяют себе называть эту “теорию” ее настоящим именем»¹⁴¹². Современные исследования показали, что фигура Н.Я. Марра в «деле Жебелёва» безосновательно демонизировалась¹⁴¹³.

¹⁴¹¹ Письмо Э. Миннза к А.П. Калитинскому, 4 декабря 1928 г. // Ibid.

¹⁴¹² Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи. С. 133.

¹⁴¹³ В действительности, хотя Н.Я. Марр был зол на С.А. Жебелева за то, что тот своей публикацией осложнил положение АН СССР и ГАИМК, он все же пытался смягчить последствия развернувшейся публичной погромной кампании (*Тункина И.В.* «Дело» академика С.А. Жебелёва. С. 122–123, 125). В.Г. Ананьев и М.Д. Бухарин на основе новых архивных свидетельств реконструировали личные контакты Н.Я. Марра и С.А. Жебелёва в самом начале погромной кампании. Они показали, что С.А. Жебелёв на первых порах пытался сопротивляться принуждению к покаянию. Так в общении с Н.Я. Марром он настаивал, что его слова из статьи о Я.И. Смирнове были вырваны из контекста (*Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* С.А. Жебелёв в системе советской науки (по ма-

За рубежом пристально следили за событиями в советской науке. М.И. Ростовцев писал Э. Миннзу 8 декабря 1929 г.: «Я забыл вернуть Вам открытку Жебелёва. Очень скорблю за него. Жизнь их не сладка. Как я и предполагал, придется теперь расплачиваться за “непротивление злу”. Впрочем, расплачивается весь русский народ, не только они»¹⁴¹⁴. Для С.А. Жебелёва публичное отречение от старого друга стало тяжелейшим ударом. Он признавался, что сделал это вынужденно, в силу сложившихся, но нисколько не оправдывающих его обстоятельств, не делающих чести его мужество. Это был «один из самых мрачных эпизодов жизни» – резюмировал ученый. По косвенным свидетельствам известно, что С.А. Жебелёв смог переправить М.И. Ростовцеву письмо с извинениями. Тот «принял эту историю близко к сердцу и сильно переживал из-за унижений, перенесенных другом»¹⁴¹⁵.

Э. Миннз, как было уже сказано, не сумел найти способа оказать помощь С.А. Жебелёву, опасаясь, что действия из-за границы лишь ухудшат положение советских ученых. Иную позицию занял А.М. Тальгрэн, который решил открыто вмешаться, и выступил с открытым письмом Главному управлению научных дел СССР (Главнаука). Он обратил внимание на противоречия советской действительности. С одной стороны, власти декларировали важность международного научного взаимодействия, но, с другой стороны, устраивали гонения на ученых. Он подчеркивал, что после революции страну покинули многие крупные ученые, такие как Н.П. Кондаков и М.И. Ростовцев. Ученики и последователи первого из них начали издавать в Праге ценнейший научный сборник, в котором до последнего времени печатались и авторы из СССР, «принося сим русской науке чести и блеска». А.М. Тальгрэн протестовал против гонений на С.А. Жебелёва и

териалам новых архивных документов // Вестник древней истории. 2020. Т. 80. №.3. С. 766–767).

¹⁴¹⁴ Письмо М.И. Ростовцева к Э. Миннзу, 8 декабря 1929 г. // Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Hovell Minns: Correspondence. Add. 7722. Box 2. Fold. R.

¹⁴¹⁵ Тункина И.В. «Дело» академика С.А. Жебелёва. С. 160.

выражал недоумение, почему проникновенная статья о Я.И. Смирнове в «*Seminarium Kondakovianum* вызвала такую ожесточенную реакцию». «Известия о случившемся произвели самое тяжелое и подавляющее впечатление на иностранных ученых», – резюмировал финский археолог¹⁴¹⁶. В ответ на письмо развернулась эпистолярная кампания уже против самого А.М. Тальгрена. Ряд советских ученых фактически принудили написать письма протеста и отправить их в Хельсинки. Вот, например, фрагмент одного такого письма из Казани, которым А.М. Тальгрэн поделился с Э. Миннзом: «Ваше обращение по существу есть недопустимый выпад против рабоче-крестьянской власти. В нашей стране происходит социалистическое строительство, здесь наука и труд строят новую жизнь, а Вы находите возможным в этот момент бросать клеветнические наветы на положение науки в СССР»¹⁴¹⁷.

Если в СССР публикация второго тома «*Seminarium Kondakovianum*» вызвала громкий скандал, обернувшийся драматическими последствиями, то в эмигрантской среде его появление встретило одобрение. Оно было воспринято как символическое чествование памяти коллег-ученых, умерших в Советской России и ставших вольными или невольными жертвами новых властей. В июне 1930 г. крупный японист Сергей Григорьевич Елисеев (1889–1975)¹⁴¹⁸, преподававший в ту пору в парижской Практической школе высших исследований, написал А.П. Калитинскому: «Прочел, что он посвящается памяти Якова Ивановича Смирнова и так ярко вспомнил осень 1918 года, мою службу в Азиатском музее при Академии Наук и почти ежедневные посещения музея Яковом Ивановичем. Он худел, слабел, но упорно голодал, не желая ничего получать от большевиков, его старались

¹⁴¹⁶ Открытое письмо Главному управлению научных дел (Главнаука) СССР // Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Hovell Minns: Correspondence and papers. Add. 9436. № 170.

¹⁴¹⁷ Письмо А.М. Тальгрена к Э. Миннзу, 1928 г. // Ibid. № 169.

¹⁴¹⁸ См. о нем: *Марахонова С.И.* Орден Священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал основателем американского японоведения. СПб., 2016.

разубедить, но это было напрасно. Он буквально высох на наших глазах и, ослабев, умер»¹⁴¹⁹.

«Дело Жебелёва» имело драматические последствия не только для его главного героя, но и для других советских ученых, сотрудничавших с Прагой. В печати развернулась травля искусствоведа Александра Ивановича Анисимова (1877–1937), который напечатал в кондаковской серии книгу «Владимирская икона Божьей матери» на средства Министерства иностранных дел Чехословакии и, что было особо отягчающим, графа В.Н. Коковцова, которого в СССР считали одним из злейших врагов¹⁴²⁰. В декабре 1930 г. за публикацию статьи «Сказка о “Потерпевшем кораблекрушение” и греческий скарабей VI-го века» в первом томе «*Seminarium Kondakovianum*» из Государственной академии истории материальной культуры была уволена Мария Ивановна Максимова (1885–1974)¹⁴²¹. Но если ей в итоге пришлось на время уйти из науки, перебиваясь работой библиотекарем и библиографом, то судьба А.И. Анисимова сложилась поистине трагично. В октябре 1930 г. он был арестован, отбывал наказание на Соловках и в Беломоро-Балтийском лагере, а 2 сентября 1937 г. расстрелян в печально известном карельском урочище Сандармох.

Еще в 1974 г. канадский исследователь Л. Райнлендер предположил, что нападки на С.А. Жебелёва за его пражскую публикацию объяснялись главным образом стремлением советских властей покончить со своеволием и свободомыслием Академии наук и взять ее под полный контроль¹⁴²². Этот вывод сегодня подтверждают фундаментальные архивные изыскания И.В. Тункиной¹⁴²³. Травля академика С.А. Жебелёва была продуманным шагом властей на пути подчинения академической элиты, за которым, как

¹⁴¹⁹ Письмо С.Г. Елисеева к А.П. Калитинскому, 13 июня 1930 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-13.

¹⁴²⁰ Тункина И.В. «Дело» академика С.А. Жебелёва. С. 145–146.

¹⁴²¹ *Виноградов Ю.А.* М.И. Максимова: путь русского ученого // *Записки Института истории материальной культуры РАН*. 2016. Т. 14. С. 8.

¹⁴²² *Rhineland L.H.* Op cit. P. 338–339.

¹⁴²³ Тункина И.В. «Дело» академика С.А. Жебелёва. С. 160.

известно, последовали «Академическое дело», «Дело славистов» и др. Одновременно власти дали понять, что отныне считают контакты советских ученых с их эмигрантскими коллегами нежелательными. Символическим актом разрыва стало исключение из состава АН СССР 15 декабря 1928 г. действительных членов, почетных академиков и членов-корреспондентов, эмигрировавших из России после революции. Среди них – М.И. Ростовцев, В.А. Францев, П.Б. Струве, Н.Н. Глубоковский, С.М. Кульбакин, А.А. Кизеветтер, Е.Ф. Шмурло, И.А. Бунин, Ф.Ф. Зелинский, П.Н. Игнатъев¹⁴²⁴. Видимо, позицию властей разделяли и некоторые советские ученые. Показательно письмо археолога-кавказоведа Евгении Георгиевны Пчелиной (1895–1972) к Э. Миннзу 13 марта 1930 г. Приведем красноречивую цитату, которая не нуждается в комментариях: «Мы русских эмигрантов не ставим вровень с собой. Они наша грязь и накипь, которая нам не нужна. Их нельзя не презирать. Паразиты, думающие чужими руками вернуть себе теплые гнезда, и нам не нужны, так же как и никому»¹⁴²⁵.

После «дела Жебелёва» ни одной статьи авторов из СССР в кондаковских изданиях не появилось. Правда, тяжелый железный занавес опустился не до конца, оставив небольшие просветы. По-прежнему сохранялась переписка между советскими и зарубежными учеными, но, разумеется, она подвергалась тщательной проверке. По этой причине в ней приходилось прибегать к иносказательному языку. Так С.А. Жебелёв писал Э. Миннзу в

¹⁴²⁴ Они будут посмертно восстановлены в составе Академии наук в марте 1990 г. (Постановление Общего собрания АН СССР № 17.1 от 22 марта 1990 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1977–2016). Д. 1588. Л. 68–72). Вице-президент АН СССР В.Н. Кудрявцев в своем выступлении подчеркивал, что, «работая в Союзе, и в эмиграции, они оставили след в отечественной и мировой науке, и мы вправе гордиться ими и их заслугами» (Стенограмма годового Общего собрания АН СССР, 22 марта 1990 г. // Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1587. Л. 190). Физик Д.В. Широков добавлял, что посмертное восстановление ученых «необходимо как акт очищения, но очищение невозможно без покаяния» (Там же. Л. 199), имея в виду моральную ответственность ученого сообщества, поддавшегося давлению властей.

¹⁴²⁵ Письмо Е.Г. Пчелиной к Э. Миннзу, 13 марта 1930 г. // Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Hovell Minns: Correspondence and papers. Add. 9436. № 136.

августе 1930 г.: «Окружным путем знаю, что Yale University летом был в Европе и даже отдыхал в Баварии»¹⁴²⁶. Понятно, что под именем американского университета тут скрыта фигура М.И. Ростовцева. Или, например, в декабре 1931 г. С.А. Жебелёв упоминал, что Н.П. Лихачёв «проживает в Астрахани с осени текущего года»¹⁴²⁷. Напрямую говорить о высылке ученого из Ленинграда он, конечно, не мог.

Изменился механизм коммуникаций советских ученых с заграницей. Некоторое время писать напрямую в Чехословакию не представлялось возможным. В марте 1931 г. из Праги в Кембридж на имя Э. Миннза была отправлена посылка с двумя экземплярами книги венгерского археолога Н. Феттиха. Один предназначался для британского ученого, а второй его просили переслать в СССР А.А. Захарову¹⁴²⁸. Однако, наведя справки и поразмыслив, британский археолог пришел к выводу, что отправлять книгу в СССР нельзя: «Там получать что-нибудь из-за границы опасно, а от С[еминариум] К[ондаковианум] подавно»¹⁴²⁹.

Тема репрессий и положения науки в СССР становится важнейшей в эпистолярном общении кондаковцев с иностранными коллегами. При этом зачастую приходилось руководствоваться лишь слухами, которые просачивались из-за советской границы различными путями¹⁴³⁰. Наглядное свидетельство тому – сохранившиеся в Праге и Кембридже материалы переписки между Н.П. Толлем и Э. Миннзом. Так в марте 1931 г. Н.П. Толль передавал Э. Миннзу слова Н. Феттиха, что тот получил «очень пессимистич-

¹⁴²⁶ Письмо С.А. Жебелёва к Э. Миннзу, 16 августа 1930 г. // Ibid. № 180.

¹⁴²⁷ Письмо С.А. Жебелёва к Э. Миннзу, 1 декабря 1931 г. // Ibid № 182.

¹⁴²⁸ Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 2 апреля 1931 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14.

¹⁴²⁹ Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 25 июня 1931 г. // Ibid.

¹⁴³⁰ Пути передачи информации из СССР о положении ученых и науки были различными. О чем-то получалось завуалированно рассказать в редких письмах, что-то удавалось конфиденциально рассказать иностранным коллегам, приезжавшим в СССР. Так, например, из числа близких кондаковцам иностранных ученых в 1930-е гг. в СССР побывали Н. Феттих, А.М. Тальгрэн, К. Вайцман.

ное письмо» от А.А. Захарова¹⁴³¹. 16 ноября 1931 г. Э. Миннз делился с Н.П. Толлем информацией: «Говорят, что распродают очень важные картины из Эрмитажа»¹⁴³². В августе 1933 г. он же рассказывал Н.П. Толлю о готовящемся в Стокгольме XIII Международном конгрессе по истории искусств и о приуроченной к нему археологической выставке. Николая Петровича также приглашали участвовать в этих научных мероприятиях, но он был вынужден отказаться из-за нехватки средств¹⁴³³. По сведениям, полученным от А.М. Тальгрена, в Швецию из СССР планировали привезти минусинские древности, а сопровождать их должен был Сергей Александрович Теплоухов (1888–1934). Э. Миннз в это слабо верил и прямо говорил: «Ждать советских ученых большей частью тщетно»¹⁴³⁴. Опасения британского ученого подтвердились. 26 ноября 1933 г. С.А. Теплоухов был арестован по делу «Российской национальной партии» вместе со многими известными учеными. Под давлением во время допросов он был вынужден признать себя виновным. Не выдержав психологического давления и понимания отсутствие перспектив, он повесился в тюремной камере 10 марта 1934 г.¹⁴³⁵ 7 февраля 1938 г. Э. Миннз спрашивал у Н.П. Толля, знает ли тот

¹⁴³¹ Письмо Н.П. Толля к Э. Миннзу, 20 марта 1931 г. // Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Hovell Minns: Correspondence. Add. 7722. Box 2. Fold. T. А.А. Захаров вообще писал удивительно смелые письма за границу. Вот, к примеру, из его письма к Э. Миннзу от 28 августа 1933 г.: «Мне очень грустно сегодня: ломают для расширения города еще один московский памятник – знаменитую Сухареву башню, и сердце мое разрывается от тоски» (Письмо А.А. Захарова к Э. Миннзу, 28 августа 1933 г. // Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Hovell Minns: Correspondence. Add. 7722. Add. 7722. Box 3).

¹⁴³² Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 16 ноября 1931 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14.

¹⁴³³ Dmitrieva M. Op. cit. P. 185.

¹⁴³⁴ Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 2 октября 1933 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14. Из переписки европейских археологов известно, что отсутствие советских ученых в Стокгольме было встречено с большим разочарованием (Детлова Е.В. С.А. Теплоухов и Геро фон Мергарт: диалог длиною в век // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 161).

¹⁴³⁵ Информация об аресте С.А. Теплоухова и других археологов все же просочилась за границу, вызвав ужас и опустошение у зарубежных коллег. Профессор Марбургского университета Г. фон Мергарт признавался, что не мог себя заставить поверить в эти

об «исчезновении» (британский ученый употреблял именно это слово) Федора Васильевича Кипарисова (1886–1936) и Сергея Николаевича Быковского (1896–1936)?¹⁴³⁶ Оба еще в августе 1936 г. были арестованы как участники «троцкистско-зиновьевской террористической организации» и расстреляны¹⁴³⁷. Э. Миннз встречался с Ф.В. Кипарисовым в Великобритании в феврале 1931 г., и тот искренне выражал надежду на развитие советско-британских научных связей в области гуманитарных наук. Он считал, что эти контакты надо всемерно укреплять, особенно за счет систематического обмена научной информацией¹⁴³⁸. В конце декабря 1938 г. Э. Миннз рассказывал Н.П. Толлю, что получил после долгого перерыва письмо от С.А. Жебелёва. Он сообщал, что готовится большое издание по истории народов СССР, и что будет принимать участие в редактировании первого тома. Э. Миннз скептически оценил научную составляющую будущего издания («конечно, все будет тенденциозным»), но все же допустил, что много можно будет учесть и принять во внимание¹⁴³⁹. В 1939 г. Э. Миннз писал

слухи (Детлова Е.В. С.А. Теплоухов и Геро фон Мергарт. С. 161). Самого Г. фон Мергарта вскоре изгнали с кафедры пришедшие к власти нацисты. М.И. Ростовцев писал Э. Миннзу 9 января 1936 г.: «Очень огорчен я известиями о гибели Теплоухова, которого я не знал лично, и А.А. Миллера, которого я знал очень хорошо. Что они им сделали? Кротчайшие люди, которые никогда никакого участия в политике не принимали. Добивают последних» (Письмо М.И. Ростовцева к Э. Миннзу, 9 января 1936 г. // Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Novell Minns: Correspondence. Add. 7722. Box 2. Fold. R).

¹⁴³⁶ Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 7 февраля 1938 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-14.

¹⁴³⁷ Панкратова Е.Г. Последний председатель ГАИМК – Ф.В. Кипарисов (Новые материалы к биографии) // *Вестник древней истории*. 2020. Т. 80. № 3. С. 728–752; *Застрожная Е.Г., Тихонов И.Л., Тихомиров И.С.* С.Н. Быковский: от красного командира до заместителя председателя ГАИМК (новые материалы к биографии) // *Археологические вести*. Вып. 39. СПб., 2023. С. 292–310.

¹⁴³⁸ Письмо Ф.В. Кипарисова к Э. Миннзу, 25 февраля 1931 г. // Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Novell Minns: Correspondence and papers. Add. 9436. № 71.

¹⁴³⁹ Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 22 декабря 1938 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-14.

к Н.П. Толлю: «А из России ни слова. А.А. Захаров, по-видимому, умер¹⁴⁴⁰. Получил письмо от Жебелёва, но после его статьи о Савмаке я не так смотрю на него»¹⁴⁴¹. Международная переписка кондаковцев 1930-х гг. зафиксировала резкое изменение коммуникативного поля, с новой силой (в сравнении с 1920-и гг.) поставила вопрос об отношении ученого и власти.

Однако вернемся к положению Семинария на рубеже 1920–1930-х гг., проблемы которого стремительно множились. Вынужденный разрыв с коллегами из СССР оказался тяжелым ударом. Еще за год до этого трудным испытанием стал отъезд в США Г.В. Вернадского, одного из самых активных и авторитетных членов Семинария. На рубеже 1920–1930-х гг. его работа становилась все более дезорганизованной. К тому же интересы его членов стали слишком сильно разниться, что нарушало изначальное единство¹⁴⁴². Кроме того оставался неясным статус учреждения. С момента своего зарождения в 1925 г. Семинарий не был официально зарегистрирован, а чехословацкое законодательство не предусматривало существования частных научных институтов. Поэтому руководству надлежало легализовать свое учреждение и принять соответствующий устав, превратить его в пражское отделение какой-нибудь международной научной организации или же вступить под чей-нибудь протекторат. Правительство Чехословакии хоть и сокращало помощь русской диаспоре, но было не против оказывать поддержку международному научному институту, пусть даже созданному эмигрантскими силами.

¹⁴⁴⁰ А.А. Захаров был первый раз арестован в январе 1934 г. и сослан в Северный край. Повторно арестован в 1935 г. и выслан в Казахстан, в Алма-Ату. Там арестован в третий раз и в декабре 1937 г. расстрелян (*Канторович А.Р.* Историк и археолог Алексей Алексеевич Захаров: жизнь и творчество ученого после революции // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: Институт археологии РАН. 2017. С. 32).

¹⁴⁴¹ Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 5 февраля 1939 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-14.

¹⁴⁴² *Rhineland L.H.* Op cit. P. 341.

Помимо организационных вопросов, лежавших в правом поле, не менее острой проблемой для кондаковцев была скудость имеющихся средств. В связи с сокращением «Русской акции» уменьшились финансовые дотации. Материальным подспорьем стала продажа репродукций икон, открыток, эмалевых миниатюр, вышивок, которые изготавливали княгиня Н.Г. Яшвиль и ее дочь Т.Н. Родзянко в мастерской при Семинарии¹⁴⁴³. Все эти художественные изделия продавались как в Чехословакии, так и за ее пределами¹⁴⁴⁴. Нужно было искать новые формы поддержки, причем за рубежом. Сделать это в условиях мирового экономического кризиса оказалось крайне непростой задачей.

В конце 1929 г. А.П. Калитинский просил содействия у финского археолога А.М. Тальгрена в попытке обратиться за помощью к Рокфеллеровскому фонду. Финансовые затруднения не только не позволяли реализовать текущие издательские замыслы, но и ставили под вопрос всю дальнейшую научную работу. Он полагал, что надеяться на расположение американского благотворителя будет возможно лишь в случае поддержки со стороны крупного ученого с мировым авторитетом: «Мы вполне уверены, что Ваше слово, как самого авторитетного в наше время ученого по древностям Вост. Европы, было бы решающим в нашу пользу»¹⁴⁴⁵. А.М. Тальгрэн, кажется, поддержку оказал, поскольку известно о визите А.П. Калитинского в парижское представительство Фонда в январе 1930 г. Ему пришлось весьма долго и подробно рассказывать о работе Семинария, поскольку он был осведомлен о приоритетной поддержке точных и естественных наук. Директор представительства с сочувствием отнесся к положению пражского объединения и выразил восхищение рекомендациями от авторитетнейших мировых специалистов. Он предложил ждать решения главной дирекции

¹⁴⁴³ *Синенький А.* В эмиграцию уходили и герои знаменитых картин: княгиня Наталья Григорьевна Яшвиль и ее дочь Татьяна Николаевна Родзянко // Русская мысль. Париж, 2001. 20 сентября. № 4377.

¹⁴⁴⁴ *Беляев С.А.* Из истории становления Семинария. С. 8.

¹⁴⁴⁵ Письмо А.П. Калитинского к А.М. Тальгрэну, 12 декабря 1929 г. // Kansalliskirjasto (Suomi), Käsikirjoituskokoelma. Coll. 230: Aarne Michaël Tallgren. № 5.

Фонда¹⁴⁴⁶. А.П. Калитинский благодарил А.М. Тальгрена: «Вы протянули руку помощи группе ученой молодежи, объединившейся около Sem. Kond. и искренне преданной науке, свято хранящей лучшие традиции русской академии, и она этой помощи никогда не забудет»¹⁴⁴⁷. Получить помощь от американцев в итоге не удалось.

А.П. Калитинский, ища новые источники финансирования, начал переговоры с Николаем Константиновичем Рерихом (1874–1947) о налаживании контактов между Прагой и возглавляемым художником Институтом Урусвати. Обстоятельства этих переговоров получили освещение в основательных работах В.А. Росова, написанных с привлечением широчайшего круга архивных материалов¹⁴⁴⁸. Подробное изучение двумя историками контактов между семьей Рерихов и кондаковцами снимает необходимость специально рассказывать о них. Однако некоторых сюжетов все же нельзя не коснуться.

В 1929–1930 гг. А. П. Калитинский вел переговоры с Н.К. и Ю.Н. Рерихами о превращении Семинария имени Н.П. Кондакова в Археологический институт под протекторатом Музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке. В.А. Росов высказал убедительно предположение, что идея об объединении двух организаций принадлежала жене доктора А.П. Калитинского актрисе М.Н. Германовой, которая хорошо знала Н.К. Рериха еще по дореволюционной работе в Московском художественном театре¹⁴⁴⁹. В 1931 г. знаменитый художник принял звание попечителя Семинария имени Н.П. Кондакова в Праге. Но летом того же года руководство Семинария без согласия с Рерихами преобразовало его в Институт.

¹⁴⁴⁶ Письмо А.П. Калитинского к А.М. Тальгрена, 30 января 1930 г. // Ibid.

¹⁴⁴⁷ Ibid.

¹⁴⁴⁸ См.: *Росов В.А.* Институт Урусвати и Институт Н.П. Кондакова: история взаимоотношений, 1930–1932 // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Прага, 1995. Т. 2. С. 643–652; *Он же.* Семинариум Кондаковианум: Хроника реорганизации в письмах. 1929–1932. СПб., 1999.

¹⁴⁴⁹ См.: *Росов В.А.* Семинариум Кондаковианум: Хроника реорганизации в письмах. С. 13–15.

Это событие В.А. Росов считает своеобразной точкой разлада между Н.К. Рерихом и Прагой¹⁴⁵⁰.

Вдобавок к этому еще в сентябре 1930 г. у А.П. Калитинского обнаружались серьезные проблемы с психическим здоровьем. Он неожиданно исчез 20 сентября 1930 г. В эмигрантских кругах возникла даже версия его похищения советскими спецслужбами, что казалось вполне реальным после исчезновения в Париже генерала А.П. Кутепова¹⁴⁵¹. В действительности археолог был арестован чешской полицией, когда он «попытался на глазах общественности вступить в контакт, сопровождающийся “аморальными” предложениями и действиями, с 14-летним юношей, учащимся одного из пражских училищ»¹⁴⁵². Это происшествие привело коллег А.П. Калитинского в замешательство. Знаменитый русский психиатр Н.Е. Осипов установил, что причиной такого поступка ученого стало тяжелейшее психическое расстройство: он возомнил, что одержим бесами.

Болезнь директора привела к прерыванию переговоров об объединении с Институтом Урусвати, но, главное, положило начало борьбе за власть среди кондаковцев¹⁴⁵³. Наиболее подходящей кандидатурой на пост главы Института был археолог Н.П. Толль. Но против него был Н.М. Беляев, который считал себя прямым учеником покойного Н.П. Кондакова и на этом основании видел себя главой Института. В своих воспоминаниях Н.Е. Андреев подтвердил решительность позиции Н.М. Беляева в борьбе за директорский пост. Причем его не могли остановить увещевания о перемирии со стороны таких моральных авторитетов как княгиня Н.Г. Яшвиль и

¹⁴⁵⁰ Там же. С. 29.

¹⁴⁵¹ Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. 1. С. 299.

¹⁴⁵² Янчаркова Ю. «Теперь же уходя в небытие...». С. 165.

¹⁴⁵³ О непростых отношениях среди членов Семинария (Института) писал в своих воспоминаниях Н.Е. Андреев: «Покуда был Калитинский, было естественно, что он стоит во главе, перед этим был Вернадский, и они были дуумвират. Теперь Вернадский жил в Соединенных Штатах и мог быть только духовным вождем» (Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. 1. С. 299). Следует признать, что отношения между учеными никогда не были идиллическими, что легко объяснить обостренным чувством научной конкуренции.

Г.В. Вернадский. Н.М. Беляев решительно интриговал против Н.П. Толля, обратившись за поддержкой к чешским профессорам, которые готовы были поддержать его в обмен на членство в Институте имени Н.П. Кондакова¹⁴⁵⁴. Разгоравшийся конфликт был погашен мгновенным, но трагическим образом. 23 декабря 1930 г. Н.М. Беляев был насмерть сбит случайным грузовиком неподалеку от Вацлавской площади. Внутренние противоречия не могли остаться незамеченными и в эмигрантских кругах, и в международной научной корпорации. Гибель Н.М. Беляева некоторые восприняли как трагическое предзнаменование. «Seminarium Kondakovianum разваливается понемногу. Грустно!» – сообщал В.А. Францев в Софию М.Г. Попруженко 31 декабря 1930 г.¹⁴⁵⁵

Но вернемся к истории с Н.К. Рерихом и его «неудавшимся попечительством». Почему же планы художника не смогли реализоваться, и не произошло слияния двух русских институтов? На этот вопрос имеется сразу несколько ответов. Главная причина, вероятно, состояла в том, что ни Н.К. Рерих, не пражские историки полностью не доверяли друг другу. В.А. Росов на основе архивных документов показал, что Н.К. Рерих пытался наводить справки об источниках финансирования Семинария, опасаясь, как бы за ним не стояли советские спецслужбы. В то же время члены Семинария обвиняли художника в финансовой нечистоплотности и в желании покончить с их автономным статусом. В опубликованном письме А.П. Калитинского к Ю.Н. Рериху директор кондаковского Семинария открыто заявлял, что успешная работа его учреждения находится в прямой зависимости от его самостоятельности во внутренней жизни и в отношениях с внешним миром: «Эта автономность есть одна из основ его существования. Она определяет преемственность традиции, с ее уничтожением замрут и погибнут основные жизненные функции нашего Института, ибо ис-

¹⁴⁵⁴ Там же.

¹⁴⁵⁵ Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи. С. 340.

чезнет самодеятельность»¹⁴⁵⁶. Но была, очевидно, и еще одна причина. С.А. Беляев вполне оправданно подчеркивал различие теоретических и методологических подходов Рерихов и кондаковцев к культурному наследию народов Евразии, особенно к православной культуре Руси и Византии. Члены Семинария опасались, что переход под покровительство Института Урусвати приведет к утрате научных заветов Н.П. Кондакова, что все «своеобразие может раствориться в общекультурном подходе Н.К. Рериха»¹⁴⁵⁷. К идее попечительства со стороны Института Урусвати негативно отнеслись и иностранные коллеги. Так, например, Э. Миннз 16 февраля 1931 г. написал Н.П. Толлю из Кембриджа: «То, что Вы мне сообщили о предложениях Рериха, не вызывает доверия. Шарлатан, по моему»¹⁴⁵⁸. В итоге семья Рерихов прекратила всякие переговоры с Прагой, а упоминания о них были исключены из официальных бумаг Института Урусвати¹⁴⁵⁹.

Вариант объединения с Институтом Урусвати, как показывают архивные материалы, был не единственным. Будущее кондаковского объединения стало предметом личного обсуждения Э. Миннза и М.И. Ростовцева, который приезжал в Кембридж в июне 1931 г. Русский ученый высказал мнение, что возможно хорошим вариантом стало бы вхождение Кондаковского института как филиала в состав Американского византийского института (Byzantine Institute of America)¹⁴⁶⁰. Эта научная организация как раз начала свою работу в июне 1931 г., а во главе нее встал археолог Томас

¹⁴⁵⁶ Переписка Ю.Н. Рериха и А.П. Калитинского. С. 176.

¹⁴⁵⁷ Беляев С.А. Из истории становления Семинария. С. 19. В письме к Ю.Н. Рериху директор Семинария А.П. Калитинский открыто признавался, что Институт Урусвати «отличается универсальностью своих задач по сравнению с узко-специальным назначением ... Института [Кондакова]» (Там же. С. 23).

¹⁴⁵⁸ Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 16 февраля 1931 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-14.

¹⁴⁵⁹ Росов В.А. Семинариум Кондаковианум: Хроника реорганизации в письмах. С. 47–48.

¹⁴⁶⁰ Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 25 июня 1931 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-14.

Уиттмор (Thomas Whittemore; 1871–1950), который накануне, благодаря личному расположению Мустафы Кемалья Ататюрка, получил разрешение на раскрытие византийский мозаик в Соборе Святой Софии в Стамбуле. Расчет М.И. Ростовцева объяснялся, видимо, не только несомненными возможностями Американского византийского института, но связями Т. Уиттмора с русской наукой. Еще до революции он побывал в России, познакомился со многими учеными. В начале 1920-х гг. Т. Уиттмор оказывал поддержку эмигрантам, в частности, способствовал получению стипендий русскими студентами для обучения за рубежом¹⁴⁶¹. Э. Миннз, кажется, не имел собственной точки зрения на будущее Кондаковского института, и ему оставалось лишь констатировать следующее: «Видно, что чехи считают, что исполнили свой долг и более поддерживать не будут. Я думаю, что у них, как у всех на свете, большие возникли затруднения. Очень жалею, что не знаю, что Вам советовать, и серьезной помощи не могу дать»¹⁴⁶². План М.И. Ростовцева казался ему осуществимым, но при этом ему отнюдь не импонировало, что Институту придется пожертвовать своей независимостью.

Вопрос о юридическом статусе кондаковского объединения окончательно решился летом 1931 г., когда было принято решение зарегистрировать его как чехословацкое юридическое лицо с официальным названием «Археологический институт имени Н.П. Кондакова». Устав общества был зарегистрирован Земским управлением в Праге 1 июля 1931 г. Председателем Института назван А.П. Калитинский, заместителем – Н.П. Толль, казначеем – княгиня Н.Г. Яшвиль, ученым секретарем – Д.А. Расовский¹⁴⁶³

¹⁴⁶¹ К истории русской литературы 1910-х годов: письма Н.В. Недоброво к Б.В. Анрепу / Публ. Г.П. Струве // *Slavica Hierosolymitana*. Jerusalem, 1981. Vol. V–VI. С. 455. С. 455.

¹⁴⁶² Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 25 июня 1931 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-14.

¹⁴⁶³ *Dopis Kondakovského ústavu Slovanskému ústavu, 14. října 1931 // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 25: Slovanský ústav. Kart. 34. Inv. č. 267.*

В Уставе Института закреплялось, что в его работе участвуют почетные члены-благотворители, почетные члены, члены-основатели, действительные члены, ученые члены и члены-корреспонденты¹⁴⁶⁴. Почетные члены избирались общим собранием за свои ученые заслуги или за заслуги перед обществом. Членами-основателями были лица, подписавшие Устав 1 июля 1931 г. Кроме того, ими могли быть ученики Н.П. Кондакова. Действительными членами являлись ученые, работающие в сфере научных интересов Н.П. Кондакова. Они избирались решением правления. Членами-корреспондентами были лица, избранные правлением за свои научные труды или же за заслуги в отношении общества. Члены-основатели и действительные члены имели право участвовать в общих собраниях, обладали правом избирать и быть избранными, правом вносить предложения и голосовать. Остальные члены пользовались правом участия в общих собраниях с совещательным голосом. На что же надеялись русские пражане, создавая многоступенчатую систему участия в объединении? Ответ просто – о привлечении дополнительных средств. В условиях, когда дотации чехословацкого правительства становились нерегулярными и, кроме того, заметно сокращались, было решено перейти на самоокупаемость работы, а, по сути, переложить финансовое бремя на членов института. За членство в Институте имени Н.П. Кондакова нужно было платить взнос. Самый большой полагался для членов-благотворителей. Они могли единовременно внести 10.000 чехословацких крон или же ежегодно платить 1.000 чехословацких крон. Эту схему разъяснял Н.П. Толль в письме к М.И. Ростовцеву в октябре 1932 г. Он признавал, что сейчас совсем не лучшее время для денежных сборов, но все же надеялся, что «накопления членов-друзей Института будет идти хотя и медленно, но непрерывно, а вместе с тем будет укреп-

¹⁴⁶⁴ Устав Археологического института имени Н.П. Кондакова // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV.

ляться и материальное положение»¹⁴⁶⁵. Н.П. Толль не скрывал, что именно на новых членов института возлагаются надежды, разумеется, прежде всего финансовые¹⁴⁶⁶.

Справедливости ради нужно сказать, что иностранные ученые с радостью и воодушевлением принимали известия об избрании в члены Кондаковского института. Так в ответ на информацию о присвоении звания почетного члена, А.М. Тальгрэн написал: «Я счастлив тем, что Вы принимаете меня в свою среду, которая мне так по душе. Я никогда не скрывал, что глубоко уважаю русских ученых и интеллектуальные силы России вообще за их одаренность, честный образ мыслей и склонный к самопожертвованию характер»¹⁴⁶⁷. Аналогично отреагировал и болгарский историк В. Златарский, который также выразил радость, что пражское объединение «расширяется на пользу русской науки вообще и, в частности, археологии, истории искусства и византиноведения»¹⁴⁶⁸. В реалиях международного кризиса денег на своевременную уплату взносов не всегда хватало даже у, казалось бы, вполне благополучных иностранных коллег. Так Э. Миннз в апреле 1933 г. извинялся, что не сможет в текущем году оплатить полный членский взнос из-за материальных издержек¹⁴⁶⁹.

Тридцатые годы для европейской науки – это не только время больших финансовых трудностей. Ученые в полной мере испытывали на себе политические потрясения, зачастую отказываясь строить далеко идущие планы. Общая обстановка в мире не внушала оптимизма, о чем, к примеру, писал

¹⁴⁶⁵ Письмо Н.П. Толля к М.И. Ростовцеву, 18 октября 1932 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-15.

¹⁴⁶⁶ Письмо Н.П. Толля к Э. Миннзу, 20 марта 1931 г. // *Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Novell Minns: Correspondence. Add. 7722. Box 2. Fold. T.*

¹⁴⁶⁷ Письмо А.М. Тальгрэна к Н.П. Толлю, 28 октября 1931 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-16.

¹⁴⁶⁸ Письмо В. Златарского к Н.П. Толлю, 28 ноября 1931 г. // *Ibid.* KI-17.

¹⁴⁶⁹ Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 16 апреля 1933 г. // *Ibid.* KI-14; Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 31 июля 1933 г. // *Ibid.* В 1935 г. он смог прислать лишь половину взноса – в размере 5 фунтов стерлингов (Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 4 июня 1935 г. // *Ibid.*).

из Парижа в Прагу 1931 г. японист С.Г. Елисеев: «В этом году не только лето наводило холодом и облачную погоду грусть на всех европейцев, по видимому, все грядущие события нам готовят много неприятных сюрпризов и тяжелое экономическое положение Европы еще осложнится империалистическими замашками японского генерального штаба»¹⁴⁷⁰.

Мрачные ощущения разделяли не только русские, но и их иностранные коллеги. В начале 1933 г. Э. Миннз вопрошал в поздравительном письме к Н.П. Толлю: «Вот Новый год. Что он с собою принесет?»¹⁴⁷¹ Показательно письмо Вольфганга Борна к Н.П. Толлю, написанное 31 мая 1933 г. Он был глубоко опечален мрачными ожиданиями после прихода к власти А. Гитлера, но в равной степени удручали его перспективы СССР и западных демократий. Он сомневался, что в грядущем мироустройстве, отмеченном «военизированным коллективизмом», найдется место ему, Кондаковскому институту и свободным ученым вообще¹⁴⁷².

Смерть Т. Масарика в сентябре 1937 г. вызвала опасения, что Институт окончательно лишится финансовой поддержки и высокого патронажа. Э. Миннз написал в Прагу княгине Н.Г. Яшвиль, что беспокоится за судьбу «братии», как он именовал своих русских коллег: «Как относится к Вам Бенеш? Следует за его учителем?»¹⁴⁷³ Вскоре написал и Н.П. Толлю: «Надеюсь, что Ваша борьба за существование Института встречает содействие со стороны чехов, несмотря на кончину незабвенного Масарика»¹⁴⁷⁴. Действительно, Канцелярия Президента Республики уведомила Институт о приостановлении материальной поддержки. Н.Е. Андреев жаловался Л.Ф. Зурову в апреле 1938 г.: «Огорчаюсь на проклятую нищету. Ведь Институт не обеспечивает полностью, приходится прирабатывать, и много сил и времени уходит без толку. А как хорошо было бы работать в услови-

¹⁴⁷⁰ Письмо С.Г. Елисеева к Н.П. Толлю, 23 сентября 1931 г. // Ibid. KI-13.

¹⁴⁷¹ Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 3 января 1933 г. // Ibid. KI-14.

¹⁴⁷² Письмо В. Борна к Н.П. Толлю, 31 мая 1933 г. // Ibid. KI-12.

¹⁴⁷³ Письмо Э. Миннза к Н.Г. Яшвиль, 22 сентября 1937 г. // Ibid. KI-14.

¹⁴⁷⁴ Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 7 февраля 1938 г. // Ibid.

ях обеспеченности, именно сейчас, когда много интереса и энергии»¹⁴⁷⁵. Министерство народного просвещения Чехословакии в свою очередь соглашалось покупать русские научные издания только при том условии, если Институт внесет в свой устав несколько пунктов, которые бы на деле поставили его под контроль чехословацкой стороны. Наметилась явная тенденция к ликвидации Института или его подчинению Славянскому институту¹⁴⁷⁶. Вопрос о взаимоотношениях Кондаковского института, точнее тогда еще Семинария, и Византиноведческой комиссии Славянского института был впервые поднят в конце 1920-х гг. Как пишет чешский историк Владимир Вавржинек, «на уровне правительственных кругов появились предложения слить эти два центра воедино», однако «из-за несогласия сторон было решено сохранить независимость, но установить сотрудничество»¹⁴⁷⁷. Н.Е. Андреев отмечал в мемуарах, что в числе активных сторонников поглощения Кондаковского института был Н.Л. Окунев¹⁴⁷⁸. А.А. Васильев спрашивал у Н.П. Толля в мае 1938 г. «Очень тревожат известия о Ваших отношениях со Слав. Институтом. Неужели их нельзя наладить?»¹⁴⁷⁹.

Вероятно, для пражского сообщества русских ученых эти события были ожидаемы и активизировали поиск новых путей решения сложившихся проблем. Мемуары В.А. Мошина, которые хоть и были опубликованы, но остаются практически неиспользуемыми исследователями, сообщают, что еще летом 1937 г. возникла идея о переезде на Балканы – в Югославию.

¹⁴⁷⁵ «Только Вы поймете следующий текст...» Переписка Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова / Под ред. *Е.Н. Андреевой* и *И.З. Белобровцевой*. Таллинн, 2013. С. 46.

¹⁴⁷⁶ Записка о взаимоотношениях Пражского и Белградского отделений Института имени Н.П. Кондакова / Сост. *Н.Е. Андреев* и *В.В. Чернавин*. Январь 1945 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV.

¹⁴⁷⁷ *Вавржинек В.* Участие российских византинистов и славистов в сборнике «Byzantinoposlávica» в межвоенный период // *Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии*. М., 2008. С. 91

¹⁴⁷⁸ *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Т. 2. С. 73.

¹⁴⁷⁹ Письмо А.А. Васильева к Н.П. Толлю, 14 мая 1938 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-17.

Она была озвучена на совещании узкого круга лиц (Н.П. Толль, Н.Г. Яшвиль, Д.А. Расовский, Н.Е. Андреев) в присутствии приехавших из Белграда Г.А. Острогорского и В.А. Мошина¹⁴⁸⁰. Если верить упомянутым мемуарам, то для гостей эта новость стала полной неожиданностью, и они отнеслись к перспективам проекта с большой осторожностью, «учитывая и сложности внутренней политической обстановки в Югославии после смерти короля Александра, и финансовую сторону вопросы, и неизбежность технических трудностей перевозки большой, драгоценной по содержанию, научной библиотеки института»¹⁴⁸¹. Однако Н.П. Толль горячо убеждал в перспективности такого решения и предлагал Г.А. Острогорскому взять управление институтом в свои руки на новом месте. В.А. Мошин указывал, что поддержки югославских властей удалось добиться при посредничестве историка искусства Милана Кашанина (1895–1981), возглавлявшего с 1935 г. Музей князя Павла. Он был не просто директором, но близким к князю человеком, помогавшим собирать ему коллекцию современной европейской живописи. Еще одна важная деталь. В момент обсуждения судьбы Кондаковского института князь Павел был не просто членом дома Карагеоргиевичей, но принцем-регентом при малолетнем короле Петре II¹⁴⁸². То есть обращение к нему, в случае согласия, однозначно гарантировало успех. Г.А. Острогорский и В.А. Мошин передали через М. Кашанина письмо, в котором обрисовывали драматическое положение Кондаковского института. Князь Павел вскоре пригласил двух русских ученых в свою резиденцию – Белый дворец. Как вспоминал В.А. Мошина, принц-регент «очаровал нас своим любезным приемом и в свободной беседе с интересом расспрашивал о положении института, о его величине, библиотек, о сотрудниках, так же как и о желательном помещении в Бел-

¹⁴⁸⁰ Мошин В.А. Воспоминания. Осташков, 2012. С. 94.

¹⁴⁸¹ Там же.

¹⁴⁸² Он стал регентом в 1934 г. после убийства в Марселе короля Александра I – его двоюродного брата.

граде»¹⁴⁸³. В итоге план переезда был одобрен, ежегодная материальная поддержка гарантирована, была арендована 4-комнатная квартира для размещения Института.

Иную версию событий рисует Н.Е. Андреев, писавший, что инициатива переезда на Балканы принадлежала как раз В.А. Мошину и Г.А. Острогорскому, которые сумели заручиться поддержкой Президента Сербской академии наук и искусств А. Белича¹⁴⁸⁴. Он отмечал, что помимо него, сомнения в необходимости переезда высказывали Н.Г. Яшвиль, П.Н. Савицкий, Й. Мысливец, В.В. Чернавин. Свою позицию они мотивировали несколькими обстоятельствами. Во-первых, Институт имени Н.П. Кондакова был зарегистрирован в Праге, а поскольку никаких постановлений о его ликвидации не существовало, то переезд в Белград выглядел незаконным. Во-вторых, в югославской столице не было хороших типографий, что затруднило бы издательскую деятельность Института. И, наконец, в-третьих, им казалось неэтичным и неприличным спешно переводить Институт из Чехословакии, которая столь много сделала для русских ученых. Вывоз библиотеки станет своего рода воровством¹⁴⁸⁵. Переезд Института в Белград обсуждался в эмигрантских кругах. Так, Л.Ф. Зуров узнал об этом от П.Б. Струве¹⁴⁸⁶.

¹⁴⁸³ Там же. С. 95.

¹⁴⁸⁴ Записка о взаимоотношениях Пражского и Белградского отделений Института имени Н.П. Кондакова. Так это или нет, сложно сказать однозначно. В личном фонде А. Белича в Архиве Сербской академии наук и искусств сохранилось всего несколько писем от Г.А. Острогорского и В.А. Мошина. Кондаковского института касается лишь одно из них. В нем – прошение В.А. Мошина на выделение стипендии для поездки в Прагу в 1935 г. (Письмо В.А. Мошина А.Беличу, 7. јуна 1935. Године // Архив Српске академије наука и уметности. Заоставштина Александра Белића. АБ-IV-1454). А. Белич был избран почетным членом Института имени Н.П. Кондакова 26 февраля 1938 г., то есть уже после принятия решения о переводе Института на Балканы (Письмо Института имени Н.П. Кондакова к А. Беличу, 28 февраля 1938 г. // Архив Српске академије наука и уметности. Заоставштина Александра Белића. АБ-IV-994).

¹⁴⁸⁵ Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. 2. С. 72.

¹⁴⁸⁶ Письмо Л.Ф. Зурова к Н.Е. Андрееву, 31 октября 1938 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-29.

Югославские же власти проявили высокую заинтересованность в переезде института. В делопроизводственных материалах министерства просвещения в мае 1938 г. отмечалось, что Кондаковский институт хорошо известен научному миру, и что он обладает самой богатой библиотекой по византиноведению. Поскольку он практически лишился возможности вести свою работу в Праге, то переезд в Белград станет оптимальным решением. Для этих целей 19 апреля 1938 г. вне очереди было выделено 80.000 динаров¹⁴⁸⁷.

В июле 1938 г. В.А. Мошин писал Д.А. Расовскому о получении финансирования от югославских властей и о готовности принять в Белграде партию книг: «Деньги нам на руки, вероятно, не выдадут, и придется получать их по частям ежемесячно. Поэтому Вам необходимо быть здесь в начале августа, дабы мы с Вами могли совместно получить первую сумму: за август. ... Ни в коем случае не посылайте ящик к 1 августа, т.к. нас еще здесь не будет и ящик может вернуться обратно. ... Ящики же нужно было бы послать на Белград к 1 сентября. Николая Петровича [Толля] успокойте: книги лежат в сухом месте и опасности не подвергаются. В кассе сейчас имеется 4.300 динар, каковые лежат на книжке... Шлю еще раз сердечные поздравления всем друзьям по поводу счастливого исхода начинания и радуюсь близкой встрече»¹⁴⁸⁸.

Выявленные на сегодняшний день архивные источники не позволяют с точностью дать ответ на вопрос, какая из двух версий – В.А. Мошина или Н.Е. Андреева – правдоподобна. И все же можно рискнуть предположить, что правда посередине. Решение обсуждалось и принималось в большой спешке, и уже по ходу дела у отдельных кондаковцев начали возникать сомнения в его правильности. Чем была вызвана спешка? Несомненно, что не только сокращением финансирования, но и общей политической обстанов-

¹⁴⁸⁷ Рачуноводству Министарства просвете, 12 маја 1938 год // Архив Југославије. Фонд 66: Министарство просвете Краљевине Југославије. Бр. фасц. 569. Бр. јед. описа. 892.

¹⁴⁸⁸ Письмо В.А. Мошина Д.А. Расовскому от 2 июля 1938 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV.

кой в Европе, стоявшей на грани войны. Так Л.Ф. Зуров 31 октября 1938 г. делился с Н.Е. Андреевым впечатлением о возвращении из прибалтийской командировки в Париж: «Выбрался я из Эстонии на торговом пароходе. В Гамбург попал в самое тревожное время. Думал, что в Северном море нас застанет война. Но все обошлось. Очень меня волнует судьба славянских народов. Начинается страшное время, мысли обращены к России, а оттуда нет никаких вестей. Предательство царит повсюду. Нравы грубеют»¹⁴⁸⁹. Документы свидетельствуют, что решение о переводе в Белград нашло одобрение у влиятельных и авторитетных ученых кондаковского круга, например у Э. Миннза¹⁴⁹⁰ и А.А. Васильева¹⁴⁹¹. В конце ноября 1938 г. последний писал Г.А. Острогорскому: «О многом хотелось бы спросить Вас, особенно об Институте; но обстоятельства в Европе теперь настолько сложны, что прямо не знаешь, о чем можно спрашивать, и о чем нельзя. Пишу Вам в Белград, а не другим представителям Института. Вы понимаете, почему я это делаю»¹⁴⁹². А дело было в том, что в ночь с 29 на 30 сентября Великобритания, Франция, Германия и Италия подписали Мюнхенское соглашение, по которому Чехословакия должна отказаться от Судет. 1 октября Польша оторвала у нее часть Тешинской Силезии – Заользье. 2 ноября по решению Первого Венского арбитража Венгрии были переданы часть Подкарпатской Руси и земли Южной Словакии. Политика умиротворения обернулась катастрофой для чехословацкой государственности и сделала неизбежной скорую мировую войну.

Сохранилась недатированная «Памятка для Г.В. Вернадского», содержание которой позволяет отнести ее написание к периоду от подписания

¹⁴⁸⁹ Письмо Л.Ф. Зурова к Н.Е. Андрееву, 31 октября 1938 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-29.

¹⁴⁹⁰ «Какое счастье, что Вы сумели наwerbовать Принца Павла в покровители. Это только и спасло Институт», – признавался он Н.П. Толлю (Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 5 февраля 1939 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-14)

¹⁴⁹¹ Письмо А.А. Васильева к Н.П. Толлю, 14 мая 1938 г. // *Ibid.* KI-17.

¹⁴⁹² Письмо А.А. Васильева к Г.А. Острогорскому, 30 ноября 1938 г. // *Ibid.*

Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 г. и до оккупации Чехословакии нацистской Германией в марте 1939 г. В не обсуждался широкий круг вопроса будущего института, в том числе проблема финансирования, печатания научных трудов, привлечения новых сотрудников. Также обсуждался важный вопрос: как вести себя на международной научной арене в сложившихся политических обстоятельствах? Конкретного ответа памятка не давала, однако в ней фиксировалось: «Постоянное пребывание председателя вне Праги имеет сейчас из-за местных условий положительное значение для Института, т.к. нахождение главы Института вне досягаемости туземных кругов, живая связь в его лице с границей и мировая авторитетность его научного имени, действуют самым отрезвляющим образом при попытках ограничить самостоятельность Института. <...> Надеемся на укрепление нашего международного положения и авторитета»¹⁴⁹³.

В декабре 1938 г. Э. Миннз обратился к Н.Г. Яшвиль: «Не знаю, как Вам писать. Происшествия последних месяцев и все, что ожидается в будущем, так тревожны, что обыкновенные благожелания на Новый год и даже поздравления с Праздником кажутся совсем неуместными. Положение во всей Европе очень плохо, а хуже всего в Чехословакии, а для Института эти перемены отнимают те элементы, которые в духе Масарика покровительствовали ему и давали надежду на его переживания»¹⁴⁹⁴. Эти же опасения он подтвердил через пару дней в письме к Н.П. Толлю, резюмировав, что «при всем этом заниматься наукой почти невозможно»¹⁴⁹⁵. Сочувственным тоном проникнуто и письмо к Н.Е. Андрееву¹⁴⁹⁶.

Вместе с тем переезд в Белград встречал трудности не только из-за противоречий внутри кондаковцев, не только в силу неопределенности международной обстановки, но и из-за конкретных правовых ограничений. В 1938 г. в Чехословакии было принято официальное распоряжение, «соглас-

¹⁴⁹³ Памятка для Г.В. Вернадского // Ibid.

¹⁴⁹⁴ Письмо Э. Миннза к Н.Г. Яшвиль, 19 декабря 1938 г. // Ibid. KI-14.

¹⁴⁹⁵ Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 22 декабря 1938 г. // Ibid.

¹⁴⁹⁶ Письмо Э. Миннза к Н.Е. Андрееву, 29 декабря 1938 г. // Ibid.

но которому ликвидация и вывоз имущества учреждений, имеющих научно-общественное значение, мог быть произведен лишь с согласия Министерства народного просвещения»¹⁴⁹⁷. Таким образом, этот запрет распространялся на все музейные, архивные и библиотечные коллекции. Н.Е. Андреев описывал, как несколько ящиков с книгами по решению Н.П. Толля, который сам готовился к отъезду в США, были отправлены в Белград через югославское посольство¹⁴⁹⁸. Но, видимо, этим дело ограничилось. 29 января 1939 г. в Белграде состоялось заседание правления Института имени Н.П. Кондакова в составе Н.П. Толля, Г.А. Острогорского, В.А. Мошина и Д.А. Расовского, на котором обсуждалось сообщение из Праги. Было решено просить Н.Е. Андреева поблагодарить чехословацкое министерство за информацию. Вместе с тем в протоколе было зафиксировано, что такой ответ ни к чему не обязывает Институт, и дается он в надежде, «что впоследствии представится возможность вывести библиотеку из Праги в Белград»¹⁴⁹⁹.

Известно, что судьба Кондаковского института обсуждалась не только в Европе, но и за океаном. 7 января 1939 г. А.А. Васильев рассказал Г.А. Острогорскому о встрече в Мэдисоне с А. Грегуаром, сообщившего о планах скорого перевода Кондаковского института в США, в Нью-Хейвен. А.А. Васильев был потрясен полученной информацией, а А. Грегуар – тем, что русский коллега об этом ничего не слышал¹⁵⁰⁰.

Однако политические события вновь были сильнее любых планов, желаний и надежд ученых. В начале 1939 г. в Праге в Кондаковском институте побывал французский славист Пьер Паскаль (Pierre Pascal; 1890–1983),

¹⁴⁹⁷ Записка о взаимоотношениях Пражского и Белградского отделений Института имени Н.П. Кондакова / Сост. *Н.Е. Андреев* и *В.В. Чернавин*. Январь 1945 г. // *Slovanská knihovna v Praze*. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV.

¹⁴⁹⁸ *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Т. II. С. 77.

¹⁴⁹⁹ Протокол заседания Правления Института имени Н.П. Кондакова, 25 января 1939 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-1. Sv. 11.

¹⁵⁰⁰ Письмо А.А. Васильева к Г.А. Острогорскому, 7 января 1939 г. // *Ibid.* KI-17.

впечатленный тем, что «так ласково и так по-русски» его приняли¹⁵⁰¹. Скорее всего, это был последний визит иностранного коллеги в Институт в преддверии мировой войны.

14 марта 1939 г. А. Гитлер вызвал в Берлин чехословацкого президента Э. Гаху и поставил перед фактом – Чехословакия как независимое государство прекращает существование. Вместо нее создавался Протекторат Богемия и Моравия, а Словакия провозглашалась независимым государством. Скупая информация о происходящих событиях порождала множество слухов. 20 апреля 1939 г. Э. Миннз писал Н.П. Толлю, что слышал, будто «немцы выгоняют всех русских из Чехии»¹⁵⁰².

Белград оставался островком относительного спокойствия, но наладить плодотворную работу Кондаковского института там оказалось крайне трудно. Показательно обращение Г.А. Острогорского в министерство просвещения Югославии от 21 апреля 1939 г., в котором ученый с грустью фиксировал резкое сокращение бюджета Института, вследствие которого под угрозой оказались все исследовательские и публикационные планы. Не помогала даже экономия средств за счет сокращения заработной платы сотрудников. Пришлось отказаться от планов экспедиций, отменить запланированные фотосъемки археологических памятников, не ездить на международные научные конференции. Под угрозой был даже выход нового тома институтского сборника: денег не хватало уже даже не на гонорары авторам, а на работу редакторов¹⁵⁰³. О тяжелых условиях Д.А. Расовский писал в Будапешт Д. Моравчику 30 ноября 1939 г.: «Мы скоро предполагаем издать XI-й том Института. Работать по изданию журнала стало очень трудно. На всех наших сотрудниках отражается война. Грабарь призван во Францию и несет службу радио-переводчика на военном корабле (он, ведь,

¹⁵⁰¹ Письмо П. Паскаля к Н.Е. Андрееву, 28 марта 1939 г. // Ibid. KI-29.

¹⁵⁰² Письмо Э. Миннза к Н.П. Толлю, 20 апреля 1939 г. // Ibid. KI-14.

¹⁵⁰³ Письмо Г.А. Острогорского Министерству просвещения, 21. апреля 1939. године // Архив Југославије. Фонд 66: Министерству просвещения Краљевине Југославије. Бр. фасц. 3272. Бр. јед. описа. 2469.

во Франции “специалист” по немецкому языку); Андреев из Праги не может прислать нам своей рукописи, так как она застряла в цензурном комитете, и т.д. При таких условиях международное сотрудничество чрезвычайно трудно! Начали печатать книгу на английской бумаге, а теперь ее нет во всей Югославии!»¹⁵⁰⁴ 31 декабря 1939 г. Э. Миннз направил письмо Д.А. Расовскому в Белград со словами поддержки: «Очень рад иметь от Вас весточку, по которой узнаю, что Институт все еще действует. Не знаю, как Вы ухищряетесь продолжать его деятельность. <...> Понимаю, что должно быть очень плохо в Праге. <...> Слава Богу, что Вы в Белграде. Чтобы там Вы могли жить в мире, Дай Бог»¹⁵⁰⁵. В мае 1940 г. Э. Миннз снова написал Д.А. Расовскому. Он извинялся, что не может с прежней силой помогать Институту, но желал всяческих успехов в работе на новом месте¹⁵⁰⁶.

Отношения между двум группами кондаковцев в 1939–1940 гг. оставались напряженными. Н.Е. Андреев рассказывал в мемуарах, что белградское отделение втайне разослало письма всем представителям Института с просьбой пересылать деньги за продажу изданий не в Прагу, а в Белград. В Праге же об этом узнали лишь тогда, когда Н.Е. Андреев попытался получить задолженность со стороны немецкой издательской компании «Отто Гарасовиц» и выяснил, что все средства давно перенаправлены на Балканы¹⁵⁰⁷. Главным же ударом, как писал Н.Е. Андреев, стал донос на него, написанный Г.А. Острогорским и отправленный оккупационным властям в Прагу. Из него следовало, что Н.Е. Андреев является неопытным молодым ученым, проявляющим самовольство в принятии решений, которые, к тому же, идут в противоречие с постановлениями Правления Института. Таким

¹⁵⁰⁴ Письмо Д.А. Расовского к Д. Моравчику, 30 ноября 1939 г. // Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye. Gy. Moravcsik. Ms. 1233/755

¹⁵⁰⁵ Письмо Э. Миннза к Д.А. Расовскому, 31 декабря 1939 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14.

¹⁵⁰⁶ Письмо Э. Миннза к Д.А. Расовскому, 30 мая 1940 г. // Ibid.

¹⁵⁰⁷ Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. 1. С. 99.

образом, он дезинформирует тех, кто его контролирует, то есть власти Проректората. Из этого следовало, что Н.Е. Андреев – «самозванец», что он ведет политику, «вызывающую омерзение всех членов Института»¹⁵⁰⁸. К счастью для Н.Е. Андреева, донос попал в руки проректора Немецкого Карлова университета в Праге профессора-медика Хервига Хамперла (Hamperl Herwig; 1899–1976), с которым они были знакомы. Но все же последовали объяснения, на основании которых немецкий профессор написал ответ в Белград и отклонил все жалобы. Однако развязка этой истории могла бы быть совсем другой, попади эта жалоба, например, в Гестапо. Н.Е. Андреев был разозлен поступком Г.А. Острогорского, который его «явно подставлял ... под удар – знал же он, что такое нацистская Германия»¹⁵⁰⁹. О конфликте между учеными известно лишь из мемуаров Н.Е. Андреева, другие известные источники о нем молчат. Но что точно известно, так это о попытках и Г.А. Острогорского, и Н.Е. Андреева эмигрировать. 9 августа 1940 г. А.А. Васильев уведомил Г.А. Острогорского, что получил информацию из Толстовского фонда со списками ученых, которым требуется оказать помощь в переезде из Европы за океан. Он сообщал, что написал А.Л. Толстой и всячески рекомендовал его кандидатуру как крупного специалиста, способного принести заметную пользу американской науке¹⁵¹⁰.

6 апреля 1941 г. во время бомбардировки Белграда был разрушен дом, в котором размещался Институт имени Н.П. Кондакова. Погибли Д.А. Расовский и И.Н. Окунева, а вместе с ним часть библиотеки. Так в силу трагических обстоятельств разрешился спор между Прагой и Белградом. Жизнь Института снова сосредоточилась в Праге.

24 мая 1941 г. Н.Е. Андреев писал в Хельсинки А.М. Тальгрону и оповещал его о подготовке XII тома «*Seminarium Kondakovianum*». Финского

¹⁵⁰⁸ Там же. С.102.

¹⁵⁰⁹ Там же.

¹⁵¹⁰ Письмо А.А. Васильева к Г.А. Острогорскому, 9 августа 1940 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-17.

ученого, как старого друга и верного научного партнера, приглашали принять в нем участие: «Хорошо понимаем, что при Вашей занятости Вы связаны временем и работой, но, помня Ваше всегдашнее дружеское отношение к нашему делу, очень надеемся на Ваше сотрудничество именно в этом томе, в котором не может принять участия целый ряд наших постоянных сотрудников»¹⁵¹¹. В начале июня 1941 г. Н.Е. Андреев сообщил в Будапешт Д. Моравчику о начале подготовки XII-го тома «*Seminarium Kondakovianum*» и пригласили к участию в нем. Сборник, впрочем, так и не был собран. В трагических условиях войны такое предприятие было изначально обречено. В годы войны Институту удавалось выжить во многом за счет помощи его давнего друга чешского князя Карела Шварценберга. Он был крупным землевладельцем и помимо этого еще хозяином лесопильных заводов. Н.Е. Андреев вспоминал, как князь в качестве пожизненного взноса пожертвовал Институту фантастическую сумму в 50.000 крон. На эти деньги удалось расширить институтские помещения, приобретя дополнительные площади и сделав в здании капитальный ремонт¹⁵¹². Сами сотрудники Института, включая Н. Е. Андреева, получали около 50 рейхсмарок в месяц, что было ниже прожиточного минимума, и поэтому вынуждены были подрабатывать частными уроками¹⁵¹³. Примечательно, что в годы оккупации в библиотеке Института сохранялось значительно количество советских научных изданий, несмотря на жесткие ограничения со стороны властей Протектората по использованию и хранению подобных изданий. Так из письма П.Н. Савицкого к Н.Е. Андрееву от 3 декабря 1942 г. узнаем о наличии книги М.Н. Тихомирова о Псковском восстании 1650 г. (1935),

¹⁵¹¹ Письмо Н.Е. Андреева к А.М. Таллыгрёну, 24 мая 1941 г. // *Kansalliskirjasto (Suomi), Käsikirjoituskokoelma*. Coll. 230: Aarne Michaël Tallgren. № 1.

¹⁵¹² *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Т. 2. С. 99.

¹⁵¹³ Записка о взаимоотношениях Пражского и Белградского отделений Института имени Н.П. Кондакова / Сост. *Н.Е. Андреев* и *В.В. Чернавин*. Январь 1945 г. // *Slovanská knihovna v Praze*. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV.

первого тома «Истории СССР» (1939) и сборника «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (1939)¹⁵¹⁴.

После освобождения Праги в 1945 г. Н.Е. Андреев был арестован СМЕРШем, хотя коллаборационистом он не был. Два года историк провел в заключении. В конце концов все подозрения с него были сняты, но вернуться в Прагу ему не разрешили. В течение 1947–1948 гг. он проработал в Славянском семинаре Берлинского университета под руководством знаменитого Макса Фасмера. В 1948 г. Н.Е. Андреев получил приглашение на работу из Англии и переехал в Кембридж, где и прожил до конца своей жизни.

В тот же самое время Институт переживал, пожалуй, самый сложный период в своей истории. В первые послевоенные годы его Правление всеми силами пыталось продолжить научную работу, привлечь к ней русских и зарубежных ученых. Не менее важной задачей стало сохранение автономии, борьба за то, чтобы не попасть под контроль какого-либо чехословацкого научного учреждения, в особенности Славянского института. У кондаковцев имелся серьезный научный конкурент в лице его Византиноведческой комиссии, которую возглавляли М. Паулова и Н.Л. Окунев. Об этом свидетельствует письмо из США Н.П. Толля чешскому историку искусства Й. Мисливецу: «После всех неприятностей от Славянского Института, я не могу дать моего морального согласия на какие-либо отношения с ними ...»¹⁵¹⁵ Конкуренцию между двумя учреждениями обостряло то, что оба претендовали на издание авторитетных византиноведческих журналов – «Анналов Института имени Н.П. Кондакова» и «Byzantinoslavica». Сразу после войны члены правления Й. Мисливец, К. Шварценберг и А.В. Флоровский попытались собрать статьи для очередного тома «Анна-

¹⁵¹⁴ Письмо П.Н. Савицкого к Н.Е. Андрееву, 3 декабря 1942 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-15.

¹⁵¹⁵ Письмо Й. Мисливецу от Н. П. Толля от 28 ноября 1946 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV.

лов»¹⁵¹⁶. Пожалуй, это был главный камень преткновения в отношениях между Институтом имени Н.П. Кондакова и Славянским институтом. Во всяком случае в своем письме к А.В. Флоровскому 15 января 1947 г. чехословацкая византистка М. Паулова выражала огромное недоумение в отношении издания в Праге сразу двух специализированных журналов¹⁵¹⁷.

Правление Института стало искать влиятельного покровителя и в конце концов решило, что им может стать Академия наук СССР. Непросто ответить на вопрос, что заставило эмигрантов обратиться за помощью к советской стороне. Во-первых, окончание Второй мировой войны вызвало у широких кругов эмиграции небывалый патриотический подъем. Подвиг всего советского народа, колоссальные жертвы, принесенные им для Победы над нацизмом, вселяли в русских эмигрантов надежду на эволюцию советского строя, на его постепенную демократизацию. Во-вторых, после освобождения Чехословакии стало понятно, что главную роль в ее политической жизни будут играть просоветские силы, а поэтому ориентация на СССР выглядела единственно возможным способом продолжить научную работу для тех, кто остался в стране. И, в-третьих, протекторат АН СССР позволил бы Институту не попасть под влияние или же вообще быть поглощенным чехословацкими научными структурами. Поэтому 20 февраля 1946 г. правление Института обратилось с официальным письмом в Президиум АН СССР, в котором выражает надежду на поддержку советской стороны. Заканчивается оно заверением, что «Институт с полной готовностью принял бы на себя выполнение поручений Академии Наук СССР в сфере своей деятельности»¹⁵¹⁸.

¹⁵¹⁶ Аксенова Е.П. Институт имени Н.П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А.В. Флоровского) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 65–72.

¹⁵¹⁷ Письмо М. Пауловой А.В. Флоровскому от 15 января 1947 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV.

¹⁵¹⁸ Письмо Правления Археологического института имени Н.П. Кондакова Президиуму Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик от 20 февраля 1946 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV.

Поддержку со стороны советской науки правление Института имени Н.П. Кондакова пыталось найти в лице академика В.П. Волгина, который в ту пору занимал пост вице-президента АН СССР. 3 марта 1947 г. оно обратилось непосредственно к нему и еще раз уверяет в готовности членов Института служить интересам советского византиноведения и славяноведения¹⁵¹⁹. Момент обращения был выбран весьма удачно, ибо в СССР только что был создан Институт славяноведения и возобновился выход знаменитого «Византийского временника». Академик В.П. Волгин ответил 18 апреля 1947 г. любезным письмом на имя председателя Правления Института князя К. Шварценберга, в котором выразил готовность пойти навстречу всем пожеланиям и предложениям кондаковцев и пригласил их принять участие в издании «Византийского временника»¹⁵²⁰. Интерес В.П. Волгина, человека умного и широко образованного, хотя и довольно конъюнктурного, к пражскому Институту был высок. Уже 24 октября 1947 г. он прислал в правление подробный отчет о состоянии советского византиноведения и о перспективах его развития, вновь подчеркнув, что

¹⁵¹⁹ Письмо Правления Археологического института имени Н. П. Кондакова вице-президенту АН СССР академику В. П. Волгину от 3 марта 1947 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV*. Одновременно Правление обратилось с письмом к директору Института славяноведения АН СССР академику Б.Д. Грекову, в котором также выражало свою готовность к сотрудничеству и предлагало посильную помощь советским историкам: «Кондаковский Институт мог бы быть полезен Институту славяноведения прежде всего как точка опоры в Европе для советских ученых, членов Института, аспирантов, а также для командированных за границу для научных занятий студентов. В Праге к их услугам всегда помещение Кондаковского Института, его издания, его библиотека, его коллекции, содержащие, между прочим, ценные экземпляры древних русских икон, начиная с 13-го века. Члены Кондаковского Института готовы всемерно способствовать советским ученым в установлении личных и деловых связей с иными научными учреждениям и отдельными деятелями науки, как чешской, так и европейской вообще. Далее, члены Кондаковского Института с величайшей охотой возьмут на себя выполнение поручений Института Славяноведения и других советских научных учреждений, например по розыску нужных для них изданий, наведению всевозможных справок и т.п.» (Письмо Правления Археологического института имени Н.П. Кондакова академику Б.Д. Грекову от 3 марта 1947 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-Flor. Krab. XLV*).

¹⁵²⁰ Письмо академика В.П. Волгина председателю Правления Археологического института имени Н.П. Кондакова К. Шварценбергу от 18 апреля 1947 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV*.

надеется на сотрудничество с Прагой¹⁵²¹. По инициативе А.В. Флоровского Институт направил в Москву все свои издания. Причем посредником в передаче выступил ЦИК Коммунистической партии Чехословакии.

Руководство Института полагало, что поддержка АН СССР поможет сохранить автономию и защитить от нападок извне. Показательна попытка обратиться к авторитету Академии в имущественном споре, возникшем в 1947 г. В апреле 1947 г. в Прагу пришло письмо от гражданки Великобритании Г. Базаровой, племянницы представителя старинной московской купеческой семьи А. Солдатенкова. Она просила вернуть ей иконы, принадлежавшие семье Солдатенковых, и находившиеся, по ее словам, в Институте «на хранении»¹⁵²². Эти иконы были вывезены из Москвы в Прагу чешским дипломатом Й. Гирсой. Коллекцию он хранил у себя, однако разрешал сотрудникам Института работать с ней. В 1936 г. его собрание было представлено на иконописной выставке, организованной кондаковцами. После оккупации Чехословакии Й. Гирса, опасавшийся своего ареста и конфискации всего имущества, солдатенковские иконы в Институт для изучения, составив при этом специальный акт¹⁵²³. А.В. Флоровский написал В.П. Волгину, что его смущает передача икон, что «выдача этой коллекции может лишить Институт, а тем и советскую науку возможности пользоваться этим ценнейшим собранием для исследования»¹⁵²⁴. В.П. Волгин обратился за консультацией к академику И.Э. Грабарю. Тот в ответ написал, что ценность солдатенковского собрания сильно преувеличена, а поскольку в имущественный спор оказались вовлечены британские подданные, то не стоит сильно биться за иконы. Тогда В.П. Волгин отправил на имя А.В. Флоровского следующие рекомендации: «Если коллекция

¹⁵²¹ Письмо академика В.П. Волгина в Правление Археологического института имени Н.П. Кондакова от 24 октября 1947 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV.

¹⁵²² *Гладышев А.В.* Историк – руководящий: В. П. Волгин // *Историк и власть: советские историки сталинской эпохи*. Саратов, 2006. С. 183.

¹⁵²³ *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Т. 2. С. 99.

¹⁵²⁴ *Гладышев А.В.* Указ. соч. С. 183.

сдана на хранение, ее следует вернуть владельцу “независимо от того, какую ценность она представляет”, если коллекция принесена в дар Институту, то она должна там и остаться»¹⁵²⁵.

В июле 1948 г. к В.П. Волгину обратился с личным письмом сам А.В. Флоровский, который в тот момент стал директором Института. Видимо желая продемонстрировать полную лояльность советской стороне, А.В. Флоровский спрашивал академика о целесообразности участия в международных съездах византинистов: «Очень прошу Вас не отказать сообщить мне – надлежит ли мне, как представителю русской научной организации, участвовать в этих съездах или хотя бы на одном из них. Я имею в виду прежде всего конгресс в Париже; брюссельский конгресс организуется под руководством проф[ессора] Анри Грегуара, отношение которого к СССР и русской науке вызывает серьезные возражения»¹⁵²⁶. Интересно, сколь трудно далось такое письмо русскому эмигранту, который в 1922 г. был выслан советскими властями из страны, а через четверть века спрашивал у этих же властей разрешение для поездки на научную конференцию. К сожалению неизвестно, что ответил В.П. Волгин, но ни в Париж, ни в Брюссель А.В. Флоровский не поехал.

Правда заигрывание с АН СССР результатов не дало. Русские ученые в Праге видимо не могли понять, что вопросы о том, как и с кем сотрудничать советским ученым решался отнюдь не Академией, а иными органами, причем совершенно далекими от науки. В драматическом для Чехословакии 1948 г. советским властям было уж точно не до эмигрантской научной организации. Поэтому как бы ни старался А.В. Флоровский, как бы ни поддерживали его отдельные коллеги¹⁵²⁷, какие бы проекты сотрудниче-

¹⁵²⁵ Там же. С. 184. Судьба иконописной коллекции решилась впоследствии вполне по-советски. После ликвидации Института все его имущество, в том числе иконы, были переданы в СССР.

¹⁵²⁶ Письмо А.В. Флоровского к В.П. Волгину, июль 1948 г. // Архив РАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 135. Л. 1.

¹⁵²⁷ Известно, что одним из главных сторонников А.В. Флоровского был Г.В. Вернадский. Сам он в это время уже давно жил в США, поэтому мог участвовать в

ства он не выдвигал¹⁵²⁸, исторические обстоятельства играли против него. В конечном счете судьба Археологического института имени Н.П. Кондакова была предрешена.

В 1948 г. Президент Чехословацкой академии наук и искусств ревностный марксист Зденек Неedly осведомился у АН СССР о возможности присоединения Института имени Н.П. Кондакова к чехословацкой Академии. А.В. Флоровский обращался в советское посольство с просьбой решить наконец судьбу Института. Но, как показали результаты исследований Е.П. Аксеновой, дипломаты должного интереса к нему не проявили, несмотря на то, что в октябре 1950 г. Институт посетил официальный советский представитель. Вероятно в Москве думали, что будет целесообразнее передать Институт и все его имущество чехословацкой стороне. Соответствующее решение было вынесено 17 августа 1951 г., а 2 января 1953 г. Археологический институт имени Н. П. Кондакова был официально закрыт¹⁵²⁹.

§ 2. К истории взаимоотношений с советской наукой: кондаковцы и Саратовский университет

жизни Института лишь по переписке. Тем не менее, Г.В. Вернадский в феврале 1948 г. уполномочил А.В. Флоровского быть его представителем в Правлении и передал ему свой голос «для решения вопросов связанных как с организацией Института, так и с изданием *Анналов Института*» (Письмо Г.В. Вернадского А.В. Флоровскому от 14 февраля 1948 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV*; Письмо Г.В. Вернадского в Правление Института имени Н.П. Кондакова от 14 февраля 1948 г. // *Ibid*).

¹⁵²⁸ Вместе с письмом академику В.П. Волгину 1 июля 1948 г. А.В. Флоровский отправил не его имя пространную записку, в которой изложил свое видение развития славистики в СССР и странах Восточной и Центральной Европы. Смысл его предложений сводился к «регистрации всех архивных материалов по истории иных славянских народов в каждой славянской стране, т.е. в СССР – по истории всех славянских народов, обитавших вне границ Советского Союза, в Чехии – по истории всех славянских народов, кроме чехов и словаков, аналогичным образом и в Болгарии, Югославии, Польше» (Письмо А.В. Флоровского к В.П. Волгину, 1 июля 1948 г. // Архив РАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 135. Л. 4).

¹⁵²⁹ *Hrochová V. Les etudes Byzantines en Tchecoslovaquie // Balkan Studies. Thessaloniki, 1972. Vol 13. № 2. P. 305; Eadem. Činnost Institutu N. P. Kondakova v Praze a jeho mezinárodní význam. S. 34.*

В историографии до сих пор отводят немного внимания осмыслению коммуникативных практик между учеными-эмигрантами и их друзьями и коллегами, оставшимися в СССР. Кругу кондаковцев в этой связи повезло. Работы Е.Ю. Басаргиной, И.Л. Кызласовой, И.В. Тункиной выявили примеры их взаимодействий с учеными из СССР, они вписали эти контакты в общеевропейский интеллектуальный ландшафт. Правда, в поле зрения исследовательниц попали, главным образом, ученые из Петрограда и Москвы. Тем интереснее попытаться проанализировать связи кондаковцев с учеными иных крупных научных и образовательных центров. Тем более, что сохранилась переписка Семинария (Института) и его членов с учреждениями Баку, Перми, Рязани, Симферополя, Смоленска, Ташкента, Тбилиси¹⁵³⁰. Документы показывают, что кондаковцы были заинтересованы в расширении региональной сети своих контактов. Причем этот интерес зачастую оказывался взаимным.

В августе 1927 г. Семинарий имени Н.П. Кондакова в обращении к Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей (ВОКС) просил помочь в налаживании обмена научными изданиями с Саратовским и Самарским государственными университетами¹⁵³¹. Интерес к работам самарских ученых был очевидно связан с археологическими исследованиями Веры Владимировны Гольмстен (1880–1942)¹⁵³², чье имя было хорошо известно европейским археологам¹⁵³³. Однако осенью 1927 г. Самарский университет был закрыт, ни о каком обмене публикациями уже не могло быть речи. В Праге, конечно, не могли заранее знать об этом. Внимание к трудам сара-

¹⁵³⁰ Переписка различна по хронологии, объему и содержанию.

¹⁵³¹ Письмо Семинария имени Н.П. Кондакова в ВОКС, август 1927 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-18. № 41.

¹⁵³² *Евгеньев А.А.* Деятельность по изучению археологического наследия Оренбуржья Веры Владимировны Гольмстен и ее учеников // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2017. Т. 19. № 3 (2). С. 413–418.

¹⁵³³ См., например, материалы переписка В.В. Гольмстен с А.М. Тальгреном: *Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А.* Вера Владимировна Гольмстен, материалы к биографии. Самара, 2007. С. 98–114.

товских ученых тоже был вполне объяснимо. До революции Саратов был в числе крупнейших российских городов с богатой культурной и интеллектуальной жизнью. Его научный и образовательный ландшафт начал складываться еще до революции.

В начале июля 1928 г. от имени Нижне-Волжского областного научного общества краеведения в Чехословакию было отправлено письмо, адресованное Семинарию имени Н.П. Кондакова. Побудительным мотивом обращения саратовских ученых стало желание сотрудничества с международной научной организацией, которая уже за первые три года своего существования сумела завоевать большой авторитет в мире. В письме говорилось: «Получив извещение от своего действительного члена, проф[ессора] П.Г. Любомирова, что Кондаковский Семинарий при Пражском Университете имеет свои издания с содержанием статей, весьма интересных и необходимых для членов Об[щест]ва, занимающихся историей края, Н[ижне-]Волжское Об[щест]во Краеведения просит Конд[аковский] Семинарий, не найдет ли он возможным выслать в порядке обмена издания Семинария; в свою очередь Об[щест]во может выслать Семинарию свои печатные издания “Труды” с содержанием историко-археологических статей и заметок»¹⁵³⁴.

Это письмо открывает интересную страницу в истории взаимоотношений Семинария (Института) имени Н. П. Кондакова с Саратовом и Саратовским университетом, а заодно поднимает важный, до сих пор плохо изученный вопрос, о научных коммуникациях между русской эмиграцией и советской научной средой, об их месте в транснациональном интеллектуальном обмене межвоенного времени. До сих пор в историографии бытует довольно устойчивое представление, что исход за рубеж огромного числа отечественных ученых после революции и Гражданской войны отгородил

¹⁵³⁴ Письмо Нижне-Волжского областного научного общества краеведения в Семинарий имени Н.П. Кондакова, 3 июля 1928 г., № 727 // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-18. № 22.

их непробиваемой стеной от коллег, оставшихся в Советской России, что личные и деловые контакты между ними молниеносно оборвались, и что любые формы научного сотрудничества пресекались советскими властями. Между тем, если обратиться к истории Саратовского университета и международным контактам его ученой корпорации, то картина взаимоотношений Советской России с Зарубежной Россией заметно усложнится.

Основанный в 1909 г. университет, несмотря на свой молодой, по европейским меркам, возраст, быстро завоевал высокую научную репутацию. Ее упрочило создание в 1917 г. историко-филологического факультета, в числе первых преподавателей которого оказались видные ученые: Н.С. Арсеньев, Ф.В. Баллод, В.М. Жирмунский, П.Г. Любомиров, Н.К. Пиксанов, Б.М. Соколов, С.В. Юшков, М.Р. Фасмер, Г.П. Федотов, С.Л. Франк, С.Н. Чернов и др. Весьма представительным был преподавательский состав по естественным, медицинским, точным и техническим наукам: Н.И. Вавилов, В.В. Голубев, С.Р. Миротворцев, Б.А. Можаровский, А.А. Рихтер и др.

В первые годы советской власти научные связи Саратова, в особенности Саратовского университета, с заграничным научным миром не только не оборвались, но даже расширились. Так, в 1920-е гг. СГУ посещали М. Борн, П. Дебай, П. Дирак, С. Порту, Ф. Нансен и др., саратовские ученые выезжали в заграничные командировки, их труды получали широкий международный отклик, велась активная интернациональная переписка¹⁵³⁵. Связи с Чехословакией, в частности, поддерживалась благодаря блистательному лингвисту Николаю Николаевичу Дурново (1876–1937), который был профессором Саратовского университета в 1918–1921 гг., а затем, после короткого пребывания в Москве, выехал в 1924 г. в длительную науч-

¹⁵³⁵ См.: *Аврус А.И.* Выпускники и стажеры зарубежных университетов на работе в Саратовском университете // *Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России: материалы Международного научного colloквиума.* Саратов, 2001. С. 5–6; *Усанов Д.А., Аникин В.М.* Шестой съезд русских физиков в Саратове (15 августа 1928 г.) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Физика.* 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 154–156.

ную командировку в Чехословакию. Там он тесно соприкасался и с чехословацкой средой в статусе профессора в Брно, и с русским эмигрантским окружением. Вместе с тем не терял он связей и с Саратовом. Известны письма к нему от саратовских коллег, как, например, от профессора Георгия Генриховича Дингеса (1891–1932), Аркадия Степановича Мадужева (1877–1941) и Григория Андреевича Ильинского (1876–1937)¹⁵³⁶. Фигура последнего также примечательна в контексте международных связей лингвистов в межвоенный период, учитывая его обширный круг европейских знакомств, особенно в славянских странах. В 1920-х гг. саратовская университетская библиотека получала по подписке ведущий чешский славистический журнал «Slavia», а именитый литературовед Александр Павлович Скафтымов (1890–1968) опубликовал на его страницах работу о Ф.М. Достоевском¹⁵³⁷.

Вернемся к процитированному в начале статьи письму. Упоминание в нем профессора Павла Григорьевича Любомирова (1885–1935) как инициатора обращения в кондаковский Семинарий явно свидетельствует о его осведомленности в положении дел в эмигрантском научном мире. С высокой долей уверенности можно предположить, что он имел прямые или косвенные связи с русской Прагой, во всяком случае, известна рецензия

¹⁵³⁶ Письма Г.Г. Дингеса, 1924 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. Durnovo, Nikolaj Nikolajevič. Т-А 0830/ 3742–3743; Письма Г.А. Ильинского, 24 мая 1925 г. 25 октября 1927 г. // *Ibid.* Т-А 0846/3798–3812; Письма А.С. Мадужева, 2 декабря 1924 г. – 11 января 1925 г. // *Ibid.* Т-А 0868/3917–3919а. См. подробнее о личном фонде Н.Н. Дурново: *Фичи Ф.* Архив Н.Н. Дурново в Праге (материалы по истории славистики 1924–1927 годов) // *Славяноведение*. 2005. № 4. С. 96–109.

¹⁵³⁷ *Скафтымов А.П.* «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. 1929. Roč. VIII. Č. 1. S. 101–117; Č. 2. S. 312–339; Копия письма редакции журнала «Slavia» к А.П. Скафтымову, 2 апреля 1927 г. // *Literární archiv Památníku národního písemnictví. Fond «Slavia – redakční archiv»*. Inv. č. 686. Правда одновременно журнал отклонил статью профессора-литературоведа Владимира Владимировича Буша (1888–1934) о творчестве Г.И. Успенского: «для широкого круга славистов она слишком специальна, и Гл. Успенский не один из крупных писателей» (Письмо М. Мурко к В.В. Бушу, 21 сентября 1926 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 117. Оп. 1. Д. 137. Л. 4).

П.Н. Савицкого на его саратовские труды¹⁵³⁸. После выхода из печати евразийской книги Г.В. Вернадского «Начертание русской истории» (1927) сразу три экземпляра были посланы в Саратов – С.В. Юшкову, С.Н. Чернову и, опять же, П.Г. Любомирову¹⁵³⁹.

Письмо в Прагу, судя по почерку, было написано Александром Августиновичем Кротковым (1866–1945). Он был талантливым исследователем, поборником изучения нижеволжской археологии, потому его интерес к работам кондаковцев объясним. Нижне-Волжское областное научное общество краеведения, заместителем председателя которого он являлся, было создано в 1925 г. на основе Общества истории, археологии и этнографии (которое, в свою очередь, было преемником Саратовской ученой архивной комиссии) и административно было вписано в структуру Саратовского университета¹⁵⁴⁰. Общество занималось комплексным изучением региона и носило междисциплинарный характер. В 1928 г., то есть в момент отправки письма в Прагу, его председателем был геолог Борис Александрович Можаровский (1882–1948)¹⁵⁴¹.

Примем во внимание то, что в 1920-е гг. Саратов, без всякого преувеличения, сделался одним из важнейших центров европейской археологической науки. За успехами саратовских археологов, особенно профессора Павла Сергеевича Рыкова (1884–1942), пристально следили такие корифеи, как британцы Э.Х. Миннз и Вир Гордон Чайльд (Vere Gordon Childe; 1892–

¹⁵³⁸ Рецензия П.Н. Савицкого на книгу проф. П. Г. Любомирова «Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 123. Л. 1–3.

¹⁵³⁹ Кому послать «Начертание» Г. В. Вернадского // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. P.N. Savickij. T-SAV. Krab. III. Č. 60.

¹⁵⁴⁰ Малов Н.М. Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная культура: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Саратов, 2006. С. 208–209; *Он же*. Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 404

¹⁵⁴¹ Иванов А.В., Надеждина А.С. Борис Александрович Можаровский: личность, научная школа, наследие. Саратов, 2014. С. 16.

1957), швед Туре Арне (Ture Johnsson Arne; 1879–1965), финн А.М. Тальгрэн. Последнему М.И. Ростовцев писал последнему в феврале 1929 г.: «Видели ли Вы сарматские вещи из Рыковских раскопок на Волге? Меня они очень интересуют». Через некоторое время в другом письме он повторил свой вопрос, что свидетельствует об устойчивом интересе: «Имеется ли у Вас представление о том, опубликовал ли Рыков результаты своих раскопок сарматских погребений на Волге? Мне очень хотелось бы видеть эту публикацию»¹⁵⁴².

Тематика саратовских археологов была близка кондаковцам потому июльское письмо 1928 г. нашло в Праге живую поддержку. Уже 10 июля из Чехословакии был послан первый выпуск трудов Семинария, о чем было сообщено письмом от 16 июля 1928 г.¹⁵⁴³, и в нем же анонсировался скорый выход второго тома вместе с обещанием непременно отправить его в Саратов. Семинарий имени Н.П. Кондакова в свою очередь выражал желание получить комплект трудов общества.

В ответ на просьбу кондаковцев и в знак благодарности за присылку первого тома его трудов, 8 августа 1928 г. в Прагу был направлен комплект изданий Нижне-Волжского научного общества краеведения¹⁵⁴⁴, о чем сообщалось в письме за подписью Елены Петровны Подъяпольской (1896–1985)¹⁵⁴⁵, тогда еще молодой и начинающей исследовательницы. Среди посланных изданий были «Труды» Общества (Т. 34. Ч. I, II, IV; Т. 35. Ч. I,

¹⁵⁴² Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 513, 515.

¹⁵⁴³ Письмо Семинарий имени Н.П. Кондакова в Нижне-Волжское научное общество краеведения, 16 июля 1928 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-18. № 22; Копия письма в Нижне-Волжское научное общество краеведения, 6 августа 1928 г. // Ibid.

¹⁵⁴⁴ Письмо из Нижне-Волжского областного научного общества краеведения в Семинарий имени Н.П. Кондакова, 8 августа 1928 г., № 767 // Ibid.

¹⁵⁴⁵ Примечательно, что пути Е.П. Подъяпольской с русскими учеными-эмигрантами в Чехословакии снова пересекутся в 1950–1960-е гг., когда она познакомится и будет активно переписываться с А.В. Флоровским. См.: Ковалев М.В., Лантева Т.Н. «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...» Из переписки А.В. Флоровского с советскими историками В.Т. Пашуто, А.А. Зиминим и Е.П. Подъяпольской // Исторический архив. 2014. № 4. С. 66–87.

II)¹⁵⁴⁶, книга этнографа А.Н. Лозановой «Народные песни о Степане Разине»¹⁵⁴⁷, библиографический справочник по истории революционного движения в Саратовском крае¹⁵⁴⁸, а также сборник материалов о Н.Г. Чернышевском¹⁵⁴⁹. В том же письме от имени Нижне-Волжского научного общества краеведения выражалось желание получить сборник статей в честь Н.П. Кондакова¹⁵⁵⁰, «Воспоминания» Н.П. Кондакова¹⁵⁵¹ и работу Н.Т. Беляева «Начала Руси»¹⁵⁵². Уже 16 августа саратовские издания были получены в Праге, оттуда в порядке обмена, были направлены запрошенные издания, а вместе ними некая книга Г.В. Вернадского, не поименованная в документах. Можно предположить, что речь шла о «Начертании русской истории», о чем косвенно свидетельствуют уже упоминавшиеся документы из личного фонда П.Н. Савицкого.

Учитывая научный профиль кондаковского Семинария, может сложиться впечатление, что присланные из Саратова издания были малоинтересны пражским коллегам. Изучение революционного движения было сферой исследований иной эмигрантской организации – Русского заграничного исторического архива. Но вот сами труды Нижне-Волжского областного науч-

¹⁵⁴⁶ Поскольку Нижне-Волжское общество краеведения считалось правопреемником Саратовской ученой архивной комиссии и Общества истории, археологии и этнографии, то нумерация выпусков трудов оставалась последовательной, несмотря на смену названий ученой организации. См.: Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете (бывшей Ученой архивной комиссии). Саратов, 1923. Т. 34. Ч. 1; Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения «Истархэт» (бывшего Саратовского Общества истории, археологии и этнографии). Саратов, 1924. Т. 34. Ч. 2; Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1926. Т. 34. Ч. 4; Т. 35. Ч. 1–2. Третья часть 34-го тома (1925), вероятно, не была послана в Прагу, поскольку содержала сугубо географические работы.

¹⁵⁴⁷ *Лозанова А.Н.* Народные песни о Степане Разине (составитель, вступительная статья, комментарий). Новоузенск, 1928.

¹⁵⁴⁸ Материалы для указателя по революционному движению в Саратовском крае. 1861–1921 / Сост. *С.Д. Соколов* и *В.А. Сушицкий*. Саратов, 1928; Программа собирания в Саратовском крае материалов по юридическому быту революционной эпохи / Сост. *В.М. Чернов*. Саратов, 1928.

¹⁵⁴⁹ Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / Под ред. *С.З. Каценбогена*. Саратов, 1928.

¹⁵⁵⁰ Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага, 1926.

¹⁵⁵¹ *Кондаков Н.П.* Воспоминания и думы. Прага, 1927.

¹⁵⁵² *Беляев Н.Т.* Начало Руси. Лондон – Прага, 1925.

ного сообщества краеведения, несомненно, заслуживали внимания, ибо историческая тематика в них была широко представлена. В них, к примеру, содержался отчет об археологических работах П.С. Рыкова в Покровском и Хвалынском уездах в 1922 г., в ходе которых им были обнаружены памятники срубной и хвалынской культур¹⁵⁵³, и отчет о разведках, предпринятых Т.М. Минаевой и П.Д. Рау на реке Торгун в 1924 г.¹⁵⁵⁴ Имеются в них также статьи А.А. Спицина – о саратовских стоянках медного века¹⁵⁵⁵, Б.В. Зайковского – о нумизматических находках в Саратовском Поволжье¹⁵⁵⁶, А.Н. Кушевой – о Суловском могильнике¹⁵⁵⁷, А.А. Гераклитова – об упоминаниях археологических памятников в актовом материале XVII–XVIII вв.¹⁵⁵⁸, а также важные работы П.Н. Шишкина, А.А. Кроткова и Н.К. Арзютова по золотоордынской археологии¹⁵⁵⁹. Наверное, определенный интерес для русских историков в Праге могли представлять и материалы 2-й и 4-й частей 34-го тома, содержавшие статьи по социально-

¹⁵⁵³ *Рыков П.С.* Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 г. // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете (бывшей Ученой архивной комиссии). Саратов, 1923. Т. 34. Ч. 1. С. 3–19.

¹⁵⁵⁴ *Минаева Т.М., Рау П.Д.* Отчет об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 году // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1926. Т. 35. Ч. 1. С. 5–21.

¹⁵⁵⁵ *Спицын А.А.* Саратовские стоянки медного века // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете (бывшей Ученой архивной комиссии). Саратов, 1923. Т. 34. Ч. 1. С. 32–38.

¹⁵⁵⁶ *Зайковский Б.В.* Древне-еврейские монеты в заволжской степи // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете (бывшей Ученой архивной комиссии). Саратов, 1923. Т. 34. Ч. 1. С. 20–21; *Он же.* Из монетной летописи Нижне-Волжского края // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35. Ч. 1. С. 41–49.

¹⁵⁵⁷ *Кушева А.Н.* Материалы для изучения культуры Суловского могильника // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1926. Т. 35. Ч. 1. С. 23–40.

¹⁵⁵⁸ *Гераклитов А.А.* Археологические памятники Саратовского края, упоминаемые в архивных документах XVII–XVIII вв. // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35. Ч. 1. С. 85–86.

¹⁵⁵⁹ *Шишкин П.Н.* Курганы на общественном выгоне г. Покровска // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете (бывшей Ученой архивной комиссии). Саратов, 1923. Т. 34. Ч. 1. С. 22–26; *Кротков А.А.* В поисках Мохши // Там же. С. 27–31; *Арзютов Н.К.* Памятники Золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье по данным раскопок и разведок в 1924 г. // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35. Ч. 1. С. 67–78.

экономической истории Нижнего Поволжья (А.А. Гераклитов, С.Н. Чернов, П.Г. Любомиров), а вместе с ними статьи этнографического характера, в основном посвященные культурам мордвы и чувашей (Б.М. Соколов, Т.М. Акимова, П.Д. Степанов). Получив указанные издания, Семинарий имени Н.П. Кондакова запросил по возможности переслать в Прагу труды Саратовской ученой архивной комиссии, изданные до 1916 г.¹⁵⁶⁰

Практически в то же время в июле 1928 г. свои издания в Прагу направил Нижне-Волжский институт краеведения, о чем сообщалось в письме за подписью его директора П.С. Рыкова и заместителя ученого секретаря Е. Оболенской¹⁵⁶¹. Он был создан в октябре 1924 г. на основе Археологического научно-исследовательского института и так же, как и Нижне-Волжское научное общество краеведения, был вписан в структуру Саратовского университета¹⁵⁶². В Прагу были посланы первый и второй выпуски трудов института¹⁵⁶³. Они были получены там в начале августа 1928 г. В ответ из чехословацкой столицы был отправлен еще один экземпляр первого тома трудов Семинария¹⁵⁶⁴.

В августе 1928 г. в процесс обмена включилась университетская библиотека, о чем свидетельствует письмо от 21 августа 1928 г., в котором выражается желание получить издания Семинария¹⁵⁶⁵. В Прагу был послан 6-й том «Ученых записок университета», а оттуда был получен сборник па-

¹⁵⁶⁰ Черновик письма в Нижне-Волжское научное общество краеведения, 16 августа 1928 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-18. № 22.

¹⁵⁶¹ Письмо из Краеведческого института изучения Нижне-Волжской области при Саратовском государственном университете в Семинарий имени Н.П. Кондакова, 25 июля 1928 г. // *Ibid.* KI-18. № 17.

¹⁵⁶² *Малов Н.М.* Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы). С. 404.

¹⁵⁶³ Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. 1926. Т. 1; 1927. Т. 2.

¹⁵⁶⁴ Копия письма Семинария имени Н.П. Кондакова в Краеведческий институт, 6 августа 1928 г., № 854 // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-18. № 17.

¹⁵⁶⁵ Письмо из Фундаментальной библиотеки Саратовского государственного университета в Семинарий имени Н.П. Кондакова, 21 августа 1928 г. № 693 // *Ibid.* KI-18. № 30.

мяти Н.П. Кондакова¹⁵⁶⁶. В знак благодарности библиотека выслала в конце сентября 1928 г. первые пять томов «Ученых записок» и выразила заинтересованность в получении иных изданий Семинария¹⁵⁶⁷.

Обратим внимание на несколько обстоятельств. В процесс общения с кондаковцами в Праге включились сразу три подразделения Саратовского университета: Нижне-Волжское научное общество краеведения, Нижне-Волжский институт краеведения и научная библиотека, – причем процесс этот был практически единовременным. В таком параллелизме нет ничего удивительного, ибо каждое из них представляло себя и свою издательскую работу (за исключением, конечно, библиотеки, которая говорила от имени всего университета). Причина такой активности, причем по инициативе саратовской стороны, заключается в том, что в университете были лица, понимавшие важность интеллектуального обмена, связанные личными и деловыми связями как с иностранными учеными, так и с коллегами, оказавшимися в эмиграции¹⁵⁶⁸. Н.М. Малов убедительно показал, что в 1920-е гг. именно профессора-гуманитарии Саратовского университета сконцентрировали в своих руках руководство краеведческими, музейными и археологическими организациями¹⁵⁶⁹. Кажется, нет сомнений в особой роли П.С. Рыкова, чей научный авторитет и известность распространились далеко за пределами Саратова. Что касается включения в научный диалог Ниж-

¹⁵⁶⁶ Копия письма из Семинария имени Н.П. Кондакова, 28 августа 1928 г. // Ibid.

¹⁵⁶⁷ Письмо из Фундаментальной библиотеки Саратовского государственного университета в Семинарий имени Н.П. Кондакова, 24 сентября 1928 г. № 896 // Ibid.

¹⁵⁶⁸ Обратим внимание на тот факт, что к 1928 г. за границей проживали следующие ученые, стоявшие у истоков гуманитарного образования в Саратове: Н.С. Арсеньев, Ф.В. Баллод, В.Э. Сеземан, Г.Г. Тельберг, М.Р. Фасмер, Г.П. Федотов, С.Л. Франк. За рубежом оказались и те лица, кто в годы Гражданской войны был приглашен на работу в Саратов, но по независящим обстоятельствам не смог к ней приступить (П.М. Бицилли, К.В. Мочульский, В.А. Рязановский). Так имеются отдельные свидетельства о том, что Ф.В. Баллод, уехав в Латвию, продолжал поддерживать эпистолярные контакты с саратовскими коллегами (Телеграмма Ф.В. Баллода С.Н. Чернову, 1926 г. // Архив РАН. Ф. 1592. Оп. 2. Д. 106. Л. 36; Письмо Ф.В. Баллода к Е.Н. Кушевой, 1 сентября 1926 г. // Архив РАН. Ф. 1914 (фонд не разобран)), а также присылал свои труды (*Kovalev M.V. Francis Balodis in Saratov (1918–1924)* // *Arheoloģija un Etnogrāfija*. Т. XXIV. Rīga, 2010. P. 41).

¹⁵⁶⁹ Малов Н.М. Советская государственная музейная сеть в Саратове. С. 232–234.

не-Волжского института краеведения, то допустимо, что директору хотелось продемонстрировать успехи возглавляемой им организации. В 1928 г. П.С. Рыков посещал с научными целями Германию, осматривал музейные собрания разных городов и даже побывав на раскопках во Франкфурте-на-Майене¹⁵⁷⁰. Однако трудно сказать, контактировал ли он там с кем-то из эмигрантских коллег. Из писем выдающегося саратовского ученого в Прагу пока удалось обнаружить лишь одно – его ответ на послание евразийского лидера П.Н. Савицкого¹⁵⁷¹. Письмо хоть и краткое, но примечательное. Из него вырисовывается, что евразийский лидер прислал саратовскому ученому несколько своих работ, с которыми тот с интересом ознакомился.

Примечательно, что сличение дат писем и посылок между Прагой и Саратовом демонстрирует невероятную быстроту работы почтовых служб в то время. Пока трудно понять и оценить практики перлюстрации, ведь общение велось между советскими и эмигрантским научными учреждениями, что не могло остаться незамеченным со стороны советских властей. С осени 1928 г. в переписке между Саратовом и Прагой все активнее фигурирует Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Этой организации, общественной на словах, но государственной на деле, отводилась роль контролирующего и надзирающего органа за всем международным интеллектуальным обменом. М. Дэвид-Фокс справедливо замечал, что по мере того, как советское общество становилось все более закрытым, ВОКС превратилось в главный канал и едва ли не единственный законный способ связи с внешним миром. Оно выполняло роль курьера, принимая и пересылая материалы, и давая возможность выезда за рубеж представителям советской интеллигенции. Общество же брало под покровительство иностранцев, посещавших СССР. Таким образом, эта организация становилась

¹⁵⁷⁰ Письмо П.С. Рыкова к В.В. Бушу, 13 августа 1928 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 117. Оп. 1. Д. 204. Л. 3.

¹⁵⁷¹ Письмо П.С. Рыкова к П.Н. Савицкому, 20 декабря 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 418. Л. 263–265 об.

своего рода «транснациональным патроном»¹⁵⁷². Так, А.А. Кротков сообщал в Прагу 24 сентября 1928 г., что именно через ВОКС в Прагу отправлены запрошенные труды Саратовской ученой архивной комиссии¹⁵⁷³. В ноябре 1928 г. ВОКС снова стало посредником в пересылке книг¹⁵⁷⁴. Примечательно, что контактам по линии ВОКС между СССР и Чехословакией активно способствовал советский полномочный представитель в Праге Александр Яковлевич Аросев¹⁵⁷⁵.

Привлечение ВОКС в качестве посредника в общении давало возможность придать развивавшимся контактам налет официальности и в то же время обезопасить пересылку книг. Уже с начала 1928 г. отправления из-за границы начинают подвергаться серьезному контролю. Так, еще в феврале 1928 г. живший в Праге академик В.А. Францев послал своему другу К. Я. Гроту Константину Яковлевичу Гроту (1853–1934) книгу чешского профессора Я. Бидло по истории славянства. Но книга была возвращена обратно с припиской, что в СССР она находится под запретом. Причем все неиспользованные марки с пакета были отклеены¹⁵⁷⁶. Впрочем, даже посредничество ВОКС не смогло помочь пражско-саратовскому диалогу. Прогремевшее осенью 1928 г. «дело Жебелева» нанесло болезненный удар по практикам международного научного сотрудничества. Власти четко давали понять, что впредь рассматривают свободные контакты с иностранными учеными как нежелательные. Идеологические перемены ощутили и в Саратове¹⁵⁷⁷. Так археолога П.Д. Рау под надуманным предлогом не выпу-

¹⁵⁷² Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы. М., 2015. С. 166–167.

¹⁵⁷³ Письмо Нижне-Волжского областного научного общества краеведения в Семинарий имени Н.П. Кондакова, 24 сентября 1928 г., № 1121 // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-18. № 22.

¹⁵⁷⁴ Письмо ВОКС в Семинарий имени Н.П. Кондакова, 15 ноября 1928 г. // Ibid.

¹⁵⁷⁵ Дэвид-Фокс М. Указ. соч. С. 143–148.

¹⁵⁷⁶ Zpráva. 15. února 1928 // Archiv Kanceláře Presidenta republiky. D 13718/38.

¹⁵⁷⁷ Усиление репрессивных тенденций в отношении интеллигенции в Саратове началось еще до старта официальных погромных кампаний. Это привело к оттоку из Саратовского университета и из города вообще многих ценных специалистов. Так

стили на конференцию в Берлин в 1929 г., а затем в результате травли фактически довели до самоубийства (15 июля 1930 г.)¹⁵⁷⁸

«Дело Жебелева» ознаменовало новый этап в отношениях власти и ученых, оно стало трагическим предзнаменованием скорых репрессивных кампаний в центре и на местах. Саратовский университет в 1928–1929 гг. переживал тяжелый драматический период, связанный с усилением идеологического контроля, реструктуризациями, потерей научно-педагогических кадров.

Но все же железный занавес опускался постепенно. Контакты между эмиграцией и советскими учеными продолжались, правда, теперь они находились под строгим и неусыпным контролем. Связи между Саратовом и кондаковцами возобновились весной 1931 г. К этому времени прекратило существование Нижне-Волжское научное общество краеведения, ликвидированное в результате смены вех советской научной политики¹⁵⁷⁹. Теперь кондаковцы сосредоточились на контактах с Нижне-Волжским институтом краеведения.

Если опираться на сохранившиеся письма, то вырисовывается ситуация, когда возобновление связей после двух с половиной лет молчания произошло по инициативе пражской стороны. В конце мая 1931 г. в Саратов был отправлен второй том книжной серии «Скифика», в обмен же просили

Г.А. Ильинский, уехавший в Казань, в марте 1928 г. писал литературоведу В.В. Бушу: «Если и раньше чрезвычайно трудно было склонить кого-либо из столичных филологов на переезд в Саратов, то теперь, после последних печальных событий в Вашем у[ниверси]тете, это делается почти невозможным. В самом деле, если по требованию студентов снимаются с работы высококвалифицированные профессора, пользующиеся полным доверием Центра и занимающие ответственные администр[ативные] посты, то где гарантия, что та же участь не постигнет новичков? Вообще последние саратовские события произвели самое тяжелое впечатление в здешних академич[еских] даже в советски настроенных кругах» (Письмо Г.А. Ильинского к В.В. Бушу, 4 марта 1928 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 117. Оп. 1. Д. 137. Л. 7).

¹⁵⁷⁸ *Максимов Е.К.* Из жизни и деятельности П.Д. Рау // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). Саратов, 1997. С. 6–7.

¹⁵⁷⁹ *Малов Н.М.* Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы). С. 404.

прислать 35-й том «Известий» Нижне-Волжского научного общества краеведения (ч. 1: серия археологическая и ч. 4: серия этнографическая) и следующие, если это будет возможно¹⁵⁸⁰. Книга была получена в Саратове уже 7 июня¹⁵⁸¹. Следует подробно остановиться на ней. Имеется в виду работа венгерского археолога Нандора Феттиха (Nándor Fettich; 1900–1971) о бронзовом литье в кочевом искусстве¹⁵⁸². Эта книга была послана в Саратов неспроста, с учетом конкретных интересов местных археологов, равно как нельзя исключать роли самого автора в ее отправке. Случай этот важен еще и потому, что по политическим причинам между Венгрией и СССР в то время не существовало официального книгообмена, научные контакты были минимальными. Н. Феттих на этом фоне был исключением, поскольку был тесно связан с отечественными учеными, как по линии эмигрантской, так и по линии советской. Он дважды посещал СССР (в 1927 и 1935 гг.)¹⁵⁸³, правда в Нижнем Поволжье ему побывать не удалось (о Н. Феттихе и его связях с русской Прагой см. подробнее § 3). Имеются свидетельства его знакомства с саратовскими археологами, пусть, вероятно, только эпистолярного. В 1926–1927 отчетном году связи с венгерским ученым установил саратовский областной музей¹⁵⁸⁴. В библиотеке Национального музея в Будапеште хранится подаренный ему отпечаток статьи Т.М. Минаевой 1927 г. о захоронении с трупосожжением близ Покров-

¹⁵⁸⁰ Копия письма в Нижне-Волжское областное научное общество краеведения // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-18. № 22. На машинописной копии, напечатанной по-французски, нет даты. Но в верхнем правом углу красным карандашом приписано: «С обрат[ной] карточкой. 29.V.31»

¹⁵⁸¹ Почтовая карточка от 7 июня 1931 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-18. № 22.

¹⁵⁸² Fettich N. Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. Praha, 1929.

¹⁵⁸³ См. подробнее: Seres A. Magyar «régészeti delegátus» Moszkvában a két világháború között. Levéltári források Fettich Nándor 1935. évi szovjet kutatóútjának tanulmányozásához 1935–1937 // Limes. 2012. T. XXV. 37–63. old.

¹⁵⁸⁴ Малов Н.М. Советская государственная музейная сеть в Саратове. С. 253.

ска¹⁵⁸⁵ с авторской дарственной надписью: «Фердинанду Владиславовичу Феттиху»¹⁵⁸⁶. Венгерский ученый внимательно следил за отечественной археологической литературой, следил и за работами саратовских ученых, часто цитировал их¹⁵⁸⁷. К слову, П.С. Рыков тоже хорошо знал работы Н. Феттиха и уважительно упоминал их в своих исследованиях¹⁵⁸⁸. Есть основания полагать, что не без участия Н. Феттиха состоялся перевод и публикация на венгерском языке статьи П.С. Рыкова о раскопках на Узе и Суре в ведущем венгерском археологическом журнале «*Archaeologiai Értésítő*»¹⁵⁸⁹. Никаких документальных доказательств общения между венгерским археологом и его саратовским коллегой нет. И все же на тот момент в Венгрии просто не было никакого другого археолога, который мог бы сделать перевод в силу совпадения научной тематики, знания русской археологической литературы и одновременно русского языка. Доподлинно известно, что Н. Феттих знакомил с трудами саратовских археологов своих венгерских коллег. Например, он указал Иштвану Пауловичу (István Paulovics; 1892–1952) на статью И.В. Сеницына в «Известиях Нижне-Волжского института краеведения»¹⁵⁹⁰. И. Пауловича заинтересовало приведенное в ней описание мужских бородатых масок из тонких золотых

¹⁵⁸⁵ Минаева Т.М. Погребения с сожжением близ гор. Покровска // Ученые записки Саратовского университета. 1927. Т. VI. Вып. III. С. 91–135.

¹⁵⁸⁶ Фодор И. К вопросу о погребальном обряде гуннов в Восточной и Центральной Европе // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток, 2017. С. 269.

¹⁵⁸⁷ Например, он ссылаясь на работы Т.М. Минаевой и П.С. Рыкова в контексте датировки находок из Kenézlő. См.: *Fettich N. Adatok a honfoglaláskor archaeológiájához* // *Archaeologiai Értésítő*. 1931. 45. kötet. 105. old. При этом по непонятной до конца причине он не упоминал работы П.Д. Рау (Фодор И. Указ. соч. С. 269).

¹⁵⁸⁸ Рыков П.С. Поздне-сарматские погребения в кургане близ с. Зиновьевки Саратовской губернии. Саратов, 1929. С. 4; *Он же*. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930. С. 22.

¹⁵⁸⁹ *Rykov P.S. Aknasír a Sinowjewka (Petrowi kerület, Saratow-i kormányzóság) falu mellett dombban* // *Archaeologiai Értésítő*. 1928. 42. kötet. 225–228. old.

¹⁵⁹⁰ Сеницын И.В. Поздне-сарматские погребения Нижнего Поволжья // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения имени М. Горького. Т. 7. Саратов, 1936. С. 71–85.

пластин на бронзовой основе из Нижнего Поволжья¹⁵⁹¹. Он в ту пору занимался анализом позднеантичных паннонских материалов, в особенности из Дунапентеле и Сентеш-Надьхеда. Описываемые металлические пластины, блюда и металлические погребальные маски, по мысли автора, отразили в себе черты сарматского и гуннского влияния, а потому было так важно сравнить их с аналогами из Нижнего Поволжья.

Аналогичным культурным посредником в общении саратовских археологов с зарубежным, в том числе с эмигрантским (опять же через кондаковцев), научным миром был А.М. Тальгрэн. И если в случае с Н. Феттихом мы не имеем документальных подтверждений таких контактов, то переписка финского археолога с П.С. Рыковым, Т.М. Минаевой и Н.К. Арзютовым сохранилась¹⁵⁹². Показательно, что в четвертом томе издаваемого им журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» в 1929 г. были опубликованы статьи П.С. Рыкова, Т.М. Минаевой, П.Д. Рау¹⁵⁹³ и одновременно – их пражских коллег, связанных с кругом кондаковцев – Н.П. Толля и В.В. Саханева¹⁵⁹⁴. Уже этот факт свидетельствует о том, что саратовские археологи, публикуясь под одной обложкой с пражскими историками, просто не могли не знать об их исследованиях. Примечательно и то, что они неоднократно цитировали дореволюционные работы В.В. Саханева о раскопках Борисовского могильника в 1911–1912 гг.¹⁵⁹⁵

¹⁵⁹¹ *Paulovics I.* Későrómai és koránépvándorlászori ládikaveretek // *Archaeologiai Értesítő.* 1940. III. folyam. I. kötet. 71. old.

¹⁵⁹² Письма Н.К. Арзютова к А.М. Тальгрэну, 8 сентября 1930 г. – 30 октября 1930 г. // *Kansalliskirjasto (Suomi), Käsikirjoituskokoelma.* Coll. 230: Aarne Michaël Tallgren. № 1; Письма Т.М. Минаевой к А.М. Тальгрэну, 9 января 1928 г. – 8 ноября 1928 г. // *Ibid.* № 7; Письма П.С. Рыкова к А.М. Тальгрэну, 5 сентября 1925 г. – 3 июля 1928 г. // *Ibid.* № 9.

¹⁵⁹³ *Rau P.D.* Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets // *Eurasia Septentrionalis Antiqua.* 1929. Vol. IV. P. 41–57; *Minajeva T.M.* Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Šipovo // *Ibid.* P. 194–209; *Rykov P.S.* Archäologische Beobachtungen im Tale der Velikaja // *Ibid.* P. 284–289.

¹⁵⁹⁴ *Toll N.P.* Bronzedolche der Sammlung Zichy // *Eurasia Septentrionalis Antiqua.* 1929. Vol. IV. P. 183–188; *Sakhanev V.V.* Études sur l'origine de l'art populaire russe // *Ibid.* P. 312–320.

¹⁵⁹⁵ *Rykov P.S.* *Op. cit.* 225.–228. old.; *Синицын И.В.* Указ. соч. С. 50.

В июне 1931 г. наряду с Нижнев-Волжским институтом краеведения возобновляет книгообмен с Прагой и университетская библиотека. Все контакты ведутся строго по линии ВОКС. Так, в Прагу был направлен выпуск «Ученых записок» Саратовского университета (Т. 8, вып. 8), а также «Педолого-педагогический сборник»¹⁵⁹⁶. В феврале 1932 г. библиотека получила из Праги 3-й том трудов кондаковского института¹⁵⁹⁷. Затем опять наступает долгий перерыв. Лишь в конце сентября 1934 г. в чехословацкую столицу пришла почтовая карточка, извещающая о получении в Саратове оттисков статей из 5-го и 6-го томов институтского сборника¹⁵⁹⁸. Последнее свидетельство о контактах кондаковцев с Саратовом относится к весне 1936 г. Известен черновик письма, датированный 6 апреля, в котором сообщается о посылке в Саратов оттисков статей из IV–VII томов сборника, и выражается желание получить труды педагогического факультета, появившиеся после выхода 2-й части XI-го тома в 1934 г.¹⁵⁹⁹

Почему связи окончательно прервались? Ответ выглядит довольно очевидным. После убийства С. М. Кирова начинается стремительное ухудшение политического климата в СССР, новый виток гонений (впрочем, никогда не прекращавшихся) на интеллигенцию. Оказала свое влияние и внешнеполитическая ситуация, связанная с укреплением у власти нацистов и нарастанием военной угрозы в Европе. Положение русской эмиграции в Чехословакии также претерпевает изменения. «Русская акция», направленная на поддержку беженцев из России, свернута. Чехословакия перед лицом германской опасности начинает сближение с СССР, а потому ее официальные круги теперь часто сторонятся русской, «белой» эмиграции, дабы не навлечь гнева «советских товарищей».

¹⁵⁹⁶ Копия письма из Семинария в ВОКС, 12 июня 1931 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova».* KI-18. № 30.

¹⁵⁹⁷ Почтовая карточка, 24 февраля 1932 г. // *Ibid.*

¹⁵⁹⁸ Почтовая карточка от 21 сентября 1934 г. // *Ibid.*

¹⁵⁹⁹ Черновик письма из Кондаковского института, 6 апреля 1936 г. // *Ibid.*

В середине 1930-х гг. железный занавес между советской и европейской наукой опускается все плотнее, всё более разводя и разъединяя ученых, причем не только гуманитариев. В январе 1935 г. работавший в Тбилиси геолог Николай Брониславович Вассоевич (1902–1981), впоследствии – член-корреспондент АН СССР, в письме к Д.Н. Андрусову сокрушался: «К сожалению, наша переписка и обмен литературой, довольно оживленная в прошлые годы, теперь сходят почти на нет»¹⁶⁰⁰.

Знали ли в русские ученые в Чехословакии о трагических событиях, переживаемых советской наукой? Вне всякого сомнения. В эмиграции пристально следили за жизнью в СССР и за положением ученых. Например, М.И. Ростовцев, узнав от А.М. Тальгрена о самоубийстве П.Д. Рау, написал ему в ноябре 1930 г.: «Очень опечалило известие о Рау. Несомненно, талантливый был юноша. Такова уж судьба всех талантов в стране “уравнения”...»¹⁶⁰¹. Правда пока не удалось обнаружить свидетельств обсуждения в эмигрантской среде ареста П.С. Рыкова в августе 1937 г. Профессор был схвачен после возвращения из очередной экспедиции, приговорен к десяти годам заключения, этапирован в дальневосточный лагерь, где и скончался 26 марта 1942 г. от крупозного воспаления легких¹⁶⁰². Саратовская археология оказалась разгромлена, виднейшие ее представители были репрессированы (Н.К. Арзютов, Н.Н. Дмитриев, В.А. Сушицкий) или вынуждены покинуть Саратов (Т.М. Минаева)¹⁶⁰³. В сентябре 1939 г. Нижне-Волжский институт краеведения прекратил свое существование¹⁶⁰⁴. К концу 1930-х гг. у кондаковских изданий в Саратове, даже, несмотря на сохранение в уни-

¹⁶⁰⁰ Письмо Н.Б. Вассоевича к Д.Н. Андрусову, 15 января 1935 г. // Archív Slovenskej akadémie vied. Fond «Dimitrij Andrusov». Škat. 28. Inv. č. 792.

¹⁶⁰¹ Скифский роман. С. 317.

¹⁶⁰² Малов Н.М., Павлова Л.С. Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125-летию со дня рождения) // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 1. С. 158–160.

¹⁶⁰³ Соломонов В.А. Исторический факультет Саратовского государственного университета: время, события, люди // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2007. Т. 7. № 2. С. 11–12.

¹⁶⁰⁴ Малов Н.М. Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы). С. 405.

верситете кафедры археологии и этнографии, практически не оставалось потенциальных читателей.

В свете обрисованных событий неизбежно возникает вопрос о практических последствиях книгообмена, о востребованности получаемых изданий и в Саратове, и в Праге. Ответить на него крайне сложно. И все же некоторые подтверждения интеллектуальных трансферов имеются. Так, Д.А. Расовский в 1937 г. ссылался на исследования П.С. Рыкова¹⁶⁰⁵ в своей статье о половцах¹⁶⁰⁶, упоминая о раскопках саратовского археолога близ Покровска: «Течение Волги от низовьев Камы до древнего города Укека (около нын[ешнего] Саратова) было в руках Болгарского каганата. Укек, находившийся на правом берегу Волги и известный своим расцветом в XIV в., существовал, вероятно, еще и до Татар и был крайним южным городом Болгар. Ниже его начиналось половецкое поле: на левом берегу Волги, у г. Покровска археологические раскопки обнаруживают кочевнические стоянки, относимые к Половцам; на правом берегу Волги, по течению р. Латрыка (приток Карамыша, впадающий в Медведицу), искони жили: кочевнические погребения скифо-сарматской поры находились здесь около с. Большой Дмитровки»¹⁶⁰⁷.

Было бы неверно думать, что цитирование работ эмигрантов в советской науке было строго-настроено запрещено, хотя, разумеется, нельзя говорить о полной свободе. Так, и Т.М. Минаева, и П.С. Рыков указывали на исследования М.И. Ростовцева, особенно на его «Скифию и Боспор»¹⁶⁰⁸. И.В. Синицын в статье 1936 г. цитировал другую важную книгу этого выдающегося историка¹⁶⁰⁹ – «Срединная Азия, Россия, Китай и звериный

¹⁶⁰⁵ Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 г. // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете. 1923. Вып. 34. Ч. 1.

¹⁶⁰⁶ Расовский Д.А. Половцы. III. Пределы «поля Половецкого» // *Seminarium Kondakovianum*: Анналы Института имени Н.П. Кондакова. Прага, 1937. Т. IX. С. 71–85.

¹⁶⁰⁷ Там же. С. 76–77.

¹⁶⁰⁸ Минаева Т.М. Указ. соч. С. 116–117.

¹⁶⁰⁹ Синицын И.В. Указ. соч. С. 74–75.

стиль»¹⁶¹⁰. Упомянута она не случайно, ибо была издана в Праге в 1929 г. в кондаковской серии «Скифика», той самой, самой серии, в которой выходила и присланная в Саратов книга Н. Феттиха. Описывая найденные близ Покровска в 1929 г. скобы-крюки от ножен меча, И.В. Сеницын полемизирует с М.И. Ростовцевым относительно назначения подобных пластинок (ранее тот изучал аналогичную пластину-скобу от меча из Керченской гробницы). Саратовский ученый указывает, что описанные П.Д. Рау находки в позднее-сарматском погребении Альт-Вемарского кургана определенно указывают на их иное назначение, нежели полагал М.И. Ростовцев. Таким образом, мы видим здесь пример живой научной полемики, но отнюдь не безудержного обличения «буржуазного историка», который неправ в своих построениях уже только потому, что эмигрировал из Советской России. Пока не удалось установить, где И.В. Сеницын мог познакомиться с работой М.И. Ростовцева, и могла ли она быть прислана в Саратов из Праги.

В связи с этим возникает еще один важный вопрос – о судьбе кондаковских изданий, которые присылались в Саратов. В университетской библиотеке удалось выявить лишь некоторые из них. Среди таковых – оттиски статей А.М. Тальгрена¹⁶¹¹ и Д.А. Расовского¹⁶¹², третий том сборника «*Seminarium Kondakovianum*»¹⁶¹³. Судьба других изданий, согласно документам

¹⁶¹⁰ *Ростовцев М.И.* Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929. С. 15–19.

¹⁶¹¹ *Tallgren A.M.* Zur Westsibirischen Gruppe der «Schamanistischen Figuren» // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1931. Т. IV. С. 39–47. Инвентарный номер – 239004.

¹⁶¹² *Расовский Д. А.* О роли черных клубуков в истории древней Руси // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 93–109. Оттиск статьи без автографа и иных пометок, переплетен вместе с 3-м томом *Seminarium Kondakovianum*. Инвентарный номер – 63524. Имеется штамп библиотеки Саратовского университета, а также наклейка с инвентарным номером в левом верхнем углу: «ОТД. 1. СОЧИНЕНИЯ ГЛАВН. БИБЛИОТЕКИ. № 63524».

¹⁶¹³ *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. Инвентарный но-

полученных в Саратове, в том числе уникального сборника в память Н.П. Кондакова, равно как и книги Н. Феттиха, неизвестна. До конца неясно, могли ли они быть безвозвратно изъяты из фондов после ареста П.С. Рыкова и гонений на его коллег. Нельзя исключать и иных причин: потерь, списаний, хищений. Так, в каталоге отдела редких книг саратовской университетской библиотеки значится пражское издание мемуаров Н.П. Кондакова. Однако многократные попытки автора этих строк увидеть редкую книгу, начиная еще со времен учебы в университете в 2001 г., неизменно заканчивались отказом: «Книги нет на месте».

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что в 1920–1930-е гг. Саратовский университет, не будучи столичным, не был исключен из интернационального научного обмена и занимал важное место на интеллектуальной карте как минимум Европы. Работы его ученых были востребованы, за ними следили, их желали получать крупные научные центры, к каковым, вне всякого сомнения, относился Институт имени Н.П. Кондакова в Праге. Саратовский университет оказался втянут в культурную орбиту русской диаспоры. Но эти связи, складывавшиеся поверх идеологических барьеров, были подрублены «делом Жебелева». Динамика контактов кондаковцев с Саратовом хорошо демонстрирует метаморфозы научного климата в СССР. С одной стороны, представления о мгновенно опустившемся железном занавесе и прерывании интеллектуального обмена между Советской Россией и внешним миром преувеличены. Но в то же время влияние внешних рамок на динамику международных контактов очевидно. Политические процессы в СССР больно ударили по этим связям, предельно формализовали их, пока не прервали окончательно.

§ 3. Семинарий (Институт) имени Н.П. Кондакова и его венгерские коллеги

Как уже говорилось в предыдущих параграфах, с самого начала работы Семинария имени Н.П. Кондакова, его членами начала создаваться разветвленная сеть контактов с коллегами из разных стран (Германия, Великобритания, Франция, Румыния, Болгария, Югославия). Особое место в системе научных коммуникаций заняли венгерские ученые, контакты с которыми интересны по нескольким причинам. Российско-венгерские научные коммуникации в области археологии, этнографии, истории искусства имели давнюю историю, начало которых можно отнести к 1840-м гг., когда в Россию приезжал один из основоположников финно-угроведения Антал Регули. Он совершил экспедицию на Урал и в Зауралье, изучая быт и культуру ханты и манси, собирая древние артефакты. Эта поездка была связана с попыткой найти ответ на вопрос о прародине древних венгров, который станет одним из ключевых для венгерской науки. Дальнейшие контакты будут связаны с именами Йожефа Папай и Берната Мункачи, а, главное, с экспедициями, организованными графом Енё Зичи. Их главным участником был крупный археолог Бела Пошта, который сумел провести масштабные для того времени исследования в Поволжье, на Урале и в Сибири¹⁶¹⁴. Таким образом, причина взаимного интеллектуального притяжения венгерских ученых и кондаковцев связана с общностью научных исканий, лежавших в русле евразийской археологии, искусства и культуры кочевых народов. Для венгерской науки эти проблемы были в числе ключевых, поскольку оказались неразрывно связаны с вопросами этногенеза древних венгров, их контактов с соседями. Они также влияли на поиски национальной и политической идентичности, особо обострившиеся после Первой мировой войны и крушения Австро-Венгерской монархии.

Уже в первые годы работы Семинария была налажена пересылка в Прагу ведущих венгерских археологических журналов – «*Archaeologia Hungarica*» и «*Archaeologiai Értesítő*». Свои издания также посылали Нацио-

¹⁶¹⁴ См.: *Pósta B. Oroszországi tanulmányairól // Archaeologiai Értesítő. 1898. 18. kötet. old. 334–345.*

нальный музей в Будапеште, Венгерская академия наук и Сегедский университет¹⁶¹⁵. Однако за подобными действиями должны были стоять конкретные люди. Е.Ю. Басаргина называет имя венгерского археолога Нандора Феттиха (Fettich Nándor; 1900–1971) в числе первых иностранных ученых, сделавших научный доклад в пражском Семинарии¹⁶¹⁶. Правда, она ошиблась с датой, ибо выступление археолога на тему «Древности Венгрии в эпоху переселения народов по новым находкам» состоялось 15 января 1926 г.¹⁶¹⁷ Однако смысл события подмечен верно – Н. Феттих оказался первым иностранным специалистом, включившимся в живое сотрудничество с кондаковским Семинарием. Именно в Праге он получил возможность личного знакомства с русскими коллегами, оказавшимися в эмиграции (Н.М. Беляев, Г.В. Вернадский, А.П. Калитинский, Д.А. Расовский, Н.П. Толль и др.). Деловые контакты быстро переросли в личные.

Н. Феттих был воспитанником Католического университета Петера Пазманя (Pázmány Péter Katolikus Egyetem) в Будапеште. Там 21 января 1921 г. он защитил диссертацию о votivных табличках римской Паннонии и получил степень доктора философии¹⁶¹⁸. Он был одаренной личностью, с широким кругом увлечений; оттого наряду с занятиями археологией учил-

¹⁶¹⁵ Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за третий год его существования (по 17 февраля 1928 г.) // *Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению*, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1928. Т. II. С. 379; Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за четвертый год его существования (по 17 февраля 1929 г.) // *Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению*, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 328–330.

¹⁶¹⁶ Басаргина Е.Ю. Археологический институт им. Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). По материалам архивов Праги // *Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга*. СПб., 2004. С. 779.

¹⁶¹⁷ Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) в Праге за первый год его существования (по 17 февраля 1926 г.) // *Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение*. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1926. С. 297–298.

¹⁶¹⁸ Bendefy L. Fettich Nándor. 1900–1971 // *Magyar Történelmi Szemle*. 1971. II. évf. 4. szám. old. 456.

ся в консерватории, был хорошо знаком с великим композитором Белой Бартоком (Bartók Béla; 1881–1945). В свете многогранности профессиональных интересов нет ничего удивительного и в многогранности интересов научных. Уже в середине 1920-х гг. внимание Н. Феттиха от классической археологии сместилось в сторону археологии евразийских кочевников эпохи Великого переселения народов, неразрывно связанных с венгерским прошлым. Эти занятия требовали знакомства с достижениями российской науки, столь много сделавшей в ту пору для изучаемого им направления, и тем самым предопределили вовлеченность в русскую культурную среду. Молодой ученый старательно изучал русский язык, беря уроки у православного священника в Будапеште. 7 сентября 1923 г. Н. Феттих поступил на работу в Венгерский национальный музей (Magyar Nemzeti Múzeum), с которым будет неразрывно связана его последующая ученая карьера.

Сложность изучения взаимоотношений Н. Феттиха с отечественной наукой состоит в том, что личный архив ученого, находящийся ныне в Национальном музее в Будапеште, сохранился крайне фрагментарно. Так, неизвестно ни одного письма к нему от российских и советских коллег, за исключением небольшого послания от археолога Алексея Алексеевича Захарова (1884–1937), датированного началом 1937 г.¹⁶¹⁹. Потому приходится опираться почти исключительно на материалы Н. Феттиха в архивах других лиц, да еще распыленных по разным городам и странам. Тем не менее, среди этих разрозненных писем находятся чрезвычайно важные для нашего сюжета – обращения молодого венгерского ученого к Н.П. Кондакову.

В личном фонде академика в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге сохранилось 2 письма от Н. Феттиха за 1924 г. Связующим звеном между учеными оказался А.Л. Петров, занимавшийся славяно-венгерской проблематикой и имевший многочисленные контакты с вен-

¹⁶¹⁹ Письмо А.А. Захарова к Н. Феттиху, 17 января 1937 г. // Magyar Nemzeti Múzeum irattára. Nandor Fettich. FE 7. 452.89.1. Ca 14.

герской научной средой еще до начала Первой мировой войны¹⁶²⁰. В первом письме, датированном 28 ноября 1924 г. Н. Феттих рассказывал Н.П. Кондакову о новейших исследованиях венгерских ученых в области изучения эпохи Великого переселения народа¹⁶²¹. Особый акцент он сделал на работах Андраша Алфёлди (Alföldi András; 1885–1981) в области гуннской археологии, которые позволили по-новому взглянуть на историю Паннонии. Чрезвычайно примечательно второе письмо от Н. Феттиха, датированное 11 марта 1925 г.¹⁶²² Сразу уточним – оно было написано уже после смерти Н.П. Кондакова (17 февраля), о чем Н. Феттих еще не успел получить известий. Анализ содержания, в частности, упоминание кондаковского послания от 20 декабря 1924 г., указывает на наличие плотного эпистолярного общения между учеными, следы которого сохранились обрывочно. Упомянутое мартовское письмо от Н. Феттиха интересно тем, что в нем обсуждался возможный визит Н.П. Кондакова в Будапешт. Детали его подготовки хорошо показывают политические трудности, в которых развивалась европейская наука сразу после Первой мировой войны. Так Н. Феттих выражал сожаление, что в силу плохих отношений между Венгрией и Чехословакией министерство культуры в Будапеште не сможет прислать официального приглашения академику. Вместе с тем он подтверждал горячую заинтересованность в приезде знаменитого русского ученого со стороны Венгерского национального музея, чье руководство выразило готовность взять на себя все организационные вопросы. Н. Феттих заверял Н.П. Кондакова – его визита с нетерпением ждут в Будапеште. Остается только сожалеть, что смерть русского ученого не дала возможности осуществить эту поездку.

¹⁶²⁰ См.: Робинсон М.А. К биографии Алексея Леонидовича Петрова (по архивным материалам) // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 385–409.

¹⁶²¹ Письмо Н. Феттиха к Н.П. Кондакову, 28 ноября 1925 г. // Literární archiv Památníku národního písemnictví. Osobní fond 830: «Kondakov Nikodim Pavlovič». Korespondence vlastní: přijatá. Fettich N.

¹⁶²² Письмо Н. Феттиха к Н.П. Кондакову, 11 марта 1925 г. // Ibid.

Таким образом, Н. Феттих был известной для русских эмигрантов персоной. О факте его изначальной близости к кондаковцам говорит тот факт, что он был в числе зарубежных авторов, приглашенных к участию в памятном сборнике в честь Н.П. Кондакова. Молодой ученый оказался среди признанных международных авторитетов (В.Н. Златарски, Н. Йорга, Г. Милле, А. Муньоз, М.И. Ростовцев и др.). Феттих подготовил статью о зверином стиле в искусстве евразийских кочевников, в которой актуализировал значение работ российских археологов для данной проблемы¹⁶²³. Вместе с тем он говорил о важности включения в сравнительные исследования археологических материалов, найденных на территории Венгрии. Феттих был убежден, что их анализ способен сильно изменить картину истории Великого переселения народов и расширить представления о межкультурных взаимодействиях в раннем средневековье. Конечная мысль статьи была предельно созвучна построениям Н.П. Кондакова и его последователей: «Заимствования в кочевом искусстве не говорят о его бедности. Ценность кочевого искусства не всегда заключается в оригинальности его мотивов, но создание индивидуальных форм искусства и способ, которым эти формы получают содержание, вот, что является оригинальным, и что отличает искусство отдельных кочевых народов друг от друга»¹⁶²⁴.

Когда в Праге готовилось посмертное издание лекций Н.П. Кондакова о средневековом искусстве и культуре, читанных в Карловом университете, к Н. Феттиху обратились за помощью в поиске иллюстраций для первого раздела книги, обрисовывавшего скифо-сарматские древности на Юге России. Речь шла о фотографиях бронзовых оленей из Сибири из собрания Национального музея, которые венгерский ученый любезно переслал в Прагу¹⁶²⁵. Однако есть обстоятельства полагать, что высококачественные

¹⁶²³ *Fettich N. Die Tierkampfscene in der Nomadenkunst // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1926. С. 81–92.*

¹⁶²⁴ *Ibid. С. 92.*

¹⁶²⁵ *Кондаков Н.П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. II, 47; Письмо Н. Феттиха к Н.П. Кондакову, 28 ноября 1924 г. //*

фотографии эрмитажных экспонатов, помещенных в этом же разделе, появились также не без участия Н. Феттиха, посещавшего летом 1926 г. Ленинград. На этот факт косвенно указывают материалы Архива Государственного Эрмитажа. 23 декабря 1928 г. в Будапешт на имя Н. Феттиха было отправлено письмо Леонида Антоновича Мацулевича (1886–1959) с приложением фотографий двух экспонатов. Вскоре, 8 января 1929 г., Л.А. Мацулевич распорядился переслать коллеге еще пять снимков¹⁶²⁶. Правда известные документы молчат о том, какие именно экспонаты были запечатлены на фото. Но факт остается фактом, да и время отправки снимков допускает их использование при подготовке к изданию лекций Н.П. Кондакова. Данное обстоятельство характеризует важную сторону деятельности Н. Феттиха в его контактах с русскими эмигрантами: он был консультантом в процессе поиска нужной информации. Он знакомил коллег с достижениями венгерской науки, с местными музейными коллекциями, а вместе с тем был участником транснационального интеллектуального обмена, в который были включены ученые из разных стран.

Известно письмо Н. Феттиха от 17 февраля 1927 г.¹⁶²⁷, адресованное в Прагу главе кондаковского Семинария А.П. Калитинскому. Вместе с ним он пересылал фотографию фибулы с изображением императора Константина I, приобретенной Национальным музеем в 1912 г. из коллекции Антала Хорвата (Horváth Antal; 1848–1912) в Пече. А.П. Калитинский и его коллеги в это время как раз занимались изучением фибул, происходивших из Византии или из ее восточно-христианских провинций. Важность этого направления работы русский ученый отчетливо обрисовал в одной из своих статей: «Особое мест среди археологических мелочей занимает фибула –

Literární archiv Památníku národního písemnictví. Osobní fond 830: «Kondakov Nikodim Pavlovič». Korespondence vlastní: přijatá. Fettich N.

¹⁶²⁶ Служебная записка Л.А. Мацулевича ученому секретарю Государственного Эрмитажа, 8 января 1929 г. // Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 5. Д. 936. Л. 43–44.

¹⁶²⁷ Письмо Н. Феттиха к А.П. Калитинскому, 17 февраля 1925 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-30.

родоначальница современной брошки и, так называемой у нас, английской булавки. Возникши еще в бронзовую эпоху, приблизительно около второй половины II тысячелетия до Р.Х., она просуществовала почти три тысячи лет. За этот долгий период фибула совершили весьма сложную и разнообразную эволюцию, запечатлев на себе вкусы разнообразных эпох и народов, особенно их одежд и состояние техники. <...> Будучи характерной для эпохи и народности, фибула является для археолога тем же, чем для палеонтолога служит “руководящее ископаемое”. Понятно поэтому и то внимание, которое ей было уделено в науке о древностях»¹⁶²⁸. Пражские музейные собрания не располагали нужным археологическим материалом, но зато он имелся в Будапеште. На территории Венгрии еще в XIX в. было сделано немало находок, которые сразу попали в поле зрения исследователей, таких как Йозеф Хампель (Hampel József; 1849–1913). В 1929 г. Н.М. Беляев в первой части своих «Очерков по византийской археологии» благодарил Н. Феттиха за «многочисленные услуги по доставке фотографий, справок о памятниках Венгерск[ого] Нац[ионального] Муз[ея]», в частности, за знакомство с важной для него археологической находкой – донышком фибулы из Дунасекесё (Dunaszekeső) в комитате Баранья (Baranya)¹⁶²⁹. Н. Феттих же помогал русским ученым организовать исследовательские работы с археологическими коллекциями венгерских музеев (см. подробнее § 5).

Практическая помощь в организации исследований и обмене информацией не была односторонней. Показательна в этой связи пражская командировка венгерского ученого в 1936 г.

В ту пору архиепископ Дёрдь Юстиниан Шереди (Serédi Jusztinián György; 1884–1945) поддержал работы Н. Феттиха по изучению венгерских

¹⁶²⁸ *Калитинский А.П.* Из истории фибулы на Кавказе // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение. Прага, 1926. С. 39.

¹⁶²⁹ *Беляев Н.М.* Очерки по византийской археологии // *Seminarium Kondakovianum*: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 81–82, 98.

средневековых памятников и обещал поддержку со стороны католической церкви. Н. Феттих запланировал исследование меча Святого Стефана, по преданию принадлежавшего основателю Венгерского королевства, и хранившегося в сокровищнице Собора Святого Вита в Праге. Тогда 20 июня 1936 г. он обратился за помощью в Институт имени Н.П. Кондакова, написав письмо княгине Н.Г. Яшвиль, ведавшей всеми административными делами в отсутствие Н.П. Толля, который находился на раскопках в Сирии¹⁶³⁰. Н. Феттих просил ее передать послание на имя архиепископа Праги и примаса Чехии Карела Кашпара (Karel Kašpar; 1870–1941) с просьбой разрешить посещение сокровищницы Собора Святого Вита для изучения мелких деталей меча. Он сетовал, что поездка близится, а неопределенность остается. Княгиня со свойственной ей любезностью и радушием немедленно ответила Н. Феттиху и пригласила поселиться у нее во время пражского турне. Однако оказать конкретной помощи в переговорах с представителями церкви не смогла. По ее поручению Д.А. Расовский ходил в канцелярию архиепископа. Там ответили, что Его Высокопреосвященство помочь в решении вопроса не может и что следует обратиться к епископу Яну Ремигеру (Jan Remiger; 1879–1959) – но позже, поскольку тот отсутствует в Праге. Из описания этой истории, зафиксированной в письме Н.Г. Яшвиль к Н. Феттиху от 23 июня 1936 г.¹⁶³¹, складывается ощущение, что представители высшего духовенства не слишком хотели допускать исследователя к мечу Святого Стефана. Отсюда и ее признание в явной нелюбезности сотрудников церковной канцелярии. Княгине лишь оставалось посоветовать Н. Феттиху написать письмо по-немецки на имя епископа Ремигера. Кажется, обращение русских коллег все же возымело действие. Из письма венгерского археолога, датированного 7 июля 1936 г. и адресованного, вероятно, Д.А. Расовскому, узнаем, что ему удалось посетить че-

¹⁶³⁰ Письмо Н. Феттиха к Н.Г. Яшвиль, 20 июня 1936 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova».* KI-13.

¹⁶³¹ Письмо Н.Г. Яшвиль к Н. Феттиху, 23 июня 1936 г. // *Ibid.*

хословацкую столицу и добиться желаемого. Для него обещали изготовить необходимые фотографии меча Святого Стефана. Н. Феттих благодарил русских коллег, подчеркнув, что в дни пребывания в Праге чувствовал себя как дома, и сожалел, что редко приводится собираться вместе¹⁶³².

Межвоенное сотрудничество Феттиха с русскими учеными в Чехословакии выразилось в публикации ряда научных работ в Праге. Уже во втором выпуске «*Seminarium Kondakovianum*» он опубликовал статью о серебряной готской пряжке из собрания Национального музея, которая в 1927 г. была приобретена у антикварного торговца, и увязана с местечком Сабадбатынь (*Szabadbattyán*)¹⁶³³. Феттих сделал вывод, что описываемый им предмет демонстрирует влияние позднееримских традиций на варварское искусство, и что дает возможность говорить о культурных взаимодействиях на широких просторах Евразии. Эта идея как нельзя лучше соотносилась с научной программой кондаковцев.

В 1929 г. Семинарий положил начало книжной серии «Скифика» (ΣΚΥΘΙΚΑ). В первом выпуске была издана работа М.И. Ростовцева «Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль», а во втором – исследование Феттиха о бронзовом литье в кочевом искусстве¹⁶³⁴. Появление книги венгерского археолога в этой серии, да еще вслед за работой всемирно известного ученого, свидетельствует о глубоком признании его авторитета. Не случайно профессор Калитинский, перечисляя в письме к Ю.Н. Рериху в сентябре 1931 г. лиц, особо близких Семинарию, привел имена М.И. Ростовцева, С.А. Жебелева, Э. Миннза, Г. Милле, Л. Нидерле, А.М. Талльгрена и Н. Феттиха¹⁶³⁵. Присутствие венгерского археолога в

¹⁶³² Письмо Н. Феттиха к Д.А. Расовскому, 7 июля 1936 г. // *Ibid.*

¹⁶³³ *Fettich N. Eine Gotische Silberschalle im Ungarischen Nationalmuseum // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1928. Т. II. С. 105–111.*

¹⁶³⁴ *Fettich N. Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. Prag: Seminarium Kondakovianum, 1929.*

¹⁶³⁵ *Росов В.А. Семинариум КондаковIANUM. Хроника реорганизации в письмах. 1929–1932. С. 116.*

одном ряду с признанными классиками истории и археологии говорит о многом.

Названная книга Феттиха содержала подробное описание бронзовых предметов из древневенгерских могильников, причем в их неразрывной связи с древностями Юга России, Сибири, Средней Азии и Монголии. Большинство описанных предметов – пряжки или украшения для ремней, содержавшие сцены битвы животных и листовенный орнамент. Феттих показывал глубокие культурные заимствования из Азии и проводил параллели с бронзовыми находками из Минусинской котловины. На эту работу ответил благожелательной рецензией Ю.Н. Рерих¹⁶³⁶. Ему особенно импонировала идея культурной связи описанных материалов с кочевыми культурами Центральной Азии, а также аналогии с находками в России. Заслуживает внимание тот факт, что кондаковцы пропагандировали работу Феттиха и пересылали ее коллегам, в том числе в СССР. Так, в мае 1931 г. книга была отправлена в Саратовский университет с явным осознанием того, что она заинтересует местных археологов.

В 1931 г. в той же серии «Скифика» увидела свет новая работа Феттиха, написанная им в соавторстве с археологом Дюлой Ре (Rhé Gyula; 1871–1936)¹⁶³⁷. В ней были представлены результаты раскопок могильника у сел Юташ (Jutas) и Эшкю (Öskü), предпринятых в 1920-х гг. Авторы полагали, что имеют дело с самым древним захоронением на территории Венгрии, сохранившим черты взаимодействия монголоидов и западногерманских племен. Новаторство работы заключалось в том, что это было первое венгерское сравнительное исследование антропологического и археологиче-

¹⁶³⁶ *Roerich G. N. Fettich: Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn // Journal of Urusvati Himalayan Research Institute. 1931. Vol. I. № 1. P. 94–96.*

¹⁶³⁷ *Rhé Gy., Fettich N. Jutas und Öskü: zwei gräberfelder aus der völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem anthropologischen anhang von L. Bartucz. Prag: Seminarium Kondakovianum, 1931.* Д. Ре был заметной фигурой в венгерской археологии, организатором раскопок близ Веспрема и одним из основателей в 1902 г. местного музея, ныне – Музей Лачко Дежё (Laczkó Dezső Múzeum).

ского материала. Авторы акцентировали внимание на том, что сделанные находки позволяют пролить новый свет на характер Кёстхейской культуры, отразившей в себе смешение романских, славянских и аварских начал. Феттих ценил эту свою работу и заранее анонсировал коллегам ее издание, как, например, в письме к финскому коллеге А.М. Талльгрёну в июне 1930 г.¹⁶³⁸ или британскому археологу Э. Миннзу в декабре того же года¹⁶³⁹. В одной из рецензий на труд Феттиха и Ре подчеркивалась его важность для венгерской археологии и дальнейшего изучения Великого переселения народов, а также сам факт публикации в кондаковской серии «Скифика»¹⁶⁴⁰

В числе других венгерских ученых, завязавших тесные контакты с русской Прагой, назовем византиноведа Дюлу Моравчика. Интерес к России возник у него еще в пору обучения в Коллегиуме Йозефа Этвёша при Будапештском университете в 1910–1914 гг., когда Моравчик под влиянием своего учителя З. Гомбоца увлекся историей Византии и евразийских кочевников и их связью с раннесредневековой венгерской историей. Обойти стороной работы российских ученых при изучении данных проблем казалось вряд ли возможным. Вовлеченность в российский контекст усилилась личными обстоятельствами, как ни парадоксально, связанными с Первой мировой войной.

В начале 1915 г. Моравчик был призван в австро-венгерскую армию в звании субалтерн-офицера (Subalternoffizier), отправлен в Галицию. Судя по сохранившимся кратким свидетельствам, на фронте он хорошо проявил себя, за участие в боях в марте 1915 г. был представлен к Серебряной медали «За отвагу» 2-й степени (Silberne Tapferkeitsmedaille II. Klasse)¹⁶⁴¹.

¹⁶³⁸ Письмо Н. Феттиха к А. Талльгрёну, 24 июня 1930 г. // Kansalliskirjasto (Suomi), Käsikirjoituskokoelma. Coll. 230: Aarne Michaël Tallgren. № 3.

¹⁶³⁹ Письмо Н. Феттиха к Э. Миннзу, 31 декабря 1930 г. // Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Hovell Minns: Correspondence. Add. 7722. Box 1. Folder F.

¹⁶⁴⁰ A történelem világa: Rhé, Gyula, und Fettich, Nándor: Jutás und Öskü // Literatura – Beszámoló a Szellemi Életről. 1931. VI. évf. 1. szám. 64. old.

¹⁶⁴¹ Belohnungsantrag // Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye. Moravcsik Gy. Ms 2630/23-24.

Тем не менее, он вскоре попал в российский плен¹⁶⁴². Венгерских солдат и офицеров зачастую отправляли подальше от западных границ Российской империи – в Туркестан или Сибирь. Так Моравчик оказался в Красноярске. Условия содержания военнопленных были либеральными, и молодой венгр использовал свободное время для изучения русского языка, которым овладел на очень высоком уровне, а также для знакомства с российской научной литературой. Пребывание в плену не отвратило его от России. Напротив, оно сделало его горячим поклонником загадочного русского мира, дало возможность прикоснуться к «откровениям русского духа, который, несмотря на все его темные стороны, источает нечто более глубоко духовное – стремление к внутренней истине»¹⁶⁴³. В плену он штудировал труды российских ученых, которые стали для него важными интеллектуальными ориентирами. После возвращения на Родину из Советской России летом 1920 г., карьера Моравчика развивалась поступательно. Невзирая на некоторые трудности, он довольно быстро добился авторитета в научном мире.

Моравчик оказался идейно близок кондаковцам своим перекрестным подходом к византийской истории и попытками увидеть в ней взаимодействие разных культурных начал. В письме Калитинскому венгерский исследователь говорил, что работает в той области знания, где приоритет российских ученых неоспорим, а потому он «связан узко с русской наукой»¹⁶⁴⁴. В 1920–1930-е гг. в системе его научных контактов важное место отводилось русским ученым-эмигрантам. Моравчик регулярно обменивался информацией, обсуждал научные проблемы с А.Н. Грабаром, А.А. Васильевым, Г.В. Вернадским, Н.Л. Окуневым, Г.А. Острогорским,

¹⁶⁴² *Harmatta J.* Byzantium and the Ancient Hungarians: The LifeWork of Gyula Moravcsik // *Byzance et ses voisins: Mélanges à la mémoire de Gyula Moravcsik à l'occasion du centième anniversaire de sa naissance (Acta Universitatis de Attila József nominatae opuscula Byzantina, IX)*. Szeged: Generalia, 1994. P. 7–8.

¹⁶⁴³ *Moravcsik Gy.* Orosz irodalom // *Napkelet*. 1926. 4. évf. 6. sz. 578. old.

¹⁶⁴⁴ Письмо Д. Моравчику к А.П. Калитинскому, 27 июня 1930 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-14.

Д.А. Расовским и др. Здесь уместно добавить, что в межвоенный период Д. Моравчик вел эпистолярное общение и с классиками византиноведения, остававшимися в СССР – Ф.И. Успенским и В.Н. Бенешевичем¹⁶⁴⁵.

Моравчик регулярно сообщал русским ученым о новостях венгерской исторической науки, пропагандировал их работы у себя на Родине, знакомил с венгерскими коллегами, работавшими в смежных областях. Он же помогал в обмене научными изданиями. Так Д. Моравчик познакомил Г.В. Вернадского, приезжавшего на лето 1932 г. в Прагу, с комментированным изданием «Тактики» Льва Мудрого, подготовленным византинистом Режё Вари (Rezső Vári; 1867–1940)¹⁶⁴⁶.

Без подобной поддержки научные исследования были затруднены. Например, Д.А. Расовский сетовал в письме Моравчику, что ему «из Праги очень трудно следить за мадьярской литературой»¹⁶⁴⁷. Обмен велся не только изданиями по византиноведению. Так, в мае 1939 г. Моравчик запрашивал русских пражан: нет ли у них книги М.И. Артамонова «Средневековые поселения на Нижнем Дону». В 1931 г. в «Seminarium Kondakovianum» была опубликована статья Моравчика о происхождении цицакия – византийского костюма для верховой езды¹⁶⁴⁸. У публикации этой статьи именно в кондаковском издании имелась своя идейная подоплека, хорошо свидетельствующая о наличии интеллектуальных трансферов между российской и венгерской наукой. Незадолго до смерти Н.П. Кондаков подготовил и опубликовал

¹⁶⁴⁵ Письмо Д. Моравчика к Ф.И. Успенскому, 24 января 1928 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 230. Л. 1–2; Письмо В.Н. Бенешевича к Д. Моравчику, 16 марта 1937 г. // Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye. Moravcsik Gy. Ms 1233/42

¹⁶⁴⁶ Письмо Г.В. Вернадского // Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye. Moravcsik Gy. Ms. 1233/879; Письмо Г.В. Вернадского к Д. Моравчику, 13 июля 1932 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14; Письмо Д. Моравчика к Г.В. Вернадскому, 15 августа 1932 г. // Ibid.

¹⁶⁴⁷ Письмо Д.А. Расовского к Д. Моравчику, 18 октября 1934 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14.

¹⁶⁴⁸ Моравчик Ю. Происхождение слова TZITZAKION // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1931. Т. IV. С. 69–76.

ликовал статью о скарамангии – костюме для верховой езды, который пришел в Византию от кочевников¹⁶⁴⁹. Для русского ученого это был важный пример того, что не только Византия влияла на окружающий мир, но и сама испытывала подобные влияния. Она вела борьбу с кочевниками, но при этом заимствовала элементы их культуру. Схожую линию теперь стремился продолжать в своей работе Д. Моравчик¹⁶⁵⁰. Изучая в Лейпциге рукопись «О церемониях» Константина Багрянородного (Cod. Lipsiensis Rep. I. 17), которая происходила из библиотеки венгерского короля Матвея Корвина, Д. Моравчик обратил внимание на упоминание цицакия – парадного костюма, который как сообщал автор схолии, привезла с собою какая-то хазарка, ставшая женой императора. Д. Моравчик соотносил ее с Ириной, женой Константина V Копронима (740–775). Анализируя происхождение термина, историк возводил его к тюркскому слову «šičäk» или «šäčäk», то есть – «цветок». Д. Моравчик при этом замечал, что у тюркских народов всегда было распространено именование женщин названиями различных цветов. Чичек – именно так, вероятно, звали императрицу Ирину до крещения. Ее хазарский костюм произвел большое впечатление на византийский двор и вскоре стал популярен. Ее имя перешло на название этого парадного костюма¹⁶⁵¹.

И Феттиху, и Моравчику в числе первых иностранцев было предложено стать действительными членами Археологического института имени Н.П. Кондакова, который возник после реорганизация Семинария в 1931 г. Моравчик новость воспринял воодушевленно, сообщив в Прагу: «Я очень

¹⁶⁴⁹ Kondakov N.P. Les costumes orientaux à la cour byzantine // Byzantion. 1924. Vol. 1. P. 7–49.

¹⁶⁵⁰ С конца 1920-х гг. он начал активно заниматься проблемой тюркских влияний на Византию. В апреле 1929 г. он сообщал В. Златарскому, что готовится «Собрание» всех турецких (гуннских, аварских, болгарских, и т.д. до конца XVI века) собственных имен, сохранившихся в византийских источниках» (Письмо Д. Моравчика к В. Златарскому // Научен архив на Българска академия на науките. Ф. 9к. Оп. 1. А.е. 2090. Л. 2).

¹⁶⁵¹ Моравчик Ю. Происхождение слова TZITZAKION. С. 73–74.

рад, что таким образом я еще сильнее связан с русской наукой»¹⁶⁵². Феттих тоже словно вторил ему: «С глубочайшей благодарностью и удовольствием я принимаю любезное послание Института о моем избрании в качестве научного члена Кондаковского института. На масштабные научные усилия Кондаковского института, или, соответственно, Кондаковского семинария, я всегда смотрел с восхищением»¹⁶⁵³.

Среди кондаковцев ближе всего к венгерской тематике находился Д.А. Расовский, ставший в 1930 г. ученым секретарем Семинария. Подчеркнем, что Расовский – не археолог. Его исследования основывались в первую очередь на интерпретации письменных, а не материальных источников. В круг его научных интересов входили евразийские кочевники: печенеги, торки, берендеи, половцы и др. Не мог он обойти и древних венгров. В начале 1930-х гг. Расовский работал над большой статьей о печенегах, торках и берендеях на Руси и в Венгрии¹⁶⁵⁴.

Осмысление подобных сюжетов требовало погружения в венгерскую научную литературу. В письме к Моравчику Расовский обращал внимание, что из всех европейских стран только в Венгрии и Болгарии ведется исследование истории евразийских кочевников¹⁶⁵⁵. Наблюдение, в целом, верное. Перед болгарской и венгерской наукой стояло немало схожих задач, причем разрешались они на основе личных и деловых контактов ученых¹⁶⁵⁶. Известно, что Расовский намеревался специально изучать венгерский

¹⁶⁵² Письмо Д. Моравчика к Д.А. Расовскому, 2 декабря 1931 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-14.

¹⁶⁵³ Письмо Н. Феттиха в Институт имени Н.П. Кондакова, 9 апреля 1932 г. [датировано по входящему номеру] // *Ibid.* KI-13.

¹⁶⁵⁴ *Расовский Д.А.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова*. Т. VI. С. 1–65.

¹⁶⁵⁵ Письмо Д.А. Расовского к Д. Моравчику, 24 мая 1933 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-14.

¹⁶⁵⁶ *Пейковска П.* Указ. соч. С. 7–24.

язык¹⁶⁵⁷, однако судить о конкретных успехах в этом направлении не представляется возможным. Тем не менее, доподлинно известно, что работы венгерских авторов Расовский знал, ссылаясь на них, а порой и полемизировал. Историографические обзоры венгерских исследований, вне всякого сомнения, достойны уважения.

Он не мог пройти мимо исследования историка, члена-корреспондента Венгерской академии наук Иштвана Дьярфаша (Gyárfás István; 1822–1883) об истории ясов и кунов¹⁶⁵⁸. Отдавая должное своему предшественнику, Расовский все же отмечал, что его книга морально устарела. К числу подобных работ отнес он и исследования Яноша Ернея (Jerney János; 1800–1855), стремившегося доказать парфянские истоки венгерского народа и локализовавшего легендарную Леведию в Северном Причерноморье и Приазовье¹⁶⁵⁹. Тем не менее, Расовский справедливо признавал, что труды и Дьярфаша, и Ернея, и иных современников открыли дорогу к другим, более углубленным исследованиям. Они послужили фундаментом для работ Золтана Гомбоца (Gombocz Zoltán; 1877–1935), Яноша Мелиха (Melich János; 1872–1963), Белы Кошшани (Kossányi Béla; 1894–1968), Дюлы Немета (Németh Gyula; 1890–1976) и др. Расовский особенно выделял сравнительно-лингвистические исследования венгерских коллег, расширение ими источниковой базы исследований, в частности, скрупулезный анализ сообщений о евразийских кочевниках византийских и восточных авторов. Расовский, например, принял версию Кошшани о тождестве узов в изображе-

¹⁶⁵⁷ Письмо Д.А. Расовского к Д. Моравчику, 24 мая 1933 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14. Д.А. Расовский смог посетить Венгрию лишь проездом осенью 1934 г., чем известно из его письма к Д. Моравчику: «На обратном пути из Болгарии я осмотрел Будапешт и пришел в полный восторг от красоты вашей столицы. К сожалению, у меня было всего 3 часа времени, и не смог навестить Вас» (Письмо Д.А. Расовского к Д. Моравчику, 18 октября 1934 г. // Ibid).

¹⁶⁵⁸ *Gyárfás I. A jász-kunok története*. Kecskemét: Nyomatott Szilády Károlynál, 1870. I. kötet. 614. old.; 1873. II. kötet. 488. old.; Szolnok: Nyomatott Bakos Istvánnál, 1883. III. kötet. 796. old.; Budapest: Nyomatott Neuwald Illés könyvnyomdájában, 1885. IV. kötet. 438. old.

¹⁶⁵⁹ [*Jerney J.*] Jerney János keleti utazása a magyarok őshelyeinek kinyomozása végett 1844 és 1845. Pest: A Szerző Tulajdona, 1851. I. köt. 332. old.; II. köt. 320. old.

нии византийских авторов с торками из русских летописей¹⁶⁶⁰. Видимо желая внести и свой вклад в разработку подобных сюжетов, Расовский высказал гипотезу, что упоминавшиеся в венгерских источниках «Véreny» скорее всего являются берендеями. Правда, он был осторожен в догадках, а потому обратился за консультацией к Моравчику¹⁶⁶¹, а впоследствии написал и Феттиху, выразив мысль о важности изучения «печенежско-берендейского» археологического материала в Венгрии¹⁶⁶². Увы, мы не знаем, что ответил Феттих. Моравчик же переадресовал вопрос Расовского тюркологу Ласло Рашони Надю (Rásonyi Nagy László; 1899–1984). Тот ознакомился с доводами Расовского и указал на источниковедческие ошибки, которые привели русского ученого к неправильным выводам. Он выразил сомнения, что имя венгерских «Verény» служило общим названием берендеев, однако допустил, что подобные этнонимы были связаны с тюркским присутствием в венгерских землях. Свои выводы он отразил в статье для «Seminarium Kondakovianum»¹⁶⁶³. Расовский принял критику венгерского коллеги и впоследствии сослался на его работу¹⁶⁶⁴. Показательно, что общение Рашони с кондаковцами выльется в публикацию еще одной его работы в Праге – статьи об этнонимах в «Слове о полку Игореве»¹⁶⁶⁵.

¹⁶⁶⁰ *Kossányi B.* Az úzok és kománok történetéhez a XI–XII. században // Századok. 1924. 58. évf. 1–6. sz. 519–537. old.

¹⁶⁶¹ Письмо Д.А. Расовского к Д. Моравчику, 2 декабря 1932 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14.

¹⁶⁶² Письмо Д.А. Расовского к Н. Феттиху, 16 июля 1933 г. // Ibid. KI-13.

¹⁶⁶³ *Rásonyi L.* Der Volksname берендей // Seminarium Kondakovianum: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1933. Т. VI. С. 219–226. Эти вопросы продолжают волновать и современных венгерских исследователей. См. подробнее: *Szabó J.B.* «Magrebiták», úzok – «kunok», berendek és besenyők: Egy XII. századi keleti betelepülés nyomában // Hadtörténelmi Közlemények. 2016. 129. évf. 1. sz. 148–159. old.

¹⁶⁶⁴ *Расовский Д.А.* Половцы. II. Расселение половцев // Seminarium Kondakovianum: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1936. Т. VIII. С. 163.

¹⁶⁶⁵ *Rásonyi L.* Les noms de tribus dans le «Слово о полку Игореве» // Seminarium Kondakovianum: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1936. Т. VIII. С. 293–299.

Помимо упомянутых Феттиха, Моравчика и Рашони в кондаковских изданиях опубликовал свою статью историк архитектуры Ференц Вамош (Vámos Ferenc; 1895–1969). Его работа была посвящена реконструкции так называемого «дворца Атилы», в архитектуре которого, по мысли автора, переплетались элементы культуры оседлых иранцев и кочевников Центральной Азии. С точки зрения ученого, для гуннов посредниками в общении к иранской культуре стали аланы¹⁶⁶⁶. Своей статьей венгерский автор еще раз показывал важность изучения истории евразийских кочевников на перекрестке разных культур. И эта идея, несомненно, роднила его и с кондаковцами, и с российской наукой вообще¹⁶⁶⁷.

Если посмотреть на содержание изданий Семинария/Института, то можно заметить большой интерес к венгерской научной литературе и у других кондаковцев, например, у археолога Беляева. Так, в своих исследованиях о византийских фибулах он часто пользовался известным исследованием Йожефа Хампеля (Hampel József; 1849–1913) «Древности раннего средневековья в Венгрии»¹⁶⁶⁸. Уместно напомнить, что в свое время названный труд высоко оценил Н.П. Кондаков, посчитавший его «замечательным и, в своем роде, образцовым»¹⁶⁶⁹. Однако в 1920–1930-е гг. это исследование явно требовало дополнений и уточнений. Так, И. Фодор заметил, что найденные в Венгрии гуннские материалы Хампель идентифицировал как сарматские, германские, а иногда и аварские. В 1920-х гг. эти ошибки стали очевидны, благодаря исследованиям А. Алфёльди и

¹⁶⁶⁶ *Vamos F.* Attilas Hauptlager und Holzpaläste // *Seminarium Kondakovianum*: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1932. Т. V. С. 145–146.

¹⁶⁶⁷ Примечательно, что Ф. Вамош в качестве примера перекрестного изучения культур указывает на важность исследования Турфанских настенных росписей, которым как раз активно занимались российские ученые. См.: *Бухарин М.Д.* Новые документы по истории изучения Восточного Туркестана из Турфанского собрания // *Новая и Новейшая история*. 2021. № 1. С. 214–222.

¹⁶⁶⁸ *Hampel J.* Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig: Druck und Verlag von Friedrich und Son, 1905. Bd. I. 856 s.; Bd. II. 1006 s.; Bd. III. 580 s.

¹⁶⁶⁹ *Кондаков Н.П.* Рец.: Гампель. «Древности Венгрии». 1905 // *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*. 1906. Т. XI. Кн. 4. С. 446.

Н. Феттиха гуннских памятников в Венгрии¹⁶⁷⁰. Таким образом, в межвоенный период наблюдался пересмотр ряда положений Хампеля, хотя труд его по-прежнему сохранял научную значимость. Тот же Беляев подверг ревизии представление венгерского ученого о фибуле из детского могильника в Кёстхее, отказавшись признать изображенную на ней сцену Благовещением, и доказывая, что данный иконографический сюжет называется «Слава Креста» и имеет палестинское происхождение¹⁶⁷¹.

Среди иных свидетельств глубокого интереса кондаковцев к работам венгерских коллег – обзоры их исследований и рецензии, которые регулярно печатались на страницах институтских изданий. Так, Толль и Расовский в публикации 1931 г. высоко оценили работы Гёзы Фехера (Fehér Géza; 1890–1955)¹⁶⁷², назвав его «лучшим знатоком надписей мадарского всадника»¹⁶⁷³. Екатерина Николаевна Клетнова (1869–1938), разбирая публикации в «Eurasia Septentrionalis Antiqua», обратила внимание на статью Лайоша Бартуца (Lajos Bartucz; 1885–1966) об остеологическом материале из могильника в Кёрёшладани (Körösladány)¹⁶⁷⁴, где, по мнению венгерского ученого, были погребены монголоиды, но с большой примесью германской

¹⁶⁷⁰ Фодор И. К вопросу о погребальном обряде гуннов Восточной и Центральной Европы // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков. Владивосток, 2017. С. 269; Комар А.В. Комплекс из Маркартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Под ред. С.Г. Боталова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 88.

¹⁶⁷¹ Беляев Н.М. Очерки по византийской археологии // *Seminarium Kondakovianum*: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 72.

¹⁶⁷² Fehér G. Le titre des khans bulgares d'après l'inscription du cavalier de Madara // *L'art byzantine chez les Slaves. Les Balkans. Premier recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij*. Paris: P. Geuthner, 1930. P. 3–8.

¹⁶⁷³ Толль Н.П., Расовский Д.А. *L'art byzantine chez les Slaves. Les Balkans. Premier recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij*. Paris, Paul Geuthner, 1930 // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1931. Т. IV. С. 296.

¹⁶⁷⁴ Bartucz L. Die Skelettreste von Körösladány // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1930. Vol. 5. S. 66–73.

и славянской кровей. Клетнова же отметила исследование Феттиха¹⁶⁷⁵ о сравнении найденных поясных наконечников и пряжек из Перниё-Тиинела (Perniö-Tuunelä) в Южной Финляндии, сделанных Талльгреном, с находками из Кёрёшладани в Восточной Венгрии¹⁶⁷⁶.

Рецензии Евгения Ивановича Мельникова (1909–2002) касались работ Фехера и Немета. Первый из них активно занимался в ту пору эпохой Первого Болгарского царства, в культуре которого он стремился выявить сплетение сасанидских и эллинистических элементов. Ему удалось изучить множество различных по характеру объектов: от протоболгарских пограничных валов в Бессарабии до Мадарского всадника, от руин Преслава до рунических памятников. Мельников, отмечая смелость постановки многих вопросов, тем не менее критиковал некоторую надуманность авторских построений¹⁶⁷⁷. Исследовательскую смелость похвалил Мельников и при оценке исследования Немета о Надьсентмиклошском кладе. Венгерский ученый с начала 1920-х гг. стремился пересмотреть общепринятые датировку и происхождение клада, а именно: показать, что он – не болгарский, а печенежский, и что относится к 900–920 гг. Немет пытался реконструировать тюркские надписи на предметах клада, переведя их как «чаша», «дар», «сосуд для питья» и др. Мельников счел работу интересной, поскольку она направляла решение надьсентмиклошского вопроса по новому пути, однако не согласился с методами расшифровки рунических надписей¹⁶⁷⁸.

¹⁶⁷⁵ *Fettich N.* Über die ungarländischen Beziehungen der Funde ksp. Perniö, Tuunelä, Südwestfinnland // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1930. Vol. 5. S. 52–65.

¹⁶⁷⁶ *Клетнова Е.Н.* *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, том V. Helsinki, 1930 // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1931. Т. IV. С. 299.

¹⁶⁷⁷ *Мельников Е.* *Fehér Géza.* A bolgár-török műveltség emlékei és Magyar őstörténeti vonatkozásaik. Les monuments de la culture protobulgare et leurs relations hongroises // *Seminarium Kondakovianum*: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1932. Т. V. С. 330.

¹⁶⁷⁸ *Мельников Е.* *J. Németh.* Die Inschriften des Schazes von Nagy-Szent-Miklós. Mit zwei Anhängen: I. Die Sprache der Petschenegen und Komanen. II. Die ungarische Kerbschrift //

Гораздо сложнее оценить, какие отражения находило творчество кондаковцев в венгерской научной среде. Разумеется, отсылки к трудам ученых-эмигрантов и кондаковским изданиям в целом можно найти в работах тесно сотрудничавших с ними Феттиха, Моравчика, отчасти у Вамоша и Алфёлди. Однако встречаются они и у других венгерских исследователей, в чем можно убедиться даже при беглом просмотре ведущего археологического журнала «*Archaeologiai Értesítő*»¹⁶⁷⁹.

Конец 1930-х гг. оказался непростым в жизни Археологического института имени Н.П. Кондакова. К проблемам финансирования и оттока кадров добавились трудности межличностных отношений. Когда в 1937 г. о своей поддержке Институту заявил югославский принц Павел, и когда возникла перспектива перевода организации в Белград, среди русских ученых начались серьезные разногласия. Венгерские коллеги внимательно следили за положением дел, но ни на одну из сторон конфликта, как видно из документов, не вставали. Гораздо больше интересовали их перспективы продолжения научной работы кондаковцев. Еще более серьезным ударом стала Вторая мировая война. Наладить работу Кондаковского института в Белграде оказалось крайне трудно. О тяжелых условиях Расовский писал в Будапешт Моравчику: «Мы скоро предполагаем издать XI-й том Института. Работать по изданию журнала стало очень трудно. На всех наших сотрудниках отражается война. Грабарь призван во Франции и несет службу радио-переводчика на военном корабле (он, ведь, во Франции “специалист” по немецкому языку); Андреев из Праги не может прислать нам своей рукописи, так как она застряла в цензурном комитете, и т.д. При таких усло-

Seminarium Kondakovianum: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1933. Т. VI. С. 244.

¹⁶⁷⁹ Nagy L. Római régiségek Dunaszekcsőről // *Archaeologiai Értesítő*. 1931. 45. kötet. 271. old.; Radnóti A. Római kutatások Ságváron // *Archaeologiai Értesítő*. 1939. 52. kötet. 159. old.; Jankó L. A pápai avarkori sírleletek // *Archaeologiai Értesítő*. 1939. 52. kötet. 132. old.

виях международное сотрудничество чрезвычайно трудно! Начали печатать книгу на английской бумаге, а теперь ее нет во всей Югославии!»¹⁶⁸⁰.

6 апреля 1941 г. при немецкой бомбардировке Белграда был разрушен дом, в котором размещался Кондаковский институт. Расовский и его супруга погибли, а вместе с ними была уничтожена часть богатой библиотеки. Деятельность Института вновь сосредоточилась в Праге. В начале июня 1941 г. оттуда Моравчику сообщили о начале подготовки XII-го тома «*Seminarium Kondakovianum*» и пригласили к участию в нем¹⁶⁸¹. Феттиху об этом сообщили еще 17 апреля¹⁶⁸². Сборник, впрочем, так и не был собран. В трагических условиях войны такое предприятие было изначально обречено. Последнее известное письмо на имя Феттиха, написанное от имени директора Института Н.Е. Андреева, датировано 30 декабря 1942 г. Оно было кратким по содержанию: лишь благодарность за присылаемые работы и поздравление с Новым годом¹⁶⁸³. Иных свидетельств о дальнейших контактах Феттиха с русскими коллегами не имеется.

Попробуем ответить на вопрос: какие же факторы способствовали интеллектуальному сближению венгерских ученых и их русских эмигрантских коллег в межвоенный период? Думается, что причин было несколько. Конечно, двухсторонние научные контакты имели богатую историю. Еще в XIX в. венгерские ученые совершали научные поездки в Россию в поисках прародины венгров. Между российскими и венгерскими археологами и этнографами складываются общие поля научных интересов. В Венгрии становятся хорошо известны работы российских специалистов, в частности, Н.П. Кондакова. Сам он, к слову, высоко оценивал работы венгерских кол-

¹⁶⁸⁰ Письмо Д.А. Расовского к Д. Моравчику, 30 ноября 1939 г. // Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye. Moravcsik Gy. Ms 1233/755.

¹⁶⁸¹ Письмо Н.Е. Андреева к Д. Моравчику, 9 июня 1941 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14.

¹⁶⁸² Письмо Н.Е. Андреева к Н. Феттиху, 17 апреля 1941 г. // Ibid.

¹⁶⁸³ Письмо Н.Е. Андреева к Н. Феттиху, 30 декабря 1942 г. // Ibid.

лег¹⁶⁸⁴. Таким образом, интеллектуальное сближение русских ученых-эмигрантов и их венгерских коллег имело под собой уже хорошо подготовленную почву. Обратим внимание на тот факт, что ближе всего с кондаковцами сотрудничали те венгерские ученые, кто хорошо знал русский язык, следил за российской наукой, интересовался русской культурой. Те же венгерские ученые, кто таких связей и душевных привязанностей, не имел, ограничивались лишь эпизодическими контактами, как в случае с Алфёлди¹⁶⁸⁵.

Сделаем акцент и на общий фон развития контактов в межвоенный период. Первая мировая война ознаменовалась не только глубокими политическими потрясениями и перекройкой границ, но резким изменением интеллектуального ландшафта. Распад Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской империй предопределил создание национальных научных школ, которые оказались включенными в процессы образования новых государств и конструирования их идентичностей. В межвоенный период археология оказалась вплетена в общественно-политический контекст¹⁶⁸⁶. И русских ученых-эмигрантов, и их венгерских коллег в некотором смысле роднило печальное чувство потери Родины и крушения прежнего мира. По условиям Трианонского договора 1920 г. Венгрия лишилась 2/3 своей территории и 60% населения. Почти все венгерские общества любителей древностей и археологии, существовавшие на отторгнутых территориях, оказались закрыты. Венгерское общество переживало глубокую травму. В прошлом начинают искать лекарство от безрадостного настоящего. Феттих в статье о зверином стиле сделал ремарку, что хотя евразийские кочевники растворились в глубинах истории, венгры уже тысячу лет про-

¹⁶⁸⁴ Кондаков Н.П. Рец.: Гампель. «Древности Венгрии». 1905. С. 447.

¹⁶⁸⁵ Письмо Н.П. Толля к А. Алфёлди, 19 марта 1935 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-12.

¹⁶⁸⁶ Детлова Е.В., Ковалев М.В., Кузьминых С.В., Наглер А.О. Распад империй и судьбы европейской археологии: размышления о конференции в Госларе // Российская археология. 2020. № 1. С. 189.

живают в Европе, тем самым доказав свою жизнеспособность. Он писал о нынешних «смутных временах», которые, несомненно, пройдут. Но эти же времена должны дать венграм возможность задуматься о своем прошлом и увидеть в нем надежду на возрождение¹⁶⁸⁷.

Формирование русского научного центра в межвоенной Праге – это тоже прямое следствие переломных исторических событий – Перовой мировой войны, революции 1917 г., Гражданской войны и русского исхода. Переживаемые потрясения изменили профессиональный и социальный статус ученых, разрушив привычный жизненный уклад. Что касается ученых-археологов, то отрыв от Родины означал для них отрыв от раскопок и археологических коллекций, то есть он практически лишал возможности полноценной научной работы. Конечно, нет никакого смысла утверждать, что русские эмигрантские ученые и их венгерские коллеги сблизились на фоне схожих исторических травм, и что объединяла их боль за Родину или тоска по славному прошлому. Однако их жизненный мир несомненно нес на себе печать пережитых потрясений. Не случайно венгерский журнал «Литература» в 1931 г. поведал читателям, что большевики сделали академика Кондакова, «отца русской археологии», лицом без гражданства, и что чужая страна – Чехословакия – подарила ему и его последователям возможность продолжения научной работы¹⁶⁸⁸. Таким образом, напряженная атмосфера межвоенного времени несомненно повлияла и на условия работы русских эмигрантских ученых и их венгерских коллег, и на систему их личных и деловых коммуникаций.

Оценить плодотворность сотрудничества между кондаковцами и их венгерскими коллегами в современной системе координат не так-то просто. Конечно, возникает соблазн упрекнуть их за нереализованные возможности взаимодействия. Например, остается непонятным, почему никто из

¹⁶⁸⁷ *Fettich N.* Die Tierkampfscene in der Nomadenkunst // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1926. С. 81.

¹⁶⁸⁸ A történelem világa: Rhé, Gyula, und Fettich, Nándor: Jutás und Öskü // *Literatura – Beszámoló a Szellemi Életről.* 1931. VI. évf. 1. szám. 64. old.

кондаковцев не пытался опубликовать свои работы в Венгрии, тем более что тематика ряда исследований вполне вписывалась в местный историографический контекст. Не будем забывать, что при посредничестве того же Феттиха в 1928 г. был опубликован перевод на венгерский язык статьи П.С. Рыкова о раскопках на Узе и Суре¹⁶⁸⁹, а в 1935 г. – параллельный немецкий и венгерский перевод книги А.А. Захарова и В.В. Арендта о Леведии¹⁶⁹⁰. При этом сами венгерские ученые довольно активно публиковались в кондаковских изданиях, причем, как в случае с Моравчиком, даже на русском языке. Однако стоит посмотреть на опыт взаимодействия под иным углом. Если мы примем во внимание один лишь масштаб книгообмена, то взаимная полезность контактов уже не вызывает никаких сомнений. В 1920–1930-е гг. по политическим причинам не существовало официального книгообмена между Венгрией и СССР, научные контакты между ними были минимальными, в то время как в Праге имелась возможность получать советскую научную литературу. В то же время Феттих оказался в числе тех немногих зарубежных археологов, кто смог, несмотря на многочисленные преграды, посетить СССР (в 1926 и 1935 гг.). Его русские коллеги из Праги такой возможности, конечно, были лишены. Подобные парадоксы были неотъемлемой частью европейской интеллектуальной жизни межвоенного периода. Таким образом, и венгры, и русские эмигранты, и советские ученые оказывались вовлечены в сложную сеть коммуникаций, в которой интеллектуальные посредничества играли весьма заметную роль. Регулярный научный информационный обмен в межвоенную эпоху, отмеченную политической и экономической нестабильностью, нарастанием международных противоречий, имел колоссальное значение. Для кондаковцев оказалось важным, что тот же Феттих сумел помочь им с доступом к венгерским археологическим коллекциям, снабжал их необходимыми фо-

¹⁶⁸⁹ *Rykov P.S. Aknasír a Sinowjewka (Petrovi kerület, Saratow-i kormányzóság) falu melletti dombban // Archaeologiai Értesítő. 1928. 42. kötet. 225–228. old.*

¹⁶⁹⁰ *Zaharov A.A., Arendt V.V. Studia Levedica: Regeszeti adatok a magyarság IX századi fortenehez. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1935.*

тографиями музейных экспонатов, что тот же Моравчик наводил мосты между русской Прагой и венгерскими учеными. Таким образом, российско-венгерский интеллектуальный диалог в зеркале деятельности Археологического института имени Н.П. Кондакова выглядит вполне масштабным и результативным.

§ 4. Заграничные командировки кондаковцев

Исследования кондаковцев сталкивались с серьезными и трудноразрешимыми проблемами, связанными с трудностями организации полевых исследований. В особенности это касалось «русских древностей», ибо в Европе не было необходимых художественных и археологических коллекций, а о проведении исследований в СССР можно было не мечтать. А.П. Калитинский признавался в письме к Ю.Н. Рериху в 1931 г.: «Практическая работа в виде раскопок не только в России, но даже и здесь, за границей для нас закрыта. Гораздо чаще приходится пользоваться материалом воспроизведенным, чем наблюдать его непосредственно»¹⁶⁹¹.

Тем не менее, несмотря на ограниченные материальные средства, Семинарию/Институту удавалось организовывать научные командировки своих членов в зарубежные страны. Так уже в первые годы работы несколько русских ученых смогли провести свои исследования в музеях и библиотеках за пределами Чехословакии. Летом 1926 г. Г.В. Вернадский посетил Грецию. Он побывал в Афинах, где занимался в Национальной библиотеке и Библиотеке Народного собрания¹⁶⁹². Главной задачей была работа со словарями греческого языка и исследованиями по его истории. Г.В. Вернадский в ту пору участвовал в переводе на русский язык трактата Константина Багрянородного (913–959) «О церемониях византийского

¹⁶⁹¹ Цит. по: *Беляев С.А.* Из истории становления Семинария. С. 23.

¹⁶⁹² Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) за второй год его существования // *Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению*, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 340.

двора» (*De cerimoniis aulae Byzantinae*) – важнейшего источника по истории византийского церемониала, придворных ритуалов, но одновременно по истории культуры и повседневных реалий. Известно, что эту работу Г.В. Вернадский начал вместе с Н.П. Кондаковым в январе 1923 г. Они регулярно встречались для перевода и комментирования текста. После смерти академика, Г.В. Вернадский, привлек к проекту Н.М. Беляева и Н.П. Толля, а затем к ним присоединился Г.А. Острогорский. В планы входила публикация трактата вместе с фототипическим изданием рукописи¹⁶⁹³. После пребывания в Афинах и работах в библиотеках, Г.В. Вернадский «на осликах и пешком путешествовал по Пелопоннесу»¹⁶⁹⁴, осмотрев там памятники византийского средневековья (Монемвасия, Гераки, Мистра).

Важное значение для кондаковцев имели поездки в Венгрию. Во-первых, туда можно было сравнительно легко добраться по железной дороге. Во-вторых, с венгерскими учеными удалось наладить тесные деловые контакты (см. об этом подробнее § 3 настоящей главы). В-третьих, в Вен-

¹⁶⁹³ *Басаргина Е.Ю.* Археологический институт имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*). По материалам архивов Праги // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. *И.П. Медведева*. СПб., С. 774–775; *Havlíková L.* Op. cit. S. 444. Из-за нехватки средств публикационные планы все время откладывались. Ситуацию осложнило полученное Г.В. Вернадским от Ф.И. Успенского известие: А.А. Васильев еще до отъезда в заграничную командировку по поручению Византийской комиссии начал работу по переводу трактата Константина Багрянородного. Потребовалось время для связи с А.А. Васильевым, который уже жил в США. Тот в марте 1929 г. ответил, что перевод был сделан им лишь в черновом варианте, и что рукопись осталась в его петроградской квартире ((*Басаргина Е.Ю.* Археологический институт имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*). С. 775–776). В то же время интерес к Лейпцигской рукописи проявил В.Н. Бенешевич, который ознакомился с ней во время командировки в Германию в 1927 г. и заказал полную фотокопию памятника. Увы, из этой попытки тоже ничего не вышло (*Курьшева М.А.* Рукопись *Lipsiensis Bibl. Urb. Rep. I 17* трактата «*De cerimoniis aulae Byzantinae*»: палеография, датировка и исторический контекст // *Средние века*. 2015. Т. 76. № 1–2. С. 42–43). В 1930 г. о желании помочь с публикацией трактата заявил А. Грегуар, который как раз занимался изданием византийских исторических сочинений. В июле 1932 г. все материалы были отправлены А. Грегуру. Но возможность для публикации так и не появлялась (*Басаргина Е.Ю.* Археологический институт имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*). С. 777).

¹⁶⁹⁴ *Савицкий П.Н.* Справка об Институте // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2004. С. 213.

грии имелись важные для кондаковцев археологические коллекции. В декабре 1926 г. – январе 1927 г. в Будапешт приезжали Н.П. Толль и Н.М. Беляев¹⁶⁹⁵. Целью их поездки было знакомство с богатыми археологическими коллекциями Национального музея, в том числе с материалами, привезенными из России в конце XIX в. в ходе экспедиций графа Енё Зичи (Zichy Jenő; 1837–1906). Несмотря на немногочисленность артефактов, большая часть которых происходила из Сибири, коллекция представляла явный научный интерес. Потому еще в начале XX в. она попала в поле зрения археолога Белы Пошты (Pósta Béla; 1862–1919)¹⁶⁹⁶. Однако ее комплексного исследования так и не было проведено. Для эмигрантов, оторванных от родных мест, знакомство с происходящими из России древностями теперь оказалось возможным в Будапеште. В январе 1929 г. Н.П. Толль снова посетил венгерскую столицу для занятий в Национальном музее¹⁶⁹⁷. Для Н.П. Толля знакомство с венгерскими музейными коллекциями сыграло важную роль в подготовке статьи о минусинских бронзовых кинжалах из собрания графа Зичи, тип которых ранее изучался немецким археологом Геро фон Мергартом (Gero Kurt Karl Maria Merhart von Bernegg; 1886–1959)¹⁶⁹⁸. В августе 1931 г. Н.П. Толль повторно посетил Венгрию¹⁶⁹⁹. Помимо работы с коллекциями Национального музея в Будапеште, он познакомился с археологическими собраниями музеев в Сегеде и Веспреме. В своем письме к Э. Миннзу Н.П. Толль рассказывал, что «ар-

¹⁶⁹⁵ Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за второй год его существования. С. 341. Одновременно в этой поездке они посетили Вену, где познакомились с коллекциями Музея истории искусств и рукописями Национальной библиотеки.

¹⁶⁹⁶ *Pósta B.* Archäologische Studien auf russischem Boden. Dritte asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy. Budapest, 1905. Bd. III–IV.

¹⁶⁹⁷ Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за четвертый год его существования (по 17 февраля 1929 г.) // *Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению*, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 330.

¹⁶⁹⁸ *Toll N.P.* Bronzedolche der Sammlung Zichy // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1929. Vol. IV. P. 183–188.

¹⁶⁹⁹ О подготовке этой поездки Н. Феттих сообщал Э. Миннзу: Письмо Н. Феттиха к Э. Миннзу, 23 июля 1931 г. // *Kansalliskirjasto (Suomi), Käsikirjoituskokoelma*. Coll. 230: *Aarne Michaël Tallgren*. № 3.

хеологический материал Венгрии растет с катастрофической быстротой, его не только не успевают опубликовать, но даже раскладывать по коробкам, а в [Национальном] Музее давно уже нет места»¹⁷⁰⁰.

Н.М. Беляев в 1928 г. совершил длительную командировку в Югославию (с 4 августа по 20 октября). Он изучил группу важнейших сербских средневековых памятников: монастыри Манасия, Раваница, Каленич, Любостиня, Жича, Студеница, Джурджеви-Ступови, Высокие Дечаны, Сопочаны, Милешева, Святых Архангелов, Пресвятой Богородицы Матейче, Святого Пантелеимона в Нерези, Святого Никиты в Чучере, Святого Наума на Охридском озере, Марков монастырь, Церковь Святых апостолов Петра и Павла (Петрову церковь) в Новом Пазаре, Церковь Святого Георгия в Старом Нагоричине и др. Кроме того, он изучал византийско-славянские рукописи в Национальной библиотеке в Белграде, работал с позднеантичными коллекциями Национального музея¹⁷⁰¹.

Разумеется, важнейшее значение имели научные командировки для работы в библиотеках и музеях крупнейших европейских научных центров. Весной 1927 г. А.П. Калитинский приезжал в Париже для работы с коллекциями Лувра и Музея национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Ле¹⁷⁰². Летом 1927 г. Г.А. Острогорский также приезжал во французскую столицу, чтобы познакомиться с рукописями сочинений патриарха Никифора (Πατριάρχης Νικηφόρος; ок. 758–828) в Национальной библиотеке. Тем же летом Н.П. Толль ездил в Берлин и Лейпциг для изучения коллекций коптских тканей¹⁷⁰³. Эти же исследования он продолжал с апреля по

¹⁷⁰⁰ Письмо Н.П. Толля к Э. Миннзу, 20 марта 1931 г. // Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Novell Minns: Correspondence. Add. 7722. Box 2. Fold. T.

¹⁷⁰¹ Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за четвертый год его существования. С. 330.

¹⁷⁰² Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за второй год его существования. С. 340–341.

¹⁷⁰³ Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за третий год его существования (по 17 февраля 1928 г.) // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1928. Т. II. С. 379.

июнь 1928 г. во время поездок в музеи Кёльна, Берлина, Парижа и Брюсселя¹⁷⁰⁴.

Важное значение имела презентация исследований членов Семинария/Института на международных научных мероприятиях, в особенности на Международных конгрессах византийских исследований. Первый конгресс состоялся в 1924 г. в Бухаресте, то есть до создания пражского Семинария, но еще при жизни Н.П. Кондакова, который стал его главным гостем.

А.П. Калитинский, Г.В. Вернадский, М.А. Андреева, Г.А. Острогорский, Н.М. Беляев, Н.П. Толль принимали участие во II Международном конгрессе византийских исследований в Белграде с 11 по 16 апреля 1927 г.¹⁷⁰⁵ А.П. Калитинского избрали в члены Международного Президиума Конгресса как представителя российской науки. Известно, что Г.В. Вернадский сделал доклад «Характер взаимоотношений Византии и Русских княжеств в XII и начале XIII вв.», А.П. Калитинский – «Византийские фибулы, найденные в России», Н.П. Толль – «Отношения между Византией и Востоком», Г.А. Острогорский – «Псевдоепифанические сочинения против иконопочитания как связующее звено между иконоборческими синодами 754 и 815 гг.», Н.М. Беляев – «Заметки о византийском серебре, найденном в России» и «Миниатюры греческих рукописей XIII в.»¹⁷⁰⁶ Помимо русских пражан в конгрессе приняли участие и

¹⁷⁰⁴ Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) за четвертый год его существования. С. 330.

¹⁷⁰⁵ Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) за третий год его существования. С. 378.

¹⁷⁰⁶ Доклад Н.М. Беляева о миниатюрах был основан на изучении Греческого Четвероевангелия 1232 г., происходящего из Меникейского монастыря Святого Иоанна Протропа у города Серры. В годы Первой мировой войны книга оказалась в Софии, будучи, вероятно, вывезена из Македонии болгарскими войсками. Затем она попала в Чехословакию, осев в личной коллекции директора Археологического института Карела Бухтелы (*Karel Buchtela*; 1864–1946). Это дало возможность Н.М. Беляеву изучать в Праге уникальную старинную рукопись (ныне она хранится в Национальной библиотеке Чешской Республики). Результаты своих исследований русский ученый представил в указанном докладе, а также отразил в статье, опубликованной в юбилейном сборнике в честь чешского профессора-историка Ярослава Бидло: *Beljaev N.V. Miniatury řeckého*

эмигрантские исследователи из других стран и городов – А.Н. Грабар из Страсбурга, М.Н. Ясинский из Любляны и др.

Греческая исследовательница Тоня Кюсопулу обратила внимание, что после Первой мировой войны балканские научные сообщества взялись за консолидацию своей национальной истории, обращаясь к византийскому наследию¹⁷⁰⁷. Ей вторит сербский историк Александр Игњатович, пришедший к выводу, что поиски учеными Рах Вальсаница оказались неотделимы от геополитической программы сохранения статус-кво в постверсальской Восточной и Центральной Европе»¹⁷⁰⁸. На открытии все того же бухарестского конгресса румынский министр народного просвещения профессор Константин Ангелеску (Constantin Angelescu; 1870–1948) говорил, что именно Византия распространила цивилизацию по Балканам и необъятным равнинам России¹⁷⁰⁹. Одновременно с выстраиванием национальных исторических дискурсов именно в византийском наследии пытались разглядеть некое «идеальное прошлое». Оно должно было объединять и примирять балканские народы. Потому сербский историк Драгутин Анастасиевич делал акцент на том, что именно в византиноведении царит дух солидарности и международного сотрудничества¹⁷¹⁰. Однако возникал вопрос: какое место

evangelia z roku 1232 // *Z dějin východní Evropy a Slovanstva: sborník věnovaný Jaroslavu Bidlovi k šedesátým narozeninám*. Praha, 1928. S. 100–106). Статья эта, с точки зрения современных исследователей, не потеряла своего значения и в наши дни (*Стародубцев Т. Питања уметничких утицаја хришћанског Истока у Србији крајем XII и током XIII столећа и путева њиховог преношења* // *Зограф: часопис за средњовековну уметност*. 2016. Т. 40. С. 64, 66).

¹⁷⁰⁷ *Kioussopoulou T. La délégation grecque au IIe Congrès international des études byzantines (Belgrade, 1927) // Héritages de Byzance en Europe du Sud-Est à l'époque moderne et contemporaine / Éd. par O. Delouis et al. Athènes, 2013. P. 403–411.*

¹⁷⁰⁸ *Ignjatović A. Affecting Consonance, Striving for Dominance: Scholarship and Politics at the Congresses of Byzantine Studies in the Balkans, 1924–1934 // Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2018. Vol. 21. № 6. P. 696–715.

¹⁷⁰⁹ *Compte rendu du premier Congrès international des études byzantines, Bucarest 1924 / Éd. par C. Marinescu. Bucarest, 1925. P. 11.*

¹⁷¹⁰ *Anastasijević D. Deuxième Congrès International des Byzantinistes // Byzantion*. 1926. Vol. 3. № 2. P. 550. Об идейных сложностях в организации первых конгрессов, сфокусированных вокруг соотношения научного национализма и интернационализма см.: *Maufroy S. Les premiers congrès internationaux des études byzantines: entre nationalisme*

в этих интеллектуальных коммуникациях следует отвести российской науке? Ее выдающийся вклад в изучение византийского прошлого не вызвал сомнений. Хотя многие видные российские ученые не приняли власть большевиков и предпочли эмигрировать, в Советской России в 1920-е гг. византиноведение продолжало развиваться, невзирая на весьма неблагоприятные для этого условия. Новые власти относились к этой области знаний с нескрываемым недоверием. На конгресс в Бухаресте в 1924 г. было решено не приглашать советскую делегацию¹⁷¹¹. При подготовке конгресса в Белграде в 1927 г. приглашения были отправлены не научным институциям, а конкретным ученым. В программе были заявлены Ф.И. Успенский, Н.И. Брунов и М.В. Алпатов, встречи с которыми, судя по имеющимся сведениям, очень ждали иностранные коллеги¹⁷¹². В итоге же никто из советских ученых не приехал, ограничившись присылкой телеграфных приветствий¹⁷¹³. Русский эмигрант, историк права Федор Васильевич Тарановский (1875–1936), представлявший теперь Белградский университет произнес речь о «неслыханной катастрофе», разделившей российское ученое сообщество: «От имени наших братьев по ту сторону границы, которые хотя и были сердечно приглашены, но не смогли приехать, и от имени русских эмигрантов я приветствую Конгресс»¹⁷¹⁴. Эти слова были

scientifique et construction internationale d'une discipline // *Revue germanique internationale*. 2010. Vol. 12. P. 229–240.

¹⁷¹¹ Правда в этом шаге прослеживается не столько интеллектуальный протест большевикам за их политику в отношении науки и ученых, но в силу советско-румынской напряженности вокруг статуса Бессарабии. См.: *Fodac F. Le premier Congrès international d'études byzantines (Bucarest, 14–20 avril 1924): Prémisses et contexte historique d'organisation // Études byzantines et post-byzantines*. Bucarest, 2006. T. V. P. 513–514.

¹⁷¹² *Salaville S. Le IIe Congrès international d'études byzantines à Belgrade (11–16 avril 1927) // Revue des études byzantines*. 1928. T. 27. № 149. P. 80.

¹⁷¹³ *Anastasijević D. Deuxième Congrès International des Byzantinistes // Byzantion*. 1926. Vol. 3. № 2. P. 550. В историографии бытует мнение (*Juhász E. A budapesti nemzetközi bizantinológiai kongresszus története // Antik Tanulmányok*. 2024. 68. Kötet. 1. Szám. 24. old.), которые, скорее всего, можно признать верным: советских ученых не пустили в Белград в силу непризнания СССР со стороны Королевства сербов, хорватов, словенцев и отсутствия дипломатических отношений. Таковые будут установлены лишь в июне 1940 г.

¹⁷¹⁴ *Salaville S. Le IIe Congrès international d'études byzantines à Belgrade (11–16 avril 1927) // Revue des études byzantines*. 1928. T. 27. № 149. P. 81.

встречены бурными аплодисментами. В этих условиях именно русские ученые-эмигранты выступали на международной арене как хранители и продолжатели традиций российской науки.

Возможность посетить Белград была использована кондаковцами не только для презентации текущих исследований, но и для ознакомления с балканскими памятниками. Так М.А. Андреева после окончания заседаний совершила поездку в Южную Сербию, Македонию и Далмацию. Н.М. Беляев осматривал средневековые церкви Сербии, затем поехал на Адриатическое побережье, чтобы познакомиться с коллекциями одного из старейших музеев региона – Археологическим музеем Сплита. Из королевства сербов, хорватов и словенцев Н.М. Беляев поехал в Салоники для изучения местных церковных мозаик. Из Греции он направился в Болгарию, где работал с литературой в Национальной библиотеке и занимался с коллекциями Национального музея. Также он получил возможность познакомиться с уникальными фресками Боянской церкви и Земенского монастыря Святого Иоанна Богослова¹⁷¹⁵.

III Международный конгресс византийских исследований проходил 12–18 октября 1930 г. в Афинах. Из числа русских пражан участие в нем принимали М.А. Андреева, Н.М. Беляев, И.О. Панас и Н.Л. Окунев. Причем последний представлял чехословацкую организацию – Славянский институт (наряду с Йозефом Вейсом и Франтишеком Дворником)¹⁷¹⁶. Именно Н.Л. Окуневу было поручено выступить на открытии конгресса от лица всех ученых-эмигрантов¹⁷¹⁷. А таковых, помимо русских пражан, приехало немало. Из Франции прибыл А.Н. Грабар (доклад «Греко-восточная иллю-

¹⁷¹⁵ Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) за третий год его существования. С. 378–379.

¹⁷¹⁶ Účast Slovanského ústavu při III. Mezinárodním sjezdu byzantologů v Athénách // *Ročenka Slovanského ústavu. Sv. III za rok 1930. Praha: Nákladem Slovanského ústavu, 1931. S. 102.* В первоначальном списке участников значился также В.А. Францев, но он не смог поехать в Грецию по состоянию здоровья.

¹⁷¹⁷ *Острогорский Г.А.* Третий Международный съезд византологов в Афинах // *Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1931. Т. IV. С. 274*

страция IX–X веков»), из Югославии В.А. Мошин («Кембриджский Аноним X в. об отношениях хазар с Русью и Византией») и А.В. Соловьев («О двух сербских компиляциях в византийском праве»), из США – Г.В. Вернадский из США¹⁷¹⁸. Причем все они тесно сотрудничали с кондаковцами и их изданиями. Приехали и иностранные партнеры пражского Семинария – болгары К. Миятев, Б. Филов и П. Ников, сербы Д. Анастасиевич и А. Радойчич, румыны Н. Банеску и Н. Йорга, немец О. Вульф, французы В. Лоран и Ш. Диль. Для участников съезда была устроена экскурсия в монастырь Дафни с его мозаиками, созданными при первых Комнинах, а затем морское путешествие на Пелопоннес для посещения византийской крепости Монемвасия и «возвышающейся над Спартанской долиной Мистры с ее бесчисленными, изукрашенными византийскими фресками церквами и замком Вильгельма Виллардуэна на вершине горы»¹⁷¹⁹.

Поездка на съезд в Грецию давала возможность не только представить результаты своих исследований ведущим византинистам, завести новые знакомства, обсудить актуальные научные проблемы, но также поработать в зарубежных библиотеках и музеях, осмотреть старинные памятники.

Так М.А. Андреева приехала в Грецию за неделю до начала съезда¹⁷²⁰. «Афинами я очарована, в особенности античными памятниками», – писала она в Прагу Я. Бидло¹⁷²¹. Ранний приезд дал ей возможность поработать в Национальной библиотеке с греческими рукописями астрологического содержания, а также с новейшим изданием подобных рукописей, сделанном бельгийским филологом-классиком Арманом Делаттом (Armand Delatte; 1886–1964) в 1927 г.

¹⁷¹⁸ *Острогорский Г.А.* Третий Международный съезд византологов в Афинах. С. 275.

¹⁷¹⁹ Там же.

¹⁷²⁰ Отчет об израсходовании стипендии, полученных от Славянского института в Праге для поездки в Грецию с целью посещения III-го международного конгресса по византиноведению, приват-доцента М.А. Андреевой. S. 108–109.

¹⁷²¹ Письмо М.А. Андреевой к Я. Бидло, 17 октября 1930 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond 258: Jaroslav Bidlo. Kart. 3. Inv. č. 37.

Осеннюю поездку в Афины Н.М. Беляев использовал и для исследований в нескольких болгарских городах, а также в греческих Салониках, которые посетил по пути на съезд. В Великом Тырново он изучал росписи церкви Сорока Мучеников, служившей монаршей усыпальницей во времена Второго Болгарского царства, и церкви Святых Петра и Павла. Затем он направился в Бачковский монастырь близ Пловдива, где осматривал росписи церковного склепа, сооруженного в XII в., а также икону Пресвятой Богоматери в главном храме монастыря. Из Болгарии он направился в Салоники, где осматривал монастырь Влатадон XIV в., а также раннехристианские памятники – базилику Святого Димитрия, церковь Святой Софии, Базилику Ахиропиитос, церковь Святого Давида¹⁷²². Н.М. Беляев также посетил афонские обители: Ватопед, Ставроникита, Иверон, Андреевский скит и монастырь Святого Пантелеймона. Русский ученый получил возможность ознакомиться с собраниями монастырских рукописей, с иконами и фресками¹⁷²³.

Уже в Афинах в перерывах между заседаниями съезда Н.М. Беляев осматривал византийские памятники Афин, например Церковь Малой Митрополии (Панагия Горгоэпикос) и Церковь Богородицы Капникареи, занимался с коллекциями Византийского музея и изучал миниатюры греческих рукописей в Национальной библиотеке.

На IV Международном конгрессе в Софии 9–15 сентября 1934 г. русская эмигрантская наука обрела многочисленных представителей, причем почти все они прямо или косвенно были связаны с русской Прагой (Д.А. Расовский, Н.Л. Окунев, В.А. Мошин, А.В. Соловьев, Г.А. Острогорский, А.А. Васильев и др.). На торжественном открытии Конгресса А.А. Васильеву разрешили выступить не от лица национальной

¹⁷²² Zpráva Dra Nikolaje Běljaeva o cestě na III. Mezinárodní kongres byzantologů v Athénách // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. III za rok 1930. Praha, 1931. S. 110.

¹⁷²³ Ibid. S. 111.

делегации, но представлять русских ученых, оказавшихся за рубежом¹⁷²⁴. Более того, доклад А.А. Васильева был посвящен трем главным действующим лицам российского византиноведения – В.Г. Васильевскому, Ф.И. Успенскому и Н.П. Кондакову. Эту тему словно продолжал приехавший из Югославии А.К. Елачич, который рассказал об изучении византийской истории в Санкт-Петербургском университете накануне Первой мировой войны¹⁷²⁵. Одним из официальных языков конгресса был объявлен русский. По этому поводу французский византинист Витальен Лоран (Vitalien Laurent; 1896–1973) писал: «Сделано это было из понятного уважения к группе ученых, работа которых в области наших исследований является плодом горестного изгнания. Кроме того, разве не уместно было в славянской столице время от времени слышать с трибуны язык Кондакова и Успенского?»¹⁷²⁶ На конгресс были приглашены и советские ученые. В.Н. Бенешевич надеялся посетить Софию, чтобы возбудить перед конгрессом вопрос об издании «Corpus scriptorum juris graeco-romani tam ecclesiastici quam civilis»¹⁷²⁷. Приезда именитого ученого, без сомнения, горячо ждали, но визит не состоялся. В.Н. Бенешевичу не разрешили выехать из СССР¹⁷²⁸.

¹⁷²⁴ Laurent V. Le IVe Congrès des études byzantines (Sofia, 9–16 septembre 1934) // *Revue des études byzantines*. 1934. Т. 33. № 176. Р. 430.

¹⁷²⁵ Ibid. Р. 438.

¹⁷²⁶ Ibid. Р. 435. О статусе русского языка как языка мировой науки писал В.Н. Бенешевичу болгарский историк и председатель конгресса В. Златарски: «Вообще на Софийском съезде русский язык вошел наравне с другими европейскими языками. Исходя из принципа, что плохой тот византолог, который не знает русского языка, так как разработка византологии обязана прежде всего и более всего, русским ученым...» (Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи. С. 19–20).

¹⁷²⁷ Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи. С. 17–19.

¹⁷²⁸ О несостоявшемся участии В.Н. Бенешевича в конгрессе см. подробнее: *Герд Л.А., Николов А.* «Надо работать для будущего»: переписка В.Н. Бенешевича с организаторами IV Международного конгресса византийских исследований в Софии // *Византийские очерки: труды российских ученых к XXII Международному конгрессу византинистов* / Отв. ред. М.В. Бибиков, С.П. Карпов. СПб., 2011. С. 67–99; *Николов А.* Обреченият опит на проф. В.Н. Бенешевич да вземе участие в IV Международен конгрес по византийски изследвания (София, 1934 г.) // *Провалите в историята: XVII Кюстендилски четения 2010 г.* / Съст. Х. Беров. София, 2012. С. 229–235.

Разумеется, презентация исследований кондаковцев на международной арене не ограничивалась конгрессами византийских исследований. Правда выявить все конференции, в которых они принимали участие в 1920 – 1930-е гг., является трудноразрешимой задачей. Интересный эпизод связан с приглашением Н.П. Толля на II Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, который проходил в Лондоне с 5 по 10 января 1931 г. Это научное мероприятие примечательно тем, что участие в нем приняли ведущие специалисты из разных стран, в том числе сотрудничавшие с русской Прагой (Э. Миннз, Й. Стржиговский, Д. Тэлбот-Райс). Приехали в британскую столицу русские ученые-эмигранты (М.И. Ростовцев, В.Ф. Минорский) и их коллеги из СССР – Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961) и Федор Васильевич Кипарисов (1886–1936). Что же касается Н.П. Толля, то он, по пока непроясненной причине, прибыл в Лондон уже после завершения конгресса¹⁷²⁹.

Что же касается «русских древностей», то ситуация с ними была самой сложной. Приходилось довольствоваться тем немногим, что было за рубежом – небольшими собраниями русского искусства, особенно икон, в европейских музеях, предметами из частных заграничных коллекций или же отдельными предметами, вывезенными эмигрантами из России. Большим событием стала возможность воочию увидеть древнерусские иконы, привезенные из СССР для масштабной выставки 1929 г. в Германии и Великобритании. Ценность ее была не только в представлении различных периодов и различных школ, но и в том, что впервые были выставлены расчищенные иконы, продемонстрирован процесс их реставрации, что значительно расширяло исследовательские возможности. В 1929 г. в ответ на просьбу Семинария, министерство иностранных дел Чехословацкой рес-

¹⁷²⁹ Письма М.И. Ростовцева Г.В. Вернадскому / Публ. Г.М. Бонгард-Левина и И.В. Тункиной // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 523.

публики специально командировало Н.М. Беляева в Германию для подробного ознакомления с выставкой¹⁷³⁰.

Трудности с организацией собственных полевых работ побуждали внимательно и скрупулезно всматриваться в экспедиционные, практические исследования коллег. Так кондаковцы, судя по их изданиям, внимательно следили за работами Т. Уиттмора в стамбульском Соборе Святой Софии¹⁷³¹. Были информированы о работах в Сирии археологов и историков искусства Эсташа де Лорея (Eustache de Lorey; 1875–1953), директора Французского института в Дамаске, и Жоржа Салля (Georges Salles; 1889–1966), которые изучали мозаики в Мечети Омейядов и проводили раскопки на Среднем Евфрате, особенно в древнем городе Балис¹⁷³².

Пожалуй, единственным кондаковцем, кому посчастливилось стать участником масштабных археологических исследований, был Н.П. Толль. Речь идет о раскопках города Дура-Эвропос (Δούρα Εὐρώπῳς) в Сирии – уникального памятника, древнего космополитического центра, вобравшего наследие различных культур – арамейской, эллинистической, парфянской, римской. Он был основан около 300 г. до н.э. Селевком I Никатором на руинах империи Александра Македонского и просуществовал до середины III в. н.э., пока не был разрушен сасанидским царем Шапуром I. Погребенная песками Дура-Эвропос оказалась забытой на столетия. Лишь в 1885 г. в ходе экспедиции американского археолога Джона Хейнса (John Henry

¹⁷³⁰ Беляев Н.М. Выставка русских икон // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 314.

¹⁷³¹ Окунева И.Н. The mosaics of St Sophia at Istanbul. Preliminary report of the first year's work, 1931–1932. The mosaics of the Narthex by Thomas Whittmore. The Byzantine Institute. Oxford University Press, 1933, стр. 24 табл. XXI // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемой Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1935. Т. VII. С. 264–265.

¹⁷³² Ренгартен А. Мозаики VIII века Большой мечети Омейядов в Дамаске и раскопки в области Среднего Евфрата // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 299–304.

Haynes; 1849–1910) было установлено ее местонахождение¹⁷³³, а систематические раскопки начались только после Первой мировой войны. Первоначальные исследования в 1922–1923 гг. были проведены американским археологом Джеймсом Брэстедом (James Henry Breasted; 1865–1935) и его бельгийским коллегой Францем Кюмоном (Franz-Valéry-Marie Cumont; 1868–1947). Затем полевые работы оказались прерваны из-за беспокойной политической ситуации в регионе и возобновились в 1928 г. под патронажем Йельского университета. Во главе раскопок стояли Кларк Хопкинс (Clark Hopkins; 1895–1976) и М.И. Ростовцев¹⁷³⁴.

Именно благодаря М.И. Ростовцеву Н.П. Толль получил возможность присоединиться к археологическим работам в Сирии в декабре 1933 г. Известно, что он основательно готовился к поездке на Ближний Восток и даже изучал арабский язык¹⁷³⁵. В мемуарах К. Хопкинса находим следующий эпизод: «В конце декабря к нашей экспедиции в качестве фотографа присоединился Николай Толль, выдающийся редактор византийского журнала Кондаковского института в Праге. Специалист по греческой скульптуре, он уже был хорошо известен как исследователь греческого искусства, но ему не хватало опыта в археологии. Он добавил научных познаний к нашим исследованиям живописи, рельефов и архитектурных украшений. Ему особенно нравились фотографические задачи, и он стремился внести

¹⁷³³ *Ousterhout R.* John Henry Haynes: A Photographer and Archaeologist in the Ottoman Empire 1881–1900. Istanbul, 2011. P. 41.

¹⁷³⁴ О начале раскопок в Дура-Эвропос и роли М.И. Ростовцева см.: *Мэтесон С.* М.И. Ростовцев и Дура-Европос // Вестник древней истории. 1992. № 4. С. 130–139; *Миллар Ф.* М.И. Ростовцев и его роль в руководстве раскопками в Дура-Европос // Вестник древней истории. 1996. № 3. С. 184–187; *Bongard-Levin G., Litvinenko Yu.* Dura-Europos: from Cumont to Rostovtzeff // *Mediterraneo Antico: economia, società, cultura.* 2004. Vol. VII. № 1. P. 135–159. Из новейших работ можно также выделить статью Саймона Джеймса, ценную интересной фактической информацией, хотя и наполненную «постколониальным» маразмом, переносимом и на изучавших Дуру археологов, и на древних жителей города (*James S.* Strange Meeting at Salihiyeh: Who Discovered (or Encountered, or Identified, or Invented) Dura-Europos, and When? // *Electrum.* 2022. Vol. 29. P. 301–328).

¹⁷³⁵ «Нет утешения в разлуке...»: Переписка Н.П. и Н.В. Толлей и Н.Е. Андреева (1948–1980) / Публ. *Е.Н. Андреевой*; комм. *М.Ю. Сорокиной* // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2018. С. 226.

свой вклад везде, где только мог»¹⁷³⁶. Н.П. Толль был готов браться за любые, даже самые тяжелые, задачи, включая земляные работы. Делалось это не только из желания оказать практическую помощь экспедиции и оправдать свое присутствие, но, главное, из стремления набраться опыта практических раскопок, которым он не обладал. Овладение новыми знаниями и навыками проходило быстро и успешно, и уже через несколько недель работ в экспедиции Н.П. Толль попросил К. Хопкинса разрешить обследовать некрополь за пределами городских стен. Американский профессор воспринял это намерение с энтузиазмом и восхищением, поскольку обширное древнее кладбище оставалось неисследованным. Ф. Кюмон в 1922–1923 гг. успел обследовать лишь несколько захоронений¹⁷³⁷. Потому К. Хопкинс незамедлительно выделил Н.П. Толлю двух землекопов. Первичное обследование некрополя принесло хорошие результаты: было вскрыто несколько захоронений, сделаны многочисленные находки парфянской керамики. Н.П. Толль также смог идентифицировать среди находок фрагменты парфянского лука. Но, главное, Н.П. Толль сумел обнаружить нетронутые и неразграбленные захоронения под древнеримской свалкой. Открытие небольшой гробницы состоялась как раз в день приезда на раскоп М.И. Ростовцева. Н.П. Толль повел его туда и указал в полумраке на хорошо сохранившуюся керамическую посуду, обломки костей, расколотые остатки деревянного гроба: «Темные, наглухо закрытые покои, молчаливые и ожидающие, внезапно пробудились от двухтысячелетнего сна»¹⁷³⁸. Все эти достижения укрепили авторитет Н.П. Толля среди членов экспедиции. К. Хопкинс назвал его «вдумчивым ученым и кропотливым и старательным работником, человеком большой личной силы с энергичным и разумным подходом к практическим проблемам»¹⁷³⁹. Был доволен Н.П. Толлем и М.И. Ростовцев. В письме к Г.В. Вернадскому 22 февраля

¹⁷³⁶ Hopkins C. Op. cit. P. 180–181.

¹⁷³⁷ Ibid. P. 183.

¹⁷³⁸ Ibid. P. 193.

¹⁷³⁹ Ibid. P. 184.

1934 г. он сообщал, что Николай Петрович легко влился в исследовательский коллектив и оказался очень полезным его членом¹⁷⁴⁰.

В последующие годы Н.П. Толль продолжал раскопки некрополя. В феврале 1936 г. М.И. Ростовцев в письме к Ф. Кюмону, рассказывая о результатах новых раскопок в Дура-Эвропос, писал: «Толль нашел пять неграбленных могил, не очень богатых, но интересных: одна монета Орода, глазурованные вазы, серебряные украшения»¹⁷⁴¹. Н.П. Толль, имевший к началу участия в экспедиции лишь теоретические познания в области проведения раскопок, очень быстро добился высокого профессионального уровня, который вызывал уважение опытных специалистов. Так, благодаря его профессионализму, удалось обследовать невероятно плотный участок захоронений близ Великих ворот, на котором погребальные камеры буквально срастались друг с другом. Ему приходилось с фонариком спускаться на глубину до 3 м и при тусклом освещении простукивать молоточком стены гробницы, прислушиваясь к резонансному звуку, означавшему пустое пространство рядом. Затем в каменной стене делался небольшой проем в соседнюю погребальную камеру. К. Хопкинс описывал одну из таких, освещенную фонариком археолога сквозь узкий проем: «Наши жадные глаза следили за лучом, обзорева из нашей темной катакомбы гробницу, которая оставалась молчаливой и нетронутой в течение двух тысяч лет, и которой до сих пор не касалась лопата археолога. Перед центральной колонной стояла единственная ваза, нетронутая с тех пор, как древний скорбящий человек поставил ее на землю перед своим уходом. Луч фонаря, бродя по стенам, исследовал устья погребальных локул с их запыленными останками, тонкий луч света прорезал вечную тьму»¹⁷⁴². Раскрытие

¹⁷⁴⁰ Письма М.И. Ростовцева Г.В. Вернадскому / Публ. Г.М. Бонгард-Левина и И.В. Тункиной // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 526.

¹⁷⁴¹ «Монгол приветствует сирийца»: переписка М.И. Ростовцева и Ф. Кюмона / Публ., вступ. ст. и комм. Г.М. Бонгард-Левина, К. Бонне, Ю.Н. Литвиненко, А. Марконе // Вестник древней истории. 2000. № 3. С. 152–153.

¹⁷⁴² Hopkins C. Op. cit. P. 231–232.

захоронений разных эпох позволило Н.П. Толлю в 1936 г. обнаружить и описать многочисленные образцы древнего текстиля, что соответствовало его давним научным интересам, например к коптским тканям. Хотя в наши дни некоторые выводы русского ученого были скорректированы, его работы сохраняют научную значимость и привлекают внимание современных специалистов¹⁷⁴³.

В 1936 г. Н.П. Толль обследовал некрополь Халабие к северо-западу от города Дейр-эз-Зора, чтобы провести сравнение с некрополями Дура-Эвропос, Бахгуза и Пальмиры и предложить классификацию памятников в Евфратской долине. Халабие исследователи соотносили с древней Зенобией – городом, построенным около 266–270 гг. и названном в честь Септимии Зенобии (240–274), царицы Пальмиры. Н.П. Толлю удалось обследовать несколько башен-гробниц, проанализировать характер захоронений, в частности, выявить остатки древнего текстиля¹⁷⁴⁴.

Нет сомнения, что именно Н.П. Толль пригласил опубликоваться на страницах «*Seminarium Kondakovianum*» американского археолога Фрэнка Брауна (Frank Edward Brown; 1908–1988)¹⁷⁴⁵, с которым вместе работал в Дура-Эвропос. Он представил статью с описанием парфянского композитного лука конца II в. до н.э., найденного в некрополе Багхуз¹⁷⁴⁶. Примечательно, что, анализируя древний артефакт в сравнительно-историческом ключе, американский автор обращался к работам российских и советских археологов (Д.Н. Анучин, Н.П. Кондаков, П.С. Рыков, М.И. Максимова), с

¹⁷⁴³ См., например: *Vorderstrasse T. Roman Textiles and Heritage in Syria // Cultural Heritage Care and Management: Theory and Practice / Ed. by C.L. Salvatore. Lanham, 2018. P. 74, 76–77.*

¹⁷⁴⁴ *Toll N.P. The necropolis of Haebie – Zenobia // Seminarium Kondakovianum: Анналы Института имени Н.П. Кондакова. Прага, 1937. Т. IX. С. 11–21.*

¹⁷⁴⁵ После Второй мировой войны Ф. Браун станет одним из ведущих американских специалистов в области средиземноморской археологии, проводя исследования в Италии, Югославии, Северной Африке. См.: *Scott R.T. Frank Edward Brown, 1908–1988 // American Journal of Archaeology. 1988. Vol. 92. № 4. P. 577–579.*

¹⁷⁴⁶ *Brown F.E. A recently discovered compound bow // Seminarium Kondakovianum: Анналы Института имени Н.П. Кондакова. Прага, 1937. Т. IX. С. 1–9.*

которыми его, вероятнее всего, познакомил либо М.И. Ростовцев, либо Н.П. Толль.

В 1937 г. археологический проект Йельского университета в Дуре-Эвропос будет остановлен из-за нехватки средств. Н.П. Толль примет участие в составлении финальных отчетов о раскопках¹⁷⁴⁷, но это случится уже несколько лет спустя, вдали от Праги. Участие в экспедиции М.И. Ростовцева и К. Хопкинса позволит Н.П. Толлю создать хорошую репутацию в американских научных кругах, что обеспечит ему возможность переезда за океан.

В год, когда прервалась участие Н.П. Толля в археологических исследованиях на Ближнем Востоке, внезапно появилась возможность направить небольшую экспедицию кондаковцев в Прибалтику, что оказалось чрезвычайно важным в контексте занятий «русскими древностями». Едва ли не единственным доступным местом, в котором историки-эмигранты могли соприкоснуться с ними, стал Печорский край, входивший ту пору в состав Эстонии. Там располагался основанный в 1473 г. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь – одна из важнейших православных обителей. По Тартускому мирному договору 2 февраля 1920 г. Печерский край отошел к Эстонии, и это обстоятельство фактически спасло монастырь от неминуемого закрытия советскими властями.

В середине 1930-х гг. проблемами русского религиозного искусства энергично занялся Н.Е. Андреев. На страницах «*Seminarium Kondakovianum*» он опубликовал две новаторские статьи о митрополите Макарии¹⁷⁴⁸

¹⁷⁴⁷ The Excavations at Dura-Europos: Final Report IV. Part IV (The bronze objects. Fascicle I, Pierced bronzes, enameled bronzes and fibulae). New Haven, 1949. 70 p.

¹⁷⁴⁸ Жизнь и деятельность этого выдающегося церковного деятеля были хорошо изучены в научной литературе, однако никто из исследователей не обращал специального внимания на религиозно-эстетические взгляды митрополита. Н.Е. Андреев же попытался сквозь призму его личности осознать отношение к религиозному искусству в Московском государстве, проанализировать взгляды ближайшего окружения Ивана IV на иконопись, выявить иконографические тенденции эпохи и их идейное обоснование. См.: Андреев Н.Е. Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1935. Т. VII. С. 227–244.

и иноке Зиновии Отенском¹⁷⁴⁹, которые получили высокую оценку среди коллег, например у А.Н. Грабара¹⁷⁵⁰. Предварительные исследования молодого ученого продемонстрировали важность переосмысления некоторых устоявшихся представлений. В частности, это касалось описания тех икон, которые Н.П. Кондаков относил к «мистико-дидактическому направлению»¹⁷⁵¹.

Интересовал Н.Е. Андреева и вопрос о западноевропейском влиянии на русское религиозное искусство в XVI–XVII вв. Он предположил, что новые веяния могли формироваться в зонах культурного пограничья и высказал смелую гипотезу, что форпостом западного влияния на русское религиозное искусство был Псков, что именно псковские мастера принесли иконописные новшества в Москву. Но как проверить это предположение? Ведь для историка-эмигранта поездка в Псков, да и вообще в СССР была невозможной. Единственным доступным для Н.Е. Андреева памятником XVI в. был Псково-Печерский монастырь, располагавшийся в межвоенный период на территории Эстонии. Ученый предположил, что именно этот монастырь выступил посредником в межкультурном диалоге России и Запада.

¹⁷⁴⁹ В поле зрения Н.Е. Андреева попало примечательное богословско-полемическое сочинение инока Зиновия Отенского «Истины показание к вопросившим о новом учении», написанное в 1560-х гг. В нем книжник прямо коснулся вопросов иконописания. Сочинение Зиновия Отенского, по мысли Н.Е. Андреева, служило ярким примером рассуждений о значении иконы в культуре Московской Руси. Его доводы наглядно характеризовали позицию защитников традиционной иконописи перед лицом новшеств, идущих с Запада. Но даже этот средневековый интеллектуал был не в силах повлиять на естественный ход развития искусства. Пример Зиновия служил для Н.Е. Андреева доказательством того, что никакие возражения уже не могли остановить нововведений, проникавших в русскую иконопись, «мистико-дидактические темы, отвечая, очевидно, потребности “богословских размышлений в красках”, входили в русскую иконопись уже стихийно» (*Андреев Н.Е.* Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании // *Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению*, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова, Прага. 1936. Т. VIII. С. 277).

¹⁷⁵⁰ *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Т. 2. С. 25; «Только Вы поймете следующий текст...». С. 49.

¹⁷⁵¹ *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Т. 2. С. 25.

Проверка гипотез требовала проведения специальных полевых работ, которые было невозможно организовать на территории СССР, зато было реально организовать на эстонской стороне. Так родилась идея экспедиции в Псково-Печерский монастырь, которая осенью 1936 г. была одобрена правлением Института имени Н.П. Кондакова, а заодно находившимся тогда в чехословацкой столице Г.А. Острогорским¹⁷⁵². Командировка Н.Е. Андреева казалась удачным предприятием еще и потому, что сам он вырос в Эстонии, куда семья эмигрировала из России в 1919 г., окончил Таллиннскую городскую русскую гимназию. Эстонская среда не была для него чуждой, и это давало дополнительные основания для успешных изысканий. В своих мемуарах Н.Е. Андреев рассказывал, что успех начинания был обеспечен неожиданным получением финансовой поддержки¹⁷⁵³. По пути из СССР Прагу посетил знаменитый американский летчик Чарльз Линдберг (Charles Augustus Lindbergh Jr.; 1902–1974). На приеме в посольстве США с ним познакомилась княгиня Н.Г. Яшвиль, которая рассказала о Кондаковском институте и пригласила нанести туда визит. Ч. Линдберг приглашение принял. Увиденное произвело благоприятное впечатление на американского гостя: он купил некоторые издания и, главное, решил пожертвовать 200 долларов (весьма значительная для того времени сумма) на поддержку поездок молодых русских ученых за границу¹⁷⁵⁴. Из полученной суммы 50 долларов было выделено на командировку Н.Е. Андреева в Эстонию. Однако, думается, в описанную ученым историю вкралась ошибка. Ч. Линдберг действительно побывал в Праге по пути из СССР, где

¹⁷⁵² Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. 2. С. 28; «Только Вы поймете следующий текст...». С. 30

¹⁷⁵³ Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. 2. С. 29.

¹⁷⁵⁴ Здесь нужно отметить, что Ч. Линдберг имел знакомства среди русских эмигрантов, например общался со знаменитым авиаконструктором И.И. Сикорским и послом Временного правительства США Б.А. Бахметевым. В то же время посещение СССР произвело на него тяжелое впечатление. В беседе с княгиней Н.Г. Яшвиль Ч. Линдберг говорил, что страшно подавлен всем виденным там, очень огорчен и разочарован (Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. 2. С. 29).

провел две недели. Но произошло это в начале сентября 1938 г.¹⁷⁵⁵ Если принять во внимание этот факт, то американский летчик никак не мог выступить спонсором полевых работ в Эстонии в 1937 г.

Но, как бы то ни было, и каким бы ни был источник финансирования, факт остается фактом – летом 1937 г. Н.Е. Андреев направился в Печорский край¹⁷⁵⁶. Вместе с ним поехала молодая исследовательница русской иконописи Ирина Николаевна Окунева и фотограф-чех Франтишек Дедич. Тем летом Эстония привлекла сразу нескольких иностранных исследователей, причем, русского происхождения. Параллельно с Н.Е. Андреевым там работала доцент Базельского университета Елизавета Эдуардовна Малер (1882–1970)¹⁷⁵⁷, занимавшаяся изучением русских народных песен, и Леонид Федорович Зуров (1902–1971), представлявший парижский Этнографический музей Трокадеро. Фигура последнего особенно примечательна в контексте связей с русской Прагой. Бывший белогвардеец, участник похода Н.Н. Юденича на Петроград, дважды раненный и перенесший сыпной тиф, в общем – чудом уцелевший, в августе 1922 г. оказался в Чехословакии, где в октябре поступил на учебу в Чешское высшее техническое училище на архитектурное отделение¹⁷⁵⁸. Параллельно он слушал лекции в

¹⁷⁵⁵ *Scott Berg A. Lindbergh. N.Y., 1998. P. 374.*

¹⁷⁵⁶ Следует заметить, что Н.Е. Андреев был далеко не первым представителем российской научной диаспоры в Чехословакии, приезжавшим в межвоенную Эстонию. В 1928 г. там побывал С.В. Завадский, в 1929 г. – А.А. Кизеветтер, в 1934 г. – М.М. Новиков (*Исаков С.Г. Связи русской общины в Эстонии с пражским центром российской эмиграции в 1920–1930-е гг. // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Сборник докладов. Т. 2. Прага, 1995. С. 858*).

¹⁷⁵⁷ Выпускница Высших женских (Бестужевских) курсов Э.Ф. Малер до революции специализировалась на классической филологии. В 1920 г. выехал в командировку в Швейцарию, откуда не вернулась. Поступила на работу в Базельский университет, где прошла путь от лектора до профессора, причем стала первой женщиной-профессором в этом учебном заведении. Э.Ф. Малер была одной из основательниц славистических исследований в Швейцарии. См.: *Калмыков А.Г., Риггенбах Г. Эльза Малер – основательница Семинара славистов в Базеле // Швейцарцы в Петербурге: Сб. ст. / Сост. Е. Тарханова и др. СПб., 2002. С. 580–589.*

¹⁷⁵⁸ Удостоверение, 21 мая 1920 г. // *The Leeds Russian Archive, University of Leeds. Zurov, Leonid Fedorovich (1902–1971) Sub-collection. Ms 1068/1601; Удостоверение,*

Карлов университете и, по некоторым сведениям, посещал собрания Семинария имени Н.П. Кондакова. Л.Ф. Зуров начал печатать свои художественные произведения, обратив на себя внимание эмигрантской читающей публики и снискав благожелательные отклики критиков. В 1929 г. по приглашению благоволившего ему И.А. Бунина он переехал во Францию. Л.Ф. Зуров жил то в Грассе на бунинском доме, исполняя обязанности его литературного секретаря, то в Париже, сотрудничая с эмигрантской прессой, а также с Этнографическим музеем Трокадеро. Директор последнего – доктор Поль Риве (Paul Rivet; 1876–1958) – с момента прихода на руководящую должность в 1928 г. задумал большое обновление экспозиции и, главное, самой научной программы музея. Он задумал создать новый музей, который должен стать важнейшим центром новой синтетической этнологии¹⁷⁵⁹. Предполагалось, в том числе, расширить горизонт исследований. Если раньше музей был ориентирован на колониальную этнологию, то П. Риве и его соратникам представлялось важным охватить в буквальном смысле все континенты. Отсюда и интерес к Балтийскому региону как к зоне культурного пограничья, изучение которой в полной мере вписывалось в развиваемую П. Риве теорию диффузионизма. Благо среди сотрудников парижского музея нашлись те, кому можно было поручить это направление. Такими людьми стали российские эмигранты Борис Владимирович Вильде (1902–1942) и упомянутый Л.Ф. Зуров. Именно они инициировали экспедицию в Эстонию, чтобы изучить регион, «отмеченный феноменами контакта и угрозой исчезновения традиционной культуры, с целью собрать историческую и этнографическую информацию, зафиксиро-

6 сентября 1922 г. // Ibid. Ms 1068/1605; Мандат, 6 сентября 1922 г. // Ibid. Ms 1068/1606; Immatriculační list, 6. října 1922 // Ibid. Ms 1068/1608; Průkazní list řádného posluchače // Ibid. Ms 1068/1609.

¹⁷⁵⁹ Бенфугаль Т. Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг. // Экспедиция Музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938). СПб., 2021. С. 32–35.

ровать устные обряды и традиции, провести фотосъемку и сбор предметов»¹⁷⁶⁰.

Л.Ф. Зуров был не новичком в изучении балтийских древностей, которое он начал в 1928 г. Он сотрудничал с Министерством культуры Эстонии, в частности, при реставрации в 1935 г. звонницы и крыльца церкви Святого Николая Чудотворца в Псково-Печерском монастыре¹⁷⁶¹. Тогда же он провел археологические разведки под Нарвой и в Печорском крае¹⁷⁶². Л.Ф. Зуров считал чрезвычайно важным заинтересовать своими исследованиями авторитетные научные организации, и Кондаковский институт, разумеется, был в числе таковых. Причиной тому видится не столько личное тщеславие, сколько искренняя увлеченность древностями, порой приобретающая романтические формы. Л.Ф. Зуров полагал, что эстонские археологи делают упор на финно-угорские памятники и порой пренебрегают древнеславянскими. Они же в свою очередь год от года гибнут в результате крестьянских запашек¹⁷⁶³. Хотя не все первичные письма Л.Ф. Зурова в Институт имени Н.П. Кондакова сохранились, доподлинно известно, что осенью 1936 г. он обсуждал пути сотрудничества с пражскими коллегами. В ответ ему выражали искреннюю благодарность за готовность помочь в организации исследований в Печерском крае¹⁷⁶⁴. Все последующее время, вплоть до реализации поездки летом 1937 г., между Прагой и Парижем велся регулярный обмен информацией и обсуждались организационные детали¹⁷⁶⁵.

¹⁷⁶⁰ Бенфугаль Т. Указ. соч. С. 41.

¹⁷⁶¹ Зуров Л.Ф. Как был открыт древний город, носящий название Городачек // Новь. Таллинн, 1935. № 8. С. 98.

¹⁷⁶² Громова А. Леонид Зуров (1902–1971) // Экспедиция Музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938). СПб., 2021. С. 165.

¹⁷⁶³ Записка об археологических исследованиях ученых Кондаковского института, Базельского университета и Парижского этнологического института в Эстонии под руководством Л.Ф. Зурова в 1937–1938 гг. // Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Novell Minns: Correspondence. Add. 7722. Box 1. Fold. I.

¹⁷⁶⁴ «Только Вы поймете следующий текст...». С. 29–30.

¹⁷⁶⁵ Там же. С. 31–41.

Поначалу возникли некоторое недопонимание с эстонскими властями. Инспектор по охране памятников министерства культуры, молодой археолог Эрик Лайд (Eerik Laid, 1904–1961) с некоторой настороженностью отнесся к плану работ Н.Е. Андреева. Например, он пытался ограничить возможность изучения ризницы Псково-Печерского монастыря, настаивая, что публикация материалов оттуда должна делаться только в Эстонии и только местными силами. Потому Э. Лайд поначалу пытался запретить фотографирование предметов. Н.Е. Андреев с жаром парировал и убеждал в необходимости глубокого изучения всех монастырских памятников. Э. Лайд был прекрасно осведомлен о работе Кондаковского института и хорошо знал его издания. Вероятно, весомый научный авторитет в конечном счете смог растопить лед недоверия и настороженности. Здесь нужно добавить, что Э. Лайд был учеником финского археолога А.М. Тальгрена¹⁷⁶⁶ – большого друга и важного интеллектуального патрона Кондаковского института. Думается, этот фактор также сыграл свою роль. Э. Лайд в итоге разрешил беспрепятственное изучение и фотографирование икон монастыря. Что же касается ризницы, то было решено договариваться по каждому конкретному предмету. В конечном счете, Н.Е. Андреев и Э. Лайд расстались добрыми друзьями, а эстонский чиновник предложил в случае любых затруднений обращаться напрямую к нему¹⁷⁶⁷.

Можно предположить, что некоторое недоверие со стороны Э. Лайда было вызвано его осторожным, если не сказать критическим, отношением к Л.Ф. Зурову и его исследованиям, которые эстонский археолог считал довольно любительскими. Н.Е. Андреев приводил в мемуарах такой эпи-

¹⁷⁶⁶ Именно под влиянием А.М. Тальгрена сформировались научные интересы Э. Лайда, связанные с изучением финно-угорских древностей. В 1932 г. он защитил магистерскую работу о мордовских фибулах (*Карм С., Загребин А.Е. Неизвестное этнографическое финно-угроведение: эстонская история // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2015. Т. 25. № 1. С. 39*)

¹⁷⁶⁷ Письмо Н.Е. Андреева к Н.Г. Яшвилу, 1 июля 1937 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova».* KI-29; «Только Вы поймете следующий текст...» Переписка Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова. С. 42.

зод: «Он мне сказал, что Зуров находит на каждом шагу следы каких-то доисторических поселений. Это кажется эстонским историкам совершенной дичью, и они относятся к нему весьма сдержанно»¹⁷⁶⁸. Н.Е. Андреев поначалу также настороженно отнесся к Л.Ф. Зурову, но затем они сдружились и пронесли эту крепкую дружбу сквозь годы.

Летом 1937 г. три ученые группы – пражская, базельская и парижская – работали в Печерском крае параллельно. «Получалось интересное скопление интеллектуальных сил» – вспоминал годы спустя Н.Е. Андреев¹⁷⁶⁹. Л.Ф. Зуров также писал: «В Эстонии мы работали по принципу научного сотрудничества: имели в Печорах общий центр, склад, общую фотографическую лабораторию»¹⁷⁷⁰. Несмотря на теплые личные отношения между учеными, говорить именно о совместных исследованиях не приходится. Это было скорее доброжелательное соседство.

Тем не менее, Н.Е. Андрееву пришлось столкнуться с некоторыми трудностями в работе. Так его исследования в Псково-Печорском монастыре внезапно встретили жесткое сопротивление со стороны игумена Агафона (Бубица) (1886–1952), которого характеризовали как «человека абсолютно некультурного и грубого», как «полного невежду». Не взирая на разрешение эстонских властей, как гражданских, так и церковных, он препятствовал исследованиям: не разрешал открывать киоты икон для фотосъемки, не давал снимать ризы с некоторых икон, препятствовал фотографированию предметов, не пускал в архив¹⁷⁷¹. И это при том, что кондаковцев приветствовал и поддерживал архиепископ Эстонской апостольской православной церкви Николай (Лейсман) (1862–1947), который даже призывал эстонскую русскоязычную прессу рассказывать о текущих работах. Он неоднократно беседовал с Н.Е. Андреевым, расспрашивал об ис-

¹⁷⁶⁸ Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. 2. С. 30.

¹⁷⁶⁹ Там же. С. 30.

¹⁷⁷⁰ Отчет Зурова № 1. Результаты этнографического и археологического обследования Сетумаа – в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. // Экспедиция Музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетумаа (1937–1938). СПб., 2021. С. 193.

¹⁷⁷¹ Письмо Е.А. Андреевой к Н.Г. Яшвиль, 16 июля 1937 г. // КИ-29.

следованиях и давал консультации¹⁷⁷². Поддержку изысканиям кондаковцев оказали и многие представители русской общины. Русский учительский союз, например, выдал Н.Е. Андрееву официальное рекомендательное письмо, в котором призывалось оказывать всяческое содействие его исследованиям¹⁷⁷³. Но даже благородная помощь порой не уберегала от столкновения с местными жителями, которые видели в приезжих опасных чужаков. Ученая и народная культура сталкивались, причем порой в самых неожиданных местах. В мемуарах Н.Е. Андреева описана следующая показательная история. Однажды в ожидании кого-то у главного монастырского храма он наблюдал за работавшим в саду монахом. Тот не преминул подойти: «“А ты что на меня все глядишь? Вот подойду, да серпом по яйцам срежу, так перестанешь глядеть!” Не помню, как его звали, говорю: “Отец, что с тобой, с ума сошел, что ли? Кто же запретил глядеть на кого-нибудь, все глядят друг на друга, для того и зенки существуют!” – “Зенки-то существуют, – говорит, – а когда на вас смотрят, неприятно! Вот так и помни – серпом полосну...” – и ушел»¹⁷⁷⁴. Приходилось сталкиваться и с сугубо техническими проблемами, среди которых едва ли не главной было цветное фотографирование икон. В тот период изготовление цветных снимков было весьма непростой задачей, доставлявшей немало хлопот.

Преодолев разные трудности, кондаковцам удалось обследовать храмы и ризницу монастыря, библиотеку и архив, изучить иконы и церковное облачение. Н.Е. Андреев обследовал собрание икон Псково-Печерского монастыря и познакомился с переписными книгами XVII в. в его архиве. Эти материалы позволили реконструировать прежний вид монастыря, описать содержание ризницы и библиотеки, изучить монастырское хозяйство.

¹⁷⁷² Письмо Е.А. Андреевой к Н.Г. Яшвилу, 17 августа 1938 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-29.

¹⁷⁷³ Рекомендательное письмо Русского учительского союза // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova»*. KI-29.

¹⁷⁷⁴ *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Т. 2. С. 50.

Н.Е. Андреев также осмотрел древнерусские памятники в Нарве, Изборске, Посаде Черном, Труворовом городище.

Обследовав собрание икон в Псково-Печерском монастыре, Н.Е. Андреев не нашел никаких следов западного влияния, не обнаружил новых иконописных композиций. Тогда, проанализировав все доступные ему письменные и иконографические источники, Н.Е. Андреев пришел к выводу, что монастырь был форпостом московского влияния на Псковщине. Он стал проводником великокняжеской политики в регионе, хотя на самой Псковщине существовали все возможности для введения в русскую иконопись западноевропейских новшеств, откуда они затем через Москву разошлись по Руси. В пользу его гипотезы говорил тот факт, что после присоединения Пскова в 1510 г. монастырь попал под влияние дьяка Великого князя Московского Михаила Григорьевича Мунехина, по прозвищу Мисюръ (вторая половина XV в.–1528). Именно он придал Псково-Печерскому монастырю промосковский характер. Неудивительно, что в его консервативную среду не могли проникнуть западные новшества. В то же время эти влияния находили отражение в других частях Псковского края.

Среди открытий Н.Е. Андреева – обнаружение иконописного портрета игумена Корнилия (1501–1570), убитого по преданию Иваном Грозным и канонизированного затем в лике преподобномучеников. При изучении рамки, окружавшей деревянное изображение Николы Ратного в Никольской церкви, были расчищены сцены с житием. Там же удалось прочесть надпись, свидетельствующую, что в нижнем правом углу рамы изображен Корнилий. Это был первый подлинный портрет игумена, который был перенесен Н.Е. Андреевым на кальку, после чего была сделана копия в красках¹⁷⁷⁵.

¹⁷⁷⁵ О портрете игумена Корнилия, «переписных» монастырских книгах и старинных рукописях // Русский вестник. Таллинн, 1937. 1 сентября. № 70 (360). С. 3.

Эстонская экспедиция 1937 г. имела большое значение в оформлении научных интересов Н.Е. Андреева в области древнерусского искусства¹⁷⁷⁶. Конкретные результаты поездки послужили основой для написания Н.Е. Андреевым статьи «Иван Грозный и иконопись»¹⁷⁷⁷. По словам автора, это был своеобразный ответ на складывавшийся в СССР культ первого русского царя с преувеличением его роли во всех сферах политики и культуры¹⁷⁷⁸.

Вопрос об отношении царя к искусству, о его эстетических взглядах не находил тогда должного освещения в историографии. Н.Е. Андреев попытался отчасти восполнить этот пробел, хотя для существенного разрешения проблемы ему явно не хватало иконографического материала. Его внимание привлекли росписи Золотой палаты в Московском Кремле. Проникновение в них аллегорических композиций Н.Е. Андреев объяснил влиянием на молодого царя библейско-византийских представлений о власти, апологетами которых выступали Макарий и Сильвестр. Дидактические композиции, в частности образ Иисуса Навина, истребляющего врагов, были в духе царствования Грозного¹⁷⁷⁹. Проанализировав композиции росписей, Н.Е. Андреев пришел к выводу, что над ними работали мастера с западно-русских окраин. В росписях царских палат в Кремле исследователь усмотрел псковское влияние. Именно в Пскове была «достаточно богатая умственная жизнь, духовная почва, чтобы могли развиваться идейные бого-

¹⁷⁷⁶ См.: *Рогачевский А.* Николай Андреев в Праге (1927–1945): материалы к библиографии // *New Zealand Slavonic Journal*. 2006. Vol. 49. P. 138–139; *Ковалев М.В.* Проблемы истории древнерусского искусства в искусствоведческом наследии Н.Е. Андреева // *Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья*. СПб., 2008. С. 240–241.

Работы эти сразу были высоко оценены в международном сообществе. Так Л.Ф. Зуров сообщал Н.Е. Андрееву, что о его работах очень лестно отзывается А.Н. Грабар (Письмо Л.Ф. Зурова к Н.Е. Андрееву, 3 июня 1938 г. // *Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakovy»*. KI-29).

¹⁷⁷⁷ *Андреев Н.Е.* Иоанн Грозный и иконопись XVI века // *Seminarium Kondakovianum: Annals of the Institute named after N.P. Kondakov*. Прага, 1938. Т. X. С. 185–198.

¹⁷⁷⁸ *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Т. 2. С. 50.

¹⁷⁷⁹ *Андреев Н.Е.* Иоанн Грозный и иконопись XVI века. С. 189.

словские поиски»¹⁷⁸⁰. Справедливости ради нужно отметить, что Н.Е. Андреев не разделял взглядов либеральной историографии на царствование Грозного со свойственным ей обличением царской тирании. Ему была ближе концепция Р.Ю. Виппера, оценивавшего политику Грозного как тенденцию эпохи.

Л.Ф. Зуров также отмечал успешность проведенных летом 1937 г. работ. На берегу Псковского озера и в районе Изборска было выявлено 6 городищ, 30 могильников, 182 кургана, 10 древних славянских поселений, 5 языческих камней с жертвенниками. Участники экспедиции сообщали о своих находках в Тартуский университет, который фиксировал их и брал под охрану¹⁷⁸¹. Результаты работы иностранных ученых получили одобрительные оценки в эстонской печати¹⁷⁸².

Летом 1938 г. параллельные исследования пражской, базельской и парижской групп в Эстонии были продолжены. Хотя поездка Л.Ф. Зурова поначалу была под вопросом в виду отсутствия средств, в июне 1938 г. он информировал Н.Е. Андреева, что по заданию Музея человека отправится в командировку в Эстонию, Латвию и Литву, и что ожидает там большой и интересной работы¹⁷⁸³. Для Н.Е. Андреева новая поездка в Печорский край способствовала накоплению материала о монастыре как важном проводнике московской культурной политики. Это отчетливо читалось уже на ма-

¹⁷⁸⁰ Там же. С. 197.

¹⁷⁸¹ Записка об археологических исследованиях ученых Кондаковского института, Базельского университета и Парижского этнологического института в Эстонии под руководством Л.Ф. Зурова в 1937–1938 гг. // Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Novell Minns: Correspondence. Add. 7722. Box 1. Fold. I; *Зуров Л.Ф.* Как был открыт древний город, носящий название Городачек. С. 101.

¹⁷⁸² *Морозов А.* Археологическое обследование Петсерского края приближается к концу // Вести дня. Таллинн, 1937. 19 августа. № 185 (3546). С. 1.

¹⁷⁸³ Письмо Л.Ф. Зурова к Н.Е. Андрееву, 3 июня 1938 г. // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-29. Л.Ф. Зуров настаивал, что прерывать исследования нельзя, поскольку это поставит под угрозу оставшиеся необследованными славянские древности (Записка об археологических исследованиях ученых Кондаковского института, Базельского университета и Парижского этнологического института в Эстонии под руководством Л.Ф. Зурова в 1937–1938 гг. // Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Novell Minns: Correspondence. Add. 7722. Box 1. Fold. I).

териале переписных книг: «Все они свидетельствовали о сугубом внимании к монастырю московских властей. Это было не случайно, это была их территория, их московский монастырь»¹⁷⁸⁴. Работать с технической точки зрения приходилось непросто: не всегда удавались цветные фотографии¹⁷⁸⁵, приходилось исключительно вручную копировать нужные монастырские документы, как, например, объемную Переписную книгу 1639 г.¹⁷⁸⁶ Таллиннская газета «Вести дня» сообщала, что Н.Е. Андреев запланировал комментированную публикацию этого источника в Праге, поскольку тот «дает полную картину хозяйства Петсерского монастыря в различные периоды его жизни и, кроме того, бросает новый свет на историческую роль и значение монастыря»¹⁷⁸⁷. Работы Н.Е. Андреева вызвали живой интерес у научной общественности, и его попросили прочесть публичную лекцию в монастыре для иностранных ученых, находившихся в ту пору в Эстонии. Среди тех, кто явился послушать гостя из Чехословакии, оказались два русских эмигранта из Великобритании – историк С.А. Коновалов из Бирмингемского университета и литературовед Е.М. Винавер из Манчестерского¹⁷⁸⁸. Исследования Н.Е. Андреева высоко

¹⁷⁸⁴ Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. 2. С. 68.

¹⁷⁸⁵ Тем не менее, Н.Е. Андрееву и помогавшим ему фотографам удалось сделать свыше 70 снимков икон, церковной утвари, архитектурных деталей (М[орозов] А. О работах д-ра философии Н. Андреева в Петсери // Вести дня. 1938. 19 августа. № 187 (3846). С. 1).

¹⁷⁸⁶ Н.Е. Андреев так описывал техническую сторону своего научного быта: «В то время цветная фотография уже существовала, но была далеко не так совершенна, как теперь, и, к сожалению, не было цветной пленки, которая появилась лишь после второй мировой войны и которая облегчила бы мое путешествие. Вообще, техническое оснащение у меня как исследователя было самым примитивным, в духе XIX века: глаза, тетрадь, перо, и, конечно, увеличительное стекло. Например, я занимался переписной книгой, и действительно переписывал ее, потому что не было технической возможности заснять полтора ста страниц на пленку, тогда как теперь это заняло бы лишь два дня» (Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. 2. С. 66).

¹⁷⁸⁷ Интересные материалы о Петсерском монастыре // Вести дня. Таллинн, 1938. 6 сентября. № 202 (3861). С. 1. Это намерение подтверждал и сам Н.Е. Андреев в деловой переписке («Только Вы поймете следующий текст...»). С. 55). Проект, однако, так и не состоялся.

¹⁷⁸⁸ М[орозов] А. О работах д-ра философии Н. Андреева в Петсери. С. 1.

оценил и А.А. Васильев, приехавший в 1938 г. из США в Европу и посетивший летом 1938 г. Эстонию¹⁷⁸⁹.

Полевые лета 1938 г., казалось бы, можно считать успешными для всех участников. Л.Ф. Зуров был убежден в необходимости усиления сотрудничества между Парижем и Прагой. В октябре 1938 г. он интересовался у Н.Е. Андреева, удалось ли тому поговорить с коллегами о произведенной археологической разведке в Сетумаа: «Если Институт она интересуется, то я подготовлю отчет с чертежами и картой о[б] обнаруженных курганных группах с сожжением»¹⁷⁹⁰. Но реальность была куда сложнее. Достаточно сказать, что Н.Е. Андреев был досрочно отозван из командировки в конце августа 1938 г. Причиной было стремительное разрастание Судетского кризиса. Н.П. Толль получил извещение, что его призовут в чехословацкую армию. Возможная мобилизация директора ставила под вопрос работу Института. Н.П. Толль надеялся в случае такого исхода передать дела Н.Е. Андрееву. Тот спешно вернулся на поезде из Эстонии и увидел, что Прага готовится к войне¹⁷⁹¹. О продолжении экспедиционных работ за рубежом уже не могло быть речи.

Подводя итог опытам заграничных командировок кондаковцев, следует признать, что их организация и реализация заслуживают огромного уважения. Несмотря на крайне ограниченные материальные ресурсы и прочие стеснения, русским ученым-эмигрантам удалось реализовать ряд важных исследовательских проектов. Так, например, удалось обследовать важнейшие средневековые памятники в Греции, Югославии и Болгарии, тем самым во многом продолжив начатую еще до революции исследовательскую линию. Важно отметить, что все полученные результаты, если употреблять современную терминологию, имели несомненную актуальность и новизну,

¹⁷⁸⁹ «Только Вы поймете следующий текст...» Переписка Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова. С. 55.

¹⁷⁹⁰ Письмо Л.Ф. Зурова к Н.Е. Андрееву, 31 октября 1938 г. // Cambridge University Library, Special Collections. Sir Ellis Hovell Minns: Correspondence. Add. 7722. KI-29.

¹⁷⁹¹ *Rhineland L.H.* Op. cit. P. 346.

они в полной мере отвечали уровню тогдашней мировой науки. Более того, результаты многих полевых исследований не потеряли значения и сегодня, в чем легко убедиться, посмотрев ссылки на труды кондаковцев. Что же касается личных исследовательских траекторий, то в ходе заграничных поездок членам Семинария/Института удавалось сформировать мощный фундамент для последующих исследований. Так, например, Н.Е. Андреев, опубликовал в 1950-х гг. в Великобритании серию статей о русской литературно-публицистической мысли XVI в., отражавшей особый ход идейной жизни Московской Руси. Он опубликовал обстоятельное исследование о письмах А.М. Курбского Вассиану Муромцеву¹⁷⁹², о послании старца Филофея Ивану Васильевичу¹⁷⁹³, в котором доказывал, что его адресатом был не Иван IV, а Иван III. Не забывал Н. Е. Андреев и о давнем интересе к Псково-Печерскому монастырю, которому посвятил большую культурологическую статью¹⁷⁹⁴. Опыт исследований Н.П. Толля на Ближнем Востоке позволил ему не просто наработать практический археологический опыт и сделать важные открытия, но заручиться высоким научным авторитетом на Западе. Все это позволило обрести работу в США, когда над Европой нависли грозные тучи Второй мировой войны.

Важнейшей составляющей заграничных командировок кондаковцев стала презентация результатов исследований на различных международных конференциях, конгрессах и съездах. Причем эти результаты воспринимались ученой корпорацией не просто как индивидуальные достижения, но как достижения российской археологии, истории искусства, византиноведения, как продолжение интеллектуальных традиций, которые были порушены в СССР в 1920 – 1930-е гг.

¹⁷⁹² *Andreyev N.* Kurbsky's letters to Vas'yan Muromtsev // Slavonic and East European Review. 1955. Vol. 33. № 31. P. 414–435.

¹⁷⁹³ *Andreyev N.* Filofey and his epistle to Ivan Vasil'yevich // Slavonic and East European Review. 1959. Vol. 38. № 90. P. 9–31.

¹⁷⁹⁴ *Andreyev N.* The Pskov-Pechery monastery in the XVI century // Slavonic and East European Review. 1954. Vol. 32. № 79. P. 318–343.

У заграничных командировок был еще один результат, который называла в своей статье Вера Грохова: формирование в Кондаковском институте археологической коллекции¹⁷⁹⁵. Позволим все же поспорить с крупной чехословацкой исследовательницей. Хотя кондаковцы участвовали в полевых работах и экспедициях, вряд ли они могли привозить оттуда в Прагу значительное число артефактов. Подобным желанием препятствовало бы не только стесненность в финансах, но также законодательство конкретных стран по охране памятников. Хотя факты поступления экспонатов в фонды института известны¹⁷⁹⁶, они все же связаны не с результатами полевых работ, а с дарениями и отдельными покупками. Тем не менее, ремарка В. Гроховой ставит важный вопрос о том, делались ли кондаковцами попытки формирования собственного музейного собрания. Ответ на него во многом дает история контактов Праги с Г.Е. Лукьяновым, египетским антикваром русского происхождения, обзору которых будет посвящен следующий параграф.

§ 5. Русский египтянин Г.И. Лукьянов и кондаковцы

В августе 1930 г. в Прагу на имя А.П. Калитинского пришло письмо с Кипра. Автором любезного по тону послания был его соотечественник, египтолог и антиквар Григорий Иванович Лукьянов (1885–1945). Когда-то, до революции, он был студентом Калитинского в Московском археологическом институте и даже участвовал вместе с ним в раскопках финского погребения в Псковской губернии. Своим письмом Лукьянов желал положить

¹⁷⁹⁵ Грохова В. Деятельность Института имени Н.П. Кондакова в Праге и его международное значение (на основе сохранившейся корреспонденции) // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2004. С. 220.

¹⁷⁹⁶ В особенности это касается икон, коллекцию которых удалось собрать кондаковцам.

начало плодотворному научному сотрудничеству, а потому подробно обрисовывал его возможные перспективы¹⁷⁹⁷.

Григорий Иванович увлекся археологией и историей искусства еще до революции, хотя по роду занятий он был математиком и специалистом в области аэродинамики. Лукьянов в 1912 г. стал профессором в Московском Императорском техническом училище. Однако через два года его профессиональная траектория резко изменилась: в 1914 г., увлекшись историей, он поступил в Московский археологический институт. Там он познакомился со своей будущей супругой Елизаветой Сергеевной Елагиной (1888–1967), а в 1915 г. они поженились. Как установил В.В. Беляков, в конце 1918 г. революционные вихри занесли семью Лукьяновых на Дальний Восток. В 1919 г. Георгий Иванович вернулся к занятиям математикой, став профессором Владивостокского высшего политехникума. В конце того же года по решению колчаковского правительства Лукьянов получил назначение атташе при торговом представительстве в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Вместе с женой на пароходе они направились в Европу, но после долгого пути сделали остановку в Египте, а затем решили там остаться. В течение 3 лет Г.И. Лукьянов работал личным секретарем чехословацкого посланника¹⁷⁹⁸. В то же самое время у Григория Ивановича складывается глубокий интерес к истории Древнего Египта¹⁷⁹⁹. Сам он будет впослед-

¹⁷⁹⁷ Письмо Г.И. Лукьянова к А.П. Калитинскому, 24 августа 1930 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 1.*

¹⁷⁹⁸ *Беляков В.В. «К берегам священного Нила...» Русские в Египте. М., 2003. С. 220–221; Он же. Г.И. Лукьянов: штрихи к портрету // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 3(9). С. 164.*

¹⁷⁹⁹ Хотя курс истории Древнего Египта в Московском археологическом институте читал видный специалист Франц Владимирович Баллод (Балодис), и хотя Г.И. Лукьянов сдал ему экзамен на «отлично», до революции Григорий Иванович специального интереса к Египту не проявлял (*Тимофеева Н.С. Об одной частной коллекции предметов древнеегипетского искусства: наследие профессора Г.И. Лукьянова // АЕГΥΡΤΙΑСА ROSSICA. Вып. 3. М., 2015. С. 260*). О Ф.В. Баллоде и его египетских студиях см.: *Ковалев М.В. Франц Владимирович Баллод: русская судьба латвийского археолога // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 10 (74) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002510-0-1/> (дата обращения: 21.05.2021). DOI: 10.18254/S0002510-0-1*

ствии заверять, что его учителем был знаменитый русский исследователь Владимир Семенович Голенищев (1856–1947). Впрочем, их взаимные контакты пока оставляют немало вопросов и требуют специального изучения. Увлечение египетскими древностями вовлекло Лукьянова в антикварный бизнес. По словам В.В. Белякова, тот быстро добился авторитета среди европейских археологов и оброс влиятельными знакомствами в Службе древностей, которую также курировали европейцы¹⁸⁰⁰. Показательно, что в конце февраля 1923 г. Г.И. Лукьянов побывал в недавнем открытой гробнице Тутанхамона, причем сопровождал его знаменитый Говард Картер (Howard Carter; 1847–1939). Таким образом, Григорий Иванович оказался в числе первых, кто познакомился с уникальными древнеегипетскими находками. Подробный рассказ об этом он направил в Москву в письме к своему учителю по Археологическому институту Александру Ивановичу Успенскому (1873–1938)¹⁸⁰¹.

Контакты Г.И. Лукьянова с русскими коллегами из Чехословакии развивались на протяжении 1930–1939 гг. Свидетельства о них сохранились в двух чешских архивах – в Отделе документации Института истории искусств Академии наук Чешской республики среди бумаг Археологического института имени Н.П. Кондакова и в рукописном собрании Славянской библиотеки в фонде историка А.В. Флоровского, последнего директора упомянутого института. Имеющиеся материалы представляют, в основном, научную корреспонденцию: письма Григория Ивановича и его жены Елизаветы Сергеевны к пражским коллегам А.П. Калитинскому, Д.А. Расовскому и Н.П. Толлю, а также копии ответов на эти послания. Изучение эпистолярного общения между учеными особенно важно на фоне трансформации коммуникативных практик научных сообществ, разрывов и переформатирования социальных институтов науки, которые имели место

¹⁸⁰⁰ *Беляков В.В.* Г.И. Лукьянов: штрихи к портрету. С. 165.

¹⁸⁰¹ *Смирнов А.С.* Русский в гробнице Тутанхамона // Восточный архив. 2014. № 1 (29). С. 52–53.

в 1920–1930-е гг.¹⁸⁰² Лукьяновы много путешествовали по Ближнему Востоку и за его пределами. Потому письма в Прагу посылались ими не только из Египта, где они постоянно проживали, но также из Палестины, Греции, с Кипра. Широкая география свидетельствует в данном случае не просто о высокой мобильности, но о материальном достатке, позволявшем совершать многочисленные поездки. Можно предположить, что многие из этих перемещений были связаны с антикварным бизнесом Григория Ивановича, о котором, вероятно, в Праге были изначально осведомлены.

Сохранившиеся письма Г.И. Лукьянова довольно хорошо обрисовывают его внутренний мир и жизненные ориентиры. Складывается ощущение, что интерес к египтологии отчетливо проявился у него уже в годы эмиграции, после переезда в Каир. Так, в письмах в Прагу он кратко упоминал о своих дореволюционных профессиональных занятиях математикой, рассказывал о постепенном уходе от точных наук к истории и археологии, возникшим из увлечения русскими древностями и собирания икон. Он указывал на большую роль В.С. Голенищева, с которым познакомился в Каире, в становлении своих египтологических интересов и называл себя первым по времени его учеником. Лукьянов признавался, что в эмиграции был вынужден заняться антикварным делом: «...Я постоянно разыскиваю здесь примечательные египетские вещи и папирусы и затем пристраиваю их в Музеи. Есть мои находки и в Берлинском музее, и в Брюсселе, и в Копенгагене, и даже в Америке. Это немного странное отклонение для ученого-специалиста по аэродинамике, но все же лучше, что было в 1919 г. во Владивостоке, когда, читая в Университете лекции по высшей математике, устраивал большой мыловаренный завод, чтобы существовать. Конечно, я много теряю, представляя другим пользоваться новым материалом. Напр[имер] в этом году я нашел иератический папирус, похоже кусок зна-

¹⁸⁰² Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков. С. 76, 262.

менитого Лейденского медицинского папируса. Его покупает один университет в Европе. Но остается достаточно и для меня»¹⁸⁰³. Торговля древностями сделала Лукьянова весьма состоятельным человеком. Как установил В.В. Беляков, с 1923 по 1944 гг. Григорий Иванович не занимал никаких официальных должностей, то есть, жил исключительно на доходы от продажи древностей, причем его бизнес носил вполне легальный характер. Более того, после смерти в 1944 г. Лукьянов будет похоронен в отдельной могиле на православном кладбище в Старом Каире, что могли позволить себе лишь очень обеспеченные люди¹⁸⁰⁴.

Кажется, многие современники воспринимали Г.И. Лукьянова именно как ловкого антиквара. Он же любил непременно подчеркивать свои знакомства с видными историками древности, например с М.И. Ростовцевым или американским археологом Джеймсом Брэстедом (James Henry Breasted; 1865–1935), причем последний был в числе его покупателей¹⁸⁰⁵.

Для Лукьянова было важно заручиться покровительством авторитетной научной организации, сотрудничество с которой подчеркивало бы его статус и в то же время давало возможность реализовывать собственные научные проекты. Он тесно взаимодействовал с интернациональным Египетским институтом (Institut d'Égypte) в Каире, созданном еще Наполеоном: выступал с докладами и лекциями, публиковал свои статьи. Однако Лукьянову, как и многим его соотечественникам за рубежом, было присуще чувство эмигрантского мессианизма. Оно отражалось, в частности, в стремлении сохранять российские культурные традиции вплоть до возрождения России и возвращения на Родину. Хотя эти чувства в среде изгнанников сильно поутихнут в 1930-х гг., Лукьянов, как будет показано далее, на всем

¹⁸⁰³ Письмо Г.И. Лукьянова к А.П. Калитинскому, 24 августа 1930 г. // Slovánská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 1.

¹⁸⁰⁴ Беляков В.В. Г.И. Лукьянов: штрихи к портрету. С. 167.

¹⁸⁰⁵ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 18 апреля 1931 г. // Slovánská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 6.

протяжении жизни останется горячим патриотом, пропагандистом российской науки и культуры за рубежом. Именно поэтому он так усердно стремился установить прочные связи с эмигрантской Прагой, именно поэтому с большой радостью воспринял свое избрание членом-корреспондентом Археологического института имени Н.П. Кондакова в ноябре 1931 г., несмотря на необходимость уплаты существенного взноса, а через год прямо попросил избрать членом-корреспондентом и свою супругу. Григорий Иванович апеллировал к тому, что она не просто активно занималась научной деятельностью, но училась в Московском археологическом институте¹⁸⁰⁶.

Елизавета Сергеевна Лукьянова поле окончания классической гимназии С.Н. Фишера в Москве, осенью 1907 г. поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов. В 1911 г. она, не став сдавать экзамены, уехала для продолжения учебы в Рим. Там она как вольнослушательница университета посещала курс по истории итальянского искусства известного специалиста Адольфо Вентури (Adolfo Venturi; 1856–1941). В 1913 г. она вернулась в Москву, пришла на работу в Музей изящных искусств имени императора Александра III. Осенью 1915 г. Елизавета поступила в Московский археологический институт. Однако завершить обучение она не смогла, поскольку революционные события в 1918 г. вынудили ее вместе с мужем покинуть Москву¹⁸⁰⁷. В эмиграции Лукьянова, как и ее супруг, серьезно увлеклась историей, но, в отличие от него, интересовалась преимущественно библейской археологией и российским присутствием на Святой Земле. Следует сказать, что Лукьяновы имели довольно обширные контакты в эмигрантской среде, следили за научной жизнью русской диаспоры. Так Е.С. Лукьянова в феврале 1932 г. рассказывала Д.А. Расовскому о связях с Харбином. Накануне она получила оттуда

¹⁸⁰⁶ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 9 июля 1932 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 9.*

¹⁸⁰⁷ Письмо Е.С. Лукьяновой к Председателю Археологического института имени Н.П. Кондакова, 29 сентября 1932 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janova, Jelisaveta Sergejevna, Kahira. № 1.*

письмо архимандрита Нестора (Анисимова; 1885–1962), сообщавшего об уникальных палеонтологических находках, сделанных молодыми русскими учеными¹⁸⁰⁸.

В уже упомянутом августовском письме 1930 г. Григорий Иванович Лукьянов осведомлялся о возможности опубликовать в Праге сделанный им перевод знаменитой «Поэмы Пентаура», рассказывающей о битве египтян и хеттов при Кадеше в XIII в. до н. э.¹⁸⁰⁹ Кажется, это была первая попытка переложить на русский язык текст выдающегося древнеегипетского сочинения, сделанная за несколько десятилетий до Николая Сергеевича Петровского (1923–1981) и Михаила Александровича Коростовцева (1900–1980). Впрочем, достоинства и недостатки этого перевода – тема отдельная¹⁸¹⁰. Лукьянов заинтересовался «Поэмой Пентаура» в 1921 г., когда начал исследования в Луксорском храме. По его словам, в мае 1922 г. он обнаружил на остатках западной внешней стены второго двора храма «узкую полосу иероглифического текста, заключенную в вертикальных колоннах, и рядом – сцену-рельеф, представляющую тринадцать хеттских колесниц, следующих одна за другой»¹⁸¹¹. Проанализировав надписи, он пришел к выводу, что они заключают в себе третий по счету текст поэмы, высеченный на стенах Луксорского храма, но написанный при этом в обратном порядке. Такое расположение текста, по мысли Г.И. Лукьянова, было причиной того, что ранее он не был идентифицирован. Своему открытию он посвятил доклад в Египетском институте в Каире 17 января 1927 г., затем

¹⁸⁰⁸ Письмо Е.С. Лукьяновой к Д.А. Расовскому, 23 февраля 1935 г. // Ibid. № 3.

¹⁸⁰⁹ Героическая поэма Пентаура в честь фараона Рамзеса II-го, перевод с иероглифического текста Г.И. Лукьянова // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-16.

¹⁸¹⁰ М.А. Коростовцев в 1946 г. так выразился о переводе Г.И. Лукьянова: «Эта работа представляет собой брошюру в 24 страницы с французским переводом текста, но без иероглифического оригинала и без филологического комментария, т.е. работа без соблюдения совершенно необходимых условий при издании нового текста. Таким образом, это и не издание текста, и не исследование» (Цит. по: *Беляков В.В.* Г.И. Лукьянов: штрихи к портрету. С. 169).

¹⁸¹¹ Лукьянов Г.И. Введение // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-16.

опубликованный в его «Бюллетене»¹⁸¹². Известно также, что на заседании института 10 ноября 1930 г. Г.И. Лукьянов сделал специальное сообщение об авторстве поэмы, допустив, что она могла быть сочинена самим главным героем – Рамзесом II¹⁸¹³. Он явно героизировал и романтизировал образ этого фараона: «Искусство и величие композиции, поэтическое чувство, ее проникающее, создают из нее произведение, выходящее из ряда обычных образцов египетской риторики. Это древнеегипетская Илиада подробно описывает битву при Кадеше, где фараон Рамзес II-ой рисковал погибнуть в засаде, мастерски расставленной ему царем Хеттов, и где победа была вырвана только благодаря личной отваге и твердости фараона Рамзеса II-го»¹⁸¹⁴.

Григорий Иванович Лукьянов поставил своей задачей сравнить все сохранившиеся фрагменты поэмы (в Луксоре, Карнаке, Абидосе, Рамессеуме, а также в папирусах Райфета из Лувра и Салье III из Британского музея) и реконструировать ее первоначальный текст. Он сообщал в Прагу, что замысел его был одобрен лично В.С. Голенищевым, но так ли это было на самом деле – сказать трудно. Лукьянов рассказывал в письме к А.П. Калитинскому, что из 1.215 камней пилона Луксорского храма, в которых был заключен полный текст поэмы, ему не удалось восстановить лишь 5–6 камней. Текст еще около 15 камней он реконструировал по известным науке папирусам¹⁸¹⁵. Итогом работы стал перевод поэмы на русский и французский языки, а также дополнение немецкого переложения Адольфа Эрмана (Johann Peter Adolf Erman; 1854–1937). В отделе документов Института истории искусств Академии наук Чешской республики сохранилась машинопись русского перевода «Поэмы Пентаура», датированная

¹⁸¹² *Loukianoff G.* Un troisième texte du Poème de Pentaour sur la face ouest du temple de Louxor // Bulletin de l'Institut d'Égypte. T. IX. Caire, 1927. P. 57–66.

¹⁸¹³ Extrait des procès-verbaux des séances: Séance du 10 Novembre 1930 // Bulletin de l'Institut d'Égypte. T. XIII. Caire, 1931. P. 103–104.

¹⁸¹⁴ *Лукьянов Г.И.* Введение // Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-16.

¹⁸¹⁵ Там же.

25 июня 1930 г. Г.И. Лукьянов отправил его в Прагу с ходатайством о публикации. Профессору А.П. Калитинскому он писал, что в первую очередь хочет напечатать именно русский перевод. И, действительно, в тот момент возможность публиковать научные работы на русском языке имелась главным образом в Праге. Александр Петрович, кажется, добро дал. Впрочем, в том же 1930 г. Г.И. Лукьянов все же опубликовал в Каире французский перевод «Поэмы Пентаура»¹⁸¹⁶.

«Я думаю, что мы взаимно можем быть друг другу полезны»¹⁸¹⁷, – писал Лукьянов профессору А.П. Калитинскому. В каких же направлениях могли развиваться научные связи между Прагой и Каиром? Чем помог помочь Лукьянов своим коллегам? Из сохранившихся материалов вырисовывается несколько направлений. Григорий Иванович знакомил пражан с современной зарубежной историографией. Например, осенью 1930 г. прислал работы Германа Юнкера (Hermann Junker; 1877–1962), директора Каирского отделения Немецкого археологического института, с которым тесно общался. Лукьянов рассказал о раскопках коллегой неолитического поселения в окрестностях Бени-Салама в феврале–апреле 1930 г.¹⁸¹⁸ В ответ Г.И. Лукьянов попросил кондаковцев прислать их научные труды. Русские историки в Праге интересовались христианскими древностями, а потому Григорий Иванович посылал им сведения о работах своей супруги на Святой Земле. Например в сентябре 1930 г. сообщал о ее исследованиях в архиве женского монастыря на Елеонской Горе, об их совместном изучении коллекции древностей архимандрита Антонина (Капустина), который был

¹⁸¹⁶ *Loukianoff G.* Poème heroique sur la bataille de Qadech (1288 av J.G.). Le Caire, 1930.

¹⁸¹⁷ Письмо Г.И. Лукьянова к А.П. Калитинскому, 24 августа 1930 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor.* A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 1.

¹⁸¹⁸ Письмо Г.И. Лукьянова к А.П. Калитинскому, 15 сентября 1930 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor.* A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 2; Rapport sur les feuilies de l'Academie des Sciences de Vienna (Dr. Hermann Juncker) sur le lieu d'habitation (village) de l'époque néolitique de Merimda près de Beni-Salama (ouest du Delta) de 10 février au 10 avril 1930 // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor.* A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV. Luk'janov, Vladimir Grigor'jevič. № 2.

главой Русской духовной миссии в Иерусалиме в 1865–1894 гг. Коллекция пролежала необработанной более 40 лет, а также была сильно расхищена за это время, особенно в нумизматической части¹⁸¹⁹.

Григорий Иванович заверял кондаковцев в готовности навести мосты между Прагой и работавшими в Египте учеными. Так, он говорил о возможности установить контакты с Коптским музеем в Каире, попечитель которого, Маркос Симайка (Marcus Simaika; 1864–1944), являлся его хорошим знакомым. Г.И. Лукьянов предлагал заинтересовать его совместным изучением коптских икон¹⁸²⁰. В апреле 1932 г. русский ученый написал из Каира в Прагу, что при разборе собрания икон Коптского музея он обратил внимание на примечательную икону греческого письма XI–XII вв., изображающую Святых Сергия и Вакха. На ее обратной стороне он обнаружил изображение лика византийской императрицы в короне. Лукьянов указал точные размеры иконы, привел данные о ее физическом состоянии. Он тщательно описал особенности художественного стиля, уделив специальное внимание «изображению молодой женщины в золотой короне византийской императрицы на подобранных в прическу длинных волосах»¹⁸²¹. Г.И. Лукьянов сожалел, что ее лик прежде пытались затереть острым предметом. Он не смог обнаружить признаки существования ризы, которая могла бы дополнить сведения об изображении, не нашел и следов надписей. Кондаковцам он сообщал, что если бы удалось по манере письма установить точное время написания иконы, то можно было бы предположить, с кем именно следует соотнести загадочное изображение византийской императрицы. Из-за отсутствия необходимых источников, остается неизвестным, как отреагировали в Праге на полученное сообщение, проявили ли к нему интерес, запросили ли фотографию иконы.

¹⁸¹⁹ Письмо Г.И. Лукьянова к А.П. Калитинскому, 15 сентября 1930 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 2.

¹⁸²⁰ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 5 февраля 1931 г. // *Ibid.* № 5.

¹⁸²¹ Лик византийской императрицы на иконе греческого письма XI века Коптского музея в Каире // *Ibid.* № 2.

Г.И. Лукьянов нередко выполнял мелкие просьбы пражских коллег, вроде присылки археологической карты Египта. Он же с их помощью надеялся реализовать собственные научные проекты, вроде издания каталога коптских тканей, или начинания своих близких друзей и коллег. В феврале 1931 г. Григорий Иванович предлагал осуществить публикацию полного каталога всех рукописей Синайского монастыря, который составил его знакомый иеромонах Андроник. По словам Лукьянова, это была бы более полная версия, чем известный каталог В.Н. Бенешевича¹⁸²². В феврале 1933 г. он расскажет в письме о начальнике Русской Духовной миссии в Иерусалиме архимандрите Киприане (1899–1960), сыне профессора-ботаника Эдуарда Эдуардовича Керна и потомке пушкинской музы Анны Петровны Керны. Тот написал книгу об архимандрите Антонине, «создателе русского дела в Палестине, крупном археологе и византологе»¹⁸²³. Г.И. Лукьянов предлагал напечатать эту биографию в Праге, ведь Антонин был лично знаком с академиком Н.П. Кондаковым. Забегая вперед, скажем, что кондаковцы сразу же забраковали предложенный проект, причем исключительно по прозаической причине. У них не было ни средств, ни надежды, что даже в случае напечатания удастся продать хотя бы 20 экземпляров, дабы покрыть немалые расходы¹⁸²⁴.

Кондаковцы были заинтересованы в создании собственной коллекции древностей, а Григорий Иванович Лукьянов мог им в этом помочь. В 1930 г. русские пражане спрашивали у него о возможности покупки коптских тканей и эллинистических терракотовых статуэток¹⁸²⁵. Коптские ткани были предметом их особого интереса. Они были важны не только для изучения, но и для обучения молодых ученых навыкам исследовательской ра-

¹⁸²² Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 5 февраля 1931 г. // Ibid. № 5.

¹⁸²³ Письмо Г.И. Лукьянова к Н.П. Толлю, 27 февраля 1933 г. // Ibid. № 14.

¹⁸²⁴ Письмо Секретаря Археологического института имени Н.П. Кондакова к Г.И. Лукьянову, 20 марта 1933 г. // Slovánská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-F LOR. Незабранные бумаги.

¹⁸²⁵ Письмо Археологического института имени Н.П. Кондакова к Г.И. Лукьянову, 29 ноября, 1930 г. // Ibid.

боты. В начале января 1931 г., обсуждая вопрос формирования коллекции, Лукьянов запрашивал секретаря Д.А. Расовского: какой суммой обладаете? какие именно вещи хотели бы иметь? и, главное, для кого собирается коллекция: для русского или для иностранного учреждения? Этот вопрос был чрезвычайно важен для Г.И. Лукьянова, а потому он заметил: «Во всяком случае, я готов для русского Семинария или для другого русского общества сделать все возможное»¹⁸²⁶. Это желание вполне совпадало с устремлениями кондаковцев, которые видели в своей работе важную духовную миссию – сохранение для будущего лучших отечественных научных традиций и бережение культурного наследия эмиграции. Потому в письме от 3 февраля 1931 г. Лукьянова заверили, что в будущем вся библиотека и коллекции Семинария будут переданы «Законному Русскому Правительству»¹⁸²⁷.

Из сохранившихся материалов следует, что Григорий Иванович, действительно, прилагал большие усилия, постоянно искал способы пополнить коллекцию с минимальными материальными затратами. В феврале 1931 г. Г.И. Лукьянов сообщал коллегам: «Я заготовил Вам терракоты и коптские ткани. О портретах фаюмских и не думайте. Самый ничтожный стоит десятки [египетских] фунтов, если он настоящий»¹⁸²⁸. Поначалу Лукьянов древности в Прагу продавал, но уже очень скоро начал передавать некоторые образцы безвозмездно. Так, в январе 1931 г. он выразил желание подарить циновку эпохи Древнего Царства, а уже в апреле написал, что «набрал для Вашего рождающегося русского (подчеркнуто в оригинале –

¹⁸²⁶ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 1 января 1931 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 4.*

¹⁸²⁷ Письмо Д.А. Расовского к Г.И. Лукьянову, 3 февраля 1931 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Неразобранные бумаги.*

¹⁸²⁸ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 5 февраля 1931 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 5.*

М.К.) музея до 20 коптских тканей за Ваши издания»¹⁸²⁹. В июле 1933 г. он послал в Прагу сразу 70 тканевых образцов¹⁸³⁰. Посылки будут регулярно приходить в чехословацкую столицу вплоть до 1939 г. Причем, по словам Г.И. Лукьянова, он с каждым разом все более тщательно подходил к подбору материала. В своей деятельности он видел нечто большее, чем помощь коллегам. Он расценивал ее как миссию по собиранию предметов искусства для Родины. В декабре 1932 г. Г.И. Лукьянов писал в Прагу о своей мечте, чтобы его коллекция была перевезена в Россию после ее возрождения. При этом условии он готов был всеми силами помогать Институту сформировать хорошее собрание коптских тканей¹⁸³¹. Это в полной мере устраивало кондаковцев и совпадало с их устремлениями: «Ваши пожелания, чтобы коллекция коптских тканей, пожертвованных Вами в Институт имени Н.П. Кондакова, была впоследствии перевезена в Россию вполне совпадает с нашим убеждением, что пребывание нашего института за границей является лишь временным и с восстановлением России все коллекции Института, равно как и тщательно подбираемая специальная библиотека, будут перевезены на родину, где и будут свидетельствовать о той культурной работе, которая велась русскими в годы изгнания»¹⁸³².

К практике дарений Григорий Иванович приобщил также свою жену Елизавету Сергеевну, приславшую в 1935 г. в Чехословакию неразвернутый коптский папирус¹⁸³³, и дочь Ирину. Последняя, в мае 1936 г. персонально передала в Прагу византийский металлический котелок, фрагмент рельефа, формы для терракоты, фрагменты арабской керамики, коптскую

¹⁸²⁹ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 18 апреля 1931 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 6.*

¹⁸³⁰ Письмо Г.И. Лукьянова к Н.П. Толлю, 12 июля 1933 г. // *Ibid. № 17.*

¹⁸³¹ Письмо Г.И. Лукьянова к Председателю Археологического института имени Н.П. Кондакова, 31 декабря 1932 г. // *Ibid. № 11.*

¹⁸³² Письмо Н.П. Толля к Г.И. Лукьянову, 3 января 1933 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Неразобранные бумаги.*

¹⁸³³ Письмо Е.С. Лукьяновой к Д.А. Расовскому, 19 марта 1937 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janova, Jelisaveta Sergejevna, Kahira. № 4.*

игрушку и римский ключ¹⁸³⁴. В Кондаковском институте такое внимание очень ценили, а потому со всем основанием говорили в адрес Г.И. Лукьянова: «Ваше дело представляет значительное событие в русской археологии и, я надеюсь, что когда-нибудь, когда обстоятельства позволят вернуться нам в Россию, в Эрмитаже или в каком-нибудь другом большом русском Музее будет отведено должное место для собрания коптских тканей Лукьянова. Поверьте, что собирать в годы всеобщего расточения – есть поистине подвиг»¹⁸³⁵.

Г.И. Лукьянов хотел, чтобы в Праге был издан каталог его дарений, в первую очередь – коптских тканей. Ему сообщали, что это желание совпадает с настроением кондаковцев, и что как только образцов накопится в достаточном количестве, они будут обобщены в специальной книжке¹⁸³⁶. Это начинание всячески поддерживал Н.П. Толль¹⁸³⁷. Он указывал на важность подобной работы, ибо в русских собраниях, за исключением Эрмитажа, коптские ткани были представлены мало. Однако Толль хотел, чтобы коллекция тканей расширилась, пополнилась еще 10–15 экземплярами, преимущественно цветными с мифологическими или орнаментальными сюжетами и пурпурными с мифологическими сюжетами, видимо надеясь получить от Г.И. Лукьянова еще что-нибудь¹⁸³⁸. Увы, каталог так и не будет издан.

Желания приобрести те или иные древности не всегда совпадали с финансовыми возможностями Археологического института, которые на протяжении 1930-х гг. стремительно угасали. В 1932 г. Г.И. Лукьянов заявил о

¹⁸³⁴ Письмо Секретаря Археологического института имени Н.П. Кондакова к Г.И. Лукьянову, 14 мая 1936 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. A.V. Florovskij. T-FLOR. Незабранные бумаги.

¹⁸³⁵ Письмо секретаря Археологического института имени Н.П. Кондакова к Г.И. Лукьянову, 14 июля 1933 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. A.V. Florovskij. T-FLOR. Незабранные бумаги.

¹⁸³⁶ Письмо секретаря Археологического института имени Н.П. Кондакова к Г.И. Лукьянову, 3 января 1933 г. // *Ibid*.

¹⁸³⁷ Письмо Д.А. Расовского к Г.И. Лукьянову, 9 января 1933 г. // *Ibid*.

¹⁸³⁸ Письмо Секретаря Археологического института имени Н.П. Кондакова к Г.И. Лукьянову, 20 марта 1933 г. // *Ibid*.

готовности подарить несколько коптских барельефов, но при условии, что Кондаковский институт возьмет на себя расходы по их перевозке из Египта¹⁸³⁹. В Праге воодушевились, ибо появился хороший шанс расширить коллекцию коптского искусства. Но денег не было. В феврале 1933 г. Г.И. Лукьянов навел справки, что пересылка груза весом 600 кг стоит примерно 15 египетских фунтов, а 1000 кг – 20 фунтов. При среднем весе барельефов в 800–1000 кг, сумма становилось весьма ощутимой. Сам Г.И. Лукьянов заметил: «Я нахожу, что эта безумно дорогая пересылка. Sic»¹⁸⁴⁰. В итоге, в марте 1933 г. из Праги пришлось сообщить, что перевозка каменных барельефов в настоящий момент невозможна: «Простите нас, пожалуйста, за все доставленные Вам хлопоты по поводу пересылки камней; из посланного Вам отчета Института Вы увидите, как трудновато нам с деньгами и п[о]э[тому] мы не можем рискнуть последними и очутиться совсем без денег»¹⁸⁴¹. На кондаковцах висел долг в 50.000 чешских крон за печатание научных работ, а перевоз барельефов требовал дополнительно 2.000–3.000 крон¹⁸⁴². В доказательство переживаемых материальных трудностей пражские коллеги сообщали в Каир, что им регулярно приносят хорошие русские иконы XV–XVII вв., но институт не в состоянии их купить, хотя цены обычно составляют не более 2.000 чехословацких крон¹⁸⁴³. Материальные трудности заставили в 1933 г. отказаться от покупки некой «интереснейшей рукописи», которую предлагал Г.И. Лукьянов¹⁸⁴⁴.

Архивные документы показывают, что свой антикварный бизнес Г.И. Лукьянов пытался вести и в Чехословакии. Однако успеха в этом

¹⁸³⁹ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 9 июля 1932 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 9.*

¹⁸⁴⁰ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 24 февраля 1933 г. // *Ibid. № 13.*

¹⁸⁴¹ Письмо Секретаря Археологического института имени Н.П. Кондакова к Г.И. Лукьянову, 7 марта 1933 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Неразобранные бумаги.*

¹⁸⁴² Письмо Секретаря Археологического института имени Н.П. Кондакова к Г.И. Лукьянову, 20 марта 1933 г. // *Ibid.*

¹⁸⁴³ Там же.

¹⁸⁴⁴ Там же.

направлении он, кажется, не снискал. 10 ноября 1936 г. Григорий Иванович поведал своим пражским коллегам, что ранее переслал инженеру и антиквару Йозефу Кнофличеку (Josef Knoflíček) коллекцию античных статуэток из терракоты и известняка для продажи. Документы не доносят до нас имени человека, который порекомендовал Г.И. Лукьянову этого чехословацкого торговца. Известно лишь, что он проживал в Бейруте, и что в итоге прервал контакты с Лукьяновым и стал скрываться от него¹⁸⁴⁵.

Изначально Кнофличек намеревался взять 11 предметов, оценив их в 4.000 чехословацких крон. Затем, вероятно после переговоров, ему было направлено еще 28 статуэток, однако он оценил их все вместе в прежние 4.000 крон, при этом добавив, что 3 предмета оказались украдены на таможне. Г.И. Лукьянов был явно недоволен. Кнофличек в свою очередь вообще перестал отвечать на письма. Особое раздражение Григория Ивановича вызвал тот факт, что пражского антиквара рекомендовали ему как надежного партнера, ведь тот некогда служил секретарем президента Т. Масарика. Был ли в действительности Кнофличек связан с основателем чехословацкого государства или нет, выяснить не удалось. Биография торговца окутана туманом.

Г.И. Лукьянов настоятельно просил Д.А. Расовского о помощи – разыскать Кнофличека и забрать у него или ранее присланную коллекцию или же 4.000 крон. В качестве компенсации за услуги он предлагал подарить институту либо 3 статуэтки из возвращенной коллекции, либо 10% от полученной компенсации¹⁸⁴⁶. Одновременно Григорий Иванович известил письмом Кнофличека о необходимости немедленного возврата стату-

¹⁸⁴⁵ Письмо Е.С. Лукьяновой к Д.А. Расовскому, 19 марта 1937 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janova, Jelisaveta Sergejevna, Kahira. № 4.*

¹⁸⁴⁶ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 10 ноября 1936 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 25.*

эток¹⁸⁴⁷. Кондаковцы вызвались помочь русскому коллеге. 2 декабря 1936 г. Г.И. Лукьянов прислал письменное поручение Расовскому относительно статуэток: «Я бы предпочитал, чтобы г. Кнофличек продал их по 150 кр[он] штука – все 36 штук. Если Вы увидите, что это возможно, то дайте ему сделать это быстро, если же в короткий срок он сделать этого не сможет, то прошу Вас – отберите у него, т.к. я ему не доверяю вовсе. Он мне за 11 первых вещей предложил по фотографиям 4.000 фр[анков]¹⁸⁴⁸, поэтому я их и выслал. Если получите деньги с него, то 10% удержите в пользу экспедиции Института в Эстонию»¹⁸⁴⁹. Однако процесс явно затягивался. Об этом свидетельствуют, в частности, письма Й. Кнофличека к Г.И. Лукьянову, которые последний переслал кондаковцам в Прагу. Процесс возврата статуэток определенно занял много времени. 2 октября 1937 г., то есть почти через год после адресованной кондаковцам просьбы, Кнофличек написал в Египет, что к нему приходил доктор Расовский с просьбой вернуть коллекцию античных статуэток. Пражский антиквар сетовал, что не мог отдать запрашиваемые предметы, не будучи уверен в полномочиях посланного к нему агента. Потому он просил Г.И. Лукьянова точно сообщить письмом, кому именно можно будет вручить статуэтки. При этом он сетовал, что не мог найти достойного покупателя, так как спрос на подобные вещи, да еще плохой степени сохранности, невелик¹⁸⁵⁰.

6 октября 1937 г. Й. Кнофличек направил в Каир еще одно послание, в котором рассказал, что сначала предметами заинтересовался Национальный музей, и что для оценки предметов к нему приходил известный егип-

¹⁸⁴⁷ Письмо Г.И. Лукьянова к Й. Кнофличеку, 10 ноября 1936 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV. Korespondence cizí: № 7.*

¹⁸⁴⁸ Так в тексте – 4.000 франков. Хотя во всех других документах речь идет о 4.000 чехословацких крон. Вероятно, упоминание франков является банальной опечаткой.

¹⁸⁴⁹ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому и Й. Кнофличеку, 2 декабря 1936 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV. Korespondence cizí: № 8.*

¹⁸⁵⁰ Письмо Й. Кнофличека к Г.И. Лукьянову, 2 октября 1937 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV. Korespondence cizí: № 2.*

толог профессор Франтишек Лекса (František Lexa; 1876–1960). Затем с целью экспертного заключения его навел на ученик Лексы, Ярослав Черный (Jaroslav Černý; 1898–1970). Оба признали статуэтки подлинными, но отметили их очень плохое состояние, позволявшее говорить не о целостных предметах, а об их фрагментах. Таким образом, подчеркивал Кнофличек, цена в 4.000 крон является неоправданной. Национальный музей в итоге от покупки отказался. Иных покупателей отталкивал и характер статуэток – их «эротический мотив, а именно такого сорта, который не встречает спроса, т.к. эти вещи нельзя употребить ни для декорации, ни вообще выставить»¹⁸⁵¹. Однако Й. Кнофличек был полон оптимизма и сообщал Г.И. Лукьянову, что уже нашел некоего доктора, которому можно будет постепенно продать всю коллекцию по частям. Он даже готов был компенсировать ущерб в случае сбивания цены, которая, по его мнению, не должна превышать 1.500 крон. Правда сделать это он намеревался за счет отыгрыша на стоимости предметов, которые Г.И. Лукьянов пришлет в будущем. Таким образом, Кнофличек недвусмысленно заявлял о необходимости продолжения сотрудничества¹⁸⁵². Григория Ивановича такое предложение явно не устраивало, и 14 октября 1937 г. он написал в Прагу, что ни на какие уступки больше не пойдет, и что все предметы коллекции необходимо немедленно вернуть Д.А. Расовскому. Если же какие-то предметы невозможно будет выдать тотчас, то за них следует уплатить денежную компенсацию¹⁸⁵³. В результате Дмитрию Александровичу удалось добиться возврата статуэток. В письме от 31 мая 1939 г. Г.И. Лукьянов поинтересуется дальнейшей судьбой коллекции¹⁸⁵⁴. Однако судьба эта по известным документам не прослеживается.

¹⁸⁵¹ Письмо Й. Кнофличека к Г.И. Лукьянову, 6 октября 1937 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLV. Korespondence cizí: № 3.*

¹⁸⁵² Там же.

¹⁸⁵³ Письмо Й. Кнофличека к Г.И. Лукьянову, 14 октября 1937 г. // *Ibid: № 9.*

¹⁸⁵⁴ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 31 мая 1939 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 35.*

В своих письмах Григорий Иванович нередко делился новостями о своей жизни в Египте, рассказывал о состоянии антикварного рынка, научных событиях. В апреле 1936 г. он оповестил коллег о «замечательном открытии» – случайной покупке у одного антиквара древнеегипетской статуэтти-оракула в образе Гора: «Голова бога имеет сзади полую камеру с каналом, выходящим наружу под правым ухом и спереди незаметным. Жрец, стоя сзади, говорил, как в рупор, предсказания от имени бога Горуса»¹⁸⁵⁵. Г.И. Лукьянов хотел вывезти статуэтку за границу для продажи, но Служба древностей заставила уступить ее Египетскому музею по низкой цене, оставив, правда, за ученым право на публикацию¹⁸⁵⁶.

Г.И. Лукьянов также регулярно информировал пражских коллег о своих выступлениях в Египетском институте, например, о докладах «Кто является автором героической поэмы о битве при Кадеше?» в ноябре 1930 г., «Бог Шед. Эволюция его культа в Древнем Египте» в марте 1931 г., «Одна неизвестная царская голова из Каирского музея» в декабре 1932 г. и др. Нельзя не признать, что, несмотря на старательность и искреннюю увлеченность, исследовательские способности Лукьянова были довольно заурядны, а потому сделанные им выводы нередко порождали недоумения. Приведем лишь один пример. В мае 1936 г. Григорий Иванович поведал, что его недавнее сообщение о неизвестных статуях Тутанхамона вызвало бурю критики. Вот, что он рассказал пражским коллегам: «Базу своих выводов я, кроме прочих многих признаков, обосновал на одном существенном и доселе неизвестном признаке – пробитых для серег ушах фараона Тутанхамона, которые везде имеются на статуях, будь то он представляет персону или олицетворяет какого-либо бога: Амона, Хонсу и т.д. Вся администрация Service des Antiquités присутствовала на заседании, но молчала, как

¹⁸⁵⁵ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 17 апреля 1936 г. // Slovánská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 20.

¹⁸⁵⁶ Письмо Г.И. Лукьянова к Н.П. Толлю, 20 мая 1936 г. // Ibid. № 22.

убитая, так что прений не было. Но – после было сделано все, чтобы не напечатать мой доклад в Бюллетене Института»¹⁸⁵⁷.

Отношения Г.И. Лукьянова и кондаковцев тоже развивались не безоблачно. Достаточно сказать, что русский перевод «Поэму Пентаура», несмотря на все заверения пражских коллег, так и не был издан. Еще в письме от 18 апреля 1931 г. Лукьянов сообщал, что все еще ждет верстку текста¹⁸⁵⁸. Постепенно о нем вообще перестанут говорить в письмах. Причина до конца остается неизвестной. Конечно, древнеегипетский сюжет явно не вписывался в тематику кондаковских сборников, но, можно предположить, что и сам перевод вызывал сомнения. Во всяком случае, в известном архивном экземпляре отсутствует и иероглифический текст, и глубокий источниковедческий комментарий. Работа по публикации каталога коптских тканей также не была начата. Тем не менее, в 1935 г. в сборнике Кондаковского института была напечатана статья Г.И. Лукьянова, рассказывающая о его открытии в монастыре Святой Екатерины на Синае осенью 1932 г.¹⁸⁵⁹ Тогда он осмотрел две серебряные с позолотой раки для мощей Святой Екатерины, которые монахи называли дарами российских императоров – Екатерины II и Александра II. Г.И. Лукьянов усомнился в датировке первой раки, обратив внимание на сложную славянскую вязь на пяти медальонах на боковых сторонах. В 1934 г. при помощи британского консула в Каире Гиацинта Рабино (Hyacinth Louis Rabino; 1877–1950) он получил оттиски медальонов, что позволило определить имена дарителей. Ими были цари Иван и Петр Алексеевичи, а также их сестра Софья, которые 2 июня 1688 г. преподнесли в дар монастырю эту серебряную раку. Своей небольшой заметкой, содержащей публикацию текстов и прорисовок медальонов, Г.И. Лукьянов надеялся обозначить важность дальнейшего исследования

¹⁸⁵⁷ Там же.

¹⁸⁵⁸ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 18 апреля 1931 г. // Ibid. № 18.

¹⁸⁵⁹ Лукьянов Г.И. Серебряная рака Святой Великомученицы Екатерины – дар русских царей в Синайский монастырь в 1688 году // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1936. Т. VIII. С. 155–160.

русских следов на Синае, в том числе на основе изучения ранее неизвестных рукописей и различных церковных артефактов. Он, кажется, намеревался использовать страницы кондаковских сборников для презентации результатов своих и своей супруги исследований на Ближнем Востоке, пусть и посвященных очень узким проблемам. На этом пути Лукьяновых ожидала неудача, которая вылилась в острый конфликт.

Таковым стал эпизод с отклонением от публикации в сборнике «*Seminarium Kondakovianum*» статьи Е.С. Лукьяновой. Причем эта работа была подготовлена по приглашению самих кондаковцев. Увы, текст статьи не сохранился, потому трудно дать ей подробную характеристику. С точностью, опираясь на сохранившиеся письма, можно говорить лишь о том, что она была посвящена древностям Елеонской Горы и византийским мозаикам¹⁸⁶⁰. В благодарность за приглашение к публикации Е.С. Лукьянова обещала подарить Институту небольшой манускрипт XIII в., идентифицируемый с эпохой мамлюков¹⁸⁶¹. Она была заинтересована в опубликовании работы, которую считала итогом многолетних изысканий, именно на русском языке и в русском научном издании: «...Я, как убежденная патриотка, желаю принести России (подчеркнуто в оригинале – *М.К.*) этот труд и, исходя из этого, нахожу для него самым лучшим быть помещенным в “Конд[аковском] семинарии”, тем более что сам Кондаков писал о моих мозаиках, правда очень поверхностно и ошибочно, но тем более, *raison de plus* опубликовать его Вам!»¹⁸⁶². Публикация, однако, затягивалась, пока в итоге в Каир не был послан официальный отказ. Конкретные причины отклонения неизвестны, однако, может быть так, что именно расхождения Е.С. Лукьяновой с Н.П. Кондаковым, о которых она сама говорила, послужили причиной негативной оценки. В марте 1938 г. Лукьянова писала в

¹⁸⁶⁰ Письмо Е.С. Лукьяновой к Д.А. Расовскому, 14 апреля 1937 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk’janova, Jelisaveta Sergejevna, Kahira. № 5:

¹⁸⁶¹ Письмо Е.С. Лукьяновой к Д.А. Расовскому, 5 июня 1937 г. // *Ibid.* № 7.

¹⁸⁶² Письмо Е.С. Лукьяновой к Д.А. Расовскому, 2 августа 1937 г. // *Ibid.* № 8.

Прагу: «Я очень жалею Кондаковский Институт, что он не нашел возможности напечатать это столь важное для русской археологии открытие, получившее полное одобрение французских, немецких и английских ученых...»¹⁸⁶³ Елизавета Сергеевна, если верить ее словам, обидел не сам факт отклонения статьи, сколько долгое молчание кондаковцев относительно ее судьбы.

С нескрываемой иронией и раздражением Г.И. Лукьянов писал Н.П. Толлю в мае 1938 г.: «Я не знал до сих пор, что русская эмиграция так богата научными силами, чтобы можно было закладывать или браковать десятилетнюю работу Е[лизаветы] С[ергеевны] об Елеоне, одобренную такими авторитетами, как проф[ессор] К. Шмидт, [Р.] Jouguet et cet. Могу только радоваться такому расцвету русской ученой мысли и не премину посмотреть том 9 и 11-ый [трудов] К[ондаковского] И[нститута], чтобы увидеть эти горизонты»¹⁸⁶⁴. Ему вторила сама Е.С. Лукьянова: «Во всяком случае, я признательна Кондаковскому Институт за то, что он вывел меня из узких рамок русского научного органа на широкий путь международной печати и признания. Многие ему за это лета!»¹⁸⁶⁵ Думается, прав оказался В.В. Беляков, отметивший, что Г.И. Лукьянов был человеком с завышенной самооценкой и непростым, порой конфликтным характером¹⁸⁶⁶.

Этот инцидент совпал по времени с трудными временами для Кондаковского института, связанными с резким сокращением финансирования, спорами вокруг необходимости переезда в Белград, ощущением неизбежной войны и грядущей катастрофы. Теперь уже Г.И. Лукьянов не хотел сотрудничать с учреждением, обладавшим непонятным статусом и туманными перспективами. В мае 1938 г. он написал Н.П. Толлю, что пока повременит

¹⁸⁶³ Письмо Е.С. Лукьяновой к Н.П. Толлю, 16 марта 1938 г. // Ibid. № 8.

¹⁸⁶⁴ Письмо Г.И. Лукьянова к Н.П. Толлю, 11 мая 1938 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 33.

¹⁸⁶⁵ Письмо Е.С. Лукьяновой к Д.А. Расовскому, 29 декабря 1938 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLIV. Luk'janova, Jelisaveta Sergejevna, Káhira. № 11.

¹⁸⁶⁶ Беляков В.В. Г.И. Лукьянов: штрихи к портрету. С. 165.

с присылкой в Прагу своей новой работы о жреце Педуамонатехе¹⁸⁶⁷ «ввиду невыясненного положения Института»¹⁸⁶⁸. Исходя из тона письма, в перспективы организации он не верил, хотя и выразил пожелание: «Надеюсь, что под Вашим мудрым руководством Кондаковский Институт переживет наступившие во всей Европе и в Чехии в частности дни испытаний»¹⁸⁶⁹.

Конечно, Г.И. Лукьянова в первую очередь волновала судьба коллекции коптских тканей, в создании которой он принимал прямое участие. Вспомним, что Григорий Иванович постоянно подчеркивал, что в будущем она должна непременно оказаться в России, а потом 10 июня 1939 г. он сообщил Д.А. Расовскому: «Я приостановил посылку Вам коптских тканей впредь до выяснения вопроса об судьбе моей коллекции, перевезена ли она в Белград, осталась ли в Праге, не увезена ли в Америку. Я ее собирал и собираю для России (подчеркнуто в оригинале – *М.К.*), и мне было обещано Н.П. Толлем ее научная разборка и скорое напечатание отдельно, как моей коллекции без включения тканей от других лиц»¹⁸⁷⁰. Это письмо оказалось последним. Через несколько месяцев начнется Вторая мировая война. К 1940 г. относится последнее доподлинное свидетельство о контактах Григория Ивановича Лукьянова с кондаковцами. В 11-м томе институтского сборника, изданного уже в Белграде, а не в Праге, будет напечатана его маленькая заметка – дополнение к статье 1936 г. Это был текст и прорисовка выгравированного на серебряной раке Святой Екатерины из Синайского монастыря ее молитвенного обращения к Господу¹⁸⁷¹. Правда неизвестно, когда именно Лукьяновы послали свой текст, и как долго он ждал печатания.

¹⁸⁶⁷ *Loukianoff G.* Les statues et les objets funéraires de Peduamonapet // *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*. 1937. Vol. XXXVII. P. 219–232.

¹⁸⁶⁸ Письмо Г.И. Лукьянова к Н.П. Толлю, 11 мая 1938 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. A.V. Florovskij. T-FLOOR. Krab. XLIV. Luk'janov, Grigorij Ivanovič, Káhira. № 33:

¹⁸⁶⁹ Там же.

¹⁸⁷⁰ Письмо Г.И. Лукьянова к Д.А. Расовскому, 31 мая 1939 г. // *Ibid.* № 35.

¹⁸⁷¹ *Лукьянов Г.И.* Еще о древней серебряной раке Св. Великомученицы Екатерины в Синайском монастыре // *Seminarium Kondakovianum: Анналы Института имени Н.П. Кондакова*. Белград, 1940. Т. XI. С. 205–206.

К сожалению, пока не выяснена до конца судьба коптских тканей и иных древностей, передававшихся в Прагу Г.И. Лукьяновым. Кажется, они не были перевезены в Белград, а потому не погибли при бомбежке. Известно, что принадлежавшие институту иконы были переданы чехословацкой стороне, а потом оказались в Национальной галерее в Праге¹⁸⁷². Быть может, там очутились и лукьяновские дарения. Вне всякого сомнения, необходимы дальнейшие углубленные исследования с целью выяснить судьбу коллекции.

Что касается собрания древностей самого Г.И. Лукьянова, то в 1944 г. он попытался продать его через советских посланников в СССР. Однако внезапная кончина помешала осуществить начинание. Вдова египтолога попыталась возобновить ходатайства. М.А. Коростовцев в своем заключении заметил, что коллекция неравноценна с научной точки зрения, а цена ее сильно завышена¹⁸⁷³. Кажется, попытки продажи коллекции в СССР в итоге успехом не увенчались, во всяком случае современным исследователям не удалось обнаружить документальных подтверждений¹⁸⁷⁴. Дальнейшая судьба этого собрания пока также не выяснена.

Связи Г.И. Лукьянова с Археологическим институтом имени Н.П. Кондакова примечательны не только тем, что указывают на существование контактов между «русской Чехословакией» и «русским Египтом», причем в контексте более широких, международных, научных коммуникаций. Они отражают в себе успехи и трудности научных взаимодействий в русской эмигрантской среде. С одной стороны, многие изгнанники стремились к самоорганизации и налаживанию плодотворных и прочных деловых отношений, как это видно на примере формирования в Праге коллекции

¹⁸⁷² Басаргина Е.Ю. Археологический институт им. Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). По материалам архивов Праги // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 811; Fronek J., Handlová J., Kotková O. a col. Evropské umění od Antiky do závěru Baroka: Průvodce stálou expozicí Sbírký starého umění Národní galerie v Praze ve Šternberském paláci. Praha, 2004. S. 26–30.

¹⁸⁷³ Тимофеева Н.С. Указ. соч. С. 266–267; Беляков В.В. Г.И. Лукьянов: штрихи к портрету. С. 168.

¹⁸⁷⁴ Тимофеева Н.С. Указ. соч. С. 272–273.

коптских тканей. Они видели в своих усилиях служение русской культуре, а потому их деятельность была пропитана особым мессианизмом. С другой стороны, этим контактам была присуща высокая степень конфликтности. Жизнь на чужбине обостряла не только чувство сопричастности к русской культуре, но также высокую конкуренцию. Она же по-новому проявляла личностные качества, формировала особые поведенческие стратегии, порождала новые формы самоидентификации. Видимо, Г.И. Лукьянову изначально были присущи честолюбие и высокая самооценка, но в эмиграции эти черты усилились. Его материальное благополучие явно контрастировало с неустроенностью кондаковцев. Социальный статус и положение египтолога-любителя, пусть и искренне увлеченного наукой, оказались гораздо выше, нежели у молодых русских пражан. Оттого, например, критика кондаковцев в адрес Лукьяновых, возникшая в связи с отклонением к печати статьи о Елеонском монастыре, вызвала острую обиду. Оттого Григорий Иванович в конце концов свел к минимуму контакты с институтом, переживавшим период неустойчивости и неопределенных перспектив. Не будем также забывать, что научной жизни эмиграции в межвоенный период приходилось развиваться под сильным воздействием внешних рамок, в условиях стремительно меняющейся международной обстановки. Судьба Археологического института имени Н.П. Кондакова, судьба Г.И. Лукьянова, а равно их коллекций, наглядно подтверждает это.

Глава 5. Российские ученые-эмигранты в пространстве социалистической науки (вторая половина 1940-х – 1970-е гг.)

§ 1. Из белогвардейцев в коммунисты: ихтиолог Борис Сергеевич Костомаров

В историографии закрепилось устойчивое представление, что Вторая мировая война поставила точку в истории Зарубежной России. При этом исследователями делаются разные акценты: на том, что она окончательно расколола эмиграцию политически, что она привела к затуханию культурных очагов, таких как «русский Париж», что она перенесла центр эмигрантской жизни из Европы в Америку. Применительно к Чехословакии, внимание фокусируется на окончательном прекращении там научной, культурной и политической деятельности русской эмиграции, на выезде русских на Запад в статусе Ди-Пи (DP, displaced persons), т.е. перемещенных лиц, на случаях арестов эмигрантов СМЕРШ и иными советскими подразделениями с последующей отправкой в ГУЛАГ. Что касается арестов, то неизменно упоминается евразийский лидер П.Н. Савицкий, отправившийся на долгие годы из Праги в мордовские лагеря.

И все же реальная картина была более сложной и многомерной. Судьба каждого конкретного эмигранта зависела от множества обстоятельств, причем зачастую случайных. Но случай мог оказаться как счастливым, так и трагическим. Так, например, повезло семье историка С.Г. Пушкарева, которым беспрепятственно разрешили выезд из страны по решению советской комендатуры¹⁸⁷⁵. В то же время не повезло библиографу, сотруднику РЗИА, бывшему эсеру Сергею Порфирьевичу Постникову (1883–1965), который был арестован, вывезен в СССР и долгие годы провел в тюрьме. Обратим при этом внимание, что С.Г. Пушкарев в ноябре 1944 г. присутствовал на учредительном собрании Комитета освобождения народов России и

¹⁸⁷⁵ *Пушкарев С.Г.* Воспоминания историка. С. 108–110; *Пушкарев Б.С.* Долгая дорога в Россию. С. 367.

горячо симпатизировал движению генерала А.А. Власова, а С.П. Постников в коллаборационизме замечен не был.

Хотя изучение положения русской эмиграции в годы Второй мировой войны не входит в задачи настоящего исследования, на некоторых моментах необходимо кратко остановиться. Во-первых, эмигрантская научная и культурная жизнь в Чехословакии заметно сократилась уже к концу 1930-х гг. К началу Второй мировой войны продолжали существовать лишь некоторые эмигрантские организации. Их положение было шатким не только в силу внешних обстоятельств, но и в силу внутренних причин. Русское историческое общество раздирали противоречия, интриги, борьба за власть¹⁸⁷⁶. Не обходилось без этого и в Русском свободном университете. Примечательно, что оккупационные власти, закрыв все чешские научные и культурные институты, включая Карлов университет, не посягали на эмигрантские организации. Они продолжали свою работу, получая финансовые дотации от властей Протектората, в обмен на всесторонний контроль за деятельностью. Во-вторых, положение русских в Протекторате Богемия и Моравия и в Словацкой республике заметно различалось. Контроль в Праге, осуществляемый оккупационными властями, был гораздо выше, чем в Братиславе. Потому именно в Словакии русские ученые (геолог Д.Н. Андрусов, зоолог М.М. Новиков, историк Е.Ю. Перфецкий, философ Н.О. Лосский) получили возможность для относительно стабильной, насколько это вообще возможно в условиях войны, работы. В-третьих, в историографии нечасто обращают внимание на примеры коллаборационизма в эмигрантской среде, в том числе в ученой. Он мог быть мнимым, приспособленческим, как, например, вывешивание на стене Института имени Н.П. Кондакова портретов Адольфа Гитлера и президента Эмиля Гахи. Но мог быть искренним, глубинным, идейным. 25 июля 1941 г. появи-

¹⁸⁷⁶ Ковалев М.В. Русское историческое общество в Праге в годы Второй мировой войны // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века / Отв. ред. Е.П. Серапионова. СПб., 2011. С. 403–421.

лось письмо-призыв к русским эмигрантами за подписью заместитель председателя Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете профессора А.Н. Фатеева, в котором предлагалось «приложить свои знания и найти себе то или иное применение в борьбе против советской власти и большевизма», записавшись в списки добровольцев. В послании особо подчеркивалось, что это не правительственное распоряжение, а частная инициатива¹⁸⁷⁷. В специальной серии «Библиотека российского национального движения» наряду с печально известными «Протоколами сионских мудрецов» были опубликованы труды почвовед Б.Н. Одинцова¹⁸⁷⁸, историков Н.Н. Ястребовой¹⁸⁷⁹ и С.Г. Пушкарева¹⁸⁸⁰. На обложках изданий серии красовался двухглавый орел с мечом и крестом в лапах, а под ним – свастика. Высокой степенью коллаборационизма отмечился Союз русских инженеров и техников в Протекторате Богемия и Моравия. Приведем выдержку из информационного письма этого объединения, которая не нуждается в комментариях: «29-го октября 1941 г. прибывший с Восточного фронта член Союза инж[енеров] А.А. Долгов в заседании Правления поделился своими впечатлениями о жизни и людях в освобожденных областях России», «16-го ноября 1941 г. Члены нашего Союза инж[енер] агр[оном] Б.А. Усов и комм[ерческий] инж[енер] Н.В. Галецкий призваны и отбыли в качестве переводчиков на Восточный фронт», «27-го ноября 1941 г. член нашего Союза инж[енер]-стр[оитель] Г.В. Сидорин в расширенном заседании Правления поделился своими впечатлениями о 3½

¹⁸⁷⁷ Призыв к русским эмигрантам, 25 июля 1941 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6427. Оп. 1. Д. 98. Л. 1. При этом сын профессора, Игорь, был связан с подпольем и погиб во время Пражского восстания 6 мая 1945 г.

¹⁸⁷⁸ *Одинцов Б.Н.* Землевладение и землеустройство. Прага, 1942. Автор, в частности, заявлял, что «германский опыт должен послужить и для земельного законодательства в России, когда она освободится от ига большевизма» (Там же. С. 29).

¹⁸⁷⁹ *Ястребова Н.Н.* Развитие русской национальной идеи (политическая и социальная философия К. Леонтьева). Прага, 1942. Свою работа она завершала лозунгом, ставшим популярным в кругах русских фашистов – «Слава России!».

¹⁸⁸⁰ *Пушкарев С.Г.* Аграрный вопрос в истории русской революции. Прага, 1942. Думается, нет нужды специально описывать, какие события происходили в СССР в августе 1942 г., когда была завершена и сдана в печать эта работа.

месяцах работы в освобожденных областях России»¹⁸⁸¹. В то же время, немало эмигрантов и в Протекторате Богемия и Моравия, и в Словацкой республике в той или иной форме сотрудничали с антифашистским подпольем. В их ряду филологи Владимир Петрович Чеботарев (1895–1980) и Александр Васильевич Исаченко (1911–1978), медик Константин Николаевич Шимановский (1893–1971), журналист и музейный деятель Валентин Федорович Булгаков (1886–1966), переводчица Надежда Филаретовна Мельникова-Папоушкова (1981–1978) и др. Тем не менее, большинство русских и в Протекторате, и в Словакии оставались лишь наблюдателями переживаемых исторических событий, пытаясь уцелеть и выжить в сложившихся обстоятельствах.

Расхожее представление, что все эмигранты либо бежали, либо отправились напрямик в ГУЛАГ, не выдерживает критики. Во многом оно сложилось под влиянием не критической трактовки мемуаров уехавших, а также вольного анализа их последующих биографий. Обратим внимание, что целый ряд бежавших эмигрантов, действительно, запятнал себя сотрудничеством с оккупационными властями. Среди таковых – ботаник В.С. Ильин и почвовед Б.Н. Одинцов.

Даже беглый обзор очень квалифицированного и содержательного справочника «Представители эмиграции с территории бывшей Российской Империи в Чехословакии (1918–1945)» дает наглядное представление о том, что значительная часть русских сразу после окончания Второй мировой войны оставалась в Чехословакии, не думая уезжать¹⁸⁸². Причем это были не просто рядовые земледельцы или инженеры, а весьма заметные фигуры. У каждого из них были свои мотивы, чтобы остаться. Тем не менее, пере-

¹⁸⁸¹ Информационное письмо № 16 Профессионального Союза Русских Инженеров и Техников в Протекторате Чехия и Моравия, 10 декабря 1941 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6427. Оп. 1. Д. 234. Л. 2.

¹⁸⁸² Здесь важно иметь в виду, что под ними понимается широкая группа людей: часть ее обладала Нансеновским паспортом, но другая, большая часть, еще в межвоенный период обрела чехословацкое гражданство, то есть юридически перестала относиться к эмигрантскому миру.

ломные события в Чехословакии 1945–1948 гг. все же побудили некоторых из них уехать за рубеж, как, например, физико-химика А.И. Глазунова, оказавшегося в итоге в Чили, или почвовед П.В. Отоцкого, переехавшего к дочери в Швецию. Вопрос о том, как складывались судьбы представителей российской научной эмиграции в уже социалистической Чехословакии, по-прежнему остается открытым. По сути, существует лишь несколько обзорных исследований на эту тему¹⁸⁸³.

При этом хорошо известно, что в Чехословакии осталось немало крупных ученых из эмигрантской среды, которые не просто продолжали свои исследовательские карьеры, но добивались высоких административных должностей, как, например, геолог Д.Н. Андрусов, о котором уже много говорилось, или радиотехник Сергей Михайлович Дядьков (1899–1993), основавший Институт теоретической радиотехники Чехословацкой академии наук. Важная особенность научных биографий всех этих ученых состояла в том, что в своей работе они начали активно взаимодействовать с коллегами из СССР. Естественно, это было связано с попаданием Чехословакии в орбиту советского влияния. Причем нередко эти контакты оказывались плодотворными для всех участников интеллектуального диалога. Для советских ученых социалистическая Чехословакия была важным «окном в Европу», как назвал ее археолог Николай Яковлевич Мерперт (1922–2012), впервые побывавший там в 1959 г. как участник международного симпозиума «Европа в конце каменного века»¹⁸⁸⁴. Ученые-эмигранты нередко оказывались для них связующим мостом с западной наукой, как, например, все тот же Д.Н. Андрусов, установивший крепкие личные связи с советскими геологами и многократно помогавший им¹⁸⁸⁵. Ф.Н. Досужков участвовал в

¹⁸⁸³ *Devátá M.* Russische und ukrainische Emigranten an tschechischen Hochschulen nach dem Februar 1948 // *Wissenschaft im Exil: die Tschechoslowakei als Kreuzweg 1918–1989: Sammelband einer Konferenz* (Prag, 11.–12. November 2003). Praha, 2004. S. 289–306.

¹⁸⁸⁴ *Мерперт Н.Я.* Из прошлого далекого и близкого. Мемуары археолога. М., 2011. С. 199–213

¹⁸⁸⁵ Знаменитый геолог Виктор Ефимович Хаин (1914–2009) так описал первую встречу с Д.Н. Андрусовым во время XX Международного геологического конгресса в Мехико

научных конференциях в СССР и публиковал там свои работы¹⁸⁸⁶. Историк П.А. Остроухов посылал свои труды по экономической истории России XIX в., публиковавшиеся в межвоенный период, в Научную библиотеку Саратовского государственного университета¹⁸⁸⁷.

Таким образом, судьба тех русских ученых, кто после 1945 г. продолжал жить и работать в Чехословакии, остается практически не исследованной, послевоенный период почти полностью выпадает из поля исследовательских рефлексий. Возникает закономерный вопрос о том, как реагировали оставшиеся в Чехословакии русские ученые на переломные события в жизни страны, связанные с процессами советизации, были ли они их наблюдателями или прямыми участниками, как отражались переживаемые трансформации на исследовательской работе и карьерных путях, как складывались отношения с чехословацким окружением, в том числе с коммунистическими властями, как складывались их отношения с советскими коллегами, которые были неизбежны, и как вообще влиял советский контекст на их научное творчество. При этом важно понять, как развивалась их деятельность в контексте международных научных связей в условиях Холодной войны. Найти общий ответ на эти вопросы непросто, но тем важнее проанализировать оценить индивидуальные стратегии русских ученых в социалистической Чехословакии.

Для сравнения выбраны биографии двух крупных ученых русского происхождения, о которых уже говорилось в предыдущих главах. Это биолог

в 1956 г.: «Это был обаятельный человек, естественно расположенный к дружбе с русскими геологами из Советского Союза» (*Хаин В.Е.* Указ. соч. С. 91).

¹⁸⁸⁶ В 1967 г. Ф.Н. Досужков был участником Пятой научной сессии по дефектологии, организованной Академией педагогических наук СССР (27–30 марта 1967 г.) В 1975 г. ученого приглашали на симпозиум о природе функций и методов исследования бессознательного, организованного Отделением общественных наук Академии наук Грузинской ССР (Письмо А.С. Прангишвили Ф.Н. Досужкову, 26 сентября 1975 г. // *Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy. Fond 151: Dosužkov Theodor* (фонд не описан)).

¹⁸⁸⁷ Письмо П.А. Остроухова в Научную библиотеку Саратовского государственного университета, 18 февраля 1964 г. // Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 6261. Оп. 1. Л. 9.

Б.С. Костомаров и историк А.В. Флоровский. Выбор не случаен, поскольку их биографии как раз дают хорошую основу для сравнений. Хотя оба они принадлежали к эмигрантскому миру, но почти наверняка не были знакомы. Оба принадлежали к разным поколениям. По этой причине формирование А.В. Флоровского как ученого произошло еще в дореволюционной России, а Б.С. Костомарова – уже на чужбине, в масариковской Чехословакии. Оба принадлежали к разным, совершенно не пересекающимся областям знания. А.В. Флоровский – специалист по русской истории XVIII в., истории русско-чешских отношений, Б.С. Костомаров – ихтиолог, специалист по изучению и искусственному разведению карповых. Первый работал в Праге, второй – в Брно. Первый был тесно связан с эмигрантским культурным контекстом, второй практически ушел от него еще в 1920-е гг. А.В. Флоровский был выслан, к своему удивлению, из Советской России в 1922 г., Б.С. Костомаров с оружием в руках в рядах белых сражался с большевиками. Эта непохожесть и, казалось бы, полная несопоставимость жизненных и творческих путей как раз дает возможность приблизиться к пониманию того, какие пути и какие модели развития ученых карьер могли существовать у русских в социалистической Чехословакии, и как эти модели соотносились с локальным и глобальным интеллектуальным контекстом.

Профессора Бориса Сергеевича Костомарова (1897–1974) по праву можно назвать одной из самых парадоксальных и противоречивых фигур в истории российской научной эмиграции. Родившись в Российской империи, он большую часть жизни прожил в моравском городе Брно. Несмотря на то, что профессор оставил обширное научное наследие, его биография окружена многочисленными загадками и недомолвками. Жизненный путь ученого кратко обрисовывается в нескольких юбилейных заметках, некрологах и посмертных словарных статьях¹⁸⁸⁸. Но это, пожалуй, все. Личный

¹⁸⁸⁸ Podhradský J. Op. cit. S. 375–378; Hochman L. Op. cit. S. 185–188; Jirásek J. Zemřel Prof. Dr. Ing. Boris Kostomarov // Zprávy Československé limnologické společnosti. 1974.

архив Б.С. Костомарова не сохранился, дневников он не вел, мемуаров не написал. Письма ученого в архивных собраниях его друзей и коллег единичны и предельно лаконичны по содержанию. Едва ли не самым подробным источником о жизни Б.С. Костомарова являются два его личных дела, хранящихся в Архиве Менделова университета в Брно¹⁸⁸⁹. В этом же архиве имеются некоторые другие свидетельства о научной и педагогической деятельности ученого, но они немногочисленны. Такую биографическую безвестность можно попытаться списать на особую исследовательскую специализацию Б.С. Костомарова, которая далеко не всегда попадает в поле зрения историков науки. Он был ихтиологом и гидробиологом, причем с упором в прикладные, а не фундаментальные исследования. И все же трудности изучения биографии Б.С. Костомарова и отчасти его научного наследия неразрывно связаны с крутыми виражами в жизни ученого, вовлеченного в вихрь исторических перемен XX в. Среди русских в Чехословакии едва ли найдется человек, который успел побывать и добровольцем в деникинской армии, и организатором демократического студенческого кружка в масариковской Первой республике, и секретарем ячейки Коммунистической партии.

Как было описано в предшествующих разделах (см. главу 1, § 3), межвоенная карьера ученого складывалась удачно. Он сумел завоевать высокий авторитет своими прикладными исследованиями в области ихтиологии. В 1945 г. в жизни Б.С. Костомарова произошел резкий и неожиданный поворот. 21 августа 1945 г. он стал членом Коммунистической партии Чехословакии¹⁸⁹⁰. Тогда же он вступил в Союз друзей СССР (Svaz přátel SSSR), на основе которого в 1948 г. будет образован Союз чехословацко-

Sv. 3. S. 47–48; Kostomarov Boris // Slovenský biografický slovník (od roku 833 do roku 1990). III. zväzok. Bratislava, 1989. S. 196; Kostomarov Boris // Československý biografický slovník. Praha, 1992. S. 345.

¹⁸⁸⁹ Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond Mendelova univerzita Brno – rektorát. Krab. 117. Inv. jedn. 198/331; Fond «Agronomická fakulta MENDELU Brno». Kart. 112. B. Kostomarov.

¹⁸⁹⁰ Dotazník, 16.11.1951 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331; Dotazník, 30.03.1973 // Ibid.

советской дружбы (Svaz československo-sovětského přátelství)¹⁸⁹¹. Он был первым преподавателем, кто настаивал на необходимости развития научных связей с СССР и инициировал создание при Высшей сельскохозяйственной школе первого среди всех высших школ Брно отделения Союза¹⁸⁹². В 1946 г. Б.С. Костомаров становится членом Революционного профсоюзного движения (Revoluční odborové hnutí)¹⁸⁹³, который по закону № 144/1946 Sb. от 16 мая 1946 г. превратился в единую профсоюзную организацию Чехословакии¹⁸⁹⁴. В 1946–1947 гг. Б.С. Костомаров входил в состав комитета местной организации Коммунистической партии Чехословакии (Místní organizaci KSČ) в Брно, кои создавались по инициативе первичных партийных организаций в городах или сельских округах¹⁸⁹⁵. Таким образом, Б.С. Костомаров активно включился в деятельность партии. В своей автобиографии ученый подчеркнет, что еще в студенческие годы был сторонником социалистических идей, что основал в Брно союз студентов-демократов, председателем которого был до 1926 г.: «У тогдашней русской эмиграции был известен как социалист и большевик»¹⁸⁹⁶. Впрочем, это утверждение не подтверждается никакими источниками.

Было ли вступление в компартию шагом искренним, продиктованным личными убеждениями? Ответить на данный вопрос непросто. Вторая мировая война изменила отношение части русской эмиграции к СССР. Многие прониклись патриотическими настроениями, пытались переосмыслить

¹⁸⁹¹ Dotazník, 30.03.1973 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331; Doplňovací dotazník zaměstnance vysoké školy zemědělské v Brně, 3.04.1961 // Ibid.

¹⁸⁹² Hodnocení navrhovaného vedoucího katedry rybářství a hydrobiologie prof. Dr. Ing. Borise Kostomarova za období do 30.9.1970 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331; Kostomarov Boris – prověření, 9.04.1951 // Ibid.

¹⁸⁹³ Dotazník, 30.03.1973 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁸⁹⁴ Zákon ze dne 16. května 1946 o jednotné odborové organizaci // Sbírnka zákonů a nařízení republiky Československé. 1946. Č. 59. 24. června. S. 1023–1025.

¹⁸⁹⁵ Prof. Dr. Ing. B. Kostomarov. Životopis, 3.04.1973 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁸⁹⁶ Ibid.

свою прежнюю политическую позицию. Для одних такой поворот ознаменовался репатриацией на Родину, который, как известно, в большинстве случаев оказался связан с суровыми испытаниями. Другие приняли советское гражданство, но остались жить в Чехословакии. Случай же Б.С. Костомарова примечателен тем, что он не просто примкнул к Коммунистической партии, но сделался ее активистом. Однако он вступил в ее ряды до того, как она взяла власть в Чехословакии в свои руки. Потому прямое политическое приспособленчество в его поступке разглядеть не просто. Разумеется, Коммунистическая партия не была маргинальной политической силой и пользовалась значительной поддержкой населения, свидетельством чему является успех на выборах в Учредительное национальное собрание 26 мая 1946 г.

Возьмем на заметку весьма примечательный факт из биографии ученого. Уже упоминавшийся профессор О. Полак в служебной записке от 9 ноября 1952 г. свидетельствовал, что Б.С. Костомаров лично встречался с советскими дипломатами А.Ф. Сизовым и И.А. Чичаевым, а также с профессорами Турбиным и Бобровым, которых нисколько не смущал тот факт, что они имеют дело с бывшим эмигрантом. Одновременно О. Полак делал акцент на близких отношениях Б.С. Костомарова и И.А. Чичаева, у которых было несколько неофициальных встреч¹⁸⁹⁷. Что касается профессоров, то речь, вероятно, идет о генетике Николае Васильевиче Турбине (1912–1998) и ботанике Евгении Григорьевиче Боброве (1902–1983), секретаре знаменитой серии «Флора СССР»¹⁸⁹⁸. Увы, даты их визитов в Чехословакию пока установить не удалось. Едва ли не более примечательны фигуры упомянутых дипломатов. Александр Федорович Сизов (1905–1962) был не

¹⁸⁹⁷ Osobní posudek na s. Borise Kostomarov, dr.,ing. a prof. Vysoké školy zemědělské v Brně. Na vyzvání s. J. Viglaského podává Otakar Polák, Praha – Dejvice, Studentská 1, 9.11.1952 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁸⁹⁸ Костина Т.В. О документальном наследии Е.Г. Боброва в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (к 50-летию завершения «Флоры СССР») // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 3. С. 61–73.

только внешнеполитическим работником, но также военным и разведчиком. С началом Великой Отечественной войны он служил в советских военных миссиях в Великобритании и США, был военным атташе посольства СССР при Союзных правительствах Польши, Югославии и Чехословакии. В 1946–1949 гг. он занимал пост военного атташе при советском посольстве в Праге. Иван Андреевич Чичаев (1896–1984) тоже был сотрудник внешней разведки, начавшим свою службу в 1920-х гг. на Востоке: в Туве, а затем в Корее. В 1930-х гг. И.А. Чичаев был резидентом в Выборге, Таллинне, Риге и Стокгольме. Осенью 1941 г. он был направлен в Лондон для координации совместных действий с британской разведкой. В мае 1945 г. И.А. Чичаев получил назначение резидентом в Чехословакии, поскольку во время войны сумел установить хорошие связи в кругах чехословацкого эмигрантского правительства. В Праге И.А. Чичаев пробыл до 1947 г. Если отталкиваться от этих сведений, то получается, что бывший белогвардеец Б.С. Костомаров, ставший членом Коммунистической партии, имел близкие контакты с представителями советской разведки. Однако дать более глубокое толкование этому факту в свете скудности известных и доступных источников пока не представляется возможным.

Обратим внимание на важную характеристику, отраженную в июне 1948 г. в переписке доктора Рудольфа Фитлика (Rudolf Fytlík), сотрудника Научно-исследовательского института рыбного хозяйства и гидробиологии в Праге, с профессором Милославом Валоухом (Miloslav Valouch; 1878–1952), математиком и чиновником министерства образования и просвещения на протяжении многих лет. Б.С. Костомарову давалась следующая оценка: «а) Профессионализм в общем на высоком уровне; не хватает ему все же собственного направления, собственной оригинальной мысли. В своих настоящих работах он главным образом опирается на идеи других респондентов, дополняя выводы оригинальных трудов, на который он основывается. Сам он ничего нового не создал и, вероятно, едва ли создаст, судя по его предшествующей деятельности. Он опубликовал довольно мно-

го работ. б) Личностно и политически доктор Костомаров является человеком, который всегда шел к своей карьере и в соответствии с этим приспособлялся. Он является русским беженцем. После Октябрьской революции 1917 г. стал, как он мне сам рассказывал, белогвардейским офицером. После бегства из России он попал в Чехословакию, где учился и добился достойного положения. Я полагаю, что до 1945 г. он ненавидел большевиков; это впечатление сложилось у меня из нескольких частных бесед с ним, которые, однако, имели место лишь между нами двумя, и именно поэтому я вряд ли найду убедительные доказательства своему мнению. Сегодня доктор Б. Костомаров является членом компартии»¹⁸⁹⁹. Добавим сюда цитату еще из одной характеристики Б.С. Костомарова, неподписанной и недатированной, но по содержанию относящейся к началу 1950-х гг.: «В поступках производите впечатление неискренности»¹⁹⁰⁰. Причем эта фраза нарочито подчеркнута. Характеристика 1953 г. менее остра, но тоже показательна: «С личной точки зрения, он инициативный, амбициозный, иногда проявляющий склонность к интригам. Он отличный организатор, хороший оратор. Он дружелюбен в общении с людьми. Он немного тщеславный»¹⁹⁰¹. Эти ремарки явно контрастируют с оценками из уже упоминавшийся записки профессора О. Полака, в которой говорится, что в первые послевоенные годы Б.С. Костомаров горячо убеждал коллег в полной и искренней приверженности идеям партии и в давних симпатиях к СССР. В доказательство Б.С. Костомаров приводил пример, как еще в 1928–1929 гг. он неоднократно писал в прессе об успехах советской науки¹⁹⁰². О. Полак, ка-

¹⁸⁹⁹ Ing. Dr. Rudolf Fytlík – Prof. Dr. M.V. Valouch, 20.06.1948 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹⁰⁰ Prof. Ing. Dr. Boris Kostomarov [без даты и подписи] // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹⁰¹ Kádrový posudek, 19.01.1953 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹⁰² Osobní posudek na s. Borise Kostomarova, dr.,ing. a prof. Vysoké školy zemědělské v Brně. Na vyzvání s. J. Viglaského podává Otakar Polák, Praha – Dejvice, Studentská 1, 9.11.1952 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

жется, был излишне наивен, или же пытался представить друга в выгодном свете. Служебные характеристики все же не без оснований упоминали о присутствии ученому конформизме, интриганству и двоемыслию.

После прихода к власти коммунистов в феврале 1948 г. положение Б.С. Костомарова упрочилось. По решению Профессорского совета Высшей сельскохозяйственной школы в Брно он был приглашен занять должность профессора рыбного хозяйства и гидробиологии с 1 августа 1948 г. с ежемесячным окладом в 9.700 чехословацких крон¹⁹⁰³. Однозначно членство в партии сыграло весомую роль. Но все же следует отметить высокую научную репутацию и публикационную активность Б.С. Костомарова, его огромный и бесспорный опыт практических исследований. В период с 1925 по 1948 гг. он опубликовал более 60 научных работ, что было весьма немало для той эпохи, учитывая трудности с печатанием работ и технологически долгий издательский процесс. Примечательно то, что он почти не публиковался на русском языке. Это свидетельствует о его некоторой отчужденности от эмигрантского окружения и глубокой интеграции в местную среду. Высокая творческая активность была во многом связана с тем фундаментальным образованием, которое он начал в Москве, а завершил в Брно, соединением традиций разных научных школ. Впрочем, в первые послевоенные годы его более занимала не научная, а административная и политическая работа.

Еще в конце февраля 1948 г. Б.С. Костомаров стал членом Комитета действий Национального фронта (Akční výbor Národní fronty) в Высшей сельскохозяйственной школе. Такие комитеты создавались политическими активистами, в основном из рядов Коммунистической партии, Революционного профсоюзного движения и Чехословацкого союза молодежи, на предприятиях, в учреждениях науки, культуры, образования, муниципальных службах. Их целью было изгнание с управленческих должностей сво-

¹⁹⁰³ Dotazník, č. 1, 20.01.1951 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

их идейных противников и установление тотальной власти коммунистов. В конце 1948 г. Комитеты действий были преобразованы в Специальные четверки (Akční čtyřka). В высших школах в их состав могли входить только коммунисты: председатель и заместитель председателя партийной организации факультета, председатель кадровой комиссии и надежный профессор¹⁹⁰⁴. Б.С. Костомаров вошел в состав такой четверки, которая с ноября 1951 г. по декабрь 1952 г. фактически руководила Высшей сельскохозяйственной школой¹⁹⁰⁵. Профессор отметился и как активист профсоюзного движения: с момента прихода к власти коммунистов в феврале 1948 г. и по 1949 г. он был председателем Производственного совета Центрального совета профсоюзов (Ústřední rada odborů) в Высшей земледельческой школе.

Б.С. Костомаров был в числе активнейших членов первичной партийной организации школы. Поскольку она была многочисленной, то делилась на подотделы, и главой одного из подотделов, 2-го (II. dílčí organizace), как раз сделался русский профессор¹⁹⁰⁶. Он же стал председателем Клуба профессоров-коммунистов. В партийной характеристике Б.С. Костомарова отмечалось: «Он идеологически зрелый, документы в порядке, он выполняет членские обязательства, иногда из-за занятости не может посещать собрания»¹⁹⁰⁷. В духе времени Б.С. Костомаров занимался повышением партийной квалификации. Так, 11–16 мая 1949 г. он был слушателем курсов идейного воспитания преподавателей высшей школы в Брно, а 7–20 августа 1950 г. прошел курсы политического воспитания¹⁹⁰⁸.

¹⁹⁰⁴ Pulec J., Kalendovská J. Akční výbory a poučovací studentská očista na Masarykově univerzitě // *Universitas: Revue Masarykovy univerzity v Brně*. 1996. Roč. 29. № 4. S. 32–38; Eadem. Poválečná zaměstnanecká očista na Masarykově univerzitě // *Universitas: Revue Masarykovy univerzity v Brně*. 1996. Roč. 29. № 2. S. 38–45.

¹⁹⁰⁵ Prof. Dr. Ing. B. Kostomarov. Životopis, 3.04.1973 // *Archiv Mendelovy univerzity v Brně*. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹⁰⁶ Ibid.

¹⁹⁰⁷ S. Prof. Dr. Boris Kostomarov, 14.11.1950 // *Archiv Mendelovy univerzity v Brně*. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹⁰⁸ Dotazník, 30.03.1973 // *Archiv Mendelovy univerzity v Brně*. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

После прихода к власти коммунистов началась стремительная реорганизация чехословацкой Высшей сельскохозяйственной школы по советским образцам. В 1948/1949 учебном году впервые введены специальные вступительные экзамены для выпускников школ всех типов. Политическая благонадежность и социальное происхождение стали важнейшими условиями приема. Тогда же введено обязательное политическое образование. Б.С. Костомаров принимал участие в этом процессе. 20 января 1949 г. Министерство образования, науки и искусства (Ministerstvo školství, věd a umění) специальным указом предписало всем учреждениям высшего образования немедленно создать комиссии по реформе образовательного процесса. Б.С. Костомаров вошел в состав такой комиссии при Высшей сельскохозяйственной школе. Общественная активность профессора была столь заметной, что в сентябре 1949 г. он был избран деканом экономического отделения (Hospodářský odbor) Высшей сельскохозяйственной школы, проработав им до лета 1950 г. Высокая активность сказывалась на здоровье. В анкете, в графе о хронических заболеваниях, 16 июля 1949 г. ученый признался в частой сильной усталости из-за низкого кровяного давления, которое снижалось при переутомлении. Там же упомянул о сердечной недостаточности¹⁹⁰⁹.

По его инициативе были организованы однолетние дополнительные курсы для выпускников по зоотехнике, а также по рыбоводству. Они стали основой для создания в будущем отдельной специальности. Он же инициировал начало преподавания садоводства как самостоятельной дисциплины¹⁹¹⁰. Еще в 1938 г. на I съезде Чехословацких рыболовов было закреплено решение о необходимости создания специальных образовательных программ в сфере рыбного хозяйства. Но воплотить в жизнь эти планы поме-

¹⁹⁰⁹ Dotazník, č. 1, 16.07.1949 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹¹⁰ Hodnocení navrhaného vedoucího katedry rybářství a hydrobiologie prof. Dr. Ing. Borise Kostomarovy za období do 30.9.1970 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

шала Вторая мировая война. Б.С. Костомаров вернулся к этой идее, и в 1949/1950 учебном году началась подготовка соответствующих специалистов. Первоначально в учебном процессе преподавалось 7 специальных предметов, читаемых 6 специалистами. Важной частью совершенствования образовательной программы стала передача биологической станции в Леднице на Мораве (Biologické stanice brněnských vysokých škol) в ведение Высшей сельскохозяйственной школы в Брно, созданной в 1922 г. по инициативе профессора Э. Байера как Биологическая станция высших школ Брно (Biologická stanice vysokých škol brněnských v Lednici na Moravě)¹⁹¹¹. В годы Второй мировой войны ей был нанесен значительный урон, а потому полноценная работа была почти остановлена. Б.С. Костомаров стал научным руководителем станции, а затем, в конце 1951 г. договорился о ее передаче в ведение Высшей сельскохозяйственной школы, что было удовлетворено постановлением министерства образования от 24 марта 1952 г. Тогда же был создан научный совет, а заведующим станцией был назначен Богумил Лосос (Bohumil Losos; 1926–2002), один из учеников Б.С. Костомарова¹⁹¹².

18 мая 1950 г. был принят Закон № 58/1950 «О высших школах»¹⁹¹³, который ознаменовал радикальный переход к советской модели высшего образования. Правительственные меры предполагали, по сути, полную ликвидацию университетской автономии и академических свобод. Теперь вся полнота власти находилась в руках специально созданного Государственного комитета по высшей школе (Státní výbor pro vysoké školy). Он стано-

¹⁹¹¹ Soudek Š. Biologická stanice v Lednici // Příroda. Brno, 1926. № 19. S. 1–7; Bayer E. První biologická stanice na Moravě // Věda přírodní: měsíčník pro šíření a pěstování věd přírodních. 1926. № 7. S. 1–10; Spurný P. 60 let specializační výuky rybářství na mžlu v Brně // 60 let výuky rybářské specializace na Mendelově zemědělské a lesnické univerzitě v Brně: Sborník referátů z konference s mezinárodní účastí konané v Brně 2. a 3. prosince 2009. Brno, 2009. S. 7.

¹⁹¹² Kostomarov B., Losos B. Čtyřicetileté výročí Biologické stanice Vysoké školy zemědělské v Brně v Lednici // Acta Universitatis Agriculturae. Facultas agronomica. 1962. Řada A. № 3–4. S. 361–367.

¹⁹¹³ Zákon ze dne 18. května 1950 o vysokých školách // Sbírka zákonů republiky Československé. 1950. Č. 27. 3. června. S. 114–120.

вился консультативным, координирующим и контролирующим органом при министерстве. Все его члены (председатель, 3 заместителя председателя, генеральный секретарь, заместитель секретаря и иные лица, количеством не более 24 человек), назначались личным распоряжением министра на срок не более 3 лет. Причем не менее 2/3 из них должны быть университетскими преподавателями¹⁹¹⁴.

Происходила решительная перекройка научно-образовательной инфраструктуры, насаждение организационной системы советских университетов, академий и институтов. В 1950/1951 учебном году в составе Высшей сельскохозяйственной школы были образованы сельскохозяйственный и лесной факультеты. Первый делился на 7 кафедр, второй – на 6. Причем сельскохозяйственный факультет вскоре был разделен на агрономический и зоотехнический. Фактическим главой ректората стал секретарь юрист Станислав Шуба (Stanislav Šuba). Кадровая работа находилась теперь в руках первого кадрового секретаря. Происходила профилизация образования. Так на сельскохозяйственном факультете созданы следующие направления подготовки: агрономическое, технологическое, садово-виноградарское и зоотехническое.

Чешский исследователь Франтишек Моркес показал, что едва ли не главным последствием трансформации стал переход к системе кафедр. Тем самым была ликвидирована историческая традиция организации учебного процесса вокруг семинаров, просеминаров, институтов или клиник (у студентов-медиков). Кафедры должны были создавать предпосылки для коллективных форм работы, на них должны были работать преподаватели из одной научной сферы или из смежных областей. Заведующие кафедрами не избирались, а назначались министром по предложению Государственного комитета высшей школы (Státní výbor pro vysoké školy)¹⁹¹⁵.

¹⁹¹⁴ *Morkes F. Zákony o vysokých školách z let 1948–1989 // Pedagogika: Časopis pro vědy o vzdělávání a výchově. 1999. Roč. XLIX. № 2. S. 116–117.*

¹⁹¹⁵ *Ibid. S. 117.*

Б.С. Костомаров в 1950 г. был назначен руководить кафедрой зоологии, рыбного хозяйства и гидробиологии¹⁹¹⁶.

Партийная организация сельскохозяйственного факультета предложила Б.С. Костомарова на пост ректора Высшей сельскохозяйственной школы. Однако Отто Шлинг (Otto Šling; 1912–1952), влиятельный функционер, член ЦК Коммунистической партии Чехословакии и глава областной партийной организации в Брно, это предложение не одобрил. Б.С. Костомарову был доверен лишь пост проректора¹⁹¹⁷. В характеристике говорилось, что он предстает как «честный товарищ, добросовестный и скромный». Отмечалось, что в общении профессор дружелюбен, последователен во всем и бескомпромиссен. Он идеологически зрел, самоотверженно участвует в жизни партии, пользуется уважением среди коллег, а потому рекомендуется на пост проректора Высшей сельскохозяйственной школы¹⁹¹⁸.

Но почему первоначальное ходатайство коллектива не было поддержано, и почему Б.С. Костомаров не стал ректором? Можно предположить, что, несмотря на свою партийную активность, новые власти Чехословакии настороженно относились к русскому эмигранту. Тем более, как уже было сказано, коллеги Б.С. Костомарова подмечали неискренность его поступков, граничившую с конформизмом и изворотливым приспособленчеством. Симпатизировавший ученому О. Полак описывал, как в 1948 г. функционер по фамилии Животский (Životský) грозился Б.С. Костомарову, что партийный контроль в очередной раз проверит его как бывшего белогвардейца¹⁹¹⁹. Другим примером служит недовольство нескольких студентов организаци-

¹⁹¹⁶ Prof. Dr. Ing. B. Kostomarov. Životopis, 3.04.1973 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹¹⁷ Ibid.

¹⁹¹⁸ Kostomarov Boris – prověření, 9.04.1951 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹¹⁹ Osobní posudek na s. Borise Kostomarova, dr.,ing. a prof. Vysoké školy zemědělské v Brně. Na vyzvání s. J. Viglaského podává Otakar Polák, Praha – Dejvice, Studentská 1, 9.11.1952 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

ей учебного процесса по курсу рыбоводства, случившееся в начале 1950 г. Локальный конфликт перерос в большой скандал. 11 января в 14.00 Б.С. Костомаров позвонил проректору Карелу Елинеку (Karel Jelínek; 1900–1968) по телефону. Тот немедленно спросил, что профессор делает для нормализации ситуации, и, не дожидаясь ответа, сказал, что недовольство студентов представляет собой глас народа: «Вы сбежали от одной революции и хотите снова сбежать. Помните, что вы белогвардеец, и что мы не можем терпеть буржуазно-капиталистические начинания». К. Елинек грозился сообщить обо всем в министерство и ЦК партии. Затем он передал трубку одному из слушателей, который критиковал Б.С. Костомарова около 10 минут¹⁹²⁰. Видимо желая обезопасить себя, профессор неустанно публично пропагандировал советский опыт, заявляя, что именно там построена «превосходнейшая и прогрессивнейшая система высшего образования на всем свете»¹⁹²¹.

Наряду с трансляцией советского опыта организации высшей школы происходила безудержная пропаганда достижений советской науки и их некритический перенос на чехословацкую почву. Например травопольная система земледелия В.В. Вильямса, ставшая официальной сельскохозяйственной доктриной в СССР, бессознательно применялась в социалистическом блоке, особенно в 1948–1962 гг.¹⁹²² Печальной страницей в истории чехословацкой биологии стало насаждение «мичуринской агробиологии» и погромная кампания против классической генетики¹⁹²³. Как заметила чешская исследовательница Дубравка Ольшакова, «материализм стал един-

¹⁹²⁰ Situační zprava, 17.01.1950 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹²¹ *Kostomarov B.* O možnostech školení vysokoškolských kádrů v rybářství u nás // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹²² *Olšáková D.* Věda jde k lidu!: československá společnost pro šíření politických a vědeckých znalostí a popularizace věd v Československu ve 20. století. Praha, 2014. S. 191.

¹⁹²³ См. подробнее: *Janko J.* Nástup mičurinské biologie v českých zemích // *Věda v Československu v letech 1945–1953.* Praha, 1999. S. 447–457; *Franc M.* Úderná skupina?: výprava českých lékařů a přírodovědců do SSSR v roce 1950 ve světle dopisů Ivana Málka. Praha, 2009.

ственно возможной и единственно идеологически правильной моделью интерпретации в биологии, в то время как генетика, ведомая менделевскими законами наследственности, была означена как “лженаучное учение” капитализма»¹⁹²⁴. «Лысенковщина» в Чехословакии приняла широкий размах, чему способствовало не только внешняя агрессивная научная пропаганда, но и внутренние процессы. Как было замечено, многие ученые стали «терпеливыми свидетелями и соглашателями, или даже активными пропагандистами новой агробиологии Мичурина»¹⁹²⁵. Во главе чехословацких «лысенковцев» встал агроном Антонин Клечка (Antonín Klečka; 1899–1986), сделавшийся влиятельным партийным функционером. Следуя советской научной модели, он «пропагандировал утилитаризм ... и заменил теорию идеологизацией в соответствии с последней передовицей “Правды”»¹⁹²⁶.

Идеологизация сельскохозяйственной науки привела к радикальной перестройке исследовательской инфраструктуры и научных объединений. В 1950 г. Союз сельскохозяйственных научно-исследовательских институтов (Svaz výzkumných ústavů zemědělských) был упразднен и национализирован, в 1952 г. была реформирована Чехословацкая сельскохозяйственная академия (Československá akademie zemědělská), на смену которой с 1 января 1953 г. пришла Чехословацкая академия сельскохозяйственных наук (Československá akademie zemědělských věd). Во главе нее встал верный «лысенковец» А. Клечка¹⁹²⁷. Создание Чехословацкой академии наук (Československá akademie věd) в 1952 г., с одной стороны, открыло для биологии, особенно экспериментальной, беспрецедентное пространство в рамках прежде не существовавших крупных научных институтах. С другой стороны, научное знание было поставлено под неусыпный политический и идеологический контроль, выразившийся на практике в ограничении

¹⁹²⁴ Olšáková D. Op. cit. S. 181.

¹⁹²⁵ Janko J. Vědy o životě v Českých zemích, 1750–1950. S. 464.

¹⁹²⁶ Ibid. S. 464.

¹⁹²⁷ Olšáková D. Op. cit. S. 181.

научных контактов и свободы информации, в строгой регламентации исследовательской работы¹⁹²⁸.

В Брно начинают приезжать советские научные представители. В 1949 г. Высшую сельскохозяйственную школу посетил генетик Николай Иванович Нуждин (1904–1972), один из идейных соратников Т.Д. Лысенко. В 1950 г. там побывали паразитолог Полина Андреевна Петрищева (1899–1973) и микробиолог Григорий Васильевич Выгодчиков (1899–1982). На следующий год приехали генетик Н.В. Турбин и вирусолог Константин Степанович Сухов. Но, как отметила А. Миковцова, это были единоразовые лекционные турне¹⁹²⁹. Тем не менее в Брно вовсю шла пропаганда успехов советской биологии и превознесение ее успехов. Профессорский совет Высшей сельскохозяйственной школы 4 февраля 1949 г. выступил с предложением присвоить Т.Д. Лысенко звание почетного доктора. Министерство просвещения, науки и искусств в феврале 1950 г. это предложение рассмотрело и одобрило, однако оно по неясной причине не было претворено в жизнь. Ирония судьбы заключалась в том, что одним из членов комиссии, рассматривавшей кандидатуру советского «народного академика» Я. Кржиженецкий, которому совсем скоро суждено будет стать одной из главных жертв в борьбе сторонников «мичуринской биологии» с классической генетикой. Примечательно, что в эту же комиссию входил эмигрант, генетик Константин Иванович Мостовой (1895–1980)¹⁹³⁰.

Судьба Я. Кржиженецкого оказалась драматичной. Его прочили профессором зоотехники Высшей сельскохозяйственной школы, но вместо этого в

¹⁹²⁸ Janko J. Vědy o životě v Českých zemích, 1750–1950. S. 361.

¹⁹²⁹ Míková A. Osobnosti Vysoké školy zemědělské v Brně a mičurinská agrobiologie // «Velmožové vědy?» Osobnosti českých přírodních věd mezi bádáním a ideologií v 50. a 60. letech 20. století, Archiv AVČR, 7. 12. 2005 (неопубликованный доклад).

¹⁹³⁰ Ibid. К.И. Мостовой в 1951 г. основал и до 1953 г. возглавлял Научно-исследовательский институт растениеводства в пражском районе Рузине, в 1953–1958 гг. работал в научно-исследовательском центре по генетической селекции растений «Мендэлеум» в городе Леднице, был избран членом Чехословацкой сельскохозяйственной академии (Гашкова Д., Копришова А., Белошевская Л., Янчаркова Ю., Гаген С. Указ. соч. С. 308.).

1949 г. уволили как последователя «реакционной менделистской генетики», считавшего себя «выше рабочего класса и враждебно относившегося к народно-демократическому режиму»¹⁹³¹. Я. Кржиженецкому назначали минимальную пенсию, едва хватавшую на жизнь. Но он продолжал работать у себя дома, среди прочего собирая материалы о «лысенковщине», которую именовал «антигенетикой»¹⁹³².

Имя Б.С. Костомарова как активного участника борьбы с «вейсманистами-морганистами» в документах не встречаем. Однако в 1952 г. он опубликовал статью «Мичуринско-лысенковские основы для племенного разведения рыб»¹⁹³³. Кажется, что статья эта была написана исключительно из конформистских соображений, ибо Б.С. Костомаров в своих прежних работах выступал последователем классической генетики¹⁹³⁴, прямо называя Г. Менделя в одной из статей «гениальным наблюдателем»¹⁹³⁵. В мемуарах профессора-энтомолога Далибора Повольного (Dalibor Povolný; 1924–2004), который в молодости был прямым свидетелем идеологических кампаний в чехословацкой науке, прямо говорится о карьерных и корыстолюбивых устремлениях Б.С. Костомарова¹⁹³⁶. Примечательно, что в списке публикаций профессора, составленном в 1957 г. его коллегой Я. Подградским, пропагандистская статья 1952 г. фигурировать не будет¹⁹³⁷.

Б.С. Костомаров сосредоточил в своих руках множество административных, общественных и партийных должностей, что позволяло ему быть одной из самых влиятельных фигур в научной жизни Брно. Научный авто-

¹⁹³¹ Orel V. Jaroslav Kříženecký (1896–1964), Tragic Victim of Lysenkoism in Czechoslovakia // Quarterly Review of Biology. 1992. Vol. 67. № 4. P. 488.

¹⁹³² Ibid. P. 491.

¹⁹³³ Kostomarov B. Mičurinsko-lysenkovské zásady pro plemenný chov ryb // Sborník Vysoké školy zemědělské a lesnické v Brně. 1952. Č. 1. S. 87–93.

¹⁹³⁴ См., например: Kostomarov B. Několik nových poznatků v genetice kapra // Zemědělský archiv časopis věnovaný vědě a praxi výroby zemědělské. 1942. Roč. 33. Č. 3–4. S. 152–160.

¹⁹³⁵ Kostomarov B. O plemenném výběru v chovu kaprů // Zemědělský archiv časopis věnovaný vědě a praxi výroby zemědělské. 1942. Roč. 33. Č. 9–10. S. 526.

¹⁹³⁶ Povolný D. Op. cit. S. 92–93.

¹⁹³⁷ Podhradský J. Op. cit. S. 375–378.

ритет его подкреплялся членством в различных научных обществах и союзах, таких как Моравское общество естествознания (Moravská přírodovědecká společnost), Чехословацкое биологическое общество (Československá biologická společnost) и Чехословацкая сельскохозяйственная академия. Его положение, несмотря на критику отдельных коллег и доносы в партийные органы, казалось прочным и незыблемым. 6 октября 1950 г. будет арестован О. Шлинг, не благоволивший Б.С. Костомарову. Этот арест станет преддверием больших чисток в рядах коммунистической партии, завершившихся «Процессом Рудольфа Сланского», показательным судом в ноябре 1952 г. и казнью.

Но и для Б.С. Костомарова всё едва не кончилось печально. 3 июня 1952 г. Областной секретариат Союза борцов за свободу (Svaz bojovníků za svobodu) обратился с письмом в Министерство национальной безопасности (Ministerstvo národní bezpečnosti). В нем говорилось, что во время обработки кадрового материала была обнаружена записка Союза борцов за свободу о деятельности Б.С. Костомарова в годы оккупации. Секретариат просил Прагу расследовать содержащиеся в ней факты и сообщить ответ¹⁹³⁸. Речь шла о возможном сотрудничестве с нацистами. В результате в сентябре 1952 г. Б.С. Костомаров был удален с поста проректора. К сожалению, источники молчат о ходе расследования и не дают возможности подтвердить или опровергнуть обвинение. Всё же вероятно, что подозрения с ученого были сняты, ибо он не был уволен из Высшей сельскохозяйственной школы, сохранил за собой ряд ответственных постов, например, должность декана и заведующего кафедрой зоологии, рыбного хозяйства и гидробиологии. К слову, в 1972 г. он получит почетную награду от Чехословацкого союза антифашистских борцов (Československý svaz protifašistických

¹⁹³⁸ Krajský sekretariát SBS – Ministerstvo národní bezpečnosti, 3.06.1952 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

bojovníků) за заслуги в борьбе с фашизмом¹⁹³⁹. То есть от той самой организации, прямой предшественник которой в 1952 г. инициировал расследование против профессора.

Начало 1950-х гг. в истории Высшей сельскохозяйственной школы оказалось отмечено непрерывными реорганизациями и нововведениями, порой слепо копировавшими советские модели, а нередко осуществлявшимися под прямым контролем советских советников. Так, в 1952 г. при участии экономиста Николая Васильевича Нечаева был пересмотрен учебный план школы¹⁹⁴⁰. В 1951/1952 учебном году в Высшей сельскохозяйственной школе была введена обязательная защита дипломных работ перед специальной комиссией, принято обязательное преподавание русского языка, учреждена военная подготовка для студентов, и даже начало и конец лекций теперь было предписано отмечать звонками. В 1952/1953 учебном году в качестве отдельного факультета к Высшей сельскохозяйственной школе была присоединена упраздненная Высшая ветеринарная школа. Лесной факультет, напротив, был переведен в Высшую строительную школу. Сельскохозяйственный факультет был разделен на агрономический и зоотехнический. Из числа студентов изгнаны представители сельских богачей и городской буржуазии. Учреждена аспирантура по советскому образцу и соответствующая система научных степеней. Было положено начало заочной форме обучения, создана кафедра физкультуры, а все факультетские общества окончательно упразднены. В 1953/1954 учебном году было закреплено централизованное управление Высшей сельскохозяйственной школой и планирование научной работы, а при ректорате создан специальный научно-исследовательский отдел. Перечень подобных нововведений можно перечислять бесконечно.

¹⁹³⁹ Pracovní a stranická vyznamenání // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹⁴⁰ Mikovcová A. Osobnosti Vysoké školy zemědělské v Brně a mičurinská agrobiologie

Несмотря на плотную вовлеченность в общественную и административную жизнь, Б.С. Костомаров не прекращал заниматься научной работой. Его прикладные исследования по-прежнему были востребованы. Он продолжал разрабатывать и совершенствовать методики разведения карпа, в частности, изучал дозы гормонов гипофиза для оптимального нереста и их влияния на стимуляцию созревания половых клеток рыб. Он продолжал заниматься вопросами биометрии карпа, которые волновали его еще в 1935–1940 гг. В 1950 г. возглавляемая Б.С. Костомаровым кафедра зоологии, рыбного хозяйства и гидробиологии взяла на себя долгосрочную задачу по ихтиологическим исследованиям в проточных водах Моравии и Силезии с целью улучшения управления рыбным хозяйством. Первоначальные задачи изучения ихтиофауны были дополнены исследованием качества воды для промышленных и бытовых нужд города Остравы, где велось ускоренное строительство Нового металлургического завода Клемента Готтвальда (*Nová huť Klementa Gottwalda*). Для этого на реке Моравице (*Moravice*) около Кружберка (*Kružberk*) в 1948–1955 гг. было построено специальное водохранилище с плотиной.

100-километровая река Моравице, протекающая в Моравско-Силезском крае, стала важнейшим модельным полигоном для одновременных исследований в сфере гидробиологии, ихтиологии, гидрохимии и бактериологии. Нельзя сказать, что до Б.С. Костомарова речные объекты не изучались. Он имел важного научного предшественника в лице знаменитого чешского натуралиста Антонина Фрича (*Antonín Frič*; 1832–1913), который с конца 1850-х гг. занимался ихтиологией, и который затем составил первую карту распространения различных рыб в реках Богемии¹⁹⁴¹. Новаторство подхода Б.С. Костомарова и его группы состояло в том, что теперь ихтиофауна изу-

¹⁹⁴¹ *Janko J.* Hydrobiologie v českých zemích: plod vlastenectví, praktických potřeb anebo součást imanentního vývoje vědeckého poznání? // *Dějiny vědy a techniky*. 2006. Sv. 14. S. 124–126.

чалась не сама по себе, а в контексте взаимодействия с окружающей средой, и особенно в связи с загрязнением водоемов.

Еще в 1936 г. Б.С. Костомаров сделал первые попытки исследовать воздействие промышленного загрязнения вод на речную фауну. Тогда модельным полигоном послужили верховья Влтавы от деревни Фримбурк (Frymburk) до Тын-над-Влтавой (Týn nad Vltavou). Это было оригинальное коллективное исследование, которым был очерчен путь к решению важных научных и одновременно общественных, экономических проблем, связанных с последствиями промышленного загрязнения вод¹⁹⁴². Однако дальнейшему развитию этого направления помешала Вторая мировая война.

Уже на первых этапах исследований на реке Моравице в 1952 г. отчетливо осозналась сложность и многомерность будущих задач. Это потребовало разработки комплексного плана работ, представленных, в духе времени, в форме «социалистических обязательств». Б.С. Костомаров заручился поддержкой Силезского исследовательского института в Опаве (Slezský studijní ústav v Opavě), а также доктора Яна Чермака (Jan Vlahoslav Čermák; 1903–1988), руководителя строительства плотины на Моравице. 9 апреля 1953 г. на совещании представителей различных отраслевых организаций и научных учреждений (министерства строительства, Водохозяйственного института в Праге, Института гигиены и бактериологии медицинского факультета Масарикова университета в Брно, Высшей сельскохозяйственной школы) был утвержден план исследований. Он включал долгосрочный график полевых работ, в том числе время и места отбора проб, лабораторных анализов и описание исследовательских методик. План работ был составлен на период до 1 января 1955 г. К 30 июня 1955 г. группой планировалось представить комплексный отчет. Важнейшая задача исследования реки Моравице и ее притоков состояла в том, чтобы определить степень чистоты воды от истоков до места впадения в Кружберкское водохранилище, кото-

¹⁹⁴² *Kostomarov B., Sedlmayer A., Kořán J., Sýkora L., Nowak W., Dechant E., Tejčka J. Studie o znečištění vody horní Vltavy. Praha, 1937.*

рое считалось резервуаром питьевой и хозяйственной воды для Остравы. Детальный химический анализ воды был дополнен мониторингом ее физических свойств. Биологические исследования проводились путем непрерывного отбора проб бентоса (совокупности бактерий, растений и животных, обитающих на дне и в грунте водоемов) в различных биотопах, а также подробным изучением ихтиофауны. С практической точки зрения ставилась задача выявить и устранить загрязняющие источники, скорректировать систему гидротехнического управления водохранилищем, чтобы максимально увеличить потребление биомассы, достичь независимого биологического цикла веществ, предотвратив накопление мертвого органического вещества таким образом снизив стоимость очистки¹⁹⁴³.

Коллективом было установлено, что устье реки Моравице носит характер мезосапробной зоны, то есть, согласно принятой в гидробиологии системе Кольквитца-Марссона, относится к сильно загрязненным зонам. Главной причиной загрязнений были названы сточные воды, попадающие в реку через Подольский и Черный ручьи, а также из города Брждлична (Břidličná). С точки зрения рыбохозяйственных перспектив, ученые предлагали создать в водохранилище ихтиофауну из сазана, линя и язя, питающихся преимущественно планктоном. Для регулирования их популяции предлагалось заселить хищных лососевых рыб. На участке выше водохранилища предлагалось образовать зону обитания форели и хариуса с ограничением популяции подуста и голавля. Было также предложено построить рыбный завод и рыбопитомник у села Слезка Гарта (Slezská Harta)¹⁹⁴⁴. Как видим, тематика научных работ Б.С. Костомарова развивалась, отражая общественные и государственные запросы в конкретных научных исследованиях прикладного плана. Успешные работы на реке Моравице способ-

¹⁹⁴³ *Kostomarov B. Úvodní poznámky a plan výzkumu // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae. Řada A. 1957. Č. 1. S. 3–6.*

¹⁹⁴⁴ *Kostomarov B., Hochman L., Losos B. Zhodnocení a aplikace provedeného komplexního výzkumu řeky Moravice // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae. Řada A. 1957. Č. 1. S. 119–127.*

ствовавали проведению аналогичных исследований реки Свратка (Svratka) и реки Дие (Dyje). Они же закрепили его связи с различными отраслевыми ведомствами и принесли новые важные знакомства.

В 1953–1954 учебном году Б.С. Костомаров стал членом Общества по расширению политических и научных знаний и популяризации науки (Společnost pro šíření politických a vědeckých znalostí a popularizace věd). Оно было создано как идеологический институт, основной целью которого было популяризация науки и техники. Однако со временем, благодаря своей тесной связи с отделом идеологической и пропагандистско-агитационной агитации ЦК КПЧ, он превратился в одно из самых мощных издательских подразделений партийного аппарата¹⁹⁴⁵. В 1954/1955 учебном году кафедра Б.С. Костомарова была реорганизована: из нее была выделена кафедра зоологии, а сам он остался во главе кафедры рыбного хозяйства и гидробиологии. Профессор по-прежнему руководил рыбохозяйственной специализацией на зоотехническом факультете. В 1956/1957 учебном году Б.С. Костомаров был избран заместителем председателя Рыболовной комиссии (Rybářské komise) Чехословацкой академии сельскохозяйственных наук. В то же время он вошел в состав ученого совета Лаборатории рыболовства в Братиславе (Laboratória rybníctva v Bratislavě). В характеристике на профессора Б.С. Костомарова от 2 января 1956 г. читаем: «Он является одним из лучших экспертов. Он опубликовал ряд оригинальных научных работ. Многие из них, особенно недавние, руководствуются усилиями по оказанию помощи на практике. Он очень активен в издательстве и в остальном. С педагогической точки зрения его лекции оцениваются положительно как преподавателями, так и слушателями. Единственным недостатком является постоянное плохое произношение. <...> С личной точки зрения он инициативный, дружелюбный и амбициозный. У него отличные организаторские способности, которые он использовал при строительстве рыбоводческого института. У него хорошее отношение к труду, и он может

¹⁹⁴⁵ Olšáková D. Op. cit. S. 15.

создать вокруг себя хороший преподавательский коллектив. Он ведет своих младших коллег к научной работе и руководит их подготовкой. Это дает младшим коллегам возможность заявить о себе как в сфере педагогики, так и в сфере научных работ»¹⁹⁴⁶. Еще в одной характеристике, датированной 22 июня 1956 г., говорилось: «Он обладает значительными знаниями марксизма-ленинизма, которые может применять в политической, педагогической и научной деятельности. Он политически зрел и имеет одобрительное отношение к нашему народно-демократическому строю. Политику партии и правительства он всегда отстаивает и среди беспартийных. Он следит за внутренними и зарубежными событиями и посредством дальнейшего систематического изучения углубляет политические знания»¹⁹⁴⁷. В 1956 г. Б.С. Костомаров был назначен проректором по учебной работе, что, кажется, свидетельствовало о полном возврате доверия после истории с расследованием в 1952 г. Тем не менее, при рекомендательном тайном голосовании на Совете школы, состоявшемся в конце мая 1956 г., из 15 присутствовавших членов 9 голосовали «за», а 6 – «против»¹⁹⁴⁸. На посту проректора он пробудет до 31 августа 1958 г.¹⁹⁴⁹

Научно-исследовательская работа Б.С. Костомарова в 1950-х гг. была тесно связана с активными контактами в сфере быстро развивающегося рыбководческого хозяйства. Его исследования имели четко выраженную практическую направленность, а потому получали государственную поддержку. Обширные связи, например с руководством отдела рыболовства при Чехословацком государственном хозяйстве (Československé státní statky), позволяли ему беспрепятственно внедрять свои разработки. По его

¹⁹⁴⁶ Charakteristika na s. prof. Kostomarov Borise, 2.01.1956 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹⁴⁷ Návrh, 22.06.1956 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹⁴⁸ Rektor – Ministerstvo zemědělství, odd. Vysokých škol, 26.05.1956 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹⁴⁹ Ministr Dr. Kahuda – Prof. Kostomarov, 5.09.1958 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Agronomická fakulta MENDELU Brno». Kart. 112. B. Kostomarov.

инициативе были созданы две опытные станции, а также современная лаборатория биохимического контроля в Погоржелице, где новые методы интенсификации рыбного хозяйства испытывались и внедрялись. Б.С. Костомаров инициировал проведение в Высшей сельскохозяйственной школе в Брно 1965 г. национальной конференции по проблемам ихтиологии и рыбоводства. В ходе совещаний была определена годовая потребность в соответствующих специалистах вплоть до 1980 г. и обсуждены способы улучшения профессиональной подготовки.

Процесс десталинизации в Чехословакии в силу внутривластной специфики протекал медленнее, нежели в СССР. Это отражалось на биологической науке. Потому критика идей Т.Д. Лысенко затянулась¹⁹⁵⁰. В этом плане вновь показательна судьба Я. Кржиженецкого. В 1955 г. Словацкая академия наук пригласила его провести зоотехнические исследования. Он незамедлительно согласился, поскольку получал возможность вернуться к научной работе. После того, как Н.С. Хрущев подверг критике деятельность Т.Д. Лысенко, Я. Кржиженецкий расценил это как возможность открыто выступить со своими взглядами. В 1957 г. он опубликовал «Очерк науки о скрещивании»¹⁹⁵¹, в котором представлял свою научную концепцию, основанную на постулатах классической генетики. На эту публикацию незамедлительно отреагировал резким критическим выпадам один из чехословацких последователей Т.Д. Лысенко Иржи Фолтын (Jiří Foltýn; 1926–1995)¹⁹⁵². А поскольку его статья была помещена в официальном журнале «За социалистическое сельское хозяйство», то меры против Я. Кржиженецкого не заставили себя ждать. Он был арестован и провел в тюрьме 18 месяцев, вернувшись оттуда с сильно подорванным здоро-

¹⁹⁵⁰ Šimůnek M.V., Hossfeld U. Trofim D. Lysenko in Prague 1960: A Historical Note // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 2. С. 84–88.

¹⁹⁵¹ Kříženecký J. Přehled nauky o plemenitbě // Polnohospodárstvo. 1957. Roč. IV. Č. 4. S. 805–825.

¹⁹⁵² Foltýn J. Genetika a genetika // Za socialistické zemědělství. 1957. Roč. VII. Č. 24. S. 1525–1528.

вьем¹⁹⁵³. В 1963 г. 67-летний Я. Кржиженецкий был поставлен во главу вновь созданного Отдела Грегора Менделя в Моравском музее в Брно. Еще в межвоенные годы он пытался открыть в Брно Институт генетики и евгеники имени Г. Менделя. Теперь же ему предстояло увековечить память о великом ученом, создав специальную экспозицию. Но до ее открытия он не дожил. В 1969 г. Я. Кржиженецкий был реабилитирован, а в 1989 г. университет признал ошибочным его преследование после 1948 г.¹⁹⁵⁴ Документы не доносят никаких сведений о том, следил ли Б.С. Костомаров за судьбой Я. Кржиженецкого, реагировал ли как-то на переживаемые тем трудности, пытался ли он как-то помочь коллеге, который некогда столь много сделал для его собственной карьеры. Взаимоотношения двух ученых в послевоенный период еще требуют детального изучения.

В 1958 г. Б.С. Костомаров впервые поехал в СССР, где в дальнейшем побывает еще не раз (1961, 1965, 1968, 1969). Он посещал Москву, Ленинград, Киев, встречался там с коллегам-ихтиологами, но конкретных имен документы не доносят. Упоминаний о встречах с Б.С. Костомаровым мы не находим в архивных материалах советских ученых, бывавших в Брно. К сожалению, документы о таких поездках вообще не всегда сохранялись. Так в личном фонде Н.И. Нуждина в Архиве РАН¹⁹⁵⁵ свидетельства о его визите в Брно в 1949 г. не выявлены. Нет нужных данных и в дневниковых записях зоолога Меркурия Сергеевича Гилярова (1912–1985), посещавшего Брно в 1950-х гг.¹⁹⁵⁶ В те же годы бывал в Чехословакии и знаменитый паразитолог, академик Константин Иванович Скрябин (1878–1972): сначала в ноябре – декабре 1953 гг. как глава делегации деятелей советской культуры

¹⁹⁵³ Orel V. Jaroslav Kříženecký. P. 491.

¹⁹⁵⁴ Orel V. Historický výzkum při obnovování genetiky v Brně po roce 1948 // Dějiny věd a techniky. 2005. Roč. XXXVIII. № 1. S. 31–54.

¹⁹⁵⁵ АРАН. Ф. 1660. Оп. 1.

¹⁹⁵⁶ Путевые записи о поездке в Чехословакию, 1950-е гг. // АРАН. Ф. 1944. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–38.

на месячнике Чехословацко-советской дружбы¹⁹⁵⁷, затем в мае 1959 г. как почетный гость на юбилее Высшей сельскохозяйственной школы в Брно¹⁹⁵⁸. В ходе второй поездки вместе с ним приезжал профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии Михаил Григорьевичем Чижевским (1896–1964). Оба советских ученых тогда были удостоены степеней докторов *honoris causa*. В личном фонде К.И. Скрябина имеются многочисленные документы об этих поездках: отчеты, планы, переписка с чехословацкими коллегами¹⁹⁵⁹. Но имя Б.С. Костомарова не упомянуто нигде. Не называют его и советские ученые, приезжавшие в Брно в 1965 г. на 100-летний юбилей открытия Г. Менделя¹⁹⁶⁰. Ситуация кажется удивительной, ибо вряд ли советские гости обошли стороной своего соотечественника, тем более сделавшегося крупным научным администратором. Да и сам Б.С. Костомаров вряд ли уклонялся бы от встречи с высокими гостями. Тем не менее, факт знакомств с советскими коллегами кажется неоспоримым. О профессоре упоминали в советской научной литературе, и сам он публиковался на Родине¹⁹⁶¹.

В 1950-е гг. Б.С. Костомаров активно интегрируется в научную жизнь социалистических стран. В 1958 г. он совершил двухнедельную научную поездку в Польшу. В 1961 г. в Берлине будет опубликован немецкий перевод его учебника по рыбоводству 1958 г. Это будет солидное издание с прекрасными иллюстрациями, охватывающее разные проблемы ихтиологии. Специально для немецкого издания Б.С. Костомаров написал предисловие, которое отражало его актуальный интерес к проблеме загрязнения водое-

¹⁹⁵⁷ Отчет о работе делегации деятелей советской культуры в Чехословакии, организованной ВОКС в связи с месячником укрепления Чехословацко-советской дружбы, 3 ноября – 6 декабря 1953 г. // АРАН. Ф. 1659. Оп. 3. Д. 236. Л. 1–46.

¹⁹⁵⁸ Выезды академика К.И. Скрябина за границу с 1912 по 1963 годы // АРАН. Ф. 1659. Оп. 3. Д. 245. Л. 3.

¹⁹⁵⁹ АРАН. Ф. 1659. Оп. 3. Д. 235, 236, 245. Оп. 4. Д. 600, 772, 1059, 1398, 1583, 1725, 1861, 2212.

¹⁹⁶⁰ *Медведев Ж.И.* Опасная профессия // Родина. 2012. № 7. С. 23–25; № 12. С. 12–14; 2013. № 2. С. 71–73.

¹⁹⁶¹ *Костомаров Б.С.* Значение индекса обхвата в селекции карпа // Рыбное хозяйство. 1961. № 5. С. 9–14.

мов промышленными и бытовыми стоками. Он указал на тяжелые экологические последствия бурного промышленного развития и стремительной урбанизации. Однако вину за это полностью возложил на «хищническую эксплуатацию» ресурсов в предшествующий период: «Эпоха капитализма с его хищнической и безжалостной эксплуатацией человека и природных ресурсов страны и его хаотической экономической политикой, которая была нацелена только на обогащение отдельной личности за счет всего общества, также оставила тяжелое наследство для наших вод. <...> Безжалостное загрязнение водотоков также привело к сокращению популяции рыб»¹⁹⁶². В духе времени он говорил о том, что «первая задача построения социализма на нашей родине – быстро ликвидировать катастрофу, вызванную капиталистическим режимом»¹⁹⁶³. Конечно, с позиций сегодняшнего дня легко упрекать Б.С. Костомарова за подобные лозунги, но не будем забывать, что в советской науке того времени делались еще более абсурдные ремарки, без которых книга не имела шансов выйти из печати. Но если же отрешиться от идеологизированного предисловия, то за ним следовал взвешенный научный текст, в котором поднимался широчайший круг проблем: контроль видового состава ихтиофауны, управление водными ресурсами и гидротехническими сооружениями, особенности разведения различных рыб (радужная форель, хариус обыкновенный, линь, судак обыкновенный, щука обыкновенная, карп и др.), разведение ракообразных, содержание водоплавающих птиц на прудах, разведение бобров, профилактика заболеваний рыб, перевозка живой рыбы, управление рыболовством, загрязнение водоемов и способы оценки качества воды, и т.д. В 1967 г. Б.С. Костомаров организовал и провел в Леднице международную конференцию с участием специалистов из СССР, ГДР, Польши и Венгрии.

В 1967 г. Б.С. Костомаров передал заведование кафедрой своему преемнику доценту Ладиславу Хохману (Ladislav Hochman; 1925–1995), оставив

¹⁹⁶² Kostomarov B. Die Fischzucht. Berlin, 1961. S. 9.

¹⁹⁶³ Ibid. S. 10.

за собой членство в научных советах, а также обязанности профессора. Но в 1968 г. происходит новый поворот в его жизни. Началась «Пражская весна», которую Б.С. Костомаров воспринял критически. Августовские события 1968 г. он встретил, находясь в СССР. Вернувшись в Брно он стал убеждать коллег в правильности и необходимости советской интервенции, за что был пристыжен¹⁹⁶⁴. Уместно вспомнить тут пример другого русского эмигранта – лингвиста Александра Васильевича Исаченко (1910–1978). Известие о советских танках на улицах Праги встретило его, профессора Оломоцкого университета, в служебной командировке в Австрии. Из этой поездки он решил в социалистическую Чехословакию не возвращаться.

Б.С. Костомаров поддержал политику «Нормализации», в том числе проверку членов коммунистической партии на политическую благонадежность. В ходе таких проверок специальные комиссии проводили собеседования с целью выявить истинное отношение к текущему партийному курсу, исключая неблагонадежных. Последствия этого зачастую вели к потере работы, утрате прежнего статуса, общественному ostrakizmu. Профессор Б.С. Костомаров тоже прошел процедуру собеседования, по итогам которой получил новый партийный билет без всяких оговорок и без приостановления стажа в Коммунистической партии¹⁹⁶⁵. Он вновь был назначен заведующим кафедрой рыбного хозяйства и гидробиологии и стал участником «консолидационных работ» в Высшей сельскохозяйственной школе¹⁹⁶⁶. С 1 октября 1970 г. он вышел на пенсию, сохранив при этом за собой руководство кафедрой. После переговоров с руководством факультета для него был создан пост «внешнего заведующего» (*externí vedoucí*). Такое назначение стало возможным по рекомендации партийной ячейки, которая характеризовала профессора как принципиального и требовательного педагога, и

¹⁹⁶⁴ Opis. Posudek na prof. Dr. ing. Borise Kostomarovu, 1970 // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

¹⁹⁶⁵ Hodnocení navrhovaného vedoucího katedry rybářství a hydrobiologie prof. Dr. Ing. Borise Kostomarovu za období do 30.9.1970 // Ibid.

¹⁹⁶⁶ Prof. Dr. Ing. B. Kostomarov. Životopis, 3.04.1973 // Ibid.

как честного и справедливого человека¹⁹⁶⁷. Но дело, думается, было не только в политической благонадежности. Еще в апреле 1969 г. специальная комиссия рекомендовала оставить его на работе как выдающегося эксперта и педагога. Особо отмечалась его роль в подготовке специалистов для рыбного хозяйства и непрекращающиеся научные поиски, к которым были отнесены эксперименты по акклиматизации новых видов рыб в Чехословакии¹⁹⁶⁸. Впоследствии назначение несколько раз продлевалось. Приказом № 789/73 от 15 февраля 1973 г. Б.С. Костомаров был пролонгирован в должности внешнего заведующего кафедрой рыбоводства и гидробиологии агрономического факультета на срок с 1 января 1973 г. по 30 июня 1973 г.¹⁹⁶⁹ Приказом № 3674/73 от 27 июля 1973 г. должность была продлена до 30 сентября 1973 г.¹⁹⁷⁰

За свою работы Б.С. Костомаров был удостоен звания «Заслуженного профессора высшей школы» (*Zasloužilý vysokoškolský professor*), введенного на советский манер распоряжением правительства от 5 декабря 1968 г.¹⁹⁷¹ В рекомендации, подписанной деканом агрономического факультета, профессором Франтишеком Себелой (*František Šebela*; 1919–1997), говорилось о выдающемся вкладе Б.С. Костомарова в разные сферы сельскохозяйственной науки, высшего образования, а также в популяризацию научных знаний¹⁹⁷².

Б.С. Костомаров скончался 22 марта 1974 г. в Брно. Гражданская панихида состоялась 1 апреля 1974 г. в брненском крематории. На ней присут-

¹⁹⁶⁷ Hodnocení navrhovaného vedoucího katedry rybářství a hydrobiologie prof. Dr. Ing. Borise Kostomsrova za období do 30.9.1970 // Ibid.

¹⁹⁶⁸ Hodnocení zaměstnance Prof. B. Kostomarov katedra spec. zootechnika II., 31.04.1969 // Ibid.

¹⁹⁶⁹ Ing. Oldřich Tvrdoň, kvestor VŠZ a Prof. Dr. Ing. Alois Grolig DrSc, rektor VŠZ – Prof. Dr. Ing. Boris Kostomarov, 20.02.1973 // Ibid.

¹⁹⁷⁰ Ing. Oldřich Tvrdoň, kvestor VŠZ a Prof. Dr. Ing. Alois Grolig DrSc, rektor VŠZ – Prof. Dr. Ing. Boris Kostomarov, 21.08.1973 // Ibid.

¹⁹⁷¹ Vládní nařízení ze dne 5. prosince 1968 o udělování čestných titulů «zasloužilý vysokoškolský professor» // Sbírka zákonů Československé socialistické republiky. 1968. Č. 45. 20. prosince. S. 421.

¹⁹⁷² Návrh na udělení titulu «Zasloužilý vysokoškolský professor» // Archiv Mendelovy univerzity v Brně. Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát». Krab. 117. Inv. jedn. 198/331.

ствовали вдова ученого, друзья и коллеги, а также руководство Высшей сельскохозяйственной школы, включая ректора и проректора. С прощальной речью выступил декан агрономического факультета профессор Ярослав Крейчирж (Jaroslav Krejčíř; 1928–1997). В духе времени он отметил не только значительные научные заслуги покойного, но также его идейность и партийность. Б.С. Костомаров был охарактеризован как человек, всегда стоявший в авангарде прогрессивных идей. Ему была отведена особая роль в реформировании сельскохозяйственного образования, направленного на подготовку высокопрофессиональных и политических грамотных специалистов. Вместе с тем не была забыта и большая научная работа профессора. Он был назван ведущим специалистом в области ихтиологии, усилиями которого в Брно была создана кафедра рыбного хозяйства и гидробиологии. В конечном счете, образ Костомарова-ученого заслонял образ Костомарова-функционера. «Дорогие друзья! Сегодня мы прощаемся с профессором Костомаровым, с человеком, который проделал достойную работу для нашего факультета и школы, и который для нее и для в своей научной специальности жил до последнего момента. Мы прощаемся с осознанием того, что ушел человек редкостных личных качеств, человек самоотверженный, прямой, который сумел найти чистосердечное и искреннее отношение и к своими коллегам. Результаты его трудов, продолжение его традиции на нашем факультете являются гарантией того, что его вклад был успешным, что он будет жить в нашей работе в нашей школе и дальше»¹⁹⁷³.

Б.С. Костомарову в истории российско-чехословацких научных связей было отведено совершенно особое место. Его трудно в полной мере отнести к культурному миру Зарубежной России, от которого он довольно рано дистанцировался. Он принадлежал к числу тех молодых эмигрантов, кто уже к середине 1920-х гг. разочаровался в надеждах на скорое возвращение

¹⁹⁷³ *Krejčíř J.* Proslov děkana agronomické fakulty VŠZ v Brně prof. ing. Jaroslava Krejčíře, CSc., nad rakví prof. ing. dr. Borise Kostomarova // *Acta Universitatis Agriculturae. Facultas Agronomica.* 1974. Roč. XXII. №. 4. S. 817–818.

домой, и предпочел интегрироваться в иностранную среду. Однако принятие чехословацкого гражданства и работа в местных научных и учебных заведениях не привела к отказу от русскости. Пример Б.С. Костомарова среди прочих молодых эмигрантов уникален тем, что он смело шел по карьерной лестнице и в масариковской Чехословакии, и в Протекторате Богемии и Моравии, и в эпоху социализма. Столь уверенная поступь объясняется не только несомненными научными успехами, но и сомнительными личностными качествами, не раз подмеченными современниками. Хотя злодеем и разрушителем в науке его назвать никак нельзя, конформистом он, безусловно, был. Так, в 1940-х гг. восхвалял Т.Д. Лысенко, а уже в 1950-х гг. предпочитал не вспоминать об этом. Тем не менее, нет никаких свидетельств о прямом участии Б.С. Костомарова в погромных идеологических кампаниях, причастности к репрессиям и удалению конкурентов из профессии. Его уместнее назвать молчаливым соучастником советизации чехословацкой интеллектуальной жизни. Причем это соучастие сочеталось с пропагандой реальных достижений российской и советской биологической науки. В своих научных работах Б.С. Костомаров непременно цитировал как дореволюционных, так и советских авторов (Л.С. Берг, В.К. Солдатов, И.А. Воробьев, А.М. Никольский, Н.М. Книпович и др.), признавал их исследовательские достижения, знакомил с ними иностранных коллег.

Сложно сказать, родилось ли его приспособленчество под воздействием крутых виражей истории XX в., или было изначально присуще ему. Трудность оценок заключается в почти полном отсутствии автобиографических материалов Б.С. Костомарова: дневников он не вел, мемуаров не написал, судьба его личного архива неизвестна. Несомненно, он был фигурой сложной и противоречивой. Среди немногочисленных эмигрантов, оставшихся после Второй мировой войны в Чехословакии, лишь он один сумел сделать столь головокружительную карьеру. Рядом с ним можно поставить, разве что, украинца Григория Хомковича, который в 1945 г. также вступил в Коммунистическую партию Чехословакии, а в 1956–1958 гг. был ректо-

ром Высшей сельскохозяйственной школы в Нитре (Vysoká škola poľnohospodárska v Nitre). Хотя масштаб его научно-практической деятельности тоже был немалым, в общественно-политической активности и административном влиянии он заметно уступал Б.С. Костомарову.

Среди ученых-гуманитариев нередко принято оценивать значимость научных работ с позиций того, выдержали ли они испытание временем или нет, востребованы ли они сегодня, цитируют ли их. В случае с учеными-естествоиспытателями такой подход работает далеко не всегда, особенно, если дело касается прикладных исследований. В самом деле, сегодня мало кому из генетиков придет в голову цитировать статью брненского аббата Грегора Менделя, в которой он впервые представил результаты своих экспериментов по гибридизации растений ученой публике. Стремительное развитие естественных наук ведет к непрерывному обновлению, уточнению и дополнению прежних исследовательских результатов. Результаты прикладных работ быстро обновляются или вовсе морально устаревают, что, конечно, не снижает их значимости и важности для своего времени.

Ихтиология и гидробиология, которыми на протяжении всей жизни занимался Б.С. Костомаров, за последние полвека сделали стремительный рывок вперед. Однако это не дает оснований сбросить со счетов результаты творческой деятельности русского профессора и его ближайших коллег. Заслуга Б.С. Костомарова состоит в том, что ему удалось создать прочный фундамент для последующих исследований. Он не был ученым-теоретиком, но значение его прикладных исследований для своего времени было велико. Причем это относилось как к межвоенному периоду, так и ко временам социалистической Чехословакии. Доказательством может служить тот факт, что на агрономическом факультете Менделова университета в Брно продолжается подготовка специалистов в области рыборазведения и гидробиологии, инициированная в 1949 г. русским ученым. Таким образом, несмотря на спорные моменты биографии, невзирая на неоднозначные по-

ступки в социалистический период, Б.С. Костомаров бесспорно принадлежал к числу русских, оставивших глубокий след в чехословацкой науке.

§ 2. Профессор А.В. Флоровский и советские коллеги

В марте 1947 г. в Москву на имя одного известного историка неожиданно пришло любезное письмо из Праги. Его втор выражал глубокое уважение адресату, проявлял большой интерес к работам советских коллег и искренне заверял в готовности сотрудничать. «Я был бы весьма Вам признателен – и, думаю, что это было бы к пользе дела вообще – если бы Вы признали возможным войти со мной в близкий контакт в области изучения Петровской эпохи. Со своей стороны я готов помочь делу, чем могу, кое-что для Москвы остается недоступным, я мог бы расследовать соответствующий материал здесь или в ином месте в Европе. Во всяком случае мог бы информировать Вас и круг Ваших сотрудников о новинках европейской литературы по эпохе Петра Великого», – говорилось в послании¹⁹⁷⁴.

Автором письма был видный русский историк профессор Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968), а его получателем – другой крупный исследователь профессор Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959). Оба корреспондента к 1947 г. были уже именитыми и состоявшимися учеными. В их судьбах тоже было немало общего, роднившего их. Оба принадлежали к одному поколению, и за плечами каждого из них был драматический жизненный опыт, наполненный лишениями, болью и потерями, но одновременно необычайной тягой к творчеству, вопреки всем перенесенным испытаниям.

В сентябре 1944 г. А.И. Андрееву было поручено возглавить группу по изучению эпохи Петра Великого, которая занималась подготовкой издания

¹⁹⁷⁴ Письмо А.В. Флоровского к А.И. Андрееву, 10 февраля 1947 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 3. Л. 3–3 об.

«Писем и бумаг императора Петра Великого»¹⁹⁷⁵. Начало этой работы было положено еще в 1872 г. А.Ф. Бычковым. А.И. Андреев взялся за дело с огромным интересом и необычайной энергией, собрав вокруг себя талантливых и целеустремленных единомышленников – Н.А. Бакланову, А.П. Глаголеву, Т.К. Крылову, Е.П. Подъяпольскую и С.А. Фейгину. Общими усилиями и в условиях огромного интеллектуального напряжения в кратчайшие сроки был подготовлен второй выпуск VII-го тома, который увидел свет уже в 1946 г., и который почти сразу попал в поле зрения А.В. Флоровского, занявшегося изучением Петра Великого и его времени, и внимательно следившего за научной жизнью в СССР.

Петровская тематика возникла в научном творчестве А.В. Флоровского вполне органично. Несомненно сказывалась прежняя, еще дореволюционная, специализация на екатерининской эпохе, способствовавшая обращению ко всей истории XVIII в. для уяснения механизмом социальной, политической и экономической эволюции Российской империи. Среди лекционных курсов, читавшихся А.В. Флоровским в Карловом университете в 1930-х гг., был курс о Петре Великом, рукописные материалы которого сохранились в архиве историка в Праге¹⁹⁷⁶. Другим источником научного вдохновения стало изучение русско-чешских и русско-австрийских отношений. Его исследования открывали дорогу для освещения широкого круга сюжетов, связанных с политикой России в Центральной и Восточной Европе в первой четверти XVIII в.¹⁹⁷⁷ А потому в творчестве профессора появились работы о петровской дипломатии.

Научные поиски привели А.В. Флоровского в чешские и австрийские архивы, в которых хранились уникальные документы, прежде практически

¹⁹⁷⁵ Подъяпольская Е.П. Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 68.

¹⁹⁷⁶ [Konspekty přednášek na FF Karlovy university] III. Istorija Rossii v epochu Petra I. 1. Petr Velikij i jeho epocha (letnij sem. 1934/1935). rkp. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XXXVII.

¹⁹⁷⁷ Биография А.В. Флоровского (1960) // Паушто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 243.

не востребуемые другими учеными. Ценнейшие материалы о петровской эпохе он обнаружил в Венском государственном архиве (Haus-, Hof- und Staatsarchiv). История этого собрания восходила к 1749 г., когда императрица Мария-Терезия повелела создать Секретный архив Габсбургского дома (Geheimes Hausarchiv) и объединить в нем ранее разрозненные документы. В 1762 г. он был подчинен Государственной канцелярии и получил статус документального собрания высших государственных учреждений¹⁹⁷⁸. В XIX в. архив пережил организационные изменения в связи с эволюцией управленческого аппарата империи. Во второй половине XIX в., благодаря усилиям директора Альфреда фон Арнета (Alfred von Arneth; 1819–1897), он превратился в важный исследовательский центр. На рубеже XIX–XX вв. для него построили специальное здание в самом сердце Вены на Миноритенплатц (Minoritenplatz). После Первой мировой войны архив сосредоточил в своих фондах документы рухнувшей Австро-Венгерской империи. Не обошли его стороной роковые потрясения 1930-х гг. После аншлюса он в 1940 г. стал частью Рейхсархива в Вене (Reichsarchivs Wien). В том же году туда было перевезено большое количество документов из пражских собраний¹⁹⁷⁹. Во время Второй мировой войны архив понес тяжелые потери, немалое число документов погибло. В 1945 г. он был включен в состав Австрийского государственного архива (Österreichischen Staatsarchivs) и в этом статусе пребывает поныне¹⁹⁸⁰.

¹⁹⁷⁸ Hochedlinger M. Das k. k. «Geheime Hausarchiv» // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert) / Hrsg. J. Pauser, M. Scheutz und T. Winkelbauer. Wien – München: R. Oldenbourg Verlag, 2004. S. 33–44; Průvodce po Rakouském státním archivu ve Vídni pro českého návštěvníka / Sest. E. Drašarová a kol. Praha, 2013. S. 21–22.

¹⁹⁷⁹ Just T. Haus-, Hof- und Staatsarchiv in der NS-Zeit // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Wien, 2010. Bd. 54. S. 126–127.

¹⁹⁸⁰ Hochedlinger M. «Geistige Schatzkammer Österreichs». Zur Geschichte des Haus-, Hof- und Staatsarchivs 1749–2003 // Das Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Geschichte – Gebäude – Bestände / Hrsg. L. Auer, M. Wehdorn. Innsbruck, 2003. S. 16–40; Hutter H., Just T. Zur Geschichte des Reichsarchivs Wien 1938–1945 // Das deutsche Archivwesen und der Nationalsozialismus. 75. Deutscher Archivtag in Stuttgart (Tagungsdokumentationen zum Deutschen Archivtag 10). Essen, 2007. S. 313–325.

Венские документы попали в поле зрения А.В. Флоровского еще в конце 1930-х гг. К сожалению, о практической работе историка с ними известно пока мало. По имеющимся сведениям, сам он в Вене никогда не бывал, несмотря на относительную близость Праги к ней. Вместо того он регулярно посылал в архив запросы и заказывал копии необходимых ему материалов. Он состоял в многолетней переписке с венским архивом, сначала с 1937 г. по 1941 г., а затем с 1946 г. и вплоть до смерти в 1968 г.¹⁹⁸¹ А.В. Флоровский мог получить представления о документальных собраниях и выявить нужные ему бумаги благодаря высококвалифицированным архивным справочникам.

Автором одного из них был крупный австрийский историк-архивист Людвиг Биттнер (Ludwig Bittner; 1877–1945)¹⁹⁸². Известно, что в 1941 г. А.В. Флоровский обращался к нему за помощью¹⁹⁸³. К тому моменту Л. Биттнер занял пост директора Рейсхархива в Вене. Он был талантливым ученым, но при этом убежденным нацистом. Еще до аншлюса он сотрудничал с Рейхсинститутом истории Новой Германии (Reichsinstitut für Geschichte des Neuen Deutschlands). Своего воинствующего антисемитизма Л. Биттнер никогда не скрывал, а потому рьяно принимал участие в подготовке пропагандистского журнала «Исследования по еврейскому вопросу» («Forschungen zur Judenfrage»), начавшего выходить в 1936 г.¹⁹⁸⁴ Он был одним из инициаторов перевоза в Вену архивных документов из захваченной нацистами Югославии, с тем, чтобы потом использовать их для доказательства «сербской вины» в развязывании Первой мировой войны. Предвидя неминуемый крах Третьего Рейха, 2 апреля 1945 г. Л. Биттнер вместе

¹⁹⁸¹ См.: Переписка с Венским государственным архивом, 1937–1961 гг. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XIV. Österreichisches Staatsarchiv, Vídeň. № 1–22.

¹⁹⁸² Gesamtinventar des Wiener Haus-, Hof- und Staatsarchivs / Hrsg. L. Bittner. Bd. I–V. Wien, 1936–1940

¹⁹⁸³ Переписка с Л. Биттнером, 1941 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. II. Korespondence. № 18. Bittner L. [Vídeň]. 1941. № 1–2.

¹⁹⁸⁴ См. подробнее: Markner R. Forschungen Zur Judenfrage: A Notorious Journal and Some of its Contributors // European Journal of Jewish Studies. 2007. Vol. 1. № 2. P. 395–415.

со своей женой Марией покончил жизнь самоубийством¹⁹⁸⁵. К слову, о своих контактах с Л. Биттнером А.В. Флоровский впоследствии не будет распространяться.

И даже если не вдаваться в подробности его архивной работы и не гадать о том, бывал ли он в Вене или нет, то все равно не вызывает сомнения факт, что ему удалось прикоснуться к бесценным и уникальным материалам, которые и легли в основу работ о Петре Великом и его времени. Среди этих документов особое место занимала секретная внешнеполитическая переписка, которая, по словам историка, позволила ему «заглянуть за кулисы дипломатической игры»¹⁹⁸⁶. Вдобавок, он расширил источниковую базу по теме за счет документов из различных чешских собраний. Свои архивные наработки А.В. Флоровский в полной мере будет использовать уже после Второй мировой войны, практически ежегодно публикуя работы по петровской тематике.

Для историка первые послевоенные годы ознаменовались большими изменениями. К сожалению, ограниченность сохранившихся источников не позволяет в полной мере реконструировать внутренний мир и жизненные ориентиры ученого. Но с большой уверенностью можно утверждать, что разгром Германии и долгожданный мир в Европе побудили его, как и многих других эмигрантов, изменить свое отношение к СССР. Еще в годы войны на волне патриотического подъема в эмигрантской среде родилось убеждение, что советский режим, защищая национальные интересы, постепенно эволюционирует. Это заставило если не идейно примириться с советской властью, то взглянуть на нее по-другому, даже таких людей, как П.Н. Милюков и А.Ф. Керенский. Для А.В. Флоровского Советский Союз

¹⁹⁸⁵ Just T. Ludwig Bittner (1877–1945): Ein politischer Archivar // Österreichische Historiker, 1900–1945: Lebensläufe und Karrieren in Österreich, Deutschland und der Tschechoslowakei. Wien: Böhlau, 2008. S. 283–305; Hutter H., Just T. Op. cit. S. 313–325.

¹⁹⁸⁶ Флоровский А.В. Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 238.

также стал казаться освободителем и победителем¹⁹⁸⁷. Патриотические чувства и вера в будущее своей Родины подтолкнули его к принятию советского гражданства в 1946 г.

Итак, А.В. Флоровский был явно полон творческих планов и мечтал завершить прежние, прерванные войной, проекты, например, издать заключительный том своего главного научного труда «Чехи и восточные славяне»¹⁹⁸⁸. Он пытался реанимировать работу Археологического института имени Н.П. Кондакова, став его директором. Профессор энергично взялся за возобновление нарушенных войной связей с коллегами из разных стран. В 1948 г. он с неподдельной радостью и оптимизмом писал знаменитому британскому археологу Э.Х. Миннзу в Кембридж: «После нескольких лет молчания Институт вновь возвращается к жизни и возобновляет свою прежнюю научную и учено-издательскую деятельность. Институт рад возобновить свои деловые и дружественные связи со своими сотрудниками и друзьями...»¹⁹⁸⁹ Все преобразовательные планы мыслились тогда А.В. Флоровскому в неразрывном сотрудничестве с советскими историками, а потому он хотел подключить к решению судьбы Археологического института имени Н.П. Кондакова Академию наук СССР, и потому в июле 1948 г. обратился напрямую к ее вице-президенту Вячеславу Петровичу Волгину (1879–1962). Видимо желая продемонстрировать лояльность советской стороне и заручиться высочайшей поддержкой, А.В. Флоровский испрашивал академика о целесообразности своего участия в международных съездах византинистов: «Очень прошу Вас не отказать сообщить мне –

¹⁹⁸⁷ См.: *Аксенова Е.П.* Русский эмигрант о Великой Отечественной войне. Взгляд из Праги // *Славянский мир в третьем тысячелетии: Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов.* М., 2015. С. 62–71.

¹⁹⁸⁸ Первый том вышел в Праге в 1935 г. Публикации второго тома помешала война, и он увидел свет лишь в 1947 г. См.: *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Т. 1. Прага, 1935; Т. 2. Прага, 1947.

¹⁹⁸⁹ Письмо А.В. Флоровского к Э. Миннзу, 23 декабря 1948 г. // Cambridge University Library, Department of Manuscripts and University Archives. Sir Ellis Hovell Minns: Correspondence. Add. 7722. Box 1. Folder F.

надлежит ли мне, как представителю русской научной организации, участвовать в этих съездах или хотя бы на одном из них. Я имею в виду прежде всего конгресс в Париже; брюссельский конгресс организуется под руководством проф[ессора] Анри Грегуара, отношение которого к СССР и русской науке вызывает серьезные возражения»¹⁹⁹⁰. Можно, конечно, только гадать, сколь трудно далось такое письмо русскому эмигранту, который в 1922 г. был выслан советскими властями из страны, а через четверть века спрашивал у этих же властей разрешение для поездки на научную конференцию. К сожалению неизвестно, что ответил В.П. Волгин, но ни в Париж, ни в Брюссель А.В. Флоровский не поехал. Попытки возобновления работы Археологического института имени Н.П. Кондакова успехом также не увенчаются, вопреки энергичным усилиям и искреннему порыву пражского профессора¹⁹⁹¹. Затея с возобновлением работы института не удалась А.В. Флоровский написал венгерскому византинисту Д. Моравчику и давнему другу русских пражан: «Институт Кондакова находится в состоянии анабиоза в силу разных обстоятельств»¹⁹⁹².

И все же его интерес к контактам с советскими историками не был случайным, не был вызван текущим политическим моментом и надеждами на обновление, которые охватили многих эмигрантов сразу после войны. А.В. Флоровский всегда с большим вниманием следил за научной жизнью в СССР и после войны поставил задачей развивать контакты с коллегами, подключиться к их исследовательским поискам. Думается, это желание было искренним, лишенным стремления к сиюминутной выгоде и приспособленчества.

Вероятно, первым советским историком, с которым А.В. Флоровский познакомился после войны, был Аркадий Лаврович Сидоров (1900–1966),

¹⁹⁹⁰ Письмо А.В. Флоровского к В.П. Волгину, 1 июля 1948 г. // Архив РАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 135. Л. 1.

¹⁹⁹¹ См.: *Аксенова Е.П.* Институт имени Н.П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А.В. Флоровского) // *Славяноведение*. 1993. № 4. С. 63–74.

¹⁹⁹² Письмо А.В. Флоровского Д. Моравчику // *Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye*. Moravcsik Gy. Ms. 1233/251.

командированный в октябре 1946 г. в Чехословакию для чтения лекций по истории СССР с 1861 по 1917 гг. и проведения семинара по истории Первой русской революции в Карловом университете¹⁹⁹³. В Праге он имел возможность познакомиться с русскими эмигрантами и соприкоснуться с их историей. Сам он вспоминал впоследствии: «Я довольно свободно чувствовал себя в Праге и часто встречался с представителями эмиграции, ставя регулярно в известность посольство об этих встречах»¹⁹⁹⁴. А.Л. Сидоров, в частности, общался с А.Ф. Изюмовым, бывшим сотрудником Русского заграничного исторического архива¹⁹⁹⁵. О встречах с А.В. Флоровским в своих воспоминаниях он, к сожалению, не рассказывал. Но зато о самом А.Л. Сидорове несколько раз упоминал в письмах пражский профессор, что подтверждает факт их знакомства. Сохранились и его письмо к советскому коллеге, датированное апрелем 1948 г.¹⁹⁹⁶ Примечательно, что московский историк выступал в это время за активизацию контактов между советскими и чехословацкими академическими кругами и призывал организовать приезд в Прагу видных ученых, например В.И. Пичеты или Е.А. Косминского¹⁹⁹⁷.

Очевидно, что знакомство с А.Л. Сидоровым воодушевило А.В. Флоровского. Он попытался при его посредничестве наладить общение с советскими историками, некоторых из которых он знал еще с дореволюционных времен. В 1947 г. А.В. Флоровский хотел возобновить контак-

¹⁹⁹³ Письмо А.Л. Сидорова к В.П. Волгину от 25 ноября 1946 г. // Архив РАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 113. Л. 1–1 об.

¹⁹⁹⁴ *Сидоров А.Л.* Чехословакия. Прага. Октябрь 1946–февраль 1947 г. // Мир историка. XX век / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 2002. С. 430–431.

¹⁹⁹⁵ См.: *Бухерт В.Г.* «Сколько могу, честно служу родной культуре». Письма А.Ф. Изюмова к А.С. Сидорову, 1947–1948 гг. // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы. М., 2017. С. 427–440.

¹⁹⁹⁶ Письмо А.В. Флоровского к А.Л. Сидорову, 24 апреля 1948 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 85. Л. 1–1 об.

¹⁹⁹⁷ Письмо А.Л. Сидорова к В.П. Волгину, 25 ноября 1946 г. // Архив РАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 113. Л. 2. За год до А.Л. Сидорова в Прагу для закупки научной литературы был командирован известный востоковед А.Ф. Миллер, а АН СССР официально пригласила чехословацких историков публиковаться в советских журналах и обмениваться информацией (Письмо В.П. Волгина к З. Неядлы, 3 октября 1945 г. // Архив РАН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 11. Л. 1).

ты с одним из своих бывших студентов по Новороссийскому университету в Одессе, а потому специально просил А.Л. Сидорова разыскать того и передать письмо. Этим бывшим студентом был Николай Леонидович Рубинштейн (1897–1963), к тому времени ставший уже известным ученым. Некогда он был слушателем лекций А.В. Флоровского по русской истории до XVII в., а также спецкурсов по исторической географии и русскому летописанию¹⁹⁹⁸. А.В. Флоровский не был его учителем в прямом смысле слова, хотя они довольно интенсивно общались. Н.Л. Рубинштейн продолжал писать профессору даже после того, как тот был выслан из Советской России. Он обстоятельно рассказывал о своей исследовательской работе и консультировался по текущим научным проблемам¹⁹⁹⁹. Н.Л. Рубинштейн в начале 1920-х гг. занимался «Русской Правдой», к которой до революции обращался в своих исследованиях сам А.В. Флоровский. Важно отметить, что Н.Л. Рубинштейн был для профессора важным источником информации обо всем происходившем в Одессе, от него он узнавал о судьбах друзей и коллег, оставшихся на Родине. Общение двух ученых носило нерегулярный характер, письма нередко пропадали. В конце 1923 г. переписка прервалась почти на год. Н.Л. Рубинштейн не имел сведений о А.В. Флоровском и уже подумал, что тот переехал из Праги²⁰⁰⁰. В апреле 1925 г. он написал профессору о своих текущих занятиях декабристами и просил указать на новые иностранные и эмигрантские работы по теме²⁰⁰¹. Судя по сохранившимся архивным данным, после этого письма переписка надолго прервалась.

¹⁹⁹⁸ Рубинштейн Н.Л. О путях исторического исследования. Фрагмент статьи о А.В. Флоровском // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 221. Л. 1; Корзун В.П., Колеватов Д.М. Историки в фокусе кампаний по борьбе с космополитизмом. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна: меняющийся образ науки // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х–середина 1950-х гг. М., 2011. С. 334.

¹⁹⁹⁹ Письмо Н.Л. Рубинштейна к А.В. Флоровскому, 28 декабря 1923 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 390. Л. 2.

²⁰⁰⁰ Письмо Н.Л. Рубинштейна к А.В. Флоровскому, 12 января 1925 г. // Там же. Л. 11.

²⁰⁰¹ Письмо Н.Л. Рубинштейна к А.В. Флоровскому, 18 апреля 1925 г. // Там же. Л. 17 об.

В 1931 г. Н.Л. Рубинштейн переехал в Москву, где сначала работал различных издательствах и редакциях, затем преподавал в высшей школе, в том числе в Московском государственном университете. В мае 1940 г. он защитил докторскую диссертацию, а в 1941 г. увидела свет его «Русская историография», которая в тот момент была тепло принята научным сообществом и даже выдвинута на Сталинскую премию²⁰⁰². А.В. Флоровский об этой работе был осведомлен и потому в 1947 г. в первом письме за долгие годы разрыва написал Н.Л. Рубинштейну: «Рад был узнать о Ваших научных успехах и деятельности. Правда, из литературы я кое-что знал о Ваших трудах, хотя и неполно и случайно. В частности, меня очень обрадовала Ваша книга по русской историографии. Я только несколько дней держал ее в руках и не мог надлежащим способом ее изучить, но, во всяком случае, поздравляю Вас с нею. Если у Вас найдется лишний экземпляр, пришлите мне, это ведь настольная книга для нашего брата-историка»²⁰⁰³. В этом же письме А.В. Флоровский подробно рассказал о своих текущих научных проектах: «Мои собственные работы сейчас связаны с эпохой Петра Великого. Правда, еще не исчерпан в печати запас моих прежних исследований из области чешско-русских отношений. Но именно от них я и перешел к эпохе Петра Великого, в частности, к вопросам его экономической и торговой политики в связи с судьбами силезско-украинской торговли (а попутно и чешской) и его политики в отношении католической церкви в связи с деятельностью в Москве иезуитов из Чехии и капуцинов. В этой области я собрал кое-какой новый материал и сейчас обрабатываю его»²⁰⁰⁴.

²⁰⁰² См.: Корзун В.П., Колеватов Д.М. Указ. соч. С. 353–372; Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // История и историки: историографический вестник. 2004. М., 2005. С. 186–188.

²⁰⁰³ Черновик письма Н.Л. Рубинштейну. Не ранее 21 июля 1947 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VIII. Korespondence. № 232.

²⁰⁰⁴ Ibid.

В июле 1947 г. А.В. Флоровский получил ответ из Москвы, в котором Н.Л. Рубинштейн выражал огромную радость по поводу возобновления общения и посылал в дар учителю несколько своих статей, рассказывал о новых направлениях своей работы («Хочу Вам сказать, что я не только “историограф” и сейчас полностью, с головой, ушел в XVIII в.»²⁰⁰⁵). Он называл А. В. Флоровского одним из ведущих специалистов по истории XVIII в. и напоминал, что его собственные научные занятия начались с изучения Уложенной комиссии: «Знаю, что и Вы много работали это время, и, судя по Вашему письму, возвращаетесь сейчас к XVIII в., хотя и к несколько более раннему периоду, к Петровскому времени»²⁰⁰⁶. Н.Л. Рубинштейн делился задачами на ближайшее будущее: «... В первую очередь предстоит готовить новое издание моей историографии, которую следует перерабатывать довольно основательно, а сдавать надо ее в начале 1948 г. Вообще планов работы в голове много»²⁰⁰⁷. Он был полон оптимизма и неумной творческой энергии. Дух надежд и обновления пока еще не окончательно рассеялся в советском обществе.

В письме к Н.Л. Рубинштейну А.В. Флоровский жаловался, что в Праге недостает новейших изданий по петровской эпохе, и что эту проблему он пытается решить путем установления активных контактов с советскими исследователями. Такой контакт он хотел найти в лице А.И. Андреева. Сохранился черновик письма А.В. Флоровского к нему, датированный февралем 1947 г., с упоминания о котором мы и начали повествование. Пражский профессор сообщал, что от А.Л. Сидорова узнал о работавшей под руководством А.И. Андреева группе по изучению Петра Великого. Он писал, что сам в течение последних лет занимался петровской эпохой, и что в 1941 г. издал в Праге книгу о чешских иезуитах, рассмотрев в ней и вопрос о католическом влиянии в России на рубеже XVII–XVIII вв. Помимо того,

²⁰⁰⁵ Письмо Н.Л. Рубинштейна от 21 июля 1947 г. // Ibid.

²⁰⁰⁶ Ibid.

²⁰⁰⁷ Ibid.

он интересовался экономической, особенно торговой и таможенной, политики Петра Великого, а в настоящее время сосредоточил внимание на исследовании дипломатических отношений России и Австрии в первой четверти XVIII в. А.В. Флоровский специально подчеркивал, что все свои работы он строил на материалах зарубежных архивов. При этом он сетовал, что ему остаются недоступны многие работы советских авторов, и поэтому просил информировать его об изучении петровской эпохи в СССР и по возможности присылать новейшие работы ему лично, библиотеке исторического семинара Карлова университета или Славянской библиотеке²⁰⁰⁸. Письмо это было передано в Москву лично А.Л. Сидоровым и вызвало огромный интерес со стороны получателя.

27 марта 1947 г. А.И. Андреев составил подробный ответ, в котором обрисовал первые итоги работы своей научной группы, назвал советских историков, занимающихся петровской тематикой, описал кратко основные направления их работы. Среди перечисленных имен мы встречаем Наталью Аполлинариевну Бакланову (1891–1977), готовившую посмертное издание фундаментального труда М.М. Богословского, Татьяну Корнильевну Крылову, изучавшую петровскую дипломатию, Петра Павловича Епифанова (1909–1992), работавшего над тематикой военных преобразований, Елизавету Ивановну Заозерскую, писавшую о петровских мануфактурах, Б.Б. Кафенгауза, исследовавшего внешнюю политику России и одновременно деятельность Демидовых на Урале, а также Софью Ароновну Фейгину, заканчивавшую в тот момент докторскую диссертацию об Аландском конгрессе²⁰⁰⁹. А.И. Андреев признавал, что в СССР крайне обрывочно знают иностранную литературу о Петре и поэтому предложение А.В. Флоровского о содействии оказывается весьма своевременным: «Мы будем признательны Вам, если Вы возьмете на себя это дело – обзор ино-

²⁰⁰⁸ Письмо А.В. Флоровского к А.И. Андрееву, 10 февраля 1947 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 3. Л. 3–3 об.

²⁰⁰⁹ Письмо А.И. Андреева к А.В. Флоровскому, 27 марта 1947 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 119. Л. 1–2.

странной литературы о Петровской эпохе... Нами уже подготовлен второй сборник “Петр Великий”, готовим третий, – в один из них мог бы войти Ваш обзор...»²⁰¹⁰

А.И. Андреев рассказал пражскому коллеге о работе по выявлению петровских материалов в архивах СССР, коснувшись при этом и имевшихся трудностей: «Конечно, слабым место в нашей работе является отсутствие связи с иностранными хранилищами материалов о Петровской эпохе. Ваше любезное предложение помочь нам в этом отношении принимаю с большой благодарностью»²⁰¹¹. Он говорил о большом интересе к иностранным исследованиям и сетовал, что не имеет книги о чешских иезуитах в России, а потому просил А.В. Флоровского по возможности прислать его работы и обещал подарить свои в ответ. Уже вскоре, 30 апреля 1947 г., А.И. Андреев через чехословацкого историка Зденека Неедлы передал А.В. Флоровскому вторую часть VII-го тома «Писем и бумаг», который вышел в начале апреля, и сообщил о скорой присылке сборника статей «Петр Великий»²⁰¹². Таким образом, А.И. Андреев был чрезвычайно заинтересован в сотрудничестве с А.В. Флоровским, который мог помочь в работе с зарубежными архивами, недоступными в тот момент для ученых из СССР.

Контакты двух историков развивались довольно интенсивно. В личном фонде А.В. Флоровского в Архиве РАН сохранился черновик его письма к

²⁰¹⁰ Там же. Л. 2. Сборник готовился группой по изучению эпохи Петра Великого на основе прочитанных на заседании группы докладов. В основном он был собран уже к концу 1945 г. 20 июля 1946 г. книгу подписали в печать, в феврале 1947 г. вышел сигнальный экземпляр, а 9 июня тираж поступил в продажу (*Тихонов В.В.* Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов // *История и историки: историографический вестник.* 2009–2010. М., 2012. С. 119). Среди авторов были Н.А. Бакланова, П.П. Епифанов, В.Г. Гейман, Т.К. Крылова, Б.Б. Кафенгауз, Е.И. Заозерская, С.А. Фейгина. Некоторые из них принимали участие в работе над «Письмами и бумагами». Их работы «носили ярко выраженный конкретный характер, избегали широких обобщений», и, <...>, были выдержаны в академическом духе (*Тихонов В.В.* Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов. С. 121).

²⁰¹¹ Письмо А.И. Андреева к А.В. Флоровскому, 27 марта 1947 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 119. Л. 4.

²⁰¹² Письмо А.И. Андреева к А.В. Флоровскому, 30 апреля 1947 г. // Там же. Л. 5.

А.И. Андрееву, датированный 17 октября 1947 г.²⁰¹³ Он представляет собой набросок вопросов и предложений к московскому коллеге. А.В. Флоровский перечислял изучаемые им сюжеты, например деятельность капуцинов в России, взаимоотношения Петра с Австрией, торговые отношения с Силезскими землями и др. В этом же письме он поднял вопрос о рукописи воспоминаний Филиппе Балатри, итальянского музыканта, приглашенного князем П.А. Голицыным по рекомендации герцога Козимо III Медичи на службу в Россию, и прожившего в ней с 1698 по 1701 гг. В 1930-х гг. ее обнаружил живший в Праге русский почвовед и гидрогеолог П.В. Отоцкий, большой знаток и ценитель антикварных книг²⁰¹⁴. Он предполагал издать эту рукопись и обращался за консультациями к А.В. Флоровскому. Но проект так и не состоялся. П.В. Отоцкий после войны выехал в Швецию, а воспоминания Ф. Балатри продал²⁰¹⁵. А.В. Флоровский долгое время ничего не знал об их судьбе. В тот же письме пражский историк благодарил А.И. Андреева за присылку «Писем и бумаг императора Петра Великого» и просил переслать ему работы Т.К. Крыловой и С.А. Фейгиной, отсутствующие в библиотеках чехословацкой столицы²⁰¹⁶.

Вскоре сам А.В. Флоровский отправил А.И. Андрееву свою книгу о чешских иезуитах с просьбой передать ее в подходящую библиотеку Моск-

²⁰¹³ Письмо А.В. Флоровского к А.И. Андрееву, 17 октября 1947 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.

²⁰¹⁴ *Červinka V. Pražský rukopis o Petru Velikem* // *Národní politika*. 1938. Roč. LVI. Č. 46. 16. února. S. 3.

²⁰¹⁵ В 1962 г. по случаю 100-летия Ленинской библиотеки в Москве Государственная библиотека Чехословацкой республики (Státní knihovna ČSR) преподнесла ей в дар рукопись Ф. Балатри, которая, как сообщалось официально, была специально куплена в одном из антикварных магазинов Праги (*Герасимова Ю.И. Записки Филиппе Балатри – новый иностранный источник по истории петровской России (1698–1701)* // *Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина*. Вып. 27. М., 1965. С. 164).

²⁰¹⁶ Черновик письма А.В. Флоровского к А.И. Андрееву, 17 октября 1947 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

вы²⁰¹⁷. В письме, приложенном к посылке, он лестно отозвался о трудах самого А.И. Андреева, посвященных Академии наук и М.В. Ломоносову, припомнив, что некогда касался в собственных научных штудиях истории Академии в екатерининскую эпоху²⁰¹⁸. А.В. Флоровский подробно рассказывал о своих текущих научных делах и осведомлялся о возможности публикации своей статьи в Москве: «Лекции и иные спешные занятия задерживают мои изыскания по истории Петра Великого. В настоящее время у меня имеется уже законченная статья о пражских легендах о Петре Великом, т.е. разъяснение того, как могли возникнуть известные рассказы о пребывании Петра Великого в Праге в 1698 году, хотя в действительности Петр лишь проехал через Прагу. Я использовал пражский и брненский архивный материал для освещения обстоятельств этого проезда и попытался выяснить, на основе каких фактов могли эти пражские легенды возникнуть в XVIII веке. Я хотел бы издать этот свой очерк по-русски еще в этом же году – исполняется 250 лет со времени этого проезда Петра через Прагу. Но может быть придется согласиться на чешское издание. Если какая-нибудь возможность напечатать подобный очерк в Москве»²⁰¹⁹.

Петровская тематика в СССР стала чрезвычайно востребованной с конца 1930-х гг. Сохранила она свое значение и в послевоенные годы²⁰²⁰. Конечно, образ Петра не был любим И.В. Сталиным в той мере, как Иван Грозный, но он, тем не менее, воплощал в себе идею сильного государства и модернизации. Великие исторические деятели становились частью официального мемориального и одновременно политического дискурса. По-

²⁰¹⁷ Письмо А.В. Флоровского к А.И. Андрееву, б.д. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.

²⁰¹⁸ Речь идет о статье: *Флоровский А.В.* Академия наук и законодательная комиссия 1767–1774 гг. С. 103–176. Ее отгиск автор отправил А.И. Андрееву в Москву.

²⁰¹⁹ Письмо А.В. Флоровского к А.И. Андрееву, б.д. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.

²⁰²⁰ *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М., 2003. С. 33, 35; *Тихонов В.В.* Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов. С. 119.

сколькx их биографии превращались в жития, то отступление от канона жестко пресекалось и каралось. Поэтому изучение их жизненного пути и их времени оказывалось под пристальным вниманием властей. Перед учеными стоял выбор: либо приспособливаться к конъюнктуре, либо стоять на позициях чистой науки.

Летом 1947 г. на А.И. Андреева поступил донос с обвинениями в преклонении перед А.С. Лаппо-Данилевским²⁰²¹. Это было начало травли. В скором времени в печати появилось несколько разгромных рецензий на сборник «Петр Великий». Нельзя не согласиться с В.В. Тихоновым, который заметил, что «беда (и мужество авторов сборника) была в том, что они изначально поставили во главу угла строго научные принципы, отказавшись следовать за быстро меняющейся конъюнктурой»²⁰²². А.И. Андреев и С.А. Фейгина стали главными объектами официальной критики. Для него своего рода отягчающим обстоятельством была принадлежность к «старой школе» и судимость по «Академическому делу», а для нее – еврейское происхождение. С.А. Фейгиной не повезло еще и потому, что она была автором статьи о зарубежной историографии²⁰²³, попавшей под пристальное внимание в разгар Холодной войны и начинавшейся «борьбы с космополитизмом». Закономерно, что именно она удостоилась особенно зубоскальной критики со стороны конъюнктурщиков от науки. В своей статье С.А. Фейгина проделала анализ западноевропейских и американских работ 1920–1940-х гг., доступных в то время в фондах московских библиотек. Читатель не встретит в ее статье ни обличения «буржуазных фальсификаторов истории», ни цитат классиков марксизма, ни отсылок к передовицам «Правды». Вместо этого был сделан тщательный и взвешенный научный разбор, с указанием достоинств и недостатков исследований западных уче-

²⁰²¹ Тихонов В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов. С. 120–121.

²⁰²² Там же. С. 119.

²⁰²³ Фейгина С.А. Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века // Петр Великий. М.–Л., 1947. С. 390–423.

ных. С.А. Фейгина подытоживала, что «работы эти, очень разного уровня и научной ценности, различного объема и на различном материале построенные, бесспорно говорят об одном: о большом интересе к нашей родине за рубежом, интересе к ее прошлому, к поворотным, переломным моментам»²⁰²⁴. В своей статье она отвела особое место работе Е.Ф. Шмурло «Вольтер и его книга о Петре Великом», изданной в Праге в 1929 г.²⁰²⁵ Теперь же ее обвиняли в «преклонении перед иностранщиной», «полной методологической беспомощности», пропаганде «антинаучных взглядов буржуазных, в том числе и фашистских историков»²⁰²⁶. Гонения на нее совпали с первыми арестами по «делу Еврейского антифашистского комитета». Видимо поэтому ее статье приклеили ярлык «худшего образца преклонения перед иностранщиной, перед буржуазной реакционной наукой»²⁰²⁷.

В итоге А.И. Андреев был отстранен от подготовки второго тома сборника «Петр Великий», который он анонсировал А.В. Флоровскому весной 1947 г., и который в результате так и не был опубликован. С.А. Фейгину 1 марта 1949 г. уволили из Института истории СССР. Правда уже вскоре, после того как активная фаза погрома стихла, стараниями Б.Д. Грекова и С.В. Бахрушина ее вновь взяли на работу и в июне 1951 г. дали возможность провести защиту диссертации²⁰²⁸. Но на этом драматические перипетии не закончились, ибо Высшая аттестационная комиссия отказалась утверждать докторскую степень несмотря даже на ходатайства влиятельного академика Е.В. Тарле. Вступить за С.А. Фейгину было уже некому, ибо С.В. Бахрушин умер, А.И. Андреев был вынужден переехать в Ленинград, а Б.Д. Греков был при смерти. Вместо этого пришедший на должность заместителя директора Института истории СССР А.Л. Сидоров при-

²⁰²⁴ Фейгина С.А. Иностранная литература о Петре Великом. С. 418.

²⁰²⁵ Там же. С. 414–418.

²⁰²⁶ Тихонов В.В. «Худший образчик преклонения перед иностранщиной»: идеологические кампании «позднего сталинизма» и судьбы историка С.А. Фейгиной//Новейшая история России. 2013. № 1 (6). С. 202–203.

²⁰²⁷ Тихонов В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов. С. 123.

²⁰²⁸ Тихонов В.В. «Худший образчик преклонения перед иностранщиной». С. 204.

ложил все усилия для увольнения С.А. Фейгиной, что и произошло 27 июля 1953 г.²⁰²⁹ В судьбе историка он сыграл крайне нелюбезную и гнусную роль. Жестокая ирония судьбы заключалась в том, что еще несколько лет назад А.Л. Сидоров передавал А.И. Андрееву письмо от А.В. Флоровского, в котором пражский профессор проявлял глубокий интерес к трудам советских коллег, в том числе и С.А. Фейгиной.

А.Л. Сидоров также сыграл злую роль в судьбе Н.Л. Рубинштейна, которому всего год назад передавал письмо от А.В. Флоровского. Вспомним тут, как в июле 1947 г. Н.Л. Рубинштейн радостно писал своему учителю о скором переиздании «Русской историографии». Вместо того, в марте 1948 г. началось обсуждение книги, изначально задуманное как уничтожающее, и фактически для этой цели 15–20 марта было созвано Всесоюзное совещание заведующих кафедр истории СССР, университетов, педагогических ВУЗов, специалистов АН СССР и Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Одним из главных погромщиков выступил неутомимый А.Л. Сидоров, обвинивший автора в неспособности проанализировать с марксистских позиций идейную борьбу в историографии и вскрыть классовой сущности дореволюционных ученых²⁰³⁰. В июле 1948 г. Министерство образования СССР издаст приказ «О книге Н.Л. Рубинштейна “Русская историография”». В нем автора прямо обвинят в «объективизме», «отсутствии боевого духа», «академичности, абстрактности и аполитичности в постановке и решении важнейших вопросов исторической науки»²⁰³¹.

Как отметил В. В. Тихонов, советским историкам приходилось играть по постоянно и стремительно меняющимся правилам, создававшим ситуацию неопределенности, когда критике могли подвергнуться любой ученый и

²⁰²⁹ Там же. С. 204–205; Тихонов В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов. С. 130.

²⁰³⁰ Корзун В.П., Колеватов Д.М. Указ. соч. С. 362.

²⁰³¹ Там же. С. 367; Шаханов А.Н. Указ. соч. С. 190–191.

любая работа²⁰³². Сверху им было предписано встать в авангарде патриотической пропаганды. Они должны были не просто противостоять «буржуазной науке», но и доказывать национальные приоритеты во всех областях, научно обосновывать советскую имперскую идею, беспощадно критиковать разного рода «фальсификаторов». Вполне естественно, что в этих обстоятельствах русские историки-эмигранты в глазах советской пропаганды становились злейшими врагами. Особенно это касалось тех, кто оказался в США и преподавал в американских университетах. Приведем известную статью, которая была опубликована от имени редакции во втором номере «Вопросов истории» за 1949 г. и направлена против «буржуазных космополитов» в исторической науке²⁰³³. Согласно справедливому мнению А.Л. Юрганова, одной из причин жесткой идеологической борьбы стала реакция на американский опыт написания многотомной «Истории России», которую как раз в это время затеял Г.В. Вернадский²⁰³⁴. Закономерно, что журнальная статья помимо советских историков, уличенных в «низкопоклонстве перед Западом», направила острие критики в адрес ученых-эмигрантов, которых прямо обвинили в фальсификации прошлого по указанию «англо-американских хозяев»²⁰³⁵. Если в 1945 г. «Вопросы истории»

²⁰³² Тихонов В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов. С. 131.

²⁰³³ О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 3–13.

²⁰³⁴ Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 611. В 1943 г. В Нью-Хейвене вышел первый том, «Древняя Русь», в 1948 г. – второй том, «Киевская Русь». Последующие тома выходили вплоть до 1969 г. Но свой проект Г. В. Вернадский, как известно, не сумел довести до конца (Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. С. 103–114).

²⁰³⁵ См.: «...история нашей Родины фальсифицируется в США и Англии русскими белоэмигрантами по указанию их англо-американских хозяев. В так называемой кембриджской истории в разделах, посвященных истории России, подвизался такой автор, как Струве, – злейший враг советского народа и гнусный ренегат. Многотомная история России, затеянная в Америке под редакцией Вернадского и Карповича, пишется силами объявивших себя космополитами русских белоэмигрантов. Политический смысл трудов этих фальсификаторов истории нашей Родины ясен: они стремятся представить русский народ находящимся где-то на задворках истории, неспособным к самостоятельному развитию. Сочиненная русскими белоэмигрантами так называемая “евразийская” кон-

декларировали расширение научных связей советских ученых с внешним миром, призывали публиковаться на его страницах иностранных авторов, то теперь он стал проводником научного изоляционизма²⁰³⁶. Иностранные историки в своем большинстве теперь рассматриваются как «апологеты английского империализма, открытые германофобы и плохо скрытые русофобы, чьи труды не имеют никакого отношения к объективной науке»²⁰³⁷.

А.В. Флоровский «Вопросы истории» читал и даже успел опубликовать на их страницах статью в 1947 г.²⁰³⁸ Хорошо знал он и Г.В. Вернадского, вместе которым в 1920-х гг. работал на Русском юридическом факультете, состоял членом Русского исторического общества и некоторых других эмигрантских организаций. Оба историки активно переписывались на протяжении многих лет. Они не были близкими друзьями, во многом стояли на разных научных позициях, но, несмотря на это, глубоко уважали друг друга. Известно было А.В. Флоровскому и о текущей научной работе Г.В. Вернадского. В апреле 1947 г. он написал коллеге в США: «Знаю, что Вы издали первый том Истории России и англ[ийский] перевод Рус[ской] Правды и др. – но еще в руках не держал»²⁰³⁹.

Полагаю, что злобные выпады в советском журнале в адрес американского коллеги вряд ли остались незамеченными А.В. Флоровским. В сохранившихся письмах двух ученых мы, правда, не находим ни одного намека

цепция истории России имеет целью “обосновать” якобы на основе исторических “особенностей” развития России отсутствие собственных национальных корней у русской культуры и у русского государства» (О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии. С. 5).

²⁰³⁶ О метаморфозах редакционной политики см.: *Колеватов Д.М., Мамонтова М.А.* Начало «холодной войны». Поворот к изоляционизму в науке // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х–середина 1950-х гг. С. 77–78.

²⁰³⁷ Там же. С. 87.

²⁰³⁸ *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне в X–XVIII вв. // Вопросы истории. 1947. № 8. С. 66–73.

²⁰³⁹ Письмо А.В. Флоровского Г.В. Вернадскому от 26 апреля 1947 г. // *Bakhmeteff Archive of Russian and European History and Culture, Columbia University. George Vernadsky Papers. Box 32. Florovskii, A.V.*

на обсуждение идеологических кампаний в СССР²⁰⁴⁰. А.В. Флоровский юридически уже не был эмигрантом, получив в 1946 г. советский паспорт. На научные обобщения русской истории, подобно Г.В. Вернадскому, он тоже не претендовал, сосредоточившись на узких, конкретных сюжетах, довольно далеких от современных политических реалий²⁰⁴¹. И все же он не мог не понимать, что в глазах и советских, и чехословацких властей он не выглядел полностью благонадежным. Не будем забывать, как менялся климат в самой Чехословакии, где в феврале 1948 г. на волне острого политического кризиса к власти пришли коммунисты. Президент Э. Бенеш, хорошо знакомый русским эмигрантам, в июне ушел в отставку. В Чехословакии начал формироваться социалистический режим по советскому образцу со всем соответствующими атрибутами: культом личности, причем не только руководителей партии, но и функционеров местного масштаба, поиском врагов, созданием лагерей принудительного труда, давлением на католическую церковь, политизацией научной и культурной жизни, гонением на «реакционные элементы» вплоть до выселения из крупных городов²⁰⁴². Например семья профессора А.Н. Фатеева была выселена из знаменитого «Профессорского дома» в Праге, а его внучке было запрещено поступать в высшее учебное заведение. И это несмотря на то, что сын ученого геройски погиб во время Пражского восстания в мае 1945 г. и посмертно был награжден медалью. Даже ревностный коммунист А.Л. Сидоров с некоторым недовольством вспоминал, что по примеру советской практики значительная часть научной литературы в пражских библиотеках попала под за-

²⁰⁴⁰ См.: Письма Г.В. Вернадского к А.В. Флоровскому, 30 июля 1947 г.–25 сентября 1953 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 171. Л. 30–48; Письмо Г.В. Вернадского к А.В. Флоровскому от 2 марта 1949 г.; *Аксенова Е.П.* Из переписки Г.В. Вернадского и А.В. Флоровского // *Славяноведение*. 1994. № 4. С.92–101.

²⁰⁴¹ Свою единственную работу, в которой была предпринята попытка обрисовать пути развития Российской империи и причины ее краха, А.В. Флоровский так и не опубликовал. См.: *Ковалев М.В.* Рукопись А.В. Флоровского «Реформы, реакция, революция» в собрании архива Российской Академии наук // *Освободительное движение в России*. Вып. 25. Саратов, 2014. С. 132–172.

²⁰⁴² См.: Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. Т. 2. С. 89–110.

прет и была уничтожена²⁰⁴³. Все эти процессы не обошли стороной и русских эмигрантов.

Апофеозом идеологического бесовства стали показательные судебные процессы по советскому образцу. Чехословацкая интеллигенция, несмотря на достаточно прочные «левые» традиции, с настороженностью и опаской следила за происходящим. Эти настроения фиксировали в своих донесениях советские дипломаты в конце 1940-х–начале 1950х гг.²⁰⁴⁴ Для немалого числа интеллектуалов несогласие с новыми властями обернулось эмиграцией. Что касается А.В. Флоровского, то для него 1948 год, напротив, был ознаменован получением постоянной работы в Карловом университете, причем в должности ординарного профессора²⁰⁴⁵. В этом назначении однозначно сыграло положительную роль советское гражданство ученого, полученное в 1946 г. На новые коммунистические власти советский паспорт действовал магически. Указ об устройстве на работе был подписан уже новым президентом республики – Клементом Готвальдом (Klement Gottwald; 1896–1953). Причем весной 1947 г. Министерство образования и просвещения, несмотря на ходатайство философского факультета Карлова университета, отказало в назначении А.В. Флоровского ординарным профессором, мотивировав свое решение тем, что иностранец не может претендовать на эту должность²⁰⁴⁶. Вот только марксистом профессор А.В. Флоровский так и не стал, о чем прямо говорилось в его личном деле²⁰⁴⁷. Сам он продолжал следовать дореволюционной научной модели, то есть, с точки зрения советской пропаганды, мог бы стать идеальной мише-

²⁰⁴³ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 432.

²⁰⁴⁴ Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. Т. 2. С. 117.

²⁰⁴⁵ Ministr Dr. Z. Nejedlý – Panu PhDr. Antonínu Florovskému. 30.08.1948 // Archiv Univerzity Karlovy. Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970). Kart. 18. Inv. č. 206.

²⁰⁴⁶ Děkan Prof. J. Král – Ministerstvu školství a osvěty v Praze. 20.03.1947 // Ibid; Dr. Kavan – Děkanství filozofické fakulty Karlovy university. 9.05.1947 // Ibid.

²⁰⁴⁷ Návrh na přiznání osobního důchodu pro prof. Dr. Ant. Florovského, doktora hist. věd. 25. března 1958 // Ibid.

нью для обвинения в «буржуазном объективизме», «реакционных взглядах» и «космополитизме». Дискуссии 1949–1951 гг., по словам А.Л. Юрганова, показали, что сталинская идеология в изучении российской и всеобщей истории с новой силой вернулась к классовому подходу²⁰⁴⁸. Позитивистская концепция, которой придерживался А.В. Флоровский, явно не вписывалась в эту модель. Полагаю, что сам он прекрасно понимал это. Жизнь под немецкой оккупацией научила его осторожности. И в то же время его вряд ли можно назвать политическим конформистом и обвинить в лояльности новому режиму. В действительности, он всегда сторонился политики. Для него наука была смыслом жизни. Поэтому и делал он то, что было полезно для науки. Но жизнь в послевоенной социалистической Чехословакии требовала выработки новой модели поведения. Не будем забывать, что в конце 1940-х гг. страны Восточной Европы захлестнула волна репрессий и организованных судебных процессов против «врагов народа» по худшим сталинским образцам. Датский славист А. Стендер-Петерсен, приезжавший в Чехословакию в апреле 1948 г. на 600-летний юбилей Карлова университета, в отчете о поездке говорил об «атмосфере отчаяния, царившей в академических кругах Праги»²⁰⁴⁹.

В сентябре 1949 г. в Венгрии прошел суд над Ласло Райком (László Rajk) и его соратниками. 27 июня 1950 г. по сфабрикованному делу была повешена Милада Горакова (Milada Horáková), видный чехословацкий общественный и политический деятель. В мае 1952 г. в СССР прошел суд над членами Еврейского антифашистского комитета, по приговору которого в августе 1952 г. 13 из 15 обвиняемых были расстреляны. В ноябре 1952 г. в Праге состоялся процесс Рудольфа Сланского (Rudolf Slánský), большинство осужденных по которому также были казнены. В январе 1953 г. после сообщения в «Правде» в СССР было начато «дело врачей».

²⁰⁴⁸ Юрганов А.Л. Указ. соч. С. 704.

²⁰⁴⁹ Записка А.Стендер-Петерсена о поездках в Советскую Россию и Восточную Европу в октябре 1946 г. – мае 1948 г. // Det Kongelige Bibliotek – Aarhus. Håndskriftsamlingen. Arkiv fra Ad. Stender-Petersen. Håndskrift № 1276.470.

И все же А.В. Флоровский и после 1948–1949 гг., когда письма из Москвы или Ленинграда внезапно перестали приходить²⁰⁵⁰, не оставлял попыток наладить сотрудничество с советской стороной. Среди неразобранных бумаг историка в Славянской библиотеке в Праге в 2014 г. была обнаружена машинопись его обращения к советским коллегам. Кому именно было адресовано письмо, остается загадкой, ибо никаких указаний в тексте нет. Лишь в правом верхнем углу рукой историка подписано: «Передано через И.И. Удальцова 13.XI.1950». Обратимся теперь к содержанию самого письма: «А.В. Флоровский, профессор русской истории Карлова университета в Праге, в последнее время занимается историей Петра I, в особенности теми ее сторонами, которые связаны с его внешней политикой (внешняя торговля, отношения с Австрией и др[угое] и под[обное]). А. Флоровский очень заинтересован в налаживании живого личного контакта с историками Советского Союза, занимающимися специально эпохой Петра Великого. Начатая в связи с этим переписка с А.И. Андреевым прервалась уже 2 года назад. Флоровский готов оказывать посильное содействие всем историкам, нуждающимся в справках и под[обном] в иностранной литературе и под[обном], в заграничных архивах – может быть. Флоровский готов помочь подбором справок относительно заграничной литературы о Петре I и его времени за период после первой мировой войны 1914 и сл[едующих] гг., когда нарушено было нормальное снабжение русских библиотек заграничной исторической и журнальной литературой. Со своей стороны Флоровский очень нуждается в своевременном получении новых советских работ по эпохе Петра I. В частности в Праге нет до сих пор книг по истории внешней политике Петра I, Б.Б. Кафенгауза, Е.В. Тарле, нет комплекта статей Т.К. Крыловой, [С.]А. Фейгиной и др.»²⁰⁵¹

²⁰⁵⁰ Так, ни в Праге, ни в Москве не сохранилось ни одного письма от А.И. Андреева или Н.Л. Рубинштейна, написанных после 1947 г.

²⁰⁵¹ Письмо А.В. Флоровского, не ранее 13 ноября 1950 г. // Slovánská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR (документ находится в неразобранной части архивного фонда и потому пока не имеет инвентарного номера).

Факт передачи письма через Ивана Ивановича Удальцова (1918–1995) был не случаен. А.В. Флоровский имел возможность познакомиться с ним в 1949 г. в Праге, куда советский историк приезжал с лекциями²⁰⁵². И.И. Удальцов был тогда сотрудником Института славяноведения АН СССР, его партийно-дипломатическая карьера и зловещее участие в подавлении «Пражской весны» были еще впереди. Можно предположить, что А.В. Флоровский в тот момент пытался выстраивать отношения с советскими коллегами через официальных научных посредников, не исключено, что в силу осторожности. И, конечно, он искренне был убежден, что может быть полезен, а потому вновь и вновь предлагал свои услуги АН СССР. Можно подумать, что молчание Москвы смущало его и, как человека с непростым характером, даже обижало. Неспроста он сетовал на прерывание переписки с А.И. Андреевым. Но знал ли А.В. Флоровский о фактическом разгроме группы по изучению Петра Великого к концу 1940-х гг., понимал ли он истинные обстоятельства прерывания контактов с советскими учеными и причины молчания А.И. Андреева? Документальных подтверждений на сей счет не имеется. Но, полагаю, что прекрасно понимал. А.В. Флоровский читал советскую научную периодику, которая исправно поступала в Прагу. Как человек умный, он вряд ли не замечал смену тональности статей. Да и за его плечами был личный опыт высылки из Советской России в 1922 г. Можно предположить, что сказались и неудачные попытки возродить работу Археологического института имени Н.П. Кондакова. Увы, ничего неизвестно и о судьбе письма, переданного в Москву через И.И. Удальцова. Но вот о чем историк вряд ли знал, так это о характеристиках, которые давались ему советскими представителями в своих донесениях. Обратимся к отчету историка-слависта Галины Петров-

²⁰⁵² А.В. Флоровский писал Г.В. Вернадскому в Нью-Хейвен 3 марта 1949 г.: «Недавно был тут в Праге из Москвы молодой славист И.И. Удальцов, читал лекции по истории 1848 года, Вы, конечно, встречали его имя в Вопросах истории» (Письмо А.В. Флоровского Г.В. Вернадскому от 3 марта 1949 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and European History and Culture, Columbia University. George Vernadsky Papers. Box 32).

ны Чекановой (1908-?), которая с ноября 1951 г. по февраль 1952 г. находилась в командировке в Чехословакии: «Мне удалось более близки познакомиться с чтением лекций по истории СССР и истории Чехословакии. Лекции по истории СССР читаются без программы и плохо подготовленными преподавателями. В Пражском университете лекции по истории СССР читает Флоровский, белоэмигрант, человек отсталых взглядов и плохо владеющий марксизмом»²⁰⁵³.

В итоге А.В. Флоровский понял, что полноценные связи с советскими учеными пока невозможны. В разгар борьбы с космополитизмом и «низкопоклонством перед Западом» под ударом оказались международные контакты советских ученых, их ограничение стало одной из главных черт послевоенной советской научной политики. Еще в 1946 г. начинает сокращаться поступление иностранной литературы в библиотеки и исследовательские учреждения, а сами они были поставлены под жесткий цензурный контроль, запрещалась индивидуальная подписка на иностранную периодику. В итоге уже к августу 1947 г. был налажен жесткий контроль в систему получения и распределения иностранных изданий²⁰⁵⁴. Травля профессоров-медиков Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина («дело КР») манифестировало отказ от иностранных контактов и манифестировало особую «советскую науку». Официально декларировалось, что «безродные космополиты» предпочитают печататься за рубежом, а в их исследованиях доминируют ссылки на иностранную литературу. Приоритет советской науки перед зарубежной был возведен в абсолют. Было прекращено издание некоторых советских научных журналов на иностранных языках. Русский язык провозглашался «международным языком эпохи социализма»²⁰⁵⁵. В таких условиях международные научные связи не могли развиваться, а наличие

²⁰⁵³ Отчет старшего научного сотрудника Института славяноведения АН СССР Чекановой Г.П. о научной командировке в Чехословакию // Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 60. Л. 8–9.

²⁰⁵⁴ Колеватов Д.М., Мамонтова М.А. Указ. соч. С. 74.

²⁰⁵⁵ Сонин А.С. Несколько эпизодов борьбы с «космополитизмом» в физике // Вестник РАН. 1991. Т. 6. № 12. С. 103–114.

корреспондентов за пределами своей страны становилось отягчающим обстоятельством.

Конечно, после принятия советского гражданства А.В. Флоровский вел себя предельно осторожно и, по некоторым устным сведениям, даже основательно вычистил свой архив, желая избавиться от материалов, которые могли бы скомпрометировать его. Переписка А.В. Флоровского с советскими коллегами прекращается на несколько лет, чтобы возобновиться с новой, необычайной силой уже в годы хрущевской Оттепели²⁰⁵⁶.

В 1955 г. в Праге выходит работа А.В. Флоровского «Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого», которая, по мысли автора, должна была обобщить первичные итоги его исследований²⁰⁵⁷. А в то же самое время в Москве под редакцией Б.Б. Кафенгауза готовится к изданию X-й том «Писем и бумаг императора Петра Великого», в 1956 г. он выйдет из печати²⁰⁵⁸. Среди использованной при его составлении литературы мы находим и указания на недавнюю работу пражского профессора²⁰⁵⁹. В пору начавшейся Оттепели редакция серии вновь стремится наладить сотрудничество с иностранными учеными, причем не только из социалистических стран. К слову, уже в последующих томах «Писем и бумаг» появятся документы из Центрального германского архива в Мерзебурге, Саксонского архива в Дрездене, Государственного архива Флоренции, Архива

²⁰⁵⁶ В то же время интерес А.В. Флоровского к советской историографии не угас. В 1952 г. он опубликовал по-чешски небольшой очерк об изучении петровской эпохи в СССР, отметив огромный вклад А.И. Андреева, С.К. Богоявленского, Е.И. Заозерской, Б.Б. Кафенгауза, В.В. Мавродина, Н.Л. Рубинштейна, С.А. Фейгиной и др. См.: *Florovskij A. Sovětská historiografie o době Petra I. // Sovětská věda – Historie. 1952. Roč. II. № 14. S. 133–134.*

²⁰⁵⁷ *Флоровский А.В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955.

²⁰⁵⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. X. М., 1956. Именно Б.Б. Кафенгауз после опалы А.И. Андреева возглавит проект по изданию «Писем и бумаг». В 1950–1952 гг. под его редакцией будет издана вторая часть VIII-го тома (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. Вып. 2. М.–Л., 1951), подготовка которой была начата еще А.И. Андреевым, а также две части IX-го тома (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 1. М.–Л., 1950; Вып. 2. М., 1952). Имена А.И. Андреева и С.А. Фейгиной были изгнаны со страниц книги.

²⁰⁵⁹ Там же. С. 867.

Венеции, Государственного архива в Цетинье, Польско-советского института в Варшаве, Венского государственного архива.

Появление нового тома «Писем и бумаг», вероятно, послужило для А.В. Флоровского поводом к повторной попытке возобновить контакты с советскими учеными. В своей монографии 1955 г. он объяснял важность изучения петровской дипломатии в контексте общеевропейской внешнеполитической истории и апеллировал к удачному опыту советских историков: «Искренне приветствуем ... обращение советской историографии к темам истории дипломатии и русской международной политики, – эти заслуживающие полного научного внимания проблемы в былое время не пользовались особым признанием и оставались обычно на втором, третьем плане в развитии русской исторической мысли»²⁰⁶⁰. Среди наиболее ценных исследований он называет работы Б.Б. Кафенгауза, В.Д. Королюка, Т.К. Крыловой, Л.А. Никифорова, Е.В. Тарле и С.А. Фейгиной.

Другим поводом стал очередной приезд в Прагу в 1957 г. А.Л. Сидорова, который к тому моменту пережил идейные метаморфозы, вероятно, не только на общем фоне Оттепели, но и в свете личных впечатлений от подавления Венгерской революции 1956 г., невольным свидетелем которого он оказался²⁰⁶¹. А.В. Флоровский встретился с ним и поинтересовался судьбой «Писем и бумаг императора Петра Великого». Он поделился своими критическими замечаниями в адрес нового тома, отметил пропуски в документах и выразил готовность оказать посильную помощь в дальнейшей работе. А.Л. Сидоров рассказал А.В. Флоровскому про новейшие исследования о петровской эпохе и особо отметил скорый выход книги С.А. Фейгиной про Аландский конгресс²⁰⁶². Той самой С.А. Фейгиной, ко-

²⁰⁶⁰ Флоровский А.В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. С. 5–6.

²⁰⁶¹ Груздинская В.С., Стыкалин А.С. Будапештская осень профессора А.Л. Сидорова: советский историк в водовороте венгерской революции 1956 года. Документальная монография. Саратов, 2023.

²⁰⁶² Об этом мы узнаем из эпистолярного рассказа А.В. Флоровского А.А. Новосельскому. См.: Письмо А.В. Флоровского к А.А. Новосельскому от

торую он еще недавно беспощадно клеймил и подвел к увольнению из Института истории. Но времена изменились, а вслед за ними в очередной раз решил меняться и А.Л. Сидоров. По приезду в Москву он поделился с коллегами впечатлениями о встрече с А.В. Флоровским²⁰⁶³.

В конце марта 1958 г. на пражский адрес А.В. Флоровского пришло письмо из Института истории АН СССР. Оно было напечатано на официальном бланке и подписано Владимиром Григорьевичем Трухановским (1914–2000), исполнявшим в тот момент обязанности директора, и Алексеем Андреевичем Новосельским (1891–1967), заведовавшим сектором публикации. В письме рассказывалось о возобновлении в 1946 г. издания «Писем и бумаг императора Петра Великого» (из письма складывается впечатление, что авторы не знали о прежних контактах А.В. Флоровского и А.И. Андреева) и говорилось о необходимости выявления нового круга документов. Авторы признавали, что неразрешимой трудностью является использование зарубежных источников, и поэтому сотрудничество с А.В. Флоровским для них было бы крайне желательным: «Зная Вас, как исследователя, плодотворно работающего по изучению времени Петра I, мы просим Вас не отказать сообщить свои замечания относительно издания “Писем и бумаг” Петра I, а также помочь нам своими указаниями относительно архивных собраний и коллекций Чехословакии, в которых имеются материалы о России 1-й четверти XVIII столетия (и особенно документов 1711–1712 гг.). Вашим соображения и указания о расширении источников нашего издания, а также Ваши критические замечания о нем примем с благодарностью»²⁰⁶⁴.

20 октября 1958 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VII. Korespondence. № 192.*

²⁰⁶³ На этот факт указывает содержание письма: Письмо А.В. Флоровскому от Института истории АН СССР от 24 февраля 1958 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR* (документ находится в неразобранной части архивного фонда и потому пока не имеет инвентарного номера).

²⁰⁶⁴ *Ibid.*

Получение этого письма воодушевило А.В. Флоровского, лучшим свидетельством чему является его пространный ответ, в котором он изложил свои главные соображения («Я почитаю для себя высокой честью принять хотя бы какое-либо посильное участие в деле подготовки и обработки очередных томов замечательного научного начинания, каким является издание «Писем и бумаг Петра Великого»») ²⁰⁶⁵. Он особо подчеркивал, что ему удалось тщательно изучить документы о дипломатических сношениях между Россией и Австрией в 1698–1726 гг. в фондах Австрийского государственного архива в Вене. Среди них были акты, письма и грамоты, связанные с именем самого Петра. Он заметил, что материалы архива, датированные событиями до 1710 г., были неплохо изучены еще дореволюционными русскими историками, работавшими над подготовкой «Писем и бумаг», чего нельзя было сказать о более поздних документах, совершенно обойденных вниманием ученых. А.В. Флоровский сожалел, что уже два года он не может получить командировку в Вену для более глубокого изучения архива и выявления новых русских материалов. В качестве банальной причины отказа он называет нежелание выделять на поездку валюту («Я уже два года пытаюсь получить возможность поехать за этим в Вену, но мне не хотят позволить – из-за экономии валюты – истратить мои собственные деньги на эту поездку и на посещение иных заграничных архивов, куда рвусь ради петровских материалов. Не имеет возможности помочь в этом (валюта!) и наш консулат без формального толчка со стороны, А выписать сюда эти документы не решаюсь, не знаю точно, где именно имеются русские материалы, а на месте – при знании основного Фонда – это было бы и легко и полезно...») ²⁰⁶⁶). Здесь сделаем небольшое уточнение. Отказ в обмене валюты под предлогом ее острой нехватки в банке часто служил для воспрепятствования поездки за границу неблагонадежных, с точки зрения властей,

²⁰⁶⁵ Письмо А.В. Флоровского в Институт истории СССР от 23 марта 1958 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR (документ находится в неразобранной части архивного фонда и потому пока не имеет инвентарного номера).

²⁰⁶⁶ Ibid.

лиц. При этом официально такое путешествие никто не запрещал, но реально без валюты его невозможно было осуществить²⁰⁶⁷. К слову, в том же 1958 г. А.В. Флоровский жаловался в письме к своему старому приятелю востоковеду В.Ф. Минорскому: «Все меня тревожит необходимость для разысканий моих попасть как-нибудь в Вену, Лондон и Париж, конечно, и в Голландию – ради дополнения моих сведений архивных. Но это теперь так трудно из-за валютных стеснений у нас, что прямо руки опускаются. Надо бы в свое время завести какой-нибудь значительный денежный фонд за границей, чтобы отсюда ехать совсем без денег!»²⁰⁶⁸ Жалобы на невозможность заграничных командировок пронизывают и письма А.В. Флоровского к иностранным коллегам. Так он сетовал в письме к немецкому историку Эдуарду Винтеру на вынужденные ограничения своей мобильности. В мае 1960 г. ему отказали в поездке в Берлин на международную конференцию «Немецко-русские научные связи во второй половине XVIII века»: «Здесь государственные органы отказали мне в поездке в Берлин, несмотря на то, что у меня была виза, проставленная консульским отделом посольства ГДР, разрешающая выезд из Чехословацкой Республики. Я должен был подчиниться данному распоряжению, поскольку я не являюсь гражданином Чехословацкой Республики, и я не получил рекомендаций от Чехословацкой академии наук или от какого-либо научного института, так как я нахожусь на пенсии. Мое участие в научной конференции было моим личным желанием, которое было отклонено в силу данных обстоятельств»²⁰⁶⁹. Отказ в поездке лишил А.В. Флоровского возможности встреч с

²⁰⁶⁷ Благодарю за эти сведения моих чешских коллег докторов Отакара Хулеца (Otakar Hulec) и Зденека Полачека (Zdeněk Poláček).

²⁰⁶⁸ Письмо А.В. Флоровского к В.Ф. Минорскому от 20 мая 1958 г. // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 845. Л. 17 об.

²⁰⁶⁹ Письмо А.В. Флоровского к Э. Винтеру, 23 мая 1960 г. // Slovánská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XIII. № 317. В рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге сохранилось письмо Петера Хоффманна к А.В. Флоровскому, в котором сообщается об отправке официального приглашения на указанную конференцию для коллеги Антония Васильевича – слависта Ивана Онуфриевича Панаса (1890–1980). Письмо П. Хоффманна к А.В. Флоровскому от 4 мая 1960 г. // Slovánská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. IV. № 80.

советскими коллегами, на которые он возлагал большие надежды. Аналогичный отказ он получил и при попытке поездки на очередную конференцию в Берлин в 1963 г.²⁰⁷⁰

Остановимся подробно на критических замечаниях со стороны А.В. Флоровского на X-й том «Писем и бумаг», которые важны не только с точки зрения взгляда из-за границы, но и с точки зрения взгляда представителя дореволюционной научной школы на работу советских историков. Так, он рекомендовал опубликовать не только русский, но и немецкий текст русско-прусского договора в Мариенверде 1709 г., дать комментарий относительно судьбы архива шведской королевской канцелярии, захваченного русскими под Полтавой, скорректировать рассказ о русской оккупации Спиша, внести уточнения в именной указатель и т.д.²⁰⁷¹ А.В. Флоровский говорит о важности использования уже опубликованных иностранных источников, например венгерских материалов, касающихся сношений с Петром Великим с Ференцем Ракоци. Он обрисовывает документы об императоре, хранящиеся в чехословацких архивах, и, в частности, бумаги о посещении царем чешских земель в 1698, 1711 и 1712 гг. К ним относились, например, документы из фонда бывшего австрийского канцлера графа Кауница в Брно (документы об австрийской миссии князя П.А. Голицыны, проект залога Тешинского и Кладенского графств России в 1703 г. и др.), письма императора Леопольда I о встрече с Петром Великим в Вене в 1698 г. из собрания графа Штернберга в Национальном музее в Праге (Národní muzeum), донесения австрийского посла в России в 1721–1723 гг. графа С. Кинского в Земледельческо-лесном архиве города Дечина (Zemědělsko-lesnický archiv v Děčíně), переписка чешских иезуитов, рабо-

²⁰⁷⁰ Письмо Э. Винтера к А.В. Флоровскому, 23 декабря 1963 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XIII. № 317. Winter, Eduard, Praha, Berlín. № 32.

²⁰⁷¹ Письмо А.В. Флоровского в Институт истории СССР от 23 марта 1958 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. (документ находится в неразобранной части архивного фонда и потому пока не имеет инвентарного номера).

тавших в России в 1684–1719 гг.²⁰⁷² Важно еще и то, что А.В. Флоровский дал в своем письме широкие историографические указания, основанные на глубоком знании чешской, польской, немецкой, венгерской историографии (В. Лёве, Й. Фельдман, А. Баллаги, А. Гаспаржикова, И. Лукинич и др.). Вряд ли кто-то из ученых в СССР в тот момент мог похвастаться такими познаниями. «Итак, прошу располагать мною – пока могу – охотно сделаю все нужное. Если нужно – я пришлю список всех актов за подписью Петра I, что встретил в изученных мною фондах венского архива. А далее – нужно выяснить, чем бы и в какой форме мог бы я участвовать в дополнительной обработке этих и иных материалов для соответствующих томов», – подытоживал свое обширное письмо пражский историк²⁰⁷³.

Письмо А.В. Флоровского было получено, внимательно изучено и вызвало большой и неподдельный интерес. Об этом свидетельствует подробный ответ от А.А. Новосельского, заведовавшего сектором источниковедения и издания исторических источников дооктябрьского периода, в сентябре 1958 г.²⁰⁷⁴ Советский историк поблагодарил своего коллегу и выразил особую признательность за ценные историографические указания, которые, по его убеждению, кроме всего прочего, будут способствовать пополнению Библиотеки Академии наук новыми зарубежными изданиями. А.А. Новосельский понимал, что материалы Венского архива, тщательно обработанные А.В. Флоровским, представляют для советских историков огромный интерес не только в силу своей исторической уникальности, но и в силу их практической недоступности. Поэтому предложение

²⁰⁷² См. подробную статью: *Флоровский А.В.* Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах. С. 236–241. С 1956 г. Земледельческо-лесной архив стал частью Государственного областного архива в Литомержицах (Státní oblastní archiv v Litoměřicích). Изученные А.В. Флоровским документы находятся в специальном фонде: Fond 27. Rodinný archive Kinských a Preysingů.

²⁰⁷³ Письмо А.В. Флоровского в Институт истории СССР от 23 марта 1958 г. // Slovánská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR (документ находится в неразобранной части архивного фонда и потому пока не имеет инвентарного номера).

²⁰⁷⁴ Письмо от А.А. Новосельского от 29 сентября 1958 г. // Slovánská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VII. Korespondence. № 192.

А.В. Флоровского прислать в Москву список документов 1711–1712 гг., касающихся жизни и деятельности Петра Великого, вызвало с его стороны одобрение и воодушевление. На архивные поиски А.В. Флоровского, в том числе на попытки выяснить судьбу шведской королевской канцелярии после Полтавской битвы, в СССР обратили пристальное внимание. В ответ А.А. Новосельский обещал поделиться сведениями о документах, собранных в свое время Комиссией по изданию писем и бумаг Петра Великого. Он кратко ознакомил своего коллегу с ходом работы над новым, одиннадцатым, томом «Писем и бумаг», которую планировали завершить к 1959 г. А.А. Новосельский увидел в сотрудничестве с пражским профессором долгожданную возможность возобновления научных контактов с иностранными учеными, прерванных в конце 1940-х гг.: «Можно надеяться, что благодаря все растущим связям ученых СССР с учеными стран народной демократии, легенды под документами Петра I, и особенно под договорами России с другими странами, обогатятся в ближайшем будущем ссылками на современные зарубежные архивные фонды»²⁰⁷⁵.

С этого письма начинается активная переписка А.В. Флоровского с А.А. Новосельским. В ответном письме в октябре 1958 г. пражский профессор выразил советскому коллеге благодарность за помощь и приложил обещанную справку из Венского архива. Он поведал, что важнейшим книжным собранием для его работы над петровской тематикой стала библиотека Е.Ф. Шмурло, которая была приобретена Славянской библиотекой в Праге²⁰⁷⁶. В этом же письме профессор осведомился о судьбе архива Е.Ф. Шмурло, который в составе Русского заграничного исторического архива после Второй мировой войны оказался в Москве. А.В. Флоровский упомянул о двух сундуках с материалами, которые историк собрал во время своей работы в Италии. Советские ученые толком ничего не знали о фонде Е.Ф. Шмурло, ведь вплоть до конца 1980-х гг. получить доступ для

²⁰⁷⁵ Ibid.

²⁰⁷⁶ Письмо А.В. Флоровского к А.А. Новосельскому от 20 октября 1958 г. // Ibid.

работы с документами бывшего Русского заграничного исторического архива, большая часть которых оказалась в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, было крайне сложно. В том же октябрьском письме 1958 г. А.В. Флоровский рассказал о найденной Е.Ф. Шмурло грамоте Петра Великого капуцинам 1705 г., опубликованной в Варшаве в 1928 г., по мнению А.В. Флоровского, «весьма неудачно» и с «ошибочными комментариями»²⁰⁷⁷. Он настаивал на необходимости ее републикации в «Письмах и бумагах»²⁰⁷⁸. Вопреки обещаниям советских коллег²⁰⁷⁹, она так и не была издана впоследствии. В конце 1950-х гг. А.В. Флоровский подготовит статью об этой грамоте, пошлет ее в Москву в надежде на публикацию в «Проблемах источниковедения»²⁰⁸⁰, но печатная судьба этой работы неизвестна²⁰⁸¹.

А.В. Флоровский охотно делился с А.А. Новосельским информацией о своих архивных находках. Например, в 1958 г. он рассказал материалах, касавшихся взятого в русский плен в Спише секретаря Карла XII Отто фон Клинковстрёма (Otto Vilhelm Klinckowström; 1683–1731). В Венском архиве сохранился протокол его допроса, состоящий из 95 вопросов и ответов и копии его собственных писем, в том числе Карлу XII, Станиславу Лещинскому и Юзефу Потоцкому. Историк полагал, что русское командование послало эти материалы царю, который в указах П.М. Апраксину в 1710 и 1711 гг. обмолвился об О. фон Клинковстрёме. А.В. Флоровский пытался выяснить, имеются ли в советских архивах материалы об этом деле. Сюжетом этим он интересовался в контексте изучения оккупации русскими Спиша в 1710 г., которая хоть и не имела серьезного влияния на ход Север-

²⁰⁷⁷ Ibid.

²⁰⁷⁸ Письмо А.В. Флоровского к А.А. Новосельскому от 4 декабря 1959 г. // Ibid.

²⁰⁷⁹ Письмо А.А. Новосельского к А.В. Флоровскому от 20 января 1960 г. // Ibid.

²⁰⁸⁰ Письмо А.В. Флоровского к А.А. Новосельскому от 3 апреля 1960 г. // Ibid.

²⁰⁸¹ В личном фонде историка в Праге сохранилась авторская рукопись этой работы: SK. T-FLOR. Křab. XXVII. История одной царской грамоты (1705 г.) (Страница из истории русско-польских отношений начала 18 века.

ной войны, зато «сильно всколыхнула отношения в Австрии, Угрии, Польше и т.д.!»²⁰⁸²

В скором ответе в декабре 1958 г. А.А. Новосельский, явно желая отблагодарить А.В. Флоровского, сообщил, что архив Е.Ф. Шмурло, действительно, находится в Москве, и что в скором времени некоторые документы из него будут опубликованы²⁰⁸³. В том же письме содержалась информация, что интересующие А.В. Флоровского документы о суде над генерал-фельдмаршалом Генрихом Гольцем (1648–1725), рассорившегося с А.Д. Меншиковым, ослушавшегося Петра Великого и потому в 1711 г. высланного за границу, хранятся в Центральном государственном архиве древних актов и пока не стали предметом научного изучения.

Для А.В. Флоровского общение с А.А. Новосельским было важно и интересно не только в плане обмена информацией, но также с целью выяснения возможностей публикации своих работ в СССР. Так, в мае 1960 г. он написал в Москву о неизвестном воззвании Петра Великого к шведам под Полтавой и попросил у своего коллеги содействия для напечатания статьи в «Истории СССР» или «Историческом архиве»²⁰⁸⁴. Эта информация привлекла внимание Л.Г. Бескровного и Б.Б. Кафенгауза, которые готовили сборник статей к юбилею Полтавской битвы. Они предложили опубликовать в нем статью А.В. Флоровского вместе с текстом самого воззвания, ко-

²⁰⁸² Письмо А.В. Флоровского к А.А. Новосельскому от 20 октября 1958 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VII. Korespondence. № 192.*

²⁰⁸³ Письмо А.А. Новосельского к А.В. Флоровскому от 28 декабря 1958 г. // *Ibid.* Действительно, материалы фонда Е.В. Шмурло были использованы для подготовки XI-го тома «Писем и бумаг». В этом велика была заслуга Б.Б. Кафенгауза, который добился допуска к архиву историка и подготовил к публикации несколько документов из него. См.: *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С. 533–536. Примечательно, что принять участие в этом сборнике статей пригласили двух ученых-эмигрантов – самого А.В. Флоровского (*Флоровский А.В.* Чешско-русские торговые отношения X–XII вв. // *Международные связи России до XVII в.* С. 61–83) и его коллегу из Скопье В.А. Мошина (*Мошин В.А.* Из истории сношений Римской курии, России и южных славян в середине XVII в. // *Международные связи России до XVII в.* С. 491–511).

²⁰⁸⁴ Письмо А.В. Флоровского к А.А. Новосельскому от 6 мая 1959 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VII. Korespondence. № 192.*

торый впоследствии планировали поместить в «Письмах и бумагах»²⁰⁸⁵. А.В. Флоровского это предложение воодушевило, и он быстро подготовил обещанный материал²⁰⁸⁶. Вскоре появилась его статья об архиве Карла XII и в другом юбилейном «полтавском» сборнике²⁰⁸⁷. Оба издания он воспринимал как некое продолжение андреевского сборника «Петр Великий» 1947 г.²⁰⁸⁸ К слову, в 1940-х гг. А.В. Флоровский так и не успел получить от А.И. Андреева это издание. Потому в марте 1960 г. он попросил А.А. Новосельского разыскать для него книгу в Москве²⁰⁸⁹. Но ничего из этого не вышло – ее давно не было в продаже²⁰⁹⁰.

Вообще, А.В. Флоровский нередко просил А.А. Новосельского посодействовать в приобретении нужной ему советской литературы. Например, ему требовалась книга Леонида Алексеевича Никифорова (1911–1987) о Ништадском мире, чрезвычайно важная для разработки русско-австрийских отношений 1718–1720 гг., которую он не смог купить в советском книжном магазине в Праге, и многострадальная монография С.А. Фейгиной об Аландском конгрессе, выход которой некогда притормозили идеологические кампании 1940-х гг.²⁰⁹¹ А.А. Новосельский исполнил просьбу коллеги²⁰⁹². Его же стараниями А.В. Флоровский получит фотокопию грамоты Максимилиана I из Центрального государственного архива древних актов в Москве²⁰⁹³.

А.В. Флоровский был заинтересован в получении микрофильмов уникальных книг, недоступных ему. Он наладил обмен информацией с Татья-

²⁰⁸⁵ Письмо А.А. Новосельского к А.В. Флоровскому от 21 мая 1959 г. // Ibid.

²⁰⁸⁶ *Флоровский А.В.* Забытое воззвание Петра I к шведам после Полтавы (1709) // Полтава: к 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 359–362.

²⁰⁸⁷ *Флоровский А.В.* Об архиве Карла XII под Полтавой // Полтавская победа: из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М., 1959. С. 236–244.

²⁰⁸⁸ Письмо А.В. Флоровского к А.А. Новосельскому от 15 марта 1960 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VII. Korespondence. № 192*

²⁰⁸⁹ Ibid.

²⁰⁹⁰ Письмо А.А. Новосельского к А.В. Флоровскому от 8 июля 1960 г. // Ibid.

²⁰⁹¹ Письмо А.В. Флоровского к А.А. Новосельскому от 6 мая 1959 г. // Ibid.

²⁰⁹² Письмо А.А. Новосельского к А.В. Флоровскому от 21 мая 1959 г. // Ibid.

²⁰⁹³ Письмо А.А. Новосельского к А.В. Флоровскому от 4 июня 1959 г. // Ibid.

ной Александровной Быковой (1893–1975), заведующей Отделом редких книг в Государственной Публичной Библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Профессор регулярно посылал ей запросы, в которых осведомлялся о возможности изготовления микрофильмов нужных ему изданий²⁰⁹⁴. Т.А. Быкова посильно помогала ему. Так, А.В. Флоровский довольно долго, еще со времени поездки в Стокгольм в конце 1920-х гг., разыскивал небольшую брошюру о Петре Великом «*Pro memoria pour faire voir combien la puissance du Czar est redoutable*», принадлежавшую, вероятно, перу шведского сенатора графа Мориса Веллинга (Maurice Wellingh)²⁰⁹⁵, и сумел найти ее лишь в Ленинграде²⁰⁹⁶. Профессор в ответ охотно делился своими материалами. Например, в 1959 г. он переслал Т.А. Быковой фотокопии грамматики иезуита Георгия Давида 1690 г., которую он считал первым учебником русского языка для иностранцев, к тому же совершенно неизвестным для исторической науки²⁰⁹⁷. Ей же он отправил гравюры с изображением Гангутского сражения и взятия шведского корабля «Элефант» и взятием Саволакского замка, грамоты императора Максимилиана и др.²⁰⁹⁸

Общение с Т.А. Быковой, талантливым историком и библиографом, способствовало успеху поисков А.В. Флоровского. Он ясно осознавал необходимость подготовки библиографических и источниковедческих справочни-

²⁰⁹⁴ Черновик письма А.В. Флоровского к Т.А. Быковой от 3 апреля 1959 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. III. Korespondence. № 29.*

²⁰⁹⁵ *Pro memoria pour faire voir combien la puissance du Czar est redoutable, le 20 Octobre. [S. l.], 1720.*

²⁰⁹⁶ Письмо Т.А. Быковой к А.В. Флоровскому от 23 февраля 1959 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. III. Korespondence. № 29*; Письмо Т.А. Быковой к А.В. Флоровскому от 26 февраля 1959 г. // *Ibid.*

²⁰⁹⁷ Черновик письма А.В. Флоровского к Т.А. Быковой от 3 апреля 1959 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. III. Korespondence. № 29.* Об этом букваре, составленном чешским иезуитом Георгием Давидом, находившимся долгое время с миссией в Москве, А.В. Флоровский писал еще в конце 1930-х гг. (*Флоровский А. Рускá mluvnice českého jesuity r. 1690 // Slovo a slovesnost. Praha, 1939. Roč. IV. № 4. S. 239–245*), а затем, на основе новых сведений, обобщил известные ему данные (*Флоровский А.В. Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 17. М.–Л., 1961. С. 482–494*).

²⁰⁹⁸ Письмо Т.А. Быковой к А.В. Флоровскому от 26 октября 1961 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. III. Korespondence. № 29.*

ков, поэтому приветствовал работы своей ленинградской коллеги: «Благодарите принять мою самую глубокую благодарность за присылку мне описания изданных при Петре Великом книг. С величайшим интересом и большой пользой для себя просматриваю это издание, так ярко отображающее великую и неусыпную энергию царя Петра. Уже давно нужно было повторить и расширить когда-то такую заслуженную работу П. Пекарского и Каратаева и нельзя не признаться, что Вы выполнили это с огромным успехом, потребовавшим столько внимания, сосредоточенности и широты изысканий <...> С особым чувством направляю это письмо в Библиотеку, в которой я последний раз занимался, увы, 45 лет назад»²⁰⁹⁹.

Надежной опорой А.В. Флоровскому в его поисках служил знаменитый справочник Р.И. Минцлова, до сих пор не утративший своей научной значимости²¹⁰⁰. Профессор стремился максимально подробно изучить центральноевропейскую Россику XVIII в., выявить малоизвестные или вовсе забытые печатные издания. И вновь он критиковал советских специалистов по петровской эпохе, о чем прямо писал Т.А. Быковой: «Конечно, редакция “Писем и бумаг” не дает библиографического описания обнаруженных ею печатных изданий и вместе с тем недостаточно внимательна к печатным текстам, упуская порою даже заглянуть к Минцлову, что в некоторых случаях прямо вредит делу»²¹⁰¹. Ее самые советы, рассуждения и замечания профессора привлекали, ведь в фондах ленинградских библиотек отсутствовали многие издания Россики, указанные пражским профессором. Впрочем, отсутствовали и работы ученых-эмигрантов, включая его самого²¹⁰². В той же Публичной библиотеке имелась лишь двухтомная монография о чехах и восточных славянах и книга о русско-чешских торговых от-

²⁰⁹⁹ Черновик письма А.В. Флоровского к Т.А. Быковой от 26 ноября 1958 г. // Ibid. Очевидно, что А.В. Флоровский писал об издании: *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание изданий гражданской печати. 1708–январь 1725 г. М.–Л., 1955.

²¹⁰⁰ *Минцлов Р.* Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872.

²¹⁰¹ Черновик письма А.В. Флоровского к Т.А. Быковой от 27 апреля 1959 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. III. Korespondence. № 29.*

²¹⁰² Письмо Т.А. Быковой к А.В. Флоровскому от 26 февраля 1959 г. // Ibid; Письмо Т.А. Быковой к А.В. Флоровскому от 25 апреля 1959 г. // Ibid.

ношениях²¹⁰³. Обсуждая с Т.А. Быковой свою книгу о чешских иезуитах²¹⁰⁴, он с некоторым недоумением заметил: «Я не ожидал, что в СССР осталась совсем или мало известной эта моя работа...»²¹⁰⁵.

А как складывались взаимоотношения А.В. Флоровского с непосредственными участниками группы по изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого»? На основе сохранившихся архивных источников, можно сделать вывод, что с Н.А. Баклановой, П.П. Епифановым, Е.И. Заозерской он не общался. По крайней мере, ни одного письма от них к А.В. Флоровскому не сохранилось. Его обращения к ним также неизвестны. Мы также ничего не знаем о его попытках возобновить общение с А.И. Андреевым в 1950-е гг. Свидетельств тому в архивах пока обнаружить не удалось. Но нет сомнения, что за его научной работой А.В. Флоровский внимательно следил, и о своем советском коллеге не забывал. Во всяком случае, в частых письмах к Владимиру Ивановичу Малышеву (1910–1976) в Ленинград пражский профессор несколько раз просил передать А.И. Андрееву привет и наилучшие пожелания²¹⁰⁶. И именно В.И. Малышев 22 июня 1959 г. напишет в Прагу П.Н. Савицкому: «Кланяйтесь от меня А.В. Флоровскому. Передайте ему печальную весть: 13 июня мы схоронили проф[ессора] А.И. Андреева; умер в возрасте 72 лет от сердца (перегрелся на солнце, у нас были очень жаркие дни)»²¹⁰⁷.

Кажется, что отношения А.В. Флоровского с Б.Б. Кафенгаузом, возглавлявшим в 1950-е гг. работу группы по изданию писем и бумаг Петра Вели-

²¹⁰³ Вероятно, имеется в виду книга: *Florovskij A. Česko-ruske obchodni styky v minulosti (X–XVIII století)*. Praha, 1954.

²¹⁰⁴ *Florovskij A. Čeští jesuité na Rusi: Jesuité české provincie a slovanský východ*. Praha, 1941.

²¹⁰⁵ Черновик письма А.В. Флоровского к Т.А. Быковой от 3 апреля 1959 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. III. Korespondence. № 29*.

²¹⁰⁶ Письмо А.В. Флоровского к В.И. Малышеву от 5 января 1959 г. // Отдел рукописей Института русской литературы РАН. Ф. 494. Оп. 2. Д. 1560. Л. 16 об.; Письмо А.В. Флоровского к В.И. Малышеву от 19 марта 1959 г. // Там же. Л. 19; Письмо А.В. Флоровского к В.И. Малышеву от 2 апреля 1959 г. // Там же. Л. 20 об.; Письмо А.В. Флоровского к В.И. Малышеву от 7 мая 1959 г. // Там же. Л. 21 об.

²¹⁰⁷ Письмо В.И. Малышева к П.Н. Савицкому от 22 июня 1959 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. P.N. Savickij. T-SAV. Krab. II. Inv. č. 30. № 4*.

кого, не сложилось. В начале июля 1959 г. пражский профессор направил ему письмо, рассказал о своих работах, предложил обмениваться информацией и осведомился о возможности опубликовать свои работы в СССР²¹⁰⁸. Но послание его пришло в Москву, когда Б.Б. Кафенгауз находился в отпуске, и поэтому ответ задержался до конца октября. Сохранившееся письмо советского историка носит предельно официальный характер: «Подготавливаемая Вами новая большая работа по истории дипломатических отношений времени Петра I на основании документов Венского архива, несомненно, вызовет большой интерес. В настоящее время подходит к концу подготовка XI тома «Писем и бумаг Петра I». Таким образом, действительно, мы работаем по общим научным вопросам. Если представится возможность печатания Ваших новых работ, конечно, не замедляю Вам сообщить»²¹⁰⁹. Других сведений об общении А.В. Флоровского и Б.Б. Кафенгауза в архивах не сохранилось. Иное дело другие участники научного проекта.

В 1957 г. А.В. Флоровский по переписке познакомился с Татьяной Корнильевой Крыловой. Есть основания полагать, что их свел В.И. Малышев, с ним пражский профессор состоял в активной переписке с 1957 г. О его любезном посредничестве профессор упомянул в июньском письме 1957 г.²¹¹⁰ Именно через В.И. Малышева А.В. Флоровский получил оттиски статей Т.К. Крыловой из «Исторических записок», которые прежде были ему недоступны²¹¹¹. А.В. Флоровский поделился с Т.К. Крыловой своими

²¹⁰⁸ Черновик письма А.В. Флоровского к Б.Б. Кафенгаузу от 2 июля 1959 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 40. Л. 1–1 об.

²¹⁰⁹ Письмо Б.Б. Кафенгауза к А.В. Флоровскому от 23 октября 1959 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. V. Korespondence. № 103.*

²¹¹⁰ Письмо А.В. Флоровского к Т.К. Крыловой от 10 июня [1957] г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. V. № 121.* В описи письмо неверно датировано 1952 г. из-за небрежного написания самим А.В. Флоровским даты. Упоминание в тексте X-го тома «Писем и бумаг», изданного в 1956 г., подтверждает датировку.

²¹¹¹ *Крылова Т.К.* Франко-русские отношения в первую половину Северной войны // *Исторические записки.* 1940. Т. 7. С. 115–148; *Она же.* Русско-турецкие отношения во время Северной войны // *Исторические записки.* 1941. Т. 10. С. 250–279; *Она же.* Россия и «великий союз» // *Исторические записки.* 1942. Т. 13. С. 84–129.

творческими планами по написанию книги о русско-австрийских отношениях в первую четверть XVIII в. и сообщил, что в настоящее время работает над главами о послеполтавском времени. Он показал хорошее знание советской историографии петровской эпохи и отметил ее сильные и слабые стороны. Например, он покритиковал В.П. Лысцова за игнорирование дипломатических вопросов в только что вышедшей книге о Персидском походе, а Л.А. Никифорова – за малое внимание к англо-русскому дипломатическому противоборству²¹¹². Коснулся он и нового, X-го, тома «Писем и бумаг императора Петра Великого», вынеся вердикт, что «редакция все же мало обращается к иностранной литературе, где можно – между прочим – найти немало размышлений и дополнений чисто документального характера»²¹¹³.

На основании имеющихся документов кажется, что ответа А.В. Флоровский тогда не получил и повторил свое обращение лишь через пару лет. В январе 1960 г. в редакцию журнала «Исторический архив» на имя Т.К. Крыловой было отправлено следующее послание: «Простите великодушно, что я беспокою Вас этим письмом. Но думаю, что в интересах нас обоих наладить хотя бы письменный контакт, поскольку мы работает в одной и той же сфере...»²¹¹⁴ А.В. Флоровский сообщал, что от В.И. Малышева получил несколько оттисков ее статей, но некоторые из работ, опубликованных в Ленинграде, остались для него недоступными. В знак уважения профессор послал ей оттиск своей работы о деле О. фон Клинковстрёма²¹¹⁵. Вскоре он получил любезное послание из Москвы, в котором Т.К. Крылова сообщила, что прочла статью «с неослабевающим интересом», «испытывая большое наслаждение от этого маленького

²¹¹² *Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения при Петре. М., 1950; *Лысцов В.П.* Персидский поход Петра I. М., 1951.

²¹¹³ Письмо А.В. Флоровского к Т.К. Крыловой от 10 июня [1957] г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor.* A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. V. № 121.

²¹¹⁴ Черновик письма А.В. Флоровского к Т.К. Крыловой от 3 января 1960 г. // *Ibid.*

²¹¹⁵ *Флоровский А.В.* Дело О. фон-Клинковстрёма. Эпизод из истории Северной войны 1709–1710 гг. // *Scando-Slavica.* Copenhagen, 1959. Т. 5. S. 199–230.

шедевра»: «Ваше большое исследовательское мастерство и обширные познания отразились в не как Солнце в малой капле воды»²¹¹⁶. Профессор же в ответ направил в Москву свои работы и вновь пожаловался, что многое из написанного советскими историками остается для него недоступным, хотя жизненно необходимо в процессе исследовательской работы. В переписке А.В. Флоровского с Т.К. Крыловой отчетливо слышалась его критика советских историков за слабое знание иностранных источников и литературы. Она была вполне справедливой, и, вероятно, прекрасно осознавалась самими советскими учеными. Та же Т.К. Крылова писала А.В. Флоровскому в Прагу, что ничего не слышала о присланном им журнале «Scando-Slavica» («Если Вас не затруднит, сообщите мне, пожалуйста, как давно оно издается, какие цели ставит, и каков состав и размеры его предшествующих выпусков»)²¹¹⁷. Журнал этот, между тем, был на тот момент ведущим славистическим изданием в Скандинавии. Он был основан в 1954 г. в Университете Орхуса Адольфом Стендер-Петерсоном, видным датским историком, а в прошлом – студентом Петроградского университета. Пример этот еще раз наглядно свидетельствует о том, как сильно были оторваны советские ученые от внешнего мира, от зарубежной исторической науки.

А.В. Флоровскому явно импонировал подход Т.К. Крыловой, стремившейся вписать петровскую внешнюю политику в общеевропейский контекст, показать широту дипломатических усилий России. Ее исследования он активно использовал, например, считал, что ее статья о русско-турецких связях в 1711–1714 гг. помогла ему при разработке русско-австрийских отношений²¹¹⁸. «Еще раз хочу подтвердить, что рад возможности научного

²¹¹⁶ Письмо Т.К. Крыловой к А.В. Флоровскому от 14 января 1960 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. V. № 121.

²¹¹⁷ Письмо Т.К. Крыловой к А.В. Флоровскому от 12 февраля 1960 г. // Ibid.

²¹¹⁸ Письмо А.В. Флоровского к Т.К. Крыловой от 23 декабря 1960 г. // Ibid. Датировка письма неверна. Его атрибутировали по нечеткой карандашной приписке рукой самого А.В. Флоровского в правом верхнем углу. Однако упоминание статьи Т.К. Крыловой (Крылова Т.К. Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. // Международные связи

общения с Вами, с таким важным представителем исследования по эпохе Петра Великого» – подытоживал он в одном из своих писем²¹¹⁹.

Елена Петровна Подъяпольская (1895–1986), выпускница Саратовского университета, ученица С.Н. Чернова и П.Г. Любомирова²¹²⁰, к петровской теме пришла в 1930-е гг., когда участвовала в подготовке к публикации документов Берг-коллегии. В 1943 г. после возвращения из самаркандской эвакуации, она стала сотрудницей сектора феодализма Института истории АН СССР и вошла в состав группы по изданию писем и бумаг Петра Великого. В ее задачу входило выявление новых текстов, их подготовка к публикации и научное комментирование. В 1946 г. при ее участии был издан VII-й том «Писем и бумаг», а, начиная с XII-го тома, она станет постоянным членом редколлегии. В 1950–1960-е гг. научные интересы Е.П. Подъяпольской были сосредоточены вокруг изучения народных движений петровского времени, результатом чего стало появление монографии о Булавинском восстании²¹²¹, а также вокруг петровской иконографии.

Регулярное общение между ней и А.В. Флоровским установилось с конца 1950-х–начала 1960-х гг. Удивительно, но их судьбы уже однажды случайно пересеклись. В 1916 г. еще совсем юная Е.П. Подъяпольская присутствовала на защите диссертации А.В. Флоровского об Уложенной комиссии в Московском университете²¹²². Он, конечно, не помнил и вряд ли мог помнить об этом эпизоде. Теперь же для общения между учеными имелся серьезный повод – оба занимались одной научной темой. В конце 1950-х гг. Е.П. Подъяпольская заинтересовалась петровскими портретами кисти чешского художника Яна Купецкого (Jan Kupěcký; 1667–1740), и А.В. Флоровский, бесспорно, мог помочь ей в разысканиях. Зимой 1960 г.

России в XVII–XVIII вв. С. 410–446) говорит о том, что письмо было написано не ранее 1966 г.

²¹¹⁹ Письмо А.В. Флоровского к Т.К. Крыловой от 10 июня 1957 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. V. № 121.

²¹²⁰ *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006. С. 116.

²¹²¹ *Подъяпольская Е.П.* Восстание Булавина, 1707–1709. М., 1962.

²¹²² *Ковалев М.В., Лаптева Т.Н.* Указ. соч. С. 67.

он послал для нее в Москву брошюру своего пражского коллеги Николая Артемьевича Еленева (1894–1967) о Петре Великом и Яне Купецком²¹²³. Е.П. Подъяпольская в тот момент как раз изучала портрет русского царя, написанный чешским художником в Карлсбаде в 1711 г.²¹²⁴

Общение это было взаимноинтересным и взаимополезным. Как и других коллег из СССР, А.В. Флоровский нередко просил Е.П. Подъяпольскую наводить архивные справки ввиду недоступности для него советских архивных собраний²¹²⁵. И она при поддержке директора Центрального государственного архива древних актов Вениамина Николаевича Шумилова (1914–1970) пыталась оказывать ему посильную помощь²¹²⁶. Так, летом 1960 г. А.В. Флоровский просил Е.П. Подъяпольскую разыскать рескрипт Петра Великого 1708 или 1709 гг. барону Иоганну Урбиху (Johann Christof von Urbich; 1653–1715), занимавшему пост русского посла в Вене, а также установить источник акта 1710 г. с предложением о союзе России с Австрией²¹²⁷. Правда, не всегда поиски заканчивались успешно. Однажды А.В. Флоровскому потребовались сведения об Иоганне-Людвиге Микуше, генерал-майоре от кавалерии, служившим вместе с Ф. Боуром²¹²⁸, но обнаружить нужные документы не удалось.

Е.П. Подъяпольская пыталась помочь коллеге с публикациями работ на Родине, как то было, например, со статьей «Петр Великий и Эфиопия», предназначавшейся для журнала «История СССР»²¹²⁹. Правда, в итоге она была отклонена редакцией, поскольку «по своей источниковедческой базе»

²¹²³ *Jelenew N. Peter der Große und Johann Kupetzky // Записки Русского научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге. 1942. Т. 16. № 85–86. С. 227–285. Вышло также отдельной брошюрой.*

²¹²⁴ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому, 10 февраля 1960 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VIII. № 210.*

²¹²⁵ Черновик письма А.В. Флоровского к Е.П. Подъяпольской от 2 ноября 1960 г. // *Ibid.* В описи письмо неправильно датировано декабрем.

²¹²⁶ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому, 27 декабря 1960 г. // *Ibid.*

²¹²⁷ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому, 1 августа 1961 г. // *Ibid.*

²¹²⁸ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому (до 28 сентября 1965 г.) // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VIII. № 210.* Письмо неверно датировано. В реальности – до 27 декабря 1960 г.

²¹²⁹ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому, 28 июня 1962 г. // *Ibid.*

не отвечала задачам и характеру журнала²¹³⁰. Трудно сказать, насколько обоснованным можно считать такой мотив, ведь качество статьи стояло на очень высоком уровне, и оно было отмечено современникам (например, ведущим немецким славистом Дитрихом Герхардтом²¹³¹). В конечном счете, статья будет опубликована в 1966 г. в Мюнхене в юбилейном сборнике в честь Д.И. Чижевского²¹³².

В общении двух ученых разумеется почти сразу возникла тема «Писем и бумаг Петра Великого». Е.П. Подъяпольская в апреле 1960 г. благодарила А.В. Флоровского за «справедливые критические замечания» в адрес этого издания²¹³³. В июне 1962 г. она послала в Прагу 1-й выпуск XI тома «Писем и бумаг»: «Пользуюсь случаем поблагодарить Вас лишней раз за внимание Ваше к нашему изданию и за полезные советы»²¹³⁴. А.В. Флоровский внимательно изучил книгу и поделился своими соображениями. Все последующие годы, вплоть до смерти профессора в 1968 г., они будут систематически обсуждать в своей переписке дальнейшую подготовку столь важной документальной серии. А.В. Флоровский со свойственной ему педантичностью и основательностью будет давать совету советским коллегам, отмечать сильные стороны их работы и одновременно критиковать. Е.П. Подъяпольская хорошо осознавала глубину и значение его указаний. «Как всегда, письма Ваши – это “кладезь премудрости” для издателей “Писем и Бумаг”», – лестно отзывалась она в 1965 г.²¹³⁵

²¹³⁰ Письмо Л.С. Гапоненко к А.В. Флоровскому, 23 июля 1962 г. // Ibid.

²¹³¹ Письмо Д. Герхардта к А.В. Флоровскому, 15 июля 1963 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. IV. № 62*; Ковалев М.В. А.В. Флоровский и его немецкие корреспонденты // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов, 2015. С. 174.

²¹³² *Флоровский А.В.* Петр Великий и Эфиопия. Историческая справка // *Orbis Scriptus. Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70 Geburtstag. München, 1966. S. 211–220.*

²¹³³ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому, 24 апреля 1960 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VIII. № 210.*

²¹³⁴ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому, 28 июня 1962 г. // Ibid.

²¹³⁵ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому, 8 октября 1965 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VIII. № 210.*

Е.П. Подъяпольская много раз признавала, что для редакции «Писем и бумаг» огромной, почти неразрешимой трудностью было плохое знание европейской историографии и источников, что отличало ее положение от дореволюционных предшественников. И в этой связи А.В. Флоровский был едва ли не единственным ученым, обладавшим необходимыми познаниями, и способным решить назревшие историографические вопросы, за что Е.П. Подъяпольская не раз его благодарила: «Все Ваши указания на зарубежную литературу очень ценны. Знание зарубежных источников (рукописных и печатных) являлось и является уязвимым местом в издании “П[исем] и Б[умаг]”»²¹³⁶. Например, она сообщала, что составители обошли вниманием и ценное собрание источников «*Litterae procerum Europae*», изданное И.Х. Люнигом²¹³⁷, и лишь затем обнаружили грамоту, которая могла представлять интерес для издания²¹³⁸. Она же признавалась, что незнание ей и никем из коллег венгерского языка не позволили извлечь сведения из исследований венгерского историка Имре Лукинича (*Lukinich Imre*; 1880–1950), хотя одна из его работ была в распоряжении группы. Между тем, А.В. Флоровский не раз рекомендовал обратить пристальное внимание на венгерские материалы, в силу того, что они были совершенно неизвестны русской науке. Конечно, советские коллеги это понимали и признавали, но сделать, кажется, особо ничего не могли: «Очень скупо у

²¹³⁶ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому от 25 июля 1962 г. // *Ibid.* См. также: «Не могу выразить всей своей благодарности за Вашу помощь по изданию, в котором я принимаю участие. Было необычайно приятно услышать Ваше одобрение по поводу того, что мы включили в издание выдержки из писем корреспондентов Петра I и из текстов разных деятелей того времени с цитатами, свидетельствующими о несохранившихся или о неизвестных нам письмах Петра» (Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому от 19 декабря 1962 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VIII. № 210*). Эта же мысль содержится в февральском письме 1967 г.: «Большое спасибо за ту помощь, кот[орую] Вы оказываете, сообщая о выходе зарубежной литературы по эпохе Петра I» (Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому от 25 февраля 1967 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 367. Л. 4).

²¹³⁷ *Litterae procerum Europae, ab imperatoribus, electoribus, principibus, statibusque Sacri Imperii Romano-Germanici, ad reges, principes, republ. liberas, et vice versa ...: ab anno 1552 usque ad annum 1712. Pars I–III / Hrsg. J.C. Lünig. Lipsiae, 1712.*

²¹³⁸ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому от 25 июля 1962 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VIII. № 210.*

нас там о взаимоотношениях с Ракоци», – писала Е.П. Подъяпольская в 1967 г. о содержании очередного тома «Писем и бумаг»²¹³⁹. У ученых в СССР не было, конечно, той глубокой языковой подготовки, как у их дореволюционных предшественников. Рискну заметить, что вряд ли у кого-то из советских историков, занимавшихся в 1950–1960-е гг. петровской эпохой, были такие познания, как у А.В. Флоровского. Но не было у них и таких возможностей, как у него. Даже будучи лишенным возможности выезда из Чехословакии на Запад, А.В. Флоровский свободно вел научную корреспонденцию с коллегами из разных стран, заказывал для себя копии нужных книг и документов. Да и библиотечные фонды Праги пополнялись иностранной литературой гораздо лучше, чем московские или ленинградские. Прочтя в 1964 г. статью А.В. Флоровского о Мекленбургском вопросе, Е.П. Подъяпольской только и оставалось написать в Прагу: «С завистью смотрела на использованную Вами литературу и взяла на заметку некоторые издания»²¹⁴⁰.

А.В. Флоровский как блестящий знаток европейских архивов был очень интересен Е.П. Подъяпольской, а потому она часто обсуждала с ним проблемы выявления новых документов для «Писем и бумаг императора Петра Великого». В 1958 г. он послал в Москву перечень актов 1711–1713 гг., исходивших от Петра, и хранившихся в Венском архиве. Список этот представлял огромный интерес, ибо позволял понять, не было ли пропусков в ранее собранных для этого издания материалах²¹⁴¹. Сам А.В. Флоровский, кстати, ставил вопрос о необходимости печатания «Дополнений» к «Письмам и бумагам», в которых следовало бы публиковать ранее пропущенные,

²¹³⁹ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому от 25 февраля 1967 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 367. Л. 5.

²¹⁴⁰ Письмо Е. П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому от 27 марта 1964 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VIII. № 210.*

²¹⁴¹ Письмо А.А. Новосельского к А.В. Флоровскому, 28 декабря 1958 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VII. Korespondence. № 192.*

неизвестные документы²¹⁴². Увы, предложение это до наших дней так и не претворено в жизнь.

К сожалению, издателями первой части XI-го тома «Писем и бумаг» не удалось получить из Вены грамоту Петра австрийской императрице Элеоноре 1711 г. с выражением сочувствия по поводу смерти императора Иосифа I. Она была примечательна тем, что была возвращена назад императрицей-регентшей, ибо в ней не употреблялся титул «Величества». В руках Е.П. Подъяпольской был только микрофильм описи Венского архива, откуда и было позаимствовано краткое изложение содержания грамоты и ее выходные данные. В Прагу она писала: «Очень досадую, что не обратилась к Вам за Вашей помощью. И прошу Вас разрешить обращаться к Вам в подобных случаях, когда у нас имеется лишь указание на существование письма Петра I и есть все основания предполагать, что текст находится или находился за рубежом, а, следовательно, есть основание предполагать, что он там не опубликован»²¹⁴³.

Советские ученые, отрезанные от иностранных собраний, ценой огромных усилий накапливали новые материалы. Часто им приходилось обращаться к архивным фондам дореволюционных историков, разыскивая в них копии документов, которые те могли некогда привезти из Европы. Так было, например, с письмом Петра Великого к герцогу Антону-Ульриху от 12 ноября 1712 г., напечатанном в «Письмах и бумагах» по хранящейся в Ленинградском отделении Института истории АН СССР копии с подлинника из Брауншвейг-Люнебургского архива в Вольфенбюттеле. А.Ф. Флоровский по просьбе коллеги выяснил, что в немецком архиве сохранился оригинал этого послания²¹⁴⁴.

²¹⁴² Письмо А.В. Флоровского к А.А. Новосельскому, 6 мая 1959 г. // Ibid.

²¹⁴³ Письмо от Е.П. Подъяпольской от 25 июля 1962 г. // Ibid. Эта грамота все же была опубликована во второй части XI-го тома в 1964 г. по изданию Й. Люнига (*Litterae procerum Europae, ab imperatoribus... Pars. III. P. 1074–1076*). См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 2. М., 1964. С. 346–348.

²¹⁴⁴ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому от 25 февраля 1967 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 367. Л. 4.

Е.П. Подъяпольская совещалась с А.В. Флоровским по спорным архивным, источниковедческим вопросам. Например, она хотела знать его мнение относительно «Письма с берегов Прута» от 10 июля 1711 г., которое приписывалось Петру, и в котором сообщалось об окружении русской армии турками и возможном пленении царя²¹⁴⁵. Авторство письма вызывало много вопросов, и нередко его приписывали либо Я. Штеллину, напечатавшему текст в 1785 г. в Лейпциге, либо М.М. Щербатову. Поэтому редакция долго не решалась публиковать его в «Письмах и бумагах». Е.П. Подъяпольская писала А.В. Флоровскому, что по мере углубления знания об обстановке на Пруте и более тщательном анализе текста она пришла к выводу о подлинности письма и поделилась планами написать о нем специальную статью²¹⁴⁶. Версия коллеги показалась А.В. Флоровскому убедительной²¹⁴⁷. А.А. Новосельский еще в 1960 г. осведомлялся, какие отклики в современной европейской историографии имеются на это письмо. Ему было известно, что шведский историк Эрик Тенгберг упоминал о нем в своей книге «От Полтавы до Бендер»²¹⁴⁸. Вновь советским ученым требовалась помощь А.В. Флоровского: «... нам не удалось найти этюда его об этой работе ни в специальной статье, ни в других работах. Вы очень обяжете нас, если сообщите, что Вам известно о зарубежной литературе по указанному письму Петра I (в том числе и о[б] исследовании Э. Тенгберга)»²¹⁴⁹. Однажды в переписке возник сюжет о рукописи Ф. Балатри, сочинение которого некогда попало в поле зрения И.А. Шляпкина, Б.Б. Кафенгауза и А.А. Гераклитова. Е.П. Подъяпольская,

²¹⁴⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. М., 1962. С. 314–315.

²¹⁴⁶ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому, 25 июля 1962 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VIII. № 210.*

²¹⁴⁷ Черновик письма А.В. Флоровского к Е.П. Подъяпольской, 9 августа 1962 г. // *Ibid.*

²¹⁴⁸ *Tengberg E. Från Poltava till Bender: en studie i Karl XII:s turkiska politik, 1709–1713.* Lund, 1953. Известно, что А.В. Флоровский написал Э. Тенгбергу в Стокгольме (Письмо А.В. Флоровского к А.А. Новосельскому от 15 марта 1960 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VII. Korespondence. № 192.*) Но ответа, видимо, не получил.

²¹⁴⁹ Письмо А.А. Новосельского к А.В. Флоровскому от 20 января 1960 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VII. Korespondence. № 192.*

правда, не знала, что рукопись была давно известна А.В. Флоровскому, поэтому сообщала ему краткую предысторию ее дарения и осведомлялась, знает ли он о ней²¹⁵⁰.

А.В. Флоровский знакомил Е.П. Подъяпольскую со всеми главными новостями европейской научной жизни. Именно он сообщил ей в мае 1963 г. о находке в библиотеке Национального музея в Праге копий писем Петра Великого, а в рукописном собрании библиотеки Карлова университета – материалов о царе, предназначавшихся, как предположили, для Вольтера²¹⁵¹. Три рукописи на французском языке принадлежали перу неизвестного автора. Главная из них – под условным названием «Опровержение» – представляла собой разбор мнений европейских авторов о Петре Великом. Чехословацкий ученый Вацлав Черный (Václav Černý; 1905–1987) выдвинул гипотезу о связи документов с работой Вольтера над «Историей Российской империи при Петре Великом» и предположил, что они могли быть составлены М.В. Ломоносовым. Е.П. Подъяпольская заинтересовалась сделанным открытием и предположениями В. Черного: «Для творчества Ломоносова в этих находках бесспорно найдется интересное, а кто знает – может быть, и для исследователей времени Петра I. Очень важно установить пути того, каким образом материалы, переданные Вольтеру (не оригиналы ли?), оказались среди коллекций Универс[итетской] библиотеки»²¹⁵². Что касается копий посланий Петра, то сама она предполагала, что речь идет о собрании писем к Апраксиным, в особенности Ф.М. Апраксину, то есть о сборнике, который был широко распространен в XVIII в. среди вельмож²¹⁵³. Об интересе к работе В. Черного и ожидании публикации ее итогов Е.П. Подъяпольская писала А.В. Флоровскому в июле 1963 г.²¹⁵⁴

²¹⁵⁰ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому от 3 декабря 1963 г. // Ibid.

²¹⁵¹ Письмо А.В. Флоровского к Е.П. Подъяпольской от 5–18 мая 1963 г. // Ibid.

²¹⁵² Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому от 18 мая 1963 г. // Ibid.

²¹⁵³ Ibid.

²¹⁵⁴ Письмо Е. П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому от 30 июля 1963 г. // Ibid.

Отстаиваемое В. Черным авторство М.В. Ломоносова вызвало сомнения у ряда советских и зарубежных исследователей. В ходе состоявшейся в 1963 г. в Пушкинском Доме дискуссии в числе возможных авторов были названы либо французский барон Т.А. Чуди, либо П.А. Левашов. Однако все участники однозначно признавали огромное научное значение найденных рукописей²¹⁵⁵. Е.П. Подъяпольская внимательно следила за этой полемикой и рассказывала о ней своему пражскому корреспонденту²¹⁵⁶.

А.В. Флоровскому и Е.П. Подъяпольской все же удастся пообщаться лично. Незадолго до смерти профессор вместе с супругой посетит СССР. Он встретится с коллегой в Москве в 1967 г. во время своих выступлений в Московском государственном университете и Институте истории АН СССР. В стенах университета он прочел доклад о русско-австрийских отношениях, по словам Е.П. Подъяпольской, сделанный «с такою легкостью, граничащею с изяществом, свойственным французам, но насыщенный глубоким содержанием, пронизанный великолепным знанием материала»²¹⁵⁷.

А.В. Флоровский очень хотел увидеть С.А. Фейгину, о которой так много слышал, и с которой имел возможность познакомиться по переписке в конце 1950-х гг. В письме к ней от 30 мая 1959 г. профессор поблагодарит ее за присылку столь долгожданной монографии об Аландском конгрессе²¹⁵⁸. Книга пришлась как нельзя кстати, ибо А.В. Флоровский как раз дорабатывал главу книги о русско-австрийских отношениях в 1716–1721 гг.²¹⁵⁹ Кстати, это исследование до сих пор не потеряло своей научной значимости²¹⁶⁰. С.А. Фейгиной некоторые работы А.В. Флоровского были

²¹⁵⁵ Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре I. Саратов, 2003. С. 89–90.

²¹⁵⁶ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому от 3 октября 1965 г. // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. VIII. № 210.

²¹⁵⁷ Письмо Е.П. Подъяпольской к А.В. Флоровскому от 25 октября 1967 г. // *Ibid*.

²¹⁵⁸ Фейгина С.А. Аландский конгресс. М., 1959.

²¹⁵⁹ Черновик письма А.В. Флоровского к С.А. Фейгиной от 30 мая 1959 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 100. Л. 1.

²¹⁶⁰ Бельгийский историк Э. Вагеманс так отозвался об этой книге: «Совершенно уникальным для автора из СССР является то, что Фейгина использовала не только русские, французски, английские и немецкие источники, но и нидерландские, шведские и даже

известны²¹⁶¹. Во всяком случае, она отзывалась о них очень уважительно и ссылалась на них в своем главном научном труде²¹⁶². Она вполне разделяла версию А.В. Флоровского об усилении в Европе после триумфальной Полтавской победы страха перед русской угрозой, об особой роли в этом процессе Англии, которая желала иметь партнером в Балтийском регионе ослабевающую Швецию, а не усиливающуюся Россию. Активная внешняя политика Петра Великого, стремительное вхождение России на европейскую арену, решительность российской дипломатии вызывали ужас в правящих кругах Европы. А.В. Флоровскому внимание и уважение С.А. Фейгиной явно льстило, о чем он признавался в письме в Москву²¹⁶³. Но одновременно в том же майском послании 1959 г. он недоумевал, почему коллега отнесла его труды к иностранной историографии. Он подчеркивал, что является истинным русским, что отец его происходит из под Великого Новгорода, а мать – из Степной Украины, что волею судьбы оказался в Чехии и теперь работает тут²¹⁶⁴. Этот эпизод очень хорошо характеризует самоощущение А.В. Флоровского, его душевные ориентиры. Он не считал себя иностранцем, не считал эмигрантом, не отделял себя от русской культуры. Не случайно, в письме к В.Т. Пашуто он признавался, что воспринимает жизнь на чужбине как «только командировку за пределы СССР»²¹⁶⁵. Подчеркнем, что А.В. Флоровский вообще очень трепетно относился к творческому наследию русской эмиграции. В 1965 г. он писал

турецкие» (*Вагеманс Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717)*. СПб., 2013. С. 18). Ему вторит российский коллега С.А. Мезин, называющий работу С.А. Фейгиной «эрудитской монографией» (*Мезин С.А. Петр I во Франции*. СПб., 2015. С. 28).

²¹⁶¹ Например: *Флоровский А.В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого*. Прага, 1955; *Он же. Из истории торговой политики Петра Великого (отзвуки распряжений 1714 г. в Средней Европе)* // *Pražská universita Moskevské universitě: sborník k výročí 1755–1955 / Uspoř. J. Dolanský, R.N. Foustka*. Praha, 1955. S. 74–93.

²¹⁶² *Фейгина С.А. Аландский конгресс*. С. 82, 530.

²¹⁶³ Черновик письма А.В. Флоровского к С.А. Фейгиной от 30 мая 1959 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 100. Л. 1.

²¹⁶⁴ Там же. Л. 1 об.

²¹⁶⁵ Письмо А.В. Флоровского к В.Т. Пашуто от 10 марта 1964 г. // *Пашуто В.Т. Указ. соч.* С. 366.

Е.П. Подъяпольской: «Слишком слабо учитывается, что за границей СССР все же кое-что делалось и сделано для русской науки и уже нельзя обходить молчанием и наши, и иностранные-иноязычные исторические труды. Хотя бы, напр[имер], заграничные издания мемуаров таких русских историков, как Кондаков, Милюков, Кизеветтер, Платонов и т.д. и т.д.!»²¹⁶⁶. Но, конечно, должная оценка эмигрантского наследия в условиях идеологического гнета не могла быть сделана.

Судя по сохранившимся письмам, интенсивность общения с С.А. Фейгиной не была высокой. К сожалению, встретиться лично ученым тоже не удалось. Во время последнего приезда А.В. Флоровского в Москву в 1967 г. С.А. Фейгина оказалась в отпуске, в 100 км от столицы и не имела возможности вернуться: «Мы знакомы только письменно, а хотелось бы побеседовать – у нас так много общих научных интересов. Конечно, послушать Ваш доклад в Университете мне было бы крайне интересно. Но не повезло на сей раз! Надеюсь только, что это не последний Ваш приезд в Москву, и мы еще повидаемся»²¹⁶⁷. Увы, повидаться историкам так и не удастся. Приезд А.В. Флоровского окажется последним, а на следующий год он уйдет из жизни.

Антонию Васильевичу так и не удастся исполнить заветную мечту — посетить родную Одессу, образ которой всегда жил в его памяти. Неслучайно в стихотворении, сочиненном им на Пасху 1962 г., есть такие строки:

Христос воскрес, воскрес Христос!

Ответ: «Воистину воскрес!»

Я в Праге возглас произнес,

А эхо слышится в Одессе...²¹⁶⁸

²¹⁶⁶ Ковалев М.В., Лаптева Т.Н. Указ. соч. С. 79.

²¹⁶⁷ Письмо С.А. Фейгиной к А.В. Флоровскому от 12 октября 1967 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. III. Korespondence. № 51.

²¹⁶⁸ Стихи А.В. Флоровского // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR.. Krab. I. B. Desky č. 9. Verše. № 2.

Вне всякого сомнения, поездка на Родину произвела на Флоровского огромное впечатление. Его брат, Георгий, так отозвался об этом путешествии в письме к П.Н. Беркову: «Поездка в Минск и дальше произвела на моего брата сильнейшее и незабываемое впечатление. Между прочим, ему было особенно приятно побывать снова в тех архивах, в которых он так усердно работал много лет назад»²¹⁶⁹. Свидание с Родиной станет последним большим путешествием в жизни Флоровского — 27 марта 1968 г. он уйдет из жизни.

А.В. Флоровский мечтал написать фундаментальную работу о взаимоотношениях Петра Великого с Центральной Европой, особенно с Австрийской империей. Но свой главный труд окончить он так и не успел. Работу над итоговой версией книги оборвала смерть 27 марта 1968 г. Отдельные ее части, правда, еще при жизни ученого печатались в виде статей. Некоторые фрагменты книги были опубликованы уже посмертно его чешской ученицей и горячей почитательницей таланта Аленой Завадовой (Alena Zavadová; 1931–1998)²¹⁷⁰. По ее словам, они являли собой «последний типичные образцы историографического стиля проф[ессора] Флоровского, его исключительного умения излагать отдельные эпизоды в широком историческом контексте»²¹⁷¹. Все же следует признать, что учеников из чехословацкой среды у профессора Флоровского было немного. Помимо уже названной Завадовой, следует упомянуть Милана Шванкмайера и Милана Мышку, которые слушали лекции русского ученого в Карловом университете. Первый избрал сферой своих интересов российскую историю XVIII – XIX вв., второй – экономическую историю Центральной Европы²¹⁷².

²¹⁶⁹ Письмо Г.В. Флоровского к П.Н. Беркову // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1047. Оп. 3. Д. 657. Л. 34.

²¹⁷⁰ *Флоровский А.В.* От Полтавы до Прута: из истории русско-австрийских отношений в 1709–1711 гг. Прага, 1972.

²¹⁷¹ *Завадова А.* Вступительное слово // *Флоровский А.В.* От Полтавы до Прута: из истории русско-австрийских отношений в 1709–1711 гг. Прага, 1972. С. 10.

²¹⁷² *Šaur J. A.V. Florovskij (1884–1968).* S. 139; *Myška M.* Op. cit.

Хотя А.В. Флоровский оказался в своего рода изоляции, не имея возможности выезжать в научные командировки за пределы Чехословакии, в 1950–1960-е гг. его связи с зарубежными коллегами активно развивались. Особое значение имели для него связи с венгерскими и немецкими коллегами, причем в последнем случае – с учеными как из ГДР, так и из ФРГ.

Так в марте 1960 г. А.В. Флоровский написал письмо своему давнему венгерскому знакомому Д. Моравчику и просил помочь с печатанием в Будапеште некой своей работы. К сожалению, само письмо не сохранилось, и о нем мы знаем лишь из ответного сообщения венгерского ученого²¹⁷³. Название работы не приводится, но в контексте иных документов становится понятным, что речь идет о статье про русскую оккупацию Спиша в 1710 г. Д. Моравчик написал, что статья слишком велика по объему, да еще и написана по-русски, поэтому напечатать ее в Венгрии будет затруднительно. Однако он рассказал о готовящемся сборнике, посвященном русско-венгерским связям, для которого работа А.В. Флоровского может как нельзя кстати подойти. Она будет переведена на венгерский язык, но, правда, в сокращенном виде. Д. Моравчик направил своего русского коллегу к историку Йожефу Перени (Perényi József; 1915–1981) для дальнейшего решения всех технических вопросов²¹⁷⁴. Весной 1960 г. А.В. Флоровский отправил письмо Й. Перени, предлагая установить научные контакты и обмен информацией²¹⁷⁵. Обращение пражского историка к будапештскому коллеге было не случайным. В 1950-е гг. Й. Перени заинтересовался ярким эпизодом российско-венгерского сближения – дипломатическими контактами между Петром I и Ференцем II Ракоци в период Освободительной войны 1703–1711 гг. Для Й. Перени пражский коллега представлял большой интерес, поскольку тот был хорошо знаком с материалами австрийских и чехословацких архивов. Помимо того, оба историка обладали об-

²¹⁷³ Письмо А.В. Флоровского // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 320. Л. 7–7об.

²¹⁷⁴ Там же.

²¹⁷⁵ Это письмо не сохранилось, и о нем мы знаем из контекста последующей переписки между учеными.

ширными историографическими знаниями, что также способствовало интеллектуальному сближению. Й. Перени идею печатания работ А.В. Флоровского в Венгрии встретил крайне благожелательно, но все же с оговорками: «Относительно возможности опубликовать у нас, я могу писать только то, что теоретически это не только возможно, но прямо желательно. Однако из-за недостатка бумаги наши возможности очень ограничены. Но, если Вы можете сократить Вашу статью о занятии Спиша на 1½ печ. листа, то мы сразу можем ее издать. И другую статью о вопросе восстания Ракоци в развитии русско-австрийских отношений мы можем опубликовать, если она не выходит слишком отрицательно с точки зрения венгеро-русских отношений»²¹⁷⁶.

Первую из названных статей А.В. Флоровский представил незамедлительно (5 июня 1960 г.²¹⁷⁷). Ее черновая рукопись сохранилась в личном архиве историка в Праге²¹⁷⁸. Однако работа лежала без движения. 12 января 1961 г. А.В. Флоровский написал Й. Перени и осведомился о ее судьбе²¹⁷⁹. 23 января 1961 г. венгерский профессор был вынужден отправить в Чехословакию извинительное письмо, в котором сообщал, что еще в июне 1960 г. Институт истории ВАН принял статью А.В. Флоровского к публикации в новом сборнике по истории российско-венгерских отношений. Но в декабре 1960 г. Й. Перени сообщили, что сборник не может выйти в свет, а причины этого он не может излагать в настоящем письме²¹⁸⁰. Можно

²¹⁷⁶ Письмо Й. Перени к А.В. Флоровскому // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLVIII. Korespondence A.V. Florovského odeslaná: osoby, № 9: J. Perenyi A.V. Florovskému, b.*

²¹⁷⁷ Письмо Й. Перени к А.В. Флоровскому // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLVIII. Korespondence A.V. Florovského odeslaná: osoby, № 9: J. Perenyiovi, g.*

²¹⁷⁸ Флоровский А.В. Русская оккупация Спиша в 1710 г. (Эпизод из истории Великой Северной войны 1700–1721 гг.) // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XXIV. А.В. Флоровский «Русская оккупация Спиша в 1710 г. (Эпизод из истории Великой Северной войны 1700–1721 гг.)».*

²¹⁷⁹ Черновик письма А.В. Флоровского // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLVIII. № 9: J. Perenyiovi, f.*

²¹⁸⁰ Письмо Й. Перени // *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLVIII. № 9: J. Perenyi A.V. Florovskému, a.*

предположить, что в ситуацию вмешивались внутривенгерские противоречия, о которых Й. Перени не мог или не хотел сообщать коллеге. А.В. Флоровскому было предложено подождать еще.

9 мая 1962 г. Антоний Васильевич снова написал в Будапешт, желая узнать о судьбе своей работы, а заодно и об историографических новинках²¹⁸¹. Но ответа, если верить сохранившейся в архивах корреспонденции, не получил. 18 мая 1963 г. профессор Флоровский снова обратился к Й. Перени: «А как обстоит дело с моим очерком о русской оккупации Спиша в 1710 г.? Есть ли какая-нибудь надежда на опубликование его – ведь он у Вас лежит уже скоро пять лет! За сообщение был бы очень Вам признателен»²¹⁸². Видимо, Й. Перени судьбу статьи так и не смог прояснить, ибо уже в мае 1966 г. А.В. Флоровский был вынужден обратиться за помощью к Д. Моравчику, сетуя, что «за эти потерянные годы ... мог бы издать эту работу где-либо в ином месте»²¹⁸³. Лишь после такой «жалобы» Й. Перени 23 мая 1966 г. ответил А.В. Флоровскому, прислав извинительное письмо: «Вы не можете представить себе, как[ой] глубокий стыд я имею перед Вами»²¹⁸⁴. Он сообщал, что предлагал статью нескольким венгерским изданиям, но те неизменно требовали сократить ее объем, чего не хотел сам Й. Перени ввиду важности материала. Он смог договориться о публикации работы в полном объеме с академиком Иштваном Книежа (István Kniezsa; 1898–1965), который редактировал журнал «Studia Slavica». Однако, по словам Й. Перени, И. Книежа затерял рукопись среди своих многочисленных бумаг и не мог найти, а в марте 1965 г. он скоропостижно скончался. Обнаружить статью А.В. Флоровского Й. Перени смог только при разборе архива покойного ученого в мае 1966 г. Он предложил своему

²¹⁸¹ Письмо А.В. Флоровского // Slovánská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOOR. Krab. XLVIII. № 9: J. Perenyioví, a.

²¹⁸² Письмо А.В. Флоровского // Slovánská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOOR. Krab. XLVIII. № 9: J. Perenyioví, c.

²¹⁸³ Письмо А.В. Флоровского к Д. Моравчику // Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye. Moravcsik Gy. Ms. 1233/252.

²¹⁸⁴ Письмо Й. Перени к А.В. Флоровскому // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 360. Л. 1.

русскому коллеге подождать ее напечатания все в том же журнале «*Studia Slavica*»²¹⁸⁵.

В письме от 4 июня 1966 г. А.В. Флоровский поблагодарил коллегу за прояснение судьбы статьи, все еще надеясь на ее публикацию в Будапеште. Одновременно он проинформировал Й. Перени, что практически завершил работу над книгой о русско-австрийских отношениях в XVIII в.²¹⁸⁶ Увы, историк так и не увидел эти свои работы опубликованными – он скончался в Праге в марте 1968 г. И если работа о русско-австрийских отношениях была частично опубликована ученицей А.В. Флоровского доцентом Аленой Завадовой, то статья о русской оккупации Спиша в 1710 г. так и не увидела свет. К сожалению, в рукописях остались и другие его специальные работы о русско-венгерских связях в первой четверти XVIII в. Лишь одна из них – работа о попытках посредничества России в примирении австрийских властей с Ференцем II Ракоци в 1710 г. – была опубликована уже в наши дни по авторской черновой рукописи²¹⁸⁷.

Для А.В. Флоровского не существовало научной границы между ГДР и ФРГ, он в равной степени пытался наладить связи с коллегами из обеих Германий. Показательно стремление А.В. Флоровского к общению с геттингенским профессором Райнхардом Виттрамом (Reinhard Wittram; 1902–1973). Немецкий профессор был для него прежде всего автором высококвалифицированных работ о Петровской эпохе, а его прошлое²¹⁸⁸, равно

²¹⁸⁵ Там же.

²¹⁸⁶ Черновик письма А.В. Флоровского // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 75. Л. 1–1 об.

²¹⁸⁷ *Флоровский А.В.* Пряшевский план австро-мадьярского примирения 1710 г. (страница из истории русско-австрийских отношений в начале XVIII в.) // *Флоровский А.В.* Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: Из архивного наследия. СПб., 2020. С. 216–231.

²¹⁸⁸ Р. Виттрам поддержал приход к власти нацистов, выражал им всяческую поддержку в своих выступлениях и статьях, говорил о необходимости перестройки исторической науки в национал-социалистическом духе. В июне 1941 г. он вступил в ряды НСДАП, стал одним из главных проводников нацистской политики в области науки на оккупированных польских территориях. После Второй мировой войны, в отличие от ряда коллег по науке, Р. Виттрам не скрывал своего прошлого. Напротив, он радикально переосмыслил его. Свое поведение в годы войны он считал «консервативным заблуждением», навеянным национально-идеалистическими взглядами и «ориентацией на миф об

как и нынешний статус, пражского профессора не интересовали. «Работая в одной и той же области, мы естественно должны протянуть друг другу руки хотя бы и через все препоны расстояния!» – резюмировал русский историк²¹⁸⁹. Стремление к сотрудничеству нашло поддержку у Р. Виттрама: «И я придерживаюсь Вашего убеждения, что нам необходимо насколько возможно делиться научными сведениями и таким образом помогать друг другу»²¹⁹⁰. Немецкий коллега охотно взялся консультировать А.В. Флоровского по вопросам центральной европейской истории. В 1967 году Антоний Васильевич откликнулся благожелательной рецензией на подготовленное Р. Виттрамом двухтомное исследование о Петре Великом²¹⁹¹. Русский историк называл книгу коллеги одной из лучших биографий царя-реформатора²¹⁹². Он хвалил профессора Виттрама не только за удачную интерпретацию казалось бы уже известных сюжетов, но за введение в научный оборот новых архивных источников. Использование этих материалов позволило, по словам А.В. Флоровского, пролить свет на неизвестные ранее сюжеты из истории взаимоотношений Петра с Пруссией, Австрией и Францией, а потому книга Р. Виттрама «существенно обогащает наши знания о положении России в Европе»²¹⁹³. Вместе с тем Антоний Васильевич высказывал и некоторые критические замечания. Например

империи» (*Haar I. Historiker im Nationalsozialismus. Deutsche Geschichtswissenschaft und der «Volkstumskampf» im Osten. Göttingen, 2000. S. 302; Bialkowski B. Reinhard Wittram an der «Reichsuniversität Posen». Die Illusion einer baltischen Variante des Nationalsozialismus // Deutschbalten, Weimarer Republik und Drittes Reich / Hrsg. M. Garleff. Köln, 2008. Bd. 2. S. 353–384*). Профессор открыто говорил о необходимости проработки прошлого, о вине и покаянии.

²¹⁸⁹ Письмо А.В. Флоровского к Р. Виттраму, 4 декабря 1959 г. // Bundesarchiv, Koblenz. Nachlass Prof. Reinhard Wittram. No. 1226/62–1

²¹⁹⁰ Письмо Р. Виттрама А.В. Флоровскому к Р. Виттраму, 20 декабря 1959 г. // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XIII. № 318.

²¹⁹¹ *Wittram R. Peter I., Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit, Bd. I–II, Göttingen 1964.*

²¹⁹² Работа Р. Виттрама не потеряла своего научного значения и в наши дни. См.: *Шуппан М. Царь Петр I и его время в немецкой литературе XX века // Историографический сборник. Саратов, 2021. Вып. 28. С. 122–123.*

²¹⁹³ *Florovský A. Peter I., Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. I–II, Göttingen 1964, 490 + 646 s. // Slovanský přehled. 1967. Č. 2. S. 125.*

называл поверхностным описание контактов Петра с Ференцем II Ракоци и венгерского вектора российской дипломатии. А.В. Флоровский резюмировал: «Почти каждая страница книги Р. Виттрама и особенно его богатые примечания возбуждают внимание, ставят новые вопросы и ведут к более глубоким новым открытиям. В этом смысле эта книга, несомненно, является серьезным шагом вперед в наших знаниях о царе Петре I и его времени»²¹⁹⁴. С такой оценкой трудно не согласиться. Труд Р. Виттрама по сей день остается востребованным в историографии.

Биография А.В. Флоровского, ученого, для которого не существовало интеллектуальных границ, дает огромный и благотворный материал для изучения научных коммуникаций в условиях трансформирующихся политических контекстов. В годы эмиграции он сделал одним из главных направлений своих исследований историю взаимоотношений России с Центральной Европой, в особенности с Австрией и Чехией. Разрабатывая эту тему в ее сложности и многообразии, постигая хитросплетения дипломатической игры, проникая в глубину двухсторонних политических, торговых и интеллектуальных контактов, он все больше убеждался в важности межкультурного диалога, он все отчетливее осознавал потребность в свободном обмене информацией, передаче идей и знаний. Петровская тематика, а в особенности ее международный аспект, владела А.В. Флоровским в послевоенные годы, и именно она вдохновляла его на развитие научных связей с коллегами в СССР.

Контакты пражского профессора с советскими историками во второй половине 1940–1960-х гг. представляют собой интересный пример встречи двух России – Советской и Зарубежной. И хотя некоторые из коллег А.В. Флоровского начали свой творческий путь еще до революции, они все же были обречены жить и работать в специфических условиях, характеризующихся репрессиями, идеологическим гнетом и закрытостью от внешней среды. Об этом поколении очень точно выразился академик А.Б. Давидсон:

²¹⁹⁴ Ibid. S. 126.

«Жизнь заставляла их быть осторожными. Они не раскрывались даже перед близкими. Не писали мемуаров, жгли свои архивы, в письмах изъяснялись обиняками»²¹⁹⁵. И, полагаю, А.В. Флоровский эти особенности понимал и замечал. Впрочем, ему самому на склоне лет приходилось проявлять определенную осторожность – сначала в годы немецкой оккупации Праги, а затем уже в коммунистической Чехословакии. В своих послевоенных контактах А.В. Флоровский столкнулся и с новым поколением советских историков, с теми, кто полностью формировался уже в новых обстоятельствах. Круг общения профессора был поистине широк и не ограничивался лишь специалистами по петровской эпохе. Среди прочих коллег, с которыми он поддерживал отношения, можно назвать М.П. Алексеева, П.Н. Беркова, С.С. Дмитриева, П.А. Зайончковского, А.А. Зимина, Н.В. Измайлова, Д.С. Лихачева, Ю.Г. Оксмана, В.Т. Пашуто, А.Л. Хорошкевич и многих других. Увы, осторожность и дипломатичность А.В. Флоровского выражалась в том, что в своих письменных текстах, будь то письма, автобиографические заметки, записки и др., он никогда не давал оценок коллегам. То есть, он мог высказать критику в адрес той или иной работы, не согласиться с тем или иным мнением, но личностных оценок, кажется, не давал никогда. Потому мы вряд ли узнаем, как конструировались в его сознании образы советских историков, какие их черты он подмечал и выделял.

Обсуждения различных вопросов, возникавших при разговорах о «Письмах и бумагах императора Петра Великого» по своему содержанию выходили далеко за сугубо историографические и архивоведческие рамки. Они ясно высвечивали острые проблемы советской исторической науки, например ее замкнутость, ограниченность, закрытость от внешнего мира. А.В. Флоровский ясно это понимал. Осознавали такое положение вещей и советские ученые. В доказательство приведем размышления япониста Евгения Михайловича Жукова (1907–1980), в середине 1950-х г. – заместите-

²¹⁹⁵ Давидсон А.Б. Я вас люблю: Страницы жизни. М., 2008. С. 127.

ля директора Института истории АН СССР. Он, пусть и в мягкой форме, вынужден был признать очевидное отставание советской исторической науки и ее исключенность из мирового научного процесса. Эти черты особенно ясно проявились в ходе подготовки многотомной «Всемирной истории», когда стало понятно, что многие советские специалисты просто не знают современной зарубежной научной литературы: «Наблюдается также известное отставание в области разработки проблем историографии и источниковедения, что умножает трудности, стоящие перед авторским коллективом. Бросается в глаза почти полное отсутствие диссертаций на историографические темы по всеобщей истории... Известно, что среди зарубежных историков, не стоящих на марксистских позициях, имеется значительная группа прогрессивных ученых, не только вносящих свой положительный вклад в развитие науки (путем публикации новых ценных источников, материалов и т.п.), но и искренне стремящихся к плодотворному научному контакту с историками-марксистами. Нет сомнения в том, что такого рода контакт может принести большую пользу. Но для того, чтобы установить контакт с зарубежными историками, представляющими различные направления, необходимо хорошо знать их научную продукцию, разобраться в оттенках мнений, в существующих школах»²¹⁹⁶. Эти слова Е.М. Жуков произнес в середине 1950-х гг., т.е. как раз в то время, когда связи А.В. Флоровского с советскими коллегами начали бурно развиваться.

Советские корреспонденты пражского профессора, занимавшиеся разработкой петровской тематики, неизменно признавали свои глубокие пробелы в знании зарубежной историографии и иностранных источников. Поэтому общение с А.В. Флоровским, юридически советским гражданином, но в реальности все же человеком из-за границы, было для них своего рода глотком свободы, возможностью заглянуть за железный занавес. Они прекрасно осознавали научный вес, познания, широту кругозора профессора, а

²¹⁹⁶ Жуков Е.М. Научная проблематика и принципы издания «Всемирной истории» (К выходу 1-го тома) // Вестник АН СССР. 1956. Т. 26. № 5. С. 40.

потому с энтузиазмом обращались к нему за помощью, советовались по сложным вопросам. С другой стороны, это общение было важно для него самого, причем не только исходя из утилитарных устремлений в виде получения нужных для работы книг, журналов и копий архивных документов. Для А.В. Флоровского наука всегда была превыше любых идеологических рамок. К слову, именно этим объясняется некоторый его общественный конформизм и отказ от участия в активной политической жизни.

Открывшаяся после Второй мировой войны возможность установить, а в некоторых случаях – восстановить, научные контакты с Родиной была воспринята им с воодушевлением. Не будем забывать, что духовно он не считал себя эмигрантом, что он всегда, на протяжении всей жизни соотносил себя с русской культурой. Этим объясняется и его неутомимое стремление публиковать свои работы в СССР. Таким образом, интерес к укреплению двухсторонних связей был обоюдным. И еще важная ремарка. Контакты А.В. Флоровского с советскими коллегами стали активно развиваться в тот момент, когда история послереволюционной Зарубежной России, уместившаяся в узкие рамки межвоенного периода, по сути, закончилась. Но именно в 1950–1960-е гг. русские интеллектуалы за границей делают многочисленные попытки метаосмысления собственной истории. У них складывается ощущение, что прошлое уходит, исчезает без следа. Поэтому таким важным казалось зафиксировать его и сохранить для будущего²¹⁹⁷. Отсюда, полагаю, еще один важный мотив действий А.В. Флоровского: он стремился передать коллегам свой интеллектуальный опыт, и, вместе с тем, стремился напомнить о творческом наследии всей российской научной эмиграции. И ему это во многом удалось.

Обратим внимание, что послевоенные контакты А.В. Флоровского с советскими коллегами развивались в два этапа. Первый пришелся на 1946–1948 гг., когда многие люди в СССР и за его пределами были охвачены эй-

²¹⁹⁷ Галчева Т.Н., Ковалев М.В. «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». С. 86.

форией обновления и верой в то, что жизнь не будет прежней. Отсюда и вера советских ученых в развитие и укрепление контактов с иностранными коллегами, безжалостно обрубленная идеологическими кампаниями и «железным занавесом». Второй этап пришелся уже на годы Оттепели, когда в СССР наступили пусть и ограниченные, но все же перемены, когда страна хоть немного открылась для внешнего мира. Именно эти перемены дали А.В. Флоровскому возможность печатать свои работы на Родине, а незадолго до смерти впервые посетить ее после десятилетий разлуки.

Девид Блур и Бруно Латур, яркие представители современного экстерналистского подхода в науковедении, хорошо обосновали тесную взаимосвязь между наукой и обществом, наукой и властью, то есть, продемонстрировали особую роль внешнего фактора в процессе развития научного знания. Ими замечено, что в истории науки наличествуют не только периоды расширения коммуникативного поля, но и «периоды отрицательной коммуникативности», когда научное знание под влиянием внешних обстоятельств переводится в режим автаркии, когда изоляционистские тенденции становятся доминирующими²¹⁹⁸. В этом контексте критика А.В. Флоровским своих советских коллег вырисовывается в новом свете. Закрытость науки была одной из причин того, что работа над «Письмами и бумагами императора Петра Великого», несмотря на усердные старания ученых, проходила так медленно. К сожалению, мало что из советов и рекомендаций пражского профессора удалось воплотить в жизни. И еще одно важное дополнение. С большим прискорбием нужно отметить, что проект по изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого», о важности которого так много говорил А.В. Флоровский, не завершен до сих пор.

Исторические потрясения 1920–1940-х гг. научили А.В. Флоровского осторожности. Жизнь в послевоенной социалистической Чехословакии требовала выработки новой модели поведения. Его вряд ли можно назвать конформистом и обвинить в чрезмерной лояльности новому режиму. Он

²¹⁹⁸ Колеватов Д.М., Мамонтова М.А. Указ. соч. С. 66–67.

всегда сторонился политики. Для него наука была смыслом жизни. Поэтому и делал он то, что было полезно для науки. Вхождение в советскую научную среду стало не просто личным выбором ученого, но и выражением его принципиального взгляда на путь русской эмиграции, которая должна была на чужбине сохранять и приумножать культурное наследие. Флоровский был уверен, что работал на благо Родины и что рано или поздно результаты его упорных трудов окажутся там востребованы. Усилия его в самом деле не прошли напрасно. Современные исследователи пристально изучают творческое наследие историка²¹⁹⁹. Сегодня труды А.В. Флоровского неизменно цитируют специалисты по истории русско-австрийских и русско-чешских отношений, по российской истории XVIII в., в особенности петровской эпохи. Намеченные им исследовательские маршруты получили достойное продолжение и в отечественной, и в зарубежной историографии²²⁰⁰.

²¹⁹⁹ Помимо уже процитированных работ, см. также: *Šaur J.* K česko-ruské vztahové problematice (Florovského pojetí česko-ruských kulturních vztahů v 10.–18. století) // *Dialog kultur* III. Ústí nad Orlicí, 2005. S. 247–253; *Eadem.* K nosným tradicím české historické rusistiky – A.V. Florovskij a J. Macůrek // *Nosné traduce české slavistiky*. Brno, 2012. S. 219–228; *Аксенова Е.П.* Жрец «Клио» (к научной биографии А.В. Флоровского) // *Вестник славянских культур*. 2009. Т. XI. № 1. С. 32–47; *Она же.* Антоний Васильевич Флоровский о Романовых // *Славяноведение*. 2013. № 5. С. 68–77; *Лантева Т.Н.* Научное наследие А.В. Флоровского (1884–1968) в Архиве РАН // *Вестник архивиста*. 2014. № 1. С. 270–287; и др.

²²⁰⁰ См., например: *Stellner F.* Rusko a střední Evropa v 18. století. Praha, 2009. I. Díl.; 2012. II. Díl.; *Штеллнер Ф.* Династическая политика Австрийской, Прусской и Российской монархий в XVIII веке: сравнительно-исторический анализ // *Россия XXI*. 2012. № 4. С. 82–109; *Андреев А.Н.* Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск, 2007; *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Русско-австрийские культурные связи в XVIII–XXI вв. СПб., 2010; *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010; *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза. 1780–1790. М., 2011; и др.

Заключение

Российская научная эмиграция в Чехословакии представляла собой уникальный исторический феномен, сформировавшийся в условиях глобальных исторических трансформаций и развивавшийся на перекрестке разных культурных традиций. Хотя бурный всплеск русской интеллектуальной жизни пришелся на сравнительно небольшой период между двумя мировыми войнами, жизнь и деятельность ученых-эмигрантов в Чехословакии оказалась растянута на десятилетия, и их творческое наследие обрело поистине долгоиграющую судьбу. Вопреки расхожему мнению, русская интеллектуальная жизнь в Чехословакии в тех или иных формах продолжалась вплоть до 1970-х гг., то есть она оказалась вписана в меняющиеся политические контексты: от масариковской Первой республики до социалистической Чехословакии. Эта историческая длительность предопределяла разные формы и разные направления международных контактов.

Как было показано в представленном исследовании, гуманитарная программа чехословацкого правительства была изначально запланирована на непродолжительный срок. Конец «Русской акции» был изначально предопределен. Хотя она не была рассчитана на ассимиляцию русских ученых в чехословацком обществе и на их интеграцию в мировую науку, ее результаты оказались более сложными и многогранными. По мере таяния надежд на возвращение на родину проблема включения в новое социокультурное пространство обострялась. Затянувшееся пребывание на чужбине заставляло исследователей разных направлений развивать более тесные контакты с чехословацкими и, шире, иностранными учеными. У представителей технических наук это зачастую получалось лучше, чем у гуманитариев, и даже отчасти лучше, чем у естествоиспытателей. Однако, как было показано на материале разных биографий, конечный успех определялся не только и не столько дисциплинарной принадлежностью ученого, сколько его

внутренней готовностью к переменам, способностью к расширению или изменению исследовательских тематик.

Тем не менее, не стоит преувеличивать изначальной культурной замкнутости эмиграции, невзирая на ее мессианские чаяния и расхожие представления об особых духовных задачах. Научное знание в Российской империи некогда развивалось в неразрывной связи с транснациональными интеллектуальными обменов. Традиция не прервалась и в эмиграции. Поэтому интеллектуальная жизнь русских ученых за рубежом не была замкнута границами диаспоры, она тесно соприкасалась с иностранным окружением. У отечественных исследователей имелся богатый опыт взаимодействия как с чешской и словацкой наукой, так и с мировой наукой вообще. Опыт этот, невзирая на многочисленные преграды, не прерывался. Так, например, чехословацкая высшая школа оказалась важной площадкой для интеллектуального взаимодействия между эмигрантами и местными учеными. Еще более важными площадками стали научно-исследовательские институты, которые позволили построить карьеру немалому числу эмигрантов, причем в основном из числа представителей молодого поколения. Все же надо признать, что отношения между русскими учеными и их чехословацкими коллегами складывались не всегда гладко. Здесь играли свою роль и научная конкуренция, и простое непонимание, вызванное устойчивыми этнокультурными стереотипами, и ментальные различия.

Пребывание в Чехословакии отразилось на тематике исследований многих российских ученых-эмигрантов. Сложные политические и идеологические процессы межвоенного времени актуализировали для многих славянский вектор исследований, предопределили развитие контактов с учеными из славянских стран. Этому способствовала прочная интеллектуальная традиция и одновременно наличие в этих странах покровителей эмигрантов из числа влиятельных местных ученых, как, например, К. Кадлец и Б. Немец в Чехословакии, А. Белич и С. Станоевич в Югославии, В. Златарски и С. Бобчев в Болгарии. Показательно, что все пять съездов Союза русских

академических организаций за границей прошли именно в славянских государствах, способствуя развитию научных коммуникаций между эмигрантами, распыленными по разным странам мира, а, кроме того, упрочению их связей с иностранными учеными. Внимание к изучению Чехословакии и славянских стран вообще было также предопределено потребностью приспособиться к новым условиям работы, выработать новые исследовательские стратегии. По сути, перед представителями социально-гуманитарных и естественных наук возникали схожие вызовы, но каждый искал на них ответы, в зависимости от своих собственных жизненных ориентиров. Немалое число ученых такие поиски, в конечном счете, вынудили покинуть Чехословакию в поисках лучших условий научной работы. Жизнь на чужбине порождала разные модели поведения, которые зависели от множества различных, нередко случайных, факторов. Анализ индивидуальных стратегий дал возможность не только пролить свет на неизвестные страницы биографий тех или иных ученых, но и позволил вписать эти стратегии в интернациональное интеллектуальное поле, понять механизмы трансфера идей, циркуляции научных теорий и обмена информацией.

Ряду русских научных институций удалось сформировать собственные международные интеллектуальные сети. Причем они были связаны не только с собиранием и систематизацией научной информации, как это было в случае с РЗИА, но также с практиками трансфера знаний и идей, как это было в случае с Институтом имени Н.П. Кондакова или Экономическим кабинетом С.Н. Прокоповича. Причем обе упомянутые организации стремились, что называется, идти в ногу со временем, пытаясь давать ответы на актуальные научные проблемы и вообще быть в авангарде мировой науки. Не их вина, что благородные идеи приумножения научных знаний оказывались хрупкими, не способными устоять под жестким напором внешних обстоятельств. Следует признать, что внешние аспекты оказали решающее воздействие на развитие эмигрантской научной мысли, но иначе и не могло быть в условиях Интербеллума. С аналогичными проблема-

ми столкнулись не только русские эмигранты, но и их зарубежные коллеги. Это отчетливо видно по материалам переписки членов Семинария (Института) имени Н.П. Кондакова с иностранными партнерами.

Русская научная эмиграция в Чехословакии, в конечном счете, продемонстрировала многообразие форм коммуникативных практик с местным окружением, с учеными славянского мира, с европейскими и американскими коллегами, и, конечно, с оставшимися в Советской России исследователями. Все они, в конечном счете, переплетались, создавали сложную систему. Русских ученых так или иначе объединяла мысль о необходимости сохранения, развития и приумножения наследия дореволюционной науки. Одновременно большинство из них осознавало важность международных интеллектуальных коммуникаций. В этих процессах в реальности не было взаимных противоречий. В практиках научной жизни интернациональное и национальное начала неизменно сливались.

Список использованных источников и литературы

Архивные источники:

Государственный архив Российской Федерации

Ф. 6427: А.Н. Фатеев

Оп. 1. Д. 98, 234

Ф. 5765: Русский юридический факультет в Праге

Оп. 1. Д. 127

Ф. 5776: Учебная коллегия при Комитете по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой республике

Оп. 1. Д. 59

Ф. 5783: П.Н. Савицкий

Оп. 1. Д. 123, 418

Ф. 5865: Е.Д. Кускова

Оп. 1. Д. 221, 236

Ф. 5881: Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов

Оп. 2. Д. 129

Ф. 5891: С.Г. Пушкарев

Оп. 1. Д. 5а, 8, 167, 213

Ф. 5962. А.Ф. Изюмов

Оп. 1.Д. 11.

Российский государственный архив литературы и искусства.

Ф. 1355: Русский культурно-исторический музей в Праге

Оп. 1. Д. 261

Ф. 1390: Дионео (И.В. Шкловский)

Оп. 2. Д. 144

Ф. 1568: Комитет по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии

Оп. 1. Д. 67, 83

Ф. 1570: Берлинский комитет помощи русским литераторам и ученым

Оп. 1. Д. 44.

Ф. 2226: В.Ф. Булгаков

Оп. 1. Д. 62, 598

Архив Российской академии наук

Ф. 2: Секретариат Президиума Российской академии наук

Оп. 1. Д. 1587.

Ф. 450: Н.К. Кольцов

Оп. 3. Д. 73

Ф. 514: В.П. Волгин

Оп. 3. Д. 11, 113, 135.

Ф. 567: Н.И. Андрусов

Оп. 2. Д. 2

Ф. 579: Главное управление внешних связей Академии наук СССР
Оп. 2. Д. 60.

Ф. 1592. П.П. Подъяпольский и Е.П. Подъяпольская
Оп. 2. Д. 106.

Ф. 1609: А.В. Флоровский
Оп. 1. Д. 165, 221, 227, 228
Оп. 2. Д. 3, 40, 75, 85, 100, 119, 171, 320, 360, 367, 390, 465, 495

Ф. 1659: К.И. Скрябин
Оп. 3. Д. 235, 236, 245. Оп. 4. Д. 600, 772, 1059, 1398, 1583, 1725, 1861,
2212.

Ф. 1914: Е.Н. Кушева
(Фонд не обработан и не имеет инвентарных единиц)

Ф. 1944: М.С. Гиляров
Оп. 1. Д. 97.

Ф. 2006: А.В. Пейве
Оп. 1. Д. 64.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Ф. 80: Почвенный институт АН СССР
Оп. 1. Д. 44.

Ф. 1047: П.Н. Берков
Оп. 3. Д. 657.

Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН.

Ф. 134: В.Ф. Минорский

Оп. 3. Д. 845

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 117: В.В. Буш

Оп. 1. Д. 137, 204

Ф. 585: С.Ф. Платонов

Оп. 1. Д. 2474, 3410, 3344, 4662

Рукописный отдел Института русской литературы РАН

Ф. 494: В.И. Малышев

Оп. 2. Д. 1560

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Ф. 2995: Ленинградская комиссия по улучшению быта ученых при Совете народных комиссаров СССР

Оп. 1. Д. 195, 199

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Ф. 478: Петроградский политехнический институт императора Петра Великого

Оп. 1. Д. 488

Ф. 492: Петроградский технологический институт императора Николая I

Оп. 2. Д. 6819.

Государственный архив Саратовской области

Ф. 407: Саратовская губернская ученая архивная комиссия

Оп. 2. Д. 350

Государственный архив новейшей истории Саратовской области.

Ф. 6261: Саратовское областное отделение Всесоюзного общества советско-чехословацкой дружбы

Оп. 1. Л. 9

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

Ф. 566: Кудрявцевы и А.А. Кизеветтер

Карт. 6. Д. 3, 8, 13; Карт. 28. Д. 54.

Отдел рукописей Центральной библиотеки Союза театральных деятелей.

Ф. 34: С.В. Завадский

Оп. 1. Д. 44.

Архив Государственного Эрмитажа

Ф. 1: Документы Императорского и Государственного Эрмитажа

Оп. 5. Д. 936.

Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České Republiky.

Fond 1: Česká akademie věd a umění

Kart. 212. Inv. č. 259.

Fond 16: Královská česká společnost nauk.

Kart. 14. Inv. č. 43.

Fond 19: Masarykova akademie práce.

Kart. 24. Inv. č. 317; Kart. 201. Inv. č. 600.

Fond 25: Slovanský ústav

Kart. 11. Inv. č. 54; Kart. 34. Inv. č. 267; Kart. 35. Inv. č. 293

Fond 257: Zdeněk Bažant.

Kart. 18. Inv. č. 267

Fond 258: Jaroslav Bidlo.

Kart. 3. Inv. č. 37, 162; Kart. 5. Inv. č. 321; Kart. 7. Inv. č. 546, 562, 628

Fond 277: Dobiáš Josef.

Kart. 10

Fond 306: Horák Jiří

Kart. 4. Inv. č. 61

Fond 321: Kadlec Karel.

Kart. 2. Inv. č. 86, 90; Kart. 3. Inv. č. 168, 193; Kart. 7. Inv. č. 509

Fond 327: Radim Kettner.

Kart. 4. Inv. č. 69; Kart. 42. Inv. č. 2098a; Kart. 51. Inv. č. 2712.

Fond 347: Kamil Krofta

Kart. 2. Inv. č. 116; Kart. 18. Inv. č. 572

Fond 367: Bedřich Mendl.

Kart. 3. Inv. č. 97; Kart. 4. Inv. č. 257

Fond 374: Bohumil Němec

Kart. 15. Inv. č. 450

Fond 420: Jan Smetana.

Signatura II b – 1. Kart. 4

Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky.

II. Sekce (politická). III. Řada

Kart. 215a, 246a.

Národní archiv České republiky

Fond «Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce»

Kart. 329. Inv. č. 186.

Fond «Policejní ředitelství Praha II – všeobecná spisovna – 1941–1950».

Kart. 2060. Sign. F400/3 Alexandr Fenin; Kart. 8190. Sign. O 498/3 Otockij
Pavel.

Fond «Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v
ČSR»

Inv. č. 82; Kart. 16. Inv. č. 125.

Fond «Ruské a ukrajinské emigrantské spolky a organizace v ČSR»

Kart. 43. Inv. č. 271.

Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy.

Fond Přírodovědecké fakulty Univerzity Karlovy 1921–1953 (1960)

Kart. 4. Inv. č. 27; Kart. 5. Inv. č. 36; Kart. 13. Inv. č. 101

Fond Lékařské fakulty Univerzity Karlovy (1883–1953).

Kart. 11. Inv. č. 232

Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970).

Kart. 18. Inv. č. 206; Kart. 19. Inv. č. 214; Kart. 28. Inv. č. 341; Kart. 32
Inv. č. 387; Kart. 46. Inv. č. 546

Fond 151: Dosužkov Theodor

(Фонд не обработан и не имеет инвентарных единиц).

Archiv Českého vysokého učení technického v Praze

Fond «Rektorát Českého vysokého učení technického (1920–1950)»

Osobní spisy přednášejících. Aleksandr Petrovič Van-der-Vliet; Aleksej
Stěpanovič Lomšakov

Storjní a elektrotechické inženýrství. Van-der-Vliet A.P.; Astrov Dimitrij

Architektura a pozemní stavitelství. Uklein Vladimir

Chemicko-technologické inženýrství. Glazunov Aleksandr Iljič

Sbirka «Matrika doktorů Českého vysokého učení technického v Praze»

Archiv Masarykovy univerzity.

Fond A5: Právnická fakulta.

Inv. č. 251/4701

Archiv Mendelovy univerzity v Brně

Fond «Mendelova univerzita Brno – rektorát».

Krab. 112; Krab. 117. Inv. jedn. 198/331; Kart. 35. Obecní – Rusové. 1926–
1927; Jednotlivé osobnosti. Dr. Boris Kostomarov. Kart 39 – 1929

Fond «Agronomická fakulta MENDELU Brno».

Kart. 112. B. Kostomarov

Archiv Národního muzea.

Fond «Karel Kramář»

Kart. 20. Inv. č. 1147; Kart. 22. Inv. č. 1460

Literární archiv Památníku národního písemnictví

Osobní fond 372: Vladimír Andrejevič Francev

Korespondence vlastní. 2/E/4.

Doklady cizí. 2 II, 8, 4.

Osobní fond 830: «Kondakov Nikodim Pavlovič».

Korespondence vlastní: přijatá.

Fond 1530: «Slavia – redakční archiv».

Inv. č. 686.

Archiv hlavního města Prahy

Fond «Svaz ruských akademických organizací v zahraničí»

Krab. 1.

Fond «Magistrát hlavního města Prahy I»

Sign. 15/94. Inv. č. 2285.

Státní oblastní archive v Plzni, Klášter u Nepomuku

Archiv «Škoda»

Osobní spis profesora A. Lomšakova

GR 539. Prop 20/3c. 2588

Zemský archiv v Opavě

Fond «Vysoká škola báňská».

Inv. č.143, 191, 192

Archiv Kanceláře Presidenta republiky

D 5854/27, D 13718/38

Ústav dějin umění Akademie věd České republiky, Oddělení dokumentace

Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova».

KI-1, KI-12, KI-13, KI-14 KI-15, KI-16, KI-17, KI-18, KI-29 KI-30.

Slovanská knihovna v Praze. Trezor

M.A. Andrejevova. T-AND.

T-AND-1.

A.V. Florovskij. T-FLOR.

Krab. I, II, III, IV, V, VII, VIII XIII, XIV, XXII, XLIV, XLV, XXVII, XXXVII, XLII, XLIII, XLVIII.

Ruský zahraniční historický archiv. T-RZIA.

T-RZIA. 6-1462.

Durnovo, Nikolaj Nikolajevič.

T-A 0830/ 3742–3743; T-A 0846/3798–3812; T-A 0868/3917–3919a.

P.N. Savickij. T-SAV.

Krab. II. Inv. č. 30; Krab. III. Inv. č. 60.

Archív Slovenskej akadémie vied

Fond Dimitrij Andrusov.

Škat. 11. Inv. č. 97; Škat. 26. Inv. č. 605; Škat. 28. Inv. č. 826

Archív Univerzity Komenského v Bratislave

Fond Prírodovedecká fakulta.

Osobný spis – Prof. Dimitrij Andrusov

Научен архив на Българска академия на науките

Ф. 9к.

Оп. 1. А.е. 1613, 2090, 2188, 2895

Държавен архив – София

Ф. 1к.

Оп. 2. А.е. 1019, 2893

Архив Југославије

Фонд 66: Министарство просвете Краљевине Југославије.

Бр. фасц. 569. Бр. јед. описа. 892; Бр. фасц. 3272. Бр. јед. описа. 2469

Архив Српске академије наука и уметности

Заоставштина Александра Белића.

14386–II–388; АБ-III-327; АБ-IV-629, АБ-IV-994; АБ-IV-1148, АБ-IV-1813, АБ-IV-1454

Заоставштина Станоје Станојевића.

Ms 11357, Ms 11370

Историјски архив Београда

Фонд 2149: Александар Стебут.

ИАБ-2419-Кл 4.1

**Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture,
Columbia University**

George Vernadsky Papers

Box. 19, 32

Hoover Institution Library and Archives

Petr B. Struve Papers.

Box 7. Folder 53.

Bundesarchiv, Koblenz

Nachlass Prof. Reinhard Wittram

№ 1226/62–1

Det Kongelige Bibliotek – Aarhus

Håndskriftsamlingen. Arkiv fra Ad.Stender-Petersen.

Håndskrift № 1276.470, № 1276.16, № 1276.168

**University College London, School of Slavonic and East European Studies,
Library's Archive Collections.**

Sir Bernard Pares Collection.

PAR/7/1/4.

The National Archives, Kew.

Records of the British Council

BW 64/9.

Cambridge University Library, Department of Manuscripts and University Archives

Sir Ellis Hovell Minns: Correspondence

Add. 7722. Box 1. Folder F; Box 2. Fold. R., Fold. T

Sir Ellis Hovell Minns

Add. 9436. № 71, 136, 170, 169, 180, 182.

British Library

Tyrkova-Williams Collection

Add Ms 54466

British Library of Political and Economic Science, Archives Division

Melgunov Collection

Correspondence.

University of Birmingham, Cadbury Research Library, Special Collections.

Papers of E.H. Carr.

Box 26

University of Oxford, Bodleian Library, Special Collections.

Prof. S. Konovalov Collection

Box A 3, A 5, A 16, A 17, B 35

The Leeds Russian Archive, University of Leeds

ZEMGOR Archive.

Box 110 (1).

Zurov, Leonid Fedorovich (1902–1971) Sub-collection.

Ms 1068/1601, Ms 1068/1605, Ms 1068/1606; Ms 1068/1608, Ms 1068/1609

**Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár Kézirattár és régi könyvek
gyűjteménye**

Moravcsik Gy.

Ms 1233/42, Ms 1233/251, Ms 1233/252, Ms 1233/755, Ms 1233/879,
Ms 2630/23-24.

Magyar Nemzeti Múzeum irattára.

Nandor Fettich.

FE 7. 452.89.1. Ca 14.

Rahvusarhiiv Tartus

EAA. 402.3.938, EAA. 402.3.1901, EAA. 402.3.1902

EAA. 2100.2.150

EAA. 5243.1.33.55–56.

Arquivos da Universidade de Lisboa

PT/ULISBOA/UL/3-3.3/3.3.1/0068980

**La contemporaine (Bibliothèque, archives, musée des mondes contem-
porains)**

Fond Groupe Académique russe à Paris.

F delta rés 863 (2).

Manuscrits de la Bibliothèque de l'Institut de France

Papiers de Gustave Schlumberger.

Ms 4298

Musée Royal de l'Armée et de l'Histoire Militaire.

Dépôt «Lycée Alexandre».

XXIV A-41 (a), B-50

Kansalliskirjasto (Suomi), Käsikirjoituskokoelma

Coll. 230: Aarne Michaël Tallgren.

№ 1, 3, 5, 7, 9

Опубликованные источники:

Автобиография А.В. Флоровского // *Флоровский А.В.* Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: из архивного наследия. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 435–479.

Алексеев Н.Н. Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // *Паушто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 205–224.

Андреев Н.Е. Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага. 1936. Т. VIII. С. 259–277.

А[ндрее]в Н.Е. Н. Weidhaas, Formenwandlungen in der russischen Baukunst, 1935, Akademischer Verlag, Halle, 108 S., 43 Abbildungen // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1936. Т. VIII.

Андреев Н.Е. Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1935. Т. VII. С. 227–244.

Андреев Н.Е. Н.П. Кондаков в письмах А.П. Чехова // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 271–282.

Андреев Н.Е. То, что вспоминается: Из семейной хроники Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / Под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. Таллинн: Авенариус, 1996. Т. 1. 335 с.; Т. 2. 319 с.

Андрусов Н.И. Воспоминания, 1871–1890. Париж: Impr. d'Art Voltaire, 1925. 198 с.

Арзютов Н.К. Памятники Золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье по данным раскопок и разведок в 1924 г. // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35. Ч. 1. С. 67–78.

Беляев Н.М. Выставка русских икон // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 308–314.

Беляев Н.М. Очерки по византийской археологии // *Seminarium Kondakovianum*: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III.

Беляев Н.Т. Начало Руси. Лондон – Прага, 1925.

Бем А.Л. Отокар Бжезина (Выразитель гения чешского народа) // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 127–158

Бем-Рейзер Т.А. Украденное счастье // Новый журнал. Нью-Йорк, 2008. Кн. 251. С. 241–290.

Бенеш о России // Огни. Прага, 1924. 11 февраля. № 6.

Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи / Съст. *Л. Костадинова, В. Флорова, Б. Димитрова*. София: Издателство на Българската академия на науките, 1968. 407 с.

В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы. Сборник документов и материалов / Под ред. *М.Е. Главацкого*. М.: Русская панорама, 2008.

Васильев А.А. В.Н. Златарский // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1936. Т. VIII. С. 280–282.

Вернадский Г.В. О значении научной деятельности Н.П. Кондакова. К восьмидесятилетию со дня рождения. 1844 – 1.XI – 1924. Прага, 1924.

Вернадский Г.В. Прага / Подг. к публ., вступ. ст. и комм. *А.В. Антощенко* и *С.В. Пономарева* // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 355–364.

Вместо предисловия // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. 1924. Т. 1. Вып. 1. Философские знания. С. 7–9.

Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общ. ред. *Л. Белошевской*. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2011. 669 с.

Второй съезд русских ученых // Студенческие годы. 1922. № 3–4. С. 20.

Гаккель А. О. Wulff. Lebenswege und Forschungsziele. Eine Rückschau nach Vollendung des 70. Lebensjahres, ergänzt durch kunsttheoret. Abhandlungen und ein Schriftenverzeichnis des Verfassers. Verlag R.M. Rohrer. Wien – Prag – Leipzig – Brünn 1936, стр. 229 // Seminarium Kondakovianum: Анналы Института имени Н.П. Кондакова. Прага, 1937. Т. IX. С. 104–105.

Герасимов А.А. Археологические памятники Саратовского края, упоминаемые в архивных документах XVII–XVIII вв. // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35. Ч. 1. С. 85–86.

Грабар А.Н. Georges Balş // Seminarium Kondakovianum: Анналы Института имени Н.П. Кондакова. Прага, 1935. Т. VII.

Гримм Д.Д. Воспоминания: из жизни Государственного совета 1907–1917 гг.: / Подг. текста и коммент. *А.В. Воронежцева, М.В. Ковалева, В.С. Мирзеханова, Т.К. Шор*; вступ. ст. *М.В. Ковалева, Т.К. Шор*. СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.

Евреинов А.Б. Между двумя эмиграциями. Торонто – СПб.: Сударыня, 2005. 231 с.

Евреинов Б.А. Ю.Ф. Самарин в Праге в 1867–1868 гг. (По материалам пражской полиции) // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Т. I. С. 333–350.

Евреинов Б.А. Бакунин и Палацкий // Центральная Европа. 1931. № 1. С. 29–37.

Евреинов Б.А. Война за освобождение балканских славян (1877–1878 гг.) и чешское общество // Труды V Съезда Русских Академических организаций за границей. София, 1931. Ч. 1. С. 353–368.

Евреинов Б.А. М.А. Бакунин и австрийские власти в 1849–1851 годах // Научные труды Русского народного университета. 1931. Т. 4. С. 118–128.

Евреинов Б.А. Последний этап славянской деятельности Бакунина // Там же. 1933. Т. 5. С. 98–109.

Евреинов Б.А. Русские войска на юге Чехии в 1799–1800 гг. // Центральная Европа. Прага, 1933. № 1. С. 35–39.

Евреинов Б.А. Бакунин и Славянский съезд 1848 г. в Праге // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1936. Вып. 13. С. 131–160.

Евреинов В.А. Акклиматизация каштана в Чехословакии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1931. Т. IV. С. 362–376.

Жебелёв С.А. Яков Иванович Смирнов // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1928. Т. II. С. 1–18.

Жекулин Н.С. Денежное обращение Чехословакии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 222–230.

Жуков Е.М. Научная проблематика и принципы издания «Всемирной истории» (К выходу 1-го тома) // Вестник АН СССР. 1956. Т. 26. № 5.

Завршен конгрес русских научника // Правда. Београд, 1928. 24 септембра. Год. XXIV. Бр. 259. С. 4.

Зайковский Б.В. Древне-еврейские монеты в заволжской степи // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете (бывшей Ученой архивной комиссии). Саратов, 1923. Т. 34. Ч. 1. С. 20–21.

Зайковский Б.В. Из монетной летописи Нижне-Волжского края // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35. Ч. 1. С. 41–49.

Зимин А.А. Храм науки (Размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 35–384.

Златарска-Тодорова К. Баща ми Васил Златарски. София: Наука и изкуство, 1975. 266 с.

Зуров Л.Ф. Как был открыт древний город, носящий название Городачек // Новь. Таллинн, 1935. № 8. С. 98–102.

Иваненко А. Правда о Лемносе // Славянская заря. Прага, 1920. № 166. 6 июля.

Институт по изучению сельской России // Огни. 1924. 21 января. № 3.

Интересные материалы о Петсерском монастыре // Вести дня. Таллинн, 1938. 6 сентября. № 202 (3861). С. 1.

Историк [= Флоровский А.В.] История книги Вольтера о Петре Великом // Россия и славянство. 1929. 7 декабря.

К истории русской литературы 1910-х годов: письма Н.В. Недоброво к Б.В. Анрепу / Публ. Г.П. Струве // Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1981. Vol. V–VI. С. 425–466.

Калитинский А.П. Из истории фибулы на Кавказе // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение. Прага, 1926.

Кизеветтер А.А. Историческая наука на съезде в Праге // Руль. Берлин, 1924. № 1175. 14 октября.

Кизеветтер А.А. Франтишек Палацкий // Голос минувшего на чужой стороне. Прага, 1927. № 5. С. 31–49.

Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. Прага, 1929. 531 с.

Кизеветтер А.А. Национальное возрождение Чехии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. III. С. 3–22.

Кизеветтер А.А. О славянстве // Славяноведение. 1993. № 4. С. 83–94.

Клетнова Е.Н. Eurasia Septentrionalis Antiqua, том V. Helsinki, 1930 // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1931. Т. IV. С. 299.

Кондаков Н.П. Рец.: Гампель. «Древности Венгрии». 1905 // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1906. Т. XI. Кн. 4.

Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1927. 79 с.

Кондаков Н.П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.

Копецкий Л.В. Чешские филологи-слависты // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 61–70.

Костомаров Б.С. Значение индекса обхвата в селекции карпа // Рыбное хозяйство. 1961. № 5. С. 9–14.

Кочаровский К.Р. Русский научный институт сельской культуры // Записки Института изучения России. Прага, 1924. Т. 1. С. 259.

Кротков А.А. В поисках Мохши // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете (бывшей Ученой архивной комиссии). Саратов, 1923. Т. 34. Ч. 1. С. 27–31.

Крылова Т.К. Франко-русские отношения в первую половину Северной войны // Исторические записки. 1940. Т. 7. С. 115–148.

Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. 1941. Т. 10. С. 250–279.

Крылова Т.К. Россия и «великий союз» // Исторические записки. 1942. Т. 13. С. 84–129.

Кушева А.Н. Материалы для изучения культуры Сусловского могильника // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1926. Т. 35. Ч. 1. С. 23–40.

Лаппо И.И. Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом. Прага, 1924.

Лаппо И.И. Происхождение украинской идеологии новейшего времени. Ужгород, 1926.

Лапшин И.И. Бедржих Сметана как выразитель чешского музыкального гения // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 159–167.

Лозанова А.Н. Народные песни о Степане Разине (составитель, вступительная статья, комментарии). Новоузенск: Нижневолжское областное научное общество краеведения, 1928.

Ломшаков А.С. Испытание паровых котлов. Л., 1927.

Лосский Б.Н. В русской Праге (1922–1927) // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 7–79.

Лосский Н.М. Современная философия в Чехословакии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 47–60.

Лосский Н.О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен: München: Fink, 1968. 334 с.

Ляцкий Е.А. Ян Неруда: Художник великих достижений на пороге новой чешской литературы // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 109–126.

Маркевич А. Археологические исследования и раскопки в Крыму в 1923–1926 годах // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 318–319.

Масарик Т. Советская Россия и мы // Т.Г. Масарик: философия – социология – политика. М., 2003.

Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930). Вып. 1. Белград, 1931.

Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930). Вып. 2. Ч. 1. Белград, 1941.

Материалы для указателя по революционному движению в Саратовском крае. 1861–1921 / Сост. *С.Д. Соколов* и *В.А. Сушицкий*. Саратов, 1928; Программа собрания в Саратовском крае материалов по юридическому быту революционной эпохи / Сост. *В.М. Чернов*. Саратов, 1928.

Медведев Ж.И. Опасная профессия // *Родина*. 2012. № 7. С. 23–25; № 12. С. 12–14; 2013. № 2. С. 71–73.

Мейснер Д.И. Миражи и действительность: Записки эмигранта. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1966. 298 с.

Мельников Е. Fehér Géza. A bolgár-török műveltség emlékei és Magyar őstörténeti vonatkozásaik. Les monuments de la culture protobulgare et leurs relations hongroises // *Seminarium Kondakovianum*: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1932. Т. V. С. 330.

Мельников Е. J. Németh. Die Inschriften des Schazes von Nagy-Szent-Miklós. Mit zwei Anhängen: I. Die Sprache der Petschenegen und Komanen. II. Die ungarische Kerbschrift // *Seminarium Kondakovianum*: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1933. Т. VI. С. 244.

Минаева Т.М. Погребения с сожжением близ гор. Покровска // *Ученые записки Саратовского университета*. 1927. Т. VI. Вып. III. С. 91–135.

Минаева Т.М., Рау П.Д. Отчет об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 году // *Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения*. Саратов, 1926. Т. 35. Ч. 1. С. 5–21.

Могиланский Н.М. Чешская мысль и творчество в области антропологических наук: (А. Градичка, А. Матейка, Л. Нидерле и А. Стоцкий) // *Науч-*

ные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 87–105.

«Монгол приветствует сирийца»: переписка М.И. Ростовцева и Ф. Кюмона / Публ., вступ. ст. и комм. Г.М. Бонгард-Левина, К. Бонне, Ю.Н. Литвиненко, А. Марконе // Вестник древней истории. 2000. № 3. С. 142–158.

Моравчик Ю. Происхождение слова TZITZAKION // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1931. Т. IV. С. 69–76.

Морозов А. Археологическое обследование Петсерского края приближается к концу // Вести дня. Таллинн, 1937. 19 августа. № 185 (3546). С. 1.

М[орозов] А. О работах д-ра философии Н. Андреева в Петсери // Вести дня. 1938. 19 августа. № 187 (3846). С. 1.

Мошин В.А. Воспоминания. Осташков: Цветослов, 2012. 222 с.

Мошин В.А. Ю.Д. Бруцкус. Письмо хазарского еврея от X века. Новые материалы по истории Южной России времен Игоря. Берлин. 1924 г. // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 324–327.

Мякотин В.А. Вольтер, как историк Петра Великого // Последние новости. 1930. 9 января.

«Нет утешения в разлуке...»: Переписка Н.П. и Н.В. Толлей и Н.Е. Андреева (1948–1980) / Публ. Е.Н. Андреевой; комм. М.Ю. Сорокиной // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2018. С. 203–232.

Никифоров Д.Н. Кооперация в Югославии // Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Прага, 1925. Кн. 3. С. 99–106.

Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / Под ред. С.З. Каценбогена. Саратов, 1928.

Новиков М.М. Взаимоотношения Я.Е. Пуркинъе с русскими // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1931. Т. 4. С. 311–319.

Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 404 с.

Новиков М.М. Очерк исторического развития биологических наук в Чехословакии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 71–86.

Новиков М.М. Русские эмигранты в Праге // Новый журнал. 1957. Кн. 49. С. 243–256.

О портрете игумена Корнилия, «переписных» монастырских книгах и старинных рукописях // Русский вестник. Таллинн, 1937. 1 сентября. № 70 (360). С. 3.

Обзор Академической жизни в Праге // Младорусь. Прага, 1922. Кн. 1.

Обозрение преподавания в Русском институте сельскохозяйственной кооперации в Праге. 1923–1924 год. Прага, 1923.

Одинцов Б.Н. Органические вещества почвы и их влияние на ее плодородие. Прага: Пламя, 1925. 196 с.

Одинцов Б.Н. Динамическая геология и общее почвоведение: курс лекций, читанный студентам Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге в 1927–1928 году. Прага: Издание Русского института сельскохозяйственной кооперации, 1928. 110 с.

Одинцов Б.Н. Курс общего земледелия. Ч. 1: Механическая обработка почв. курс лекций, читанный студентам Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге в 1928–1929 году. Прага: Издание Русского института сельскохозяйственной кооперации, 1929. 101 с.

Одинцов Б.Н. Сельское хозяйство Чехословакии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 195–209.

Окунева И.Н. The mosaics of St Sophia at Istanbul. Preliminary report of the first year's work, 1931–1932. The mosaics of the Narthex by Thomas Whitte-

more. The Byzantine Institute. Oxford University Press, 1933, стр. 24 табл. XXI // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемой Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1935. Т. VII. С. 264–265.

Опште одељење. Одликовања Укази ... // Просветни гласник: службени орган министарства просвете. Београд, 1928. Год. XLIV. Бр. 10. С. 903–904.

Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): сборник документов / Отв. ред. *К.В. Островитянов*. Л.: Наука, 1968.

Острогорский Г.А. Третий Международный съезд византологов в Афинах // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1931. Т. IV. С. 274–275.

Острогорский Г.А. Станое Станоевич // *Seminarium Kondakovianum*: *Анналы Института имени Н.П. Кондакова*. Прага, 1937. Т. IX. С. 86–87.

Остроухов П.А. Внешняя торговая политика Чехословацкой Республики // *Научные труды Русского народного университета в Праге*. Прага, 1930. Т. 3. С. 210–221.

Отоцкий П.В. Грунтовые воды их происхождение, жизнь и распределение. Грунтовые воды и леса, преимущественно на равнинах средних широт. Ч. 1–2. СПб., 1905.

Отоцкий П.В. Памяти В.В. Воровского // *Руль*. Берлин, 1923. 17 (4) мая. № 747. С. 3.

Отоцкий П.В. О Норденшильдовских колодцах // *Почвоведение*. 1924. № 1–2. С. 147–148.

Отчет Б.А. Евреинова о научной поездке в южную Чехию в целях работы в частных архивах кн. Шварценберга и гр. Чернина в Тржебони, Чешском Крумлове и Индржиховом Градце // *Ročenka Slovanského ústavu*. Sv. IV za rok 1931. Praha, 1932.

Отчет Зурова № 1. Результаты этнографического и археологического обследования Сетумаа – в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. // *Экспедиция Музея*

человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938). СПб.: Издательский дом «Инкери», 2021. С. 193–253.

Отчет о первом Съезде Академических организаций в Праге (10–17 октября 1921 года) и заметка о деятельности Правления Съезда (по 1 июня 1922 года) // Труды русских ученых за границей. Берлин, 1923. Т. II.

Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за второй год его существования // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 339–341.

Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за третий год его существования (по 17 февраля 1928 г.) // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1928. Т. II. С. 377–379.

Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за четвертый год его существования (по 17 февраля 1929 г.) // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 328–330.

Отчет об израсходовании стипендии, полученных от Славянского института в Праге для поездки в Грецию с целью посещения III-го международного конгресса по византиноведению, приват-доцента М.А. Андреевой // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. III za rok 1930. Praha: Nákladem Slovanského ústavu, 1931. S. 108–109.

Погодин А.Л. Русская наука за границей // Славянская заря. Прага, 1920. № 159. 25 июня.

Положение о производстве испытаний на степень магистра, степень доктора медицины и звание адъюнкта и о защите магистерских, докторских и адъюнктских диссертаций, утвержденный Советом Союза 26 апреля

1922 г. на основании постановления Съезда 15 октября 1921 г. // Труды русских ученых за границей. Берлин, 1923. Т. II. С. 338–340.

Положение об Институте изучения России // Записки Института изучения России. Прага, 1924. Т. 1. С. 261.

Постановления съезда русских ученых // Руль. Берлин, 1924. 5 октября. № 1168.

Прага: русский взгляд: Век восемнадцатый – век двадцать первый / Сост. и авт. комм. *Н.Л. Глазкова*. М.: ВГБИЛ, 2003. 526 с.

Први дан репрезентације руске науке // Време. Београд, 1928. 18 септембра. Год. VIII. Бр. 2420. С. 1.

Протоколы центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии / Ред. *Д.Б. Павлов, Н.И. Канищева*. М.: Прогресс-академия, 1997. Т. 5.

Пушкарев Б.С. Долгая дорога в Россию // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания. М.: Русский путь, 2006. С. 356–390.

Пушкарев С.Г. Воспоминания историка: 1905–1945 / Под ред. *Б.С. Пушкарева*. М.: Посев М, 1999. 112 с.

Пушкарев С.Г. Городское сословие и городской строй в Чехии в XIV–XV веках / Пер. с чешск. и комм. *А.Н. Галямичева* // Историкографический сборник. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 99–144.

Расовский Д. А. О роли черных клобуков в истории древней Руси // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 93–109.

Расовский Д.А. Actes des notaires génois de Péra et de Cafta de la fin du treizième siècle (1281–1290) publiés par G.I. Brătianu. Académie Roumaine. Études et recherches, II, Bucarest, 1927, стр. 375. G.I. Brătianu, Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929. стр. 359. // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византинове-

дению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 322–324.

Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum*: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1933. Т. VI. С. 1–65.

Расовский Д.А. Половцы. II. Расселение половцев // *Seminarium Kondakovianum*: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1936. Т. VIII.

Расовский Д.А. Половцы. III. Пределы «поля Половецкого» // *Seminarium Kondakovianum*: *Анналы Института имени Н.П. Кондакова*. Прага, 1937. Т. IX. С. 71–85.

Ренгартен А. Мозаики VIII века Большой мечети Омеядов в Дамаске и раскопки в области Среднего Евфрата // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 299–304.

Речь профессора А.С. Ломшакова // *Младорусь*. Прага, 1922. Кн. 1. С. 93–98.

Российские ученые в Южной Америке: Письма зоолога К.И. Гаврилова историку Н.Е. Андрееву (1948–1980) / Пред. *Е.Н. Андреевой, М.Ю. Сорокиной*; подг. текста *А.А. Жидковой*, комм. *Е.Н. Андреевой, Н.Ю. Масоликовой, М.Ю. Сорокиной* // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына*, 2011. М.: Русский путь, 2012. С.608–652.

Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.

Ростовцев М.И. Бог-всадник на Юге России, в Индо-Скифии и в Китае // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 141–146.

Ростовцев М.И. «Скифский» роман // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1928. Т. II. С. 135–138.

Ростовцев М.И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929. С. 15–19.

Русская академическая группа в Эстонии: очерк деятельности академической группы за десять лет (9-го декабря 1920 – 1930 г.). Юрьев: б.и., 1931.: 40 с.

Русские в Праге. 1918–1928 гг. / Ред-сост. *С.П. Постников*. Прага, 1928.

Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 г. // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете (бывшей Ученой архивной комиссии). Саратов, 1923. Т. 34. Ч. 1. С. 3–19.

Рыков П.С. Поздне-сарматские погребения в кургане близ с. Зиновьевки Саратовской губернии. Саратов, 1929.

Рыков П.С. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930.

Рязановский В.А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // Известия Юридического факультета. Харбин, 1931. Т. IX. С. 3–31.

Савицкий П.Н. Россия – особый географический мир. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. 68 с.

Савицкий П.Н. Очерки почвенной географии Чехословакии // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 233–275.

Савицкий П.Н. Справка об Институте / Публ. Э.Н. Савицкой, причем. И.Л. Кызласовой // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки. М.: Русский путь, 2004. С. 211–218.

Садовский Я.Д. Земельная реформа в Чехословакии // Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Прага, 1925. Кн. 3. С. 161–176.

Саханев В.В. Последние дни жизни Е.Ф. Шмурло // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. / Отв. ред. *С.А. Беляев*. М. – СПб.: Алетейя, 2005. Вып. 2. С. 280–303.

Свечано отварање Четвртог Конгреса Руских Научника у сали Новог Университета // Време. Београд, 1928. 17 септембра. Год. VIII. Бр. 2419. С. 5.

Синицын И.В. Поздне-сарматские погребения Нижнего Поволжья // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения имени М. Горького. Т. 7. Саратов, 1936. С. 71–85.

Скафтымов А.П. «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. 1929. Roč. VIII. Č. 1. S. 101–117; Č. 2. S. 312–339.

Скифский роман / Под общ. ред. *Г.М. Бонгард-Левина*. М.: РОССПЭН, 1997.

Смирнов А.П. Греческий деревянный резной поставец под крест из собрания Государственной академии истории материальной культуры // *Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению*, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 146–156.

Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М.: ТЕРРА, 1992. 303 с.

Спекторский Е.В. Воспоминания / Вступ. ст. *С.И. Михальченко*, *Е.В. Ткаченко*; подгот. текста, коммент. *С.И. Михальченко*; коммент. *П.А. Трибунского*. Рязань: П.А. Трибунский, 2020. 654 с

Спицын А.А. Саратовские стоянки медного века // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете (бывшей Ученой архивной комиссии). Саратов, 1923. Т. 34. Ч. 1. С. 32–38.

Стратонов В.В. По волнам жизни / Подг. текста *В.Л. Гениса* и *К.В. Иванова*; предисловие *К.В. Иванова*; комм. *В.Л. Гениса* при участии *К.В. Иванова*. М.: Новое литературное обозрение, 2019. Т. 1. 765 с.; Т. 2. 757 с.

Струве П.Б. Русская наука в русской культуре // Возрождение. Париж, 1926. 7 июня. № 370. С. 2.

Съезд русских ученых в Белграде // Возрождение. Париж, 1928. 18 сентября. № 1204. С. 1.

Съезды русских академических организаций за границей. 1-й съезд. 10–17 октября 1921 года. 2-й съезд. 9–16 октября 1922 года. Прага, 1923.

Т[оль] Н.П. Eurasia Septentrionalis Antiqua IV. Bulletin et Mémoires consacrés à l'archéologie et l'ethnographie de l'Europe orientale et de l'Asie du Nord. Rédigé par U.T. Sirelius et A.M. Tallgren. Helsinki 1929. 8°. 340 стр. // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III. С. 317–319.

Толь Н.П., Расовский Д.А. L'art byzantine chez les Slaves. Les Balkans. Premier recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij. Paris, Paul Geuthner, 1930 // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1931. Т. IV. С. 296.

Т[оль] Н.П. H. Zeiss. Die Grabfunde aus dem spanischen Westgotenreich. Römisch-Germanische Kommission des Archäologischen Institut des Deutschen Reiches. Berlin – Leipzig 1934. (W. de Gruyter). In 4. 207 стр., XXXII табл. // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1936. Т. VIII.

«Только Вы поймете следующий текст...» Переписка Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова / Под ред. Е.Н. Андреевой и И.З. Белобровцевой. Таллинн: Балтийский архив, 2013. 298 с.

Три предавања проф. А.А. Кизеветтера // Време. Београд, 1928. 1 децембра. Год. VIII. Бр. 2494. С. 10.

Урзини М. Мои молодые русские друзья! // Сборник Общества русских химиков в Брно. Вып. 1 / Под ред. *И.А. Пастака, А.А. Касилова, Г.В. Шапошникова.* Брно, 1925. С. 7–8.

Фейгина С.А. Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века // *Петр Великий.* М.–Л., 1947. С. 390–423.

Фейгина С.А. Аландский конгресс. М., 1959.

Фенин А.И. Воспоминания инженера. (1883–1906 гг.): к истории общественного и хозяйственного развития России. Прага, 1938. 176 с.

Флоровский А.В. Новый взгляд на происхождение «Русской Правды» // Известия Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете. 1912. Т. I. Вып. 4. С. 97–122.

Флоровский А.В. Академия наук и законодательная комиссия 1767–1774 гг. // Ученые записки, основанные русской учебной коллегией в Праге. Т. 1. Вып. 2. Прага, 1924. С. 103–176.

Флоровский А.В. Архив на руското гражданско управление в България през 1877–1879 гг. // Юридически преглед. 1925. Кн. 2. С. 57–61.

Флоровский А.В. Шведский перевод «Наказа» Императрицы Екатерины II // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Кн. 1. С. 149–159.

Флоровский А.В. К истории экономических идей в России в XVIII веке // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1928. Т. 1. С. 81–93.

Флоровский А.В. Две политические доктрины («Наказ» и Дидро) // Труды IV съезда Русских Академических организаций за границей. Белград: Издание Русского научного института, 1929. Ч. 1. С. 113–129.

Флоровский А.В. Почитание Святого Вячеслава, князя чешского на Руси // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1929. Т. 2. С. 305–325.

Флоровский А.В. Россия и южные славяне в царствование императора Александра I // Прослава на освободителната война 1877–1878 гг. Руско-български сборник. София, 1929. С. 54–65.

Флоровский А.В. Ян Гус в русской оценке (Справка из истории чешско-русских отношений) // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. 3. С. 23–44

Флоровский А.В. Карпаторусский список проложного жития Св. Вячеслава, князя Чешского // Карпаторусский сборник. Ужгород, 1930. С. 88–90.

Флоровский А.В. Очерк русско-чешских отношений // Славянски глас. София, 1930. Кн. 1–3. С. 1–2.

Флоровский А.В. Несколько фактов из истории русско-чешских отношений в XIX век // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1931. Т. 4.

Флоровский А.В. Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений // Sborník prací I. Sjezdu slovaských fililogů v Praze, 1929. Т. I. Praha: Orbis, 1932. S. 52–53.

Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Прага, 1935. Т. I; 1947. Т. II.

Флоровский А.В. Русские в Марианских Лазнях. Культурно-исторические справки. Прага, 1947.

Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне в X–XVIII вв. // Вопросы истории. 1947. № 8. С. 66–73.

Флоровский А.В. А. Гончаров в Марианских Лазнях // Прага – Москва. Прага, 1954. № 6. С. 26–31.

Флоровский А.В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955.

Флоровский А.В. Из истории торговой политики Петра Великого (отзвуки распоряжений 1714 г. в Средней Европе) // Pražská universita Moskevské

universitě: sborník k výročí 1755–1955 / Uspoř. J. Dolanský, R.N. Foustka. Praha, 1955. S. 74–93.

Флоровский А.В. Дело О. фон-Клинковстрэма. Эпизод из истории Северной войны 1709–1710 гг. // Scando-Slavica. Copenhagen, 1959. Т. 5. S. 199–230.

Флоровский А.В. Забытое воззвание Петра I к шведам после Полтавы (1709) // Полтава: к 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 359–362.

Флоровский А.В. Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 17. М.–Л., 1961. С. 482–494.

Флоровский А.В. Петр Великий и Эфиопия. Историческая справка // Orbis Scriptus. Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70 Geburtstag. München, 1966. S. 211–220.

Флоровский А.В. От Полтавы до Прута: из истории русско-австрийских отношений в 1709–1711 гг. Прага, 1972.

Флоровский А.В. Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974.

Флоровский А.В. Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: Из архивного наследия. СПб., 2020.

Францев В.А. Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст. Прага, 1924.

Францев В.А. М.Н. Погодин и Фр. Палацкий. К истории русско-чешских связей в конце XIX в. // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Кн. 1. 153–168.

Францев В.А. Из истории славянской литературной взаимности. Коллар и русские ученые в Загребе (1840–1841). Прага, 1929.

Францев В.А. Первые русские труды по изучению славянства, преимущественно южного // Прослава на освободителната война 1877–1878. Рус-

ко-български сборникъ. София: Славянското дружество в България, 1929. С. 36–53.

Францев В.А. Пушкин и польское восстание 1830–1831. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник Русского института. Прага, 1929. С. 65–208.

Фрейд З., Осипов Н.Е. Переписка 1921–1929 / Под ред. *Е. Фишер*; пер. с нем. *М.М. Бочкаревой*. Ижевск: ООО Издательский дом «ERGO», сор. 2011. 237 с.

Хаин В.Е. Дни моей жизни: воспоминания геолога. М.: Научный мир, 2009. 224 с.

Цуриков Н.А. Прошлое. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 441 с.
Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде (16–23 сентября 1928 года). Белград, 1929.

Ширяев Г.И. Сфагновые торфяники ближайших окрестностей Харькова // Сборник Харьковского студенческого кружка любителей природы. 1909. Вып. 1. С. 32–33.

Ширяев Г.И. Материалы для флоры Харьковской губернии // Труды Общества испытателей природы Харьковского университета. 1913. Т. 46. С. 41–66.

Шишкин П.Н. Курганы на общественном выгоне г. Покровска // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете (бывшей Ученой архивной комиссии). Саратов, 1923. Т. 34. Ч. 1. С. 22–26.

Шмурло Е.Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом / Подг. текста к публ. *М.В. Ковалева* и *А.Е. Кулакова*, вступ. ст. *М.В. Ковалева* и *С.А. Мезина*. СПб.: Нестор-История, 2021. 320 с.

Шмурло Е.Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929.

Шмурло Е.Ф. Римская Курия на русском православном Востоке в 1609–1654 гг. Прага, 1928.

Шретер В. Предисловие к третьему изданию // *Ломшаков А.С.* Испытание паровых котлов. Л., 1927. С. I–III.

A történelem világa: Rhé, Gyula, und Fettich, Nándor: Jutás und Öskü // *Literatura – Beszámoló a Szellemi Életről.* 1931. VI. évf. 1. szám. 64. old.

Anastasijević D. Deuxième Congrès International des Byzantinistes // *Byzantion.* 1926. Vol. 3. № 2. P. 547–558.

Andreyev N. The Pskov-Pechery monastery in the XVI century // *Slavonic and East European Review.* 1954. Vol. 32. № 79. P. 318–343.

Andreyev N. Kurbsky's letters to Vas'yan Muromtsev // *Slavonic and East European Review.* 1955. Vol. 33. № 31. P. 414–435.

Andreyev N. Filofey and his epistle to Ivan Vasil'yevich // *Slavonic and East European Review.* 1959. Vol. 38. № 90. P. 9–31.

Andrusov D. Kritika rozdělení neogénu dolnomoravského úvalu // *Věstník Státního geologického ústavu Československé republiky.* 1932. Roč. VIII. Č. 1. S. 77–78.

Andrusov D. O vztahu východních Karpat ke Karpatům západním // *Věstník Státního geologického ústavu Československé republiky.* 1933. Roč. IX. Č. 2. S. 157–164.

Andrusov D., Šuf J. Stratigrafie a tektonika severního okraje Silické planiny u Drnavy na Slovensku // Bratislava: časopis p o výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi. 1936. Roč. 10. S. 243–246.

Andrusov D.N. Subdivision des nappes Subtatriques sur le versant Nord de la Haute Tatra // *Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге.* Прага, 1936. Т. IV (IX). № 23. С. 125–134.

Andrusov D.N. Subtatranské příkrovy Západních Karpat // *Carpatica.* Praha, 1936. Sv. I. S. 3–33.

Andrusov D. Sur quelques fossiles triasiques des Carpathes occidentales // *Věstník Královské české společnosti nauk. Třída mathematicko-přírodovědecká.* Praha, 1938. Roč. 1937. № X. S. 1–20.

Andrusov D. Geologie Slovenska. Praha: Nákladem Sboru provýzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi, 1938. 112 s.

Andrusov D. La faune du Burdigalien et de l'Helvétien de la Slovaquie occidentale // Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге. 1938. Т. VII (XII). № 44. С. 151–178.

Asakawa K. The Founding of the Shogunate by Minamoto-no-Yoritomo // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1933. Т. VI. P. 109–129.

Az orosz tudósokprágai kongresszusa // Jövő. Bécs, 1921. Október 14. I. Évf. 199. Szám. 2. old.

Bartucz L. Die Skelettreste von Körösladány // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1930. Vol. 5. S. 66–73.

Bažant Z. O ruské literature technické // Nové Atheneum. 1920. Č. 3. S. 188–197.

Beljaev N.V. Miniatury řeckého evangelia z roku 1232 // Z dějin východní Evropy a Slovanstva: sborník věnovaný Jaroslavu Bidlovi k šedesátým narozeninám / Usp. *M. Weingart, J. Dobiáš, M. Paulová.* Praha: A. Bečková, 1928. S. 100–106.

Bělogvardějec. Rusko v exilu. Praha, 1936

Brown F.E. A recently discovered compound bow // Seminarium Kondakovianum: Анналы Института имени Н.П. Кондакова. Прага, 1937. Т. IX. С. 1–9.

Červinka V. Pražský rukopis o Petru Velikem // Národní politika. 1938. Roč. LVI. Č. 46. 16. února. S. 3.

Compte rendu du premier Congrès international des études byzantines, Bucarest 1924 / Éd. par *C. Marinescu.* Bucarest: s.é., 1925. 95 p.

Congresul savanților ruși la Sofia // Adevărul. 1930. 5 Septembrie. Anul 43. № 14323. P. 3.

Congresul savanților ruși la Sofia // Dreptatea. 1930. 1 Septembrie. Anul IV. № 869. P. 2.

Congresul savanților ruși la Sofia // Lupta. 1930. 5 Septembrie. Anul IX. № 2647. P. 3.

Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939) / Sest. Z. Sládek, L. Běloševská. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 1998. 343 s.

Dragomir S. Descoperirea profesorului Șmurlo // Universul. București, 1932. № 74. 16 Martie. P. 1–2.

Eck A. Šmurlo (E.). Voltaire et son oeuvre «Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand» // Revue belge de philologie et d'histoire. 1932. T. 11. Fasc. 1–2. P. 193–196.

Emigráns orosz tudósokkongresszusa Szófiában // Magyarország. Budapest, 1930. 11. Évf. 214 (2874). Szám. 17. old.

Fehér G. Le titre des khans bulgares d'après l'inscription du cavalier de Madara // L'art byzantine chez les Slaves. Les Balkans. Premier recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij. Paris: P. Geuthner, 1930. P. 3–8.

Fettich N. Die Tierkampfscene in der Nomadenkunst // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1926. С. 81–92.

Fettich N. Eine Gotische Silberschalle im Ungarischen Nationalmuseum // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1928. Т. II. С. 105–111.

Fettich N. Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. Prag: Seminarium Kondakovianum, 1929.

Fettich N. Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. Praha, 1929.

Fettich N. Über die ungarländischen Beziehungen der Funde ksp. Perniö, Tyynelä, Südwestfinnland // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1930. Vol. 5. S. 52–65.

Fettich N. Adatok a honfoglaláskor archaeológiájához // *Archaeologiai Értesítő*. 1931. 45. kötet. 105. old.

Florovskij A. Un légiste français au service de la tsarine Cathérine II // *Revue Historique du Droit Français et Étranger*. 1924. 4-e sér. Vol. 3. P. 515–531.

Florovskij A.V. Ruské veřejné mínění v předvečer a za osvobozenké války 1877–1878 // *Rusko v boji za osvobození balkanských slovanů 1877–1878*. Praha, 1927. S. 42–85.

Florovskij A. Čech-dekabrista (Episoda z dějin rusko-českých sryků) // *Z dějin východní Evropy a Slovanstva: sborník věnovaný Jaroslavu Bidlovi k šedesátým narozeninám / Usp. M. Weingart, J. Dobiáš, M. Paulová*. Praha: A. Bečková, 1928. S. 380–389.

Florovskij A.V. Jan Hus v ruském pojetí (stránka z dějin česko-ruských styků). Praha, 1935.

Florovskij A. Le conflit de deux traditions – la latine et la byzantine – dans la vie intellectuelle de l'Europe Orientale aux XVI–XVIII siècles // *Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете*. Прага, 1937. Т. V (X). № 31. С. 171–193.

Florovskij A. Obchodní styky Čech a Moravy s Východní Evropou v XVI. a XVII. století // *Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге*. Прага, 1938. Т. VIII (XII). № 48. С. 1–14.

Florovskij A. Ruská mluvnice českého jesuity r. 1690 // *Slovo a slovesnost*. Praha, 1939. Roč. IV. № 4. S. 239–245.

Florovský A. Čeští jesuité na Rusi. Jesuite české provincie a slovanský východ. Praha, 1941.

Florovskij A. Sovětská historiografie o době Petra I. // Sovětská věda – Historie. 1952. Roč. II. № 14. S. 133–134.

Florovskij A. Česko-ruske obchodni styky v minulosti (X–XVIII století). Praha, 1954.

Foltýn J. Genetika a genetika // Za socialistické zemědělství. 1957. Roč. VII. Č. 24. S. 1525–1528.

Florovský A. Peter I., Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. I–II, Göttingen 1964, 490–646 s. // Slovanský přehled. 1967. № 2. S. 125.

Gyárfás I. A jász-kunok története. Kecskemét: Nyomatott Szilády Károlynál, 1870. I. kötet. 614. old.; 1873. II. kötet. 488. old.; Szolnok: Nyomatott Bakos Istvánnál, 1883. III. kötet. 796. old.; Budapest: Nyomatott Neuwald Illés könyvnyomdájában, 1885. IV. kötet. 438. old.

Hajek Z. Kritické dílo o Voltairovi jako historiku // Lidové Noviny. Brno, 1929. 12. března.

Hájek Z. Slovanský přehled. Roč. XXIII. (1931) // Český časopis historický. 1933. Roč. 39. Č. 1. S. 175–176.

Hájek Z. A.V. Florovskij: Čechi i vostočnye Slavjane. Očerki po istorii češko-russkich otnošenij (X–XVIII vv.) Tom pervyj. (Práce Slovanského ústavu v Praze, svazek XIII., nákl. Slovan, ústavu, v komisi nakladatelství «Orbis», 1935, stran XVI + 527) // Český časopis historický. 1936. Roč. 42. Č. 2. S. 363–370.

Hampel J. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig: Druck und Verlag von Friedrich und Son, 1905. Bd. I. 856 s.; Bd. II. 1006 s.; Bd. III. 580 s.

Henry E. Les Sols Forestiers. Paris – Nancy: Berger-Levrault & C, 1908. 523 p.

Hopkins C. The Discovery of Dura-Europos. New Haven – London: Yale University Press, 1979. 310 p.

- Jankó L.* A pápai avarkori sírleletek // *Archaeologiai Értesítő*. 1939. 52. kötet.
- Jelenew N.* Peter der Große und Johann Kupetzky // *Записки Русского научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге*. 1942. Т. 16. № 85–86. С. 227–285.
- [*Jerney J.*] Jerney János keleti utazása a magyarok őshelyeinek kinyomozása végett 1844 és 1845. Pest: A Szerző Tulajdona, 1851. I. köt. 332. old.; II. köt. 320. old.
- Jevreinov B.* Ruský návrh změny slovanské politiky v Rakousko // *Slovanský přehled*. 1931. Roč. XXIII. S. 561–565.
- Jirásek J.* Rusko a my: studie vztahů československo-ruských od počátku 19. století do r. 1867. Díl I. Praha: Vesmír, 1929. 367 s.
- Kimball H.H.* Measurements of solar radiation intensity and determinations of its depletion by the atmosphere // *Monthly Weather Review*. 1930. Vol. 58. № 2. P. 43–52.
- Kizevetter A.* Slovanská otázka u děkabristů. Z dějin východní Evropy a slovanstva // *Z dějin východní Evropy a Slovanstva: sborník věnovaný Jaroslavu Bidlovi k šedesátým narozeninám / Usp. M. Weingart, J. Dobiáš, M. Paulová*. Praha: A. Bečková, 1928. S. 376–379.
- Kondakov N.P.* Les costumes orientaux à la cour byzantine // *Byzantion*. 1924. Vol. 1. P. 7–49.
- Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. Vzájemné dopisy P.J. Šafaříka s ruskými učiteli (1825–1861). Praha, 1927–1928. Č. 1–2.
- Korespondence T.G. Masaryk – Slované. Rusové a Ukrajinci. 2. svazek. Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2016. 736 s.
- Kossányi B.* Az úzok és kománok történetéhez a XI–XII. században // *Századok*. 1924. 58. évf. 1–6. sz. 519–537. old.
- Kostomarov B.* Sled' a jeho průmysl v deltě Volhy // *Československý rybář*. 1926. Roč. VI. Č. 3. S. 46–48. Č. 4. S. 57–59.
- Kostomarov B.* Úvod do studia rybářství. Praha, 1930.

Kostomarov B. Biochemie (biochimie rostlin a půdy, výživa zvířat, odpadní vody, rozbor vod a půdy dna rybníčního). Praha, 1930

Kostomarov B. Živočichopis. Praha, 1930.

Kostomarov B. Jezte naše čerstvé sladkovodní ryby // Měsíc: ilustrovaná společenská revue. 1932. Č. 2–3. S. 12.

Kostomarov B. Die Donaustöre: Ihr Fang, die Verwertung und Zubereitung ihres Fleisches, und der schwarze Kaviar in Rumänien und Bulgarien // Zeitschrift für Fischerei und deren Hilfswissenschaften. 1933. Bd. XXXI. H. 1. S. 101–147.

Kostomarov B. Die Fischerei in Bulgarien // Zeitschrift für Fischerei und deren Hilfswissenschaften. 1933. Bd. XXXI. H. 4. S. 591–617.

Kostomarov B., Sedlmayer A., Kořán J., Sýkora L., Nowak W., Dechant E., Tejčka J. Studie o znečištění vody horní Vltavy. Praha: Nákladem Svazu pro ochranu čistoty řeky Vltavy a Jiných veřejných toků v C. Budějovicích, 1937. 120 s.

Kostomarov B. Několik nových poznatků v genetice kapra // Zemědělský archiv časopis věnovaný vědě a praxi výroby zemědělské. 1942. Roč. 33. Č. 3–4. S. 152–160.

Kostomarov B. O plemenném výběru v chovu kaprů // Zemědělský archiv časopis věnovaný vědě a praxi výroby zemědělské. 1942. Roč. 33. Č. 9–10. S. 526.

Kostomarov B. Mičurinsko-lysenkovské zásady pro plemenný chov ryb // Sborník Vysoké školy zemědělské a lesnické v Brně. 1952. Č. 1. S. 87–93.

Kostomarov B. Úvodní poznámky a plan výzkumu // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae. Řada A. 1957. Č. 1. S. 3–6.

Kostomarov B., Hochman L., Losos B. Zhodnocení a aplikace provedeného komplexního výzkumu řeky Moravice // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae. Řada A. 1957. Č. 1. S. 119–127.

Kostomarov B. Die Fischzucht. Berlin: VEB Deutscher Landwirtschaftsverlag, 1961. 375 s.

Kostomarov B., Losos B. Čtyřicetileté výročí Biologické stanice Vysoké školy zemědělské v Brně v Lednici // *Acta Universitatis Agriculturae. Facultas agronomica.* 1962. Řada A. № 3–4. S. 361–367.

Krejčíř J. Proslov děkana agronomické fakulty VŠZ v Brně prof. ing. Jaroslava Krejčíře, CSc., nad rakvi prof. ing. dr. Borise Kostomarova // *Acta Universitatis Agriculturae. Facultas Agronomica.* 1974. Roč. XXII. №. 4. S. 817–818.

Kříženecký J., Kostomarov B., Šrogl A. Přirozená a ultrafialovými paprsky indukovaná fotochemická aktivita rostlinných a živočišných tuků // *Věstník Československé akademie zemědělské.* 1926. Roč. II. Č. 5–6.

Kříženecký J. Přehled nauky o plemenitbě // *Polnohospodárstvo.* 1957. Roč. IV. Č. 4. S. 805–825.

Krivošeín G.G. Vodní síly v Rusku. Praha: Masarykova Akademie práce, 1923.

Kubka F. Hlasy od východu: setkání s mými ruskými a sovětskými současníky. Praha, 1960. 216 s.

Kurat A.N. Peçenek Tarihi. İstanbul: Devlet Basımevi, 1937. 285 s.

Laurent V. Le IVe Congrès des études byzantines (Sofia, 9–16 septembre 1934) // *Revue des études byzantines.* 1934. T. 33. № 176. P. 428–442.

Legújabb vívmányok a vegyészeti ipar terén // *Vegyí Ipar és Kereskedelem.* 1930. 29. Évf. 20. Szám. 6. old.

Magyar szabadalmak a bányászat, akohászat és rokon szakok köréből // *Bányászati Bányászati és Kohászati Lapok.* 1932. 65. Évf. 5. Szám. 115. old.

Mendl B. Příspěvky k dějinám vzájemných vztahů rusko-českých // *Český časopis historický.* 1939. Roč. 45. Č. 2. S. 389–390.

Menekült orosz tudósok kongresszusa // *Ellenzék.* Cluj (Kolozsvár), 1921. Október 13. XLII. Évf. 225. Szám. 2. old.

Minajeva T.M. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Šipovo // *Eurasia Septentrionalis Antiqua.* 1929. Vol. IV. P. 194–209.

Moravcsik Gy. Orosz irodalom // *Napkelet.* 1926. 4. évf. 6. sz. 578. old.

Murko M. Paměti. Praha: Fr. Borový, 1949. 252 s.

Myška M. Vzpomínání, aneb, «Tri dni ma naháňali, eště ma nědostali...» Ostrava: Ostravská univerzita, 2018. 167 s.

Nagy L. Római régiségek Dunaszekcsőről // *Archaeologiai Értesítő.* 1931. 45. kötet. 271.

Nejen drobní živočichové a rostliny, také hmoty neústrojně, zvláště kovy a slitiny mají podivuhodnou stavbu svěch těl // *Pestrý Týden: obrazový časopis.* 1929. 3. srpna. Roč. IV. Č. 31.

Němec B. Vzpomínky. Praha: Archiv AV ČR, 2002. 644 s.

Němec B. Vzpomínky. Praha: NLN s.r.o. 2021. 545 s.

Nimet A. Die türkische Prosopographie bei Laonikos Chalkokandyles. Hamburg: Hamburgischen Universitaet, 1933. 96 s.

Odincov B.N. Evaporation as agent of soil fertility // *Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете.* 1938. Т. VII (XII). № 47. С. 264–294.

Odincov B.N. Závislost sklizně na vypařování (podle dat české nížiny) // *Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете.* 1938. Т. VII (XII). № 62. С. 241–258.

Otockij P.V. Režim podzemních vod a jeho závislost od vzdušných činitelů. Praha, 1926.

Ototzky P. Les puits Nordenskjöld // *Congrès d'Edimbourg du 14 au 26 septembre 1936: Rapports divers.* Paris: L'Association, 1936. P. 259–265.

Patriciu G. Bufnița și soarele // *Curentul.* București, 1930. 9 Octombrie. Anul III. № 975. P. 1.

Pósta B. Oroszorszagi tanulmányairól // *Archaeologiai Értesítő.* 1898. 18. kötet. old. 334–345.

Pósta B. Archäologische Studien auf russischem Boden. Dritte asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy. Budapest, 1905. Bd. III–IV.

Povolný D. Čurající Mikuláš a jiné para-normální historky. Brno: Redakce časopisu Veronica, 2000. 98 s.

Prokopovič S.N. Mezinárodní obchod podunajských států po Světové válce. Praha: Orbis, 1936. 108 s.

Pushkarev S.G. The Political Movements and Political Organization of the Russian Peasantry in the Twentieth Century // A systematic source book in rural sociology / Ed. by *P.A. Sorokin, C.C. Zimmerman, C.J. Galpin*. Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1931. Vol. II. P. 618–633.

Puškarev S. Dr. Kramář a Rusko // Karel Kramář a Slovanstvo. Praha, 1937.

Puškarev S. Městský stav a městské zřízení v Čechách v 14 a 15 stoletích // Записки Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета. Прага, 1938. Т. VIII (XIII). № 57. С. 133–172.

Radnóti A. Római kutatások Ságváron // Archaeologiai Értesítő. 1939. 52. kötet.

Rásonyi L. Der Volksname берендей // Seminarium Kondakovianum: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1933. Т. VI. Т. VI. С. 219–226.

Rásonyi L. Les noms de tribus dans le «Слово о полку Игореве» // Seminarium Kondakovianum: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1936. Т. VIII. С. 293–299.

Rau P.D. Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV. P. 41–57.

Rhé Gy., Fettich N. Jutas und Öskü: zwei gräberfelder aus der völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem antropologischen anhang von L. Bartucz. Prag: Seminarium Kondakovianum, 1931.

Roerich G. N. Fettich: Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn // Journal of Urusvati Himalayan Research Institute. 1931. Vol. I. № 1. P. 94–96.

Russische Emigranten in der Tschechoslowakei // Der Wiener Tag. 1934. 19 August. Jahr. XIII. № 4020. S. 6.

Rykov P.S. Aknasír a Sinowjewka (Petrovi kerület, Saratow-i kormányzóság) falu melletti dombban // *Archaeologiai Értesítő*. 1928. 42. kötet. 225–228. old.

Rykov P.S. Archäologische Beobachtungen im Tale der Velikaja // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1929. Vol. IV. P. 284–289.

Sakhanev V.V. Études sur l'origine de l'art populaire russe // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1929. Vol. IV. P. 312–320.

Salaville S. Le IIe Congrès international d'études byzantines à Belgrade (11–16 avril 1927) // *Revue des études byzantines*. 1928. T. 27. № 149. P. 78–110.

Širjaev G., Lavrenko E. Kljukvennoe boloto v okrestnostjach goroda Charkova // *Práce Moravské přírodovědecké společnosti*. 1924. T. I. № 7. S. 315–330.

Sjazd predstaviteľov ruských akdemických skupín // *Slovenský Východ*. Košice, 1921. 12. Oktobra. Roč. III. Č. 233. S. 3.

Sjazd ruských učencov v Sofii // *Národné noviny*. Turčiansky Svätý Martin, 1930. 29. August. Roč. 61. Č. 102. S. 3.

Sjazd ruských učencov-emigrantov // *Slovenský Východ*. Košice, 1930. 14. Augusta. Roč. XII. Č. 185. S. 2.

Sjazd ruských vedátorov v Prahe // *Slovenský Východ*. Košice, 1921. 6. Oktobra. Roč. III. Č. 228. S. 2.

Szabó J.B. «Magrebiták», úzok – «kunok», berendek és besenyők: Egy XII. századi keleti betelepülés nyomában // *Hadtörténelmi Közlemények*. 2016. 129. évf. 1. sz. 148–159. old.

Tallgren A.M. Zur Westsibirischen Gruppe der «Schamanistischen Figuren» // *Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова*. Прага, 1931. T. IV. C. 39–47.

Toll N.P. Bronzedolche der Sammlung Zichy // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1929. Vol. IV. P. 183–188.

Toll N.P. The necropolis of Haebie – Zenobia // *Seminarium Kondakovianum: Анналы Института имени Н.П. Кондакова*. Прага, 1937. T. IX. C. 11–21.

Tretí sjazd ruských učencov v Prahe // Prúdy. 1924. Roč. VIII. Č. 8. S. 530.

Účast Slovanského ústavu při III. Mezinárodním sjezdu byzantologů v Athénách // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. III za rok 1930. Praha: Nákladem Slovanského ústavu, 1931. S. 102.

Vamos F. Attilas Hauptlager und Holzpaläste // Seminarium Kondakovianum: сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага, 1932. Т. V. С. 145–146.

Van der Vliet A.P. Vliv váhy měřicích přístrojů při měření namáhání ve zkřížených drátových příčkách // Časopis československých inženýrů – Technický obzor. 1933. Roč. 41. Č. 16. S. 229–255.

Vládní nařízení ze dne 5. prosince 1968 o udělování čestných titulů «zasloužilý vysokoškolský professor» // Sbírnka zákonů Československé socialistické republiky. 1968. Č. 45. 20. prosince. S. 421.

Vološin F.E. Solární poměry ve Vysokých Tatrách. Praha: Ministerstvo veřejného zdravotnictví a tělesné výchovy, 1928. 70 s.

Wittram R. Peter I., Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit, Bd. I–II, Göttingen 1964.

Zaharov A.A., Arendt V.V. Studia Levedica: Regeszeti adatok a magyarsag IX szazadi fortenehez. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1935.

Zákon zed ne 16. Května 1946 o jednotné odborové organizaci // Sbírnka zákonů a nařízení republiky Československé. 1946. Č. 59. 24. června. S. 1023–1025.

Zákon zed ne 18. května 1950 o vysokých školách // Sbírnka zákonů republiky Československé. 1950. Č. 27. 3. června. S. 114–120.

Žekulin N.S. Československá měna od reformy dra Rašína až do zřízení československé národní banky. Praha: Orbis, 1927. 144 s.

Žekulin N.S. Hospodářské instituce v Polsku // Hospodářská politika. 1930. Roč. IV. Č. 5. S. 13.

Žekulin N.S. Ústřední cedulové banky a peněžní reforma se zřetelem na poměry v Československu. Praha: Česká společnost národohospodářská, 1928. 15 s.

Zpráva Dra Nikolaje Běljaeva o cestě na III. Mezinárodní kongres byzantologů v Athénách // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. III za rok 1930. Praha: Nákladem Slovanského ústavu, 1931. S. 110–111.

Литература:

Аврус А.И. Выпускники и стажеры зарубежных университетов на работе в Саратовском университете // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России: материалы Международного научного colloквиума. Саратов, 2001. С. 5–6.

Аврус А.И., Голосеева А.А., Новиков А.П. Виктор Чернов: судьба русского социалиста М.: Ключ-С, 2015. 367 с.

Аксенова Е.П. К истории русской научной эмиграции в Югославии (Письма А.Л. Погодина А.В. Флоровскому) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 78–83.

Аксенова Е.П., Горяинов А.Н. Русская научная эмиграция 1920–1930-х годов: по переписке М.Г. Попруженко и А.В. Флоровского // Славяноведение. 1999. № 4. С. 3–15.

Аксенова Е.П. Записка А.В. Флоровского 1938 г. «Славянскому институту в Праге» // Славяноведение. 2002. № 4. С. 65–67.

Аксенова Е.П. Жрец «Клио» (к научной биографии А.В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т. XI. № 1. С. 32–47.

Аксенова Е.П. Антоний Васильевич Флоровский о Романовых // Славяноведение. 2013. № 5. С. 68–77.

Аксенова Е.П. Русский эмигрант о Великой Отечественной войне. Взгляд из Праги // Славянский мир в третьем тысячелетии: Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. М., 2015. С. 62–71.

Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.

Александров Д.А., Кременцов Н.Л. Путеводитель по неизведанной земле: предварительный очерк социальной истории советской науки // Вопросы истории естествознания и техники, 1989. № 4. С. 67–80.

Александров С.А. Общественно-политическая деятельность П.Н. Милюкова в эмиграции (20-е годы). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

Алексеева Е.В., Герасимова Н.П., Евсеева Е.Н., Можяева Л.А. Профессора и студенты // Русские без Отечества: очерки антибольшевистской эмиграции 20 – 40-х гг. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2015. С. 198–286.

Алферьев Г.П., Славин В.И. История геологического изучения западных областей Украины // Очерки по истории геологических знаний. М., 1955. Вып. 4. С. 70–103.

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу...» (академик С.А. Жебелев и «чистка» ГАИМК в 1930 г.) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2021. Т. 10. С. 278–315.

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. С.А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам новых архивных документов // Вестник древней истории. 2020. Т. 80. №.3. С. 753–774.

Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006.

Антонов М.В. Социология права Георгия Давидовича Гурвича // Правоведение. 2003. № 2. С. 218–234.

Антонов М.В., Поляков А.В. Г.Д. Гурвич и русская постклассическая правовая мысль конца XIX–начала XX века // Правоведение. 2005. № 4. С. 131–137.

Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003. 390 с.

Байсвенгер М. Евразийство и чехословацкая научная общественность, 1920-е–1950-е гг. // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. 2011. Roč. 80. Č. 2–3. S. 136–146.

Байсвенгер М. Как Прага стала «евразийской» столицей: (О роли «Русской акции» в истории евразийского движения) // *Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие* / Сост. *Л. Бабка, И. Золотарев*. Прага, 2012. С. 117–124.

Байсвенгер М. Н.В. Вернадская-Толль и становление «научного» евразийства (конец 1920-х гг.) // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*, 2013. М., 2013. С. 173–176.

Байсвенгер М. Петр Николаевич Савицкий (1895–1968): Библиография опубликованных работ. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики – Славянская библиотека, 2009. 111 с.

Басаргина Е.Ю. Археологический институт имени Н.П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*). По материалам архивов Праги // *Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга* / Под ред. *И.П. Медведева*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 766–811.

Басов Г.Ф. Исследование П.В. Отоцкого на территории Ланд во Франции // *Известия высших учебных заведений: Лесной журнал*. 1960. № 1. С. 168–169.

Бачурина О.Н. Экономическое наследие С.Н. Прокоповича и его общественно-политическая деятельность в эмиграции. СПб, 2005.

Белошевская Л. Молодая эмигрантская литература Праги (Объединение «Скит»: творческое лицо) // *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939*. Praha, 1999. С. 164–203.

Белошевская Л. Перевод в системе межкультурных связей русской эмиграции в Чехословакии в 20–30е годы // *Slavia*. 1993. Roč. 62. Č. 4. S. 507–518.

Беляев С.А. Из истории становления Семинария имени академика Н.П. Кондакова // Русская эмиграция в Европе (20-е – 30-е годы XX века). М., 1996.

Беляев С.А. Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества) // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003.

Бенфугаль Т. Экспедиция Б. Вильде и Л. Зурова в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг. // Экспедиция Музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938). СПб.: Издательский дом «Инкери», 2021. С. 27–89.

Боже Я.В. Жизнь и научная деятельность Е.Ф. Шмурло. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004.

Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. 142 с.

Болховитинов Н.Н. Теория евразийства и многотомная история России Г.В. Вернадского // Scripta Gregoriana: Сборник в честь 70-летия академика Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 374–383.

Бон Т. Русская историческая наука (1880 г.–1905 г.): Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005.

Бондарь А.Ю. Общественно-политические взгляды и деятельность Г.В. Вернадского. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Борисов В.П. Достижения и злоключения «русского американца» Владимира Зворыкина. 2013. Т. 83. № 2. С. 143–156.

Борисов В.П. Карьера Джорджа Кистяковского в Гарварде, Лос-Аламосе и Белом Доме // Российская научная эмиграция. Двадцать портретов / Под ред. Г.М. Бонгарда-Левина и В.Е. Захарова. М.: УРССС, 2001. 165–175.

Борисов В.П., Волков В.А., Куликова М.В. Формирование научного центра российской эмиграции в Чехословакии // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Ре-

зультаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, 1995. Т. 1. С. 354–360.

Бубеникова М. Проект помощи Чехословацкой республики эмигрантам из Советской России – «Русская акция» // *Ruská a ukrajinská emigrace v ĀSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 3)*. Praha, 1995. S. 14–19.

Бубеникова М. Чешско-русская еднота в собраниях пражских архивов // *Russia in Czech Hitorigraphy: Studies published by the Prague Group of Russian history specialists*. Praha, 2002. С. 375–396.

Будницкий О.В., Эммонс Т. «Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное»: Переписка В.А. Маклакова и А.А. Кизеветтера // *Источник*. 1996. № 2. С. 4–24.

Бухарин М.Д. Новые документы по истории изучения Восточного Туркестана из Турфанского собрания // *Новая и Новейшая история*. 2021. № 1. С. 214–222.

Бухарин М.Д. «Да хранит Вас Господь и даст много сил для научной работы»: А.В. Флоровский и белорусская виленская славистика второй половины 1930-х гг. // *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022. №. 1. С. 28–42.

Бухерт В.Г. К истории Харбинского научно-исследовательского института // *Восточный архив*. 2019. № 2 (40). С. 100–106.

Бухерт В.Г. «Сколько могу, честно служу родной культуре». Письма А.Ф. Изюмова к А.С. Сидорову, 1947–1948 гг. // *Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы*. М., 2017. С. 427–440.

Вавржинек В. Участие российских византинистов и славистов в сборнике «*Byzantinoslavica*» в межвоенный период // *Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии*. М., 2008. С. 90–95.

Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992. 285 с.

Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции в Европе в 20–30-е гг.: (Основные центры, направления, проблемы) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. М., 1994. Т. 1. С. 71–79.

Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. 349 с.

Варфоломеев Ю.В. Политико-правовая ответственность высших должностных лиц государства при смене власти: (На примере деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12. № 2. С. 99–104.

Ведерников М.В. Место России во внешнеполитической концепции Т.Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. 2015. № 6. С. 122–130.

Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Гутенберг, 2004. 163 с.

Велева М. Руската университетска емиграция в България // Дарителите Евлогий и Христо Георгиеви. София: Лик, 1998. С. 235–260.

Виноградов Ю.А. М.И. Максимова: путь русского ученого // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2016. Т. 14. С. 7–23.

Винокурова Н.А. Н.П. Кондаков: жизнь и судьба русского ученого. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

Волошина В.Ю. Съезды русских академических организаций о содержании просветительства в условиях эмиграции // Вестник Тюменского государственного университета. 2005. № 2. С. 132. С. 129–135.

Волошина В.Ю. «Мы с тобой одной крови»: межличностные взаимоотношения как фактор психологической адаптации ученых в эмиграции // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2005. Вып. 1. С. 259–272.

Волошина В.Ю. Историк Борис Алексеевич Евреинов и его семья в эмиграции // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2007. Вып. 3. С. 244–258.

Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «социальной истории». Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. 219 с.

Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М., 2013. 437 с.

Волошин В.Ю. Институциональное пространство научных коммуникаций историков Русского Зарубежья в 1920–1930-е гг. // Всеобщая история и историческая наука в XX–начале XXI века: Материалы II Международной научно-образовательной конференции. Т. 1. Казань, 2020. С. 104–108;

Волошина В.Ю. Коммуникативное поле эмигрантского научного сообщества историков в 1920–1930-е гг. // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания: сборник статей и сообщений / Сост. и отв. ред. Г.П. Мяжков. Казань, 2021. С. 270–275.

Волошина В.Ю. Съезды русских академических организаций за границей о проблемах сохранения исторической памяти российской диаспоры // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 2 (100). URL: <https://history.jes.su/s207987840014158-2-1/>

Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е годы). Омск: Издательство Омского государственного университета, 2021. 336 с.

Волошина В.Ю., Корзун В.П. «Ответственные редакторы журналов по природе своей – невыносимые существа»: Письмо М. Блока А.В. Флоровскому. 1933 г. // Исторический архив. 2022. № 4. С. 107–113.

Волошина В.Ю., Корзун В.П. А.В. Флоровский и Марк Блок: штрихи к научной судьбе историка-эмигранта // Электронный научно-

образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 7 (117). URL: <https://history.jes.su/s207987840022266-1-1>

Волошина В.Ю., Корзун В.П. Шесть на пять: советские и эмигрантские историки на VII Международном конгрессе исторических наук // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2023. № 1 (33). С. 139–155.

Въжарова Ж. Руските учени и българските старини. София, 1960. 452 с.

Галчева Т.Н., Голубович И.В. Понемногу приспособляюсь к «независящим обстоятельствам» П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 318 с.

Галчева Т.Н., Ковалев М.В. «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А.П. Мещерского с А.В. Флоровским (1956–1967) // *Славянский альманах*. 2014. Вып. 1–2. С. 84–99.

Галямичев А.Н. Б. Мендл как историк раннего города // *Вопросы отечественной и всеобщей истории*. Саратов: Изд-во СГУ, 1991. С. 102–108.

Галяс В. Русский историк-славист А.В. Флоровский // *Дерибасовская – Ришельевская: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах*. Кн. 15. Одесса, 2003.

Гарбульова Л. Русские ученые в Словакии: интеракция словацкой и русской науки в 1920–1945 годы // *Диалог со временем*. 2019. Вып. 68. С. 64–73.

Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии. Исследования и материалы. Кн. 1. М., 2011.

Гашкова Д., Копришилова А., Белошевская Л., Янчаркова Ю., Гаген С. Представители эмиграции с территории бывшей Российской Империи в Чехословакии (1918–1945). Прага: Academia, 2021. 606 с.

Геологи российского зарубежья: судьбы и вклад в мировую науку научно-энциклопедический сборник по истории геологии / Ред.-сост. *П. Чумаченко, О. Дитл*. София, 2014. 477 с.

Герд Л.А., Николов А. «Надо работать для будущего»: переписка В.Н. Бенешевича с организаторами IV Международного конгресса византийских исследований в Софии // Византийские очерки: труды российских ученых к XXII Международному конгрессу византистов / Отв. ред. *М.В. Бибииков, С.П. Карнов.* СПб.: Алетейя, 2011. С. 67–99.

Главацкий М.Е. «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. Екатеринбург, 2002. 224 с.

Горизонтов Л.Е. Евразийство, 1921–1931 гг.: взгляд изнутри // Славяноведение. 1992. № 4. С. 86–105.

Горяинов А.Н. В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. 320 с.

Гришина Р.П. Советские спецслужбы и несостоявшийся переворот. Болгария, сентябрь 1922 года // Славяноведение. 2002. № 5. С. 15–21.

Громова А. Леонид Зуров (1902–1971) // Экспедиция Музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938). СПб., 2021. С. 161–171.

Грохова В. Деятельность Института имени Н.П. Кондакова в Праге и его международное значение (на основе сохранившейся корреспонденции) // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки. М.: Русский путь, 2004. С. 219–223.

Груздинская В.С. Исключение из состава Академии наук в зеркале документальных свидетельств (1928) // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 540–551.

Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки, 1912–1923. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2021. 414 с.

Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 321 с.

Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод: учебное пособие для гуманитарных специальностей. М.: РГГУ, 2000.

Даниш М. Научная и педагогическая деятельность профессора Перфецкого в Словакии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История. Т. 67. № 3. С. 961–982.

Демидова О.Р. Метаморфозы в изгнании: литературный быт русского зарубежья. СПб.: Гиперион, 2003. 292 с.

Дербин Е.Н. Проблема верховной власти в Древней Руси в трудах историков-юристов харбинского центра русской эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История. 2016. № 1. С. 18–30.

Детлова Е.В. С.А. Теплоухов и Геро фон Мергарт: диалог длиной в век // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 157–165.

Детлова Е.В., Ковалев М.В., Кузьминых С.В., Наглер А.О. Распад империй и судьбы европейской археологии: размышления о конференции в Готсларе // Российская археология. 2020. № 1.

Дмитриева И.А. Русская литературная диаспора в славянских странах (Чехословакии, Югославии, Болгарии) в 20–30 годы XX века. Автореф. дис... канд. ист. наук. Владимир, 2005. 24 с.

Дойков Ю.В. Георгий Гурвич – социолог-эмигрант первой волны // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 142–148.

Досталь М.Ю. Печатные источники для изучения славистики русского зарубежья (Чехословацкий славистический центр) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX в. М., 1992. С. 38–52.

Досталь М.Ю. Неопубликованная статья А.А. Кизеветтера по проблемам славянской идеологии // Славяноведение. 1993. № 4. С. 81–82.

Досталь М.Ю. Из переписки В.А. Францева (Письмо В.А. Францева В.С. Иконникову, письма А.В. Флоровского В.А. Францеву) // Славяноведение. 1994. № 4. С. 102–107.

Досталь М.Ю. П.Г. Богатырев в Чехословакии в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 1998. № 4. С. 31–42.

Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы. М., 2015.

Ђорђевић И. Значај Н.Л. Окуњева за српску историју уметности // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд: Филолошки ф-т, Катедра за славистику, 1994. Т. 1. С. 213–219.

Евгеньев А.А. Деятельность по изучению археологического наследия Оренбуржья Веры Владимировны Гольмстен и ее учеников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3 (2). С. 413–418.

Евдошенко Н.В. Документы Русской академической группы в Париже в Национальном архиве Франции // Отечественные архивы. 2020. № 5. С. 76–85.

Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 350 с.

Емельянов Ю.Н. Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М.: Русская панорама, 2008. 493 с.

Еремеева С.А. Опасное дело: практика академического некролога в России в 1928 году // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 257–283.

Ефременко В.В. Русская академическая группа во Франции: процесс формирования и основные направления деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2006. № 2. 2006. С.121–125 и др.

Живанович М. Ботаника и политика: избрание и исключение из состава Сербской академии наук П.И. Чернявского // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2022. № 1. С. 139–176.

Живанович М. Награждения представителей русского зарубежья орденами социалистической Югославии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2023. № 1. С. 177–193;

Живанович М. От Гражданской войны – к науке: русские эмигранты – сотрудники институтов Сербской академии наук / Сербской академии наук и искусств (1946–1976) // Гражданская война в памяти русского зарубежья. К 100-летию Дальневосточного исхода и завершения вооруженного противоборства 1917–1922 гг. М.: Вифсаида, 2023. С. 235–251.

Задорожнюк Э.Г. «Россия и Европа» Т.Г. Масарика: новые подходы к старой идее европейского единения // Т.Г. Масарик и Россия: Развернутые тезисы докладов международной научной конференции, Санкт-Петербург, 12–13 ноября 1997 г. СПб., 1997. СПб., 1997. С. 27–35.

Задорожнюк Э.Г. Томаш Гарриг Масарик о старой и новой России в труде «Мировая революция» (к 170-летию со дня рождения политика // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 182–203.

Замойский Я. Отношение «белой» русской эмиграции к украинским вопросам // Славяноведение. 1993. № 4. С. 39–49.

Застрожнова Е.Г., Тихонов И.Л., Тихомиров И.С. С.Н. Быковский: от красного командира до заместителя председателя ГАИМК (новые материалы к биографии) // Археологические вести. Вып. 39. СПб., 2023. С. 292–310.

Иванов А.В., Надеждина А.С. Борис Александрович Можаровский: личность, научная школа, наследие. Саратов, 2014.

Иванов И.В., Русакова Е.А., Ковалев М.В. Павел Владимирович Отоцкий (1866–1954) – ученый и организатор в почвоведении // Почвоведение. 2019. № 1. С. 122–128.

Иванов К.В. Астроном Всеволод Викторович Стратонов (1869–1938). Причины и последствия эмиграции // XXVII Годичная научная международная конференция Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Янус-К, 2021. С. 209–212.

Иванов К.В. Воспоминания В.В. Стратонова: конфабуляции, искажения и диспозитивы // История науки: источники, памятники, наследие: третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К

150-летию со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945) / Ред.-сост. *Е.В. Минина*. М.: Янус-К, 2019. С. 394–398.

Иванов К.В. Воспоминания русско-чешского астронома В.В. Стратонова // История науки и техники. Музейное дело. Вып. 12: Периодическая таблица технологий: человеческий фактор. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 162–163.

Инге-Вечтомов С.Г. Матричный принцип как парадигма современной генетики // Генетика. 2013. Т. 49. № 1.

Игрицкий Ю.И. Леонид Константинович Шкаренков // ФБОН-ИНИОН. Воспоминания и портреты. Вып. 1. М.: ИНИОН, 2011. С. 191–200.

Инов И.В., Порочкина И.М. Петроградский этап в борьбе Томаша Гаррига Масарика за создание самостоятельной Чехословацкой республики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2004. № 3–4. С. 99–113.

Иогансон Е.Н. В.А. Мякотин: историк и политик. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М.: Русский путь, 2005. 487 с.

Йованович М. Чехословакия и Югославия на карте Зарубежной России (в перв. пол. 20-х гг. XX в.) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Т. 2. С. 675–684.

Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Пирамида, 1996. 386 с.

Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997.

Канторович А.Р. Историк и археолог Алексей Алексеевич Захаров: жизнь и творчество ученого после революции // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. *И.А. Сорокина*. М., 2017. С. 31–33.

Карм С., Загребин А.Е. Неизвестное этнографическое финно-угроведение: эстонская история // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2015. Т. 25. № 1. С. 39

Кафенгауз Б.Б. Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 533–540.

Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. М.: Б-ка фонд «Рус. зарубежье»; Русский путь, 2008. 310 с.

Кизеветтер А.А. История русская и всеобщая // Русская зарубежная книга. Ч. 1. Прага, 1924. С. 66–94.

Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920 – 1930-е годы) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 17–26.

Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4. С. 3–10.

Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: празднование «Дня русской культуры» // Славяноведение. 2000. № 4. С. 33–38.

Ковалев М.В. Личный фонд А.В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. М.: Архив РАН, 2013. С. 131–138.

Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...». Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5.

Ковалев М.В., Лантева Т.Н. «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...» Из переписки А.В. Флоровского с советскими историками В.Т. Пашуто, А.А. Зиминим и Е.П. Подъяпольской // Исторический архив. 2014. № 4. С. 66–87.

Ковалев М.В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в исторической памяти русской эмиграции // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 115–117.

Ковалев М.В. М.М. Новиков об эмигрантской научной жизни в Чехословакии // *Архив истории науки и техники. Вып. VI (XV).* М.: Янус-К, 2018. С. 418–436.

Ковалев М.В., Шор Т.К. Давид Давидович Гримм в Эстонии // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология.* 2018. Т. 17. № 1. С. 61–70.

Ковалев М.В. Павел Владимирович Отоцкий в годы эмиграции (1918–1954) // *Вопросы истории естествознания и техники.* 2019. Т. 40. № 1. С. 95–116.

Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гримм и конституционный процесс в межвоенной Эстонии // *Россия и современный мир.* 2019. № 4. С. 202–222.

Ковалев М.В. Краткий обзор материалов личного фонда Д.Н. Андрусова в Архиве Словацкой академии наук в Братиславе // *Материалы II Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 300-летию Российской академии наук (26 февраля – 1 марта 2024 г.) / Под ред. Р.А. Фандо.* М.: ИИЕТ РАН, 2024. С. 406–408.

Ковалев М.В., Мезин С.А. Евгений Францевич Шмурло и изучение Петровской эпохи // *Шмурло Е.Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом / Подг. текста к публ. М.В. Ковалева и А.Е. Кулакова, вступ. ст. М.В. Ковалева и С.А. Мезина.* СПб.: Нестор-История, 2021. С. 3–36.

Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. 1920–1970. Нижний Новгород: Черная сотня, 2019. 623 с.

Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: Дополнительный выпуск. Paris: Librairie des cinq continents, 1973. 147 с.

Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Paris: Librairie des cinq continents, 1971. 347 с.

Ковальская Э. Традиция национальных Святых Кирилла и Мефодия: возникновение и использование в политической пропаганде словацкого национализма // Славяноведение. 2013. № 2. С. 68–78.

Комар А.В. Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Под ред. С.Г. Боталова. Челябинск, 2013.

Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Московский рабочий, 1965.

Комин В.В. Белая эмиграция и вторая мировая война. Калинин: Издательство КГУ, 1979.

Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин: Издательство КГУ, 1977.

Копецкая Л.Л. Н. П. Кондаков и чешская среда // Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2003.

Копрживова А. Крамарж и «Братство для погребения православных русских граждан и для охраны и содержания в порядке их могил в Чехословакии» // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. 2001/2002. Т. V–VI. С. 71–84.

Копрживова А. Российские эмигранты во Вшенорах – Мокропсах – Черношицах (двадцатые годы 20-го века) // Дни Марины Цветаевой – Вшеноры 2000. Прага, 2002. С. 5–28.

Копрживова А. Русский заграничный исторический архив // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, Т. 1. С. 66–69.

Копршилова А., Бабка Л. Русская эмиграция в Праге (1918–1945): путеводитель. Прага: Národní knihovna České republiky, 2022. 208 с.

Корзун В.П., Свешников А.В., Мамонтова М.А. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике

писем русских историков XIX – XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / Под ред. В.П. Корзун. Омск: ООО «Полиграфист», 2003. С. 3–36.

Корзун В.П., Колеватов Д.М. Историки в фокусе кампаний по борьбе с космополитизмом. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна: меняющийся образ науки // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х–середина 1950-х гг. М., 2011.

Корзун В.П., Волошина В.Ю. Советские и эмигрантские историки в оценке П.Н. Милюкова (1920–1940-е гг.): особенности корпоративной памяти // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2020. Т. 7. № 1 (25). С. 81–89.

Косик В.И. Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М.: Пробел-2000, 2008. 236 с.

Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде: 1920–1950-е годы. М., 2006. Ч. 1. 288 с.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен, материалы к биографии. Самара: Офорт, 2007.

Кызласова И.Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России: (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. 181 с.

Кызласова И.Л. Академик Н. П. Кондаков: традиция и научный поиск // Byzantinoslavica. 1985. Т. 46. № 2. S. 168–182.

Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. По материалам архивов. М., 2000.

Кызласова И.Л. Академик Н.П. Кондаков: поиски и свершения. СПб.: Алетейя, 2019. 580 с.

Лантева Л.П. В.А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов // Slavia: časopis pro slovanskou filologii. 1966. Roč. 35. Č. 1. S. 79–95.

Лантева Л.П. В.А. Францев. По материалам его литературного наследия // Sborník Národního Muzea v Praze. Řada C. Literární historie. 1965. Roč. 10. Č. 1. S. 1–30.

Лантева Л.П. В.А. Францев как историк славянства // Славянская историография. М., 1966. С. 204–246.

Лантева Л.П. Русский историк-эмигрант А.В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1994. № 1. С. 55–63.

Лантева Л.П. Русская академическая эмиграция в Чехословакии в 20–30-х годах XX века // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. М., 1996. С. 146–162.

Лантева Л.П. Русский историк-славист Николай Владимирович Ястребов и его деятельность в эмиграции // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008.

Лантева Л.П. Владимир Андреевич Францев (1867–1942) – русский исследователь межславянских научных связей в XIX веке // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 146–165.

Лантева Л.П. Русские историки-эмигранты в славянских странах в 20 – 30-е годы XX в. // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2016. Вып. 11. С. 40–54.

Лантева Л.П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – первой четверти XX в. По данным переписки ученых // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 68–93.

Лантева Т.Н. Научное наследие А.В. Флоровского (1884–1968) в Архиве РАН // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 270–287.

Ларюэль М. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004. 287 с.

Левченко В.В. Судьбы ученых Одессы на рубеже эпох (1917–1922) // Проблемы славяноведения. Брянск: БГУ, 2009. Вып. 11. С. 134–146.

Левченко В.В. Из истории высшей школы Одессы: первая женщина приват-доцент – Клавдия Васильевна Флоровская (1883–1965) // Проблемы славяноведения: Сборник научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2012. С. 161–174.

Левченко В.В. История «философского парохода» из Одессы: события, факты, люди // Соловьевские исследования. 2013. № 2 (38). С. 94–106.

Левченко В.В. Одесские ученые в условиях русской эмиграции первой волны: пути, адаптация, судьбы // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 139–156.

Левченко В.В. В пучине первой волны российской эмиграции: судьбы одесских ученых-историков и последствия для исторической науки // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы / Отв. ред. П.А. Трибунский. М.: ИРИ РАН, 2016. С. 160–171;

Левченко В.В. Генерации одесских ученых-историков (1920–1941 гг.): идентификация, состав, особенности // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. № 1. С. 133–145.

Леонов М.Г. Пьенинский утесовый пояс: тектоническая структура и эволюция // Геодинамика и тектонофизика. 2014. Т. 5. № 3. С. 703–715.

Лунин А. Руската емиграция в България през 20-те години // Годишник на Софийския университет Св. Климент Охридски. 1992. Т. 84–85. С. 211–232.

Луппол И.К. Об отношении советских ученых к ученым эмиграции // Научный работник. 1928. № 12. С. 13–22.

Магид С. Т.Г. Масарик и предыстория Русской акции помощи // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие / Сост. Л. Бабка и И. Золотарев. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики – Славянская библиотека, 2012. С. 49–56.

Макаров В.Г., Христофоров В.С. Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом-осенью 1922 г. // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 113–137.

Макаров В.Г. Историко-философский анализ внутривосточной борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России. М.: Русский путь, 2010. 368 с.

Максимов Е.К. Из жизни и деятельности П.Д. Рау // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). Саратов, 1997.

Малинова-Димитрова Л. Поэтика драматургии Петко Ю. Тодорова в исследованиях чешских авторов XX века (Вейнгарт – Волман – Вилинский) // *Litteraria humanitas*. Т. XIV: *Problémy poetiky*. Brno, 2006. С. 223–231.

Малов Н.М. Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная культура: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Саратов, 2006.

Малов Н.М. Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17. Вып. 3.

Малов Н.М., Павлова Л.С. Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125-летию со дня рождения) // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 1. С. 158–160.

Марахонова С.И. Орден Священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал основателем американского японоведения. СПб.: СИНЭЛ, 2016. 432 с.

Мартинес А., Федотова А.А. Алехандро Оглоблин, русский акридолог в Аргентине // Природа. 2015. № 12. С. 60–70.

Матвеев С.А. «Он не старался стричь наше историческое прошлое под гребенку предвзятых схем...»: Научное наследие Б.А. Евреинова в контексте

сте развития российской исторической науки // Россия XXI. 2020. № 4. С. 46–67.

Матинян Н.Н., Колодка В.П. Отоцкий Павел Владимирович // Почвоведение в Санкт-Петербурге. XIX–XXI вв. Биографические очерки. СПб.: Серебряный век, 2013. С. 231–239.

Мезин С.А., Ковалев М.В. Вольтер – историк России // Вольтер. История Российской империи при Петре Великом / Перевод с французского С.А. Мезина и А.Е. Кулакова, вступ. ст. и комм. С.А. Мезина и М.В. Ковалева. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 3–92.

Мельников Г.П. Кирилло-мефодиевская традиция в чешской культуре XIV–XVIII вв. // Славянский мир в третьем тысячелетии: к 1150-летию славянской письменности. Кн. 1. М., 2013. С. 13–28.

Менегальдо Е. Русские в Париже, 1919–1939. М.: Наталья Попова «Кстати», 2007. 287 с.

Мережко А. Социология права Н.С. Тимашева. Одесса, 2012. 240 с.

Миллар Ф. М.И. Ростовцев и его роль в руководстве раскопками в Дура-Европос // Вестник древней истории. 1996. № 3. С. 184–187.

Мирзеханов В.С. Горизонты идентичности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 9 (63). URL: <https://history.jes.su/s207987840002037-9-1/>

Мирзеханов В.С. Мерцания идентичности // Индивидуальное и коллективное в истории. Саратов: Издательство СГУ, 2004. С. 52–59.

Мирзеханов В.С. Цивилизация и исключенные: идеи и практики дифференциации в колониях в период Интербеллума // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 9 (119). URL: <https://history.jes.su/s207987840022994-2-1/>

Мирончук А. Законодавча комісія 1767–1768 рр. в листах Г. Закке до А. Флоровського (із зібрання Архіву РАН) // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. 2015. № 26–27. С. 285–303.

Мирончук А. «Як учений – я завжди був, є і буду прихильником живої і активної дослідницької та видавничої роботи». А.В. Флоровський в славістичному житті російської наукової еміграції 1920–1930-х років // Наукові праці Національної бібліотеки імені В.І. Вернадського. 2019. Вип. 52 (10). С. 250–269.

Михальченко С.В. Фонд Русского юридического факультета в Праге в Государственном архиве Российской Федерации // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 185–196.

Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Академическая жизнь Русского Зарубежья по мемуарам и переписке эмиграции. М.: ООО «Издательство Ипполитова», 2018. 162 с.

Михальченко С.И., Пчеленок А.В. Письма А.В. Соловьева А.В. Флоровскому (из собрания Архива Российской академии наук) // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2022. Т. 9. № 4 (36). С. 241–255.

Михальченко С.И., Ткаченко Е.В., Устинова Ю.Н. История русского права в высших учебных заведениях эмиграции в Праге и Берлине в 1920-е гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 4 (54). С. 88–94.

Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Письма М.В. Шахматова М. Мурко (из собрания Литературного архива Музея чешской литературы) // *Studia internationalia: Западный регион России в международных отношениях X–XX вв. Материалы X международной научной конференции.* Брянск, 2022. С. 208–213.

Михальченко С.И. Материалы русских профессоров-правоведов 1920–1940-х гг. в Историческом архиве Субботицы // *Пічэнтаўскія чытанні – 2023: інстытуцыянальныя змены ў гуманітарнай сферы як адлюстраванне палітычных і эканамічных працэсаў. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю аднаўлення работы БДУ на станцыі Сходня і 145-годдзю з дня нараджэння У.І. Пічэты.* Мінск, 2023. С. 21–25.

Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Подготовка кадров по истории русского права в Русском Зарубежье (1920–1930-е годы): Харбин и Прага // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 4. С. 62–72.

Михальченко С.И., Ткаченко Е.В., Устинова Ю.Н. Историки права Русского Зарубежья 1920–1930-х годов // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 2. С. 430–448.

Михеев В.Р. Русская авиационная эмиграция в Америке // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 134–138.

Михель Д.В. История науки: Учебное пособие. Саратов, 2009. 128 с.

Михель Д.В. Социальная история науки по Стивену Шейпину // Цивилизация и человек. Саратов, 2011. № 3. С. 107–112.

Михнева Р., Грозев К., Рупчева Г. «Малката Русия» на жълтите павета. София: Камея Груп ЕООД, 2016. 246 с.

Мэтесон С. М.И. Ростовцев и Дура-Европос // Вестник древней истории. 1992. № 4. С. 130–139.

Мякишев В.П. И.И. Лаппо – ученый с живым чувством исторической действительности и // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 1

Население России в XX веке. Т. 1: 1900–1939 / Отв. ред. *Ю.А. Поляков*. М.: РОССПЭН, 2000. 459 с.

Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / Под ред. *Э.И. Колчинского*. СПб., 2003.

Никл Г. Русская философия в чешской научной среде – точки соприкосновения и расхождения // Slavia: časopis pro slovanskou filologii. 2011. Roč. 80. Č. 2–3. S. 186–197;

Никл Г. Иван Бырдин – русский философ? // На рубеже культур: русская эмиграция в межвоенной Чехословакии: Памяти Марины Юрьевны Досталь (1947–2011): Сборник статей. М., 2012. С. 171–178.

Николов А. Обреченият опит на проф. В.Н. Бенешевич да вземе участие в IV Международен конгрес по византийски изследвания (София, 1934 г.) // Провалите в историята: XVII Кюстендилски четения 2010 г. / Съст. Х. Беров. София, 2012. С. 229–235.

Новиков М.М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Прага, 1935. 39с.

Оболевиц Т. Участие русских философов во Втором польском философском конгрессе в 1927 г. // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 128–145

Оболевиц Т. Семен Франк, Лев Карсавин и евразийцы. М.: Модест Колеров, 2020. 304 с.

Оболевиц Т. Семен Франк в европейской и эмигрантской культуре: Зелена Гура: Зеленогурский университет. 2023. 528 с.

Оноприенко В.И. Академик Н.И. Андрусов и его семья в эмиграции (Париж, Прага, Братислава): от ностальгии к адаптации // Нансеновские чтения – 2019 / Науч. ред. В.Ю. Черняев. СПб., 2020. С. 365–378;

Оноприенко В.И. Николай Андрусов: сдвиг истории и излом судьбы // Российские ученые и инженеры в эмиграции / Под ред. В.П. Борисова. М.: ПО «Перспектива», 1993. С. 83–92.

Оноприенко В.И. Николай Иванович Андрусов, 1861–1924. Изд. 2-е, доп., перераб. Киев: Информационно-аналитическое агентство, 2013. 313 с.

Оноприенко В.И. Николай Иванович Андрусов, 1861–1924. М.: Наука, 1990. 219 с.

Пайнс Р. Струве: правый либерал 1905–1944. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 677 с.

Панкратова Е.Г. Последний председатель ГАИМК – Ф.В. Кипарисов (Новые материалы к биографии) // Вестник древней истории. 2020. Т. 80. № 3. С. 728–752.

Парсамов В.С. Ю.Г. Оксман и революция // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 5 (26). С. 92–108.

Пацуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 398 с.

Пейковска П. Българо-унгарски научни взаимоотношения (XIX – средата на XX век). София: Акад. изд. «М. Дринов», 2005. 288 с.

Пестр Д. Социальная и культурологическая история науки: новые определения, новые объекты, новые практики // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 42–55; № 4. С.40–59.

Петкова Г. «Да се даде ръководеща нишка...»: история на руската литература от проф. П. Бицили в три книги: (България, 1931–1934 г.). София: Факел, 2017. 655 с.

Пио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939. 60 с.

Попнеделев Т. Изграждането на проф. Васил Златарски като историк и преподавател. София: Анамнезис, 2021. 168 с.

Постишил И. Брненская судьба Романа Якобсона в призме *vota separata* // Питання літературознавства. Чернівці, 2016. Вип. 94. С. 68–81.

Постишил И. Научная судьба Сергея Вилинского: самореализация ученого-эмигранта в чужой среде // Питання літературознавства. Чернівці, 2015. Вип. 92. С. 35–46.

Пржихода М. Славянская политика Карела Крамаржа // *Inventing Slavia/Изобретение Славии: Сборник материалов заседания, организованного Славянской библиотекой (Прага, 12 ноября 2004 г.).* Прага, 2005. С. 74–75.

Протасова Е.Ю. Русская эмиграция в Чехословакии в 1920–1930-х гг. в оценках современной российской историографии. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 2012. 26 с.

Пушкарев Б.С. Россия и опыт Запада: Избранные статьи 1955–1995. М.: Посев, 1995. 335 с.

Пушкарев С.Г. Борис Алексеевич Евреинов // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская – Нарва, 1937. Кн. 3. С. 287–303.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919 – 1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 292 с.

Раев М. В помощь исследованию Зарубежной России // Новый журнал. Нью-Йорк, 1995. Кн. 196. С. 348–358.

Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2000. Кн. 2. С. 5–13.

Репина Л.П. От истории идей к интеллектуальной истории // XX век: Методологические проблемы исторического познания. М., 2001. Ч. 2. С. 86–103.

Робинсон М.А., Досталь М.Ю. Переписка Р.О. Якобсона и П.Г. Богатырева // Славяноведение. 1994. № 4. С. 69–91.

Робинсон М.А. Письмо П.Н. Савицкого Ф.И. Успенскому // Славяноведение. 1992. № 4. С. 83–85.

Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917–начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 432 с.

Робинсон М.А. Первый Международный съезд славистов: несбывшиеся надежды, обмен мнениями ведущих русских славистов до и после съезда // Письменность, литература, фольклор славянских народов и история славистики. XV Международный съезд славистов (Минск, август 2013 г.). Доклады российской делегации. М., 2013. С. 589–607.

Робинсон М.А. К биографии Алексея Леонидовича Петрова (по архивным материалам) // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 385–409.

Ровенчак І. Бальтазар Гакет як географ України // Історія української географії. Тернопіль, 2000. Вип. 2. С. 56–62.

Рокитянский А.Б., Гамуля Ю.Г. История изучения и структурный анализ высшей водной и прибрежно-водной флоры Харьковской области // Вісник Харківського університету ім. В.Н. Каразіна. Сер. Біологія. 2014. Вип. 20. № 1100. С. 358–366.

Российские ученые и инженеры в эмиграции / Под ред. *В.П. Борисова*. М.: ПО «Перспектива», 1993. 202 с.

Российское зарубежье во Франции: Биографический словарь. 1919–2000. Т. 1 / Под. общ. ред. *Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской*. М.: Наука – Дом-музей Марины Цветаевой, 1995. 796 с.

Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике 1918–1938: Путеводитель по архивным фондам и собраниям в Чешской Республике / Отв. ред. *В. Поданы и Г. Барвикова*. Прага: Euroslavica, 1995. 131 с.

Ручкин А.Б. Российское Зарубежье 1920-х годов: проблемы адаптации ученых-эмигрантов на примере Экономического кабинета С.Н. Прокоповича. М., 1999.

Рязановский Н. Азия глазами русских // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 387–416.

Рязановский Н. Возникновение евразийства // Звезда. 1995. № 10. С. 29–44.

Сабенникова И.В., Гентшке В.А. Зарубежная архивная Россия: география размещения, выявление, публикация источников. М.: Новый хронограф, 2014. 408 с.

Савицкий И.П. Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919–1939 гг. // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, 1995. Т. 1. С. 46–53.

Савицкий И.П. Специфика Праги как духовного центра эмиграции // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939. Praha, 1999.

Савицкий И.П. «Русский Оксфорд» в Праге 1919–1928 гг. // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2001/2002. Т. XXXI. С. 87–137.

Савицкий И.П. Прага и Зарубежная Россия: Очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг. Прага, 2002.

Саханев В.В. Евгений Францевич Шмурло: Биографический очерк // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская – Нарва, 1937. Кн. 3.

Сейт-Маметов Ш.Э. Акдес Нимет Курат – исследователь источников по истории Крымского ханства в османских архивах // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2014. Т. 27 (66). № 1. С. 67–72.

Семякина О.Н. История России в творчестве С.Г. Пушкирева. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Сератионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. 196 с.

Сератионова Е.П. Российские эмигранты в Чехословакии в межвоенные годы // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 124–133.

Сератионова Е.П. Пражский Земгор и его деятельность // Записки Русской академической группы в США. New York, 2001. Т. XXXI. С. 186–195.

Сератионова Е.П. Крамарж, Масарик, Бенеш и Россия: согласие, противоречия, конфликты // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. 2001/2002. Т. V–VI. С. 39–54.

Сератионова Е.П. Семья Крамаржей. Русская супруга первого премьера Чехословакии // Родина. 2001. № 1. С. 134–139.

Сератионова Е.П. Т.Г. Масарик, К. Крамарж и русская эмиграция // Славяноведение. 2003. № 4. С. 60–66.

Сератионова Е.П. Российская эмиграция «первой волны» в чешской и словацкой историографии // История российского зарубежья: Проблемы историографии (конец XIX – XX в.). М., 2004. С. 210–228.

Сератионова Е.П. Покровительница русской эмиграции // Русское слово. Прага, 2003. № 5. С. 16–17.

Сератионова Е.П. Отношения Пражского и Парижского Земско-городских комитетов // Cahiers du Monde Russe. 2005. Vol. 46. № 4. P. 797–816.

Сератионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.

Сератионова Е.П. Правовое положение русских беженцев в Чехословакии // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 140–152.

Сератионова Е.П. Бюллетени Пражского Земгора как источник о жизни русской эмиграции в ЧСР на рубеже 1920–1930-х гг. // Периодическая печать российской эмиграции, 1920–2000. Сборник статей. М., 2009. С. 182–193.

Сератионова Е.П. Русские в Чехословакии в 1920–1930-е гг. (Проблема сохранения национальной идентичности) // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы вторая половина XIX – первая половина XX в. М., 2009. С. 188–207.

Сератионова Е.П. Русские в Чехословакии в 1920–1930-е гг. (Проблема сохранения национальной идентичности) // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: Индрик, 2009. С. 188–206.

Сератионова Е.П. Чешско-русская Еднота // Славяноведение. 2012. № 4. С. 32–42.

Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Советское славяноведение. 1991. № 6. 24–36.

Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «Русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 28–38.

Сладек З. Крамараж, Масарик, Бенеш и Россия: согласие, противоречия, конфликты // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. 2001/2002. Т. V–VI. С. 39–54.

Смирнова Э.С. От киевских храмов к искусству Византии: Андрей Николаевич Грабар // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001.

Соломонов В.А. Исторический факультет Саратовского государственного университета: время, события, люди // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2007. Т. 7. № 2. С. 5–27.

Соницева Н.Е. Становление и развитие исторической концепции Г.В. Вернадского. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001. С. 330–347.

Сорокина М.Ю. Прага в судьбе семьи Вернадских // Slavia: časopis pro slovanskou filologii. 2011. Roč. 80. Č. 2–3. S. 223–232.

Сорокина М.Ю., Стоюхина Н.Ю. К биографии историка Николая Петровича Толля (1894–1985): новые архивные данные // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М., 2014. С. 209–220

Сорокина М.Ю. Славист Петр Богатырев (1893–1971): между Россией и Чехословакией // Культурный слой: Материалы международной научно-практической конференции «II Зверевские чтения – культурный слой города: исторический, археологический, этнографический аспекты». Воронеж, 2021. С. 77–83.

Сорокина М.Ю. Петр Богатырев и храбрый солдат Швейк: эпизоды нелитературной биографии // Право на имя. Биографика XX века: Деятельность

тые чтения памяти Вениамина Иофе, 20–22 апреля 2021. Сборник докладов. СПб., 2022. С. 111–119.

Сорокина М.Ю. Покровители, посредник, коллеги: Александр Белич (1876–1960) и русские ученые // История науки и техники: источники, памятники, наследие. Четвертые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники. Москва, 7–8 ноября 2023 г. / Сост. *И.В. Созинов*. Иваново: ПресСто, 2023. С. 250–252.

Соучкова М. Научная жизнь Александра Дмитриевича Григорьева в Чехословакии: из Прешова в Прагу // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008.

Стародубцев Т. Питања уметничких утицаја хришћанског Истока у Србији крајем XII и током XIII столећа и путева њиховог преношења // Зограф: часопис за средњовековну уметност. 2016. Т. 40. С. 45–72.

Тамул С. Тарту и его университеты (1905–1918 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009.

Тартаковский А.Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 35–55.

Тихонов В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов // История и историки: историографический вестник. 2009–2010. М., 2012.

Тихонов В.В. «Худший образчик преклонения перед иностранщиной»: идеологические кампании «позднего сталинизма» и судьбы историка С.А. Фейгиной // Новейшая история России. 2013. № 1 (6). С. 199–207.

Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 641–765.

Тункина И.В. «Дело» академика С.А. Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, Алетейя, 2000. Вып. 2. С. 116–161.

Ульянкина Т.И. Русские ученые-эмигранты в Великобритании (1917–1940-е гг.) // Институт истории естествознания и техники РАН. Годичная научная конференция 1998. М., 1999. С.242–247.

Ульянкина Т.И. Русская академическая группа в США // Русская культура XX века на Родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. М., 2000. Вып. 1. С. 47–54.

Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса...»: судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М.: РОССПЭН, 2010. 639 с.

Ульянкина Т.И. К биографии ректора Московского университета профессора М.М. Новикова: события 1917–1922 гг. // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 1. С. 65–84.

Ульянкина Т.И. Личный фонд профессора-экономиста А.Н. Анцыферова в архивном собрании Дома русского зарубежья имени А. Солженицына // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. Т. 33. № 2. С. 125–141.

Ульянкина Т.И. Михаил Михайлович Новиков, 1876–1964. М.: Наука, 2015. 548 с.

Ульянкина Т.И. Об истории издания «Золотой книги российской эмиграции» // Издательское дело русского зарубежья (XIX–XX вв.). М.: Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, 2017. С. 329–340.

Ульянкина Т.И. Российские ученые-эмигранты в Швейцарии: участие в праздновании 400-летнего юбилея Лозаннского университета и Дней русской культуры (Швейцария, 4–8 июня 1937 г.) // XXVII Годичная научная международная конференция Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: ИИЕТ РАН, 2021. С. 57–64.

Ульянкина Т.И. Трансатлантический диалог участников проекта «Золотая книга русской эмиграции» – представителей рода Толстых // Вопросы истории естествознания и техники 2021. Т. 42. № 3 С. 443–465;

Ульянкина Т.И. История завершающего этапа передачи материалов «Золотой книги русской эмиграции» из Парижа в Нью-Йорк (1969–1971) // Вопросы истории естествознания и техники. 2023. Т. 44. №1. С. 37–55.

Усанов Д.А., Аникин В.М. Шестой съезд русских физиков в Саратове (15 августа 1928 г.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Физика. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 154–156.

Фандо Р.А. Народные университеты – культурно-образовательные центры русской эмиграции «первой волны» // Преподаватель XXI век. 2019. № 3. Ч. 1. С. 32–45.

Фандо Р.А. Российская научная эмиграция первой волны в Соединенных Штатах Америки // Всеобщая история. 2019. № 3. С. 32–45.

Фандо Р.А. Забытые имена русской эмиграции. Ефим Михайлович Чепурковский (1871–1950) // История науки и техники. 2020. № 1. С. 18–27.

Фандо Р.А. Советское-французские научные связи (1920 – 1930-е гг.). М.: Янус-К, 2023. 219 с.

Федотова А.А., Хакарайнен Ю.-П., Хальберг Л. К биографии Павла Владимировича Отоцкого (по материалам Праги и Стокгольма) // Материалы по изучению русских почв. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. Вып. 8 (35). С. 110–111.

Федюкин С.А. Борьба Коммунистической партии с буржуазной идеологией в первые годы НЭПа. М.: Знание, 1977.

Федюкин С.А. Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции. М.: Знание, 1984.

Фичи Ф. Архив Н.Н. Дурново в Праге (материалы по истории славистики 1924–1927 годов) // Славяноведение. 2005. № 4. С. 96–109.

Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930) // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. София, 1931. Ч. 1. С. 467–484.

Флоровский А.В. Русские историки-эмигранты в Праге // Русские в Праге: 1918–1928 гг. / Ред.-изд. С.П. Постников. Прага, 1928. С.262–268.

Фодор И. К вопросу о погребальном обряде гуннов в Восточной и Центральной Европе // III Международный конгресс средневековой археоло-

гии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй». Владивосток, 2017.

Фролов М.В. «Дух бодр и охота к работе прежняя...»: Из переписки Ю.Г. Оксмана и А.В. Флоровского (1962–1968) // *Emigrantica et cetera*: К 60-летию Олега Коростелева. М.: Дмитрий Сечин, 2019. С. 617–652.

Хагнер М. История науки // Наука и научность в исторической перспективе. СПб.: Алетейя, 2007. С. 8–36.

Цветков В.Ж. Генерал-лейтенант А.Г. Шкуро // Белое движение. Исторические портреты. М., 2006.

Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья в оценке современных исследователей // Известия Уральского государственного университета. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2003. Вып. 14. № 27. С. 153–160.

Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. 291 с.

Цепилова В.И. Из историографического наследия российской эмиграции (1920–1939 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). С. 133–138.

Чеботарева Т. «На чужом пиру незваные гости»: из истории «Русского очага» в Праге // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие / Сост. Л. Бабка и И. Золотарев. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики – Славянская библиотека, 2012. С. 125–132.

Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории / Отв. ред. В.В. Марьина. М.: Наука, 2005. Кн. 1. 453 с.; Кн. 2. 558 с.

Чиняева Е.В. Программа и общественно-политическая деятельность Т.Г. Масарика и Чешской народной партии (реалистов) 1900–1914 гг. Дис. ... канд. истор. наук. М., 1990. 241 с.

Чурич Б. Русская эмиграция в Сербии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2014. № 26. С. 158. С. 141–168.

Шебырова Л.Г. Сергей Иванович Метальников и его вклад в становление и развитие иммунологии. Дис. ... канд. биол. наук. М., 2020. 26 с.

Шетржилова Я. Карел Крамарж – отец русской эмиграции // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. 2001/2002. Т. V–VI.

Шешкен А.Г. Александр Белич и «русский Белград» // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004. С. 578–586.

Шешкен А.Г. Сербско-русское научное взаимодействие в 1920–1930-е гг.: фактор русской эмиграции // Славянский мир в настоящем и прошлом. Памяти Владимира Павловича Гудкова: сборник статей / Под ред. Е.И. Якушкиной. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 214–221.

Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 1-е изд. М., 1981; 2-е изд. М., 1986; 3-е изд. М., 1987.

Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004. 626 с.

Шор Т.К. Русские юристы в Тартуском университете (1919–1940) // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Таллин: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2000.

Шпаковская М.А. А.А. Кизеветтер в российской историографии М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. 313 с.

Эйноор О.Л. Николай Иванович Андрусов. Киев: Наукова думка, 1990. 219 с.

Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 765 с.

Янчаркова Ю. «Теперь же уходя в небытие...»: Письма А.П. Калитинского и М.Н. Германовой, сотрудникам Археологического ин-

ститута им. Н.П. Кондакова, княгине Н.Г. Яшвиль, Д.А. Расовскому, Н.П. Толлю // *Rossica 2007: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике*. Прага, 2007. С. 161.

Янчаркова Ю. Русская научная традиция в Праге: борьба за самосохранение // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. 2006. Roč. 75. Č. 2. S. 123–135.

Янчаркова Ю. Николай Львович Окунев: Архив и Галерея славянского искусства // *Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии*. М., 2008. С. 140–147.

Янчаркова Ю. Г.А. Острогорский и Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге // *Byzantinoslavica*. 2012. Roč. 70. Č. 1–2. S. 53–75.

Янчаркова Ю. Историк искусства Николай Львович Окунев (1885–1949): жизненный путь и научное наследие. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012. 318 s.

Янчаркова Ю., Гаген С. К вопросу о научном методе Н.П. Кондакова // *Byzantinoslavica*. 2020. Roč. 78. Č. 1–2. S. 301–308.

A.D. P.A. Ostrouchov zemřel // *Slovanský přehled*. 1965. Roč. 51. Č. 2. S. 128.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. N. Y., 1991.

Andreyev C., Savický I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven – L.: Yale University Press, 2004. 246 p.

Andrusovová-Vlčeková G. Heinrich Schliemann a jeho ruskí potomkovia // *Genealogicko-heraldický hlas*. 1993. Roč. III. № 1. S. 3–17.

Andrusovová-Vlčeková G. Išiel som touto cestou... Dimitrij Andrusov – životopisná črta. Bratislava: Združenie Mineralia Slovakia, 1997. 152 s.

Andrusovová-Vlčeková G. Heinrich Schliemanns russische Periode // *Архαιολογία και Ερρίκος Σλήμαν. Εκατό έτη από το θάνατό του. Ανασκόπηση και προοπτικές. Μύθος – Ιστορία – Επιστήμη / Γεώργιος Στυλ. Κορρές*

(υπεύθυνος συνεδρίου & εκδόσεως), *Νεκτάριος Καραδήμας* (επιστ. επιμέλεια) και *Γεωργία Φλούδα* (επιστ. επιμέλεια). Αθήνα, 2012. Σ. 171–179.

Babka L. Jan Slavík a osudy Ruského zahraničního historického archive // Život plný střetů: Dílo a odkaz historika Jana Slavíka (1885–1978) / Sest. *L. Babka* a *P. Roubal*. Praha: Pavel Mervart – Národní knihovna ČR – Slovanská knihovna, 2009. S. 225–246.

Bäcker R. Międzywojenny eurazjatyzm: Od intelektualnej kontrakulturacji do totalitaryzmu? Łódź, 2000.

Bäcker R. Między rewolucyjnym konserwatyzmem a totalitaryzmem. Dylematy oceny międzywojennego eurazjatyizmu // Emigracja rosyjska: Losy i idee / Pod red. nauk. *R. Bäckera* i *Z. Karpusa*. Łódź, 2002. S. 50–80.

Bäcker R., Rak J. Explaining the Stances of the Interwar Eurasians towards Bolshevism // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. P. 77–93.

Baron R. Prof. Marian Szykowski a česko-polská vzjemnost (1921–1939) // Sborník prací Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity. Řada společenských věd. 2013. Roč. 27. Č. 1. S. 79–90.

Baştaş Ş. Kazan Türklerinden Prof. Akdes Nimet Kurat // Türkiye Cumhuriyeti devletinin kuruluş ve gelişmesine hizmeti geçen Türk dünyası aydınları sempozyumu bildirileri: 23–26 Mayıs 1996 / Yayına hazırlayan *A. Yuvalı*. Kayseri: Erciyes Üniversitesi Türk Dünyası Araştırmaları Merkezi, 1996. S. 119–126.

Beaune-Gray D. G.P. Fedotov, ce qui demeure... (Reflexions sur la révolution russe). Aix-en-Provence: Université de Provence, 1990. 299 p.

Běloševská L. Slovanský ústav a ruská emigrace // Slavia: časopis pro slovanskou filologii. 1999. Roč. 68. Č. 3–4. S. 467–470.

Bendefy L. Fettich Nándor. 1900–1971 // Magyar Történelmi Szemle. 1971. II. évf. 4. szám.

Beran J. Foreign Relation of the Royal Bohemian Society of Science and the Czech Academy of Science and Arts from 1851 to 1914 // Acta historiae rerum naturalium necnon technicarum. 1977. T. VII. P. 49–86.

Bialkowski B. Reinhard Wittram an der «Reichsuniversität Posen». Die Illusion einer baltischen Variante des Nationalsozialismus // Deutschbalten, Weimarer Republik und Drittes Reich / Hrsg. *M. Garleff*. Köln, 2008. Bd. 2. S. 353–384

Bongard-Levin G., Litvinenko Yu. Dura-Europos: from Cumont to Rostovtzeff // *Mediterraneo Antico: economie, società, culture*. 2004. Vol. VII. № 1. P. 135–159.

Böss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1961. 130 s.

Brustur T. A bibliographical rarity – The first manual of geology in Romanian language (Cobălcescu, 1859) // *Geo-Eco-Marina*. 2022. Vol. 28. P. 139–146.

Burke P. Exiles and Expatriates in the History of Knowledge, 1500–2000. Waltham, MA: Brandeis University Press, 2017. 312 p.

Česko-slovenské práce o jazyce dějinách a kultuře slovanských národů od roku 1760. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1972. 560 s.

Chamberlain L. Lenin's private war: the voyage of the philosophy steamer and the exile of the intelligentsia. N. Y.: St. Martin's Press, 2007. 414 p.

Chinyaeva E. Ruská emigrace v Československu: vývoj ruské pomocné akce // *Slovanský přehled*. 1993. Roč. 79. Č. 1. S. 14–24.

Chinyaeva E. Russian émigrés and Czechoslovak society: uneasy relations // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 2)*. Praha, 1994. S. 46–64.

Chinyaeva E. Russian emigration: in search for identity. (The example of the Russian émigré community in Czechoslovakia) // *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами*. Praha, 1995. T. 1. P. 54–65.

Chinyaeva E. Russians outside Russia: the Émigré Community in Czechoslovakia, 1918–1938. München: R. Oldenbourg Verlag, 2001. 280 s.

Chytil K. Professor Dr. Nikodym Pavlovič Kondakov // *Almanach České akademie věd a umění*. Praha, 1926. Roč. XXXVI. S. 89–105.

Cirac S. Al'fred Ljudvigovič Bem (1886–1945): la géographie intime d'un exil // *Slavica Occitania*. 2013. Vol. 37. P. 261–278.

Cirac S. Les savoirs en réseaux: Al'fred L. Bem et les cercles européens de la slavistique: les traversées d'un émigré russe en Europe centrale // *Les Cahiers Sirice*. 2018. Vol. 21. № 2. P. 25–45.

Cirac S. L'exil russe et la slavistique tchécoslovaque // *Revue des études slaves*. 2023. Vol. XCIV. № 1–2. P. 201–213.

Csíky G. History of mineral exploration in Hungary until 1945 // *History of Mineral Exploration in Hungary until 1945* / Ed. by *G. Csíky*. Budapest: Földtani Intézet, 1989. P. 41–52.

Cox M. E.H. Carr: A Critical Appraisal. L., 2000.

České vysoké učení technické v Praze. 1938–1945. Praha, 1948.

Daniš M. Evgenij Julianovič Perfeckij a jeho podiel na rozvoji slovenskej historickej vedy // *Acta Historica Posoniensia*. 2015. T. XXIX: N.O. Losskij a podiel ruskej inteligencie v emigrácii na rozvoji slovenskej vedy. S. 20–28.

Dmitrieva M. Towards a Transnational History of Russian Culture: The N.P. Kondakov Institute in Prague // *Transcending the Borders of Countries, Languages, and Disciplines in Russian Émigré Culture* / Ed. by *C. Flamm*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018. P. 173–198.

Douki C., Minard P. Global History, Connected Histories: A Shift of Historiographical Scale? // *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine*. 2007. Vol. 5. № 54. P. 7–21

Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939 / Pod red. *L. Běloševské*. Praha, 1999. 351 s.

Efmertová M. K vývoji české elektrotechniky od druhé poloviny 19. století do roku 1945. Praha, 1997.

Emigrace z Ruska v meziválečném Československu: prameny v českých, moravských a slezských archivech / Sest. *V. Podaný* a *H. Barvíková*. Praha: Archiv Akademie věd České republiky, 2000. 490 s.

Florovskij A.V. La littérature historique russe émigration. Compte-rendu 1921–1926. // Bulletin d'Information des Sciences Historiques en Europe Orientale. Varsovie, 1928. T. I/1/2. P. 81–121.

Fischer G. The Russian Archive in Prague // The American Slavic and East European Review. 1949. Vol. 8. № 4. P. 289–295.

Florovskij A.V. La littérature historique russe émigration. Compte-rendu 1927–1929 // Bulletin d'Information des Sciences Historiques en Europe Orientale. Varsovie, 1930. T. III/1/2. P. 25–79.

Fodac F. Le premier Congrès international d'études byzantines (Bucarest, 14–20 avril 1924): Prémisses et contexte historique d'organisation // Études byzantines et post-byzantines. Bucarest, 2006. T. V. P. 509–522.

Foletti I. Nikodim Kondakov et Prague: Comment l'émigration change l'histoire (de l'art) // Opuscula historiae artium. Brno, 2014. Vol. 63. № 1–2. P. 2–11.

Foletti I. Nikodim Kondakov, Russia and Czechoslovakia. Byzantine Studies, the Link between East and West. Online // From Kondakov to Hans Belting Library: Emigration and Byzantium – Bridges etween Worlds / Ed. by *I. Foletti, F. Lovino, V. Tvrzníková.* Roma: Viella, 2018. P. 18–37.

Foletti I. Russian Inputs in Czechoslovakia: When Art History meets History. The Institutum Kondakovianum during the Nazi Occupation // Inventing Medieval Czechoslovakia 1918–1968: Between Slavs, Germans, and Totalitarian Regimes / Ed. by *I. Foletti* and *A. Palladino.* Roma: Viella, 2019. P. 63–92.

Foletti I. After Kondakov: the Heritage of Russian Emigration in the Czech Lands // Convivium: Exchanges and Interactions in the Arts of Medieval Europe, Byzantium, and the Mediterranean. 2020. Vol. 7. № 1. P. 10–29.

Foletti I., Palladino A. Nomadic arts in emigration: Russian diaspora, Czechoslovakia, and the broken dream of a borderless Europe (1918–45) // Journal of Art Historiography. 2021. Vol. 25. № 2. P. 1–13.

Franc M. Úderná skupina?: výprava českých lékařů a přírodovědců do SSSR v roce 1950 ve světle dopisů Ivana Málka. Praha, 2009. 143 s.

Franc M. a kol. Habitus českých vědců 1918–1968: příklad dvou generací. Praha: Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky, 2021. 510 s.

Gapanovich J.J. Russian Historiography outside Russia: An Introduction to the Study. Peiping: Fada Printing and Publishing Co, 1935. 188 p.

Goněc V. Ruská filosofická emigrace v Československu // Slovansky přehled. 1993. Roč. 79. Č. 1. S. 38–44.

Grecula P. a kol. História geológie na Slovensku. Zväzok 2. Bratislava: Štátny geologický ústav D. Štúra, 2006. 942 s.

Haar I. Historiker im Nationalsozialismus. Deutsche Geschichtswissenschaft und der «Volkstumskampf» im Osten. Göttingen, 2000.

Háber M. Významné životné jubileum RNDr. Galiny Andrusovovej-Vlčekovej, CSc. // Mineralia Slovaca. 1998. T. 30. № 2. S. 10–11.

Halperin C. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // Slavic Review. 1982. Vol. 41. № 3. P. 477–493.

Halperin C. Russia and the steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1985. Bd. 36. P. 55–194.

Harbuľová L. Osobnosti ruskej emigrantskej komunity v medzivojnových Košiciach // Annales historici Presovienses. 2007. T. 7. S. 265–271.

Harbuľová L. Ruské spolky na Slovensku v medzivojnovom období // Slovanský přehled. 1993. Roč. 79. Č. 2. S. 160–169.

Harbuľová L. Pobyt ruských študentov na slovenských stredných a vysokých školách // Slovanské historické studie. 1998. Roč. 24. S. 103–116;

Harbuľová L. Ruskí slavisti-emigranti a medzivojnové Slovensko // Slovanské štúdie. 1998. Č. 1. S. 44–50.

Harbuľová L. Ruská emigrácia a Slovensko: (pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939). Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2001. 235 s.

Harbuľová L. Az orosz politikai emigránsok életkörülményei és tevékenysége Szlovákiában (1920–1945) // Az Osztrák–Magyar Monarchia és a tör-

ténelmi Magyarország összeomlása 1918-ban: Konfliktusok és megoldási kísérletek / Szerk. *R. Barta, R. Kerepeszki, Z.Á. Pintér*. Debrecen, 2019.

Harbul'ová L. Politická emigrácia z Ruska v medzivojnovom Československu ako predmet výskumu časkej a slovenskej historiografie (1990–2020) // Aktuální otázky výzkumu dějin a kultury východní Evropy. Praha: Historický ústav, 2023. S. 115–143.

Harmatta J. Byzantium and the Ancient Hungarians: The LifeWork of Gyula Moravcsik // Byzance et ses voisins: Mélanges à la mémoire de Gyula Moravcsik à l'occasion du centième anniversaire de sa naissance. Szeged: Generalia, 1994. P. 7–8.

Hašková D. Ruská emigrantská kultura a humanitní vědy v meziválečném Československu: oblasti odborné vzájemné spolupráce // Slavia: časopis pro slovanskou filologii. 2010. Roč. 79. Č. 2. S. 266–268.

Haškova D. Emigrantská technická intelligence v Československu // Příběhy exilu: Osudy exulantů z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu. Praha: Památník národního písemnictví, 2018. S. 180–191.

Haškova D. Akce Konstruktor: ruský šéfkonstruktor ČKD Alexej Surin // Nesvoboda, despotie a totalitarismus v kultuře a kulturních dějinách. Praha: Česká společnost pro slavistická, balkanistická a byzantologická studia, z.s.: Historický ústav AV ČR, v.v.i.: Slovanský ústav AV ČR, v.v.i., 2021. S. 443–464.

Havlíková L. Česká byzantologie a Slovanský ústav // Slavia: časopis pro slovanskou filologii. 1999. Roč. 68. Č. 3–4. S. 442–451.

Hermann T., Kleisner K. Der russische Zoologe Michail Michailovitsch Novikov (1876–1965) als Emigrant und theoretischer Biologe // Wissenschaft im Exil. Die Tschechoslowakei als Kreuzweg 1918–1989 / Hrsg. *A. Kostlán, A. Velková*. Praha, 2004. S. 222–241.

Hermann T., Kleisner K. Biolog Michail M. Novikov (1876–1965): kapitola z dějin ruské vědy v emigraci // Český časopis historický. 2005. Roč. 103. Č. 2. S. 313–353.

Hermann T., Kleisner K. The Five «Homes» of Zoologist Mikhail M. Novikov (1876–1965). Analogy and Adaptation in One's Life and as a Principle of Biological Investigation // *Jahrbuch für Europäische Wissenschaftskultur*. 2005. № 1. S. 87–130.

History of Hydrogeology / Ed. by *E. Howden, J. Mather*. New York, 2013.

Hochman L. K sedmdesátým narozeninám Prof. Ing. Borise Kostomarovova // *Acta Universitatis Agriculturae. Facultas Agronomica*. 1967. Roč. XV. Č. 2. S. 185–188.

Hoffmannová J. Institucionální zázemí humanitních a sociálních věd v českých zemích v letech 1848–1952. Praha, 2009.

Honcová J. Výzkumný ústav zemědělské ekonomiky v letech 1951–1968 // *Paginae historiae: sborník Národního archivu*. Sv. 16. Praha, 2008.

Hrochová V. Les etudes Byzantines en Tchécoslovaquie // *Balkan Studies. Thessaloniki*, 1972. Vol 13. № 2.

Hrochová V. Činnost Institutu N.P. Kondakova v Praze a jeho mezinárodní význam // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 3)*. Praha, 1995. S. 32–41.

Hruban K. Akademik Zdeněk Bažant // *Acta Polytechnica*. 1969. T. VI. № 1.

Hughes-Warrington M. Fifty Key Thinkers on History. L. – N.Y., 2000.

Hultsch A. Ein Russe in der Tschechoslowakei: Leben und Werk des Publizisten Valerij S. Vilinskij (1901–1955). Köln – Weimar: Böhlau Verlag, 2011. 432 s.

Huntington W.C. The Homesick Million: Russia-out-of-Russia. Boston: The Stratford Co., 1933. 307 p.

Ignjatović A. Affecting Consonance, Striving for Dominance: Scholarship and Politics at the Congresses of Byzantine Studies in the Balkans, 1924–1934 // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2018. Vol. 21. № 6. P. 696–715.

Instituce a osobnosti ruské meziválečné emigrace v Československu / Vyp. *H. Nykl*. Praha: Univerzita Karlova, nakladatelství Karolinum, 2021. 194 s.

James S. Strange Meeting at Salihiyeh: Who Discovered (or Encountered, or Identified, or Invented) Dura-Europos, and When? // *Electrum*. 2022. Vol. 29. P. 301–328.

Janko J. Nástup mičurinské biologie v českých zemích // *Věda v Československu v letech 1945–1953*. Praha: Karolinum, 1999. S. 447–457.

Janko J. Vědy o životě v Českých zemích, 1750–1950. Praha: Archiv Akademie věd České republiky, 1997. 612 s.

Janko J. Hydrobiologie v českých zemích: plod vlastenectví, praktických potřeb anebo součást imanentního vývoje vědeckého poznání? // *Rozpravy Národního technického muzea v Praze*. 2006. Sv. 200. S. 123–127.

Järvelaid P. Eesti õigusteaduse ja õigushariduse ajalugu. Tallinn: Argo, 2015. 272 l.

Juhász E. A budapesti nemzetközi bizantinológiai kongresszus története // *Antik Tanulmányok*. 2024. 68. Kötet. 1. Szám. 23–45. old.

Kettner R. Geologické vědy na vysokých školách pražských. Praha: Universita Karlova v Praze, 1967. 196 s.

Kioussopoulou T. La délégation grecque au IIe Congrès international des études byzantines (Belgrade, 1927) // *Héritages de Byzance en Europe du Sud-Est à l'époque moderne et contemporaine / Éd. par O. Delouis et al.* Athènes: École française d'Athènes, 2013. P. 403–411.

Kitcher P. Reviving the Sociology of Science // *Philosophy of Sciences*. 2000. Vol. 67. P. 33–44.

Kizevetter A. Histoire de Russie: Travaux des savants russes émigrés (1918–1928) // *Revue Historique*. Paris, 1930. T. 143. № 1. P. 160–183.

Kopecká L. Archeologický institut N.P. Kondakova 1925–1952: inventář fondu. Praha: Ústav dějin umění AV ČR, 1999. 66 s.

Kopecká L., Dandová M. Nikodim Pavlovič Kondakov. Praha: Literární archiv Památníku národního písemnictví, 1995. 23 s.

Kopřivová A. Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952). Praha: Národní knihovna ČR, Slovanska knihovná, 2001. 113 s.

Kotov V., Laurinavichyute V., Kazyrevič A. Natives of the Russian Empire in the laboratory of Jaroslav Heyrovský // ChemTexts. 2022. Vol. 8. № 21. DOI: 10.1007/s40828-022-00171-4

Kovalev M.V., Afiani V.Yu. Archivní dědictví Antonije Florovského: o historii formování a perspektivách studia // Slovanský přehled. 2019. Roč. 105. Č. 1. S. 97–104.

Kovalev M.V. Francis Balodis in Saratov (1918–1924) // Arheoloģija un Etnogrāfija. T. XXIV. Rīga, 2010.

Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Praha: Slovan. úst. AV ČR, 2000. T. I: 1919–1929. 368 s.; 2001. T. II: 1930–1939. 639 s.

Kubačák A. Ministerstvo zemědělství v letech 1918–1948: osudy úřadu a jeho ministrů. Praha, 2005

Kubů E., Šouša J. Sen o slovanské agrární spolupráci // Agrární strany ve vládních a samosprávných strukturách mezi světovými válkami / Ed. B. Rašticová. Uherské Hradiště: Slovákcké muzeum, 2008. S. 35–42.

Laptěvová L.P. V.A. Francev a jeho koncepce rusko-české vzájemnosti // Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et Historica. 1964. № 3.

Ledré C. Les émigrés russes en France: ce qu'ils sont, ce qu'ils font, ce qu'ils pensent. Paris: Éditions Spes, 1930. 287 p.

Lorencová A. Historie Státního radiologického ústavu od jeho založení v roce 1919 do roku 1959 // Státní radiologický ústav v Praze: Historie a transformace / Usp. I. Lorencová a L. Žilka. Praha, 2022.

Lovino F. Seminarium Kondakovianum/Byzantinoslavica: A Comparison // From Nikodim Kondakov to the Hans Belting Library: Byzantine Studies as a Bridge Between the Worlds / Eds. I. Foletti, F. Lovino, V. Tvrzníková. Brno – Roma: Masarykova univerzita; Viella, 2018. P. 38–55.

Lovino F. Constructing the Past through the Present: The Eurasian View of Byzantium in the Pages of Seminarium Kondakovianum // Trends and Turning

Points: Constructing the Late Antique and Byzantine World / Ed. by *M. Kinloch* and *A. MacFarlane*. Leiden – Boston: Brill, 2019. P. 14 P. 14–28.

Mach J. The Russian People's/Free University in Prague 1923–1945 // Prague Perspectives (I): The History of East Central Europe and Russia. Prague, 2004.

Mach J. Aleksandr Aleksandrovič Kizevetter a jeho pražské období // Slovanské historické studie. Sv. 31. Praha, 2006. S. 49–99.

Mach J. Ruské kulturní a historické muzeum v Praze // Z dějin visehradského prostoru: Richardu Pražákovi k pětasedmdesátinám. Brno: Masarykova univerzita v Brně, 2006. S. 209–223.

Mach J. Komentář a dokumenty k dějinám Ruské vědecké společnosti badatelské při Ruské svobodné univerzitě v Praze // Slovanský přehled. 2008. Roč. 94. Č. 4. S. 589–602.

Mahel' M. K pětidesiatke Prof. Dr. Dimitrija Andrusova // Práce Štátneho geologického ústavu. Bratislava, 1948. T. 17. S. 3–10.

Malík P., Bačová N., Bahnová N., Bajtoš P., Benková K., Bodiš D., Bottlik F., Černák R., Gregor M., Kordík J., Kováčová E., Lenhardtová E., Marcin D., Michalko J., Mikita S., Pažická A., Slaninka I., Švasta J. Základné hydrogeologické mapy Slovenskej republiky // Geologické práce. 2015. Správy 125. S. 55–70.

Masová B. Věda a nemocniční praxe v předmnichovském Československu // Studie a články k dějinám vědy a vědeckých institucí. Praha, 2002.

Maufroy S. Les premiers congrès internationaux des études byzantines: entre nationalisme scientifique et construction internationale d'une discipline // Revue germanique internationale. 2010. Vol. 12. P. 229–240.

Mikovcová A. Podíl Vysoké školy zemědělské v Brně na rozvoji zemědělského pokroku v meziválečném Československu // Zemědělské školství, výzkum a osvěta jako předpoklad hospodářského a sociálního rozvoje venkova v 19. a 20. století. Uherské Hradiště, 2004.

Mikovcová A. Russische und ukrainische Wissenschaft an der Hochschule für Landwirtschaft in Brünn // Wissenschaft im Exil. Die Tschechoslowakei als Kreuzweg 1918–1989 / Hrsg. *A. Kostlán, A. Velková.* Praha, 2004. S. 180–221.

Morkes F. Zákony o vysokých školách z let 1948–1989 // Pedagogika: Časopis pro vědy o vzdělávání a výchově. 1999. Roč. XLIX. № 2. S. 115–127.

Mýtus a realita hospodářské vyspělosti Československa mezi světovými válkami / Příp. kol. autorů za red. *E. Kubů a J. Pátka.* Praha, 2000.

Nikišim F.F. 15 let vědecké činnosti ruských učenců v ČSR // Записки Русского научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете. 1938. Т. VIII (XIII). № 52. С. 53–54.

Novikov M.M. Organizační činnost ruských učenců v ČSR // Записки Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета. Прага, 1938. Т. VIII (XIII). № 51. С. 47–52.

Nykl H. Odras filosofické tvorby T.G. Masaryka u ruských exilových filosofů v meziválečném Československu: (věnováno 70. výročí úmrtí prvního československého prezidenta) // Slavia: časopis pro slovanskou filologii. 2018. Roč. 87. Č. 1–3. S. 263–280.

Nykl H. Russian Émigré Philosopher Andrei Pavlov and His Concept of T. G. Masaryk // Slovanský přehled. 2020. Roč. 106. Č. 3. S. 587–607.

Obolevitch T. Mikołaj Łoski: powrót do Polski Polskie badania ilozooi rosyjskiej. Przewodnik po literaturze. Część druga / Pod red. nauk. *L. Kiejzika i J. Uglika.* Warsaw: Wydawnictwo IFiS PAN Publ., 2012. P. 247–257.

Olšáková D. Věda jde k lidu!: československá společnost pro šíření politických a vědeckých znalostí a popularizace věd v Československu ve 20. století. Praha: Academia, 2014. 678 s.

Orel V. Jaroslav Kříženecký (1896–1964), Tragic Victim of Lysenkoism in Czechoslovakia // Quarterly Review of Biology. 1992. Vol. 67. № 4.

Orel V. Historický výzkum při obnovování genetiky v Brně po roce 1948 // Dějiny věd a techniky. 2005. Roč. XXXVIII. № 1. S. 31–54.

Ousterhout R.G. John Henry Haynes: A Photographer and Archaeologist in the Ottoman Empire 1881–1900. Istanbul: Kayık Yayıncılık, 2011. 148 p.

Paradowski R. Metodologiczne i metafizyczne problemy eurazjatyckiej kulturologii // Emigracja rosyjska: Losy i idee. Łódź, 2002. S. 47–58.

Petráš M., Petrášová D. Prínos Prof. Dr. Ing. Gregora Chomkoviča pre rozvoj zootechniky na Slovensku // Agrikultúra. 1985. Sv. 20. S. 143–166.

Pickova D. Antonij Vasiljevič Florovskij, historik-emigrant // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 1). Praha, 1993. S. 63–67.

Podhradský J. Prof. Dr. Boris Kostomarov šedesátníkem // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae. Řada A. 1957. Č. 3. S. 375–378.

Pokorná M. Zahraniční kontakty České akademie věd a umění // Česká akademie věd a umění. 1891–1991. Praha, 1993.

Pokorná M. Královská česká společnost nauk – její místo ve státě, v národě a ve veřejnosti // Učená společnost České republiky 1994–2004 / Usp. F. Šmahel. Praha, 2004. S. 41–51.

Pokorný J. Čeští inženýři 1867–1939 // Profesionalizace akademických povolání v českých zemích v 19. a první polovině 20. století. Praha, 1996.

Pospíšil I. Rodina Vilinských v Československu: Valerij Vilinskij k některým jevům české literatury // Slavica litteraria. 2017. Roč. 20. Č. 2. S. 39–47.

Pospíšil I. Ruský emigrant se dívá na meziválečné Československo a československý vztah // Český a slovenský kulturní a politický prostor (vzájemnost – nevzájemnost, vstřícnost – rezistence, ústup – expanze) / Vyp. I. Pospíšil; výk. red. L. Paučová. Brno: Česká asociace slavistů, Jan Sojnek, Galium, 2017. S. 151–161.

Potulnytskyi V.A The Image of Ukraine and the Ukrainians in Russian Political Thought (1860–1945) // Acta Slavica Iaponica. 1998. № 16. P. 1 – 29.

Příběhy exilu: Osudy exulantů z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu / Sest. J. Hauser a V. Velemanova. Praha: Památník národního písemnictví, 2018. 335 s.

Pulec J., Kalendovská J. Akční výbory a poučovací studentská očista na Masarykově univerzitě // *Universitas: Revue Masarykovy univerzity v Brně*. 1996. Roč. 29. № 4. S. 32–38.

Pulec J., Kalendovská J. Poválečná zaměstnanecká očista na Masarykově univerzitě // *Universitas: Revue Masarykovy univerzity v Brně*. 1996. Roč. 29. № 2. S. 38–45.

Putna M., Zdražilová M. Rusko mimo Rusko: dějiny a kultura ruské emigrace 1917–1991. Brno: Petrov, 1993. Sv. 1. 200 s., 1994. Sv. 2. 302 s.

Rabinow P. Making PCR: A Story of Biotechnology. Chicago: University of Chicago Press, 1996. 190 p.

Raeff M. Introduction // *Les historiens de l'émigration russe*. Paris, 2003. P. 7–17.

Raeff M. Recent Perspectives on the History of the Russian Emigration (1920–1940) // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. № 2. P. 319–334.

Řeháková M., Vacek J., Rachůnková Z. Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945. Praha: Národní knihovna České republiky, 1996. Sv. 1–3.

Rhineland L.H. Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // *Canadian Slavonic Papers*. 1974. Vol. 16. № 3. P. 331–352.

Riasanovsky N. Prince N.S. Trubetskoy's «Europe and Mankind» // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1964. Bd. 12. № 2. S. 207–220.

Riasanovsky N. The Emergence of Eurasianism // *California Slavic Studies*. 1967. Vol. 4. P. 39–72.

Righi G. Konstantin Gavrilov (27.7.1908–25.11.1982) // *Revista Brasileira de Zoologia*. 1983. Vol. 2. № 3. P. 181–186.

Riha T. Russian Émigré Scholars in Prague after World War I // *The Slavic and East European Journal*. 1958. Vol. 2. № 1. P. 22–26.

Rimscha H. von. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917–1921. Jena: Verlag der Frommannschen Buchhandlung (Walter Biedermann), 1924. 170 s.

Rimscha H. von. Russland jenseits der Grenzen 1924–1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena: Frommann, 1927. 238 s.

Ruská a ukrajinská emigrace v Československé republice 1918–1938: přehled archivních fondů a sbírek uložených v České republice / Sest. V. Podaný, H. Barvíková a kol. Praha: Archiv Akademie věd České republiky, 1995. 106 s.

Ruská a ukrajinská emigrácia na Východnom Slovensku v rokoch 1919–1945 / Eds. L. Harbuľová, M. Nachajová, L. Babotová. Prešov: Štátna vedecká knižnica v Prešove, 2006. 197 s.

Rychlík J., Rychlíková M. Jiří Horák jako diplomat // Slavista Jiří Horák v kontexte literatury a folklóru / Vyp. H. Hlášková. Brno – Bratislava: Česká asociace slavistů; Slavistická společnost Franka Wollmana v Brne; Katedra etnológie a kulturnej antropológie FiF UK, 2012. Sv. 1. S. 93–112.

Savický I. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914–1938. Praha Academia, 1999. 271 s.

Scholz F. Glazunov's electrography – the first electrochemical imaging and the first solid-state electroanalysis // Journal of Solid State Electrochemistry. 2021. Vol. 25. № 12. P. 2709.

Scott Berg A. Lindbergh. N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1998. 628 p.

Scott R.T. Frank Edward Brown, 1908–1988 // American Journal of Archaeology. 1988. Vol. 92. № 4. P. 577–579.

Sedláček J. Vávra J. Pro zemi milovanou: z bojů o československo-sovětské přátelství. Praha: Svět Sovětů, 1960. S. 311. 414 s.

Seres A. Magyar «régészeti delegátus» Moszkvában a két világháború között. Levéltári források Fettich Nándor 1935. évi szovjet kutatóútjának tanulmányozásához 1935–1937 // Limes. 2012. T. XXV. 37–63. old.

Sládek Z. O studiu československo-sovětských vztahů v meziválečném období // Československý časopis historický. 1965. Roč. 63. Č. 1. S. 99–109.

Sládek Z. Karel Kramář a Rusko v roce 1919 // Slovancké historické studie. Sv. 9. Praha, 1972. S. 145–197.

Sládek Z. Jan Slavík a jeho dějiny ruské revoluce // Slovancký přehled. 1990. Roč. 76. Č. 1. S. 170–176.

Sládek Z. Ruská emigrace v Československu // Slovancký přehled. 1993. Roč. 79. Č. 1. S. 1–13.

Sládek Z. O ruské pomocné akci tentokrát polemicky // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918 – 1945 (Sborník studií – 3). Praha, 1995. S. 20–25.

Sládek Z. České prostředí a ruská emigrace // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939. Praha, 1999. S. 7–46.

Sládek Z. Slovanství a rusofilství v politice první republiky // K úloze Slovanů v historii a současnosti: kolokvium u příležitosti 150. výročí Slovanckého sjezdu v Praze: Emauzy – klášter na Slovanech 29. května 1998, Praha. Praha, 1998. S. 48–52.

Smith R.E.F. A Novelty: Russian at Birmingham University, 1917–67. Birmingham, 1987.

Soupis pramenů k dějinám národů Ruska, Ukrajiny a Běloruska do roku 1945 z archivů České republiky. Díl I: Státní ústřední archiv / Úvodní studii napsal *V. Veber*; úvod napsal *P. Rafaj*; závěrečnou redakci soupisu provedl a rejstřík sestavil za odborné spolupráce *J. Vacka* a *L. Babka*. Praha, 2002.

Soupis pramenů k dějinám národů Ruska, Ukrajiny a Běloruska do roku 1945 z archivů České republiky. Díl II: Archivy Středočeského kraje a Archiv Hlavního města Prahy / Úvod napsal *P. Rafaj*; závěrečnou redakci soupisu provedl a rejstřík sestavil za odborné spolupráce *J. Vacka* a *L. Babka*. Praha, 2003.

Soupis pramenů k dějinám Ruska, Ukrajiny a Běloruska do roku 1945 z archivů České republiky. Díl III: Archivy Jihočeského kraje / Úvod napsal

P. Rafaj; závěrečnou redakci soupisu provedla a rejstřík sestavila za odborné spolupráce *J. Vacka* a *H. Svobodová*. Praha, 2004.

Spurný P. 60 let specializační výuky rybářství na mžlu v Brně // 60 let výuky rybářské specializace na Mendelově zemědělské a lesnické univerzitě v Brně: Sborník referátů z konference s mezinárodní účastí konané v Brně 2. a 3. prosince 2009. Brno, 2009. S. 6–11.

Starmach K. Notatka o profesorze T. Spiczakowie Katedrze Ictiobiologii i Rybactwa UJ oraz Rybackiej Stacji Doświadczałnej UJ w Mydlnikach // *Analecta: Studia i Materiały z Dziejów Nauki*. 1997. T. VI. № 2. S. 199–203.

Stellner F. Rusko a střední Evropa v 18. století. Praha, 2009. I. Díl.; 2012. II. Díl.

Šaur J. A.V. Florovskij (1884–1968) // *Slovanský přehled*. 2005. Roč. 91. Č. 1. S. 131–146.

Šaur J. Antonij Vasiljevič Florovskij a jeho pojetí česko-ruských kulturních vztahů 10.–18. Století // *Historie 2004: celostátní studentská vědecká conference*. Brno: Masarykova univerzita v Brně, 2005. S. 154–171.

Šaur J. K česko-ruské vztahové problematice (Florovského pojetí česko-ruských kulturních vztahů v 10.–18. století) // *Dialog kultur III. Ústí nad Orlicí*, 2005. S. 247–253.

Šaur J. K nosným tradicím české historické rusistiky – A.V. Florovskij a J. Macůrek // *Nosné traduce české slavistiky*. Brno, 2012. S. 219–228.

Šimeček Z. Ruští a ukrajinští slavisté v meziválečném Československu // *Slovansky přehled*. 1993. Roč. 79. Č. 1. S. 25–37.

Šimůnek M.V., Hossfeld U. Trofim D. Lysenko in Prague 1960: A Historical Note // *Историко-биологические исследования*. 2013. T. 5. № 2. С. 84–88.

Šimůnek M. Eugenics, Social Genetics and Racial Hygiene: Plans for the Scientific Regulation of Human Heredity in the Czech Lands, 1900–1925 // *Blood and Homeland: Eugenics and Racial Nationalism in Central and Southeast Europe, 1900–1940*. Budapest, 2007. P. 145–166.

Štrbáňová S. Patriotism, Nationalism and Internationalism in Czech Science: Chemists in the Czech National Revival // The Nationalization of Scientific Knowledge in the Habsburg Empire (1848–1918) / Ed. by *M.G. Ash, J. Surman*. Basingstoke, 2012. P. 138–156.

Štrbáňová S. Nationalism and the Process of Reception and Appropriation of the Periodic System in Europe and the Czech Lands // Early Responses to the Periodic System / Ed. by *M. Kaji, H. Kragh, G. Palló*. Oxford, 2015.

Švankmajer M. Prof. dr. A.V. Florovskij (1884–1968) // Slovanský přehled. 1968. Roč. 54. Č. 4. S. 323.

Syllaba T. V.A. Francev. Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledom jeho činnosti. Praha: Státní knihovna ČSR : Slovanská knihovna, 1977. 130 s.

Tejchmanová S. Ekonomický kabinet S.N. Prokopoviče v Praze // Slovanský přehled. 1993. Roč. 79. Č. 1. S. 55–62.

Tejchmanová S. Politická činnost ruské a ujrainské emigrace v Československu v letech 1920 – 1939 // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 1). Praha, 1993. S. 3–19.

Tejchmanová S. Rusko v Československu: (Bílá emigrace v ČSR 1917–1939.). Praha – Jinočany: H & H, 1993. 59 s.

Tejchmanová S. Ruská lidová (svobodná) univerzita v Praze // Slovanský přehled. 1994. Roč. 80. Č. 2. S. 147–153.

Těšínská E. Vznik Masarykovy akademie práce: technokratické tendence a účast přírodovědců / Usp. *J. Janko* a *E. Těšínská*. Technokracie v českých zemích (1900–1950). Praha, 1999. S. 103–134

Vacek J. Emigrace ze SSSR v meziválečném Československu: katalog výstavy z fondů Slovanské knihovny. Praha: Národní knihovna, 1991. 63 s.

Vacek J. Interakce ruské a ukrajinské emigrace s českou a slovenskou vědou a kulturou v letech 1919–1945 // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 2). Praha, 1994. S. 1–40.

Vacek J. Knihy a knihovny, archívy a muzea ruské emigrace v Praze // Slovanský přehled. 1993. Roč. 79. Č. 3. S. 63–74.

Vacek J. Rok 1926 v historii SSSR a v životě emigrant // Střední a východní Evropa v krizi 20. století: k 70. narozeninám Zdeňka Sládka. Praha: Karolinum, 1998. S. 69–76.

Vaculík J. A Historian of Czech-Polish Relations Zdeněk Hájek (1894–1958) // Czech-Polish Historical and Pedagogical Journal. 2017. Vol. 9. № 1. P. 3–6.

Veber V. Dny ruské kultury // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 2). Praha, 1994. S. 90–93.

Veber V. Strana eserů v moderních ruských dějinách a v Praze // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií – 1). Praha, 1993. S. 20–31.

Vinařová M. Jevgenij Alexandrovič Ljackij. Praha, 1976. 69 s.

Vlček R. Rusko v politických koncepcích T.G. Masaryka a K. Kramáře (80. léta 19. století – 1918/19) // České země a moderní dějiny Evropy: Studie k dějinám 19. a 20. století. Praha, 2010. S. 59–74.

Vorderstrasse T. Roman Textiles and Heritage in Syria // Cultural Heritage Care and Management: Theory and Practice / Ed. by *C.L. Salvatore*. Lanham: Rowman and Littlefield, 2018. P. 71–82.

Vyskočil A. Prvorepublikové hydrobiologické stanice aneb Počátky vědeckého výzkumu ryb na Moravě // Vodohospodářské technicko-ekonomické informace. 2019. Roč. 61. Č. 5. S. 6–11.

Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. 2006. Vol. 45. P. 30–50.

Williams R.C. Culture in Exile: Russian Emigrés in Germany, 1881–1941. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1972. 404 p.

Z historie exilu: Emigrace z území bývalého Ruského imperia v meziválečném Československu / Sest. *M. Kuthanová*. Praha: Památník národního písemnictví, 2019. 176 s.

Zákon ze dne 18. května 1950 o vysokých školách // Sbírka zákonů republiky Československé. 1950. Č. 27. 3. června. S. 114–120.

Záruba-Pfefferman Q., Andrusov D. Geologické poměry území projektované dráhy Banská Bystrica – Diviaky // Zprávy železničních inženýrů. 1937. Roč. XIV. Č. 9. S. 160–163; Č. 11. S. 193–196.

Zástěrová B. Za prof. V.A. Florovským // Československý časopis historický. 1968. Roč. 66. Č. 4. S. 639–640.

Zelenka M. Die russische Emigration im Kontext der tschechischen Literaturwissenschaft der Zwischenkriegszeit Jevgenij Ljackij kontra Roman Jakobson // Wissenschaft im Exil. Die Tschechoslowakei als Kreuzweg 1918–1989 / Hrsg. A. Kostlán, A. Velková. Praha, 2004. S. 262–288.

Zkušenost exilu: Osudy exulantů z území bývalého Ruskeho imperia v meziválečném Československu / Sest. J. Hauser. Praha, 2017. 304 s.